

Вениг Дубов

Я Д Е Р Н Ы Й

Вальс

Глава 1

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Демид Дубов
Ядерный вальс.
Полдень. Акты 1 и 2

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69827446
SelfPub; 2023*

Аннотация

Мир меняется. И готовится что-то крупное. Политические силы набирают обороты, и уже, кажется, никто не может ожидать, чем закончится та или иная авантюра, чем закончится нагнетание на Каспии, чем закончится Берлинской кризис и постоянное давление Запада на Восток. В этом мире уже нет ничего однозначного, под толстым слоем пепла с двойного дна скрывается третье, располосованное фантомными линиями новых границ. В мире стало слишком тесно от всемогущего оружия и от людей, что считают, что его следует применять. Эта история о непокорности течению лихого времени, о человеколюбии, до которого придется пройти через настоящие мировые боины, о героях, что противостоят злодеям и озлобленному миру, желая тем, кто населяет его, только процветания. История о тех, кто выдерживает темп сумасшедшего ядерного вальса.

Демид Дубов

Ядерный вальс.

Полдень. Акты 1 и 2

Глава 1. «Полдень»

Акт 1. «Последние причины и первые последствия»

Весна, 20... год. На черном столе был раскрытый ноутбук.

Переписка:

SelezneVa: Ну что? Ты уже все посмотрела?

Roter_sand: Посмотрела, но вообще ни черта не понятно.

Ты что думаешь?

SelezneVa: Как тебе сказать... Как в том фильме: «Мы в дерьме!». Данные рознятся кардинально, я действительно уже мало что понимаю.

Roter_sand: Документы ведь должны быть достоверными. Мне кажется начальство уже совсем попутало все возможные берега и просто делает вид, что работает.

Selezne Va: *Поверь, нет ничего достоверного. Только то, что мы можем считать достоверным. Как смогу, передам тебе некоторые снимки. Среди них много интересного.*

Roter_sand: *Еще 100500 снимков? У меня от них скоро голова треснет. Они не дают почти ничего, только выедают мозг. Ты ведь знаешь, они не снимают танки с платформ. Даже тенты не снимают.*

Selezne Va: *... У меня есть кое-что для тебя.*

Пришел видеодокумент. Два щелчка мышью и по экрану уже передвигались нескончаемые колонны свежеекрашенной военной техники. Танки, ракеты, зенитные и противокорабельные комплексы в пусковых контейнерах. Ни одного тента, ни одного маскировочного колпака. Затем вагоны с солдатами, десятки и сотни вагонов с солдатами. Один из загорелых и бородатых военных рвал российский стяг.

Selezne Va: *Ну как, ты удивлена?*

Roter_sand: *Это может быть дезой?*

Selezne Va: *Нет. Не может быть. Это снято последним нашим полевым агентом там. Ты же знаешь, для разведки сейчас надо только успеть спутник навести и нажать пару клавиш. Снималось около Каспийского моря. 140 километров от Дербента.*

Roter_sand: *Жаль ты не видишь моего лица сейчас...*

Selezne Va: *Я его прекрасно представляю.*

Roter_sand: *Значит, война скоро начнется. Они никогда не снимали тенты с техники. Мы охотимся за этими эше-*

лонами несколько месяцев. И только теперь увидели, что на них находится. Не думала, что доживу до новой войны.

SelezneVa: Я боюсь, что мы дожили до Третьей Мировой... Объясню все потом. Пока мало доказательств. 50/50.

Roter_sand: Мы должны предупредить удар.

SelezneVa: Удар все равно будет. Его уже не предупредить. Мир кипит, и я боюсь, как бы он не вскипел окончательно. В мире десять тысяч ядерных устройств.

Roter_sand: Думаешь, до этого дойдет?

SelezneVa: Только если все зайдет в тупик. А оно зайдет. Честно, я не думаю, что удар на Каспии удастся выдержать.

Roter_sand: Оптимистично, ничего не сказать.

SelezneVa: Реалистично.

Roter_sand: Ладно, понятно. Война опять кому-то выгодна, да?

SelezneVa: Всем, кроме тех, кто будет в ней воевать. Но ничего, мы прорвемся. Да, подруга?

Roter_sand: Конечно. Кто, если не мы...

Ноутбук закрылся, и рука легла на него сверху, слегка пригладив логотип. Зажжённая сигарета оказалась на бортике пепельницы.

Часть 1

Из пепельницы медленно поднимался дым от тлеющей па-

пиросы. В углу на не существующей частоте шумело радио. Помимо него, звуков в комнатухе не было. Дубовая дверь наглухо закрыта на ключ. Нет здесь и окон, в которые могли бы пропускать разнообразные голоса шумной Москвы. В помещении была тьма, и лишь парочка огоньков. Один из них от тлеющей сигареты. Остальные – фосфоресцирующие элементы в наручных часах. Их обладательница, с грузным и тяжелым гулом пододвинула к себе пепельницу. Через нос выдохнув едкий дым, пальцами стряхнула с окурка пепел и снова положила тот на стеклянный бортик.

Документы легли на стол с глухим хлопком. Сбоку зажглась зеленая продолговатая лампа – остатки советской эпохи. Открылась верхняя папка и зашелестели подшитые и пронумерованные секретностью страницы. Простая желтоватая от времени бумага со множеством карт и подписей на тех. Что-то было обведено красными кругами, что-то просто подчеркнуто и подписано. Слова, слова, и еще раз слова. Изредка этот парад из букв на трех языках прерывали числа. Щелкнула ручка, и чернила в виде вязи из кириллицы стали заполнять листки в личном блокноте. А затем этот вальс пера сорвался в быстрое и дикое, с ненавистью ко всему, что оказалось под слоем синей пасты, зачеркивание. Раздался тяжелый выдох, в котором четко было обозначено легкое отчаяние. Мир менялся, и никто не мог разгадать, что же на самом было скрыто в этой папке.

Скрипнул стул, и во мраке раздались шаги. Практиче-

ски невесомые, чтобы не нарушать атмосферу гробовой тишины. Темная, высокая и плечистая фигура приблизилась к шепчущему радио и осторожно покрутила колесико настройки, наконец выставив рабочую волну. Из динамиков раздались надрывные голоса двух человек. Это были какие-то политически дебаты – снова одно и то же.

— ...победа лишь вопрос времени. НАТО не понимает, что для того, чтобы, ха, добраться до Ла-Манша, уйдет неделя. Стойте, вы же бредите?! Нет, это вы бредите, вам кто дал слово? Ваш враг на востоке, Афганистан сейчас намного... Послушайте, кто дал этому человеку слово? Вас нужно запереть! Россия сейчас переживает свои лучшие годы, мы избавимся от влияния иноагентов. Не сегодня, так завтра! Иноагенты... да наше правительство большой иностранный агент... Вы – русофоб! Сколько подлодок сейчас в Черном море? Да при чем тут Черное море, когда спрашивается о народе? Если мы сплотимся... Слушайте, да мы не сплотитесь, нас пожирает череда внутренних противоречий. Вы что, хотите, как в Германии?! Германия, и не объединялась с восемьдесят девятого, она просто поглотила ГДР. И сейчас недовольство восточной части растет... Какая вам разница? Это не Германия, не НАТО, наша страна в первую очередь создана не для противостояния врагам, а для народа. Мы русские или мы не русские?!

— Лучше уж шипение слушать. – раздался достаточно мягкий, спокойный, чуть с хрипотцой голос. – Чертовы уро-

ды...

Железный занавес давно рухнул, но мир и не думал мириться, вопреки всем заявлениям тогдашних лидеров. Пала Берлинская стена, но чего добился Бундестаг? Сейчас он больше похож на поле боя – за влияние там сражаются еще оставшиеся в строю после политических чисток и акций социалисты. Но ведь ФРГ не даст свободу «весси» – это прописная истина! Никому не выгодно, чтобы США, которые уже наметили пару немецких городов, как плацдарм для размещения ядерного вооружения, потеряли те. Вашингтон поставит ногу на горло канцлеру в любом случае. Ведь на этом геополитическом поле есть только один «король», и он далеко не в Европе. Словно с цепными псами на поводках, Америка обращается с другими государствами так, как только она хочет. Был бы Советский Союз... он бы вступился за товарищей. Товарищей по духу, по курсу, по настроениям! Огромная группировка танков и самолётов, ракеты и подлодки, системы противовоздушной и противоракетной обороны, стратегические бомбардировщики – вот она советская Германия! Но куда все это ушло после развала Варшавского блока? Кто бы еще это дословно знал... Танковые орудия и корпуса ракет наверняка давно пошли на металл, электроника продана за чипсы и джинсы. Народ? Загнан в свои дома и не высовывается, когда на улицах объявляются вооруженные до зубов полицаи. Еще немного и немцы точно разделятся пополам. Снова.

Но кто на этот раз будет вводить туда танки помимо американцев? Россия? О, нет, об этом речи не шло с самого начала. Потеряв в заросших полях серп и оставив на остановившихся заводах свой молот, посиневший и побелевший ребенок краснознаменного родителя остался без сил и средств к существованию. Экономическая петля только чудом не затянула его шею в 90-х. Лишь бледная копия, подделка на страну – вот что такое Россия сейчас. Увязшая в практически неприкрытой коррупции страна с армией, флотом и ударной авиацией... С покрытыми плесенью и грибком «хрущевками», бедностью и Божьей помощью. Время круто потрепало все, что создавалось непосильным трудом шестьдесят девять лет, развеяв прах многих промышленных гигантов по ветру либеральных реформ. Но, ведь из башен Москвы-сити не видно других городов – только закат над Кремлем и горящие в его свете алые рассыпающиеся звезды. Для их обитателей Москва и Россия, что-то вроде коробки конфет с красивой оберткой. А внутри нее то, чем можно безнаказанно поживиться. Правительство уповает на свою силу, на единый патриотический, и обязательно русский дух, на солидаризм... Хотя знает, что одна лишь вилка на их обеденном столе сравнима с зарплатой рабочего на заводе. Могучее государство падает на глазах, распиливается, вывозится и уничтожается, закрывается и меняет вывеску. Теперь везде вместо «Труд», «Мир» и «Май» – «покупай» ...

В спорах мировых гигантов рождается уродливый ребе-

нок – мировой геополитический кризис, которого не знали со времен «Холодной Войны». Та закончилась победой для Штатов уже больше двадцати лет назад, по этому поводу даже выдавали медали, но тирания и господство, жажда погреть оружием – остались. Никуда они не денутся... Сплотитесь, вы же русские! Вы же лучше их! Вы хотите как там?! А может как там?! Какие же идиотические формулировки – пропаганда даже не старается. Указывает на врага и говорит: «Бейте его, потому что...». ...Потому что лучше них?

— ... что же вы замышляете? – риторический вопрос промчался по комнате. Женская рука сунула в зубы практически докуренную сигарету, и пока не задымился фильтр, она не отпускала ее. Выдохнув сизый дым в темноту, пальцами задушила бычок в пепельнице. – Нужно больше информации, нужно еще хоть что-то...

Растирая пальцами виски, женщина снова двинулась по комнате. В один момент совсем выключила радио. Присела на край стола и медленно постучала по нему пальцами. Что-то вспомнив, глянула на часы – уже нужно было выходить. Быстро спрятав в стол пепельницу, отлепив на вентиляции заглушки, она разжевала пару мятных жвачек, чтобы перебить запах табака. Для этого же протерла руки спиртовой салфеткой. Сверившись по часам, на ощупь нашла на потолке колпачок от пожарной сигнализации и сняла его. Курить в помещении было запрещено, но без сигарет за те документы можно было и не браться...

Зажегся свет. Во мраке многого не было видно. Кабинет был отделан деревом, хоть и больше походил на какую-то подсобку. Дубовый стол, стулья с резными ножками, пара флагов в углу и обязательный герб, который держался на паре саморезов.

Прищурившись, женщина подошла к столу. Взяла со спинки кресла несколько поношенный, но аккуратный китель с солидными пагонами – генерал-майор. Прошлый владелец помещения, к слову, уехал в неоплачиваемый отпуск в Магадан за коррупцию. Все же Министерство Обороны более или менее старалось искоренять эту дрянь у себя. Когда не осталось ничего, все, на что уповает страна – армия. И ее старались поддерживать, не расхолаживать.

Но новая хозяйка помещения была не из таких. Ее попробуй подкупить! Скорее всего кинет кучу бесполезной для нее бумаги в лицо, так еще и покроет в три короба. С ней было не забаловать. В отличие от большинства выпускников до неприличия «приличных» заведений и сыновей своих родителей, этот «зверь» в погонах прошибал себе путь к золотым звездам на плечах через песок и кровь. Она была там, не выжить, и это оставило свои следы. Уродливый ожог через половину лица, что тянулся от лба до груди – подарок из Афганистана. Только чудом тогда удалось спасти глаза. Была опалена только кожа, и волосы на голове. Но сейчас они густым пучком были завязаны в тугий хвост, с двумя свисающими смольно-черными прядями на лбу. Руки с отличии-

тельным южным загаром осторожно застегнули на талии китель. На шее поправили галстук, который уехал в сторону из-за мрачных раздумий, длившихся последние пару часов. С незавидной частотой та самая проклятая папка ложилась и убиралась со стола, закрывалась и открывалась. И ребус снова не был разгадан.

И снова все бумаги легли в ящик. Мелькнуло название: «Гардезский блок и Социалистический Афганистан».

Как только генерал-майор оказалась вне кабинета, заперев его на ключ, со спины ее окликнули.

— Ульяна Евгеньевна, прошу вас, подождите! – по коридору приближался человек в кителе и фуражке. – Вирхова, постой!

Быстрым шагом, практически перейдя на бег, к ней подошел офицер. Даже не так – генерал! Здесь обычно не было других чинов. Все же это, отделанное белым камнем и красным бархатом крыло, созданное еще в СССР, было не для лейтенантов и майоров. Здесь обитала рыба куда крупнее. Широкие кабинеты, большие окна. Все, что нужно было для дум об обороне и нападении, о том, как еще накачать армию патриотами и не допустить расхолаживания.

— Виктор Валерьевич, я не в настроении слушать вас сейчас. – Ульяна ответила холодно. Пошла по коридору, убрав ключи в карман.

— Даже если я возьму кофе? – генерал взял ее под руку. – Не будь черствой, саудовская принцесса.

— Громов, иди в задницу. — устало бросила она.

Громов был старым кадром. Низенький, относительно рослой Ульяны. Он создавал ощущение блаженного безбородого дедушки, который вот-вот начнет прочитывать религиозные мантры на распев. Но вот внутри этого безобидного, на первый взгляд, мужичка, как будто того выдернули из деревеньки, где-нибудь под Рязанью, было то, что совсем не устраивало Ульяну. Генерал этот был горделив, самовлюблен и корыстен. И только то, что был он отличником академии ракетных войск и артиллерии спасало его от совсем невежливого отношения со стороны Вирховой. Для нее он был идеологическим и моральным врагом. И именно Громову, по не слишком понятному стечению обстоятельств, несколько лет назад был доверен весь российский ядерный щит.

Поддернув Ульяну за руку, чтобы та повернулась, Виктор встал к ней лицом. Двинулся чуть вперед. Та отвлеклась, хотя уже держала открытой стеклянную дверь, чтобы выйти дальше в холл. Громов смотрел ей точно на шрам на шее, ведь Вирхова была около ста восьмидесяти. Как бы ему не хотелось, посмотреть на ее восточное, загорелое и изувеченное шрамом лицо, удавалось не всегда.

— И все же, кофе? — спросил он, поглядев на часы. — У нас есть еще пара минут до того момента, как мы начнем опаздывать. Расскажу пару новостей, а то боюсь в твоей конуре и радио то не берет.

— Если раскошелишься на черный чай с лимоном, то, не

без боли в сердце, я все же тебя, наверное, послушаю. – большим пальцем указала она на небольшой буфет с за дверью, все же проходя дальше в коридор. – Но это только потому, что я не сплю вторые сутки.

Громов медленно прошагал мимо нее, будто удостоверяться, что она сейчас не сорвется с места, чтобы сбежать. В буфете ожидал адъютант в поварском колпаке набекрень. Над ним висело меню с разнообразными названиями и ценниками. А за спиной у солдата стояло несколько великолепных итальянских кофемашин. Виктор долго водил пальцем по воздуху, пытаясь разобраться в меню, и наконец указал:

— Нет, Ульяна Евгеньевна, ты должна попробовать вот это... Это эспresso. Он прямо как ты: крепкий, черный, на него страшно смотреть, но держит в тонусе весь организм. Я попросил включить этот кофе в рацион солдат на мобильных комплексах ядерных ракет, чтобы те не засыпали на пультах, когда держат руку... над красной кнопкой. – он ухмыльнулся, скосившись на нее. – Надо же, уже почти приготовилось?

— Считаешь это смешным? – будто невзначай одернула его та.

— Кофе? Нет, что ты, кофе – это не смешно. Но обычно он бодрит. – пожал плечами тот, протягивая Ульяне пластиковый стаканчик с черной жидкостью. – Знаешь, я разделяю твой интерес к чаю. Все-таки я родился в Советском Союзе и застал тот самый индийский, со слоником на упаковке. Сейчас такого и не делают. Но и в кофе нет ничего страшного.

Ну, если мы исключим срыв поставок в случае войны...

— Шутки твои... – она выкинула стакан в мусорку. – Я хотела чай.

— Ты должна мне четыреста рублей! – поглядел Громов на пущенную в расход жижу. – Я всегда думал, что ты смотришь на вещи объективно, Ульяна. Я всегда надеялся на твое здравомыслие, так может быть не стоит меня подводить и уподобляться этим говорящим головам с телевидения? Ну, брось, кто на нас нападет, какая война? Гражданская? Да ты... – протянул он, отпив свой кофе. Чуть подул, доверительно кивнув. – Это же бред. Я не понимаю, с чего такое взялось? Государство крепко, фундамент вроде, хе-хе, не шатается. Недовольные? Так они будут всегда и при любом режиме и расправляться с ними мы умеем. Мы же русские, как говорится – с нами Бог. Я не хочу тебя оскорблять, все же твой цвет – красный, но подумай, сейчас же у людей больше свобод, больше... м... выбора. Куда пойти, что купить и что посмотреть. Да, недостатки, забастовки и приватизация, но ведь всему этому есть логичное объяснение в виде подстрекателей и паникеров. Простому люду, что работает на заводах, зачем против нас выступать?

— Я не понимаю, к чему ты пытаешься меня склонить? – хмыкнула она, складывая руки на груди. – То, что ты несешь – полнейший бред. Я была советским солдатом и ношу форму сейчас лишь для того, чтобы такие, как ты, окончательно не уничтожили мою Родину.

— Да, ты у нас молодец и умница, Ульяна, без преувеличения главная любимица нашего министра. И главный его советник... — снова пожал плечами он, подув на кофе. — И кабинет ей не нужен, и не спит, не ест, а работает. Да вот только твой век прошел. Ты защищаешь простой мусор, выброшенный на обочину истории. Нет больше СССР, нет ни ГДР, ни Варшавского блока. Все! Народы показали, что единство между ними не приводит ни к чему, кроме тирании одних над другими. И весь этот мусор отбросился сам, как ступени от ракет! Все, чему ты присягала, проиграло джинсам по девятьсот рублей и туалетной бумаге. Тебе жаль Прибалтику? Или ты скорбишь по Грузии, в кампании с которой ты участвовала? Ты ведь русский генерал! Прошлое так и останется прошлым, надо думать, как нам выигрывать в будущем.

— Я родилась в Таджикистане и скорблю по народам и людям, потерявшим все, после распада Советского Союза. Я не хочу больше слушать этот бред. — пошла та по коридору, зацокав ботинками.

— Такие, как ты, Ульяна — динозавры. — кинул Громов в след. — Вы практически все закончились! И ты не представляешь, насколько это хорошо!

— Сунь этот кофе себе в задницу. — фыркнула она, не поворачиваясь.

Она была в настоящем клубке змей — здесь каждый был с идеей, при том обязательно своей. Мешанина из новых и старых кадров не приводила ни к чему хорошему — консен-

сус обычно не находили. Те, кто был офицером еще при советской власти, а таких было больше именно на самом верху, занимали позицию Вирховой: опасались того, что государство не стабильно и может пошатнуться, уже не успев встать на ноги после падения. Они держали бесконтрольно покачивающуюся еще с девяностых годов машину в узде, не давали ей сорваться в пропасть, от которой ее только чудом оттолкнули тогда. Но были и те, кто был против, кто считает, что брякать оружием – хороший тон. А все, что за этим – деревни, села и города – разменная монета, простые склады, где можно достать как солдат, так и рабочую силу. Громов – самый яркий представитель этой части офицерства. Несет все, что выгодно для пропаганды узкого круга правящих элит. Делает все, чтобы его замечали и слушали те, кто понимает патриотизм в самом мерзком смысле – превосходства своего народа над остальным светом.

Пройдя мимо солдат-электриков, что возились с электрическим щитком на отделанной деревянными панелями стенке, Ульяна раскрыла еще одни коридорные двери, выходя к тупику – тут была всего одна дверь. Переговорный зал, где ее уже ждали. С секунду постояв, Вирхова обернулась на электриков. Здание ремонтировали, и многие работы проводились как изнутри, так и снаружи. Естественно, все работники имели допуск и были военными, но подозрительный взгляд не был лишним. Все же время было не самое спокойное. Из-под ног уже буквально уходила земля.

— Разрешите? – постучалась она, открыв двери.

— Ульяна Евгеньевна, прошу вас – проходите. – министр указал рукой на свободный стул, практически в конце Т-образного стола.

Свет на мгновение мигнул. Никто уже не обращал на подобное внимание. Днем такое повторялось с еще более незавидной частотой. Но уже глубокая ночь, так что постарались подтянуть резервное питание, на котором теперь и работали все электроприборы. Неудобства приходилось терпеть. Часть здания была отключена от электричества вовсе, чтобы мощности хватило на главные помещения. Сейфы и арсенал имели собственные источники питания, которых должно было хватить на годы автономной работы. Так что у здания светились лишь пара окон.

Присев на указанный стул, Ульяна достала из кармана блокнот и ручку, а также пару свернутых бумаг, на которых были заготовлены ответы на некоторые каверзные вопросы начальства. Вентиляция так же не работала, а в весенней Москве было жарко. Поглядев на остальных генералов, что были лишь в рубашках, Вирхова расстегнула китель.

— Ульяна Евгеньевна, это не самое запланированное совещание, так что за форму я вас ругать не собираюсь. – чуть усмехнулся министр, поглядев на часы. – Виктор Валерьевич почти начал опаздывать.

— Можно начинать. – заявила она тогда, чуть кивнув. – Товарищ Министр Обороны, думаю, что он выбрал кофе со-

знательно.

— Что ж... — начал вставать с места тот, беря указку в руки. Пройдя вдоль всего длинного кабинета подошел к стенке, на которую проектором была выведена карта мира.

На ней, скупой на топографические подробности, оказались подписанными несколько государств. Последние десятилетия выдались богатыми на смену границ и названий. На месте старых государств вырастали новые, строились и расширялись, затем угасали и погряжали в межнациональные бойни. Но был во всей этой планетарной смуте уникальный, практически единственный сейчас, самый крупный на всем Ближнем Востоке цветок — Социалистический Афганистан. Избавившись от ига американского империализма в начале двадцать первого века, Кабул «покраснел», стал все активнее и ближе сотрудничать с Пекином. Новое и амбициозное правительство отрастило невероятные территории, за счет присоединенных территорий Ирана, по которому так же прошлась нога социалистических революций. И этот громадный, голодный и активно развивающийся цветок, как настоящий хищный плющ тянулся к территориям более северного, когда-то братского — красного — невезучего соседа. Главная ветвь протянулась по Ирану, огибая Каспийское море. Несколькоими выделенными мазками на карте, Афганистан уперся точно в Кавказ. Раньше там была Азербайджанская ССР, а теперь, по договору, стояли восточные танки. И весь этот симбиоз получил гордое, на манер ОВД, название — Гар-

дезский блок. Он стал новым, и очень серьезным, политическим игроком на Ближнем востоке. Главным политическим явлением начала двадцать первого века.

— Товарищи генералы, обстановка становится все менее стабильной. – начал министр, показав указкой на границу. – Мы фиксируем рекордную активность Афганской армии на наших границах. Беспилотными аппаратами были зафиксированы шесть крупнейших мест сосредоточения войск. Среди техники замечены их современные мобильные ракетные комплексы и ПВО. Совершенно ясно, что армейские подразделения противника укомплектованы их новейшей или китайской новейшей техникой. Но меня больше интересуют наши войска. Сколько танков сейчас мы имеем на вероятной линии соприкосновения?

— Больше тысячи. – ответил один из генералов. – Но это в сумме с теми, что еще подходят из глубины страны. Мы расквартировываем основные танковые силы, пришедшие с Урала и Дальнего Востока в горно-лесистой местности, и это может затруднять процесс. Основные части там уже выставлены на направлениях вероятного главного удара Гардеского Блока. Дополнительные направления так же прикрываются. Однако, в случае, если первоначально выстроенная оборона будет прорвана, мы рискуем остаться практически без танков. Основные силы из глубины страны не могут прорваться через образовавшийся транспортный коллапс. Существует предложение по уменьшению численности танко-

вой группировки в Центральной России, но это поставит под сомнение эффективность нашего щита против сил НАТО, если вдруг те решатся на активные действия в Европе. Если заключать совсем коротко – группа войск на Кавказе сейчас при интенсивных боестолкновениях сможет держать удар не больше двух-трех недель...

— Необходимо ускорить темпы поставки войск в регион. Мы не имеем права рисковать даже километром нашей земли там. – министр выдохнул тяжело, даже как-то натужно.

— Товарищ Министр Обороны, мы можем сделать ставку на системы залпового огня. Они находятся там еще с девяностых годов, на складах. По большому счету это еще советские «Грады», но они осечек не дают. По примерным оценкам, там находится больше трехсот пятидесяти этих законсервированных комплексов.

— Принимается. – кивнул тот и сжал указку руками. – Подготовьте приказ на расконсервирование. За постановку комплексов пусть отвечает лично Громов.

— Есть. – ответил тот, появившись в дверях. – Разрешите войти?

— Виктор Валерьевич, я подарю вам часы. – без улыбки на лице пошутил министр. – Проходите, присаживайтесь. – перевел взгляд на одного из адмиралов. – Как дела на Каспии? Закончили постановку новых ракетных систем?

— Ожидаем закончить через месяц. Мы переоснастили уже половину, еще половина готовится встать на верфи для

модернизации. Начали ее слишком поздно – в прошлом году успели бы, но сейчас это займет больше времени. Сколько у нас есть, товарищ Министр Обороны?

— Этот вопрос сейчас не ко мне...

Он взглядом указал на Ульяну. Именно ей доверили проверить полученную документацию и снимки со спутника. Однако она, как и многие, кто видел все эти листы в талмуде, практически ничего оттуда не почерпнули. Факты были крайне противоречивые, и содержали множество лишней и ложной информации. Но, говорить что-то было надо. Вирхова, потеряв нос, отложила от себя блокнот с записями и щелкнула ручкой.

— Боюсь, у меня нет ответа на этот вопрос. – помотала она вяло головой. – Я проанализировала все данные, которые приходят с мест, но ничего путного так и не вышло. Получается, что Афганистан играет очень хитро. Он не выгружает войска с платформ, и мешает их возле границ, как карты на столе. То подводит, то отводит войска от фронта. Мы не можем получить объективную информацию, поскольку все, что к нам приходит мгновенно становится неактуальным. Нам, по большому счету, точно неизвестно ничего. Ни направление главного удара, ни что за техника будет на нем, ни сколько ее. Нам неизвестна даже численность войск, но уверяю, это становится уже слишком серьезно, чтобы игнорировать это.

— Думаю, Ульяна Евгеньевна, вам надо отдохнуть. – вста-

вил и свои пять копеек Громов, повернувшись к ней. — Численность Афганской армии практически в три раза меньше нашей по официальной статистике. Что могут триста тысяч человек против миллиона? Куда большая опасность исходит от НАТО.

— Их уже пятьсот девяносто тысяч. — перебила его она, ткнув пальцем в стол. — Темпы их мобилизации начинают поражать, в отличие от нашей. Простите, товарищ Министр Обороны, но наша официальная статистика строится на убеждениях пятилетней давности, а спутники, на которые мы делаем снимки, построены еще при Брежневе. Я была пионеркой, когда они стартовали с Байконура! А в подлинность перехваченных снимков с Запада мы можем только верить. К тому же концентрированный удар на узком участке фронта с большой долей вероятности прорвет любую оборону. Если мы хотим выстоять в этом конфликте, необходимо усилить армию на Кавказе, подтянуть все ресурсы, какие у нас есть, занять все железные дороги составами с танками и бронемашинами, все шоссе и все воздушные линии. Мы должны готовиться к войне, а не играть в демократию! Нам нужна усиленная мобилизация, и обязательно — до войны.

— Что вы думаете про направление главного удара, Ульяна Евгеньевна?

Вирхова задумалась. Она вспомнила карту вероятных передвижений противника, и неожиданно даже для себя заключила:

— Он будет не на Кавказе. Прорыв через горные перевалы слишком тяжелая задача даже для афганской армии, которая создавалась в горах. К тому же, будет сильное сопротивление со стороны нашей группировки. Они не пойдут в лобовую.

— Все документы говорят об обратном. — заявил один из генералов. — Вся их военная машина разворачивается именно на Кавказе. И мы смеем предположить, что они все-таки готовы к ведению войны в условиях гор. Кавказ, по сравнению с Гиндукушем, где Гардеский блок проводил учения последние пару лет, просто кочка. Ваше мнение вероятно ошибочно.

— Они не будут прорываться в капкан, товарищ генерал-полковник. — настаивала на своем Вирхова. — Ни вы, ни я не стали бы. Они сами постараются устроить нам капкан. И обойдут, вероятно, со стороны моря — на Дербент.

— У них там почти нет войск.

— Как и у нас. Но у них войска на поездах. А у нас по анграм. — парировала та. — И поверьте моему опыту, мы не успеем отреагировать на удар, если не перебросить на Каспий дополнительный контингент из Центральной России. Но в сложившихся условиях, это практически нереально. На прошлой неделе я была под Волгоградом — там пятнадцать составов с бронетехникой стоят в очереди на разгрузку.

— Логистическая катастрофа или поражение... — выдохнул министр. — Что ж... В нашу копилку, судя по всему, добавится еще одна крупная проблема, помимо Каспия. Я пе-

редам слово.

— Ну, насчет спутников, вы не совсем правы. — внезапно раздался бас позади. Со стула поднялась сухая фигура в синем пиджаке со значком Роскосмоса на лацкане. — Последний спутник-шпион был запущен в январе девяносто второго, так что он уже российский, а не советский.

Фигура показалась странной. А точнее ее присутствие здесь. В кабинете высшего уровня обжился какой-то «космонавт», контора которого больше позорила остатки космической программы, чем их пыталась их развить. Новых военных спутников не было. Потерянная из-за реформ программа оказалась слишком дорогой и недоступной для нищей России тогда.

— Сорок два часа назад была потеряна связь с нашей дальне орбитальной станцией «Пульсар-6», запущенной с Байконура в восемьдесят шестом. После развала СССР оперативный центр, который следил за орбитой «Пульсара» был заморожен на территории Грузии, вот тут. — он ткнул на карту гор, где только те и были. — Россия получила доступ к передатчику в центре, чтобы следить за перемещениями станции, поскольку Тбилиси не имел средств к организации контроля над объектом. Сбой в программе вынудил аппарат сойти с орбиты и пойти по траектории сближения с Землей. Центр Управления Полетами смог просчитать вероятную траекторию входа спутника в атмосферу. Он упадет на Берлин через пятьдесят два часа...

В кабинете затихли даже часы. И без того напряженная обстановка между ФРГ и Россией может стать еще хуже после того, как советский спутник вонзится в берлинскую землю. По помещению пополз шепот – это был голос настоящего страха. Даже министр утер лоб, тяжело выдохнув.

— Что у него на борту? – спросила Ульяна. – Если СССР вывел его на дальнюю орбиту, значит он что-то спрятал в нем.

– Это «она» – станция. – поправил ее «пиджачок».

— Плевать какого оно пола. – нервно перебил его министр. – Через два дня в Берлине международный нефтяной саммит, там будут лидеры крупнейших нефтяных корпораций и правительств разных стран. Его падение туда послужит эскалацией к, итак, натянутым отношениям. Если американцы узнают, что это была наша станция, мира нам точно не видать, а вот второй фронт станет явью. Они вступятся за западных немцев, добьют восточных, и примутся за нас. Можно сбить его?

— Теоретически, с помощью другого спутника. – пожал плечами космонавт. – Но, проблема в том, что, если она разовьет достаточную скорость, это будет скорее толчком, нежели ударом. Станция войдет в атмосферу со скоростью в три раза превышающую скорость любой ракеты. С ней не справится система противовоздушной обороны. Мы не знаем, как повлиять на нее, когда она начнет сближение. Так же мы не знаем, что именно у нее на борту, мы не можем полу-

читать доступа к архивам оперативного центра в Грузии, потому что тот шесть лет как завален из-за селя, и там работал только передатчик. Все важные документы по грузу «Пульсара-6» скрыты или уничтожены. Про нее очень не вовремя вспомнили...

— Необходимо не дать получить груз американцам или немцам. – тряхнул пальцем министр. Садясь на свое место, скрипнул стулом. – Нам нужно снарядить оперативную группу.

— Товарищ Министр Обороны, это не представляется возможным сейчас. – сказала Вирхова, повернувшись к нему, сложив руки в замок. – Ввоз вооружённых агентов одновременно слишком опасен, по отдельности – слишком дорог. Там больше нет агентурной сети, и придётся искать команду внутри страны, и только на это уйдет около дня. Сюда можно прибавить поиск легенды, если мы не хотим потерпеть фиаско, поиск линии снабжения вооружением внутри страны. Такие операции не проводятся по щелчку пальца.

— Что предложите, Ульяна Евгеньевна? – спросил он.

— Всего одного человека и добро на привлечение немецких агентов. – ответила она односоставно и быстро, оттянув из кулака указательный палец. – Мы сразу же получаем и легенду, и вооружение, лишаемся проблем с переброской, экономим десяток часов.

— Отклонено. – помотал головой министр. – Я ожидал услышать дельный ответ.

Потух свет. Не было даже тусклого лунного света из окон. «Что за черт?» – пронеслось от кого-то в темноте. Вирхова встала, попыталась оглядеться во мраке. С неистовой силой ее потащило к окошку. Что-то больно толкнуло тело в грудь и лицо. Кожу обожгло адское дыхание разорвавшейся бомбы, что разнесла в щепки дубовый стол. Сфокусировавшись об бетонные стены, ударная волна вышибла двери и окна, вытолкнула женское тело в образовавшееся пространство, больно ударила позвоночником об подоконник. Вихрь из щепок оцарапал смуглое южное лицо Ульяны. Те прошли по касательной, когда она была уже вне помещения. Короткий полет вдоль заднего фасада Министерства прервали строительные леса, которые гулко ухнули. Вниз посыпалась пыль и всяческий мусор.

Пережившая подобное, Вирхова попыталась встать, но молнией схватило спину – сильный ушиб, но без перелома. Она смогла выдала лишь истощенный выдох. Обессилевшее тело оказалось распластано на досках всего двумя этажами ниже полыхающего окошка. Мышцы не слушались. Все для нее было как в тумане. В глазах ее двоилось, а внутри, словно приготовленные в крутую, ударенные органы. Однако ей повезло – взрыв не размазал ее черепную коробку по стенам, как у остальных, а вытолкнул в окошко, сработав как катапульта.

Часть 2

Лифт остановился на последнем этаже. Сработал сигнал. По узкому коридорчику пронеслось колкое: «Дзинь». Днем, когда пахнувшая свежей краской из-за недавнего ремонта, лестничная площадка заполняется народом, соседями и знакомыми, этот звук оказывается почти не слышим за голосами. Но теперь, когда на дворе был второй час ночи, он был редким и звучал как набатный колокол, а не как что-то приятное и обычное.

Створки раскрылись. Темную площадку наполнил желтый свет, загораживаемый фигурой в распахнутой кожаной куртке. Начало мая – не слишком тепло, но уже и не холодно. Мягкой поступью мужчина двинулся по коридору, затем открыв скрипучую дверь в блок квартир. Хоть и был поздний час, но ничего не изменилось в жизни домика: где-то ругались, а над сваленными в кучу вещами, старыми кухонными гарнитурами и двумя велосипедами витал запах пригоревших котлет. Все как обычно, типовая российская застройка. Шуршал электрощит, еле теплилась старая лампочка на единственном проводе, что свисал с потолка вместе с кусками штукатурки. Мимо всего этого медленно проплывала сторбившаяся и явно уставшая мужская фигура. От мигнувшего света лампочки прищурились уже закрывающиеся от недосыпа карие глаза. На еще молодой коже была короткая

не аккуратная щетина, на которую постоянно указывали на работе, но все понимали ее причину. Черные волосы взъерошены из-за частого упора лба в руки. Мужчина был как побитый боем корабль – не самый строг на вид, но еще в строю.

— Дима, нельзя было позвонить? – внезапно раскрылась дверь в конце коридора. За ней была девушка в майке, сильно похожая на мужчину внешне. Сестра. – Она ведь снова ждала тебя, и снова не спала. Ты можешь хоть немного думать не только о себе, но и о нас?

— Прости, Слав, телефон сел, не смог позвонить. – на шведскую тумбу в квартире сбрыкали ключи. Рядом лег разряженный телефон, а за спиной закрылась новомодная сейф-дверь, что отделяла семейный обитель с парой комнат от пропахшего котлетами коридора.

— Я поставлю чайник. – ответила девушка, поправляя лямки майки на плечах, уйдя на кухню.

Стянув с плеча перекинутую через тело сумку, Дима снял с себя коричневую кожаную куртку. Небрежно бросил ту на спинку стула. В тумбе со скрипом открылся верхний ящик. В руках быстро показался пистолет. Его затвор плавно отошел назад, высвободив неиспользованный патрон прямо на мужскую ладонь. Дима вынул магазин и все это, вместе с кобурой отправил в ящик. Туда же легли и «корочки», вместе с правами и паспортом. Скоро на плите засвистел чайник – чаепитие закончилось совсем недавно. Мужчина глянул на себя в зеркало, но ничего нового так и не увидел. Достал из

сумки пачку шоколадного печенья и пошел на кухню.

— Купил печенья? Мило. – скептически отнеслась к его подарку Бронислава.

– Это ее любимые. Думал, что успею к полуночному чаю. – произнес тот, осторожно присаживаясь на стул. Кинул в кипяток два пакетика и положил столовую ложку сахара в начавшую буреть жидкость. – На работе завал, сама понимаешь. Обстановка не самая простая, вот и пришлось снова оставаться. Хорошо хоть пробок нет.

— Дима, ты обещал Авроре посмотреть с ней фильм. Она ждала этого две недели. Ты можешь не давать пустых обещаний, если не способен их выполнить? – причитала та его, но не злобно, скорее понимающе. Она даже не стала возвышаться и села на стул рядом. – Послушай, нельзя взваливать все, что связано с твоей, в первую очередь, дочерью на ее тетю. Не то, чтобы я жалуясь, но ведь... – Слава тяжело выдохнула. – ... ведь ты ее отец, не расстраивай дочку. Ей нужен родитель.

— Послушай, ты же знаешь, что я почти всегда на работе. – устало ответил мужчина, потянув из кружки горячий чай. – Она сама себя не сделает. Это государственная безопасность, а значит и ее безопасность то же. Я делаю все, чтобы защитить ее. Она последнее, что у меня осталось, после смерти Оленьки.

— Дим, но ведь я говорю не о работе... – взяла она его за руку, чуть погладив. – Я понимаю, что ты хочешь, но ведь и

жить одной тетей ребенку нельзя. Ей уже почти пятнадцать, а ты присутствовал в ее жизни как отец от силы... лет шесть. Да ты полгода дома не появлялся после трагедии, решил отстраниться от нее, чтобы не ранить, а сделал еще хуже. Честно, Среда, ты ужасный отец... но все еще можно исправить.

— Хватит. – ответил тот, выдохнув. – Каждый раз...

Его взгляд зацепился за фотографию, которая была на столе. Счастливое семейство, где на рельефных от мышц руках висят радостные девушки, одна жена – красавица, а другая – маленькая дочка, что тогда еще только-только пошла в первый класс. Все застыло на черно-белом снимке. Воспоминания тех дней все еще теплились в, казалось, ороговевшей душе Димы, но тот уже не придавал этому значения. Он все еще грустил, иногда даже открыто скорбел, что ничего не смог сделать. Произошедшее признали несчастным случаем, все как всегда – «взрыв газа» и многоквартирный дом сложился аккуратно, как по учебнику. Никаких комментариев от власти, ни извинений. Ни правых, ни виноватых тогда не было. Новость лишь мелькнула короткой строчкой в новостях, да и забылась через пару дней, а на руках мужчины оказалась страшная утрата любимого человека, и оставшийся от него осколочек – заплаканная дочурка, что вцепилась в отца тогда, как никогда прежде. Дима не верил, что это была случайность, и тогда уровень преступности резко пополз вниз. Раздосадованный работник госбезопасности искал ту тварь, что организовала это, но не нашел...

— Ты опять поздно. — прозвучал раздосадованный голос позади Димы.

— Малыш, я купил тебе печенья. — натянуто улыбнулся он, поворачиваясь.

Чуть ближе метра от него стояла босоногая девочка... Хотя, уже девушка. Все же она пошла в мать и оказалась красивой уже даже в столь юные годы. Словно водопад с гор, с ее головы до плеч струились ярко рыжие волосы — ну точно копия мамы. Аккуратный носик был в веснушках, а на надутых щеках была пара подростковых прыщиков, которые та бесконечно ковыряла, хотя Бронислава ей запрещала. Скрестив руки на груди, она расстроено смотрела на отца, который покраснел, увидев дочь обиженной. Отношения у них, итак, были натянуты, но в последнее время напряжение било все рекорды.

— Тетя Бронислава говорила мне, что тебе стоит доверять. — осторожно взяла та печенье из упаковки, погрызая его уголок. — Но ты снова опоздал, и мне пришлось смотреть без тебя.

— Аврора, не называй меня Брониславой, я чувствую себя твоей бабушкой. — ответила ей она. — И вообще, а ну быстро спать! У тебя завтра учеба.

— Классуха заболела, мне завтра ко второй. — бросила та, догрызая половинку печенья.

— Я звонила ей сегодня, специально. — хитро улыбнулась ей Слава. — Она прекрасно себя чувствовала и приглашала

меня завтра на разговор. У тебя уже третья двойка за эту неделю. Ты вообще домашние задания делаешь? Дима, не будь истуканом, твоя дочь не учится. Скажи ей что-нибудь!

— У меня тоже были двойки. – пожал плечами он, чуть усмехнувшись. – В восточногерманской школе, в который я учился сперва. Программа была на немецком языке, и первое время давалось очень трудно. Однако, я ведь выучился. И немецкий, как родной знаю. А вот твоя тетья – нет.

— Да, Господи, восьмидесятые давно прошли, Дима. – наклонила голову Бронислава. – и ГДР уже давным-давно нет. Послушай, Авроре нужна хорошая взбучка от отца, не спускай все на самотек!

— А кто знает, может скоро таки снова будет? – усмехнулся он. – Новости ходят разные, и самые бредовые уже не кажутся таковыми, когда узнаешь несколько фактов из-за рубежа. Вот как мы поступим... – подмигнул он дочери. – Пусть Аврора идет спать, и я сейчас допью чай и тоже лягу. А завтра схожу вместо тебя на собрание и сам все услышу от ее классной руководительницы? У меня все равно выходной.

— Круто... – протянула Аврора, доедая наконец печенье. – Сгоняем в кино тогда? На «Шпионский мост»?

– Это та бредовая кинолента про шестидесятые? – сморщился Среда. – Господи, кто-то реально это смотрит? Хочешь я достану пару записок деда Димы на этот счет? Он, можно сказать, живой свидетель и практически участник тех событий.

— Я хочу посмотреть кино с тобой. — снова обиделась она. — Мне плевать на его историческую ценность. И нюхать пыль из дедушкиных записок тоже не хочу. Он сам-то разбирает свой почерк?

— Так он таки еврей.

— Иди спать, хорошо? А завтра все решим. — практически вытолкала ее с кухни Бронислава, наконец встав со своего стула. Затем она села обратно, поглядев брату точно в глаза. — Господи... Среда, ты что совсем? Дочь хотела в кино с тобой, а ты опять включаешь черте-пойми-кого? Проведи время с Авророй и все! Большого от тебя не требуется. Для этого и существуют отцы. Прокати ее по городу, не знаю, купи ей мороженное или наушники, потому что старые сломались. Нас на отца было двое, но он справлялся и с нами, и с работой в КГБ, хотя стабильно мотался и в Анголу, и в Афганистан. А у тебя всего одна дочь! Единственная дочь! Потому, Дима, хватит делать вид, что ее нет. Да и я хотела наконец немного освободиться. Мне двадцать восемь лет, а у меня ни котенка, ни ребенка...

— Могла бы начать с этого. — спокойно ответил мужчина тогда, убирая кружку в мойку. — Я все понимаю, Слав. Я попробую сделать все, что будет в моих силах. И да, у нас была еще и мама.

— Надеюсь, что ты сдержишь обещание на этот раз. — она встала рядом с ним на мгновение, поглядела в глаза. Выдохнула и вышла с кухни, зашлепав босыми ногами в спальню. —

Я постелила тебе на диване. Спокойной ночи.

...Сон не заставил себя долго ждать. Измотанное от усталости и нервов тело быстро погрузилось в царствие Морфея, но вот сновидений, как всегда, не было. Лишь черный экран и парализующая слабость. Это было похоже больше не на полноценный отдых, а на перерыв, когда мозг все равно продолжал пахать, будто проклятый. Но больше все же было у Димы ощущение погружения в песок, когда пошевелиться больше не можешь, а сознание еще работает. За окном была абсолютно привычная какофония из звуков и дуновений майского ветра, из едва уловимого плесканья воды Москвы-реки и гула машин. Вой сирен пожарных машин не был чем-то непривычным, но он все начинал нарастать, вызывая беспокойство. Он ассоциировался только с одним – с тем днем, когда в жизни Димы пропало все и разом. Этот звук вызывал дискомфорт больше, чем что-либо еще, не давал спать. Он становился все объемнее, все больше и все ближе.

Наконец Дима встал, чтобы посмотреть, что же все-таки случилось. На улицах был какой-то ажиотаж. Столпотворение людей, целая гирлянда из мигалок разного цвета, и множество полицейских и военных. Квартира была получена отцом в советское время, а затем быстро приватизирована, пока всяческие криминальные «элементы» не спохватились о жилье. И получилось так, что располагалась она совсем близко от здания Министерства Обороны, чтобы Среде-старше-

му было не так далеко идти и до него, и до работы. От огромного белого здания, что виднелось в окне, кверху шел черный дым. Тут по спине Димы пробежала капля холодного пота – это сигнал к активным действиям. Министерство горело, а значит отдохнуть этой ночью не получится.

— Эх, вот говно... – через зубы прошипел Среда, надевая на ноги штаны. Глянул на часы: без пяти минут три часа ночи.

— Что произошло? – заспанным голосом спросила Слава, выйдя из комнаты в халате. – Ты куда?

— Разбираться с этим. Оборонка горит. – выдал тот, заправляя за пояс Макаров. Рассовал по карманам документы, накинул на плечи кожаную куртку. – Скоро будет сбор.

— Наверняка ничего серьезного. Только вернись утром, хорошо? – зевнув, попросила она, уходя обратно спать. – Удачи на работе.

За ним закрылась входная дверь. Нажатая кнопка лифта сразу же погасла, потому что лифт после его подъема так и остался наверху. Кабинка с громоханием закрыла створки и начала спускаться вниз, скрежеща тросами и катушками. Наконец, по ногам прошелся слабый толчок и показался холл первого этажа. Пулей выскочив на холодный дворовой асфальт, Среда отыскал подаренный им сестре «Ягуар», что был один на двоих. Пиликнув на сигнал с ключа, благородный британский автомобиль, чистокровный спорткар, завелся. Зажглись в ночи фары.

Только Дима подумал о том, чтобы отпустить сцепление, как машинально сработал приобретенный за годы службы рефлекс. Боковым зрением заметив приближающуюся фигуру, он выдернул пистолет из кобуры на поясе и аккуратно положил тот на подлокотник. На стекло легла окровавленная рука, размазав красную жижу. Человеку требовалась помощь, но он и сам проявлял инициативу: открыл дверь, до этого пару раз неудачно попытавшись схватиться за ручку.

— Ульяна?! Какого черта?! – узнал он, когда та села на пассажирское кресло, свернувшись от боли. Тяжело выдохнув, повернулась бледным лицом прямо на мужчину, отчего ему стало не по себе.

— Спокойно, только спокойно. – будто для себя сказала она, стараясь не потерять сознание от боли. Держась за деревянный обломок в животе, другой рукой открыла бардачок в машине, измазав белый пластик в крови.

— Твою-то мать, Ульяна. – отложил пистолет он, протянув руку до заднего сидения и достав автомобильную аптечку. – Что-то нужно срочно перевязать? Я отвезу тебя в больницу.

— Нет, нельзя! – встрепенулась Вирхова, мгновенно выдирая аптечку из мужских рук, раскрывая ее. – Я... я практически... ай, блять... в порядке. В порядке... Послушай, послушай, Дима, мне сейчас нельзя появляться нигде, где меня могут опознать.

Она сложила жгут втрое и сунула в зубы, раскрывая свой

замызганный кровью китель. Из ее живота торчал запеченный взрывом кусок дубового стола, что был как обломанная стрела, чей наконечник был скрыт за спекшейся кровью на разбухшей ране. Взявшись за обломок обеими своими руками, Ульяна медленно потащила его из себя с тошнотворным звуком и оскалом таким, что казалось, у нее вот-вот из-за давления век лопнут глаза внутри черепа. На мгновение она остановилась, выдохнув полной грудью через нос несколько раз.

— Изоляция хорошая? – спросила она быстро.

— Достаточная. – ответил тот сухо, подготавливая все, чтобы зажать рану.

Ульяна снова зажмурилась так, что по огромному ожоговому шраму расползлись складки. От рывка из горла вырвался истошный крик, что в округе с ужаса взлетели все голуби. Не помог даже жгут во рту и английская шумоизоляция. Деревяшка была витиеватой, с множеством сколов и граней. Выкинув щепу на коврик пассажирского сиденья, Ульяна, откинула голову на подголовник, и отобрала у Димы бинты. Закашлявшись, выдохнула, раскрыв рот. Зажала рану и согнулась, сплюнув на коврик.

— Ты как? – спросил слегка ошарашенный Среда. – Выглядишь не самым радужным образом.

— Я тоже рада тебя видеть... – ответила та, чуть улыбнувшись через боль. – Органы, кажется, не задеты, значит буду жить.

— Да тебя будто на мангале поджарили! — рассматривал он ее подгоревший китель с погонами, и исколотое щепками закопченное лицо, покрытые пеплом волосы. — Что вообще происходит?

— В зале для совещаний прогремел взрыв. — сказала она, жадно глотнув из протянутой Средой бутылки с водой. — Вероятно все окружение министра и один «пиджак» из Роскосмоса — мертвы. Меня спас лишь дубовый стол и окно, в которое я вылетела, приземлившись... ах, да блять, как болит... на строительные леса. Кто-то пронес на заседание бомбу.

— Опять скажут про взрыв газа. — с некоторой долей сарказма и грусти выдал Дима.

— Естественно. Особенно учитывая то... — глотнула Вирхова еще. — Что здание никогда не было газифицировано. Кто-то добивал выживших. Я слышала, как в кабинет после вышло несколько человек. Вероятно, без огнестрельного, иначе было бы слышно. Думаю, они били чем-то тяжелым.

— Надо показать рану Брониславе. — сказал Среда, поднимаясь со своего водительского места.

Он быстро принял от Ульяны остатки воды, обходя машину с боку. Выдернув из кармана носовой платок, огляделся — никто ли не следил за Вирховой. Пока все было тихо. Вылив остатки воды на платок, стер с английского стекла кровавую пятерню, помыв заодно и ручку двери. Осторожно открывая ее, подавал руку Ульяне. Скорчившись от боли в животе, та явно неохотно, ступила на холодный асфальт босыми ногами

– до этого Дима не видел, что на ней не было обуви. Вирхова либо не хотела наследить за собой, либо просто потеряла их в суматохе, пока спасалась. Пошатнувшись, облокотилась на Среду, и он потащил ее ко входу. Что было сил она прижимала к ране свернутые бинты, чтобы сочащаяся из порванного мяса кровь не замарала короткие ступеньки к подъездной двери. Тяжело дыша, со страшным жаром, Ульяна едва перебирала ногами, однако и не думала сдаваться. Так просто бывшего десантника, выдавшего жар Афганистана и вернувшегося оттуда с орденом было не взять.

Наконец, вывалившись из лифта, пара направилась к дверям квартиры, где их уже ждала Слава. Она, как всегда, наблюдала из окна, как Дима уезжал. После смерти его жены это действие перешло к ней. Распахнув дверь, девушка подбежала к Ульяне, и взяла ее под другую руку.

— Что случилось? – негромко спросила она, заволакивая раненную в квартиру.

— У нее проникающее в живот. И возможно что-то еще, я не смог определить. – Среда усадил Ульяну на застеленный для него диван. – Ты же поможешь ей?

— Дима, я не хирург, я стоматолог! – на повышенных тонах высказала она, ища по полкам лекарства и комплект для зашивания ран. – Если бы она сейчас корчилась от кариеса, а не от чертовой дыры в пузе, я бы сказала тебе точно: помогу я ей или нет! Ты же оперативник, как ты латал товарищей?!

— Моей задачей было в случае ранения просто эвакуи-

ровать сослуживца из-под огня. Я могу перетянуть артерию, могу замотать кишки в кучу и зафиксировать перелом. – ответил тот, разрывая на животе Ульяны залитую кровью рубашку. – Остальное пусть делает медик! Не электрик – нехуй лазить!

— Папа, кто это? – показалась из комнаты напуганная Аврора, чуть прячась за приоткрытую дверь.

— О, твоя дочка... – с умилением на бледном лице, закашливаясь, произнесла Вирхова. – Копия мамы.

— Заткнись, Ульяна. – рявкнул он на нее, зажимая рану. Замаранной рукой он утер лоб, поворачиваясь к дочке. – Малыш, будь умницей. Принеси тете воды и успокоительное.

— Нет, лучше сигарету. – поправила его она. – Я знаю, она у твоего отца в кармане его отличной кожаной куртки. Если дашь ее мне, я обещаю тебе в этом месяце каникулы на Камчатке.

Наконец около раны оказались руки в перчатках. Утирая пот со лба рукавом, Бронислава осторожно коснулась Ульяны холодным металлом иглы. Кровоточить рана практически перестала. Промывание помогло убрать остатки засохшей крови и оставалось только наложить шов, чтобы дыра в пузе была не похожа на Гранд-каньон в миниатюре. Когда игла с капроновой хирургической нитью прошла плоть, словно той на ее пути и не было, Вирхова слегка обреченно вдохнула, едва дернувшись. Ей было не привыкать к боли – на ее лице отточили мастерство лучшие специалисты-меди-

ки из Кабула, и игла уже не пугала. Она была в сознании, и даже умудрялась вальяжно покуривать, выдыхая дым клубочками к потолку. Дима был на подхвате сестры: подносил все, что ей требовалось, следил за состоянием оперируемой, но той, видно, не особо было интересно умирать сейчас.

— Ты вообще человек? – Среда проводил взглядом клуб дыма, что поднялся от лица Ульяны к потолку.

— Я практически закончила, потерпи еще немного. – глянула на нее Слава.

— У нас слишком мало времени. – сказала Вирхова. – Отсчет пошел уже на часы, Дима.

Наконец он понял, что же именно этой ночью свело его со старой знакомой, и, по совместительству, бывшей наставницей в той школе подготовки кадров ФСБ, где Среда учился в девяностые.

Все ведь началось с отца. С его работы. В начале девяностых все иллюзии уже пали окончательно. ГДР перестала существовать на карте, а Советский Союз уже не держался на плаву, подавшись ко дну, как и бывший западный союзник. И тогда, покидая ставший уже родным, Берлин, старший Среда – Михаил Феликсович – перевез все свое семейство в Москву. В город, который, как ему тогда казалось, еще долго будет оплотом того старого мира, который Миша так любил. Но нет, и тут развернулись баталии на теле умирающей страны. И как не вовремя вся дрянь, от которой спасала советская милиция и ЧК, проникла на улицы города. Нуж-

но было тогда, во что бы то ни встало спасать своего сына – Диму, тогда еще подростка, от вредного влияния. Однако, четкие действия последовали лишь после первого инцидента. И Среда младший был записан в школу подготовки кадров ФСБ, где главным преподавателем, и куратором всей десантно-штурмовой части обучения оказалась Ульяна. Ей тоже нужно было куда-то деваться после развала единой армии. И вот, судьба свела их в единый и очень прочный кулак. Благодаря ей, в частности, и надлежащему надзору со стороны родителей в общем – Среда стал полноправным последователем традиций семьи. Он стал служащим ГБ, закончив школу с отличием.

И нужен был его опыт. Из уст Ульяны сейчас прозвучит просьба, и Дима узнал это сразу, как только увидел ее. Но согласиться на новую работу было слишком сложно.

— Ты хочешь вернуть меня на службу? – прямо спросил он, присев на чайный столик. – Я поклялся, что больше я не отправлюсь на задание. Я на могиле жены, поклялся, Ульяна... – Дима поднял глаза на стоящую за дверью Аврору, которая все слышала. – Малыш, не подглядывай, эти дела не для тебя.

— В наш дом ввалилась тетка с разорванным пузом. – развела руками та за дверью. – И ты не дашь мне посмотреть? Мне уже пятнадцать!

— Мы на пороге войны, Дима. – ее шёпот был намного страшнее раската грома сейчас. Пододвинувшись, чтобы по-

ложить голову на подлокотник дивана, она вынула изо рта папиросу. кинула ее в стакан. – Через пятьдесят... – прищурилась на часы, что висели на стенке. – Через пятьдесят один час на Берлин упадет «Пульсар-6» с неизвестным грузом на борту. Эта орбитальная станция была запущена СССР в восемьдесят шестом и теперь летит к Земле. Мир перестал быть слишком лояльным к нам, так что нужно замести следы и вытащить груз, что находится на станции.

— Не делай мне мозг, она сгорит в атмосфере. – отмахнулся Среда. – Эта станция не из чугуна сделана. Как «Мир». От нее останутся-таки только обломки и куски каркаса. Можешь забыть о грузе.

— Мне нужен ноутбук. – Ульяна скривила лицо от болезненной попытки сесть. Но ее остановила Слава. – Нужно связаться кое с кем.

Сходив на кухню, Среда-таки принес неугомонной генеральше ноутбук. Та, открыв его, начала быстро стучать по клавишам, выходя на один защищенный канал. Эти ресурсы не просушивались разведками и были раем для террористов и военных, что не хотели светиться в сети.

К какому из типов относится Ульяна – трудно сказать. Для Российского правительства она практически террорист, единственный беспартийный член военной верхушки, сохранивший при себе партбилет давно павшего государства. Никто не знал, как она вообще умудрялась жить при этом, да еще и занимать командные должности. Но ее не трогали,

и больше – к ее предложениям прислушивались. Пожалуй, никто не был большим солдатом в генштабе сейчас, чем она, потому что поднималась с самых низов. Рожденная в Таджикистане, она ведь никогда не питалась мечтой о крупной карьере в государственном аппарате. Но мысли и чувства зрели в ней, патриотизм к социалистическому строю подпитывался рассказами отца-ракетчика о войне и героях. Окончательную точку в формировании Ульяны поставила новость о выводе войск США из Вьетнама. Это была очередная победа советского строя. Но был и «Развал». Уже после Афганистана. Это был регресс, откат к пещерному феодализму, как она считала тогда. Стрельба на площадях и трехполосые тряпки, где еще вчера реяло рабочее знамя. Ее это злило, вымораживало, но поставило цель – сдержать Родину в целостности, а рвущих одеяло на себя безголовых заместников в узде. Она была одна, но знала, что не одинока.

Ноутбук мигнул, шелохнулся динамик в панели, известив о прибытии какого-то сообщения от неизвестного источника. Вирхова открыла прикрепленный файл. В нем оказались чертежи «Пульсара-6» и его характеристики, отчеты об испытаниях, состоянии обшивки и ее материалах. Отдельным листком были все отчеты о состоянии станции на орбите. Среда удивился такому раскладу, ведь Ульяна никогда не говорила о своих источниках, но сейчас за пару минут смогла найти секретную информацию. Именно этот гриф стоял на некоторых листах.

— Откуда все эти сведения? Это ж ...

— Государственная тайна? – спросила та, перебив, и подняв бровь. – Брось, мы продали все сведения по программе «Пульсар» Китаю в две тысячи первом. Но некоторые документы все равно смогли утечь. Так, что тут у нас: «Пульсар-6» – созданная в СССР военная орбитальная станция, часть проекта «Пульсар», запущена с Байконура летом восемьдесят шестого, в шесть тридцать четыре утра по местному времени, а выведена на рабочую орбиту через двадцать четыре часа. Вот, нашла еще. – ткнула осторожно пальцем в монитор. – В девяностом году была повреждена обломками уничтоженного американцами их спутника-шпиона «Эклиптика-1». Искусственно переведена на дальнюю орбиту и... забыта. Аппарат спускаемый – спуск предполагался в две тысячи шестом, но из-за развала СССР спускать не стали. Станция переработала девять лет с поврежденной обшивкой.

— Умели делать, что еще сказать. – пожал плечами Среда. – У нее повреждена обшивка, она не переживет спуск.

— Нет, нет, ты посмотри на это. – Вирхова, чуть прищуривши глаза на бледном лице, указала на чертеж. – Это... капсула, она внутри. Станция, кажется, модульная, и спускать планировалось только капсулу с грузом. Судя по документации, это три тонны вольфрама, покрытые какой-то субстанцией, содержащей графен. Тут слишком много слов, в которых я не разбираюсь, но похоже, что это огромное воль-

фрамовое ядро, которое войдет в атмосферу на огромной скорости.

— Удар по Берлину... – выдохнул Дима, присаживаясь рядом. Закрыв лицо руками, потер уставшие глаза. – Там нефтяной саммит на носу. А заодно и начинающаяся гражданская война. Похоже на спланированную операцию.

— Так и есть. Но мы пока не знаем, чья она. – Ульяна закрыла ноутбук. – ГРУ точно не успеет сформировать группу в Германию, да и некому уже. Если кто-то и выжил, им точно не до этой авантюры. Я просила командование задействовать немецких агентов, которые могут оказаться лояльны к нам и помогут. Однако, предложение отклонили за пару минут до теракта. Все думают, что они чертовы герои, а потом взлетают на воздух. Тут справится только команда, и она нужна срочно. Если этого не сделать, если допустить попадания советского груза в руки немцев или американцев, последствия могут оказаться критическими. Мы на пороге войны на Кавказе, Каспии и в Европе, нам точно не нужна эта провокация.

— Грузом может оказаться что угодно? – спросил Среда. – Даже ядерное оружие?

— Вполне возможно. – прозвучал короткий ответ.

— Ве-ли-ко-лепно... – сквозь зубы произнес вымотанный Дима. – У меня пятьдесят часов, так? И за это время надо найти людей и спланировать операцию, а заодно и пути отхода. Как я буду связываться с тобой, если все пойдет не по

плану?

— Об этом не беспокойся. Это моя проблема. — чуть прихлопнула она его по коленке, снова ворочаясь на диване. — Как и путь отхода. Я найду вам самолет. Мне придется исчезнуть на день из Москвы, потому что меня могут найти, прочесать и твой адрес. Я заберу Аврору и Славу с собой, там с ними точно ничего не будет.

— Если хоть волос... — серьезно начал Среда, поворачиваясь на диване к ней.

— Ай-ай-ай! — Ульяна схватилась за потревоженную его поворотом рану. — Все, все, иди давай!

Она вытолкала Среду с дивана, отчего тот фыркнул, но все равно пошел к выходу. Уже в прихожей заметил за спиной Аврору, которая стояла и все ждала, когда отец обратит на нее внимание. Ей было не привыкать к тому, что он постоянно уходит на работу, нарушая данные им обещания. Но в этот раз все было серьезнее. Не просто смотрела на спину отца так, будто ей все равно. Она боялась.

— Эй, ты чего дуешься? — повернулся Дима. Подойдя к ней и присев, он осторожно взял ее за холодные плечики и глянул в глаза. Устало улыбнувшись, пальцами убрал ее огненные рыжие волосы за ушко, поправив очки на веснушчатом носу. — Малыш, я скоро вернусь, это моя работа.

— Но ведь ты можешь отказаться... — попыталась она.

— Нет, Аврора, я не могу. На кону стоит и твоя жизнь, это слишком серьезно, чтобы я отвернулся.

— Но ты отвернулся от нас! Где мой папа?

— Малышка, не разбивай мне сердце. – попытался обнять ее он, однако та, мыкнув, вырвалась из объятий, отвернувшись. Пусть она и была уже взрослой, обиды в ней были давние, детские. – Я обещал твоей маме защитить всех нас. Защитить тот мир, где мы живем, и я должен это сделать снова.

— Тогда почему ты не смог защитить ее? – бросила она. В этот момент в голову мужчины словно попала молния и на мгновение сознание помутнело. – Уходи. Ты должен спасти их мир.

Она зашагала к себе в комнату. Это заметила Бронислава. Подошла к Диме, по-родному обняв. Время еще было, и они могли позволить себе пару секунд вот так постоять – посреди коридора, вещей и документов, которые Среда уже успел достать из потайного дна тумбочки. С грустью на глазах, Слава наконец отцепилась от брата, поправив на нем ворот футболки. О, это был ее любимый прием. Если поправила – самой на душе спокойнее. А вот у Среды спокойствия не было. Он принял слова дочери близко к себе, понял, о чем она. Это его тяготило. Для него на свете не осталось больше ничего, кроме этого рыжеволосого дьяволенка, что заваливает все предметы и ругается с папой, но все равно в глубине души любит его больше всех.

— Я быстро вернусь, вот увидите. – приободрил он сестру, складывая в заплечную сумку паспорта и деньги. – Два дня на операцию и вернусь домой. Пригляди за Ульяной, она

поможет вам скрыться. Вы можете оказаться под ударом, потому пистолет я оставляю вам.

Он протянул ей рукояткой вперед свой Макаров в кобуре. Сестра несколько неохотно приняла оружие, но все равно достала посмотреть. «В самолет все равно не пустят с ним» – отшутился Среда, зашнуровывая кроссовки на ногах. Раздалось едва слышное сопение. И это была не Аврора. Она-то, как раз, сидела перед спящей Ульяной и пристально смотрела на нее. Переглянувшись с сестрой, Дима улыбнулся и вышел за двери.

Часть 3

Последний раз, когда Дима был в Берлине, он запомнил город другим. Тогда это был еще павший форпост социализма. Приятный и притягивающий мегаполис. До того, как отца вывели из Восточного Берлина на Родину, Среда успел вдоволь нагуляться по кварталам с пятиэтажками и универмагами подозрительно похожими на советские. Помнил он широкие дороги с неказистыми, но разноцветными автомобилями. Помнил и Стену, возле которой постоянно несли вахту автоматчики. Они не вызывали страха, а иногда даже помогали найти дорогу в извилистых улочках. Все, что говорили о полицейских тогда было простым враньем: что западные не были зверями, что восточные. Это были приветливые мужчины в форме, которые умудрялись иной раз сами

переходить сектор обстрела безнаказанно. Все равно были единым народом. Германия ассоциировалась у Димы с детством, была мирной и спокойной в приятных воспоминаниях.

Но теперь это был совсем непритягательный край. Первое, что встретило его – проливной дождь, который, видимо, и не собирался заканчиваться. Даже в середине дня все небо было затянуто серыми тучами. Но это была не главная проблема города, да и всей страны сейчас.

Среда шел вдоль одной из дорог, ведущих по городу паутиной. Он не мог поверить в то, что видел. Многие окна были наглухо заколочены, в витринах, как в сорок пятом, лежали мешки с песком. Кое-где с характерными отметинами от пуль были двери и стены. В проходах меж домов остались следы от баррикад, хотя полицейские бригады их оперативно разбирали, чтобы увезти из города. В Германии уже больше года кипел народ. Восточным не нравилось, что американцы наращивают свое влияние на регион, размещают здесь свои ракетные комплексы средней дальности, вопреки всем договорам. А западным немцам не нравились восточные, потому что считали, что США сможет защитить страну от российской агрессии. Все же глупая и не продуманная пропаганда с обеих сторон давала свои плоды, и народ снова делился. Решившие не молчать «осси» били первыми: забастовки, стачки – все как по учебнику. Город превращался в зону боев и лишь изредка удавалось добиться тишины. Но она была не

такая, как обычно. В ней не было умиротворения и примирения, в ней был гнет и замалчивание. Все же Запад каждый раз оказывался сильнее.

Из подворотни раздался крик. Глянув в сторону возгласа, Дима прошел подальше и заглянул за угол дома. Там был патруль. С пяти часов вечера, как и всю ночь, был комендантский час – можно было выйти только по спецпропускам. Среде стоило искать другой маршрут.

— Вам запрещено покидать место проживания в комендантский час! – раздался удар и протяжный стон.

Патруль ломал пару каких-то бедолаг. Один из них был покрупнее, а второй более щуплый. Свернув нарушителей в бараний рог, полицейши начали потрошить их карманы и вываливать прямо на землю под дождь все содержимое – бумажники, паспорта. Внезапно на отвороте куртки показался пришитый шеврон армии ГДР. Его, как слышал Дима, использовали для опознания в ячейках сопротивлений Восточной Германии. Со времен Восточного Блока этого добра осталось навалом. Полицай махом телескопической дубинки отвесил удар по голове. Резким пинком в живот, патрульный поставил второго на колени, явно почувствовав свою власть. Это было произвол, но Среда не мог вмешиваться. Снова раздался удар. Еще и еще! Лежачего втапывали в грязь.

Дима огляделся. Позади был кафетерий с заколоченными не самыми сортовыми досками разбитыми витринами. Он быстро зашагал туда. Дождь мог на время скрыть его у са-

мой домово́й стенки, и этим нужно было воспользоваться. Перешагнув лужу, он приблизился к двери кафе, но та оказалась запертой. Постучавшись, Дима обернулся. Неспешно приближался другой патруль. И хоть полицейские переговаривались между собой, и не следили так пристально за округой, угроза оставалась реальной.

— Мы закрыты. – ответили за дверью. – Прошу вас, уходите.

— Мне нужна помощь. – почти без акцента ответил Дима. – Пожалуйста, помогите.

— Мы не хотим иметь проблем с законом. – чуть приоткрылась дверца. Из-за нее показался пристальный взгляд, напуганный визитом незнакомца. – Уходите.

— Пожалуйста. – мужчина согнул руку в лотке, показав обращенный сложенными пальцами к двери кулак.

Это было приветствие «Красных фронтовиков», его знало большинство немцев. И это могло оказаться спасительной карточкой в рукаве иностранца здесь. Если владельцы кафе «осси» – то они поймут, что зла тот им не желает. Среды постоял у двери еще пару секунд, до того, как цепочка на дубовой дверце, наконец, была снята и его пустили внутрь. Отряхнувшись, он скинул с плеч куртку и ветровку, промокшую до нитки. Стряхнув с волос влагу, он осторожно присел за один из квадратных столиков, что был между стоящих напротив друг на друга коричневых мягких диванов. Посетителей, ясное дело, не было. Но на столике дотлевала папи-

роса на мундштуке – хозяйская. Повезло Диме, что мадам решила слегка подымить в зале, под звуки дождя, раз отреагировала на его просьбы.

— Вы можете просушить вещи на кухне. – произнесла та тихо, поглядывая на улицу. Патруля пока не было видно. – Я сделала вам чай. Простите, не знала, какой хотите, потому заварила черный.

На столик перед мужчиной встала кружка на блюде со сверкающей ложкой. Рядом с ней лежала пара пакетиков сахара – пусть гость сам решает сколько ему насыпать.

— Спасибо, сколько...

— О, нет, бросьте, от чашки чая я не обеднею. – улыбнулась тогда фрау, отказываясь от протянутых долларов. – Вы ведь не отсюда, иначе бы не вышли на улицу, тем более в такую-то погоду.

Погодка, и правда, была не лучшая. С небес лило так, будто Бог в попытке вымыть полы, сделать это по-матросски, просто разлив ведро колодезной воды, а затем не совсем умело управился со шваброй. Не то, чтобы это не было погодой в Берлине, или хотя бы редким явлением, просто из детства об этой стране Среда запомнил только хорошее. В первую очередь все, что могло ассоциироваться у него с родителями, и особенно с отцом. Семейство жило в этом городе достаточно долго. Настолько, что маленький Дима успел здесь родиться, вырасти и успеть сходить на несколько лет в восточногерманскую школу, на чем настояла его мать – коренная нем-

ка. Еще одним из приятных воспоминаний стали два друга Михаила Феликсовича. Оба были сотрудниками немецкой контрразведки...

Один из них и мог помочь. Адлер Дениц – именно его отец рекомендовал сыну в первую очередь. Все-таки он было более легок на подъем, чем хмурый и задумчивый Гюнтер. «Шебутной мужик этот Адлер...» – рассказывал отец. И каждый день рождения Димы не обходился без подарка от немца, и каждый раз тот был с подначкой: то с рисунками, то с фотографиями, с вырезками шуток. На такого человека и была надежда сейчас. Надежда, то он, как и в прежние годы, пусть уже немолод, сорвется на помощь. Больше не к кому было обратиться...

— Да, я не местный. – пожал плечами Дима. – Я из России, мой отец служил здесь. Приехал повидать его друзей, а застал тридцать третий.

— Десантником был? Я раньше жила близь Котбуса. – с некоторым восхищением признала хозяйка. – Были там ваши молодые ребята. Все как на подбор красавцы. Да и я в свое время не была такой, как сейчас. Вот бы все это вернуть...

— Нет, не десантник... – помешивая чай, усмехнулся Среда. – Если бы был десантником, было бы проще. Тогда бы все его друзья были в бывших Републиках, а так... Пришлось лететь не в самый благополучный край теперь. Он работал в КГБ. Теперь об этом уже можно говорить.

— КГБ – серьезные мужчины. Хотя... – грустно искривила улыбку фрау. – Мы и этих полицаев считали серьезными. Думали, что голова у них на плечах, а оказалось, что в голове этой только приказы и деньги. Кто мог, уже давно уволился оттуда. Остались только «роботы». Айнзацгруппы...

Это было так. Сколько было новостных репортажей оттуда, которые освещали забастовку полицейских, которую разгоняли другими полицейскими! Абсурд! Кажется, в этом «театре одного народа» смешалось все, а страсть среди людских масс дошла до точки своего кипения. Полная неразбериха – все против всех. И правые, и виноватые попадали под одну гребенку протестов и арестов. Были и вооруженные стачки, и теракты, и длилось все это уже больше года. Бундестаг решил подмять недовольный восток силой, но вот у него не получилось. Оставшиеся после слияния двух стран люди все еще были с памятью о том, что политика может быть другой, что страна может быть другой. Но кто-то считает, что эти старики лишь проблема на пути прогресса, но ведь нет – прогресса не было. Было опустошение, поглощение, и крах, прямо как с Россией. Пусть наверху и заявляли об успехах, но это тоже похоже на старшего восточного брата. Все одинаково и путь одинаковый. Только здесь терпеть не стали и высказали мнение, за что и поплатились. Мятежные подразделения армии и полиции либо жестко подчинили воле новых командиров, либо распустили и продолжают распускать. Среди государственного аппарата прохо-

дят чистки и суды. Последней каплей стал Белый Дом, который высказал свою поддержку властям ФРГ, и ввел дополнительные войска на свои базы. Дядя Сэм окончательно заткнул требовательный народный фронт. Теперь здесь хозяйничал не только Бундестаг, ни никто и не думал признавать это вражеской оккупацией...

— Простите, я ищу тут один адрес, а телефон разрядился. — Среда пошарил по карманам. Когда нашел отрывок бумаги с адресом, показал его хозяйке кафе. — Вот. Это где-то в этом районе. Я жил тут в детстве, но сейчас не могу понять, куда мне идти.

— О, это совсем недалеко. — надев на нос тоненькие очки, та глянула на заковыристую надпись. — Два дома отсюда, там панельная постройка через парк.

— Спасибо еще раз. — засобирався на выход Дима. Только встав, остановился и повернулся. — Но почему вы не уедете отсюда?

— Потому что это наша Родина. — улыбнулась она подобному, подавая Диме его подсохшую куртку. — А какая бы она не была... Любить ее надо. Я провожу тебя до черного хода, так будет надежнее.

Дальнейший путь снова лежал под дождем. Вытряхнув из капюшона воду, Дима накинул его на мокрую голову и зашагал в указанную сторону. Огибал лужи и грязные участки. Кое-где под ногами хрустело стекло и шуршала тонкая, сделанная из ленты, колючая проволока, которую еще не успели

убрать.

Кусочки, маленькие фрагменты незамеченные уборщика-ми, но именно из них складывалась вся картина. Власти пытались быстро скрыть то, что уже перло из общества, как прыщ на лбу. От кого? От иностранных коллег, что вот-вот соберутся на очередную попойку, прикрывшись нефтяным саммитом. Не то, чтобы углеводороды были плохим поводом попить и попилить мир заново, но ведь все знали, что за официальной частью обязательно будет светский ужин с множеством того, что по цене уже давно побил новинки авторын-ка. Среда относился ко всему этому скептически. Что они могли решить, если на Ближнем Востоке Афганский монстр качал в три раза больше нефти чем раньше, но его не было заявлено на мероприятии? Что это был за перформанс от завсегдатаев нефтяного «клуба» – не пускать, пусть мощного в добывающем плане, но новичка? Или это был сабан-туй-междусобойчик? Ну, тогда это не перформанс, а префе-ранс. Как подъездные алкаши «соображают на троих», так и эти тоже... «сообразят» как именно выгоднее поделить черную кровь зеленой планетки. Простые, мерзопакостные тор-гаши.

...За рассуждениями Среда едва не пропустил дом, но повезло, что нужная квартира была в последнем подъезде. Ди-ма оказался как раз около него, когда пришел к умозаклю-чению по поводу предстоящего мирового мероприятия. По-глядев на мокрую от воды бумажку в руках, понял – адрес

верный. Оставалось лишь войти.

Домик был ну чисто советский, словно Среда и не уезжал никуда. Стандартная хрущёвка, коих в бывшем СССР было, кажется, больше, чем жителей. Но тут она была какая-то... более свежая, прибранная и аккуратная. Уже не было в ней деревянных рам, заставленных хламов лоджий и странных цветов вперемешку с сорняками на полянах между подъездами. Отличалась только дверь. Стеклянная! Такое было в первый раз... Страшно было подумать, что с ней бы уже сделали в России, раз в век безнравствия и плохого воспитания даже железные двери с несколькими замками не держат натиск вандализма. А тут вот такое чудо, в котором отражается мокрая щетинистая рожа, с туповатым уставшим взглядом глядящая на свое отражение.

Но размышления о «них и нас» прервал вышедший из двери рабочий, что несколько с удивлением смотрел на стоящего перед собой человека. Несколько секунд не спуская глаз со Среды, человек удалился прочь, достав из кармана какую-то ламинированную карточку – пропуск. Придержав ногой закрывающуюся стеклянную дверь, Дима зашел за нее, осторожно, практически с трепетом, закрывая.

— Точно не рассыплешься? – спросил он тихо, осторожно отпуская руки.

Глянув на плане эвакуации как располагаются квартирки, поднявшись по небольшим ступенькам и завернув к лестнице, Среда быстро сообразил на каком примерно этаже может

находиться нужная квартира. На третьем. В самом центре дома. А судя по планировке, окна должны были выходить на улицу, с которой он подошел.

Внутри домишка тоже был не отличительным. Все те же бетонные ступеньки с непонятными вкраплениями камня, базальта или... что это вообще было? Гранит?.. А красное?! Неизвестно, кому пришла в голову идея мешать в бетон различные камушки, а затем делать из этого лестницы, но это визитная карточка построек, которым было больше тридцати лет. И конечно же плитка. Маленькая, желто-зеленая, которой обычно мостили либо туалет, либо лестничную клетку. В России такая уже давно не сверкающая. Но тут она была чище, будто ее вообще не пользовали, не ходили, и сплошь летали над ней. Педантичные немцы были более аккуратны с наследием, чем погубленные горем по разбитой жизни россияне.

Перед взором предстала железная дверь с номером квартиры. Прежде чем занести кулак в попытке постучать, Среда подумал, что же сказать. Адлеру поди больше шестидесяти! Все ветераны. Оставалась надежда, что поймут, даже в таком возрасте помогут. Уже подняв руку, чтобы костяшкой пальца постучать в дверь, он еще раз остановился. Подумал, мол, а что если...

— Пропуск нужен? – раздался уставший голос.

За мгновение до того, как Дима постучался бы в дверь, ее открыли. При том не ясно, чем руководствовался житель,

ведь зрачка тоже не было. Хотя нет, это была жительница: стройная и миловидная девушка, лет таких, что можно было бы закончить вуз, но еще не потерять лик на работе. И она была красива. Слегка топорные немецкие черты лица сочетались с элегантными линиями скул и несильными впадинами на щеках. На ее горле виднелось множество мелких шрамов. Что-то их оставило, а значит мадам была не с самой простой судьбой. При том она, пусть и вяло, не совсем охотно, но приветливо улыбалась, не показывая зубов. Затем переменялась в лице, поняв, что Дима уже целую секунду не может определиться с ответом на заданный вопрос. А тот просто молча наблюдал, как его исследуют неестественно карие глаза за толстыми линзами в черной оправе очков.

Загудел какой-то странный агрегат за дверью, и девушка протянула ему пластиковую карточку с его физиономией, придуманными именем и фамилией, а также штрих кодом, как на товарах в магазине. Это и был тот самый пропуск. Она делала их нелегально, но Диму интересовало не это.

— Семьдесят евро, пожалуйста. – спокойной произнесла девушка, рассчитывая на награду.

— Что? – наконец понял, что же вообще происходит, мужчина. – Но как?! В смысле, я не...

— Камера в дальнем углу комнаты. – большим пальцем та указала через плечо, одновременно убирая постриженные под каре светлые волосы. – Прошу, не отнимайте мое время.

— Нет, мне нужен Адлер Дёниц. – показал ей бумажку

Среда. – Он жил тут, и, может быть, вы знаете, где можно его найти. Мне нужна его помощь.

Девушка смутилась, оттянула от мужчины руку с пропуском. И задумалась, оглядев неожиданного гостя. Небрежно кинула карточку на стоящий за дверью столик. Осторожно взяв у Димы бумажку, она внимательно поглядела на то, что там написано. Буквально ввевшись в витиеватую запись взглядом, она почесала затылок рукой в перчатке и отдала обрывок обратно.

— Кто вам дал это? Вы русский, но вам не идет фамилия Серафимов. – прищурила глаза она.

Она с первого раза, наугад, назвала его агентурную фамилию, под которой он учился в разведшколе при управлении ФСБ. Это было либо колдовство, либо Дима все же пришел по нужному адресу. Но кто эта девица? Среда не сомневался, что офицер контрразведки Штази мог его быстро раскусить, но она была слишком молода. Если она сотрудник другой разведки, то почему она делает нелегальные пропуска? Это были слишком сложные вопросы, ответов на которые пока не было.

— Подожди, минутку... – протянула она, отходя от двери, пропуская гостя внутрь. – Ты ведь Дима? Твой отец, Михаил Феликсович Среда служил во Втором Главном Управлении КГБ здесь, да? С семьдесят шестого по семьдесят девятый. А потом с восемьдесят шестого по девяносто первый.

— Быстро... – проходя через порог, протянул Дима,

осматриваясь. Камеры в дальнем углу не было. – Пора переставать использовать крем для омоложения. Я совсем не изменился?

— Нет, конечно изменился. Во время нашей последней встречи тебе было одиннадцать, вроде бы. – наконец по-доброму, искренне улыбнулась она ему, накинув на плечи халат из фиолетового шелка. – Но строение ушных раковин обычно не меняется с возрастом, как и общее положение носовой перегородки, расстояние между глаз и виски. А еще тебя выдал достаточно редкий оттенок глаз.

— Шерлок бы сейчас нервно закурил. – он стянул с плеч мокрую куртку.

Она усмехнулась, подав к его ногам два черных запыленных тапка. Сообразив, что стоит включить свет и не встречать гостя в впотьмах, та... не протянула руку к выключателю. Свет включился сам, притом переключатель щелкнул. Дима удивился, повернулся на звук, но никого не обнаружил. Может быть, еще один житель квартиры решил поспрятаться?

— Датчик движения сработал. – пояснила девушка, видя взволнованность. – Боюсь, что папы сейчас нет дома, он не сможет помочь... Зато, может, я могу попытаться? Я Морганна, помнишь? Его дочь.

— Точно! Как же я сразу не догадался?! – улыбнулся ей в ответ Дима, надев тапки на мокрые ноги. – Я ведь помню тебя, мы даже... дружили?

— Да, вероятно. Мне было шесть, когда рухнула стена и

восемь, когда вы переехали. Проходи в комнату, я сейчас сделаю чай и принесу тебе что-нибудь перекусить. – она прихлопнула его по груди, уходя в столовую.

Пройдя до указанного места, Дима потянул руку к переключателю. Еще до того, как его пальцы коснулись прохладного белого пластика кнопки, та щелкнула, и свет включился. Среда не переходил порог, а стоял чуть дальше. Просто протянул руку. Не понимая, как все это должно работать, огляделся. Все это и правда больше походило на чудесничество, потому что он такого раньше точно не видел. Ну, или не замечал. В любом случае, задерживаться в проходе не следовало. Потому мужчина слегка настороженно вошел в помещение.

Оно не было шибко большим и даже не слишком квадратным. Жил Дёниц с дочерью явно не бедно, но Дима не помнил этой квартиры и не мог сравнить с тем, как было во времена ГДР. Одно можно было сказать точно, а скорее даже воскликнуть – царские хоромы! Однако, интересной здесь была далеко не планировка, а то, что было в комнате с небольшим кожаным диваном и столом по середине. Здесь был и еще один стол, на котором что-то дымилось, но не сигарета. Только подойдя, Среда понял, что это была пара паяльников. Один посерьезнее, с большим жалом. Второй, наверняка, для тонких работ, раз рядом с ним на серебристой станине была лупа. Единственное, что не давало покоя – некоторый слой пыли на увеличительном стекле, ей не

пользовались, кажется, достаточно давно. А рядом коробочки с запчастями к механизмам и микроэлектронике. Болтики, едва различимые из-за размера винтики, и прочие метизы, оборванные куски кабелей различного сечения, а также части и детали от каких-то приборов. Это больше похоже на мастерскую, чем на комнату для гостей. Девушку явно давно никто не посещал. Как только Дима сел на диван, в воздух с того поднялась пыль.

Но его заинтересовало точно не это. На противоположной стене была целая куча медалей и каких-то грамот, презентов и кубков. Они все были убраны на верхнюю полку, и, скорее навалены на нее, чем просто разложены. Увидеть, за что конкретно они были получены не представлялось возможным. Но вот что можно было увидеть точно – фотографию Морганы в военной форме и с пассатижами в руках. Форма немецкая, но не армейская. Скорее, полицейский спецназ, или что-то близкое к этому.

— У меня тут небольшой бардак, все-таки гости приходят редко. – девушка поставила на стол тарелку с нарезкой сыра и колбасы, другой рукой подала Диме чашку с черным чаем на блюдце. – Обстановка рабочая, но ведь это не мешает нам попить чего-нибудь? В конце концов, столько лет прошло... Мне кажется, за разговорами будет уж точно не до бардака. Я, кстати, могу и по-русски. – развела руками она, заговорив для Среды по родному. – Если языковой барьер для тебя слишком сильный.

— Будто и не уезжал. — усмехнулся он, отпив чай. — Это твои медали?

— Да, большая часть. — держа в руках чашку и блюдце, поправив фиолетовый халат на себе, Моргана присела на диван рядом, подув на кофе. — Штуки три или четыре папиных. Управление, в котором я работала, не скупилось на медали. Да и научный центр при нем тоже. Ну, рассказывай, как жизнь?

— Э, нет, сперва твоя очередь. Больно мне чай понравился. — отшутился он, отпив еще немного, и глянул на часы. — Что за научный центр? Ты таки вроде тех ботаников, что карандашами в инопланетян тыкают в ужасной фантастике девяностых?

— Ха-ха, нет, я тыкаю не карандашом. — поддержала она, рассмеявшись и поставив кофе на стол. — Я закончила школу, прошла армейские курсы и работала в Противоминном Центре при контртеррористическом отделе Полиции... Ну, вообще, мы занимались взрывчаткой. — на пальцах попыталась объяснить девушка, почесав пальцем висок. — Я работала сапером, даже успела заработать славу на этом поприще. Но, одновременно с этим, помогала в разработке автоматизированных средств разминирования: роботов, костюмов и прочее. Если коротко — все те штуки, что должны спасать человека от непосредственного перекусывания, обязательно красного... провода. Дело не самое простое, но работала в команде, и было интересно.

— То есть ты создаешь роботов? – поинтересовался, не понимая, Дима. – Звучит... футуристично.

— Не совсем. – пожала плечами она. – Я разрабатывала общие механизмы, их совокупную работу. Можно сказать, что я отвечала за конечный этап разработки, за работу непосредственно всего агрегата. – Дениц развела руками на относительно большое расстояние, чтобы стало еще понятнее. – А также пишу программное обеспечение. И вот тут все делаю сама. Для бюро даже получилось разработать, хоть и проблемный, но искусственный интеллект, который проходит обкатку уже пару лет. Кстати, у меня кое-что есть...

Она встала. Запахнув халат и забрав с собой на кухню пустые чашки с блюдцами, вернулась с кусочком пирога, который поставила гостю. А сама из рук показала небольшую фотографию. На ней Моргана жала руку механической конечности на стенде. Девушка была запечатлена счастливой. В тот день ее явно сопровождал успех, но вот Среда услышал грустное всхлипывание и заметил на лице Морганы едва уловимую печальную ухмылку. Его только сейчас посетила мысль о том, что, вообще-то, в рабочее время Моргана сидит дома, и судя по крайне обжитой квартире – практически безвылазно. Как гениальный инженер и программист докатился до такой жизни? Ее уволили? Но почему? Такие фото, как это, не делают с простыми работягами. Она явно была важным звеном в истории с робототехникой. И тут до Димы дошло почему же в углу не было камеры...

— А почему ты не на работе? – начал он издалека, чтобы не слишком бравировать тем, что раскусил немку. Та убрала фотографию и натянула на правую руку рукав халата.

— Потому что... – попыталась подобрать слова Дениц, но замешкалась. – Мне... эм...

Было видно, что она ломалась, не хотела говорить, но это терзало изнутри. Думала, с чего начать, чтобы не повергнуть в шок.

— Мне запрещено работать. Я, пожалуй, единственный человек во всей Германии, которому запрещено работать по решению суда. – пожала плечами она. Отодвинулась от Димы, не смотря на него. – Я... я не знаю с чего начать.

— С начала. Оттуда, откуда будет легче. Хотя, я не настаиваю.

— А какой уже смысл скрывать, раз начала? Это очень болезненная, в прямом смысле, история... Мы работали над комплектом ручных протезов, потому как самая распространенная ошибка сапера – дрожащие руки, которые потом превращаются в пыль. Я писала для них программу, они должны были работать напрямую с мозгом, через чип с отдельным интеллектом. Мы разработали все за два года, собрали еще за месяц. Все проверили, и оно прекрасно работало при любых нагрузках... – было видно, что ей очень трудно говорить, но она продолжала. – Но я не успела закончить работу над программой полностью! Меня выдернули на очень сложное разминирование. Это был стадион в Мюнхене, где

работало три бригады. Вперед пропустили меня, как рекомендованного специалиста. Я... обезвредила ту бомбу, вынула ее дистанционный взрыватель. Но террорист нажал на свою кнопку!

Она медленно закатала рукав. Среда опустил глаза, но пока ничего особенного не видел. Но как только ткань халата поднялась выше черной кожаной перчатки, Дима увидел чешуйчатый серебристого цвета металл. С удивленным лицом глянул на девушку, которая была расстроена, несколько насупленна. Моргана, видно, свыкалась с мыслью, что ее плоть и кровь частично покинули ее. Ей было больно признавать ошибку. Свою, чужую – неважно. Ошибку, стоившую ей руки.

Сняв перчатку и бесшумно сжав металлический кулак, она повернула его, чтобы на матовом металле засиял свет от люстры. Каждая щелка, каждый элемент, каждая пятигранная чешуйка на тыльной части руки была просчитана до микрон. Все ходило, все двигалось как у живого тела. Эти элементы расходились и сходились, подобно настоящей коже. Не было ограничений в движениях, не было лишних звуков, скрипов и хрустов. Филигранная, по-настоящему ювелирная работа.

— Ух ты...

— Теперь не такая красивая, да? – саркастично спросила она, глянув ему в глаза.

— А мне так больше нравится. – с доброй улыбкой встре-

тил он ее слова. Осторожно взял за металлическую руку, рассматривая ту внимательнее. – Двигается совсем как настоящая! Что это за металл?

— Особо прочный сплав титана. – ответила Моргана достаточно спокойно. – Он держит пулю Калашникова с двадцати пяти метров, и уводит с десяти. Мне распылило руку, развернуло кусок плеча, вместе с ключицей. В левой руке лучевая кость так же из титана, как и два пальца, но те живые – их удалось собрать. А в голове... – она демонстративно ткнула пальцем в висок. – Шестимиллиметровая пластина, которая держит весь череп в сборе. Но, есть и еще кое-что. Ты ведь уже догадался, что там не было камеры, да?

— Ты не моргаешь. – повел бровью Дима. – В смысле, я ни разу этого не увидел до сих пор.

Она выдохнула и потянулась к очкам. Осторожно взявшись металлическими пальцами за душку, потянула их от себя, убрав волосы за ухо. На ее лице проступила мина недовольства. Ей не нравилось, что ее вывели на чистую воду, но пора было бы уже признаться... самой себе. Не прятать все то, чем наградила судьба. Окуляры оказались сложенными на столе, и на Диму смотрел совсем другой взгляд. От карих глаз не осталось и следа.

С прекрасного лица на него смотрели два сверкающих бирюзовых колечка, которые просвечивали даже через свисающие со лба пряди светлых волос. Даже Дима понимал, что внутри них что-то вроде камеры. Ну дает... Такие техноло-

гии уж точно не каждый день увидишь, особенно в живом, и очень прекрасном человеке. Она стеснительно покраснела, но не смогла опустить взгляд, и даже моргнуть. Ее бирюзовые глаза застыли на нем, будто пытаясь поглотить. Еще немного такого зрительного контакта, и сознание Среды точно начнет затягивать в черные окуляры, опоясанные электронным свечением.

— Ладно, тебе вроде бы нужна была помощь... – отвернувшись, Моргана надела на нос очки, кашлянув в металлический кулак. – Кушай тортик-то. Я вчера приготовила.

— А как же моя история? – несколько смутился мужчина. – Мы же...

— Ладно, не буду тебя обманывать. Это автоматическая штука. – пожала плечами она. – Я узнала тебя практически сразу, как только ты спросил об отце. Теперь я знаю все про тебя, что не засекречено. Подполковник, четыре командировки на Кавказ, кавалер шести государственных наград, а также секретарь в ФСБ...о, у тебя дочь, и... Прости, мне жаль, я не...

— Да ничего. Я узнал твое, ты мое. Все в порядке. – хмыкнул Дима. Воцарилась неловкая пауза, и ее прервал лишь звук вонзающейся в кусочек торта ложки. – Я тоже учусь жить с этим. Вкусно получилось, что это?

— «Прага», дедушкин рецепт. Говорят, его обучил один русский, когда они были под Смоленском... – стесненно усмехнувшись, немка потерла механическими пальцами

люб. – Отец страшно любил, когда я ему его готовила.

— Постой, постой... – чуть не поперхнулся Среда.

— Да, папа умер полгода назад, так что боюсь он тебе не поможет. – с грустной миной Моргана пожала плечами. – Зато я могу, чем смогу. Я осталась одна и уж на тебя точно найду время, если это не спасение мира. – она усмехнулась, но потом, глядя на изменившийся взгляд Среды, и сама стала осторожной с фразами. – ...так ведь?..

Не зная какие именно слова подобрать для ожидающей ответа дамы, Дима сперва немного поковырял кусочек торта, но затем отставил его подальше. Сложил руки в замок на коленях. Было очень трудно просить, но время поджимало. Среде нужен был помощник. Даже не так – команда. Ему определенно нужен был десяток людей, не меньше. Нельзя было рассчитывать на себя – только одного клоуна – зная, что придется вытаскивать «кролика» из вольфрамовой, сошедшей с орбиты, шляпы.

— О, черт... – по паузе Моргана все поняла.

— Я не знаю даже с чего и начать. – развел руками Дима. – Все было в спешке. Ты, наверное, слышала про взрыв в Министерстве Обороны? Там на срочном совещании обсуждались вопросы стратегической важности, но все в один момент пошло уж точно не по стратегии. И это главная проблема – Россия сейчас в кольце врагов, как с Востока, так и с Запада. Ты ведь знаешь Ульяну Вирхову? Генерал-майора? Она выжила и приползла ко мне с дырой в пузе. Если очень

вкратце, то кто-то спустил советский спутник с дальней орбиты Земли и направил его на Берлин. Он упадет на город через... сорок два часа.

— Это было бы бредом, если бы я не знала, что ты не врешь. — шире раскрыв один глаз, она глянула на Диму ко-со. — Черт, ты ведь и правда не врешь! Но, мы же помним, что через несколько дней здесь будет саммит, где соберется весь высший свет? Для него уже который день Нео-Гестапо расчищает улицы... погоди, а что ты должен сделать? Не дать ему упасть? Каким образом?!

— Нет, не это моя задача... — пожал плечами тот, мотнув головой. — У станции на борту какой-то гребаный груз, который не должен-таки попасть в руки как немцев, так и, тем более, американцев. Станция сверхсекретная, а если она окажется ещё и опасной — хлипкий мир рухнет. Мы забираем посылку и сваливаем ко всем чертям.

— Ко всем чертям, говоришь... — начала греться Моргана, исказив улыбку. — А кто будет разбираться с тем дерьмом, что свалится на Германию с неба? Немцы?! А нас никто спросить не хочет, или мы снова разменная монета?! СССР бросил нас, Россия обрушила спутник, а американцы уже тридцать лет пытаются придушить! Дима! — вскочила она на ноги. — У этой истории НЕТ конца. Кто со всем этим будет разбираться, кому предъявить счет за возможные жертвы?! Нам их сейчас, итак, хватает...

Тяжело выдохнув, Дениц подняла очки на лоб и потер-

ла титановыми пальцами переносицу. Было видно, как она скалится от выбора: помочь и поспособствовать в вероятном разрушении собственной страны и города, или же промолчать, отправить мужчину домой, но все с тем же исходом. Дилемма стояла непростая, потому что факт оставался фактом – если станция не взорвется в воздухе, не сгорит в атмосфере или не разобьется об МКС, то все равно, рано или поздно, она будет на Земле. Пушечным ядром прошьет все, что будет на ее пути. Это была уже не расчётная теоретическая реальность, а ближайшее будущее. Если на борту что-то действительно серьезное... Что-то, что может привлечь тех, кому эта «посылка» не была адресована... То это вызовет очень и очень большой резонанс в мировом порядке. Даже сам факт падения будет уже не столь нужным! Все внимание уйдет на содержимое. Там может ведь оказаться что угодно. От стратегических карт, до оружия массового поражения. От космических неизученных болезней, до того, что совсем не может представить человеческий мозг. И это пугает.

Громада советского вольфрама падала с небес, как запоздавший «привет» с Востока, и несла в своем чреве неизвестную дрянь.

...А как бы поступил ее отец? Все же Дима рассчитывал на него, потому что знал, что Адлер Дениц скорее всего в лепешку бы разбился, но помог товарищам. Пусть не самый серьезный, не самый правильный, но немец был всегда своим и для отца Среды, и для самого Димы. Он бы не бросил

их в беде. Об этом же подумала и Моргана, на мгновение посмотрев на фотографию отца, которая была на прищепке над рабочим столом.

— Он бы тебе помог... – сказала она наконец, тяжело выдохнув. – Значит, помогу и я. Задача явно сложная, а значит здесь нужна сплоченная команда.

Моргана скинула с себя халат. Сверху осталась в желто-фиолетовой майке. Взгляду предстало все ее полное красочное тело. Теперь почти ничего не скрывало элегантно изгибы. Она была не хрупкой, как вытянутый винный фужер. Но и не набита мышцами под завязку, как Ульяна. В ней был идеальный баланс между харизмой и нежностью, между силой и женской слабостью. Между живой теплой тканью и холодным матовым металлом. На руках виднелись редкие волны – там под кожей скрывались тренированные суровой службой мышцы. При том Дениц была милой, с аккуратной шеей и плечами.

— Если есть команда, вообще замечательно! – взялся за тарелку с недоеденным тортиком Среда, запихивая в рот последнюю ложку с «Прагой».

— Мы поедем в Управление. Постой ровно. – посмотрела она на него внимательно, явно сфотографировав.

— Стой, стой, в твое Управление?! – уточнил тот, прищурившись. – Ты уверена, что стоит привлекать немецких военных?

— Да, уверена. Дим, тебе нужна помощь или нет? Я им

доверяю, и либо они, либо ты сам по себе.

— Черт... – прошипел Среда через зубы, прикрыв рот рукой. – Тогда стоит поспешить.

Прыгнув в дорогие, фиолетового цвета кеды, Моргана достала из-под крышки принтера новый пропуск. Теперь уже с нормальными именем и фамилией. Девушка открыла полку у комода, достала оттуда ключи. Они были не от квартиры, потому что квартирные в замке, готовые к повороту. А эти скорее от амбарного замка. «Гараж?» – догадался Среда, на что Дениц с едва заметной улыбкой кивнула, а затем ответила: «Покажу еще кое-что...». Перекинув Диме с вешалки сине-фиолетовую ветровку из синтетики, примерно такую же, какую вся Россия носила во времена «братков» и «кабанов», Моргана взяла за воротник его мокрую кожанку и повесила на межкомнатную дверь, чтобы та хоть немного просохла. Сборы продлились еще несколько секунд, и наконец дверь закрылась на замок с другой стороны квартиры.

...Цепь покосившихся гаражей постепенно превращалась в целый кооператив. Моргана и Дима проходили все дальше мимо рядов проржавевших коробочек с пробитыми крышами. Это тоже было наследие Варшавского Блока. ГДР настраивал таких гаражей столько, сколько тогда не было машин. Сейчас же они стояли без дела, потому что были попросту не нужны. Это было больше похоже на кладбище, чем на действующее пристанище автолюбителей и ремонтников. Но девушка вела себя уверенно, даже не замечала растущие пря-

мо из крыш березы и липы. Дениц подошла к ржавой двери, и просто приложила ключ к амбарному замку на петлях. Тот открылся. Скорее всего, под ржавым металлом снова пряталась очень технологичная начинка. Это словно подгоревший, но очень вкусный пирог, от которого не ожидаешь взрыва сливочно-кремового вкуса. Сказать, что Дима удивился – ничего не сказать. Не то, чтобы он был как ребенок, скорее просто Моргана умела разрывать все шаблоны.

— Гараж часто вскрывали. – пояснила она, убрав ключи в карман. – Пришлось придумать что-то, чтобы этот замок нельзя было вскрыть отмычкой и матом. Как будто тут есть что взять...

Дениц открыла скрипучую железную дверь, которая с другой стороны выглядела намного приличнее. Отделанная белым и чистым металлом, она почти сверкала. Там, где должны были быть, по логике, крепления для шпингалета, красовался электронный замок с блоком управления. Но, как Большой Театр начинается с вешалки, так и это технологическое чудо начиналось не с самого главного. Сперва была небольшая комнатка, где можно было посидеть. Пара диванов, журнальный столик и вертикальный холодильник, который едва слышно гудел, работая. На белоснежной стене висел телевизор, а на столе стоял ноутбук и лампа. На стойке был набор инструментов и деталей. Похоже, девушка и здесь что-то проектировала, ведь над столешницей была большая пробковая доска с чертежами и эскизами разнообразных ме-

ханизмов. Не задерживаясь в этом помещении, Моргана дернула дверную ручку, что должна была вести в другую часть миниатюрного ангара. И, похоже, что цепь гаражей была соединена в один большой. В настолько маленьких, внешне, постсоветских «коробочках» не могло разместиться все это добро.

Следующий зал был намного больше и тут уже была основная масса интересного: полноценная рабочая зона с цепным подъемником и верстаками, в углу стоял деревянный шкаф – бывшая картотека, как в библиотеке, наполненная болтами да гайками. Дальше пара отключенных и запакowanych в целлофан станков, которые либо не открывались, либо уже перестали работать. В помещении оказалось не прибрано. Видно, что это место не посещали многие месяцы

Внезапно над дальней частью, что была метрах в шести, и где виднелся какой-то черный приземистый силуэт, загорелся свет. Там стояла машина – купе, с клинообразным носом, что было достаточно узнаваемо во всем мире – BMW. Ну еще бы, какая еще машина может стоять в гараже у немки, особенно когда на ее Родине такие машины сейчас, как шестерка «Жигулей» в пригороде Саратова. В Германии они практически ничего не стоят.

— Скромненько... – осматриваясь, произнес Дима.

— Не думай, что я за еду работала. – Моргана мягко прошла до машины, с едва слышимым звуком открыла ее дверь и взяла оттуда что-то. Еще одни ключи. – По линии иссле-

дований у нас были весьма хорошие контракты. А покупка кучи ржавых гаражей едва ли могла ударить по кошельку. Когда-то я здесь проводила больше времени... Но сейчас и смысла особо-то нет, потому что работаю в основном удаленно.

— Удаленно? Что входит в твою работу? — спросил Среда, подходя к машине и присаживаясь на ее капот. — Я понимаю, когда ты работала в Управлении...

— Я пишу коды, иногда разрабатываю механизмы в программах. — спокойно ответила та, подкидывая металлической рукой связку ключей. — Консультирую и так далее. Работа не самая пыльная, но... быстро наскучивает. — она глянула на Диму, потянув улыбку по своему лицу... — О, мы не на этой поедем...

Дима прищурился, не совсем поняв ее слова. Он пока не заметил других, настолько же явно стоящих машин. Но, оглядевшись, увидел. За ширмой, под брезентовой накидкой, было что-то длинное, но при том квадратное. Несколько даже... родное? Однако, силуэт не самый понятный. По миру машин, похожих на чемодан, ездит слишком много. Точно можно было сказать только, что под накидкой что-то действительно культовое.

— Для этой машины у меня нет двигателя. — прихлопнула рукой по капоту породистого немецкого авто девушка. — Я заказала новый, с завода, а из-за сложившейся политической ситуации, и забастовки там, он мне пока не пришел. Но я

успела кое-что сделать...

Разведя руками, Дениц прошла мимо машин. Осторожно взялась живой рукой за уголок накидки и потянула ее на себя. Когда пыльный кусок брезента оказался на полу, Дима увидел собственное отражение... на хромированном зеркале. Взгляд плавно переключался на блестящую, идущую через весь корпус, от задних шестиугольных вытянутых фар до круглых фонарей в передней части, металлическую линию. Да даже дворники были покрыты блестящим металлом! Эту машину было не спутать. Детище Горьковского автозавода, настоящая красавица, выведенная в идеал и сверкающая полированной черной краской и хромом «Волга».

— Красотка, а? – улыбнулась Моргана. – Отец говорил, что она досталась ему бесплатно и он перегнал ее из Киева, через всю Восточную Европу. Но потом сам забыл, и она простояла в гараже больше десяти лет. Я ее почистила, покрасила и перебрала, выкинула практически все сгнившие за это время внутренности. Здесь тысяча лошадиных сил, и коробка передач, способная прожевать полторы и не подавиться. И... – машина, с чуть слышимым писком сигнализации, взревела двигателем, громыхнув на весь гараж. – ... электронные мозги. На дороге ей не будет равных.

— Ты сама? – не переставал удивляться Среда. Убрав руки в карманы, подошел поближе. – Невероятно.

— С этой штукой... – металлическим пальцем девушка осторожно коснулась виска. – Нет неизвестных технических

решений. Она невероятно расширяет границы умений, и то, что ты не мог раньше, теперь выполняешь спокойно. Но мою программу отклонили.

— Почему же? – поинтересовался он.

— Пока я была в Мюнхене, – начала Дениц, скрестив руки на груди. – Проходил заключительный этап испытаний. Им нужен был военный протокол, который я не успела дописать. Дело отдали коллеге, который не должен был делать ничего в моей программе, и которому я лично запретила это делать! Но совет директоров спешил закрыть контракт и получить деньги, а потому меня даже не спросили. Протокол оказался нерабочим, часто сбоил, таким его и запихнули в меня – вот тебе и ответ, почему мне нельзя больше работать.

— Но ведь ты его переписала, пере... переделала? – спросился на нее Среда.

— Нет, диагностика показывает полную работоспособность. Вручную тоже не смогла найти ошибку. – с огорчением она пожала плечами, присаживаясь на крыло Волги. – Вероятно, тут дело в том, что при совокуплении с моим искусственным интеллектом, протокол просто был уничтожен в автоматическом режиме, как нерабочая ячейка. Потому и не сработал для военных. Я не знаю, я не могу понять. Это до сих пор загадка. Ладно... – перед фарами машины начали открываться двери гаража. – Пора выезжать.

Обойдя машину и открыв дверцу, Моргана села на мягкое водительское кресло, потянув на себя ремень безопас-

ности. Дима к тому времени оказался на пассажирском, уже пристегнувшись. Внутри машина ничем не отличалась от заводской Волги. Не было ничего необычного: те же кресла, но несколько мягче, те же коврики и чудовищно неудобный тонкий руль, радиостанция с кривыми кнопками и огромная дверца бардачка. Классика, в общем, прямо как в детстве, когда Среда-старший возил сына на служебной машине. Была в этом какая-то романтика – ретро – как модно выражаться. Притом авто не гудело, не тряслась ручка переключения передач и была хорошая шумоизоляция. Мечта!

— Будем надеяться, что они не ушли на обед. – поставив ноги в фиолетовых кедах на педали, Моргана включила передачу. Коробка ответила едва слышным щелчком.

Ворота за машиной закрылись сами.

Часть 4

Машина мягко затормозила около огромного здания, больше похожего на те советские небоскребы с проспекта Калинина. Разве что различалась – немецкий аналог был в два раза меньше и чуть уже. Величественное белое здание с кучей окон и просторных балконов. Будто раскрытая книга, оно стояло посреди района из восточногерманских пятиэтажек, откуда, кажется, никто и не думал показывать носа. Улицы пустовали. Ветром по мокрому асфальту тащило мелкий мусор, и скомканные газеты с заголовками о новом

разогнанном бунте. Кто бы мог подумать, что у педантичных и преданных идеям чистоты немцев может быть такое? Но в современных реалиях... было возможно все.

— Вот оно. — качнула головой Моргана, заглушив двигатель Волги.

— Как-то пустовато... — напряженно выдохнул Среда, оглядев парковку. — Ты уверена, что нам сюда?

— Да, зайдем и пообщаемся. — ответила она, прихватив с торпедо пропуск.

Диме не нравилось все это. Почему стратегически важное для Берлина здание сейчас пустовало, когда на кону было такое событие, как нефтяной саммит? Сейчас все, кто мог держать оружие, должны быть посланы на обеспечение безопасности этого мероприятия. Но, за место этого, было полнейшее запустение. Дима машинально потянулся за оружием, но того не было. Моргана же сжала металлический кулак. Она не без интереса разглядывала бывшее место работы, переходя пустующую парковку.

— Как давно ты здесь не была? — спросил ее Среда. — Выглядишь взволнованной.

— С похорон отца. — ответила Дениц, разжав руку. — Мне не за чем было появляться. Однако, раньше здесь было больше людей. Что-то явно случилось.

— Нам точно стоит туда заходить? — Дима сбавил шаг. — А если там американцы?

— Нет, им нет дела до этого здания. — вяло махнула ру-

кой девушка. – Они практически безвылазно на своих базах. Лишь иногда нажираются в барах. Боятся того, что новые волнения сметут их из Европы, а потому все сильнее давят на страну оружием. Облачают нас в латы из комплексов противоракет и суют в руки термоядерный меч.

— И на какой поход они собирают этого тевтонца?

— А вот это очень хороший, но риторический вопрос...
– она вытянула губы в линию, грустно усмехнувшись.

Пришли. Двери не были закрыты. Рядом лежал замок с цепью. На эту парочку явно запирали те дубовые кондовые двери с ромбическим рисунком, что встречали всех в былые времена. На фасадной стене виднелся белесый след от висевшей некогда таблички и дыры от вырванных с корнем болтов. На демонтаж не поскупились. Металлическая рука коснулась дверей и осторожно потянула. Створка поддалась. Мягко отошла, едва различимым скрипом, освободив пространство для прохода. Осмотревшись, Дима и Моргана вошли внутрь, в два шага миновав еще одни двери.

— Ау-у... – не повышая голос, позвала на немецком Де-ниц. – Здесь кто-нибудь есть?!

Стерев пыль с металлических перекладин, огораживающих вход, Среда глянул на пальцы. Поднял взгляд вверх, пытаясь осмотреть весь высокий потолок, но здание было без света. Точно над ним когда-то была люстра. Сейчас же из лепнины в виде герба ГДР торчала коса оголенных проводов. Обстановка была жуткая: темное, явно заброшенное и

ненужное помещение холла, вырванные с корнем и сложенные в кучку турникеты. Можно было подумать, что здесь была стройка, или демонтаж, но нет. Ни строительных лесов, ни рабочих, ни мешков с песком, цементом. Не было строительного инвентаря. Словно просто повыдергали, что могли, и бросили. Осторожно переступив через сломанные турникеты, Среда прокрался по залу до деревянной тумбы. От просторного холла вправо и влево шли коридоры, отделенные от залы дверьми. Не предвкушая ничего хорошего в настолько гнетущей атмосфере, полумраке и гробовой тиши, Дима коснулся дубового стола, где должен был вестись контроль все прибывших. Но там ничего не оказалось. Все было вывезено – бумаги, ключи. Все полки были пусты, картотека тоже. Тут был апокалипсис. Величественное и когда-то красивое здание, огромный форпост борьбы с преступностью, который стоял здесь со времен Варшавского блока, словно склоненный от старости гигант доживал свои годы, трещал по швам и разваливался. Это была мода новейшей эпохи. Но, как и во времена двухполярного мира, ГДР была лицом восточного прогресса и социалистической идеологии, так и сейчас все, что осталось от нее является лицом, но уже старческим, с морщинами и недовольным взглядом, из-за которого хочется только пожалеть.

Вероятно, тут уже нечего искать и можно возвращаться домой, но всего одна мысль заставляла Среду оставаться – дверь была не заперта. Почему? Значит, кто-то был здесь!

Кто-то целенаправленно пришел сюда раньше них и был где-то в здании. Можно спросить его, что происходит. Дима пошел к Моргане, переступая обломки герба с потолка. Та прикрывала рот рукой. Явно ошарашенная таким видом, девушка была не в лучшем настроении и просто оглядывалась вокруг, прокручивая в голове былые времена и то, как все выглядело.

– Это была Чехословацкая люстра... – подняла она взгляд на осыпавшийся герб. – Она весила пол тонны, и висела с самого открытия здания в семьдесят седьмом... Тут все так... Так...

— В здании явно кто-то есть. – сухо произнес Дима, подойдя к ней и указав на следы ботинок. – И это не воры или бездомные, раз отперли замок.

— Может Гюнтер? Его кабинет на третьем этаже. – предположила та, поглядев на двери, что уводили в боковой коридор.

Те едва слышно скрипнули, дернувшись на сквозняке. Ощущения были жуткие, света не было, а коридор оказался чудовищно темным. Диме становилось не по себе. Бывшее здание Противоминного Цента мрачное и пугающее, отгаликивающий пережиток прошлого со своими «призраками». По спине Среды пробежал холодок. Он не хотел идти туда, будто чувствовал что-то, но понимал, что там ничего нет. Но в нынешний век могло твориться что угодно. Ему стоило все же найти где-нибудь оружие для собственного спокойствия.

Переступив за порог разбитых дверей, войдя в коридор, пара осторожно прошла мимо рядов одинаковых дверей, которые закрывали разнообразные кабинеты и хранилища. Моргана чувствовала себя несколько увереннее, однако и она волновалась. Стараясь не сильно шуметь, они вышли к лестнице, начав подниматься. И если раньше спасали большие окна, то здесь не было даже намека на хоть какой-нибудь источник света. Достав из кармана телефон и подсветив путь, Дениц аккуратно ступила на гранитные ступеньки.

— Здесь работало две с половиной тысячи человек... — едва слышно протянула девушка, из темноты выхватив лучом фонарика набросанный на ступеньки металлический мусор. — Здесь был крупнейший противоминный центр во всей Европе, что случилось?

— Не знаю, но, кажется... — Дима указал на следы, пошедшие на этаж. — Скоро узнаем.

Третий этаж. Все, как и говорила девушка. Видимо, это и правда был Гюнтер, который остался последним работником в этом забытом всеми месте. И снова был длинный коридор с множеством закрытых дверей. Все здание Управления было словно погружено в сон, оно было и не живо и не мертво. Чувствовалось, что раньше кипела жизнь, но почему она ушла отсюда навсегда? Этот день ставил слишком много вопросов, и нужно было найти ответы хотя бы на какие-то из них. Потому, миновав коридор, пара людей подошла к нуж-

ному кабинет. Красновато-желтое свечение просачивалось в коридор через зазор между полом и дубовой массивной дверью. Скорее всего работала портативная лампа или даже костер. Это было глотком свежего воздуха для Димы. В один миг рухнула вся напряженная атмосфера. Расслабившись, Моргана занесла металлическую руку, чтобы постучаться.

В дверь врзал заряд дроби, выбив сноп щепок. В последний миг Дениц успела увернуться, будто почувствовала неладное. Пригнувшись, Дима подбежал к ней, попытался оттащить ошарашенную девушку.

— Проваливайте отсюда! – заявил хриплый голос на ломаном английском. За дверью лязгнул затвор дробовика. – Я уже отдал вам все, что мог!

— Гюнтер, это я! – ответила Дениц, вскрикивая. – Я, Моргана!

Ударом ноги вышибив остатки двери, в коридоре появился седой старик с проплешиной. В налитых кровью глазах, практически невидимых за старческими морщинами, читалось недовольство неожиданным визитом. В одно движение направив дробовик на неожиданных гостей, он на мгновение ослабил хватку, узнав девушку. Но затем, увидел за ее спиной Диму и вновь поднял оружие.

— Кто это? – сквозь зубы спросил старик.

— Это Среда, и ему нужна помощь! – та закрыла Диму руками.

— Чушь, Среда мертв, как и твой отец. Эти твари сжи-

ли их со свету! – не унимался Гюнтер, все еще не спуская с мушки лицо мужчины.

— Я Дима, его сын! – наконец сказал тот.

Гюнтер бросил удивленный взгляд на Моргану.

— Да, это он. – выдохнула она.

— Вот черт... – старик опустил ружье и схватился рукой за седую голову. – Я... я же вас чуть не убил... Ой, дурак!..

— Спокойно, просто успокойся... – металлической рукой Моргана осторожно взялась за ствол дробовика, потянув оружие из его рук. – Ты ведь нас не убил. Отдай-ка.

— Что тут произошло? – Дима скосился на побитого жизнью деда. – Я ведь помню вас, мы знакомы. Тогда, в том Берлине, в моем детстве.

— Пойдемте, я вам все расскажу. – отпустил рукоять оружия старик, отдав его Моргане. – Ты меня прости, сынок. Я слегка перегнул...

Он был уставший. Ему, наверное, чуть больше шестидесяти. Они практически ровесники с Мишей – отцом Димы. Правда, тот почил раньше, а этот еще держался, и даже на ногах, что для их профессии было в диковинку. Немец посвятил всю свою жизнь работе в Штази, занимался минами и учил Моргану. Об этом было известно даже Ульяне, которая Среду сюда и отправила. Правда, она, видимо, знала, что с Гюнтером уже что-то не то, и решила позволить Диме найти Адлера, но и того не оказалось на грешной земле. Что ж, всех теперь было уже не собрать. Однако старик мог оказать-

ся еще одной силой, обломком бывшей команды, что рассыпалась с падением Варшавского блока.

Прихлопнув себя слабыми руками по швам, Гюнтер развернулся, взявшись за голову. Вошел в просторный кабинет с пустыми полками и стеллажами. Рядом с заваленным папками столом в железной бочке догорали какие-то документы. Немец что-то уничтожал, и гости застали его совсем не вовремя.

— Я посвятил свою жизнь Германии и немцам... – выдохнул он, присаживаясь на стол. – Я служил верой и правдой, работал не покладая рук с вашими отцами, но чем мир отплатил мне?! Этот кабинет помнит, как на нас смотрели ИХ ядерные ракеты, а теперь они уже на нашей земле. Чертовы капиталисты сожрали все, за что я сражался и проливал кровь... Уничтожили мою Германию. Они отняли у нас все, что было и всучили свое! – пристукнув по столу, он грустно оскалился, шумно выдохнул. – Тогда я был малодушен, не высказал, и потому смог остаться на работе. И воспитал сотни высококлассных специалистов, но беда снова постучалась в мои двери. Вашингтон решил, что нам не хватает их ракет. Я был против! Я сказал им, что я начну вести против них борьбу, потому что мне надоело, что нам не дают спокойно жить. Когда начались чистки и протесты, Центр не остался в стороне. Я не приказывал своим ребятам помогать «осси», но они вызвались сами. Все, кого я воспитал. Мы показали, что нас не сломить, но поплатились за это. – осторожно при-

встав со стола, старик кинул в бочку какую-то папку и посмотрел, как ту начинает сжирать в себе желто-красное пламя. – Многие из этих дел вел лично я. Здесь печати Советского Союза, ГДР, Польской Народной Республики, Народной Республики Болгарии, Венгерской Советской Республики и Чехословакии. Ни одной из этих стран уже нет. В нашем хранилище были миллионы томов засекреченной информации без срока давности. И когда они пришли ко мне с оружием, желая получить власть над этим местом, я сжег все хранилище дотла. Я клялся, что буду защищать секреты своей Родины! И я их защитил...

Его голос дрогнул. Стариковская рука нащупала стол и оперлась на него. Человек очень устал и все время хотел присесть. Ему было тяжело, как физически, так и душевно. Он оказался надломлен... Но не разбит.

— Они разнесли все мое Управление. Упразднили и закрыли. – он повернулся к Моргане, украдкой протерев глаз. – Все, что работало практически сорок лет – все! Оно стало ненужно. Мы стали не нужны! Моих ребят распустили, отправили меня на пенсию и навесили на здание замок, запретив приближаться к нему. Все, что было не закончено передали американцам. Статус Противоминного Центра – отдали американцам. Все оборудование, технологии и отдел разработок – гребаным американцам!!! Наша власть сгнила! Ее не интересуется народ, ее не интересуют воины, что стоят на страже с тех времен, когда та еще не родилась. Ее интере-

суют только деньги и покровительство. Богемная грязь, что всплыла из сортира – вот кто они такие. Они думали, что я оставлю все так, как оно есть. Что я не уничтожу остальное... – показал он папку в руках, демонстративно кидая в бочку. – Все, что было в столах. В полках. На полу. – в бочку летели еще и еще папки. – На столах и в коробках. Под потолком и в коридорах. Я не дам им ничего! Они властны, считают, что могут все. Пусть собирают пепел.

— Что с моей программой?! – поддержнула его за руку Моргана. – Она осталась на резервном сервере на седьмом этаже. Что с другими образцами?

— Ты ведь знаешь все... – чуть усмехнулся Гюнтер, коснувшись пальцем виска. – Провидец.

— Я выпала из информационного поля после смерти отца. – ответила та, все еще ожидая ответа. Пристально смотрела старику в глаза. – Я не знала, что Управление закрыли. В исследовательском модуле были экзабайты информации по сверхсекретным проектам управляемых аппаратов, экзоскелетов и протезов. Они тоже ушли в Штаты?

— Нет, я велел стереть все до последнего файла. – помотал головой тот, снова закидывая в топку пару папок. – Один из сотрудников предложил запустить вирус в систему, и я согласился. Они получили «троянского коня» ... что и заслужили. В девяностые мы отдали им все свои танки и самолеты. Но теперь они получают только хер без масла.

— Гюнтер, нам нужна помощь. – вмешался в диалог Сре-

да.

...После того, как русский раскрыл всю обстановку над германской столицей, помрачневший Гюнтер молча свел руки на груди, опустил голову. Выдохнув, немец осторожно развел руки, опираясь ими на стол. Подняв глаза, посмотрел на фотографию в потрескавшемся стекле. На ней он был молодым и сильным, в строгой восточногерманской форме, а на его плечах сидел другой улыбчивый солдат с растрёпанными русыми волосами. Тот в застывшем взмахе держал рыжий берет. Это и был Адлер – отец Морганы. Обстановка помрачнела еще сильнее. Тишина оказалась гробовой. Все молчали, и никто не знал, что можно было сделать с этой ситуацией. Становилось все яснее, что занесенный над городом Дамоклов меч все равно рухнет на него. Пострадают люди, город, политическая обстановка и сам мир. Но, можно было сгладить углы, не допустить к грузу тех, кто не должен был оказаться около «Пульсара-6». Это и становилось основной задачей. Но нужна была группа захвата. Двое бывших сотрудников органов и один недовольный пенсионер не были ощутимой силой.

Тогда Гюнтер, оттолкнувшись руками от столешницы, вышагнул на середину кабинета. Прикусил губу и задумался

— Мы с вашими родителями обещали позаботиться о том, что после нас останется. Значит, я обязан исполнить свое обещание. – улыбнувшись, он глянул на Моргану. У той еле заметно дрогнула губа. – Я вызову твою группу, Дениц.

Всех, кого смогу. Но, это не меньше двух часов. Все в бес-
срочном увольнении, могли и разъехаться.

— Спасибо. – скромно ответила та, встав. – Мы подгото-
вим оружие. Что-то осталось на складах?

— Нет-нет, этим займусь я... – довольно усмехнулся он,
снова подойдя к столу. – У вас будут дела важнее этого.

Гюнтер бережно достал из-под папок белый конверт из
плотной бумаги. Он был закрыт на советскую марку с Кие-
вом. Старик протянул загадочное послание Диме, а тот сму-
тился. Но на смущение ответом был простой кивок. Без слов.
Это было уже больше похоже на секту – все всё знали и на-
правляли его. Ульяна знала о том, что помощь будет, обе-
щала достать самолет, Гюнтер протянул загадочное письмо,
где наверняка была подсказка. Так и оказалось. Ногтем под-
дев марку, Среда осторожно раскрыл конверт и увидел поло-
женную туда визитку на немецком. По диагонали изучив ее
содержание, понял, что эта «подсказка» отсылала его ни ку-
да-нибудь, а в какой-то криминальный стрип-клуб на окра-
ине Берлина, если адрес и знание города не ввали мужчине.
Этим заинтересовалась и Моргана, перенявшая маленькую
цветастую карточку. Задумчиво хмыкнув, она покрутила ее
в руках, внимательно посмотрела на разохшиеся слои бу-
маги. Раскрыв уголок, увидела крохотную пластинку.

— Маячок. Тонкая работа, – объяснила Дениц, сцепив об-
ратно слои степлером со стола Гюнтера. – «Шерхан». Это
клуб на окраине. Одно из самых криминальных мест в горо-

де, и последнее, куда заявится простая полиция. Идеальное место, чтобы что-то передать или забрать.

— Рации передадут именно там. – сообразил Среда. – Маячок нужен для нашего обнаружения и идентификации. Откуда этот конверт?

— Нашел сегодня на ручке двери. – показал на выход Гюнтер. – Подумал, что это американцы вздумали мне угрожать, но как явились вы, понял, что послание не мне.

— Поехали, разберемся с этим. – выдохнула Моргана, отдавая карточку Диме.

Часть 5

Волга остановилась в очень грязном переулке. Вокруг повсюду были бездомные, куртизанки и бездомные куртизанки. Рядом с переполненными мусорными баками были груды набитых полиэтиленовых пакетов, грязная мебель и прочий хлам. Кажется, кто-то соорудил здесь место отдыха. Во что же превратился этот город...

Уже с улицы было слышно, как внутри трехэтажного здания во всю играет громкая музыка. Чудовищный ритм, словно внутри работала артиллерия, бил по стенам, сотрясал атмосферу даже за пределами клуба. Тела у ворот начинали поддаваться этой музыке. Каждая клетка дрожала точно в быстрый и колющий такт. Над входными дверями, покрытыми россыпью пятен, была цветастая неоновая вывеска в во-

сточной стилистике. Кажется, из массы народа немцев здесь было чуть меньше, чем в Израиле. В основном это были бородатые и не самые приятные на вид мужики-образины, и их дамы. Место крайне отталкивающее.

— Уже бывала тут? – спросил Среда, наступив в грязную лужу. – Ты какая-то спокойная.

— Да, и очень много раз. – Моргана развела руками, скрипнув кожаной перчаткой на металлической руке. – Здесь часто сообщали о бомбе. Но тут нужны не саперы, а Наркоконтроль.

— Замечательно. – выдохнул тот. – У вас оружие хоть было?

— Не было. – ответила она. – Мы входили практически голыми. Охрана здесь серьезнее, чем армия у Гондураса, и, если у тебя нет их разрешения на оружие, они тебя не пустят. Этот рассадник хотели закрыть больше двух сотен раз, но каждый раз полиция бездействовала. А бургомистр покупал себе машину.

Заметив длинную очередь, Дима передумал о том, чтобы встать в нее. Он решил играть по правилам бандитов. Сколько раз уже видел, что те уважают лишь силу, и если ты покажешь ее, то хоть и возьмут в оборот, но точно не заставят пресмыкаться. Прищурившись, перемахнул через железную ограду. Пройдясь по дороге с кучей выбоин, приблизился ко входу, где наперевес ему двинулись двое амбалов. Таких, что челюсть была больше головы. Моргана последо-

вала за Средой, хоть и начала сомневаться в его действиях. Из чувства сплочённости решила подыграть. Если у бандитов хоть на мгновение возникнет сомнение, они сметут эту парочку, будто их и не было. Важно вышагнув последний шаг, Дима, пошатнувшись, встал перед двойкой охранников, которые были практически хрестоматийными арабами. Синхронно сцепив руки на груди, те встали непреодолимым препятствием на пути ко входным дверям с неизвестными пятнами.

— Мы не помним тебя здесь. – охранник говорил с чудовищным акцентом. – Куда прешь? Ты лицом не вышел.

— Смотрю-таки вас поэтому же не пускают? – с сарказмом ответил Среда, сунув руки в карманы кожаной куртки. – Или вы просморкаться вышли? Давайте, двигайте с дороги.

— Слишком чистенький для этого места. – заметил один из охраны. – И подружка будто с подиума.

Дима перевел взгляд на еще одного, третьего, амбала. Еще одна здоровенная арабская детина. Да чем их здесь кормят? План Среды не выручал на этот раз, и они привлекли слишком много внимания. Верзила заметил конфликт, и стал приближаться еще быстрее. Дима несколько стушевался и забыл, чем хотел козырнуть, но сообразил:

— Вы, ребята, знаете, что такое доллары? – потер пальцы он перед ними. – Две тысячи с лицом президента?

Но охранники не успели отреагировать. Сзади к ним подошел третий и раздвинул их, словно Моисей море. Он был

еще более здоровый. Гора мышц была зажата в черной футболке с англоязычной надписью. Улыбнувшись желтыми зубами, он посмотрел на Диму и Моргану. Та пальцем надвинула очки дальше на нос, чтобы араб не заметил ее светящиеся бирюзовые глазки, и неестественно моргнула. Среда слегка наклонил голову, выдохнув. Он уже был готов махнуть кулаком, и пробиться внутрь с боем, как вдруг этот мужик заговорил неестественно тихо:

— Визитка при вас?

Такого поворота не ожидал никто. Снова подмога! Их отследили по жучку и успели подослать своего человека в последний момент. Очень вовремя. Порыскав по карманам, Среда протянул потрепанную визитку со встроенным жучком. Прытко переняв, араб повертел ее в пальцах и отдал назад. В этот момент Моргану поправила очки и прищурилась. Она явно что-то узнала. Это понял и Дима, когда обернулся на нее. Девушка смотрела точно на амбала, пытаясь просканировать его лицо по базам данных. Судя по растерянному лицу, не находила.

— Прошу за мной. – произнес амбал, пройдя мимо двух охранников.

— Его не существует. – Моргану дернула Среду за руку. – Это пакистанец. Он умер десять лет назад в Афганистане. Дима, тут что-то не то! У него в ухе наушник и нас здесь ждали, но те ли?

— Афганистан? – тихо переспросил Среда. – В свете по-

следних событий... Хотя, десять лет. Гражданский?

— Не знаю, нет информации. — девушка помотала головой. — Он словно призрак.

Войдя в двери и пройдя длинный коридор за присланным агентом, пара наткнулась на скопища скрюченных и извивающихся людей. В клубе оказалось жарко. Запахи стояли такие, что нос едва не отваливался от лица, держался на последних остатках не разъеденной от зловоний кожи. Про такое место колко и точно говорят — «блядушник». Однако, внутри была богатая отделка. В свет цветных лазеров и прожекторов попадала старая лепнина. Здесь было смешение стилей: и восток, и запад. Грязная ковровая дорожка переходила в цветастую и маленькую плитку на стенах. На потолке покачивались в такт гроыхающей канонаде музыки дешевые, сделанные под дорогие, с вензелями и декоративными элементами, затертые люстры. Они, наверное, никогда и не включались, и плафонах накопилась пыль. На шее Димы оказались чьи-то руки. Разукрашенная мадам потянулась к нему в надежде заиграть, но тот смахнул ее пальцы с длинными ногтями с куртки, продолжив идти. Впереди была крутая винтовая лестница — оказалось, что «Шерхан» это два этажа залов с нависающим балконом, видимым через замыленные стекла еще одного прохода. На танцполе было не протолкнуться — уйма людей, все держат руки вверх, покачиваются под сумасшедший бит, который выходит из колонок чудовищного размера. По углам скапливались дымовые

пятна – кальяны и курительные комнаты. Можно было только гадать, с какой именно травой был этот дым. С приближением к основным залам запахи продолжали усиливаться. Добавился аромат пота и дешевых духов, которые обычно льют на себя целыми литрами. Моргана невольно мотнула головой, вспомнив не самые приятные поездки сюда.

Наконец амбал замер напротив выхода на балкон, нависавший над залами и подпертый бетонными колоннами. От потенциально неприятного места тройку людей отделяли только красные кашемировые шторы, похожие на театральный занавес. Пакистанец сунул руку в щель меж них и огромной лапой отодвинул красную ткань с пятнами. Пропустил Диму и Моргану внутрь, потом остановил рукой.

— Мы пока добываем вам пропуск в складские помещения. – тихо сказал он, посмотрев на Среду. Тот слегка прищурился. – В зале работает два агента. Один из них даст о себе знать, когда на его руках будет карточка. – он отвел взгляд, осторожно коснувшись наушника. – Получатель на точке, прием.

— Кто вы такие? – не выдержала Моргана, смотря ему точно в глаза.

— Доброжелатели. – подмигнул тот, слегка улыбнувшись желтыми зубами.

Заступив за ширму, Дима огляделся. Еще один зал. Только тут не голый пол и куча людей, а целый отдел для «увеселения» средневозрастных посетителей. Здесь был боль-

шой двухярустный бар со сверкающей отделкой, где на перебой друг с другом, переругиваясь, работало шестеро барменов, пытавшихся обслужить невероятный поток людей. Целое море народа. Не смотря на комендантский час, здесь понастоящему кипела жизнь, недоступная для остальной страны. Лились реки алкоголя, по столикам в открытую рассыпали порошки и травы, не боясь быть пойманными за руку. Музыка грохотала на целый городской квартал, будто лампа в ночи, которая приманивает тех «мотыльков», которые окажутся посмелее. Видимо, для здешнего контингента закон был не писан. Это было царство анархии, а значит лучшего места для передачи средств связи было не найти. Подозрение закралось в голову Димы не заметно – в посылке наверняка были не только рации...

Неспешно пройдя до бара и подвинув разлегшегося на стойке пьяницу, Среда присел на стол и оглядел зал. Пока он не видел никаких признаков того, что кто-то им интересовался. Всем было абсолютно плевать. Куда больше всех интересовал возвышавшийся на полметра над паркетом бетонный помост с тремя блестящими шестами, на которых, будто черви на рыболовном крючке, извивались практически полностью обнаженные дамы. Из скрывающей одежды на них были только цветные, шитые с золотыми нитями платки, что скрывали нижнюю половину лица, оставляя подведенные тушью выразительные глаза и волосы. А честь восточных красавиц надежно защищали широкие шелковые шаровары. Че-

рез сетку в них было видно голые бедра. На груди тканное белье с глубоким декольте, звенящее нашитыми монетками. Ну точно из восточной сказки! Они манили к себе все взгляды всех, кто только был здесь. Иногда на это заглядывались даже бармены, когда выдавалась секунда отдыха. Двигая телом в такт, девушки собирали деньги, как по щелчку пальцев. Десятки, сотни банкнот оказывались у их ног с каждым движением их бедер. К ним тянули руки, к ним пытались залезть, чтобы составить компанию. Таких «умников» крутила охрана. Девушки были не достигаемым объектом искусства, что аквариум в ресторане – только для красоты.

— Поиск лиц тут не даст ничего. – сказала Моргана, поправив очки. – Я пытаюсь найти человека с удаленными данными, но вижу отморожков, всяких грязных банкиров и бандитов.

— Много народа? – оторвав наконец взгляд от восточных красавиц, Среда повернулся к ней. – Ты поняла, что у него был наушник. Сможешь провернуть то же самое?

— Здесь слишком много электроники, но я попробую. – ответила та. Сжала металлическую руку в перчатке, начав водить глазами по толпе. – Я вижу с три сотни телефонов и две не самые приличные дамские игрушки... Кх-м... надо пройтись.

— Что ж, давай попробуем. – легонько оттолкнувшись от бара, русский поправил куртку, подходя чуть ближе к девушке. – Главное не пугайся, держись меня.

Он осторожно положил руку на ее талию, приобняв. Внимательно посмотрел на толпу, но по-прежнему не увидел никакой активности. Дима повел Моргану вперед, держа свободную руку перед собой, чтобы расталкивать скопившийся народ. Они заходили в самую гущу людей.

— Думаешь, что я боюсь объятий? – спросила Дениц спокойно, рыща глазами по толпе.

— Мало ли это стало бы неожиданностью. – пожал плечами Среда. – А так, предупрежден – значит вооружен.

— Русские так любят пословицы... – чуть выдохнула девушка. – Благо, они по большей части понятные и не требуют носителя языка рядом, чтобы уловить смысл.

— У меня в роду каждый второй немец. – ухмыльнулся он, распахивая перед собой бородатых мужиков и их спутниц, чтобы дать дорогу Моргане. – Точнее... каждая вторая.

Дениц вдруг остановилась, что-то явно почувствовав. Ее взгляд оказался направлен точно на танцовщиц у шеста. Дима повернулся на нее с немым вопросом. Однако девушка с секунду просто смотрела на них. Затем высказала лишь: «Она сама нас нашла». Снова повернувшись на красавиц с подиума, Среда заметил, что одна из них пристально смотрит на него. Прислонившись спиной и рукой заскользив по гладкому шесту, прогнулась в спине. Вальяжно согнув палец на изящной ручке, она поманила его к себе.

— Похоже я ей понравился. – Среда переглянулся с Морганой. – Я вот думаю насчет приватного танца...

— Я затеряюсь в толпе и буду ждать, как закончишь. — ответила она, убирая его руку с собственной талии и вкладывая в нее пяток банкнот.

Обойдя Диму сзади, Дениц исчезла в людской массе. Тот еще раз глянул на качающуюся в такт толпу. Пошел вперед, распахивая толкающихся и машущих руками людей. Словно ледокол во льдах, он был единственным кто осознанно куда-то двигался. Остальные же, не подозревающие ничего люди, просто были здесь, отдыхали, существовали. Все время озираясь, Среда чувствовал на себе еще один взгляд. Однако быстро оборачиваясь, ничего не замечал. Наверное, это был второй агент, который решил отступить. Вокруг Диминей персоны разыгрывалась целая постановка. Кто эти люди, что пришли на помощь? В голове путались мысли, кто бы это мог быть. Ульяна была слишком осторожной, чтобы привлекать внешние силы сейчас. Значит это был кто-то, кого она точно очень хорошо знала. Но можно ли было им доверять? Может, это был просто перехват...

Тем не менее, Дима добрался до помоста, на котором были девушки. Бессловесно сунул в карман охраннику пару банкнот, чтобы тот пустил его на огороженные места, которые ближе всего к танцовщицам. Так близко к ним могли подобраться лишь единицы. Как только шелковый канат с позолоченным крючком убрался с пути Среды, он, сунув руку в карман, нашел удачное место. Оказался совсем близко от цели. На согнутой в локте руке поднял оставшиеся банкно-

ты, чтобы девушка спустилась к нему.

Та отметила стремление не лезть в наглуую. Игриво улыбнулась под платком, что под тканью проступили узкие скулы. Ее темные карие глаза, подведенные черной тушью в лучших традициях подобных заведений, загорелись интересом. И, чуть тряхнув рыжей головой, убирая за спину длинные волосы, она спустилась на колени. Коснувшись помоста локтями, еще приблизилась к Диме, рукой вытянув из его пальцев банкноты. Встретившись с ним взглядом, загадочная девушка потянулась, присев. Ее холодные руки с белой кожей обвили его шею и грудь. Среда почувствовал, что в кармане прибавилось. Это карточка – пропуск куда-то.

— Дверь сзади. – скупно, но мягко произнесла девушка в платке, погладив Среду по щеке. А затем убрала руки. – У тебя две минуты.

Дима растянул улыбку, в знак того, что все понял. Не отрывая от него взгляда, загадочная танцовщица встала обратно. Как ни в чем ни бывало, снова взялась за металлическую палку, от помоста до потолка. Среда на мгновение зачаровался ее красотой, выступающими под редкой одеждой яркими чертами элегантной фигуры. Но позже все-таки пришел в себя. Сунув руку в карман штанов, удалился из ложи, снова войдя в привычную толпу. Достал из кармана куртки карточку. Покрутив ее в руках и как следует рассмотрев свете мерцающих софитов, Дима подошел к одной из стен. А в той была небольшая дверца, ведущая куда-то в недоступ-

ные простым людям кулуары клуба. Об этом говорила табличка на немецком, разрешавшая вход только допущенному персоналу. Осмотревшись, Дима заметил в толпе Моргану и махнул рукой, подозвав ее.

Опустив карточку в черный приемник, он дернул ручку на себя. Дверь поддалась, открывшись для них с легким шипением газлифтов. Первой внутрь ступила Моргана. За ней, убедившись, что этот маневр особо никто не заметил, последовал и Среда. За дверью оказался белый и чистый коридор, который вел в неизвестном направлении. Дениц зашагала вперед, словно ведомая какой-то известной только ей силой. Диме ничего не оставалось, как последовать за ней. Нагнав ее, сжал кулаки – ему было не по себе. Одно дело находиться в смердящем переполненном клубе и совсем другое следовать по тайным коридорам внутри него. Тут не было ни охраны, ни дверей. Только белые стены и уходящий вдаль, а затем разделяющийся на две части, проход. Не совсем понимая, куда надо дальше, Моргана остановилась на середине, обернулась и сбавила шаг.

– Что тебе сказали? – спросила она.

— «Две минуты». Указали на эту дверь. – произнес Дима, подойдя. – Больше ничего.

Простояв пару секунд, они услышали шаги по коридору, и обернулись в направлении источника шума. Сглотнув, Среда начал придумывать то, как бы противостоять вероятной угрозе. Парни тут были «горячие». Они скорее выстрелят,

чем будут задавать вопросы и вязать в бараний рог. Однако Моргана была спокойнее. Задержав на секунду дыхание, она скрипнула сжимающейся в кулак перчаткой на металлической руке и поправила очки. Шаги были легкие и практически неслышимые. Как если бы по коридору переступали босыми ногами. Это не было похоже на тех здоровенных охранников. Среда немного расслабился, но все еще не разжимал кулаков, внимательно глядел на развилку.

— Ну что вы встали, как вкопанные? – мягко прозвучал приятный голос на русском.

Его хозяйкой оказалась та самая танцовщица, которая уже успела обзавестись белоснежным халатом. Запахнув его и завязав на поясе лямку, махнула паре рукой и босыми ногами зашлепала в обратном направлении в глубину коридора.

Нагнав таинственную помощницу, Среда и Моргана пошли позади. В коридоре не работала ни одна камера. У всех было отключено питание, о чем свидетельствовал отсутствующий красный огонек на корпусе. Видимо, произошла полноценная операция по внедрению, чтобы передать «посылку». Это были профессионалы, но оставалось понять какой державы. Язык – не показатель.

— Держи. – танцовщица протянула Моргане деньги. – Тут вроде все, что он мне дал. Может, пара монет затерялась в трусах, потом отдам. За два выступления я успела насобирать себе на неплохую пенсию.

— Кто вы? – настороженно поинтересовался Среда, по-

смотря на банкноты.

— Слишком мало времени для такого вопроса, Дима. — не поворачиваясь, ответила она. — Да, и к тому же, не стоит задавать вопросов, на которые ты не хочешь услышать ложь. На город падает советский сателлит, а тебе интересно то, кто тебе помогает? Ты точно тот Среда?

— Вы уже все знаете? — спросила Моргана. — Ничего не бывает просто так. Вас не существует как людей, и почему мы должны вам доверять? На кону стоит безопасность, и мы должны быть уверены...

— Милая моя, — незнакомка обернулась и посмотрела Дениц в глаза. Опустила руки в карманы белого махрового халата. — Ты не представляешь, чего мне стоило сорваться с моей работы и оказаться здесь для того, чтобы вам передать пару игрушек. И чтобы сделать такое, я должна была быть осведомлена обо всем. Обо всем! Да, я знаю все, и возможно больше вас о том, что случится. Вам эта информация просто не нужна. У вас есть поставленная задача, и она должна быть выполнена. Кто и почему вам помогает — не ваша забота. Если Ульяна захочет, то она все вам расскажет, а пока не ройтесь в загадках, и спасайте мир от краха. Ясно? Идем, немного осталось.

Повернувшись, она снова зашлепала босыми ногами по полу. Натянуто выдохнув от того, что он опять оказался под прицелом и в самом эпицентре тайных операций, Среда мотнул головой и нехотя двинулся за ней. Самой спокойной ока-

залась Моргана. Она все еще пыталась понять, что было вокруг этих людей. Но писки в глобальной сети постоянно выдавали ей ошибку – доступ закрыт. Ни в одном мировом архиве, доступ к которым она успела получить, ни в одной открытой базе данных, и ни на одном сервере в мире не было этих людей. Их не существует. Ни банковских операций, ни фотографий, прав, электронных паспортов и посадочных талонов в аэропортах. Ничего! Но, если на того пакистанца было хоть что-то, то на эту кареглазую рыжую красавицу было совсем пусто. Даже гражданства нет.

Впереди оказалась единственная дверь, с таким же пропускным контролем. Опустив пластиковую карточку в приемник, танцовщица открыла проход, удержав его для остальных. Через мгновение все оказались в какой-то подсобке. Вокруг была целая уйма опечатанного имущества, а на стеллажах стояли автоматы Калашникова. Похоже, этот клуб был не только для простых посетителей... Сунув ноги в пушистые тапки, потому что по полу тащились клубы пыли, загадочная девица прошла вдоль помещения. Открыла металлический шкаф и достала оттуда два черных дипломата, поставив их на стол, что был между стеллажей. Встав напротив, Дима и Моргана синхронно скрестили руки на груди и переглянулись. Это все больше походило на сделку с наркобароном...

— Итак, вот что я вам передам. – красотка в халате повернула один из дипломатов. – Здесь все, что нужно для неболь-

шой войны, то-ва-ри-щи.

Щелкнув замками, подняла крышку и показала содержимое. Внутри был с десяток магазинов, набитых необычными патронами. Рядом лежали цилиндрические изделия с пластиковой скобой, похожие на какие-то очень тонкие гранаты.

– Патроны с обедненным военным ураном, в трех калибрах: два советских и НАТО. По тридцать штук в магазине, итого больше трех сотен. Они пробивают любой бронежилет и БМП за ним. Не советую вешать их на пояс – фонят как из Польшы. А это, – ее тонкие пальчики достали из чемодана цилиндр. – Фосфорная граната. Разлет поражающих элементов около трехсот метров и целое облако ядовитых паров, так что запаситесь противогазами. Так же: средства обнаружения, маячки, пеленгаторы «свой-чужой», а в том чемодане средство спутниковой связи с шестью сотнями зашифрованных и «чистых» каналов. Частоту Вирховой я уже туда занесла.

— Есть еще что-то, что нам стоит знать? – достал из чемодана магазин с атомными патронами Среда, разглядывая его в руках. – Способы эвакуации, легенды, и прочее?

— Мы не в шпионском кино. – ответила та, прищуриив подведенные тушью карие глаза. – У нас нет на все это времени. Итак смогли выиграть немного времени, чтобы цейтнот не слишком душил. Эвакуацию придумаем позже, у вас не больше тридцати часов до столкновения. Да и у меня своих забот тут хватает. Справитесь, разведка?

— Я сапер. – приподняла руку Моргана, уточняя. – Но, вы ведь не из местных, не немка. Вы американцы?

— А откуда знаешь, что не немка? – на чистейшем немецком спросила танцовщица, переведя взгляд на девушку. – Из-за того, что я говорю по-английски? Я знаю шесть языков. Скажу так, я лично знакома с Ульяной, Гюнтером и вашими родителями. А дальше уже думайте сами, кого бы они к себе подпустили.

И действительно. Если загадочная помощница в халате не врала о том, что знает всех четверых, кого назвала, то это значило то, что она была на восточной стороне «железного занавеса», когда оставшийся ныне в воспоминаниях Советский Союз еще являлся могущественной сверхдержавой. А учитывая то, что все, кроме Ульяны, на тот момент были сотрудниками КГБ и Штази, выбора не стояло. Никто не мог и предположить, что сразу три специально обученных, идеологически подкованных агента на передовой станут водить интересную дружбу с кем-то с другой стороны барьера. Да даже если бы и водили, неужели тогда этот человек был бы врагом? Двойной агент, как в плохих фильмах семидесятых? Ни акцент, ни внешность – в ней ничего не выдавало принадлежность к стране. Здесь точно что-то заваривалось... Настоящий суп, солянка из наций. Не хватало лишь украинского китайца с чешским акцентом. В один ряд вставали немцы, русские, теперь арабы и вот эта... дама в белом махровом халате, что не спускала взгляда с Димы, пока закрывала свой

чемодан с «подарками».

— Могу я задать еще один вопрос? – спросила Моргана, когда Среда взял чемоданы в руки.

— Ты его уже задала. А если без шуток, – выдохнула незнакомка. – ...то можно.

— Зачем вы помогаете? – неожиданно выдала девушка. – Вы говорили, что у вас своих дел невпроворот, и что вам было трудно рвануть сюда. Так для чего?..

Было видно, что вопрос всего на несколько мгновений вышиб ее из привычной колеи. Под цветастым платком проступили скулы. Было видно, что над ответом ей приходится думать. Лицо незнакомки сильно изменилось, в глазах уже не было того слегка презрительного огонька профессионала, как до этого. Вопрос задел за живое, но она не показала эмоций.

— Скажем так, на мне висит огромный долг нашему миру. – выдохнув, наконец ответила танцовщица. – Все, больше никаких вопросов.

Пройдя босыми ногами до сложенных в кучу сломанных деревянных паллетов, на которые обычно грузили всевозможные ящики, она с силой двинула их на себя, освободив из-под завалов небольшой ящичек. Щелкнув замками, незнакомка скинула халат, достала штаны и рубашку с уже болтающимся на ней галстуком. Очевидно, что она хотела переодеться, но вдруг в наушнике что-то произошло. Нахмурив брови, коснулась пальцем уха, выдав лишь: «Повтори».

Быстро бросила взгляд на дипломаты в руках Димы, и закрыла ящик, ногой задвинув его под паллеты.

— В здании полицейский спецназ. – выдала незнакомка, сблизившись с парой. – Надо быстрее сматываться отсюда. Где машина?

— А где она должна оказаться? – спросила Моргана.

— У второго черного хода. – молниеносно ответила та, схватив один из чемоданов из рук Среды. – Я вас выведу отсюда. Похоже, что власти решили сломать оппозицию перед грядущим нефтяным саммитом. Держи-ка.

Она сунула Диме, появившийся буквально из воздуха, пистолет «5-7» песочного цвета. Новообретенный бельгийский друг, напичканный патронами, отправился за пояс, скрывшись под курткой. Собрав все необходимые вещи, незнакомка закинула за спину кожаный баул, прямым из восьмидесятих. Не надевая носков, сунула ноги в припрятанные кроссовки, скинула халат, перекинув его через сумку и дошла до двери, открыв. Пока за ней было чисто – все тот же белый коридор без окон и дверей. Стерильный настолько, что, кажется, даже сверкал в свете постоянно мерцающих старых ртутных ламп.

Дернув из сумки пистолет, танцовщица в сценическом белье вышла вперед, быстро и легко пошла по коридору, держа пистолет близко к себе, и согнув локти. За ней на выход отправился и Дима. Замыкала колонну Моргана, которая чуть слышно захлопнула за собой дверь, двинувшись нале-

ке. Быстрой поступью, тройка приблизилась к коридорной развилке. Одновременно с дулом пистолета, незнакомка вынырнула из-за угла, прохода по коридору. Но внезапно остановилась и сжала кулак над собой. В этот момент Моргана едва слышно сказала на вдохе:

— Они за дверью.

— Назад, назад! – быстро приказала ведущая. – В другой коридор.

Рванули за угол, прислонившись к стенке. Было слышно как открывается дверь, и как в нее заходит спецназ, выключив свет. Неровно сглотнув, девушка в маске тихо выдохнула, показав рукой, что нужно тихо отходить. У спецназа был приказ стрелять на поражение в подобных местах, и церемониться они бы не стали. Переть на десяток вооруженных немецких полицаев глупо. Нужно отступать, при том очень быстро, ведь мягкие шаги солдат уже были совсем близко. Они прошли почти весь коридор, и были уже у развилки. Тогда, слегка оттолкнувшись от стенки, по коридору бесшумно двинулся Среда, миновав пару тройку метров. За ним была и Моргана, которой незнакомка вручила чемодан. Та замыкала колонну. Пятясь вперед спиной она держала проход на мушке пистолета. Тройка двигалась профессионально, но медленно. Коридор оказался слишком длинным, а солдаты были почти уже в зоне видимости. Спецназ должен заглянуть в проход, и этот момент скоро настанет. Сблизившись с Димой, незнакомка коснулась его рукой, чтобы тот прибавил

шагу. Но и это бы не помогло. Моментально сообразив, девушка плечом вышибла одну из деревянных дверей, затаскивая в нее остальных. Резкий звук привлек силовиков, и пара бойцов мгновенно завернула за угол. Однако, в коридоре уже никого не было.

Тихо сбросив с себя сумки, тройка огляделась в помещении. Это была какая-то гримерка, или вроде того. Целая уйма стеллажей, как в библиотеке, и манекенов, что были разодеты в цветастые платья и балахоны. Это было на руку – подобные вещи могли отвлечь внимание и выиграть полезное время для того, чтобы уйти. Однако выход был только один.

Глаза уже привыкали. Можно было разглядеть силуэты. Однако, этого все еще было мало. Тройка проигрывала как по численности, оснащению и вооружению, так еще и по органам чувств.

— Нам обратно в коридор, верно? – тихо спросил Среда. – А там спецназ...

— Правильно мыслишь. – подметила та, повернувшись на него в темноте. – Наше преимущество – внезапность. Нам нужно ошарашить их, ликвидировать ночное видение, связь и выскользнуть в коридор.

Выбитая дверь скрипнула на навесах и начал входить спецназ. В проход заглянуло дуло винтовки с насаженным на него глушителем. Сперва одно, затем два, три, четыре. Солдаты медленно осматривали каждый клочок гардероба и иногда стреляли в манекены, спутав их с прячущимися

людьми. Запакованные в броню и снаряжение солдаты являлись опасным противником, но в этом и была их уязвимость. Их глаза не привыкли ко тьме, в отличие от тех, кто от них должен был спастись. Оставалось лишь воспользоваться этой возможностью.

Кто-то схватил одну из полицейских винтовок. Руку, держащую оружие, ударил локоть, а тонкие пальчики закрыли собой микрофон на шлеме. В это же мгновение в приборе ночного видения на долю секунды мелькнуло закрытое платком лицо. Резким ударом незнакомка подбила очки вверх, и полицейский на секунду ослеп, потеряв всякие ориентиры. Ударив его в горло, чтобы не закричал, она выдернула провода из его рации. Колкий и четкий удар рукояткой пистолета в висок заставил солдата потерять сознание. В этот момент сработал и Среда, ударом колена сбив одного из противников с ног. После хлесткого удара по очкам ночного видения, он схватил контуженного оперативника за шиворот, чтобы тот не грохнулся на пол. Еще секунда, и Моргана высунула свою титановую руку из-за стеллажа, схватив очередного солдата точно за рот, утянув к себе. Быстро сунула палец свободной руки под спусковой крючок винтовки, не давая спецназовцу выстрелить. Дима подоспел очень вовремя. Он вложил удар в челюсть так, что оперативник мгновенно повис на титановых пальцах.

Осталось еще двое в ряд. За их спинами появилась незнакомка. Она дернула ближайшего за провода на рации и, ко-

гда тот повернулся, стукнула точно в мужское горло, что тот скривился и засипел. Подбив опущенные на глаза очки ночного видения вверх, ударила в еще одно горло, попутно, довернув телом, треснула ногой точно в голову первого солдата.

Ей в лицо устался глушитель.

Прозвенел отчетливый выстрел, но пуля так и не достигла черепной коробки. Не совсем поняв, что вообще произошло, танцовщица увидела перед собой руку в перчатке. Моргана сумела сдержать эту пулю. Сжав металлический кулак, девушка отправила оперативника в нокаут.

— Зрение подводит... – выдохнула в платок та. – Спасибо. Все целы?

— Да, но штаны придется менять. – ответил тихо Среда.

Прислонив к глазам трофейный прибор ночного видения и осторожно выглянув в коридор, незнакомка махнула рукой, что можно идти. Там все еще никого не было. Спецназ не успел предупредить своих о засаде. Было выиграно драгоценное время.

Но долго везение не могло продолжаться бесконечно. Коридор под прямым углом повернул, и оттуда резко показался глушитель винтовки. Едва успев выдохнуть, танцовщица рукой подбила ствол вверх. Выдернула из оружия магазин, уронив его на пол. От удара в лицо спецназовец отшатнулся назад. Выдернутый из его кобуры пистолет пустил пару пуль дальше по коридору. Двое мужчин оказались под огнем

и рухнули на пол с разбитыми коленями. Завернув руку силовику и подведя его к себе спиной, незнакомка ткнула трофейным пистолетом в шею, прикрывшись его телом словно щитом. Двое оставшихся едва успели дернуть винтовки вверх, когда все закончилось. Танцовщица двигалась быстрее, чем кто бы то ни было.

— Мы не хотим стрелять. Нам нужно просто пройти. — для убедительности она несильно ткнула солдату в спину пистолетом, поджав завернутую руку. Тот поднялся на носочки, чтобы хоть чуть-чуть ослабить боль.

— Бросай оружие!!! Бросай!!! — приказал солдат, тряхнув винтовкой.

За спинами немецких полицейских показалась какая-то грузная тень. Огромный охранник-пакистанец резко ударил прикладом Калашникова одного из солдат, и тот оказался на полу. Выдернув из кобуры Макаров, пару раз выстрелил точно в толстый бронежилет на другом, и тот, едва собирая воздух на вдохи, схватился за грудь и присел к стенке. Незнакомка рукояткой пистолета ударила свой живой щит прямо по каске. Раздался едва слышимый звон и полицейский рухнул к ее ногам.

— Самир, перевяжи их. — указывала пальцем девушка, переступая через раненых солдат. Отпихнула ногой тянущиеся к ней руки. — Мы на выход.

— Весь спецназ теперь на ушах. — запыхавшись, проговорил араб, доставая жгут.

— Мы выиграли немного времени. — ответила незнакомка, поправляя сумку на плече. — Пошли, пошли!

...Уперевшись рукой в тяжелый чугунный люк, танцовщица подняла его, со скрипом отодвигая по асфальту. Последние метры катакомб давались уже нелегко — это был целый марафон. Ближайший квартал был оцеплен полицейским спецназом, и пришлось покидать район через тайные тропы, назначение которых было неизвестно. Но в этом и плюс: полиция не сунется сюда ближайшие пару минут.

Люк вел на парковку, что была неподалеку от «Шерхана». Высунувшись, и проверив все ли в порядке, кареглазая танцовщица спустилась вниз, дав добро на подъем. Сперва наверх отправились чемоданы, а затем Дима и Моргана.

— Я пойду последней. — сразу сказала она. — Поднимайтесь.

Моргана поднялась на свежий воздух из провонявших отходами тоннелей, и Дима схватился за хлипенькие перекладины железной лестницы, покрытые чем-то не самым приятным на ощупь. Перебирая руками, он начал подниматься наверх. У самого люка уже стояла черная Волга Морганы с открытым багажником. Погрузив чемоданы в багажник и громко хлопнув, что щелчок замка слышали, наверное, в другой части Берлина, Дениц в одно движение раскрыла водительскую дверь, заведя двигатель. Среда, поднявшись, обернулся на дыру, откуда только что выбрался и никого там увидел...

Незнакомка просто исчезла. Так же неожиданно, как и по-

явилась. Что это вообще было? Больше похожее на сюр эпатажное выступление? В голове не совсем укладывалось все это. Разодетая мадам, что помогла справиться с двумя отрядами немецкого спецназа...

На мгновение оскалив зубы и надув скулы от того, что ответы он снова не получит, Среда мотнул головой, закрыв канализационный люк. Операция здесь была закончена.

Часть 6

Волга с легким скрипом тормозов остановилась у здания бывшего Противоминного Центра. Безликое здание Управления, с пустующими, а кое-где и разбитыми окнами, как поверженный левиафан буквально «стояло на коленях». Доживало отведенный ему срок. Выйдя из машины и запахнув куртку, Среда осмотрелся. Здесь все еще не было транспорта, хотя времени с их отсутствия ушло прилично. Два часа, или даже больше. До сих при никаких признаков того, что здание снова наполнялось людьми. Может, все же они были одни? И действовать придется втроем, а то и вдвоем. Вдруг старый Гюнтер, который родился явно под развертывание советских ракет на Кубе, не выдержит таких испытаний. Хотя, никто ведь не знал, что именно за испытания приготовил парочке советский спутник, рухнувший с привычной орбиты. До его появления оставалось чуть больше суток...

Время было уже к вечеру, смеркалось. Последнее время над немецкой столицей не было погоды... Как в атмосфере, так и на земле. Город погрязал в темноте. С востока, со стороны родной Диме России наплывали свинцовые тучи. Дул прохладный ветер.

Неужели и правда они будут одни во всем этом водовороте? Даже незнакомка оставила их...

— Похоже, никто таки не хочет нам помогать. — оглядел пустую парковку Среда. — Ладно, и сами справимся.

— Нет, нет... Слышишь? — Моргана на секунду остановилась.

И правда, раздался какой-то гул. Учítывая, что район был почти безлюдным, а огромную площадь внутри него занимал комплекс зданий Управления, то звук этот мог быть сигналом — все же кто-то откликнулся! И надежды подтвердились. На парковку ворвался человек верхом на ревущем железном коне. Пару раз дернув рукоятку на руле, чтобы мотоцикл поревел в знак приветствия, мужчина повернул к одиноко стоящей черной Волге. Оставив след шин на асфальте, остановился.

— Ну, где здесь дискотека? — заглушив двигатель, мужчина поднял тонированное стекло на шлеме и слез с байка. — Говорят, я могу пропустить все веселье, если не явлюсь сюда.

Он снял шлем. Под ним оказалась длинноволосая голова с достаточно приятными чертами лица. Щетинистая челюсть уже начинала седеть, но при его профессии это было нор-

мой. Впадины на щеках скрывались лучезарной улыбкой, с которой тот приближался. Смотрел прямо на Диму и Моргана своими озорными, словно детскими глазками. Но, это не должно было сводить с толку, ведь кожаная куртка и крепкие штаны едва ли не рвались на нем. Сразу было видно военного: выправка и мощный торс, который явно мог держать любое оружие. Сняв с руки перчатку, мужчина для рукопожатия протянул ее русскому. Слегка с опозданием, Среда пожал ее и про себя отметил, что у того были очень сухие и грубые ладони.

— Я Ганс. Ганс Груббер. Я раньше работал здесь, представляешь? – пожал плечами немец. – А потом американцы поперли нас отсюда. Ну и времена, однако!

— Дмитрий Среда, Служба Безопасности. Тоже бывший, правда. – не без интереса глянул на мужчину тот.

— О, так ты тот самый Среда, о котором Моргана говорила без умолку? – скопился на девушку Ганс, ухмыльнувшись. – Наслышан, однако. Твой отец правда работал тут?

— Да, но только не совсем тут. – Дима показал большим пальцем через спину на здание Управления. – В здании КГБ где-то в центре города. Ушел только в девяностом первом, когда вывез все, что было нужно отсюда.

— А, ту «коробку» уже давно снесли. – на выдохе произнес немец, махнув рукой. – Там теперь торговый центр. Наше правители больше не «Империя Зла», а «Торгашеский Союз». За любые блага свою мать продадут, если возможность

будет...

— Возьмешь чемодан? – Моргана указала ему на черный дипломат. – А то мы сегодня с ними уже набегались. Где остальные? Машин не видно.

— А машин и не будет. – быстро взяв дипломат за ручку, ответил мужчина. – Ты, вероятно, выпала из нашего мира, после всего, что с тобой произошло, подруга... – взглядом указал на руку в перчатке. – Нам надавали «желтых карточек», хорошо хоть не в форме звезды, когда мы решили показать новым хозяевам свое «фи». А ты сама знаешь: сразу обнуляются права на машину и на оружие. Так еще и повод законный нас всех распустить. Мы ж это... – свободной рукой покрутив у виска, тот свел глаза, присвистнув. – ...психи! Вот мы кто, раз на них поперли. Вот и купил себе мотоцикл. Юркий, если что, от патруля быстро уйду.

Подмигнув, тот хлопнул Диму по плечу, пойдя вперед. Направился в сторону парадного входа в Центр, около которого уже привычно лежала цепь. Немец слегка пнул ее ногой, открыв тяжелую дверь. Переглянувшись со Средой, Моргана вяло пожала плечами, мол, какой есть. Но Диму подобное не отталкивало. Пусть он не был настолько сговорчив при первой встрече, но все же поболтать и он любил. А этот... Ганс, явно найдет общий язык с кем угодно, да и доброжелательный он. Явно поможет, когда станет жарче. Это было главное, для Димы уж точно. В активно развивающейся ситуации уже никому нельзя было верить, но доверять прихо-

дилось каждому встречному.

По пути наверх, когда пара отстала от пританцовывающего на ступенях, и прибывающего явно в хорошем настроении Ганса, Моргана рассказала, что вот этот весельчак был их снайпером. И на работе, пусть он и не был самым молчаливым, стрелял метко и очень вовремя. Оказалось, так же, что Груббер-то не из Восточной Германии, а из Западной. Однако рос в семье диссидента, и был наслышан очень теплых слов о тех людях, что были за государственной стенкой. В Управление он пошел сам, не по чьей-то прихоти или по семейному долгу – хотел защищать собственный народ от всех угроз, но не спас народ от народа же. Разрывы в обществе больно ударили по нему, но он все равно оклемался. Натянул привычную улыбку и навсегда выбрал сторону, на которой он будет держать свое оружие.

За разговором они не заметили, как миновали пару этажей, оказавшись у самых дверей кабинета Гюнтера. Оттуда все так же бросался в нос едкий запах гари и жженой бумаги. несмотря на то, что папок и листов в кабинете заметно поубавилось, стало как-то более тесно. Вероятно, из-за того, что кроме присевшего на столик Гюнтера, здесь находилось еще несколько человек. Все, как один, повернулись на Диму, когда тот показался в кабинете. Даже рыжебородый крепкий мужик, с редкими седыми волосами, равномерно помешивавший кофе, перестал это делать и поднял глаза на загадочного гостя. От такого, в прямом смысле холодного приема,

Среда растянул губы в линию, но все равно уверенно шагнул в кабинет, уже намереваясь начать диалог.

— Господи, ты еще жив!.. – абсолютно бестактно кинув черный дипломат на стол, Ганс поравнялся с Гюнтером. Присел с ним рядом на стол, протягивая в бок руку для приветствия.

— И я рад тебя видеть. – старик с ухмылкой пожал тому ладонь. – Итак, друзья, или как говорят у нас на Востоке: товарищи... мы вас собрали намеренно. Это, – указал пальцем на русского. – Дмитрий Среда. Сын одного моего хорошего знакомого, и по совместительству сотрудник Госбезопасности.

— Службы Безопасности. – поправил его широкоплечий мужик в кресле.

— Вагнер, да какая к черту разница? – устало спросил тот, когда его перебили. – Ну пусть Службы Безопасности. Кроме названия там ничего не поменялось. Короче, это Дима. И у нашего Димы есть очень важное задание. А это мои ребята, и, я думаю, они представятся сами.

— Ну, тогда начну я.

С кресла поднялся крепкий, буквально, шкаф. В плечах тот был раза в полтора больше, итак не маленького Среды. Белая футболка, которая явно в размере имела пару букв «Х», прилегала ему точно к телу. Ну, будто богатырь из русских сказок, только вот лицом тот вышел не славянским. Оно было практически прямоугольное, с топорными чертами ли-

ца, словно тесали топором. За месяцы без работы квадратная челюсть поросла коротенькой щетиной, но было видно, что за ней мужчина следит – была даже пара только затянувшихся порезов от бритвы. Однако, не смотря на все свои габариты, громила не внушал страха. А как только протянул руку для приветствия, так все опасения отпали сами. У него были, пусть и достаточно толстые, но длинные пальцы, свойственные музыкантам.

— Яков, но все меня зовут Вагнером. – произнес он, почувствовав, что ему пожимают руку. – Думаю, по мне видно, что я здесь вроде пулеметчика.

— Да, в саперный костюм такую тушу точно не засунуть...

Поставив кружку на стол, заваленный бумагами, из полумрака, что был в углу комнаты, на середину вышел менее коренастый, но при том более колоритный мужчина. Обычно про таких говорят – мужик. Холодный северный взгляд глубоко посаженных глазенок под мохнатыми бровями. Он сиял рыжими волосами и бороденкой, что была лишь на нижней челюсти. Голос у того был с хрипотцой, простуженный, но все равно какой-то мягкий.

— Ян, но ко мне, почему прилип «Кельт». – он пожал руку Среде. – И ты зови, чего уж там. Я второй сапер, и стрелок.

— То есть ты все еще не понимаешь почему мы зовем тебя Кельтом? – поднял бровь Ганс, повернувшись на того.

— Я родился в Познани. – мягко ответил тот, хрипнув. – Я на половину поляк, и на половину белорус.

— Кто-нибудь еще здесь видит дитя Белоруссии? — оглядел собравшихся Груббер. — Давай мы не будем врать людям.

С кресла усмехнулся Вагнер, и Моргана улыбнулась. Они шутили. Пусть достаточно остро, но все же по-доброму. И сразу становилось ясно, кто здесь главный шут.

— Следи за языком. — перебил его Гюнтер, махнув рукой. — А то останешься на Новый Год без норвежской сельди. У нас еще есть незаконченное дело, ради которого я вас и собрал. Ну, Дима, твое слово.

...Все помрачнели. Даже слышавшая это дважды Моргана все равно снова задумалась, как только услышала про рвущуюся к земле советскую орбитальную станцию с неизвестным грузом. Люди молчали. То и дело слышались тяжелые вздохи. Даже жизнерадостный Ганс убрал с лица привычную улыбку, когда услышал вводную к заданию. А Вагнер неудобно поерзал в кресле. Пристально оглядев русского, он поставил кулак под квадратную челюсть, засопев в пальцы. Напряжение повисло в воздухе, затянулась неловкая пауза. Ее нужно было наконец порвать, высказать хоть что-то, но никто из присутствующих не мог поверить в то, что эти слова правда. Уж больно страшно они звучали: сошедшая из глубин космоса станция с неизвестным грузом на борту, который надо достать, по пути миновать охрану нефтяного саммита, целую уйму полицейских и развалины Берлина, которые после себя оставит «Пульсар». Руку для ответа потянул Ганс, но осекся и сложил пальцы в замок, явно не уверен-

ный в том, что он скажет. Отказываться уже было глупо, за спиной стояла безопасность города, но и разглашать нельзя – начнется паника и из этого «огонька» точно что-нибудь разгорится. А, значит, что предварительная эвакуация отменяется.

— Чистейшее самоубийство. – фыркнул Кельт, кашлянув в кулак. – Ты не знаешь, что на борту?

— Нет, не знаю. – тихо ответил Среда. – Это не приказ, это просьба. Я не имею права вас держать, это только моя операция. Предупредите родных, чтобы уезжали из города.

— Даже не вздумай говорить все это! – ткнул в его направлении пальцем Ганс. – Ты сейчас в здании Противоминного Центра, который обеспечивал безопасность страны больше тридцати лет. Не смей думать, что кто-то из этих парней откажется. Знаете, – повернулся он на остальных. – Мне плевать, что там в этом спутнике. Вот абсолютно! Под удар попадает мой город. Имею ли я право убежать? Нет, не имею.

— Если этот русский говорит правду, то на кону что-то большее. – смекнул Вагнер, все еще не спуская взгляда с Димы. – В мире заваривается что-то серьезное. Афганистан копит силы на Кавказе. Штаты двинулись на восток. А на нас с небес падает запущенный Советами Дамоклов меч. К тому же, кто-то попытался устранить генералитет в Москве. Не думаю, что это просто совокупность фактов. Эй, Мо, сколько ядерных ракет взмоют в воздух, если президенты не договорятся?

— Десять тысяч... — спокойно ответила та, потирая пальцы на согнутой в локте металлической руке. — Это только приведённых в готовность. На складах еще шесть. Подлодки, комплекты шахтенного базирования, мобильные комплексы, авиационные системы. Дай только взмах и сорок минут на полет.

— Десять тысяч... — повторил Гюнтер, выдохнув, отойдя от стола. — В мое время было больше, но и сейчас не мало. Давайте исходить из понятного: на орбите станцию не остановить, она все равно рухнет. Этого не избежать — понятно сразу. Думаем дальше: что происходит?

— Полиция. — ответил Кельт, попивая из кружки кофе.

— А вот и не угадал. — помотала головой Моргана. — Первоначальная цель здесь не удар по городу. А груз. Будут группы захвата: Дельта Форс, ЦРУ, китайцы, иранцы или афганцы, наши, может русские наемники. Задача оказаться как можно ближе к эпицентру удара и не дать кому бы то ни было проникнуть на место падения.

— Вшестером? — искривил улыбку Вагнер, поерзав в кресле. — У Дельты минимум два десятка, броня и автоматы. Про ЦРУ и китайцев и упоминать не стоит. Максимум с кем мы можем потягаться в таком состоянии — это уличная шпана, и то не больше двенадцати человек. Нам нужен еще народ. Где Псих?

— Его убили на квартире три недели назад. — ответил старик, скрестив руки на груди и походив туда и сюда по каби-

нету. – Полиция завалилась с обыском. Они нашли поддельный паспорт. Недолго думая, всадили в нашего Психа обойму. У нас больше нет народа. Все, кому выдали «карточки» оказались вне города. Может даже вне нашей грешной земли. А что касается оружия... Есть одна идейка. Моргана, не подашь фотографию?

Он указал на рамочку, где за стеклом было запечатлено два мужчины: он и Адлер – отец Морганы. Дима уже обращал на нее внимания, но не знал, что за ней был некий секрет, раз старику она потребовалась именно сейчас. Не став перечить, девушка протянула металлическую руку до памятной фотографии, но на мгновение задержала на ней взгляд. Смахнув пальцем пыль с улыбающегося лица русого отца, что махнул оранжевым десантным беретом, она подала фотографию Гюнтеру. Тот достал припрятанный между фотографией и донцем старый ключик. Увидев это, Дениц улыбнулась, поняв, что у старика еще есть порох в пороховницах.

— А вот и плюсы большого здания. – усмехнулся он. – В нем всегда можно что-то спрятать. А что в этих чемоданах?

— Подарок от стриптизерши. – ответил Среда, глянув на дипломат на столе. – Атомные зажигательные пули с обедненным военным ураном.

— Атомные пули?.. – сперва удивился, а потом явно смекнул что-то Гюнтер. – Что ж... это хорошо. Видел я однажды такую штуку в действии. Они пробивают БМП. – подмигнул он Моргане, улыбнувшись. – Зарядим один через четы-

ре, как трассерный.

В голове Димы что-то внезапно начало складываться. Его не покидало стойкое ощущение дежавю, и что эту фразу он уже слышал. Точно! Та самая танцовщица из «Шерхана»! Она сказала точно такую же фразу. Видимо, они были как-то связаны между собой. Ведь послание оставили именно Гюнтеру. Что это была за паутина, которая вот-вот, по толчке открывалась Среде? Какое наследие оставил отец сыну, раз все знали друг друга, или хотя бы думали, что знали? Переглянувшись с Морганой, которая тоже смутилась от этой фразы, Дима ничего не сказал. Промолчала и девушка. Рано было делать выводы.

— Что б меня... – раскрыл дипломат Кельт, поставив кружку рядом. – Похоже на «святую» гранату.

— Вероятно, это она и есть. Лучше не трогай ее. – произнес старик, пройдя до дверей, подкинув ключик в руках. – Пойдемте, покажу кое-что. Надеюсь, замки еще работают...

...Спустившись в подвальные помещения, весь ново собранный отряд прошагал по пустующей парковке. Здесь когда-то были десятки служебных машин, а теперь пустота. Подсвечивая себе путь фонариками, группа осторожно шла мимо толстых колонн, что поддерживали все здание. Здесь еще пахло тем гаражом. Стены были пропитаны автомобильными выхлопами. Старые масляные пятна говорили о том, что еще недавно здесь слышался свист шин и рев двигателей. Теперь же здесь с потолка свисали, болтаясь на проводах,

люстры с ртутными лампами, а вандалы уже успели раскрасить граффити одну из стен. Полоснув светом по разукрашенному бетону, Моргана убрала фонарь и отвернулась. Ей было обидно видеть гараж в таком состоянии. Она отлично помнила, как для входа сюда требовался пропуск, а теперь здесь шастали дети и уличные художники, искатели приключений или простые бездомные. Еще бы, освободилась такая площадь для жилья...

Все остановились, когда свет фонарей выхватил из черноты голый бетон с большущей намалеванной цифрой «4». Сложив руки за спиной, и посмотрев на четверку, Гюнтер сделал не самый уверенный шаг вперед. Он приглаживал бетон рукой, явно нащупывая что-то, а затем просто воткнул ключ в самую середину цифры, провернув. За стеной что-то громыхнуло, и Моргана, наклонив голову, удивленно нахмурила брови.

— Добро пожаловать в ГДР, товарищи. – улыбнувшись, старик повернулся ко всем, разведя руками.

За его спиной начала двигаться стена. В ней оказались спрятаны громадные замаскированные ворота, которые начали открываться со скрипом не смазанных навесов. Всю эту радость в движение приводил какой-то аккумуляторный электродвигатель, который опухолью нависал на одной из створок ворот. Створки же были толстыми, будто из бункера. Десяток сантиметров отборнейшей высококачественной стали, которая даже и не думала ржаветь от времени. Но са-

мое интересное было за этой волшебной калиткой. Внутри оказалась огромная зала, которая засверкала светом десятка желтых ртутных ламп. Повсюду был сантиметровой слой пыли.

Тут было все, что нужно для небольшой войны. Видимо, Гюнтер знал, что рано или поздно все это раздолье понадобится, и позаботился о запасах. Вдоль стен стояли стеллажи с автоматами, пистолетами и гранатами, ножами, шлемами и бронезащитой. Восточногерманские, румынские, венгерские, русские Калашниковы, несколько пулеметов и винтовок. На «гвозде» над генераторами, висела длинная винтовка Драгунова с магазинами на полке ниже. Это был будто праздник, но... За тележкой с зелеными, очень старыми ящиками, на которых было написано, что они содержали в себе противотанковые гранаты для РПГ, было еще что-то. Теперь уже смело войдя в тайную комнату, Гюнтер сразу же прошагал в глубину, откатив тележку. Под брезентовым серо-зеленым сукном стояла пара «чемоданов» на колесах. Силуэт был слишком узнаваем. На крыше у каждой машины была пара бугорков – мигалки.

Сдернув накидку и подняв в воздух несусветное облако пыли, Гюнтер раскрыл завесу тайны. Сверкнула хромом зубастая решетка. На белом капоте была выведенная зеленым надпись: «Народная Полиция»... Под брезентом пряталась тройка поставленных в ГДР из СССР Волг для нужд их Внутренних Органов. Такие были редкостью тут даже восьмиде-

сятых, а сейчас они стали сродни единорогу. Ускорив шаг, Моргана поспешила к машинам, осматривая новые «игрушки».

— Как тебе удалось? – спросила она, поглядев на отполированную до блеска круглую и прозрачную, как бриллиант, фару. – Их все списали...

— Эти три машины тоже. – ответил Гюнтер, сняв с крючка на стене ключи и кинув их девушке. – Как и всё здесь. Когда началось объединение, мы с твоим отцом знали, чем оно закончится. Потому и организовали это место. Последний оплот нашего прошлого. Бумаги тогда исчезали в огромных количествах. Затерять несколько сотен автоматов и сорок две тысячи патронов к ним было не такой уж проблемой. А эти три машины сейчас уже разлагаются в земле где-нибудь под Мюнхеном... Мы их проверим и заведем. Привезешь бензина? – пройдя до небольшого стеллажа, тот достал с нижней полки пару канистр. – Так, парни, а вы собирайте комплекты. Броня справа, оружие и боеприпасы слева! Взрывчатка и инструменты в ящиках и в столах. Противогазы и баллоны к ним на верхних полках стеллажа. Оружие проверить и почистить. И, чтоб каждый, как взвод морской пехоты был укомплектован! За работу!

Среди мужчин пошло ликование. Восхитившись запасами, те разбежались по указанным сторонам, принимаясь притаскивать все к центральному широкому столу. На его столешнице сразу оказалось несколько автоматов. На сош-

ки встал массивный РПД, громыхнув барабаном. Рядом со звоном приземлились закутанные в тонкий слой промасленной бумаги цинковые ящики. В запаянную крышку вонзился нож, и Дима, быстро вскрыв один, взял горсть патронов, и с невольной улыбкой, ссыпал их через пальцы. На стол выложили и специальный подарок от незнакомки – ядерные патроны. Носик у них был подкрашен ярко-зеленой светящейся краской – не ошибиться. Быстро проверив на ход затвора положенные автоматы, Среда понял, что каждый из них работает как часы, и внутрь не набилось даже пыли, и все были хоть немного, но смазаны. Будто положены сюда вчера, а не тридцать лет назад. Но все требовало ухода, а потому пригодилось и идущая в комплекте с Калашниковыми большущая масленка. К пулемету Вагнер не подпустил никого. Громила лишь доверительно кивнул, отомкнув полный патронов барабан. Видимо, пулемет положили уже в спешке, и потому не разрядили. Немец разобрал его сам, по порядку выложил детали, и осторожно промаслил важные. Он относился к оружию с трепетом и не спешил.

Раздался скрип. Оторвавшись от проверки оружия, Дима поднял глаза и заметил, как Кельт раскрыл деревянный шкаф. Оттуда достал на стол массивный бронежилет, который лежал в стопке таких же, а затем что-то еще более монструозное.

– Вот это я понимаю!.. – присвистнув, произнес Ганс, принимая огромный сферический шлем с забралом у напарни-

ка. – Тяжеленный, гад!

— Он уводит автоматную пулю. – спокойной ответил Кельт, доставая еще один такой же.

Собрав в руках комплект из жилета и шлема, Ганс, явно натужившись, перетащил все это добро на стол с оружием и прихлопнул по сферическому шлему. Тот ответил лишь глухим шлепком. Повернув его, чтобы забрало смотрело на Диму, немец подмигнул русскому, уходя за новой партией. Среда на мгновение забыл обо всем, увидев длинную рытвину, что шла от визора к самому куполу. Это был след от уведенной пули – он спас кому-то жизнь... И снова идет в бой.

Закончив с автоматами, Дима отставил их в сторону. Моргана возилась под капотом милицейской Волги вместе с Гюнтером. Но тот лишь подавал ей все необходимые инструменты. Среда понимал, почему именно она сейчас рылась в двигателе – в ее голове было что-то намного более навороченное простых человеческих мозгов. В мыслях пронеслось, будто бы она действительно видела все механизмы насквозь. Осознание этого пугало, но ведь... не отталкивало. Сродни неведомой выдумке природы, особенность девушки была интересна, ее хотелось узнавать и расспрашивать про все это. Живой компьютер – Моргана потрясала воображение. И Среда не мог оторваться. Он все смотрел и смотрел, как поддвигая бедрами, девушка каждый раз наклонялась все дальше и дальше в двигатель. Одна из ее ног постоянно так и норовила согнуться в коленке.

— Дима, — обратился к тому Вагнер, прихлопнув по руке. — Я снаряжу магазины. Думаю, Моргане нужна помощь, пойдй к ней.

— Да... — напрягся от такого предложения тот, беря в руки чемодан с радиостанцией, чувствуя, что он тяжелее, чем тот, что с патронами. — Нужно связаться с Москвой. Может, есть какая информация.

Мгновение постояв, он кивнул здоровяку, и тот оттянул уголок губ в улыбке. Конечно, Среда не был из рода дураков, и понимал, к чему его подтолкнул немец, но внутри мужчины были смешанные чувства. Вроде и был азарт познакомиться поближе, чисто из интереса изучить девушку, но в то же время были и опасения о том, во что это может вылиться. Ему сейчас не нужны были проблемы, тем более душевные. Теперь, когда каждое мгновение стало происходить удивительно нечто, которое буквально срывало крышу, последнее было наиболее важно. Нужно было не привязываться, относиться ко всему как к должному, чтобы однажды...

Чтобы однажды не повторить того горя, что было с ним, когда произошла главная в его жизни трагедия. Он потерял половину своего мира в одночасье и не ничего смог с этим сделать. Не может и до сих пор. Матерый оперативник оказался бессильным перед обстоятельствами и через силу и крики в горле сглотнул новость о том, что его любимой больше нет, что мать его ребенка больше не придет к нему, не будет радовать его своим присутствием и провожать на ра-

боту, радоваться его достижениям и подбадривать в неудачи. Ольге не было замены, и не должно быть... Возможно, это не было бы изменой по закону, но Среда изменил бы сам себе, ведь был жив, хоть и сломался изнутри тогда. Он помнил все, что связывало их, и почему их брак был счастливым. И вот теперь, когда в его груди снова что-то екнуло, как тогда, с десятков лет назад, он боялся этого ощущения, он отторгал его. Не для себя, а для своей памяти. И Авроры... Дима не представлял, что бы он сказал ей, если бы банальное чувство, прошедшееся электрической дугой по груди, переросло бы во что-то большее, в теории. Как бы он стоял перед дочерью, представляя новую маму, понимая, что она к ней все равно никогда не привыкнет, и будет проклинать его? Он не дал ей отца, занимаясь работой и добыванием средств, потерял ее мать, так еще и нашел ей замену. Да, ситуация не из лучших... Так что и действовать здесь и сейчас не стоило.

— Машины исправны? – сухо спросил Среда, положив радиостанцию на капот центральной машины

— Да, вполне. – повернулась на него девушка, уперевшись руками в металл. – Просто, они стоят уже слишком долго. Нужно проверять все жидкости, менять масло, некоторые резинки и пробки, прокалить свечи и проверить компрессию. Это не родные двигатели, это что-то более мощное, и редкое...

— Как думаешь, для нас есть информация? – кивнул на чемодан Гюнтер, скрестив руки на груди. – Вирхова ведь но-

сом зароется, но все равно найдет что-то. Стойкая она, однако... Ничего ее не берет.

— Дьявол своих бережет. – усмехнулся Среда, раскрыл чемодан и увидел внутри настоящий компьютер с экраном и клавиатурой. – Это что за...

Моргана подвинулась ближе, оглядев диковинку. Это был действительно целый компьютер, вмонтированный в дипломат, со своими отличительными особенностями вроде тумблеров и огромной книжонки – инструкции для «чайников», зажатой между экраном и клавиатурой. Дениц сразу же отложила ее в сторону, пощелкав какие-то кнопки. Экран зажегся.

– Вот это действительно подарок. – удивилась она. Набрала по клавишам какие-то команды в появившуюся строку. – Что вы слышали про «Циркон Армс»? Похоже, ничего.

— Они явно не делают бургеры! – издали вмешался Ганс, снова затем завозился в куче бронежилетов. – Тогда бы их все знали...

— Да, бургеры они точно не делают. – помотала головой Моргана. – «Циркон Армс» производит высококлассные атомные реакторы для флота. Это многомиллиардный технологический монстр, который занимается всем: от винтовок до гиперзвуковых крылатых ракет. Это их радиостанция.

— К чему это? – скрестил руки на груди Среда, глянув на то, как девушка копается в компьютере.

— К тому, что достать подобное... – продолжала та сту-

чать по клавишам, зарываясь все глубже и глубже в цифровое поле прибора. — ...задача крайне нетривиальная. Такие штуки стоят как два пассажирских авиалайнера.

— То есть нам попался кто-то с большим кошельком? — хмыкнул Гюнтер, почесывая подбородок. — Но сейчас не это интересует. Есть в нем что-то? Может, из записанных заранее?

— Да, есть. — Моргана нажала на пробел.

В тот момент, когда зеленая линия, будто с осциллографа, дернулась на экране, старик едва заметно улыбнулся, прикрыв рот рукой.

— Дима... — запыхавшись, произнёс голос Ульяны на записи. — Если ты это услышишь, то знай, что я и твоя семья в надежном месте, и это пока самая главная информация. Другая же заключается в том, что есть три вероятные точки падения. Их расположение будет во фрагменте карты, что лежит в инструкции к этому передатчику. «Пульсар-6» может столкнуться с землей в пригороде Берлина, не задев городские кварталы. Сейчас же мы ищем то, что может быть на борту спускаемого аппарата... Старайтесь максимально защитить органы дыхания. Если Советский Союз отправил это в космос, значит это очень опасно!.. Мы настраиваем передатчик на бесперебойную связь. А пока только так. Так же, про космический аппарат разнюхали в Вашингтоне. Вам на перевес двинулся взвод американских десантников. Открывать огонь по ним первыми строго запрещаю! Постарайтесь

выполнить задачу, не втянув наши страны в войну...

— Есть... – натянуто выдохнул тот, отойдя назад.

Ситуация ухудшалась с каждым часом. Теперь был и противовес на этой обезлюдевшей из-за комендантского часа арене – американцы. Они-то и были слабым звеном во всей этой схеме. Но что-то подсказывало, что эвакуация делегации нефтяников из-под вероятного удара не была их основной задачей. Наверняка думали о «посылке», мчащейся на первой космической скорости к земной тверди. Пентагон не интересовали их дипломаты так сильно, как то, что можно было использовать в самой мерзкой и неприкрытой пропаганде. В прочем, все страны в этом отличались. Потому, нельзя было допустить никого. И тут взгляд Димы не нарочно выхватил из общей кучи хлама на столе ярко-зеленый носик атомного патрона...

До удара было около суток. Мир пока спал спокойно. На почерневший мрачный Берлин, с его мусорными улицами и черными тенями полицейских с собаками спускалась ночь. Было тихо. По могильному тихо. Но тишина эта была особенной. В ней не было ничего, кроме завывания ветра на этажах старого и побитого жизнью здания из прошлого. Под ногами, будто живым ковром, за сквозняком тянулась пыль. Затишье. Перед настоящей бурей...

Часть 7

На пустой парковке было тихо. Помрачневший город-миллионник вгонял в тоску, был пуст, безлюден. Будто вымер. Единственный очаг света среди всего этого могильного царства был в самом центре города, в большущем административном здании. Сейчас там собирались сильные мира сего, чтобы оценить, насколько в условиях того, что на рынок «внезапно» ворвался новый ближневосточный игрок в лице разжиревшего Афганистана, дорогая нефть. И было плевать людям в песцовых шубах и дорогих пиджаках на горожан, что сидели дома, запуганные дубинкой властей. Вес на этой арене, где все были львы, и кровь проливалась постоянно, имели только те, кто был на «правильной», особой стороне. Мир и правда стал однополярным...

Вспышки поднимающихся вверх софитов ударялись в нависающие над городом плотные серые тучи. С погодой снова не везло – того и гляди пойдет дождь. С востока дуло холодным ветром, который продувал даже через плотную ветровку. Глядя на очаг света вдалеке, Моргана неспешно поправляла очки, сжимая душку металлической рукой. Ее глаза смотрели вдаль, все так же не моргая. Ей это было не нужно, но это придавало ей искусственности. Временами трудно поверить, что она живой человек. Однако, Дима видел в ней организм, а не просто набор единиц и нолей в программном

коде, что скрывался в ее голове. То и дело мужчина отрывался от бинокля, стоя около бортика трехэтажной парковки, чтобы поглядеть на девушку. Вокруг пока все было спокойно. Ничего не предвещало беды. Тихо, мирно и чинно. Но ключевое слово – «пока». А потому, каждый раз осекая себя, что сейчас не то время, чтобы размышлять о прекрасном, Среда рыскал взглядом по округе, чтобы выявить хоть что-нибудь необычное. Но все было чуть более, чем предсказуемо: дорогие машины, роскошный прием и именитые гости на празднике, прикрытие из чуть прячущихся снайперов и их помощников, дежурящие по округе полицейские и вымершие улицы, по которым прохаживались редкие граждане, которым хватило наглости, чтобы показать нос дальше порога.

Опустив бинокль и выдохнув, Дима одной рукой надел, до того висевшие на шее, наушники, подключённые к радиации на поясе. Постучав по микрофону, пощелкал радиостанцией. Отодвинув рукав, глянул на часы. До начала спектакля было не больше, чем пол часа. Подгадал же кто-то минуту, чтобы заставить запаниковать всю мировую богему...

Точки наблюдения группа расположила толково – между приблизительными координатами мест падения и центром города, чтобы можно было отреагировать на изменение плана незамедлительно.

— «Угол», как у вас? – спросил Среда в микрофон наушников, снова поднеся бинокль к глазам. – «Восток», шоссе

свободно?

— Это «Угол», наблюдаем слабую активность. – ответил на том конце Вагнер. Они с Кельтом следили за процессией с безопасного расстояния, будучи ближе всех к месту проведения саммита. – Тут столько полицейских, что можно накрыть не один наркокартель. Небо в тучах, а тучи черные. Ничего необычного.

— «Восток», все спокойно. – произнес Гюнтер, хмыкнув. – Тут вообще никого. Удалось подключить канал с Ульяновой к нашей волне?

— Да, Моргана все сделала... – мужчина обернулся на нее, поставив огромный бинокль на бетонное ограждение. – У нас тоже чисто, никакой активности.

Слегка обеспокоенно вздохнув, Среда снова прильнул к биноклю, всматриваясь вдаль. В небе, а точнее в той части его, что была не скрыта тучами, были звезды. Раньше они засвечивались огнями большого города, но теперь, когда большинство фонарей на улице были погашены, а город стал темным пятном, их было хорошо видно. Маленькие бусинки на темно синем, будто глубинном, небесном сукне. Такого было не увидеть в городах миллионниках. Создавалось ощущение, что тучи застилают голое поле, где сверкали светлячки, а никак не гигантский человеческий муравейник. Ведь именно в таких местах хорошо видно эти маленькие далекие солнышки, свет от которых идет тысячи лет. Некоторые из них давно умерли, канули в небытие, взорвались или угасли,

но люди все еще видели их. Звездный рисунок потихоньку скрывался за непроглядными, свинцовыми, тучами. На город опускалась настоящая, темная ночь. И от этого становилось не по себе. Это было сродни прогулки меж могил: холодные каменные исполины с множеством не горящих окон, как надгробия над скелетами умерших титанов. В этот момент любой ощутил бы себя букашкой.

Дима запахнул куртку, когда по парковке просвистел порыв ветра. По его спине пробежали мурашки. Он слегка сжался, дернув рукой. Ему тоже было не по себе, но не от видов и красот, а от ощущения неизбежного. Что-то надвигалось, и никто не знал, когда именно оно ударит и с какой силой. Часы были все ближе к отведенному сроку, но ничего так и не было. Беда будто поджидала, заставляла чувствовать себя неудобно. Снизу-вверх по телу поднималось неприятное чувство, а мозг все время говорил, что что-то было не так. И иллюзия того, что все было спокойно, постепенно сходила на нет. Нервы, того и гляди, начнут шалить. А пальцы уже выстукивали ритм на бинокле, когда зоркие глаза глядели в небосвод и ожидали что-то. Все чаще Дима смотрел на часы – времени оставалось все меньше, а признаков никаких. Небо все сильнее застилало тучами, и просветов, через которые было видно звезды, становилось все меньше. Момент мог быть упущен, а рушащаяся на головы мирного города станция могла появиться слишком неожиданно. Как молния, с громовыми раскатами горящего на ее поверхности кисло-

рода из атмосферы. Тик-так... Последние минуты пошли. Стрелка на часах медленно ползла к точке невозврата, и все более назойливо часы начали тикать. Этот звук словно усиливался. Тик-так, тик-так! Но ушедшее время уже не пугало так, как то, которое могло наступить. Объект все не появлялся, но страх, то чувство, раздирающее изнутри и заставляющее сделать хоть что-то, не ослабевало, а наоборот усиливалось. Как тучи плавно наплзали на ночное небо с пульсирующими звездами, так и по телу прокатывалась дрожь. Поднималась от пяток точно к макушке. Даже спокойная до сих пор Моргана, уже явно плохо верящая в то, что должно произойти, привстала с капота Волги. Не говоря ни слова, она подняла взгляд вверх, будто пытаюсь увидеть что-то своим уникальным зрением.

Тик-так...

— ... И к другим новостям. – тихо выдало радио в машине. – Сегодня в центре Берлина...

Эфир оборвался. Вместо связной речи, в динамиках появился шум. Было слышно, как магнитола отщёлкивает радиостанции в поисках канала, но не находит. Моргана медленно обернулась на машину, затаив дыхание. За ней глянул на Волгу, что искала рабочую волну, Дима. В динамиках все ещё было шипение, иногда сменяемое на писк и едва различимые слова. Что-то мешало эфиру, или оборвало связь.

— Радиовышки целы, я не вижу огня. – глянул в бинокль Дима, пытаюсь найти, куда мог упасть спутник, чтобы повре-

дить радиовещание.

– Это не вышки... – глянула в небо Моргана. – Это вышел из строя спутник!..

В небе блеснуло что-то. Пульсирующая звезда, что стала ближе. Едва различимое на общем фоне пятнышко почти спряталось за тучами, но начало сверкать все сильнее и сильнее, становясь более оранжевым. Это было правдой! Вот оно, то, что должно было столкнуться с немецкой столицей через несколько мгновений. Огромный разваливающийся белый цилиндр рассекал атмосферу. С чудовищной силой отбрасывал от себя оторвавшиеся элементы. Под раздачу попал и активный телекоммуникационный спутник, обломки которого, вместе с оборванной обшивкой «Пульсара» сторали сейчас в мезосфере, разогреваясь до свечения. Раскаленный кислород пожирал станцию, когда та тормозила об него, стремясь точно к голубой планете. Иллюминаторы жилого отсека трескались и лопались, постепенно отваливались и маленькие модули. Сателлит рассыпался в неконтролируемом спуске, как печенье в теплом молоке. Желтым пламенем расплавляло его внутренности, обжигало всю начинку и плавало покрытый графитом металл. Чудовищное трение изничтожало советскую станцию с почерневшим от нагара красным знаменем на корпусе. Вращаясь, словно бур, станция покинула мезосферу, войдя в нижние слои, уже перестав так чудовищно гореть. Основной ее противник был пройден – дальше только удар по едва подсвеченной точке в Европе.

Разгоряченные до свечения обломки наконец не выдержали. С оглушительным грохотом разорвавшись точно над тучами, подсветили их с той стороны. И если боковые вспышки падающей звездочки разгорались быстро, и так же быстро гасли, то она сама и не думала тухнуть. Все быстрее приближалась. Совсем скоро она стала большим красным шаром, что летел точно в землю, уже никак не по касательной...

И, будто наконечник копья, с дымным следом, как с древком, из этой груды советского металла вырвался полированный вольфрамовый шар. Он со свистом и дымом уже был под облаками, практически коснулся крыш стеклобетонных небоскрёбов. Это явно не пригород – он падал в самый центр города. На его пути была река.

— Твою-то мать... – только успел выговорить Среда, глянув как шар скрылся за небоскребами.

Под ногами задрожала земля. По ушам ударил страшный грохот, а волна от контакта многотонного вольфрамового шара скосила под ноль несколько высоток, обрушив их прямо на жилые кварталы. Центр города взмыл в воздух камнями, щебнем и колотым бетоном, клубами пыли и пара из реки. Сверху все это присыпали слегка задержавшиеся, из-за не самой обтекаемой формы, обломки станции. Они забросали огнем все в радиусе нескольких километров. Виднелось зарево, там все полыхало! Никто не ожидал такого...

Сорвавшись с места, как только шок и шум в ушах слегка отпустили, Моргана и Дима бросились к машине. С легким

и едва слышным щелчком, девушка вогнала рычаг в первую передачу, бросив ногу на газ. Взревел двигатель. Шины со свистом стали выдавать из-под себя клубы дыма с едким запахом жженой резины. Волга дернулась вперед, как сорвавшаяся с цепи немецкая овчарка. С заносом преодолев бетонные пустые этажи парковочного комплекса, автомобиль, разбивая решеткой радиатора шлагбаум на запасном выезде, вырвался на улицу. Одной рукой удерживая руль, и с силой надавливая на педаль, Моргана натянула на лицо противогаз с шлангом, что уходил к баллону на коленях. Над центром города начало подниматься какое-то пятно. Датчики в ее руке начали улавливать химическую активность. Похоже, советский подарочек не был из разряда сладостей. Быстро сообразив, противогаз надел и Дима, выдернув чеку из баллона, чтобы в нем пошла реакция. Через секунду в трубке оказался чуть горьковатый и теплый воздух. Застегивая на поясе разгрузочную систему, состоящую из брезентовых ремней и лямок, которая устарела лет на тридцать, он разложил приклад на Калашникове, передернув с усилием затворную раму.

Машина мчалась по пустым городским улицам. Но на них уже начал вываливать народ. Не смотря на комендантский час, все хотели узнать, что же случилось. При том, что вырубился спутник, никакими другими способами, кроме как расспросов соседа, выяснить причину рева сирен было невозможно. Война, вторжение, революция! Именно

это первое приходило в голову испуганным внезапным происшествием гражданам. Эти догадки подкрепили и первые очереди, что врезали по черной рвущейся к центру города Волге. Это тайные полицейские кордоны, которые оказались не видны из-за домов. Путь до места падения станции лежал точно через городские кварталы, что были оцеплены. Там-то и были немецкие солдаты и полицаи. Но это не главные проблемы...

Совсем скоро на головы начали сыпаться куски металла, обшивки космических кораблей. Как огненный град, они, раскаленные атмосферой сыпались на дома, обрушая их и приминая под собой жителей. Обломки падали и на дорогу, из-за чего Волге с юзом приходилось вилять, едва не врезаясь в разбегающихся зевак. Было ощущение, что начался апокалипсис: из-под свинцовых и непрошибаемых любым светом туч на грешную берлинскую землю падали раскаленные металлические куски, начинались пожарища. А над центром города, вместе с пылью и дымом вверх поднимались ядовито-зеленые клубы какой-то взвеси.

— Что это за дрянь?! – сквозь противогаз прошипела Моргана, дергая руль, чтобы не попасть под завалы рассыпающегося под огнем с небес жилого дома. – Станция задела уйму спутников, обрушив на город весь космический мусор в секторе... – она шумно выдохнула. Взглядом бирюзовых светящихся электронных глаз уставилась в серое небо, на летящую прямо в них грудку космических обломков. – Это что,

ступень от «Протона»?!

На чудовищной скорости по земле врезали куски российской ракеты-носителя. Перекрыв пылающим металлом дорогу, обломки ракетного двигателя свалили построенную при ГДР многоэтажку. Моргана ударила по тормозам, лишь чудом не врезавшись в лежащие в десяти метрах от обломков ступени куски раскаленного металла. Быстро вывернув баранку, она свернула во дворы, где машина прыгнула на кочках. По зеленой площадке, обогнув разбегающуюся во все стороны толпу, Волга, ударившись подвеской о тротуар, вывернула в проулок. Рванула между домов. Город рассыпался под стальным градом, и маленькая машинка едва успевала изворачиваться между падающих бетонных плит с разваливающимися многоэтажек. Они разбивались на острые обломки, ударяли по черному полированному металлу, сшибали краску. Дима машинально схватился за ручку, сжимая ее до побеления пальцев. Ему было невероятно страшно сейчас, когда панельки складывались как карточные домики. А девушка за рулем, явно скалясь под белой маской противозага, все вжимала педаль в пол, то и дело дергая рычаг передач.

Наконец, под колесами оказалась ровная дорога, практически без ссыпающегося с небес космического мусора. По левую руку – присыпанное горящими обломками здание, где был нефтяной саммит. Кажется, делегаты не думали и носа оттуда показывать. Как только зазвучала сирена – все попрятались, бросив всё снаружи. Тут остались только венные из

охранения, да дорогие машины, вперемешку с полицейскими. И снова Горьковский металл прошили пули. На этот раз стреляли уже со стороны полиции, достаточно, при том, метко. Машина удирала очень быстро, но жандармам удалось всадить пару пуль в боковые стекла.

С места падения капсулы поднявшимся ветром точно на город тянуло зеленое зловещее пятно. Оттуда, куда по пустой дороге летела черная Волга.

Промчавшись еще несколько сот метров, машина завершила. Прямо все было завалено обломками станции. На гнущей и рваной обшивке догорал выведенный красной краской стяг с серпом и молотом... Поняв, что дальше был тупик, Моргана остановилась, заглушив машину. Быстро накинула на себя бронежилет и разгрузку с магазинами, перебросила мешок с кислородным баллоном через себя за спину и с щелчком разложила проволочный приклад на немецком Калашникове. Автомат практически ничем не отличался от того, что был у Среды, разве что магазином и местом сборки. Однако, девушка все же предпочла родной. В его затворе мелькнул ядовито-зеленый носик патрона. Покинув машину, Дениц вздернула автомат на изготовку, прицеливаясь по двум приближающимся фигурам. Дима кинулся к капоту, положив оружие на него боком.

— «Угол»!!! – сквозь противогаз крикнули по улице. – Моргана, это мы!!!

— Какого черта, Дима?! – быстро сблизившись, пихнул

его в плечо Кельт, сквозь окуляры маски глянув точно на русского. – Об этом речи не было!!! Твою-то мать, тут гребаный ад!

– Это ни черта не окраина. – зло констатировал Вагнер, поднимая оружие. – Самый центр города.

— Я ничего этого не знал! – выдохнув, оглядываясь вокруг, произнес Среда, пытаясь оправдаться. Затем он слегка стукнул по микрофону на наушниках, надев те на голову. – «Восток», мы и «Угол» на точке сбора. Как понял? «Восток», ответьте!

— Да, мы здесь... – пробилось в эфир с тяжелым дыханием. – Путь преградило обломками, мы... с другой стороны. Ганс прикроет сверху, а я зайду по дуге и встречу вас на выходе с точки сбора. Куда упала станция?!

— Должно быть врезала по метро. – вышла в эфир Моргана, оглядываясь. – Мы в сотне метров. Со станции поднимается какое-то облако! Радиация минимальна, но заражение более, чем достаточное! По плотности газ примерно сопоставим с воздухом, и будет висеть, пока ему не надоест.

— Или пока ветер не раздует. – хладнокровно произнес Вагнер. – Нужно действовать быстрее. Мы видели колонну спецназа.

Переглянувшись со всеми, Среда кивнул, вскинув автомат. Быстро собравшись в колонну, группа, осторожно осматриваясь, пошла через дом. Напрямую, чтобы сэкономить время. Миновав двор и приблизившись к арке, через

которую был проход на другую сторону улицы, Среда заглянул в нее, направив в темноту дуло автомата. Там не было света. Кажется, удар вышиб систему электроснабжения города. Оставалось надеяться только на собственное чутье и на старенький прибор ночного видения, что был в небольшой заплечной сумочке. Надевать его пока рано – вокруг было море огоньков, и даже через камуфляжный костюм чувствовался тот жар, что был сейчас на улице. То и дело в стеклах противогаза сверкали горящие обломки советского «Пульсара-6».

Да, и правда – наделала жару старенькая звездочка! Такой бомбардировки Берлин не испытывал семьдесят лет. Настолько молниеносной и настолько разрушительной. Теперь уже ни о каких заметаниях следов и речи не было. Оставался только груз, что был на борту. Но даже дураку становилось ясно, что именно выплеснувшаяся в воздух зеленая жижа и была тем самым грузом, что должна забрать группа. Понятно так же, что часть этого «груза» уже была потеряна в виде боевого отравляющего вещества. Остались, наверняка, лишь капли.

В какой-то мере жителям ближайших домов повезло: они умерли не от удушья неизвестным газом, а от ударной волны и слома их жилищ. Не успели в полной мере насладиться последним, напитанным неведомой дрянью, воздухом перед смертью... Трупы везде. Здесь будто было скопление людей. Оно и понятно – центр города. Здесь было несколько попро-

ще с обстановкой, ведь тут не жили реакционные силы в виде бывших восточных немцев. Пусть эти районы и были с одной стороны берлинской стены, их уже успели заселить те, кого все устраивало. И тела этих бедолаг то и дело попадали в поле зрения группы бывшего спецназа, что была собрана из настоящего интернационала. В свете пожарищ мелькали залитые кровью, застывшие бледные лица. Некоторые были присыпаны пеплом. Кто-то располовинен или придавлен бетонными плитами. Здесь явно была неразбериха. Люди спасались в панике и спасали других. Среда ощутил под ботинками кровавый след – признак того, что трупы оттаскивали. Он медленно повел стволом по следу, но труп так и не увидел. Просто красное запыленное пятно на брусчатке. Дима смутился, но значения этому не придал. Либо оказали помощь, либо уже умерли от удушья. Кварталы молчали. Здесь не было выживших...

Впереди показался побитый вход в метрополитен. Стальная со стеклянными разбитыми вставками коробка. Ну чисто московский или свердловский, только с надписями на другом языке. Путь к нему преградили обломки корабля, а также вывернутая клубами брусчатка с землей. Здесь трянуло знатно – это и было эпицентром удара, именно из-за станции метро вырывался вверх зеленоватый туман. Дальше, в подсвеченной обломками «Пульсара» темноте, можно было увидеть зияющую, и слегка присыпанную обломками заваленной «хрущевки» дыру в земле. Капсула оставила после

себя аккуратно дырочку, застыв где-то внутри катакомб метро. Но это были не все проблемы. Рядом Шпрее, и она могла оказаться зараженной. От этих мыслей Моргана выдохнула сквозь зубы, на мгновение опустила оружие и поглядела на плещущуюся неподалеку воду.

В этот же момент на стороны вестибюля метро появился, будто вышедший из прошлого, судя по восточногерманской униформе, человек. Это был Гюнтер, что обеими руками вцепился в Калашников. Но затем поднял его на локте, увидев остальных. Отдышавшись, он снова вскинул оружие, осторожно ступая по битому стеклу внутрь вестибюля метро.

— Наблюдаю вас. – коротко обозначил Ганс в рации. – Проконтролирую ваш вход и перемещусь поближе. На подходе крупные силы противника, с восточной стороны.

— Принято, мы заходим внутрь. – ответил Среда, отгибая микрофон от губ и доставая из сумки прибор ночного видения. Надел его на голову, опустив окуляры на глаза.

Все повторили за ним. Мир окрасился в зеленые цвета, с белыми бликами от пожарищ вокруг. Бликовали и осколки стекла под ногами, что предательски хрустели, когда по ним шли ботинки. Бывшие спецназовцы снова бессловесно сформировали строй, в котором Кельт стал замыкающим. И медленно, прощупывая в темноте ориентиры, группа спустилась в подземелья.

В метро была непроглядная темнота. Стены и потолок были в трещинах, но полукруглый свод явно сдержал ударную

волну, не рассыпавшись. Все-таки эти станции были рассчитаны на ядерный удар СССР и НАТО... Но упал на них советский космический корабль с зеленоватым газом на борту. Терминалы пусты, служащие лежали убитыми прямо у турникетов. Практически у всех вышиблены перепонки и изнахвачено тело. Осторожно переступая через них, Дима перепрыгнул закрытый турникет. Из-под ботинок поднялись клубы пыли и бывшей штукатурки, что отвалилась от трещин в потолке. Бетон явно не смог бы выдержать еще одного такого удара, а потому стонал в гробовой тишине, что еще сильнее давило на психику. Группа спускалась будто в ловушку. То и дело на них осыпался камень. Мягко переступая между трупов, осторожно обходя неизвестные водянистые пятна на зелено-белой крупной плитке, Моргана на мгновение отвлеклась. Оглядела одно из тел, что повисло на турникете. Она осторожно ткнула в него автоматом и наклонила голову, увидев, как из раздробленного черепа наружу растет какой-то нелицеприятный нарост. Коралл, не похожий на что-то с нашей планеты...

— С-сука, Ульяна... – протянул Дима, тоже заметив странности на покойниках. – Что это за чертовщина?!

— Не думаю, что стоит это трогать. – Дениц хлопнула металлической рукой по тянущемуся к неизвестным кораллам Вагнера. – По крайней мере сейчас...

Внезапно, еще не спустившись с эскалатора, Среда встал во что-то мокрое. По ногам начала плескаться какая-то вла-

га, и он остановился. Не спеша вступить в заведомо зараженную воду, решил постоять и придумать другой план. Но вперед него прошла Моргана и осторожно опустила металлическую руку в воду. Затем помотала головой.

— Вода не заражена. А вот воздух — очень. — констатировала девушка. — Не знаю, как это вяжется...

— Если в моей башке появятся кораллы... — Среда осторожно ступил в воду. — Продайте их на черном рынке и купите венок подороже...

Где-то очень сильно журчало. Видимо один из отводных каналов, по которому вода из реки миновала станцию, оказался пробит столь невероятным визитом космического гостя из прошлого. Станция была по пояс залита речной водой, а в воздухе было не продохнуть от газов. Все заполнял ядовито-зеленый туман. Проломив пару колонн, огромный вольфрамовый толстостенный шар лежал на боку в самом центре перрона. По металлу стекала густая малинового цвета, будто джем, субстанция. В точке контакта с ней вода шипела и кипела, и получался тот самый чертов зеленый дым. Похоже, это была химическая реакция, которая порождала новое вещество. В воду ничего не попадало. Как в том опыте с «танцующим» на ее поверхности натрием, что показывают в школе. Только тут это было еще более завораживающее и страшно до холода на шее.

Вода мешала двигаться быстро, да и двигаться вообще. Страшно стесняла движения, так еще и заставила намокнуть

большую часть снаряжения. Добавила несколько лишних килограмм к массе. Но, даже в этих условиях, группа смогла быстро рассредоточиться по перрону. Поочередно занимая удобные позиции для стрельбы, бывшие спецназовцы приближались к капсуле, чтобы забрать груз. Дима уже видел три отверстия, в которых сидели какие-то баллоны. Оставалось их только выдернуть оттуда, потому что крышку отсека, судя по разорванным вольфрамовым петлям, оторвало при контакте с землей.

— Что это за дрянь, Моргана? – тихо спросил Вагнер, водя стволом пулемета по темноте, осторожно пододвигаясь к мощной станционной колонне. – Может, мы зря на это подписались, а?

— Мы уже по пояс в воде. Поздно паниковать. – ответил за нее Гюнтер. В два медленных шага в воде он занял позицию за гермодверями, не успевшими выехать, и лишь показывавшимися из своих ложбин в стенах. – А как Дима доставит груз, дадим деру отсюда...

— Ты видела, что у них на телах?! – испуганно спросил Кельт, прикладом отталкивая от себя проплывающий мимо искореженный труп, полный багрово-зеленых кораллов. – Меня сейчас стошнит... У нас же из защиты только старые советские противогазы...

— Они выдержат, мой мальчик. – заверил его старик, шумно выдохнув в эфир. – Восточный блок больше тридцати лет готовился к ядерной войне. Не думай, что там были

только водка и дозиметры.

— ... у нас гости. — неожиданно выдала в микрофон Моргана. — Та сторона перрона, на двенадцать часов. Одиннадцать человек.

Внезапно по черной станции метро, меж белоснежных колонн, раздвигая зеленоватый плотный туман пронеслась очередь. Под сводом эхом грохнули выстрелы. Длинная очередь пуль врезала по эскалатору, только чудом никого не задев. Сверкнув рикошетом, выстрелы разлетелись во все стороны. С шумом вышибли из плитки пыль и грязь, подняли брызги в воде. Одна из выпущенных свинцовых мух успела врезать по высунутой из-за горловинной каске Гюнтера. Тот, от удара по черепушке заваливаясь в воду, почувствовал, как дрогнули позвонки в шее. Очередь одернула и подбирающегося к капсуле Диму. Тот быстро двинул плечом, падая за одну из колонн. Вскинув из воды автомат, не глядя выпустил с треть магазина в противоположную сторону. На мгновение там что-то зажглось — атомная пуля нашла броню и со вспышкой пробила ее. Этой секунды хватило, чтобы на эскалаторе с интернациональной группой захвата расцвел настоящий огненный цветок. Изрыгнув из себя длинную очередь, громко застрекотал русский РПД в руках плечистого немца. Тот, положив огромную машину на сгиб локтя, прижался поближе к стене. Снова загрохотала очередь, которая перерезала на той стороне пару тел, разбрасывая в темноте брызги от рикошетиющих пуль. От такого не спасали бронежилеты.

— Двигайся, двигайся! — выступила вперед Моргана, срываясь из-за колонны к другой, быстро ныряя в холодную воду.

Вскинув автомат, она не глядя выпустила с пол магазина по неприятелю. Компьютер в ее голове думал быстрее любого мозга и выхватывал из темноты силуэты. В воду посыпались разгоряченные и распухшие гильзы, а ее руки мгновенно переносили оружие на нужную точку, делая точный выстрел. Из автомата вырвался снап огня. Яркой звездочкой в противника пошла атомная пуля – подарок неизвестной дамочки. Несколько грамм обедненного урана столкнулись с бронежилетом, продырявив его насквозь. Мужчина, пораженный такой «зажигалкой» не сразу понял, что вообще произошло. Моргана видела, как он схватился за грудь, повернувшись на остальных. А затем «пошел ко дну».

Быстрым рывком, огрызнувшись огнем, Среда перескочил еще ближе к капсуле. Ему следовало пройти не больше десяти метров, когда ноги уже практически перестали его держать. Вода по грудь уже страшно сковывала движения. Все прибывала и прибывала. Одежда становилась настолько тяжелой, что было и не пошевелиться. Для удобства он скинул прибор ночного видения в воду, глянув на то, как тот утопает у ног. В темноте снова что-то ударило по вольфрамовому куску из прошлого. Среда нырнул. В линзах противогаса показалась водная гладь и все, что было под ней. Еще немного и они просто утонут. Нужно было действовать

быстрее. Прижавшись спиной к колонне, избитой выстрелами, Дима на мгновение глянул на то, как из-за гермодверей показалась вспышка. Гюнтер и Кельт прикрывали наступление, стреляя из глубины. Примерно прикинув расстояние, которое еще осталось, Дима выдернул пустой магазин из Калашникова, в одно движение сложив приклад. С силой дернувшись из-за колонны и с остервенением полоснув из автомата по противоположной стороне, он снова двинулся вперед, преодолевая водную стихию. Так и следовало делать: длинная очередь и перебежка. И снова: длинная очередь и перебежка. По-другому нельзя, ведь шанс проскочить под шквальным огнем пулеметов появлялся лишь тогда, когда противник прижат огнем. Но пока неприятель успешно огрызался. Это явно была не Дельта, кто-то попроще, потому что американцы действовали бы осторожнее. А эти – перли напролом.

— Я на перезарядке, прикрой. – с тяжелым выдохом загудел в противогазе Вагнер.

— Поняла, закрою! – ответила Моргана, снова перемещаясь в воде. – Дима, дай магазин!

Среда обернулся. Выдрал из подсумка набитый патронами железный коробочек, уже думая куда бы его кинуть. Но проблема была в том, что царила практически кромешная тьма, и он не видел даже колонн, за которыми могли укрываться его напарники. А потому на несколько секунд он замешкался. Но тут в черноте появились два подсвеченных ко-

лечка – глаза Морганы. Она глянула точно на мужчину, видела его в темноте, и решила так подсветить себя. С силой дернув рукой, тот кинул ей магазин. Через мгновение снова загрохотали выстрелы из ее автомата, и снова по станции метро полетели атомные патроны. Их было хорошо видно, особенно, когда они находили цель. Это было сродни шоу: быстрые, летящие со сверхзвуковой скоростью пули феерично разрывались где-то в темноте. Они прошибали все, что было на их пути и останавливались только в бетоне, продолжая некоторое время после этого, как звездочки, светиться.

Под прикрытием снова затрещавшего на всю станцию пулемета, Дима бросился в последний рывок до капсулы. Их прижимали, и уже знатно. Как бы по той стороне не поливали из всего, что у группы было, противник продолжал наступать. Но и немцы не сдавались. Моргана подбиралась все ближе и ближе, вступая во встречный контакт. Гюнтер двинулся из-за гермодверей вперед, так же поливая из автомата по врагам. До тех было уже меньшее расстояние, но они как будто и не думали заканчиваться.

Оступившись и споткнувшись о массивный и выбитый кусок плитки из пола, Среда завалился в воду. Выстрелы стали чуть менее отчетливыми, все на мгновение будто бы затихло. Он был полностью в толще мутной воды. Начал грести руками, чтобы просто подплыть к капсуле. Прохлада обволокла все тело, намочила сухие до этого остатки вещей, и полностью скрыла в себе мужчину. По ней все еще шли всплес-

ки и шлепки от случайных попаданий, но пули теряли энергию. Противогаз неплохо держал воду, и оказался близок к аквалангу, потому что система была закрытая. Но все равно вскоре внутри захрипели капельки протекшей воды, а может быть и пота. Тут было уже не разобрать. Эта пляска под пулями заставила устать, как только началась. Но ведь для этого его и готовили! Для выполнения невозможных задач...

— Один прошел к капсуле. Он твой. – по захрипевшей от воды связи сказала Моргана, запыхавшись в резиновом противогазе.

Нащупав коленями неровное и избитое дно, Дима оттолкнулся от него, распрямившись. Подняв автомат на руках и «по-сомалийски» выпустил очередь над капсулой. Выдохнув, одной рукой протер линзы противогаза от капель. Мгновенно увидел клапан, чтобы достать единственный уцелевший баллон. Похоже, что тут как в НАСА – все дублировалось. Только еще больше! На запуске было аж три баллона. Вот один и уцелел. К нему то и потянулся Среда, уже думая повернуть вентиль, чтобы вытянуть железку с малиновой жижей внутри.

В этот момент что-то схватило его за шиворот, а сзади к ногам пришли круги на воде. Среагировав на атаку, мужчина развернулся, автоматом опережая удар ножом, который нападающий выронил в воду, отдернув ударенную руку. Но автомат из рук вырвал удар. Противник занес еще одну руку для атаки по маске, но Среда и тут справился. Откинул по-

висший Калашников в воду, выставляя блок. Лезвие длинного стилета зависло в считанных сантиметрах от резины на бровях. Хватило бы и одного пореза, чтобы он погиб. Вывернув руку, отойдя в воде, Дима схватил врага за локоть, заставив того наклониться. Ударом выбил тому сустав и перехватил нож, поразив противника точно в руку. И получил удар в живот, отпустив солдата. Отшатнувшись от навалившейся на грудь тяжести, которая только усиливалась тем, что на лице была плотная маска без нормального воздуха, Среда пару раз обильно вдохнул, пытаясь прокачать ушибленную диафрагму. Это помогло, ведь часть удара смягчил кевларовый участок бронежилета. А враг снова пошел в атаку. В этот раз были кулаки. Но, поймав удар, Дима развернулся и перекинул неприятеля через себя точно в воду. Тот в последний момент ухватился за шланг противогаза, утянув за собой и Диму.

Разглядев в мутной воде стеклянную полнолицевую маску, Среда попытался ударить ниже – в горло. Противник дрогнул, отпустил шланг советского противогаза. Еще один замах под водой, и Дима поставил тому на горло локоть. Получив не сильный удар по голове и плечу, увидел на бронежилете лямку, чтобы быстро сбросить с врага его броню. Ухватившись за нее покрепче, увидев как солдат под водой уже задыхается, Дима дернул лямку на себя. Передняя часть бронежилета, дрогнув, отошла в сторону. Коленом отодвинув ее, Среда ударил в живот. Пузырьки в воде пошли боль-

ше и обильнее. Прижимая врага, Дима уже оскалился под резиновой маской, захрипел от натуги. Вода все разнимала мужчин друг от друга, но Среда вцепился в неприятеля как клещ и не отпускал. Все довил тому на гортань, что лицо под стеклянной полнолицевой маской стало разово-красным. Враг дёргался и бился в истерике. Видел, как разъяренные глаза из-за стекол на советской резиновой маске глядят точно на него в толще воды. Тут что-то блеснуло чуть сбоку. Это оказался откинутый Средой автомат. Подтянув его по разбитому плиточному полу за ремень, Дима одной рукой уткнул его солдату в грудь и нажал спуск.

Выстрел дернул воду и затвор автомата, будто во сне, очень медленно отошел назад. В водной толще прошло эхо. Из механизмов вверх поднялся целый букет разнообразных пузырей. Взрывная волна от капсуля отходила во все стороны, и медленно, вслед за пузырями вышла и гильза. Погребенный под толщей воды плиточный пол слегка озарила вспышка. Дима заметил, как дернулся враг. Его тело перестало шевелиться.

Вынырнув на поверхность, Среда инстинктивно вдохнул поглубже из баллона за поясом. Вода в системе жизнеобеспечения так и не появилась. Хрипела где-то в клапанах самой маски. Закинув автомат за спину, мужчина в одно приближился к вольфрамовой капсуле, поняв, что рация больше не работает. По ней пробивались какие-то обрывки слов, фраз, но все больше было просто молчания. Электроника не

выдержала такого погружения. Потому-то Дима стянул наушники с головы, но оставил их на шее. Взявшись обеими руками за вентиль, что должен был высвободить зафиксированный баллон, Среда нажал на него. Тот скрипнул, но не поддался.

— Ульяна вышла на связь! – крикнула через всю станцию Моргана, поняв, что у Среды сломана рация. – Дима, не открывай!!!

Было слишком поздно. В этот же момент от нажима сдвинулся запорный механизм. Со свистом в ближайшую колонну ударила верхняя часть желтого баллона. Ударной волной Диму отшатило назад. Перед его глазами взвился плотный зеленый туман. Вся та малиновая дрянь, что была во взорвавшемся баллоне выбросилась в воду, превратившись в ядовитый газ.

— Концентрация подскочила! Надо убираться отсюда!

— Воды по плечи, прикройте меня! – мотнул головой Дима. Кинулся к колонне разбитой крышкой баллона, чтобы укрыться от пуль. – Я отхожу!

Вода стала пребывать все быстрее и быстрее. Видно, перебитая труба сдалась под напором. Скоро здесь будет под самую «крышку» и станцию затопит намертво. Из нее уже можно было показаться лишь по плечи, вскинув автомат повыше, или стреляя по самой кромке водной глади. Враги тоже отходили – не получили ничего, кроме потерь. Потому отход обеих сторон был быстрым. В три прыжка Дима нагнал

с пару метров. Снова нырнул под воду, когда рядом полоснула очередь, выкрошившая обломки из колонны. Противогаз все еще держался. Не обманул дед, когда сказал, что выдержат. И правда стойко переносили все тяготы и лишения воинской службы...

Диму кто-то схватил за плечи. Оказалось, что он проплыл брасом несколько больше, чем хотел. Его на «берег», в виде остановившегося эскалатора, вытаскивали Кельт и Гюнтер, постоянно отстреливаясь с одной руки. Поняв, что угроза практически миновала, Среда поднялся. Прихлопнув старика по плечу, стянул со спины автомат. Теперь он прикрывал отход. Оставалось только вывести явно разъяренную, раз она выпускала практически весь магазин за одну очередь, Моргану. И Вагнера, который перешел уже на пулеметную ленту, расстреляв все «барабаны».

Внезапно под потолком что-то заискрило. На мгновение Моргана подняла глаза, опустив автомат. Зашла за толстые гермодвери.

— Нет, черт, нет! – крикнула она на искры. – Эти идиоты перебросили мощность с подстанции!

— Это очень плохо? – немного отдышавшись, спросил Среда, пытаясь выцепить врагов в темноте. Тех уже и в помине не было.

— Мне нужен щит управления. Если они запустят...

В этот момент в глаза ударил яркий свет. Большая часть электроники тут, пусть и была побита, но, рассчитанная на

ядерный удар, она выдержала такой подарок судьбы. Прикрывшись руками от слепящего взора, все, кроме Морганы отвернулись, не в силах терпеть подобное. Это было сродни вспышке молнии, с той лишь оговоркой, что не длилось мгновение, а все еще продолжало жечь глаза. Побитый эскалатор без некоторых ступеней двинулся вверх, чавкая железками внутри себя. И тут над головой что-то ужасно загудело. Желто-зеленый дым начало утягивать в вентиляцию. А вентиляция вела в город...

Все одновременно и тяжело выдохнули, увидев это. Все понимали, что это значило. Жуткая концентрация активного вещества в воздухе станции начала падать – все утягивало в не эвакуированный город, над которым, надрываясь, ревела сирена.

— Ребята, это зеленой дряни становится все больше!!! – в рации Кельта Среда вдруг услышал голос оставшегося вне станции Ганса. – Вы бы видели, что тут творится!

— Что с... – замешкалась Моргана, пытаясь подобрать слова. – С... гражданскими?! Что с населением?!... Сука, что там происходит?!

— Я не знаю, как это описать, это... – Кельт выдернул наушники из рации, чтобы Дима тоже слышал голос. – Население в панике выбегает на улицу...

— Нет, только не улица! – встрепнулся Гюнтер, вставая на бетонный пол, когда эскалатор доехал до верхней точки. – Спускайся и простуки все квартиры, какие сможешь. Пусть

все, кто уцелел, закроют окна и двери! Мы потеряли груз, и выпустили дым. Нам нужно отходить!

Моргана обернулась на Диму, и тот отшатнулся, понимая, что под резиновой маской сейчас только свирепость. Между ними встал Гюнтер, закрывая русского своим телом. Металлический кулак сжался так, что заскрипел металл. Среда понимал, что он был косвенно виноват, и не виноват одновременно. Он не знал, что следовало делать.

— Не время для конфликтов. — высказал старик, будто прочитав мысли девушки. — Он не виноват. Не он же скинул на нас эту чертову станцию! Мы должны сейчас выбраться. Все! И желательно живыми, ясно? С исполнителями этого ужаса мы разберемся потом. Это станет делом нашей чести.

— Да. — синхронно ответили Кельт и Вагнер. Последний обмотал остаток ленты вокруг руки, чтобы та не гроыхала по полу.

— Я не слышу! — скоился тогда Гюнтер на девушку.

— Все ясно. — обиженно ответила та, отведя глаза от Димы. — Я поняла.

— Эй... — прошел мимо них Среда, поднимая автомат. Он смотрел на пустой и залитый кровью запыленный холл. — ... А где все трупы?..

Послышался лязг металла. Все вскинули автоматы, так же заметив пропажу. Напряжение в воздухе было натянуто, как гитарная струна, что скоро сыграет. Никто не мог понять, как из холла, где была целая куча тел, залитых кровью и за-

росших странными кораллами, все они вдруг разом испарились, оставив лишь лужи запекшейся крови. Не было и слухов о том, чтобы городские власти развернули моментальные похоронные бригады. Значит дело обстояло в другом. Совсем в другом... И о разгадке думать сейчас не хотелось никому. Нужно было просто убраться из этого проклятого места!

— Все пошло точно не по плану. – тихо выдохнул в противогаз Кельт, осматривая окровавленные турникеты. – Вот здесь висел тот труп...

— Думаешь, что они встали и ушли? – почти спокойно, но дрогнув голосом, спросил его Вагнер, перебросив патронную ленту через плечо, чтобы было удобнее держать пулемет.

— Мы что... вляпались в ужастик из семидесятых? – тяжело выдохнула Моргана, осторожно перемахнув через заблокированный турникет. – Я чувствую что-то. Зомби ведь не существует, правда?..

Дима промолчал. Он шел впереди всех, и уже приблизился к стеклянной и тяжелой двери, которая вела на выход. Осторожным движением переступив липкую бурую кровь, поднял дуло автомата. Рукой попытался открыть дверцу, чтобы пройти дальше. Но что-то смутило – рукоятка была словно крышка от банки со сгущенкой, вскрытой офицерским ножом. На ней четко виднелись отметины от чего-то плотного и острого. Ее будто рвали, как бумагу. По спине

прошелся холодок, и из-за дверей по ногам подул могильный ветер. Серая цементная грязь покрыла сапоги. Среда опустил руку, так и не дернувшую рукоять двери. Снова вложил в нее цевье Калашникова и медленно, он попятился обратно, встав точно по центру холла.

Он не верил во все эти сказки об оживших мертвецах. Старался относиться ко всему этому спокойно. Но как только понял, что вся эта дьявольская магия творится наверху, его скептицизм начал трещать по швам. Это не поддавалось объяснению! Он слышал какие-то шуршания, всхлипы по ту сторону двери, а потому впервые в своей жизни боялся идти вперед. Дима еда слышно выдохнул в противогаз, не спуская взгляда с дверей и того, как они осторожно покачиваются на слабом сквозняке. В треснутом стекле он пока не видел ничего. А в осколках других створок, что были рядом, постоянно что-то мелькало. Уверенности не доставляли и эти звуки, которых не должно было быть. Может, все это было в голове, и он просто поддался газу? Никто ведь не знал, что именно Советский Союз готовил для своего врага. Может, он действовал на психику, на сознание, внушал людям что-то?.. А, может и поднимал их после смерти...

В гробовой тиши Среда выдохнул...

По холлу метро внезапно раздался вой. Это был не крик, а действительно, будто бы завывала собака-переросток, с явным нарушением развития горла. Он был настолько заупокойный, и не походил ни на одно живое существо, что ду-

ша у всех сбежала в пятки по самому короткому маршруту. В груди екнуло сердце, и Дима немного присел, ища в зеленоватом воздухе источник этого воя. Сомнения в том, что в городе работает моментальное похоронное бюро – отпали. Эта дрянь создала какой-то новый вид, с которым придется столкнуться лицом к лицу.

— Как из могилы... – на выдохе сказал Гюнтер, вжав автомат еще сильнее в плечо. – Дениц, откуда это?

— Из-за этих дверей. – девушка неровно сглотнула. – Я насчитала семерых. И... это точно не люди.

— Найдем другой путь. – быстро предложил Кельт.

— Станцию залило под крышку. – ответил Среда, снова вышагивая вперед из костяка воинов. – У нас только один путь.

Внезапно в треснутом стекле едва дрожащей на сквозняке дверцы что-то мелькнуло. Дима остановился, повернувшись на проход. Захрустели обломки стекла, и что-то с той стороны начало приближаться. Оно уже за углом, и вот-вот покажется. От сковавшего тела страха, Среда немного присел. Согнул похолодевшие колени и неровно вдохнул, сглатывая. Он вжимал автомат в плечо так, что белели пальцы на пистолетной рукоятке. А в магазине уже ждали патроны. Но тварь, издавшая вой, выбивший из тела душу, все еще не появилась. В сознании рисовались самые ужасные адские создания, каких можно было только представить. Ни одна из них не сравнилась с тем, что показалось в свете мерцающих

ламп секундой позже.

При виде неестественно бледной кожи с зеленоватым оттенком, Среда отшатнулся назад, скованный шоком. Когда-то давно это был человек. А сейчас это лишь тело, покрытое какими-то красно-зелеными панцирными щитками и кораллами. Монстр будто вылез из пучин океана. Был как маленький и очень зубастый риф, который смотрел мутными глазами точно на группу интернационального спецназа в масках. Тварь разогнулась в полный рост. Вдоль тела оказались, будто без костей, тоненькие и жилистые лапы. Из-под кожи там рвались красные наросты. Дима увидел, как внутри тела ничего не оказалось – была лишь раскрытая грудная клетка, с торчащими ребрами, которые уже оседлали полипы. Это был моряк Дейви Джонса, но точно не человек в недавнем прошлом. Потрусив челюстью с острыми и кривыми разросшимися до вида пик зубами, мертвец перекинул свой взгляд на стоящую за спиной Димы девушку. Наклонил голову. Его явно привлекла металлическая конечность, которая сияла в свете мерцающих ртутных ламп.

Внезапно тварь дернулась вперед, ударив кулаками в плитку. Раскрыла пасть. На шее у нее разошлись склизкие жабры. В груди надулись остатки пораженных легких. Снова издав свой зауспокойный рев, тварь кинулась на людей, явно приглашая и остальных своих сородичей к столу...

— Хуже быть уже не может! – выдал Среда, отшатнувшись назад и ненадолго свалив тварь очередью.

Но монстру все было ни по чем. Пули срезали часть наростов с тела, и стреканули по плитке, уйдя в бетон. Чудище повалилось на пол, но затем снова поднялось. Вместо крови из ран вылетал белесый порошок. В один прыжок сблизившись, оно напало на Диму, ударив его острыми кораллами на руке, которые срослись с пальцами. Смертельная угроза промелькнула в считанных сантиметрах от резиновой маски на лице. Кончики изуродованных пальцев с неприятным звуком шаркнули по стеклам противогаза. Отползая, мужчина с разворотом корпуса отвесил твари по бывшему лицу прикладом автомата.

Группа пыталась помочь ему и открыла огонь. Однако, из всех доступных щелей полезли и другие монстры. С другим расположением хитиновых рубиново-зеленых щитков. Кто-то из них пытался боднуть острыми «рогами», кто-то сразу же бросался с когтями на вооруженных мужчин, а один вцепился в титановую руку Морганы, пожалев об этом. Вывернув кисть так, как не сможет живая рука, девушка схватила тварь за голову. Вмазала черепушку в стену, что от той практически ничего не осталось. Плитка в том месте раскрошилась, а в бетоне образовалась выбоина. У них были невероятно твердые тела. Это понял уже и Среда, когда удар прикладом не принес особых результатов. Мотнув головой, чудовище снова занесло открытую слюнявую пасть над лицом. И тут точно в изуродованное уткнулся ствол автомата. Дима нажал на спуск. Бледно-зеленую кожу, вместе с тканью про-

шила короткая очередь. Стал виден заросший, будто накипью, позвоночник. Эта дрянь сцепляла кости так, что их было не сломать, но при том оставляла возможность для движения. Одна же из пуль отклонилась от этих наростов на костях, вывернув огромный шмоток шейного мяса. Только вот это практически не спасло. Пасть все равно щелкнула над самыми линзами противогаза. Ей помешал уткнувшийся в позвоночник автомат.

Замаячила угроза удара рукой. Тогда, переложив усилие на удержание автомата на правую руку, Среда выдернул магазин из подсумка, ударяя им точно в мертвецкую ладонь. Та с нечеловеческой силой захлопнулась, сжав металл, будто консервную банку. Под остатками кожи чувствовались мутировавшие сухожилия. Их было очень много, гораздо больше чем мышц, и потому, при всей своей худобе, эти твари были очень сильными.

Сообразив, монстр схватился за автомат, дернув его в сторону. Среда подался в бок, сжавшись. Лоб страшилиды поздоровался с плиткой, разбив ее. Сила удара была такая, что он с легкостью бы разможил человеческий череп, но промахнулся. Схватившись прямо за голый позвоночник, мужчина снова не дал укусить себя. Нашупав рукой длинный и острый обломок плитки, поддел его и воткнул монстру в мутный глаз. В этот момент на мужскую грудь приземлилась покрытая острыми кораллами рука. Но она не успела сжать ребра так, чтобы выдернуть их прямо со внутренностями. Умира-

ющая тварь лишь поджала пальцы, оцарапала стальную пластину бронежилета.

С усилием откинув от себя бледно-зеленого, умершего во второй раз, когда-то человека, Дима поднялся. С одной руки, не успев перехватиться, он выдал очередь по еще одной прыгающей прямо на него твари. В теле той блеснул атомный патрон, но он застрял в кораллах на груди, зажигаясь с ярким пламенем. И вся эта горящая туша скакнула на мужчину, буквально, фиксируясь на нем. У этого не было когтей место пальцев, но из лба торчали острые обломки. Будто сосульки выросли. Попытавшись ударить всей это грудой сталактитов, мертвец встретился со стеной. Среда поднял полегчавшее тело, отбросив его от себя. Подтянул повисший на ремне автомат. Все более разгорающаяся от зажигательной урановой пули тварь, приземлившись, перевернулась. И снова прыгнула.

Успев только вскинуть оружие, Дима замер. Монстр завис прямо перед ним, буквально в воздухе. Из его груди торчала когтистая рука, но в этот раз место кораллов занял металл. Выдохнув в противогаз, Моргана потянула руку на себя. Она откинула мертвеца, словно надетого на шампур, в сторону. На мгновение цвет ее электронных глаз сменился кроваво-красным, но мужчина не предал этому значения. Смахнув с титановых когтей остатки прилипших на крови полипов, она глянула на Диму. Удостоверилась, что того не задело. Среда лишь кивнул через время, опустив автомат.

— Все целы? – спросил Вагнер, сдирая с грудины разорванный в клочья бронезилет.

— А-гх! – раздалось чуть позади. – Моргана!

Та повернулась, бросившись на помощь. Присевший у стенки Гюнтер держался за шланг для противогаза. Тот оказался разорванным. Через противогаз послышался хриплый влажный кашель. Старческое тело все сильнее начинало дрожать, как от озноба. Его пальцы сгибались в невероятных конвульсиях, а сам он уже откровенно трясся.

– Вот черт! – Кельт указал на нарастающие на старческой коже кораллы, отшатнувшись.

— Нет, нет, нет! – быстро приблизилась к старику Моргана, осматривая его противогаз. Тот был разрезан и потерял герметичность. – Задержи дыхание, мы вытащим тебя отсюда!

— Не надо... я... Я чувствую, как оно обволакивает мозг. – закатил глаза старик, уже откровенно трясась.

— Кельт, возьми за ноги! – скомандовал Вагнер, пытаюсь поднять Гюнтера за руки, но порезался о наросты на коже, одёрнув руку. – Черт. Вытащим за ботинки!

— ..моя Родина... – попросил старик, на мгновение все же глянув на стоящего рядом Диму.

Через секунду тело немца подалось вперед, издав страшный вой. На стенку выплеснулись остатки человеческой крови из черепа. В разбитых линзах противогаза показались отпечатки от пуль, во лбу зияла рванная дырка от прошедшей в

стену атомной пули. Среда поднял автомат, неровно сглотив.

— Что ты наделал?! – сорвалась Моргана, сближаясь с ним. – Какого черта ты творишь?!

— Он бы вцепился тебе в шею, Мо. – сухо произнес позади Вагнер, глядя на остывающее искореженное тело в равном противогазе. – Прощай, старый друг...

— Мы могли его вытащить! – обернулась тогда девушка, махнув руками.

— Ты знала, как его починить? – двинулся вперед Кельт. – Знала, как убрать эти гребаные наросты с его шеи и рук?! Мы даже не знаем, что за дрянь была в этом советском спутнике!!! Все, что мы можем сейчас – убраться отсюда, как можно быстрее, и решить, что нам делать дальше.

— Если газ так действует... – махнула рукой на тело старика Моргана, тяжело выдохнув. Она все же смирилась. – Я думаю, что шансов у города немного. На поверхности еще несколько сотен таких, если не сотен тысяч. Нам нужен очень хороший план, чтобы выбраться из всего этого дерьма.

— Нужно ехать в Центр. Мы должны связаться с Москвой. – предложил Среда, перезаряжая магазин на полный. – Ульяна должна помочь, и знать, что вообще происходит. Пока других вариантов просто нет. Город уже должны были перекрыть: все пути сообщения наверняка разомкнуты. Из-за протестов к этому готовились. К тому же полиция, отряды Национальной Гвардии, все сейчас на взводе и стреляют по

всему, что движется. Наверняка! Нам нужна лазейка, чтобы выскользнуть, и ее нам может дать только Вирхова.

— Смотри, чтобы вы снова не ошиблись... — прошла мимо него Моргана, поднимая с пола оброненную в ходе боя рацию. — Ганс, выходи к машинам, мы возвращаемся в Управление.

Часть 8

В городе была полнейшая неразбериха. Обычные черты городской жизни растерлись в порошок под гнетом тонн упавшего космического мусора. Элегантную нотку в этот парад безумия конечно же добавил чудовищного эффекта газ, который плавно расплывался по улицам. Еще нельзя было снять противогаз, а он уже порядком надоел. Тянул тяжестью вниз и сковывал мокрое от пота лицо резиновой оправой. Однако без него долго здесь не прожить... В своем привычном облики. И такие несчастливые люди, что не успели найти или выбить у полицейских средства защиты, попадались все чаще. Они не были чем-то отчужденным, породнились с агонизирующим городом. Не выбивались из тех адских декораций, которыми Берлин сейчас стал. Миллионный мегаполис просто рассыпался от неизвестной угрозы. Настолько же мощной, насколько и неожиданной. Если бы кто-нибудь мог поверить, что это случится наяву...

Моргана все больше мрачнела за рулем. Она уже не обра-

щала внимание на обернутых в коралловых монстров бывших соседей. Только тихонько шипела что-то в противогаз, то и дело ругаясь, чтобы Дима и Ганс на заднем сидении ничего не слышали. Ей было трудно, очень трудно. В один день, всего за пару часов потеряла все, что осталось у нее из дорогого, из знакомого и понятного. Это чувство – горечь впере-мешку с гневом – сжигало ее изнутри, но виду девушка не подавала. Она, наверное, зашлась бы слезами, если бы могла выдать из-под электронных глаз хотя бы слезинку. А так, ей оставалось только держаться. Ничего не говорить и уже не ругаться. Это было еще больнее. Приходилось просто мириться с обстановкой и действовать дальше. Спасало лишь одно – собранная команда. С ней было намного проще, и люди были надежные, можно было положиться. Да и вдвоем с Димой, что сейчас устало пытался потереть лоб через резиновую маску, они без них стали бы трупами.

— Куда нас отправят? – внезапно спросил Ганс с заднего сидения.

— Я не знаю. – тихо пробубнил через надоевшую маску Среда. – Я уже ничего не знаю, Ганс. Я тут ровно на таком же положении, как и ты.

— Вообще не было плана отхода? – усмехнулся тот, но все равно прозвучал раздосадовано. – Классно вы составляете операции, там у себя... в России.

— Ульяна сказала, что придумает. Да и выхода не было! Верхушка командования оказалась пятном на стенках, вре-

мении не было катастрофически. Если бы вы не согласились, я бы действовал один... как-нибудь...

– Это и правда похоже на игру. – отметил тогда немец. – Правил которой мы не знаем. Остается только гадать, какой шаг будет следующим, и чья очередь теперь бить...

...Через несколько минут машины оказались на парковке перед Управлением. Там все было так же безлюдно. Но теперь это не отталкивало, не пугало. Наоборот, в творившейся теперь неразберихе именно пустое место было самым безопасным в этом чертовом городе. Здесь не было ни облаченных в броню военных с приказом бить по всему, что движется, ни раскуроченных танков, облепленных кораллами. Не было и самих заражённых. Гробовая тишина в этой обстановке была не самым плохим вариантом. Получилось бы даже сказать, что тут можно жить...

Быстро собравшись, и вздернув автоматы на изготовку, группа вошла в пустующее здание. Никто ведь не сказал, что его не могли занять. Теперь даже знакомые коридоры приходилось проверять, прислушиваться. Тихо ступая по бетонным плитам, покрытым плиткой и слоем пыли, люди продвигались по холлу. Здесь тоже был газ, но уже не в таком количестве. Повезло, что от эпицентра удара Управление находилось относительно далеко. Пришлось ехать через пол города. Потому, здесь химикат уже оседал и вился около ног. Время было под утро, и газ было очень хорошо видно. Первые лучи солнца, что появлялись над умирающим Берлином, под-

свечивали зеленоватые лужи и стелящийся по земле туман. Наступал новый день. Был рассвет.

Раскрыв дверь опустевшего кабинета, Моргана зашла в него, проверяя – пусто ли. Ни души. Последний его хозяин остался там, в зараженном метро, стал теперь его частью. Бочка, в которой жгли документы уже давно потухла. В воздухе был едва ощутимый глазом смог.

— Здесь безопасно. – содрав с лица залитую потом белую резиновую маску, сказала Моргана, перекинув ее на шланге через плечо. Помотав головой и раструсив волосы, она плюхнулась в кресло в углу, тяжело выдохнув.

— Точно не пойдём в экипаж Дейви Джонса? – повернулся на нее Ганс, аккуратно потянув за шланг противогаз верх. – Смотри, тебя я съем первым.

Полными легкими вдохнув горьковатый от дыма воздух, Среда утер мокрое лицо. Глубоко выдохнул. Приятно ему было вдохнуть наконец не химический, хоть и уже привычный воздух из баллона за спиной, а все-таки настоящий, пусть и города-миллионика. Мокрые от погружений в воде метрополитена волосы уже практически высохли, а вот с лица лил пот. Приходилось его утирать рукавом. Из-за этого по коже пронеслась прохлада. Стало чуточку легче. На мгновение задержав дыхание, Дима прохлюпал мокрыми ботинками по полу, поставив чемодан с радиостанцией на стол и открыл ее. Нужно было связаться с Ульяной в Москве, и очень срочно. Но связь оборвалась.

Сразу все поняв, из кресла поднялась Моргана. Только она могла здесь настроить радиостанцию даже без инструкции. То ли это ее электронный мозг ей помогал, то ли она действительно была гением сразу во всех областях, но управлялась она быстро. Залезла в компьютер буквально с головой, перенастроив его за минуту. Судя по всему, виной были спутники связи, которые падали практически всю ночь. «Пульсар» знатно прошерстил небо...

Скинув с себя мокрый бронежилет и сумку с патроном к противогазу, саму маску и верхнюю часть униформы, девушка осталась в одной лишь черной мокрой майке. Теперь можно было полностью рассмотреть ее металлическую руку, что неровной линией входила в самое плечо, будто бы стальную иглу воткнули в плоть. Однако, о том, как это было на самом деле можно было только догадываться – место стыка человеческой плоти и холодного титана закрывала тугая черная повязка, под которой и проглядывалась изгибающаяся линия. Неродная ее рука уже не вызывала отторжения. Была уже обыденностью. Даже Дима привык к такому виду, но все равно украдкой разглядывал ее, не без любопытства. Ему было чертовски интересно, какие еще фокусы могут быть скрыты у нее внутри. Наверняка Моргана, как сапер, позаботилась о том, чтобы ей вообще не были нужны инструменты – все бы заменяло ее собственное, или не совсем, тело. Отсюда и были ее острые когти, появление которых мужчина уж точно не ожидал тогда.

Внезапно вспомнилось мгновение, когда ее глаза на толику секунды поменяли цвет. Вероятно, девушка сама этого не заметила. От нее не последовало никакой реакции, но вот Среда запомнил это хорошо, будто кошмар. Ведь картина, застывшая в памяти, была и правда не самая приободряющая: два красных колечка, что смотрели точно в глаза из-под стеклянных линз противогаза, и раскрытая когтистая металлическая лапа, с которой на бело-зеленую плитку капала неизвестная субстанция. Навряд ли это была кровь, вероятно в телах зараженных она мутировала. Как и сами тела – их свойства явно были выше человеческих. Кажется, Советский Союз разрабатывал какую-то сыворотку, лекарство или добавку, которая должна была повысить грань человеческих возможностей. Но все равно не смогла сравниться с человеческим умом и холодным острым металлом. Моргана вышла из той схватки победителем.

Скинув прямо на пол бронежилет, навалив его на стол, Среда аккуратно надел на голову хиленькие наушники, что были в комплекте с радиостанцией. Отогнул микрофон. Моргана так же подключила наушники, включая аппаратуру.

— Контакт? – спросил Дима, прижимая наушники к ушам, но не слыша ничего.

— Сейчас будет. – ответила девушка. – Я поймала какой-то индийский спутник, который должен войти в зону вещания. У нас будет примерно пара минут, пока он не спрячется за горизонт.

— ... прием. — тихо, с помехами, послышался голос в наушниках.

— У тебя пара минут, пока связь снова не оборвалась! — быстро объяснил Ульяне Среда, еще сильнее прижимая наушник, вслушиваясь в каждое шипение.

— Дима, военные перекрывают город, они блокируют все пути из него. У вас есть всего один шанс выбраться из Берлина, и у вас есть на все это не больше часа!

— Как не больше часа?! — Дима переглянулся с Морганой.

— Через один час и три минуты по Берлину будет нанесен ракетный ядерный удар. Правительство не может удержать город, американцы в спешке выводят свои войска из Германии. Им проще спалить город дотла, чем отбивать его у того, что сейчас есть на улицах. Так что у вас ровно один час для того, чтобы убраться оттуда, и чем раньше вы сделаете это — тем лучше. На заброшенный аэродром ГДР в двадцати километрах от города через тридцать минут приземлится португальский грузовой Боинг. Он не должен был приземляться по плану — вы сможете выскочить из кольца.

— Это ведь не все, я прав? — почувствовав какую-то не очень хорошую нотку в женском голосе, спросил Среда. — Какая цена у этого билета?

— Тебе придется вывезти одного человека из здания, где должен был проходить Саммит. У него очень важные документы, касающиеся ситуации на Каспийской границе и в Москве, они могут нам очень сильно помочь. Выдернешь его

оттуда и сразу на полосу. Я жду вас в России, дальше мы разберемся.

— С какой стати лезть под ракеты?! – прикрикнул мужчина, потирая переносицу.

— Дима... началась в...

Последнее слово не было услышано, Среда не понял, что именно началось. Но становилось понятно, что что-то не очень хорошее. На последнем голос Ульяны – прожжённого боями офицера и десантника – дрогнул совсем не хорошо. Мир становился все более агрессивным и враждебным. И, кажется, со временем началось понимание, что именно не договорила она. Война. Страшное слово, которое заставило мурашки вихрем пробежать по спине и сомкнуться на макушке, чуть ли не отрывая ее от головы. Медленно положив наушник, Среда поглядел на наручные часы, отсекая ровно час. Времени было очень и очень мало. Нужно было пробиться по осажденному тварями Берлину до центра, зайти в здание и вывезти клиента, ну и, желательно, успеть на самолет... Как все это выполнять?

Мысли несколько путались. Уже нужно было начинать эту скомканную недооперацию, и выйти из города живыми, но Дима просто с минуту постоял, подумав. Медленно поднеся руку к переносице, помял ее, криво улыбаясь. Он все еще не мог поверить в то, что происходит. Всю жизнь его учили готовиться к худшему, и когда этот день настал, страх все больше овладевал им. Страшная угроза на улицах, риск

бомбардировки ядерными зарядами, какие-то игры внутри политического поля, что вышли за рамки, но самое страшное – непонимание того, откуда пойдут фронты. Не то НАТО пошло на Россию, не то Россия сама напала на кого-то, обороняясь. Китай, Индия, Пакистан? Как хрупок был мир, и как в мгновение он разбился. Всего одна долгая ночь решила исход многолетнего нагнетания и накачивания ресурсами земного шара. Оставалось молиться, что из закопченных испытаниями ракетный шахт, не показались ядерные боеголовки. А может...

И теория промелькнула в голове как искра. Совсем выпало из головы – Ближний Восток. Огромный гигант, поработивший и подмявший под себя территории до самого Кавказа – разросшийся до невиданных территорий Афганистан, сбросивший с себя все иностранные кабалы и цепи. Вот вероятный агрессор. Он много месяцев копил силы на территории близь границ, и, может, выступил? Ослабленная из-за гибели верхушки Россия весьма выгодная цель. Возможно, это даже был «Восточный Гамбит». Заранее продуманный до мелочей план. Но, кажется, что эта догадка имела все шансы получить статус факта. В любом случае, сейчас это не давало ничего. Отряд Среды в тысячах километрах от мест событий и в самом эпицентре будущей зоны отчуждения. Нужно было быстрее соображать план.

— Через час по Берлину будет произведена ядерная бомбардировка. – скупо и быстро выдал он. – У нас есть пример-

но тридцать-тридцать пять минут до посадки на старом аэродроме португальского грузового борта. Я и Моргана хватаем ВИПа из места переговоров, остальные – занимаете Боинг.

— Черт возьми... – сухо протянул Вагнер, вставая. – У них не вышло отбить город...

— Тут десять миллионов жителей! – в сердцах выдал Ганс, выступив вперед. – Они не могут просто так взять и долбануть по столице моей страны ядерным дрыном!

— Вероятно, просто нет выбора. – попытался вразумит его Кельт, прихлопнув по плечу, но эффект это дало обратный.

— И никто не предложит попытаться вывезти хотя бы пятьдесят человек на том Боинге? Это же может стать спасательным ковчегом для десятка семей!! – вопрошал он дальше. – Вы что, все, бесчувственные? Я клялся защищать немецкий народ, а не бросать его!

— Мы не знаем кто из них заражен. – ответила ему Моргана, с долей грусти за Гюнтера, скрестив руки на груди. – У нас нет времени все это обсуждать. План прост, и я требую от вас его выполнения. Мне не плевать на жителей, но мы не можем рисковать в первую очередь мировой безопасностью. А от этих бумаг наверняка зависит многое, раз нас отправили за ними.

— Сейчас пишется история. И ее нельзя подводить. – неровно сглотнув и переглянувшись с Морганой, сказал Среда, поглядев на часы. Времени оставалось все меньше. –

Нечего спорить. Мы можем остаться здесь и лечь вместе с зараженным городом, или помочь миру справиться с тем, что может на него надвигаться. Так что оставить эти разговоры, и все по местам. У нас еще есть работа!

Фальшиво отсалютовав и бросив явно не самый добрый взгляд на него, Ганс отвернулся, медленно зашагал к выходу. Все понимали, что он говорил очевидные вещи, но заниматься спасением гражданских сейчас было уж точно не ко времени. На наручных Диминых часах отщелкивалась каждая секунда до ядерного удара, и собирать гражданских на, итак, не самый легальный борт никто бы просто не стал. От этого было больно, неприятно, внутри всех грызло ощущение, что они всех подвели, но так было нужно. Нужно было их бросить на произвол судьбы. Это понимал и сам немец, но все еще не мог принять эту идею, еще бы – он ведь давал этим людям присягу. На его плечо осторожно упала рука Кельта, который хотел поддержать друга, но тот скинул с себя его ладонь.

Нацепив на себя бронежилет и наскоро воткнув в подсумки заряженные магазины, Среда накинул на плечо резиновую маску противогаса на шланге, несколько сморщившись при ее виде. Он уже устал за сегодня ее таскать, но это еще могло понадобиться. По пути наверняка были зараженные места и всяческие биологически активные лужи. Все-таки рухнувшая станция не пирожки по 3,50 привезла с небес... Моргана же готовилась куда серьезнее. Перекинув за спину

короткий дробовик, она обмотала пояс патронташем. Взяла в руки свою автоматическую немецкую винтовку, магазин у которой был в прикладе. Булпап – так это называется на западе. И пусть Среда не был фанатом подобных моделей, он не мог не отметить красоты именно этого орудия самообороны. Быстро, с четким щелчком, девушка вогнала полупрозрачный магазин-вафлю в шахту приемника и ударила металлической рукой по рукоятке взвода, чтобы та вернулась с задержки в переднее положение. Теперь она была точно готова. Мерно выдохнув и закрыв электронные глаза, Дениц натянула на лицо противогаз с круглыми стеклянными глазами, плечом открывая дверь в коридор старого восточно-германского здания.

Часть 9

Волга мягко и, самое главное, тихо остановилась около черного входа огромного здания со шпилем. Оно было точно в самом центре оживленного и пылающего квартала. Горело миллиардами огоньков. Но только в этот раз это были не фонари и расставленные по поводу праздника фонтаны из искр, а настоящие костровища и пожарища. Удушье было бы мгновенное, если бы не противогаз. Старенькая советская маска спасала практически от всего сейчас. Глянув на часы, Среда медленно и напряженно вдохнул. Оставалось не больше сорока минут, и это с тем расчетом, что им еще нуж-

но будет добраться до аэродрома. То есть, времени на работу в здании у пары не было совсем, и нужно было молниеносно промчаться по всем этим коридорам и помещениям огромного здания, найти груз и «сделать ноги». Совсем ведь просто...

Переглянувшись, Моргана открыла дверь машины, медленно выставив ствол своей винтовки наружу. Взяла на прицел толпу коралловых оборванцев, что копошилась в «кишках» разорванной бронемшины «Мардер». Становилось понятно, что за здание был нешуточный бой. Повсюду были изорванные бронежилеты, на гранитных и широких ступенях у главного входа чадило несколько брошенных танков. Поодаль потчевали те самые мертвецы, почти у самого торца. Медленно поднявшись с водительского места, девушка еще сильнее вжалась в оружие. На мгновение глянула на руку. Что-то ей сказал ее «внутренний электронный голос», и медленно та снова перевела взгляд на толпу, что пока не обращала на двух солдат никакого внимания. Среда же несколько быстрее выбрался из машины, перебежкой зайдя за багажник. Глянул на обвалившуюся пожарную лестницу, которая грудой металла лежала на земле. За ее остатки цепляться было не суждено. Вся конструкция вот-вот обвалится от собственного веса, а огромного мужика в униформе и бронежилете не вытянет уж точно. Оставался лишь обходной путь – через раскрытое окошко, откуда выдувало занавески с желто-зелеными пятнами.

— У нас не больше пяти минут тут. — тихо сказал Среда, подойдя сзади к Моргане. — Влезем через то окошко.

— Тогда ты меня подсадишь. — подняв ствол вверх, и развернувшись, она осторожно подошла к раскрытому окошку, что было на уровне метров трех от облитого зеленой жижей газона.

Встав спиной к каменной и сложенной из кирпича еще в позапрошлом веке стенке, Среда сцепил руки в замок, закинув подавшую ногу Моргану. Девушка металлической рукой вцепилась прямо в деревянную раму с осколками. Естественно, никакого болевого эффекта не было. Титановые пальцы легко перетерли хрустящее стекло и вцепились в деревянную раму, а поршни внутри ее руки затянули женское тело внутрь. Она была невероятно сильна. Этот протез, буквально, машина. Не было известно сколько в нем лошадиных сил, но наверняка хватало на небольшой бульдозер. И именно холодный титан и показался из окошка, когда пришла очередь Димы. На мгновение задумавшись и глянув на блеск пальцев, мужчина все же подпрыгнул, чувствуя под пальцами металлические чешуйки на тыльной стороне металлической руки. И будто бы на подъемнике, взмыл вверх, оттолкнувшись от стены. Залез через раму внутрь. Выдохнув, глянул нервно на часы, кивнул девушке, мол, спасибо. Та не стала отвечать, перевела взгляд со Среды на пожарный топор на противоположной стенке. Пройдясь по замаранной плитке с засохшей коричневой кровью на полу, сорвала его с крепе-

ний. Обмотала какими-то тряпкам, создав ремень. Закинув орудие за спину, девушка прислушалась.

Все здание скрипело, и стонало. С крыши в просторный холл вот-вот должен провалиться массивный шпиль на куполе. Под гнетом огня и жара трещали доски и сгорали дорогие занавески, тлели ковры. Все это невыносимо пахло. Отдельную нотку в этой палитре смрадов занимало жженое мясо. Не было понятно, людей или тех коралловых монстров, что подавали свои голоса из различных мест ратуши, но пахло слишком отчетливо, чтобы ошибаться. Кажется, Среда и Моргана здесь были единственными живыми людьми. Не было больше ни криков о помощи, ни стрельбы. Кто знает, может этого ВИПа уже и не существует, или он бежит в стае этих кровожадных мутантов, что наполнили улицы Берлина... Люди переглянулись, кажется обменявшись этим вопросом ментально, но решать его все равно было нужно. Первым выступил Дима, подойдя к захлопнутым дверям, которые должны были вести в огромный гостевой холл. В дверях была вышиблена доска. Стекали бурые подтеки, и было отчетливо видно, какая там была бойня. Кажется, ЧП застало всех гостей на нефтяном саммите врасплох. На мгновение глянув в пробел, Среда разглядел пару касок в черно-зеленом камуфляже – немецкие военные. Похоже, эвакуация не успела, и весь тот контингент, что нужно было спасти, здесь и лежал. Это так же объясняло и наличие бронемашин и танков у ратуши. Они должны были все это действие прикрывать,

но не справились с такой толпой зараженных. Были здесь и истерзанные куски мяса в изорванных черно-белых фраках и платьях – «дорогие» гости, нефтяники и политики. Тут ведь были люди из всех стран нефтедобытчиков, из их вассалов и сателлитов. Все они оказались зажаты здесь. Мир в миг потерял некоторую часть своих высших кругов, но точно ли это было печальным? И единственных, кого Среда не увидел в холле – мутантов. Ни одного.

Насторожившись этим фактов и попытавшись понять, почему же никто не стал доедать «закуски», он просунул руку в прогалок в досках. Осторожно потянул щеколду, пытаясь открыть дверь. Она поддалась. Скрипнув, створка отошла, открыв проход. Шагнув, Среда получил не сильный толчок в плечо, который должен был его остановить. Моргана прижалась к нему сзади.

– Это засада... – тихо произнесла она. – Они спрятались. Видимо понимают, что кто-то должен прийти.

— Думаешь, они знают про нас? – поинтересовался, неровно сглотнув, Среда. – Отслеживают?

— Не знаю, но они затаились. – сжимая протезом рукоятку своей винтовки, сказала девушка. – Ждут кого-то, или чего-то. Нам придется бежать, и как можно быстрее.

Повернув руку циферблатом часов к себе, Дима глянул на оставшееся время. Тяжело выдохнув и мотнув головой, он врезался плечом в, итак, едва державшуюся дверь. Стремительный галоп через огромную залу начался.

Быстро перебирая ногами, пара перепрыгивала через поваленные тела, доски, стулья и столы. Тут было буквально минное поле. Можно было переломать себе все конечности, зацепившись за торчащую из бетона, свалившегося с крыши, арматуру. Она была сродни колючей проволоке, как на фронтах давно отгремевшей Первой Мировой. Мешала и тормозила. Дополнение к этому – изорванные шмотки и шторы, ковры и изысканные когда-то скатерти, что наворачивались за голень армейских ботинок, связывали ноги и заставляли сбавлять темп. Перебивая каждый раз дыхание в мокром от пота противогазе, люди на бегу сдирали с себя все это, чтобы не мешало. Но это не помогло. Темп на середине зала был потерян, а впереди целые заграждения из поваленных столов и обрушенных перекрытий. С крыши то и дело норовил свалиться шпиль, который был точно над всем этим добром. Он держался на паре бетонных балок и трех-четырех швеллерах, что изогнулись под такой титанической нагрузкой. Было очевидно – сорвется. Нужно было подгадать момент, чтобы не на головы...

Дима свалился прямо на пол. Об поваленные доски и обломки мебели загрохотал автомат. Больно и колко в бок ударил приклад. Быстро перевернувшись на спину, мужчина только и успел, что схватить голыми руками уже закрывающую пасть кораллового монстра. На мгновение стиснув зубы и глянув за особь, он понял – Моргана была права. Откуда только было можно, и до куда только простирался взгляд,

езде были эти твари. Злобные, воющие и невероятно мерзкие. В некоторых еще прослеживались следы былой людской жизни, а некоторые навсегда потеряли их, став настоящими ночными кошмарами. Кровожадные, с изогнутыми полипами на теле, они ползли, бежали и перепрыгивали. Прыти им было не занимать. Еще немного, и они бы похоронили пару под своими телами, но Дима быстро среагировал и подтянул к себе автомат. Он выжал спусковой крючок, и грохотнувшее на весь этаж оружие раздробило все, что осталось от головы нежити. Во все стороны полетели острые ошметки кораллов, зеленоватая жижа и бурая, студнеобразная кровь, высыхающая до состояния белого порошка прямо на лету. Дергающийся в одной руке автомат замолчал и недослал патрон – Калашников заклинило. Однако, шанс был получен, и потерять его было нельзя. Потому, заворотив руками по полу, Среда отполз за баррикады. Несколько раз передернул затвор автомата, пытаясь встать. Моргана подала ему руку, но отдернула. Прямо между ними выпрыгнул рогатый монстр, ревя на всю залу залитой слюной пастью.

Замахнувшись, чудовище подалось на девушку, но та не отошла. Выпустив из титановой руки когти, она махнула ей. Замах удался, и на пол рухнула бесформенная головешка. А твари все приближались. Они были явно быстрее, и нужно было как-то избавляться от них. Бежать уже было не вариантом. Еще не хватало того, чтобы они вцепились в спину, а до спасительных дверей было далеко. Монстры сковали людей

точно посредине огромного помещения, по которому эхом раздавался зауспокойный рев огромной орды.

— Прижимают!.. – попытался было выкрикнуть Дима, но снова оказался на полу.

Двое тварей прижали его к полу и попытались добраться до его внутренностей. Они замахивались и старались впиться в его тело. Того спасал автомат и разгрузочный жилет. Вцепившись в подсумок и вырвав из него пару магазинов, просто откинув их в сторону, будто они ничего не весили, тварь потянулась к лицу под противогазом. Занесла руку, чтобы располосовать щеки советской резиновой маски. Оскалившись, Среда мотнул автоматом на груди. Прикладом сбил со лба нежити пару полипов. Чудовище на мгновение отпрянуло, не ожидая такой прыти от человека. Замахнувшись, вторая тварь хотела положить свои когтистые и изуродованные газом лапы на грудь мужчины, но путь им отгородил поднятый автомат, что и стал спасительным барьером. Изо всех сил сдерживая натиск сверху, Дима умудрялся ногами отбиваться от еще одних лезших оттуда тварей. Они кусали за ботинки, рвали на нем одежду, но тот все еще не сдавался. Он лягал и пинал все, что там шевелилось мерзкой массой. Моргана в этот момент махнула пожарным топором, воткнув его в прыгнувшую на нее, судя по рваному платью, женщину. Клинок топора без проблем разрубил иссушенное тело и вышел через позвоночник, раскрошив его. Шумно выдохнув через клапан противогаза, девушка обви-

ла металлическими пальцами древко, чтобы достать свой топор обратно, как тут на нее запрыгнул еще один монстр. Он повис у нее на шее. Бросив колун на полу, Моргана подняла руку, наугад вцепившись тому точно в лицо. С недюжинной силой всех своих поршней в руке, сжала его так, что оно осыпалось на нее, как стекло.

Девушка выдернула топор из трупа. Махнула им по тем тварям, что были на Диме. Одного из них отшвырнуло на арматуру, и он повис на ней, как на крюках для скота. Второй же не отцепился от Диминого жилета, и продолжал его рвать под градом ударов. Один из монстров своими острыми зубами разгрыз ему магазин. С веселым звоном на пол посыпались патроны. Ногой оттолкнув от себя приставучую нежить, Среда снова отполз, и перевернулся на живот. В этот момент покрытую кораллами голову к полу пригвоздил пущенный с замаха топор.

— Быстрее к двери! – выкрикнул мужчина, втыкая новый магазин в автомат, отстреливаясь с колена. – Нас сожрут, их тут с два десятка!

Толпа мертвечины все собиралась в огромное и грязное, волочащееся по земле облако. Эта бесформенная масса все быстрее и быстрее подбиралась к паре живых людей в изорванных одеждах. Все, что было до нее – лишь небольшие крошки, метеоры перед огромным астероидом. И если от двух-трех тварей еще можно было отбиться, то вот от десятков, что приходились на каждого, уже навряд ли. Бывшие ко-

гда-то людьми чудовища, рвали изо всех сил вперед. Переминали друг друга, ломая. Это их частично замедляло, давало время среагировать. Сообразив, Среда с рывком сдернул с колонны прикрепленный огнетушитель. Махнув головой, шумно выдыхая в противогаз, с размаху кинул баллон в клочущую толпу. Раздался легкий шуршащий звук, и Моргана легко вскинула в металлической руке пистолет. Даже не дрогнув взглядом, титановым пальцем прижала спусковой крючок к рукоятке пистолета. Мгновение растянулось. Была лишь одна мысль – лишь бы сработало... Затвор Вальтера дрогнул, и отойдя назад, он изрыгнул из себя пламя, которое отразилось на мигнувших красным глазах девушки. По ее лицу расползся оскал, перемешанный с безумной улыбкой. Она была на грани срыва в крайнюю степень агрессии, но пока что умело держалась. Затвор не вернулся на место. Пуля была последняя.

Отбившись прикладом от очередной напрыгнувшей твари, Дима увидел, как разорвало баллон в толпе. Огромные клубы пены обрызгали все пространство. На несколько секунд воцарилась непроглядная завеса из пены и какой-то еще взвеси, что скрывала от взора всю ту ужасную нежить. По ту сторону раздавались булькающие утробные звуки, из места, которое раньше, наверное, было гортанью. Этот маневр чуть «погасил» былой пыл этой серой массы. Но, лишь на секунду. Ей и нужно было воспользоваться! Среда рванул по залу, на ходу перепрыгивая перевернутые столы и тру-

пы. За ним устремилась и Моргана, активно нагоняя. Увидев что-то на одном из тел, она на мгновение сбавила темп. На бегу сорвав сырую от крови бандольеру с гранатами, в одно движение перекинула ее через двое баррикад Среде. Тот едва ее поймал. В момент, с разворотом корпуса, девушка ударила прыгнувшее на нее чудовище. Она видела его – ее боевой модуль в голове держал все под контролем, даже не доступное человеческому взгляду. Выругавшись, она схватила еще одну тварь за горло, выпуская когти и раздирая ему все, что осталось от кожи. Чудовища были уже около нее. Несколько заходило справа, а один снова прыгал, занося свои тонкие жилистые лапы в замахе. Отбив подобную «подачу», Моргана заблокировала укусы мокрых от слюны челюстей титановой рукой. В этот момент что-то щелкнуло за ее спиной.

Это в толпу летел весь гранатный пояс. Дима выдернул чеку. На пол упала предохранительная скоба. Бандольеру, напичканную взрывчаткой под завязку, поглотила под собой клокочущая толпа.

Яркая вспышка. Затем оглушительный грохот, что вышиб все оставшиеся стекла. По всей зале полетели ошметки подкопченного на гранатах мяса и осколки. Быстро кинувшись на землю, люди прикрыли головы руками, чтобы не посекло. Через звон в ушах донесся еще один звук – это скорее был скрип, но не самый обычный. С ним соседствовал хруст, и это были далеко не кости. С потолка посыпались облом-

ки бетона. Выгнутые в три погибели прутки арматуры под потолком сдались. Огромный шпиль, будто крышка над кастрюлей, плавно пошел вниз, все ускоряясь. Дернув Моргану за плечи, Среда спас ее от куска бетона, упавшего точно между ее разведённых в последний момент ног. Из него торчала обломленная ржавая арматура. С неба посыпались подобные «подарки». Их было невероятно много, все ближе приближался и сам шпиль, кренясь и ноя, будто бы прося, наконец, побыстрее оказаться на земле. Его останавливали перекрытия, но он все мчался и мчался вниз. Еще подтянув к себе девушку, Дима поднял ее на ноги. В этот же момент последняя опора сдалась. Шпиль сорвался вниз. Огромная конструкция разломилась пополам, как черствый хлеб. За парой устремились выжившие под градом из бетона твари. Одна из них практически схватила девушку за ногу. До спасительных дверей в конце зала оставалось всего два шага.

Крякающий звук раздался эхом. С мерзким хрустом серую бесформенную коралловую массу придавило исполинским шпилем и рухнувшей крышей. Огромные осколки стекла порубили в фарш все то, что еще шевелилось после того, как импровизированное бетонное надгробие похоронило под собой основной костяк чудищ. В последний момент Среда вышиб плечом захлопнутую дверь. Закинул внутрь ошарашенную Моргану. В тот момент, когда они уже были за дверями, к ним потянулась рука пришибленного серого мутанта. Без ног, он продолжал ползти! Эти твари могли пере-

жить, кажется, все, что угодно, оставаясь такими же кровожадными. Но жизнь этой ошибки эволюции прервал обломок стекла, что со свистом прошел его череп и резанул по руке, будто гильотиной отрубив ее. Ошарашенными глазами, Дима глянул на свое отражение в куске стекла. Мужчина был потрепан: из груди, с «мясом», вырвана пластина бронежилета, от разгрузки остались лохмотья. Целым был лишь противогаз на его лице, и широко раскрытые глаза за ним. Тяжело выдохнув, он сглотнул. Медленно перевел взгляд на Моргану. Та стояла рядом, согнувшись и уперев руки в колени. Она пыталась отдышаться и понять, что же вообще происходит. Такая картина мира не укладывалась ни в одной из голов. Раньше это было бы фишкой какого-нибудь страшного романа, но сейчас для них это уже стало шокирующей обыденностью. По улицам совершенно реального города, блуждали сотни совершенно не придуманных тварей, выползших из старого советского спускаемого аппарата...

— Кажется, пронесло... – приободряюще сказал Среда. – В следующий раз... мы идем в обход.

— Мы потеряли кучу времени. – мотнула головой та, перебивчиво пытаясь вдохнуть. – Их от нас отделило шпилем. Кажется, дальше должно быть полегче.

— Думаешь, они не кинутся в погоню? – уточнил тогда тот, помогая ей распрямиться.

— Я уже ни в чем не уверена. – Дениц глянула ему прямо в глаза своими электронными бирюзовыми зрачками. – Еще

два дня назад я пила чай в квартире. А теперь ни квартиры, ни чая.

— Я бы не отказался от бутылки водки! – явно улыбнулся под резиновой маской тот. – Как выберемся, я налью тебе.

— Идет. – кивнула она, слегка пристукнув по его кулаку своим, металлическим.

Глянув на часы и сглотнув, Среда невольно шикнул в резиновый шланг. Они уже опаздывали. Время беспроблемной эвакуации отдалялось, а значит угроза все нарастала. Меньше, чем через сорок минут по городу будет нанесен ядерный удар. Нужно срочно выбираться! Но и торопиться было нельзя – слышались заупокойные «голоса» тварей, что были дальше по их маршруту. Несколько лестниц завалило. Но навряд ли это остановит этих кровожадных мутантов. Некоторые начали выбираться даже из-под завалов шпилья, и Моргана расплылась в недовольной мине. Глядела как остатки тел копошатся в пыли и грязи, стараясь вырваться. Существа были безжалостны сами к себе. Они отгрызали острыми коралловыми наростами свои прижатые конечности. Перетирали ими кости. Руками распарывали себе животы, чтобы выбраться из-под груд кирпича. Кажется, этих тварей невозможно убить, от них можно было только убежать.

Топот ног перемешивался с редкими и очень тяжелыми, отраженными от бетонных и крошащихся стен, очередями из вооружения. В этом здании оно было всего у двух существ – у Морганы и Димы. Они с боями пробивались на-

верх, по единственной не особо тронутой пожарищами и обрушениями лестнице. Здание рушилось. Прямо на них сыпалась пыль. По району била далекая артиллерия. В воздухе иногда просвистывали реактивные самолеты, все чаще и чаще заходя на дополнительные круги. В разбитых окнах показался напалмовый залп – армия все еще пыталась сдерживать натиск чудищ на границах города. Но судя по огню и черному дыму оттуда, откуда возвращались самолеты, зона заражения непримиримо росла. Немецкая, а скорее всего и армия НАТО, несла потери. Горели танки и люди, так долго подготавливаемые ко вторжению человеческого неприятеля. Они оказались отрезаны кем-то, кто намного опаснее и кровожаднее. Становилось понятно, почему будет нанесен удар. Фронт был уже мертвым. Солдаты не знали, что делать с невиданным и невероятно живучим врагом.

Моргана тихо вздохнула, на мгновение выглянула в окошко. Ее искусственно созданный, но не лишенный разочарования взгляд, через запотевшие линзы противогаза рассмотрел то, как над разорённым и сожжённым напалмом Берлином сияло солнце. Его лучи сверкали на стеклянной крошке. Город сгорал, как спичка. Тлели стеклобетонные небоскребы в правительственном квартале. Догорали разрушенные исторические здания. Видимое с последнего этажа, на котором девушка находилась, здание правительства становилось похожим на то, каким в него вошли советские солдаты – горящим. Но теперь, в нем не было живой души, в нем

не было отважных и сильных людей. Там были только кроважадные и напитанные едкой жижей твари. Взгляд от такого было не оторвать. И буквально на мгновение, но Моргана замешкалась – ее родной город лежал поверженным у самых ее ног. На его кварталах уже не шел бой, уже не было людских криков и пальбы. Лишь редко бросаемые с бреющего полета напалмовые бомбы громко бахали в стороне. Положенная на голый бетон металлическая рука, там, где раньше был пластиковый подоконник, а теперь лишь оплавленная масса, сжалась с такой силой, что под титановыми пальцами что-то захрустело. Город похоронили...

Внезапно дернув головой, она закрыла глаза. Не совсем понятно было, что произошло, но Дима поспешил на помощь, вскидывая автомат и бегло осматриваясь. Это были не враги, источником этой судороги была сама девушка. Она неловко подняла руку, пытаясь опереться на мужчину. Но слишком сильно сжала то, что ухватила. Среда дернул плечом, зашипев. Но затем подхватил ее под руку, заглядывая в глаза. Бегло осмотрел ее противогаз, но тот был цел. Затем тело – все такое же прекрасное и подтянутое, правда одетое в пыльные лохмотья.

— Ничего, я в порядке. – наконец выдала она сквозь зубы. – Это помещение практически у нас под носом. Необходимо поспешить.

Поверив ей, и снова сверив часы, Среда тряхнул девушку под руку, пытаясь придать ей сил. Это даже дало свои плоды.

Моргана распрямилась, снова вскинув автомат. В коридоре без крыши было пусто. Последний этаж. И, видимо, снаряды ударили так, что ему снесло лицевую сторону и часть крыши. Пол, выложенный раскрошившейся плиткой, повис на арматуре, и был как гамак. Кое-где еще осталась наружная стена дома, с разваленными окошками. Те больше походили на бойницы. Через них было видно, как стоящая недалеко Волга Морганы покрывается пылью и копотью. В воздухе снова просвистело звено штурмовиков. За ними отряд вертолетов. Им было наплевать на пару каких-то людей – утюжили фронт с другой стороны города. Пятно расплзлось, и его всеми силами пытались ликвидировать. Граждане уже никого не интересовали. Поди разбери, кто из них еще не обернулся кровожадной тварью! Это были жесткие и даже жестокие меры. Но другие бы тут не сработали. Чуму выжидали огнем.

Одновременно с тем, как вдалеке ухнули снаряды и бомбы, Среда вышиб плечом захлопнутую дверь нужного кабинета. Вкинув автомат, направился внутрь. Но оружие что-то схватило. Не успев среагировать, мужчина полетел в ту самую выбитую дверь, ломая ее на пополам собственным телом. Внутри сжался кишечник. Схватившись за больной живот, и скатившись по двери, Дима медленно пришел в себя. Увидел лишь размытое пятно, которое его и направило в нокаут. В этот же момент раздался глухой удар, и с другой стороны стены показалась металлическая рука. Моргана схва-

тила существо за отворот грязного пиджака и потянула на себя. Раздался свистящий и жутко громкий звук, будто бы разорвалась светошумовая граната. Схватившись за уши, девушка отпустила тело, отшагнула от стенки, и закрыла глаза. Это было не похоже на тактику тех существ, что были внизу. К тому же это было всего одно. Внезапно по полу что-то потащили. Оно было металлическим – оброненный Димой Калашников. Точнее, его поднимали, и, кажется, проверяли магазин. Все еще пытаюсь собраться с духом и договориться с изнеможенным телом, Среда пытался поднять взгляд выше, чтобы разглядеть объект. Но раз за разом боль в шее и голове не давала это сделать.

Воздух разорвала очередь, но пули просвистели выше головы мужчины. Моргана схватилась за дуло автомата, уводя его в сторону. Вырывала его из рук. Это были именно руки – не лапы, и не те культяпки из кораллов. Перед парой был человек, и, кажется, это тот самый груз, который нужно было доставить на самолет. Бойкий оказался!

— Мы тебе не враги! – тяжело заблокировав два боксерских удара, выкрикнула девушка. Скользнула назад по пыльному полу.

Внезапный прилив сил позволил Диме все-таки поднять свою голову. И он увидел точно такую же маску, как у них. Только вот костюмчик под ней был более официальный, и голова явно седая. Но, не смотря на возраст, мужчина держался молодцом. Ткань буквально не могла удержать раздвув-

шуюся от мышц натуру. Изорванные и закатанные абы как рукава подтверждали атлетичность торса. Под старой кожей была словно броня, и надувшиеся вены. Сжимал этот человек кулаки так, что пожелтели пальцы, и бил он не просто так, а вкладывал всю душу и технику.

Боевой модуль в голове Морганы не давал шанса на сильный прорыв мужчине. Но он держался с ней на равных. Суперпрофессионал в этом деле, бывший военный, хоть и года уже явно не те. Внезапно, как только Среда поднялся с пола, в руке старика мелькнул советский армейский нож.

— Вирхова! – подняв руки, выкрикнул Дима. Увидел как застыл так и на запущенный в недолгий полет до его груди нож. – Мы от Ульяны! Мы должны вывезти вас из Берлина, черт возьми!!!

— Что-то вы не сильно спешили. – поспеившись на эмоции, сухо выдал незнакомец. Опустил руки, глянул на Моргану. – Решили перекусить по дороге? Не отвечайте, я вижу, что вам в принципе все равно на все, что связано со мной. В вашей голове только то, как свалить отсюда, а для меня важнее то, с чем можно сделать это намного эффективнее. – развернувшись и достав из-за стола приваленный досочками кейс, старик снова, с молодецкой прытью, вернулся на свое место. – Вы должны были быть здесь на пять минут раньше. Теперь и смысла особого уезжать нет, если у вас нет комплекса ЗРК под рукой. Что за дилетантство?!

— Да, решили на местный шпиль посмотреть. – иронич-

но кивнул пару раз Среда. – Здешняя красота прямо-таки, бля, убийственна! Давайте к выходу, ваше, мать его, святейшество!

И вся компания, недолго думая, но переглянувшись друг с другом, кинулась обратно к машине. Теперь уже по другому пути. Старый был невероятно опасен, потому что твари могли сбежаться на шум павшего шпиля. Нужен был более тихий. И вскоре он был найден.

Часики все тикали, и времени оставалось все меньше и меньше. Вскоре, показалось, будто бы вовсе перестали летать самолеты и вертолеты. А как только вся тройка уселась в Волгу заревела сирена. Всем, кто был еще жив – укрыться в подвалах и молиться. Всем, кто не успевал укрыться... просто молиться. Это было начало конца для Берлина. Но гул тревоги, заставляющий кровь стынуть в жилах, перебил рев породистого мотора. Машина быстро, хрустнув коробкой, сорвалась с места. Моргана выкрутила баранку, и Волга юзом ушла на ближайшую улицу, сбивая пару тварей со своего пути. Осталось только успеть...

— Что в чемоданчике? – внезапно спросил Среда, не поворачиваясь на задний диван. Рукой хватился за стойку, чтобы не удариться головой в противогазе о стекло.

— Не думаю, что это вашего ума дело. – фыркнул сзади бойкий старик. – Вы уже итак по уши в зловонной жиже, из-за того, что выпустили этот чертов газ из «Пульсара». Вы провалили свое задание, а я свое еще нет.

И тут Диму пробило холодным потом. Не столько потому, что незнакомец внезапно указал на очевидную ошибку операции, а потому, что он знал про «Пульсар». Про газ. И про то, что именно Моргана и Дима с отрядом немцев должны были сделать. Этот человек явно знаком с Ульяной намного больше, чем можно было подумать сначала. Он не был простым охранником важного груза, он сам был им. Кем-то из ее соратников, возможно со времен Афганистана. Только Варшавский Блок мог объяснить то, как этот буйный дед здесь оказался. Среда медленно повернулся на человека. Глянул тому точно в глаза. Они ему показались знакомыми. И тот, пусть и был зол под маской, но все равно на мгновение усомнился и дрогнул. Явно тоже признал знакомый взгляд.

— Миша? – медленно спросил незнакомец. – Погоди, погоди. Похожий юмор, взгляд, и комплекция, но ты слишком молод для старика. Господи, ну Ульяна!..

— Да кто вы такой?! – закладывая в очередной поворот практически на полной скорости, нервно спросила девушка за рулем.

— Ты Среда... – догадался тогда незнакомец. Взгляд с гневного переменялся на изучающий. Человеку стало что-то понятно, но вот Диме – ни черта. – Но не тот, которого я знал. Ты его сын, я прав? Господи, во что она тебя втянула... – потеряв переносицу на маске, человек глянул на свои руки, и, цокнув, стянул маску. – Это я, Груз.

Под маской оказалось невероятно мужественное, словно

точное из твердого бруса, лицо. Его острыми чертами можно было чистить картошку, а нос с горбинкой, придавал особого колорита. По впалым стариковским, но при том, будто бы натянутым щекам стекали капли пота, путаясь в плотной седой щетине. Легким движением причесав белые отросшие волосы, попутчик снова глянул на Диму карими глазами. Теперь уже с какой-то тоской. А тот, с мгновение подумав, отвел взгляд. И в его голове что-то достаточно четко укололо в мозг. «Груз» – это прозвище он уж точно слышал.

— Вы тот, о ком, не умолкая говорил мой отец?! – вставила свои пять копеек Моргана, на мгновение поворачиваясь на Диму с другим немым вопросом. – Честно говоря, думала, что это сказки. «Неуловимый агент КГБ». Да вы настоящая легенда!

— А ты кто? – смутился тогда Груз. – Ох, ты, ж...

— Моргана... – выдохнув, сказала она, глянув в зеркало заднего вида. – ...Моргана Дёниц.

— Адлер... Черт, значит все совсем плохо. – сделал вывод тот, потеряв потный лоб. – Ладно, я бывший полковник КГБ. Груз. И я работал с вашими отцами и еще парой человек, в числе которых была и Ульяна. Мы все были знакомы друг с другой, но с началом Перестройки нас раскидало по всей Европе. И если Ульяна смогла вас вытянуть, значит петля затягивается все сильнее. Эта «восточная царица» всегда знает, что делает, и всегда все делает невероятно верно, черт. Она ведь снайпер – бьет на повал, и всегда одним выстрелом!

И снова все провернула в тайную, зараза, не сказав мне ни слова! Вот же... Ай! – махнув рукой, тот поставил на коленях дипломат, который был весь в пыли, и наскоро отряхнул его. – В чемоданчике сведения, которые помогут нам распутать кое-какой геополитический клубок, чтобы не началась новая война. По сведениям...

— Она уже началась. – помотал головой Дима, стягивая с лица противогаз. – Мы связывались с Вирховой, и она это подтвердила.

– Значит, мы в полной заднице, ребята. – будто бы язвительно сказал тот, утирая голову и выдыхая. – Нам нужно поспешить на самолет. Все остальное уже в Москве, если дотянем...

— Пристегнитесь, сейчас потрясет. – Моргана воткнула пониженную передачу – Мы сходим с дороги.

Дернувшись, как рванувший с места одичавший скакун, Волга взревела мощным мотором. Все ее благородные стальные немецкие лошади под черным капотом встрепенулись и заскакали внутри громящего двигателя с утроенной силой. Дернув тонкую баранку, девушка сорвала машину с дороги в, практически, кювет. Та, подпрыгнув на паре кочек, словно вдохнула: подвеска изменила дорожный просвет. Заскрежетав, машина вынырнула из травы на просторнейшее поле. Направилась прямо в двухрядный сетчатый забор с колючей проволокой. Вдавлив педаль в пол, Моргана снова повернула руль. Двоих пассажиров чуть не отправило в недол-

гий полет по всему салону. После этого Среда быстро пристегнулся, схватившись за ручку над головой.

— Сколько у нас есть времени? – не отрываясь от рулевого колеса спросила девушка, переключая передачу. Стрелка спидометра ползла все дальше и дальше за полторы сотни.

— Не больше восьми с половиной минут! – пытаюсь перекричать ревущий мотор, выкрикнул Среда, глянул на часы на руке.

— Вычти восемь минут на экстренный набор пяти километров! – заявил сзади Груз. – Это будет черед бомбардировок, и нам лучше убраться от ударной волны подальше. У нас уже нет времени.

В этот момент побитая ракетными осадками Волжанка подпрыгнула на последнем перед забором кургане и влетела в сетку. На полной скорости разрезала ее своей зубастой и побитой мордой. От удара все, что находилось в салоне подалось по разным сторонам. Лица осыпал град из осколков разбитого бокового стекла. Едва успев закрыться рукой, Дима заметил – сшибло хромированное зеркало. Теперь не знал, что было позади них. Ухнув, машина коснулась асфальта, присев. Раздался хруст, и рычаг коробки оказался на последней передаче. Впереди была лишь бетонка аэродрома. И огромный, стоящий на ней в двух километрах грузовой Боинг, который уже крутил своими винтами, поднимая пыль. Под его огромным хвостом был открыт грузовой отсек. Внутри него люди – команда Морганы.

— Пусть они разгоняют его. — приказала девушка, еще сильнее надавливая на педаль газа.

— Вагнер, Кельт, прием! — надел на ухо гарнитуру Среда, вызывая тех, кто находился на борту самолета. — Необходимо начать разгон! Повторяю: начать разгон!

— Вас понял. — сухо ответили на том конце.

И когда до самолета оставалось чуть больше четырех сотен метров, тот словно застыл на месте. Не приближался, как до этого. Его винты заработали на полную мощность, и огромная серая махина покатила по старой советской взлетной полосе, покачивая крыльями от каждой выбоины. Среда повернул руку, что держалась за ручку у головы, и глянул на часы. Дальше тянуть было некуда, и либо сейчас, либо уже никогда! Тахометр показал отметку в пять тысяч оборотов, и спидометр отсчитал больше двухсот. Но машина все не могла приблизиться к самолету. Промедление означало смерть. Сбавлять уже точно никто не будет — все сроки сгорели еще тогда, когда черная Волга, изнахраченная очень долгим днем, прошибла своей хромированной решеткой сетчатый немецкий забор. Взлетать нужно было уже тогда!

Но, потихоньку, силуэт огромного борта все же увеличивался в габаритах. Машина почти поравнялась с ним. Была почти на скрежещущем грузовом люке! Оставалось только заскочить внутрь. А впереди показался конец бетонной полосы.

— Там конец взлетки. — будто бы совсем без эмоций ска-

зал Груз сзади, но все же слотнул.

В грузовом отсеке показался вцепившийся одной рукой в какие-то тросы Вагнер. Он активно показывал, что нужно уже быть на борту. Прикрывая ухо от гремящих винтов и рвущего ветра, он махал, зазывая. Все пока было тщетно, не хватало единственного момента.

— Черт... – сквозь зубы процедила Моргана, открывая какой-то тумблер на рулевой колонке. – Надеюсь, не рванет в самолете...

— Что не рванет?! – встрепенулся рядом Среда.

Но было уже поздно.

Как только рычажок был переведен в «боевое» положение, и какая-то лампочка рядом загорелась красным, машина еще резче дернулась. Из-под капота вырвался сноп искр. Спидометр рванул к вертикальному положению. С диким ревом машина запрыгнула в самолет, тут же загораясь. Огонь охватил весь капот. Языки горячего желто-черного пламени и едкий дым начали вырываться из всех щелей. Моргана заглушила двигатель и металлической рукой, вместе с куском торпеды, вырвала из передней консоли какие-то патрубки. Сжала их в титановом кулаке.

Выскочив из салона искореженной и горячей машины, Среда сорвал висящий рядом огнетушитель. Выдернув чеку, выдал из него облако пены точно на капот Волги, едва удержавшись на ногах. Самолет в этот момент трянуло. Задний люк начал закрываться. В щелку еще было видно, как отда-

ляется берлинская земля и длинная, как стрела, советская взлетная полоса. Самолет начал активно набирать свою высоту, схватив в свои внутренности троих человек. Откинув от себя полупустой огнетушитель, Дима мгновенно схватился за какие-то лямки с карабинами. Почувствовал, как из-под ног уходит пол. Боинг отвесно пошел вверх. На часах отсчитывались последние минуты до ярчайшего зарева. Машина покатила по отсеку назад, но ее сковали цепью. Вагнер и Кельт оперативно пристегнули Волгу за передние колеса к полу, что та, как плененная, громынула звеньями оков и застыла. Из нее вывалился Груз, цепляясь за ряды пластиковых складных сидений, что были вдоль бортов и пристегнулся. Вслед за ним выбралась через пассажирскую дверь и Моргана. Наскоро оглядев опаленный и облупившийся капот, она схватилась за Диму. Села на кресло, тоже пристегнувшись

Счет был уже на секунды. Самолет, взбивая воздух винтами, продирался за облака. Берлин становился все меньше, меньше и меньше, пока не стал напоминать скорее разводы на стекле ревающего Боинга. И тогда, отчеканив последнюю минуту, Димины часы обнулились.

На мгновение все застыли, и тогда внутренности самолета осветило. Прикрыв руками глаза, Среда отвернулся от иллюминатора, как и все остальные. Кроме Морганы. Девушка, дернувшись, а затем застыв, всматривалась в то, как ярчайшая вспышка сжирает ее родной город, разгоняя вокруг себя

наплывающие облака. По окружности они отбежали от эпицентра взрыва, синхронно с ударной волной. Растекались по городу. Ненасытный атом сжигал все, что было на его пути. Ядерный гриб медленно вырос над городом.

— Пара мегатонн... – констатировал Груз, щурясь. Все же глянул на взрыв. – Не пожалели...

По небу проскочило еще что-то. И засверкала еще одна вспышка. Затем еще и еще одна! По городу было отработано сразу четыре термоядерных боеприпаса – нечисть нужно было сжечь дотла. Разрывы боеголовок дотянулись и до удирающего по небу самолета. Его закачало, затрясло и кинуло по небу. Страшный грохот прорвался через обшивку, насилуя ушные перепонки. Затем еще и еще! Слушать это без наушников было невозможно. Все зажали уши, съезжившись. Натяжение на ремнях все увеличивалось. Самолёт на мгновение потерял управление, но все же устоял на небосводе. Успели...

Среда едва заметно выдохнул, расслабившись. Закрыв глаза на, он вдохнул прохладный воздух, и выдохнул. По телу покатила приятная дрожь усталости. Но рядом с ним была невероятно напряженная Моргана. Девушка с непоколебимо суровой миной смотрела на то, как ее город сгорает в ядерном пламени. Она ни на секунду не отрывалась от иллюминатора. Ей было больно, невероятно больно. Но, сведя губы, Дениц отвернулась от стекла, когда разбомбленный город скрылся за облаками. Уйдя глубоко в свои раздумья, она

сложила руки на груди. Стеклянным взглядом электронных бирюзовых глаз глянула куда-то в район капота своей машины.

Девушка терялась в собственных мыслях и догадках. Она не знала, кто прав и кто виноват. Но одно было совершенно точно – это только начало. Впереди была Москва...

Часть 10

К голове по жестким мышцам рельефного живота скатывались крупные капли соленого пота. Мощное и при том прекрасное тело поднималось к перекладине, шумно выдыхая каждый раз, как локти рук, сложенных в замок за головой, касались стального турника на облупленной шведской стенке. Как только цикл заканчивался, женское тело снова распрямлялось. Заплетенные в хвост черные, как смоль, густые волосы устремлялись к деревянному полу спортзала. Глубоко вдыхая раскрытыми, как у быка ноздрями прохладный воздух, Ульяна повторяла весь процесс. Для нее это рутина и обычное дело. Она уже привыкла к таким упражнениям.

— Дима, не компостируй мне мозг. – сказала она, снова повиснув вниз головой. Не сильно задерживаясь в таком положении, снова подалась вверх. – Чего конкретно сейчас ты от меня хочешь? Я все понимаю, но тебя я не понимаю.

— Мы уже месяц торчим на этой чертовой базе, скрываясь ото всех. – возмутился сидящий на скамейке Среда.

Встал и подошел к ней. Прокашлявшись, он облокотился на шведскую стенку. Костяшками пальцев погладил щетину на нижней челюсти. – Я потащился в Берлин, нырял во всю эту жижу, что превращает людей в коралловых монстров Дейви Джонса, ради чего? Чтобы просто гнить тут, пока мир постепенно рвется к краю той пропасти, о которой нас предупреждали практически все, кто хоть немного здраво мыслит? Берлин пал, афганцы оттеснили нас уже до самого Буденновска, в штабе неразбериха, и не пойми кто и чем командует, а мы... Мы просто будем сидеть и смотреть на все это?

— Я так и не поняла, чего именно тебе нужно конкретно от меня? – зависнув в нижнем положении, Ульяна поглядела на него снизу-вверх. – Я не руковожу армией, если ты забыл. И я точно уже не смогу помочь Берлину. Ты хочешь действия? Так тогда не забывай, что в моем распоряжении далеко не молот.

— Я думал, что у тебя есть план! – чуть цокнув, он скрестил руки на груди. – Зачем было тогда заваривать все это?

— Дима, дорогой, – выдохнула она тогда, сползая наконец с перекладины. Взяла с одной из скамеек белое вафельное полотенце. – Ты явно не видишь всей картины, не так ли?

Утерев не тронутую ожогом кожу, Ульяна осторожно взяла другое полотенце по мягче. Смахнула капельки блестящего пота с похожей на топографическую карту Гиндукуша части лица. Полотенце, собирая всю влагу со смуглого тела, пришлось и по не закрытой черным спортивным топом части

груди. А затем по подтянутому животу, где не было места даже грамму лишнего веса. Для своих лет Вирхова была невероятно прочной на тело. Наверяд ли кто-либо еще смог бы держать на шестом десятке лет такую форму. И это придавало ей авторитета, даже в глазах давно знакомого с ней Димы, ведь именно она обучала его всему, что он умеет. Хотя, последний уже давно перестал покупаться на ее внешность. Для Среды натянутое шрамами, без единой морщины ее лицо с четко прослеживаемыми ближневосточными нотками было скорее нейтральным. И в Берлин, который стал решающим моментом его жизни, который разделил ее на до и после, Среду отправила именно она. Вот, и снова это холодное и невозмутимое двуликое лицо надменно глядевшее сверху вниз было перед ним.

— Неужели ты хочешь повторить бездарный опыт не менее бездарных командиров, которые бросают элитные подразделения десанта на вскрытие обороны противника в лоб? Ты ведь явно не дурак, так? Зачем тогда несешь всю эту херь? – сморщилась на секунду она, перекидывая полотенце через шею. – Ты ведь не первый день живешь, и уж точно не первый день на службе. Я бы рада сыграть в отмычку, но во-первых – это бесполезно, – она отогнула один из пальцев, а затем второй из кулака. – Во-вторых мы перебьем за хер собачий всех тех, кто у нас есть. А эффект будет чуть больше того, как если бы ты ударил бетонную стену. И желательно головой.

— О чем ты вообще говоришь? — он пожал плечами, последовав за ней по пятам на выход из спортзала. — Мы обязаны наконец сделать уже хоть что-то! У нас на пороге противник. Вот он повод показать себя, а не щеголять перед срочниками в едва прикрывающем твои достоинства топике! Ты же десантник!

— Значит так! — резко перебила она его. — Не выводите меня из себя. Да и к тому же, мой топ скрывает все, что нужно.

В ее руке из ниоткуда появилась пачка папирос. Никотин был частью ее жизни. Она очень часто курила. Уже не могла жить без этого. Сигареты в ее руках появлялись сами собой. Вытянув одну, Вирхова подкурила ее от тоненькой отрывной спички, убрав руки с полотенца. Вдохнула так, что кончик сигареты на мгновение засверкал звездочной в полумраке выхода. А затем не доставая сигареты изо рта выдохнула носом. Густой и едкий дым наполнил все пространство между Димой и Ульяной, и та несколько смягчила тон.

— Нам нужен определенный момент. — подвинув обожжённой челюстью, что огонек сигареты описал небольшой кружок, Вирхова двумя пальцами вынула ту из зубов. — Ты ведь не бросишь триста десантников против сотен танков на открытой местности? Не бросишь же? Этим инструментом надо работать настолько точно, насколько это только возможно. Каждый солдат на этой базе согласен не говорить о том, что их койки занимают посторонние люди! А ты предлагаешь бездумно бросить их в мясорубку? Они приютили

нас только потому, что я попросила. И что я скажу им? «Товарищи, сегодня мы атакуем в лоб»? Не смейся меня. Не паникуй. И жди.

— А если он не настанет? – как только та отвернулась, чтобы продолжить движение, спросил ее Среда, сделав шаг вперед. – Ты не создаешь вид той, которая не знает, что она делает. Ты просто вертихвостка, Ульяна, и ты явно что-то знаешь! Хватит уже делать вид, что информация нужна тебе одной. Что вообще происходит?!

Та остановилась. В ее ушах на мгновение что-то запищало, а глаза начали широко раскрываться. Ей было не очень хорошо, но она все еще себя контролировала. Медленно поднеся тлеющую сигарету к губам, глубоко затянулась. Заполнила все свои легкие едким и колючим дымом, с не самым лучшим запахом. Задержав дыхание, чтобы вся эта серая масса, смоль из сигареты, впиталась в нее и стала с ней единым целым, Ульяна наконец выдохнула. Сыграла на лице южными скулами. Ей явно не нравился этот вопрос, однако деваться было не куда. Она это понимала.

И правда, время убегало слишком быстро. С момента «инцидента» в Берлине, или как его обозвали в мировых сводках – «самого крупного техногенного происшествия на планете» – прошло около месяца. Свой последний день доживал солнечный май, и на его кровавые следы по голубой планете, наступал июнь. По ветру раздувало тополиный пух, а в нос врвался запах недавно прошедшей грозы и мокрого

асфальта, который остывал под ночным покрывалом из мириад звезд на небосводе. Практически ничего их не засвечивало. Половина воинской части, где скрывались все те, кого Ульяна смогла собрать, была фактически заброшена. Сюда перевели уцелевший в боестолкновениях на Кавказе батальон десантников. Они прошли самые кровопролитные бои. Армия была не в силах сдержать натиск на узком направлении фронта. Единого командования, особенно на начальных этапах, так и вовсе не было. Каждый из больших начальников творил то, что он хотел. Министерство Обороны попросту не успели вовремя реанимировать. Все-таки не тот срок, за который можно собрать новых людей для командования огромной Российской Армией. Это и повлекло поражение за поражением. Еще и грянул Берлин...

И за огненным дождем из обломков космического мусора, за ордами изуродованных восставших трупов, за облаками зеленого едкого дыма, никто не заметил Кавказских прорывов Гардеского блока. Он просто сминал оборону самых боеспособных частей, что там были. В боях сгорало все: танки, не успевшие взлететь самолеты, ракетные комплексы и артиллерийские батареи. За первые сорок восемь часов арабы преодолели шестьдесят километров, встав практически на голый марш. Переброска частей не была осуществлена – подсуетились американцы и объединённая вокруг ненависти Европа, уверовавшая в то, что именно Россия была причастна к теракту в Берлине. Москву поставили на колени, и разо-

рвали бы на два тяжелейших фронта, если бы не буквальное чудо. Ведь объявления войны так и не случилось. Выручили восстания в Германии, и силы союзников были брошены на их подавление. Все обернулось начавшейся там гражданской войной. По планетке заплясали очаги новой большой и глобальной войны. Вот что было в конце этого мая, когда по ветру разлетался тополиный пух...

— Пойдем, и вместе подумаем. – предложила Вирхова, скурив бычок до фильтра и выкинув его в бетонную урну.

Они двинулись через только смоченный дождем плац. Время от времени попадали под свет прожекторов и фонарей. Дело было уже практически к утру. Звездное небо постепенно затягивалось тучами. С востока начинало светать. Ночи были уже не темными – зима давним давно кончилась, хоть и до сих пор было прохладно. Расправив полотенце, Ульяна закинула им распаренные плечи. Прошла до входа в одно из зданий бывших казарм и закрыла за вошедшим Средой дверь на замок. Скинув с себя мокрое и холодное полотенце, закуталась в олимпийку, застегнув на груди молнию. Прокашлявшись и расправив волосы, Ульяна глянула на Среду в темноте. Тот включил свет при помощи старого перекидного выключателя с черным рычажком. Здесь все было построено еще при Советском Союзе, но стояло и работало.

Не задерживаясь, пара прошла вдоль солдатских железных кроватей без матрасов и белья. Здесь даже тумбочек не

было. Только железные скелеты с сеткой такой, от одного взгляда на которую начинает ныть спина. Это крыло должны были реставрировать, но не успели. Война оперативно начала высасывать из капиталистического евразийского гиганта все соки. Особенно, когда успехов на фронте практически не было. За огромной залой с кроватями был закрытый проход в другое крыло, туда нельзя было просто так попасть. Путь лежал только прямо, где за дверью, околоченной кожей, чуть проглядывался свет.

Абсолютно бесцеремонно, быстрым и широким солдатским шагом пройдя до этой самой двери, Вирхова резко ее раскрыла, войдя. За ней прошмыгнул и Среда, закрыв за собой проход. От сквозняка по помещению полетели какие-то желтые легкие бумажки. Но сидящий под лампой за столом Груз на это никак не отреагировал. Только поднял глаза от документов на Ульяну и пододвинул поближе к глазам квадратные очки с толстыми линзами.

— Ну, что ты тут наваял? Дай-ка погляжу. – Вирхова бес тактно взяла у него рукописный отрывок.

— Я почти месяц ломал голову над этим шифром не для того, чтобы ты вырывала у меня бумагу из рук. – Груз спокойно отдал ей очки, пятерней причесав отросшие седые волосы.

Надев окуляры, Ульяна глазами пробежалась по документу, хмыкнув. Видно, что информация, полученная из десятка зашифрованных листов и радиоперехватов, ее не шибко

впечатлила. На некоторые буквы ей приходилось всматриваться. Среда хитро усмехнулся:

— Ты же таки снайпер.

— Прекращай умничать. – подняла на него глаза Ульяна. Утерла покрытую шрамом щеку, возвращаясь взглядом в бумаги. – Доживи до моих лет, сперва. К тому же, я не вижу только близко.

— Это твое эго загораживает. – тот присел на стул.

— А вот это было неплохо. – поддержал его Груз, скрепив мускулистые руки на груди белой рубашки. Повернулся к Вирховой.

— Дай мне хоть одну причину не бить тебя сейчас. – высказала она, уже не отрываясь от бумаг. Но показала в них пальцем. – А вот этого я, кстати, не знала.

— Да, я сам был несколько в шоке от этого решения. Но им там на Западе виднее. Абсолютно сучий ход, я бы сказал так. – старый чекист пожал плечами. – Ульяна, все знают, что ты нахальная и наглая. Ты скорее головой кирпич сломаешь, чем пойдешь на какие-либо послабления и уступки.

— А разве это плохо? – подняв одну бровь, спросила она. – Кто, если не я? И даже не вздумай сейчас открывать свой рот, Дима.

— Да я и не хотел. – он развел руками.

— Ты его только что раскрыл. – перевел на него взгляд Груз.

— А ты не умничай, старик. Ковыряйся дальше. – Улья-

на отдала ему бумаги и очки. А затем задумалась, пройдя по комнате, отбросив на стену длинную тень от лампочки Ильича, что была повешена на проводе. — Так значит, Запад решил играть исподтишка. Неплохое решение, и крайне неоднозначное. И правильно... Они расценивают нашу страну как потенциальную угрозу и выдвинули войска на границу, но не перешли в непосредственное наступление. Поставили блокпост между нами и немцами, чтобы мы не вмешались в их конфликт и не впились в самое сердце Европы. Но все это, несколько, не логично, не находишь?

— Как раз, все логично. — скупое сказал Груз. — Думай глубже. Они двигают все имеющиеся свободные части на границу, ожидая удара. Выставили щит на границе с Россией, как бы намекая на вероятное противодействие в случае активных действий в Центральной части. Они заставляют наш основной кулак держаться там. А в этой ситуации они думают, что могут вертеть нами, как захотят. Однако, их угрозы реальны, а второй фронт может оказаться фатальной ошибкой нашего командования, так что оно какое-то время будут на поводке и не станет дергаться. Если не найдется горячая голова, конечно...

— У тебя тоже сейчас это чувство? — немного недовольно пожалась Ульяна.

— ... как закипают ядерные боеголовки. Да. Это оно. — без каких-либо эмоций сказал тогда Груз. Ему, кажется, все это было привычно.

— Войска из Центра не двинуть? – переспросил Среда. – Это значит, что Гардезский блок рано или поздно возьмет Волгоград. Выйдет в наступление на «большую землю». Неужели это не повод что-либо сделать?

— Любое передвижение войск там – это повод к агрессии. – Груз на мгновение оскалился, но скорее на ситуацию, а не на Диму. – Мы не вытянем сразу два конфликта, если покажем, что слабы в Центре. У нас хватит войск, и хватит подготовки. Но ляжет экономика, и больше не встанет. Это чертовы капиталисты ввязали нас в мировую сетку производства так, как ни одна бабка не завяжет. Даже если мы попробуем – это будет невероятно тяжелый бой.

— Нельзя же все время сидеть здесь, как истуканы. – уронил голову в поставленные на локти руки Дима. – Как я должен смотреть в глаза Авроры, когда мир вокруг моей девочки рушится, как карточный домик. А я сижу тут с вами и развожу пустую демагогию! Я должен сохранить этот мир для нее, потому что на меня-то мне уже, по большому счету, наплевать. И вы предлагаете мне ничего не делать?!

Все замолчали. Они не знали, что ответить ему. Да сам Дима не знал, что сказать себе. Солгать, что так и было задумано? Гнить на базе, после проваленного задания, которое пинком подтолкнуло мир к катастрофе? Или может, сказать правду, что сейчас они бесполезный балласт, который только мешает? Дима не знал, что делать. Он надеялся, что как в старые и добрые времена Ульяна сообразит. Сыграет на руку

ее экспромт, но пока-что нет, ничего этого не было. Ни соображений, ни экспромта. Она и сама запутывалась в том, что хотела сделать. Не подавала вида, как настоящий командир, но точно не знала, что делать сейчас. Вирхова просто стояла посреди комнаты, положив руки в карманы олимпийки. Тупо глядела на двухцветную зелено-белую казарменную стенку.

Но в мгновение прозрела. К ее глазам вернулся ее обычный, грубоватый и наглый прищур. В ее голове она снова перла в атаку. Как и всегда.

— Мы сработаем неожиданно. — выдала она, усмехнувшись.

Ее пальцы среди кипы бумаг на столе нащупали пульт от небольшого черно-белого телевизора. Тот висел на стенке около входа, как раз перед столом, за которым сидела вся троица. В мгновение ока, мигнув глазом на исполосованной шрамами половине лица, и чуть расстегнув олимпийку, Вирхова включила этот зеленоватый ящик с небольшим выгнутым стеклянным экраном. После череды белого шума на нескольких каналах, нашла правительственный, где вместо обычных новостей каждый час, уже вторые сутки, крутили балет. И Дима издевательски хмыкнул. Этот прием телевизионщиков он знал еще с детства. И под аккомпанемент Чайковского из вытянутых динамиков по бокам от экрана, Ульяна продолжила поток своих мыслей:

— В Москве сейчас явно не очень ладно. Каналы ка-

кой-либо связи нарушены, но это, – она указала точно на балерин на экране. – очень явное подтверждение моих слов. Громов может двинуться прямо и в атаку на позиции президента. Он труслив и жалок, но сумеет выбить власть, поскольку стал временным Министром Обороны. Похоже, готов перейти к активным действиям. И действия эти будут точно не мирными.

— Мы сможем втиснуться в этот клубок. – смекнул ее мысль Груз. – Без особых затрат, шума и пыли. Ты получишь должность при Генштабе, и мы сможем хотя бы попытаться что-то выиграть от этого. Но, президент и тебя не жалует.

— Ничего, всяко лучше того националиста, которому всучили ядерный дрын. Громов... Старый хрен. – выругавшись, Ульяна бросила пульт обратно в бумаги. – Кто бы еще знал, что он был хорошим другом Грачеву?

— Лоббизм, что поделать? – спокойно пожал плечами чекист. – Ну, или как говорят сейчас – это просто совпадение.

— Уверена, что тебя вообще примут там? – вопрошал Среда, вставая со стула. – Ты ведь мертва, если забыла.

— А с мертвецов и взятки гладки. Меня там «не будет», но я сумею прошептать на ухо президенту пару ходов. В первую очередь наладить экономику. И никакой войны, кроме классовой. Пора заканчивать с этим, ведь хрупкий мир еще есть. Нам нужно в Москву, и как можно скорее. Где Моргана?

Практически не поведя головой, Груз бессловесно показал куда-то в сторону темного угла, что был за телевизо-

ром. Там было небольшое пространство, куда можно было попасть, только пройдя за шкафом. Все знали, что там пара тумбочек с постеленным на них матрасом, на которых никак иначе, кроме как в позе креветки, спать было нельзя. Но, если уж слишком приспичило, то уснуть можно было. По-спартански. И видимо в эту ночь Моргана предпочла не идти ко всем остальным в нормальные, пусть и полупустые казармы. Осталась с Грузом. Может, даже помогала в расшифровке некоторых документов. В любом случае, скрыться от лишних глаз она все равно хотела, ведь десантники смотрели на наполовину живую девушку со страхом и опасением. Не было среди них тех, кто спешил хоть как-то, по-солдатски, залить хорошенькую девочку комплиментами. Здесь на нее смотрели даже не как на солдата, а как на какое-то чудо инженерии. Любопытно, но осторожно.

И Дима понимал почему. Он видел блеск ее когтей тогда в Берлине и нечеловеческую мощь тех поршней, что были в ее руке. Девушка рвала плоть так, будто той и не было во-все. Для нее не было камня, не было бетона. Титан ее руки перетирал в пыль все, с чем соприкасался. Но венцом этому были ее глаза: завораживающего цвета, с переливами. Они были без сомнения добрыми, но все же не настоящими. Это заставляло кровь в жилах несколько похолодеть. Что же прожило это бесконечно хрупкое, но укрепленное металлом тело, и чуткая, сочувствующая душа внутри него...

Зайдя в укромное местечко, Среда увидел, что Моргана

спит, сложившись в три погибели, на том самом бутерброде из матраса и нескольких тумбочек. Она накрылась синим советским, с тремя белыми полосками, колючим одеялом. Ее металлическая рука с раскрытой пятерней прикрывала лицо от чуть светившей из-за шкафа лампы, а светлые волосы занимали всю подушку без наволочки. Моргана мертвецки устала, раз решила спать в таких условиях. Осторожно приблизившись, Дима заметил приоткрытую дверцу одной из тумбочек, за которой в пространство оной едва помещались какие-то предметы непонятной формы. Пройдя дальше, Среда в полумраке увидел приоткрытый и распотрошённую чемоданную радиостанцию, переданную незнакомкой в Берлине. Видно, Дениц поковырялась в ней, и вытащила все, что ей было нужно.

— Моргана? – осторожно спросил Дима. Потянул к ней руку, чтобы разбудить.

Внезапно его схватили мертвецки холодной и дьявольски мощной хваткой. Титановая рука в мгновение ока обвила пальцы вокруг его запястья с часами, разбив циферблат. Среда не сильно ругнулся, подался назад. Пытаясь содрать с запястья эти тиски, что сдавливали кости, схватился за металлические пальцы. Начал было с усилием их отгибать, но они не поддавались. В этот же момент девушка раскрыла свои электронные глаза и посмотрела на мужчину с непониманием. Но не поняла она, похоже, себя.

— Прости, я...я... – попыталась она, тараторя, но мысли

спутались. – Я не знала, что это ты. Мне приснился кошмар, и...

— Ничего страшного. – спокойно ответил тот, не собираясь ругаться на и без того напуганную девушку. – С кем ни бывает.

— А жестяную банку сожмет? – поинтересовалась из-за его плеча, все время наблюдавшая за этим Ульяна. – Теперь у тебя всегда пол шестого.

— Нет, я еще не настолько стар. – помотал головой тот, оглядываясь через плечо.

— Я про часы. – та указала на разбитый циферблат.

— Она может сжать кирпич. – поигралась металлическими пальцами Дениц, будто бы изучая их работу. – Эти пальцы должны были выдирать электрические провода из бетонных стен, и кости для них точно не помеха.

Девушка села на одной из тумбочек, которая шатнулась под ее весом, но не сломалась. Почесав висок живой рукой, Моргана подняла голову, как бы вопрошая, для чего же ее разбудили. В этот момент Ульяна шире приоткрыла один из глаз, пытаясь намекнуть девушке на что-то. И та, сообразив это, протянула руку в тумбочку. Достала оттуда странную, на первый взгляд, портупею.

Та состояла из совсем простых частей. Это был ремень, простой солдатский, с латунной бляшкой с серпом и молотом. Ульяна откопала его где-то в каптерке, и притащила сюда. Похвасталась, что в Перестройку еще не все сдали на

цветной металл. Подтяжки с блестящими крокодильчиками должны были фиксировать все на теле. А вот дальше началось что-то в настоящем духе самоделок из гаражей. Пара коробочек, явно с какой-то электроникой. На каждой было по паре тумблеров, крутилка и небольшой электронный дисплей. Дима уже видел его в том самом распотрошенном чемоданчике, что был неподалеку. Обе эти коробочки соединены между собой проводами в жесткой оплетке из частой пружины, чтобы их ничего не перебило и не перетерло. А ко всему этому добру подходила гарнитура с наушником и микрофоном. Вот теперь было понятно, что это: переносная радиостанция, для внутренней связи внутри отряда. Ульяна заказала у Морганы производство переносимой версии этого чемоданчика, чтобы всегда быть на связи, и не таскаться с этими бандурами по всем местам, где возможно придется находиться. Все это было так кустарно, но настолько эстетично, что не сразу было понятно, что сделано не на заводе. Моргана постаралась на славу. Не даром носила гордое имя инженера.

И как только Дениц передала это чудо техники Ульяне, та, не меняя своей каменной, надменной и самоуверенной мины, сверкнула своими южными карими глазками. Потянув губы, и доверительно кивнув, приняла это «подношение». Положила на стол. Моргана скинула с ног одеяло и встала, выйдя за Димой из укромного местечка.

— Все-таки они тебя разбудили? – будто по-отечески,

улыбнувшись, но не отрываясь от своих бумаг, спросил Груз. Потер глаза за толстыми линзами очков. – Знай, я был против.

— Мы опустим тот факт, что ты ее практически сдал... – на вдохе, поглядев на чуть растрепанную и явно уставшую девушку, сказала Ульяна. – Но... пусть будет так. Моргана, нам нужно смотаться в Москву, немедленно. Ты сможешь нас подкинуть?

— В чем дело? – вопросительно поглядела она на Диму, а тот лишь пожал плечами.

— Возможно, в ближайшее время в стране произойдет переворот. – напрямую выдала Вирхова, нисколько не стесняясь. – Нам нужно попробовать прорваться в Кремль, и поговорить с президентом. Только... – задумалась наконец она. – Нужно бы переодеться...

Ульяна прошла до шкафа, который стоял около заколоченного окна и открыла его дверцу. Встала за ней так, что лишь некоторая часть ее спины была видна. Заметив это, Груз слегка поправил какую-то фотографию в стекле на столе. Не поднимая лица, глянул в нее. Единым махом скинул с себя на дверцу шкафа олимпийку и подпернув вверх обтягивающий топ, Ульяна осталась по пояс голой и попыталась найти свою в шкафу черную водолазку. По всей ее темной спине оказались разбросаны рваные и ожоговые шрамы. Была и пара пулевых.

— Хочешь посмотреть? – через плечо спросила Вирхова,

заметив взгляд Груза в фотографии на столе. – Так и скажи. Нечего подглядывать.

Раздался хлопок. Седой чекист, с проворностью застигнутого врасплох юнца резким движением «закрыл» фотографию на столе. Ульяна усмехнулась и повернулась обратно к шкафу.

— Громов сыграет грязно. – заключила она. Запустив руки в рукава водолазки, развела их в разные стороны, а затем подвернула длинное черное горлышко на шее. – Он, сто процентов, сделает какую-то необдуманную глупость, и тут мы его срежем.

Натянув водолазку на большую грудь, Вирхова повернулась к остальным и достала из кармана пачку папирос, одну достав зубами. Кинув остальные на стол, схватилась за низ водолазки, а затем потянула черную обтягивающую ткань вниз, скрывая за ней живот. Быстро чиркнув спичками, Ульяна закурила.

— Будешь действовать вот так, в открытую? – переспросил ее Среда, снимая с руки разбитые часы и убирая их в карман. – Без какого-либо внятного плана?

— У нас нет времени на план. – пожала плечами она, двумя пальцами дернув из губ папиросу. – Да и чего мешкать, когда можно сделать все куда проще? Раз-раз, и наш Кавказ. Не мотай слюни на кулак, Среда. Я знаю, что делаю.

Подмигнув ему, она пошла к выходу. Переглянувшись с Морганой, Дима невольно вздохнул. Последовал за Ульяной,

осторожно прихватив под руки еще сонную девушку. Дениц не сильно сопротивлялась. Вирхова явно не думала, что рацция может пригодиться сейчас. Однако Моргана все же прихватила свое творение, перекинув его через плечо.

— Когда-нибудь она точно нас всех погубит... – выдохнул на выходе Среда.

Часть 11

Как только над российской столицей поднялось жаркое, уже летнее солнце, на пустые и безлюдные улицы медленно вкатилась черная, отремонтированная Морганой, Волга. Шурша покрывками по нагревающемуся асфальту, она медленно проезжала кварталы, чтобы не сильно привлекать к себе внимание. Поменянный за две ночи мотор был несколько тише своего более раннего компаньона, однако все равно выдавал благородный и громкий звук на оборотах. О, испытания его прошли чуть раньше – по трассе. Когда черная Волга ворвалась в немногочисленный поток на магистрали, дорогу ей стали уступать даже летящие по левой полосе дорогие внедорожники. Не могли потягаться. Стрелка уходила за двести, и огромное расстояние до столицы, не меньше двух сотен километров пролетело незаметно. Полтора часа, и машина была уже на окраине. Ульяна и вздремнуть не успела. Лишь прикрыла глаза на пару минут, засопев.

Жаркое светило начинало обжигать кожу. Дима открыл

окошко. В него ворвался легкий, напитанный озоном и запахами только что смоченной травы, ветерок. За пол часа до этого здесь отгремела ночная гроза. Но она уступила место прекрасному и красивому рассвету над стеклобетонными кварталами города. Убрав руку с дверной карты, Среда коснулся золотого колечка на безымянном пальце, едва слышно вдохнув. Это было его свадебное кольцо, которое он теперь никогда не снимал. Опасности для жены уже не было, ведь не было и ее самой. Он уже не боялся, что кто-то узнает про нее вот так, и причинит ей вред. Большого вреда уже не будет. Стеклянными глазами уставившись в пол и задумавшись, Дима сжал руку в кулак, и поднял глаза. Он заметил, как Моргана едва успела отвести от его руки свой взгляд. В воздухе повисла какая-то недосказанность. Среда несколько смутился такому поведению немки, и хотел было что-то сказать. Но язык как будто онемел – не знал, с чего бы начать. И та отвечала полной взаимностью в этом. Смотрела на дорогу, уйдя в свои мысли. Эту заминку заметила и сидящая на заднем сидении Вирхова. Подавшись вперед, взялась за спинку водительского кресла.

— Слушай, Моргана... – начала она в непривычной для нее манере, хотя потом явно сменила пластинку, и голос вновь стал четким, упрямым и дерзким. – Не могу понять твою технику. Твою руку. Неужели все вот это добро держит простая ферма из мяса и костей?

— На самом деле, – начала рассказывать Моргана, не от-

влекаясь от дороги. – Рука не такая тяжелая, какой может показаться. Ее каркас и корпус были рассчитаны на использование так же в качестве протеза. Мы использовали легкие алюминиевые сплавы для скелетной основы, которые не сильно превышают массу человеческих костей. А все, что снаружи – максимально облегченный для этих целей сплав титана.

— А что обеспечивает движение? – продолжала интересоваться Ульяна.

— Замкнутая гидравлическая система. – сжала и разжала титановые пальцы на руле девушка. – Она крепится вдоль алюминиевых «костей». В Центре были разработаны специальные поршневые системы, конкретно для этой руки. Работу насосов обеспечивает электрическая высоко вольтажная сеть прямого тока, с трансформатором в плечевом суставе. Он почти как в микроволновке, только... другой. Он выдает до двенадцати тысяч вольт! Но в случае, если все выйдет из-под контроля, в предплечье разобьется баллон с углекислотой, и пламя внутри протеза потухнет.

— Жутко. – нахмурился Среда, потеряв щеку костяшками пальцев.

— К этому привыкаешь... – грустно усмехнулась та. – Каждый день ложишься и просыпаешься с этим, но не ощущаешь своей частью. Во время грозы в теле жутко ноют все штифты и распорки, на которые собирали мой организм. А говорить о титановых звеньях позвоночника я даже не стану.

Восемьдесят девять часов операции... И вот она я...

Моргана плавно заложила руль, и машина послушно повернула. Волга слегка прыгнула на яме, но никто этого не заметил. Все были по уши в своих идеях, мечтаниях и фантазиях. Каждый думал – как это, носить все вот это в себе? А Моргане и думать было нечего. Это ее обыденность. Мало кто из окружающих, наверное, знает, что хрупкая с первого взгляда девушка, настоящая военная машина с искусственным интеллектом, сопряжённым с настоящим, человеческим. Но функционал был раскрыт не до конца. Наверняка в запасе у руки Морганы оставалось несколько трюков.

— А мне нравится. – сказал Среда, глянув на Дениц.

— Мой каркас?

— То, какая ты. – он повел бровями и растянул улыбку по лицу.

— Подожди, подожди. – перебила его Ульяна, прихлопнув девушку по плечу. – И всем этим управляет искусственный интеллект в твоей голове?

— Нет, не совсем. – улыбнулась она. – Тут очень простая схема. Мой мозг имеет главенство над «Марсом». Так мы называли наш ИИ. Он занимает всего один процент от всей мозговой деятельности внутреннего комплекса. Всеми этими механизмами руковожу я. А Марс... он скорее подмога. Подкинет руку на пару миллиметров, чтобы попасть в десятку, увидит проводку в стенке, или займется вычитыванием цифр и нахождением информации. И да, в критический мо-

мент, когда скорости моего мозга не хватает, он берет управление на себя.

— Но ведь от одной руки в критический момент нет ни-кого смысла. – справедливо заметила Вирхова. – Если нужно... сделать шаг назад, или уклониться, что-нибудь достать или схватить?

— Совершенно верно. – пожала плечами Моргана. – Именно поэтому Марс способен управлять всем моим телом. Он посылает короткие электрические импульсы в нервную систему, чтобы вызвать сокращения определенных видов, или даже отдельных мышц! Но, уверяю, он лишь помощник. От его ошибок меня защищают миллиарды командных строк кода. Он просто не способен ошибаться. Это исключено!

— Идеальный солдат. Звучит... крайне ободряюще. – закурила Ульяна, отгибаясь обратно на задний диван.

Машина сбавила ход. И черный «чемодан» уже не валяжно и грациозно плыл по столичным улицам, поскрипывая подвеской, а тащился. Моргана всматривалась во все, что было на дороге. С заднего кресла вперед подалась и Вирхова, хватаясь за оба кресла руками. Дима же оглянулся по сторонам.

— Что за черт? – едва слышно спросил он.

По бокам от Волги были грязные и засыпанные всяким мусором улицы с поломанными и обгоревшими столбами, дома с побитой штукатуркой, разбитые витрины и сорван-

ные вывески. Кое-где еще искрились болтающиеся на креплениях оборванные провода. Столица начала погружаться в то же состояние, в котором Дима застал Берлин. Прилавки обнесены и разграблены. Пустые банки больше походили на сторевшие квартиры с кучей искореженного железного мусора, который раньше был банкоматами. По этим улицам прокатились самые настоящие бои. И стихли они только-только. Из окон ветром выдувало занавески, а пластиковые рамы первых этажей хлопали на ветру. Со многих балконов были содраны стальные решетки, а квартиры были так же превращены в баррикады. Дорогу Волге преградила целая куча тлеющих и жутко вонючих покрышек. Вдалеке, догорая, присел на асфальт пожарный КАМАЗ с разбитой кабиной. На земле были следы гусениц, но не танковых. Скорее всего полицейские баррикады пробивали строительной техникой. Это подтвердил и перевернутый броневик, что был на одной из улочек, перегородив ее. На искореженной технике остались следы от узкого экскаваторного ковша.

Дима обернулся на Ульяну, но даже та не знала, что и сказать. До Красной Площади было еще около полутора километров по прямой, но следы гражданских протестов были видны даже здесь. Приходило понимание, что толпа вскипела, как по команде. А Вирхова ничего не знала и сейчас расхлебывала все то, что не смогла предусмотреть. Лицо ее стало по-военному суровым. Быстрым взглядом она оглаживала все, что было вокруг. Пыталась что-то придумать и сказать,

но ничего еще не выходило. Женщину распирало от злости, но она не показывала виду. Подвернула ворот черной водолазки, и мотнула головой. Не глядя выбила из пачки новую сигарету, и сунула ее в зубы, но подкурить не успела. Машина свернула на соседнюю улицу, и остановилась.

Волга только чудом не въехала в остов грузовика, который стоял в масляной луже со спущенными колесами. Вокруг него по асфальту распространялся легкий белесый дымок. В воздухе четко ощущался запах гари и сожжённой резины, некоторая горечь от слезоточивого газа. Здесь же появились и первые люди. В основном это были раненные и покалеченные в неравных городских боях гражданские в разнообразных одеждах. Рядом с некоторыми лежали отбитые с боями полицейские каски с забралами, дубинки и помповые дробовики, которые обычно напихивают резиновыми пулями до отказа. Здесь же были и куски разбитых пластиковых щитов, пояса с отбитыми гранатами слезоточивого газа. Раненым и покалеченным тут оказывалась медицинская помощь, а убитые так и оставались лежать на мокром от масла и бензина асфальте. Их пока никто не подбирал. Вдалеке внезапно грянули выстрелы, затем еще и еще. И будто в шторм зашумело море. Впереди была настоящая людская толпа, хвостик которой уже просматривался через остовы машин и перевернутые полицейские «бобики». Дальше было уже не проехать.

— Настоящая революция... — завернув в относительно тихий уголок, Моргана заглушила двигатель.

— Революции так не делаются. — ответила Виrhoва, все-таки чиркнув спичкой по коробку и подкурив сигарету в зубах. — Вот так, и без многолетней подготовки... Маловероятно. Стоит предположить, что это проделки Громова.

— Тут что-то не так. — заключил Среда. — Вход в Кремль явно закрыт. Нужно думать, что делать дальше. Мы не можем вернуться с пустыми руками, но и на самотек все это пустить не имеем права.

— Мы пойдем и проверим. — выдохнула Ульяна дым через ноздри. — Сейчас. Иного выхода все равно нет.

— Соваться в такую толпу попросту опасно. — повернулся к ней Среда.

— Твой вариант? — она подняла бровь, снова затягиваясь. Тот не знал, что и ответить, замешкался. Ульяне этого было достаточно. — Я так и думала. Мы просто наблюдаем и сделаем выводы, как с этим вообще можно работать. Заваривается что-то очень крупное, подумай сам: война, экономическая и торговая блокада с Запада. Тебе вот это вот все с небес что ли, блять, свалилось? — Виrhoва показала на улицу впереди. — Тут есть рука, но я пока не знаю чья. Стоит разобраться со всем этим, пока все не запачкались. Желая мира своей дочери, что ты выберешь: бездействие или...

Виrhoва протянула тому пистолет, рукояткой вперед:

— ...сделать хоть что-нибудь для этого самого мира?

Тот, уже пожалев, взял пистолет. Вынув магазин, проверил наличие патронов, передернул затвор, поставил на

предохранитель. Случайный выстрел, во время того, как оружие окажется за ремнем, Среде был совершенно не нужен. На мгновение перед его глазами промелькнул прекрасный лик Авроры. Она была еще совсем юна, чтобы знать все те ужасы, что уже простираются по ее миру. Эта девочка не должна была знать войны, горести потерь, но ощутила на себе даже большее. На ее голову свалилось слишком много того, что не должно было. Хотя Среда сам себе клялся, что будет защищать ее, любой ценой, от всего, что может ей навредить. И теперь, когда мир вокруг стремительно превращался в решето, под гнетом пулеметных очередей в его родной столице, был ли у него шанс отступить? Совершенно не было. Единственное, что еще держало его на земле, заставляло твердо стоять двумя ногами и глубоко дышать – его дочь. Не было ничего более священного, чем обеспечить ей теперь, хотя бы, банальное выживание. Черт его знает, чем вся эта затянувшаяся политическая шутка могла обернуться.

А ведь шутка эта тянется уже слишком долго. Больше двадцати лет. Политики по большей части стали пародиями на самих себя, и, как только пал Железный Занавес, это обострилось. Стало понятно, как никогда прежде. В жажде чудовищной наживы на костях красного прародителя, власть предержащие пилят труп давно погибшего гиганта, как только могут. Полностью забывают о том, что на труп этот зарятся не только потомки покойного. Всему миру СССР стоял костью в горле его экономикой, его промышленностью.

На всех уголках постсоветского мира жулики и воры хотят поживиться этим бесхозным добром. Это практически бесплатно – бери и хватай, только вооружи нужных людей, и подбей их свергнуть марионеточные правительства таких же точно толстосумов. Будто бы играешь в солдатиков! Только вот живыми людьми. Неужели все эти блага, которые высасываются более двух десятков лет, неужели вся эта богема, неужели этот распил сфер влияния стоят всех тех жертв, что были принесены в его процессе? Миллионы людей, обездоленные и обескровленные, вскормленные на лжи и недружественных началах к бывшим соседям по стране, озлобленные и негодующие, вот кто сейчас на улице. Они не верили правительству, они были отчаяны до такой степени, что хватались за любую возможность вдохнуть свежий воздух, за любую возможность поверить, что из всего этого – из обшарпанных старых домов, не ремонтируемых дорог, и дураков за кожаными дверьми больших кабинетов – есть выход. Этим людям было не до патриотической блевотины, которая тянулась смрадной жижей из каждого утюга. Им было не до пропаганды того, что «мы хорошие, потому что мы – это мы». Людям со впалыми щеками и чумазыми лицами нужно было знание, что мы действительно хорошие. Но они получали только разочарование. День за днем! Когда буржуи во власти богатеют, эти люди только беднеют, и подыхают от старости на полуразваленных заводах. И грянул май. За ним потянулась и кровавая бессовестная война на Кавказе, в

которой стремительным наступлением, встречая лишь редкое сопротивление разрозненных и отчаянно сражающихся танковых и пехотных частей, Афганистан, разожравшийся до исполинских размеров, просто уничтожает нашу «нацию победителей». Мыльный пузырь экономики не выдерживает. Ресурсы просто не способны воспроизводить сами себя. Они тратятся чудовищными темпами. Но еще сильнее тратятся люди. Встают заводы. Сотни беженцев вместо поддержки не получают ничего. Верхушка гниет, задыхается под золотыми монетами. Заплывшими от жира глазами она не способна рассмотреть нарастающую ярость у тех, кто еще помнит, как можно по-другому. Эти люди и есть костяк того, что творится сейчас. Эти люди не боятся высказывать свое мнение, эти люди знают, как можно было бы жить, если бы не грянуло то, что грянуло. Это порочная цепочка событий перемолола все человечество так, как ни одна мясорубка не справится!

...Накинув на голову черный капюшон, Ульяна вышла из машины. Хлопнув дверцей, она выщелкнула из пальцев окурок в урну, робко через плечо осмотревшись. Ее лицо было слишком приметное. Она пыталась замаскировать его, как только могла. Чуть вытащила свои густые волосы из капюшона, скрыв шрам сбоку, и подняла ворот водолазки, чтобы он закрыл все до подбородка. Осторожно передернув затвор Макарова с глушителем, Вирхова сунула его в кобуру под мышкой, застегнув куртку. Прихлопнув по спине Среды, мокрой от теплого пота, она пошла вперед, но на мгновение

задержала взгляд на Моргане. Та надела на нос свои очки. Ее глаза снова стали привычного, человеческого, карего цвета.

— Никакой пальбы, если что. – Ульяна пошла вперед, одновременно продолжая инструктировать.

— Как будто и без тебя не догадывался. – съязвил Среда, поравнявшись с Морганой. – Я уж-таки думал, что сейчас навеселюсь на славу! Разряжу весь магазин по толпе, да хоча унесусь вдаль. Прямо в руки санитаров!

— Не паясничай, Дима. Ты знал, что я должна была это сказать. – не оборачиваясь, произнесла она. – И... это плохая шутка.

Продираясь через бушующую толпу, Среда оглядывался по сторонам. Пытался не потерять из виду своих напарниц. Ульяна, передав Диме рацию, ушла вперед. Она хотела вести собственную игру, а потому отделилась. В принципе, это было достаточно понятно, ведь порознь шансов что-то рассмотреть и разузнать было больше. К тому же, если полиция скрутят одного, другой сможет убраться отсюда. Времена наставали черные, и невероятно грозные, так что стоило думать наперед. Пара из Димы и Морганы проходила через толпу, даже не пыталась участвовать в погромах и столкновениях, которые происходили на отходивших вдаль улицах, где еще было сопротивление полиции. Их путь лежал напрямую, на уже практически взятую протестующими Красную Площадь. Раздавались выстрелы, треск витрин и разбивающихся о броню полицейских машин коктейлей Молотова. Столица

вскипела в своем недовольстве, и назад, казалось, уже не было дороги. Только вперед, на самые баррикады, где уже пулемётным огнем выше голов прошивались натянутые между двух палок лозунги и флаги. Все это уже слышалось. До Площади оставалось только добраться. Это нужно было видеть собственными глазами...

— Мы входим на площадь. – сухо произнес Среда в рацию. – Тут что-то невероятное.

— Я прикрою вас сверху. Полежу ту рядом со снайпером. – ответили на том конце, что-то глухо ударив.

А на столетней брусчатке были тысячи ног. Каждая из этих пар принадлежала человеку, и человеку разному. Здесь были женщины, старики и дети. Были и мужчины, что явно остались обездоленными после тупых и невероятно суровых мер государства. Здесь не было обезумевших от идей свободы офисных менеджеров, и прочей клоаки, что считалась теперь средним классом. Заявление о майдане было бы неправильно – здесь был пролетариат. Самый настоящий. Не самые фотогеничные и уставшие лица, которые явно не годились бы в чинуши. На бунт вышли рабочие. Над их головами были пронизанные пулеметными очередями плакаты с просьбой дать им хотя бы простую работу. Не закрывать все те заводы, что еще держались на плаву, после приватизации в девяностых. Олигархи сбегали за рубеж, прикарманив все свое состояние, а заводы вставали. Остановились автомобильные и текстильные фабрики, встали и мясные, мо-

лочные, немногочисленные станочные и ремонтные заводы, в том числе и иностранные, у которых «добрые» люди с Запада, с несомненно более благородными лицами, отобрали все лицензии на производства.

И всю эту людскую толпу с плакатами и транспарантами от кремлевских стен удерживали солдаты в полной защите, расквартированные из армейских броневиков. С теми самыми пластиковыми щитами, дубинками и уже боевыми патронами в автоматах. Им все это нужно было остановить. Издалека, только зайдя на площадь со стороны ГУМа, Среда заметил этих черно-синих солдатиков в глухих забралах, которые выстраивались в шеренги, быстро-быстро выставляя вперед себя щиты. Становилось понятно, что такими силами толпу было не сдержать, но они явно чего-то ждали. Они не применяли газы по толпе на площади, чтобы та еще сильнее не рассвирепела. Не стреляли пока по людям. Зачем-то очень нехорошим это было делать. И тут Диму осенило.

— Они отсекают народ с улиц на площадь. – недовольно цокнул он, поворачиваясь к Моргане. – Им нужны все именно тут. Они не используют газы, чтобы не спровоцировать людей раньше времени. Ульяна! – он поднес к лицу рацию, озираясь, не следит ли кто за этим его действием. – Народ стоняют на площадь, им нужен центр всего этого!

— Как в Чехословакии... – протянула Вирхова. – Они ждут танки. Громову нужен был повод, чтобы ввести армию в город. И он его нашел, из-за этого идиота в кремлевском

окошке!

— Сколько у нас может быть времени? – взволнованно спросила Моргана. – Тут не меньше полу сотни тысяч человек. Начнется давка.

— У нас его нет. – через паузу заключила та. – ... Вижу черный дым. Это танковая колонна, меньше двух километров. Стой, стой! Еще! Со стороны Музея!

Дима обернулся. Глянул на старинное красное здание с несколькими башенками, пред которым на медном скакуне навсегда застыл маршал Жуков. Оттуда, с улицы, примыкающей к площади, появился едва заметный, среди толпы, зеленый металлический уголок брони, который мельтешил между головами. Затем еще и еще один! Под черными дымными облаками сгоревшей солярки, скрежеща гусеницами и разбивая брусчатку, двигались российские танки, с солдатами на броне. На головной машине гордо развивался триколор. Какая ирония...

— С-сука... – протянул Среда, опустив руку с рацией.

Раздался холостой выстрел танковой пушки. Солдаты в черных шлемах будто бы приободрились, сразу же похватили автоматы и двинулись вперед. Людская масса сбавила свой накал. Под грохотом танкового калибра многие присели, а некоторые и вовсе сдали назад. Одно дело было ломиться на хиленькие полицейские баррикады, и совсем другое – переть с голыми руками против десятка танков. У армии было преимущество, не численное, но психологическое. Боль-

шинство из этих малограмотных, из-за системы образования, работяг танки видели только на КМБ, или же вообще по телевизору, где те в патриотическом порыве всегда рвали на бумаге иностранные консервные банки, конечно же американские «Абрамсы». Но, была и оговорка – на бумаге. Это хватало, чтобы за угловатыми линиями грохочущих и не самых больших, на самом деле, машин закрепилось амплу непобедимого русского воина, что с целым веером разнообразных снарядов, от фугасов до «ломов», мог выкосить иностранное злобное войско. В любом ландшафте и на любых правилах.

Среда появлению танков не испугался, и даже не удивился. Он видел их во время «Черного Октября». Лишь слегка оглох на одно ухо после громынувшего залпа и огляделся на колонну. Там было не меньше полутора десятков машин. А ведь была и еще одна с другого направления. Моргана так и вообще не шелохнулась. Немка, последние несколько лет жившая в атмосфере жесткого неповиновения полициям и противодействия властям, была уже приучена к виду танков на заваленных улицах. Только вот российские машины она видела если и не впервые, то точно очень давно. Куда более знакомым ей был бы сараеподобный, громадный, похожий больше на коробку с пушкой, немецкий, а значит и родной, «Леопард».

— Они же не станут по нам стрелять?! – вопрошал кто-то из толпы. – Мы же их народ!

— Армия – это инструмент насилия. – грубо усмехнулся Среда. – Они защищают интересы пузатых властителей, а не нас. И будьте уверены, если надо, они выстрелят.

— Сперва завод, а теперь и это?! – раздался вопрос с другой стороны. – Что вообще происходит? Солдаты же под нашими флагами!

— Ульяна, еще пара минут, и мы будем в котле. – пояснил в рацию Дима. – Необходимо уходить.

— Знаю, но дай еще пару минут. – ответила та через динамик. – Они будут брать Кремль силой, но осталось понять, что они сделают с гражданскими.

— Мы не сможем сделать сейчас ровно ничего. – выдохнул он. – У нас нет ни средств, ни сил, чтобы хотя бы заявить о себе. Необходимо отступить и придумать план действий, мы не можем лезть в лоб!

В рации было полнейшее молчание. Моргана с Димой переглянулись. Становилось боязно, не приключилось ли чего с их напарницей, что была на какой-то из крыш, похоже, что прильнувши к прицелу отобранной у одного из солдат винтовки. Ее готовили прекрасно, и не было никаких сомнений, что она знала все снайперские гнезда и могла отобрать за просто их оружие, но мало ли... Потеряла сноровку, или спину прихватило. Становилось уже страшно. Хотя, Дима начинал подозревать причину молчания. Ульяна практически никогда не сдавала назад – для нее это было немислимо. Она действовала здесь и сейчас, точно зная, что удобную минуту

никак нельзя потерять. И понятно, что это именно та, но вот можно было ли действовать? Женщина скорее всего сейчас думала, чтобы напридумывать себе такого, дабы не признавать это отступлением, или даже бегством. Танки, солдаты, гражданские – она бы не сдавала своих позиций в таком гамбите. Однако сейчас это было самым правильным решением, несмотря ни на что.

Танки встали в шеренгу, со скрежетом повернув на брусчатке площади. Ну хоть картину пиши – Мавзолей и с десятков танков перед ним с триколорами на башнях. Наверное, так и выглядят сны настоящего русского «патриота», что думает о возвращении сразу двух легендарных империй одновременно, не задумываясь о сути. От этой картины у Димы лицо повело так, что саркастический и злобный изгиб губ было бы проще показать на этой картине как простую линию. Его брови были подняты, а глаза широко открыты. Не моргая, он просто глядел на все это действо, держа в руке молчаливую рацию. Моргана взволнованно озиралась то на начинающую разбежаться, кто куда, толпу, то на стоящего, будто истукан, Диму. Обеими руками взявшись за затылок, шумно выдохнула, поглядев на выстраивающиеся на марш танки. Со стороны набережной так же начало подниматься черное облако. Чадающие газотурбинные двигатели танков сигнализировали о скорейшем пополнении в ряду зеленых коробочек. Ситуация с каждым мгновением все больше накалялась, и толпа все больше сжималась. Давка началась.

— Кремль продержится не больше двух суток... — Ульяна наконец выдала мысль, задумчиво вдохнув на том конце рации. — У нас есть время, чтобы продумать все до мелочей, но мы должны сюда еще вернуться.

— Уходим? — переспросила Диму Моргана.

— Вирхова точно подсобит Громову в отправке его на тот свет. — улыбнулся он, беря ее под руку и разворачиваясь. — Что нам делать сейчас, так это «оформить Съебастиана». Унести сюда на крыльях ветра. Как у Чайковского!

— Бородина же? — смутилась немного немка. — Ладно, сути дела не меняет.

Плавню перейдя с быстрого шага на уже откровенный бег, вместе с утекающей по улицам толпой, пара двинулась от площади. Мимо мелькали лица. Под ногами падали и вставали какие-то люди. Началось то, от чего предрекали всех, во время подобных шествий. Людей просто затапывали. Протянув между чужих ног руку, Среда вытянул оттуда какую-то девушку и подтолкнул ее вперед, вписав в удирающую от танков толпу людей.

Моргана остановилась. Широко раскрыв свои электронные глаза, уставилась вдаль через толстые линзы своих эрзац-очков. Вслед за ней, будто вкопанный, встал и Среда. Он, пригладив мокрые и соленые от пота волосы, оскалился и глянул в переулки. Людскую массу зажимали в тиски целые полки полиции, все в тех же черных шлемах. Дружинники вставали плечом к плечу. Выстраивались, словно в ма-

кедонскую фалангу. Отделяли парочку от спасительной черной Волги, что была в переулке, как раз за спиной милиции. Единым шагом, в унисон, что под ногами начала содрогаться земля, это черное полчище двинулось вперед. Забило черными резиновыми дубинками по щитам, пытаюсь отпугнуть от себя не знавшую, куда ей деваться, толпу разномастных людей. Кто-то из граждан просто на полном ходу влетал в щиты. Кто-то специально бил по ним ногами, но это было все равно, что слону дробина. Место выбитого солдата занимали новые, а тот уходил в глубину строя.

— Они зажмут нас! – выкрикнула Моргана, сорвав с металлической руки перчатку. – Нужно прорваться!

— Не думаю, что выйдет, но выбора, как обычно, нет. – выдохнул мужчина.

И настало мгновение. От напряжения внутри, словно каучуковый мячик, что сжимают со всех сторон, волны человеческой реки, текущей по центральным улочкам Москвы, столкнулись с щитами. Резкий удар сотен людей в ровные ряды славной российской полиции, ту совсем не ослабил. Наоборот, ряды еще сильнее поджались. Этот кубик из людей в черном стал еще прочнее. Состязание двух материй – разрозненной и обездоленной людской массы, и той, невероятно крепкой, слаженной, но малочисленной батареи из закованных в пластиковую броню, солдатиков. Здесь бы очень помогло оружие, но действовать так было нельзя. Только развяжет руки полицаев. А если они начнут работать боевыми,

в передних рядах уже никто не выживет. Моргана и Дима как раз были там. Они одними из первых встретили щиты. Нужно было лишь проделать небольшую брешь в рядах. Рассыпать всю эту черную конструкцию, чтобы добраться до той стороны улицы, где уже ждала спасительная машина.

— Надеюсь, Ульяне хватит ума уйти крышами... – сжимаемая кулак у пояса, произнес Среда. На мгновение выдохнул, собираясь с мыслями.

Протолкнувшись через пару рядов, что уже получали по хребту дубинками, Дима вдруг сблизился с одним из щитовиков. Тот подался вперед, желая ударить буйного гражданина своим щитом, но щит, на самом выпаде, схватили руки. Потянули его изо всей силы на себя. Потеряв равновесие, полисмен ушел в толпу и потерялся из виду, обронив свой черный шлем, который звякнул об асфальт. На мгновение образовалась та самая брешь в частоколе из пластиковых щитов. Проникнув в нее, Среда увернулся от двух ударов дубинками. Захватил одного из солдат так, чтобы закрыться от третьего. Поставив пленника на колени, он откинул его в сторону. Моргана в этот же момент, жестким ударом всего своего, казалось бы, хрупкого тельца, «въехала» в ряды полицейских. Титановым кулаком отоварила одного из солдат. Дури в ней было слишком много. Металлические поршни ее трудились так, что от тонированных забрал шлемов оставались только щепки. Под ними трещали уже лица. Но била она не слишком яростно – не убивала. Титановый кулак пролетал

наискось. Компьютер в ее голове высчитывал все так, чтобы только прищелкнуть по носу нерадивого полицейского. Заблокировав одну из дубинок этой же рукой, она вывернулась, вырвав оружие у сотрудника и откинув его в сторону. Столкнувшись с ней спиной в толпе охраны, Среда провернулся вокруг своего корпуса, ногой отпिनывая от себя еще одного солдата. Чуть не получил по голове, благо в последний момент Дениц поймала удар, на секунду переглянувшись с напарником. Они действовали как единый механизм, потому что Моргана видела все, что творилось вокруг. Ее было не перебороть, а вот Дима – обычный человек. Он окосел, когда по челюсти врезал чей-то кулак в перчатке. Едва сообразив, Среда убрался с линии удара еще двух дубинок. Шатаясь, отошел назад. Тряхнув головой, захватил одного из жандармов за руку. Сблизился с ним так, что чуть не ударился лбом в его лакированную черную каску с забралом. Другой рукой подбил то вверх, и вмазал по незащищенному лицу лбом, снова отшатнувшись назад.

Толпа, особенно в первых рядах, заметно приободрилась. Пара незнакомцев с невероятной сноровкой пробивалась вперед, и люди последовали за ними. Для них больше не было того нерушимого лика режима, который зажимал их в тиски. Теперь была пара героев, что поперла на пролом, несмотря ни на что. Геройство вдохновляло намного сильнее рисков смерти, так что людские массы охотно бросились вперед, подбирая с асфальта щиты и дубинки. Ударяли слу-

жителей буржуазного закона всем, чем только было можно. Но и те в свою очередь не унимались. Махали своими палками, что было сил, огревали щитами зазевавшихся «воителей», и крутили всех, кого могли. С некоторых сторон уже начали стрелять дробовики. Меж голов полетели резиновые круглые пули, и запахло жженных порохом.

Увернувшись от пистолета, Среда вывернул руку полицейского так, что вторая пуля прошла в считанных сантиметрах от его живота. Слегка зацепила куртку. Рукой надавив на локтевой сустав, он ударил жандарма его же рукой с пистолетом прямо в шлем. Тот нажал на спуск. На этот раз пуля ушла вверх, чиркнув по забралу. Выдернув из пальцев травматический пистолет, Среда выдал полицейскому две пули точно в бронежилет, чтобы тот не умер, но точно почувствовал. Довернувшись, сразил так еще одного, и пистолет встал за задержку, не вернув затвор на положенное место. Поглядев на оружие, Дима получил удар дубинкой точно по животу и согнулся, отойдя на пару шагов назад. Сверху уже шел тяжелый удар, что должен был оказаться где-то в районе его макушки. Но ни через секунду, ни через две, его не последовало. Придя в себя, Среда увидел, как резиновую черную дубину сжимают серебристые титановые пальцы. Двинув плечом, Моргана выбила из шлема пластиковый кусок. Солдат схватился за голову. Ногой заблокировав подножку, она жестко вложила сложенную в кулак пятерню точно ему в бронежилет, помяв пластину. Скрючившись, слу-

жащий упал на асфальт. Поднявшись, Дима прижался к ее спине своей. Ожидал новых напастей.

Строй полиции рассыпался. Парочка смогла сделать самое главное – прорвать первую цепочку служителей государства, и поселить в сердца людей мысль о том, что эти черные солдаты точно такие же люди, с той же болью, и с теми же жизнями, что и у них. Хуже всех войн – гражданская война. Но еще хуже было поражение в ней. Потому единый, и практически не делимый в этот момент народ рвался на свободную, заваленную жжеными остовами машин и мусором улицы, через массивный полицейский строй. Тот уже поредел. Шансы с каждым мгновением все увеличивались. Солдаты медленно рассыпались в стороны, чтобы противостоять таким же рассыпавшим внутри фаланги бунтовщикам. Стороны плавно перемешивались, как растворы в химии. Протекала настоящая реакция, одним из катализаторов для которой стали как раз Дима и Моргана. С другой стороны улицы поджимал все новый и новый народ. Теперь путь точно был только один. Никто не желал бросаться под напирание и все время стреляющие холостыми танки. Все было слишком жестко. Это превращалось скорее в очень плохую антиутопию. Власть сейчас творила то, что хотела...

Из-за рассыпавшегося полицейского строя выдалась минутка отдыха. Мотнув ушибленной головой, Дима прикрыл глаза от яркой вспышки. В толпе полиции разбился зажигательный коктейль. Людей прижало совсем, раз в бой шли на-

столько тяжелые средства. Недолго думая, Среда сдернул с себя куртку. Накинул ее одного из обожжённых полицаев. Похлопав по ней руками и сбив пламя, он перевернул солдата на спину, чтобы снять с него горящий бронежилет и шлем. Тут по хребтине врезали дубинкой. Мужчина встал на четвереньки, мостиком перепадая точно через спасенного им солдата. Почти не обратив внимания на боль, Дима дернул трос быстрого сброса жилета на полицейском. Рванул тлеющую грудную пластину на себя, чтобы человек просто не зажарился под своей формой. Тогда же по его спине прошелся еще один удар, и тело сковали чьи-то очень мощные руки. Его заломили, и начали поднимать, еще раз врезав по спине и животу. Дернувшись, мужчина попытался выбраться из полицейских объятий, но это у него не получилось. Сознание мутило, а по губам на подбородок катилась кровь. Запыхавшись, он трепыхался в руках блюстителей закона. Снова получил точно в череп. На мгновение обмякнув, оглох. Эти джентльмены умели выбивать душу за пару ударов.

Моргана поспешила на помощь. Путь ей перегородил солдат со щитом, что прикрылся им. Но титановая рука аккуратного на вид, женского тела без особого напряжения пробила этот щит. Выдернула его из рук солдата. Замерев на мгновение, полицейский достал травмат. Разрядил две пули точно Дениц в грудь. Но не тут-то было! Марс в ее голове сработал так, как было нужно. И, когда легкий пороховой дымок у самого дула свалил под потянувшим ветром, перед самым пи-

столетом блеснула рука Морганы. Ее титановые пальцы сжимали внутри кулака две резиновые, приплюснутые пули, которые та обронила на асфальт.

Но ее тело повело. Оно обмякло и расслабилось. Вместо обычного дневного света, на мгновение все покраснело. Блеснули глаза под очками. Отшатнувшись, Моргана взялась за голову, сжав ее до боли. Лицо повернуло от удара дубинкой. Та полоснула точно по титановому куску черепа, а он задорно звякнул. Второй удар прошелся по спине – автоматика не успела прикрыться от него. Трое солдат, явно поняв, что в этой девушке нечеловеческая мощь, закрутили ее. Еще два направили в голову помповые ружья.

Внезапно раздался выстрел. Не такой, как из травматического оружия. Намного громче, и будто бы благороднее. Из черного среза показалась остроносая пуля, вытолкнутая оттуда красивейшим цветом из догорающих пороховых газов. С невероятной скоростью та понеслась прямо через клубы черного масляного дыма. Пролетев через выбитое окошко сторевшего автомобиля, пуля преодолела еще половину улицы. Впилась в черную чашку наколенника, у самого уха Димы. Среда сжался, посмотрев на то, как ошметки мышц полицейского окропили его сослуживцев. И те, не особо поняв, на мгновение застыли. Глянули в разные стороны, пытаясь найти стрелка. Еще выстрел! Бронежилет жандарма выбросил вперед сноп искр, явно сдавшись под чудовищной нагрузкой винтовочной пули. Еще! На асфальт с той стороны

улицы сыпались распухшие гильзы. Скатывались по капоту вставшей посередине дороги Волги. Рук, что сковывали Диму, оставалось все меньше и меньше. Выдернув у раненного в голову солдата травмат, мужчина вскинул его, угрожая полицейским. Оскалившись, он глянул на Моргану. У нее все то же самое. Полицейские вокруг нее лежали с ранениями.

Там вдалеке была фигура. Встав за капотом черного автомобиля, и положив на рюкзак длинную винтовку Драгунова, стрелял человек в черной маске. Но не нужно было быть Шерлоком Холмсом, чтобы понимать, что единственный, кто жаждал освобождения Димы и Морганы, да и стрелял так, будто спит с оружием – это Ульяна. Именно она и спасла напарников, ранив с десятков полицейских. Она как всегда – на пролом...

Вскинула винтовку вверх и стащила с капота рюкзак. Быстро закинув его за спину, Вирхова убралась за Волгу, пока ее не подстрелили. Моргана и Дима рванули к машине. С две сотни метров дикого спринта, и они были почти у самого ее капота. По стеклам и дверям врезали пули. Недалеко был глубинный полицейский кордон, что проснулся сейчас. Они вышли из переулков, перегороженных полицейскими КАМАЗами, и открыли огонь. Прикрывшись рукой, и изредка пытаясь отстреливаться из травматического пистолета, перемахнув через капот, Среда запрыгнул в машину. Едва успел сесть, как Моргана ударила по педали газа. Машина, свистя покрывками, со всего хода подалась назад, заска-

кивая задом в единственный свободный и очень узкий, пешеходный переулок. Выскочила в какой-то двор. Повернув голову, Моргана смотрела, как бы попасть в кирпичную арку меж домов, чтобы вылететь на ту сторону улицы, и смотреть уже с этого места. Но, заодно она застала и то, как Ульяна сдирает с шрамированного лица черную вязанную маску, растряхивая свои густые черные волосы. Утерев лицо, Вирхова отставила от себя винтовку и взялась рукой за пассажирское кресло.

— На кой черт было стрелять боевыми?! – в сердцах спросил Среда, выдрав обойму из травматического пистолета, проверяя боезапас. – Ты же их спровоцировала сейчас!

— Так может вернешься к ним обратно, а!? – на не менее повышенных тонах дернулась она вперед. – Ты же недостаточно дубинок, блять, накушался, да?! Не задавай идиотских вопросов!

– Это же наши люди под шлемами! – сбавил тогда Среда, выдохнув. – Нельзя было так!

— Нельзя или можно... так было нужно. – сурово встретила его слова Ульяна, фыркнув и пихнув его кресло вперед. – Они бы просто затоптали вас, или шлепнули по приказу Громова, как прознали бы, что ты из силовиков! Это был единственный выход, чтобы убраться отсюда, и я его вам дала. Думаешь меня совесть на мучает?!

— Она у тебя медвежья. Просыпается только в сезон. – помотал головой он, кинув в ноги отобранный пистолет. –

Так и чего же мы добились? Для чего все эти жертвы?!

— Говоришь так, будто это я собрала этих людей на площади. – закурила Ульяна, собираясь с мыслями. – Я ошибалась. Похоже, это и правда трудяги и замученные люди. Я тут прознала – в последний месяц, с начала войны, закрылась почти треть заводов легкой и пищевой промышленности в стране. Все пашут только на оборонку, а вот успехов на фронте нет. Этот бунт был справедливым, скорее всего он просто приглянулся Громову. Или это был его злой умысел... Хуй его знает! В любом случае, армия тут, сто процентов, замешана. На Болотной было больше, на Украине было больше, но танки ввели сейчас. Вот и гадай – не для самого Кремля ли. И, судя по всему, эта догадка будет более, чем верной.

— Откуда ты знаешь? – спросила Моргана, как только машина выехала на пустую дорогу.

— Оперативные данные. – протянула Вирхова вперед какие-то листы с отчетами на русском языке. – Громов трижды просил Главного предоставит ему единоличный доступ к ядерному арсеналу страны. Тот не подписал. Хоть на что-то сгодился. Громов – русский нацист. Он жаждет доступа к ракетам. Если получит, черт его знает, что придет ему на ум.

— Он же итак командующий РВСН? Да и к тому же исполняющий обязанности Министра Обороны, сразу после того, как вылез из взрыва в Министерстве. – пожал плечами Среда. – Это бред какой-то!

— Да читай ты дальше, бля! — Ульяна ткнула пальцем в бумаги. — Президент личным приказом ограничил его деятельность в сфере стратегического вооружения. Ему подвластны только старые «Грады» и неядерные «Искандеры». Не больше этого. Единственное, что удерживает его от термоядерной кнопки, запускающей тысячи ракет... Это Кремль...

Часть 12

Когда побитая Волга вкатилась за ворота воинской части, было уже далеко за вечер. Солнце клонилось за горизонт, но все еще наполняло светом летний небосвод. В его лучах метался пресловутый пух, с посаженных большевиками тополей. С запада натаскивало облака. По очереди загорались лампы на фонарях. Под ними парами, а иногда и тройками копошились какие-то солдатики. На широкий плац, скрипя гусеницами по побитому жизнью асфальту выкатывались легкие десантные машины с автоматическими пушками. Все это больше походило на смотр, если не знать про откровенно поздний час. Уже должен был трубиться отбой, но нет. Прощел сигнал боевой тревоги, и вот, часть готовилась к дальнейшим распоряжениям. На машины, которые успели отвести из боев за Каспий и Кавказ, краской наносились новые номера. Замазывались или заваривались пулевые отверстия, чинились поломанные петли гусениц, отмывались и красились катки. Десантники в пятнистой форме передавали друг

другу по цепочке ящики с боеприпасами и грузили все это в «Уралы» с тентовыми кузовами.

— Тормози. — приказала Ульяна, и на ходу выскочила из машины, наперевес нескольким офицерам.

Кажется, она остановила их одним только своим видом. Начала отчитывать, как привыкла. Активно жестикулировала, крутила головой, вопрошая. А те, не зная, что ответить, говорили то, что совсем не нравилось опальной генеральше, без какого-либо звания. Все держалось только на авторитете и на доверии, но и того и того у Вирховой было на несколько вагонов и маленькую тележка.

— Почему все ее так боятся и так почитают? — спросила Моргана, глядя на то, как под морозящим дождем, который Ульяну вообще никак не колыхал, та отчитывает солдат сразу за все, так еще и подряд. — Она же здесь вообще никто.

— Ульяна, буквально, символ стойкости советского десанта. — спокойно объяснял Среда, утирая ушибленную челюсть и оглядывая сбитые костяшки. — Никто не знает, как она получила этот шрам. Точно известно только то, что это было в бою, в котором она одержала победу. Говорят, она была единственной выжившей, когда их колонну разбили где-то под Кандагаром в Афганистане. Она сталь, а не человек.

— Похоже, что ты ее не сильно то и любишь. — скосилась на него девушка, ухмыльнувшись.

— Вирхова крайне своенравная особа. Никогда не знаешь, что она выкинет дальше. — Дима лишь пожал плечами,

моментально выдал ответ. — Она была моим воспитателем. Все, что я умею — это она. Помогла и с устройством в силовые ведомства, но она просто... — растянул мужчина, на мгновение прикрыл глаза. — Ужас какая прямолинейная временами и даже грубая. Но у нее одна очень уникальная особенность, которую я заметил только в последнее время. Никто не может ее убить.

— Значит, с ней мы не пропадем?

— С ней гарантированно не пропадет только она сама...

В этот момент открылась задняя дверь машины, и Вирхова поспешно села на мягчайший диван. До этого потрясла ботинками снаружи машины, чтобы не тащить грязь в идеально чистый салон. Слегка прихлопнув дверью, она пятачком расчесала черные, как смола, волосы, откинувшись на спинку и расслабившись. Но что-то в ее лице было явно недовольное. В зеркале заднего вида Моргана сцепилась с ней взглядом. Однако, не выдержав сурового напора той, девушка медленно нажала на газ. Машина плавно покатила к месту дислокации. Ульяна почесала переносицу своего, с южными нотками, носа. Костяшками пальцев полоснула по шраму, тяжело выдохнув. На вопрос: «Что случилось?», она ответила даже до того, как его задали:

— По воинским частям разошлась боевая тревога. Все куда серьезнее, чем мы думали. Времени на то, чтоб сиськи мять уже нет. Если Громов придет из глубины страны войска под Москву, то он, во-первых, спровоцирует НАТО, что

совершенно не нужно. А во-вторых... наши шансы на действие уменьшаются, ровно вот так: – подняв руку над головой, она будто по ступенькам спустила ее вниз. – Па-па-па-па-па-па! И бы будем точно между моих коленок!

— Не вижу ничего плохого в твоих коленках. – съязвил Среда, не поворачиваясь.

— Дима, там п... п... – она мгновение подумала, чтобы не коверкать богатство русского языка непристойностями. – Плохо там все, если очень уж цензурно. Я попросила командующего всем и вся на этой базе, зайти. Будем решать, что нам стоит сделать.

Через несколько минут, и пару виражей вокруг нежилого корпуса, где горело лишь одно окошко, Волга остановилась. Все дружным шагом покинули ее салон. Троица, где впереди всегда была Ульяна, затопала по лужицам на мокрой дороге ко входу в бывшую казарму. На входе их встретила лишь полуразваленная тумба и отклеивающиеся бумажки с положениями и всяческими правилами, в том числе и дневальному, которого сейчас тут, естественно, не было. Гордо прошагав вдоль рядов железных кроватей, Ульяна, проведя за собой остальных, завернула точно к кабинету. Там все еще сидел Груз, копошился в своих бумажках. Но оттуда слышались какие-то странные шорохи. Это была не привычная тишина и едва слышимое гудение газовых ламп, это был... будто бы смех.

Вирхова сперва замерла, но затем потянулась к дверце,

чтобы открыть. Пальцы легли не на ручку, а на теплую кожу – ее опередил Дима, бесшумно обойдя бывшую большую начальницу. Немного надавив, он мягко открыл дверь. На него стали смотреть не одни глаза, а сразу три пары. Здесь, помимо седого, но явно дающего фору в форме всем молодым, старика, была Аврора – Димина дочь. А на подоконнике, свесив ноги к чугунной батарее, сидела и Славя. На мгновение по спине мужчины прокатился какой-то холодок. Все же окружение на базе было точно не для женщин. Но потом как-то само отпустило. На сердце стало гораздо теплее. Обстановка была тут практически домашней. На небольшой площади было много людей, но не тесно – уютно. Не было никакой напряженности и девушки улыбались. И, даже вечно уставший и понурый, но иногда все же выдающий не сильную улыбу, Груз не выглядел таковым. Он словно светился от счастья, когда видел вокруг себя тех, кто годился бы ему в дочери и внуки. Кажется, в суровом чекисте пробуждалась настоящая человеческая забота.

— Привет. – спокойно поздоровалась с отцом Аврора. – У тебя такой вид, будто ты жмурика увидел.

— Что? – он смутился, но потом отошёл от ступора. – Откуда ты понабралась этих слов. Слава? И почему вы не дома?

— Я смотрела Гоблина. Он чумовой мужик! – выдала та напыщенно, утерев веснушчатые щечки. Она росла не по дням, а по часам. – Ты знал, что он из полиции?

— Малыш, он из милиции. Между ними большая разни-

ца. – Дима перевел взгляд с нее на Брониславу. – Вы почему не дома? Время же позднее. Я думал навестить вас завтра.

— Ты так уже весь месяц говоришь, но по итогу появился всего раза... – наигранно попыталась вспомнить та, встав с подоконника. – Раза... три, не, нет! Четыре! В этом месяце рекорд. Вот и решили сами навестить. Сели на электричку, вышли на ближайшей станции, и вот – мы здесь. А ты не рад?

— Невероятно рад. Невероятно рад тому, что ты притащила ребенка на военную базу, где кучи мужиков, под сотню кило ее просто затопчут. И я молчу про те БМД, что сейчас впопыхах собирают на плацу. – спокойно выдал Дима, сближаясь с ними.

— Но я уже не ребенок! – встрепенулась Аврора. – Папа, мне уже пятнадцать!

— Тебе ЕЩЕ пятнадцать. – скосился он на нее.

— У, так тебе всего пятнадцать? – сказав сатирическую мину на своем старом и суровом лице, выдал Груз. – Я-то думал, что ты уже совсем большая... А по виду и не скажешь. Уже на голову выше меня – старика.

— Перестань ей подыгрывать. – устало сказал Среда, повернувшись к тому. – Малыш, пойдем мы с тобой наедине поговорим?

— Опять будет морали читать... – выходя за двери, бросила Аврора, на что ее отец поднял бровь. Тот поглядел на Моргану, пожавшую плечами, а затем на Славу.

— Я ей морали читаю?!

— Почти постоянно. — спокойно ответила ему сестра.

На мгновение закрыв глаза и собравшись с мыслями, Дима вышел за двери. Оставил всех остальных за несколькими сантиметрами клееной доски, оббитой искусственной кожей. Остановившись на пару секунд, заметил в темноте своего ребенка, что, явно обиженно, подпрыгивал на пружинах старой солдатской кровати, скрипевшей на весь корпус. Среда двинулся к ней. Аврора даже не смотрела на то, как папа к ней подходит. Она просто отвернулась, сложила тоненькое ручки на коленках, и все скрипела и скрипела кроватью так, что уши вяли. Не то, чтобы Диму это не раздражало, но слова Славы его задели. Ведь и правда, нужно было просто спокойно поговорить, не читать ей нотации и морали. И почему он решил, что это вообще хорошая идея? Отец воспитывал его не так. Хотя, возможно еще и потому, что Среда-старший был уже не при делах, и последние свои годы доживал в мире и спокойствии, несмотря на то что вокруг рушилась его страна, которую он столько лет клялся защищать и защищал. Дима же выбрал путь наиболее легкий — нравочения, в купе с невыполненными обещаниями. Он же ничего не знал о своей дочери! Всегда пропадал на работе, и появлялся за полночь, по несколько раз на неделе, если повезет.

И вот сейчас выдался момент. Его нужно было лишь не пропустить, не исказить и не предать своим словам того оттенка нравочений, что был всегда. Среда не обращал внимания ни на что. Ни на полумрак, иногда превращавшийся

в крошечную темень, ни на страшный скрип давно проржавевшей кровати. Просто как заколдованный глядел на свою дочку. Выдохнув, он осторожно зашел, как говорят, с носа, и присел перед Авророй на корточки. Заглянул ей в едва блестящие в общей темени глазки. Она стыдливо отвела их в сторону. Все же за бунтарской оберткой крылась очень чуткая натурой, которая вот-вот расплатится.

— Ну, ты можешь начинать... – выдала она тихо. – Как умешь.

— Я постараюсь без этого. – улыбнулся он ей, но вышло не очень. Аврора ему не поверила. – Я и правда хочу просто поговорить. Когда еще мне выдастся подобный шанс?

— Ты сам их избегал.

— Но теперь не убежал, видишь. – прихлопнул себя по карманам тот. – Я вот, здесь! Сажу перед тобой на корточках и пытаюсь подобрать слова. Но, скажу, наверное, лишь то, что я просто хочу, чтобы ты была в полнейшей безопасности. Чтобы тебе ничего и никогда не угрожало. Аврор, мне ведь хватало поводов усомниться в безопасности окружающего мира столько раз, что и представить трудно. Ты ведь сама все прекрасно знаешь. Я просто хочу уберечь тебя. Так, как не смог твою маму.

— В чем смысл хоть трижды безопасного мира, если в нем нету родителей? – всхлипнув, спросила она, уронив на руки слезинку. – Я ведь не кактус, и не фикус на окошке! Мне вообще не нужна безопасность, если я одна. Когда ты наконец

будешь моим папой, а не телохранителем?!

— Прости меня, Аврора. – Дима медленно взял ее за пальчики, попытавшись хоть на мгновение дать ей собственное тепло. Ее холодная кожа отказывалась принимать это. Девочку потряхивало, как при ознобе, и между ними словно встала настоящая стенка. – Но я пока не могу. Мой долг сейчас сохранить хоть какой-то мир, чтобы в нем была жизнь для тебя. В чем будет смысл, если мы проживем всего пару дней, в тех реалиях, что сейчас в мире?

— Мы проживем их вместе. – всхлипнув еще раз, она поглядела ему в глаза. – Вместе, понимаешь?... Что вообще происходит, пап?

Диму будто бы прошибло током. Он не знал, что ей ответить. Происходила полнейшая неразбериха. Мир вокруг катился в такую пропасть, что и описать трудно. Не каждый взрослый организм сдержит такую нагрузку на нервы, когда узнает! А здесь – маленькое, практически беззащитное создание, которое вот так сидит и роняет слезинки на голый металл солдатской кровати. Что ей можно было сказать? Только то, что она хотела бы услышать.

— Все будет хорошо, Аврора. – наконец обнял он ее, на мгновение. – Все будет хорошо, я тебе обещаю...

— Тетя Ульяна достала нам билеты на Камчатку. – неожиданно выдала девочка. – Почему мы должны уехать? Мы ведь вылетаем сегодня и заехали, чтобы хоть еще раз увидеться.

— Так будет просто правильно. — мягко ответил ей Дима, а сам внутри несколько озлобился на Вирхову, что она ему этого не сказала. Ну, чертовка. — Я уверен, что тебе там понравится. Мы здесь просто немного приберемся и все.

— Почему ты не хочешь сказать мне правду? — снова спросила его дочь.

— Аврора! — воскликнула несколько позади нее Бронислава. — Мы на самолет опоздаем! Нас, итак, военные согласились подбросить, давай, нельзя опаздывать!

Так ничего и не сказав, Дима только помог ей встать с самой неудобной кровати на свете. Разогнувшись и выпрямившись, он еще раз глянул в обиженные глаза Авроры, которая опять перестала смотреть на него. Она так и не получила ответа, хотя он был ей нужен. Но Дима просто не знал, что сказать. У него был опыт в жестких боях, в разведке и диверсиях, но не в общении с детьми, тем более настолько близкими.

И снова он отпускал ее. За руку передал сестре. Та поджала уголки губ, понимающе кивнула, мол, ты молодец. А у него на душе заскреблись кошки. Среда понимал, что так будет и вправду правильнее. Зачем ей всего несколько дней, дарованных атомными часами, если у нее может быть целая жизнь, которую от себя отдал ей отец. Теперь нужно было лишь только то, чтобы все получилось. Нужна была победа...

... Через несколько минут сваренные из толстого металла, с колючей проволокой ворота, что отделяли воинскую часть

от внешнего мира, раскрылись. К ним выкатилась штабная машина, с парой солдат внутри, и двумя женскими фигурами – одной побольше, а другой поменьше. Некрупный, морозящий дождик сбрызгивал зеленую крышу, и разбивался об начищенные стекла УАЗа. Как только солдат на посту проверил все документы и вручную открыл полосатый шлагбаум из толстой цельной железной балки, с бетонным грузом на конце, джип выкатился на дорогу за воротами. Зарычав двигателем, исчез из виду, сверкнув напоследок задники фары. За всем этим Дима наблюдал издали. Сгорбившись, он сидел на лавочке под фонарем. Не отрывал взгляда от ворот. Вдохнул, поправив мокрую куртку. Он очень не хотел отпустить свою дочь, но знал, что так будет лучше всем. Ему спокойнее, а ей – безопаснее. Обернувшись, мужчина услышал легкие, беззвучные шаги в берцовых сапогах. Не каждый мог так подкрасться в подобной обуви к нему, но это была Ульяна, тут и гадать было не нужно. Медленно поднявшись, Средя застегнул куртку и смахнул лишнюю влагу с волос и лица, на которую до сих пор не обращал ни малейшего внимания. Не поворачиваясь к Вирховой, скрестил руки на груди.

— Грустно наблюдать вот так, как они уходят. – тихо сказала Ульяна, зашуршав пачкой «Примы». Достала себе одну. – Каждый раз думаешь: почему ты не с ними... И каждый раз понимаешь, что так нужно.

— Тебе легко говорить. Откуда ты их берешь? – через плечо обернувшись, он скопился на пачку в руках.

— Ты не поверишь! — разведя руками с наиграно-безумным вытаращенным взглядом, сказала она, не выпуская сигарету из губ. — Покупаю! Человечество давно придумало деньги и заводские сигареты.

— Я в смысле... — цокнув, Среда потер переносицу, на мгновение зажмурилась. — Как ты еще не померла от такого количества сигарет?

— А хер его знает. — снова развела руками она. И странство несильно осветило пламя ее спички. — Видимо в Советском Союзе ковали слишком здоровых людей. А сейчас все не то. Да и все не так. Как-то снизу все поднялось вверх. Все, что было плохим, в мгновение стало хорошим, а хорошее стало не в почете. Понятно, что такой мир не мог держаться долго... Построить башню из слоновой кости нельзя лишь думая об этом, и не прикладывая ни-ка-ких усилий.

— Да, каждые лет десять одно и то же. — выдохнул Дима, наконец повернувшись к Ульяне. Та даже несколько улыбнулась, затянувшись. — Все одни и те же лица в телевизоре. Обещают, обещают и обещают. И вот... Может, Громов не такой уж плохой человек, раз захотел все-таки хоть что-то поменять.

— Да, и вернуть Россию на «истинный путь». Херь собачья. — махнула рукой Вирхова, выпустив сизый дым носом. — Вернуть Империю с царем во дворце, и холоуями в лаптях. И что бы нами правил все тот же контингент, но теперь уже

потому, что «русского духа» в них больше, чем в нас. А меня с моей таджикской мордашкой так и вовсе, определять куда-нибудь... руду добывать. Не, черта с два ему! Я не дам ему нажать на кнопку. Я не дам ему воспользоваться всем советским наследием по цели. Похоже, мы единственные сейчас, кто может еще хоть что-то предпринять...

— Так и какой у тебя план? Ты же знаешь, мы все – с тобой.

— Ты молоток... – прихлопнув его по плечу, улыбнулась Ульяна. Развернулась и зашагала обратно в казармы.

... Махнув рукой над столом, Вирхова раскатала по Т-образной столешнице карту Кремля, с какими-то маркерными отметками, надписями и цифрами. На отдельных листах и картах были подсобные и подвальные помещения крепости. Было видно, что женщина подготовилась основательно. Над картой склонились все. Изучали каждый ее миллиметр, и дивились тому, что все это Ульяна смогла достать чуть ли не по первому же зову. У нее точно был какой-то очень весомый источник за гранью видения. Она могла достать из воздуха все, что ей было нужно.

— Товарищи, перед вами сердце нашей Родины. – властным и четким командирским голосом Ульяна начала раскрывать детали своего плана. – Это Московский Кремль – самая защищенная крепость на всем евразийском континенте. У нее автономные системы противоракетной и противовоздушной обороны, несколько противоатомных бункеров,

способных выдержать прямой удар любой НАТОвской баллистической ракеты! И главное – Центр Управления стратегическими комплексами. Наша задача: взять его, и как можно быстрее.

— У-у-у-у-у... – протянул Ганс, стоявший как раз напротив Вирховой. Он чуть пододвинул карту к себе. – Задача, крайне не из легких. Это вам не притон штурмовать...

— Судя по этим картам, пульт дублирован. – прищурилась Моргана, проведя металлическим пальцем по карте как-токомб.

— Именно так. – согласилась Ульяна. – И наша задача не допустить к ним Громова, или кого-бы то ни было из его бригады. По моим данным, в центре Москвы сейчас больше двадцати танков Т-72 и Т-80. В течение трех дней прибудет еще столько же. В добавок несколько тяжелых ракетных и огнеметных систем. Их главная цель – сломить оборону крепости. Как автоматическую, так и солдатскую. По военному регламенту там должна оставаться рота гарнизона, а также часть кремлевского полка, не считая гражданский и дипломатический персонал. Мы должны влезть в самый эпицентр предстоящей бойни, и выйти оттуда с гордо поднятой головой.

— Уже есть варианты, как это сделать? – спросил Среда, встретившись взглядом с «несколько» удивленным Кельтом и Вагнером, что были напротив него. – Судя по всему, эта крепость неприступна.

— Боеприпасы заканчиваются у всех. — спокойно высказал Груз. Ульяна мягко положила руку ему на плечо. — Без поддержки тыловых служб, а они их уже лишились, солдаты в Кремле расстреляют все через несколько часов ожесточенного боя.

— Эта крепость и правда неприступна. — продолжила Ульяна, усмехнувшись. — Но, с воздуха и земли. А вот с водой есть кое-какие проблемы... — пододвинув к себе одну из бумаг, она показала ее всем. Там была карта Москвы-реки. — В сорок девятом, по плану ремонта катакомб Кремля, было расширено правое крыло подземного комплекса, которое уткнулось стенка в стенку со старой тюрьмой Ивана Грозного. А от той к реке шел водовод, который должен был обеспечить защитников тогдашнего белокаменного Кремля водой во время длительных осад. Вход в него расположен ниже уровня воды. Это обеспечивало ему маскировку. Этот тоннель — наш единственный путь, чтобы попасть в крепость. Этим займется группа Дениц и Среды. — она повернулась к ним. — Это ваша задача. Берете всех своих, и вскрываете этот тоннель. Вам необходимо взорвать стенку и попасть в правое крыло подземного комплекса Кремля.

— Зачистка? — спросил Среда, распрямившись и сложив руки на груди.

— По необходимости. Возможно, гарнизон встанет на нашу сторону. — ответила ему та, подняв голову. Утерла шрам на щеке. — Ваша первоочередная задача состоит в том, что-

бы отключить системы противовоздушной обороны. Далее, заблокировать пульт управления запусками на верхнем ярусе. Этот пульт имеет преимущество и над чемоданчиком, и над тем, что есть в президентском бункере. Моргана – это на тебе.

— Идет, я поняла. – кивнула девушка тогда, пододвинув на нос очки. – Но мы не сможем долго держаться внутри.

— Эту проблему я беру на себя. – ухмыльнувшись, Ульяна распрямилась и сцепила руки позади себя. Показала свою по-настоящему солдатскую осанку. – Будьте уверены, я прикрою вас так, как еще никто не прикрывал.

— Если все это получится, то мы войдем в историю. – нервно сглотнув, выдал Ганс и почесал мокрую от волнения щетину на остром подбородке.

— Только вместе мы сможем оттянуть конец света. – подытожила Вирхова. – Вместе, товарищи. Это наш шанс все вернуть в нужное русло.

Наконец, на мощной груди руки сложил и Груз, до этого размеренным движением причесав седые волосы. Повернув свою, будто вырезанную из цельного куска скалы голову, с по-настоящему дубовым лицом, он встретился взглядом со всеми немцами по очереди. Затем глянул точно на Диму, словно измеряя его снизу доверху. Размеренно и мелко кивнул.

— Мы смогли найти несколько дыхательных аппаратов. – выдал чекист, кашлянув в кулак. – Они уже в багажнике Вол-

ги. Воздуха там хватит на небольшую химическую войну.

— Когда начинаем? – неожиданно раздался баритон Вагнера, и его музыкальные пальцы брякнули по столу барабанной дробью.

— Сейчас же. – сунув очередную сигарету в зубы, хлопнула в ладоши Ульяна, разводя руки в стороны. – Все. – а затем махнула. – На взлет! Груз, пусть на аэродроме направляют Ильюшины. Мы высыплемся ему на башку, как снег в сентябре!

Часть 13

Как только в оставшихся оконных стёклышках засверкали первые лучи солнца, на улицах осажденной столицы показалась черная ревущая мотором Волга. Она на всех парах мчалась через улицы, заставленные островами и сгоревшими мусорными баками, баррикадами и кучами шин, к самому центру. Остановка была назначена практически у самой реки, но на противоположном от Кремля берегу. Там была расположена батарея из нескольких танков, которые держали на прицеле кирпичные и побитые снарядами стены, но нужно было не доезжать до них, чтобы не быть обнаруженными. И тогда, только заслышав издали знакомую канонаду, Морган повернула руль. Авто послушно ушло в какой-то проулок, а затем во дворы, где и встало у одного из подъездов. Выйдя из машины, Морган моментально вгрызлась своим

демоническим сине-голубым взглядом в один из чугунных канализационных люков, видя явно больше, чем все остальные. За ней вальяжно с заднего сидения поднялся и Вагнер, будучи в плечах рада в два ее больше. Затем Кельт. С другой стороны, синхронно с Димой, машину покинул и Ганс, обменявшись с тем парой слов.

— Сможем зайти здесь. – выдала девушка.

В эту же секунду в расстояние между люком и кольцом, в котором он лежал, вонзился лом. Поддав тем вниз, Вагнер сдвинул чугунный блин, и приподнял его. Кельт, явно не хило напрягая все мышцы, что аж оскал раздвинул щеки, отодвинул его в сторону. Открылась не самая приятная дыра в земле. За люком была только темнота и пара замшелых металлических скоб, которые тут явно со времен Сталина. Размяв химические палочки, Моргана кинула их вниз. Те подсветили мутную жижу на дне колодца. Работенка была не из приятных, но ее нужно было сделать. От Кремля группу отделяла только река и с две сотни метров старого и широкого канализационного рукава, который был давно заброшен и не использовался уже даже в Союзе. Моргана развернула на руках карту, которую смогла одолжить у Ульяны. Показала Диме точку входа. Тот лишь кивнул, глядя как немцы выгружают из багажника баллоны с воздухом. Там же было и оружие – передовой отряд поехал вооруженным до зубов.

Основу боекомплекта составляли короткие Калашниковы с глушителями. Взяв свой и с четким щелчком присоединив

магазин, Среда повесил его на шею. Застегнул на груди разгрузочный жилет, прямо поверх небольшого бронежилета. Тот, судя по габаритам, был скорее для вида, чем для полноценной защиты. Специальных плавательных костюмов не было – только баллоны. Уж неизвестно, откуда Груз и Ульяна смогли их найти на воздушно-десантной базе, но факт оставался фактом, они могли, кажется, абсолютно все. Был кто-то третий в их команде. И эта мысль проскакивала в Диминной голове все чаще и чаще. Невидимая рука, которая все сможет подать так, как это было нужно. Документы, информация и радиостанции... Играл кто-то еще....

— Готовы? – с хлопком закрыв багажник, Среда осмотрел побитые домовые окошки. Некоторые из них были заклеены простым малярным скотчем, чтобы от очередного танкового залпа не разлетелись на осколки. – Мы преодолеем двести два метра по канализационному рукаву. Затем зайдем в старый выпускной канал. Дальше река и... Кремль.

— Готовы, как никогда! – совсем не уверенно вдохнул Ганс. – Никогда такого не было, и вот опять...

— Не дрейфь, старик. – прихлопнул его по спине Кельт. – Если что – ты умрешь первым.

— Очень смешно, мать твою! – показав тому средний палец в ответ на его едкую остроту и последующую ухмылку, Ганс полез в люк. Он был первым. – Ладно, это лучше нашего метрополитена...

... Даже в такой, похожей на огромную кишку, где до щи-

колотки доходит зловонная жижа, трубе, достаточно глубоко под землей было слышно, как от танковых гусениц дрожит московская земля, как под массой катков ходит столетняя брусчатка. Не редко слышались и выстрелы на той и на этой стороне реки. Как раз над головами всех пятерых. Они прошли достаточно и должны были оказаться уже совсем под танками. Светя впереди себя фонариками и пригибаясь, чтобы не зацепить свисающие с потолка сталактиты, о природе появления которых никто и знать не хотел, солдаты продвигались к реке. Иногда останавливались, когда наверху раздавался тяжелый выстрел из танковой пушки. Громов решил основательно расшатать оборону крепости. Но, если верить Ульяне, а ей очень хотелось верить, взять нахрапом обитель российского президента было не так-то просто. Этот крепкий орешек из красного кирпича закалила не одна война. Он выдержит, казалось, все. Но на любой орешек был свой молоток. Нужно было укреплять его оборону. Не то, чтобы три сотни десантников были сильным укреплением, однако отодвинуть неизбежное они уж точно могли...

— Дима, ты думаешь мы сможем противостоять Громову? – неожиданно спросил Вагнер.

— У нас на это есть неплохие шансы. – ухмыльнулся тот, явно sluкавив. – Ульяну все равно будет не переубедить. Таки почему бы не дать ей свободу действия? Пришли.

Перед Морганой – головной в колонне – оказалась сваренная из очень толстой арматуры сетчатая круглая дверца на

одном массивном шпингалете и таком же несокрушимом навесе. На всем был выбит даже год. Если верить ему, то этому металлу уже больше семидесяти. Сохранился невероятно хорошо, для своих-то лет. Четким движением подбив металлической рукой шпингалет, Дениц открыла дико скрипучую и ржавую дверцу. Зашла за нее. Там была точно такая же труба, как и та, по которой все шли до этого. Только теперь она вела немного в сторону и вниз, будто в аквапарке.

Еще несколько мгновений спустя, впереди показался шлюз, который вел точно вниз. Поддев очередной чугунный люк, мужчины отвалили его в сторону. Тот, катнувшись как монетка по столу, громыхнул и замер. Все посмотрели вниз. Там плескалась вода. Они были уже у самой реки, и это последняя часть канализации. В этих кротовых норах не так просто разобраться без того компьютера в голове Морганы. Именно она смогла провести всех по трубам и не заблудиться. Сверившись по часам, и открыв баллоны, солдаты по очереди спрыгнули в люк. Погрузились в темную и прохладную воду, в которой плавал непонятный и очень старый мусор. Труба эта была едва ли больше по диаметру чем предыдущие, а потому приводнение было не назвать мягким. Ноги были в наросшем в трубе иле, а голова упиралась в потолок. Находиться тут можно было только горизонтально. Сразу же заняв правильное положение в воде, Среда поплыл за Морганой, которая была уже у самой решетки в реку. С той стороны пробивался едва ли значительный свет, но все же – они

стали еще ближе к цели. Оставалось только преодолеть решетку. Долго на своем месте она не продержалась. Поддев маленькой фомкой ржавую толстую железку, Моргана пода-лась всем телом на нее. Рычаг пусть был и не самый боль-шой, но этого хватило с головой. Сделанные еще в середи-не прошлого века замки слетели с петель. Упали на дно тру-бы. Решетка открыла доступ к реке. Оставалось преодолеть только ее.

Вода в реке была значительно приятнее. Она чище, и на-много свежее, несмотря на то что на дне все равно хватало огромных куч инородного мусора. Ни для кого не секрет, что ее чистили, особенно около Кремля. Но это не мешало ей наполняться снова. Когда-то плодovitая рыбой река, на бе-регах которой, прямо на мостовых, стояли мужчины с удоч-ками, теперь была больше похожа на канализацию. В девя-ностые, Дима помнил, ее начали заполнять взорванные ино-марки, люди с бетонными тазиками на ногах, автобусы, сор-вавшиеся с мостовых, и те, кому просто не очень-то повез-ло вписаться в рыночные реформы. Река все тогда стерпела, и терпит до сих пор. Только иногда чуть слышимым плесом шепчется о своей судьбе, теперь всегда будучи с коричневой и мутной водой, с несколько таинственной и страшной ис-торией кровавых девяностых, и поздних восьмидесятых. А теперь и это свалилось на нее... Как только Моргана выплы-ла из трубы вперед, сверху в воду, откуда-то с мостовой, где стояли танки, посыпалась сколотая брусчатка, вперемешку

с уже остывшими пороховыми поддонами. Теперь танки не стреляли. Тишина. Лишь булькали падающие в воду обломки, вырывающиеся из-под их гусениц на развороте.

Среда так же выбрался в «большую воду». Пододвинул пристегнутый на груди коротенький Калашников, и загреб руками, поспевая за уплывшей вперед Морганой. Им всем, в составе группы, ни смотря ни на что, следовало преодолеть не самое маленькое расстояние в мутной воде. Не растеряться и сделать после этого все четко и очень быстро.

Руки уперлись во что-то твердое – другой берег. И снова здесь была такая же железка, но на этот раз, как будто бы более старая. Она была у самого дна реки и ее на половину занесло илом...

...Старый водоотводный канал Ивана Грозного оказался тем еще затхлым и вонючим местом. Это было болото. Здесь не оказалось протока, и вода застоялась настолько, что уже покрылась тиной. Все было сырое и склизкое. Выйдя из этой тухлой лужи, с автоматами на перевес, группа скинула с себя отработавшие на славу баллоны. Все сняли маски. Затем на сырой земле оказались и водонепроницаемые сумочки, в которых была целая куча взрывчатки для единственного взрыва. Вот, наверное, жильцы крепости удивятся, когда из-за «глухой» стенки к ним постучатся крайне незваные гости...

– Тут жутко воняет. Будто сдох кто-то. – поморщился Кельт.

— А ты просто посмотри повнимательнее. – посветила

фонариком куда-то в сторону Моргана. И луч выхватил череп, покрывшийся какой-то странной субстанцией. Точнее даже обломок черепка, с одной лишь глазницей. – Это же водоводный канал. Тут могли быть и завалы, и затопления. Тут, естественно, померло больше народа, чем в скандинавских тюрьмах.

— Пока еще есть время шутки шутить. Но у нас впереди задачка. – глянул на часы Среда. Переложил автомат из руки в руку, отдал Моргане всю взрывчатку и снова накинул на плечи рюкзак. – На пару мегатонн. Немного пройтись, и где-то там стенка. Мы должны прямо в нее упереться. Надеюсь, не оглохнем. А там уже и дело станем делать.

...Слегка поблудив по старому каналу, где-то как раз под самыми стенами Кремля, группа уткнулась в глухую известковую замшелую и сырую стенку. На ней уже рос мох, или что-то очень на него похожее. С потолка постоянно капало, а деревянные подпорки, как в шахтерских штольнях, уже и не держали ничего. За все это время потолок с древесиной стал монолитом и не обваливался. Моргана оценила взглядом все это великолепие, что отделяло их от внутренностей русской крепости, и сложила в кучку пластинчатые заряды, которые были связаны между собой электрическими проводками. По идее, они должны были взорваться вместе, и тем самым вышибить стенку. Но как это сработает тут, никто не знал. Известковые блоки пусть и выглядели очень старыми, однако оставались преградой. При том, наверняка, очень серьезной.

Теперь все зависело от умений немецких саперов, и, чуточку, от везения.

— Выстрелы прекратились. — Кельт поднял глаза наверх, подавая Моргане заряды, чтобы та цепляла их к стенке. — Заметили?

— Да, чего-то русские затихли. — неуютно пожал плечами Ганс, сжимая цевье автомата крепче. — Это явно не к добру.

— Видать забыли снаряды на Кавказе. — все глядел на часы Дима. — Сейчас сгоняют и вернутся. Это затишье перед бурей. Мы явно чего-то не знаем, но очень скоро разберемся.

— Вам стоит прикрыть ушки. — распрямляясь, сказала Моргана. С щелчком открыла крышку на дистанционном взрывателе. — Будет громко.

Подняв автомат на согнутой в локте руке, Среда заткнул пальцем одно ухо. Открыл рот, чтобы взрывной волной не вышибло перепонки. Его примеру проследовали все, уже подготовившись к штурму. После коротко отсчета, Моргана нажала на красную кнопку в небольшом, похожем на толстую шариковую ручку, взрывателе. Раздался мощный взрыв, и в воздух выбросило целое облако из пыли и мельчайших бетонных обломков, горячих металлических огрызков и мха, какой-то водянистой жижи и брызг, глины и древесины. Бахнуло настолько сильно, что сложило не только стенку. Части штольни вывернуло вверх. Оттуда теперь падали куски горячей глины. Группу окатило всем, что толь-

ко было в воздухе. Дима наглотался пыли, и слегка расстроился тому, что не прикрыл оба уха. Теперь в правом жутко звенело, но сильно мешало. Перехватив автомат, через пару мгновений после взрыва, он шлепнул по плечу ближайшего к нему Кельта и нырнул в проход, который был перекрыт висящим облаком из пыли и водяной взвеси.

Перешагнув через груды битого бетона, и вступив на усыпанный более мелкой крошкой пол, мужчина вышагнул точно в небольшую комнатку, где с потолка сыпались искры от разбитых и сорванных с креплений ртутных ламп. Видимость была не самая лучшая. Всюду мельчайшая пыль и полумрак. Освещение только в дальнем углу, где показались какие-то фигуры в странных одеждах. Это был точно не кремлевский гарнизон.

Громкая очередь вцепилась по проходу в стенку. Просвистев где-то над Диминой головой, пули попали в остатки бетона и раскрошили его. Окатили кусками Кельта, заскочившего в помещение, и нажавшего на спуск в ответ. Короткая и шлепающая очередь полоснула по каким-то приборам и столам. Вышибла из одной фигуры все, что было у нее внутри и размазала по стенке кровавую жижу. Со звоном разлетелась искрами плита бронежилета, и труп грохнулся на пол. Началась неразбериха. То появлялись, то угасали в полумраке дульные вспышки. Пули звенели об металлические столы, висящие длинные плафоны, и разлетались в искры об аппаратуру. Поднимались вверх листы с бумагой, пули по траек-

тории закручивали в спираль пылевые облака. А те спешно осаживались, предоставляя наконец доступ глазам ко всему происходящему. Можно было бы рассмотреть все поподробнее, но вместо этого, Дима быстро, с длинной очередью в сторону противника, сдвинулся в бок, ближе к стенке. В ней было небольшое углубление за аппаратурой, похожей на шкаф. Это был какой-то центр управления, только не совсем понятно, какой именно. Выдернув из подсумка магазин, Среда прижал локоть к себе. По одежде чиркнула раскаленная пуля, надорвала мокрую и пыльную ткань. Недовольно зашипев, тот поменял пустой магазин на забитый патронами, и не глядя, выставив автомат на руках, высадил его весь в проход. Срезал кого-то на том конце.

— Вагнер, давай пошуми! – крикнул Среда, выкинув пустой магазин вперед.

Недолго думая, немец движением руки закинул на плечо патронную ленту. Опустил огромный русский пулемет на изготовку. Уперев деревянный приклад в мощное плечо, нажал на спуск. Толкнувшись в плечо, словно строптивый жеребец, ствол выбросил вперед длинную зазвеневшую очередь. Воздух буквально разорвался. Отщелкивая из себя освободившиеся звенья ленты, пулемет все не утихал. Превращал в решето все, что было на том конце. Звенели пластины в бронежилетах, стены мазало красной жирной кровью, а в воздух вырывались клочья изорванной одежды, и части тел. Страшно было представить, что творилось на том конце комна-

ты, но всего один пулемет на прямом простреле сумел подарить группе ценную инициативу. Все затихло после очереди в полторы сотни патронов. Подняв разгоряченный и вяло дымящий ствол, Вагнер тяжело дыхнул.

Вышагнув из-за укрытия, Моргана прошла вперед, насто-роженно держа наготове автомат. Она не успела побывать в этом коротком и кровопролитном бою. Встав посреди защищенного помещения, девушка опустила автомат на руке. Присела у одного из трупов. Это не гарнизон Кремля – кто-то сторонние. Ну, или в этом сезоне была мода на рубашки поло. Именно в них и были одеты бойцы противника. Точнее, теперь это были просто изорванные тряпки, но у них еще просматривалась прежняя форма рукавов и воротника. Наемники.

— Что это за клоуны? – Ганс осмотрел трупы, перехватив автомат. – Американцы?

— Маловероятно. Снаряжение наше. – ткнув глушителем в остатки бронежилета в русской «цифре», Среда едва заметно кивнул. – Какие-то наебники. Черт-е что творится!

— Какого черта здесь делают наемники?! – спросил Кельт.

— Невероятно хороший вопрос, друг мой. – пожал плечами Среда. – Но, если они уже так глубоко в комплексе, они таки скорее всего и везде наверху. Придется быть осторожнее.

— Д-дима?.. – Моргана подозвала его к себе, кликнув по

клавишам встроенной клавиатуры на изрешеченном оборудовании. – Есть очень и еще более очень плохая новость. Похоже, мы в оборонном комплексе Кремля. Здесь сосредоточены автоматические системы борьбы с нападением, комплексы ПРО и ПВО крепости, а также стратегическая связь. Это плохая.

— А еще хуже? – насторожился тот, выдохнув сквозь зубы и утерев влагу с лица.

— Теперь мы без защиты, и быстро это не восстановить. – та сунула металлический палец в отверстие от пулеметной пули в маленьком экране. – Я могла бы попробовать все это снова наладить, но это сутки только на ПВО.

— М-м-мать... – ругнулся тот, потирая лоб. – Полнейшая задница. Мы в гребаном капкане! Так, так. – переменял темп тот, ускоряясь. – Времени нет. Надо понять, как наемши попали в Кремль и где сейчас все, кто должен здесь находиться. Отрезать противника от подземного комплекса и заблокировать пункт управления ядерными ракетами. Кельт, Ганс, последнее на вас. Занимаетесь коридорами. Я беру Моргану и Вагнера, мы чистим палац и наводим уборку помещений.

В этот момент у одного из наемников зашипела залитая кровью рация на разгрузочном жилете. Мигом наклонившись, Среда с корнями выдрал гарнитуру, услышав в той только какие-то шорохи. На том конце видимо уже ждали ответа. С мгновение прислушался, чтобы не пропустить по-

втор. Сглотнув, переглянулся с Морганой. Нужно было понять, какие еще объекты держит противник, а тут такой подарок – переговоры.

— Первый, что у вас там за шум, прием? – переспросила рация.

— Все в порядке, прием. – исказив голос, ответил Дима.

На том конце потянулась затишье. Приняли ли за своих или догадались, оборвав эфир? Можно было только гадать. Практически не дыша, Среда глядел на небольшую черную коробочку с антенной в руках. Он ожидал, когда снова загорится ее синий экранчик рядом с динамиками. И это произошло, но мгновения до этого казались бесконечными. На уловку купились. Еще бы, кто бы мог подумать, что противник окажется в самом центре кремлевских катакомб, которые казались неприступными.

— «Объект» у нас, Первый, шесть минут на эвакуацию. – продиктовала с небольшими помехами рация. – А... как погода?

Это был вопрос на проверку, и Дима это сразу же понял. Отпустил клавишу, чтобы не ляпнуть первое, что пришло в голову. Он не знал, какой должен был быть отзыв, а у того фарша, что был на полу, уже не сильно-то и спросишь. Смысла продолжать не было. На мгновение оскалив зубы, мужчина заправил рацию за пояс, чтобы слушать переговоры. Кивнул Моргане и Вагнеру.

— Первый? – рация все ждала ответа.

— Они отправят небольшой отряд на поиски. — сухо выдал Дима, заряжая в автомат забитый магазин. Недострелянный убрал в подсумок патронами вверх, чтоб отличить от полных и перевёрнутых.

— Что за объект? — спросил Вагнер.

— Русский президент. — ответила ему Моргана. — Они собирают полный карт-бланш на запуск. Они должны были зачистить комплекс, отрубить стационарные системы запуска, и убрать с «шахматной доски» еще и президента с чемоданчиком, путем их захвата.

— Значит, нужно стрелять аккуратнее. — подмигнул Среда, чуть улыбнувшись. — Нам его нужно будет еще пару раз выбрать. Не хотелось бы, чтобы на большом кремлевском троне восседал труп. Давай, работаем.

Вздернув автомат к плечу, он вышагнул в коридор. За ним, контролируя обратное направление, вышла Моргана. В большой и широкий белый коридор, с кучей дверей, ламп, картин, и с усеянным гильзами красным ковром, вывалился и Вагнер с пулеметом. Тройка устремилась влево от дверей, а оставшиеся Ганс и Кельт — направо, в глубину комплекса. Туда, где были лестницы вниз, еще глубже под землю. Указатель итак говорил, что где-то над ними около десяти метров земной тверди, но разве это были показатели? Этот комплекс был подобен грибному мицелию, и мавзолеей был вишенкой на этом слоеном кремлевском тортике. Пожарная карта, которая висела здесь же, давала понять, насколько все это бы-

ло огромным. Площадь только одного яруса была пятьсот на пятьсот метров, а сколько еще таких было ниже, кажется, кроме строителей, не знал никто. Длинные коридоры, усеянные трупами в знакомой военной форме, но уже регулярных частей российских войск. Это говорило о том, что наемники подчистили все так, как надо – с толком, с умом и расстановкой. Тройке и оставалось, разве что, перешагивать через расстрелянные тела, и напряженно вглядываться в перекрестие мушки и целика, смотреть на ничем не примечательный внутри коридор.

Белая каменная лестница. Пролетами она, как показалось, стремилась сразу в рай. Тех было настолько много, что взгляд не цеплял их края. Видимо, все же указатель соврал, и они были не на десяти метрах. Или из-за ярко белого потолка границы пролетов терялись из виду. Задрав автомат, Среда с секунду глядел наверх. Там снова никого не было. Лишь редкие кровавые засохшие подтеки. Наемники сработали быстро и четко. С их стороны почти не было потерь, это просто избиение. Не известно как, и не известно почему, но они проникли в самый центр столицы, и разобрались с регулярной охраной так, будто те были и вовсе без оружия. На пролетах попадались редкие белорубашечники, выделяющиеся из толпы трупов. Но их было настолько мало, что и в листы потерь их наверняка не записали. Аккуратно ступая, ступеньку за ступенькой, тройца поднималась наверх, все ближе и ближе к настоящему, огромному и видно-

му со всех сторон, привычному глазу Кремлю. Оставалось еще немного, еще чуть-чуть.

Впереди показалась деревянная белая дверь. Быстро приблизившись к ней, Среда аккуратно потянулся к дверной ручке, но Моргана перехватила его руку и сжала ее своей металлической. Тот слегка дернулся от неожиданности. Поднеся палец к губам, как бы показывая, что надо бы быть тише, девушка подняла автомат на плечо. Показала на пальцах два, и тыкнула точно в стенку. Она видела все, что было с той стороны, каждого из врагов. Ей удалось насчитать минимум шестерых патрульных, что сторожили эту дверь. Похоже, та была невероятно важной. Хотя, вход в катакомбы самого охраняемого здания в России не мог быть не важным. Вхожими туда были не многие... А интернациональная тройка выходила.

Подняв кулак над головой, Дима встал у стены. Сжал автомат, до побеления запыленных грязных пальцев. Моргана вынула из разгрузочного жилета на груди овальную советскую «лимонку». Изящно продела в кольцо металлический пальчик, дернула чеку. Она мотнула головой, чтобы убрать с глаз свои светлые волосы, живой рукой подняла очки на макушку и разжала титановые пальцы, щелкнув скобой на гранате. В деревянную дверь прошел мощный удар армейским ботинком Вагнера. Здоровяк почти сорвал ту с петель. Крупной шрапнелью из замка полетели щепки. С диким хрустом и скрипом, дверь отошла на выход, и подалась обратно. Заки-

нув дымящуюся гранату в коридор, Моргана прикрыла ухо рукой. В проход дико влетело облако из пыли, камня, крошенного бетона и штукатурки. По лепнине на потолке прошелся нещадный град из осколков. Послышались суматошные шаги и крики. Кажется, народа по ту сторону от толстых кремлевских стен задело достаточно.

Ворвавшись в проход, как только шум в ушах начал потихоньку гаснуть, Дима и Моргана встали спиной к спине. Направили стволы автоматов в разные стороны, и выпустили по паре длинных глухих очередей. Два глушителя полностью подавили вспышки, а по побитым осколками стенам забили, кружась и дымясь, распухшие горячие гильзы. Звеня, они сыпались дождем на запыленный и заваленный трупами, залитый кровью пол. Оскалившись, Среда дернулся вперед, перейдя в активное наступление. Враг был подавлен. Он не успевал прятаться, лишь вступал в очень и очень короткие перестрелки. И тут по стенке брызнула громкая очередь. Дима пригнулся и рухнул на пол. Наемники сориентировались, и решили задавить числом. По ту сторону длинного белого коридора с целой кучей закрытых деревянных дверей показалась целая батарея из стволов. Активно двигаясь и наступая, наемники, переругиваясь между собой, начали подавлять огнем незваную тройку гостей. Прикрывшись титановой рукой, об которую, с очень эффектным салютом из обломков оболочки, разбилась пара пуль, Моргана запрыгнула в одну из открытых комнат. Дима оказался в другой, на про-

тивоположной стороне. Вагнер остался зажат на лестнице. С пулеметом ему было не очень удобно в узком коридоре.

— Нас тут прижмут сейчас! – возмутилась Моргана, вскрикивая.

— Да ну?! – усмехнулся Дима, вытирая запыленное потное лицо. – В любом случае, у нас нет на это совсем никакого времени. Тик-так, мать его!

Выглянув в коридор, и увидев, как один из наемников замахивается для броски «эфкой», Дима откинул в сторону короткий Калашников. Присел, явно для прыжка. На мгновение прикрыв глаза и выдохнув, он собрался с мыслями – у него был один шанс. Ему нужно было сделать всего лишь прыжок. Лучше шанса продолжить наступление пока не было – гранат не хватало, а узкий коридор мог стать для них могилой. А от них сейчас зависело все. Если они не сдюжат, мир может и не дожить до рассвета.

Толкнувшись обеими ногами, Среда вылетел в коридор. Как раз в этот момент на подлете к нему была та самая «эфка». Она активно вращалась и дымила в воздухе, летела точно в одну из комнат коридора. Еще немного и попала бы в цель. Перехватив ее в прыжке, Среда телом выбил простенькую дверь из фанеры, врываясь в еще одно темное помещение. Выкинул обратно в коридор дымящуюся гранату. Отдергивая руку к себе, он прижал ладонь к уху. В это же мгновение за стенкой рвануло с невероятной силой. Послышалось, как затрещал столетний бетон, как с потолка посшиба-

ло лампы, как подняло кафельный пол, как рвало запыленные ковры и людские тела, как стонали металлические плиты в бронежилетах, когда взрывом их изрывало на куски. Прыжок оказался невероятно удачным и граната попала точно в того, кто ее и бросил. Тряхнув головой после всего этого, Среда пришел в себя. Выдернул из кобуры пистолет, и сжал его в руке. Теперь это его единственное средство противодействия. Поднявшись и полупьяно качнувшись, уняв в голове адский звон от разорвавшегося боеприпаса, Дима вытянул руку с пистолетом вперед. Не очень уверенно выглянул в коридор. Живых противников там уже не было. Позицию наемников превратило в пепел. Повсюду были куски из армамидного волокна, одежды, и окровавленные тела. На ботинки оседала крупная белесая пыль. Выдохнув, Среда опустил пистолет.

Короткое мгновение передышки.

— Ты просто безумец! – выйдя из своего кулуара, Морганна все еще держала автомат наготове. Глянула на мужчину, словно отчитывая его, но не зло.

— Классный прыжок. – прихлопнул его по плечу Вагнер. – Если бы я был судьей, я бы поставил десятку.

— Похоже, этот отряд отправили на наши поиски. – забрав автомат, Среда показал на размотанные на той стороне коридора трупы. – У них больше боезапаса, больше гранат, и брони до самых коленок.

— Мы знатно нашумели. Думаю, это не сыграет нам на

руку. – рассудила девушка.

— Скоро тут станет не до шепота. Это только начало. – Дима прикусил губу.

Быстро продвинувшись по этажам, и встретив только разрозненные группки наймитов, тройка приблизилась еще ближе к полному контролю за кремлевским комплексом. Казалось, что человечков в рубашках было не так уж и много. Версия с полномасштабным нападением практически сразу же отлетала. Зато, по пути обнаружилось еще и несколько тел во вполне цивильных пиджаках. В некоторых из них Среда даже узнал какие-то из тех говорящих голов, что время от времени светились на экранах российского телевидения. Кажется, это важные шишки, но разбираться в нагромождении из званий и должностей времени не было. Лишь недовольно цокнув, Дима перешагнул через все это, продолжив двигаться по огромному, побитому танковыми снарядами комплексу. И открылось еще кое-что. По Кремлю били лишь «ломами» – бронебойными дротикоподобными снарядами. Из-за них не было ни пожаров, ни огромных дыр в стенах. Только аккуратные дырочки с выкрошенным бетоном и камнем. Вся эта военная операция с тяжелой бронетехникой – ширма, отвлечение внимания. Некоторые из жителей Кремля нужны были живыми. Ситуация становилась все интереснее.

— Эй, слышишь меня?! – вдруг подала голос чужая рация в подзумке. – Наверняка слышишь, просто боишься выдать себя. Я предложу тебе сделку, воин.

— Мы не договариваемся с террористами! — нажал на кнопку для переговоров Среда. — Мы их мочим даже в сортирах!

— Да, в этом ты мастак, парень. — издеваясь, выдали на том конце. — Расправился с двумя моими патрулями, вместе со своей бронированной подружкой и бугаем с пулеметом.

Среда отпрянул от окон, и исчез в глубине коридора. Коротко глянул через внутренний дворик на противоположные окошки, завешанные опаленными белыми ситцевыми шторами. За теми было видно практически весь интерьер огромного президентского зала. Тройка была в одном из крыльев комплекса в комплексе — Сенатском Дворце. От широкого и огромного колодца с лестницами, который был под знаменитым серо-зелено-черным покатым куполом, их отделял последний рывок через коридор, заставленный хламом. Среди него было все, что должны были эвакуировать. Все под плотным слоем пыли и песка. Здесь все как после урагана! Словно припорошило во время песчаной бури или сухого вихря, который мог сорвать с лица мышцы вместе с костными тканями. На земле виднелись следы от каких-то воздушных винтов, едва заметных, но притом подмеченных Средой. Вертолет, понял он. Однако, вот как они оказались здесь! Оскалившись, Дима на мгновение заметил мелькнувшую тень в окне на противоположном фасаде, точно через внутренний дворик. Третий этаж. Фигура в шлеме, с рюкзаком и бронежилетом. Наемники заметили тройку, но реши-

ли договориться, чтобы еще не потерять своих парней.

— Можешь не прятаться. Мы все равно знаем, где ты. Ты покойник! – доложила рация.

— Дима, шесть бойцов на три и на девять. По обе стороны! – крикнула Моргана, в суете перезаряжая автомат. Прикусив губу, она тряхнула головой, убрала волосы с лица. Выдохнув, прислонилась металлическим плечом к стенке, встав на изготовку.

— Какой твой выбор, воин? Все еще не хочешь поговорить? – не унималась рация. – Меняем Кремль на спокойный выход отсюда по любому пути, какой захотим. Ты получишь народную славу, как освободитель, почести и регалии, а мы избежим лишней крови и сэкономим боекомплект. Как тебе затея, воин?

— Я согласен только с одним... – яростно улыбнулся Среда. – В том, что я чертов воин. А свои регалии сунь и проверни!

Показав в окошко средний палец, он поднял на автомат и выпустил через стекла по стенке длинную очередь. Тень на той стороне просто изрешетило. От каски как бабочки разлетелись ошметки кевларового полотнища. Пошатнувшись, фигура в оконном проеме исчезла. Теперь было только одно: прорываться любой ценой. Даже если Дима останется один – он должен был это сделать. Пистолетом, ножом, да хоть голыми руками! Теперь это был его бой, и только его. Потому, дернув оружие, Среда выбил израсходованный магазин.

Вставил в шахту новый, бакелитовый, до отказа забитый патронами. Импульсивно дернув рукой, он показал Вагнеру на окна. Сам, поудобнее перехватив автомат, встал на изготовку, спиной к Моргане. Атака следовала с двух направлений, значит их и нужно было держать. Оставалось только понять, какой из флангов освободиться раньше. Его и продавить.

— Контакт! – крикнула Моргана, до хрипа надорвав глотку. Глухо шлепнула автоматная очередь.

В конце коридора, точно из-за поворота, что вел к «колодцу», показались враги. Все такие же уверенные в себе, вышагивающие с оружием на перевес и жаждущие поохотиться на загнанного зверя. Только вот зверь этот был невероятно зол, и сам был не прочь потратить с десятков другой патронов на охотников. Среда нажал на спуск, как только из-за стенки высунулся один из солдат. Очередь советских патронов сняла бритую голову с плеч, и труп с грохотом свалился точно на красный ковер, забрызгав свой бронежилет и рубашку кровью. По полу рядом с Димой забарабанили гильзы. В общем шуме их не было слышно, но сыпали они как град, как дождь, добавляя свою звенящую нотку в этот чудовищный этюд. Стиснув зубы, Моргана отстреливалась еще более усердно. Электронный мозг в паре с ее живым и настоящим, обрабатывал все команды с невероятной скоростью. Она клала пули одну за другой точно в обозначенные цели. Они летели, вышибали бетонный угол, но все равно попадали. Изредка звенели и брякали об плиты в бронежилетах.

Но обычно били наповал. Короткая очередь – минимум один труп и кого-нибудь еще обязательно зацепит. Дениц смотрела на поле боя не моргая, равнодушными электронными глазами. Они блестели, когда ствол русского автомата выплевывал вперед горячую очередь из свинца. Лицо ее было озлоблено. В ней пожирающим все и вся огнем полыхал гнев, ей не куда было его девать. Девушка, не переставая, била очередями по противнику. Не давала тому высунуться, и только изредка прерывалась на короткую перезарядку. Движения ее живой руки не уступали в точности и легкости металлической. Одним махом доставая из закрытого подсумка магазин, вместе с отцеплением старого, она вставляла новый. Все было точно как часы.

Внезапно оконные белоснежные, но закопченные в некоторых местах рамы вышибло из посадочных мест пулеметной очередью. По полу потащилась лента, а в глубине одного из помещений замелькал во вспышках необъятный силуэт коренастого и высокого немца, что с невозмутимо каменным выражением лица держал пулемет в руках, уперев его в плечо. Отпустив спусковой крючок, Вагнер перехватил оружие, взявшись за деревянную выносную рукоятку над стволом. Особой точности от него не требовалось – только подавление. И с этим он справлялся просто отлично! Белые стены трещали от его очередей. Свистящие пули на той стороне двора прошивали рамы, уцелевшие стекла и шелковые занавески. Вышибали гипсовые позолоченные витки и леп-

нину, разрывали тела и плиты бронежилетов. Каждая пятая пуля в ленте была трассирующей, и красиво проскакивала по воздуху, как комета.

Наконец, спустя несколько минут ожесточенного боя на этом московском клочке, противник начал сдавать позиции. Они атаковали – это всегда было сложнее. Наемники были хорошо подготовлены, просто отлично, не лезли на рожон, и высовывались точно по боевым инструкциям, чтобы выстрелить и убраться восвояси. Но это им не сильно помогало. Не помогал ни численный перевес, ни атака сразу с двух направлений. Силы все равно таяли значительно и очень заметно. Среда же просто «потерялся» под их огнем в глубине черного помещения, куда перебрался практически сразу, убравшись с коридора. И оттуда открывал огонь, срезая то одного, то другого. С его лица стекал соленый крупный пот, его штаны покрыла пыль, а рукав разорвал чудом прошедший мимо его руки выстрел. Но он стойко стоял на своих двоих и отбивался. Дрался за двоих, троих, пятерых, как и все из его тройки. Вагнер не жалел ленту, и практически не переставая гремел разогревшимся пулеметом. Моргана с остревением и точностью свихнувшегося хирурга выкашивала наемников. На ее лице на мгновение блеснули красным электронные глаза. А на лице расползлась дьявольская мина.

В эту же секунду у нее случилась заминка. Она схватилась за голову и отшатнулась назад. Наемники почувствовали послабление, и как шакалы на раненного зверя, начали

бросаться вперед. Всеми силами старались продвинуться хотя бы на пару шагов. Но Моргана взяла себя в руки. На металлической руке подняв автомат, наугад достреляла магазин в коридор, и отошла в глубину комнаты.

— Я потеряла позицию! – досадно крикнула она, коротко зашипев и держась за голову.

— Они нас обложили! – ответил ей Среда. – Вагнер, бери ее направление. Мы будем прорываться через мое.

Точно на радость наемникам, двинувшимся вперед, по оставшемуся без обороны коридору, с направления Морганы показался горячий пулемет Вагнера, а за ним и сам здоровяк. Короткая, не в стиле немца, очередь покосила двоих, изорвав их броню, и порвав тела на лоскуты. Остальные рассыпали по закоулкам и вжались в стены, чтобы пулемет их не располовинил. Нельзя было даже гранату кинуть – отрезет руку, как на пиле. Это работало больше не на эффективность, а на эффектность. Психика не выдерживала под таким огнем, и люди становились рассеянными. В итоге, некоторые наемники ненароком показывали какие-либо из частей тел, по которым тут же прилетало. В два прыжка оказавшись около Димы, Моргана шумно выдохнула, помяв висок. Ее голова раскалывалась надвое, но девушка не показывала этого. Она стойко терпела все тяжести, что свалились на нее. Подняла автомат, и, мотнув головой, взяла его в руки. Они были в паре. Дима и Моргана. Действовали сообща – приходилось. Переглянувшись на секунду, без слов поняли друг дру-

га. Девушка прикрывала, стреляя настолько точно, на сколько могла. А он, резкими прыжками и перебежками, передвигался вперед. Затем смена, еще и еще. Как можно короче, но как можно резче.

Это было игрой «Бей и беги», только бежали не «от», а «на». В висках стучала кровь. На руке казенные кварцевые часы отсчитывали секунды. Вот-вот должна была разразиться гроза, настоящая буря или ураган, что изменит историю современной России, и мира. Отряд был в эпицентре всего и должен был подготовить почву, сделать так, чтобы прошло как можно мягче. Им нужно было взять Кремль! И они это делали, медленно, но очень верно. Удар за ударом – двигались к цели.

— А-а-а. – попав под перекрестный огонь, Среда прыгнул к стене, в последний момент сгруппировавшись и не разбив себе лоб. – Скотство!

Перевернувшись и утерев потное лицо, поднялся на ноги. Поджал к себе оружие, чтобы не выделяться. Всего в метре от него был противник – за изгибом стены. Протянул бы руку, и пощекотал бы его за нос, или почувствовал эмаль зубов, подернувшиеся из синеватой щетины отдельные волоски на щеках или подбородке. Совсем близко, но пока не достижимо. Их было не достать, но и наемники не могли. Им нужно было еще сблизиться, чтобы хоть как-то надавить на прижатого к стенке Диму.

Внезапно из-за угла показался ствол автомата. Резко вы-

нув из кобуры свой пистолет, Среда рукой схватился за вражеский ствол, дернув его на себя. Из-за поворота на него подался человек, встретивший в грудь несколько пуль из Макарова. Тяжелый и тупой боеприпас смял пластину, но не пробил ее. Тогда третий выстрел пришелся в шею выше пластины, прошел гортань и сонную артерию. На Диму брызнула багровая кровь, и серые глаза наемника вдруг потускнели. Тот дернулся и повис на чужих руках. Подняв тяжелое тело вверх, Среда спрятался за ним от врезавшей по задней пластине бронежилета очереди из автомата. Грудью почувствовал, как пули барабанят по передней, прошивая все мертвое тело насквозь. Двинув рукой вверх, он не прицельно выстрелил из-под плеча мертвеца, заставив выпущенную пулю скользнуть точно по стволу одного из автоматов в бронированную грудину наемника. Тот, ошарашенный, свалился на спину, и второй выстрел из Макарова лег точно ему в живот, попав как раз под плиту бронежилета. Уже двое поверженных. Остался еще один. В ту же секунду и его срезал выстрел из пистолета.

Среда дернул руку и положил ее на плечо мертвому наемнику, словно они были старыми друзьями, и только встретились. Вдавлив спуск, заставил ударник разогнаться и со всей силы ударить по капсюлю девятимиллиметрового патрона. Взорвавшись внутри гильзы, порох вытолкнул свинцовую пулю вперед, сорвав затвор с места. Красивая вспышка из ствола, и все было кончено. Меткий глаз Димы уложил

несколько граммов свинца точно в нос наемника.

— Давай, давай! – подлетев, Моргана выдернула из под-
сумка наемника гранату. Кинула ее Вагнеру.

— Они на третьем этаже. – ответил тот, закинув «лимон-
ку» за угол, точно в скопление противника.

— «Шуберт», это «Иоганн-1», прием. Готов к заходу на
посадку. Повторяю... – внезапно зашипев, выдала трофей-
ная рация. – «Иоганн-1», готов зайти на посадку. Видел бой,
у вас там порядок?

В воздухе добавился еще один очень знакомый, до физи-
ческой боли, звук. Это огромные вертолетные лопасти раз-
рывали воздух над Кремлем. Эвакуация, которая могла спа-
сти наемников из неожиданного боя. А вот Среде омрачить
все планы. Засасывая под себя атмосферу, огромная винто-
крылая машина кружила над дворцом, явно желая забрать
что-то свое. И это точно был не Дима с отрядом. Нужно было
сорвать все это действо, и очень-очень, черт возьми, быстро.

— Да еб... – ругнулся Дима через зубы, выглянув в выса-
женное окошко на вертушку, кружившую над комплексом. –
Нельзя пропустить их к «птичке»!

— «Иоганн», у нас тут жарко внизу. – снова тот голос из
рации. Теперь он докладывался летчикам. – Пара залетных,
положили парней, и двигают на нас! Повиснешь над куполом
через полторы минуты, как понял?

— Принял. Крыша. Полторы минуты. – ответил пилот.
Вертолет заложил в вираж, сбавляя скорость и зависая над

Сенатским.

... На бегу сорвав с себя бронезилет вместе с подсумками, Среда ускорился. Изо всех сил старался взмыть по лестнице во дворец, как можно скорее. Он гнал и гнал, нажимал на собственные мышцы, чтобы они не отключились от натяжения и напряжения. Те были высушены и измотаны, но их ждал еще один молниеносный, и, скорее всего, последний спринт. Нужно было успеть, только успеть на этот отбывающий в небеса винтокрылый «автобус»! Выдернуть оттуда парочку пассажиров и навсегда посадить его на землю – вот что нужно было сделать! Как? Каким образом? Не важно! Нужно было творить, действовать экспромтом, но боевую задачу выполнить. Никто, кроме его, не сделает это. Как его учили. Как Ульяна его учила.

И в мышцы будто закачали новой, не уставшей от боев и перебежек крови. Последний пролет широкой лестницы с красным запыленным, обугленным, засыпанным гильзами ковром, промелькнул, как будто его и не было. Окрыленный, Дима влетел на этаж, с ревом пикирующего бомбардировщика врезаясь в перебегающую колонну противника. С ходу, мощным ударом сшиб с ног и выкинул в окошко одного из наемников. Тот разбился, упав на обломки стекла. Среда резко развернулся, со всей дури кулаком выстегнул из сустава бритую челюсть еще одного наемника. Он ворвался в строй солдат удачи настолько неожиданно, что никто не успел среагировать. Порядок нарушился, воины присели как

под плотным пулеметным огнем. Из-за этого удалось увидеть единственного человека без бронежилета – российского президента. Чуть неказистого, с прической набок, проклеивающейся сединой на затылке. Но, каким бы ни был, спасти его нужно было. И безо всяких колебаний, единственный спаситель ринулся к нему, чтобы хоть что-то выдумать, изобразить, но вытащить из этой передраги.

Схватив правителя за руку, Среда подтянул его, как в каком-нибудь танцевальном па. Закрутил и обхватил другой рукой. Забрав ничего не осознающее, и хлопающее глазами с завязанным ртом тело к себе, Дима рванул из кобуры Макаров. В упор расстрелял еще одного наймита, который выбросил все свои мозги из бритой татуированной головы в направлении Спасской башни.

Среда, ощутив что-то затылком, и заведя президента за спину, обернулся. С этим же разворотом натолкнулся на резкий блок, который остановил пистолет практически у самого виска противника. Тот, улыбнувшись, дернул свой пистолет вверх, но Среда коленкой прибил руку с Кольтом к стенке, что ее было не поднять. Синхронно сдвинувшись друг к другу, они вместе же и выстрелили, вышибая одинаковыми движениями друг у друга из рук пистолеты. Те в унисон громыхнули об плиточный белый пол. Дима ударом ноги оттолкнул от себя улыбающегося золотыми зубами наемника. В руках солдата удачи оказался длинный и сверкающий нож. Заправски перехватив его в полете, он пошел вперед. Среда

отбил атаку и вышиб нож из его рук. Хлестким ударом кулаком по щеке, что наемник аж потерял равновесие, Дима отправил его головой в подоконник. Встав на колени и мгновение передохнув, «весельчак» сплюнул кровью на один из трупов своих и снова встал.

— Неваляшка что ль? – Среда сжал кулаки, за секунду переводя дух.

— Я еще только размялся. – прозвучал знакомый голос.

— А в рации ты был активнее.

Оба глянули на лежащий на полу Макаров. Он был ближе всего и к Диме, и к наемнику. Последний медленно поднял на своего оппонента раскрасневшиеся глаза. Словно прочитав мысли друг друга, они ринулись вперед, на единственный источник к спасению. Один на них двоих.

Окровавленная рука наемника уже практически коснулась рукоятки пистолета. Среда вытянулся в прыжке, сбив того своим не самым маленьким телом от пистолета в сторону. Повалил его на спину. Замахнувшись, сам получил удар, и солдат удачи оказался сверху, начав душить неугомонного воина. Задыхаясь, Среда заколотил его кулаками по не прикрытым бронезилетом ребрам, и это дало эффект. Нажим на горло ослаб, и объемный глоток воздуха быстро наполнил легкие. Высвободившись из захвата, Дима вмазал в неприятное и расквашенное лицо. Снова пинком отпихнул от себя солдата. Тот, шатнувшись, упал у его ног.

По лестнице послышался галоп. Какие-то мелкие и очень

быстрые шажочки, а с ними вместе звуки, будто бы колотили гирей по бетонному полу. Моргана и Вагнер. Они спешили на помощь, запоздав из-за зачистки этажей. С некоторым страхом и опаской наемник посмотрел на лестничный проход и быстро забил руками по ковру, подползая к Макарову. Поднявшись, он рванул к нему быстрее. Поднялся и Среда, двинувшись наперевес. Всего одно мгновение отделяло его от удара по наемнику. И всего одно мгновение отделяло наемника от пистолета. Все то же мгновение, и пара немцев была бы на этаже! Среда сообразил, что пуля должна была достаться не ему, а его подмоге. Потому двинулся дальше наемника. Как только нога Морганы пересекла последнюю ступеньку, прозвучал выстрел. Затвор пистолета отошел назад и выбросил горячую гильзу в пространство. Пуля, завинчиваясь, полетела точно в девушку. Диме не хватило лишь пару миллиметров, чтобы остановить выстрел, но это была не его судьба. Пуля шумно пролетела добрые пару метров, но вдруг поменяла направление полета. Стреканула об титановое предплечье девушки. Еще секунда, и свинец наконец нашел свое пристанище – расстояние между третьим и четвертым шейным позвонком президента. Тот успел только шелохнуться и замертво упал на ковер.

Коротка очередь проредила пространство. Моргана выщелкнула стрелявшего наемника из мира живых. Улыбка того сменилась предсмертной маской, содержащей в себе стеклянный взгляд, да искривленную дугу губ, едва видимый

оскал и бледный вид. Дима схватился за голову, посмотрев на руку Дёниц.

— Вот же... – рванул он руки от головы, глянув на бездыханное тело в рубашке. – Это просто охренеть как плохо, мать его! Черт, черт, сука... – глубоко вдохнув, и на мгновение прикусив губу, снова обратил внимание на Моргану. – Ты в порядке?!

— Да, порядок. – расстроенным голосом ответила ему та, посмотрев на труп российского президента. – Прости я...

— Это только мой просчет. – махнул на нее, словно невзначай, Среда. – Я не справился. Этот парень... Он дрался как я! Синхронные движения, практически синхронные мысли. Я будто бы посмотрелся в очень страшное зеркало, где я бы-таки продался за деньги каким-нибудь толстым буржуям и взял себе польское имя! Кажется, эти ребята из наших. – на секунду замолчав, он кинул взгляд на золотозубого солдата удачи на полу. – Этот точно не иностранец. Скорее всего какая-то ЧВК, что переметнулась на другую сторону баррикад, и продала свои задницы как можно дороже другим хозяевам. И ведь хитро обыграли! Смотри: ПВО ведь не сработало, так, все осталось, как и было. Но в Кремль они попали? Под видом эвакуации, конечно же! Только так можно было проскочить!

— Их направил тот, кто знал про кремлевские системы защиты. И про то, что президент будет здесь. – ответила ему девушка.

– Это Громов. Теперь это совершенно понятно. Нет никакой интриги, все как на ладони. Его ограничили неядерным арсеналом, а он воспользовался бунтом, вывел танки, провел «эвакуацию», и спокойно взял Кремль этими самыми танками!

— Кстати о Кремле и танках. Дима?! – с некоторым сомнением в голосе сказал Вагнер, закидывая пулемет на плечо. Повернулся к окну, что смотрело точно на Красную Площадь. – Я ведь не один это вижу?

Под страшным гнетом танковых гусениц сдавалась столетняя брусчатка Красной Площади. Вальяжно, как настоящие хищники в своем прайде, на расстоянии прямого выстрела из огромной ста двадцати пяти миллиметровой русской пушки, перед Кремлем выстроились танки под красно-сине-белым флагом. Они всё выползали и выползали из-за здания Государственного Универмага, пока их не стало около десятка. Массивный бронированный кулак сосредоточился на единственном направлении. Не нужно было гадать куда они пойдут, но от этого легче совсем не становилось. Увешанные комплектами динамической защиты от прицела командира до самой кормы, стальные монстры взревели двигателями и двинулись вперед. На Кремль. По спине у Димы пробежал очень холодный пот. Крупная капля скатилась точно по позвоночнику, вызвав мурашки. Его глаза медленно расширились, стали похожими на две пятирублевые монеты. Он стоял и заворожённо смотрел, как бронированный

кулак из десяти «восьмидесяток», шел точно на него. По телевизору это бы выглядело просто идеально. Как на параде: выкрашены в серо-синие цвета, с начищенной и блестящей оптикой. На головном поднят флаг. Надраенные танкистами катки все быстрее начинали проворачивать под собой металлические гусеницы, вырывая с корнями брусчатку. Двигатели заревели сильнее. С каждым движением в сторону, или ускорением, из труб сбоку машины вырывался черный и густой дым, что стелился по земле.

— Десять «Т-8». Идут прямо на нас! – выкрикнула Моргана, повернувшись к Среде, но тот просто не знал, что делать.

— Это... – выдал из ступора Дима. А затем на мгновение замолчал. Увидел, как одна из башен поворачивается прямо на них и потянулся к рации. Нажал переговорную кнопку. – Ганс, Кельт. У нас очень большие проблемы... Ложись!!!

Тело само упало на пол, как только глаза увидели ярчайшую вспышку, вырвавшуюся из жерла одной из пушек. Пространство сотряс невероятный по силе взрыв, а за ним пронесся короткий свист влетевшего в форточку снаряда. Он пролетел над головами, закрутил раскрывшимися стабилизаторами горячий от залпа воздух. Огромная болванка кумулятивного снаряда, влетела точно в косяк двери. Прошла его насквозь и разорвалась внутри помещения. Еще один взрыв! На этот раз еще сильнее. От звона в ушах и временного оглушения не спас даже открытый на полную рот. Стены сотряс-

лись, как от землетрясения. Наружу полетели стекла и доски, куски бетона и бесконечно белая мельчайшая, дважды перемолотая во время обстрела пыль. Жаркая вспышка окатила людей. Взрывная волна прижала тела к стене, бросив осколки бетона и камня прямо в них.

Когда клуб густого дыма и пыли вырвался из окон, а взрывная волна отошла, на ноги поднялась Моргана. Она оказалась дальше всех, и оклемалась практически сразу. Из ее носа текла бурая струйка крови, которую та вытерла рукавом, на мгновение испуганно посмотрела в окошко. Теперь били уже не ломами. В дело пошли фугасно-кумулятивные боеприпасы. Эти «хлопали» так, как было нужно. Растерянно оглядев себя, девушка выдернула из титановой руки, которой прикрывала голову, осколок размером с палец и откинула в сторону, помогая встать Вагнеру. У того бронежилет оказался похож на лохмотья. Из стальной плиты торчали обломки железа, а лицо окатило бетоном. Кожа на нем теперь больше походила на капельную систему полива. Белесая пыль соседствовала с бурой кровью, смешавшись в органический бетон. Все это покрывало безучастное лицо бугая. Он словно пропал из мира на несколько мгновений, был как огромная кукла. Последним очнулся и Среда. Именно над его головой пролетел снаряд. Перебарывая страшный звон в ушах и пытаясь прокачать их рукой, он дернул челюстью, проверив ее работоспособность. Зубы скрипели, а в голове не было ничего кроме противного писка. Пошатнув-

шись, мужчина встал на четвереньки. Потихоньку, облокотившись на каменный подоконник, поднялся. Вытер мокрые губы. Его глаза были красными от налившихся капилляров, кровь стояла между зубов, и под ушами, хотя перепонки чудом оказались целыми. С секунду собирая двоящееся изображение мира в единое целое, он тупо посмотрел на Моргану. Та пыталась ему что-то сказать. Но он ее не слышал, только видел движение ее червлёных губ, не мог ничего понять.

И тут земля снова содрогнулась. Эту дрожь Среда почувствовал всем телом. Снаряд угодил куда-то ниже. Кумулятив, зацепив большие кирпичные зубья на Кремлевской стене, разорвался, так и не долетев до Дворца. Еще залп, еще и еще! Танки били по этажу, видимому с площади. Нужно было срочно убираться с линии огня, а то больше могло и не повезти.

— Помоги мне! – выкрикнула Моргана, подавая безучастную руку Вагнера Диме.

— Они нас тут размажут! – на повышенных тонах, чтобы услышать самого себя, сказал тот. – Нужно спуститься ниже. Им входа в Кремль пока нет! На Спасской бронированные трехслойные ворота, которые остановят их.

— Ульяна же обещала поддержку?! – высказала тогда девушка, на пару со Средой поняв тело Вагнера под руки. – Где она?!!

Внезапно все здание затрещало и заныло. Под ногами по-

ползла земля. По стенам начали расползаться трещины. Они сопровождались громом падающих бетонных перекрытий. Фасад здания не выдерживал. Над головами рассыпалась позолоченная гипсовая лепнина. Со стен падали портреты и декоративные колонны, сыпалась пыль. Пол расходился в разные стороны, трещал и валился на этаж ниже, и так на каждом этаже. Здание приходило в негодность под пушечной канонадой танковых орудий, но держалось. Основной удар на себя принимала именно Кремлевская стена. Резко лишившись одной из опор, вследствие разрыва снаряда, не выдержала Сенатская башня. Медленно, а затем все быстрее и быстрее, она начала накреняться на Мавзолей, разрушаясь. Наконец, сорвавшись вниз, она разбила Ленинский кирпичик и одеялом прикрыла его сверху. Поднялись клубы пыли и крошеного кирпича. Открылось еще большее окно для выстрелов. Теперь ничего не мешало бить точно по куполу с длинным копьеобразным флагштоком, и, конечно, окнам. В добавок, в прочности потеряла и сама стена. По ней начали расползаться паутины трещин, как в десне, из которой вырвали здоровый и крепкий зуб. Советские и российские снаряды шли совсем не на пользу тысячелетнему кирпичу и камню. Они рвались с такой силой, что дрожь была даже на первом этаже. На кабелях качались сорванные с креплений лампы, водопадом падала плитка и крошилась штукатурка.

— «Иоганн-1», слишком жарко, я ухожу! – внезапно раздалось в трофейной рации.

— Ну и катись, скотина. — затаскивая Вагнера за стену, и усаживая его на пол, злобно высказал Среда. — Нужно придумать, как удержать комплекс.

— И как ты предлагаешь сделать это? — удивленно посмотрела на него девушка. — У нас нет ничего. Ни ракетных комплексов, ни гранатомётов. У нас даже пулемета теперь нет! Как ты собрался остановить десяток танков?

— Нам нужно удержать комплекс. — сухо выдал тогда тот.

— Как?!

— Я не знаю!!! — вырвалось у Димы, но он стиснул зубы, вытерев кровь на губах. — Черт... я не знаю.

Напряжение нарастало. Каждый выстрел слышался еще сильнее предыдущего. Как будто бы били молотком по черепной коробке. Как только что-то взрывалось, люди интуитивно прижимались к земле, наклонялись, закрывали голову от обломков потолка и стен. Из тех вылетали куски уже размером с кулак и больно били по пальцам, что защищали за тылки. Моргана смотрела точно на Диму. Ожидала, что тот выдаст что-то дельное, но он метался сам в себе, все думая, как бы просто задержать напирющие танки. Думал, думал, и думал, но решение так и не приходило.

— Хоть с копьём бросайся на них. — процедил он, выругавшись.

— Салют в нашу честь?! — внезапно появился Ганс, под руку выведя из бокового коридора Кельта, которому явно прилетело по голове. На рыжих висках были следы крови. —

А я смотрю русские во всю веселятся уже! Где наше шампанское?

— Когда мы выберемся отсюда, я куплю тебе целый ящик. – сказал Дима ему, все же улыбнувшись на мгновение. – И тортик сверху, со свечкой ректальной... А то с этим Кремлем сплошной геморрой!

— Я предпочитаю, когда я в чьей-то заднице. – немец развел руками.

— О, так может нам тебя через стенку перекинуть?! – скопился на него Среда. – Вот и покажешь им кто у них там в...

— Так, стоп! – оборвала его Моргана, снова пригнувшись от взрыва где-то сверху. Били очень плотно. – Хватит об этом! Нам нужно защитить плацдарм. Как это сделать, если против нас десять «Т-8»?!

— Захватить один из них. – предложил Ганс, тряхнув под руку ошарашенного и практически ничего не понимающего Кельта, чтобы тот, как бы, покивал. – Тогда их останется всего лишь девять, а у нас будет целый один.

– Это самое бредовое предложение, что я слышал... – помотал головой Среда. – Оно в стиле Ульяны. Но может сработать. Необходимо максимально сблизиться с этой армадой и попытаться оседлать ее. У тебя еще осталась какая-нибудь взрывчатка? – спросил он Моргану. – Мы попробуем завести его за стенку, когда они прорвутся внутрь. Ганс кинет ему на гусеницу взрывчатку и подорвет, а я попробую поиграть в родео с этой консервной банкой.

— Это чистое самоубийство. — Моргана все же скинула с плеч рюкзак, достав оттуда пару шашек тратила, так успешно стыренных с военной базы десантников. — На мне остался завлекающий маневр?

— Да, именно так. — выдал Ганс. Взял взрывчатку, и вставил в нее взрыватель от гранаты.

— Смотри, чтобы не сдетонировала динамическая защита. — скосилась на него девушка, металлической рукой подняв с пола пулемет. — Я тебя убью, если ты там помрешь. Кельт, ты приглядишь за Вагнером.

— С этим я согласен. — держась за голову, высказал тот и присел рядом с бугаем, что еле соображал, сунул ему в руки фляжку с водой. — Попей, брат.

Пролетев на одном дыхании запыленный и рассыпающийся длинный коридор, уже не совсем правильной формы из-за трещин и свисающих с потолка кусков гранитных плит, который был почти во всю длинную Дворца, тройка оказалась у выхода на открытое пространства, между Спасской и Сенатским. Там был пустырь, на котором оказались какие-то малозначительные постройки. При новой власти стали разбирать часть советского комплекса зданий, но не успели.

С высокого купола, где был флагшток с изорванным стягом, валялись куски. Они громко разбивались в широком колодце с лестницами, что был под ним. Через пробелы, образованные этими обломками, просвечивало голубое, с легкой облачностью, небо...

Моргана, не став долго раздумывать, ринулась на второй этаж по единственной оставшейся широкой винтовой лестнице. Изредка она схватывалась за изорванные обломками и снарядами позолоченные перила, в которых, как в улыбке алкоголика, не хватало элементов. Были вырваны с корнем гранитные балясины, проваливались монолитные ступеньки. Ковер сминаясь и мешался под ногами из-за вырванных с корнем золотых труб, что держали его на ступенях, как в театре. Это был парад золотого и белого – все сыпалось сверху, поднималось снизу и наваливалось с боков. Это баснословно дорогое месиво каждое мгновение хотело убить и размазать, нанизать на себя, как на шампур, или сдавить тисками, изорвать на британский флаг обломками и осколками. Кремль словно сам не хотел, чтобы его защищали. Издавал, как живой, стоны и утробные звуки, двигался и недовольно трещал стенами, путал ноги коврами и закидывал слетавшими с креплений рванными портретами и золотой лепниной, что валилась с потолка. Убирал из-под рук так нужные иной раз перила, чтобы короткий полет на куски крыши с торчащей арматурой стал последним испытанием в человеческой жизни. Но люди не сдавались. Они были из тех, кто идет на пролом и принимает то, что с ними произойдет. Моргана, перевалив пулемет с лентой через плечи, взмыла вверх по лестнице и тяжело выдохнула. Одной рукой оперившись о косяк дверей, заглянула в еще один коридор. Здесь в стенке был пролом на полтора этажа, но остался кусок подокон-

ника. Самое то, чтобы упереть здоровенный советский пулемет. Еще раз натужно выдохнув, Дениц сняла его с плеч. С гаком ударила сошками в мраморный обломок, что был под деревянной рамой. Размотав с тела смотанную вдвое пулеметную ленту, кинула ее на пол, погрузив один конец во внутренности пулемета. Все было готово к стрельбе. Дульный срез с пламегасителем смотрел точно на Спасскую башню.

Раздался непривычно мощный гул. За взрывами танковых снарядов не было слышно его начало, и потому он накатиł внезапно, как гром среди ясного неба. И это был не страдающие мрамор и кирпич Сенатского, не изорванные зубья на кремлевской стене. Это была она сама. С нее сперва осыпались совсем маленькие куски – она держала удар. Затем, крошась все больше и больше, старое фортификационное сооружение сдалось под натиском зарядов, все больше и больше выламываясь, выкрашиваясь и пыля. По красному кирпичу разошлись трещины, которые начали разрастаться паутиной с невероятной скоростью. Все больше и больше, больше крошки, больше обломков и пыли, больше дьявольского гула, будто в землю вот-вот воткнется огромный транспортный самолет, или разразится такая гроза, что всем грозам будет в пример. Это было страшно, неопишимо страшно. Задрожала сама московская земля. Казалось, что вода в реке пошла рябью от этой вибрации. Перед курантами не осталось ни одной из белоснежных башенок. Все оказались на зем-

ле. Огромные стрелки, будто пики, сорвались и разбились о брусчатку и землю. С циферблата посыпались римские золотые цифры. А с самого шпиля сорвалась красная хрустальная звезда.

И вот наконец взгляду предстало то, к чему все шло. Медленно, как начинающийся оползень, кусок кремлевской стены, метров так тридцать шириной, сползая, пошел вниз. Переламяваясь и перетряхиваясь в красную, очень мелкую и едкую крошку, обвалился кирпич. Все, кто стоял на ногах в этот момент – попадали на землю. Воздух разрезали свистящие куски отлетающих бетонных конструкций. От нескольких грамм, до десятков килограмм. Все они, как осколки от ручной гранаты били в широком радиусе, накрывали все, что не было скрыто за какими-нибудь укрытиями. Врезались эти куски и в стенки Сенатского, обратно в который Среда едва успел затащить потерявшего дар речи Ганса. Он бросил немца на пол и сам накинудся на него сверху, прижав к полу, закрыв руками голову. Весь кирпичный салют продлился не долго, но оказался очень эффектным. Обломки стены пробарабанили так, как ни один ударник не сможет.

Когда все прекратилось, дрожь земли ушла и пыль начала потихоньку оседать, Среда поднялся. Прильнул к одной из целых оконных рам, осторожно выглянув в нее. Масштабы разрушения были колоссальными. Едва держалась самая знаменитая башня Кремля, а от фронтального участка стены остались только несколько метров с одного и с другого края.

Все остальное лежало на брусчатке.

– Таки вот как они пройдут внутрь... – откашливаясь, и отряхиваясь от бело-красной пыли процедил сквозь зубы Дима. – Ты цел?

— Порядок, порядок. Наверное. – Ганс схватился за голову, вставая. – Башка трещит. Я как будто бухал всю ночь. Я уже ничего не понимаю, мать его!

— Давай, пошли. – тот подтянул его за плечо. – Не люби нашу взрывчатку.

Дима шагнул на улицу, снова выбрался из Дворца. Они ведь уже успели сделать пару шагов до того, как стена рассыпалась. И вот снова: относительная свобода, без стискивающих движения рассыпающихся коридоров, а вместо изорванного трещинами потолка – сияющее, с легкой облачностью перьевых облаков, голубое, но пыльное небо. На пару минут даже стало тихо. Ничего в это время и не происходило. Мерно потрескивал кирпич, но после того гомона и хаоса, этого было не слышимо. Не было звуков и от стоящих за стеной танков. Они тоже ждали момента. Прекратилась стрельба, прекратилось все на свете. На одно мгновение воцарился настоящий покой и мир. Можно было услышать, как в груди под изорванным бронежилетом бьется настоящее горячее сердце. На одно лишь мгновение...

Слух наполнился ревом танкового двигателя. Одного, другого, третьего. Колонна двинулась в расщелину, словно клин в неугомонное полено, желая его расколоть. Суммар-

ные пол тысячи тонн советской стали двигались на пятерых человек, что оказались зажаты в комплексе. Желали закончить все это молниеносной победой. Выбрасывая клубы черного смольного дыма вместе с несгоревшим топливом прямо на брусчатку, что образовалась завеса, многотонные боевые машины пошли вперед. Стали перемалывать под своими стальными катками, итак, раскрошенный кремлевский кирпич. Лязг, звон металла, хруст сдающихся конструкций и бесконечный нечеловеческий рев огромных двигателей. Снова весь кремлевский комплекс пришел в движение. На него наступал суровый и мощный противник, а обороняться было нечем. Идея была бесконечно безумна, а ее исполнителей бесконечно мало. Все, что могло пойти не так, обязательно должно было пойти не так. Любая секунда становилась решающей. Это была схватка профессионализма и времени, способностей и реакции, холодного металла и очень горячих яростных сердец, что по одну, что по другую сторону от толстенной катанной гомогенной Харьковской и Ленинградской брони, увешанной коробками ДЗ. Танки больше походили на черепаху, чем на относительно быструю боевую машину. Они величественно въехали на взгорье, образованное битыми кусками стены, и тут вдруг первый из них дал больше газа, перевалившись за стену. Оставил своих братьев позади.

Башня это танка немного повернулась, чтобы быть наготове всадить огромный кумулятивный снаряд во все что

угодно, что встретиться взгляду. «Восьмидесятка» подалась вправо. Как раз на Сенатский. И в этот же момент со второго этажа застрочил пулемет. Прижав приклад к плечу живой рукой, металлическими пальцами Моргана до хруста сжала рукоятку. Очередь полоснула по танку без видимых повреждений. Вдруг что-то взорвалось в районе башни – сработала пластина динамической защиты. Танковый «лоб» оказался слегка открыт. Затем еще и еще очереди. Девушка практически не давала отдыхать пулемету и была в одни и те же места, рассчитывая расковырять еще парочку блоков защиты. Компьютер в ее голове умудрялся очень точно класть пулеметные очереди, компенсировать отдачу и разброс механической рукой.

Завизжала огромная башня. Довернувшись на погоне, она вздернула кверху пушку, нацеливаясь как раз на второй этаж. Мгновение, и Ганс, стоявший совсем не далеко от огромной бронированной громады, выдернул чеку из взрывателя. Кинул шашку в расстояние между катков остановившегося на «короткую», танка. Пошли секунды. Одна, две, три... четвертая. Не хватило совсем чуть-чуть до того, как в недолгий полет до пулеметного гнезда отправилось бы несколько килограммов взрывчатки и медной раскаленной жижи. Рванул тротилковый заряд. И настолько мощно, что вывернуло даже кусок утрамбованного кремлевского кирпича. Фрагменты гусениц разметало во все стороны. Взрывная волна ударила по корпусу, по пушке и приборам наведения.

Некоторые триплексы наблюдения вышибло. На боку танка – небольшой юбке с динамической защитой – взорвались одновременно с десятков коробочек. Сорвало с креплений и инфракрасный огромный фонарь, что был по правую сторону от длинного орудия. Танк остановился под углом сразу по двум осям. Был наклонен к Сенатскому, словно отдавая тому поклон.

Пресловутая пыль не успела улечься. И это было хорошо, ведь на башню заскочил Среда, будто бы тренировавшийся делать это всю свою жизнь. От остальных бронированных машин его силуэт почти полностью скрывался. Однако чужака на башне заметили и застрочили пулеметы. Диме пришлось сползти ниже и укрыться за башней. Броня спасла Диму от пуль. Те, свистя и звеня, отпрыгивали от танковой брони в стороны, прорезая воздух.

С паром начал открываться командирский люк. Среди невероятного белого, странно пахнущего, достаточно плотного бельма по пояс появилась фигура. Она, закашлявшись, схватилась за монструозный пулемет на башне, начав разворачивать его в сторону Дворца. Ганс бросился под остановившиеся катки, чтобы не попасть под горячую руку. А вот Среда наоборот. Встав в полный рост, рукой схватился за огромный пулемет и дернул его вниз. Вырвал его рукоятки из объятий израненных пальцев танкиста. Быстро врезав тому по лицу, Дима взялся за шиворот сырого танкового комбеза, но командир танка вырвался из его рук. Они оба были

уоставшие и измотанные. Их мимолетная драка больше походила на бой раненных гладиаторов, которые очень не хотели бить друг друга, но им приходилось. Каждый раз рука Среды упиралась во что-то мокрое и склизкое. В носу танкиста лопнули сосуды и на лице была кровь. Бурая жижа текла из ушей, покрывала щеки и напитывала черную робу. Танкист же мог почувствовать только небритость и толстый слой пыли, присохшие к коже небольшие гранулы бетона и песка, сальные волосы и подтеки не убранной впопыхах рукавом крови.

— Да не убью я тебя. — выговорил Среда сквозь зубы, схватив наконец танкового командира в захват. Вытянул его из люка наружу, и сбросил с башни в руки Ганса.

Тот быстро, без лишних слов, как настоящий полицейский, скрутил буйного русского танкиста. Связал его руки кусками собственных оборванных рукавов. А Дима влез в люк, с непривычки ударившись ребрами об металл башни. Свалившись как мешок на не очень-то удобную командирскую кушетку, он получил удар по лицу. Но такой, умеренно сильный. Едва собираясь с силами после жесткой детонации почти под днищем танка, наводчик спешно пытался достать пистолет. Тряхнув головой, и увидев того, кто его ударил, Среда потянул танкиста на себя, прикладывая его головой об детали чудовищного по размерам казенника орудия. Тот занимал почти все место в башне. Вокруг могли уместиться лишь несколько снарядов и два человека в очень и очень

стесненных условиях. Среда сюда не помещался. Его макушка, вероятно, торчала бы из люка, если бы он не ссутулился. Приложенный по голове танкист не хотел сдаваться, как и командир. Он оказался даже резвее. Все равно вытащил-таки Макаров из кобуры и направил его прямо в запыленное лицо Среды. Хлестким ударом уведя стол пистолета в сторону, тот выбил его из не самых расторопных рук, снова приложив наводчика об казенник пушки.

Быстро глянув в приборы командира, Дима увидел еще один танк, поравнявшийся с подбитой «восьмидесяткой». Тот уже поворачивал в его сторону свою покатую, с резиновым противокумулятивным фартуком, башню. Черный дульный срез гладкоствольной пушки, казалось, остановился точно между Диминых глаз. Мужчина с поражающей легкостью представил, как из казенника смотрит готовый к спуску с порохового поводка оперенный бронебойный снаряд. Сердце замерло, и Среда прищурил глаза, ожидая залпа. Всего одно движение наводчика, только одно слово командира того танка отделяли его от короткого путешествия прямо к небесным вратам. Дима буквально сидел на снарядах. Все и везде было ими обложено. В танке тесно от этого, как в пороховом погребе. И если лобовая броня могла сдержать удар, то вот бока были практически беззащитными. Это сильно давило на психику, по спине Димы побежали мурашки, а волосы на голове встали дыбом. Его пробил короткий озноб – он не успевал повернуть орудие в ответ, ведь любое его дви-

жение спровоцировало бы выстрел. Но его все еще не было.

Вдруг, из-за не сильно то и мешавших туч, во весь свой пятирублевый размер вышло летнее солнце. В открытый командирский люк, где, прильнув к приборам наблюдения и не дыша, сидел Среда, попали его горячие и яркие лучики, озарившие все вокруг. Их было прекрасно видно в дымке внутри танка. Она была из-за того, что где-то задымился, но не взорвался пороховой заряд в нижнем ярусе танка. Солнце озаряло все, что ему было досягаемо: чуть уставшую от времени и поцарапанную аппаратуру, иссушенную резину наглазников на приборах наблюдения, рычаги, и на несколько раз покрашенные надписи. На соленых капельках пота, что текли с шеи мужчины, лучики сверкали особенно сильно. Как на поляне полной росы. И вдруг, что-то снова на миг затмило небесное светило...

— ...«Гранит-Главный», я «Семь-Шесть», прием, — едва слышно из-за работающего танкового двигателя выдали наушники на командирском шлемофоне. Тот был у Димы на коленках. На секунду запутавшись в нем, тот надел его на голову, слушая переговоры. — У вас что там происходит? Видите это, прием?

— «Семь-Шесть», это «Гранит», что у вас там? — с шипением прозвучал ответ с командного пункта.

Над Кремлем начал нарастать новый, совершенно до этого не появлявшийся, но знакомый звук. Что-то родное, что-то настолько же знакомое, как речь или звуки шелестящего

леса. С груди Среды свалился тот камень, что держал его в напряжении в течении нескольких десятков секунд. Он сразу же понял, что это могло значить только одно. Теперь они в крепости будут не одни.

Медленно поднявшись с командирского места и подняв закопченное и окровавленное лицо в люк, он широко, практически истерично и обессилено улыбнулся. Едва сдержал свои эмоции, чтобы не завопить во все свое горло от радости. На средней высоте, звеном из трех машин, практически полностью закрыли солнце огромные белоснежные металлические птицы. Оставляя после себе белые рассечены на голубом небе над Кремлем, с ревом сразу двенадцати двигателей пролетало звено Ил-76. Белоснежные машины, все, как одна, начали выбрасывать небольшие белые точки. Как одуванчики, когда подуешь на них! Небо наполнялось парашютами – это и была поддержка. Три сотни солдат элитного подразделения Армии сейчас валились с неба на землю. На специальных парашютно-десантных платформах спускалась пара боевых машин и огромные кубы зеленых военных ящиков, обвязанные стропами и системами страховки. Вся эта благодать падала на израненную от затянувшейся «операции» московскую землю. Это была маленькая, но победа!

— Да! – не удержался Среда, трянуv рукой и стиснуv зубы в улыбке. Затем он прожал кнопку на рации, выйдя в общий эфир команды. – Прием, всем. У нас теперь есть кавалерия! Моргана, нам нужен зеленый дым! Мы удержали

Кремль!!!

Пуская из своего небольшого корпуса, больше похожего на пивную банку, зеленый дым, из окошка полетела граната. Она звонко ухнулась о танковую броню и скатилась под гусеницу, еще сильнее начав дымить победным цветом. Это означало, что немецкий спецназ, усиленный одним российским силовиком, свою задачу успешно выполнил. Теперь комплекс переходил под защиту десантников. А ряды танкистов вдруг смялись. Танки закончили продвижение и встали. Застыли, как вкопанные.

— «Семь-Шесть», это «Гранит-Главный», у нас нет радаров. Что вы видите?

— Я вижу с три сотни десантников и легкие гусеничные машины, «Гранит». – недовольно высказал голос. – Какого черта здесь вообще происходит, товарищ полковник? Прием!

— «Семь-Шесть», необходимо продвигаться дальше. – начальник в ответ повысил голос.

— Вижу зеленый дым у подбитого «Семь-Пять». – произнес танкист в эфир. – Продвижение колонны дальше считаю бессмысленным. Больше ребят потеряем, если это противник. Всем «Семеркам», отходим! Конец связи.

Снова приблизившись к приборам командира, Среда увидел, как с его танка убрали прицел пушки. Башня «восьмидесятки» снова встала прямо, вздёрнув орудие вверх. Танк попятился обратно по всему тому разваленному кирпичу и

бетону кремлевской стены. Неожиданный десант перепутал все карты Громовским кадрам. Он был неожиданным, он был молниеносным, и, что самое главное – произвел нужное впечатление. Не каждый захочет идти в очевидный ад, когда с неба сыплются грозные парни в прыжковых шлемах и тельняшках. Танки спасовали. Медленно откинувшись на неудобном кресле командира танка назад, Среда уперся плечами в снаряды и толстый нагретый металл башни. Закрыв глаза, тяжело и протяжно выдохнул, стащив с головы шлемофон. Плюхнувшись на колени, черный шлем слегка громыхнул наушниками. Сверху на него начал капать стекающий с поникшего лица мужчины пот. Диму трясло и надрывало изнутри. Все было на ниточке, на волоске от гибели, но они сдюжили и справились. Придя в себя от этой мысли, он потер переносицу, не открывая глаз. В голове была лишь одна мысль – чтобы этот чудовищный грохот газотурбинного двигателя наконец затих, и стало снова тихо. А то уже голова болела от всего этого акробатического круговорота с фанфарами из взрывов танковых боеприпасов.

И будто по велению золотой рыбки, или старика Хоттабыча, его желание сбылось. Танк не сразу, но затих. Не понимая, и насторожившись, Среда открыл глаза, медленно поводил ими из стороны в сторону, проверяя, было ли это на самом деле.

— Заглох что ль? – спросил он сам себя, не двигаясь.

— Я заглушил. – раздался откуда-то голос.

— О, кто таков?! – глухо и быстро бросил Дима. Приподнялся со своего места, и посмотрел на наводчика, отключенного двумя ударами лбом в казенник пушки. – Кто это сказал?!

— Это я.

— Действительно. – пожал плечами уставший мужчина. – И где это «я»?

— Я здесь.

На секунду замолчав, Среда потер лоб закопченными пальцами с сухой кровью на них. Доводы голоса были в принципе логичны. Он же был «здесь», и он был «я». Все ведь правильно! Но это добавляло какую-то идиотскую нотку в, итак, не самый понятный разговор.

— Логично. – сухо выдал Дима. – Кто такой?

— Младший сержант Артем Коновалов. – представился тот. – Я механик-водитель захваченного вами танка. Добрый день.

— А главное – вежливый. Даже поздоровался. – расслабился Среда, снова глубоко выдохнув. – Но мне таки не нравится слово «захватил», которое ты сумел так невзначай обронить. Друже, мы его просто реквизируем. Это пиратский термин.

— Странно, вы по-русски говорите... – будто бы случайно сказал тогда мехвод. – Говорили, что тут могут быть иностранцы.

— Ну, только приятные взгляду. – ухмыльнулся тот. – Я

русский. Ну, на половину еврей, на половину немец, но это еще от прадеда идет. Я подполковник ФСБ, товарищ младший сержант. Но ты можешь звать меня Димой, Дмитрием, ну или просто Среда.

– Это позывной? – спросил Артем.

– Это фамилия. – последовал слегка обиженный ответ.

— А что здесь делает ФСБ? Почему вы подорвали наш танк? Может быть это просто дезинформация, и вы мне откровенно врете. Мы ведь проводим одну операцию? Против вероятного вторжения иностранных военных на территорию Кремля? Нам необходимо выполнить боевую задачу, а теперь все смешалось в какой-то винегрет!

— Попробую объяснить все, что видел сам. – пожал плечами Дима. – Иностранные военные здесь были, но я думаю, что это была скорее какая-то частная военная конторка, которая должна была вытащить кое-что очень важное из Кремля. Наша же задача была в том, чтобы обеспечить оборону подземного комплекса и периметра крепости. Мы расчищали путь для десанта, и вот – он сыпется нам на голову. Ура?

— Но при чем тут мы – танкисты? – спросил мехвод. – Почему нас отправили сюда, если здесь уже были вы. Почему нам пришлось вступить в бой? Это все еще звучит как страшный бред. Уж простите меня, товарищ подполковник.

— Потому что единого центра управления больше не существует. Нет его! Сейчас все решается отдельными командирами и сцепками этих командиров. С чего бы танкам было

вообще выходить на площадь тогда, во время забастовок? С чего бы им было начать стрелять по Кремлю? Откуда пришла информация об иностранцах здесь? Сейчас есть сразу несколько заинтересованных человек, которые хотят, чтобы Кремль достался в их руки, потому что под ним пульт управления всем ядерным щитом нашей Родины, Артем. Кто командовал всей вашей ватагой? Громов? Он же сумасшедший националист с риторикой ядерного холокоста! Я бы его не подпустил даже к шариковой ручке на пушечный выстрел, но наше мудрое правительство решило, что раз человек поддерживает идеалы «национального государства» и «русского мира», то он будет хорошим военачальником. Бред, да и только. Я вообще голосовал за коммунистов, хотя и они уже давно не показатель. Мир скатился к хаосу, во времена, когда танки двумя улицами дальше разносили Белый Дом за сигареты «Парламент».

— Да, Громов был на передовой. – задумчиво ответили спереди, растягивая слова. – Уже голова кружится. А еще в ушах звенит – бахнуло, так бахнуло. Что это было? Будто на мину наехали.

— Сунули тротилтовую шашку меж катков. – усмехнулся Среда снова, положив руку на казенник пушки. – Ты, Артем, вроде бы не самый дурной парень, рассуждаешь здраво. Сейчас армия представляет из себя лоскутное одеяло, которое еще пока пытается казаться цельным. Потери на Каспии, поджигающее из-за Германии НАТО на западе. Что

это, если не всполохи новой мировой войны? Сейчас страшно необходимо, чтобы оружие, способное разрушать города, даже не касаясь земли, не попало в руки такого, как Громов. Посмотри вокруг – разве это было нужно?

— На эмоции давите. – будто бы расстроено вздохнул парень. – Не пройдет.

— Все покажет только время. – мотнул головой Дима. – Я просто хочу, чтобы ты видел различия, между теми, кто давит людей на площади танками, и теми, кого давят. Ты наверняка видел все это сам, Артем. Помни, кто отдавал вам приказы?

— А кто отдает их вам? – последовал неожиданный вопрос.

Среда несильно улыбнулся, снова посмотрев в небо. Не ответив, он слегка высунулся из люка, оглядевшись по сторонам. Купола парашютов были уже настолько близко, что можно было рассмотреть каждого из парашютистов детально. Некоторые уже были на земле. Грохали об земную твердь и платформы с техникой, десант отцеплял пару БМД от страховочных строп, в них садились экипажи. Казавшаяся безлюдной территория московского Кремля снова оживала. На ней суетились, на ней шевелились и работали. Это было, наверное, обыденно, слишком привычно только что сошедшим с неба солдатам. Они отработывали это по многу раз. Но для успевшего повидать здесь страшные картины Димы это было просто праздником. Он несколько секунд, с нескрыва-

емым удовольствием на лице, рассматривал полосатых воинов, словно игрушечных солдатиков. Как их выглаженная пятнистая форма на них сидит! Как строги и отработаны их движения!

— Сейчас сам все и увидишь. Прогуляемся?

Поднявшись на руках из командирского люка, Среда вылез на броню. Еще раз повернувшись вокруг и осмотрев все, что было до этого только в его кошмарах, он тяжело вдохнул пропитанный кирпичной пылью воздух, и на мгновение закрыл глаза. Что-то заерзло с боку от него. Заскрипело, забренчало. Закопченный и запыленный красно-белой крошкой люк механика водителя подался вверх, открывшись. Оттуда показалось совсем ребячье еще, кажется, личико. Дима даже слегка усмехнулся, утерев рукавом потный лоб. Круглое, с маленькими карими глазками – лицо поглядело на высоко стоящего человека на башне, и отвернулось. Но парень оказался широкоплечим, коренастым. Сразу видно танковую подготовку. Дергал рычаги он умело, а значит и мышца под черной танковой робой была. Выдохнув, и присев на броне, протерев глаза, Артем потянул за одну из лямок свой танковый черный шлемофон. И тут произошло что-то очень необычное. Из-под жесткой ткани показались рыжие, как языки пламени, достаточно сильно отросшие волосы. Они сверкали, видимо еще и из-за того, что отдельные локоны, словно клей, скрепил воедино пот. Было жарко, а в танке так и вовсе – печка. Вот и вспотел парень.

— Рыжий, рыжий, конопатый... – усмехнулся Среда, устало прыгнув на землю.

— А что, рыжий это плохо? – поинтересовался парень, так же встав на брентную кремлевскую землю, осмотрел танковую гусеницу. – Сильно задело, но поправимо. За пару часов, думается, можно будет подлатать нашу лошадку.

— Отлично, если так. – махнул рукой тот. – А то, что рыжий... Нет, не плохо. У меня дочка младше тебя лет на семь-восемь. Такая же точно. Только... Волосы подлиннее.

— Я думал ваши дети будут старше меня. – задумался тут танкист.

Среда остановился, повернулся на него и поднял одну из бровей, спросив:

— Я что, настолько плохо выгляжу?

— Честно, тяните лет на пятьдесят. – пожав плечами высказал Артем. – Возможно из-за усталости, там, пыли... У вас морщины.

— Елки-палки, дожил... – отвернулся Дима, снова зашагав к Сенатскому. – Я родился, когда огромный медведь в небо на шариках улетел! А тут – пятьдесят...

Мотнув головой, и все еще пытаюсь переварить эту информацию, Среда на мгновение снова остановился. Затем опять мерно зашагал, прихрамывая, к самому Дворцу. Идти было не далеко, однако, по перепаханной взрывами брусчатке, что рассыпалась под ногами, по кускам бетона и кирпича, штукатурки и вылетевшего из внутренностей огромного бе-

лого здания золота, было непросто. Все равно, что пытаться пробраться через горную тропу. А когда на пути попадались еще и обломки с арматурой, то не трудно было представлять еще, как на пути к горной вершине встают почти непроходимые тернии. Вот какой был сейчас вход. Все рушилось, все разваливалось. Но... держалось.

На пути попался Ганс. Опустив голову, немец устало брел по направлению к выходу, и чуть ли не врезался в Диму, не увидев того на пути. Все устали, и такое было не исключено. Слегка пихнув товарища ладонью в плечо, Среда заставил его остановиться и все же посмотреть на ту преграду, на которую он наткнулся. Сообразив, немец глянул сперва на товарища по неприятностям, напряженно поморгав, а затем перевел взгляд на рыжего парня рядом, что был Среде по плечи. Коротенький, коренастый. Такой себе боевой «шкафчик», с закопченным круглым лицом.

— Ганс Груббер, привет. – протянул руку он для знакомства, выговорив на родном языке.

Артем слегка отпрянул назад, как от чумного. Поднял глаза на уставшего немца. Тот в ответ коротко глянул на свою руку, но так на ней ничего криминального и не найдя, снова «повесил» ее в воздухе, ожидая того, как парень ее пожмет.

— Иностранец... – испуганно протянул танкист.

— Немец, если быть точнее. – слегка помялся Дима, прищурив один глаз. – Давай, парень, не упрямясь и пожми ему руку, он же не понимает по-нашему.

— Но вы сказали, что тут нет иностранцев! – Артем бросил на того недовольный взгляд.

— Я сказал, что тут только приятные взгляды.

— Этот не очень приятный...

— Он просто устал. И он не любит ждать.

— Дима, его что, контузило? – вмешался в диалог Ганс. – Он что такой долгий?

— Ты ему не нравишься. – честно ответил Среда.

— Ах, вот как. – наклонил голову немец, пристальноглянув на закопченного парня. – Я что, настолько плохо выгляжу?

— Я спросил у него про себя то же самое. – пожал плечами мужчина. – Представляешь, он дал мне пятьдесят! Это ни в какие ворота не лезет!

— Их б... бин Артем, я? Э-э-э... – попытался парень, собирая в голове обрывки устоявшихся немецких фраз и выражений. – Э-э, ну вот, Артем. Гитлер капнут.

Воцарилось неловкое молчание. Мигая глазами в унисон, Среда и Ганс стояли практически не шевелясь. Они смотрели на парня, который изо всех сил пытался вспомнить еще что-нибудь, но тут его за плечо схватил Дима, слегка тряхнув.

— Так, я думаю он тебя понял.

— Я просто...

— Ладно, он мне уже нравится. – улыбнулся Ганс, пожав плечами. Он повернул ладонь на девяносто градусов, чтобы

парень дал ему «пять». Когда тот замахнулся, немец убрал руку, подмигнув. – Не успел! Так, тебя найти же просили. И вот, я, теперь уже вас, нашел. Там оборудуется что-то вроде штаба. Ульяна уже рвется в бой, так что давай, не задерживайся здесь.

— Ты уже нас задержал. – растянул улыбку Дима. Повернулся к Артему, перейдя на привычную ему русскую речь. – Пойдем-ка, дружок. Нас уже, оказывается, ждут.

По широкой винтовой лестнице, с запыленным красным ковром парочка быстро поднялась на ярус выше, начав вышагивать по коридору в поисках тех, кто их искал. Среда знал, что он нужен был непосредственно Ульяне, ну или как минимум Грузу, который был сейчас у нее в статусе правой, и очень нужной руки. Еще бы – бывший сотрудник КГБ. Димин отец рассказывал о нем, почти не переставая. В голове юного Среды тогда выростал подобный скале образ, вытесанный из гранита торс, благородные и грубые черты лица, строгий взгляд и обязательно, почему-то, мужская небритость – это когда о полноценной бороде говорить было еще рано, а вот волоски на коже щек и подбородка уже имеются. Таким Груз был в голове Димы, но и реальность не сильно отстала. Мужчина почти соответствовал. Настоящая советская БМП, заключенная в человеческом теле.

Именно он первым и попался на пути. Шел в паре с Морганой, которая тащила в металлической руке пулемет без боезапаса. Сам же огромный ящик с патронами тащил старик,

который суровым отеческим взглядом встретился с Димой, и не смог коротко разминуться. Все смотрел и смотрел, прожигая. Он это умел, это было его профессией когда-то: внушать страх одним своим существованием. Но, несмотря на это, Груз улыбнулся. Запоздало, конечно. В тот момент как его губы начали движение, Моргана уже поставила пулемет на сошки и подошла к Диме, крепко обняв его и прихлопнув по шее.

— Ты безумец. – не скрывая радости проговорила она, почти у самого его уха. – Мы справились! Мы справились...

— Без тебя бы не сработало. – глянул ей в электронные глаза мужчина, расплываясь в радушной улыбке. – Спасибо, что помогла.

На мгновение по спине снова пробежали мурашки. Но на этот раз Дима знал, что ему не угрожает опасность. Это было приятное чувство, вообще не идущее ни в какое сравнение с тем адреналиновым штормом, которое он пережил в бою. Медленно, его руку легонько сжали металлические прохладные пальцы. Девушка все не хотела отводить взгляд от его глаз. Она все так же стояла и несколько секунд смотрела точно на него. Медленно начала расплываться в едва заметном румянце. Хотя, может это была просто красная кирпичная крошка, в которой они оба были по самые уши? Кто же знал! Дима мог бы, но не стал предполагать, что она сейчас думает. Пусть для него это останется загадкой. Что-то не сильно екнуло в груди, сердце на секунду сбило ритм. В этот момент

девушка несильно подалась вперед, утыкаясь в него, медленно обжимая руками за грудь. Среда же осторожно снова коснулся ее, так же обнял. Он почувствовал, как женское тело потряхивает от стресса. Медленно, стараясь не выделять свои движения из общей плавности, поднял руку к ее шее, медленно прикладывая пальцы. Пульс был достаточно высокий. Девушка все еще очень сильно волновалась.

— Все в порядке. – медленно сглотнув, сказала она и отошла шаг, опустив руки. – Просто, немного волнительно все это.

— Да уж. – рассмеялся Среда. – Совсем чуть-чуть...

— Отлично справился, подполковник. – скупно выдал Груз, все еще держа в руках патроны.

— Вы вовремя прибыли. – кивнул тот. – Еще бы немного, и нас бы с ним вот, – указал на чумазого танкиста в стороне. – Уже бы не было. Размазали бы выстрелом по всей «коробочке».

— А-а-а... – протянул старик тогда, переведя суровый взгляд на танкиста. – Младший сержант Коновалов. Слышал я о тебе от твоего командира. Поговаривают, что ты бываешь большим молодцом?

— Было один раз. Сейчас же ничего уже не знаю. – пожал плечами мехвод.

— Ничего, разберешься, если голова еще на плечах. – перехватывая патронный ящик одной рукой, другой Груз поднял с пола пулемет. – Моргана, я донесу куда нужно. Прово-

ди парней, а то там скоро уже гроза начнется.

— Рвет и мечет? – усмехнулся Дима. – Да, бывает у нее такое. Скажем, что в пробку попали.

Они прошли по белым, но закопченным огнем танковых орудий коридорам. Повсюду люди в тельняшках и бронежилетах – денек выдался не на шутку жаркий. С каждого бойца сходило по семь потов. Полосатые рубахи были насквозь мокрыми. Пока была минутка заминки, десантники укрепляли свои позиции. Заделывали окна мешками с битым камнем, песком, и прочим. Большие щели забивали дощатыми дверями, столами и обломками диванов. Оставались только небольшие бойницы, на пару – тройку стволов, что должны были оттуда работать по наступающим войскам. Все было как в муравейнике, схвачено и действовало. Все работали не покладая рук. Не успев отметить хорошую организаторскую работу, Среда чуть не врезался головой в железную, привариваемую бойцами прямо к оголенной арматуре, балку, что должна была сдерживать фасад от селевого сваливания. Дальше были еще и еще такие «крепления». Здание сильно потрепало, но оно еще держалось. Строили на совесть. Большие провалы в стенах, огромные развороченные и вырванные окошки заваривали железными листами, превращали участки проходов в настоящие доты, с несколькими слоями мешков с песком и железа. В одном из таких, прямо по среди бывшего коридора, что был разделен укрепленной капсулой «надвое», слышался знакомый голос и отчетли-

во врезался в нос запах табака.

— ...И чтобы каждый квадратный метр был укреплен! Товарищи, мы здесь надолго. – подытожил суровый голос. – Кремль не должен уйти из-под наших ног.

Ульяна появилась в полный рост в коридоре. Она вышагнула грациозно, практически не заметно для глаза. Скупоглянула на приближающуюся троицу из Среды, Морганы и новенького закопченного танкиста, что встал в ступор, при виде такой картины. Уже привычно сжимая губами папиросу, Ульяна быстро выдохнула дымом носом. Не вынимая окурочек изо рта, снова глубоко затянулась.

— Не думал, что буду настолько рад тебя здесь видеть. – наигранно скуповысказал Среда, сделав шаг вперед.

— Изо всех сил я старалась здесь не оказываться. – та выкинула окурочек в завариваемое окно, на мгновение глянув в сторону Универмага, что был точно через Красную Площадь от Кремля. – Но, теперь пусть попробуют выбить меня отсюда. Мы обломаем этой твари все его зубы. Как прошла зачистка?

— Не без отдельных эпизодов идиотизма. Могу я пообщаться с тобой лично?

— Конечно можешь. А это?.. – повернула взгляд на танкиста Вирхова.

— Младший сержант К-коновалов, товарищ Гвардии генерал-майор! – запнувшись, но выправившись по стойке «смирно» протараторил тот.

— Не бойтесь, воин. — неожиданно для всех, она улыбнулась. И улыбка ее слегка подвинула ужасный шрам на половину лица. Оно на мгновение стало добрым, но затем снова вернуло своё привычное, жесткое и грубое выражение, больше похожее на вытесанный из скалы лик. — Сегодня на мне нет формы. Только вот это вот недоразумение, — она тряхнула широкими рукавами цветастой олимпийки. — Нет смысла сейчас высказывать к моему положению, раз уж для всех я считаюсь сейчас лишь кормом червям. Пусть, здесь так и будет. Сейчас я всем друг, боевой товарищ, помощник и опора. У нас здесь нет начальников, но вот жесткая вертикаль власти — другое. Вы отличаете одно от другого, товарищ Коновалов?

— Но вы ведь... — попытался танкист.

— Я стараюсь быть лидером, примером для солдат, а не тем, кто причитает их за форму обращения. — сразу ответила на будущий и очень верный вопрос от солдата та, опередив его на целый ход. — Вам есть что сказать мне сейчас?

— Разве что несколько вопросов, товарищ... — замялся Артем.

— Товарищ. Этого достаточно. — снова легко на мгновение улыбнулась она. Среда свел руки на груди, а Морган едва слышно почесала подбородок, скосившись на Вирхову. — Я думаю, скоро найдутся ответы и без вопросов. А пока, прошу: отогнать от линии соприкосновения все сорок шесть тон Ленинградского металла, починить, заправить и

дать мне полный отчет о боевом состоянии машины. Пока вы свободны, танкист.

— Но... – простодушно сделал шаг вперед тот.

— Свободны. – прибавила тон Ульяна, снова выходя на тот командирский говор, который был ей присущ в некоторых моментах. Она умела говорить и как обычный человек и как матерый командир, и лихо могла жонглировать собственными образами. Только вот не всегда, когда требовала обстановка. – Вы! Что вы мне расскажете?

— Хотел бы немного пройтись. – сухо ответил Среда.

— За гуляние мне не платят. – зашуршала олимпийкой та.

Цокнув, Дима сунул руку в карман и достал оттуда пару мокрых купюр, с отсутствующим и абсолютно без эмоционального выражения лица протянул их Вирхвой. Та немного опешила от наглости. Повела челюстью и сцепила руки в замок на груди. Пристально поглядев сперва на уставшего и засыпанного белой пылью с ног до головы мужчину, а затем на точно такую же грязную и измученную Моргану, у которой появились едва заметные темные круги под ее электронными глазами, что скрывались за очками, Ульяна наконец распустила руки, слегка смягчившись. Движением кисти она отвела от себя деньги, прошептала что-то совсем без звука, что Среда едва ухмыльнулся этому. Сняла с плеч цветастую кофту, повязала ее на поясе и закинула за спину длинную винтовку Драгунова. Помяв кулак и слегка хрустнув пальцами, она двинулась на встречу к паре. Сделала от них пару

шагов и остановилась:

— Чего стоишь? Сам предложил прогуляться.

— Случился небольшой, совсем маленький, практически малозначимый эксцесс, который наверняка никак не повлияет на мировые устои, нашу экономику и политику, распределение властей и...

— Так, что с президентом? – догадалась Вирхова, когда рядом с ней, обычно короткий в своих докладах Среда решил расплыться на целую речь. – Он был в Кремле, да?

— Ключевое слово «был». – заметил тогда тот, разведя руками, и уже ожидая целые цепочки из мата со стороны Ульяны, но та оказалась немногословной. Она молчала. – Пока мутузил одного из наеБников, шальная пуля угодила ему ниже затылка, и выбила трахею, вместе с двумя шейными позвонками.

— А я-то думала, что гарнизону выдали новую форму. – вдруг ответила Вирхова. – Еще подумала, какой ужас – бронжилеты на рубашках. Абсолютная копирка западных манер. А все оказалось куда проще. Сколько было наемников?

— Тебя совсем не волнует президент? – спросила наконец Моргана.

— Я голосовала за коммунистов. – хладно развела руками та, заворачивая за поворот, где снова солдаты в тельняшках возводили бесчисленные нагромождения укреплений и баррикад в окнах, заделывали разбитые стены наскоро разведенным раствором из штукатурки со вскрытых кремлевских

запасов. – Да и в современном мире один человек уже давно ничего не решает. Великий гарант на деле оказывается просто шестеренкой в очень узком и противном механизме вращающихся банкиров, нефтяников, олигархов и прочих прожигателей жизни, что используют труд простого люда, чтобы наживаться. Отвечая на вопрос – совершенно не волнует. Сейчас нужна военная сила, это как никогда важно. Удержать Кремль, не дать запустить ядерные боеголовки свихнувшейся на националистической почве кабинетной крысе – вот что сейчас меня волнует. И президент был бы обузой. Думаешь, он нужен другой стороне? Мне кажется, что он бы только помешал Громову. Конечно, – будто разговаривая сама с собой, Вирхова вообще не смотрела на идущих рядом соратников. – Он бы использовал его отпечаток для чемоданчика, облегчил бы себе жизнь. Но, теперь некому прикладывать руку к нему, так что мир стал слегка безопасней, а наша работа здесь – чуть более выполненной. Кстати, что сейчас с оборонными центрами?

— Если бы ты сказала, что мы будет выходить в один из них, – злобно усмехнулся Дима, остановившись на месте. – То он таки был бы более целый. Знаешь, один здоровый немец, килограмм так под сто пятьдесят...

— Сто пять. – шепнула ему Моргана.

— ...килограммов так под сто пять очень любит бить из нашего пулемета, пока лента не кончится. И ему очень повезло, ведь мы вышли в осиный улей. Теперь можно мака-

роны через все те сервера сжеживать, все равно толку будет больше.

Вирхова поглядела на Моргану. Та, вздохнув, поежилась на месте. Все-таки пристальный взгляд прожжённой боями леди был очень и очень суров, когда падал на кого-то конкретного. Жизнь ли, знакомые чекисты ли, но ее обучили проедать людей глазами. Даже когда она этого не хотела – у нее получалось сурово. Под этим взглядом ломались многие, шли у нее на поводу. Ей не нужно было ничего говорить, даже намекать – обычно понимание приходило само собой.

— Полную систему восстановить не смогу. Точно не в этой жизни. – Моргана на мгновение задумалась. – Могу попробовать какой-то конкретный аспект обороны. Как посмотрела, вроде бы не особо задеты части, что отвечали за противовоздушную оборону. Самые задетые были системы противоракетной обороны, я боюсь их вообще не восстановить. Приблизительный прогноз: около трех-четырех часов на базовые аспекты вроде радаров и систем обнаружения. Двенадцать часов, чтобы наладить систему пуска и перезарядки ракет в комплексах. Но, их бы для этого найти сперва. И ракеты, и комплексы.

— Прикроем воздух, хорошо. Но Громов – «Бог Войны».

— Твоя правда, Среда. – согласилась Вирхова. – Воздух нам грозит не столько, но все же прикрыться стоит. А вот ракеты... Даже не знаю, какой бы зонтик найти на этот «Град». Зато знаю, где найти кое-что другое.

— И что же это?

— Так, самую малость. – хитро прищурилась Ульяна. – Пару советских цветочков. На могилку Громову.

...Через несколько минут белоснежные холлы с кучей солдат и баррикад сменились сырыми, пахнущими сыростью подвалами Кремля. Спуск сюда не занял много времени, зато вот разница была кардинальная. Фактически небо и земля. Пусть и большие, но все-таки достаточно стесненные коридоры Сенатского сменились огромными ангарными потолками с кучей толстых, по несколько метров в диаметре колонн, что держали весь грунтовый массив на себе. Здесь были целые склады – стратегические запасы провизии, медикаментов, строительного материала, боеприпасов и вооружения. И среди этого, Ульяна выбрала самый длинный путь к дальнему, наиболее темному помещению. За стеллажами оказалась мощная металлическая противоядерная дверь на две створки, которая уже была вскрыта десантом. Естественно, Вирхова сперва послала разведку – узнать, что же прячется под брусчаткой Кремля. И пряталось там что-то очень большое, такое, что не затащить в такие немаленькие, шесть метров шириной, но все же недостаточные гермоворота.

— Раньше здесь были танки. – с долей гордой улыбки высказала Вирхова. – Советский бронетанковый щит. Последний оплот на случай ядерной войны. Здесь были «Грады», здесь были «Смерчи». А сейчас так, – она схватила за кусок пыльного брезента, который прикрывал какую-то совет-

скую металлическую громадину. – Цветочки...

Из-под ткани показалась невероятных размеров металлическая кабина. Сперва Среда подумал, что это был танк, гусеничная машина, вроде МТЛБ, или БМП, но нет, гусеницы эти были не для танкового, ой не для танкового, калибра. Сразу над кабиной, на которой был боевой парадный раскрас, видимо еще советских времен, раз и серп, и молот, и красные знамена, оказался длинный, в несколько человеческих ростов, необъятный ствол, что мог стрелять, казалось, напрямую смертью. Именно этим словом можно было характеризовать те пятидесятикилограммовые снаряды, что запускал этот гобой.

— Вот такие вот калоши выпускал Советский Союз... – Вирхова выбила из пачки папиросу, и закурила ее, не поворачиваясь к ошеломленной увиденным паре из Морганы и Димы. Те стояли молча, удивлённо глядя на эту грудку железа.

— «Пион». – сглотнув, выдала девушка. – Двести три миллиметра, сорок семь километров.

— Мы там десантировали одну «Нону». – выдохнув сизый дым, сказала Ульяна, повернувшись. – Думаю, мы сможем пересадить экипажи на это орудие. Благо, тут есть все нужные мануалы, инструкции и указания. За сутки, наверное, сможем подготовить еще два экипажа.

— Сколько их тут? – наклонился в сторону Среда, посмотрев на то как за головной машиной в шеренгу стояла еще

пара.

— Три. – сухо ответила Вирхова. – Хватит, чтобы ошарашить. Деморализовать... И уничтожить.

— Три Брежневских органа, танк, две БМД и три сотни человек. – почесал затылок Дима, обойдя Ульяну и оперевшись на самоходное орудие. – ...И все равно маловато. Сюда б еще батальон, желательнее с орудиями, танками. Я все понимаю, что каждый готов умереть здесь, но все равно, может мы что-то пропустили?

— А не нужно пока здесь умирать. – переменялась в лице та. – Смерть – слишком легкий способ оставить позиции. Каждый мой солдат должен жить столько, сколько он сможет, а затем столько, сколько потребует задача. Если ты умрешь, кто будет выполнять твою задачу? Мы обороняемся, не нападаем, а значит у нас больше шансов закупорить бутылочное горлышко и меньшими силами. Наша задача – задержать врага, подарить еще пару, да пусть даже один день. Два, час, пол чертового часа. Кто, если не мы, выполнит это?

— Фермопилы... – помотала головой Моргана.

– Значит сомкните щиты. – суровым голосом, почти приказала Вирхова. – И приготовьтесь ко всему, чему только можно! Я не хочу, чтобы вы – цвет моего отряда здесь – раскисали, как бабы. Соберитесь. И возьмите себя в руки. Если мы не справимся, на что тогда все эти жертвы? Зачем тогда нужно было оплакивать Берлин, если теперь ядерная бомбардировка может стать делом считанных минут в изменяю-

щемся мире? – поглядела она на Моргану, которая немного побледнела, явно вспомнив, как в ядерном огне сгорели ее дома, ее улочки, ее город. Девушка поняла, что теперь сгореть может и ее страна. – Зачем тогда нужно было терять людей на Кавказе, Каспии, зачем нужно было это все, если мы не справимся? Зачем тогда жил твой отец, Дима, бредивший миром для нас всех?

— Умеешь убедить. – сглотнул очень и очень острый и неприятный ком в горле тот. – ...какие будут приказы?

— Моргана: восстановить ПВО, и проконсультировать моих саперов, как снести к чертовой матери все штольни в бункер. Мы похороним там и чемоданчик, и головной комплекс. Останется только тот, что в поверхностной зоне. – пальцами с зажатой меж ними сигаретой указала она на девушку. Та кивнула. – Дима: отвечаешь за возможные оперативные мероприятия вне Кремля. А это нам понадобится. С немцами вы уже сработались, они будут нашим авангардом за стенами. От меня ни на шаг, как тень. Где я, там и ты. Груз тоже будет с нами. Если погибнем, и я и он – командование операцией переходит под твой контроль.

— Но ты ведь не погибнешь? – с некоторым трепетом сказал тот, все же язвительно ухмыльнувшись, в своем стиле, чуть показав клык на верхней челюсти. – Тебя ведь не берут пули, черт возьми...

— Я всего лишь человек. – скупой ответила та, поглядев ему прямо в глаза. – И если моя жизнь окажется на алтаре

победы... То я приму это с честью и гордо поднятой головой.

Слова были излишни и все это понимали. Еще раз переглянувшись и неумело помявшись в осознании того, что бойня будет очень и очень тяжелой, троица покинула подземные катакомбы и на время забыла про те подарки прошлого режима, что ждали под кремлевским асфальтом. Они должны были стать не обыденностью, не выщелкнутой точной артиллерией противника обузой и грудой металла. Три чудовищных ствола были последним козырем в рукаве обороны. Найти командный пункт, пути поставки танков и снарядов, и уничтожить их одним залпом. Но пока не было известно ничего. Фактически, еще пока не было даже обороны, и потому Ульяна остановилась на пол пути к главной Кремлевской башне – Спасской. Быстро надела на глаза темные дымчатые, очень старомодные, квадратные очки, и поглядела на обрушающуюся конструкцию курантов. Цифр и стрелок не было, не было части золотого кольца циферблата, множества башенок. С верхушки рухнула красная, потрепанная временем, стеклянная звезда, что сейчас лежала перед стенами. Ее было видно, она упала вместе с куском зеленой острой крыши, превращенной в кучу пыли. Страшное зрелище. У Вирховой сердце обливалось кровью, когда она видела свои символы на земле. Она поморщилась, фыркнула и отвернулась, подозвав к себе жестом руки одну из авиадесантных «коробочек». Грохоча катками по вывернутому с корнями грунту и расколотой брусчатке, к ней послушно, будто до-

машиня собачка, подкатилась многотонная боевая машина, задрал орудие. Быстро козырнув к голубому берету, с брони прыгнул человек в чинах. Один из командиров десантников.

— Костин, – так звали его, и Ульяна обращалась к нему безо всяких «товарищ» и званий. Он был для нее другом. Да и сейчас мог оказаться выше опальной генеральши по ее советскому лейтенантскому чину. Боевой майор, побывавший на Кавказе. – У нас три роты десантников, и наша задача удержать все это великолепие. Предложения?

— Основной удар скорее всего придется с Александровского сада. Самое удобное для наступления место. В меру прикрытый плацдарм, здания, из которых могут работать пулеметы и снайперы. Менее удобное: прямой удар в Угловую Арсенальную башню – вот здесь. – Костин показал на карте своими грязными, в масле, руками. А кто сейчас был чистым? – Самое неудачное направление, пожалуй, через площадь и от бывшей «России». Точно не станет атаковать со стороны реки – танкам там не протолкнуться. Сразу сможем их там раздавить. Подъем, плюс стена. Я ставлю на то, что удар придется со стороны Сада.

— Ставки слишком высоки для ва-банка, не считаете? – вмешался вдруг Среда, повернув на себя, все время желавшую улететь на дуновениях ветра карту. Тогда он положил на ее угол автоматный магазин. – Я бы не стал ставить на Александровский. Тут черт его знает, куда придется удар.

Везде «открытка», кроме разве что набережной. Там прорыва точно не жди, можем хоть голыми ходить, задницами трясти. Но Громов явно торопится, сразу бросил в бой танки, велел им наступать на десант. Не думаю, что он примет хладнокровное и гениальное решение сейчас. Оно будет быстрым, тупым и банальным. Это и страшно.

— Почему же? – снова закурила Ульяна. Она почти всегда была с сигаретой во рту. Некоторые поговаривали, что она даже с парашютом прыгала обязательно держа в зубах окурочок. Но были и слухи, что такое было не всегда. Никто не знал правды о ней. – Не стоит недооценивать противника, ни в коем случае.

— У него большее число людей. Превосходство в небе, на земле и в связи. – развел руками Среда, оглядев всех немного не понимающим взглядом. – Я ставлю на то, что он пойдет на прорыв, либо через Сад, используя максимум танков, либо снова через площадь, снова используя максимум танков. Шах. Нам почти нечего ему противопоставить. Он наверняка знает, что вход в интересующий ему комплекс находится на территории Дворца. Он спешит, и ему незачем с пеной у рта тратить солдат на каждый отбитый метр со стороны Сада. Мат. Он истеричен, фанатичен, и он думает, что перехитрит нас своей тупостью. Думает, что мы будем рассуждать, как военные, как тактики, а он просто бросит бронетанковый кулак на открытом направлении, при том фактически ничего не теряя. Почему я так думаю? – показал он рукой на от-

таскиваемый двумя бронемашинами еле-еле танк, около которого суетилась маленькая фигурка чумазого Артема. – А потому что он уже так сделал!

Шевельнув губами, Вирхова переместила окурочек с одной стороны на другую, слегка почесав подбородок. С секунду подумав, она глянула вдаль, на огромную пробитую брешь в стене. Это тоже было знаком. Здесь проход был фактически открыт – входные ворота для целого танкового дивизиона. Их будто приглашали войти! Вот они: все десантники, все кишки Кремля как на ладони, только приди, да и возьми. Кто тебя остановит? Пара метров колотого кирпича и жалкие триста «спартанцев» в тельняшках. Чего тебе бояться, Громов?!

— В этом есть здоровое зерно. – заключила Вирхова, поднимая с глаз очки. – Согласна. Разделимся «три на два». Меньшая часть уходит на сторону Сада, там оборона будет так себе. Пусть их форпостом станет Арсенал, удара в спину там можно не ждать. Они – наше подспорье, если станет туго и буфер на случае удара от Сада. Большая часть оседает здесь, в Сенатском. Вся командная верхушка здесь же. Я хочу, чтобы командиры были около меня и реагировали на приказание без колебаний. Протянуть кабеля из резервов, нам нужна связь между постами. Они включают, если еще не включили, глушители сигнала, комплексы радиоэлектронной борьбы и перехвата. Моргана, – повернулась она к стоявшей до этого молчаливо девушке. – На тебя ложиться

еще и организация минирования этого чертового коридора, который проделали танкисты. Я хочу, чтобы через него было не прорваться. Хочу, чтобы каждый метр этой ебаной земли был заминирован! Костин, на тебе снабжение боеприпасами и провиантом. Еще мне нужен отдельный взвод, собери самых достойных людей, и найди им командира. Их задачей будет занятие Собора на Площади. Он стоит тут, считай, посреди, как осадная башня – там будут несколько расчетов ПТРК. Комплексы есть на складах. Там их достаточно на первое время. Но... – на мгновение замолчала она. – ... постарайся собрать холостых...

Эта фраза пусть и была тихой, даже неожиданно тихой для того монолога, что развернула Вирхова, но она была раскатом грома в своем смысловом содержании. Все понимали, что это значило – оттуда не было возвращения. Это самая, что ни на есть, передовая. За стенами, за кордоном, там, где не будет защиты братьев по оружию, и десантники окажутся сами по себе. На такую работу требовались те, у кого не было бремена семьи или детей. Те, кто был бесконечно верен, но кому нечего было уже терять на этой войне. Иконы и тоннель обратно в Кремль могли бы стать последним спасением для тех, кому все же удастся выжить. Но священные картины уже выносились в бункер, который надлежало закупорить взрывом, для сохранности, а тоннель – минировать, чтобы исключить диверсию противника. Костин задумался над этим. По суровому и сухому в эмоциях, плотному, практически квад-

ратному лицу десантника было видно, что он боится. Красноватый загар, оставшийся с боев на Кавказе, свежие, только залеченные шрамы, а под ними бледная, пепельного цвета кожа. Стеклянные глаза, что смотрели на карту, казались, умерли, но затем снова сдвинулись, и пристально посмотрели на Ульяну. И у той на мгновение исчез тот прожигающий командирский взгляд. Дрогнули губы и поджались глаза. Все поняла.

— Ты будешь командиром там... – словно спросив, произнесла она тихо, медленно выдохнув табачный дым.

— Так точно. – найдя в себе силы улыбнуться, растянуто произнес тот. – Кто, если не мы, а?

— Никто, кроме нас... – хрипло ответила та, еще сильнее распрямляя, итак, ровную свою фигуру, в знак безмерного солдатского уважения. Ее глаза на мгновение заблестели, но не яростью драки, не хитростью планов. Это были не начавшие капать слезы, что она все же сумела сдержать. – Спасибо тебе, майор...

— Держитесь, это будет славная охота. – Среда медленно протянул ему руку, кивнув.

— Ай, пусть поперхнуться нами. – натужно улыбнувшись, усмехнулся черным юмором тот, но затем снова стал серьезным. – Разрешите выполнять?

— Прошу, выполняйте. – коротко ответила ему Ульяна. Ее изламывало изнутри осознание того, что верных ей людей она видит последний раз, но она не плакала, не жаловалась и

не тушевалась. Она была будто железной. Вела себя строго и сдержанно. Поблескивала влагой на глазах, конечно, но ведь она человек...

С разворотом, украдкой утерла веко на шрамированной части. Ее губы слегка дернулись, лицо на мгновение исказилось, но Вирховой показалось, что этого не заметили. Однако Дима знал почти все ее движения. Знал, как и с какими движениями рук, головы, да даже пальцев она поворачивается. Знал ее досконально, и мог точно сказать, что это она не поправила прядь своих пышных черно-смольных, явно южных, с начавшейся сединой, волос, что она не почесала нос и не посмотрела на время. Легким и кротким движением она смахнула слезу, что даже не успела выступить на кожу ее раненной давным-давно щеки. Стараясь сохранять осанку, строгость движений, не поворачиваясь, Ульяна пошла к Сенатскому. Она молчаливо возвращалась в разваливающееся здание, так старательно укрепляемое ее десанниками. Возвращалась на свое место, к командованию.

Среда остался около карты, чтобы еще раз глянуть на отважного десантника, проводить его взглядом до его отряда, и переглянуться Морганой. Последнее время они все чаще встречались взглядами – Дима не знал причину таких перемен, но, не сказать, что ему это не нравилось. А Ульяна уходила быстро, длинным командирским шагом. Догнать ее неспешно – задача практически невыполнимая, но Среда справился. Он остановил ее уже на втором этаже, единствен-

ным возможным способом, дернув за руку. Вирхова обернулась не сразу. Сперва она остановилась, кротко вздохнула и повернулась. Ее лицо было привычно-гранитным. Глаза были такие же, как и обычно. Проедающие и коричневые. Как настоящая восточная королева, она смотрела на всех свысока, во всех смыслах этого слова.

— А мне показалось, будто бы... — на мгновение смутился мужчина, отпуская ее руку. Он явно расстроился тому, что не увидел ее слез — Я просто дурак...

— Слишком самокритично, не находишь? — уже в привычке для себя, она подбила в пачке папиросу, склонилась и вцепилась в нее зубами, вытягивая. Чиркнула отрывными спичками и подкурила. — Не нужно говорить такого мне, я ведь знаю совершенно иное. А если я знаю совершенно иное, стало быть, ты мне просто лжешь. Не люблю ложь.

— На секунду мне показалось совершенно невероятное. — усмехнулся тот, как-то грустно искривив улыбку. — Я будто бы видел, как ты плачешь.

— Ты видишь в этом что-то недостойное меня? — спокойно развернулась она, продолжив движение. Она явно хотела этот разговор, а потому каждое слово выговаривала спокойно, медленно, чуть ли не по буквам. Вальяжно покуривала, без помощи рук. Их она держала в карманах, шуршала олимпийкой, когда ее пальцы сжимались в кулаки. — Или ты не видишь во мне человека с хоть сколько-нибудь похожими на человеческие чувствами? Брось, Среда, брось все эти хе-

ровые рассуждения о том, что я не могу, или не имею права быть в некоторые моменты сентиментальной, быть женственной. Ведь я все-таки, женщина. Во вторую, после командира, конечно, очередь, но... как факт, ведь. Ты видел то, что видел. То, что твой мозг опознал в моих движениях. И этому можно верить, это же не мужик в шторе, сидящий на облаках... – усмехнулась она. – Всего несколько миллиграмм воды и соли.

— О-о-о, в некоторые моменты, – Диму потянуло на философию. – Это бывает намного и намного больше значит. Просто, я не думал, что ты...

— Способна? – повернулась к нему она, словно прочитав его мысли. – Вот тебе небольшая загадка для рассуждения. Как думаешь, кто может быть более сильным характером: тот, кто с тупым взглядом и суровым видом отправляет своих людей на верную смерть, а затем, ничего не говоря, идет решать свои проблемы, или же тот, кто роняет по ним, дорогие, но слезы, обращаясь в последний раз, как с родными? Для меня каждый из этих «тельняшек» – мой брат, мой родственник по духу. Невероятно тяжело отправлять их на верный убой, но это мой долг. И могу ли я за это чудовищное испытание обронить пару слез в награду?

— Каждый раз я думаю, что все уже знаю. – глубоко вдохнул тот, разведя руками. – И каждый раз я ошибаюсь в тебе. Буду откровенен. Ничего в тебе не говорит о том, что ты не жестяной прут. А тут такие открытия.

Улыбнулась Ульяна будто Штирлиц из телефильма. В ее губах была зажата уже почти докуренная сигарета. Выдохнув носом, Вирхова вдруг достала ее и, затушив пальцами, выкинула в одно из немногих не заделанных мешками окошек. Точнее, оно было укреплено по периметру, все равно превращено в бойницу, но было шире тех щелок, что остались от прочих. Это было для одной цели – РПГ. В подвалах нашлись термобары. В меньшее окно таким не выстрелить, взлетит пол этажа. Они бахают так, что срывает крышу, вырывает из земли подвал. И не хватало только, чтобы такая «банка» ухнула в оконном проеме. Глянув на плавно плывущие по небу над столицей кучевые облака, Ульяна опустила взгляд на Универмаг. Его было хорошо видно. Зубцов на стене, как и ее фрагментов, уже не было, и картина была совершенной иной той, к которой она привыкла за годы службы в высшем аппарате армии. И только сейчас, в бою, в эту минуту затишья, чувствовала себя как никогда на месте. Это было ее призванием – передовая. Всю жизнь была на ней, и вот, очередное сражение, в сердце ее страны, ее бывшей Родины.

Она не признавала правильным новый режим, все еще жила надежами и воспоминанием о прошлом. Была единственной той силой, что держала в узде новых обитателей старых кабинетов. Была столбом, на котором еще бояться клеить объявления о продаже гаражей и квартир. Но кто-то открывал на нее сезон охоты. Что ж, таинственный охотник точно вы-

брал не ту цель. Израненный зверь сам жаждал крови...

— Думаешь, мы делаем все правильно? — в который раз уже решил спросить Среда. Сейчас он ожидал максимально честного ответа. И не прогадал, но вот отвечать было не Ульяне.

— Вот сейчас и выясним... — та поднесла к глазу оптический прицел, поглядела на подъехавшую к Кремлю машину с белым флагом на крыше. — Оперативно пришел. Да и правильный флажок не забыл.

В течение нескольких минут парочка из Среды и Вирховой переместилась всего на несколько десятков метров по этажу. Около солдатского привала, прямо в коридоре, стоял найденный старый самовар. Кто-то прикрутил к нему кирзовый сапог и качал его, чтобы сырое топливо получше разгоралось. Совсем рядом стояла Ульяна и мерно потягивала цейлонский чай из чашки, не забывая обязательно дуть на него, чтобы не обжог. Дима же, гипнотически, смотрел на то, как лихо один крепкий десантник качает кирзовый, практически не сгибаемый, сапог. Это было просто удивительно — грубая кожа легко поддавалась на такие провокации, и лучшего способа, пожалуй, было не найти. На мгновение мужчине даже показалось, что это он его качает взглядом, изучив шарлатанскую технику бесконтактного взаимодействия, а не крепкий мясистый мужик в тельняшке. А за стенкой был буквальный вой. В комнате бился в гитлеровских истериках невротичный старичок. На переговоры прибыл сам Громов

с парой своих молчаливых амбалов, что были у дверей того кабинета, куда он зашел. Вирхова еще не видела его, только слышала и слушала, что он там кричал. На некоторое злобно усмехалась. Наконец, не выдержал Среда:

— Может быть мы таки уже угомоним его?

— Пусть еще чуть-чуть покричит. – попивая чай высказала та. – Сорвет горло и на меня уже точно не захочет повышать свой собачий голосок. Ведь я могу и не выдержать. А нельзя. Мир же смотрит, наверняка смотрит. Там Груз, а у того нервы, что можно алмазы резать. Ему он хоть сколько может слюной брюзжать. Мой дорогой товарищ даже рук с груди не разомкнет. И как у него только так получается?

— Он там минут семь уже командира требует. – поглядел на часы Среда, вдохнув, и оторвав наконец взгляд от сапога. – Мешает.

— Костин бы его уже давно нахер послал. – поразмыслила перед глотком та, снова подув в чай. – Тот морочить голову не будет. А я, да время хоть что ли потяну? Сам же нам и подарил, целых... – сверила она часы. – Восемь минут. Эх, век бы не видеть его рожи. Ладно, давай, пойдем. Все равно уже допила. Я возьму?

— Угощайтесь, товарищ генерал. – один из солдат протянул ей хрустальную вазу с президентскими запасами конфет. Та взяла одну «Коровку».

Зубами развернув, она кинула фантик в пустую чашку и поставила ее на бруствер из мешков с обломками кремлев-

ского гранита, кирпичей и бетона, ломанной штукатурки и песка. Накинув на плечи олимпийку, и с секунду подержав в руке свою винтовку Драгунова, она все же оставила ее на месте. Чтобы соблазна не было. На поясе же остался Стечкин в поношенной кобуре. Как подстраховка.

— Где ваш командир, я вас спрашиваю уже который раз!!! – слегка согнувшись и жестикулируя руками, пытался пробить непоколебимого Груза яростный мужичок в не самой опрятной генеральской форме. – Чего ты смотришь на меня тут уже десяток минут, чертов истукан? Ты так и будешь стоять, или хотя бы пальцем пошевелишь перед генералом?! Кто санкционировал ваше появление здесь?! Кого отправить на Колыму, к полярным медведям, а?! Кто. Твой. Командир.

— Я не имею права распространять эту информацию по приказу моего командира. Каждое прошение о предоставлении вами информации о моем командире... – завел монотонную шарманку Груз. Он явно был в настроении и решил поиграть с истеричным генералом. – ...является прямым нарушением субординации на этом объекте. Я прошу вас впредь не...

— Кто твой командир, солдат?!! – еще громче, уже до хрипа, спросил Громов. – Ты старше меня, а кретин такой!

— Я не имею права распространять эту информацию по приказу моего...

— Командир?!

— Я не имею права распространять эту информацию по приказу моего...

— Командира?! Кто он?! Сюда его быстро!!!

— Я не имею...

— Ох ты у меня получишь. – замотал головой тот. Он уже явно прибавил седины с этим невероятно стойким разведчиком. – Я же, бля, узнаю кто тебя сюда, идиота, поставил. Сейчас... Сейчас! Я вас всех узнаю. Все из армии полетите! Страшно?! Командир?!

— Я не имею права...

— Я его командир. – с короткой фразой в дверном проходе, позади Громова, появилась высокая фигура Вирховой. – Друг. Соратник. И названная сестра.

Генерал замолчал. Кажется, сопеть перестал. Не двинулся, не шелохнулся даже. На секунду Среде показалось, что перед ним на окоченевших ногах стоит труп, но вскоре тот чуть поджал кулаки и слегка выпрямился, все еще стоя спиной к Ульяне, что заполняла собой почти весь дверной проем – плечистая, высокая. По ее лицу поползла мина отвращения, ей было абсолютно не интересно с ним общаться, но все же она должна была. Громов пришел под белым флагом, хоть и думал, что ему тут все подчиняются. Будет интересно послушать его мысли на весь этот счет.

— Есть ли в этом мире... хоть что-то, – повернув к ней голову, наконец выдал, совсем не привычным для этого момента тихим голосом, Громов. – Что способно причинить те-

бе вред?

— Да, имбирные пряники. Они отвратительно налипают на зубы. — цокая грубой подошвой ботинок, Ульяна прошла вглубь полуразрушенного помещения, встав за Т-образный президентский стол, на котором был лишь разбитый органайзер из малахита. С ее ответа чуть ухмыльнулся Груз, а Дима так и вовсе едва сдержал от неожиданного ответа смех. Не смешно было только Громову. Он побледнел. — Дубовый обломок стола в пузо еще не самое страшное, что мне удавалось пережить. Болезненно, обидно, неприятно, но точно не смертельно. А взрыв... Так я вроде бы даже чуть... загорела. — наигранно поглядела она на свои руки. — Хотя, на мне и не видно загара.

— Я пришел забрать то, что мне положено. — сурово заявил тот.

— Пачку президентских презервативов получишь на выходе, я распоряжусь. Еще что-то?

— Хватит поясничать! — пристукнул по столу тот. — Тебе шестой десяток лет, а все нейдет! Ты здесь никто, у тебя здесь нет власти! Ты просто кусок земли на кладбище, начинка для деревянного ящика, и крест с фотографией!

— Тогда почему я здесь? — перебила его она, кулаками упираясь в стол. — Ах да, точно! Чтобы здесь не оказался старый штабной маразматик, не видящий ничего, кроме своих собственных и личных забот. Не думай, что ты здесь самый умный и самый отчаянный. Заваривший эту кашу — идиот.

Но ты этому идиоту явно служишь, ты делаешь все наперекосьяк, и вот так решил вот выслужиться? Послал на Кремль танки, пошел на измену и обстрелял демонстрацию, хотя у тебя не могло быть на это распоряжения президента.

— Оно у меня было.

— Да? Покажи! И мы сразу же соберем весь свой скарб и уберемся.

— Ты боишься представлять интересы русских в мире. — тот сменил тему, напыжившись. — Ты боишься строить настоящую и правильную империю, которая простоит десятки лет, объединенная одной нацией. Ты выслуживаешься перед всяким мировым сбродом, перед иностранными ублюдками и выродками, которые обложили нашу страну. Пояс на востоке — это все крохи, иллюзия воздействия. Ручные собачки, что тащатся на поводу у настоящего мирового гегемона. Американцы, британцы, вся Европа! Это ли не ключевое мировое зло, а? И не стоит ли оно того, чтобы заплатить за него собственной совестью, и нажать то, что принадлежит нашему народу? Русской нации?

— Я вижу врага иного... Врага, что злее всех остальных, и что хитрее всех остальных. Этот враг — не какой-то народ, и даже не какие-то определённые люди. Этот враг — обезумевшая от вседозволенности, оборзевшая от жира и денег власть. Таким как ты, проще сказать: «Смотрите, вот это враг. Он — не мы!». Пуц-пах-бабах! И этого врага не станет. А как уляжется пыль, покалеченным солдатам вы по-

кажете на другого, на того, кто может быть чуть посильнее. И это правильная тактика. Твой народ, который сражается за хозяина, начнет верить, что хозяин этот несет им победу, и какое-то время будет самоотверженно драться. Драться с любым врагом, на кого покажешь. С правильными людьми, с «неправильными» людьми – этот вопрос далеко не в первой десятке. Тебя будут слушать и тебе будут повиноваться. Но какой итог у всех этих побед? Вырождение человечности, жестокость к тому, кто не похож, кто является низшим сортом, так? Не кажется ли тебе, что такой режим... уже когда-то был? Где говорили о нации, где говорили о сплочении богатых и бедных против одной угрозы. Против таких, которые не похожи? Ты хочешь мир русских?

— Да, я хочу его.

— А я хочу мир народов. Я хочу, чтобы политики не наживались на войне, не расценивали свой народ как пушечное мясо. Не загоняли его в кабалу, не вешали на людские шеи петли кредитов, ипотек, и прочей мишуры, пока сами жрут черную икру паспортом иностранного государства. Как там твои детки кстати? У старшего вроде бы вилла где-то в Голландии, да? – Ульяна усмехнулась. – Право, исконно русская земля...

— Ты ведь давала присягу...

— Давала присягу всему народу. Трехсотмиллионной стране! От Вильнюса до Магадана. От Душанбе и до Мурманска. Не только русским.

— Что уж тут лицедействовать. – пристукнул пальцами по столешнице Громов, поднимая на нее явно подавленные глаза. Он понимал, что на компромисс эта стальная леди точно уже не пойдет. Ее оставалось только смести танками. – Чего же хочешь ты?

— Чтобы мир никогда не чувствовал на коже ядерного пламени. – сурово ответила ему она, глянув точно в глаза, отчего тому поплохело. – Чтобы мир жил и верил в завтрашний день. Я хочу, чтобы такие, как ты, никогда не стояли у власти, чтобы дети таких, как ты, не издавали простому народу законы. Я хочу, чтобы все было честно, все было открыто, все было для народа. Больше всего я хочу смести вашу прогнившую систему до самого основания, вырыть в нем яму и залить железобетоном.

— И право, ты величайшая оптимистка. – усмехнулся тот. Вирхова чуть не взорвалась изнутри от его улыбки. Ее наполнял гнев – он умел выводить из себя любого. Но держалась она стойко. Не подавала вида. – Бороться с этим, все равно, что бороться с воздухом. Насколько бы это не было омерзительным, на сколько бы это не походило на крысиную нору, но это везде. Не только у нас, там, здесь, вон там вот – за кордоном. Бороться с этим, значит бороться со всем миром. Пропаганда сильна, и ты уверена, что ваша шайка сумеет справиться с целым потоком голодных до крови акул бизнеса? Мир ведь уже испытал на себе ядерный огонь. Говорят, в Берлине все еще разгребают завалы... Народ слиш-

ком увлечен войной, слишком увлечен той пропагандой, что мы ему несем. Каждая из республик давно пропитана такими националистами, как я. В каждой из республик у власти есть сильная боевая организация суровых бритых мужчин с арматурами с белыми шнурками. Это не угрозы, это лишь констатация факта. Это насаживалось с усилиями, с огромными средствами. Плавно, по крупницам, еще во времена Союза. Каждая победа была подкреплена тем, что мы – русские – нация победителей. Что это мы всегда и везде побеждаем. У нас не бывает поражений. А если и есть, так русские не виноваты – виноваты либо те, кто плохо за русских болел, либо глупые и безответственные генералы, годные к людской плахе. И все! Это работает! Эту машину не победить, сколько ты не старайся. Ты, Вирхова, будто единорог. Последний «Красный Генерал», думающий, что его эпоха еще не прошла. Деньги, выданные на цементирование у людей идей о том, что все красное – плохо, освоены уже давно. Не пытайся сопротивляться, ты только потеряешь своих людей, вот чем все кончится. И мне очень жаль видеть этих благоразумных русских парней рядом с той, кто родилась в одном стойле с баранами, где-то в Богом забытом ауле.

— Друже, ты-таки, по-моему, перепутал... – поглядел на него Среда, закартавив.

— А я в Киеве родился. Латыш по национальности, да. – переглянулся с Вирховой Груз, неожиданно заговорив. – Наверное ручные журналюги мне уже выписали смертный при-

говор?

Внезапно переменив взгляд на ищущий, Громов глянул на давно вошедшую, но не замеченную из-за жаркого спор-та Моргану. За ней же был и большущий Вагнер, умеющий, однако, оставаться скрытным.

— Даже не смотри. – по-немецки выдала генералу девуш-ка.

— Все попорченные яйца в одной корзинке... Так даже лучше. – с некоторой грустью в голосе, сказал Громов. – Не придется мириться с совестью, что загубил народ. А вас... вас можно.

Ему, вероятно, все становилось уже ясным, но он точно не рассчитывал на то, что Ульяна уже слышала шаги по коридору. Чуть вразвалочку, поспешные, немного не расторопные. Ей нужно было взорвать Громова, заставить его кричать, и она ждала этот момент, и этого человека, что уже спешил к ней. Правда, он запнулся, и чуть ли не кубарем повалился вниз. Повезло – он завалился как раз в двери кабинета. Последний козырь этого разговора вошел в игру точно не так грациозно, как опальная генеральша того планировала, но очень вовремя. Это был чумазый, перепачканный танкист, который видимо искал, где здесь может быть умывальник.

— Я пока еще никого не потеряла. – с улыбкой выдала Ульяна. – А вот ты потерял. Будем честны, я могла бы расценить это, как Божью длань мне, но я не верю в бородатого кудесника, зато полностью могу ощутить чужую глупость.

Это куда нагляднее, и, в отличие от Бога, мировой практикой приравнено к аргументу.

Громов явно узнал одного из своих бывших солдат. Наверное, не столько потому, что знал его лицо, или видел его когда-то, а от того, что с самолета нельзя выбрасывать танки. Естественно, ему доложили о том, что «восьмидесятка» оставалась на приграничной полосе Кремля и могла быть захвачена в плен. Но он, в силу своей специфики, верил, что его солдаты полностью доверяют тому, что говорит его пропаганда, и думают, будто бы здесь засел страшный противник. Артем оказался не из таких. Он оказался немного труслив, чтобы пустить себе пулю в лоб. Но оказался достаточно мужественен, чтобы принять сторону, которую он считает правильной, несмотря на то что ему наговорили.

— Солдат, вы понимаете, что вы здесь делаете? – покраснев, строго спросил Громов, будто бы и забыв, что на него смотрит Ульяна. Она анализировала его поведение и уже сделала некоторые пометки на то, как действовать дальше. Пока не вступалась за «мальчишку», а лишь наблюдала. – Вам что, был не ясен приказ?

— Гусеницу разбило, экипаж был контужен. Мы сражались...

— Вы должны были умереть, если не можете противостоять этим... этим обезьянам! – Громов еще сильнее накалялся. У него чуть ли пена изо рта уже не брызгала. Вирхова слегка ухмыльнулась на это. Пусть покричит. – Вы что не по-

нимаєте, что Кремль был захвачен?! Что его было необходимо освободить, даже ценой собственной никчемной шкуры?!

— Ваше задание было ложью. — осмелел Артем, стягивая с огненно-рыжих волос шлемофон. — Вы говорили, что здесь будут иностранцы. Я верил, что я сметаю с родной земли иностранный сапог, но здесь оказались наши же люди! Вы отправили нас убивать своих.

— Кого своих? Этих национал-предателей? Изменников Родины, что даже иностранные сигареты курят?!

— Это «Прима». — тише всех сказала Ульяна, подняв в руке пачку. — Прав был Шелленберг...

— Я не мог выполнить преступный и лживый приказ. — стойко стоял Артем. — Они наши люди. Самоотверженные и стойкие.

— Сделай что-нибудь. — шепнул Вирховой Среда. — Он же его сейчас сожрет.

— Вы пойдете со мной, солдат! — приказал танкисту Громов. — Вас ждет военный трибунал за невыполнение приказа.

— Пусть Артем сам выбирает. — мягко ответила за него Ульяна. — Я думаю, что так будет честнее. И куда более показательнее.

— Солдат не имеет права выбирать! Он верен... — попытался было схватить его за руку Громов, но тут произошло неожиданное.

Артем отдернул руку. До этого неподвижный парень встал в свою стойкую позицию, и отошел, не дав схватить себя.

Этого и ждала Ульяна. Это было лучшей проверкой стойкости солдата, и чумазый юный танкист ее блестяще прошел. На ее душе стало немного полегче, в ее рядах оказалось достойное пополнение. Артем отошел еще на шаг, ближе к ней, будто бы показывая, что в случае чего, она сможет его защитить от этого обезумевшего оборотня в погонах. Ошарашенный Громов застыл, так и вытянув руку. Он сжал воздух пальцами и поглядел на все это. Его ладонь так и не коснулась грубой ткани танкового комбинезона. Генерал был выставлен клоуном. Это было больно, морально больно. Его сжало, как пружину, дернуло, и он оскалился, мотнув головой.

— Будет показательно. Будет очень показательно. — поджав губы, протараторил он. — Все увидят, что ты ошибаешься. Все увидят крах старой России и последнего ее столба. Я верил, что ты не ошибаешься, что ты, Ульяна, сможешь стать мне товарищем.

— Тогда бы я очень страшно ошиблась.

— Твоя главная ошибка на твоем лице.

«Вот идиот.» — пронеслось в голове Димы. Он точно знал, что не нужно было этого говорить. Это было ударом, последним ключом к сундуку Пандоры, что был сокрыт внутри Ульяны. Она замерла и побледнела. В ее голове посыпались мысли, прозвенел странный гудок, будто бы кто-то ударил по всем клавишам церковного органа разом. Ей поплохело, в животе начало тянуть, а грудь будто бы сжимали страшными

тисками. В ушах раздались крики, приглушенные выстрелы. Она терялась в своем сознании, в прошлых своих жизнях, которые она никогда не хотела вспоминать. Наружу рвались ее демоны, Ульяна свирепела.

Но на секунду в ушах унялся весь этот звон. Звуки были стали приглушенными. Ее будто бы снова контузило, на руках появилась сухость, на лице жжение. Она медленно, как во сне, несколько пьяным движением, не обращая внимания ни на что, глянула на свои руки. Они были по локоть в крупных каплях и пятнах крови. Кровь эта мешалась с песком, и сыпалась жижей сквозь ее закопчённые пальцы прямо на дубовый стол. Реальность смешалась с воспоминаниями, мир тот смешался с этим. А место потолка заняло палящее солнце и голубое, без единого облачка, небо. Дыхание участилось, зрачки сжались почти до предела, и она чуть ли не падала от страшного бессилия. Этот ублюдок смог задеть то, что точно не стоило в ней трогать.

— Ты просто сглотнешь это? – не понимая что с ней, тихо спросил Среда, наклонившись к ней. – Скажи ему.

— Дай... дай мне сигарету. – немедленно, перебарывая ощущение жгущего песка на руках, тихо сказала она, уперлась в стол.

Явно чувствуя свою неприкосновенность, Громов пошел к двери, уже не смотря на раздавленную его словами даму. Ему было плевать, он просто шел себе дальше. Его не волновало ничего, кроме его собственной шкуры. Он был уверен, что

эти два автоматчика у дверей смогут его защитить.

Втянув полные легкие дыма, Вирхова медленно распрямилась. Она поймала на себе последний взгляд Громова. Он обернулся на секунду, чтобы нахально улыбнуться ей из дверей. Но просчитался. Снова. Ульяне было достаточно двинуть пальцами, что она и сделала: вход загородили трое плечистых десантников, перекрыв его.

— Ты думаешь, мне нужны слова, чтобы тебя остановить?.. – тихо, из гробовой тишины начала она, не вынимая папиросу изо рта. Ее зрачки все еще были сжаты. Разум рисовал ей палящее солнце на потолке, и это создавало двойное ощущение. Она могла не прикрывать глаза от него, но организм, подчиненный рефлексам, не давал им расслабиться. – Ты думаешь, что этот стол и два твоих ряженых мальчика спасут тебя?..

Медленно, Вирхова вышла из-за стола. Ее пальцы тряслись, но взгляд, как у настоящего хищника, был устремлен только на цель. Она будто заведенная кукла, медленно, шаг за шагом, продвигалась к нему. Не думала останавливаться, не думала сбавлять такт. Еще немного и, казалось, раздавит его между собой и стенкой из десантников. Громов забоялся. Он уже пожалел, что сказал это. Его колени затряслись. Сглотнул. Пытался все еще стоять, но ноги уже не выдерживали. Это было для него кошмаром, такую Ульяну он еще не видел.

Его солдаты было рванули автоматы на изготовку. Но их

опередили Среда, Моргана и Груз. Их стволы уже смотрели точно на них, и они были готовы выстрелить. Этого не заметила Вирхова. Она продолжала путь к своей добыче.

— Ты просто ничтожество. Прихвостень «Мерседеса», что служил у него писакой. Твоя натура такова, что ты умеешь только завираться, и сбегать, жалкий штабной слизень... — будто гипнотически продолжала она. Но ее шепот был страшнее крика. Потому что в нем был гнев более страшный, который удавалось подавить только такой формой разговора. — Я мечтала о том, как свернуть ему шею, я мечтала о том, как свернуть шею тебе. И вот, ты почти в моих руках.

Вирхова медленно схватила его за генеральские погоны и подтянула к себе. Тот послушно, как безвольный котенок, подошел. Она склонилась к нему, а он пытался спрятать глаза. Нервы были на пределе, сейчас что-то должно было произойти. Среда уже думал нажать на спуск и прекратить все это — вышибить ему мозги и дело с концом. Был уверен, что Ульяна все же выполнит свою мечту сейчас. А потому нужно было уже действовать, делать хоть что-то!

— Ты боишься меня?..

Тот молчал. Ее пальцы, будто когти орла на добыче, поджимались, впиваясь ему в плечи. Вирхова повернула голову, чтобы он в деталях мог рассмотреть ее шрам. Такой безобразный, такой огромный, такой контрастирующий с ее прелестным южным лицом, что и слов было не найти. Он и не находил. Молчал, как партизан. Его язык онемел, он просто

не мог ничего сказать.

— Я была в Афганистане. Видела, как взрывом фугасной мины расплыло человека. Ты в этот момент своему начальнику носил кофе в кабинет. Я была в Чечне и Дагестане. Видела, как солдаты режут друг друга из-за идей о национальности. Вскрывают черепа, развешивают кишки по заборам. Убивают стариков, детей, баб. Ты в этот момент получил полковника, и небольшой заводик в Прикамье. На мне лишь один орден, а на тебе десятки. Но я сдую их как пыль, потому что они ничего не весят, в них нет твоей плоти и твоей крови. В моей «Красной звезде» половина моего лица, и погибшая рота... Девяносто ребят. С разных уголков моей Родины, они умерли, чтобы такие, как ты, говорили кто правильный, а кто нет? Посмотри на мое лицо внимательно... Посмотри на него! – рывкнула на него она. – Ты видишь здесь выполненную задачу. Ты видишь здесь мой интернациональный долг, мой пот, кровь, и плоть. Ты видишь здесь верность Советского солдата тексту своей присяги. Здесь нет ошибок...

Будто бык, выдохнув затылок ему прямо в лицо, что у того защипали глаза, с толчком, она отпустила его, и отошла назад. Сказала ему все, что хотела.

— Уберите это потекшее дерьмо из Кремля. – глядя Громову прямо в глаза, приказала Вирхова. Выщелкнула окурочку прямо ему в орденоносную колодку на груди.

Тот лишь фыркнул. Поняв, что все закончилось, немно-

го осмелел. Поправил китель, отряхнул от пепла цветастые тканевые полосочки, что обозначали многочисленные орденна и медали, как «боевые», так и юбилейные. Хотя в горячих точках Громов не бывал, ему все равно давали их – по разнарядке. Не гоже же было человеку с таким чином, да без стольких орденов. У него не было такого авторитета, не было такого веса, не было даже такого шарма, как у Вирховой, ему не смогли бы простить, если бы он оказался посмешищем. И каждый год, с каждой такой вот подачкой, хороший, казалось бы, перспективный человек, вырвавшийся из штаба в высшие чины, все больше и больше обрастал лаской и знакомостью. Это его растлевало, это ему вредило. Это сделало его таким, какой он есть.

Громов неловко оглядел ее снизу доверху. Это действие у него не получилось. Все оказалось скомкано, быстро, без чувства такта. Будто в комедии. Развернувшись, он зашагал из кабинета. За ним направились и два его мордovorота. Десанта в проходе уже не было. Солдаты ждали чуть поодаль, потому как Вирхова парой пальцев показала им отойти. Это было почти не видимо, не зримо и не ощутимо, но ее бойцы всегда понимали, куда стоит смотреть. Она была права – слова ей были не нужны.

В голове набатом проносились мысли, воспоминания, образы. Страшные крики и стрельба сейчас разрывали ее разум на части, но Ульяна все еще стояла, непоколебимо, как на параде, держала саму себя как железный прут. Пухлые юж-

ные губы стали сухими, словно на них насыпали песка. Она сейчас только его и видела. Реальностью для нее были барханы золотистых песчинок. Куда бы она не посмотрела: под портретами, рядом с колоннами и шкафами из мореного дуба. Они же обволакивали сейчас и темный стол, и солдат, и ее саму, будто бы утягивая в себя. В висках гудело, и Ульяна не могла стоять. Громов умудрился ткнуть своим грязным пальцем в ее сознание, и то воспалилось, как ожоговый пузырь. Ноги подкосились, тело начало пробивать ознобом. Обессилив, Вирхова рухнула вниз. Ее неловко подхватил Артем, он был ближе всего к ней. С опозданием в долю секунды свои руки ей под мышки сунул Среда, спасая от падения на пол. Тряхнув женщину, попытавшись привести в себя, Дима поднял ее обратно на ноги. Осторожно повернул к резному стулу с бархатным сиденьем. Тут помог Груз – пододвинул кресло ближе, и помог ей сесть. Моргана металлической рукой пыталась нащупать ее пульс. Все помогли ей невероятно слажено.

— Э-э-это что-то с сердцем?! – протараторил Артем, отпрянув назад, взволнованно глянул на почти бессознательную Ульяну.

— Нет, оно у нее железное... – протянул Груз, заглянув ей в глаза. – Зрачки, что иголка не пройдет.

— Пульс чудовищный, давление повышено. – констатировала Моргана, приспуская на переносицу свои чудесные большие очки. Она внимательно, и очень пристально по-

смотрела на обожженное лицо. – Да, зрачки и правда... Но, это не похоже на что-то сердечное. Это скорее...

— Психологическое. – догадался Среда.

Ульяна внезапно дернула рукой. Она схватила со стола пачку своих сигарет, и вытянула зубами одну.

– Вот шлюха! – откусив фильтр, выплюнула его прямо на пол. – Ублюдок, скотина... Нащупал брешь, гад!

Чиркнув спичками, Ульяна наскоро подкурила. Как паровоз, выдала столб дыма четко вверх. Ее нервный тик постепенно начал отступать, зрачки возвращались в норму. Палящее солнце на потолке медленно растворилось, уступив место потрескавшейся и осыпавшейся лепнине, разбитым лампам и торчащей арматуре. Песок, что ссыпался через ее пальцы, тоже исчез. По изуродованному давным-давно лицу пронеслось дуновение относительно свежего сквозняка. Пальцы перестали трястись, распрямились и застыли на столе. На мгновение показалось, что Ульяна перестала дышать, но она подняла голову, и, цокнув, огляделась по сторонам. Вокруг нее были взволнованные товарищи. Виновато, всех их окинула коротким взглядом.

— Ничего, ты уже в форме. – Груз пристукнул ее по плечу.

— А я было подумал... – Артем не скрыл радости. Он улыбнулся, и облечено пристукнул себя руками по швам.

— А я не знал, что у тебя нет медалей. – Среда присел перед ней на корточки, немного прищурил глаза. Но не подозрительно, скорее изучающе. – Разговоры об этом как-то

не заходили. Думал, что ты просто их не носишь, черт его знает почему.

— Медали... – вяло улыбнулась та, задумавшись. Достала изо рта папиросу и положила ее на пачку. – Они давно перестали быть признаком авторитетного человека. Многие думают, что чем больше медалей на мундире, тем больше веса имеешь в обществе, в том числе военном. Но это не так. Сейчас их получить проще простого, мне и самой предлагали много раз, по списку. Все хотят, чтобы грудь блестела, на солнце играла. И у подопечных, у спутниц-секретарш, сотрудников, чуть ли не уборщиков. Предлагали, и много раз предлагали! Аж до звездочки на красно-сине-белой ленте.

— И где все эти награды?

— Черт с ними. – повела рукой та, одновременно с этим поправляясь на стуле. – Не хотела жать руку тем людям, что могли мне их вручать. Зачем обманывать себя саму и тешить идею, что тебе приятно, когда они вешают на тебя свои побрякушки. Погромыхают золотом со сцены, да и забудут, мало ли у них таких, как я – орденосцев? Они вон, помнят только как сферы влияния, заводы, трубы нефтяные свои приумножить, да капитала с них побольше поиметь. Теперь только это волнует. – она медленно замотала головой. – Не нужны мне ни пустые «Герои», ни «Юбилеи Петра», ничего мне не надо. Только одно: знать, что я делаю правильное дело. А за доблесть уже свою «Звездочку» я получила. Она ценнее всей этой чешуи...

— Потому что со знаменем алым цвета одного? – с долей доброй шутки спросил Дима.

— И не без этого. – ответила тем же Ульяна, вставая. – Так, все, исторический экскурс закончен. Моргана, на тебе спецсвязь комплекса. Посмотри, что можно сделать внизу, восстанови ПВО. Артем... – глянула она на него. Одновременно сунула в зубы недокуренную сигарету, но вытащила и поглядела на нее. – Потухла, черт. Артем, на тебе твои «лошадки»: восстановить, помыть, почистить, нанести синие полосы и отчитаться.

— Зачем синие полосы, Ульяна Евгеньевна? – стушевался тот.

— А чтобы в тебя, мазута, наша ракета не прилетела. – раскрыла глаза она, немного подавшись вперед. – Если нарисуешь цветочек, по голове не поглажу, но и не поругаю. Выполнять.

— Но...

— Вы-пол-нять. – громче сказала она.

Тут в дверях появился Кельт, и что-то жующий Ганс, который, поймав взгляд Вирховой, отвернулся. Впопыхах дожевал. Моргана в этот момент ушла, остались только Груз и Среда. Переглянувшись, они синхронно перевели взгляд на немцев, скрестив руки на груди. Кельт, этот рыжеволосый, слегка контуженный немец, был отправлен Ульяной на проверку съестных запасов, как только она попала в комплекс. И видимо, по пути он прихватил с собой еще и собрата по

несчастьем – Ганса. Последний едва успевал смахивать крошки с губ.

— Нашли провизию. – утирав пот со лба, а затем почесав рыжую бороденку, отчитался немец. – И... вам нужно на это посмотреть.

— Да, самое время для обеда. – внезапно подал голос до сих пор оставшийся незамеченным Вагнер. Он появился из неоткуда, поразительно.

— Он всегда здесь был? – Дима показал на него пальцем, спросив Груза. Тот пожал плечами.

— Ладно-с, пойдем поглядим на провиант. – поправив на плечах цветастую олимпийку, сказала Вирхова. – Там, часом, на ящиках с тушенкой, никакой курточкой не было? Этот ужас страшно шуршит.

Они вышли из кабинета. Уже привычный путь по укрепленным коридорам был незнаком: солдаты наспех изготовили и развешали таблички. Где «Госпиталь», где «Кухня», «Склады» и «Помещение личного состава». Пахло свежей краской, стояли цветастые, заляпаные банки. Некоторые, что были пустые, переделывали в светильники – лили спирта до самой крышки, и вставляли обмоток ткани, чтобы тот напитался. Ведь света не было, только солнце освещало переполненные солдатами, вещами и мешками с песком, коридоры Сенатского Дворца. Место было уже подготовлено к войне, по самым высоким стандартам. Десантура клепала, будто горячие пирожки, арки из двутавров и швеллеров, найден-

ных на складах. Солдаты резали их болгарками, что питались от трясущихся и жутко воняющих выхлопом генераторов – их было всего штук десять на весь Кремль. Их берегли. Один уже, не справившись с нагрузкой, вышел из строя. Треснул цилиндр, и его отставили и в сторону. Электричество стало неслыханной роскошью.

Похлопывая некоторых солдат по плечу, а некоторых хваля словами за отличную работу, впереди шла Вирхова. Она плыла среди солдат, те ей охотно салютовали, улыбались и говорили с ней. Будто бы не было на ней сейчас дурацкой цветастой олимпийки, не было на ней тех ужасных, запыленных и старых широких советских штанов, что висели как два мешка. Солдаты все равно видели в ней своего командира. Для них она была «своей». Словно стараясь подчеркнуть свою признательность, а заодно не посрамлять видение себя солдатами, та, чуть вальяжно, с настоящей графской изысканностью вышагивала между солдатами.

— Пацана только не щадишь. – тихо, будто бы для себя, внезапно сказал Среда. Он к ней не поворачивался, не говорил этой ей, но Вирхова все равно услышала. – Не жаль тебе его?

— Очень жаль, поверь, намного больше других. – сухо, без эмоций, ответила она. – Веришь ты, или нет. Парень он совсем еще зеленый, в сыны мне годится, а потому я строга с ним больше, чем с остальными. Чем быстрее сделает все действия, что я поручаю, тем больше шансов, что дотянет с

нами хотя бы до следующего утра. А может, если будет совсем умницей, то и больше. – на этом слове она повернула голову, и слегка улыбнулась, не показывая зубов. На ее лице на мгновение проступила какая-то жалость, но не к Диме, на которого смотрела, а вообще. Жаль ей было Артема – то правда. – Тебя-вот, дурака, я жестче воспитывала. И ничего, вырос, вон! Дите даже успел склотить, на родную страну работал, да и неплохие деньги за это получал. Чем не моя заслуга?

— Свечку над зачатием «дитя» ты не держала. – язвительно ответил тот. – На надо там про твою заслугу. Сам постарался, аж сердце смяло. Но, помню я, как ты учила меня с парашютом прыгать, чтобы я таки высоты не боялся...

— Не начинай. – сразу поняв, она перебила его.

—... и выбросила из самолета. – отчеканил каждое слово Среда. – Я пролетел четыре сотни метров, прежде чем чертов парашют раскрылся. Я приземлился в какой-то сарай, проломив его дряхлую крышу. Так еще и штаны стирать пришлось.

— Ну в этом моей вины точно нет! – рассмеялась Виrhoва. – Но ведь научился?! И с первого раза все почти правильно сделал. Задача выполнена, а какими способами, дело десятое.

— Я с тех пор ненавижу парашюты. – слегка насупившись, будто вспомнив юношескую обиду, буркнул он. Ульяна тактично сделала вид, что этого не заметила.

Пришли в «Склад» за номером шесть. Здесь был большой стол посреди зала с окнами, выходящими во внутренний дворик Дворца. Там выхлопами коптила небо гусеничная бронемашина. Вокруг стола были еще какие-то рукодельные пристройки: на пустых патронных ящиках лежали снятые с проходов, посеченные осколками, пожжённые двери. От них разило горелым лаком. Этот запах сбивал с толку и заставлял виски стучать. На всем этом великолепии, а также полу, подоконниках, даже на разбитых рамах, в ряд, два, три, десять, в несколько слоев все было заставлено коробками. Огромная зала действительно превратилась в склад, в котором яблоку негде было упасть. Цветастые гражданские упаковки, вперемешку с суровыми серыми картонными и железными коробками, на которых с помощью трафарета были выведены ряды слов. Все это провизия, если верить Кельту. Сам же немец более уверенно прошагал через все это богатство, и поднял с незанятого небольшого участка заводского стола, а не с уложенной на ящики двери, планшет с какими-то бумагами. Щелкнул шариковой ручкой. Экий рыжебородый «клерк» оглядел все еще раз, и глянул на Вирхову. Та, подняв одну бровь, сделала пару шагов в склад. За ней Среда, Ганс и Вагнер.

— Тушенка, галеты? – достав из пачки сигарету, она постучала ее об руку. Перевернула, и постучала снова.

— Если бы, – усмехнулся Кельт. – «Тушенка-галеты» в четвертом. А тут у нас президентский паек! Все, что не

входит в рацион простых служивых солдатиков, охранников и секретарей. Сколько жил, не видел столько! Так-с... – заглянул он в свои бумаги. Вел подсчет. – «Мясо краба камчатского, ломтики» – четыре коробки, «Икра черная, осетровая» – четыре коробки, «Икра красная, лососевая» – десять коробок, «Криль арктический» – шесть коробок, «Мясо утки, филе» – три коробки, что из пенопласта со льдом. Вон те-вот! – показал немец в самый дальний угол, где было несколько белоснежных контейнеров. – Так, еще что... «Ассорти мясное, дальневосточное». Не знаю, что это такое, но шесть коробок. «Шампанское Французское» – три коробки, по девять бутылок. «Форель Австрийская» – четыре коробки, «Лосось» – три коробки, «Горбуша» – три коробки, «Говядина мраморная, замороженная» – три коробки, «Стейки, свинина» – три коробки. «Вино Дагестанское» – две коробки, по девять бутылок, «Вино Крымское» – три коробки по девять бутылок, «Коньяк Армянский» – десять коробок по девять бутылок, «Коньяк Французский» – девять коробок по девять бутылок...

— Так, сколько там пунктов? – не выдержав, спросила Ульяна, скурив за это время уже половину сигареты. – Я не хочу тут истечь слюной и состариться.

— Тридцать шесть. – ответил тот, подняв на нее глаза. – Тут настоящее раздолье, хочешь – суп вари, хочешь – жаркое делай. Если б найти большой такой чан, литров на пятьсот, можно было бы дня три точно шиковать. Завтрак, обед

и ужин.

— Сколько ж все это стоит? – присвистнул Среда, открыв один из ящиков и достав оттуда шотландский виски. – Привезти же надо, опечатать, расфасовать... Слышь, Кельт, сколько по описи иностранного, не отечественного?

— Я немец.

— Не российского.

— Двадцать семь пунктов. – сверился с бумагами тот, выдохнув. – Включая еду, питье и табак.

— Живут же люди... – уважительно покачал головой Среда, понюхав виски.

— А ты думал мыслители народных дум голодают? – спросила его Вирхова, проходя мимо коробок и разглядывая их названия. – А если думал, то забудь. Видишь же – не голодают. Может и слава Богу, теперь и мы не будем... – она глянула на Кельта. – А что там по табаку? У меня почти кончились.

— А он вон, у дверей! Под «Царской» стоит. – показал на коробки тот. – Вагнер, ну-ка сними, ты поздоровее.

Крепкий немец взялся за одну из заклеенных коробок. Внутри зазвенела водка. Ее тут было столько, что хватило бы на душевную пьянку небольшого поселка, чтоб потом были переполнены вытрезвитель и госпиталь. Поставив брякающую огненную воду в незанятый коробками, явно для прохода, квадрат, где еще виднелся пол, немец отошел обратно. Склонился над каким-то ящиком и поглядел на название.

Это был свежий хлеб. Его была всего одна коробка. Не так уж и впечатляюще, после нескольких десятков ящиков с мясом, рыбой, сырами и морепродуктами. Всего одна коробка... С него ведь и растолстеть можно!..

Вирхова прошла до табака. Наклонилась и достала из кармана очки. Среда снова усмехнулся: снайпер, а очки носит.

— «Мальборо», «Винстон», какие-то с Кубы... – перечислила она под нос. – «Кэмэл», «Парламент». Всякое га-авно. Суки, хоть бы пачку «Спутника» или «Примы» положили. Да... Вот бы Громов удивился, – подняла она глаза на Среду, а затем странно поглядела куда-то в пустоту и злобно оскалилась. – Что из десятка коробок элитных папирос, я ищу наши... А это что? «Лаки Страйк».

— Прямо как с агитплакатов сороковых. Я уже тоже оценить успел. – Кельт кинул свой планшет на ящики с сыром Дорблю. – Такими, кстати, американскую зону оккупации в Германии закидывали. Из каждого утюга про них было. Курево для обездоленного народа. Последние марки за пачку, а за океаном миллионы считают. Да, не приятно. Еще и винтажные, кстати, не новые. Вы откройте, гляньте. Пачки-то те... Белые, с красным кругом.

— Да, вижу. – будто сырую землю, та зачерпнула их рукой, и ссыпала обратно. – Делать нечего, возьму парочку. Все одно, до ларька бежать... – она глянула в выбитое окошко. – ...далековато.

— Можете взять, сколь унесете. Мне же не жалко. – усмех-

нулся немец, расчесав рыжие волосы. – Тут всего с лихвой. Там, где-то даже хлеба коробка была.

— Да, здесь, вот. – ткнул пальцем Вагнер.

— Нет, так не... – обернулась она недовольно. – Да кто там чавкает?!

В углу над коробкой с печеньем согнулся Ганс. Он наскоро уплетал привезенный в Россию из Вены штрудель в зелено-белых упаковках. Все были голодные, вот он и сорвался, попав в такой цветник. У него было много аппетита и мало совести. Когда Вирхова рывкнула, немец застыл и повернулся на нее, быстро все прожевав. Недоеденный кусок он кинул обратно в коробку. Почесав висок, Ульяна немного смягчилась, повернулась обратно к Кельту. Тот явно ждал ее приказов.

— Пересчитать, разделить на пайки. – пальцем показала она. – Сейчас, что не требует готовки, раздать, как полдник. Возьмешь пару солдат, оборудуешь в казематах, или на складе, где есть электричество, готовку: суп, второе, напиток, сыр или колбасы, хлеб, десерт. На передние рубежи полтора пайка, командному составу и взводам обеспечения по пайку. Раненым... по половине. Спирт, водку – в санчасть. Коньяку по семнадцать с половиной, вина по двести грамм. И все это к вечеру. Бутылки на руки и добавку солдатам не давать. Черт его пойми до каких раков мы тут куковать будем! Так что так. – она немного сбавила тон. Убрала в карман три пачки сигарет из открытого ящика. – Пока живем на «прези-

дентские», а как подопрет, «галеты-тушенка». А, и да... Гансу штруделя не давать.

— Сделаем. – усмехнулся тот, глянув на погрустневшего собрата. – Вы хоть пока возьмите, перекусите.

— Нет. Солдатам, все солдатам! – разворачиваясь и выходя из «Склада» за номером шесть, произнесла Вирхова.

И снова, с невероятной грациозностью она зашагала по разваливающемуся Сенатскому Дворцу. Тот пищал, скрежетал, гудел под ее ногами. Но каждый раз, когда она на мгновение останавливалась – все прекращалось, затихало. Здание будто из уважения переставало шуметь. Словно понимало, что Вирхова – единственный его шанс выстоять, не отдаться врагу и не стать символом начала ядерной войны. Но Ульяна была здесь... чужой, выбивалась из общих строгих желто-белых, чуть приглушенных тонов. Она как черная точка раковой опухоли, но такой, что сжирает более вредные клетки, добавляя организму несколько мгновений жизни.

Удары придутся по всем, кто с ней рядом: по солдатам, по друзьям, и обязательно, по зданию. И ему тоже, как и любому воину тут, нужно просто продержаться еще немного.

Поймав одного из споткнувшихся солдат и поставив его обратно на ноги легким толчком, Вирхова завернула обратно к себе в кабинет, с окнами во внутренний дворик. Здесь уже стоял телефон с рукодельной подпиской: «Комплекс управления». Коротко. Емко. И понятно. Это была связь со внутренним бункером, с командным пунктом и радиоточкой

стратегической связи, где сейчас, наверно, во всю копалась одинокая Моргана.

— Дениц, – произнесла Вирхова в поднятую трубку, со скрежетом провернув ручку динамомашины на большом, больше похожим на ящик, корпусе телефона. – Блять!.. Лейтенанта Лужина сюда!

— Я! – в двери ворвался сухопарый десантник в запыленном кителе.

— Где связь с комплексом? – строго спросила она, со звоном вонзив трубку телефона в корпус. – Я те, Гриша, еб твою мать, говорила, чтобы она была, как можно быстрее... Какого черта это вот тут есть, а связи нет? Нахера козе баян, Гриша? Быстро связь на него!

— Есть! – с немного идиотской улыбкой, тот кинул руку к берету, козырнув, и развернулся к выходу. Но остановился у самых дверей, разорванных выстрелом.

— Стой. – сбавив тон, сказала Ульяна. – Сирены отключены, света нет. Нужен наблюдатель на Никольской башне, и пара бойцов на одну из колоколен. Пусть, если что, набат бьют. Быстрый – на воздушную тревогу, медленный – на подход наземных сил противника, понял? – тот быстро кивнул. – Что ты киваешь? Я тебя спросила: ты понял?

— Так точно. – немного смутился тот. – Понял.

– Вот, хорошо. Уже молодец. Так... – почесала она лоб. – Среда, что ты еще думаешь?

— Хочу пива и сухариков. – ответил тот, приземляясь в

широкое президентское кресло.

— Так, понятно... А! – вспомнила она. – Сними взвод с Западной стороны, там, где Сад за стеной, ясно? Поможешь Костину перетащить вооружение и провизию в Собор, по подземным коридорам тоже. Но сперва – оповести всех про набат. Понял?

— Так точно. – повторил тот, как заведенный. Развернулся и вышел.

— Связь! – крикнула она вдогонку ему, напоминая.

Она снова, мгновение постояв неподвижно и задумчиво, покрутила ручку телефона. Тот заскрипел катушками динамомашины, и звякнул поднятой трубкой. Немного послушав молчание динамики, Вирхова снова бросила трубку обратно на место крепления. Глубоко вдохнув, сунула в зубы сигарету, доставая из кармана спички. Не обнаружив их, стала шарить себя по карманам, тихо ругаясь.

— Ты слишком нервничаешь. – Груз поднес ей к папиросе зажигалку. – Это что, «Лаки Страйк»?

— Сама в шоке, но других не было. – затянувшись, ответила она. – Я не нервная, я конкретно на взводе. Черт пойми, когда и какой пойдет удар, а мы тут оборону на двух квадратных метрах выстраиваем. Было бы побольше бронетехники... – подняла глаза на него. – Зато ты феноменально спокойный. Ты что, нашел президентскую кедровую шишку?

— Кедровую? – спросил Среда.

— Шишку? – поднял бровь Груз. Это были все его эмо-

ции.

— А вы что, не знаете? – поглядела она на них. – Простая кедровая шишка, с кулак, вот, примерно размером. Здоровая такая. – сжав пальцы, показала женщина. – Он ее привез с деловой поездки на Урал. В какое-то глухое место, под Челябинском. Отлучился в нужник, и кедр увидел. На нем была одна шишка. Он ее сорвал и себе взял. С тех пор, он с ней не разлучается в кабинете. Говорят, он ее понюхает, потрогает, похрустит, и успокоится, когда напряженный рабочий день был... А вы о чем?

— Как у Януковича, что ль? Золотой батон? – широко улыбнулся с кресла Среда. – Да... Интересно.

— Так тот кедр в красной книге. – не вынимая сигарету изо рта, прояснила Ульяна.

— Так теперь его привлекут по закону? – с сарказмом высказал Груз.

— Ай-й! Лет шесть назад было. На первом сроке еще. – отмахнулась та. – Так ты чего такой спокойный. Вон, даже у Среды паралитическая улыбка с лица не слазит.

Дима нахмурился. И правда, улыбался он сейчас так, будто защемило лицевые нервы. Глаза грустные, уставшие, а рот сверкает всеми зубами. А кончики губ где-то в районе ушей. Поистине страшное зрелище, на самом-то деле. Ну, а Груз... Он вообще почти никак не реагировал.

— Мы оба знаем, что и у Среды-старшего рот не закрывался. – лишь пожал плечами он, отойдя к окну и присажив-

ваясь на подоконник. – Папина копия почти во всем. А у меня это просто профессиональное.

— Просто ты бука. – устало кинул Дима. – Насупившийся старый чекист с важным выражением лица. А нужно-таки жить легко, с шуткой наперевес и истерической улыбкой. Чтобы враги ужасались, а друзья радовались.

— В моем возрасте уже не до улыбки. – притер тот костяшками седую щетину. – Смысла улыбаться немного, очень хорошая примета это. Улыбка... Если улыбаешься, значит либо обманываешь, либо просто дурак. Мне не зачем излишне напрягаться, скалить зубы, и что-то строить из себя. Да, я старый, ворчливый и нудный дед, который оказался тут просто из дружбы.

— Буду дураком, но на деда ты тянешь только лицом. – снова ухмыльнулся Среда, будто подтверждая слова. – Ты вообще, чем в Германии-то занимался? У тебя в доме, что, спортзал этажом ниже был, и магазин спорт пита за углом, через площадку с турниками? Почему именно мне дают больше лет, чем есть на самом деле? Я что, настолько плохо выгляжу?

— Да. – синхронно ответили Груз и Ульяна. Дальше отвечал уже чекист. – Тебе нужно помыться и хорошенько поспать. На тебе лица нет, все пространство занимают зубы.

— Ладно, вы-таки слишком честные для таких вопросов... – вставая, сказал Дима. – Но покуда солдаты смастерили здесь все, вплоть до качелей, но не сделали душа, я бу-

ду вынужден радовать вас своим прекрасным видом. Какой, вот, я есть. Насчет качелей – пошутил. Пойду, по рюмке чая, и посплю, пока каша не заварилась.

Немного поправившись и скинув с себя на стул все, что на нем было из снаряжения, а затем и верхнюю одежду, оставшись в одной, слегка влажной футболке, он прошел по кабинету, шумно цокая ботинками. Под его ногами изредка похрустывали куски штукатурки с разошедшегося паутиной трещин потолка. На мгновение остановившись и посмотрев на подошву, мужчина наигранно выдохнул, и вышел за двери. Ульяна погасила сигарету в малахитовом органайзере и медленно опустилась на стул, снова проверяя связь в телефоне. Ничего не было. Не помогло даже то, что она немногим больше покрутила ручку динамо – без толку. Связи внутри Кремля все еще не было, даже проводной. Чего уж говорить о заглушенной системами РЭБ беспроводной связи. Благо, еще не все оказалось забыто. Где-то на этажах был солдат с сигнальными флажками. Не очень удобно, зато достаточно надежно. В век цифровых систем, когда все может закончиться из-за взорвавшейся розетки, нет ничего лучше, чем знать, что где-то под боком есть аналог, у которого не кончаются батарейки... Наверное.

Из-за хрустящего под ногами Среды бетона его было хорошо слышно в коридоре. Солдаты уже ничего не строили. Не гремели молотки и лопаты, не звенели сварочные аппараты и аккумуляторные болгарки. Временные, и очень-очень

кустарные, укрепления были готовы. Верхние этажи превратились в железобетонные ДОТы. Все силы теперь были брошены на переброску вооружения, медикаментов и провизии в Собор Василия Блаженного, что должен был стать опорным пунктом за пределами Кремля. При лобовом ударе в Сенатский, это была самая лучшая позиция для стрельбы из противотанковых систем. Хорошо укрепленные казематы церкви помогли бы от ответного огня, а множество окошек, бойниц и прочих щелей только на руку десантникам. Одно только было плохо. Если основную группу десанта в Кремле прижмут, помочь тем, кто останется в храме будет уже никому. Единственный подземный переход туда был заминирован, и при малейшей опасности проникновения противника, как с одной, так и с другой стороны, он должен быть взорван. Все пути, все сети снабжения внутри были невероятно важными, и потеря хотя бы части подземного комплекса могла оказаться трагедией.

Взрывы внутри подземелий Кремля стали обыденностью. Но теперь били не враги снаружи, а защитники изнутри, чтобы сохранить хотя бы часть того, что они защищают, после вероятного поражения. Его никто не хотел, но подстраховка нужна. Нескольким раньше, чем Ульяна пошла проверять провизию, был взорван лифт, и обрушена шахта в президентский бункер. В том был похоронен и основной командный пункт, ядерный чемоданчик, папка с кодами, бережно сохраненными в виртуальной памяти, Морганы, а также осо-

бо ценные иконы из храмов, представляющие культурную ценность. Теперь эта капсула была недосыгаема. Она оставалась для следующих поколений. Кто знает, для тех, кто будет жить счастливо в новом мире, или же для тех, кто останется выживать на когда-то голубой, но перегоревшей в ядерном пламени, планетке.

Ульяна внимательно слушала все, что происходило в коридорах. Среда там на мгновение остановился. Затем снова пошел вдоль стены. Вирхова уже достала из пачки новую, очередную сигарету, но закурить так и не успела. Раздался выстрел и шаги оборвались. Что-то грузно свалилось на пол. Вскочив, и глянув на Груза, Вирхова рванула в коридор. Со своих насиженных мест на деревянных ящиках повскакивали солдаты, хватаясь за оружие. Они прильнули к стенкам, подальше от окон. В этой секундной неразберихе Ульяна замешкалась, но, растолкнув подчиненных, вышла к открытому, для выстрелов из РПГ, окошку.

Перед ним, на белом от пыли ковре, в луже чего-то красного и густого лежал на животе Среда, вытянув вперед руки. Не поверив своим глазам, Вирхова кинулась к нему, но Груз схватил ее под руку, оттянув назад, от окошка. Работал снайпер – на стенке была отметина от прилетевшей пули. Оценив повреждения, Ульяна сквозь зубы выдохнула, закрыв глаза.

— Двенадцать и семь... – тихо сказала она. – Ч-черт...

— Кто-то умер? – внезапно раздался голос Димы.

— Мать твою, ты что, живой?! – вскочив, крикнула она

на него.

Подтянув к себе руки, Среда перевернулся на спину. Весь его живот был в какой-то красно-бурой густой субстанции, очень похожей на кровь. К брюху прилип небольшой сплюснутый корбченок из толстой, слегка желтоватой, с латунным отливом, фольги. В таких обычно возили джемы или повидло.

— Я-то думала тебя!.. Ой, бл... – металась Ульяна. – Ну, дурак! А это что?

— Да я у служивых варенье взял. – смахивал он с футболки жижу. – Думал чайку попить с галетой. Потом вот пошел, споткнулся и грохнулся.

— Лотереи, жаль, уже закрыты. – лениво усмехнулся Груз. – В рубашке родился, ничего не сказать.

— Я-то думала, что ты уже мозги на пол роняешь. – пытаюсь успокоиться, выдохнула Вирхова, мотая головой. – Снайпер, бляха, невезучий оказался. В стенку пулю положил. Да и ты посмотри какую... – ножом, чтобы не выставлять на показ противнику рук, она отковырнула немного бетона. На пол упали металлические крохотные кусочки. – Оболочечная. Крупный калибр, точно не Драгунов. Двенадцать и семь, или того больше. Как раз на уровне твой тупой башки! Откуда стреляли, сержант?

— С Универмага, вероятно. – ответил один из солдат, подаваясь слегка вперед, чтобы выглянуть одним глазком. – Не успели заметить.

— А ну быстро назад! – шикнула на него Вирхова. – Там не идиот сидит. В окна не соваться, даже в амбразуры. К такому калибру оптика нужна хорошая... и там она, вероятно, есть. Идеи?

— Я особо не вел городских боев. Я не знаю. – Груз пожал плечами. – Я все же больше разведчик, чем солдат. Если только на живца, но народа, итак, маловато.

— Нет, не выйдет. Такое даже в Афгане не проходило. Хотя там те еще олени за оптикой бывали. – рассуждала та. – На солнце бликовать не будет, он на востоке, а оно еще слишком высоко. Единственное, что работает с крупного калибра, и мы слышали выстрел. У него нет глушителя. Его может выдать вспышка! Нужно спровоцировать его еще на пару выстрелов, но не потерять ни одного солдата. Бил, похоже, на прямой, с центра Универмага, так как бетон выколот примерно равномерно. Пуля вошла не наискось. Значит, нам нужна центральная часть. Но он не на крыше, стрелял из глубины помещения, скорее всего даже из дальнего угла, чтобы солнце, как можно дольше, не светило ему в глаза. Есть зеркала?

Один из солдат протянул ей небольшой обломок. Он был очень острый и узкий, но этого было достаточно. В него можно было посмотреть на Универмаг. Но вот незадача – солнце могло блекнуть и выдать позицию наблюдателя. Такой калибр мог пробить и стенку, а потому складывать голову на алтарь победы Ульяне пришлось бы раньше, чем она того хо-

тела. Немного еще подумав, она отложила зеркало для другого маневра. Вдруг глянула на ящики, где сидели солдаты. Там была плащ-палатка, накинутая на них. Ее-то она жестом руки и попросила. Схватила пыльное покрывало на лету, и закашлялась. Постучала себя по карманам, явно что-то ища. И, наконец, достала из штанов не начатую пачку сигарет. Открыла ее и с едва слышимым шуршанием вытянула губами оттуда одну.

— Забыла спички в кабинете. – повернулась она на Груза.

— Ты серьезно решила устроить перекур? – отползя к солдатам на той стороне окна, спросил Среда. – Сержант, семафорьте нашему танкисту, пусть стреляет.

— Не-а. – подкурив от «Зиппо» Груза, произнесла та. – Пусть снаряды бережет, нам их неоткуда взять. Да и сперва подловить надо шакала...

Перебрав руками ткань, Вирхова несколько раз подряд затынула и вынула папиросу из зубов. Прожгла ей ткань плащ-палатки. Сигарета нехотя, но все же прошла насквозь, образовав аккуратную дырочку, в которую было удобно смотреть. Этой шторкой можно было перекрыть видение снайпера, и делать за ней все, что душе угодно. Но план Ульяны был не совсем такой. Если попусту поднять на черенке солдатскую каску, что ничего не произойдет, в случае, когда противник настоящий профессионал. Как уже было выяснено, именно против такого и воевали. Такой не стреляет при каждом удобном случае, для него стрельба – искусство.

Он бережет патроны и знает цену выстрелам. Цену каждой пущенной им пули. Но такие люди азартны, обычно они любят показать то, что они умеют, особенно когда против них такой же профессионал, а не рядовой состав необстрелянных юнцов.

На это и решила сыграть Вирхова. Хотела все обставить так, чтобы заставить человека подумать, что совершает ошибку. Ей будет достаточно всего одного выстрела, чтобы понять, откуда летит неожиданный подарок. Выкинув окурок в окошко, она перебросила понизу другой уголок плаща Среде, и тот взялся за него мертвой хваткой. Синхронно с ней, прижал руку к оконной раме, приготовившись встать.

— И... – с некоторой улыбкой протянула Вирхова. – Занавес.

В коридоре стало чуть темнее. На стене показалось небольшое пятнышко света – в прожжённое отверстие пробивался свет. Складчатая ткань закрыла окошко до половины, и передав Грузу свой край, Ульяна снова присела. Глянула в дырочку. Она, как и ожидала, ничего не увидела. То, что парень там был явно не из глупых, подтвердилось. Теперь нужно было переходить ко второй части ее плана. Показав пальцем на солдатскую каску, все на тех же ящиках, через мгновение и пятерку рук, получила ее. Перекинув за полотнищем сержанту, прокатила ему по пыльному полу нож.

— Поднимешь за плащом каску на черенке. – объяснила она. – И как я гляну, начнешь аккуратно прорезать, будто

бы тоже себе делаешь окошко, понял? Прислонишься каской так, чтобы было видно. Но не сильно, словно она на твоей голове.

— Так точно. — сглотнув, произнес тот.

— Мы с ним сыграем. — не прислоняясь к ткани, глянула Вирхова в отверстие.

Аккуратно надавив штык-ножом на палатку, сержант начал прорезать ткань. Ульяна в этот момент пристально, не моргая, глядела на здание Универмага. Она была уверена, что ее идея непременно сработает. Выдохнув, и затаив дыхание, она дала легкую отмашку, медленно режущему ткань солдату. Сержант послушался и аккуратно, будто хирург в операционной, медленно наклонил лопату в руке. Холодный металл каски коснулся ткани. Через долю секунды раздался хлопок, и, звякнув, разорванная каска завертелась как бешенная на черенке от лопатки. Ульяна улыбнулась. Она увидела вспышку.

— Вот ты где, сучка. — прищурившись, ругнулась Вирхова, отходя от тента. — Десант, к бою!

— Что, пришьешь его? — поинтересовался Дима.

— Нет, у меня есть кое-что получше. — ответила она, прислонившись к стенке плечом и обернувшись на солдат. — Термобар сюда!

Шурша широкими камуфляжными штанами, по коридору пробежался десантник в полном обмундировании, с ручным противотанковым гранатометом на плече. В стволе была не

обычная, не остроносая кумулятивная граната. Ощущение было такое, словно на палку насадили банку, и этим собирались запускать по зданию. Но оружие это было мощное, невероятно разрушительное. Если попасть им точно – прикуривать можно будет уже от костей. Боец встал на изготовку. Приготовился к стрельбе, и вскинул гранатомет. Удостоверившись, что под вылетающую позади реактивную струю никто не попадет, кивнул Ульяне. Та не ответила, лишь еще разок глянула в прожжённую дырочку в брезенте.

— Надеюсь, ты куришь там. – тихо сказала она снайперу. Затем повернулась на своего десантника. – Сработаешь только по моей метке. Среда, дай... А, у тебя все в кабинете. Груз, дай магазин с «зажигалками».

Зажигалками называли разрывные патроны. Вещь не самая эффективная. Зато очень эффектная. Почти как трассирующий, но вот отличие было в том, что последний горел, пока летел, а первый – только при столкновении. Намного удачнее показывал, куда именно нужно было стрелять. Но в магазине «семерок», протянутым Грузом, были только трассирующие. Как и всегда, один через четыре других, чтобы уж точно не ошибиться. Грубо протерев глаз пальцем, и выдохнув, Вирхова надела очки. В оптику она могла глядеть и без них, а вот без прицела не стреляла давно. У нее была дальнорукость, целик видела смутно. Примкнув магазин, и дернув затвор Калашникова с скрежетом и грохотом, Ульяна вскинула автомат, уперевшись локтем в стену.

— Как скажу, опустите занавес. По Универмагу, бегло... Огонь! — не успела она договорить, как в ту же секунду застрекотали пулеметы и автоматы. Хлесткими щелчками били две снайперские винтовки. — Опускай!

Кинув концы плащ-палатки, Груз и Среда спрятались за стенки, опасаясь огня снайпера. Когда пыль от ткани немного осела, стало видно, как под пулеметным и автоматным огнем крошится фронто́н Государственного Универмага, точно через площадь от Сенатского Дворца. Где-то там сидел снайпер, но весь этот фейерверк был лишь отвлечением внимания, для единственного залпа. И «горячий подарок» уже должен был скоро найти своего получателя.

Пустив длинную очередь, через некоторое время после, Вирхова выстрелила еще три раза. Все пули, точно, как по линейке угодили в третье маленькое окошко, в ряду между башенок над центральным проходом. Именно там она видела засевшего снайпера. Опустив автомат и убравшись за стенку, закрыв ухо рукой, и раскрыв рот, чтобы хлопком ей не выбило перепонки, она махнула гранатометчику. Слегка наклонившись вперед и быстро поправив гранатомет, тот нажал на спуск. В этот момент, показалось, в Кремле поднялась вся пыль, какая была. Коридор озарила яркая вспышка, а задняя стенка почернела. Ее опалило реактивным пламенем вырвавшейся гранаты. Люди отшатнулись от гранатометчика, потому что выдержать такой удар по ушам без защиты было практически невозможно. В голове у Среды за-

звенело. Мотая ей, он прикрыл больное ухо. Гранатомет дернулся, и огромная граната полетела через Красную Площадь. Мгновенно разворотила далекий оконный проем. Видимо, она не «залетела в форточку», как хотела Ульяна, но все равно наделала делов. С креплений вырвало рамы и стенки между двумя соседними окошками. С фасада осыпался кирпич и штукатурка. В радиусе пяти метров повышибало стекла, и они развеселым дождиком осыпались на брусчатку. Выжить в том пламени, в том объемном взрыве, – как его называют по-научному, – было невозможно. Если там и был снайпер, то теперь он точно остался только в народной памяти...

— Как думаешь, ему понравилось? – откашлявшись от пыли, спросила Ульяна.

— Не знаю, как ему, но мне нужны наушники. – потирая ухо, ответил ей Дима.

— Флажковый! – крикнула Вирхова, и в коридоре отозвался один из солдат, что был дальше всех. – Семафорь «Бэхе», чтобы отработали по вспышке!

— Стой, стой, ты это слышишь? – схватил ее за руку Груз, глянув через плечо и прислушиваясь.

Среди тишины, воцарившейся после прекращения беспорядочного отвлекающего внимание огня, что-то вдруг очень и очень тихо завывло. Как будто юла начала раскручиваться на деревянном полу в руке очень и очень скромного ребенка, что не хотел шибко шуметь, а вот поиграть любил. Чуть приоткрыв рот, Ульяна прислушалась. Этот звук ей совсем

и совсем не нравился. Это были не дивизионные пушки, это была не стрельба автоматчиков. Это что-то, что намного и намного хуже. В это мгновение, когда слегка слышимый шорох и шарканье на горизонте прекратилось, Груз глянул на часы. Он засекал время.

— Всем отойти от окон! В глубину здания, быстро!!! — надрывая глотку, крикнула Ульяна, срываясь в бег по коридору.

Этот звук она хорошо помнила. Она знала, что за ним бывало. Вот только никогда не испытывала того адского огня на себе. Видела, как этот чудовищный советский монстр ровняет с землей целые кишлаки, не хуже бульдозера, как разворачивает широченные горные склоны, как обрушивает штольни и укрепрайоны, как он испепеляет тела, что в нескольких десятках километров от него. И сейчас внимание этого монстра было устремлено именно на них. К Кремлю, по воздуху, разрывая небольшие низкие облачка, рвался на всей скорости полный залп дивизиона «Градов» ...

Когда разорвался первый снаряд, обрушивший одну из внутренних стенок Сенатского Дворца, Вирхова заползла в свой укрепленный кабинет. По ушам врезал чудовищный грохот. Со стен посыпалось все, что было: штукатурка, оставшиеся еще от первого обстрела картины, полки. Уже с полок сыпались, истекая горячим и жидким парафином, свечи. На дубовый стол, под который закатились Груз, Ульяна и Среда, пытаясь укрыться от огня, свалилась золотая хру-

стальная люстра. С первым прилетом, немного оскалив зубы, Груз глянул на свои часы.

— На пределе работают... – процедил он, не размыкая зубов. – Далеко стоят.

— Нам от этого ни горячо, ни холодно! – крикнул Среда, пытаясь перекричать страшные разрывы снарядов.

Сплошняком, и достаточно кучно, рвались ракеты. Со страшным взрывом вонзаясь в землю, они подкидывали на несколько метров вверх все, что было в радиусе поражения. Огромные и крупные осколки били по стенам, как Дворца, так и внутренних построек Кремля. С едва стоявшей Спасской башни посыпался кирпич, начала разрушаться Никольская. Прямым попаданием вывернуло заваленный кирпичом Мавзолей. С одной из колоколен внутри периметра раздался набат, но оборвался. Колокол, чуть сильнее обычно звякнул, и повалился, вместе со всем храмом на землю, украсив собой груды битого белого кирпича. Исторические постройки превращались в труху. Рвались снаряды и около техники. Двумя попаданиями, даже не в корпус, была уничтожена одна из бронемашин. От детонации боекомплекта у нее оторвало башню, и подкинуло вместе со всеми внутренностями вверх. Борта разорвало в стороны, и посекло несколько укрывающихся около нее солдат. Потери были, и потери были страшные. Солдаты просто не успели укрыться от внезапного налета, а связи не было. Все, кто услышали команду отошли в дальние помещения, но и это не помогало.

В груди отдало сильнее, теперь уже, обычного. Один из снарядов угодил совсем близко, по коридорам пронеслась взрывная волна, поднявшая все, что было не приколочено. Солдаты упали на пол, их буквально потащило по пыльно-му полу с ковром. Рванул склад с боеприпасами. Огромная дыра, на два этажа, теперь зияла в тыльной части Дворца. Удачное попадание Громовского «Града» лишило десантников части боепитания и вооружения. Там были складированы патроны, причем, самые ходовые – автоматные и пулеметные. Крупные калибры, снаряды, мины для минометов, реактивные, и простые гранаты же были в одном из подвалов, из которого бойцы успели сделать настоящий пороховой погреб. Если бы попало в него – снесло бы весь Дворец...

Массированный налет реактивной артиллерии сошел на нет. Пыль и грязь, что подняли снаряды «Града», начали возвращаться с небес на землю. Через звон в ушах, полных пыли и крови, хотя перепонки были целы, Ульяна слышала, как громкие и резкие взрывы сменяются не менее душераздирающими криками. Это были ее солдаты: раненные и покалеченные.

Потери сейчас были чудовищные. Все, кто копошился около бронемашин, кто не успел прыгнуть хотя бы в какую-нибудь ямку, были мертвы. Разорваны, искалечены и убиты. Эти «органы» не оставляли шанса выжить. Осколки, в ладонь размером, летали с чудовищной скоростью, прошибали все на своем пути. Взрывы испепеляли, ломали кости

и размалывали ткани даже тем, кто был достаточно далеко, чтобы скрыться от осколков. Это был настоящий ад на земле, и теперь можно было оценить его плоды: брусчатка была усеяна обезображенными трупами в обрывках закопченной ткани, пахло горелым мясом и металлом. С пылающей адово-красным пламенем бронемашины в небо уходил черный, почти не прошибаемый солнечным светом дымовой столб. В воронках лежали куски деревянных ящиков, догорали части припасов, которые несли по земле быстрее, чем под ней, в Собор. Повсюду были разбросаны искорёженные автоматы, битые кирпичи. Под пылью и копотью, в развезенной грязи лежали редкие голубые береты со звездами, полевые погоны, медали за Каспий и Кавказ...

Видя, как капает на пол кровь, Ульяна тронула себя за лоб. Над бровью была рассеченная кожа, над губами скапливались капельки со всего лица. Залетающие обломки стекла, древесины и камня ранили ее даже под дубовым президентским столом. Выдохнув, она поглядела на остальных. Среда, зажав уши и раскрыв рот, сложившись по-младенчески, лежал на полу, еще не понимая, что взрывы уже кончились. Груз, с запыленным лицом, сплевывая кровью на пол, встал, оперевшись могучей рукой о столешницу. Даже их, в глубинном и укрепленном помещении достало. Что было говорить об остальных...

— Духи под Кандагаром в верблюжье дерьмо ныряли, — оскалившись, и утирая кровоточащую рассечину ругнулась

Вирхова. – Только чтобы от «Градов» и «Смерчей» спастись! У них были ямы, норы. В несколько десятков метров глубиной – и то доставали. А мы на открытой всем, сука, ветрам позиции...

— Дим, Дима! – потормошив Среду, Груз повысил голос, будто и не заметив, что сказала Ульяна. – Живой, не зацепило?!

— Едва не убило. – раскрывшись и раскинув руки в стороны, перевернувшись на спину и протерев глаза, ответил тот. – В середине бахнуло где-то очень близко. Будто молния в дерево ударила. Возможно даже в стенку вмазало. Так с кулак кусок бетона над головой пролетел. Чуть не размозжило!

— Ты счастливчик. – утирая кровь на губах, с трудом распрямившись, старик присел на стол.

Шатаясь подойдя к телефону и провернув ручку динамо-машины, Ульяна проверила связь. Она была. Видимо в последний момент успели провести и подключить. Как бы ей сейчас не было тяжело, должна была продолжать командование. На стол, на карты, капала ее кровь со лба, но Вирхова упорно держала телефонную трубку у уха, не замечая этого.

— «Фермопилы»! Это «Фермопилы-Главный»! – прикрикнув, она по телефону вызывала Арсенал, что должен был держать на прицеле Александровский Сад. – «Фермопилы», это «Фермопилы-Главный», доложи обстановку, как понял?! – с того конца все еще не отвечали, наверное, шел подсчет потерь и оценка обстановки. – «Фермопилы», доло-

жи, как понял?!

— Э...это «Фермопилы»! – раздалось, наконец. – У нас серьезные потери, «Главный»! Командир второй роты, старший лейтенант Анисов, лейтенант Выдрин и лейтенант Курков убиты. Командование ротой принял я – лейтенант Окуров. Приблизительные потери очень большие, в районе пятнадцати, шестнадцати человек, из них только шестеро были в здании. Уничтожен склад провизии, и часть ящиков с боеприпасами. Повреждена приданная в усиление БМД, перебиты гусеницы! Как понял, «Главный»?!

— Все поняла, «Фермопилы», держитесь! – прислонив трубку еще ближе, Ульяна прижала пальцами рану над бровью, чтобы та не текла. – Как будут силы и возможность, окопайте машину. Вы у нас на тыловом направлении!

В этот момент в кабинет вбежал запыхавшийся, слегка посеченный, с кровавыми следами на тельняшке и кителе, лейтенант. Он, бешеным и рассеянным взглядом оглядел помещение, задержался глазами на падающем в кресло Среде, и быстро подошел к Ульяне, поправив на теле бронезилет. Хотя, рука его была под ним. Что-то залетело в тело.

— «Антей» докалывает, что уничтожена наша БМД. – проговорил он, слегка отдышавшись и оперевшись о стол. На пол закапало. – Повреждены два ротных миномета. Ранеными, человек двадцать пять или тридцать. Основные потери, до десятка, были на караванах, что несли провизию и медикаменты в Собор. Один выстрел угодил точно в первый

склад. Уничтожено до двух третей всего боезапаса на три роты. Тяжелое вооружение, взрывчатка и иное снаряжение, на складах номер два и три, не пострадали.

— Организуйте доставку «трехсотых» в лазарет. — спокойно ответила она, отложив трубку на стол. — Оказать всю возможную помощь тем, кто еще может выжить. Тяжелых не бросать, помогать, но силы беречь. Медикаментов на всех у нас нет. Что со стенами?

— Осыпалась за Мавзолеем. Открыт второй и часть первого этажа. — доложил десантник, утирая второпях рот и глаза от капелек крови и пота. — Центральная часть западного крыла Сенатского уничтожена взрывом первого склада: рванули гранатные ящики. Там теперь руины и пожар. Уничтожена Колокольня Грозного, повреждены еще два храма, но стоят. Открыто «окно» у Арсенала, перебит участок стены около «Борея» — два отделения, прикрывают Президентский дворец. Потерь в отряде Костина нет. Они закрепились в Соборе и ожидают наступление противника.

— Хоть одна хорошая новость... — тихо прошепав, высказала Вирхова. — Пусть лейтенант Лужин отправляется на тушение пожара на первом складе. Исследовать периметр на наличие неразорвавшихся снарядов и обезвредить их. Укрепить оборону второго этажа за стеной, перевести туда солдат с западного крыла. Пока нас прикрывают «Фермопилы», тыл у нас надежный.

— Лейтенант Лужин убит. — опустив глаза, ответил сол-

дат, стягивая с головы берет.

Вирхова не стала ничего говорить. Она стояла ошарашенная этим фактом. Не могла в это мгновение осознать, что тот улыбочивый кивающий лейтеха, на которого она возлагала достаточно большие надежды здесь, покинул мир живых в первые же минуты боя. Это было горько, очень горько осознавать, что офицеры уходили первыми... Они всегда были впереди.

— Тогда поменяйте берет на шлем, лейтенант. – несильно кивнула она ему, скрывая эмоции и прижимая пальцами рану над бровью. – Эта задача ложится на вас. Плюс, сосчитать потери точнее, раненных, что уже не могут держать оружие, и убитых. У нас на счету каждый солдат, и я не хочу, что было «двадцать пять – тридцать». Выполняйте.

— Есть! – ответил тот, козырнув к берету.

Снова зажужжала динамо-машина переговорника. Ульяна все не успокаивалась – ей нужно было контролировать каждый аспект, каждое движение обороняющихся солдат, даже несмотря на то, что сейчас ей было очень тяжело. Опустив окровавленную руку ото лба, она нащупала в кармане пачку папирос и вытянула одну из них зубами. Кинув остальные на стол, сдернула с него какую-то тряпку и зажала рану над глазом. Та все еще кровоточила и никак не хотела побыстрее затягиваться. В момент, когда ее рука поворачивала динамо, она не думала о том, что скажет сейчас. Думала лишь о том, что уже первая такая бомбардировка реактивной артил-

лерией дала ей страшные потери. Без боя выходила из строя техника, заканчивались боеприпасы, гранаты... а главное – люди. На ее душе заскреблись кошки. Не то, чтоб она начала задумываться о целесообразности всего этого, скорее наоборот, теперь они должны были стоять до конца, в память о всех, кто уже остался здесь. Ей хотелось горевать, ей хотелось плакать, но работа ее была тяжела – быть примером для солдат, настоящим командиром. Эмоции сейчас могли быть губительны.

— Моргана, – наконец сказала Ульяна в трубку. – Тебе присвоен «Аид». Мне нужно знать, что там с кремлевскими комплексами. Мне они были нужны еще двадцать минут назад!

— Систему стратегической связи не восстановить. – сходу начала та. – Для этого бы понадобилась целая бригада таких, как я, и целая уйма времени. Здесь даже без нашего вмешательства все дышало на ладан: совокупления систем всего бывшего СССР, из которых некоторые, в Украине, Таджикистане, Эстонии, например, были просто выкусаны кусачками! Плюсом новые системы, какие-то русские процессоры, которые копируют дешевые китайские и зависят от первой же перезагрузки. Самое реальное – система ПВО, и то я не могу ее обещать быстро. Это займет от двух до двадцати часов, если я смогу выбить достаточно мощностей на вычислительную технику. – сделав небольшую паузу, девушка тихо выругалась на немецком вне трубки телефо-

на. – Смогу дать вам радарные комплексы, но из-за действий Громовских комплексов РЭБ, не могу обещать их корректной работы. Из-за этой чудовищной бомбардировки вышибло несколько генераторов, они просто заглохли. Очень много процессов придется начинать заново, но я не уверена, что все из них, или хотя бы какой-то один будут работать! Пока это все, что я могу сказать.

— Поняла, «Аид», делай все, что можешь... – помяв переносицу, Вирхова положила трубку и глубоко затянулась папирсой. Села в кресло. – Сука, а еще даже штурм не начался ...

— Зато у меня кое-то есть. – внезапно сказал Груз.

Он быстро, с ловкостью двадцатилетнего пацана пододвинул себе карту, через весь стол. На небольшой, выдранный из раскрошившейся стены гвоздь намотал какую-то ленту и, смахнув со столешницы куски бетона и штукатурки, приложил карту большими камнями, втыкая в расположение Кремля гвоздь. Нащупав по карманам недогрызенный маленький карандашик с посредственной заточкой при помощи армейского ножа, он привязал его, и отмерил какой-то радиус, проведя по карте круг. Круг этот был около тридцати восьми километров. Затем повторил операцию, но уже меньшим диаметром, около тридцати пяти – тридцати шести километров. Глянув на часы, и просчитав что-то в уголке карандашиком, он, будто бы сам себе, кивнул, удостоверившись в правильности расчётов. Быстро тушируя на бумаге

получившееся колечко, он глянул на Ульяну и Среду, а затем пододвинул всем листок. Дима даже поднялся со стула и склонился над картой.

— Дальность работы БМ-21 около сорока километров. — начал он, тыкая карандашиком в лист. — Я измерил примерное время от начала работы систем до первых взрывов у нас. Время было очень близким к максимальному. Но я сделал погрешность в обе стороны по соображениям метеорологии. Они находятся в этом кольце.

— Что это дает? — спросил Среда, повернув взгляд на старика.

— Возможность накрыть их тремя нашими пушками. — доверительно качнула головой Вирхова. — Им присвоен «Арес» и нумерация от одного до трех. Если найдем расположение дивизиона и сможем понять, что они оттуда никуда не собираются после залпа, то шлепнем по ним, чтобы Громов не расслаблялся.

— По моим соображениям это может быть крупная железнодорожная станция. — скрестил руки на груди чекист, распрямившись. — Такая, чтобы можно было сгрузить весь дивизион разом, и разом же жахнуть. Своим ходом такие колонны далеко не передвигаются, а значит нужно искать крупные станции, или относительно большие полустанки. Они не могли быстро обустроить позиции в леске, а вот укрыться в городской застройке — могли.

— Неподалеку же может быть и корректировщик, штаб

дивизиона и прочее. – размышляла та. – Рядом с такими машинами обычно крутятся большие дяди с большими животами и погонами. Думаю, где-то неподалеку может быть и оперативный штаб Громова. Он пусть и ублюдок, душегуб, но к своим относится бережно. Ракетчик, мать его. – несильно прихлопнула по столу, что с него поднялась белесая пыль. – Нужно будет проверить эту теорию. Найти штаб и вмазать по ним из всего, что у нас есть!

Бахнула крупнокалиберная очередь. Среда, Вирхова и Груз распрямились и все, как один повернулись в сторону звука. Он исходил из тыла, от «Фермопил», что прикрывали со стороны Сада. Через небольшой промежуток очередь повторилась. Застрекотали автоматы, заработали по целям пулеметы. Раздался одиночный взрыв. В коридорах начались быстрые приготовления к отражению штурма. Становилось понятно, что это было далеко не просто так. Похватав со столов каски, наскоро накинув на себя бронежилеты и разгрузки с боезапасом, троица переглянулась. Первого удара сзади они точно не ждали – были уверены, что превосходящими силами в технике и людях Громов ударит в лоб, через основную дыру. Минуя Мавзолей, сразу на Сенатский дворец. И тыл явно не ждал такого. Завязывался активный бой. Все сильнее били автоматы. Тяжелые очереди сыпались по зданию арсенала с незавидной регулярностью. БМД вкопать не успели, она так и осталась стоять около.

Сверив часы, Вирхова раскрыла тетрадку, где был журнал

боя. Занеся все необходимое, пометив на карте направление, она зашагала по коридору, уже собираясь выйти и посмотреть на то, что происходит на ее направлении. Связь была плохой, обрывистой, не у всех были рации, и оперативно докладывать о состоянии войск на огромной территории Кремля было просто некому. Ее глаза были главным инструментом сейчас. Боевой опыт и решительность, быстрые действия – вот главный козырь в ее колоде. Но тут раздался звонок. Подлетев к рации, она сняла телефонную трубку.

— «Фермопилы-Главный», это «Фермопилы»!!! – с криком раздалось в динамике. – На нас вышли силы противника, мы вынуждены принять бой. Уже есть первые потери: двое... – в радиостанции что-то сильно бахнуло. Через секунду эхо добралось и до Сенатского. Ульяна быстро подняла глаза примерно в направлении звука и прислушалась. Но тяжелое дыхание она еще слышала, связь не была прервана. – ...двое убитыми. Один тяжел... Двое! Двое тяжелых. А, черт!

— «Фермопилы», какой состав у противника?! – пыталась докричаться та в микрофон.

— «Главный», примерно двадцать – тридцать. Мотострелки! – отрывисто прозвучало оттуда. Грохнул еще один взрыв. И снова с опозданием эхо докатилось до кабинета. – Двигаются боевым строем, под прикрытием бронетехники! Два «Бардака» и «Бэтер» с тридцаткой!

— Черте-че, сука. – выругалась через зубы та, прикрыв

рацию рукой. – Танки? Танки есть?!

— Только колесная! – ответили там. – Вышли на... – грохнул взрыв. На этот раз намного мощнее, будто бы взорвался целый ящик тринитротолуола. – Вышли на минное поле. Один «Бардак» уничтожен! Противник остановился!

— Жгите! – рявкнула она в рацию. – Жгите из гранатометов! Не подпускайте их к стенам!

— Просим разрешение на помощь «Гефеста»! – попросил лейтенант на том конце.

«Гефестом», как и все в Кремле сейчас, на манер греческих богов, обозвали «кузню» из шести ротных восьмидесяти двух миллиметровых минометов, которые обнаружили на складах. Силой это было не самой высокой, но выкурить противника из-за брони таким способом было весьма и весьма возможно. Скопление солдат на открытом поле было маловероятным, а вот за прикрытием остовов БТР или БРДМ, который десантура называла «Бардаком» – милое дело. Иначе их почти не достать стрелковым оружием, а если далеко – то и гранатой не докинуть. «Добро» – коротко ответила тогда Вирхова, слушая как с ответом: «Конец связи!», на том конце положили трубку. Медленно положив и свою, она на мгновение задумалась. Что если ошиблась, что, если удар пойдет с тыла, где группировка наименьшая. Тогда весь упор в строительство фортификаций был напрасным, солдаты зря старались и погибали тоже зря. Если эта ошибка, то переброска войск из одного здания в другое могла стоять очень

много, а солдаты – это время жизни всей крепости. Постучав по столу, она было хотела набрать «Фермопилы» снова, но тут Среда вскинул руку, остановив ее.

В двери влетел взмыленный солдат. Поправив на голове качающуюся из стороны в сторону каску, он распер руками входной блок, и доложил:

— Танки...

— Не ошиблась. – словно прочитав мысли, сказал ей Груз, закидывая за спину автомат.

— Да, хоть что-то, бля, хорошее... – ответила она, хватая из-за стола свое «весло» в виде СВД. – Где набат?! Полная боевая тревога! Все по боевым постам! Приготовить расчеты ПТРК, «Штайтан-трубы» на передний фланг! Быстро, боец, быстро! Мухой!

— Хочет взять в клещи? – примкнув автоматный магазин, Среда вышел к дверям.

— Поспешил с отвлекающим маневром. – спокойной произнесла Вирхова, выходя в белый побитый жизнью коридор Сенатского. – В тылу пехота под прикрытием скорлупы, а спереди жмут танкисты. Простой и тупой расчет, никакой изобретательности.

В этот момент по зданию бахнули. Болванка снаряда угодила в одну из укрепленных амбразур, разворотив ее. Раскидала по сторонам пыль, камни, куски мешков с песком, искривила металлические конструкции, что держали потолок и побила людей, что были там с оружием. Взрывная волна

прокатилась по коридорам. Ульяна успела прикрыть собой Диму, вместе с проходом. По ней дуло пылевым самумом. Запахло гарью и раскаленным металлом. Легкие напитались белесой мелко раздробленной штукатурки и песка. Вся эта радость оседала на мокрых от пота и крови бровях, волосах и коже. Были еще и еще выстрелы. Не успели даже покинуть коридор – здание начало снова трещать и ныть, прося оставить его в покое. Но, преодолевая звон в ушах и стряхивая с себя, с каски и с бронежилета и той ужасной цветастой олимпийки пыль, Ульяна все-таки двинулась на позиции, вскидывая снайперскую винтовку. За ней и все остальные.

Выйдя за поворот, который вел на самый знаменитый фасад Сенатского, Вирхова пригнулась. Нырнув за одно из укреплений, быстро поглядела в амбразуру. На этот раз все серьезно: танки стреляли фугасными. Не было тех ломов, которыми для вида дырявили Дворец до прибытия десантников. Не было и кумулятивных, один из которых тогда чуть не убил весь передовой отряд Среды. Только фугасные толковые банки, что громко разбивались в окнах и выворачивали стены на изнанку. Людям приходилось несладко – деревянные балки и блоки горели, гарь и дым распространялись по коридорам. Обожжённый и горячий камень сыпался со всех сторон. Крупной шрапнелью летели выломанные куски металлоконструкций, осколки снарядов и редкого стекла, угольков бывших деревянных рам. Как только в коридоре появился Среда, его окатило песком из разорванных мешков. Снаряд

ударил по ним, но не взвелся – пролетел насквозь и глухо прошел стену дальнего кабинета и рухнул где-то во внутреннем дворике. С потолка уже привычно посыпало белым.

Танки подходили скоро. Они уже преодолели половину Площади, видимой в ту щелочку, в которую глядела Ульяна. Десантники не могли пока под настолько ожесточенным огнем достойно сопротивляться, но и в стане врага уже были потери. Немногим раньше перед началом атаки сгорела одна из «коробочек» – она все еще ярким пламенем, раскинув подле себя тлеющие трупы экипажа, что успел покинуть машину, но заживо сгорел, освещала пространство с угла Универмага. Видимо, выезжали именно оттуда. Еще одна «восемидесятая» была уже на середине Площади, когда в лобовую ее часть, там, где были коробочки динамической защиты, напичканные взрывчаткой, одновременно угодило сразу три гранаты от десантных РПГ. Машина остановилась. Вокруг нее появились миражи, воздух исказился. Пыль, дым и разлившиеся во все стороны искры, осаживались. Из-под задраенных люков что-то начало свистеть. Из ствола вырвались языки пламени, вместе со смольно-черным пороховым дымом. Раздался сокрушительный взрыв. Волна из металлических обломков, жара и пыль добрались даже до окошек, откуда отстреливались десантники. Башню вырвало с корнем. Ствол полетел вверх отдельно и изогнувшись. Верхний броневой лист выгнуло, как парниковый навес, а борта раскинуло «крыльями». Взрыв повредил и оказавшийся рядом

танк – строй шел не очень плотно, однако эти две машины держались рядом. Тому перебило гусеницу. Машина, на полном ходу скидывая звенья с траков, встала боком, пытаясь развернуть башню.

— Пехоты нету, одни гребаные танки! – вскинув винтовку и немного выставив ее в амбразуру, выругалась Вирхова.

Прицелившись в свою оптику, она всадила две бронебойные пули в оптический комплекс наводчика в остановившейся «восьмидесятке». Танковый выстрел оказался из-за этого смазан. Снаряд гулко ухнул по скату крыши и пошел выше, где, почти над самым внутренним двориком, почти как зенитный, и разорвался.

— Подходят, уже почти близко! – доложился Среда, взглянув в окошко. – Еще немного и стволы уже за стенами будут. Нам бы помощь «Спарты» Костина! Как по мне – самое время.

— Они у нас в козырях. Если мы раскроем их на первом штурме, то следующий артудар придется и по ним тоже. Их не так уж и много, мы сможем отразить атаку!

— Надо поднять вон-то «Копье», Дима! – потрянул его за плечо Груз, показав пальцем на перевернутый безоткатный гранатомет на треноге. Тот лежал около самого пролома в стене.

Среда кивнул. Закинув автомат за спину, поднялся. Ему предстояло преодолеть большой пролом в стене, который открывал отличную возможность танкистам наспиговать его

до самого темечка пулями. Но выбора не было. Расчет десантников был разбит, но гранатомет еще мог работать. Нужен был только момент, прикрытие и отвлечение внимания на других.

В этот момент где-то дальше рывкнула пара гранатометов. Уже четвертый танк остановился и остался грудой металлолома на московской брусчатке. Оборона пока держалась. Хотя было нелегко. Закашлявшись от дыма внутри коридора, Дима снова, прикрыв рот и слегка надвинув на лоб каску, выглянул в окошко. «Коробочки», увешанные броней от катков до зенитного пулемета, как одна, поворачивали башни. Они разделялись. Одни оставались на позициях прикрытия и били с дальнего расстояния, некоторые даже из-за Универмага. Другие шли в пролом в стене. Верная тактика, не лишенная вероятности на успех, если бы не спешка Громова и атака напрямую в лоб, с несработавшим планом отвлечения. Как и сказала Вирхова – он ошибся, и это ему уже стоило четырех... нет, уже пяти экипажей.

Громышнула еще одна «восьмидесятая». Но эта не раскинулась таким фейерверком как остальные. Просто встала, как памятник, и заглохла. Из ствола и из приоткрытых люков вырвались языки пламени. На борту был пожар. Как только из машины начали выскакивать горящие танкисты, падать на брусчатку и кататься на спине из стороны в сторону, чтобы потушиться, Среда рванул через разлом в стенке. Кирпич, будто ощущая почти невесомые шаги бывшего госслужаще-

го, начал осыпаться. Здание становилось чувствительным к каждому человеческим движениям. Запнувшись, Дима закатился за кусок фасада, на корточках подполз к расчету «Копья». Один из десантников был еще жив: бронезилет посекло, кевлар из разорванного напашника налип на оголенное и рассечённое мясо ног. У солдата не было одного из колен, торчала кость и лилась алая кровь. С бешеным взглядом рукой зажимая одну ногу, второй солдат пытался пошевелить. Но и она была перебита. Среда рванул со своего бронезилета жгут и начал перетягивать их, чтобы десантник не истек кровью, но услышал только:

— Гранатомет... гранатомет подними!

Часто дыша, тот отталкивал его в сторону лежащего на боку «Копья». Груз еще не мог подойти – танкисты заметили перемещение и открыли огонь из пулеметов. Как только седая голова показывалась из-за стенки, прилетала очередь. Не слушая десантника, Дима перетянул ему ногу, и из желтой индивидуальной аптечки вколол тому в живое бедро морфин. Оскалив от боли зубы, солдат схватился за истекающую ногу, но вдруг обмяк. Его сердце остановилось. Взгляд потускнел, а с уголка губ потекла кровь. Лицо застыло в расслабленной запыленной и закопченной гримасе...

— От че-е-ерт... – прошипел Груз. Дима не заметил, как он подбежал. – Ладно, оставь его, давай поднимем!

Синхронно взявшись за ствол безоткатного орудия, они потянули его вверх, поднимая. Одна из ножек треноги бы-

ла посечена, но еще стояла. Могла выдержать один выстрел. Ствол был запылен, закидан сверху налипшими камешками, но это ему не могло помешать. Вляпавшись в сырое пятно на казеннике, рука Среды скользнула, выпустив гранатомет. Коленом удержав его от падения, он все же поставил его в окошко для стрельбы. Но как только Дима распрямился, по его стальной каске ухнула пуля. Макушкой он почувствовал то, как она пронеслась над волосами, выйдя с другой стороны и только чудом не задев его череп. Пригнувшись и упав за укрытие, он сорвал с головы шлем, поглядел на повреждение. Фыркнув и бросив его в сторону, снова поднялся, но на этот раз из-за укрытия не показался. Груз так же был в безопасном месте.

— Найди снарядный ящик! – одновременно с криком чекриста снова синхронно рывкнули гранатометы. – Я обозначу Ульяне снайпера. Видел его!

В это же мгновение, слегка кивнув в ответ, чтоб Груз понял, что тот все услышал и приступил к действию, Среда на четвереньках начал осторожно ползать по полу, усыпанному обломками кирпича, бетона, изорванного металла и тел. Он шарил руками по нагромождениям кусков, бывших когда-то стенами здания. Много ли еще выдержит Сенатский? Его точно строили не для того, чтобы по нему били ста двадцати пяти миллиметровыми снарядами практически в упор. Стены больше походили уже на решето. И будто бы отместку за это они заваливали заживо тех, кто пытался держать в нем

оборону. Вперемешку было все: в кровавой пыли, буквально превращенной уже в чудовищный красный кусковатый бетон были приваленные останки тел. Где половина, где только конечности, куски, лоскуты, отдельные мягкие и скользкие сухожилия, мышцы, кости и хрящи. Это все когда-то было людьми, а теперь в едином порыве смешивалось под ногами в подобную первой весенней грязи кашу. По всему этому склизкому великолепию войны Среда ползал руками и коленками. Пытался найти целый, не разбитый взрывами ящик. Пока ему попадались только отдельные доски, липкие и похожие на наждачный брусок от белесой каменной крошки. Руки его, а позже и тело, уже были полностью в этом, он словно сам погружался в эту адскую пучину из людей и обломков. Скрежеща от ненависти зубами, каждый раз пригибаясь, когда над головой разрывался танковый снаряд, Среда ругался про себя, что не остался тогда дома, не послал Ульяну к чертовой матери, и не пошел на разговор к классной учительнице Авроры.

И тут мелькнула мысль, что в этот момент, здесь, проявил он тогда слабость, могла быть и его маленькая Аврора. Под всем этим страшным воем из гранатометов, танков, криков раненных и трехэтажным матом выживших. Чего бы стоил он тогда, если бы она все это увидела не в репортаже, а в родном ей городе, в ее родной стране. Своими глазами. На секунду Среда выдохнул. Заглушив в себе все противоречия сейчас, закрыл на мгновение глаза. И тут рука сама косну-

лась чего-то на удивление холодного, звонкого и металлического. Не поверив, окинув взглядом разбитые снарядные ящики, он взялся за болванку и потянул ее из-под изорванного тела с окровавленной тельняшкой. Снаряд не поддался. Десантник, умирая, притянул его к себе, и даже после смерти не желал складывать возложенные на него обязательства.

— Отдохни, брат... – про себя попросил Дима. – Я возьму это.

В его руках оказался нетронутый выстрел для «Копья». Вероятно, последний на этом участке...

...Еще когда Среда отправился на поиски, Груз повернулся к Ульяне. Сложил пальцы в колечко и поднес их к глазу, без слов обозначая, что увидел снайпера. Та сразу поняла жест и попросила показать. Ее сноровка и винтовка могли сейчас очень облегчить жизнь солдатам – она умела, и она хотела выщелкивать таких же профессионалов. Это было сродни охоте. Игровой азарт, который можно утолить только постоянными победами, и у нее их хватало. Но, как и любому азартному игроку, хотелось еще и еще. Еще потешить свое профессиональное тщеславие, которое, не смотря на практически полную открытость и истинность, у Ульяны все же было. Она не была горделива, она не была льстительна к себе, всегда строга и справедлива, но профессионалом своего дела она любила быть. Любила показать, чему научилась за те годы, когда превратилась из бойкой чемпионки по стрельбе в матерого советского снайпера.

— На прямой, на двенадцать, видел вспышку! – над головой чекиста свистнула пуля, громыхнул снаряд. Тот вжал седую голову в плечи. – А-й, будьте вы неладны! На крыше между башенок. Как раз над тем местом, куда в первый раз жажнули!

— Поняла, поняла! – ответила громко та.

Она не была душой – не полезла на рожон в амбразуру. Достала небольшой обломок зеркальца и осторожно подвинула его на руке к просвету в укреплениях. Глянула как там. На крыше, как раз куда указал Груз, что-то шевельнулось. Выстрела было не слышно. Его заглушил рев танковых двигателей, рвущихся прямо по направлению к Кремлю, и та канонада орудий, что была подобна чудовищному грому под ясным небом. Пуля угодила точно в зеркальце, метко. Чуть обожгла пальчики, и Вирхова отдернула руку с осколками. Еще бы немного правее, и могла бы остаться без руки, но такое решение с зеркалом ее спасло.

— Оперативно сработал, сука. – буркнула под нос она, обдумывая. – Выцеливал меня, долго не высчитывал траекторию. Сразу знал. – глазами поводила по стенке, но не смотрела на нее – думала про себя. – Чем бы... Чем бы... Груз! Высунь башку!

— Припекло что ль?! – недовольно повернулся он на нее. – Сама и суй! Я точно не самоубийца, чтобы под очкарика голову высовывать. Лучше уж гранату под меня закинь!

— Кончай, блять, эту демагогию! Суй башку, я тебе гово-

рю!

— Твою мать...

Зажмурившись, он подался в проем. Так было спокойнее, так было вернее. Выстрел он услышал и открыл глаза. От страха перед глазами пробежала вся его нелегкая судьба, в Холодную Войну и после. Он видел все, от Вьетнама до Берлина, весь свой боевой путь. Но эта кинолента перед его глазами, в его разуме, все не хотела кончаться. И только потом, забравшись обратно за укрытие, чекист понял, что снайпера там больше не было.

Ульяна сработала четко, быстро, без раздумий или задержек. Вскинула винтовку, еще как только Груз подался в проход. Дальше, как в техасской дуэли: либо ты, либо тебя. Наскоро, почти на глаз прикинув, она мягко, но быстро нажала на спуск. Ударник, разодрав капсюль, заставил порох загореться. Горячая бронебойная пуля рванула по длинному стволу. Винтовка слегка лягнулась, и в прицеле появился небольшой кратковременный огонек. Вирхова видела, как ее пуля легла снайперу точно в шею, вышибив оттуда все, что только можно. Над крышей Универмага на мгновение повисла красная взвесь, и вспышки оттуда прекратились.

— Гранату, гранату... – поиздевалась она над стариком, прислонившись спиной к стене.

— С тебя валидол. – схватившись за сердце, ответил тот. По его спине и груди бежал холодный пот.

А на ее лбу снова выступила кровь. Открылась не успе-

шая запечься рана. Опять потекло по глазам и носу. Оборвав рукав олимпийки, Ульяна замотала рану повязкой. Груз же, отдышавшись, повернулся к станковому гранатомету, и заметил Диму, который активно ползал на корточках, копошась в пыли.

— Нашел, нашел! – с усталой улыбкой, тот потрянул снарядами.

Открыв казенную часть, с раструбом похожим больше на воронку, Груз принял снаряд, и сунул его в ствол, закрывая орудие. Наскоро прицелившись, он уже был готов выстрелить, как тут Среда сунул палец под спусковой крючок:

— У нас один снаряд.

На мгновение задумавшись, Груз прильнул к панораме – массивному оптическому комплексу, в который было видно все полыхавшее поле боя. Танки уже не рвались вперед. Они понимали, что там было минное поле. Две машины уже застряли в проломе, подорвавшись. Еще несколько были на площади, устроили своими искореженными тушками жуткий затор на пути в Кремль. Пройти было возможно, но точно не тогда, когда изо всех окон усердно работали гранатометчики, не считавшие гранат для пусков. РПГ все рывкали и рывкали. В этой симфонии, в этом ужасающем этюде они были «клавишной» партией – постоянной, быстрой, непременно точной и главной. За аккомпанемент «духовых» отвечали танки – более рывковые, более редкие и хаотичные, им подходила именно эта роль. Ну, а «литавры» – разрывы бое-

укладок – резкие, громкие, не всегда впопад, что закладывало уши. Но все это вскоре должно было закончиться. Подходила кульминация первого боя, и всего этого монструозного представления, где зрители непременно страдали, погибали, молились и ругались за то, чтобы все это поскорее кончилось. Танки покидали эту античную сцену. «Фермопилы» держали длительный удар. Как ни посмотри на часы, прошло уже больше получаса, а это уже много, для настолько лобового столкновения. Когда счет шел на секунды, и даже отрывки этих секунд, каждая нота, вылетающая из ста двадцати пяти миллиметрового «гобоя» была невероятно долгой. Каждый разрыв сидел в памяти. Непрекращающийся звон в ушах и болящие вески – вот билет на этот концерт, и пора бы уже было расходиться на антракт.

«Восьмидесятые» включали задние передачи. Они мерно отходили на свои позиции. Некоторым из них, не самым точным огнем из гранатометов, перешибало гусеницы. Затем еще две-три, или четыре гранаты добивали в лобовую проекцию. Один танк, правда, удалось сохранить почти нетронутым – выстрелом обломило пушку, перебило гусеницу. Экипаж покинул машину, отойдя под прикрытием своих. С башен, с щелчками и характерным глухим звоном вылетали дымовые шашки, которые подмешивали белых, почти молочных красок в черно-смольную, из горящей солярки, резины и мазута, дымку, что стелилась по земле и столбами уходила к небесам.

— Давай, жми, уйдет! – подначивал Среда Груза. – Живой?! Может зацепило?!

Тот все держал над спуском палец. Он был готов выпустить последний снаряд по отступающей восьмидесятке. Все было для этого готово: выстроен прицел, оружие. Оставалось лишь одно движение. Один напряг мышцами, один импульс мозга, что пойдет по конечностям. Но его так и не последовало. Выстрел не прогремел, а танк закрылся пеленой выпущенной дымовой завесы. Рвануло где-то в стороне. Еще один танк вспыхнул и загорелся. Из него выпрыгнул экипаж.

— Ушел... – расстроено протер запыленное лицо грязными и липкими руками Дима. Выдохнув, он облокотился на гранатомет. – Что же ты струсил...

— Тебе было бы лучше, если бы там сгорели трое? – выдал старик глянув прямо в глаза. – Таких же как Артем мальчишек, а может и моложе...

— Ты решил включить сантименты? Очень, бляха, вовремя! – подался на него Среда, явно не понимая его позиции. – А ты посмотри вокруг! Посмотри, что здесь! Разве здесь не лежат такие же юные парни, такие же мальчишки, як Артем? Вот их мясо, их сухожилия, их кровь на моих руках, на этой чертовой пыли! На «Копье» и на стенках! Я пытался, я мог спасти одного из них, вон, у стенки, младший сержант без ноги и руки. Перетягивал, а он: «Гранатомет, гранатомет подними!». Но мы так и не выстрелили!

— Я не прав, очень не прав для тебя был сейчас. Но я

все сделал правильно. – поднялся тот во весь рост. – Нечего кидать на жернова все новые и новые жизни, когда есть возможность их сохранить! Это наши, такие же люди!

— Наши все здесь. На обоих «Фермопилах», в Соборе и в комплексе! – озлобился и оскалился Среда. – Вот они!

— Не суши зубы, подполковник. – сурово обратился к нему Груз. – И не впадай в истерику. Мы под кольцом глушилок, мы не можем и даже не имеем права гадать, что происходит по ту сторону баррикад. Ты думаешь, что все люди олени, раз идут под указкой Громова на наши рифы? Могут быть и свои причины. И ты будешь мужчиной, и ты будешь солдатом только тогда, когда научишься понимать таких же, как и ты, солдат, живых людей. Твой отец бы сейчас дал тебе подзатыльник.

— Мой отец до конца служил Родине и друзьям. – фыркнув, Среда пошел по коридору. – А не отсиживался в Берлине...

Человека такое несогласие, такое самовольство могло и должно было только злить. Но Груз не злился, его мало что могло впечатлить. Он знал, и твердо верил, что правда на его стороне. Но и Диму понимал, не был слепым, и сам видел тот ужасающий коридор, который был сейчас перед ними. Трупы, разорванное мясо – трудно тут было не сорваться и не дать по отступающим изо всех орудий. Чекист прекрасно понимал боль Среды за десантников, боль за оборону, которая теряла людей конкретно из-за действий танкистов. Но те

могли оказаться и в роли несведущих овечек, что гнали на убой в роли «отмычки» или «щупа». Когда они наступали, можно и нужно было их бить, но, когда отступали, проявить милосердие.

— Не надо было про Мишу. – прихлопнула Груза по плечу Ульяна. – Грубо ты с ним. Справедливо. – качнула она головой в сторону, подняв брови. – ...но грубо.

— А ты бы выстрелила? – не поворачиваясь к ней, спросил тот.

— Сомневаешься в своих действиях? – усмехнулась она незлобно, стягивая со лба повязку. На той было кровавое пятно. – Все еще льет, зараза. А я думала, что ты всегда строг в убеждениях, кремень, а не человек.

— С возрастом все плесневеет. И убеждения. И кремень... – выдохнул мужчина. – И человек. Вопрос здесь только в том, спас ли я троих сейчас, или погубил десяток потом. Может, я ошибся, может там идейные громовцы, явно не такие «национал-предатели», что бы это ни значило, как мы? Сейчас любят этот термин, пихают везде, где только можно, и нельзя. Думаю, может вернутся они сейчас на базу, расскажут все, и снова за рычаги, но теперь под каким-нибудь черным флагом с молниями?

— Почему с молниями?

— Ну... «Громов». Гром. Молнии. Нет? Я думал он достаточно тщеславный человек, чтобы достаточно намекать на себя в пропаганде.

— Ха-ха, нет. — усмехнулась та. — Достаточный то, да, но вот успеть — не успеют. Пошить на всю броню знамена, это ж сколько времени надо! Да и... — оглядела она развалины вокруг, тяжело вдохнув. — ...ателье, наверное, сейчас не работают.

Снова прихлопнув его по плечу, она пошла по коридору. Но сделав пару шагов, на мгновение остановилась. Явно что-то придумала, но еще пока не знала, как сказать. Ну, или нагнетала не самую ловкую паузу. Медленно повернула голову:

— Из РПГ по три-четыре выстрела делали. А у вас в стволе один... думаешь, ты бы пробил броню?

Устало улыбнувшись, повернулась обратно и, накинув на плечо винтовку на ремне, пошла по коридору. Подхватывала раненных, помогала оттаскивать убитых. Груз тоже помогал, но немного ближе, чтобы побыть одному. Солдаты сейчас не сильно разговаривали, своих дел хватало. Да и работенка была тяжелая. Физически и ментально.

Все работы кончились уже к вечеру. Раненных оттащили, кого было возможно — подлатали и снова поставили в строй, обмотав бинтами и выдав словесные инструкции, как и когда им можно действовать. Амбразуры заделывали, расчищали проходы. Деревянными бревнами, которые рубили в скверике, подпирали потолки, порушенные колонны в коридорах и кабинетах. Разгребали трупы и останки солдат, горелые угольки деревянных рам и укреплений. Спиливали торчащую из стен обломленную арматуру и металлоконструк-

ции, которые выгибало чудовищным фугасным воздействием танковых снарядов. Солдаты валялись с ног, накатывала страшная усталость. Работали все и работали долго. Даже Вирхова – опальный генерал-майор армии – работала в поте лица, оттаскивая своих собственных солдат, раненных и убитых, в лазарет. Никто, вероятно, сейчас не испытывал такой боли, как она: почти постоянно курила, была даже не серьезной, а хмурой, понурой. Черной, как грозовая туча. Было понятно, что расположение дел, потери и действия противника ее нисколько не воодушевляли. Наоборот, она старалась думать лучше и больше. Искала свои ошибки и винила, конечно же, себя. Но никому об этом даже намека не давала. Ей нужно было сохранить живых, дать им надежду на то, что обороняемые тремя сотнями десантников «Фермопилы» выстоят, что все старания и все смерти, мучения, продолжающиеся крики раненных на самодельном операционном столе, не зря. Что победа будет за ними! Вирхова понимала, что она символ и пример для солдат. Не имела права раскисать, а потому держала платок, как можно ближе к рукам. Не обращала внимание на свои раны, искала помощи для всех своих бойцов, и тогда произошел диалог с доктором, капитаном санитарной службы ВДВ, Гавром Викторовым:

— Доктор, ваши прогнозы? – сурово и тихо спросила она, закуривая. – Только быстрее, а то солдаты истекают.

— Думается мне, что при таком темпе, мы выдержим еще

не более одного-двух штурмов. У нас мало медикаментов. Большинство поражений осколочные: перебиты артерии, сухожилия. Больше всего потерь от кровотечений, не хватает комплектов для переливания крови, да и оборудования для этого практически нет. Изломанные ребра, пробитые черепа и тазовые кости – солдаты уже не вернутся в строй, и таких тоже много. К рассвету умрет половина поступивших просто потому, что не хватает медикаментов. Прошел все склады в комплексе, но что нашел, то нашел.

— Жратвы было больше, да?

— Несравнимо больше.

— Делайте все, что в ваших силах, капитан. – со слегка побледневшим лицом, что на ее темной персидской коже почти не было видно, ответила она, опустила взгляд на пол. – Постарайтесь спасти как можно больше ребят. Если моя кровь, или кого-то еще, может помочь, то только скажите. И... – выдохнула она дымом, явно чувствуя, как тяжело на душе ей будет после того, как она скажет. – ... постарайтесь сортировать уцелевшее снаряжение с мертвых. Если нужно, я отправлю к вам усиление. Нам нужно все, от бронезащиты до индивидуальных перевязок и жгутов.

— Тревожить не хочется...

— А мне важнее живые, капитан. И я хочу, чтобы они не поступали к вам под нож, как можно дольше...

— Есть, товарищ генерал. – медленно поднял руку тот к голубому, надетому на макушку берету с слегка попор-

ченным, подгоревшим ворсом: сам попал под первую волну «Градов», уцелел, но форму задело пожарищем. – Нужно отделение, лучше два.

И отделение на подмогу ушло. Никто не показывал характера, не противился, все понимали, что так было нужно. Не впервой теряли солдат, все уже побывали на настоящей войне на Кавказе и Каспии, откуда их и перекинули на перегруппировку подразделения под Москву. Вирхова была выжата как лимон. Она не устала, нет, ее организм был чертовски крепок, будто и правда был из стали, но вот морально, ментально – почти обессилела. Слишком свежи в ее памяти были еще и те, казалось бы, давние, потери в Афганистане. Тогда была ее первая настолько кровопролитная операция: понятное дело – отложились крепко, повлияла на характер. И сейчас это повторялось: чудовищные потери, и кажущееся бессилие. Некуда было уже отступать. Следовало стоять насмерть.

Ближе к вечеру подали и горячий ужин, сварганенный в подвалах из тех барских запасов, что были обнаружены солдатами в катакомбах и складах Кремля. Из простого здесь были только семнадцать с половиной граммов, как по весам, коньяку и двести вина – каждому по стакану. Остальным решили побаловать. Как говорил Кельт, а он был главным по кухне сегодня, но все одно принимал участие в отражении штурма, только на втором этаже, куда уж успел: «Молочный суп с морепродуктами, рыбные котлеты из благородных ви-

дов, бутерброды с икрой, и... хлеб!». Последнее казалось более изысканным сейчас. Среди всей этой божественной кучи яств, хлеб оказался наиболее деликатесным. Его было намного меньше всего остального. На него смотрели с какой-то смешинкой, с каким-то простым не злым презрением, но ели все и столько, сколько выделили. Разливали и раскладывали все по простым котелкам: суп в основное отделение, рыбу по крышкам-сковородочкам.

– Вот так всю жизнь проживешь – не попробуешь! – с улыбкой заявил один из солдат с перевязанным глазом, под которым были небольшие раны на коже. – А тут, можно сказать курорт. Все включено! И еда, и развлечения...

— Сплюнь, что всю жизнь прожил, Карпенко. А то таким и останешься на фотографиях, тьфу. – ругался один из младших офицеров, младший сержант с другого угла громадного круглого зала, где всех и разместили. Кого на ящиках, кого на полу, кто стоял, кто на корточках. – «Развлечения», сказал тоже...

– Это уж точно не тот ужасный борщ с Кавказа. – внезапно включился в диалог третий. Атмосфера была расслабленная, и Ульяна спускала разговоры, как говорить, на тормозах. Солдатам нужно было немного расслабиться. – Как они его вообще делают? Просто заливают кипятком капусту и свеклу, и вываливают банку тушенки? Я раньше думал, что жена плохо готовила, всей семьей ходили, животами урчали. Так оказалось, у кого-то дела-то еще хуже обстоят!

– Это вам повезло еще, что борщ давали. – внезапно включилась в разговор и сама Вирхова.

Ей наливали и накладывали последней. Попросила сама, когда Кельт, решивший лично обслужить российских десантников, подошел к ней первой. Та прикрыла котелок рукой, а немец, поняв ее отношение ко всему, пошел дальше по списку офицеров: Груз, Среда, друзья-немцы, высший, средний и младший командный состав, рядовые. Все были тут, и раненные, и здоровые. Не было только постовых, отряда Костина и «Борея» из Кремлевского. И Морганы – она допоздна сидела в комплексе, настраивала радар и пыталась придумать что-то с системой ПВО.

— У нас борща не было. – усмехнувшись, помешивая ложкой белесый суп с осьминогами и кальмарами, сказала она. – Мы, когда под Кандагаром стояли, главкухни был мусульманином, поставили за какие-то грехи. Так все пять лет, что там была, ни разу свинины не видела. – начав полноценно рассказывать, она отставила котелок на стоящий рядом ящик. – Жарища!.. Градусов под пятьдесят, в тени тридцать пять. А ты сидишь на ватнике, у раскаленной бронемашины, потому что на высоту после обеда выходить, и улетаешь эту чертову «шрапнель» с сухущей бараниной. Песок, камушки, какие-то, блять, мухи – все в кашу. Спасало только то, что разрешали с собой взять. Ехать, бывало, далеко, часов по пять-шесть, а то и все двенадцать на броне. Так кашу в ватник поставишь, на коленки положишь, и как прохладно

и голодно станет – снова ешь. Согревает не хуже спирта, в основном из-за злости на того мусульманина, ха-ха-ха-ха!

Она залилась звонким, раскатистым, но не долгим смехом. Его подхватили и некоторые солдаты. Юмор был специфический, грубый, но находил своего почитателя и «пользователя». Ульяна не грешила излишне тонкими шутками, ее смешило простое и «дубовое», вероятно, как и большую часть военных. Это была некоторая часть профессиональной деформации. Не было времени и сил думать над сложным, а посмеяться хотелось.

— Часто в горы выходили? – спросил один из солдат тут. – О вас почти ничего не известно оттуда. Только про ранение все слышали.

— Нет, не часто. – та в супе поскребла ложкой по дну котелка, нехотя и лениво поедая свою пайку. – В основном в расположении стояли, на охранении, недалеко от аэродрома. Около нас «Грады» вот, как раз, стояли. Как сейчас помню, Тридцатый Отдельный Реактивный Артиллерийский Дивизион. Машины там мазута в песочный с отливами цвет выкрасила, почти не видно было на фоне барханов. Как начинали посреди ночи работать! Ба! Ба! Ба! Ба! – активно жестикулируя одной рукой, снова погружаясь в рассказ, говорила та. – С кроватей падали, за оружие хватались. Впервые, как нам их поставили, в восемьдесят втором, мы подумали, что бомбят! Тоже, пыл-и-и-ища... Пиздец! Как в бурю попали. Видели даже, как они по кишлаку один раз работали, такое

не забудешь. У душманов ноги, руки, ж-ж-жопы – все в разные стороны! – с хрипом усмехнулась она, а затем с мгновение посмеялась, на вроде: «Ха-ха». – И лети-и-и-ит далеко, на все перевалы...

— А на Гиндукуш? – не унимался особо заинтересованный солдат. Все притихли. Этот вопрос ей задавать еще можно было, но не особо следовало. Видимо почуяв очень дружескую атмосферу со стороны Вирховой, солдат все же решился.

— И на Гиндукуш ходили. – высказала она, хлебнув супа. – И правда вкусный, повар – молодец... Первый раз вышли в восьмидесятом, как три моих первых дня кончились. Нет... – она прикрыла один глаз. Задумалась. – Вру. Четыре дня, в ночь. Через сам Кандагар на какую-то высотку, севернее. Там тогда мотострелки только-только закрепились. Им пытались по воздуху поддержку оказать, но тогда же и «Стингеры» поставили духам. Два «Крокодила» потеряли у высоты и послали нас, в караване: и боеприпасы доставить и пилотов на обратном пути у пехоты забрать. А в Кандагаре – базар! – в этот момент, будто имитируя мимику Никулина, она немного выпучила глаза, поджала губы и слегка раскинула руки. – Обратно как шли, выпросили Газова – лейтенанта нашего – пройтись, поглядеть, что тут рукодельцы умеют клепать, помимо опиума. Один, совсем не умный товарищ, прикупил на Родину магнитофон, в большой-большой такой коробке. Ну и... Приспичило ему покурить посре-

ди базара. Присел, прикурил. Только спички убрал... Толпа! Все на него. Не стусевался, советский ведь солдат, принялся... стойко сидеть и курить на коробке с магнитофоном. И так увлеченно курил, что не заметил, как у него эта самая толпа, проходя, да блок сигарет из ватника увела! Ах-ха-ха-ха! ХА-ХА-ХА!!! Но это... это еще не самое смешное! Тогда он и говорит: – Ульяна попыталась сделать сейчас серьезное, будто бы вымученное, слегка с грустной улыбкой лицо, для театральности пошарилась по карманам. – «Сигареты сп... Украли! Ладно хоть не...». И тут он коробку трогает! А вместо... вместо нее... – не выдержав, она чуть не задохнулась от смеха. – ТАБУРЕТКА СТОИТ!!! ХА-ХА-ХА-ХА-ХА-ХА-ХА-ХА!!!

На этот раз не выдержали все. Разваливающиеся коридоры, запыленные и замаранные кровью и бинтами, гарью и копотью кабинеты наполнились раскатистым людским, искренним и громким смехом. Смеялись все, смеялись долго. Как ни крути, а истории были, и Ульяна умела их рассказывать. Даже погруженный в свои думы Среда, отвлекшись, как и все засмеялся, показывая белые ряды зубов под закопченными губами. Суровый и старый Груз тоже, пусть и неловко, как-то робко ухмыльнулся по-доброму, раздвинув губами седую щетину, что плавно переходила в бородку. Немцы, вероятно не поняв и половины рассказа, подхватив тон, тоже ржали в унисон, иногда и громче остальных. Ганс ведь лучше других знал русский, и был самым шумным из легионеров

сейчас. Это мгновение стало амброзией, глотком прохладного и приятного свежего воздуха, в пропахших дымом укреплениях Кремля. Оно давало долгожданную расслабленность и отдых. Солдаты сейчас снова чувствовали себя людьми.

Смеялась Ульяна долго, раскатисто, но плавно все снова сходило на нет. Опять опускалась мрачная, во всех смыслах атмосфера. Подскребая по дну алюминиевого котелка суп с морепродуктами, в свете очень большого количества свечей, Вирхова медленно доедала свою пайку. Задумалась она о многом сейчас. Этот смешок, эта история снова подернули в ней покров воспоминаний. Вспомнила она и то, как тот солдатик, из ее истории, над которым они хохотали тогда, в самом начале восьмидесят второго был убит духами. Как тот, кто валялся с ней в гоготе на базаре, надрывая живот, был казнен в афганском плену. Она везде оставалась последней, и почти каждая ее история кончалась всегда печально для героев.

— Товарищ генерал, – тихо обратился один из солдат. – Если уж совсем все так честно, то как... Как вы получили этот...

— Шрам? – она подняла глаза на него. Среда и Груз не могли понять откуда шел голос, но Ульяна, будто настоящий хищник, сразу и безошибочно вычислила солдатика.

Этот вопрос ей нельзя было задавать. Каждый раз, когда кто-то проговаривал эти четыре буквы, у нее начинало болеть сердце, перехватывало грудь и сжимало тисками обви-

тые прочными мышцами кости плеч. Ее начинало знобить, а сознание плавно уплывало. Смешивались два мира: настоящий и прошлый. Не ответила, и тут один из командиров громко сказал:

— Отставить!

— Нет, нет. – снисходительно ответила Ульяна, ложкой бесцельно ковыряясь в остатках супа. – Я... я отвечу ему. – снова поглядела на солдата. Как-то грустно, не очень-то широко улыбнулась, заглянула прямо в глаза. – Очень больно, ефрейтор. Я получила его очень больно.

Немного оскалившись, она опустила взгляд и, звякнув посудой, отставила ее на ближайший ящик. Тихо, почти не слышно, через мгновение промедления, достала из кармана затертую пачку «Примы», и сунула в зубы папиросу. Чиркнув двумя спичками по коробку, подкурила ее, встала и взглянула на часы. Среди зала ее фигура показалась огромной. В рядах сидящих, она единственная возвышалась. Вирхову можно было хорошо теперь рассмотреть – свет и тень от свечей играли на нелепой изорванной олимпийке, на израненном лице, на темной южной коже, черных волосах и грустных, не таких как обычно, глазах. Снаружи она была каменной, неприступной, как крепость, как Кремль. Но в душе был очень и очень болезненный живой клубок. Ей больно, чудовищно больно, но Ульяна умело скрывала свои эмоции. Лишь снова, рукой отодвинув целый рукав олимпийки, сухо глянула на часы:

— Двадцать минут на все-про-все, потом гарнизону отбой. Отдыхаем, бойцы.

Мгновение, и она словно растворилась. По коридору раздались глухие и длинные, четкие шаги ботинок. Ульяна удалялась от всех, чтобы подумать обо всем. Нужно было дать возможность солдатам отдохнуть от ее присутствия, от этого неловкого вопроса, и не менее неловкого, нагнетающего сложность и мрак, ответа.

Она оказалась в не самом большом кабинетике. Кажется, что он был затерян среди остальных громад с лепниной, цветным паркетом, дорогими резными столами, стульями, картинами и шкапами. Здесь не было ничего этого – складское помещение, или даже какое-то техническое. Кто знает, может до всего этого здесь стояли швабры, или прятали трупы политических оппонентов? Серая, ничего не обещающая коробочка, каких каждый видел по многу раз. Но вот над ее наполнением солдаты постарались на славу. Мирок здесь был уютен, был стеснен, но отдавал каким-то бесконечно добрым шармом. Внутри, на нескольких столиках, на подпорках из палочек, щепок или небольших дощечек, стояли потрепанные иконы. Это были не те громады, с золотом, дарами и крестами за бронированными исцелованными стеклами из ближайшего и самого знаменитого русского храма. Нет. Это были простые, можно сказать человеческие святыни. Намоленные, старые, пахнущие ладаном и какой-то приятной, землистой плесенью. Не было от них от-

вращения, как физического, так и духовного. Здесь не гнались за шиком, не ловили религиозного экстаза, захватившего церковь в последние тридцать лет. Это было не для статуса, не для выпячивания важности, и доказательства чего-то – это было для души. Для тех, кто верил, и кто искал ответов. Все это освещали восковые, медленно плавящиеся свечи на подставках, выструганных в свободное время десантниками. Пахло здесь как в настоящем, стареньком самодельном деревенском храме, из бревен и пакли.

— Все еще боишься этого вопроса? – медленно и тихо, чтобы не разрушать атмосферу, спросил Груз, оперевшись на раму двери на входе в помещение.

— Я боюсь не вопроса... – помотала головой Вирхова, с хирургической точностью и осторожностью поднося новую свечку к горящей. С мгновение она поглядела, как огонь подтапливает воск, начинает пожирать фитилек, и поставила ее в свободное местечко с краю. – Я боюсь только того, что не знаю, как ответить на этот вопрос. Сейчас ты, вероятно, слышал самый развернутый ответ на него. А в прочем, настоящий знаем только мы: ты, я... и еще. – Не поворачиваясь, застыла на месте, глядя на лики. – А я думала, что чекистам нельзя по храмам ходить.

— А я и не вошел. – пожал плечами старик. – Так, пришел поглядеть, как десант тут все обустроил. Что сказать, со вкусом, душевно, приятно. Вероятно, такие церкви я бы даже принял, похвалил. Такие церкви, как эта, созданные ру-

ками, а не бюджетом, отражают всю суть веры, не так ли? Не нужны золотые багеты, бронированные стекла, ряженные в рясы попы. Нужны просто свечи и пара икон. Другой вопрос в том, что вроде бы ты и сама относилась к вере с крайним радикализмом. Никогда не верила, была воинствующим атеистом, сколько я тебя знаю.

— А ты мало меня знаешь, не будем врать. – слегка улыбнулась она, оттянув уголок губ, но все так же не поворачивалась. – Много слышал, наверное. И то, половина из того, что пишут – это черт-т-това ложь. Я здесь не для себя. Мне не тепло и не холодно от этих мест, к ним я отношусь со своей философией. Пришла вот, свечку за ребят поставить. За тех, кто давно ушел, и за тех, кто только покинул строй. Кто бы что ни говорил, а среди Гвардии всякие бывали. Кто крестик прятал от прапорщиков, кто, наоборот, вел совестную агитацию к вере, полностью отдавая себе отчет в том, что можно, а что нельзя. Как ни крути, в бою все были одним строем. И мусульманин, и еврей, буддист, христианин, католик или атеист. Страна была другая. Люди... может, все-таки люди были другие?

— А разве люди виноваты? Тогда тебе не только в этот храм, повсюду ходить надо.

— А я и хожу... Ходила, как время было. В мечети, в синагоги. Не знаю только, что делать там надо. – усмехнулась снова она. – Постою, как дура с десять минут на лобном месте, подумаю, да и пойду себе дальше. Не знаю, рады были

бы они такой рефлексии, или посчитали бы это слишком вычурной «заботой», без толики аскетизма. Я просто делаю то, что думаю будет нужным. Хочу, чтобы если и было что-то за той гранью, когда перестает биться сердце, то оно было для них чем-то вроде нового дома. А люди... а разве на верхах сидят не люди? Плоть, кровь, сухожилия, кости, все то же самое. Дети, жены, заботы, работы. Как по мне, такие же люди, по сути, но вот идеи они пропагандируют странные, страшные. Раньше, все в одном строю, друг друга прикрывали. Разве не это блаженство – полное единство, не смотря на взгляды, цвет кожи, место рождения, наличие крестика на шее. А сейчас – христианин, значит защищай наших христиан. Мусульманин, значит твой враг с крестом на шее. И смотри еще как получается: поделили все, но не по вере, а по сферам интересов. И церквей-то в итоге оказалось еще больше. Правильные, не правильные, и каждый с пеной у рта доказывает, что у них истина, а остальное ересь. Разве вера не должна соединять? Сейчас она только разобщает. Эпохи новых крестовых походов, аргументы к вражде на почве неправильности нации, веры и народа. Вот для этого мы вместе погибали тогда в одной траншее?

— Как по мне, проще быть атеистом. Тогда точно параметров для разъединения не будет. А так, теперь можно просто пальцем ткнуть и сказать: «неправильный». Вот тебе и весь расклад.

— Холодные слова.

— Сухая истина. — Груз сделал шаг в храм. — Я все же работал в КГБ, там нет места громким и горячим речам. Эмоциям есть, но выводы всегда должны быть холодны. Правда, признаюсь, со старостью... Эх... — он завалился в пыльное кресло сбоку. — Все начало теряться. Как из дырявой корзины вода. Ну, а что же ты? Христос, Аллах, может... Будда?

Не докурив половину сигареты, Вирхова положила ее у иконы, на несколько секунд задержав пальцы. Она двигалась сейчас медленно, боялась спугнуть что-то. Какую-то деталь. Груз внимательно все это изучал. Он примерно понимал, с чем все это могло быть связано и догадывался, что она делает. Много читал, еще больше спрашивал о ней тогда, в конце восьмидесят пятого, когда ее полуживую доставили в полевой госпиталь. Все осознавал и скорейшего ответа сейчас не требовал. У дверей появилась Моргана. Чекист бесшумно двинул рукой и остановил ту у порога. Прислонил к губам палец и попросил не шуметь. Вирховой нужна была минутка.

— Это тебе, брат... Половинка. — закрыв глаза, тишайше, почти одними губами никому сказала она. Быстро смахнула с щек горячие и соленые слезы. Шмыгнув, сунула руку в карман. — Что, Моргана?

— Есть хорошие... и не очень хорошие новости. — произнесла та, делая шаг. Теперь все трое были в солдатской святыне. — Боюсь, что ПВО и ПРО не будет тоже, как и стратегической связи. Я пыталась, много пыталась что-то сделать, но все тщетно — система не выдерживает нагрузок. Вычис-

лительные системы просто сжигают перекинутые мощности. Ничего не выходит. Мы остались без купола, и боюсь, что насовсем. Посмотрела склады: ничего помочь не может, ни в области компьютеров, ни в области «купола». «Стрелы» с истекшим сроком годности, еще вероятно Вьетнамскую войну застали. Если налетят самолеты – мы можем здесь и остаться. Еще плохая новость в том, что цитадель повреждена. Серьезного налета она может не пережить. Сенатский ходит ходуном, под ним проседают грунты и давят на колонны комплекса. Две уже разошлись трещинами. Силовые вроде бы не повреждены, я посмотрела, но это уже говорит о чем-то.

— Не думаю, что ВВС оперативно перейдет по контроль Громова. – заключил Груз. – Там в командовании исключительно порядочные люди. Вероятно, самый большой процент советских офицеров в войсках. Многие застали Афганистан. Да и не думаю, что они станут оттягивать фронтную авиацию с Каспия. Для азарта попытаются разбить нас имеющимися силами, не превращая Москву в Сталинград. Громов ведь не дурак, ему не нужно здесь настоящее поле боя. Ему нужна операция, быстрая, точечная, без втягивая стратегических сил, в том числе авиации.

— Ладно, может авиация и вправду не страшна. Но вот Грады... – заключила Вирхова, глянув на электронные бирюзовые зрачки Морганы.

— В этом, собственно, и есть хорошая... – та почесала металлическим пальцем подбородок. – Хорошо... относительно-

но хорошая, так вернее, новость. Я смогла починить радарный комплекс. Уж не знаю на каких перфокартах он работает, но в атмосфере полной неисправности, он не подает признаков сбоя. Работает... как часы. Может улавливать ракетный залп. И да... Над нами уже третий час, судя по всему, кружится какой-то объект.

— Истребитель? – подавшись вперед, уперев коленки в локти, заинтересовано спросил Груз. – Бомбардировщик?

— Беспилотник. – догадалась Ульяна, скрестив руки на груди. Моргана кивнула. – Чей?

— В том-то и дело, что я не знаю. Не российский. – разве-ла руки девушка. – Может, чей-то европейский, китайский, может индийский или пакистанский, афганский. Канадский. Сведений нету никаких. Что странно, похоже и не американский, вообще без привязки к стране. Высота около двадцати тысяч. Вроде девятнадцати-двадцати километров. Шкала после пятнадцати с погрешностями, из-за различных явлений, так что точно сказать трудно. Масса около пяти с половиной тонн, размах крыла почти пятьдесят метров. Я, честно, первый раз вижу такой.

Вирхова скосилась на Груза. Тот сразу что-то понял, и мотнул головой. Ульяна на это кивнула.

– Это плохая идея. – он будто прочитал ее мысли. – Я точно против.

— А я тебя и не спрашивала. Моргана, можешь кое-что передать кодом Морзе с помощью светосигнала? Фонари-

КОМ.

Девушка кивнула. Тогда Ульяна пошарилась по карманам, нашла огрызок карандаша и оторвала с пачки американских сигарет заднюю стенку. Принялась писать послание. Как закончила, отдала бумажульку немке, что взяла ее металлической рукой и принялась читать:

— «Над нами тучи, деревья ложатся штабелями. Гром гремит. Рада, что в округе тридцать пять – тридцать восемь градусов, жарко. На поезд не успеем. Прошу такси!». Э...это бред какой-то. – она подняла глаза на Вирхову. – Это точно то, что ты написала и дала мне?б

— Ты что, уже успела у Среды научиться? – выдохнула Ульяна. – Это код. Тот, кто может сидеть на там конце, его поймет.

— Ассоциативный ряд и примитивная шифровка на похожих словах. – вмешался Груз, объясняя. – Мы такому учили шифровальщиков в Анголе, в конце семидесятых, до переброски нас со Средой в Афганистан. Самое простое, что можно найти. «Гром» – это Громов. Градусы – удаленность от Кремля. «Поезд» – рельсы – станция. Штаб – «штабеля».

— А «такси» ... – попыталась размышлять девушка. – Поддержка? Нет-нет! Встреча? А «туча», наверное, глушилки?

– Вот, я же говорил, что все легко. – показав большой палец, похвалил он. – Старо, как мир, и просто, как сатиновые трусы. Настолько просто, что большие умы скорее поверят

в наше сумасшествие, нежели в то, что мы решили сыграть настолько открыто. Но, тут есть и минусы. Не всегда можно рассчитывать на смыслённость агента. – исподлобья, будто невзначай, глянул на Вирхову тот. – ...может не так понять. Или... изменить.

— Передашь, как можно скорее. – наказала пальцем Ульяна, ткнув в бумажку. – Повторишь три раза, чтобы уж точно заметили. А ты пока помолчи! Еще ничего не знаешь, и уверен только в своих доводах. А это, поверь мне, очень устаревший источник информации.

...Под вечер, когда уже стемнело совсем – ночь была достаточно темной, несмотря на то, что было самое начало лета и в Петербурге и на севере стояли белые ночи, в Москве тучи закрывали горизонт плотным кольцом на все триста шестьдесят градусов, оставляя экую «залысину» над самым Кремлем, точно под прицелом у кружащего беспилотника – Моргана поднялась на разваливающуюся крышу, вместе с Средой. Тот прихватил с собой автомат Калашникова с огромным набалдашником ночного прицела, что весил почти в два раза больше самого автомата. Такие тут были редкостью, всего два или три, на все три сотни солдат. Вирхова ему выделила свой, личный, который нашла в ящиках на складе. Вскинув автомат, и проверив наскоро горизонт на предмет наблюдения, Дима распрямился: теперь можно было не пригибаться, никто за ними не смотрел, что было сильнейшим просчетом Громова. Выдохнув, он заметил пар изо рта. Было про-

хладно. Хоть денек и выдался достаточно знойным, во всех смыслах этого слова, ночью холодало, разыгрывались ветра. Вдвоем с Морганой они стояли на самой высокой уцелевшей точке Кремля. Выше были только развалины Спасской башни, за кордоном – Собор, где парой светосигналов подали пароль бойцы Костина. Наскоро ответив своим фонариком тремя короткими сигналами, Дима сделал шаг вперед.

Под его сапогом захрустел бетон, и слегка заныв, кусок, что болтался на арматурных жилах, рванул вниз. С грохотом разбился в лестничном колодце Сенатского. Они были у самого флагштока, на покатой сферической крыше. На длинной и кривой от взрывов жерди мотался из стороны в сторону изорванный флаг. Точнее, это были его остатки – опаленные, простреленные, черные. Цвета на нам угадывались еле-еле, скорее даже просто памятью. Ведь иного, кроме триколора, висеть здесь не могло.

Осторожно ступив вниз по крыше, перешагнув пробой от снаряда, Моргану села, оттянула рукой сторону куртки, прикрыв фонарик от лишних глаз. Легкими и четкими движениями металлических пальцев начала выбивать из светодиода под стёклышком код Морзе, в котором таилась странная, но в то же время понятная, после объяснений чекиста, фраза.

— А странно все это, не находишь? – внезапно спросила девушка, глянув на присевшего рядом на корточки Диму. Тот упер автомат с огромным прицелом прикладом в крышу и взялся за ствол, чтобы была еще одна точка опоры. Он, как

грифон, постоянно осматривался по сторонам – осторожничал. – Странные послания в никуда. Агент. Здесь есть что-то большее, чем мы думаем. Еще по Берлину это было понятно, но тогда думалось, что все это временно. Теперь же, я чувствую, как кто-то смотрит за нами. Не находишь такого?

— Странная эта фраза. Находить можно предмет. А загадку обычно чувствуют подкоркой, думается мне. Каким-то чувством... Логично. Я люблю предметность, но и предчувствие тоже стараюсь иногда слушать. Бывает, что даже не подводит. – издалека постарался сказать тот, выдохнув. – И сейчас предмета нет. Но что-то во мне говорит, что все не просто. Какая-то паутина событий, но только не взаимосвязанная. Это какой-то бред, мировое безумие, которое со скоростью бациллы разносится по миру авиасообщением. Все поменялось слишком круто, и как бы я не хотел всему этому объяснение, я пока не могу. Ульяна всегда гнет свою линию. В последнее время – человек загадка. Ее бесполезно допрашивать, пытаться вытягивать из нее информацию. Все, что она скорее всего скажет по этому поводу: «Жди». И будет права.

— Иногда безумие лучшая маскировка для хитрых ходов. – неслышно хихикнула она. На лице проступила какая-то девчачья, почти детская улыбка. Одновременно с этим взгляд ее, пусть и электронный, покрашенный через специальные очки в привычный, человеческий, погрузнел. – Думаешь, что пока стоит просто играть по навязанным

правилам? Сидеть тут и общаться в одну сторону с неизвестным беспилотником? Глупость какая-то. Подумать только, месяц разделяет наше чаепитие в Берлине, и эту разбомбленную крышу. Всего месяц! И только сейчас, когда осознаешь, все шло именно к этому, к такой мировой обстановке, и вправду становится страшно – к чему приведут шаги сегодняшнего дня. Что если посланный сейчас сигнал будет много хуже, чем наступление на Каспии, чем вся эта резня здесь, в Москве, чем бомбардировка моего родного Берлина!?.. Что если это предтеча нашего конца?

Она взгрустнула, на мгновение замешкалась. Металлическая рука сбилась, что чуждо для машины, но совершенно нормально для реального, настоящего человека, без программных кодов внутри. Моргана была именно им, и эта заминка, этот момент давали это понять и ей и Диме, который впервые перестал глядеть по сторонам. Пристально уставился прямо на девушку, что была к нему спиной. Они сидели под звездами, совсем одни. Далекie горячие осколки космоса, что были крошечными жемчужинками, сегодня виделись особенно хорошо. Весь центр был без электричества, и звезды сверкали в полную свою силу. Такого никогда больше было не увидеть – свет глушил их приятный, но холодный белый блеск. Жаль только, что все из-за страшных обстоятельств.

— Так опасно думать. – словно вообще без эмоций ответил тот. – Это сеет зерно паникерства даже в самых крепких

людях. Не в Ульянове, конечно... Я вообще не знаю, что нужно сделать, чтобы она запаниковала, но такие слова, такая позиция, как маленький червячок. И чем чаще ты его кормишь, по капельке, по толике, тем сильнее он разрастается. А нам что делать? Не начнем же мы вести собственную игру, диктовать нахлынувшей волне противоречий свои правила? Нет, это не выгодно, потому что нас сомнет. Не могу сказать за тебя, как бы ни хотел, но мне думается, что мы на правильной стороне и делаем все верно. И возможно наши шаги сейчас помогут выбраться из этого всего.

— Сначала бы выбраться из Кремля. – хмыкнула она. – Как старый помирающий кит, гудит, пищит, разваливается, переворачивается, но не тонет, зараза. А мы внутри, как крыски по клеткам во взрывающейся лаборатории!

— Ну, на крыску ты не тянешь. – впервые улыбнулся он сейчас. – Да и для клетки великовата.

— Да, уж, спасибо на теплом слове. – искривив улыбку, с выдохом ответила она.

— Я старался. А если уж говорить прямо, то ты ведь здесь не одна. – присел на крышу Среда, распрямляя наконец затекшие ноги. – Здесь твои ребята, целая уйма солдат Ульяны, сама она и Груз. Чем не компания злющих добросовестных крысок, что не дадут белую мышку в обиду, м? Все сгруппируемся. Все выстоим. Только вместе – такой расчёт.

— «Вместе». Великое слово, и часто забываемое теперь снова разъединенным народом моей Родины. А про крысок

– забавно. Но Груз бы, наверное, обиделся от того, что ты в раздумьях пририсовал ему длинный лысый хвост и красные глаза бусинками.

— Нет, он мужик смышленный. – Среда немного усмехнулась. – Отец часто рассказывал про него. Гундит, бухтит, вечно недовольный, серьезный и надутый как туча. Но юмор понимает, и сам острить любит. Думает только своеобразно. Уж не знаю, что больше сказалось: профдеформация или тридцать лет простоя. Даже танки рассыпаются в ржавый песок, что уж тут говорить про плоть и кости...

— Даже интересно, что ждет меня раньше. – глянув на руку, размышляла девушка. – Ржавчина или морщины. Хотя, титан стойкий. Ну... – внезапно, она наконец повернулась к нему, глянула прямо в глаза, что тот не успел, или не захотел отводить свои. В них виднелся какой-то вопрос. Явно не требующий прямого ответа, слегка робкий, но бесконечно добрый. – Про всех ты сказал. А что насчет тебя?

— Я... – задумался Дима не совсем ожидаемо. Ему самому стало как-то неловко от заминки, он поднял уголок губы и бровь, пытаясь подумать. – Хм. Вопрос, который сумел поставить меня в тупик. Я таки впервые не знаю, что бы тебе такое положительное ответить.

— А ты не думай. – подалась она к нему с каким-то интересом. Ей было бесконечно занятно наблюдать за тем, как он думает. Пристально, не отрываясь и не моргая, слегка жутко, глядела на него. – Сегодняшний день показал, что долго ду-

мать чрезвычайно вредно сейчас. Только потеряешь время. Просто скажи те слова, что у тебя в голове.

— В моей голове впервые с нашей встречи настоящая буря. — усмехнулся тот, слегка показав белые зубы. — Похоже на самум, из пыли, камня и песка, что проносится по черепной коробке и напрочь вычищает все из нее, будто наждачной бумагой. Вероятно, самое верное сейчас сказать, что на твою защиту... — замялся. — ... Я буду рад встать первым.

За разговором оба не заметили, как уже давно выполнили поставленную Ульяной задачу на радиопередачу. Они просто сидели на этой разваливающейся, закопченной крыше под звездами, глядели друг на друга и разговаривали. Не замечали, как над головой трепыхается из последних своих сил изорванное в лохмотья знамя. В груди у обоих что-то затеплилось. Руки Димы непроизвольно сжались, и он было думал что-то сделать, наконец. Но какой-то внутренний барьер, что-то на подобие совести, не давало ему сделать решительный шаг вперед, к вероятному успеху сейчас. Он прекрасно понимал что чувствует, и боялся этого. Каждое мгновение, проведенное сейчас, на этом поле боя, могло стать последним. Не хотел снова почувствовать то, из-за чего сломался раньше. Дима боялся снова потерять то, что ему было дорого, а потому не решался это самое «дорого» приобретать. Его рвало изнутри на части. Сердце, обливаясь кровью, стучало и стучало, говорило ему двигаться, а мозг выстраивал стену с колючей проволокой, и дьявольски кричал:

«HALT!!!». Мужчина сидел как не живой, как статуя, все еще разглядывая девушку, которая не видно, не спешно, по миллиметру приближалась к нему, ожидая его шага. Но его все не следовало и не следовало: Дима застыл как идиот с слегка улыбающейся миной.

— ...Тут прохладно. – опустила взгляд Моргана, подавшись назад. Глянула на потряхивающиеся руки. Обоим было понятно, что это не от холода. – Вон, руки трясутся уже...

— Да, определенно, нам стоит спуститься. – вставая, Дима подал девушке руку. Та, легко и непринужденно поднялась. – Только, один момент. Ульяна просила обозначить нас тут, мало ли. Ну, вот я и стащил кое-что.

Он достал из кармана свернутую на несколько раз тельняшку. Пожав плечами, увидел, как Моргана засмеялась, прикрыв рот рукой. Она поняла, чья это была тельняшка, и уже представила, как Дима ее получил – украл. Правда, на благое дело! Повязал ее рукавами к флагштоку, чтобы она развивалась, будто знамя. Понаблюдав как полосатая ткань волнами исходит по ветру, он пассатижами аккуратно перекусил тросик. Изорванный триколор упал к его ногам. Выдохнув, он поднял флаг, небрежно его свернул, и сунул в куртку.

Немного погодя, когда Среда и Моргана спускались с крыши, по этажам, громогласно прозвучал крик Вирховой. Его слышали, кажется, даже в Бибирево, по крайней мере весь Кремль точно:

— Где моя тельняшка?!!

Часть 14

Дима медленно разлепил заспанные глаза. Над Москвой в легкой, уже совсем летней дымке, что стелилась по земле, поднималось солнце. Оно играло лучами на побитых золотых куполах храмов, на рассыпанных росой стеклянных обломках, на еще целых окошках соседних зданий, на последних уцелевших рубиновых кремлевских звездах. Утро было поистине приятным, тихим и мирным. Ощущение, словно поднялся с перин в деревенском доме и выглянул в сад, за исключением того, что почти все тело покрывал налет из грязи, пыли и налипших обломков. В волосах кусочки бетона и штукатурки, сцепленные потом. Кремль все еще оставался неприступным, и его будто бы больше и не хотели брать. Такая надежда на секунду промелькнула и в голове Среды: «А что, если все уже кончилось?».

На мгновение еще прикрыл глаза и полной грудью вдохнул. Попытался встать с той кушетки, где спал сидя. Ноги не слушались, затекли и устали. К тому же их что-то очень серьезно привалило, что-то мешало спать. Это была Моргана. Головой скатилась с его плеча, когда уснула, на колени, а затем, во сне, перевернулась и уткнулась носом точно в его живот, обхватив руками мужской пояс. Подтянув ноги к груди, так и ютилась на кушетке. Едва слышно сопела. Казалось,

вовсе не дышала. Спала как обычный человек – со своими странностями, но все же с закрытыми глазами. Едва уловимо усмехнувшись, Среда протер сухой ладонью пыльное лицо. Чуть пристукнул себя по щеке, и еще раз, косо по лбу, сбивая осевшую на кожу белесую пыль. Она тут была повсюду. Пару сотен веников, и намели бы еще несколько мешков на укрепления. Все из них были бы заполнены этой чертовой пылью. Проморгавшись, пальцем потеряв переносицу. Он аккуратно поднял голову девушки с коленей, и отцепил ее руки от себя. Подложил под нее сложенный бронежилет и встал, хрустнув спиной. Потянувшись, сделал пару шагов к стенке, встав за ней.

Здесь его закрывала кремлевская еще целая стена. Они были на самом углу Сенатского. Фасад смотрел точно на Никольскую башню. Она еще целая, и именно она-то и сверкала рубиновой звездой, на которой Дима задержал взгляд чуть-чуть подольше. Он рассматривал все переливы солнечных лучей на крашеном стекле. Глядел, как они играют на металлическом позолоченном каркасе. Точно такая же звезда лежала с остатками крыши Спасской Башни где-то между разорванных восьмидесятков на площади. Там была разруха, а здесь – еще нет.

На часах было к пяти утра. Солнце только-только вставало, еще даже не показалось из-за зданий.

В такой момент захотелось подумать сразу и обо всем, но одновременно с этим думать сравни преступлению. Нужно

было успевать созидать! Может такого больше и не будет. Кто знает... Шальной осколок, пуля, нож, взрыв или обломок стекла, кирпичи, или пыль в легких – никто ведь не знал, от чего он может больше никогда не увидеть такой красоты. Чуть опустив взгляд, Среда заметил солдатскую мятую алюминиевую кружку с холодным черным крепким чаем. От него пахло чабрецом. Только один человек так фанатично любит чай с чабрецом во всем этом комплексе – Ульяна. Со всем не признавала кофе, в отличие от Димы. Тот любил пропустить с утра полную кружку с молоком и парой ложек сахара. Жена посадила на такой рацион... Теперь же, видимо по привычке, он старался его не пропускать. Потому на чай поглядел спокойно, даже как-то скупно на эмоции. Отпил пол глотка, чтобы смочить горло и согреться. Ночью продуло. Думал вернуться еще немного и поспать, как замер, перестал на мгновение дышать.

Послышались уже знакомые хлопки. Воздух над утренней Москвой снова едва слышно что-то разрывало. На огромной скорости какие-то очень смертоносные осадки, завывая, мчались прямо на остатки «трехсот спартанцев», что были заперты между «Фермопилами». Снова «Град» – ни свет, ни заря...

— Все в укрытие!!! – откинув кружку, он рванул к кушетке.

Только и успел, что накрыть Моргану телом, прыгнув на нее сверху. Снаряд угодил как раз в их фасад, только эта-

жом ниже. Пол повело, и он зашелся трещинами. Все подняло вверх на полметра, а затем с диким ревом и гулом опустило. Здание снова затрещало, заныло, начало разваливаться, ломаться и крошиться. Как разорвавшиеся струны, стальную арматуру, в палец толщиной, вырвало из монолита и скрутило в спираль. Куски пола начали обваливаться вниз, открывая «окна» меж этажей. Выстрелом разбросало облака пыли, кусков бетона, металла, осколков, людских частей и тканей, досок, гранитных плит. Рвало оставшиеся в холле малозначительные полотна, резные стулья и кушетки. Распалась и та, на которой всего несколько минут назад Среда и Моргана мирно спали. Девушка всем телом рухнула на горячий пол. Проснувшись, повернулась на живот и прикрыла голову руками. Канонада еще только начиналась. Как из пулемета, ракеты били по огромной площади практически разом. Везде на территории Кремля появлялись пылевые столбики, везде метались огромные стальные обломки ракет, везде были неразорвавшиеся, воткнувшиеся в грунт как гвоздь в древесину, снаряды. Они детонировали потом, когда сваливались потихоньку в соседнюю, еще от прошлой артподготовки воронку, либо, когда до них долетали осколки, рядом рвались другие ракеты. Тогда взрывы были еще быстрее, будто один. Их было почти не различить между собой по времени. Бах-бах-бах! Б-бах! Десять, двадцать, шестьдесят секунд – это не прекращалось. Били не в один, и, даже не в три залпа. Четыре или пять – точно. Ракеты все рвались и рвались, изрывая

здания и постройки почти в лоскуты. Остался не тронутым только Собор – Вирхова рассчитала все правильно, ведь Костин пока единственный не нес потерь.

Дало по ушам. Взрывной волной Диму и Моргану швырнуло к стенке. Сознание помутнело. Потемнело в глазах. Выдохнув обессилено, Среда прикрыл веки и расслабился – все тело пробивала какая-то легкость, едва различимая дрожь. В шее что-то зачесалось, но онемевшие конечности не слушались, он просто лежал на полу в беспомощности. В голове гудели близкие приглушенные разрывы реактивных ракет. «Град» достал и их. Везение начинало заканчиваться.

... Абсолютная темнота. Два красных колечка. Они смотрели точно ему в глаза, чуть прикрытые набухшими веками с длинными женскими ресницами. Колечки эти сверкали дьявольским огнем. Неустанно, не мигая и не угасая глядели точно в глаза, проедавая человеческую оболочку до самой души. Внезапно они дрогнули. Под ними расходилась чудовищная в своей ужасной красоте улыбка из белых зубов. С них капала бурая кровь, текла по острому подбородку, впалым щекам. Сочные эти реки стекали по замаранной майке, текли по холодному металлу, капали с остро наточенных титановых когтей, что с механическим визгом, сжимались. Внезапно, одно из колечек стало выше другого – замаранная в крови голова накренилась. На лицо ее подались короткие блондинистые пряди, что, как у сумасшедшего, прикрыли один из сверкающих красных глаз. С коротким писком,

ухмылкой и выдохом, вся острая пятерня кинулась по воздуху, блеснув напоследок...

Среда вдохнул, подавшись грудью вверх. Не получилось — ребра привалило куском бетонной стены, и от перелома спас только вовремя надетый бронезилет. Плита его больно вдавалась в грудь, сердце сминало под тяжестью, но он еще был жив. Он ясно ощутил на своем лице разрывы кожи, будто бы то видение, что проскочило перед его глазами не было таким. Ощутил то, как фантомно распадается на полоски его лицевая кость, как разрезанный острыми когтями череп превращается в набор пазлов. Его сковал страх, настоящий, такой, какого он ни разу не испытывал. Ничего не могло сравниться с ним, ни те чудовища в Берлине, ни эта бомбардировка в Москве, ни что другое. Он боялся только этого, промелькнувшего перед глазами, как в бреду, мгновения. Того существа, что было в нем.

С трудом перебарывая навалившуюся усталость, он осмотрелся по сторонам. На четвереньках, мотая головой, рядом была Моргана. Живой рукой сбивая с себя пыль, она пыталась привести себя в норму, но было видно, что ее живые ткани, часть ее сложного симбиотичного организма все еще была слаба. Другая же, металлическая, наоборот, как колонна, как настоящая опора железнодорожного моста, стойко держала ее вес, не тряслась. Тогда-то Среда и понял, что именно он увидел...

Не подав вида, не давая себе шанса на дальнейшее разду-

мывание, руками взялся за навалившуюся булыгу. Попытавшись, с выдохом, поднять ее с себя, потерпел неудачу. Обвалившийся потолок держал его в замке, плиты были друг на друге, и прижимали мужчину к полу, будто струбциной. Тогда он немного повернулся, уперся в один край, и попытался свалить это с себя – снова не получилось.

— Товарищ подполковник! – раздался знакомый голос в коридоре. Перед его лицом появился запыхавшийся Артем. – Вы ж-живы, да? Привалило?!

— Да так, отдохнуть решил. – праздно ответил тот, все еще пытаясь высвободиться. – Вот, гляди, одеяло себе нашел. Сам-то как думаешь?

— Я-я помогу, я помогу! – тот быстро взялся руками за камень, потянув на себя.

Дури в нем было не отбавлять. Под черной танковой робой проступили объемные мышцы. Парень был не из щуплых, плотный, если не сказать квадратный. По росту точно в танк мог поместиться, но никто не знал, как он влезает туда по ширине плеч. Уж больно был коренастый. Напрягая все, что есть в его организме, зажмурившись и оскалившись, он потянул на себя тот громадный обломок, приваливший Среду. Дима же, как уж извиваясь, ударяя ногами по полу, и подтягивая себя руками, выползал из этого замка. Теперь было несколько посвободнее. Можно было даже вдохнуть полной грудью, не обращая внимание на пресловутую пыль, что постоянно ранила горло, рот, нос и гортань при вдохе. Она тут

была везде и всюду.

Как только раздался гулкий удар – булыга соприкоснулась с полом, и вся конструкция, сдерживающая Диму в объятиях, развалилась – Среда взялся руками за больную голову, и попытался подняться. Не получилось. Сознание мутило, к горлу подкатывала горькая желчь. Зацепило их крепко. Снаряд разорвался несколько дальше от них, угодил в крышу, и рванул ее. Осталась огромная дыра в потолке. В ней рассветная дымка и лучики солнца на острие обломанной арматуры. В груди камней и металла были и еще люди, из-под завала торчали окровавленные руки, лоскуты одежды, запыленное оружие и автоматы. Все-таки снова повезло.

— Мазута, ты хули тут делаешь?! – рявкнула Ульяна, рванув танкиста за шиворот. Оттянув парня от глыб, толкнула его по коридору. – Блять! Мухой к танку!

— Я за завтраком приходил. – обиженно кинул тот напоследок.

— Нам сейчас тут всем выпишут по жаркое, бляха! Быстро, я сказала! – раздраженно ответив, она склонилась над Димой, протягивая ему руку. – Давай, давай, не лежи!

Тот крепко взялся за ее покрытую пылью и сажей ладонь. Схватил крепче тисков, и почувствовал, как его отдирает от пола. Быстро и легко, Вирхова подняла его сперва на колени, а затем и помогла поставить на не слушающиеся и уставшие ноги. Она была сильна, невероятно сильна. Мышцы под ее кожей больше походили на снопы стальных тросов, неже-

ли на обычную человеческую плоть. И только сейчас стало понятно, что олимпийка на ней была расстегнута и немного сползла. Рельефный пресс под рыжеватой восточной кожей был оголен. Ключицы и полечи открыты. Большую грудь стягивал черный спортивный топ. Видимо, бомбардировка тоже застала ее во сне. Вручив поднятый автомат в руки, Ульяна оставила Диму ненадолго одного. Осторожно поддела Моргану под руки, и, немного более трудно, но тоже подняла ее.

— Все на КП, живо. — приказала она, глянув поочередно обоим в глаза.

Мгновением позже в потрепанном кабинете собрались все, кто должен был. Одна из ракет, очевидно, ударила прямо в него. Стол был перевернут и посечен осколками, в стене, на месте заколоченного окна во внутренний дворик зияла большущая дыра. По всему кабинету были разбросаны каменные обломки: привычные куски кирпича, бетона, а также металлическая шрапнель от головной части ракеты. Хвостовик оказался погнут и лежал в углу, заклинив в распор между стен. Стол снова оказался на ногах. Ульяна одним движением наводила порядок из беспорядка. Груз в это время несколько нервно ходил из угла в угол, все время о чем-то натужно размышляя и держась за окровавленный бок на белой рубашке. На вопросы по типу: «Посекло?» не отвечал, либо просто поднимал взгляд, так как считал вопрос невероятно глупым, а ответ на него неприлично очевидным. Накинул на уголки погоревших и почерневших карт куски от-

делки, чтобы их не сдуло сквозняком. Положил рядом два маркера из кармана и показал пальцем на что-то в бумагах.

— Да, да, я знаю, говорил. — кивнула Ульяна, не отвлекаясь от рассмотрения карт. Внезапно на столе зазвонил телефон. Сдернула с него трубку и покрутила с визжащим звуком динамо. — «Фермопилы-Главный», слушаю!

— Это «Фермопилы»! У нас попытка прорыва! — в гробовой тишине кабинета из трубки слышался крик. Где-то позади Сенатского полоснула тяжелая очередь. Отразилась она и в трубке, но только более глухо. Затем еще и еще. Рывнул одиночный танковый выстрел, затем взрыв, барабанная дробь из осколков по крышам. — Ай! Противник принял повторную попытку прорыва, выступает усиленным порядком. Шесть бронетранспортеров, два танка: «Семьдесят-два», «Восемьдесят»! Личного состава — человек пятьдесят, под прикрытием бронемашин! Продвигаются через поле, точно к минным заграждениям! «Главный», как понял?!

— Все поняла, поняла. Держитесь! Попробуем оттянуть к вам группу «Борей» из Президентского. Сколько у вас осталось личного состава? Что с противотанковыми средствами?

— У нас около тридцати, тридцати пяти человек на передовой! Потери страшные! Из остатков: два неполных расчета «Копьев», шесть-семь ручных гранатометов! На этом все, «Главный»!..

Последнее прозвучало очень грустно, с явными нотами отчаяния в голосе. Силы на «Фермопилах» таяли, а попол-

нить их было неоткуда. Удар в спину пусть и был отвлекающим, но все же сильным. Кремль зажимали в неравномерных, но очень уверенно двигающихся тисках. Натиск был суров, строг и продуман. Силы были не равны, и итог казался уже совсем очевидным. Нужна была срочная помощь, но ее не было.

— Полностью передайте «Гефест» под управление «Фермопил». – потеряв переносицу приказала Ульяна. – Пусть...

— «Гефест» уничтожен. – сухо ответил кто-то из командиров в кабинете.

— Ах... Твою-то мать. – поставив кулак на стол, и оперевшись на него, Вирхова бессильно склонилась. – Оттяните «Борей», их противотанковые средства! Выдерните еще два «Копья» с расчётами от нас.

— Ульяна, если мы... – подался вперед Среда, растолкнув командиров десантников.

— Если «Фермопилы» падут, мы получим кольцо. – сурово ответила она, повернув голову точно на него. – Это сразу будет петля на нашей шее, так что давайте оттянем этот момент к чертовой матери. Нужно держать обе точки, как можно дольше.

— Держать их вечно не получится, товарищ генерал. – сухо заметил один командир.

— А мы должны! – ударила Вирхова по столу, оскалившись. – Мы должны удержать комплекс, и удержать любой ценой! Я требую, чтобы «Фермопилы», все эти бойцы про-

держались еще хотя бы один штурм. Потому что их гибель – это наша гибель. Но никто, кроме нас, не выполнит эту боевую задачу. Никто! Отправить расчеты сейчас же!

— Есть.

Снова зазвонил телефон. Сорвав трубку, Ульяна с суровым взглядом, направленным в никуда, прислонила ее к уху. На лбу ее из запекшейся раны выступила кровь, но ей, как и прежде, было плевать на это. Слушала каждый звук, каждый вдох в трубке. На сей раз, на связи был Костин.

— «Фермопилы-Главный, «Спарта» на связи. – его грубый размеренный бас было слышно всем. – У нас тут движение, со стороны бывшей «России», так же активность у Универмага. Думаю, будет прорыв с двух сторон, ударят в лоб и со стороны Спасской, на окружение.

— Численность? – коротко спросила Ульяна. – Состав?

— Шестнадцать – семнадцать танков на направление. – в этот момент даже Груз неровно поежился, перемявшись с ноги на ногу. – В общей численности, до тридцати. Можем задержать, но это подарит пятнадцать, двадцать минут. Нас быстро расстреляют.

— Тридцать танков... – как приговор, но очень тихо, проговорила та, склонив голову. С бровей на стол закапала кровь. – Тридцать... Есть соображения, как это остановить?..

— Внести заминку в середине. Нужен неожиданный удар в центр группировки, и только тогда можно надеяться на

хоть какой-то успех. Давить такую силу в лоб – явная и самая глупая смерть. – быстро выразил мысли чекист, подойдя ближе к карте. – Если есть возможность, нужно бы оставить «Борей» на позиции, и выдать им противотанковые средства, хотя бы пару, чтобы они отвлекли на себя часть внимания. Но это снова укол иголкой. А нужен термоядерный удар.

На секунду зажмурившись и оскалившись так, будто бы лицо схватило невероятной судорогой, Ульяна, разрываемая сейчас думами и чувствами напололам, наскоро протерла сухой пыльной ладонью обожжённую часть лица. Костяшками, с дурью, вмазала по столу. Ситуация была очень и очень критической – на них двигалась настоящая бронетанковая армада, которая совсем скоро будет крошить их черепа вместе с кирпичами и стеклами в пыль и муку. Скоро вся эта броня окажется перед лбами. И больше ничего уже не поможет. Этот удар нужно было пережить, нужно было сдюжить, не сломаться, проявить всю хитрость, удачу и сноровку. Но задержать! ...Задержать танки... Хотя бы на час, два.

Нужны были идеи, нужна была помощь, нужны были люди и оборудование, патроны, снаряжение, продуманная система обороны, но ничего из этого сейчас не было. Оборона, построенная наспех тремя сотнями десантников на огромной территории, отлично выдержала первый удар, но дальше она уже не спасала. От минных полей остались лоскуты. Их половину изорвало снарядами, на другой стояли искореженные остовы сгоревшей техники. Мины, конечно, еще были,

еще ждали свои цели в брусчатке и вырытой земле. Это было уже не поле, это был набор болотных жиденьких кочек. Бесконечно коварных, азартных, но все же не смертельных для такого ползущего на Кремль стального монстра. Люди таяли на глазах, как снег в горячей ладони, патроны заканчивались, гранаты и ракеты для пусковых устройств тоже. Склады бомбились «Градами», постоянно норовили загореться. Страдали даже подземные. Из-за неукрепленных потолков их часто норовило завалить и заваливало. Защита от ядерного удара была только для бункера, остальное – фактически – просто гробница.

— ... мы пустим их в периметр. – сказала Ульяна, на мгновение подняв исподлобья глаза, оглядев всех командиров. – Мы пропустим эти танки в периметр.

— Это безумие, товарищ генерал. – заметил один из десантников. – Если они закрепятся, у нас больше не будет буферной зоны, они очень сильно сократят зону наших передвижений и наших...

— Если у вас есть другой вариант, то я его послушаю. – она грозно, но тихо перебила его.

Тот помялся, облизнул губы, поглядел по сторонам:

— Нет, у меня нет другого варианта.

— Итак, мы впустим армаду в Кремль. – набрав в руки камни, Вирхова разложила их на карте. Это было условное обозначениедвигающихся на них сил. Быстро, тонкими загорелыми израненными и запыленными пальчиками пере-

двинула камни на территорию сквера, между разрушенной колокольной Грозного, откуда на первых парах бил набат, и Спасской башней. – Вот здесь, на этом рубеже, они должны, во что бы то ни стало, замереть, и замереть навсегда. Мы встречаем их из всех орудий: на этом рубеже у нас почти все свежие силы. Они не принимали активных боев. Два расчёта оттуда перебросим на фронт – со стороны Универмага. Как только мы занимаем их здесь боем, вы, – она показала на одного из командиров, – шлете Костину сигнальную ракету. Тогда «Спарта» включается в бой. Вот тебе, Груз, и удар в середину. Вносим неразбериху, шокируем и добиваемся отступления. Главное... чтобы «Фермопилы» не прорвали...

— Черт, скоро нас всех убьют... – помотав головой, в саркастичном тоне, с некоторой улыбкой внезапно произнес Ганс.

— Не сеять панических настроений! – рявкнула на него неожиданно Вирхова. – А не то раньше отправишься покорять небеса, так еще и от моей руки. Прошу – держаться, и держаться, как можно дольше! – она поднесла трубку к голове. Там, на другом конце провода, уже несколько нервно ожидал Костин. – «Спарта», вы ждете сигнальную ракету, или флажковую передачу от нас. Только тогда начинаете работу. Мы впустим армаду в Кремль, а вы ударите по ее центру по обоим направлениям, как понял?

— Понял вас, «Главный», все понял! – даже сквозь не самую лучшую связь было понятно, что суровый десантник на-

конец улыбнулся.

Он ждал этого. Ждал этого приказа, когда ему дадут отмашку. В широкой, необъятной груди под тельняшкой ютился детский азарт, вместе с грубой мужской натурой. Для него было бы преступлением против самого себя, сидеть и ждать, пока остальных в Кремле сминали. Костин всегда был пионером, он же им остается и сейчас. Теперь, приказ получен, можно было расчехлять комплексы и бить противника, так, как его бьют все остальные – с толком, с расстановкой, с пониманием того, что от этого зависит жизнь остальных на рубеже.

Вирхова положила трубку медленно, даже как-то протяжно. Кротко сказала, не поднимая головы: «Все по боевым постам». Достала из кармана пачку сигарет, пальцами вытащила одну и уже привычно, как делала тысячи раз, зажала ее в губах, в левом уголку рта. Чиркнув спичкой, Ульяна поднесла огонек к лицу. Жаркое желто-оранжевое пламя на мгновение осветило ее шрамированное, изуродованное, но при том прекрасное южное лицо. Разогнало тень, показало все связки, все швы, что ей были наложены в полевом госпитале. Выйдя из короткого забвения, Вирхова подкурила, и вокруг ее лица завился сизый, вонючий сигаретным дым. Пыхнув носом, как разъярённый бык, глубоко и протяжно, она вдохнула ртом и глянула на стоявшего возле нее Груза. Около него были Дима и Моргана.

— Какие приказы будут для Артема? – даже как-то просто

спросил Среда, без издевок, без эмоций. – Парень-то ждет.

— Никаких. Для него приказов пока нет. – ответила та, не вынимая сигареты из рта, распрямившись. Из-под расстегнутой олимпийки больше показалась объемная ее грудь, ее ключицы и пыльная кожа живота, с небольшим, уже зажившим рубцом от дубового осколка, совсем рядом с рельефным прессом.

— Мы здесь под пулями прыгаем, а ему отдыхать?! – уже громче начал пререкаться мужчина. – Ты понимаешь, что это попросту обидно? И даже не мне, самому Артему, если он совестливый человек. Нас штурмуют уже второй раз! Единственная сила, способная противостоять танку – это второй, такой же точно, танк.

— У нас достаточно...

— Недостаточно!

— Я не отправлю парня, не видевшего сиськи, на верную смерть!!! – четко, грубо, командирским и звонким, заливающим все пространство голосом ответила ему та, глазами вонзившись во взгляд Среды. В них было настоящее бешенство. Осознав собственную ошибку, она отвернулась, выдохнув дымом. – Он наш козырь. Если мы откроем и его, следующая ракета из блядского «Града», прилетит в его крышку! Мне больно отправлять моих-то людей. А за него будет втрое обидно и грустно...

— Но...

— Выполняйте задачу, подполковник. – приказала Вир-

хова наконец.

— Есть. – сглотнув обиду, ответил тот. Развернувшись к двери, мерными шагами вышел, и удалился по коридору к позициям гранатометчиков.

— Моргана, мухой на «Аид». – в один затяг докурив, Ульяна выкинула сигарету в пыльный угол. – Следишь за беспилотником, если он еще в небе. Любые изменения – доклад. Понятно?

— Да, я вас поняла. – мягко, практически нежно, ответила та, пальцем пододвинув очки на переносицу. – Доложу по телефону.

Дима по коридору шагал не долго. Первым же разорвавшимся на позициях десантников снарядом его опрокинуло на спину. В ушах уже привычно зазвенело, но на этот раз не так серьезно. Взрывной волной его лишь обдуло, обласкало. Выстрел был направлен в дальний конец, где было серьезное, собранное из металлических швеллеров, двутавров и мешков с песком укрепление с безоткатным гранатометом. Позицию ту вывернуло на изнанку. По всему коридору раскинуло ошметки холщовых мешков. Поочередно, барабанной дробью, сдетонировало несколько сложенных в ящиках боеприпасов. Остальные же оказались под завалом из щепок, обломков металла, изуродованных тел и бетона. Потолок уже привычно трещал, и был в этом самый ужас. Абсолютно чужеродные звуки, страшные поскрипывания, завывания здания, взрывы снарядов в его окнах стали простой обыденно-

стью очень быстро. Никто уже и не думал, наверное, что все, действительно, повернулось настолько моментально. Здесь прошла вся жизнь – в этих пыльных, закопченных, измазанных сажей и запекшейся кровью стенах. Будто бы и вовсе не было другой жизни у тех ребят, что защищали Кремль. Не было у них ни юности, ни детства, когда все по-другому...

Били точно, и били точно. На этот раз танковая армада действовала более хирургически. Не было тех обстрелов нахрапом, не было того кавалерийского набега. Коробочки, увешанные динамической защитой, и резиновыми экранами двигались медленно, метр за метром. Шли со скоростью очень вальяжного чопорного джентльмена, совсем не по этикету «стучась» прямо в окна, откуда на них разворачивались орудия. Били с другой стороны перекопанного пустыря, разделяющего «Фермопилы-Главный» и Беклемишевскую башню. Заходили через очередной пролом в стене к фасаду, параллельному Кремлевской стене. За общей канонадой обрушившегося «Града», никто и не заметил, как там образовалась брешь. Об этом уже не докладывали, стены теперь не защищали, они мешали вести полноценный обзор, стали настоящей ловушкой, медленно затягивающейся петлей на шее каждого десантника здесь. Обороняться становилось все сложнее. Больше пространства, больше направлений, больше танков и солдат противника. Сдержать это могло только чудо, или хорошо работающий человеческий мозг.

Жахнуло еще раз. Под ногами Среда провалился кусок

плиты на нижний этаж, едва не прибив один из расчетов. В пролом улетели ящики с гранатами к РПГ и ручной пулемет, который вонзился стволом в каменную насыпь и сломался. Тоже едва не свалившись, Дима схватился за автомат, а другой рукой за торчащий кусок арматуры, чтобы не укатиться. Ноги не держали, обмякли. На вески накатывала слабость, тело очень сильно желало отдохнуть. Но для этого было точно не самое подходящее время. На пыль капало что-то бурое. Исказив мину недовольства, поднявшись и тронув лицо, Среда понял, что с носа текло. Кусочек металла, с шестую часть ногтя вонзился в кожу, больно впившись, как клещ. Быстро поддев его, откинул в сторону, перехватил автомат и махнул через пролом, едва успев поставить ногу. Перепрыгнуть было трудно, но возможно.

— Я помогу! – перекрикнув танковый выстрел, воскликнул Дима. Пригнулся от взрыва фугаса этажом ниже. Пол слегка подняло, и тряхнуло. – А-й, что за дела!..

— Поддай гранату! – не отрываясь от прицела, ответил один из десантников. У него была разбита голова, над ухом был глубокий рубец, а тельняшка бардовая, черная, закопченная и изорванная. – Заряжающего убило, вставай ты!

Пошарив руками по разнесенным ящикам, Среда нащупал холодный и твердый металл. Вытянул на себя запыленную и измазанную гранату. Они вылетели из ящика при раскате взрывной волны и теперь валялись простой поленницей, точно у ног одного из мертвецов, что наклонив голову, сидел

у стенки. Выжав вниз рукоять засова, и открыв со звоном казенник, Дима загнал туда выстрел. С хлопком, с четким, звучным грохотом, закрыл.

Снова ударило под ногами. Кусок стены левее выдрало и выкинуло наружу. Нижний этаж обстреливали сильнее. Под треногой «Копья» заходила плита. Оно начало крениться и проваливаться. Повисшие на арматуре обломки стенки и пола прогибались. Орудие медленно уходило вниз. Истошно, сквозь зубы, выругиваясь, наводчик крутил рукоятки, а Среда только и успевал, что собирать укатывающиеся по бетонной крошке выстрелы. Рывкнул гранатомет, обдуло горячим воздухом, и подняло всю пыль, что была. На мгновение, даже на пару, поднялась настоящая пылевая буря. Крошка западала в глаза, уши, разбитый нос, осаживалась на коже, волосах и снаряжении, липла к крови. Граната, с шумом, с ревом, вылетев, и пролетев с десятков метров, хлопнула и ускорила – реактивный двигатель. Этот момент Дима даже успел разглядеть краем глаза. Он видел, как извернувшись, граната плюнула горячей струей газов, и полетела точно в лобовую деталь одной из наступающих машин. Угодила между башней и корпусом. Скользнула над триплексом механика, разорвалась под орудием и впиалась кумулятивной струей в широченный привод наведения. Горячие, раскаленные до бела медные искры попали на пороховые заряды, и танк вспыхнул, как спичка. Глаза вдруг заболели от яркой вспышки. Взрыв! Вывернуло борта, разорвало гусеницы и немного подкинуло

корпус. Из-за закрытых люков, пламя вырвалось из погона башни. Ту выдернуло с мясом, с мощным орудием и подкинуло вверх. Кинетическая волна докатилась даже до Сенатского, и громом прошла по ушам.

Красивым цветком, огненной меткой остался этот танк на кремлевской земле. По инерции, он еще продвинулся с полметра, и замер, разгораясь, а затем затухая. К небу, в бока и назад, по ветру, подался черный, непроницаемый для света столб дыма и гари. Но из этой дымовой завесы вдруг показался еще один корпус. Еще и еще. Танки даже не думали останавливаться. Они перли вперед, не обращая внимание на прореди в своих рядах. Грозные, холодные, не имеющие собственного сознания боевые машины. И от такой картины, от осознания, что все снаряды в жерлах пушек смотрят точно на него, у Среды перехватило дыхание. На мгновение он замешкался, широко открытыми глазами посмотрел на то, как из дыма, черной копоти сгоревших машин появляются новые. Несметные полчища тяжеленного металла. Их было не остановить! Вирхова оказалась права – десантники не смогут отразить лобовой удар.

— Снаряд! – рявкнул наводчик «Копья». Снова поднялась пыль, и очередная граната ушла к цели, ухнула об броню, но танк двинулся дальше. – Еще снаряд!

...Бой затягивался. Запал наступающих сил потихоньку начал спадать. Но они мерно, метр за метром, продвигались вперед. Прикрываясь разорванными корпусами, живые

«восьмидесятки» и «семьдесят двойки», явно хотели закрепиться, удержать какой-то рубеж. Плавно продавливали линию фронта на нападающих. Доходило до того, что, упираясь лбом, танки начинали протаскивать искореженный металл вперед, ревя газотурбинными двигателями. Они надрывались, но медленно, мало по малу, тащили стальные трупы вперед, прикрываясь ими от огня. Вели и собственный – по зданию прилетало. Снаряды залетали в окна, и через мгновения оттуда вырывался фонтан серо-белой пыли, бетона и шматков одежды и тканей. Били по стенам. Крошился кирпич и бетон, вылетали остатки рам и стекол. Фугасы уходили в землю, когда целились по первому этажу и окопанным около него позициям. В верх на несколько метров тогда взлетала земля и брусчатка, иногда и целый расчет с противотанковым безоткатным оружием. Повсюду лежал металл, горели укрепления, холщовые мешки с песком и тела. Лежали погнутыми стволы орудий, минометы, автоматы и пулеметы. Повсюду были разбросаны гильзы и пустые ленты. На солнце бликами исходила стеклянная крошка, перемешанная с землей, будто звездочки на небе.

Высыпала пехота. Двигаясь за колоннами танков, солдаты перебежками, от укрытия к укрытию продвигались к Сенатскому. С обеих сторон застрочили пулеметы, залетали трассеры, и стены теперь уродовали еще и пули. Просвистывая над головами, иногда все-таки находили цель. То и дело от свистнувшей свинцовой мушки на пол падали грузные де-

сантники и исходились кровью из свежих ран.

До определенного Ульяной рубежа оставалось совсем немного. С десятков метров отделял от той выдуманной черты, за которой могла быть смерть для одних, а победа для других. Нужно было что-то предпринять, нужно было выполнять вторую часть плана, но сигнальной ракеты пока все еще не было.

— Почему нет сигнала?! – спросил наводчик, повернувшись на Диму. На бледном лице сочетались ярость и страх. – Где ракета?!

— Наводи! – Среда сунул в ствол гранату, прихлопнув того по запыленному и окровавленному плечу. – Наводи, дорогой! Стреляй, бей!

— Подложи заряды! – указал рукой тот на гранаты в поленице. – Поближе! А сам иди проверь, дай сигнал, иначе не сдюжим!

Звонко, но аккуратно перекатив выстрелы, Среда распрямился. Да так, что уши на мгновение заложило. В этот момент, точно над макушкой, прошелестел по стенке ручной пулемет. На голову посыпалась белесая пыль, снова пройдя через волосы сразу к потной коже. Пригнувшись, мужчина прикрыл голову рукой, и двинулся по кремлевскому коридору, который во всю уже ходил ходуном. От взрывов. От выстрелов. От гомона, криков и рева солдат. Раненных и живых. Здание снова оживало, снова билось в своих привычных конвульсиях и хотело избавиться от надоедливых вшей,

что поселились в нем. Было третьей силой в этом суровом и жестоком бою, со своими интересами и со своими действиями. Оно явно не хотело, чтобы его делили, а потому сыпалось, рушилось, обламывалось и зарывало в себе особо не расторопных и мертвых солдат.

В коридоре Среда чуть не сцепился лбом с Ульяной. Едва не протаранив ее, тяжело дыша, присел на корточки около стенки. Вскинув автомат над бруствером, навскидку выпустил короткую гроыхнувшую очередь. Вторым, свежим магазином, что достал из подсумка, выбил пустой на землю. Вирхова поддержала его, и четкими шлепками из снайперской винтовки сбила с ног несколько наступающих солдат – одного пулеметчика и гранатометчика, вставшего на колени за сгоревшим танком для залпа по окнам. Граната все равно вылетела. Солдат, сжавший в предсмертной судороге палец сдвинул спуск, и заряд громко звякнул, зацепил по касательной брусчатку. Улетел ниже окон первого этажа, снова запылив все. Шлепнула еще пара пуль. На Среду посыпались раскаленные разбухшие гильзы, одна из которых попала ему за шиворот и очень острой болью отозвалась где-то посреди спины.

— Ай-ай-ай! – схватившись за латунную бирюльку сквозь одежду под бронежилетом, он немного оттянул ее от кожи. Поднял глаза на Ульяну. – Где сигнал? Где ракета? Почему молчит «Спарта»? Еще немного и нас оттеснят с этого фланга, мы уже не можем держаться! Нужно либо перебросить

мощности со лба сюда, либо...

— Со лба нельзя! – не отрываясь от стрельбы ответила она. Снова прильнула глазом к резиновой окантовке прицела и выстрелила дважды. – Там Груз, у них невероятно бедственное положение! Там уже даже гранаты разгоняться не успевают!

— Тогда сигнал!

— Я не знаю, где сигнал! – раздраженно ответила та, наконец убравшись за стенку от ответного пулеметного огня.

Присела пол и прислонилась затылком к стенке. По ее лицу вперемешку текла кровь и пот. На раздраженной части ее лица пульсировали сосуды. Ее дыхание было горячим. Создавалось ощущение, что внутри нее работала печка. Она не спала вторые сутки, и отбивалась от атак плечом к плечу с солдатами. Невероятно тяжело, но все равно. Сжимала пальцами забитый патронами магазин к СВД. На мгновение замерев, со звоном вогнала его в шахту.

— Я отправила солдата с ракетницей на передок, чтобы он видел, когда танки дойдут до стен. – тише, сбавив тон уже хрипящего от надрывного крика голоса, сказала Ульяна. – Они дошли, а сигнала нет. Значит, что-то произошло, и тебе искать ракетницу, понял? Никому еще я поручить это пока не могу. Найди и запусти, иначе мы все здесь останемся в камне.

— Да... да, найду! – повеселев, Среда оперся на автомат и поднялся. В коленях была боль и усталость, все тело зно-

било, а в поясицу впивалась уже остывшая гильза.

Ниже не куда пригибаясь, он рванул по коридорам. Быстро обогнул позиции и вышел в «лоб», где танковую армаду сдерживали со стороны Площади. Здесь все было даже хуже – орудий практически не осталось. Были завалы из трупов, кирпичей, бетона, арматуры, кусков рам и дверных косяков. Перегородок между кабинетами практически не существовало, а потолок в некоторых местах нависал на уровень головы, держась на одной лишь толстой, натянутой до невозможности, арматуре. Здесь были и откровенные провалы в нем. Виднелось небо и уходившие туда клубы черного едкого дыма от пожарищ. Пространства и помещения были затянуты пылевым туманом. Пахло сажей и гарью. Стены посерели, почернели от разрывов. Было даже видно, как иной раз осколки «плясали» по штукатурке. Оставались характерные следы. Иногда над головой звенели пулеметные пули – разламывались об арматуру, крошили бетон, впивались в трупы или еще живых людей. Суетилось несколько солдат с повязками – вместо медиков. Они стаскивали, кого могли, в отдаленные помещения, но иногда попросту не успевали. Пули разили десантников на руках, одновременно поражая и медбратьев. Двоих – всего одной пулей.

Внезапно, резким ударом, Диму повело назад. Оттолкнуло и ударило об стенку. Он свалился, будто кукла. Впереди, в нескольких метрах рвануло укрепление. От попадания снаряда взорвались гранатные ящики. Кусок стены попросту

развернуло во все стороны. По бронезилету застучали обломки орудия, которое красивым и чудовищным фонтаном изошло во все стороны. В голове Среды загудело, невероятно страшно зануло. Виски будто бы стискивало струбциной, а тело опять не слушалось. Он лежал пластом на двух обугленных трупах, головой точно в чьей-то развороченной грудной клетке. В нос ворвался тошнотворный запах подгоревшего мяса, кислый смрад сгоревших волос и гниющей, несколько полежавшей плоти. Жара окутала лицо, все было в не его крови. Он видел внутренности человека. В кадык ему упирался чей-то когда-то живой кишечник. Рефлекторно глубоко и неестественно выдохнув в рвотном позыве, Дима поднял голову, и вдруг в глазах потемнело. Воздух из его легких еще сильнее поднял вверх все это смертельное амбре над трупами и по новой вонзил ему в нос.

Пыль после взрыва несколько осела. Солдат уже практически не было – суетилось их не более десятка, около всего двух ревущих орудий. То тут, то там вспыхивали реактивные струи ручных гранатометов, но те быстро падали на землю. Ответный огонь был страшен. «Копья» били метко, но не всегда успевали укрыться. В пробитый участок стены, повернув на бок голову и перевернувшись на спину, Среда увидел наступающие танки. Здесь они так же, молчаливо и медленно, до безобразного грозно ползли на загнанных в четыре стены десантников. Мерно волоча гремящие гусеницы, ползли к Кремлю, не останавливая стрельбу ни на минуту.

Они и правда уже были близко. Всего несколько метров их отделяло от Мавзолея и пролома в стене. Еще немного и оборона будет сломлена, противник закрепится на рубежах.

За шиворот кто-то схватил его. Над глазами показалось запыленное и озлобленное, не привычное, лицо Груза. Тот, напрягая все свои необъятные мышцы, спрятанные под грязным кителем и изорванным бронежилетом, оттаскивал Диму подальше от пролома в стенке, подальше от укреплений, посчитав его раненным.

— Сигнал... – через звон в голове выговорил Среда, и почувствовал кровь во рту. Все лицо было в ней. – Сигнал!..

— Связь оборвало! – явно поняв, что того оглушило, крикнул чекист. – Нужно найти ракету! Ты видел ракету?!

— Я... я должен был... – взялся обеими руками за голову Дима.

Среди развалин показалось что-то неестественное. В куче отблескивал черный пластик какой-то не самый обычной рукоятки. Она была похожа на пистолетную, но немного тоньше, без стандартного и четко выделенного на ней прямоугольника вставного магазина. В сознании промелькнул образ – это была она, это было их спасение! Быстрым и жестким движением отцепив лапу Груза от лямки бронежилета, Среда пополз на одних руках к ракетнице. Она была склизкая от крови, сжатая за ствол в чьей-то руке, исцарапанная навалившимся бетоном, но еще рабочая. В ней был заражен один единственный патрон, который должен был вонзиться

в небо, и дать знак в Собор. Бережно, но быстро отрыв ее, выдернув из застывшей руки мертвеца, Среда трясущимися пальцами проверил ее заряженность. Выдохнул облегченно, когда увидел капсюль пиропатрона. На мгновение глянул вверх и заметил большой пролом в потолке, в котором было синее небо. Не думая, поднял руку над собой, лежа на спине. Легкое движение пальцем и лягнувшаяся ракетница изрыгнула из себя залп.

На мгновение бой будто застыл. Не моргая, Среда, вместе с Грузом, замороженно следил за полетом красного маркера точно вверх. Туда. К небу. Ракета взлетала над всем тем ужасом, над разбитым и разбомбленным Кремлем, над порушенными соборами и изорванными пробелами красными сенами с башнями. Она рвалась все выше и выше. И, на мгновение улыбнувшись, Дима расслабился – теперь могло быть полегче.

...Сквозь глухоту пробились отдаленные звуки выстрелов. Это стреляли уже не из Кремля. Это были взрывы на Площади, на той изувеченной брусчатке, что повидала десятки парадов и триумфов. Это было салютом в честь выживших в нечеловеческих условиях защитников. Это было ликование, это была долгожданная и последняя оставшаяся сейчас помощь!..

— Костин... – тихо произнес Груз, выглянув через пролом в стене. – Он стреляет. Ты можешь встать? Ноги должны быть целыми, побил только немного.

— Какого это, жить на пенсии? — внезапно, со слабой улыбкой спросил тот. — Вот бы мне...

— Рановато. — усмехнувшись, тот подал Среде руку. — Тебе бы мечтать дожить до того времени, когда пенсию могут и вовсе отменить.

Диму словно подняло краном. Все-таки в старике еще оставались прежние силы. Его форма могла быть предметом одной лишь зависти, и никак иначе. Поддернув к себе мужчину, чекист одной рукой обнял того за грудь, и оттащил к укрытию.

Среду подхватили двое солдат и оттащили в дальние помещения. Груз же, скинув с головы потерявшую форму от попадания кевларовую каску, поднял с пыли автомат, перезарядив. Он еще был в форме, а потому должен был сражаться. Мерными, тяжелыми и длинными шагами прошелся по разбитым коридорам, переступая через кучи битого кирпича и бетона. Поднимал упавших солдат, осматривал раненных и убитых, на которых еще не успела застыть багровая кровь. Над головой его шлепнуло парой пуль. Пригнувшись и вскинув автомат, он выпустил очередь в окошко. Там из-за танков высыпала пехота, прикрывала отход техники. Танки мерно начинали пятиться назад, сдавать позиции под неожиданными ударами сбоку, разворачиваться, реветь двигателями, поворачивать башни. Выстрелы были теперь уже относительно отдаленными. Крученые полоски дымовых следов от реактивных двигателей гранат теперь шли от Собора. Из

его бойниц и маленьких окошек, из побитых луковичных куполов, над которым косо стояли изодранные осколками золотые православные кресты. Груз видел, как поле боя перед главными «Фермопилами» затягивал черный смольный дым, будто завеса или штора. Через него, рассекая, свистели пули, ухали выстрели. Где-то в его глубине, где еще оставалась целая техника, та подрывалась. Вспыхивал, а затем угасал мутный желто-черный шар взрыва. Все это марево шевелилось, двигалось, как живой организм. Внутри этого были люди, техника, несработавшие ракеты, кучи блестящих разодранных поддонов гильз. Все это было на том поле боя.

На другом фланге тоже отступали, но бой еще не кончался. С боковой стороны Кремля, через поле на Сенатский, наступала группировка. Больше, злее, и, как казалось, наглее. Танки там практически не сбавляли хода. Били все так же крепко, на поражение. Сразу, как только в окне появлялся намек на противотанковый гранатомет, туда залетал фугасный снаряд. Громким разрывом наружу выворачивало все. Градом сыпался на землю бетон, куски тел, сталь, мрамор и пыль из костей. Это был ад, смерч, который переминал в себе все, что только в нем было.

— К орудию! – за шиворот Груз устало потряс одного из стрелков. Тот был весь в крови, с пробитой осколком рукой. – Нам надо перенести его на другой фланг! Оно последнее здесь!

— Там... там есть еще... – показывал окровавленным

пальцем на изорванной руке десантник в глубину. Туда, где как раз и рванула поленница из гранат. – Там... было!

— Твое оружие последнее, солдат! – заглянул в его глаза Груз, но не увидел их. Солдат ослеп, по щекам, будто ткань, были багровые следы. – Последнее... Санитара! Санитара!!!

— Я буду заряжать! – неожиданно выдал тот, схватив чекиста за мощную руку. – Дайте я буду заряжать! Заряжа-ать... Мне нельзя там валяться, я же чувствую выстрелы, бой еще идет!

С секунду подумав, и прикусив от злобы губу, Груз поднял солдата на ноги. На этом фланге оставалось немного живых солдат, но их тут много уже и не требовалось. Нужно было перенести огневую точку, и сделать это быстро, иначе оборона будет прорвана. Солдат дергать нельзя – они отстреливались, держали пехоту на расстоянии, чтобы та не подходила на бросок гранаты, сцезивали ее в одном месте, отрезали от танков и уничтожали. Не были нужны здесь только станковые гранатометы, а точнее он один – последний. Танки отступили за дымовую завесу, стрелять было невозможно. Тогда Груз, обхватив огромными ручищами горячий ствол гранатомета, предварительно накинув на него обрывки чьих-то окровавленных одежек, взял его и поднял. Обоняние уловило донельзя тошнотворный запах разогретой крови на ткани. К горлу подступил комок. Старик пихнул слепого солдата плечом, и тот, поняв, взял его живой рукой за бронежилет. Так и пошли на другой фланг...

...Снаряд снова разорвался точно в окошке. Присыпанный землей, упал солдат с гранатометом. Тубус вместе с заряженной в нем тандемной гранатой со всей силы ухнуло об пол и прибило камнями. Завидев это, Ульяна отшвырнула за шкирку ближайшего к себе десантника, который был около боеприпаса. Граната не взорвалась, только погнулась.

На пол, звякнув, упала последняя гильза из магазина СВД. Больше боезапаса не было. Пошлепав себя по карманам, взглядом окинув округу, Вирхова не увидела больше ни одного патрона для винтовки – их не было. Пулеметные цинки, что были на позициях, пусты. Ленты расстреляны. Что-то осталось автоматам, но и того было не густо. Гранаты, мины, снаряды для гранатометов – кончались. Обороняться уже было практически нечем. Громко выдохнув и стиснув в оскале зубы, она рванула из кобуры на поясе Стечкин. Не прицельно выпустив пару пуль в сторону врага, перебежала окошки. Запрыгнула за насыпанный бруствер из бетона. В спину уперлась арматура, а под рукой оказался побитый жизнью короткий Калашников с полупустым магазином рядом. Наскоро отряхнув автомат от пыли, Ульяна высунулась из-за бруствера. Снова выпустила очередь по наступающим людям. Несколько упали. Одного зацепило косвенно – из плеча, точно около бронежилета вырвалось красноватое плотное облачко. Воин, схватившись за танковую броню, медленно заскользил по ней вниз. Следующей очереди не последовало, патронов не было.

— Сука! — отбросила пустой магазин Ульяна, часто и глубоко дыша. — Сука! Сука!

Раздался рев снаряда, и бахнуло точно над головой. Сверху посыпался камень, крошка, поддало жаром. Закрыв голову руками и собравшись в кучку за бруствером, Ульяна оказалась засыпанной всем этим добром так, что едва осталась живой. По рукам на голове несколько раз стукнуло. В висках мерзко застучала кровь и сознание помутнело. Глаза заливал и щипал пот, пыль. В носу стоял запах пороха и тола, крови и горящего мяса, тканей. От жара выстрелов обгорала штукатурка, камни, раскалялась арматура, и тоже пахла собственным, железным ароматом, от которого было не продохнуть.

Когда град из обломков по телу прекратился, Вирхова бессильно опустила руки с головы. Было больно, было неприятно. Все тело жгло. По нему разливалась усталость. Раны саднили и пульсировали. По камням катилась ее кровь. Все лицо стало из южно-загорелого белым, покрытым толстым слоем пыли так, что все морщины ее, не видимые обычно, стали слишком заметными. На сухих губах была закопченная черно-красная жижа. На лбу смешавшийся с мельчайшей фракцией штукатурки пот. Ульяна едва поднялась из всего этого. Осторожно взялась за голову рукой и поглядела на ладонь после. Ничего удивительного: ладонь не была сухой, она была красной. Над висками присвистнула пуля, но Вирхова замерла, застыла, как белая гипсовая статуя. В ушах ее шумело, а разум мутился. Но она начала шевелиться, активнее и

активнее выкапываться из этих завалов, по мере того как сознание приходило в норму. Она снова видела красный раскаленный диск – солнце, которого не было на самом деле. На синем небе его закрывали черные дымовые шлейфы.

— Сколько еще в строю? – ползком, из последних сил прибившись к укреплению, громко, командирским голосом, раскатисто спросила Ульяна. – Кто в строю!?

Никто не отвечал.

— Кто в строю!?! – еще громче спросила она, смотря по сторонам.

Здание содрогалось. Расстрел его увеличивался. Танки не отступали. Но ответов на эти выстрелы, как и на вопрос Вирховой не было. Некому было отвечать – все мертвы. Кто пополам, кто целиком, без рук, без ног, лежали на горячем от снарядов полу Сенатского, присыпанные осточертевшей белой пылью. Некоторые обнимали разорванные орудия, так и не успевшие выстрелить. Некоторые сжимали в окровавленных руках гранатометы, автоматы, пулеметы. Кто-то наклонив голову сидел у стены, встретив смерть настолько неожиданно, что даже не успел выпустить из рук снаряда. Над всеми телами витал смрад боя: мертвый запах тел, смешавшийся с мерзким кислотным запахом пороха. По щиколотку стоял на этом фронте белесый, осевший от раскаленных орудий легкий дымок, который был как вода. Он пытался скрыть, спрятать в себе изорванные тела в тельняшках, но не мог. То тут, то там торчали головы, руки, разбитые кости и черепа,

смотрели на мир застывшие навеки пустые солдатские глаза.

— Кто... – еще раз попытавшись, осеклась Ульяна, подняв голову кверху, чувствуя, как в горло затекает ее кровь. – ...жив...?

Ей стало горько. Лицо исказилось до неузнаваемости, по открытым губами зубам в оскале потекла кровь, смешиваясь с пылью на подбородке и огромном ее шраме. Из глаз пошли очень едкие, горячие и крупные слезы. Она снова потеряла всех, кто был рядом, оставшись живой. Переносила это уже второй раз. Второй раз видела трупы десятков парней в тельняшках около себя, разбитые огневые точки, поломанные пулеметы и орудия. Грудь ее забилась во вдохах и выдохах, сознание снова мутнело, на руках проступал жар от фантомного песка.

— Как же так?! – спросила она себя, захлебываясь от собственной крови. – Как же...?

Тела продолжали содрогаться от выстрелов. На них сыпались плиты, ложилась пыль, впивались горячие осколки. На одежде плясали огоньки. Снаряды рвались еще и еще. Танки ревели двигателями, кажется, не собираясь отступить. К зданию подходила пехота, а оборона была уже фактически сломана.

— В-вы, вот... – раздался вдруг хриплый голос около Ульяны. Та немедленно повернула голову. – Возь... Возьмите.

Около нее, присыпанный, лежал солдат в закопченном ки-

теле. Одной руки у него было, на ноге лежала бетонная, замаранная кровью плита. Другой тот подтаскивал по камням, за один забеленный патрон пулеметную, вероятно последнюю, ленту. Та звенела, брякала по камням, скатывалась по ним, тянулась за ослабевающей рукой умирающего десантника. Она была длинная, на сто – сто пятьдесят выстрелов. Гремела, звенела, и постепенно, как послушная змея, подкатывалась к ногам Ульяны медленно, неровными рывками, дрожа.

— Живой. Живой! – руками взялась за солдата она, немного повернув на бок, начав зажимать жгутом руку, чтобы с нее не текло по всей тельняшке и остаткам кителя. – Держись, дорогой, ты только держись...

— Оставьте! Возьмите ленту. – брыкнулся тот, пихнув ей в руки замаранный боекомплект. – На... Нашу обор-рону прорывают. Нам нельзя!.. нельзя их пустить...

Внезапно голос ослабел. Последними из хриплого горла вырвались едва различимые за выстрелами танков слова:

— Кто, если не...

--...мы. – закончила за ним Ульяна, зажмуриив мокрые глаза. – Никто, брат... никто...

В груди ее забилось что-то старое, не обузданное по сей день. Ярость разливалась по ее вздувшимся венам. Токала в ранах кровь, текла по вискам, щекам, по старому изорванному шраму, на котором появились синяки под белыми пятнами песка и пыли. В ее глазах, раскрывшихся после, четко

читалась только ненависть. В них не было страха. В них было видно, как накален до предела ее прочнейший стержень внутри, что заставлял ее мышцы быть крепче камня и прочнее танковой стали. Она была взведена, как ручная граната. И наконец, пружина, что сдерживала ее внутренний ударный механизм оказалась выпущена в свободный полет до разогретого ударника, что больно кольнул в мозг. В голове загудело, до потери сознания, к горлу подступил, а затем вырвался через сжатые окровавленные зубы короткий, нечеловеческий рев, что заглушил даже танковые двигатели. Этот дьявольский аккорд из ее глотки разнесся по всем помещениям, над всеми трупами и обломками, над разорванными и развороченными орудиями, над сметенными огневыми точками и ранеными солдатами. Мышцы проявлялись из-под кожи, а щеки краснели от ярости. В ней кипела чистейшая злоба – еще немного, и она бы начала светиться красным огнем.

Дернув за деревянную рукоятку огромный пулемет Калашникова, она с щелчком, оскалив зубы на побелевшем от гнева лице, со взглядом, который не смотрел никуда, и был стеклянным, настолько злым, на сколько это было возможным, открыла крышку и вбила туда первый патрон из ленты. Зарядила чудовищных размеров оружие. Поднявшись на больных ногах, закинув пулемет на остатки стенки, Ульяна дернула рукоять взведения. Пулемет, послушно чавкнув, встал на боевой взвод. Оставалось только нажать на спуск.

Мгновение будто застыло. Перед ее глазами остановились

падающие частички пыли, замерли в воздухе запущенные танковые снаряды. В ушах встал едва слышимый писк, и посреди него прошипел тихий ее выдох. Легкие опустели, сердце на долю секунды замерло. По телу рассыпала дрожь. Крупные капли холодного пота покатались по ее спине.

К обоим «Фермопилам» двигались солдаты, танки были позади. Пехота уже почти коснулась дулами автоматов стен, внутренних проходов. Их уже было почти не отделить от здания, как тут дернулся в плечо, положенный на кирпич, без упора на сошки, пулемет. Звонко отчеканив очередь, Калашников застыл, над дулом появился легкий дымок. Но отдышал он не долго. Рванула еще и еще очередь. Еще и еще! Больше! Дольше! Свинцовый дождь заливал рассыпанные по земле тела солдат в зеленых одеждах, рвал их на части, смешивал с избитой брусчаткой и превращал в фарш. Дробил кости, стальные и титановые плиты бронежилетов. Пули яркими снопами разрывались об танковую броню – очереди шили и по ней, по той пехоте, что были у транспортов и коробочек. Всего один пулемет! Зато настолько яростный, что в два прыжка, передовые отряды вражеской пехоты быстро отступили назад, вжимаясь в землю так, что было даже зада не поднять.

— Давай! Давай!!! – не размыкая зубов, громче пулемета рычала Ульяна.

Рывком поднялась с коленей. Встав в полный рост, в короткую паузу между очередями перехватила пулемет за ру-

коятку, держа его у пояса. На вскидку еще очередь, еще и еще! С застывшим дьявольским оскалом на перекошенном израненном шрамированном лице, она стояла в оконном проеме, заливая врага из дергавшегося около оголенного ее живота пулемета. Тот нагревался, звенел и чавкал патронами. Горячие пухлые гильзы сыпались на трупы, на битый кирпич и бетон, звенели об лохмы арматуры, играли на свету золотистыми лучами, пускали едва различимые испарины. Это было страшное, но одновременно завораживающее зрелище – одна, совсем одна, в окне, не боясь за себя, стояла. Насмерть.

Солдаты гибли, кричали от боли и ран, лежали на брусчатке и поджимались, как можно ближе к земле и танкам. Ее же не брало ничего. Редкие ответные очереди летели с боков, выше и ниже, пули свистели над ушами. Но она этого не замечала. Ей было не до этого – держала фронт, скалой встав на пути наступающего врага. Танки не решались отвечать огнем. Все были просто в ступоре, когда появилась одна, настолько бесстрашная огневая точка. Танкисты видели ее в триплексы, и не могли поверить своим глазам. Они, кажется, думали, что сама смерть сейчас была перед ними. Грязная, раненная, изнеможденная, но точно не сломленная.

Когда последний патрон был высажен из разгоряченного, накаленного до синевы ствола, когда на бетон, к ногам в затертых сапогах упали со звоном последние звенья патронной ленты, Ульяна еще секунду не отрывала палец со спуска. Все

ее тело было напряжено, каждая ее мышца. По зубам катилась к подбородку кровь, через все лицо, а бешенные глаза не моргали. Она видела все поле боя. Видела его даже дальше, чем оно было. Тяжело выдохнув, отбросила горячий пулемет в сторону, на камни. Тот, звякнув, снова подкатился к ее ногам. Вирхова рванула из кобуры Стечкин, вытянула его на одной руке. Шлеп. Шлеп. По суровой, закопченной, с сорванными плашками динамической защиты, танковой броне щелкнули пули. Свинец разлетелся во все стороны белесым слабым фейерверком. Еще и еще выстрелы. Дергался в руке большущий пистолет – снова никакого урона. В белое, пропитанное злобой лицо, уставилось жерло танковой пушки. Сорок одна тонна Уральской стали готовилась уничтожить настолько непослушного, непокорного человечка в нелепой изорванной олимпийке, с вытянутым вперед пистолетом. Снаряд был уже заряжен, прицел смотрел точно на нее. Оставалось только дожидаться момента. Услышать выстрел... обязательно нужно было услышать выстрел, чтобы понять, что все уже оказалось кончено.

На мгновение перед глазами встали лица. Все знакомые. Каждого Ульяна могла назвать по именам. Они выстраивались в ряды, как на старой, затертой фотографии. Все улыбчивые, счастливые. Со сверкающими погонями, орденами и значками. Советская Армия... С горькой слезой на щеке, Ульяна закрыла глаза.

Грянул выстрел. Точно. Это точно была танковая пуш-

ка. Слышно было даже, как рассекая воздух, свистнул в полете танковый снаряд. Все облепленное пылью и сажей, окровавленное стоящее непокоренным тело, обдало жаром. Запахло в воздухе разрывом, порохом. Стало практически нечем дышать. Черно-смольные волосы дернуло назад, по коже разлился сухой, горячий воздух. А уши заполнились громким, громоподобным разрывом, после едкого, едва заметно скрипнувшего звука. Тело Ульяны, сама она, определено еще было. Она жива. Чувствовала, как рассуждает, как поглощает в себя это противное, осточертевшее толовое тепло, как ее легкие напитываются сажей, дымом и гарью, запахом горячей резины и солярки, металлическим, железным смрадом, какой бывает, когда плавится танковая броня. И вдруг дернуло в голове – это не кажется!

Раскрыв глаза, она еще застала всю картину. Красочным, красно-желто-черным фонтаном разлетелся на частицы, вывернув внутренности вверх от взрыва боеукладки «семьдесят второй», что целился ей точно в грудь. Катки и частицы гусениц разметало по сторонам. Изогнутая, разорванная башня ухнула на землю с гулким звуком, поднимая снопы искр и прибывая к земле всей тяжестью несколько штук-мортир-солдат, что были рядом с броней. Во все стороны летели зажжённые кометы обломков. К небу поднялся черный дымовой гриб. Будто землетрясение произошло по земле. Казалось, что эта была разборка двух огромных левиафанов, с чудовищными ударами их друг по другу. Ульяна среди

них была букашкой, каждый разрыв был в десятки раз сильнее предыдущего, настолько оглушающим, что сознание на миг терялось. Глаза затмевал яркий свет. В мгновение, где-то с боку блеснула синяя полоска на башне. Это стрелял их танк...

Еще один выстрел! «Восьмидесятку» Артема, с сорванной ДЗ на корпусе, качнуло. Из дула повалил сизый дым. Быстрый «дротик», как вампир, впился в башню такой же машины. Оттуда, из люков повалил дым. Коробка застыла на месте, поникнув орудием. Внутри что-то заметно разорвалось. Прошелся по воздуху глухой удар, а из орудия повалил вышел сноп огня. Пламя вырвалось между башней и ее погоном. Еще один уничтожен.

— Мазута... Танкист... – уперевшись в обломки стены, медленно спустилась на загудевшие колени Ульяна. Она говорила тихо. Ее голос терялся в тех чудовищных залпах. Ревели танковые двигатели, рвались снаряды. Такого удара противник не ожидал. – Молодец... – выдохнула с болью в сердце. – Молодец!..

— Ульяна! – подбежал к ней запыхавшийся Груз, поставив на станину «Копье». Он глянул на поле боя перед «Фермопилами». – Артем, молоток. Ульяна, ты... ты ранена?

— Что с твоим флангом? – отстраненно спросила она, сбивая руками его кисти со своих плеч. – Прорыв был, сколько прорвалось?

— Прорыва не было, не было! – сказал он, поднимая ее

под руку. – Мы удержали свой фланг. Противник отступает. Ты дала им в зубы, и Кремль все еще за нами!

— Нет, стой. – зацепилась она голой рукой за острый бетон. – Дай мне секунду.

Вирхова высвободилась из его объятий и рухнула на колени. Обессилевши, склонив голову, что космы грязных черных волос закрыли ее лицо, склонилась над тем солдатом, что подал ей пулеметную ленту. На его стеклянных глазах, смотрящих куда-то вверх не было чувств, на них не было страха. На бледных губах застыла измученная полуулыбка, как показалось Ульяне. «Никто, кроме...» – пронеслось в ее голове фантомом. На лоб покойного десантника капнуло. Сперва кровавая капля, а потом и робко скатившаяся по шраму слеза. Мягко, почти по-матерински, нежно, взяв похолодевшую голову красными руками, Ульяна погладила солдата по волосам, а затем, отогрев, закрыла ему веки.

— Спасибо тебе, брат... – с хрипом и болью в сердце, выдала она.

Часть 15

В кабинете было непривычно тихо. Настолько, что было слышно, как неровно вздыхает и постанывает Среда, держа у виска замороженную рыбу через полотенце. По голове ему досталось знатно. Тело все еще ныло от каменной крошки, ноги были вялыми. Он полулежал, полусидел в кресле, в уг-

лу, раздвинув ноги. Закрыв глаза, раздумывал.

— Что... на «Фермопилах»? – помяв переносицу, спросила Ульяна. – У них еще есть силы, и огневые средства для отражения удара? Нам нужно, чтобы они еще выдержали.

— Боюсь, что «Фермопил» уже практически нет. – ответил ей Груз, мерно жуя хлеб с черной икрой, что еще осталась в достатке. – Гарнизон там разбит, они передавали о прорыве, но, кажется, противник там не закрепился. Арсенал все еще за нами.

— Там должна была быть группа «Борей» из Президентского. – скосилась на него та. – И, не объедай солдат. Следующее ешь без хлеба.

— «Борей» не успел отойти, их прижали между зданий. – вдруг ответил один из командиров десантников. Измученный, раненный в руку офицер, которую на каких-то тканевых лоскутах держал на груди. – Видел, как их побило танками. Они все к земле, а там из пулеметов... Думаю, если кто и прорвался, то не больше трети. наших боеспособных тоже мало. От силы человек пятьдесят, шестьдесят на последний удар собрать можно, а дальше... Только телами на амбразуры. И это те пятьдесят, что вместе с ранеными, такими вот, – потрянул он больной рукой вяло. – Как я. Руки, ноги нет, а пулеметы в зубах. Мы держимся, но это последний шаг.

— У нас два пулемета, одно «Копье». – сообщил неутешительно Груз на выдохе, скрещивая руки на мощной гру-

ди. – РПГ еще есть, но вот гранат маловато. Мы почти без стрелкового боезапаса. Костин из нас самый готовый, но позиция слишком открытая, я бы на него тоже особо не надеялся. Ульяна, нужно что-то наконец предпринимать, иначе...

— Иначе что? – подняла на него глаза Ульяна, вопрошая. – Будто бы я не понимаю, что бывает иначе! Черт...

Она отошла от стола, и движением пальца вытянула из пачки сигарету, сунув ее в зубы. Скинув с себя изорванную олимпийку, осталась в одном запыленном топе, что стискивал объемную грудь. Чиркнула спичкой.

По мокрой спине, по крупным каплям соленого пота, продул вездесущий теперь сквозняк. Здание было как швейцарский сыр – желтое снаружи, и все в дырках. В закопченных проулках и в ставших широкими коридорах гулял ветер. Завывал, поднимал пыль. Тащил трупный, противный тошнотворный запах по всем оставшимся кабинетам. Смешивал его с химически-едким толовым смрадом, и так закидывал в нос. Обдавал все покрасневшиеся, мокрые тела. Вирхова глубоко затянулась, снова приблизилась к столу с картой. На ней лежала пара винтовочных патронов, рядом пробитый пулей магазин. Еще несколько раз наскоро подкурив, хрустнув шеей, она вытянула сигарету из зубов, зажав ее меж пальцев. Так поправила волосы, убрав их со лба, и глянула на потолок. Мгновения растягивались. Дым из ее горла столбом вышел вверх, будто подражая тем черным смольным столбам, что вились над подбитыми танкам вокруг всего

Сенатского. Поле было ими усеяно. По Ульяниным щекам, по ее лицу больше не катилась кровь. Лоб был наскоро, повязкой из подобранной ткани, перевязан. Запекшиеся рубцы на щеках и шее, груди, животе, руках, ключицах были вытерты. Остались только небольшие присохшие кусочки, что приклеились на пот. Она была грязной, но невероятно обаятельной. Афинская статуя девы-воительницы. От нее было не оторвать глаз, но сама Ульяна не обращала на это внимания, считала обыденностью. Нисколько не кичилась ни формами, ни шрамами. Вирхова была простой, как три копейки. Но с раскаленным и яростным, настоящим солдатским сердцем, «ядерным реактором» внутри, что заставлял чудовищную энергию растекаться по ее плотным мышцам.

— Остался последний вариант. Больше нельзя разобшаться. — сказала она, снова сунув в зубы сигарету. — Противник знает все наши карты, а мы не знаем ни одной у него. У нас последний козырь, а у него полная колода. — подняла трубку с телефона, и, провернув динамо, выдохнула с дымом. — «Фермопилы», это «Главный», прием. Приказ — отход. В первую очередь боеспособных. Перенести все огневые средства, боезапас и медикаменты. Потом раненных, как понял?

— Это «Фермопилы», прием. Простите... — замешкались на том конце. — ...Мы оставляем позиции?

— Вы их не оставляете. — Ульяна поправила солдата на том конце. — Вы переносите их ко мне. Мы перегруппируем-

ся в одном здании. Как понял, «Фермопилы»? Еще! – сказала, вспомнив. – Сколько из «Борея»?

— «Борея»– трое. Из них один триста, «Фермопилы». – ответили неутешительно в трубке, через некоторую паузу. – Приказ понял, снимаемся с позиций. Конец связи.

— Все яйца в одной корзине. – тихо заметил Среда из угла, перекинув замороженную семгу к другому виску. В голове все еще гудело. – Не опасно ли?

— Зацементируем собой проход в комплекс. – вместо Ульяны стал отвечать Груз, повернувшись к тому. – Встанем бастионом и протянем время, насколько возможно. Это даст еще пару минут, может, даже час или два.

— «Аид»! – Ульяна снова звонила по телефону. – «Аид», прием! Моргана? Черт... – глянула непонимающе на трубку. – Случилось чего... «Аид», «Аид», «Аид»! Ах, вот же бл...

Дима насторожился. Его все еще не отпускали сомнения по поводу Морганы. Точнее, по поводу того, что именно может сидеть в Моргане, и это ее отсутствие на линии его пугало. Перед глазами, как в бреду, снова промчался тот короткий отрывок, который он видел под завалами. Спина покрылась испариной, а по ногам пронеслись мурашки. Но на том конце наконец ответили. Это был Кельт. Немец наскоро объяснил, что та решила сама подняться, и что-то рассказать. Все будто облегченно, несколько не синхронно, но одновременно слабо выдохнули. Ульяна снова затянулась дымом.

По коридору начали раздаваться валкие, гулки шаги. Под сапогами там хрустела бетонная крошка, расходилась пыль. Шлепали подошвы по затерянным под обломками мокрым от крови коврам. Кто-то шел прямо к кабинету. Все думали, что это и был посланник подземного царства, но нет – Дениц ходила не так, легче, мягче, более спокойно и благородно, как настоящая фрау. А тут, бойкие, быстрые, но в вразвалочку. Кто-то коротенький, широкий, и явно рыжеволосый... В дверях появился Артем. С дурацкой простецкой ухмылкой стянув с себя шлемофон, показав всем сальные отросшие рыжие волосы, он утер сажу под носом на черном-пречерном лице. Ничего особо от этого движения не изменилось, но он все же попытался. Среда этому усмехнулся. Груз не отреагировал. А вот Ульяна исказилась в лице. В ней гуляли эмоции, хотя этого так было и не сказать – суровая, как обычно.

— А, танкист. – будто выстрелив, усмехнулась она. – Мы что, уже собрались по домам? Почему здесь?

— Так, я... – явно не ожидая такого, попытался он. – Я... меня...

— Короче.

— Меня послали доложить. Командир и наводчик на боевом дежурстве, а мехвод, как бы, и не особо нужен. Главное-то, чтобы орудие выстрелить могло. Так. И вот... я докладываю: уничтожено три танка противника, повреждено еще два. Одному гусеницу сбили, его экипаж покинул, и гранату внутрь! У нас повреждений нет. Сорвало ДЗ на лбу от

кумулятива, но...

— Почему доклад не по форме? – это были не те слова из ее уст, которые он и все остальные ожидали. Она двинулась на него, будто сейчас вопьется клыками в горло. Быстро сократила дистанцию. – Вы нарушили прямой приказ. Мой приказ, сержант. Вы осознаете то, что вы оставили весь гарнизон без последнего козыря на успех, раскрыв себя перед противником?! Вы осознаете то, что могли быть уничтожены сразу же, как только появитесь на поле боя, сержант?!

— Товарищ генерал, – выпрямился он, сглотнув. Явно почувал неладное. – Так там... там... Там ведь наши умирали... Вы умирали, товарищ генерал!

— А я вам приказывала?! – сквозь зубы выговорила она. – Моя жизнь не ценнее вашей, а вот жизни всех солдат здесь – ценнее некуда, ты понял? Вы поступили неразумно, вы подвергли риску будущую оборону, раскрыв позицию. Вы... – она сменила тон, на более мягкий. – Но вы молодцы. Молодцы... Артем.

— Служу... Отчеству! – выдохнув квадратной грудью, с явным облегчением, крикнул он.

Его, маленького, на полторы головы более низкого, чем Ульяна, обвили ее темные, коричневого цвета руки. Прижали к себе, как родного. Она крепко обняла его. Так, что лицо Артема уперлось ей в самый топ. Вирхова склонила над ним голову. Волосы закрывали ее лицо, и не показывали никому закрытых, сжатых век. Она думала о том, что могло бы

быть, если бы в то мгновение не свистнул по воздуху танковый дротик, если бы Артем тогда не нарушил ее убийственный для нее самый приказ. Она держала его крепко, прижимала как сына так, что ему было трудно дышать. Непроизвольно, голова Артема легла на ее мягкую грудь, стало уютно. Руки его, закопченные и уставшие, обняли ее тоже, как мать, за мокрую, уставшую голую спину. Он чувствовал тепло, чудовищный жар внутри. Она грела его, словно угольная печка.

— Теперь ты можешь его отправлять. – язвительно вернул Ульяне ее слова Среда, оттянув уголок рта в ядовитой улыбке. – Можно сказать, что все, что нужно, он увидел.

— Я ошибся, когда сказал, что у Миши рот не закрывался. – заметил Груз ему. – Да, похоже, что в его роду умение не затыкаться только прогрессирует. Помолчал бы, Среда.

— А меня к буйно сердцу не прижимали, мне по-свойски обидно! – развел руками, и скукожил лицо от тянущей боли в голове, тот. – Да и не делай мне нервов. Неужто нельзя было разбавить напряженную, явно... – пособирал в голове слова он. – ...возбужденную паузу шуткой? Как по мне, таки получилось очень даже задорно, не так ли?

— Будь хорошим мальчиком. – не обращая внимания на их диалог, Ульяна погладила Артема по голове, отпустив. Заглянула ему в глаза, и легонько улыбнулась, чтобы это видел только он. – Я не хочу, чтобы эти слова стали последними. Поэтому, все силы в рычаги, и чтобы не умер! Не умер, по-

нял? Как я потом, если закончим, стану в глаза твоей матери смотреть?

— А я сирота, вы не переживайте. – как-то по-простому, без злобы, ответил тот, почесав затылок. – Смотреть не придется, но изо всех сил постараюсь исполнить приказание. Разрешите выполнять?

— Разрешаю, выполняйте, сержант. – отошла она на шаг назад, полностью высвобождая его из своего окружения. Ей на душе стало как-то тепло от этого парнишки. Легкий, простой, он на мгновение заменил ей сына, которого у нее никогда не было. Ульяна всегда была в работах, всегда была в армии, на семью не осталось времени. Да и все, кого любила, уже были около нее всегда, физически и мысленно, в ее голове...

На смену Артему, в кабинете появилась взъерошенная, с перекошенными очками, которые поправила, Моргана. В ее металлической руке был свернут какой-то листок. Она, видно, по старинке, решила что-то записать. Но почему – вопрос интересный, и скорее всего будет без ответа. Оглянув всех, а все повернулись на нее, девушка прошла вглубь комнаты, и подошла к столу, протянув Ульяне бумагу. Вслед за ней в помещение, немного взволнованно зашел Ганс и Вагнер – они всюду бродили за ней по пятам. Титановыми пальцами раздвинув сложенный лист, Моргана указала на него. Вирхова, достав из футляра побитые, с трещиной очки, поднесла листок к глазам.

— Я сперва не поняла... – протараторила Дениц. Она явно запыхалась. – Думала, что они убирают беспилотник с позиции. Игрались с высотой, туда-сюда, будто игрушкой. А потом поняла – это была очень медленная азбука Морзе. Смотрела по нижним и верхним точкам высот, оказалось, что это был ответ. Нас увидели! Это все... – поглядела она на Диму в углу. – ...Так странно. Я уже говорила, что чувствую еще кого-то рядом с нами, но кто это? Может, пора открыть часть карт команде?

— Нет, не пора. Жди. – из-под очков, наклонив голову, поглядела на нее Вирхова. – Этот человек очень серьезный, и я не хотела бы, чтобы даже малейшая информация о нем утекла из моей головы. Могу сказать только то, что... – снова глянула она на бумажку с рукописным текстом, который был намалеван маркером, явно впопыхах. – Этот человек... М, а вот это интересно... Этот человек очень надежный, один из нас, но не из России.

— Он подослал ту танцовщицу? – все же не отцеплялась Моргана. – В Берлине?

— Да, это он ее подослал. – внезапно выдал Груз. Он тоже понимал, кажется, о ком шла речь.

— Груз, идеи? – сняв очки, Ульяна на вытянутой руке протянула ему листок. Сама же, взяв тряпку, вытерла потный лоб. Прикрыла ей голые плечи от сквозняка.

— Да, шифр, штука хорошая, – начал было тот, читая. – но проблема каждый раз в том, что слова могут быть записа-

ны разные в одну и ту же аналогию. Это и плохо, и хорошо. Тут нужно смотреть на ... Хм. – задумался он. – «Приходите за книгами! За книгой интереснее ждать такси, сидеть на остановке. А то в эфире крутят один шансон. Не забудьте зажигалку.»

— Ну, одно слово мы знаем – «такси». Это встреча. – рассудил Среда. – Значит, с нами согласны на встречу. «Книги» это... М-м-м, может, это библиотека?

— Библиотека Ленина, да. – щелкнула пальцами Ульяна, скрестив руки на груди. – Да-да, встреча у Библиотеки Ленина. Она ближе всего к нам, и, в принципе, к ней можно выбраться. «Остановка» ... Встреча на остановке?

— Нет, слишком просто. – задумался Груз.

— Останки? Может, имеется ввиду какое-то обрушенное здание? Может, Мавзолей.

— Мавзолей? – не понимая спросила Среду Моргана.

— Ну, Мавзолей, Ленин, останки. Нет? – пожал плечами тот. – Как по мне, так все сходится.

— И зачем назначать встречу за Библиотекой Ленина, а затем переться к Мавзолею, если вон он, тридцать метров!? – рукой махнула в сторону Площади Ульяна. – Тут что-то связанное с остановкой. Может, хочет, чтобы мы оставили Кремль?

Груз молчал.

— Нет, это точно останки. Не может остановка быть прямой в таком послании.

— А почему не может? – повернула голову на Среду уже Ульяна. – Союзы же тут ничего не шифруют, может и это слово тоже?

— Может два смысла?

— Нет, маловероятно.

— Хочет, чтобы мы оставили Кремль. Точно хочет! – вмешался в рассуждение Ганс. – Лично я бы прислушался. Побили, так побили.

— Бред собачий. – помотала головой Ульяна, и вдруг взглянула на карту.

На нее же уже несколько секунд глядел Груз.

— Останкино! – в унисон сказали они оба и переглянулись. Дальше продолжал только старый седой старик.

— Говорится про эфир, про шансон. – он шумно почесал свою белесую щетину на подбородке. – «Шансон», зашифрованное «шанс». У нас есть шанс на выход в эфир. И сделать это можно только с Останкино. Вот так все сходится. Проводник хочет, чтобы мы встретились с ним у Библиотеки Ленина, отправились в Останкино и вышли в эфир – вот весь план агента. Тогда, в теории, у нас есть вероятность получить поддержку от вставших на нашу сторону армейских частей и соединений. Проблема заключается лишь в том, что мы не сможем быть напрямую соединены с башней, так как над нами заслон комплексов радиоэлектронной борьбы. Он почти не проницаем.

— Так, а может он и над башней тоже? – спросила Мор-

гана совершенно справедливо.

— Не думаю. Эта война будет войной правды и лживой правды. — развела руками Ульяна, немного пройдясь по кабинету. — Громов будет контролировать человеческую массу новостями, а это... — ткнула она в башню на карте. — огромный клубок информационных ниточек, что ведут по всей стране. Это огромная машина по контролю человеческого сознания, которая может без стука зайти в любую квартиру и навязать мысли, которые выгодны тому, кто ее содержит. Верный, чудовищно верный, но сучий ход. Вплетет свои идеи, веру в отчизну и победный марш в обратном направлении на Каспии. Ничего нового, старый трюк старины Иозефа. Но вот, что интересно, товарищи, — она усмехнулась. — И наш ход тоже верный будет. Мы вплетем в этот клубок свою, испорченную ниточку, и обратим его себе на пользу. Там, на самом верху башни, есть военный передатчик, которые может связать все уголки нашей необъятной Родины, все части и соединения, которые нужны. Мы растащим собственный «вирус» по главной информационной артерии страны, да

— Часть постядерной системы? — с некоторой осторожностью спросила Моргана.

— Постядерная система работала, когда работал социализм. — широко раскинула руками Вирхова. — Как только он рухнул, денег не стало, а вот слухи продолжали ходить. Шахты гнили, ракеты ржавели, а бизнес продолжал проталкивать интересы за счет «Красного Сородича», что оставил самую

крепкую дубину во всем мире. Если кто-то не соглашается, то рецепт тогда прост: одну щепотку угроз по экрану, три четверти закулисных на мирных саммитах, и щедро посыпьте все это учениями, статистикой армии и пропагандой. Вот вам и рецепт бизнес-планов на зеленом шарике. «Бахнем, блять, обязательно бахнем!» ...

— Хорошо, хорошо. – поправился в кресле Дима, подвинувшись вперед и отложив обмякшую, растаявшую рыбу на пол. – Допустим, что мы смогли влезть в Останкино и передать какую-то информацию солдатам по всей России. Допустим так же, что нам удалось все это провернуть с тем тайным агентом и что по пути не было боевых столкновений. Допустим, что мы даже сможем вернуться как-то обратно в Кремль. Ключевой вопрос в том... как мы его покинем? Ходы заблокированы, квартал наверняка оцеплен, всюду танки, наемники, регулярные войска, полиция. В городе, на минуточку, военное положение.

— Тогда... – скривила губы Ульяна, растянула их в линию. – М-м, придется вскрыть одну пыльную папку с припиской «секретно» и показать вам еще кое-что. Номинально, но как бы все это время... Из крепости был выход.

...Секретов у Кремля было не отнимать. Они не кончались и не кончались. Тройка из Морганя, Среды и Ульяны шла по растрескавшимся коридорам, в направлении, которое даже не было указано специальными дощатыми значками. Они заходили в двери, в которые не входили ранее, и

вышли на широкую лестницу, что вела фронтом прямо в какой-то большой, необтесанный подземный канал. Это оказалась огромная штольня, без света, без электричества. Из темноты фонарик осторожно выхватывал небольшие кусочки, силуэты металлических полусгнивших перекладин перил, желтые железные ограждения, стекла наблюдательных кабинок, двери которые полуоткрыто болтались на навесах. Ботинки ступали по слою пыли – здесь не были уже очень давно. Видно было, что это крыло законсервировано. Вдруг что-то блеснуло серебристым. Луч света словно попал на зеркало, и весь канал, вся штольня, лежащая перпендикулярно широкой лестнице, стала чуть светлее. Не убирая фонарик, Среда повел им по огромному серебристому нечто, которое было внутри штольни. Стекла, рыжие от ржавчины катки, пыльные зеленые ковры и сидения внутри – это был поезд, стоявший на узкоколейной железной дороге, как в метро. Медленно зайдя внутрь него, Среда посветил фонариком на сидения. На них еще был вышитый герб с колосками и глобусом – остатки Советского Союза. На одном из столиков лежала какая-то малозначимая папка, где были подписи за приборку депо. Развернув ее, Дима увидел последнюю дату: январь девяносто третьего.

— Комплекс закрыли двадцать два года назад. – прознала Ульяна. Она была несколько подальше, около рубильника не стене. Громко щелкала им, пытаясь высечь искру и зажечь свет – ничего не выходило. – Страна посчитала, что раз мы

решили дружить со всем миром, то и последний путь отхода нам не понадобится. Этот транспорт нужен был уже после ядерного удара, чтобы покинуть бункер и отправиться куда-то еще. Возможно, выстраивать новую страну, новый быт, спланировать обездоленных людей. Может, чтобы просто убраться подальше от зараженного города, кто знает.

— Почему мы раньше об этом не знали? – спросила Моргана, разглядывая поезд.

– Вот почему. – фонариком Ульяна указала на закрытые герметичные противоатомные двери, по обе стороны от поезда, что отсекали ему пути. – Потому что электричество сейчас важнее не для побега, а для обороны. Если мы пойдем, что пора уходить – накидываем всю мощность на эти ворота, и алга! Ну, а пока, это просто красивый экземпляр древности. Остатки более развитой цивилизации... А, план сейчас... – снова прочитав мысли Среды, женщина шагнула к нему. – ...достаточно прост. Мы открываем одни из гермоворот и идем к Библиотеке. Дальше – проще. Берете немцев, и на Башню. А оттуда – на весь мир!

— То есть... получается агент знал о ходе? – заметила, прищурившись, Моргана. На нее повернулась Вирхова. – Агент знал, что из Кремля есть этот выход. И если есть конечная остановка, то почему встреча именно у Библиотеки? Тут все несколько не стыкуется, Ульяна, не находишь? Слишком много вопросов, но ни одного, почти, ответа. Мне нравится читать шпионские романы, но это уже слишком.

— Агент не знал о выходе.

— Врешь. – сурово заметил Среда, вставая на сторону Морганы.

— Я не люблю, когда меня...

— А я не люблю, когда врут, Ульяна. – все активнее вмешивался Дима. – Может, таки стоит наконец уже все рассказать? Что в Библиотеке?

— Там было еще... – тихо задумалась Дениц. – В том послании было еще слово. «Зажигалка». Что за зажигалка?

— Я не...

— Ты врешь. – снова повторил и перебил ее Среда. – Ты не умеешь врать. Ты всегда прямая, так и говори прямо. Что агент хочет получить за эту встречу? Надеюсь, это хотя бы выгодный размен, и нас не затащат в ловушку... А-то было бы не очень приятно вот так, пережить три штурма, и откиснуть от предательства.

Та задумалась. Помяв лоб, утерев нос, она гулко ухнулась в зеленое бархатное кресло поезда. С него вверх поднялась вся вбитая в ткань пыль, начала оседать на темной коже Ульяниного тела. Она сидела, почти как мумия, не двигалась, все рассуждала. Конечно же она знала, что от нее хотел «агент», и как, и где это можно было получить. Оставался только вопрос о том, можно ли это было говорить им – тем, от кого зависела судьба всей операции. Дима бы не отступился уже. Нет, не сдались бы и немцы, но все равно это было только между двумя людьми, сейчас этот секрет очень

и очень много стоит. Но чувство логики и здравого смысла победило, однако, осталась и толика загадочности:

— Я сама тебе все покажу. Мы пойдем в Библиотеку вместе, Дима. Ты, и я. Моргана, прости, но там на дверях плашка секретного отдела, так что запоминающим устройствам там делать нечего.

— Снова секреты? – усмехнулся Среда.

— А тут повсюду секреты. – развела руками та, неоднократно указывая на поезд, в котором они сидели. – Без секретов нельзя построить самую большую в мире страну! Это закон, это основа. Если никто не будет знать, что в основании, то и порушить не сможет. Многими из них сейчас торгуют, продают за... банки газировки! Но мы можем дать им настоящее использование. Только мы – те, кто верит в то, что мир может стать единым, без разделений и без принижений. В руках капитала эти секреты чудовищны. Это ларец давно умершей Пандоры... Я надеюсь, ты понимаешь, к чему это я веду?

— К тому, чтобы я лишнего не болтал?

— Нет, к тому, что тому человеку я доверяю так же, как и себе. Как и тебе. Если он знает об этом – это, мать его, не без причины, понял?! Хватит думать, что я последняя, раненная на лицо и голову дура, которая может разбазаривать налево секреты трёхсотмиллионного советского народа!

— Я так не думаю. – повел бровью мужчина.

— Так, а почему ты меня выпытываешь насчет этого?! –

подалась вперед, без злобы, Ульяна, вопрошая. – Почему ты делаешь все, чтобы я думала, что ты мне не доверяешь?

— Потому что мир такой. Потому что мир этот уже несколько раз меня обманывал. Я привык уже не доверять всем, иногда даже тебе.

— А ты представь, что мир изменится! Ты представь, что когда-то все будет по-другому. Мы двинули этот механизм, мы сдвинули его с мертвой точки. И есть люди, которые помогают нам это двигать. Они есть, они в своей массе не видимы, но это бриллианты, думающие о том, как избавить мир от недоверия людей друг к другу. От недоверия потому, что они другие, не такие как мы. Буду честной, ты знаешь, что мой человек не русский. Ты знаешь, что он другой, и потому ты не доверяешь и ему, и мне, ведь я связана с ним. Ты сам, тогда, часть того, что ты ненавидишь. Просто пойти, этот человек – он один из нас. Со своей историей, со своими стандартами, но верящий, что когда-нибудь, на костях старого мира, на всех тех горах размалеванной зеленой бумаги вырастет справедливое общество, где не будет правых и виноватых. Я видела что-то такое, и это было прекрасно. И я верю в то, что силами людей, только людей понимающих, можно все вернуть туда, в тот мир. В мой мир...

Она не дрожала, не боялась и говорила это открыто, как и всегда. Была стойкой, без эмоциональной внешне. Но внутри нее, в пылающем большом человеческом сердце была буря. Это чувство непомерной гордости, смешанное со счастьем

и искренней верой в то, что она говорит, подрывали ее, как двигатели ракету. Ульяна была такой – обычно черствая снаружи, суровый каменный исполин, а внутри раскаляющийся, сжатый до предела, болящий клубок чувств и эмоций.

— ...Нам говорят, – тихо, но величественно продолжала она, опустив взгляд. – ...что мы были зверями. Нам говорят, что там, где были мы, там все было бесконечно плохо, там страдали люди, там страдала цивилизация. Нам говорят, тридцать лет говорят, что мы были ничем, что об нас можно было вытирать ноги, но, тут же – что мы были бичом человечеству, его петлей на шее. Но ровно тридцать лет назад нас и выкинуло на помойку истории. Нас не стало, все... все было кончено. Сейчас мы не интересны, наши идеи считаются преступными, а мы сами враги нации, фашисты, предатели, подстрекатели и интервенты. Мы чужие на территории собственной страны, те, кто думает и чувствует по-другому. Сейчас красный считают цветом пролившейся крови, цветом террора и гнета. Но я... – тут ее голос неестественно задрожал. – ...Я помню красный цвет, как яркий луч над землей, как первый свет от солнца. Он вился там, высоко-о-о, на шпильях, играл цветом, на нем отблескивали желтые серп и молот. Каждый знал, что они значили. Это были простые люди, увековеченные на государственном флаге. И каждый же знал, что за этими символами... За ними было единство. Всех, как одного. Всех на планете! Это было равенство, не фальшивое, обещанное толстосумами с длиннющих яхт об-

нищавшему народу, это было другое, настоящее. Надежда на то, что я могу быть везде дома, что я могу быть частью огромной семьи – вот чем был красный стяг. И я сражалась за него, я верила каждому, кто был под ним. И я еще подниму его... Вот увидишь, Дима, я его подниму...

— Мы. – сказала Моргана, всхлипнув. – ...Мы его поднимем.

— Да. – усмехнулась вдруг Ульяна. – Точно. Его поднимем Мы.

– Значит, – с выдохом поднимаясь с пассажирского сидения не тронувшегося поездового состава сказал Среда. – Нам пора за работу.

— Дима, соберешь команду и снаряжение. Ваш выход будет через пол часа. Возьмёшь еще провианта, мало ли. Боеприпасов – сколько унесёшь, ваша задача первостепенная. Моргана... – повернулась она на девушку. – Можно я надиктую кое-что тебе для эфира? Сможешь записать?

— Да, да, конечно. – кивнула та. – Смогу перебросить немного мощности на ворота в течение минут пятнадцати. Генераторы слабоваты, одного хватит только приоткрыть.

...Пронеслись коридоры. За спинами остались катакомбы Кремля и длинный тоннель от герметичных и тяжелых, со свинцовыми листами, ворот, до самого выхода к небольшой дверце на станцию Арбатская. Но сама же обезлюдившая и пустынная остановка метрополитена осталась несколько не в поле зрения, через несколько бетонных стен и пару решетча-

тых стальных дверей из арматуры. Группа проходила через каналы, через давно заброшенные заводские ходы, что связывали обычное метро и секретную правительственную линию. Все равно пересекалось, все равно можно было пройти – почему бы и не воспользоваться? И везде замки. Их срывала Моргана. Иногда казалось, что для нее не было невозможного. Она раскаляла ржавые амбарные замки до красна, а потом срывала. Еще несколько мгновений эти металлические железки, превращенные в тяжеленный мусор, шипели в лужах метрополитена. Среда не знал, не мог даже понять, что было у нее внутри. Моргана была девушкой загадкой. Он все чаще присматривался к ней, но не мог понять всего ее функционала. Понимал, что может быть что-то еще, что-то, что еще сильнее его шокирует. Она напичкана всем и сразу, как швейцарский нож. Только живая, по-человечески живая. Не как бот, не как робот. В ней была душа... И еще что-то. Сочетание стали, титана, мышц и костей, решительности и неотступности машины с человеческим интеллектом, нежной натурой и женской красотой! Вот чем была Моргана. И Диму это поражало. Он боялся, но все сильнее сближался.

Ульяна заметила это. Еще давно, еще после Берлина заметила. Ничего не говорила, в своей привычной манере. Просто думала себе в голове обо всем и сразу. Об этом тоже. Иногда улыбалась, подсматривая, как Среда следит за движениями титановых пальцев. Ей тоже было интересно, чем все это может кончиться. В отличие от всех, Вирхова шла по-

что налегке – в катакомбах могло и не оказаться солдат Громова. Пистолет, однако, прихватила. Большой Стечкин болтался у нее на бедре, а два дополнительных магазина были в кармане на военных брюках, заправленных в берцовые высокие черные сапоги. Не смотря на ветер, на сквозняк в подземке, на мрачные, пробирающие до костей пейзажи мокрых бетонных стен, воду по щиколотку, ей было не холодно. Шла спокойно, прямая, как доска, в своем, уже ставшим легендарным, пыльном топе. Ей было не привыкать, Ульяна не чувствовала дискомфорта – солдатская жизнь все еще была сильна в ней, в отличие от многих других генералов, которых она знала.

— Так-с, братва, – сказала она. И голос ее эхом разнесся по полузатопленной подземке. Они были в одном из коридоров, за стенами Арбатской. Здесь было несколько лестниц, в том числе и простые вертикальные, что шли сразу наверх, в какие-то другие помещения. Ульяна указала на одну из таких, ржавую и мокрую. – Моргана, я возьму себе Вагнера, на «Фермопилах» могут понадобиться пулеметчики. А у вас он слишком приметный, здоровый детина! Ваша лестница эта. Подниметесь наверх, и будете ждать. Агент вас найдет сам, и встретит, полностью положитесь на него, ничего не придумывайте и не действуйте. Снаружи полно солдат Громова, наемников, военной полиции и просто полиции. – повернулась на Диму. – А ты со мной. Пойдем.

Разминувшись с отрядом, Среда просто брел за Ульяной

по темным и узким, кажется, не для людей, проходам. Это были темные кулуары, вообще без намека на свет, с крысиным писком и водой, что доходила иногда до колена. Кажется, это были старые, очень старые, еще со времен войны, переходы между станциями – вот где они оказались. Но им нужно было не в метро, его они давно прошли. Им нужно было в самую Библиотеку. Попасть туда, куда обычным ходом дороги уже, наверное, давно и не было. Только для избранных, для тех, у кого есть корочки. Все вокруг было странным, старым. Выпирающий замшелый кирпич, снопы проводов на металлических ржавых ребрах, что торчали из стены, плафонные тазы, что болтались над головой, иногда так и норовя врезаться по макушке всем, что осталось от ртутных ламп. Натурально – пещеры апокалипсиса. Жуткое местечко под самым главным городом страны.

Наконец, стены начали немного расходиться. Пропало это давящее ощущение кирпичных тисков, что приходилось поджимать плечи и голову. Стало немного просторнее, но вот воды не убавилось. Ровно столько же. Кажется, даже немного больше, ведь прошли несколько вниз, к самой, что ни на есть, бункерной советской железной двери, что была со стальным колесом по центру и огромными проржавевшими замками с зубчатыми гребенками. Дверь, кажется, плотно держала воду, не было протечек. Герметичная, хоть почти и сгнила уже. Не было никаких надежд, что колесо это сможет провернуться, но, тая их, Ульяна все же положила руку

на вентиль и попыталась его провернуть. Дверь скрипнула. Затем еще и еще. Руки Вирховой заметно напряглись, из-под кожи полезли жгуты ее мышц, а на лице обозначился оскал. Скулы проступили под шрамом. Недолго думая, Среда тоже взялся за вентиль. И только тогда колесо провернулось. Стряхнув с себя хрустящую ржавую корку из отслужившего свое металла, замок провернулся. Запоры начали отходить из пазов в железобетонной стене. Штурвал крутился и крутился, а штыри все не кончались. В длину были каждый по полметра, во все стороны. Распирали так, что и газосваркой было не выпилить.

Наконец, стальное колесо, крякнув, остановилось. Но вода даже и не думала уходить – дверь все еще была заперта. Пихнув ее плечом, Среда ничего не добился. Лишь последовал гулкий, глухой протяжный удар, эхом отозвавшийся где-то за ней. Затем еще и еще удары – без результата. Тогда, его подвинула уже Ульяна. С некоторой раскачки, та вмазала ногой в стальную пластину, которая была на противоположной от навесов стороне, прикрывала штыри замков. Дверь скрипнула, за ней что-то хрустнуло, и вода наконец начала понемногу уходить.

Еще удар. Теперь контрольный, вместе. Открылся проход в темное, огромное по своим масштабам помещение. Дверь была накрепко заштукатурена, и вместе с ее открытием со стены отошел здоровенный кусок. Раскрошился на полу, сразу начав размокать в льющейся воде. Порог был вы-

сокий. Среда медленно переступил его. И потерял ту точку в луче фонаря, которая упиралась хоть куда-нибудь. Пространство было невероятных размеров. Это какой-то холл, гостевой зал, или что-то вроде того. Изредка вдалеке что-то отблескивало, сверкало тусклыми искрами какое-то стекло. По бокам были массивные колонны, между ними – стеллажи с книгами. Еще книги, книги, больше книг! Здесь они были повсюду. И когда Дима опустил луч фонаря на пол, они оказались и там. Посреди был, неизвестный по длине, проход к каким-то стекляшкам, а по бокам – настоящее раздолье для книжного червя. Дубовые, большущие полки с тысячами, десятками тысяч книг и папок, различных сортов и видов, жанров, авторов. От такого изобилия мог бы открыться рот, если бы Среда не привык к огромным пространствам Лубянки, с их миллионами папок и альманахов. Все здесь было дорого, все здесь было по богатому. Амфир, одним словом.

Вперед, слегка хлюпая мокрыми ботинками, вышла Вирхова. Она повела фонарем по стеллажам, прикидывая, куда они вообще могли выйти. И поняла:

— Сука, промахнулась. Нужно было дальше идти. Это, кажется, основной зал. Хотя... Нет, погоди. Это не он! Блять! Может какой другой? В сраном подвале?

— Обычно в подвале не вздохнуть ни п... Понятно, в общем. – тихо начал Дима, проходя вперед. Ступил на длинную красную ковровую дорожку, с золотым богатым и детально прорисованным орнаментом. – А тут дорого, бога-

то... – Он поднял одну из книг. На развалившейся, очень и очень старой обложке были французские буквы. – Это похоже зал зарубежной литературы. Это Марсель Пруст, а в соседней куче Гейне на немецком.

— Так, если зарубежной... – почесала переносицу та, задумавшись. – Да, все верно. Пойдем дальше, я знаю дорогу.

— «Давайте отрежем Сусанину ногу...» – на распев, издевательски пробурчал себе под нос Среда, зашагав за ней по ковровой дорожке среди стеллажей. – Я таки думал ты была здесь. Языка не знаешь? Или ты читать не умеешь?

— Невероятно, просто до одури смешно. – не поворачиваясь, ответила на издевку она тогда. – Ты прекрасно знаешь, что меня учили сразу двум языкам. А также, – наконец повернулась она, поглядев с поднятой бровью на Диму. – в силу родительских уз, знаю фарси. Плоховато, конечно, но знаю. А не была, потому что своих забот хватало. Было не до чтения Гейне и Манна. Я больше люблю советскую литературу.

— Судя по всему, их и купили еще в СССР. – задумался на мгновение тот. – Обложки очень старые, а печать на первой странице была от тридцать девятого года. Этот зал собрали еще до войны?

— Возможно и так, библиотека старая. – развела руками Ульяна. – Но мы ищем то, что могли собрать после... Мне нужна, – усмехнулась. – ...самая горячая литература Холодной войны.

— Таки что же мы ищем?

— Военный архив, который внутри военного архива, который должен быть где-то очень рядом. Я о нем только слышала, но не видела ни разу. Говорят, его прикрыли еще во времена Брежнева. Мне нужна буквально одна папка.

— И что же может быть в этой папке? – Среда переступил через еще одну гору книг. Кажется, цивилизация ушла отсюда в невероятной суматохе. – То, что нас всех, в очередной раз, убьет?

— То, что нас всех может спасти. – парировала она. – И хватит, мать твою, задавать глупые вопросы! Это не приближает нас к пункту назначения лучше, чем идущие ноги. Шире шаг, растяпа!

— Я еще и растяпа. – искривил улыбку мужчина. – Что ж, твоя правда. А это я прихвачу Авроре.

Он сунул за отворот куртки «На западном фронте без перемен» Ремарка. Она была целиком на немецком, на исконном языке автора, и могла передать все, что тот хотел выразить. Без искажений, без локализации шуток или фраз – чистейший смысл, без различных напылений. Среда прекрасно понимал, что такого в школьной программе не было, но в последние дни, даже, наверное, недели и месяцы, он осознал, насколько ценна была эта книжка. Насколько точно она описывала ужасы, насколько она оказалась правдивой в вопросах войны и человеческих жизней в ней. Оказалась права насчет мясорубок, бесчеловечного лика Ареса, человеческой жестокости. Среда хотел, желал, чтобы его дочь пони-

мала, что происходит, когда единый мир, сферический зеленый клубок полезных ископаемых и необъятных территорий начинают делить те, кто сверху. Хотел, чтобы дочка понимала, какого бывает тем, кто оказался снизу. Книга была губкой, впитавшей боль поколения, его молитвы к миру и жизни, антивоенные настроения. Она могла бы стать новой, невероятно черной, но миролюбивой Библией. Однако вера прививается зачастую только реками крови...

На мгновение задумавшись, Среда выдохнул. Самому бы снова перечитать, отметить общее, отметить то, что было сказано еще сто лет назад, но к чему не прислушались... Но не было ни времени, ни сил. Вторые сутки на ногах, и ноги эти начинали ныть, болеть, каждый раз, когда тело статично замирало. Нужно было двигаться, стремиться к чему-то, гнать и бежать. Благо, к этому был стимул даже сейчас – в виде ушедшей уже далеко вперед, и явно закурившей, Ульяны. Да, она курила. Сверкал при затяжке кончик тлеющей сигары. В обычные времена в библиотеках курить было бы запрещено, но теперь, в разруху и апокалипсис, почему бы не попыхтеть над книгами табачным дымом? Почему бы не расслабиться, понимая, что тут, среди исписанных людьми страниц, есть покой, есть умиротворение и гробовая тишина, когда наверху разверзлись врата ада и ненависти ко всему человеческому? Почему бы не повыхватывать из куч различные имена, названия, которые плотно ассоциируются с людьми, с их идеями и нравами, с их отношением к жизни

и жизням других, когда там, за слоями железобетона жизнь уже ничего не стоит. Гейгель, Гёте, Маркс – все в одной куче. А над ними, вставший выживший человек с заслуженной папиросой во рту. И как бог с небес, протягивает к ним руку, достает из кучи и стряхивает пыль, начинает внимательно изучать.

— Маркс... – с выдохом и некоторым трепетом произнесла Ульяна, раскрыв книгу. – О, старина, ты оказался чертовски прав вот уже второй раз, но все так же, каждый раз, оказываешься на полу... – аккуратно положила на полку. – Мы ведь бились за твои идеи. А ты лежишь тут...

— Долго еще?

— Зал огромный, Дима. – снова развела руками она, затягиваясь. В полумраке ее огонек на кончике сигареты стал ярче. – За теми стекляшками должен быть коридор, а за ним лестница. Там пропускной пункт и архив. Вероятно, что именно так.

И оказалась права. Действительно, как только ее рука подвинула вперед стеклянную, очень тяжелую дверь, и та открылась, показалось пространство невероятно узкого, по сравнению с основной залой, коридора, выкрашенного в красно-белые тона. Но все такого же, величественного, с картинами, коврами и колоннами, с вазами и бюстами великих писателей и драматургов. Здесь узнавались Толстой, Гоголь, Шолохов, Пушкин и Лермонтов, Маркс и Ленин – все были в одном строю здесь. И насчет лестницы Ульяна не соврала –

действительно оказалась в конце коридора, сразу за массивной решетчатой дверью с замком. Ключ нашелся сразу: очередь из АК срезала его под корень и дверь открылась. Шум и грохот выстрелов осели быстро, словно впитались в книги в зале. А после лестницы снова такая же дверь и единственный выход – в похожий на вестибюль метро, выложенный плиткой по полу, стенам и потолку, пропускной пункт. В конце его, между стеклянными пустыми кабинками, похожими на канувшие в лета будки ГАИ, были массивные железные двери с красными обветшалыми звездами. И большая, жирно намалеванная замшелая надпись: «Дублирующий Военный Архив».

— Ключи? – спросил Среда.

— Не проблема. – спокойно ответила Ульяна.

Засадила рукояткой пистолета по одному из стекол кабинок. Выбив все осколки Стечкиным, залезла, кряхтя, внутрь. Все же годы брали свое – уже и не девочка, да и боем изношена была знатно. Болели колени, болела спина, голова, грудь, но все еще магическим образом Ульяна была в строю, живет всех живых. Спрыгнув на плиточный пол, она вскрыла ящик с ключами и выдернула оттуда несколько попавшихся. Они были не подписаны. Точнее, были, но надписи там были из трех-четырех букв, иногда сокращенных слов, которые еще нужно было разгадать. Проще было думать, что они были без маркировок. Перекинула пару из них Среде, чтобы тот попробовал. Когда один подошел, вылезла обратно в холл, по-

могла отодвинуть тяжеленную бункерную дверь. Стряхнув с упругой груди пыль и стеклянную крошку, выдохнула и несколько самодовольно улыбнулась, глянув на Диму:

— Ничего сложного, да?

— Всего-то в секретный архив влезли. – подыграл он ей. – Как два пальца...

За дверями снова коридор. На этот раз короткий, с покатыми потолочными сводами и изогнутой формой. Явно должен был гасить волну от ядерного взрыва. Бетон был усилен железом. Мощные дуги подпирали свод и мешали обваливанию. Видно было, что ремонтировали все это давно: пятнами налепляли новые заплатки бетона, подваривали железные ржавые конструкции, подкрашивали отдельные участки различными красками, которые смотрелись просто ужасающей мозаикой. Однако, отдать должно стоило – следили, не забрасывали. Двери были здесь не заперты. Все расположено по одной стене. Хранилище это было не такого уж высокого уровня, да и документы отсюда постепенно вывозились, ярусы пустели, некоторые двери наглухо заваривались.

Пара прошла по нескольким помещениями, которые были за дверями. Везде было пусто, ни одной бумажки. Радко на глаза попадались старые книжки кучками. Тут, Среда, выйдя обратно в коридор, выдохнув, дернул еще одну дверь. За ней все так же были пустые металлические стеллажи с толстым слоем пыли, висящие с потолка кабеля и куски светильников, деревянный полусгнивший стол и обломанный патрубок

вентиляции, что проломил стул и вонзился в пол.

— Ни черта тут нету! – обессилено констатировал Дима, хлопнув по швам. – Ни толики! Сраная пыль, да и только.

Ульяна, не услышав его, прошла внутрь и медленно пово-
дила фонариком по пустым стеллажам с различными буква-
ми, нарисованными черной краской по трафарету. В ее го-
лове были смутные сомнения. Она не верила, что все могло
быть так. Ее характер, прорывной, не верящий в поражения,
не давал ей спокойно уйти отсюда, приняв сам факт проиг-
рыша. Нет, она все еще с любопытством разглядывала хо-
лодный и запыленный металл. Вирхова медленно водила ру-
кой по сырым, с запахом плесени книжкам. Что-то бесшум-
но шептала на губах. Медленно, очень медленно шептала.
Одно единственное слово.

Остановилась у буквы П, и достаточно долго, с пол мину-
ты смотрела на пустой стеллаж под ним. Зачаровывая взгля-
дом полку, она на мгновение опустила глаза и нахмурилась,
почесав переносицу.

— Пойдем? – спросил тихо Дима. – Ребята же ждут.

— ...Книги. – будто для себя сказала она. – ...Книги? Те-
бе не показалось странным, что отсюда вынесли все, но оста-
вили несколько книг? Тут что-то не так. Это маскировка!
Точно! Я же видела...

Она, почти молниеносно выпорхнула из железной двери
и направилась к самой первой, к той, которую они прошли
почти не глядя. Там в глубине, на нижних полках стояло

несколько таких же книг, красных, с разбухшими и слипшимися, несколько раз намокавшими и высохавшими страницами. Там было нечто, что засело в память Ульяне. Она понимала сейчас, что ей не почудилось в свете фонаря, что это было не галлюцинацией. Видела это правдиво!

Залетев в двери, что Среда за ней успел только в прыжку, Вирхова присела на корточки, у стеллажа «З», и замерла. Казалось, даже не дышала. Она пристально смотрела на ряд полусгнивших книжек, одна из которых выделялась на общем фоне. Это и было то, что нужно. Аккуратно, практически нежно, обхватив пальчиками корочку книги, Ульяна вытянула ее из ряда, и раскрыла. Это была имитация, страницы были ламинированы. Книга физически не могла намокнуть. Внутри серая коробочка с простой защелкой и гербом СССР на крышке. С затаенным дыханием, Ульяна осторожно открыла ее. А там ключ, с шелковой красной лентой, продетой в просверленное ушко. Гравировка на нем – цифра «три».

— Еще одна загадка? – посмотрел из-за ее плеча Дима.

— Нет, уже хотя бы одна разгадка. – откинула фальшивую книгу на полку Ульяна, рассматривая в руках наполированный ключ. – Только куда бы его воткнуть? Три... три...

— Может это «Зэ»? – усмехнулся, клацнув зубами тот. – От усталости предложу пихнуть его задницу и попробовать повернуть. У меня уже голова не варит над всеми этими секретами, я просто хочу выполнить все, что можно и отдох-

нуть.

— Да? А может тебе третий глаз им проделать, умник хуев? – повернулась она на него достаточно сердито. – Не капай на мозги! Ищи тройку.

— Может, эта? – он указал на полузатёртую цифру на стенке. – Вроде тройка.

И действительно. Над столом, тускло, была нанесена тройка в ряду цифр от одного до четырех. Кажется, это были подписаны места документации на столе, или что-то вроде того. Под каждой из цифр была стрелка, указывающая на столешницу. Ульяна подошла и начала осторожно простукивать стену. И среди глухого отзвука бетона вдруг послышался звонкий металлический, сразу за краской цифры. Ножом отковыряв краску, Среда увидел замочную скважину. Спрятали, так спрятали! Если бы не начали вывозить архив, не забросили бы его – то и не нашли бы фальшивой книжки!

Как только ключ оказался в замке, провернулся в нем, за стеной что-то запищало. В нее проследовал глухой удар с обратной стороны. Наконец выйдя из десятка лет застоев, пневматические клапаны выбили небольшую, с локоть шириной и длинной, дверцу без ручек. Подцепив ее ногтями, Ульяна отвернула ее в сторону. Внутри оказалось чисто, прилично и почти не было следов какой-либо коррозии. Капсула времени была полностью герметична. Даже пауков за все время здесь не завелось. На бумажке учета последняя дата – 1977 год. А внутри всего две папки – одна тоненькая,

красно-кумачовая, с выпуклой рельефной звездой на верхней полке, а одна белая, толстая, с одним единственным словом на обложке, стоит на нижней. Ульяна взяла первую, а Среда вторую.

— Да, это то самое. То самое, черт!.. – переборков в себе радость, Ульяна всмотрелась в документы. – Значит, Куба. Вот ты где...

— Что это такое? – не успев раскрыть своей документации, глянул в бумаги Среда. – Зачем было прятать подводную лодку?

– Это «Прометей»... – с трепетом высказала та.

– Это миф. – усмехнулся тот, до сих пор не до конца поверив. – «Прометей» не существует. Это же легенда из КГБ! Самая смертоносная подводная лодка Советского Флота, но ее так и не было построено. Сомневаюсь, что на этих бумагах ты далеко уплывешь. – но тут вдруг внезапно что-то осознал. – Стой, стой... «Зажигалка» ... Прометей по легенде подарил человечеству огонь, да? Значит агенту нужны были эти чертежи? Наша цель здесь? Вот этот чертов миф из семидесятых?! Я просто похлопаю: я творил всякое, но взламывать военное хранилище ради чертовой несуществующей подлодки – это уже грань, Ульяна. Это грань!

— Эта подлодка – одно из самых мощных вооружений СССР. Ты представь: самая тихая подводная лодка флота, которая может всплыть у Манхеттена и выпустить весь свой ядерный арсенал из пятнадцати ракет! Ты только пред-

ставь!.. – с детским азартом в глазах говорила она. В ее голове это был светлый, бесконечно светлый образ социалистического бастиона на море. Она буквально видела, как из чрева ракетноносца вырывались наружу баллистические продолговатые ракеты в облаках огня и дыма, как разрывали воздушную пелену и улетали вдаль. Она представляла, как на борту развивался красный стяг, как улыбочивая команда из юных моряков и суровых командиров несет свою вахту под снегом и в шторм, на юге и на севере – в любой точке земного шара. По ее спине пробежали мурашки. Она держала в руках несколько тысяч тон металла, описанных во всех подробностях и зарисованных в чертежах. Она держала оплот своей, давно умершей страны... – Этот зверь может оказаться на нашем поводке! Никто не способен сравниться с ней в живучести, дальности и скорости хода! Она тихая, как настоящий разведчик.

— Почему он потребовался агенту? – склонился на нее Дима, снова заглядывая в документацию. – Эта штука и правда смертельно опасна для мира. Не думаю, что размораживать такое – хорошая идея...

— Потому что добро должно быть с кулаками. – Ульяна двинула бровью, совершенно серьезно. – Потому что пора обзавестись тем, с чем будут считаться. Если нам стало неподвластно настоящее – мы ударим из прошлого. И там сила может оказаться куда страшнее...

— Этого-то я и боюсь... – на выдохе проговорил, уже сми-

рившись, Среда.

Он развязал узелок на своей папке. На корке было одно слово – «Звонок». Что-то снова было не чисто, он чувствовал это подкоркой. И опасения оказались не напрасными. Под обложкой не оказалось ничего. Пустые, пожелтевшие листы встречали взгляд Димы. Он надеялся хоть на слово, на букву или знак, фотографию или чертеж – ничего. Хлестко пролистал страницы, но так ничего и не заметил. Чисто, хоть сам пиши!

— Что за чертовщина?.. – спросил он под нос. – Зачем хранить пустую папку?

— Что это у тебя? – заглянула ему в руки Вирхова, складывая свою папку подмышку.

— Все голо, как лес по ноябрю! – воскликнул непроизвольно тот, показательно пролистав снова все страницы. – Ни загогулины рукописной, ни-чер-та! На кой ляд, спрашивается, это хранить в таком месте?

— Как называется? – прищурилась Ульяна, рукой поднимая обложку с ладоней Среды.

— «Звонок». – ответ последовал с заминкой, явно расстроено. – Как старый ужастик с колодцем.

— «Звонок»... – вторила Вирхова. – «Звонок»... Интересно. А если на огне погреть? Может, что-то проступит?

— Сомневаюсь, бумага совершенно обычная. – достал из кармана спички мужчина. Зажег одну и начал греть страницы. Ничего не появлялось. – Говорю же.

— Давай-ка мы оставим ее здесь. – по слогам, медленно, произнесла она. – Странно все это...

— Ты слышала когда-нибудь об этом? – убирая папку обратно на полку, спросил Среда. – Я думал, что ты у нас знаешь все секреты Холодной Войны. Ты сама один из ее мифов. Так, может, поведаешь о своих собратях? О подлодке, вот... – ткнул пальцем свободной руки в красную папку он. – ...рассказала. Теперь очередь за эти «Звонком».

— Ты удивишься, но я ничего не знаю об этом... – с позором для самой себя ответила та так же медленно, неестественно задумчиво. – Даже не могу прикинуть из какой это могло быть сферы. Была в архивах и КГБ и ФСБ, в хранилище Министерства Обороны, но ни разу не сталкивалась с этим. Может, простая дезинформация? Запутать, запугать врага неизвестностью?

— Дезинформация – это не одно слово на корке папки. В ней должна быть, как ни странно, информация. Чтобы не просто запугать, а запутать. Как ни парадоксально, дезинформировать врага. Да, масло масляное, но все-таки! А тут...

— Что-то не чисто.

— Да, Ульяна, точно что-то не чисто. Не думала, что агент тебе не договаривает? Мы точно не ЭТУ папку искали?

— Нет, нет, я... Я очень хорошо знаю агента... Очень хорошо... – задумалась она, почесав подбородок, на мгновение. И вдруг поняла: – Мы не должны были найти эту пап-

ку. Скорее всего, агент тоже не знал о ней. В любом случае, она пустая. Мы, вероятно, развели таинство на пустом месте. Не думаю, что стоит переживать из-за двух, трех десятков пустых листков под странным названием. Скорее всего, какой-то неродившийся проект... – развела руками. – Я надеюсь.

— А «Прометей» по-твоему, родился? – скрестил руки на груди он.

— Это мы и выясним. – она протянула ему папку. – Твоя задача отдать это на встрече. Никому, кроме человека, который вас встречает. Ни Моргане, ни кому-либо из ее команды. Только. Связному. – Вирхова исподлобья посмотрела на него. И положила сверху на все это кумачовое великолепие, белый толстый бумажный незакрытый конверт, из которого торчали фотографии. – Здесь пленка, записанная солдатами в Кремле, наше фото-подтверждение присутствия там, а также рожи тех наемников. Так же, как и папку – только связному. Справишься?

— Я пол Берлина проскакал в противогазе. – беря в руки ценную передачку, заявил Среда. – Куски бумаги не передам что ль?

— Тогда иди сейчас. Дорогу помнишь. – прихлопнула она его по плечу, немного издевательски усмехнувшись. – Меня ждет в тоннелях Вагнер, я дойду с ним. От вас зависит очень много, Дима.

— Таки сделаем, о чем разговор. – сощурился он на нее,

внезапно положив руку на руку. По пальцам разнеслось ее дикое тепло. Казалось, что у Вирховой была температура. – Ты будто горишь.

– Это пылает преданность. – мягко ответила та, убирая руку из-под его пальцев. – Иди.

Немного отступив назад, заглянув в ее черные очи, уж очень они были, все-таки, ему родными, Среда развернулся и быстрым шагом начал удаляться. Ульяна не двинулась с места. Она просто взглядом провожала его до того момента, пока он не исчез из поля зрения. Дима не знал, двинется она, или нет, пойдет ли и дойдет ли обратно, или может еще чего утаила. Он был уверен в том, что Ульяна в любом случае справится и сделает все, как и всегда, дерзко и успешно, в своем, сугубо своем стиле. Она была всегда жестко, хлестко и метко, и почему-то ему казалось, что и в этот раз, в этом подземелье и после него, она справится. Можно было немного расслабиться. И не было иных дум сейчас, кроме тех, как о Моргане и отряде. Нужно было быстрее подниматься наверх.

На выходе из коллектора Среда встретил Вагнера. Немец на недобрые звуки поднял оружие, но завидев Диму, опустил. Тот начал лезть вверх, по крутой замшелой лестнице, как вдруг остановился и сказал внезапно:

— Ты... ты побереги ее, ладно?

— О, ее беречь не надо. – усмехнулся Вагнер. – Афина кого угодно копьем проткнет! Ты Моргану береги.

— Афина... – повторил Дима. – Ей пошло бы, наверное. А Моргану – сберегу. Ее точно сберегу...

Почему он так сказал? И сам задумался над этим вопросом на мгновение. Почему «точно»? Подумалось ему, что он сравнил ее с женой, с любимой, с мамой Авроры, и приравнял. Ему вдруг на мгновение показалось, что она уже его, и его долг защитить, не дать ее в обиду снова, как настоящую любовь. Но он забоялся этой мысли. И зашевелил руками, поднимаясь вверх по склизкой металлической конструкции.

Часть 16

Первое, что увидел Дима, когда его голова показалась из канализационного люка – стволы автоматов. Их черные нарезные жерла уткнулись ему прямо в лицо. Он замер, выпучив глаза на это. Вокруг него, практически кольцевидной стеной, согнувшись и держа оружие наготове, вдруг столпились такие знакомые солдатики в зеленой цифровой форме, прямоугольных общевойсковых бронежилетах и похожих на жилетку разгрузках, зеленых масках-балаклавах, в ужасного качества армейских берцах. «Ну все, вот тебе и Библиотека!» – подумал он, уже нащупав на поясе кобуру, – «Попался...».

— Ты чего шумишь? – раздался тихий голос. Это была Моргана. От стресса Среда не сразу обратил внимание на очки, которые были на одной из масок. – Мы уже подумали...

Ты где был?

— Сканворды гадал. – мужчина выбрался из канализации. Команда, уже переодетая под российскую армию, встала во-круг. – Пришлось немного поломать голову, и стены чуть-чуть.

— Что нашли? – спросил внезапно Ганс. – Это оружие?

— А вот все тебе расскажи, умник. – внезапно вставил свою лепту в разговор Кельт, повернувшись к напарнику. – Вирхова же сказала – секрет. Сто процентов оружие!

— Нет, рецепт арбузного мыла. – с сарказмом ответил Дима. – Вы где форму-то взяли?

Среда заметил броневик «Тигр» в сочном, зелено-се-ро-черном камуфляже, что стоял немного позади него. Дима уже понимал, что все это было не спроста. Когда из-за маши-ны появился еще один человек в форме, его сомнения под-твердились. Агент нашел их раньше, чем они его. Неспеш-но человек вытащил с пассажирского сидения броневика со-лидного вида сумку и кинул ее Диме. Об асфальт глухо уда-рился шлем и бронежилет – они были внутри, это сразу по-нятно. Вслед за сумкой, пред его ногами оказались и берцо-вые черные сапоги, которые, кажется, уже кто-то до него на-девал. Шнурки были пыльными, и плохо почищенными. Яв-но успели снять с кого-то... Ну, или уже с «чего-то» ... На-вряд ли раздели живого.

Все это было странно. Среда не понимал, к чему бы это могло было быть, и не спешил брать сумку. Однако, подумав

что медлить сейчас будет не самым хорошим тоном, достал оттуда форму и начал переодеваться.

Агент хладнокровным взглядом глядел на него через прорезь в зеленой тканевой маске-балаклаве. Скрестил руки на разгрузке, надетой поверх прямоугольного бронежилета, и чуть притопнул ногой, явно показывая, что ждать он не намерен. Но Среда все-таки хотел немного «познакомиться», и разузнать, чем же обязаны за помощь.

— Ни пароля, ни отзыва. Решили не играть в шпионов? Странно все это как-то, переодеваться посреди улицы. Раздеваться до трусов и наряжаться снова.

— А ты не медли, и никто не разглядит твои сердечки на белье. – с язвительным тоном ответил человек.

Скулы явно сыграли под маской. Похоже, это был мужчина, но голос был не из самых грубых. Певчий, звонкий. В этот момент Дима несколько засомневался в роде этого агента, но выглядел тот крупно, ничего не сказать: широкие плечи, ноги и бедра, явно мощная грудь и живот, которые слегка оттягивали плиту новенького бронежилета вперёд. Голова была почти квадратной. Не было зацепок и по волосам. Все хорошо прятала маска и шлем с надетыми на него очками. Было странно, было не понятно. Но помогал – уже хорошо. Дима сощурился, попытался подумать, что же могло быть под бронежилетом. Напашника не было, но и там никаких зацепок! Станный большой мужчина с оперным голосом и дико завораживающими глазами...

Глаза! Среда осенило. Он понял, что те карие зрачки, которые он видит ненастоящие. Он немного пригляделся, и увидел линию линз, которые наверняка меняли цвет. Да и сама форма, сам взгляд не были мужскими. На них не было настоящих морщин, не было складок, как у сильного пола. Точнее, они были, но какие-то халтурные. Всего нотка, одна маленькая нотка, не заметная обычному человеку, стала толчком к понимаю для Димы. Вероятно, все-таки, это была просто маскировка. Просто. Маскировка.

— Я Карпов, и моя задача сопроводить вас в Останкино. — сухо заявил связной. — Оперативная обстановка сейчас такая, что армия и наемники Громова заняли телебашню. Попасть туда можно только под видом военных. Каждому, — он достал из подсумка кулек с ксивами. — Я раздам документы. Мы приписаны к одному отряду. Я — ваш командир. Если потребуют показать лицо, ссылайтесь на меня и только на меня. Еще раз, капитан Карпов. Карпов, ясно?

— Товарищ Терпуг, какой план отхода с башни? — спросил тут Дима.

— Да, после передачи нас скорее всего прижмут. — поглядел на остальных Ганс, немного помявшись на месте. — Будет обидно умереть вот так, где-то на переборках телецентра!

— Было слишком мало времени для подготовки плана отхода. Но, у нас есть броневик и смекалка. Что-нибудь придумаем.

— А, импровизация... — скопился тогда Ганс на Диму. —

Знакомо, очень знакомо.

— Что ж, броневик уже хорошо... – выдохнула Моргана, зашагав к «Тигру».

...Через три десятка минут перед кенгурятником на решетке радиатора встал сваренный наскоро из труб шлагбаум с бетонными кольцами-противовесами. Раскрашенный в красно-белый, он опустился прямо перед машиной, когда один из солдат дернул вниз цепь. Еще трое медленно встали со скамеечки, что была рядом с забором, и лениво подплыли к машине с разных сторон. Вся троица в таких-же прямоугольных бронезиловках, как по команде, вскинула автоматы. Среда медленно глянул сперва на них, а затем на ввинчивающуюся в небо игловидную башню. Она была здесь, уже рукой подать! Но руку ту ударило об сварной шлагбаум.

— Здравия желаю. Документы! – грозно сказал часовой. В этот момент, практически в нос, связной сунул ему свои бумаги. – Проезжайте. Открывай!

Со скрипом шлагбаум поднялся, и, дернув коробкой передач, внедорожник плавно покатился по асфальтовой дорожке прямо в парк перед башней.

А тот был превращен в настоящий перевалочный пункт. На зеленых когда-то лужайках стояла тяжелая техника: инженерные машины, танки, бронетранспортеры. В ряд были грузовики, а параллельно им, образуя коридор, такие же «Тигры», около которых покуривали разморенные жарой и ленью солдаты. Здесь было все спокойно, в отличие от цен-

тра. Здесь не торжествовали огонь и смерть, здесь было вальяжно и медлительно. Командиры едва-едва ходили меж солдат, так же неспешно выписывали им словесные высказывания грубой формы. Дисциплина, прихрамывая, подалась к черту. Настоящий солдатский рай. Дальше, за колоннами грузовиков и бронемашин, две взлетные площадки. Большущими птицами, раскинув по сторонам от себя все боевые модули, стояли два Ми-24, в зелено-черной раскраске, с надраенными фонарями кабин и целой уймой бортовых механиков, которые возились с ними. Они загружали боекомплект, чистили гуталином вертолетные колеса. Но делали это так, словно имитировали жизнь и загруженность. С распадом Министерства обороны, с переходом власти в одни единственные руки, все стало таким – распущенным.

— Ульяна... просила передать. – вытянул папку с бумагой
Среда, когда их броневик повернул в «коридор» из техники и мягко направился прямо ко входу в башню. – Тут все.

— Тогда меняемся. – спокойно, одной рукой Карпов достал из кармана толстый сверток. Принял одно – отдал другое. – Тут фотографии мест базирования штабов, расположение комплексов РЭБ и Градов, все необходимое для наводки артиллерии. Все рассчитано, а вам – только выстрелить.

— Ты был в Берлине? – внезапно спросил Дима.

— Мы почти приехали. – перевел тему капитан, притормаживая.

Еще ближе стали раскосые ноги башни. Все увеличива-

лась и увеличивалась зрительно эта конструкция из бетона и стекла, сделанная руками народа, верившего когда-то в единство мира. А теперь здесь заседали солдаты нового националиста... Мир, бывает, круто меняется. Стекла были разбиты вдребезги. Здесь отгремел бой. Было видно, как сложены мешки с песком, как солдаты таскают все новые, но в здешнем темпе. Башню укрепляли, строили оборону, окапывали, ожидая удара. Но никто не ожидал, видимо, такого проникновения. Часовым было практически плевать, им за вредность теперь, да и вообще, не доплачивали. Шла война на Кавказе, холодные бои развернулись на стыке с НАТО, в центре столицы бушевал кровавый ураган, а здесь возвышался у дверей сторожки лишь один охламон с автоматом Калашникова на перевес, да пара брустверов по бокам с пулеметами. Навряд ли такие силы могли сдержать удар. Но видимо все и понимали, что лобового удара не будет, а провокацию можно сдержать и такими силами.

Битая плитка, раскрошенный бетон. Кажется, здесь кто-то умудрялся сопротивляться власти Громова. А он, признать, молодец – захватил главный центр, да и как! Бесперебойно вещала пропаганда, тихо ныло радио даже в том Тигре, на котором диверсанты подъехали. За неразборчивыми бреднями о нации и России, о Родине и нацизме, об нелюдях в НАТО и на Ближнем Востоке, было что-то еще. Какой-то несоизмеримый, междустрочный ужас. Для знающих становилось все более явным понимание, что прежний мир, пусть шат-

ко, но уравновешенный, не скатывающийся в бредни политиков и крики совсем безмозглых говорунов, уже не вернуть. Обратная точка пройдена. Дальше только еще больший, нарастающий с каждым часом бой. Бой людей с людьми. Всего мира... с самим собой. Ну, а трупы тех, кто не подчинился Громову, наемники стаскивали в кучу и бросали. Прямо здесь же, рядом... С пулеметами, брустверами, в мотки ржавой колючей проволоки, потому что девать их иначе некуда. Ждали похоронные грузовики. Перевалочная база уж точно не кладбище.

Медленно, скрипнув тормозами, Тигр остановился у парадного входа в башню, с растрескавшимися витринными стёклами, и обрушившимся плиточным потолком, из которого торчали всяческие кабеля, металлические элементы. Болтались ртутные лампы и разлетались токовые искры. За холлом были лифтовые зеркально наполированные, и слегка покоцанные автоматными очередями лифтовые двери. Они-то диверсантам и нужны. Но к ним путь отгораживал еще один вялый охранник. Он вразвалочку подошел к людям, вышедшим из внедорожника.

— Здравжелаю. – скомкано выдал он. – Документы.

– Вот. – подал бумаги связной. – Капитан Карпов, а это со мной. Особое задание наверху, вы должны полностью содействовать.

— Печать старая. – поднял глаза из бумаг солдат. – Сейчас завели уже новую. Вы откуда едете?

— Со штаба армии. Почти два часа в дороге. — смело ответил капитан. — Через передовую, а там завязли в боях. Буквально вот бумага получена, чернила еще не высохли.

— Если два часа, а потом бой, чего корешок не затерт? — показал складку бумаги тот.

— Я тебе чего, ее по карманам совать буду? В планшетке и в файле ехала, Шерлок, м-мать...

— Хорошо, хорошо. Их документы есть? — поглядел постовой на остальных солдат. Неудобно поправил автомат, а затем еще и еще. По одному все подали корочки, розданные связным. Солдат просмотрел все, затем отдал обратно. — Будто с парада только. Ладно, проходите.

Капитан, отдернув бумаги из рук воина, убрал их в файл и в свою папочку. Все правильно, чтобы документ не помялся и не испортился. Да и к тому же еще сильнее подтвердил свои слова для постового. Тот смотрел пристально, невольно улыбнулся. Смерив всех взглядом, солдат отошел в бок. Группа прошла мимо него. Оставалась самая малость — подняться наверх.

Перед лифтовой шахтой оказался холл. Панели с телевизорами, стеклянные витрины афиш были прострелены, здесь точно кипел бой. Не известно с кем, неизвестно сколько и как. Но следы крови, остатки заветренной плоти подтверждали это. Здесь свистели пули, летели горячие гильзы, что уже давно остыли в скопищах битого стекла. Не было целого окна, все витрины в округе осыпались вниз хрустальным

дождиком, что хрустел под ногами. Тяжелые берцовые сапоги Среды медленно ступали по всему этому. Ему казалось, что пол сверкал, когда ртутные лампы начинали шумно, с завыванием и треском, мигать. Это было сродни запачканному кровью космосу, но не с черной пеленой невероятных пространств, а с совсем приземленным, бело-красным и пыльным полом. Повсюду висели динамики. Изо всех «утюгов» вещала производимая здесь же продукция, главный недостаток этого клубка информационного сообщения – пропаганда. Это хлеб всех новостных служб.

Пропаганда – не хорошо и не плохо. Она может продвигать как суровые, прожжённые героизмом идеи, внушать величие человеческому слушателю, так и наоборот, принижать достоинства, макать в известную субстанцию лицом и врать. Нет хорошей или плохой информации. Есть только махинации ей, передергивания, неправда и откровенная ложь. И настоящие профессионалы своего дела знали, что чтобы не так уж и трудно было глотать откровенную ложь, стоило добавить в нее часть совершенной правды. Для более достоверной картинки, для более разномастного в эмоциональном плане восприятия. И принцип кнута и пряника использовали. Били сперва негативом, а затем пускали что-то позитивное. Что-то, что могло смягчить конечное ощущение, прикрыть просчеты начала. И сейчас отовсюду на этом огромном игловидном бастионе лилась информация. Разными голосами, разным текстом, но родство ее было неоспоримо:

как мед, как бальзам, с хорошо поставленными интонациями дикторов, она на подсознании запыливалась, как в пазы, в человеческий разум. Никто не слушал ее, но все ее слышали, фоном, сопровождением. Она стала еще одним незримым существом здесь. И от понимания этого, от отрыва от чувства, что все это просто фон, начинала болеть голова.

Когда вслушиваешься, когда осознаешь, что и сколько тебе говорят – хочется избавиться от ушей, загнать прут чуть ниже волос, протаскивая его через обе перепонки. От этого становится трудно дышать. Информация рондится с воздухом. От нее сухость в глазах и колит сердце.

— ...На Каспийском фронте удалось удержать наступление противника... – безучастно, будто робот, проговорил диктор в динамиках. – Командующий войска строго заявляет, что ситуация находится под полным контролем: суеты и неразберихи первых дней конфликта нет, нашли слабые и незащищенные места, подтянули резервные части...

— Русские потеряли до двух третей от своей группировки на Кавказе... – уже по-английски заявлял другой динамик. Здесь были разные источники. – Вероятный исход, по подсчету Пентагона, будет точно не в пользу России. Скорее всего они будут вынуждены подписать сепаратный мир, и отпустить территорию между Черным и Каспийским морем на откуп Гардесского блока.

— Первая партия новейших модернизированных Т-90С, – уже третий динамик, снова на русском, начал хва-

стать. – Прибыла на перевалочный пункт в Волгограде. Со-
всем скоро, новейшая техника, не имеющая аналогов во
всем мире, вступит в свой первый бой! Командование пря-
мо сейчас просчитывает направление выгодного контрудара,
после отвода войск с неудобных для обороны рубежей. И ме-
сто старых Т-72Б и Т-80У займут эти... грозные боевые ма-
шины...

— Почему их не было с самого начала там? – спросил себя
вдруг Среда, заходя в двери распахнувшегося лифта. – Бред.

Но в лифте, на удивление, играла легкая музыка, которая
была передышкой от того роя мушек, что вещала про бои,
и отступления, героические контратаки, и все это про одно
и то же событие. Разные стороны, разные дикторы, разные
языки, кому было верить? Не было объективной информа-
ции. Все прекрасно понимали, все прекрасно знали, что не
было расчёта на войну на Каспии, что войска там не были
готовы к удару, что их оттесняли, как только могли, сбрасывали в море и окружали. Но заявление об «оставлении
неудобных позиций» все сыпались и сыпались на голову на-
рода, пытаясь его сдержать, утихомирить, заверить, что все,
что не шло по плану, тоже было в этом самом плане. Но...
ведь и плана не было! Мир завертелся, закрутился и сорвал-
ся в пропасть в одночасье, не дождавшись, когда гегемоны
отставят от губ бокал шампанского и займутся своей про-
фессиональной работой. Испарились у них умения, испарил-
ся у них страх к ошибкам, испарился и стимул к их несовер-

шению. Остался последний шанс и дальше продолжать пить свое чертово шампанское, заедая его икрой – заверять, что все под их строгим контролем. Но им бы стоило быть честными, рассказать, что сейчас их волнует внутренний трон, который пытается отбить у строптивой Вирховой Громов, что их – тех, кто платит за пропаганду и войну внутри – интересует огромный финансовый базис. Их интересуют деньги, которые можно наварить до, во время, и после войны. Их не интересуют жизни солдат, жизни людей, что остались без работы и средств, их не интересуют забастовки, разгоняемые танками. Их внимания стоит только выгодный союз, прорыв на самую вершину капиталистической цепочки. Они рвутся к деньгам, к неслыханным масштабам грабежа, которые им предоставит, беззащитная уже, раздираемая изнутри, когда-то огромная Родина.

Кто устроил все это? Те, кто хочет больше, те, кому всегда мало! Но в словах своих, в пропаганде, они все вывернут наизнанку. Будто бы виноват кто-то другой:

— ...Нам досталась старая промышленность. – ворвалось в уши, как только двери лифта открылись с легким звоночком. – ...Нам достались неэкономичные заводы, которые были созданы в СССР таким образом, чтобы получать совершенно не подходящее сырье, на крайне неэкономном топливе. Экономика, построенная на этом базисе, оказалась не гибкой, и сейчас мы активно ищем пути решения этой проблемы.

— Русский человек справится с этой проблемой! – будто бы в тон, воскликнули другие динамики. – Не стоит забывать наших побед! Не стоит забывать Невского, Донского, Колчака! Мы защитим нашу землю, потому что победы в нашей крови. Мы победим и на этот раз! А те, кто думают, что мы не способны, просто изменники, твари и предатели! Сейчас нельзя видеть ошибки, сейчас нельзя слушать тех, кто пытается сдвинуть нас к коммунизму, потому что нельзя объединяться со всеми подряд! Мы окружены кольцом врагов. Кто, как не коммунисты постарались над этим?! Посмотрите на Германию, на ту же... Коммунисты построили стену, и теперь один народ воюет друг с другом! Кто создал ГДР? Да Сталин создал ГДР! Когда русский сапог вошел в Берлин, нужно было двинуться дальше, забрать себе все, что было положено!

— ...это ведь не правда. – вдруг высказала Моргана, тоже вырвавшись из фона слов, прислушавшись. – Сталин был за единую Германию. Ведь Союзники объявили о «Железном занавесе»!

— Не слушай их. – ответил ей Среда. – Учебники истории – чтиво явно не для них. Они будут кричать, будут доказывать, лишь бы обвинить кого-нибудь, кроме себя

— И Афганистан! Афганистан! – в сердцах кричали откуда-то из студии на том конце сигнала, надрываясь до свиста из глотки. – Вошли! Ну вошли, почему вошли? Черт-е разберет, но вошли. Навоевали, вышли? И теперь только рус-

ским все приходится расхлебывать, за украинцев, белорусов, узбеков, таджиков, литовцев! Все беды, все беды свалились на нас только из-за этих...

Дальше слушать было бессмысленно. Никто уже давно и не помнил, сколько было положено в Афганистане судеб и жизней юных парней и девушек, которые стойко стояли за свою идею и флаг, за русских, за украинцев, белорусов, узбеков и таджиков – за всех, кто был их Родиной. Теперь Родина определялась кровью, нацией, тем, какие сигареты куришь, и Вирхова оказалась сурово права. Дима даже не знал, выдержала бы она сейчас такой шматок слюны в ее сторону, как участница. Выдержала бы она столько передергиваний, фальши и лжи, или бы стерпела, уже наслушавшись этого за тридцать длинных лет? Наверное, отлично только то, что в Кремле не было всего этого гомона, увеличившего свою громкость и тембр с началом всей этой заварушки. Все винили внутри страны одного единственного врага. Все говорили только об одном единственном враге! А им оказался никто иной, как давно умерший предок из прошлого.

Коридор все шел по дуге. Здесь практически не было солдат. Только трудились передатчики, радио. Редкие постовые зевали. Начальство сюда нечасто забредало. Когда группа Димы, вместе с капитаном проходила мимо них, только тогда она подрывались и выпрямлялись, отдавая воинское приветствие. Здесь уже не было разбитых стекол. Не было треснувших телевизоров. Экраны на стенах трудились не переста-

вая. Какие-то немо, только заставляя диктора в плоском широком экранчике открывать рот, а какие-то дико, напористо, с кричащими и явно не голодающими лицами внутри. Бежали строчки, выливались тонны слов, имен и выражений. Афганистан, Каспийское море и Кавказ, Германия, НАТО, естественно перебарывающая всех и вся Россия. В репертуаре были: войны, конфликты, оставление позиций, прорывы, батальи, ракетные удары, обмены дипломатическими нотами, военные преступления, резня! Очаги горячей войны все более ощутимо подавали жар через экран, а журналистика усиливала его натиск. Фантомным, но очень неприятным теплом, не то от ненависти, не то действительно от ожесточенности боя, разливалось по телу ощущение гнева, ненависти. Но, не на действие, а на бездействие.

— ...Это страшное преступление. – заявлял один полковник на интервью.

На фоне него был Кремль. И именно это заставило Диму на мгновение остановиться и всмотреться. И он его не узнавал, он был другим. Не было того, смешанного с грязью кремлевского кирпича. Не было пачек сгоревших танков на площади. Не было практически ни чего. На кадрах нет следов тех боев, которые развернулись в центре столицы. Это показали мельком, крепость почти не засветилась. Но функцию она исполнила верную – показала простому народу, что символ России их «защитники» не уродуют. В то время, как реальный держался уже на честном слове. Его не было вид-

но из-за смольных столбов дыма, из-за гари и копоти оператор постоянно тер бы слезившиеся глаза, от запаха бы там было не продохнуть, а фокус нельзя было бы поймать из-за ярких вспышек разрывов танковых снарядов, что испаряли защитников, будто бы тех и не было. Телевизор не показывал страшного, сглаживал краски. Дима почувствовал, как по спине прокатываются мурашки, к сердцу подступает чудовищная злоба.

— Что касается Кремля, Москвы... – сюжет сменился на задумавшегося для кадра Громова, который сидел на каком-то из заседаний штаба в палатке. – Сейчас разрабатываются все оперативные действия по нейтрализации угрозы. Есть существенный риск перехода к штурму, если действительно подтвердится, что иностранные государства спонсировали захват крепости. Часть таких данных уже есть. Есть подтверждения об иностранных вооруженных формированиях, но мы пытаемся не навредить инфраструктуре и зданиям внутри периметра. Ни о какой потере нашего ракетного арсенала не идет и речи. Все ракеты готовы к запуску, и в случае необходимости мы сможем их применить, как по странам НАТО, так и по Гардескому Блоку и Афганистану, в частности. На мой взгляд, это было бы решением справедливым и тактически верным. Мы, как власть, обязаны обеспечивать интересы русского мира, как внутри, так и за рубежом нашей страны. А сейчас есть прямая военная угроза, знаете, на Каспии, и со стороны НАТО. Возвращаясь к

вопросу о Москве – в городе временно ведено военное положение. Под мой контроль переведены все стратегически важные объекты. Так же разрабатывается план по недопуску провокаций на предприятиях...

— Что это значит? – спросила на Диму неслышно подошедшая Моргана.

– Значит, они будут давить любую забастовку. – ответил тогда ей тот. – Как ту, что мы видели.

—...Сейчас у нас нет шанса на допуск любых революционных настроений. – продолжал с выдохом, явно вспомнив в этот момент Вирхову, Громов. – Свой лимит на революции Россия уже исчерпала. Ведем плавную политику, не прибегая к смене курса. Мы, как уже было сказано, будем бороться с арабским национализмом на нашей земле, отстаивать интересы русской нации, русских. Не побоимся использовать и крайний козырь по врагу.

Среда уже, наслушавшись и в мыслях стряхнув лапшу с ушей, высмеяв двойную позицию нового командующего по вопросу, хотел было уходить, идти дальше, куда задание еще было не сделано. Как тут, вдруг, глаз зацепился за небольшой экранчик, что стоял на алюминиевом столике. Рядом с пузатым телевизором, который и показывал, были сложены снопы каких-то кабелей, выданных с корнем из стены, где была ниша с алюминиевой дверцей. Сорванная с петель, последняя валялась рядом. Хрустела под ногами, изгибаясь, как последний осенний лист на ветру. И на экран-

чике том были уже не российские, западные новости. На них официальную позицию представлял не президент, нет... Глава Разведуправления. Некая Элис Купер, которая и появилась в кадре.

Статная, достаточно высокая и обаятельная дама, с неестественно белыми, практически седыми волосами, туго завязанными в пучок японскими палочками. Она была молода и красива. На белом, но не бледном лице не было ни одной морщинки. Фактически, как Ульяна, каменное изваяние, невероятная по искусству статуя. В ней не было изъянов. Синяя форма с медалями и звездами сидела как влитая. И вот, плавно, эта фигура подплыла к стойке с микрофоном, раскрыла синюю папку и начала зачитывать заявление:

— Пентагон располагает информацией, что к событиям в Берлине, к дальнейшему расколу немецкого общества, к начавшейся там кровопролитной бойне Москва имеет практически прямое отношение. По нашим сведениям, Россия желает не дать Восточной Европе свободного выбора в их политике. На фоне развернувшейся на Каспийском направлении войны с Гардезским блоком хочет вернуть Восточную Европу в социалистическое русло, снова создать... — на этом моменте девушка сглотнула, пробежавшись по листку глазами. — ...марионеточные правительства и усилить контроль. Особенно над бывшими республиками СССР. По нашим сведениям, Кремль желает увеличить сбыт своей сибирской нефти в протектораты в Европе уже прямым пу-

тем, лишив их американского и собственного рынка энергоресурсов. Это было бы выгодно, особенно в условиях потери части нефтеносных районов Каспийского и Черных морей, Кавказских гор и предгорья. На совещании НАТО по вопросам безопасности поднимался вопрос о помощи Западной Германии американскими солдатами и вооружением. Соединенные Штаты Америки и Президент, в частности, не намерены отправлять части нашей Армии непосредственно на боевые действия, однако Пентагон согласен на поставку из регулярных частей Армии США до пятидесяти танков Abrams M1A2, шестнадцать истребителей F-16, двух кораблей, и несколько сотен машин и грузовиков. Так же, Пентагон согласен отправить в страны НАТО, и ЕС, в частности, дополнительные силы для сдерживания вероятной угрозы со стороны России. На данный момент уже развернуто свыше пятидесяти пяти новых баз Армии США на территории Румынии, Венгрии, Эстонии, Литвы, Латвии, Болгарии, Чехии и Италии. Так же стоит отметить, что из-за недавних заявлений министра Громова, США заявляют о готовности применения ядерного вооружения, в ответ на агрессию в сторону стран НАТО или их союзников. В случае применения баллистических ракет Россией, мы так же ударим по Москве своими ракетами. В случае же вторжения на территорию суверенных стран Восточной Европы, мы сможем ответить Москве без применения ядерного вооружения и иных средств стратегического сдерживания. Аналогичными действиями, на-

правленными в их сторону.

— Простите, директор! – поднял руку тогда один из журналистов в телевизоре. – Вы можете как-то прокомментировать события в Москве? Не кажется ли вам, что Российская Федерация не способна вести военные действия и погрязла в революции?

— У нас нет достоверных данных насчет происходящего в Кремле. – закрыв папку, заявляя уже более смело и глядя точно в глаза журналисту своими глубоко синими очами, девушка уперлась руками в тумбу. – Мы не располагаем какой-либо информацией касательно действий Громова в столице России. ЦРУ склонно считать, что на данный момент пока нельзя точно говорить о смене режима русскими. Однако, если вдруг в стране объявится демократичное политическое течение, способное на мирные урегулирования конфликта на Каспии и в Европе, которое может свернуть претензии Москвы на контроль над Восточным Берлином и бывшими странами Социалистического Блока, Вашингтон будет обязан поддержать такое течение, во имя мира на Земле. На данный же момент, Россия представляет наибольшую угрозу всем соседствующим странам. Но мы готовы помочь русским в смещении их правительства, если это будет народной волей.

— Много говорит. – Карпов с кнопки на корпусе выключил телевизор. Прошел вперед, и глянул на Диму. – Все вечно думают, что смогут одержать победу, но никогда не гово-

рят, какой ценой она будет достигнута.

— И какая же цена у войны? – спросил, хмыкнув, Дима.

— Когда бьются два капиталистических гиганта, счет идет не на миллионы, а на миллиарды пострадавших. Но, пострададут не властители бункеров или горных комплексов, этой ценой будем мы. Мы – цена новой войны. Простые люди.

— Ульяна сказала, что агент считает единый мир возможным. Он явно питает симпатии к утопии Маркса. Ты... кем бы ты ни был, разделяешь и эту точку зрения?

— Утопия? Утопия может быть в голове. Утопия только тогда утопия, когда вера в то, что это достижимо, разбивается об собственные грехи. Да, люди меркантильны, люди корыстны и безжалостны. Да, они готовы грызть друг другу глотки за то, какого они цвета или происхождения. Но мир... Мир меняется. И если он не изменился эволюционно, не создал единую человеческую общность, где не смотрят на то, какой ты, то это сделаем мы. И сделаем это Революционно. Война уже идет, но у нас есть шанс все поменять.

Глаза его в этот момент стали какими-то наивно добрыми. Он сам искренне верил в это, и частица от этой веры засела и в Среде. Тот тоже понимал, что идея эта здравая: мир без разделений по нации, и кошельку, где все живут в едином порыве и живут на благо друг друга, а не чтобы тешить собственный карман, или что похуже. Он видел Варшавский блок, Восточную Германию и последний, не самый легкий, вздох СССР, и верил, что те времена, когда на улицах не ле-

жали трупы, не стреляли по зданиям из танков, не воевали на улицах собственных городов в невнятной гражданской войне, еще вернутся. Ульяна зажгла в нем эту идею, собственным упорством, характером и героизмом. И теперь этот загадочный человек, крайне проникательно дал понять, что есть люди, которые верят в это искренне и помогают только потому, что должны. Он видел в этом капитане родственную Вирховой душу, которая скорее сплюнет на предложенные деньги и чины, и будет жить ради ближнего, ради простого человека, что может оказаться рядом. И какая-то гордость разлилась по груди мужчины, фантомное, странное по своим ощущениям, тепло, которое стискивало сердце, щемило его к ребрам. Он и сам начинал верить, думать, что такое может получиться.

Время было не простое. В такое время как никогда оголены нервы общества: забастовки, войны, победы и поражения. Простой народ вставал под штыки, вырываемый из уютных серых стен собственных квартир. И чем больше он напитывался информацией, чем больше понимал, что говорят эти поющие головы в телеэкранах, чем больше сравнивал это с действительностью, тем больше была вероятность, что этот, поражающий сердца революционный вирус вырвется в толпу, и от него будет уже не спастись никому. Его надо было культивировать, вкапывать в судьбы и в обыденную жизнь, как семечко в почву, и на собственном примере показывать, что он может прорости. Через боль, слезы и кровь, через по-

тери и собственный стальной характер! Нужно было показать, что простой человек не может быть сломлен, если сражается за такого же, как он...

Переглянувшись, они оба, синхронно отошли от небольшого экранчика и зашагали дальше по дуге. Туда, где в стене, перегородившей дальнейший проход, была стальная, на амбарном замке, дверь. На ней не было никаких меток, но ощущение было такое, что нужно именно туда. Это подтвердил и Карпов, указав на нее пальцем в перчатке. Вся команда повернулась на двери, а Моргана – на амбарный, массивный замок. Без лишних вопросов и шума, как только Дима встал на стреме, вздернув автомат на ремне, взялась за скобу и сжала ее в металлическом кулаке. Несколько секунд, и замок засверкал ярче солнца, а жар от него прокатился по всем. Даже Среда затылком под маской почувствовал тепло, что окутало его шею. Развалившись на части, замок упал на плиточный пол и разбросал искры. Дверь оказалась открытой, и все ломанулись в нее. Переступая замок, сперва вошел Кельт, Ганс, затем Моргана и Карпов, а следом, в роли замыкающего, осмотревшись, Среда. И взору предстало небольшое, по своим габаритам, помещение. Не больше средней однокомнатной квартиры, но полностью заставленное какими-то металлическими стеллажами, с пленками, папками, дисками, кассетами и всем тем, что, хотя бы в теории, могло переносить информацию. В середине комнатки был крепкий дубовый стол, на котором стояла какая-то многочисленная

аппаратура со шкалами, тумблерами, стрелками. Рядом со столешницей были сложены спиленные диски антенн и прочее радиооборудование. Стекол здесь не было. Все окна заколочены стальными, покрашенными в глянцевый черный, листами, на которых на магнетиках были прикреплены какие-то бумаги с написанными на них таблицами, тетрадные обрывки, с какими-то значениями. Все это создавало атмосферу радиорубки, коей помещение и было, за исключением лишь того, что это один из самых мощных передатчиков во всей России. Его и искали. Он должен был работать и на военных частотах, в отличие от обычных теле- или радиоканалов, которыми Останкино было напичкано под самую крышку.

— Работаем быстро. – оглянув аппаратуру высказал капитан. – Комплекс хоть и под Громовым, но все же сюда может забрести отряд. И сорванный замок их точно насторожит.

— Передатчик нужно будет перенастроить. – заявила Моргана, открыв крышку одного из приборов, заглядывая внутрь. – Он несколько поломан. Не думаю, что он самостоятельно сработает на нужные нам расстояния. Придется подключаться к общим информационным сетями, но я не гарантирую, что...

— Ты сможешь? – спросил Карпов. – Да или нет?

— А вы с Вирховой похожи. – девушка опустила глаза. — Да, смогу, но нужны руки и время.

— Ганс, вставай на проход. – ответил Среда, закидывая

автомат на ремне за спину. Тот, чуть слышно ухнул о бронезилет. — Мы с Кельтом поможем им.

Свинтив крышки со всех приборов, и выпотрошив их на стол, Моргана одним из титановых когтей безжалостно перерезала пару проводов, начав их наращивать. Отойдя от стола, выдернула пару кабелей из широкого металлического канала на стене. Оглянув их, так же когтем счистила резиновую изолирующую оплетку. Вернувшись к столу, наблюдая за приборами, вручила Кельту перекусанные кабеля, с приказом примотать их к тем, с которых счистила резину. Немец, крайне послушно и исполнительно, связал медные провода в канале и доложил о готовности. Моргана вручила еще две клеммы капитану, чтобы тот их привинтил к другой станции. Девушка пыталась создать сеть связей, которые бы действовали параллельно. Электронный чип в ее голове с легкостью подсказывал ей, что делать. Во всех этих набросанных проводах и приборах она видела смысл, чему Среда мог только подивиться. Она не ошибалась, не сомневалась, и резала четко, четко вязала и безошибочно определяла, что ей нужно. Шкалы дрогнули. Осциллограф начал показывать что-то, а охлаждающий контур из вентиляторов загудел. Вся эта вязанка из медных лоскутов под металлической рукой и искусственным интеллектом, в сопряжении с настоящим и гениальным человеческим, потихоньку начинала свою работу.

— Дима, последи за шкалой. — сказала Моргана тогда,

указывая когтем на головной аппарат, что большое походил на большую коробку, с целой кучей крутилок и тумблеров. — Мне нужно, чтобы было не меньше вот этого значения.

Среда прильнул к шкалам, и его голова заметно загудела. Шкал тут было с два десятка, и на мгновение он даже потерялся, глаза разбежались по всему этому сверкающему советскими лампами великолепию. Но собрался, и внимательно вцепился взглядом в то, что было указано. И вот, когда Моргана на дополнительной панели начала накручивать что-то, вертикальная переключательная стала, как на настоящем патефоне, смещаться вправо, медленно проплывая какие-то цифры, которые для мужчины совсем ничего не значили. И вдруг вернулась обратно.

— Есть? — спросила девушка.

— Нет, нету. Застыла! — повернувшись, ответил Среда.

— Черт, линии перегружены. — Моргана рукой причесала каре. Взволнованно посмотрела по сторонам и глянула на кабель. — Мы не сможем подключиться к действующим линиям связи.

Дима глянул на капитана, и тот явно задумался под своей маской. Глаза его были стеклянными, поднятыми вверх. Он смотрел в никуда, дальше этих железных листов на окнах, дальше Москвы и облаков над столицей. Размышлял внутри себя и вдруг снова ожил:

— Есть... есть старая сеть советских военных ретрансляторов связи. Они, как паразиты, живут за счет действующих

линий, не оповещая о себе, но остаются свободными для самого крайнего случая. Через них можно выйти на старую частоту Варшавского блока, и мы сумеем добить и до Атлантики. На сколько помню карту, самая крайняя точка – Мюльхаузен. Это один из запасных каналов связи для атомных ракетносцев, если вдруг спутниковая или иная сеть будет недоступна. Если в районе есть старые советские подлодки, они нас услышат. Но если в частях есть старые радиостанции – тоже может сработать.

— Советские подлодки... – скопился на него Среда, усмехнувшись. – Очень хорошо, что не все из них распилили и продали за газировку! Но остается вопрос, какая из них решится нам помочь.

— Помогут... нам помогут. – качнув головой, ответил тот. – Какая-нибудь решится. Я знаю частоту.

— Тогда выставь. – показала на приборы Моргана. – Мы займемся переналадкой.

— Ребят, у нас гости. – на распев вдруг вклинился Ганс. – Русский патруль, пять человек. Размеренно идут к нам.

— Сколько у нас времени? – спросил Кельт. – Плохо. Чертовски плохо!

— Думаю не больше полутора минут. – ответил тот, прильнув к глазку в двери. – Вальяжные.

— Да твою мать, вечно какая-то ху... – выругался через зубы Среда, в одно движение сблизившись с немцем. – Если припечет, мы попробуем их задержать. Главное настрой-

те чертову аппаратуру!

Моргана руками перемахнула кабеля. Перелопатила целую кучу проводов, и снова все настроила, быстро и очень качественно – не подкопаешься. Пока капитан возился с частотой на приемнике, что-то очень натужно вспоминая, видимо память все же подводила, Среда и Ганс уже были готовы к контакту с неожиданно появившейся группой солдат. А те все приближались и приближались к двери. Сердце началось биться быстрее, а нервы пошаливать. Палец сам мягко гладил спусковой крючок. Вдруг Дима отпрянул от двери и встал у стенки. Ганс сделал так же и жестом показал Кельту пригнуться. Рыжий, вскинув автомат, слегка присел, так же двинулся к двери. Моргана все еще в этот момент возилась с аппаратурой.

— Какого?.. – раздалось по коридору. – Прот...

Возглас оборвала гроыхнувшая очередь. Дима не выдержал и начал стрелять первым, выиграв несколько секунд на замешательство противника. Солдаты рассыпались по коридору. Двое грохнулось на пол. Одно срезало намертво, второй держался за разорванную ногу и, что было сил, кричал. Но из-за выстрелов его было не слышно. Дверь прорезала очередь, в ней добавилось дырок, и в комнатухе стало посветлее. Через пулевые отверстия просачивались лучики солнышка, показывая то, как медленно пикирует дымка от разрывов пороха в стволах, как качается в ее клубах практически невесомая пыль. Вздернув автомат, выстрел и Ганс. Не

попал – из-за закрытых дверей точно было не пострелять. А открывать нельзя. На линии огня могли оказаться Моргана и капитан, которые все еще, поспешно, пригнувшись и присев, возились с аппаратурой станции, пытались ее настроить.

— Есть, есть!!! – воскликнула Моргана, отпрянув от передатчика с каким-то проводком.

— Тогда в стороны! – оторвался от автомата Среда, пихнув дверь плечом. Она не поддалась. Тогда, с маха дал в нее ногой. – Да давай, сука!

Скинув с себя пыль, дернувшись как необъезженный жеребец, дверь скрипнула. Отошла на навесах в сторону, и теперь можно было бить более прицельно. Не собираясь выждать, Среда подался вперед. Уперся плечом в косяк, выпустив весь магазин в коридор. Одного из стрелков там убило. Выкинув кровавую крошку из-под шлема, он упал на коврик башни, дернув руками в последних судорогах. Ударило в ответ. Едва успев спрятаться от шальной очереди, Дима со звоном дернул из автомата магазин. Пустая коробочка ухнулась об пыльный пол, а ее место заняла новая, полновесная, с тридцатью патронами внутри. Один после звучного хода затвора оказался в стволе.

— К ним подойдет подмога, нам будет не уйти! – дельно высказал Ганс. И то верно – по этажу уже слышался топот сапог. – Мы здесь в тупике!

— Держи, держи коридор! – оскалился Кельт.

Поведа коленом, он упал на пол. Было видно, как брыз-

нула бурая кровь. Его зацепило в бедро, но пуля вышла насквозь. Обильного кровотечения не было. Среда показал другому немцу, чтобы тот прикрыл, а сам рванул к раненному. Схватил его за шкуру и с трудом оттащил в сторону, за прочную бетонную стенку, по которой ухали очереди, вышибая крошку с той стороны. Оглядев рану, понял, что не смертельная. Рыжему немцу попросту повезло, и он отделался почти одним легким испугом. Скорее всего, сможет даже встать и похромать, но помощь все равно была нужна.

— Запускаю запись! – сказала Моргана, втыкая штекер себе в гнездо на металлической руке.

— Сильно зацепило? – тут около немца и Димы вдруг оказался капитан. Глянул сперва на одного, потом на другого. – Бери его на себя, я прикрою.

— А-с-с... – зашипел Кельт, как только Среда начал поднимать его с пола. – Жжется, жжется, гадина! А-а-а!

— Терпи казак, не сядешь в автозак. – с гаком перекинув руку через свою шею, Среда подхватил его за грудь.

... Через мгновение, обычный, уже не обращающий на себя гомон из динамиков – извечная борьба здравого смысла с глупым словом – прекратился. Вместо него можно было бы услышать долгожданную тишину, если бы воздух не рвали хлопки Калашниковых, что с одной, что с другой стороны. И вдруг, среди этого всего, когда на мгновение, на долю секунды все затихло, из рупоров послышался знакомый голос Вирховой. Немного изуродованный, электрический, но все

еще крайне узнаваемый. Такой родной и льющийся как свежая вода, для тех, кто боролся, чтобы его услышать сейчас:

— Товарищи солдаты, офицеры, и генералы, что еще не обронули в националистическую грязь собственные погоны и совесть! Я, Ульяна Евгеньевна Вирхова, обращаюсь сейчас к вам, с надеждой, что мое послание будет услышано. Наша страна чудовищно страдает, наш народ закабален тисками нашего же собственного, чудовищного эксплуатационного капиталистического строя. Наш враг на востоке страшен. Наш враг на западе страшен еще больше, и он зол, голоден до нашей крови. Но пока, настоящий наш противник – наши собственные ставленники, что должны были отвечать за нашу защиту, за наше спокойствие и за наше мирное небо над головой. Наши товарищи, изо всех уголков нашей необъятной Родины сейчас умирают у Каспийского моря и на Кавказе, наши танковые асы стоят щитом на пути НАТО, в то время как маршал Громов берет штурмом собственную столицу! Я обращаюсь к солдатам и офицерам, к генералам, которым не все равно на судьбу нашей страны и мира. Знайте! Три сотни десантников сейчас держат удар танковой армады. Мы держим Кремль, и мы будем его держать до тех пор, пока последний из нас не перестанет дышать! Мы будем ломать хребет буржуазной верхушке армии, и мы будем оказывать всяческое сопротивление всем тем, кто хочет отдать нашу страну на откуп деньгам и олигархам, на откуп собственному национализму! Мы будем сражаться за то, чтобы наши

ядерные боеголовки не взмыли в воздух и не уничтожили наш хрупкий мир! Мы – это все, кто задумается после моих слов, кто придет к нам на помощь, и кто встанет в наши ряды... Мы все отстоим нашу многоликую и многонациональную Родину. Мы отстоим мир для наших потомков и сбережем наш ядерный кулак в шахте! Ведь кто, если не мы?! Кто, если не каждый из нас... сделает это?! Враг силен, но он захлебнется в нашей крови! Я прошу каждого из вас, тех, кто слышит сейчас, доказать, что у народа есть выбор, что наш народ не будет слушать буржуа и прогнившую верхушку, которая лишь закручивает гайки. Я прошу, ведь не в силах приказывать...

По спинам прокатились мурашки. Ульяна умела сложить слова так, чтобы, даже не говоря их в лицо, умудриться навести уважение и страх. Могла заставить трепетать какую-то мембрану внутри. Воздух в легких застыл, и время на эту секунду остановилось. Остановилась и баталия. Больше солдаты не стреляли. Они лишь переглянулись между собой, и с опаской посмотрели на радиорубку, явно что-то соображая. Были они такими же простыми солдатами, которые путались в новой геополитике, и служили стране, потому что считали это своим долгом. Не нужно было их винить, но нужно было понимать, что сейчас они пытались выбирать, осознать, рушить построенную пропагандой Громова картину вещей в своей голове. Все считали, что истина этого титана информации и мнений непоколебима, что она не рушима и един-

ственна. Но на сцену, на геополитическую арену выходил настоящий левиафан, что не словом, а делом уже ни раз доказывал собственную точку зрения, и не решался прогнаться кого-то. Ульяна была не сгибаема, и от нее такими же становились и все в вокруг, чувствуя силу. Так и сейчас – солдаты не могли пошевелиться.

— Вирхова... – сказал один из них в тишине.

– Это же бред. – ответил ему другой, явно сглотнув перед тем. – Она мертва. Вся верхушка мертва!

— А вот и не бред! – вмешался тут Среда. – Чей голос, по-вашему, вы слышали?! Громов еще не был маршалом, когда министрам выписали билет под землю!

— «Главный», это «Вершина», какие приказы? – сказал в рацию один из солдат, все еще не опуская оружия. – Это «Вершина», какие приказания? Слышал генерала Вирхову, подтвердите.

— «Вершина», подтверждаю. – ответили на том конце в динамиках. – Черт-е что творится. Приказаний нет, пытаюсь связаться с начальством.

В воздухе повисла неловкая и настороженная пауза. Вот-вот из-за одного нервного движения могли снова засвистеть пули. Среда держал в перекрестии чью-то голову в каске, а его, не бритое и уставшее лицо, от которого было видно только глаза в прорези балаклавы, выцеливал один из солдат. Шансов выйти из новой передряги уже не было. Дима не знал, что делать и лишь нервозно поглаживал спусковой

крючок, держа около себя Кельта под одну руку. Он уже был готов прорываться с диким боем. Да так, что уже чувствовал, как под ним начинала дрожать от нервов земля. Потом это почувствовал и Ганс. Начал оглядываться капитан. Затем и Моргана посмотрела на зазвеневшую, согнутую из листового металла крышку приемника на столе, в косе проводов. Кажется, Среде эта дрожь не привиделась.

— «Вершина»! «Вершина»! — разрывался динамик рации.

В этот момент рывкнула тяжелая, глухая очередь. По бетону свистнули крупнокалиберные пули. Стальные листы на окнах рвало и сбрасывало. Рамы выкрашивались, на пол хрустальным дождем сыпались стекла, рвались кабели, превращались в решето столы и стеллажи. Над головой, когда Среда упал на пол, начали проноситься целые огненные вихри. Даже через бронежилет чувствовалось тепло разрывных пуль от авиационной пушки. На спину, на плиты брони сыпался бетон, по шлему били кусочки всякого скарба, бывшие когда-то аппаратурой, рамами, перекрытиями, потолком и лампами. В ушах чудовищно звенело, в глазах потемнело, и сознание помутнело. Только сообразив открыть рот, чтобы разрывами пуль не вырвало из ушей перепонки, Дима лежал на полу, вжимаясь в гранитные плиты. Рядом была и вся команда — спасались от смертоносных очередей, что изничтожали помещение.

И только когда первый смертельный аккомпанемент пушек закончился, стало слышно частые хлопки, будто кто-то

спустил натянутую струну. Хлоп-хлоп-хлоп-хлоп. В пробоины в бетоне было видно застывший у самой башни покатый фонарь кабины пилота. Над ним еще один. А над тем два спаренных двигателя с прикрытыми крышками воздуховодами. Это был «Крокодил» – один из самых знаменитых советских вертолетов. И сейчас он решил мешать в труху верхние этажи башни. Эта грозная, невероятно страшная на свой вид боевая машина все сближалась и сближалась с башней, желая посмотреть на дело своих пушек. Могучий, огромный винт все хлопал с ревом по воздуху. Чудовищных размеров одиннадцатитонное тело вертолета медленно отходило в бок, стараясь заглянуть с другого угла. Среда не успел даже рук разомкнуть над головой, как пол чудовищно трягнуло. Ниже в этаж угодила ракета. Бетонные плиты начали изламываться, хрустеть и трещать, облицовка этажей сыпалась в пропасть. Люди, что не успели увернуться – те самые солдатики, что засомневались – сорвались вниз, кубарем скатившись по гранитному изорванному полу.

В глаза вдруг ударил яркий свет. Бахнули еще и еще ракеты. Вниз посыпался кирпич и бетон, металлические элементы каркаса. Пол с ревом накренился, и Дима, Моргана, капитан Карпов и Ганс начали произвольно скатываться по этой чудовищной горке вниз, туда, наружу, где до земли было с пол километра. Моргана вонзила в пол когти, другой рукой хватая за бронежилет капитана. Ганс взялся за кабели, которые снопами свисали теперь в пропасть. Закрутился

в них, чтобы не катиться дальше. А Диму вдруг перевернуло. Пытаясь изо всех сил схватиться за что бы то ни было, он взялся за обломки бетона, рассадив пальцы в кровь. Но в итоге отпустил, потому что сверху, перевернувшись, на него мчался, заскрипев и зашумев, тот самый стол с радиостанцией. Нырнув меж его резных дубовых ножек, мужчина вдруг перестал чувствовать опору. Все оказались далеко, а он на самом краю! Забив руками, пытаясь не обращать внимания на судорожно бьющееся сердце, он запыхтел, заерзал и попытался взобраться обратно. Но, вдруг сорвался вниз.

— Держись, держись! – с резким шлепком по запястью, схватил его за руку Кельт, подвесив на себе Диму над пропастью.

Опустив голову, Среда увидел все, как в миниатюре: крошечную технику, мелких людишек, что копошились вокруг, уходящую своими раскосыми ногами в землю башенку, что снизу казалась не толще иголки. А сбоку, грохоча огромным винтом, заливал из пушек этажи огромный размалеванный в камуфляж вертолет. Из-под крыльев его рванулись две ракеты, угодили куда-то снизу, и все здание трянуло, как от землетрясения. С новой силой вышибло окна, они переливающимся градом посыпали вниз, вместе с дощатыми занозами и шмотками одежд.

Среда едва держался за Кельта. Силы были уже истрачены, а тяжелое снаряжение тянуло вниз. Медленно соскальзывая, Дима все же нашел в себе силы, и схватился другой

рукой прямо за острые остовы бетона. Начал подтягиваться. Уже почти было спасение, ведь немец крепко держал товарища, не отпуская его в полет. А тот тянулся обратно на этаж, где медленно, мало по малу, остальная команда уже двигалась к лифтовой шахте. Пора как-нибудь уходить. Под чудовищными залпами «Крокодила», под ссыпающимся бетоном, Дима все перебирал и перебирал руками, скалясь от невероятных усилий. И тут, по его лицу брызнуло, обдало крошкой и пылью. На секунду зажмурившись, он понял, что держится теперь только за бетон. Другая его рука сжимала в миг похолодевшую пятерню. Как только на мгновение открылись его глаза, Дима увидел только окровавленный свалившийся сверху бетон. Кельта пришибло намертво, и только кусок его руки оказался в мертвецки холодной хватке Среды.

Долго не удержался, сорвался. В поджилках что-то содрогнулось, поднялось в животе. Ощущение, с родни прыжку с парашютом, только парашюта не было. Мужчина перекувыркнулся в воздухе, сжал зубы, и напрягся так, как никогда иначе. Он падал с Останкинской башни точно вниз, к ее подножию. Уже пролетел, вероятно с несколько этажей. И тут в спину, в плиту бронежилета, проследовал чудовищный по силе удар. Среда сшиб собой одну из антенных тарелок, вместе с креплением. Его снова перевернуло, но теперь лицом вниз, и снова удар, но теперь еще более страшный. Тот, который его и затормозил.

— У! Ах! — вырвалось только из рта. — Сука, сука!!!

В три погибели согнувшись, Дима вцепился в еще одну, более крупную антенну. Держался за ее крепление, которое уже начало отходить от стены. Ниже такого уже больше не было. Следующей станцией для него могла стать только московская земля...

Повиснув от бессилия, Среда в одно движение, на мгновение отпустив одной рукой крепление тарелки, дернул бронжилет за систему быстрого сброса. Тот канул в бездну, распавшись на несколько частей. Стало немного легче, и со вдохом, Дима подтянулся, взобрался на скрипнувшее крепление, глянув в окна телебашни. Там был целый коридор, и можно забраться. Но тут снова вертолет. С нарастающим ревом он спустился с верхов, к нему, и монструозная его, заставляющая поджилки трястись, покатая двойная кабина будто бы поглядела точно ему в глаза. Мужчина замер, остановился, будучи в одном движении от пропасти. Он глядел точно на блестящий фонарь «Крокодила», в фантомные глаза этой техники, но не видел в них ничего. Это был просто советский монстр, под контролем еще больших монстров, что сидели в кабине в безликих шлемах.

Вертолет завис, приблизившись, чтобы его стеклянные кабины стали более крупными, более внушительными. В сравнении, Среда был просто букашкой для него. Даже жалко было, наверное, тратить на него ракету. К бою приготовились пушки. И зависший над пропастью уже глядел на трид-

цатимиллиметровое жерло, которое отправило бы по нему очередь. Только попроси... Но выстрелов все не было, не было. Вертушка измывалась над облитым не своей кровью, измученным, запыленным солдатом.

— Мы ведь с тобой одной крови... – сглотнув, выговорил Среда, ища глазами на его борту алую звездочку.

По кабинам вдруг пронеслась очередь. Стрелковые пули даже не царапали их, просто отпрыгивали в стороны, шелка под звуками чудовищного гула двигателя. Нарастив вой, вертолет рванул вверх. Диму обдало ураганным ветром, но звездочки, ни на боку, ни на брюхе «Крокодила» он так и не увидел... Теперь машина служила другим.

Раздался гомон пушки и разрывы ракет на этажах. Дима не знал, что там происходило, но вся башня гуляла ходуном. А он, спрыгнув на трясущихся от высоты коленях в коридор телебашни, на мгновение рухнул наземь, ощущая всем телом твердую, пусть и очень далеко над землей, поверхность. Отдышавшись, поднялся. Сорвал с головы тканевую, мокрую от крови маску, утерев жаркое и потное лицо ладонью. Среда опустил глаза, сглотнув. Один из команды уже точно не вернется.

— Дима! – пронеслось в наушнике. Это была Моргана. – Дима!

Среда сперва не понял. Не сразу сообразил откуда идет звук. Ему, в сотнях метрах от земли, державшемуся за единственную выдержавшую его конструкцию, было не до пере-

говоров. И возможно, и раньше девушка пыталась связаться, но только теперь, в относительной тишине, мужчина услышал ее слова.

— Да, да... я внизу! Ниже вас. – ответил он, переводя дух. – Убирайтесь оттуда!

— Мы это и делаем! Ты уходи! – вмешался капитан. Голос его стал уже совсем, не скрываясь, женским.

— Встретимся внизу. – прервал, глянув по сторонам, тот.

Зашел в окошко он весьма удачно. Кажется, здесь проводились какие-то ремонтные, или даже строительные работы. На каталке с двумя замаранными краской колесиками, стояли два баллона: ацетилен и кислород. Рядом с ними был газовый, брошенный в впоыхах резак. Еще подальше, у несколько выпирающего куска стены, под брезентовым покрывалом проглядывали такие же синие кислородные баллоны. И у Димы в голове созрела идея. Он быстро прошелся по коридору, пару раз вздрогнув от ракет сверху. Обнаружил несколько карабинов и прочных ремней – кусков промышленно-альпинистской обвязки.

— Бинго! – восторженно воскликнул он, хватая все это в охапку.

Достав из подсумка на ремне гранату, отложил ее в сторону. Взялся руками за двери лифта. С невероятным упорством и усилием открыв ее, увидел там лифтовые тросы. Внутри шахты сверху летели куски камня, обдувало жаром развернувшихся наверху пожарищ. Одна из кабинок вцепи-

лась стопорами и застыла наверху, а тросы от нее шли вниз. За них можно было зацепиться. Это и был план – спуститься, что называется, «с ветерком».

Наскоро обвязавшись, сделал из карабинов «восьмерку». Втянув в нее трос, Среда дернул из кобуры пистолет. Остался всего один магазин, но внимание вертушки можно было привлечь. Взяв отложенную гранату, дернул у нее чеку и выкинул ту в сторону. Подойдя к окну, высунулся. Не глядя, только в сторону, в район висения огромной винтокрылой машины, высадил несколько пуль. Звякнув об голубое брюхо, пульки разлетелись в стороны. Но это сыграло! Сыграло! Рев винтов несколько ослаб, машина, разворачиваясь, пошла вниз. Пушки и ракетные подвесы стихли. Металлический ящер искал для себя новую цель. И, кажется, нашел. Ответные, уже намного больше пистолетных пуль, выстрелы зашили по этажу еще до подлета вертолета. Он бил играясь, не видя цели. Стрелял наугад, не жалея ни боезапаса, ни тех, кто мог оказаться в башне. Мешал все и со всем, как тесто. Делал это очень успешно, ведь в один пышный рулет снова сворачивался и бетон, и камень, гранит и аппаратура, медные толстые обрезиненные кабеля и обшивка стен, всяческий строительный хлам. Как масло снаряды прошивали мешки с цементом, со штукатуркой и асбестом. Изрывали на лохмотья пустые, откиннутые в сторону аргонные баллоны. Разорвался даже один, оказавшийся в стороне кислородный, и Диму дернуло взрывной волной, на мгновение оглу-

шило. Тот отошел обратно на центр коридора, снова взглядом встречаясь с показавшимися в проломах фонарями кабин. «Крокодил» снова смотрел точно на него. А он сжимал в руках гранату без чеки.

Под гулом винта не было слышно короткого выдоха. Рванув по коридору к лифтовой шахте, Среда едва успел увернуться от первого залпа, что вспахал пол там, где только что стояли его ноги. Выстрелы следовали точно за ним по пятам, поднялись на стену, и теперь крошили ее. Под оглушительным воем авиационных снарядов, Среда прикрыл голову и подался вниз, соскальзывая в шахту.

— Черт, фразу не придумал! – с бравадой кинул он, закладывая гранату точно между двух баллонов на тележке.

Мгновение, и его подхватили лифтовые тросы, дернув за таз, ударив по груди и ногам. Обхватив трос руками в рукавах куртки, Дима заскользил по нему вниз. И раздался чудовищный, со свистом, нарастающим ревом словно десятка турбин, взрыв. Кислородное яркое пламя вырвалось в лифтовую шахту и побежало в обе стороны от нее. Башню в этот момент изломило, секцию этажа вывернуло далеко наружу, забросало обломками и вертолет. Дикий жар с пылью заполнили воздухозаборники двигателей. Бетонные вырванные из пола и потолка плиты перекрытий ударили по винтам, ломая их. Корпус вертолета, фонари, все, что было – изменило форму, сломалось и разбилось. И одиннадцать тонн металла вонзились в башню.

Второй удар. Останкинская стала скрежетать, наклоняться. Дима видел, как она рвалась напополам, в месте, куда ударил вертолет. Лифты трянуло. Одна из кабинок сорвалась вниз, а он все еще спускался внутри всего этого дьявольского безумия, имея под рукой лишь пару карабинов и куртку, чтобы не излохматить собственные руки. Игловидная башня кренилась, гулко трещала и стонала, рушилась. Осыпалась вниз. Она уже не могла стоять. Эти бои были выше ее прочности.

И как только ноги Димы ступили на побитый пол первого этажа, как только он полностью затормозил, срывая с себя ремень, со всем, к чему тот был прикреплен, его схватил капитан Карпов. Команда оказалась внизу раньше. Перед парой затормозил их Тигр. Моргана была за рулем, а Ганс, как только открылись задние двери, затащил и Карпова, и Среду внутрь. Даже не дождавсь закрытия дверей, Моргана вдавила педаль газа в пол. Заревев, огромный бронированный джип сорвался с места, только чудом отворачивая от падающих элементов Останкинской телебашни. Пыль застелила когда-то зеленые поляны, деревья, позиции техники. На некоторую из той валились бетонные конструкции, вкапывая в землю, не оставляя и шанса. Люди суетились, а огромная башня в заднем зеркале удирающего Тигра только приближалась.

— Она падает прямо на нас!!! – заревев во все горло, хлопнул дверью Ганс.

— Знаю, я знаю!!! – не отрываясь от руля крикнула ему Моргана. – Я, итак, выжимаю все, что могу!!!

Башня, будто бы, как человек споткнулась, по дуге начала наступать на прыткий «Тигр». Нагоняла его, пылила собственными обломками. Поглощала под собственными «шагами» все, что было раньше рядом с ней. Под этим искусственным, цементным самумом не выживал никто, да и шансов не было. Не было их и у рвущего на всех парах «Тигра». Башня настигала его, уже ложилась на землю стеклянными этажами, расшибая те в песок. Огромный ее шпиль, как хлыст, завыл над бронемашинной.

И вдруг он врезал по земле, всего в десятке метров от прыгнувшего на перпендикулярный выезд «Тигра». Все в пыли. Ни черта не видно! Землю сотрясло как от артиллерийского удара. Машина подпрыгнула на своей подвеске, и заухала на кочках как барабан стиральной машины. Кенгурятником, в пылевой завесе, броневик вышиб какие-то металлически ограждения и вырвался на свободную, закиданную камнями улицу. Рухнувшая башня оставалась позади.

— Ф-х-х-х... – взявшись рукой за лоб, Среда шумно выдохнул. – Почти как в Берлине, помнишь? Только тут уже не ступени ракет, а целая башня!

— Ты молодец, Моргана. Большая молодец! – похлопал ее по плечу капитан, зажмуривая левый глаз. Среда успел заметить, что Карпов потерял цветную линзу.

— Лучше бы не все было, как в Берлине. – помотал голо-

вой Ганс, прижимая руку к рваной ране на ноге. Задело не сильно, но кровоточило. – Не хочу снова надевать эту ужасную русскую маску, в которой воняет старой резиной! – на мгновение он улыбнулся, а затем помрачнел, что было ему не свойственно. – ...Только вот Кельт из Берлина выбрался. А тут...

— Он спас меня. – сказал Дима, кивнув уважительно. – Он... спас меня... Очень жаль, что он не выжил.

— Я размозжу голову тому, кто это... – высказала через зубы Моргана. А затем схватилась за голову, зажмуриваясь. – А-а-а-а!

— Бери руль! – поддернув Диму, Карпов подорвался со своего места.

Броневик сильно потянуло в сторону, но Среда успел перехватить управление, и машина вернулась на прямой курс. Моргана сжимала металлической рукой голову, постепенно снова приходила в себя. Она жмурилась, не показывала глаз, и от этого уже екнуло сердце у Димы. Он все чаще вспоминал тот кошмар, тот ужас, что возник в нем при виде красных ее колечек. Был тот первобытным, настоящим и точно не поддельным. Не такой, какой бывает во сне – этот не проходил с пробуждением.

— Я... я в порядке! Порядке. – девушка махнула рукой, снова беря руль в руки. – Нам надо быстрее возвращаться.

— Хвост! – прошипел Ганс, всматриваясь в заднее стекло.

— Твою-то... – прильнул к дверям Среда, глядя в окош-

ко. – Три «Тигра», двести или двести пятьдесят метров, приближаются! Не оторвешься!

Моргана провернула металлической рукой баранку автомобиля. С дикими перегрузками на бок, воем шин и скрипом дисков, многотонный Тигр повернул, и вывалился – по-другому было это не назвать – на широкую многополосную проезжую часть. Помчался с все нарастающей прытью. Девушка вела броневик без опаски, без хоть какого-нибудь страха. Она полностью чувствовала машину, и электронный чип в ней просчитывал все до миллиметра. Редкие застывшие брошенные авто она огибала по ломанной дуге, подбавляла педалями, подгазовывала, иногда притормаживала. Когда не было проезда, когда на дороге был затор из брошенного транспорта, Моргана просто таранила их, а пассажиры в десантном отделении только чудом не летели по всем сторонам. Дорогие машины бились о кенгурятник, разламывались и отваливались в сторону, как пыльные мешки. Броневик весил чудовищно больше, и это ощущалось. Ревел, натужно выл коробкой и мостами, но несся по дороге, пытаясь оторваться.

А преследовали все не отставали. Там тоже были профи – видимо из числа наемников. Настоящие профессионалы. Обычные срочники или контрактники так не водили. Ну или в кабинах были совсем отморозки, не боящиеся скоростей на спидометрах, которые иногда доходили и до трех цифр. Ветер ревел, из-под колес летела грязь и мусор. За пресле-

дователями тянулся настоящий пылевой буран.

Вдруг по корпусу ударила очередь. С Тигров работали пулеметчики. Над крышами было видно всполохи огня. Некоторые пули прилетали даже в бронированное стекло. То покрывалось паутиной, трещало, но еще держалось под натиском. Как в железной бочке, слышно было каждый щелчок пули по броне, по колесным дискам и по армированным резиновым колесам. Барабанило так, что иногда перебивало рев двигателя и матерную ругань на немецком. Вдруг привстал Ганс, хватаясь за ручку на потолке. Внутри их Тигра тоже был запрятанный пулемет. Дернув за рукоятки люка на крыше, немец поднял на руках ПКМ и воткнул его в станину на крыше. Повернув люк назад, и передернув массивный затвор, выжал спуск. Внутри, по голому металлу, по лавкам и креслам, по прорезиненному полу запрыгали горячие, еще дымящиеся гильзы. Длинная лента тянулась от самых задних дверей. В ней было патронов четыреста – не должна была быстро закончиться. Тем не менее Среда начал рыскать по ящикам еще патроны, потому что Ганс и не думал прерываться. Он все давил и давил на спуск, заливая преследовавший их кортеж из пулемета Калашникова.

— Granatwerfer! – скомкав, выкрикнул вдруг он.

Броневи́к дернуло в сторону. Грохнув, граната из «Мухи» угодила точно в скос двери десантного отсека. Сорвала ее с петель, отведя в сторону. Открылся проход, в который было видно, как, сидя на пятой точке и раздвинув для устойчиво-

сти ноги, Среда пытается нащупать под рукой автомат, а капитан Карпов в это время придерживает пулеметную ленту Гансу, чтобы та не зацепилась за что-нибудь и не заклинила.

— Ты ж!.. – передернув затвор, Среда навскидку выпустил очередь по автомобилям, которые упорно не хотели слезать с хвоста. – Немчура, бей по колесам!

— Трясет ужасно! – на мгновение отпустил спуск тот, выкрикнув.

— Сейчас будет поворот! – вцепился одной рукой капитан в скобу на потолке.

Снова вой колес и мостов. Снова сброс скорости и скрипящие тормоза. По большому радиусу завернув, явно переложив весь свой вес только на один из рядов колес, «Тигр» едва не врезался в здание. Инерция у него была чудовищная, его тянуло только прямо, как трамвай, но Моргана умудрялась с ним ладить. Следом за ними завернули и преследователи. Но тут одно колесо вражескому «Тигру» прошла пулеметная очередь. Шина, не выдержав, сорвалась с диска. Многотонный бронетранспортер на полном ходу врезался в бетонную стену дома, застыв в облаках раскрошенной панели дома. Другие тяжело вошли в поворот. Один отстал, и пристроился за вторым.

Еще поворот, а «Тигры» не отставали! Кремль был совсем рядом, и это понимали все. И на том конце погони, и на этом. Дима едва держался на полу, его вытягивало в сорванные «Мухой» двери прямо на улицу. Пулеметная лента все мень-

ше походила на бесконечную. Она уже не тащилась по полу, а подходила к самому стволу. Боезапас кончился, а вот противник с пяток удирающей команды все не слезал.

— Дим, возьми. – из-за подпрыгнувшего на неровности броневика, макушка Среды почувствовала легкий удар обо что-то твердое. Это был РПГ-22, который к нему протягивал капитан. – Всади в колесо! Нужно сбросить их!

Отбросив на колени пустой автомат, мужчина взялся за гранатомет. Все по правилам – отогнул мушку, прицелился и намеревался стрелять. Короткий выдох, и, с щелчком, упругий спуск красного рычажка сверху тубуса ушел вниз. У уха хлопнуло и из ствола вырвался громадный кусок алюминия, сорвавшись в полет. Со свистом реактивного двигателя, граната угодила точно под колесо, разорвав покрывку ближайшего броневика. Тот потерял управление и начал тормозить. Погоня выходила на финишную прямую. Как тут из люка последнего «Тигра» высунулся наемник с РПГ-7. Этот заряд прошибал танки...

— Срежь, срежь его! – откидывая от себя дымный тубус, широко раскрыл глаза Среда.

И граната начала увеличиваться в размерах. Дима видел, как та приближается точно к нему. Все ближе... ближе, и еще ближе! Он буквально мог дотянуться рукой, но вдруг она шмыгнула в бок, саданула по асфальту, и дернула «Тигр» за одну из резиновых лап. Диск вместе со ступицей и тормозами вырвало из арки со страшным разрывом. Броневик под-

кинуло, как еще никогда не подкидывало, и начало уводить в сторону. Со скрипом, с фонтаном искр бампер вонзился в асфальт, заскоблив по нему. Машину начало трясти, и в один миг перевернуло. Покатило кубарем, действительно как барабан в стиральной машине. Среда только и успел, что взяться за одну из ручек, как его тряхнуло, перевернуло и опрокинуло с ног на голову. Потолок сменял пол чаще, чем билось неутомимое сердце. Отшвыривая от себя куски, Тигр прокувыркался цилиндром не меньше тридцати метров.

И тут вдруг словно отключили свет. По Диминой голове прилетело чем-то тяжелым. Сознание в миг отключилось, а руки ослабели...

— ...Пап, а эти звезды светятся? – спросила как-то у него Аврора на Красной Площади.

Ей тогда было не больше четырех. Она и говорила-то с трудом, но всегда подмечала что-то интересное для себя, и спрашивала отца – Диму. Тогда он еще посвящал ей свое время, водил по интересным и запоминающимся местам. Тогда он был еще хорошим отцом.

— Да. – с улыбкой отвечал тогда он. – Эти звезды прогоняют свет через себя, и сверкают ярко-красным для всех нас!

... В ушах снова, уже привычно для последней недели звенело. В голове, точно над последним позвонком, каленым саморезом сидела противная и пищащая, сковывающая весь мозг, боль. Вяло взявшись за голову, Среда открыл глаза. Броневи́к лежал на крыше. С легким скрежетом ворочалось

одно из его колес. Вокруг был рассыпан всякий мусор: от звеньев пулеметной ленты, до пустых магазинов к автоматам. Вдруг послышался едва различимый стон. Перебарывая боль, Дима повернул голову и увидел стеклянный взгляд Ганса, который лежал рядом, лицом к лицу. По его пыльным губам текла кровавая струйка, и сил ему хватало только, чтобы просто дышать. Руки его были обессиленными. Он даже не пытался ими двигать.

Захлопали выстрелы. За ноги кто-то потянул – это Карпов вытягивал Среду из броневика. В разбитые двери десантного отсека было видно, как чуть поодаль притормозил один из преследователей.

— Живой? Ты слышишь меня?! – посадив мужчину спиной к перевернутому Тигру, спросил капитан. Быстро пощелкал пальцами у его глаз, и Дима моргнул. – Куда задело?

— Голова, голова! – сглотнув от боли, искривился лицом тот. – Вытяните Ганса, он совсем плохой...

— Надо прикрыть, ты можешь держать оружие? – не унимался офицер. – Держи. Нам нужно прикрыть Моргану, она его вытащит.

— Она цела?

— Она единственная была пристегнута.

В автомате капитана заходил затвор, и из дула вырвались вспышки. Все в глазах Среды было заторможено и как в тумане. При каждом повороте головы водило, как при корабельной качке. Ломило спину, руки и ребра. Кажется, при-

ложился к чему-то и шеей, но еще был в состоянии относительно прытко соображать. Нашел поставленный Карповым Калашников. Взяв его в руки, поднялся.

Толкнув плечом бронированную дверь, чтобы та раскрылась, укрылся за ней. Чуть высунувшись, он выстрелил пару раз и убрался обратно. Дима сейчас не мог стрелять метко, мог только работать на подавление. Да и другого не требовалось. Это капитан, с неестественной жертве аварии быстротой огрызался очередями, лишь изредка спасаясь за броней от шквального автоматного огня. Кажется, он был здоровее Среды, выносливее на травмы. Но объяснение такому искать не хотелось, да и не нужно было. Сейчас все прикрывали Моргану, что вытаскивала побитого товарища. А как прикрывали – вопрос точно не первый. Девушка тащила практически бездыханное тело за ноги. Быстро, но достаточно плавно, без рывков. У Ганса тоже пострадала голова, из носа и ушей лилась кровь. Кажется, и этот здоровым не останется. Как и ожидалось, серьезные боевые потери. Отряд, вырвавшийся из Берлина, складывал головы на чужом Отечестве, за друзей, и за товарищей.

— До Кремля метров двести. – заявил Карпов. Он все так же жмурился на один глаз, чтобы не показывать настоящий зрачок. – Нужно брать «триста» и удирать от сюда!

— Я приму его. – ответил тогда Среда, принимая у Моргану немца. – А вы прикрывайте. Отойдем к зданиям, а там проулками.

Взвалив на себя товарища, он чуть просел на ногах. Тот оказался несколько тяжелее представлений. Казалось, что тощий и достаточно шупленький Ганс должен был весить порядка шестидесяти, шестидесяти-пяти, но весил, будто, под все восемьдесят, не считая снаряжения. Глубоко в душе Дима пожалел, что взял его на плечи, но раздумывать уже некогда. Нужно было отходить к зданиям. За их прикрытием шанс уйти улицами, а там уже, может, заметят десантники и прикроют.

Среда сделал пару шагов и укрылся за броневиком. Дальше с тридцать метров до угла здания. Только бегом и лучше быстро! На пути ни укрытий, ни преград. Задача не из самых легких, особенно после таких бочек, что выписал изорванный гранатометом «Тигр». Моргана приблизилась к мужчине, подняла автомат, и с щелчком выбросила пустой магазин на раскрошенный асфальт. Воздух взбила близкая очередь – капитан отвлекал наемников на себя.

— Дениц, со мной. Давай, давай! – он еще раз огрызнулся очередью из-за брони.

Моргана присела на одно колено, выставив ствол. Лязгнула очередь, но автомат ее почти не сдвинулся. Металлическая рука прекрасно контролировала отдачу и клала почти все пули точно в цель. На том конце срезало тройку солдат. Они попадали рядом со своими машинами. Остальные отошли, укрылись от огня за «Тиграми». В этот момент, что было силы, Дима рванул вперед, к спасительным домам. Та-

кой кросс был мучительно долгим, бесконечным по ощущениям, невероятно опасным, но единственным возможным. Пули просвистывали у ног, срываясь в искры, разбивались об асфальт, выли над головой. Одна неприятно толкнула в бляшку солдатского ремня, скользком пройдя по ней и полетев дальше. Автоматные очереди были не редкие, но все же прикрытие работало – противник куда менее уверенно целился в бегущего человека. И тот успел добежать до зеленой полосы травы, что отделяла дорогу от асфальта. Завернув за отбойник, пробежавшись по пешеходной тропке, Дима оказался, наконец-то, за домом. В спасительной безопасности, за прикрытием угла из бетонных плит.

Следующей была Моргана. Ей предстояло проделать тот же путь, но прикрытия будет меньше. Среда хоть и достал у Ганса из кобуры его пистолет, но все же по огневой мощи не мог сравниться с автоматчиком. Но девушке и немного легче – на ее плечах не было тяжеленного немецкого полицейского, только чудом не погибшего от «стирки» в перекувыркавшемся Тигре. Дениц стартовала бодро, быстро, невероятно прытко. В один бросок появилась около Димы.

Последним у стены оказался Карпов. Капитан, влетев за бетонные плиты, еще несколько раз огрызнулся по преследователю огнем, выдрал пустой магазин и вбил в Калашников новый, полный и тяжелый.

— Я уведу их за собой! – сказал он, глянув на сидящего у стены бессознательного Ганса. – А вы двигайте к Кремлю и

передайте все бумаги Ульяне. Вы должны выдержать следующий бой! Любой ценой!

— А ты? – спросила тут Моргана, отдавая в металлической руке тому два своих магазина.

— А за меня... – немного смягчился голос Карпова. Он все еще держал один свой глаз закрытым. – За меня не переживайте. Мы еще встретимся. Удачи!

Дернув затвор, чтобы тот дослал первый патрон в ствол, Карпов, с магазином в руке, взялся за цевье, чтобы боезапас был как можно более близко. Так высунулся и еще пару раз выстрелил, завлекая наемников, которые уже приближались к дому. Завидев как Среда поднял на спину раненного немца, а Моргана приготовилась их прикрывать, еще раз огрызнулся огнем. Осадил противника к земле, немного сбил его темп.

Этого момента хватило, чтобы Дима начал двигаться к крепости. Была она тут недалеко. Виднелись крыши башен без сорванных кремлевских звезд. Рукой подать, но преследование сильно ухудшало это движение. Нужно было быть осторожным, и не привести с собой хвоста. Потому невероятно правильно сделал Карпов – двинулся перпендикулярно движению Среды. Он уводил за собой отряд наемников в сторону от Кремля, ценой собственной жизни спасая группу.

Часть 17

Носками ботинок пиная мешающие на пути камни, битое стекло, бетонные элементы конструкций, железо, осторожно переступая через залитые кровью элементы одежды и бронезащиты, бывшие когда-то на павших бойцах, Среда тащил на плечах раненного Ганса, который все еще истекал кровью. С его носа, ушей лилось, капало, стекало по плечам Димы. Немец понемногу приходил в чувства, но еще был не в себе – сильно зацепило. Моргана же прокладывала путь, просила расступиться столпившихся в коридорах отдыхающих десантников. Раненные мужики в тельняшках, перевязанные и перебинтованные, с потом и кровью на лицах, кто без кисти, руки, глаз, все отстранялись по одной лишь просьбе, просили позволить им помочь, но Моргана не замечала этого. Кремль стонал, трещал, внутри него все умирало, но этот маленький, небольшой конвой из двух человек с раненым товарищем продирался по его внутренностям, по его изувеченному утробу, как караван среди горных вершин. Была лишь одна мысль – успеть в госпиталь, добраться до него. Лишь бы был жив хоть кто-то из медиков, хотя бы один... Один.

Внезапно в коридоре появился Груз. Без лишних слов он подхватил Диму под руку, явно чувствуя усталость того. Он уже почти пол километра тащил на себе товарища, и валился с ног, пыхтел от тяжести, но не сдавался, не сбавлял тем-

па. Пер, как танк на орудия, зная, что есть всего один шанс, и им нужно воспользоваться. Груз подталкивая, придерживал его, помогал и подвел к дверям полевого лазарета, где крутилась пара побитых жизнью медиков. Спустив немца с плеч, Среда ослабел. Его ноги не разогнулись после приседа. Со стеклянным выражением лица, он схватился за ближайшую стену, вцепился в Груза, так и не в силах распрямиться обратно. Ганса посадили к стенке. Лавки все заняты, стульев нет, ящики были побиты шрапнелью и не выдержали бы его веса. С потолка постоянно сыпались пробитые перекрытия, и в них было видно небо через верхний этаж. Посреди медицинского зала ложбина, а в ней торчал из пола металлический цилиндр ракеты «Града» – не разорвалась. Осмотрев наскоро стонущих от боли раненных и убитых, сложенных штабелями так, что места в углах почти не было, Дима все же привстал, спустив с губ слюну, не в силах ее вытереть. Он едва держался на ногах, а присесть было некуда.

— Ему... ему помогут, да? – спросил он, дыша ртом, и наконец сглотнув.

— Да, помогут, помогут. Ты отдохни. – с некоторой, не привычной для него тревогой, ответил Груз быстро, двумя руками взяв Среду под руку, чтобы тот не грохнулся на пол от бессилия.

— Живой?! – влетела в кабинет Ульяна, за ней Вагнер. Быстро подойдя к Гансу, она спустилась на корточки, и поглядела ему в глаза. Мягко взяла его за голову пыльными и

окровавленными руками. – Контузия? Что случилось?

— Кельт умер. – с землисто-бледным лицом, сглотнув, сказала Моргана. На мгновение перевела взгляд на огромного Вагнера. В этот момент, обычно плотно сложенный, с ровной спиной, он ссутулился, скривился и сдужся. На его лице образовался стеклянный взгляд, а губы изломались кривой линией. Он потерял хорошего товарища, и это было видно: стал сам не свой, замер, застыл как надгробие. – Его придавило плитой, когда по нам стал работать вертолет. Ракеты, пулеметы, и его... прибило.

— Он спас меня. – вмешался Среда, присаживаясь к стенке. – Если бы не он, я бы точно разбился.

— Попей, ты попей. – открыла ему фляжку Ульяна, давая в руки.

Приняв у нее алюминиевый литровый флакон, Дима скукожился лицом от неприятного звука. Что-то с металлическим треском звенело и брякало у самого его лица. И поняв откуда это, он опустил взгляд. Его руки – сухие, израненные, изнеможенные, с не разжимающимися пальцами и пыльным налетом, с грязью, нагаром, мозолями – тряслись. Крышечка от фляжки на небольшой цепочке била по корпусу. Вода внутри булькала, играла по стенкам. Такого никогда не было. Эта... вся эта кампания высасывала из него соки, как и из всех. Это было чудовищно: нагрузки и невероятная самоотверженность вытягивали всю силу, ее просто не осталось. Ломался, изламывался характер, привыкший, по обыкнове-

нию, пусть к не самой простой, но гражданской жизни. Со времен смерти жены он никогда не был в подобном состоянии. Был разбит, и подавлен, и смысла для него сейчас не было никакого. Просто смотрел, как булькает фляжка в руках, как бренчит по корпусу эта чертова ее крышечка на цепочке, не думал... Ничего не думал.

— Кельт был очень хорошим парнем. — заключил Вагнер, стоя немного в стороне. Глядел как врачи осматривают Ганса. — Нордически суровым героем.

— Война всегда забирает хороших. — на мгновение зашмурившись, Ульяна достала пачку с сигаретами и от спичек подкурила. Это движение было самозабвенным, неосмысленным, уже простым рефлексом. — На войне нельзя оставаться хорошим. Можно только умереть, либо стать настоящим зверем.

— Мы не смогли настроиться на общий канал связи... — опустив голову, сказала Моргана, выдохнув. Она болезненно помяла переносицу металлической рукой. — У нас вышло лишь подключиться к старой сети ОВД, так что нас мало кто мог бы услышать. Только на старых приемниках, или на доживающих свой век подводных лодках. У нас, скорее всего, не будет никакой подмоги... Мы здесь одни. И мы здесь и умрем.

— Отставить! — решительно заявила Ульяна, распрямляясь. — Мы не одни! Если нас услышал хоть десяток человек, значит уже все правильно. А если хоть один задумался — это

наша победа. Победа, ясно вам? За нами мегатонны ядерных бомб, и нельзя допускать поражения! Нельзя! Мы сломим противника, и победа будет за нами!

У нее была несгибаемая решимость, хотя лицо ее несколько и опечалено. Она хотела, чтобы ее страна, бывшая когда-то в разы больше, страна от Кишинева до Находки услышала ее просьбы сражаться, не сдаваться, думать и решать. Она хотела, чтобы ее народ, потомки ее поколения, которое ковалось в горниле Афганистана, чтобы потомки поколения, что сломало хребет нацизму в сорок пятом, не поддавались на демагогию нового русского этнического режима. И это печалило ее – хитрость СМИ побеждала ее стойкость, побеждала ее героизм и свойственную ей веру. Этот век изо всех сил выбрасывал Ульяну на помойку истории, но она сражалась! И сражалась за семь миллиардов тех, кого считала родными.

— Кое-что для победы, – отпил из фляги Среда, жадно, с несколько остервеневшим видом. Жажда драла его изнутри. – ...у нас все-таки есть.

Это были те самые бумаги, переданные информатором, о местоположении «Градов» и комплексом РЭБ, штабов Громова. Ценнейшие сведения разведки, которые могли бы стать очень большим и неожиданным ударом для врага. И фото этих лимф, этих узелков силы, координаты и баллистические вычисления были дарованы сопротивлению. Непокорным и несломленным десантникам. Груз взял докумен-

ты осторожно, пригладил окровавленные уголки и, нахмурившись, начал рассматривать. Бумага эта была теплее, чем можно было ожидать. От нее словно исходило фантомное тепло. Ульяна же «зажглась» изнутри – ее глаза заблестели, как у хищника, наконец нащупавшего слабое место в неуязвимой, на первый взгляд, добыче. Для нее добыли очень и очень ранимое место. И удар по нему женщина уже предвкушала, ощущала, как отдаст команду на залп, и три снаряда разорвут к чертовой матери все амбиции Громова на легкую и «бескровную» победу. Вирхова представляла, как вцепится в эту лимфу, как разозлит, до крика, до истерики этого националистического ублюдка. Как сломает в нем думы о том, что он властитель над всем. Она была дикая, непокорная, и теперь ее когти устремлялись к артериям врага.

— Вагнер, – не отрываясь, сверля взглядом бумаги, с легкой, с налетом безумия улыбкой, обратилась она к немцу. – Будь добр... Попроси подготовить орудия. Я... – не могла она подобрать слова для описания всего, что она чувствовала сейчас. – Сука, мы размажем его по земле. Быстро!

— Есть. – кивнул тот.

— Уль, а этом часом не... – глянул на нее Груз, ткнув пальцем в фото систем «Град». – Ты глянь! Видишь?

— Ух ты. – заинтересовалась она, наклонив голову. – Дайка. А вот это интересно.

Чуть прищурилась, внимательно разглядывая листки с фотографиями, на которых явно было что-то, чего ни она,

ни Груз, вероятно, даже не могли ожидать. Блеск в ее глазах, безумный и непокорный, несколько поутих, сменился неловким любопытством. Вирхова что-то прокручивала у себя в голове, несколько раз отвлеклась, глянув в сторону и рассудив про себя. Наконец скомандовала, четко и звонко:

— Все на командный пункт.

— Ты как, брат? – спросил Вагнер Ганса, подойдя и склонившись над ним. Дима повернул к голову, тоже захотев узнать.

Возле побитого жизнью, «постиранного» в чудовищном барабане Тигра немца возился медик. Осматривал того, проверял на рефлексы, и постоянно охал, дул щеки и пыхтел, явно составляя достаточно сложную, не самую понятную на первый взгляд картину. Но Дима просил его прямо про здоровье солдата, и тот, помявшись, все же ответил ему. Оказалось, что картины была более радужной, чем предполагали – даже переломов не было, конечности целы, можно сказать, только кожу оцарапало. Но вот внутри было все куда сложнее. Немец был рассеян, не мог собрать глаз в одном направлении и хотел сказать что-то, но говорить не мог. Горло его глухо сифонило, из него выходил шум, но не буквы. Это серьезная контузия. Повезло только, что слуха не лишился. Как рассказал врач: серьезное сотрясение, побит жизнью мозг в черепе, и порвана одна из ушных перепонок. Прогноз: болезненное и длительное выздоровление, без шансов на полное восстановление.

Это не радовало никого, но было и светлое пятно – Ганс не умирал, и еще был в строю, был со своим отрядом, с боевыми товарищами и друзьями. Никто не хотел видеть еще одно надгробье, и, не будет враньем, что Моргана, Вагнер и Дима выдохнули с некоторым облегчением. Ульяны и Груза в этот момент не было – ушли на КП, но они все равно все узнают. В Кремле ничего не происходило сейчас без вехом Вирховой. Она была полноправной владычицей, боевой княгиней этих мест, и переживала за каждого солдата, но думала об общем.

Дима и Моргана прибыли на КП несколько с опозданием. Были там уже все оставшиеся в живых, раненные и контуженные, на несколько раз перебинтованные офицеры. Вагнера не было. Он ушел к артиллеристам, просить подготовку «Аресов» для поддержки огнем, и скорее всего быстро бы и не вернулся. Как только Среда переступил порог изрешеченного и больше похожего на дуршлаг кабинета, потолок и стены которого держались только на честном слове и энтузиазме, несколько скривился, сторбился от усталости в ногах и спине. И тогда Моргана показала ему на кресло, однако тот не сел. Как и все, подошел к столу. Глядя на Вирхову, слушал, что та скажет.

— Товарищи, есть несколько сомнительные новости. – начала она, снова перебирая в руках фотокарточки, переданные через информатора. – Нам удалось обнаружить слабые места группировки Громова, и мы готовим удар по ним. Но

интересно не это. – Ульяна прищурилась, небрежно кидая фотографии на стол. И Среда наконец увидел то, что было там. – На последнем заседании в Министерстве Обороны, была выдвинута идея снять с резервации комплексы «Градов» с Кавказа, которые оказались там после Афганской войны, и не использовались в Чеченскую. Это были «Грады» Тридцатого Отдельного Реактивного Артиллерийского Дивизиона, базировавшегося когда-то под Кандагаром, где я служила. Посмотрите на остатки песочного камуфляжа на фермах ракет. Если бы мы делали ставки на то, кто именно долбит, блять, по нам уже, вторые сутки, я бы поставила именно на «тридцатку».

— Почему они здесь? – спросил один из офицеров, перебинтованной рукой подтаскивая к себе по столу фотографии. – Судя по всему, их выдернули с Каспийского направления, лишив группировку огневого прикрытия.

— Да, именно так. Тут – в точку. – как и обычно, скрестил руки на груди Груз, перемявшись на ногах. – Но, проблема в том, что самый быстрый состав с Каспия идет пару-тройку дней, а эти машины уже окопаны, и позиции около них – поглядите – уже минимум несколько суток утаптываются и закидываются снарядами ящиками и прочим скарбом. Судя по всему, эти Грады готовили не нам, а мы – просто неприятный сюрприз.

— Громов укрепляет щит в Западной России... – склонил голову Вирхова, тяжело выдохнув, уперлась руками в по-

коцанный стол. – Скорее всего задумка была в наступлении на Европу, после ядерного удара по промышленным и военным центрам. Расширение сферы влияния собственного промышленного и военного капиталов после атомного апокалипсиса.

Эти комплексы, их наличие здесь, по сути, на перевалочном пункте, было очень нехорошим знаком. И понимание этого пришло очень быстро. Самые страшные думы, самые чудовищные и мрачные фантазии насчет того, для чего все затевалось – сбывались. Громов действительно готовил войну в Европе. Большое, колоссальное по масштабам наступление на земле. Тянул войска туда, к Западу, к границе соприкосновения, выдергивал боеспособные единицы с полей реальной войны. Россия уступала на Кавказе, покидала район за районом с чудовищными потерями как материально технической базы, так и людей. На полях оставались сгоревшие танки, техника, которую никто не вытаскивал, а эшелоны шли на запад – для удара мечом туда, куда это кажется невозможным. И не было это подготовкой к защите. Не тянули бы тогда с Кавказа воевавшие части, не тащили бы через пол страны стареющие ракетные комплексы, которые должны заливать врага ракетами. Как бы то ни было, каков бы ни был план Громова, война была уже неизбежна, и все эти поползновения, все эти очаги – Берлин, Москва и Каспий – были только тлеющей спичкой, по сравнению с тем, какой пороховой погреб должен был разгореться в будущем.

И это было страшно, чудовищно страшно. Все молчали, ни у кого не было слов. Ульяна, обычно по-южному загорелая, уверенная и упертая, была понурой. Лишь вздыхала, ощущала, что тут даже она не может повлиять. У нее нет, и скорее всего не будет сил, способных остановить этот натиск. Она была бледна, понимая, что кровопролитие здесь, смерть ее солдат – только предтеча перед настоящими и бескомпромиссными мясорубками. Думала. Много сейчас думала о том, что же нужно сделать. Точно было одно – Кремль нужно удержать любой, даже самой страшной ценой.

— ...А эти танки? – спросил наконец один из офицеров, пододвинув к себе фото с беспилотника, где все «коробочки» были, как на ладони. – Не похожи на те, что мы жгли здесь. Не восьмидесятые.

— Девяностые, «эски». – выдохнул Среда, будто бы облегченно. Он узнал их сразу же, как только взгляд коснулся фото. – В Останкино была передача, что такой эшелон пришел на Кавказ. Ну, видно-таки и с нами господин генерал решил поделиться. Сюда бы Артема и танкистов, показать с чем дело иметь придется.

— Приказала им спать. – закурила Ульяна. – Они почти две ночи на ногах, пусть отдыхают.

— Да их тут штук семьдесят! Вы только гляньте, вот, рядами стоят! – один из десантников с перебинтованной грудью, нарочито показал Ульяне фотографии, как будто думал, что та до этого не видела собранные по десять штук шерен-

ги. – Если вся эта армада двинется на нас...

— У нас нет выбора. – заявила она даже тихо, выдыхая сизый дым от сигарет в сторону, и снова затянулась.

— И подмоги тоже... – расстроено прогудел другой офицер.

— Товарищи офицеры, – гневно показав зубы, произнесла Вирхова, почти по слогам. Медленно, и очень разборчиво. – То, что можно рядовым, ефрейторам, для вас – недопустимо. Я прошу соблюдать строжайшую дисциплину и думать о том, что и для чего вы говорите. Мы десантники, и наша подмога здесь: в бакелитовых коробочках, по тридцать штук укомплектована. Всем ясно?!

— Так точно! – как один, ответили те.

— Свободны. – сунула окурочек она в зубы, немного отворачиваясь.

Сомнения в ней не было, но вот тень, маленькая чернота, начала подмывать ее стойкость. Внутри нее было все еще каленое, стойкое, натянутое до одурения железо, однако ведь и оно бывает дает слабину коррозии, начинает гнить, сыпаться, ржаветь и покрываться налетом. Думала она о том, что правдой врезали ей в глаза – подмоги нет. А падут они, и что дальше? Нечеловеческими силами ее солдат и ее самой миру будет дарован час, два, а дальше что? Снова все так, как было задумано? Даже без ракет ядерных дрянь, заготовленная Грозовым, может случиться, и она это осознавала слишком явно. Понимала, что не останавливает этот маховик, не

останавливает мировую войну. Лишь пытается ее тормозить, как единственный сработавший тормоз. И все чаще думала, а ради чего же последние дни солдаты проводят не со своими семьями? Знала за что, и как самоотверженно они сражаются, каждого считала героем, но хотела для них, как настоящий боевой командир, как солдат, знающий, что такое война и боль на ней, простой мирной жизни. Того, чтобы если мир и рухнул, то они бы не лежали здесь, в грязи и пыли, развороченными танковыми пушками, а испарились бы, обнимая дочерей, сыновей, жен и родителей. Знали, что умирают они с ними. Ульяна хотела для них другой судьбы, но история не знает сослагательного наклонения – они были нужны, и твердо это понимали, верили ей, а она им. Десант выстоит, сколько сможет и столько, сколько потребуется.

И битые, потрепанные, израненные и изорванные осколками, солдаты будут стоять, зная, что дают шанс семьям, погибая вдалеке от них.

— Подмога придет... – шепотом, для себя, проговорила она. – Обязательно придет...

Меж ее пальцев появилось колкое ощущение. Медленно опустив взгляд на руки, Вирхова увидела рассыпающийся с них песок. Жаркий, обжигающий, колючий. Он пах мазутом и гарью. Хрустел между пальцев. Яркое солнце играло на кварцевой фантомной пыли на ее руках. Горячее солнце, которого не было на небе, обжигало ее пальцы. И она видела, как на пологий мелкий бархан на ладони падает кровь.

Сглотнув, Ульяна снова закурила. Все это не наяву. Рука была все такой же грязно-пыльной, пальцам было холодно от дунувшего сквозняка. А капля крови не было, ведь лоб, откуда, думалось ей, из нее стекают соки, был перемотан бинтом. Та ссадина, над бровью, уже запеклась. Это было в ее сознании, в ее поврежденном когда-то мозге. В той рытвине, что оставил на подкорке Афганистан. И она курила, тяжело и глубоко затягивалась, чтобы этого не было. Но раздумывала, сразу обо всем, и ни о чем одновременно. Мысли у нее не путались, скорее это был бесконечный вальс из обрывков фраз, доводов, зарисовок прошлого и настоящего, сохранившегося в ее голове. До нее сейчас не доходило слов, не доходило звуков, все как будто отстранилось. Был вокруг придуманный и непроницаемый барьер, что скрывал ее от срыва раздумий. А те все лезли и лезли.

— Ульяна, Ульян! – потрянул ее за плечо Груз, что та неожиданно, словно проснулась. Подняла голову и глупым, рассеянным взглядом поглядела на него.

— Что? – скоро проговорила она.

— ...т-товарищ генерал, там... – запыхавшись, говорил один из солдат с забинтованным предплечьем, уже почти потерявший к этому моменту надежду дозваться ее. – ...белый флаг!

— Чего-о?! – искривив бровь на обожжённой части лица, та поглядела косо на гонца, но тот, кажется, не шутил. И тогда Ульяна сама лично пошла на выход. – У Громова совсем

нахуй башню сорвало?!

Но нет, десантник, тот израненный мальчишка, на лице которого под пылью можно было разглядеть только проклюнувшуюся полоску волос над губой, не соврал. Действительно был поднят белый флаг. На линии разграничения стоял УАЗик. Среди сожжённой и заглушенной навсегда техники, среди тел убитых, среди закопченных коротких гильзовых поддонов, которые выбрасываются из танка еще раскаленными, горячими, среди всего этого возвышался начищенный, на черных штампованных колесах с высокой резиной, внедорожник. Рядом стояло несколько фигур. И как только Ульяна глянула в прицел своей СВД на них, как только нехотя отдала приказ о том, чтобы их впустили, люди зашагали к крепости. Шли уверенно, почти вальяжно. Одной рукой, оперев на плечо, держали белый, уже полуспущенный к низу флаг. Он не вился над ними, он, как-то даже позорно, обвивал спину. И было в этом что-то такое, от чего хотелось вывернуть кишечник в спазме. Все это походило на абсурд, на плевков в адрес войны и ее жертв. Стороны, а точнее одна из сторон, все еще пыталась выгодно – и это было видно, что выгодно, как минимум по нехотя поднятому над телами флагом – договориться.

Ульяна пребывала уже не в лучшем настроении, а как только в кабинете появился Громов, то у нее оно просто пропало. Лицо не выражало никаких эмоций, в губах она обсыывала не закуренную, а оставленную про запас папиросу.

Въедалась глазами в противника, что стоял перед ней, опять, в охранении двух лбов. Назначение их все еще было загадкой, но раз подняли флаг – нельзя было пускать их в расход. А Громов... Громов ничего не стеснялся. Он входил в кабинет уже как победитель, видел, всячески игриво и несколько глумливо кривясь, израненных и измотанных защитников крепости. В его голове все эти мальчишки были лишь простыми пешками в руках Ульяны. Не были той горой, теми мускулами, на которые она полагается так же, как на саму себя. Для генерала это был военный мусор, использованные и уже изрядно побитые игрушки. Он не хотел таких для себя, не видел в их грязных одеждах ничего человеческого.

Но сам он был на загляденье. Выглаженный и вычищенный, без единой пылинки китель. От правого погона на грудь с небольшим прогибом на нем висел аксельбант с латунными элементами. Был он с гербом, с цветами государственного флага у золотистых звезд, а шею окантовывал стоячий воротник с вышитыми, рельефными, еще блестящими и отливающими золотом колосьями. На шее висел вычурный крест, а грудь была вся в медалях. И таких, и сяких, и боевых, когда в боях ни разу не был, и наградных, и тех, что и к ремеслу-то относились только боком. Навалом было их у него. А на голове большая, как ростовский подсолнух фуражка все с теми же золочеными, блестящими и сверкающими элементами. И шел он гордо, ступал уверенно в лакированных начищенных до зеркала туфлях, и не было ни одной складки

на его штанах. Все ровно и чинно, будто только из-под утюга. Громов пришел как на парад, наверняка думал принять крепость без боя. Рассчитывал сломить Ульяну одним только своим видом.

Но она лишь посмеялась ему и скинула с плеч несуразную обгоревшую и рваную олимпийку. Осталась, уже привычно, в одном лишь топе, что стискивал ее грудь:

— Думаешь, ты так больше похож на мужика?

— Язвить и юлить сейчас не в твоих интересах. – буднично начал он. – Эта форма, лишь символ того, что я есть верховная власть, а ты... Лишь побочный продукт мятежа неясных масс: иностранных агентов ли, собственных ли подстрекателей. Ты та, кто рушит наш фундамент, подрывает основы государственности сейчас, мешает делу нашей великой страны, а я, как видишь, – показушно пригладил он медали. – Ее оплот. Знаешь, чем хорошо множество медалей? Тем, что народу не нужно знать, за что они. Люди верят в количество, не в качество. А когда к ним спускается тот, кто сверкает и блестит, они верят, что он от Бога.

— Но, сука, ты хуже дьявола. – помотала она головой. – Ты позируешь, кичишься, но за этим железом лишь ткань, броневая прослойка костей и гнилое тщедушное сердце. Ты видел, что творится на поле. И ты действительно думаешь, что эти действия Богу, если бы он был, понравились бы?

— Сколько поколений укрепляли огнем и мечом веру в свои идолы, просто подминая под себя целые народности.

Жертвы на войне – будничность, с этим ничего не поделать. Но результат...

— А какой результат?! – неожиданно шагнула она вперед, на что Громов осёкся, неровно сглотнул. – Мир катится к праху, а ты, блядина, пытаешься меня морали учить?! Да ни один лоскуток твоей формы не стоит внимания, если ты не осознаешь, что значит жизнь солдата на войне, что значит жизнь человека, попавшего в эту мясорубку! Мне не за чем тебя слушать, твой идиотизм прогрессирует, и я не горю желанием погружаться во все это дерьмо в твоей стоеросовой башке, бл...

— Ты любишь человека, Ульяна. Признай это. – развел руками он, оглядевшись по сторонам. – Под всей этой броней, под всей этой человеческой кожей, под мышцами и костями есть что-то еще. Есть ранимая душа, в железной оплетке, которая действительно ценна для военной науки. Я не понимал тебя, я не признавал тебя толковым офицером, но я вижу, что ты – одна из немногих, способная действительно качественно и рьяно воевать. Ты бурная, как океан, ты гневливая, как сама стихия, и такая же неотвратимая, непреклонная, и негибаемая. Такая, какая нужна будет России. Я хотел бы, чтобы ты служила России, а не губила ее, чтобы ты помогала мне побеждать наших врагов...

— Твоих врагов. – тихо ответила она, напрягая скулы. – Я видела в гробу тот капиталистический националистический угар, который ты зовешь Россией. Мы, каждый, кто сто-

ит сейчас перед тобой, каждый, кто держит автомат, думая о том, чтобы его семью не коснулась новая мировая война, каждый, кто верит в то, что трудовой человек снова будет властителем своей судьбы – мы нужны Родине. Огромной, и необъятной. Мы нужны людям! Всем разом и каждому в частности. Мы нужны народам, чтобы прекратить междоусобные войны, которые поощряют такие ублюдки, как ты. Тебе не сломать меня, тебе не переубедить меня. И даже, блять, не думай меня купить...

— Ты бесконечная оптимистка. Ты веришь в необъятное, в то, что нереально. Пух, этого просто нет! Народы сами жаждут крови, это в их генах, это в их крови, и это не выклеить серпом и молотом. Это можно и нужно культивировать, чтобы в конце концов выжил только кто-то один. Это эволюция – слабые не выживают. – и тут, он усмехнулся так, что Среде стало на мгновение тошно. Моргана поскрипела зубами, а Ульяна еще сильнее поглядела на него исподлобья. Не шелохнулся только монументальный Груз. Ему вообще было плевать, он уже наверняка наперед знал итог всей этой дискуссии. – И ты – в положении слабой. Все, чем ты владеешь, это наш ядерный арсенал, и эти... обломки. Ты не решишься их пустить, ты боишься этой силы, ты боишься владеть ей! В моем же подчинении все остальное. И оружие более страшное! Такое, от которого не спрятаться даже за семью слоями свинца. Это СМИ. Настоящие свиньи, что найдут информационный трюфель и сожрут его прямо с землей.

Грязный, вонючий – сожрут, потому что это их суть. Ты пыталась играть на этом против меня, но линии, оп, и завязаны на меня! Все слушают мой голос и верят. Тебя услышали только нищие тыловые части и заскучавшие каптеры, которые случайно включили старые советские приемники. И эта твоя армия? Это твоя подмога?! Не позорься.

— И, если хоть один из них задумался, посчитал, что я права... – она чуть горделиво подняла подбородок, посмотрела на ряженого генерала сверху вниз, явно неуважительно. – Если, хоть одно ухо после этого резанули твои позорные нацистские фразочки... Знай: ты уже проиграл.

— И что мне эти предатели? Позорные беглецы от государственной правды. – отмахнулся Громов, фыркнув. – Такие есть при любом режиме, и это мне даже поможет. Мы выщелкнем таких, и ряды наши станут еще крепче.

— Не забудь ввести белые шнурки в униформу.

— А ты все дерзишь? Буйная натура... Кстати, об этом! Могу я?.. А то долго еще. – он указал на стул, около побитого осколками дубового президентского стола.

— Постоишь.

— Что ж, хорошо. Ты ведь не думаешь, что у тебя одной были друзья в КГБ? – ненароком тот скопился на Груза. – В разведке теперь полно разных людей. Разных взглядов, идей. И некоторым очень выгодно иметь контакты, например, со мной. А чем я плох? Работаю, помогаю им, всячески поддерживаю – сплошные выгоды. Ну, а взамен могут обнаружить-

ся некоторые документы. И очень некстати попасть в новости, в телерадиовещание, информационные службы, газеты, интернет, да? Все правильно ведь? Могут? Утечки сейчас – не такая уж и редкость... И, право, буду говорить открыто, здесь это можно, на тебя ничего потрясающего воображение я так и не нашел. Нету даже машины – только какое-то служебное корыто. Однушка на окраине и родительский дом под Душанбе. Это как-то даже не интересно. – немного смявшись в лице, он начал играть эмоции, как настоящий артист. Живо, с трепетом к каждой мимике, к каждому жесту. Иногда даже перегибал палку, и становился больше похож на вещающего художника с щеткой под носом, и сходство было даже чересчур явным. – Но! Один хороший чин при погонах, при вот таких же вот... медальках, обнаружил кое-какие прогалки. Ма-а-аленькие такие просчеты в твоём личном деле. И начал искать. И что он обнаружил? Некую... такс, секундочку. Некую девушку, которая подала прошение на участие в стрелковых соревнованиях в Италии в восьмидесятом году. Какое несчастье – на них она не попала. Но знаешь кто попал?

— Я.

— Именно. На них попала ты. И мне это показалось странным. И мы начали искать эту девочку по документам КГБ. И нашли кое-что еще. В начале восьмидесят шестого эта девочка оказывается на психиатрической лечебнице сперва в Москве, а затем на Кубе. И вот так незадача: она точь-в-точь

как ты. Буйная, гневливая, неугомная и... вот это моя любимая строчка: «Бесконечно преданная коммунистическим идеалам Советской Армии». Аж мурашки идут!

Ульяна неровно сглотнула. Это не было слабостью, это не было сдачей перед ним. Но она заметно уже волновалась, однако все еще старалась не подавать вида. Он снова сумел ее зацепить, и раскрывал те карты, которые не знал, вероятно, никто.

— Ее отец, афганец по происхождению, полковник-ракетчик. А мать, иранка, бухгалтер в счетном отделе районной комиссии КПСС. А родилась девочка в шестьдесят втором. Знаешь, как ее звали?..

Вирхова закурила. Руки ее чуть тряхнулись. Пламя на спичке неровно сплясало, что Громов подметил ядовитой улыбкой.

— Ее звали Шахризада. Сайранова Шахризада Басаевна. Даже с первого раза не выговорить! Ульяны Евгеньевны Вирховой никогда не существовало! Это был фейк, придуманный чекистами, чтобы прикрыть буйную, выгнанную из комсомола за драки нескладную девчонку, и чтобы прикрыть ее сомнительную страницу с психушкой. Ты – сумасшедшая, Ульяна. Ну, или Шахризада. Тут уж как больше нравится. Представь, что будет, когда народ узнает, что тот, кого они считали до этого павшим героем, окажется простым... буйным, к тому же... животным. Лучше возвращайся в тот аул, из которого ты вылезла, и паси там баранов, раз не хочешь

быть на правильной стороне.

— Кем окажется?.. — она подняла на него глаза, и вмиг ее руки, до этого потряхивающиеся не то от волнения, не то от раздражения, застыли.

И Дима отшатнулся. Он понимал, что это было чем-то не нормальным. Это было крайней степенью ее гнева. Она снова смотрела на него как на добычу, вцепившись всего в одно единственное слово. Оно резануло Ульяну больнее ножа, ударило сразу по мозгу, и пробудило в ней давно забытую, чудовищную ярость. Это было из разряда того, что нельзя ей говорить. Но он это еще и повторил:

— Животным.

Раздался чудовищный по силе удар, звонкий, невероятно точный, с тошнотворным хрустом и шлепком. И только после донесся небольшой присвист пролетевшего по воздуху кулака. Осознание пришло не сразу. Только потом стало ясно, что быстрее пули, миновав до двух метров дистанции, Ульяна нанесла точный и сокрушительный удар точно Громову в челюсть, выломав ее из сустава. Она это умела, она знала, как это делается, и продемонстрировала настолько филигранно, что тот закричал, только оказавшись на полу. Он жалко пытался бултыхать руками и ногами, подняться. Хватался за голову, и что было сил, во все горло кричал, пока остальные ошарашено смотрели на происходящее. Никто не ожидал удара, но Вирхова все же не стала снова терпеть, не стала сглатывать обиду, показав, что об нее нельзя

вытирать ноги.

Охрану Громова покрутили десантники, оглушив. Добивать не стали.

— Вставай! – нарочито громко, чтобы перекрычать надрывающегося генерала, говорила она, призывала его к сражению. Но он уже был повержен. Одним ее ударом. – Встава-а-ай! Дерись, как солдат! Докажи, что на твоих погонах не слюни намотаны! – пнула его для остротки в ребра, перевернув на спину. В ее глазах читалось только одно желание – растереть его в как можно более мелкий порошок, и пустить по ветру. – Вставай!!!

— Ульяна, ты убьешь его. – скупой произнес Груз, скорее для галочки. Его судьба мятежного министра навряд ли интересовала.

— Давай, блять, поднимайся! – за шиворот измазанного в крови кителя подняла Громова она. Держала, фактически на одной, разбухшей от вен, мышц и сосудов руке. – Ты ни хрена не знаешь об этом слове, ублюдок! – вмазала ему в живот, что у того перехватило дыхание. – Ни хрена! Ударь, ударь меня, генерал! Ударь, скотина!!! Все твои побрякушки, все твои погоны – ебаная фальшивка!

Пропустив пальцы между медалей, Ульяна сорвала или вырвала некоторые из них с кусками ткани. Рассыпала, как серебристые и медно-золотые блестящие капельки. Все это забарабанило по пыльному, с засохшей и закопченной кровью, полу, по черным от нагара плитам, которые некогда бы-

ли белыми. Все это великолепие рассыпалось, как дождь на иссушенную пахотную землю – долгожданно для многих. Не скрывалась радость на лице Морганы. Она еще помнила, как разможило Кельта, как ушибло Ганса, и видела в этом вину только Громова. Видела смерти солдат Ульяны – эти изорванные, но не сломленные духом тела. Видела раны, боль и кровь, видела человеческую жестокость и остервенение, с которыми их сдавливали танковыми тисками. И не могла сейчас Моргана не наслаждаться тем, как уничтожают, разбивают самолюбивый образ Громова. Как смешивают его образ «богоспасаемого русского генерала» с черной, русской же, землей, втоптывают в нее и прибивают тяжелой могильной плитой сверху.

Фыркнув, Ульяна отпустила Громова. Тот, не в силах стоять на ногах, бухнулся на пол, ударившись спиной и задом. Взялся за вывернутую из сустава челюсть и со страхом, теперь уже даже каким-то детским, жалким страхом, глянул на нее. А она, как туча, склонилась над ним. Величественно вытянула руку, и высыпала пару оставшихся меж пальцев медалек ему на окровавленную грудь кителя.

— Теперь ты почти как настоящий генерал... – тихо, равномерно, как диктофон, произнесла она. – С собственной кровью на орденах...

И подняли его только собственные охранники. Два лба из наемников синхронно запустили руки ему под плечи и дернули вверх, поставив, как пьяного, на ноги. Вид у Громова

ва был теперь не как прежде. Не было бравады, был только разломанный, избитый статус. Не человеком при параде был он теперь. Словно просто городской сумасшедший, что натянул на себя выкинутый кем-то генеральский ненужный и изорванный кителек. Да и лицо теперь было под стать – не ровное, замызганное, с вышибленной челюстью и подтеками крови, с синюшными следами удара и бегаящими, широко раскрытыми глазками.

Так он и ушел. Ульяне не хватило сил задавить совесть и убить подлеца. Все же он был под белым флагом. И очень ей было грустно от этого, ведь понимала, что теперь в бой точно будет брошено все, до последнего солдата.

— Груз, – спокойно обратилась она к старику, закуривая. – Всю провизию раздать солдатам.

— Нам тогда не хватит даже до утра. – скрестив руки заявил он.

— А до утра мы можем и не дожить... – улыбнувшись, ответила она, выходя в коридор.

...Снова рассыпались кассеты «Градов». И снова были вспышки, огонь, разрывы боеприпасов в здании и на улицах. Рвался и ломался оставшийся бетон, крошились фасады и обрушались с ревом конструкции. Рушились колонны, целые стены падали наружу, под действием реактивных систем. Но десант жил, десант был уже приучен к этому. Не боялись, лишь отчаялись, ведь эта симфония будет, верно, последним, что они услышат. Взрывы, свист, и барабанная

дробь из рвущихся за стенами и за колоннами кассет. Обожжённые и израненные, солдаты держались, еще были стойкие и верные присяге, верные слову офицера и делу своей службы. Они верили Ульяне, а та была непоколебима, внушала всем уважение и чудовищную доблесть. Один ее вид, настоящего командира, воителя, воина и солдата, с теми же ранами, с теми же страданиями, но чудовищно стойкого, заставлял стоять в строю даже тех, кто не мог уже ничего. Всегда все делала сама, всегда помогала и приходила на помощь, была отзывчивая и самоотверженная, как и положено советскому офицеру. Монолитный символ доблести. Все держалось сейчас на вере в ее слово. Но та была не многословна.

Она не говорила почти, только работала на равных с остальными. Подготавливала оборону, наводила брустверы, помогала крепить удерживающие потолок и стены конструкции. Работали, вслед за ней, и все остальные, не было времени даже на перекур. Нужно было сделать все возможное, чтобы остановить последний натиск, задержать его как можно дольше, и возможно... победить! Да, победа в привычном плане, по раскладу сил им явно не светила. Без помощи, шестьдесят солдат могли только задержать, закупорить ценой собственных жизней важнейшую амбразуру, но не больше. Не было это переломом. Это было сражением из последних сил, до последней упавшей на бетон гильзы. Боеприпасов нет, станковый гранатомет «Копье» всего один, а пулеметов – по пальцам рассчитать. Кумулятивных гранат и мин

практически нет. Медикаментов, необходимой воды, электричества... ничего этого нет! Есть только плечо товарища, и автомат с наполовину забитым магазином. Вот и вся роскошь здесь и сейчас. Но, никто не возникал, ведь все понимали, что все, что есть, того и хватает.

И вот, когда упала последняя кассета «Града», когда ударил последний молоток, и вышиб пыль из мешка с крошеным бетоном последний шлепок ладонью от какого-то из солдат, тогда наступила тишина. На Москву постепенно начала надвигаться ночь. Настоящая, безоблачная, с ясным и звездным, в мелкую горошинку, небом. Такое было не частым зрелищем. А сейчас не мешали ни фонари, ни огни домов. По-настоящему красивое было это небо. Как по заказу, во всей красе. Сверкающее. Чистое.

— Сколько-таки живу... – усмехнулся грустно Среда, черпая ложкой остывший и несколько вязкий суп из котелка. Он видел небосвод в дырке в потолке, что проделал еще один неразорвавшийся снаряд. – Ни разу не видел звезд здесь. Никогда не обращал внимания, да и не было их над городом. А теперь вот – есть.

— Чего это вдруг в лирику? – спросил Груз, сидя чуть поодаль. – Звезды, как звезды. Мы вот в Афгане навидались с Мишей. В Анголе навидались... До того приелись тогда, что глаза закроешь, а все равно млечный путь видишь. И снятся одни пустыни, песок и прерии. Снится в них только работа, ничего больше.

— Мы на Каспии видели. Ух, их там в два раза больше! — похвалился Артем, быстро сжевывая второе и утирая черной рукой чумазое лицо под носом.

— Как так? — спросила Моргана, вытянув губу.

— Море. — разъяснил тот. — Звезды в море отражаются. Мы на самом берегу стояли. И кажется, что они повсюду. Сверху, снизу, спереди — везде. И ночь не темная, но и не светлая.

— Ты чего вечно такой грязный? — с некоторым негодованием спросил Дима. — Как с печки вылез только. Трубочист.

— Эжектор пушки забит. Пороховые газы тянет в танк. Вот все и осаживается на лице. Как ни выстрел, так дымища-а! Что аж глаза под конец разъедать начинает. А вонища еще более страшная.

— И что, даже совсем не волнует? — поинтересовалась Моргана.

— Да, как-то... — помялся Артем. — Как-то уже привычно, что ли... В своей тарелке ощущаю себя. А если вы за дисциплину, то бросьте... какая тут дисциплина. — несколько оживился, но снова погрустнел. — Мы, когда на границе стояли, у нас у каждого механика лица даже похуже были. Мы в МТО копались, не вылезая. Танки были... ух, лучше не вспоминать! Там не до помывки было. Хлеба схватить с молоком и тушенкой и обратно в отсек, что-то там чинить, где-то ладить. Мы тогда... — и вдруг на мгновение затих, сглотнув. —... мы тогда не все подготовились.

И стало вдруг ясно Среде, что парень забрел в свои воспоминания. Не самые приятные, не самые подлежащие расказу, но все же свои, настоящие. В свой боевой опыт, который, вероятно, оказался его первым. И в котором этот юный «квадратный» пацан с рыжими волосами и вечно закопченным лицом смог выжить, смог набраться духа и смелости, чтобы сидеть сейчас там, где сидеть не ему не стоило бы.

— Ты попал в первые дни, да? – спросила осторожно Моргана.

— Да, на самый главный участок фронта. Мы приняли первые удары.

— Что там произошло? – скривил брови Груз. – Версии ходят разные.

— Мы-таки, просто... по Берлину скакали. – развел руками Среда. – Были не в курсе всего произошедшего.

— Что ж... – отставив еду, Артем начал рассказ.

«Стальной панцирь»

Поднимая за собой витиеватые клубы кавказской пыли, по горной дорожке, на взлет по взгорью мчался УАЗ, подскакивая на ухабах. Был он замызганный, замаранный, со следами грязи на арках и порогах, на дверях и колесах. Черная резина давно стала серой и изношенной. Скакал он по камням легко, даже играючи, потому что был без крыши, и с откинутым вперед лобовым стеклом, что гремело на каждой

кочке. А внутри сидели трое: водитель и два пассажира в черных танковых робах.

Жарко было. Чудовищно жарко. Солнце над Кавказом стояло дикое, пусть еще и весеннее, но уже по-летнему палящее, обжигающее. Под его чудовищным излучением отлично краснели носы, скулы и щеки. Лица солдат здесь были розово-бардовые. Но все эти тяготы южной службы, все эти невыносимые условия, когда хотелось выпрыгнуть даже из собственного тела, чтобы хоть немного остыть, штиль и солнечное буйство, что высушивало даже пот на измазанных мазутом спинах, с легкостью компенсировалось какой-то летней, по настоящему размеренной атмосферой. Было все здесь как-то неторопливо, спокойно пока. Добавляло этому шарма и невероятное место, на самой границе России. Здесь у самого берега моря была небольшая «чаша», в диаметре километров на шесть. И преподала она одним краем к Каспию, а другим – противоположным, уходила точно в крутые горы Кавказского хребта и в стойкий, могучий горный лес, который душно пах сосновой смолой. И была по этой чаше всего одна широкая грунтовая дорожка, по самому берегу, а в остальном – лишь направления, горные скаты, что были исхожены ишаками и лошадьми. И то, дорога та, была лишь потому, что некогда здесь был аул, небольшой городок с мазанками под соломенными крышами. Но сейчас, не совладав с силами природы, был городок этот мертвым. Так его и звали – Мертвый. Подтопленный, до самых окон, он тор-

чал из воды, как зубы из десны, давая понять, что перед Каспием нету власти, нету силы. Море, если захочет, заберет. И аул тот стоял памятью об этом. Брошенный и забытый. Сгнилой соломой на крышах и некоторыми обрушившимися, сложившимися домишками в общей куче еще пока стойких мазанок.

Но был у этой чаши и другой край, там еще пока царила жизнь. Были там и жители, и опрятные домики, грядки с луком и маком, некоторыми иными растениями. Был там скот: коровы, бараны, бродили куры. И место это было у самого излома чаши, у края, где скат леса плавно уходил по дуге к морю и редел, оставляя лишь горные обломки, торчавшие из-под земли. Хижины жильцов ютились там друг к другу. Жили очень плотно, и очень бедно. Именно в этот закуток цивилизации и скакал военный УАЗик, бодро подпрыгивая на ухабах.

— Ну и дорожка, м-мать... – придерживая шлемофон на голове, выругался один из пассажиров, выскакивая из джипа, когда тот остановился у одной из хаток. – Вылазь, Артемка, приехали!

Коновалов послушно, немного даже медленно, открыв дверь, и выставив поочередно ноги на раскаленные камни, вышел из УАЗа. Под ступнями начало жечь, несмотря на огромную подошву армейских ботинок. Сверху чудовищно пекло, но до этого хотя бы снизу не было жжения. А теперь полная картина. Парень схватил в руки два алюминиевых

пузатых нагретых бидона, которые весело залязгали замками. Другой пассажир тоже достал два, потряхнув их в руках. И тут вмешался шофер:

— Товарищ капитан, я заглушу, а то вскипит. Иначе с чашки не выберемся домой. Еще же спускаться с этих ухабов.

— Хорошо, обратно только не гони, а то масло приведем. – ответил тот.

На его лице сверкнула несколько измученная улыбка. Пот стекал по щетинистым усам, скапливался на подбородке и капал на землю. Человек был не молодым, можно было бы даже сказать старым, но не потерял блеска в глазах. Трудно было сказать, сколько ему было лет, но точно достаточно, чтобы быть капитаном танковых войск. А трудно потому, что помимо глаз, не было на его лице почти морщин, были лишь складки, когда тот широко, во все тридцать родных и один золотой зуб улыбался. И был человек этот, не по званию поставленный командиром танкового взвода – Антоном Паньюновичем.

— Чего же ты, Артемка, такой молодой, – хитро прищурился капитан. – а сюда решил податься. Слухи-то нехорошие ходят, считай, можем на передовой оказаться.

— Смотря для чего вы это спрашиваете, товарищ капитан. – пожал плечами тот, поддергивая в руках бидоны, которые оттянули пальцы. – Со всеми, по мобилизации. А так, ни мамы, ни папы, бабушка в Стерлитамаке. А значит тут

практически семья моя. Куда пойти мог бы – не знаю. В родном городе завод закрыли, а рядом комбинат упразднили. Думаю, что всяко лучше здесь, чем по улицам без цели скитаться. А так, – чуть усмехнулся. – На красоту, вот, посмотрю.

— Да, красота и вправду... – протянул тот, на мгновение остановившись. Смахнул с губ пот, и поглядел на уходящее вдаль море, которое было где-то там, внизу, ласкающее крохотные хатки Мертвого города. – Мольберт бы сюда, да художника толкового.

— Да от такой жары краски сохнут! – вдруг заявил Артем, мотнув мокрым лицом. – И тридцать восьмая пленка загорится.

— Ха-ха, а ты прав, парень! – рассмеялся Паньоневич. – Сибиряк? Я вот на Кубани родился, не так уж мне и невыносимо жарко. – и, через паузу: – А, я чего спросить-то хотел? Забыл... А, я просто хочу познакомиться поближе, понимаешь? Считай, меня только к жизни вернули – экипаж новый, танки, старые конечно, но для меня новые. Обживаюсь, потихоньку, снова...

— Вы не на восьмидесятке служили, товарищ капитан? – спросил его Коновалов быстро, даже как-то взволновано.

— На семьдесят двойке. В Южной Осетии. – вдруг стал серьезным тот. – Ладно, справлюсь, обживусь. Хорошо, что заранее в армию вернулся, хоть успел привыкнуть. А то, почти пять лет простоя – много прибавили во мне. В основном,

в области живота.

И он снова смеялся. Звучно, настоящим солдатским басом, не скрываясь и не стесняясь. А Артем лишь улыбнулся, потому что в его голове все факты, что он успел узнать здесь, складывались в не очень хорошую картину. Но, эти мысли отходили на второй план. Командир не унывал, а значит и ему – простому механику-водителю – не стоит. Пусть думами сейчас занимается бодрый и бывалый отец-командир. Он же, рыженький крупный паренёк, просто будет выполнять его приказы, и делать свое дело. Бесстрастно и безучастно ко всему остальному.

— Не бойсь, сержант. Прорвемся! – приободрил его Антон.

И они наконец пришли. Прошагали в горку вроде бы не много, УАЗик даже почти не изменился в размерах, а ощущение было, будто только кросс закончили. У обоих отдышка и тяжесть в руках от полновесных, но еще пустых алюминиевых горячих бидонов. С обоих льется пот ручьями, а к спинам прилипли насквозь мокрые разогретые танковые комбинезоны. Буквально в нескольких метрах от них, под козырьком над парадным входом в бревенчатую хатку, был козырек из черепицы. Под ним спасительная тень. Оба махнули в ее. Стало даже сперва как-то прохладно. С лиц свалилась ощущение невероятного жжения от солнечного излучения. И раздался чуть слышимый, но достаточно различимый и понятный стук в дверь. Это, не выпуская из рук бидоны,

Паньоневич коленкой несколько раз ударил в дверь с железным кольцом вместо ручки. И за дверью раздался топот, гамон и оханье.

— Ой, кто там? – старческий голос оказался приглушен дверью.

— Мы от товарища полковника! Вызвались молока в гарнизон принести. – ответил капитан.

Со скрипом дверь открылась. Там оказалась сторбленная полноватая старушка, лет за восемьдесят, с волнистыми морщинами по всему лицу, с квадратными щеками и полуседой, что удивительно для ее возраста, головой. Завидев солдат в одинаковом, бабушка немного распрямилась, держась за дверь. Отряхнула одну из рук об подол длинного старого платья и показал ей гостям на коридор:

— Проходите, проходите, внучки. Сейчас, сейчас, так... А сколько вам нужно?

Антон молча мотнул руками, показывая два своих алюминиевых бидона. И старуха сообразила, что именно в них молоко и понесут.

— Ух... – протяжно заявила та. – Придумаем. Вы пока проходите. Разувайтесь, раздевайтесь, отдохните. Чаю выпейте. Боря! – внезапно и молодо повернулась она в сторону кухни, крикнув. – Боря! Сделай красноармейцам чаю! А вы, мальчики, крынки тут поставьте, я сейчас все сделаю.

— Мы же так и не познакомились, мамаш. – улыбнулся уголком губ капитан. – Антон. Паньоневич. А это сержант

Коновалов, или просто Артем. А вас как?

— Ой, а я Марфа. Все баб Машей кличут. – откланявшись, заглянула она своими старыми глазами в лицо Артему. И тут переключилась на капитана. – Пан... Панью... Румын, что ль?

— Поляк. – ответил тот добро. – На некоторую часть.

— Ай, одно и то же. – несколько недовольно махнула Марфа, уходя в дальние комнаты.

Оглядев помещение, первым с места сдвинулся Артем. Он сделал осторожный шаг вперед, осматривая интересное, даже винтажное, помещение. Все здесь было старым, каким-то очень потрепанным, но целым. Тронутым, но не разваливающимся. Старые, очень хорошо поклеенные обои, лакированная мебель из ГДР со слезающим лаком. Был здесь и магнитофон – стоял на короткой антресоли, рядом с двумя пыльными длинными зонтами. На крючках висели шинели и более легкие, явно летние, потрепанные жизнью, одежды. Стояли юфтевые изношенные черные пыльные сапоги, с наклоненными в разные стороны голенищами. Висели широкие зеленые шаровары на подтяжках. Все штопаные-перештопаные и в заплатках. А в углу, за приоткрытой дверцей шкафа, вдруг что-то легонько блеснуло. И Артемом овладел интерес. Тихо подойдя по половику и страшно скрипучему деревянному полу к дверце, он слегка приоткрыл ее, и глянул внутрь. Там висел выглаженный серый пиджак с десятком советских медалей. На некоторых из них виднелись по-

вреждения: мелкие и глубокие. Будто бы шрапнелью рассыпало по груди. Этот пиджак был чистый, и свежий. Его явно еще будут надевать – впереди был праздник Победы.

— Внучок, ты какой будешь? – вдруг спросили с кухни, и Артем быстро закрыл дверцу, как та и была.

— Черный, пожалуйста! – ответил быстро Коновалов.

— Мне тоже черный, будьте добры! – послышался громкий голос Паньютинича с кухни.

Там их ждал дед. Очень старый такой дед, который еле уже стоял на ногах, но все еще самоотверженно возился с металлическим советским чайником и кружками, раскладывал по столу ложки, выкладывал в вазы конфеты и печенья. Все было для дорогих гостей. И только когда, смерив все тяжелым полуслепым взглядом, что Артему аж поплохело на мгновение, он сел на табуретку, положив руки на металлическую трость с черной рукояткой. Перед танкистами сидел сухопарый широкоплечий, но низенький старик, в изношенной серой майке, из-под которой на груди и плечах вились седые длинные волоски. На голове их было несколько меньше, однако те, что были – прибраны, не болтаются. Кожа у деда была как плащ не по размеру. Вытянутая, пережившая и почувствовавшая многое. Под ней проступали оставшиеся и не тронутые старостью мышцы. Старик явно раньше отличался силой, был крепок и строен. А сейчас, когда было ему за девяносто, судя по виду, ему и оставалось только, что поднимать кружку с чаем, да опираться на клюку.

— Борис. — протянул руку дедушка. И Артем, а затем и Антон, не без уважения пожали ее. В ответ назвались и сами. — Вы что же... Танкисты?

— Так точно, танкисты. — ответил Паньюневич.

— А?

— Танкисты!!! — громче сказал капитан, смекнув, почему Марфа позвала его дважды.

— Смотрю, форма у вас такая же. И запах. Запах-то все тот же...

— Какой запах? — не понял Артем.

— А?

— Какой запах?! — переводил с тихого на громкий Паньюневич.

— Порохом пахнете. — ответил дед Боря, вздохнув. — Ничего не слышу уже. Совсем старым я стал. Совсем старым... а вот было время...

— Что за вр... Кхм. — хотел было спросить капитан, но снова повысил тон. — Что за время?!

— А? А! В войну! В войну. — повторялся тот, не слыша, как на плите начал посвистывать чайник. — Сперва на «Ворошилове». Дуже хорошая машинка. Фашисты никак взять не могли, снаряды отскакивали, как горох. Все по сторонам! От Сталинграда, через пол Украины прошли.

— А потом? — наивно спросил Артем.

— А?

— А потом?! — крикнул капитан. — Сержант, сними чай-

ник, а то сейчас лопнет.

— Потом подбили, в Крыму. – загрустил Борис, помяв в сухих руках рукоятку своей тросточки. – Весь экипаж заживо, а я выжил. Ожоги страшные были, перепонку пробило, но выжил. Три месяца госпиталя, и снова в танк. Тогда уже на «Сталине». Рвал он эти чертовы «Пантеры»! Рвал и не давился! Прямо в изогнутые кресты на башнях били, и все в цель. Шесть «кошек» за раз удавили под Варшавой.

— А вы сами отсюда?!

— Нет, я с Владивостока сам-то. Жена-вот, Марфуша, она отсюда. – чуть улыбнулся тогда старик. Артем разливал по кружкам кипяток из чайника, осторожно налил и деду, но тот этого даже не заметил. – Трактористом здесь работал потом. Достаток небольшой. Но был. Заводы работали, страна восстанавливалась, все пахали, и было все. А сейчас? Забытый край. Мы тут, наверное, одни из последних остались. Все дома-то побросали, здесь ничего нету уже в округе, одни горы, да песок на пляже. Даже купальщиков нету. Сейчас-то тракторная база разворована. Лет уже десять как нету там ничего.

— Мы знаем, мы на ее территории. Ай, черт. – оступился Паньоневич. – Мы знаем! Мы на ее территории стоим гарнизоном!!!

— Это вы молодцы. Молодцы. Орлы! Там ангары еще лет с десять стоять будут, лишь бы бомбы не сыпались. Там и укрыться можно, и танки укрыть от жары. Машины-то лад-

ные?

— Ладные, ладные, дед... – на спад, задумавшись, начал Артем. – Теперь они слишком ладные...

— Хорошие машины! – переглянувшись с ним, заявил Антон.

И не соврал – машины действительно были хорошими, по сути, по характеристикам. Командование послало на передний край обороны почти все имевшиеся в регионе в быстрой доступности «восьмидесятки». Почти все танки, что были на границе, оказались Т-80 различных модификаций. Правда, не от плохости машин задумался Артем. Думал, как бы не соврать, но и не расстроить. Машинки, пусть и славными были, да помнили еще советские учения, «Перестройку» и ангары во времена Чеченских войн. Некоторые даже застали боями сразу обе, в них были выцарапанные бойцами надписи, и даты – девяносто девятый, девяносто пятый, девяносто третий... И было от этого не по себе. Неизвестно, что и сколько пережили эти машины. Где у них вдруг могли оказаться проблемы, и где будут следующие. Ведь некоторые уже начали проявляться. На газонную разросшуюся траву моторно-тракторной станции сочилось масло, сыпалась металлическая крошка, гайки, болты, трещали швы и сыпались раскаленные искры от сварочных аппаратов. Машины там быстро, практически лихорадочно, приводили хоть в какие-то чувства. Некоторые, прямо по ходу «пъесы» и списывали. Так, например, на ремонтный завод уже отправилась

одна «восьмидесятая», у которой насмерть заклинило горизонтальный привод в погоне башни. И ведь все оказалось просто: сдержала попадание, но по кольцу пошла трещина, оно раскрошилось, и многотонная башня просто перестала поворачиваться.

А на очереди был еще один танк с такой же проблемой – клинило поворотный механизм. И именно он всплыл при этом диалоге в памяти Артема. На башне того краской было выведено: «512». И танк этот был капитана Паньоневича...

— Не стоит, Артем. Не стоит говорить это всем подряд. – тихо заметил командир, зная, что дед глух. – Надежда никогда не помешает.

— Обманываете, товарищ капитан.

— Время нынче такое. Все обманывают. – развел руками вдруг Антон. – Но мы на благое дело. Не станем же мы людям прямо говорить, что танки наши на ладан дышат, да дымом черным исходятся? – и тогда он напряженно отхлебнул горячего чая из старой фаянсовой чашки с цветами. – К тому же, может нет уже? Может нет уже... Скоты, дали же мусор... «Воюйте» ...

— А где же новые танки? – даже волнительно высказал механик. – Девяностые где?

— На парадах, Артем. В Индии, Алжире и Вьетнаме. Но не у нас. – сухо разъяснил ему командир, в один залп допивая горячий чай, что аж пробрало от температуры. – Все в последний момент... Последний.

— Все, ребятки. — в кухне неожиданно появилась Марфа, вытирая пот со лба платочком. — У нас все, что было, я вам перелила. Две крынки всего справила, больше и нету.

— Спасибо, бабуль. — поднявшись из-за стола, коснулся ее плеча командир, другой рукой надвигая танковый шлем с макушки на голову. — От всего гарнизона — спасибо.

Вслед за ним поднялся и Артем. Еще раз коротко глянув на глуховатого деда Бориса, он развернулся и пошел за капитаном, так и не допив всей кружки с чаем. Бабушка Марфа присела на стул, уже не в силах их провожать. Немногословное прощание парой общих фраз, и оба танкиста уже покинули старческий дом. Каждый взял по полному и пустому бидону. Всю дорогу до УАЗика молчали. И была какая-то пустота внутри за некое предательство. Но не явное, не нарочное. За что-то случайное, будто бы недосказанное, утаенное. И гложила она Артема, хотя парень и понимал, что командир сделал все правильно. Да и что было, того уже не изменить, слова не забрать назад, да и надо ли было?

— Трогай, шеф. Только побыстрее, нам еще гаечные ключи надо сдать до семи часов. А то боюсь, что не управимся мы с приводом.

— А чего клинит то?

— Да хер его знает! Поехали.

УАЗик уверенно доскакал до самого гарнизона. Проехал полуразваленные железные, застопоренные навсегда ворота, на которых были облезлые красные звезды. Машина уверен-

но, но тихо, без остановок, проехала двух автоматчиков-часовых, которые лишь оглянулись на проезжавших, и дальше несли свою вахту, под палящем солнцем. Затем, явно смекнув, что больше за ними не наблюдают, постовые удалились в тень высокого раскрошенного бетонного и горячего забора со сложной, мозаичной поверхностью. Но вот уже за воротами машинка не выдержала. УАЗ грозно рыкнул на неосторожное давление педали, и заглох. Перегрелся. Из-под капота повалил белесый пар, и шофер, выругавшись сквозь зубы, вымахнул из салона на разогретый песок с пробивающимися травянистыми кочками. Пошел к передку, осматривая его. Махнув рукой, жирно сплюнул на песок, утирая лоб рукавом. Дело было к зениту. Температура высилась больше сорока.

— Помочь, папаша? – вдруг раздался голос откуда-то сбоку. С ухмылкой за командирским УАЗом следил курящий танкист из ангарных ворот. И тогда шофер кивнул, согласившись. Солдат натянул на голову танковый шлемофон. – Обожди, маленько. Заведусь.

С ревом, и черными клубами дыма, из ангара вырулил танк. Промчавшись мимо, со скрипом и шуршанием гусениц по песку, остановился, кивнув лобовой деталью. С него кинули толстый трос, подцепив перегревшийся внедорожник. Территория бывшей тракторной базы была большая, поэтому дальше – до отведенного места под кухни в бывшей столовой – ехали уже на «галстуке». И все было бы ничего, ес-

ли бы все втроем: шофер, Артем и Паньютин, не наглотались черного дыма так, что аж глаза начало едко щипать. Но было это как-то даже не тягостно. Было на оборот в радость осознавать, что солдат отозвался, солдат сам пришел к идее о помощи. И было от этого как-то даже хорошо, ведь не пришлось тащиться с бидонами до самой бывшей столовой по огромной площади. Помощь всегда греет сердце, даже не смотря на побочные факторы.

И танкист, – тот, что помог – как только машины остановились у дверей столовой, сложил руки на броне, немного высунувшись из люка. Положил голову на них, слегка улыбнувшись. С его лба, по носу, по глазам, капая с бровей, тек пот, но был он счастлив, беззаботно счастлив. Будто бы и не воин вовсе, а отдыхающий на пляже.

— Чего такой счастливый, солдат? – спросил его Паньютин, без злого умысла. Одновременно с этим выгрузил из УАЗа бидоны с молоком.

— Так с первого раза завелся, товарищ капитан! – еще сильнее улыбнулся тот, совсем уже расплываясь в чеширской эмоции. – Не зря ведь всю ночь копался!

— Ха-х! Ну ты даешь. – мотнул головой Антон, усмехнувшись. – Спасибо.

И спросив шофера, нужна ли тому еще помощь, и дождавшись положительного ответа, танкист забрался обратно в люк, налегая на рычаги. Вывернув из металлического кишечника дым, танк заревел и двинулся прочь, скрипя гусе-

ницами. За ним, совсем крохотный на фоне, потянулся на тресе УАЗ с шофером внутри.

Артем с Антоном похватали свои бидоны с молоком и двинулись к столовой. Открыв одной рукой двери, и придерживав их для следующего, первым вошел Паньютневич, оглядев прохладные помещения еще не очень-то обжитой залы, с несколькими раскладными столами. За одним из таких хлебал теплые щи какой-то весьма солидный лысый высокий мужчина, одетый в строгий черный костюм. Рядом с ним стоял баул, вроде спортивной сумки, доверху набитый содержимым. Антон заприметил этого гражданина. Тот показался ему странным, ведь пищу он употреблял в неотведенное для солдат время, да и был одет не по-солдатски. И сперва принял того за кого-то из наймитов. Ведь и солдаты удачи базировались на бывшей моторно-тракторной станции, в ремонтно-складских цехах, подальше от солдат. Однако, несмотря на это, все равно появлялись «на публике» и довольно часто. Ведь столовая была на всех одна.

И не понравился командиру этот человек. Паньютневич несколько двинул губой, и тяжело выдохнул, снова двинувшись в направлении кухни. За ним и Артем, так и не понявший, почему на мгновение остановился его командир. И тут сзади раздался освист. Кому-то явно хотелось пообщаться с двумя танкистами. Послышались тяжелые, гулкие шаги нескольких пар ног.

— Эй, «чернота», чё игнорируем, а? – раздалось из-за

спин танкистов, явно с сучьей ноткой в томном звонком баритоне. – Повернулись.

Антон медленно остановился, и на мгновение закатил глаза. Не понимающий пока Артем обернулся первым, и увидел пятерых жлобов, что были выше его на полторы головы, но в плечах такие же. Все же парнишка был коренастый, пусть и не высокий. Смерив их взглядом, оглянув форму, неуставные ботинки, те позы, какие они приняли после того, как остановились в нескольких шагах, понял, что это были наемники. И было у них какое-то дело. Но его они пока таили.

— Я капитан армии, а не собака дворовая, чтобы на свист оборачиваться. – двинув челюстью, серьезно ответил Паньюневич.

— Ты че, активный самый? – подав вперед головой, спросил нагло один. – Капитан армии... Папироску выдай.

— Я на чепок не похож. – не сдавался тот. – Иди, да купи.

— Твоих хотим. – высказал второй, глянув на бидоны в руках. – О, братцы, тара! Ну-ка, мазута, сдаем цветмет.

— Пошел ты. – кинул Антон вдруг, дернув рукой назад, когда один из наймитов потянулся к бидонам. – Это на весь гарнизон. А вы можете друг друга подоить.

— Ты че буйный-то, капитан? – быстро схватив его за шею, третий пристукнул того лбом в лоб, заглядывая в глаза. Его тон был несколько тише, но явно такой же наглый. – Молочка мы хотим. Прохлады, понял? Чхал я на твой гарнизон свысока. Сказано – сдаем. Иначе бить будем.

— Слышь, малец. Ты хоть ум заимей. – обратился к Артему еще один. – Капитан твой – дурак, каких поискать. Сказано же, миром разойдемся, если дашь.

— Каким бы ни был, командир – мой. – отшагнул назад парень, грозно посматривая то на одного, то на второго, то на третьего наемника. Еще два, видимо, были на «подтанцовке». – А вы уроды.

— Да ты че! – скрипнув зубами, наемник сжал кулак.

Шуршание одежд в замахе прервалось, и кулак остановился у лица. Артем не сжал глаз, не струсил, и увидел, как пятерня застыла у самого носа. Мгновение было полное непонимание, но затем глаза увидели и то, почему кулак остановился. Позади наемника стоял тот самый гражданский в пиджаке, схватив того за локоть. Со спокойным выражением лица, он дернул рукой, отпуская.

— А ты кто? – сказал, еще раз махнув рукой, наймит. Но человек уклонился, все с тем же невозмутимым видом, лишь сверкнув лысиной. – Ух. На еще! А-с...

Быстрым, колким ударом размозжив тому нос, человек застыл, глядя на то, как наемник ладошками пытался собрать выступившую на губы кровь.

— Так, а теперь все смотрим сюда, и удивляемся. – быстро проговорил он, достав ксиву из кармана. – Думаем про себя и про статью номер триста пятьдесят девять, сопоставляем два слова: «вы» и «тюрьма», и заставляем свои ноги уносить ваши тела, поняли, да?

Сплюнув на пол с кровью, наемник смерил тяжелым взглядом мужчину, и без слов развернулся. За ним и все его товарищи. И быстрым, очень широким шагом, вышли из столовой. Размяв кисть, вытерев с костяшек рукавом чужую кровь, гражданин поглядел на танкистов, немного, уголком губ, сурово улыбнувшись.

— Побили бы, чего не отдал? – кивнул он на бидон в руках Артема.

— Для всех же. – добродушно, но немного напугано сказал тот. Если этого боялись отмороженные наймиты, то ему точно стоило. – Не для нас одних – для ребят.

— Командный игрок... Эт-то хорошо-о. – протянул загадочный «пиджак». – Это очень хорошо. Может быть, тогда и мне поможете? – тут он переключился на Антона, цепким взглядом вцепившись ему в глаза. – Да вы поставьте, поставьте алюминий-то, поставьте, поняли, да?. Руки пожалейте, я не украду же.

— Простите, не знаем, кто вы. – серьезно заявил Паньюневич. – Но судя по всему, мужчина серьезный.

— А, это просто пиджак. – отмахнулся тот. – Неплохо сидит, правда? В Гудермесе сшили, всего за два дня. – бережно достал удостоверение. – Капитан ГРУ Иван Иванович Жемчужный. Я с отрядом только прибыл, а уже смотрю весело у вас тут, да? Вы, я так полагаю, тот капитан, который мне и нужен.

— Обхохочешься. – еще более серьезно, без тени улыбки

сказал Антон. – Я капитан Паньоневи́ч, это мой механик – Артем. Жемчужный это фамилия?

— Да, природа наградила, понял, да?. – пожал плечами разведчик. – Паньоневи́ч?

— Польская. Дед и два его брата были в числе восставших в Варшаве. Все трое – коммунистами. Потом воевали в Красной Армии. И переехали в Союз. – уже более расслабленно, явно с некоторой гордостью разъяснил командир. – Так чем я могу быть полезен, товарищ капитан ГРУ?

— А у меня русская – Коновалов. – внезапно вмешался Артем. И оба на него посмотрели с некоторым непониманием. И парень несколько просел.

— Отлично! – показал украдкой большой палец Жемчужный. – Так вот, капитан. Есть одно дельце, которое надо бы нам с тобой проверить. Ты же знаешь сопку, на том краешке в «чашке», где давеча полковник приказал выкопать окопчик? Ее еще как-то по-дурацки обозвали, не то «Вырождения», не то «Выражения». «Вынуждения», во! Вспомнил. Она аккурат у границы, и чашку, до самого городка в Каспийском море видно. Местечко хорошее, и следующее дежурство завтра я попросил у начальства приписать там вашему экипажу. Ты, капитан, должен будешь помочь мне, ведь мы пойдем туда на броню с тобой, а оттуда – в разведку. Машиной туда лезть практически нереально, да и некоторый секрет это, сам понимаешь. Мы аккурат, смекаешь, аккурат по границе пойдем, и поглядим, что там Ближний Восток за-

мышляет.

— Гардезский блок активничает?

— Да, и эт-то нехорошо, нехорошо... Есть вариант поглядеть, какие силы готовит против нас Кабул, так вот и грех бы им не воспользоваться. А я грешить не люблю, понимаешь. Нужно узнать? Узнаем, чего делов-то! Только ты подкинь нас, хорошо? А там мы леском, леском. Смекаешь?

— Никто не должен знать?

— Все итак поймут, все увидят сперва нашу пропажу, затем вашу пропажу, но не за чем лишний раз распространять идею, что это все не просто так, идет? – на последнем слове Жемчужный скопился на Артема, прощупывая в нем почву. – Для всех вы идете в простой дозор на сопку Вы... Ай, плевать. На сопку! А мы идем прогуляться, осмотреться. Понял, да? Своих беру десятков. На тебе сэкономим и время, и силы, а то круги не хочется по горам выписывать, там больше тридцати километров идти. А с тобой порядка пятнадцати. Так могу и за день обернуться, если все пойдет ладом. Смекаешь?

— Смекать-то смекаю, нам бы машину починить до полного, да... – выдохнул с огорчением Паньоневиич. – Ладно, это решим. А разведке – поможем!

И с хлопком, пожал разведчику руку, улыбнувшись. Так и разошлись: разведчик – дальше за щипы, а танкисты к своей машинке, в дальнем ангаре, где без усталости что-то варили и резали болгаркой.

В самом центре, на большом отгороженном месте стоял полностью собранный танк. Голый по пояс, крепкий и загорелый мужчина с черными короткими волосами на голове старательно выводил на броне цифры пять, один и два. По сравнению с другими танками этот даже очень сильно отличался тем, что был именно собран, уже полностью покрашен. На глаз – готов к бою! Ведь остальные были либо без гусениц, либо с поднятыми на балочных кранах, оживших после тридцати лет простоя, башнями, со снятыми катками или еще чем-нибудь открученным, отвинченным, не по боевому времени поднятым. В других солдаты возились в моторных отсеках, по пояс перегибались в люки, и истошно матерясь, что-то чинили. А этот нет – был собран, был готов...

— Казбек, что сказали ремонтники? – спросил Паньоневич, забираясь на броню, внимательно смотря, как мужчина выводит цифры. – У нас тут боевой выезд неотложный.

— Товарищ капитан, в очередь поставили. – не отвлекаясь, ответил тот. На мгновение все же повернулся, показал командиру свое раскосое круглое, не-то калмыкское, не-то казахское загорелое лицо. – У них работы много, да и сами видите вон. Ребята все в мыле и без нашего привода.

— А нам привод нужен. Нужен! – бессильно махнул рукой Паньоневич, прикусывая губу, и глядя на остальные разобранные машины, над которыми, как муравьи, возятся и кишат чумазые ремонтники. – Ай, провались... Свинство.

— Оно самое, товарищ капитан. – улыбнувшись, Казбек

продолжал выводить прилежно цифры. — Артем, ты двигатель посмотри. Тройт и глохнет.

— На холостых что ль?! — с взволнованной миной он обошел боевую машину и запрыгнул на корму. Наклонился и всмотрелся в моторно-трансмиссионное отделение, будто бы пытался так, на глаз понять, что там вообще происходит.

— На задней, почему-то. — пожал плечами наводчик, почесав спину, и поглядев на парня еще сильнее сощурившись. Словно и вовсе глаза закрыл. — Не, брат, ты так не увидишь. Ты лучше лезь туда, и погляди.

— Свинство. — подумав, повторил Паньюневич. — Я к полковнику. Выпрошу местечко вне очереди на ремонте.

Через несколько минут, а может быть даже и десятков минут, ведь в пелене из дум счет времени просто потерялся, капитан вошел в главное здание тракторной станции, где был обустроенный, в старом отделе бухгалтерии, широкий такой кабинет полковника, который и командовал всем размещенным здесь, да и не только здесь, гарнизоном. Кабинет был действительно широким, и от дверей расходился в обе стороны одинаково. Потому, буквально сорвав дверь с петель, войдя в него, Паньюневич не сразу увидел начальника, повернутого к нему спиной. Обычно тот сидел за столом, копался в бумагах, а теперь нет. Те лежали нетронутые, аккуратной стопочкой. Но быстро капитан подметил неладное. Рядом стоял початый графин с водкой и недопитая семнадцатиграммовая рюмка. Пить полковник, не смотря и на бо-

своей опыт, и на возраст, не умел от слова совсем, да и никогда и не желал, не тянулся к этому делу. А тут такое! И, смекнув, что что-то произошло, Антон все же спросил, может ли войти.

— Да, Паньютневич, входи. — спокойно и напевно сказал он, стоя у окошка. Закинул руки за спину, разглядывая в окна собственных солдат у техники. — Проходи, присаживайся.

— Некогда, товарищ полковник. Дело надо делать.

— А ты присядь, присядь. — тихо, даже не в своей манере говорил тот, все же медленно поворачиваясь. — Молоко-то в гарнизон привез, все хорошо по дороге было?

— Так точно, Андрей Александрович. — смутился вдруг, казалось бы, банальному вопросу Антон. — Все хорошо было. Местные всего два бидона вместо четырех дали, придется по половине плана выдавать. Больше не могли просто. Слишком милые там бабушка с дедушкой, больше у них, наверное, и просто нету, не держат. Еще был инцидент с... «солдатами удачи». Подкараулили в столовой, да чуть по носам не дали. За нас капитан Жемчужный заступился, и...

— Познакомились значит, да? — прервал его полковник, присаживаясь за стол, отодвигая двумя пальцами недопитую рюмку. — Познакомились, молодцы. Все рассказал вам он, да?

— Так точно, боевую задачу объяснил. — продолжал отвечать танкист, медленно стянув с головы мокрый насквозь шлемофон. — Андрей Александрович, случилось чего? Мне

вопрос быстро решить: танку бы нашему привод починить, а то совсем уже некуда. Так ведь «пятьсот-двенадцатый» домой уедет! Как «шестнадцатый». Ремонтники в очередь поставили, а нам...

— И правильно, что поставили. — опрокинул наконец неумело рюмку в себя тот, выдохнув после и поморщившись. — Правильно, Паньоневиц. У нас сейчас... Звиздец у нас сейчас, вот что. Не могу я тебе ремонтников выделить. Мне нужна пусть полуготовая, но армада, а не один, пусть и идеальный, танк. Нужна масса, понимаешь, масса...

— Андрей Александрович, в чем дело? — уже более строго, даже как равного по званию и должности, спросил Паньоневиц. И он знал, что полковник ему ответит — был он ему старым знакомым, еще по Грузии. Вместе отбивались под Цхинвалом. — У нас задание под срывом, практически боевое, а ты мне говоришь, чтобы я на «самоходке» рвал туда? Да ни в жизнь!

— А ты успокойся, успокойся, Антоша. — налил рюмку и подвинул ему он. — Выпей.

— Да не буду я пить, Андрей. Не буду! — рывком отодвинул ее от себя танкист. — Я офицер, и нахожусь на службе. Давай уже, не тяни kota за жвалы, выкладывай.

— Практически боевое... — повторил его слова полковник, задумавшись на мгновение. — Это уже, Антон, устаревшая информация, что практически боевое. У нас теперь с тобой каждый выход за приделы станции максимально бое-

вой. На-ка, вот, почитай. Утром прислали телеграмму из Гене... Из штаба. – и пододвинул ему листок с целой уймой слов, написанных в ровный широкий столбик. Были там, уже совсем нехорошие вести. – Ночью подорвали. Вся верхушка – по стенкам: генералы, адмиралы. Армия обезглавлена одним ударом, никакой координации нет, усиления нет и не предвидится. Все, что у меня сейчас есть, я делю на всех. На всех, понимаешь? Мне твой танк погоду, если эти твари здесь полезут, не сделает, понимаешь? У меня из пятидесяти машин, в строю тридцать. В строю! Не говорю, что готовы, но они хотя бы своим ходом передвигаются, и стреляют без разрывов в башне! Тридцать из пятидесяти! Двадцать вообще на разборе стоит, потому что все дерьмо, какое на складах было, еще с Чечни, еще с Афгана, все семьдесят двойки – мне пихнули, разбирайся! Ты мне скажи, дорогой друг, скажи, чтобы ты на моем месте сделал? Я даже не знаю, от кого приказов ждать. Войны нет – потери есть.

— ... Война будет. – помрачнел вдруг Паньютневич, опустив уголки губ. – Это уже ясно.

— Ясно ему... – с огорчением поглядел на товарища половник, налив себе еще стопку, и быстро опрокинул ее. – Командование, какое осталось, предполагает, что прорыва не будет еще около недели. Кабул все еще подтягивает силы. И у нас есть неделя, чтобы привести хоть какие-то танки к бою. Неделя, понял? Ваше дежурство не предполагает боя, а значит башня вам пока ни к чему.

— Товарищ полковник... — через зубы просил командир.

— Вон. — мотнул головой тот. — Вон, Панычевич! Полу-
чишь снаряды и утром на сопку. А ремонтников не трожь.

Не отдав воинского приветствия, Антон просто молча вы-
шел из кабинета, хлопнув дверью. Полковник опрокинул
еще одну стопку и бессильно свалился на стул, садясь за бу-
маги. Их еще столько стоило перебрать...

На одном только гневе ноги донесли командира до свое-
го экипажа. Артем, в прямом смысле, по уши погрузившись
в работу, весь чумазый и грязный, с замаранными смазкой
рыжими волосами, копошился в двигателе, а Казбек сидел
на верхней лобовой детали ипил минералку из горла, иногда
поливая ее на голову. Нагрелся к полудню и ангар, дышать
было практически нечем. Пахло смазкой и резаным желе-
зом, бензином и мазутом. Вокруг стоял мат и громкий говор,
резь, шипение газовых резаков и сварочников. Работа кипе-
ла даже несмотря на чудовищный перегрев. Градусник, по-
вешенный кем-то очень заботливым, над стоящим у тонких
бетонных колонн токарным станком, показывал уже больше
тридцати пяти. Пот лился ручьями, а ноги уже не варились,
они подгнивали в армейских горячих сапогах.

Увидев командира никаким, Казбек протянул ему бутылку
с теплой минералкой. Тот, с отсутствующим взглядом, в
один глоток все допил, и вернул тару владельцу. Стянув с
головы шлемофон, причесал мокрые волосы. Но затем рас-
тряс их, смахивая соленую влагу с пальцев.

— Товарищ капитан? – попытался было вывести на диалог наводчик.

— Не сейчас, сержант. – строго ответил тот, задумавшись. – Не поговорим. Ремонтников не будет. Артем, сделай все, что можешь в двигателе сам.

— Есть. – растерев черное маслянистое пятно под носом, ответил юноша.

— Товарищ командир, что случилось? – все же спросил медленно Казбек. – Вы вообще не свой.

— Не здесь. Не здесь... – поглядел на полуголых мокрых солдат тот. – Если очень коротко, то все может оказаться веселее, чем мы думали. Получаем боекомплект, с утра выходим на сопку. Все.

Наводчик только недовольно цокнул. Но возражать не стал.

Ближе к вечеру танк оказался у пункта боепитания, а командир стоял с еще парой офицеров и заполнял все необходимые на снаряды бумаги, в то время как Артем и Казбек, в сцепке еще с несколькими вояками таскали ящики и загружали в танк боекомплект.

— Стой, стой, стой! – вдруг спохватился Паньютин, увидев незнакомые ящики. – Э-это что такое?! Чего за хуйню вы мне тут таскаете?! – быстро отдав бумаги, он приблизился к ошалевшим солдатам, которые встали как вкопанные. – Опускайте!

— Товарищ капитан, приказали...

— Открывай! — тот выхватил листок со списком снарядов у главных по этому делу, и пробежался по еще не подписанной бумаге. И тут широко выпучив глаза, подняв одну бровь, не попал зубом на зуб. — Да вы что, охренели? Где осколочные, где ракеты? Я чем, по-вашему, воевать должен, этим?!

— Что выдаем, то и берите. — сухо ответили там, за бумагами.

— А ты поди... поди сюда! — поманил тогда его Антон. — И скажи мне, что за маркировки ты здесь видишь? Знаешь, что я здесь вижу? Что это противорадиолокационный снаряд! Мне этого столько и за даром не нужно. Меняю десяток этих на один ОБПС.

— Загружайте. — махнул спокойно рукой офицер солдатам.

— Я их выкину в поле. — тихо пригрозил ему Паньоневич. — Мне «карусель» этим забивать не надо. Вы же умные люди, дайте мне подкалиберных побольше. Ракет мне дайте, фугасов. На кой черт мне пыль железная? Артем! — позвал он механика. — Один в автомат. Только один! Остальные сразу нахер, понял?

— Не самовольствуйте, капитан. Вы не на войну, вы на дежурство едете! Что есть — все в боеукладку.

— А это мне доверенный танк. И я говорю, какая у него будет боеукладка. Один я положил, но больше их там не будет. — глядя точно в глаза, повел челюстью командир. Документы все же подписал.

Снова разбираться с офицерами не стал, не стал ругаться и с полковником, хотя после погрузки БК именно к нему и пошел. Не обмолвился и словом о снарядах, не сказал ничего, лишь доложил, что готов к выполнению боевой задачи. Полковник в тот момент уже совсем поник – не вставал, не стоял у окошка, раздумывая. Он просто бесцельно перебирал в руках разные документы, и практически не глядя их подписывал. Боевой, воевавший офицер был просто сломлен известиями, и понимал, что грядет. И ничего, абсолютно ничего не мог сделать. Некому было докладывать – наверху возня и разгребание завалов. Армия была ввергнута в набирающую обороты междоусобицу. Приходили совершенно противоположные приказы: одни приказывали сниматься и дожидаться транспорта на Дербент, другие говорили о подкреплении, третьи – что его не будет уже никогда. Не зная кому верить, полковник расписывался на всем, а затем откладывал эти бумажки, которые уже практически не имели цены, в сейф, перевязывая между собой шелковой красной лентой. Паньоневич видел и это, чувствовал, что будет очень и очень тяжело.

— Когда, товарищ полковник? – спросил он с мрачным выражением лица.

— Скоро, Антоша. – пьяно улыбнулся тот через силу. – Скоро.

... А утро было по настоящему нежным. Солнце за неплотными облаками вставало медленно, по миллиметру,

по каждому лучику. Плавно освещало разобранные машины, лилось блеском от стеклянных приборов наблюдений на башне, словно поджигало цветом тканые флаги, которые становились нереально сочными, вычурными, не естественными. Трава была зеленой-зеленой, ее не хотелось даже топтать. Вдалеке блестели волны Каспия, дуло чуть соленой влагой, тянуло свежестью. Пока еще не было жарко, не было той духоты, какая обычно бывает рядом с водой летом. Погода, не иначе, роскошная. На часах оказалось близко к половине пятого утра.

Вдохнув, Панычевич надел на голову шлемофон, примяв перед этим волосы рукой. Развернувшись на песчаном скате перед одним из ангаров, он провернул пальцем в воздухе, и на бетон вырвался клубок черного маслянистого дыма. Взревела их «восьмидесятка», двигатель работал справно, свистел, как и подобало, и в этом звуке чувствовалась чудовищная мощь тысячи породистых лошадей, вышедших с Кировского завода. Артем чуть поддал на рычаги. Катки немного провернулись и пятидесятитонная махина, груда прочнейшей стали, пороха, резины и стекла, сдвинулась с места, дернула носом вверх. Заскрипели гусеницы. Плавно сойдя со старых, поросших травой и заметённых пылью бетонных плит, на которых стоял, танк медленно погрузился ходовой частью в нагревающийся под лучами солнца рыхлый песок. Выхлоп начал поднимать настоящий самум, что Антону пришлось зажмуриться. «Пять-двенадцать» проплыл мимо него

медленно, роскошно. Слегка усмехнувшись этому, Паньюневич, громыхая сапогами по броне, забрался в командирский люк. Уперся одной рукой в откинутую вперед створку и сказал: «Поехали!».

Остановились они, проехав меньше километра. Танк встал у небольшого пролеска, который отделял чашку от моторно-тракторной станции, где уже начинали поднимать солдат, будить офицеров, заводить и прогревать двигатели. Снова проверять, снова чинить свои боевые машины. Антон сел на уже нагретую солнцем башню, свесил ноги по резиноканевым экранам и медленно закурил папиросу, выдыхая дым. Взгляд его был прикован к плескающимся волнам, которые наскакивали на идеально ровный, без единого камешка, песчаный берег Каспийского моря. Сосенки, с двое рук в объёме, как настоящие солдаты, уходили в него почти что строем. Но остановились у самой воды, пустив корни в полуметре от зеркальной, блестящей лучами морской глади. Все здесь было тихо и спокойно, пахло смолой, горячим танковым двигателем, выхлопом, морской солью и жарой. Все это смешивалось с тем табаком, что Антон вдыхал. Выходил непередаваемый аромат, который может быть присущ только этому месту, и только в эту минуту. Ничего не отвлекало Паньюневича, он просто созерцал, глядел на все это великолепие, замечал, как низко над водой пролетают чайки. В его голове крутились мысли, что никак не вписывались в этот, практически райский, российский пейзаж. И мысли эти были чудо-

вищными, страшными. Ведь скоро этому всему: воде, лесу, этому песку... всему мог прийти конец. Деревья окажутся повалены залпами орудий, вода загрязнена мазутом и железом, она перестанет пахнуть солью, и будет разить металлом и горечью масла. А на песке останутся оборванные взрывом отметины танковых гусениц. Эта природа, этот не тронутый уголок станет полем жестокого боя. Когда-то... Уже, казалось, совсем скоро.

Все шло к этому, все ведь именно так и должно было закончиться. Да. Противоречия нарастали все сильнее, разрывались всякие дипломатические отношения, а курс государств был диаметрально противоположным. Гардезский блок – Иран и, разросшийся, как на дрожжах Афганистан – шел ведь к границам, но все считали, что так и должно было быть! Все были заняты распилом, все были заняты деньгами, считали каждую копейку на переброску техники и больше боялись Запада. Никто не считал, что окрепший после войны и революции Афганистан сможет что-то. Никто не верил, что он решится, ведь был лишь изорванной гражданскими войнами пустыней, а стал передовым государством на Ближнем Востоке. И теперь оставалось принимать удар. Разорванное склоками в новом командовании Министерство обороны, брошенные на произвол солдаты с разбитой и нерабочей техникой, которая сломалась еще до какого-либо боя – было ли кому сейчас принимать этот страшный удар, если он последует? Все дороги, по существу, для врага были открыты.

Смотрел сейчас Паныюневич на эту огромную чашку, между морем и горами, опоясанную густым сосновым лесом. И думал о том, что здесь может произойти. С тоской медленно вытащил недокуренную папиросу изо рта, потушил в ладони и убрал обратно в мятую пачку, ведь не хотел портить этот пейзаж.

— Неплохая картинка, а? — практически незаметно у танка появился Жемчужный.

Его было не узнать. В основном из-за того, что его прославленную блестящую, явно намазанную обычно чем-то на вроде воска или специального крема лысую голову, скрывала бежевая закатанная шапочка. Поверх той была гарнитура с одним наушником и гибким микрофоном около рта. А стройную высокую фигурку грушника скрывал бежево-зеленый истертый комбинезон, пережатый разгрузочным жилетом и коротким, без напашника, бронежилетом. На ремне за его спиной болтался АКМС с подствольным гранатометом, а на бедре подсумок с серебристыми гранатами к нему. Глянув из-за темных квадратных очков на Антона, разведчик улыбнулся.

— У меня один с тепловым слег, машинке полегче будет. — кивнул он, и Паныюневич кивнул в ответ. — Полегче будет, понял, да? Моих тут девять. Все ладные, парни проверенные.

— Ну пусть тогда твои проверенные парни на броню лезут. — утерев пот со лба, Антон махнул Артему, который все это время глядел на его из люка механика-водителя. — Заво-

ди!

Из сопла двигателя вырвался черный дым. Все вокруг снова наполнилось ревом газотурбинного мощного мотора, заточенного в сорока шести тоннах металла. Жемчужный махнул рукой, и будто бы из неоткуда, с пролеска к бронемашине двинулись девять таких же, как и он укомплектованных бойцов. Посмотрев на всю эту ярмарку разведки, Паньюневич лишь ухмыльнулся и залез по пояс в командирский люк.

— Давай, давай, живей, братва! – подбадривал своих Жемчужный. Затем пристукнул пару раз по микрофону около губ. – «Коралл», «Коралл», это «Ракушка-1», встретились с «Мантой», выдвигаемся на место, как понял? Так точно, «Коралл», принял.

— «Манта», значит? – язвительно спросил Антон, повернувшись к грушнику. – По рации, наверное, не очень-то и звучит.

— Не бойсь, капитан. – прихлопнул его по плечу тот, садясь на башне и положив автомат себе на колени. – Я к логопеду ходил, все как надо выговариваю! Х-х-ха-ха-ха-ха! Мои все!

— Артем, трогай аккуратно. – пальцами поджав ларингофон, чтобы передать слова по рации, и не перекрикивать визжащий двигатель, сказал командир. – Чтобы разведка не попадала под гусеницы. Поехали.

На высоту двигались долго, даже очень долго. Было не

больше десяти километров от пролеска до той вырытой сопки, куда и шел танк. Но дорога была по самому солнцу, на чудовищном утреннем пекле. А гусеницы перемалывали под собой груды камней, колотой горной породы. Танк ревел, клевал на передачах. Медленно, но упорно лез в крутую гору. Разведку на броне немного развезло – было жарко и от воздуха, и от танка, на котором они сидели. Некоторые обливались потом, махали расстегнутыми у шеи воротами комбинезонов. Один из разведки, что сидел у самого орудия, обмахивался взятой в путь книжкой. Видимо, выход планировался не самый интересный, и ожидался большой привал, на котором можно было почитать. Сам же Жемчужный стянул с головы шапочку, и поменял ее на шляпу-афганку, которую отцепил со своего большого баула за плечами. Медленно он растирал по носу и скулам какой-то крем от загара с полужа-тертой этикеткой.

— Сегодня даже жарче! – заявил один из разведчиков, полив голову из фляжки.

— В горах будет прохладнее, смекаешь? – продолжая растирать крем от загара, ответил ему командир. – Нам котлован перетерпеть, и эт-то все. Дальше только леском. Сколько до места, Панычевич?! Часики тикают.

— Не больше полукилометра. – ответил ему тот, повернувшись. – Мы почти добрались.

Пот заливал глаза и щипал лицо. Все белье, что могло вымокнуть от пота, уже давно было таким. В танке оно даже

не высыхало на солнце, внутри было как в настоящей бане – только сладить веник, и можно было бы попариться, поддав на боеукладку, как на каменку, немного воды. Казбек – наводчик – все поглядывал на спиртовой градусник, который положил рядом. Красная полоска уже давно растянулась за всякие измерительные границы, и была длинной, как шпага. Долгожданная прохлада еще не чувствовалась, горы только начинали вставать за вырытой сопкой, а в ней самой наверняка было все так же жарко. Ее не скрывали ни деревья, ни какие-нибудь скальные выступы. Она была открыта всем ветрам. Танковый окоп там был вытянутый и узкий. Практически как для гроба.

— Ох, твою то мать... – жалостливо, искривив мокрую от пота улыбку, проскулил от жары Артем, увидев вырытый для них котлован.

— Ничего, серж, мы тентом накинem. – сдув с губ влагу, быстро ответил, оскалившись, Паньютневич. – Только вот разведку выкинем.

— Я те выкину! – пригрозил Жемчужный, поставив автомат на приклад. – Сами спустимся. Спешиться и осмотреться!

Как только танк замер, чуть-чуть не доезжая бруствера, разведка соскочила, как один, с раскаленного металла танка. Солдаты мгновенно оправились и рассредоточились. А затем снова собрались, явно не обнаружив ничего, что могло бы стоить их внимания. Жемчужный поднялся на башне в пол-

ный рост и достал из кармана разгрузочного жилета небольшой бинокль с красноватыми линзами. Скривив лицо, глянул в него на горы, явно ища там тропу, которой им следовало идти. Покрутившись на месте, пристально всмотрелся в противоположный конец чаши, на Мертвый город. С некоторым облегчением, утеревшись, выдохнул.

— Нич-ч-чего интересного. Да... – убрал бинокль, закинув автоматный ремень за шею. – Я думаю, что обратно тоже через вас пойдем, понял, да? Мы только туда, и сразу назад. Может, даже чем-то поделимся, если хорошо попросите.

— Разве что в виде платы за проезд. – хитро сощурился на него командир танка.

— О, это ты хорошо, что напомнил. – выпрямил из кулака указательный палец тот, явно что-то сообразив. Быстро скинув рюкзак, что тот ухнул об броню, достал из него перетянутую тканевым чехлом фляжку и протянул ее Паньоневичу. – Вчера успел в Дербент смотаться. Вам. Армянский.

— А звездочек? – понюхав содержимое, съязвил Антон. – Еще обидишь.

— А как на твоих погонах, капитан. До пяти не дотянул: кондиционера нету, спинки не регулируются. Еще и напитки по салону привлекательные дамочки не разносят. Понял, да? Чтобы к моему приходу все исправил.

— Есть. – шутливо козырнул танкист, прибирая фляжку.

— Не раскисай, Антон. Смекаешь?

Разведка, как и не было их, растворились в массиве. Они

ушли в горы, туда, где начинался Кавказский хребет. Среди сосен, среди огромных их стволов, солдаты потерялись быстро, исчезли из виду их истертые зеленоватые балахоны. Не было видно ни их баулов, ни их оружия, ни загорелых, красноватых лиц и черных ботинок. Паныюнович провожал их взглядом, и все никак не мог понять, что же имел ввиду тот харизматичный мордатый грушник, но это было явно к чему-то не доброму. Мысли, словно самум, вились под жарким танковым шлемофоном, а в руках моталась, гремела цепочкой на крышке, налитая до краев флажка коньяка, оставленная Жемчужным. Выдохнув, Антон вышел из ступора и повернулся к высунувшемуся из люка Артему. А затем, неодобрительно цокнув, обратив внимание и на бруствер:

— Говно. Берем кайолку.

Бруствер был вырыт изначально правильно – на весь танковый корпус, чтобы только орудие из-под тента торчало. Но видимо прошлый танковый экипаж несколько неумело выехал из него, и сровнял с землей один из боковых земляных накатов. Теперь танк в нем был бы как на подиуме, а это было совсем, совсем не приемлемо. Приходилось все брать в свои руки. Отдых танкистов снова откладывался.

На жарком майском солнце сверкали кирки и лопаты. Тройка танкистов, раздевшись до самых ботинок, интенсивно разрывала каменистую рыхлую и горячую Каспийскую землю, накидывала особо огромные валуны на накаты и пе-

редний бруствер, чтобы укрепить их, на случай попадания снаряда. Артем ворочал самые большие камни – был более крепок, чем Антон и Казбек. Последний же и вовсе встал на перекур, как только глаза начал заливать пот. Тогда Паньюневич выдернул из его рук сигарету и пригрозил, чтобы наводчик не отлынивал. Чем глубже окоп, тем дольше солдаты в нем смогут прожить. Простой расчет. Да и справиться укрытие необходимо было как можно скорее. Бывалым сердцем чувствуя беду, предвкушал Антон здесь суровый, громкий и чудовищный бой. И все смотрел, пристально смотрел на белые зубы Каспия вдаль, из полусгнивших мазанок с соломенной крышей. Не нравилось ему здесь. Точно не нравилось.

С пару часов ворочали рыхлую землю, но наконец последний камень был уложен в гряду таких же, и прикрыт землей, спрятан под выкопанным позади танка травянистым дерном – все по науке. Казбек притащил несколько разлапистых сосновых ветвей и обрубил какой-то кустарник, чтобы еще правдоподобнее скрыть танкоорбазный прыщик на лбу огромной естественной чашки, пред самыми ее волосами из плотных и толстых смолянисто-пахучих сосен. Когда укрытие было готово, танк в нее вошел как по маслу. Даже слегка перестарались. Орудие было выставлено вперед, ложилось на кусок земли, а сверху накрывалось зеленоватым маскировочным тентом. Лоб башни, и пространство вокруг приборов наблюдения, вокруг люков накрыли тонким дер-

ном с травой, присыпали еловыми ветвями. С берега теперь его было почти не видно.

Дело было уже к вечеру, и жара потихоньку спадала. Солнце все ближе было к горам, клонилось за их подсвеченные верхушки. В танке было все еще как в бане, но люки открыты. Хоть немного, но свежий ветерок с моря продувал застывшую в грунтовой засаде боевую машину. Несколько раз Паньоневич, ведомый сомнениями, выходил прогуляться вокруг, взяв с собой для верности свой пистолет. Долго стоял. Глядел со всех сторон на окопанную машину, но так и не нашел, к чему бы можно было бы докопаться. И каждый раз возвращался и по долгу молчал, не знал, что сказать и с чего начать. Все молчали. Изредка что-то передавали по радиации. Теперь они были «Мантой», огромным бронированным скатом, затаившимся в Кавказском иле. Их вызывали редко, в основном доносили какие-то информационные сводки, запрашивали ситуацию. Но каждый раз Антон коротко, не по уставу, отвечал: «Все в порядке». Снимал с головы шлемофон и протирал мокрый от пота лоб, с силой зажмуриваясь. До блеска в закрытых глазах сжимал пальцами переносицу, все еще думая о том, что ему сказал полковник и что ему сказал разведчик. И то, что думал он сам.

Его пожирало изнутри чувство недосказанности. Какой-то обиды от недоверия. Но сам он понимал, что сделать ничего нельзя. И это противное, как пиявка, подсасывающее чувство, нужно было просто перетерпеть. Как всегда, сми-

риться.

— Сам не свой. – заявил наводчик, неспешно пожёвывавшая сушеные яблоки из кожаного мешочка. – Не шутишь, не юлишь через слово по-свойски. Что-то не так, товарищ капитан? Если вы за привод, не беспокойтесь. С такой позиции только прямо и стрелять.

— Не за привод, Казбек. С ним уже все понятно. – ответил тот, повернувшись. – Что это такое?

— «Антоновка» сушеная. Хотите? – протянул ему раскрытый кожаный мешок он.

— Нет пока, побереги на закуску. – побулькал фляжкой командир. – Хотя, чего зазря ее держать?..

Быстро отвинтив крышку и налив себе в нее, шумно заглотив горячее спиртовое содержимое. Оно прокатилось по горлу, обожгло все, что только можно, но голову, как подбавляет, сразу же сдвинуло. Спирт моментально оказался в крови. Не мудрено, на такой-то жаре.

– Вот, сие размышления правильные. – прищурил узкие азиатские глазки наводчик, меняя у него фляжку на мешочек с яблоками. Тоже быстро опрокинул импровизированную алюминиевую стопку на цепочке. – Ох, крепка у разведки горилка! Ух-х-х...

— Товарищ капитан, нельзя же. – смутился с переднего места Артем, как завидел протянутую Казбеком флягу. – Мы же на дежурстве боевом!

– Вот и считай это фронтовыми граммами. – быстро сже-

вывая пару сушеных долек, ответил тот, все еще расчесывая нос от крепленого напитка. – Пей, меня потом сдашь и медаль получишь. Сейчас можно и так получать...

— Хороший вы командир, товарищ капитан. – усмехнулся наводчик. В это время Артем быстро заглотив коньяк.

В армии у него бывало всякое. Пусть и плечист, коренаст, вылитый казачонок, Коновалов практически не пил. Никогда не был на субботних вечерних попойках в гаражах, где срочники тянули по алюминиевым кружкам выделенный им для танков спирт. Не пил и в каптерке, куда по доброте его несколько раз звали сослуживцы. Стойко терпел все тягости и лишения... Почти. Пил он все равно: позволил опрокинуть несколько стопок в увольнительном, на свой день рождения. Получил нагоняй и два наряда по возвращению. А потому, да и по характеру своему, все-таки боялся на глазах командиров расслабляться. Но тут его «шаблон» растерся в прах. Командир сам его подговаривал. И имея большое уважение к недавно появившемуся в его жизни Паньютиничу, из-за его умения держать себя в любой ситуации, Артем все же решился на прямое нарушение дисциплины. А куда было деваться?

Не выдержав напора огненной жижи, Артем закашлялся, и несколько раз натужно вдохнул. Во фляге явно было что-то интереснее четырех звезд.

— Слишком уже крепкая. – все же отдышавшись, ответил он. – Аж горло порвало.

— А кому сейчас легко, сержант? – прозвучал приглушенный риторический вопрос. – Сейчас никому не легче. А лучше... лучше уже не станет. Будет только хуже. – на этом Антон уже не стал лить в крышку, а хлебнул из горла. – Да... до пяти звезд точно, уф-ф-ф, не дотянет... Не дотянет, черт. Забористо! Я вот не люблю крепкий алкоголь. Не, все-таки не мое. Слишком уж в голову дает. Весомо, конечно... когда нужно посидеть, неспешно подумать на мутную голову о том, о сем, пятом и десятом. Подавить чувства, развязать себе язык, и позволить говорить без мозга, а одним лишь сердцем. Но вот с утра так хочется пулей закусить, ужас просто. Еще и старая контузия дает знать о себе, черт бы ее!

— Нет ничего лучше холодного пива. Только из холодильника. – закрыл глаза, немного раскинувшись на жесткой подушке Казбек. – М-м. Прохладное. И ждущее только тебя. Рубаху долой, ножом откроешь, чтобы пена по пальцам пошла, и к губам. Вот это я понимаю кислородный коктейль!

— Ха-х, кудесник. Теперь и мне захотелось. – обмахиваясь рукой, чтобы хоть чуток остыть от жары и той сивухи с фляги, ответил расплывшись в улыбке командир.

— А лучше мороженого, чтобы мозги остыли. – закивал Артем, чувствуя, как каждая из фибр тела впитывает немного огня от спирта. – Вот идешь по набережной иной раз. Девушки все мороженное едят. Так и хочется угостить, познакомиться. Спросить ее, как у нее дела...

— Кто о чем, сержант. – беззлобно пошутил Паньюне-

вич. – У тебя есть к кому возвращаться? К кому ты вернешься после этого?

— Да не к кому мне особо. Все мои друзья здесь. – пожал плечами он, поглядывая в триплекс на сверкающее море. – Как все кончится, наверное, на тракториста пойду. Буду стране хлеб жать, думать о том, что обилие свежих булок в магазине, некоторой частью моя заслуга. Буду, наверное, видеть, как над полями поднимается и заходит солнце, копать в тракторах, снова дергать за рычаги. Укрощать свирепые двигатели! А вы, товарищ капитан?

— Черт-е знает... – помялся тот, разглядывая фляжку в руках. – Я пожил на гражданке, после Грузии-то. Все каким-то дерьмом показалось. На мебельном поработал, так его закрыли. Сейчас куда идти-то? Даже тракторист вылететь может. А, казалось, важнее пашни и хлеба ничего нет. Но нет, все прибыль считают. Всем интересны только конечный продукт конвейера, а винтики, что в цепочке... Да кому они сейчас уперлись? Только Армия пока и живет. От рассвета и до заката. Да вот тоже... – прихлопнул он по горячему металлу башни. – Потихоньку шкурим ржавчину. Не знаю, куда я пойду... Дальше, наверное, если все как по маслу будет, служить останусь. Куда же еще?

— У нас в городе был станочный заводик. Тоже замок навесили. – вздохнул Казбек. – Был еще молочный, так тот скурвился совсем – не молоко, а солярка белесая. Только мясной держится и оборонный. Даже не знаю, что на том

делают. Станочный-то дюже мощный был. По всему Союзу станки стояли, от Эстонии до Владивостока. А потом похерили, продали каким-то мужикам, а те все и закинули. Сейчас в одном цеху только сверла точат мелкими партиями, а в других ветер гуляет из окна в окно. Афганцы все бывшие рынки в Средней Азии поджали, тоже станки выпускают. Говорят, даже, что хорошие. Социализм, блин...

— Если они социалисты, тогда я китаец, Казбек. Навешать красных флажков, где только можно и нельзя – ни в коем случае не социализм. У них частичный рынок, у них есть частные компании, миллионеры и миллиардеры. Есть бедные, есть богатые, и всем руководит завязанная с частным бизнесом контролирующая партия. Вот тебе и простой расклад. Все как у Китая, да? Они ж им и помогали на первых порах после Панджшерской революции. Помогли выпроводить американцев, а за место них свои порядки понаставили. И что, народу легче стало? Ничуть! Бронированный дракон с голым задом, вот они кто. Все те же империалисты, с турбанами на башке.

— Империалисты? У них же Госпланы, там, то-сё, пятое и десятое...

— Пятое, десятое... Тоси-боси, тыры-пыры и семь дыр, ё-мое, Артем! Конечно империалисты, а кто же еще?! Посуди сам: афганцы после две тысячи третьего, как объявили о создании Социалистической республики Афганистан, разве что Египет не задели своими интересами в Африке. Про

ближний восток и говорить не стоит – все подмяли, от Индокитая до Красного моря. Нефть, газ, уголь – везде качают. А кому не нравится это, там стараются свои порядки наводить. Самый яркий пример – это, конечно же, Иран.

— А что там было, кстати? Никто толком и объяснить не может.

— Иран разделился. – выдохнул и включился тут в диалог Казбек. – Поначалу Тегеран просто помогал Кабулу против американцев. Помогал-помогал, да допопомогался...

— Тогда-то Гардезский блок и появился, Артем. Южным провинциям не понравилось сближение с бывшим анархичным соседом, и... небольшая стачка, локальные конфликты, уличные бои, и тогда их просто отделили. Говорят, референдумом, но склонен думать, что там было далеко до правдивых подписей в бюллетенях. Как знать, может даванул Китай, может сам Афганистан к тому времени окреп от помощи, и поджал позиции Ирана. Сейчас судить уже не получится. Как факт, Северный теперь под Афганистаном, а Южный держат за узду саудиты и прочие арабы, что не заинтересованы в... «социализме». Вот такая история. Короткий акт, всего в пару лет, а как поменял баланс сил, да? И все ползут...

На этих словах Панычевич искажил улыбку. Она казалась вымученной, выстраданной, защитной, от каких-то дьявольских мыслей, что все еще крутились у него в голове. Он все вспоминал и вспоминал те бумаги из кабинета полковника, и думал о том, сколько было у них у всех – у этих троих му-

жичков в пятидесяти тоннах металла – времени. И в голове командира вдруг фантомно затикали часы. Тик-так. Тик. Так...

— И все ползут... – сжал он неприятно кулак, глянув на часы на руке. – ...к нам. Сначала же были нейтральными. Несколько первых лет. Но я прямо помню, как там ветер в девятом году поменялся. Я как раз после госпиталя был, буквально пару недель, как вышел оттуда. Власти в Кабуле поменялись, и началась черная полоса в их отношениях с нашей Москвой. Не поделили рынки поставок, не смогли чертовы баксы распилить. Все оказалось натянуто. Война была только вопросом времени... – пристукнул зубами тихо, в гробовой тишине танка. – ...только времени.

— Какого, товарищ капитан? – обычно спокойный Казбек вдруг немного нервно спросил его.

– Это нам только разведчики скажут. – снова натянуто улыбнулся Антон, хлебнув из горячей от жары фляжки, утирая лоб. – Но, сука, оно очень стремительно утекает. В ...

И тут он осекся. Не подумал хорошо, стоит ли говорить, или обождать, но все же заикнулся. И оборвался на половине, сжав зубы, что желваки полезли по скулам. До тянущей боли в деснах он напрягал челюсть, но так оперативно и не выдумал, как бы обыграть такую заминку. Это заметил и Артем, и Казбек. Наводчик отреагировал спокойно. Он был постарше, и поопытнее мехвода, потому промолчал, даже не пискнул. Понимал, что разговор дальше будет тяжелый и его

надо подготовить в голове. Командир всегда должен был говорить правду экипажу, должна быть уверенность в его словах. Но как ее подать, Паньоневич не знал. Он думал и думал, долго размышлял, но лишь укусил губу и подвинулся чуть в бок на стульчике, закрывая глаза рукой. Уперся локтем в нагретый металл башни, выдохнув.

Расценивать события в Москве можно было только в одном свете. Пусть никто и не признавал этого официально – не было доказательств, да и престиж бы потерялся, как и не было – это был теракт. Не нужно быть экспертом, не нужно знать основы партизанской войны или хотя бы пару страниц из поваренной книги анархиста, чтобы сообразить, что настолько важный стратегический объект государства, да еще и на пороге войны, нельзя вот так просто потерять из-за «газа». Нет, это была утка для журналистов, которые ее уже проглотили. Это была дезинформация, а истинные причины были где-то рядом. Зарыты под оплавленным бетоном кабинетов, под обгоревшими костями с крупными звездами погон.

Было ясно – это начало. Кто-то расчищал рубежи и делал это очень и очень удачно. Теперь Каспий, итак достаточно ослабленный из-за напряжений между Востоком и Западом, оказался еще и без централизованного управления. Не было понятно пока, чьи приказы слушать. Пока в Кремле пытались понять, что же вообще происходит и откуда ждать удара, танкисты здесь судорожно чинили отданные им, зачастую плохо подготовленные, боевые машины. Они готови-

лись стоять здесь насмерть. И она... скоро придет.

— Москва горит. – выдал наконец, хрипло, командир. Не скрывая ничего, сразу – в лоб, все, что было и что ему оказалось известно. – Подорвали оборонку. Все большие шишки разом.

У Артема в этот момент в душе все упало. Он ждал точно не этого. Удар для него был колоссальным, практически сразу парень побледнел, а в глазах все поплыло. Показалось, что стало плохо с сердцем, но нет – оно забилось сильнее, чаще. По венам разлилась кровь, мозг будто на мгновение выключили и перезагрузили. Скрипнула спинка. Казбек откинулся на ней, снимая с головы шлемофон. Пригладил широкой рукой ежик на круглой голове, и поник, глядя на свои замаранные в земле и каменной крошке черные сапоги.

– Вот это новости... – сказал он. – Кто конкретно?

— Главный, и все его ближайшее окружение. – ответил Паньоневич, протягивая тому фляжку. – Конкретнее не скажу, но список у полковника был длинный. Мы, моряки, авиация, морпехи, десант – все обезглавлены. Куда лучше у ракетчиков. Там у Громова – начальника их – травмы средней степени тяжести. Месячок и поправится.

— ... Советники тоже? – внезапно спросил его наводчик.

— Ты к чему?

— Та баба паленая, из десантуры, кажется. – поднял бровь он, глянув на командира. – Личный советник министра, которая, понял? Такая еще, смуглая. Не то таджичка, не то уз-

бечка.

— Вирхова! – вспомнил Артем. – Я слышал про нее, когда еще до мобилизации служил. Строгая, грозная. Говорят, с нее живьем сдирали кожу в Афганистане. Отсюда и след.

— Нет, все знают, что это мазут из БМД. – вдруг начал спорить наводчик. – Вылился на лицо и загорелся.

— Никто не знает, как он появился. Шрам этот. – громче, чтобы унять разногласия, сказал Антон вдруг. – Она никому не говорит. И никогда. И скорее всего не скажет, потому что и даже тогда сочинять будут. – недовольно цокнул. – Да, она тоже, судя по документам, там же и осталась... Хорошая была баба, уважаемая. Ее все любили в армии, особенно десантники. Строгая, резкая в высказываниях, матерится, как сапожник, но к каждому, как к себе. И всегда впереди. Всегда.

— Вы были с ней знакомы, товарищ капитан? – ухмыльнулся беззлобно наводчик. – Вы рассказываете так, будто лично ей в глаза смотрели. Я бы, наверное, много заплатил, чтобы эту узбечку хотя бы увидеть... Дюже складная!

— Ты сам-то кто, Казбек? – усмехнулся командир.

— Русский, товарищ капитан.

— Конечно. – улыбнувшись, кивнул тот. – Она вроде была с Таджикистана, хотя могу соврать. Я видел ее, как тебя сейчас. Это было в Грузии. В восьмом. – начал понемногу, расплывчато и медленно вспоминать он. – Мы тогда быстро наступали, я был в составе танковой колонны, которая захо-

дила в город. Мы ожидали, что особого сопротивления не будет. Так по началу и оказалось. Ну, а потом все началось, как обычно и бывает. Колонная растянулась, танки начали плутать по улицам. Связь была поганая. Не было точно понятно, где противник, а где его нет. И тут – из гранатометов! Хлоп! – с резким звуком тот сомкнул ладони, что Артем несколько даже подпрыгнул на сидении. – В нашу головную угодило, прямо в башню. Сработала защита, и по ушам звон, грохот, крик солдат. Но броня сдержала. И вдогонку – второй – в корпус! Но и тут спасли экраны. Сзади еще гранатометы. Замыкающую машину порвало пополам, башню метров на шесть вверх подкинуло! А у нас беспорядица, танки то вперед, то назад. Улица узкая, нас хлопают, как тараканов. Даже башню не повернуть – дома мешают. Выстрелы, взрывы, по нам камни летят, стекло трещит. Рушатся крыши, горят витрины и окна. Пехота, которая позади нас, тоже в бой лезет, а ее из пулеметов косят и к зданиям прижимают... Всем приказал в проулок, прямо через развалины одного дома. Прямо по кирпичу, туда, где бетонная арка такая была. Мы ее снесли и во дворы какие-то въехали. И там снова гранатометы! – Паньютин прервался, мгновение подумал, и зажмурился, а затем раскрыл глаза. – Еще две машины взорвались, у нас гусеницу сняло. Стоим посреди двора, только башней успеваем крутить. С нами наша пехота отстреливается по окнам, по дверям, везде, где только грузины сунутся. А связи нет – полное говно тогда с ней было.

Радиостанции старые, перегружаются, да еще и глушилки у Грузии были. Мы в полном окружении, ведем бой. Час так. Два. Потом три. Уже начинался четвертый, когда ко двору продвинулись грузинские танки. Мы уничтожили один, второй подожгли. Они нам осколочным вторую гусеницу сбили, все «коробки» с башни. Нас осталось только три машины, стоим веером, отстреливаемся. Пехоты нашей человек двадцать. Они заняли дом, и еще один этаж в соседнем. Подмоги нет, а окружение все давит и давит. Подходят грузинские танки. Мы уже думали, что все, и выбросили сигнальную ракету...

— Прижали тогда, похоже, знатно... Без подвижности – смерть.

— Да, Казбек. Мы уже и смирились тогда. Боеприпасы кончились через пять часов и двадцать минут. Нас никто не вытаскивает. – продолжал, тяжело дыша, Паньоневич. – Мы последний снаряд заряжаем, уже вручную, и видим, как на нас ствол смотрит. Потом вспышка, голову будто бы пополам порвало, и чернота... Я отключился надолго. Пришел в себя и слышу, как кто-то по броне ползет. Экипаж весь в крови, оба убиты, а у меня нога не работает и тело не слушается. Я за пистолет, еле как достал! Поднимаю, и готовлюсь в люк выстрелить, как откроется. И чувствую: на танк тросы накинули. Я разозлился: «Утянуть удумали!». И тут вдруг слышу голос, чуть сиплый такой, но не мужской. Порусски говорят. Тогда прямо с души отлегло. Понял, что нас

нашли, что нас спасают! Открывается люк, и первое, что я увидел – это была рука. Загорелая такая, как у курортника заядлого. На ней закатанный рукав камуфляжа. А затем ее шрам и лицо. Она смотрела на меня так, что аж внутри все сжалось. Помню, я тогда заревел даже, как девка, развел воду на лице и руку к ней тяну, чтобы вытянула меня из люка... «Ты настоящий танкист...» – сказала тогда мне она. – сглотнув ком в горле, Паньоневич опустил взгляд. Будто бы нарочно, поглядел на все приборы и шкалы, что окружали его. Осторожно пригладил резинку прибора наблюдения, и тяжело выдохнул, перебарывая внутренние чувства. – Оказалось, что о нас узнали еще на третьем часу боя. Рядом была одна десантная рота. Она прорывалась через рынок, и вела бои там. Связь у них была получше, они доложили на базу, но там не посчитали, что это что-то серьезное, ведь от нас не было никакой информации, сука. Не было информации, конечно! С неработающей-то связью, наху... А Вирхова командовала бригадой ВДВ тогда. И узнала о том, что никто не хочет нас вытаскивать из командования. Она, как говорили, рассорилась со всеми офицерами, и отправила две роты нам на выручку, вопреки приказам. Ее пытались судить, ее пытались затаскать по большим кабинетам, понизить в звании, но все... Все! Все те, кто был в ее бригаде, и те, кого она спасла, и я в том числе, написали рапорты с просьбой не лишать ее звания и наград. Она спасла тогда пятнадцать человек, не потеряв ни одного своего убитым. Пятнадцать семей из-за ее

решений не получили похоронок. И сама вытащила меня из танка, когда фронт отодвинулся дальше. Хотя могла просто подчиниться приказу, и не делать ничего...

— Хороший офицер был... – заключил Артем, с досадой выдохнув. Он тоже знал про нее. Все, кто хотя бы раз были под погонами, как минимум, слышали о ней. И почти все, у кого была совесть, кто мог думать и рассуждать, относились к ней с невероятным уважением.

— Таким сейчас памятники не ставят... Они, по большей части, не в чести. Сейчас куда выгоднее возвышать тех, кому Вирхова даже в лицо побрезговала бы плевать... Поди, пойми, кто теперь будет на ее и на министра месте. Кто будет всем этим управлять, если начнется? Хм, Громов, наверное. Он самый старший, и самый удобный.

— Что значит удобный? – не понял вдруг Артем.

— А то, что выгодные для курса вещи говорит. Поддерживает приватизацию... – последнее Паньоневиц сказал по слогам. – Юркий, как уж. В девяностые, говорят, куда «ветер дул», там он и оказывался. То под Грачевым, то под другими.

— Джинсами торговал? – спросил тут наводчик с ехидным смешком.

— Нет, Казбек, не торговал, ха-х!

— Не все потеряно, значит. – улыбнулся тот. – Настоящие авторитеты джинсами торговали, а потом уже «кабанчики» и «волчки», смотря что под руку попало.

— Ладно, мужчины. По последней, и можно немного от-

дохнуть. – снова налил из фляжки в крышку Паньютоневич, выпивая. – Ночь, судя по всему, будет интересной...

Тьмы не было. Прошел долгий день, но долгожданной ночи, казалось, и вовсе не наступило. Было светло и ясно. В люки задувал все еще достаточно горячий, хорошо прогретый, со смолянисто-соленым запахом воздух. Он медленно, с едва слышимым шуршанием проходил по всему внутреннему убранству танка и выходил назад – в пространство. Все было чинно, и все было спокойно.

Танкисты могли бы спать. Жарко не было, а было комфортно, чтобы не замерзнуть в промокшей от пота черной танковой робе. Но никто из трех членов экипажа так и не засопел, не увидел снов под слабым сиянием острого, поднявшегося из-за горизонта месяца. И не было это связано с мешавшими, залетающими в танк извне, мушками, которые жужжали над ушами, которые садились на нос и щеки, щеко-тали их. Нет. Для служивших танкистов это было сродни музыке, это их не раздражало. Они могли спать под заведённый танковый двигатель. К этому можно было привыкнуть, тогда чего тут – мухи?.. Но, ведь есть и то, к чему нельзя привыкнуть. К мыслям, что ураганом проносятся по внутричерепной поверхности, вызывая тягостные боли. Виски сдавливало от них, а затылок ломало. Под закрытыми глазами виделись нафантазированные, чернейшие по смыслу картинки. Была только жуть, навеянная разговором о событиях. Все думали о том, что может оказаться с ними, со всеми здесь.

С людьми страны и даже планеты. Один, всего один – единственный, возможно – неверный шаг через приграничный столб здесь мог столкнуть одни из сильнейших стран на континенте. Это обернется чудовищными последствиями. Особенно, когда у одного из противников слетела с закатанных в ядерные латы плеч срубленная голова. Московский удар был равносильен поражению, в еще не начавшейся войне.

Первым от этих идей не выдержал Панычев. Он заерзал на неудобном креслице в башне, повертел головой с закрытыми глазами, а затем открыл их. Взяв, без каких-либо слов, бинокль, по грудь высунулся из люка. Случайно зазвенел ремнем. Когда голову его одул легкий теплый ветерок, глянул в окуляры. Антон провел взглядом по всему берегу моря, еще раз осмотрел Мертвый городишко. Затем развернулся и внимательно изучил горы и предгорья, тропу, что должна была привести разведчиков. Никого еще не было.

В башне вдруг тихо выдало «Комарово» портативное маленькое радио, которое проснувшийся от полудрема Казбек поставил на казенник орудия. Он осторожно, своими пухленькими короткими пальчиками, с точностью хирурга, начал настраивать новостные волны. И наконец что-то, с помехами, все же поймал:

— «...одна из самых крупных техногенных катастроф, за всю историю человечества! Это не поддается... не поддается никакому... Никакому описанию, это невозможно передать! Мы видим, как небо...»

Дальше были помехи. Это услышал и Паньоневич. Проснулся Артем, неудобно заерзав на затекшей пятой точке.

— Ну-ка, ну-ка. – тихо попросил Антон, спускаясь в башню. – Почему сбилось? Что там еще?

— Пока не знаю. – пытался снова поймать уплывшую волну наводчик.

— «Уже высказываются предположения...», – диктор на пойманной волне сделал прямо-таки Мхатовскую паузу. – «... что причиной к Берлинским событиям могла послужить разрушенная космическая станция. Пока доподлинно не известен весь масштаб катастрофы, но уже начаты процедуры по оценке ущерба. По неподтвержденным данным, самый крупный объект попал в самый центр города и вызвал серьезные разрушения. Периметр оцеплен полицией, ведутся оперативные мероприятия.»

— Что-то случилось в Берлине. Берлин... – задумался командир на мгновение. – Я в новостях прочел, что там сегодня нефть пият. Вроде собрания или саммита что-то. Похоже диверсия была не только у нас. Что там вообще происходит?

— Не говорят. Наверное, сами не знают. – вслушиваясь в полумертвый динамик, ответил ему Казбек. – Говорят о разрушениях, о чем-то падающем. Мусор... Космический мусор! Ступени ракет!

— Баллистические?! – испугался Артем, почти подскакивая с места.

— Нет, иначе мы бы это уже поняли. — успокоил его Паньоневич. — Скорее всего с орбиты что-то. Спутники, ступени «Протонов» и прочие. Вот блин, дожили, твою мать!

— «По показаниям очевидцев...», — продолжало радио в ухо наводчику. — «Со стороны центра города тянется туман неизвестного происхождения. Это может быть связано с жидким ракетным топливом, или химическими составами для жизнеобеспечения спутника на орбите.»

— Ползет какой-то газ... — пересказывал он. — Из центра. Говорят, может быть топливом.

— О, Боже. — протянул капитан. — ...только этого миру и не хватало.

В этот момент в танке зазуммерила рация. Паньоневич вышел на связь, надел танковый шлем и зажав пальцами контакты ларингофона. Махнул на Казбека, чтобы тот выключил радио. На связи были разведчики.

— «Манта», «Манта», на связи «Ракушка-1». — шепотом, но очень и очень разборчиво, произнес Жемчужный. — Мы в ста тридцати метрах от сопки. Движемся на твои пять часов, время подхода две минуты, как понял, «Манта»?

— «Ракушка-1», вас понял. Оказать боевое прикрытие? — зачем-то вдруг спросил Паньоневич.

— Отказ. — коротко ответил разведчик.

Командир танка, высунув одну только голову, внимательно следил за тропой, которой уходил отряд. Но появились солдаты в истертых полевых балахонах немного правее на-

топанной дорожки. Солдаты, внимательно осматриваясь, вышли из лесополосы. Появились они быстро и достаточно неожиданно. На это, явно, и был расчет. Засеменяв ногами, перебежками, оказались около окопанной боевой машины, скрывшись за ней. Последним подошел командир. Опер автомат об грязный танковый каток и скинул с головы гарнитуру, вместе с закатанной шапочкой. Протер рукой влажную лысину и дважды пристукнул по броне танка.

— Сова, выходи. – произнес он, снимая с пояса фляжку с водой. – Медведь пришел.

В этот момент из люка, уже больше, вылез Паньютин и перегнулся, смотря на лысину Жемчужного практически точно сверху. Тот показал ему на пальцах два, и поманил сюда рукой. Оставив наводчика «на всякий случай», Антон сказал Артему вылезать из танка. И сам спрыгнул на рыхлую каменистую землю.

— Хорошая ночка? – пожав руку грушника в беспалой перчатке, улыбнувшись, произнес командир танка.

— Просто отличная, понял, да? – тараторил почему-то тот. – И с каждой минутой, бл, все лучше и лучше. Лучше, бл. Прошлись мы тут, осмотрелись, капитан, понял, да? По границе так, осторожно... – и показал рукой волну. – Попрыгали по кустикам, в бинокли поглядели. Ух, бл... Я присяду, не против?

— Садись.

— Ать! Вот так хорошо-о... – стянул грязные берцы он,

разминая стопу. – Ну и снимали, естественно. Еле выпросил у начальства Полароид с мгновенной печатью, чтобы с пленкой не возится. Хочу показать кое-что, понял, да? Кадры такие себе, но рассмотреть можно.

— Что за фотки-то? – смутился Паньютневич, присаживаясь на корточки рядом с Жемчужным. Рядом оказался и Артем, стянувший с волос шлемофон.

— О, я и забыл, что ты рыжий. Молодец, парень. – расстегнув разгрузочный жилет, из внутреннего кармана разведчик достал помятый и мокрый от пота конверт. – К афганцам пришли эшелоны. Его еще позавчера «Ракушка-3» срисовала. Шел в нашу сторону. Все было под чехлами – черт его пойми, что под ними. У нас была задача – узнать. Понял, да? Они, войска-то, черт-е знает сколько уже двигают. Туда, сюда, туда и сюда, бл. Но брезент не стягивают, а тут раз – стянули! Ну мы их всех и пощелкали, как на паспорт! Танки, там, Паньютневич, танки. А мне что-то в Москву... доложить надо, понял, да? Вот ты мне и скажи, пока железо горячо, что ты видишь.

Командир перебрал карточки в руках. В основном фотографии были размытые, чёрно-белые. Сфотографировано было явно через кусты, наверное, потому, что приближаться ближе было попросту опасно. Ясное дело, что ни по какой границе разведка не шла, а была в достаточном тылу вражеской группировки, потому и устала настолько сильно, что валялась с ног. Но ценная информация была собрана. Остава-

лось ее только обработать.

— Тут все сильно замазано. Какие-то советские машины. Явно не Натовская школа. Низкий силуэт, округлые... — и тут попалась одна из немногих наиболее четких фотографий. — ...Ух-ты.

— Шестьдесят четверка. — определил Артем. — Советский ОБТ. Старенькая она.

— Нет, нет, не угадал. — буквально впился взглядом в карточку Паньоневич. — Это давно уже не советский танк. Посмотри сюда. Видишь? Коробка вварена правее и выше орудия. Внутри этой коробки продвинутый дальномер и тепловизионный прицел с десятикратным увеличением. Это «Алладин» — афганская машина на базе советского ОБТ. Орудие не родное, крупнее. Минимум сто двадцать миллиметров, скорее всего свое. Говорят, стреляет управляемыми крышебойными ракетами.

— Понятно. — растянул Жемчужный.

— А что это? — указал Артем на заметный выступ возле командирского люка. Выглядело это так, будто бы на броню наварили перевернутое двадцатилитровое ведро, и вставили в него тонированное стекло. — Похоже на...

— Активная защита. Да. — подтвердил командир. — Эти танки нашпигованы электроникой под самую крышку. Если начнем мерить до них расстояние лазером, они это увидят, и откроют огонь. Заводиться нельзя до последнего — тепловизор увидит работу двигателя. И шарахнет ракетой. Сколько

их?

— Тридцать две машины.

Паньюневич прикрыл глаза, и помял переносицу. В его висках застучала кровь. Раздался протяжный выдох. Он пытался прикинуть шансы на успех. И... выводы были не утешительные.

— Можно их расковырять, товарищ командир?

— Расковырять, Артем, можно вообще все. – приободрительно произнес Антон. – Но вот это будет точно не легко. Наше основное преимущество – непредсказуемость и внезапность. Если ударить в борта, скорее всего попадем в боеукладку. Она у шестьдесят четвёрок вертикальная, и больше по площади. Они действуют по советским учебникам, так что нам придется нарушать все правила боя, чтобы вести его выгодно для себя.

— Еще. – провернул палец в воздухе Жемчужный, приказывая дальше смотреть карточки.

— Тут винегрет. Пятьдесят четверки, пятьдесят пятки, видел пару силуэтов семьдесят двоек. Какие-то румынские и сербские машины на базе советских танков. БМП, БМД, БТР, и прочие скорлупки. Это вот... – ткнул он в песочного цвета танк с покатой башней, обвешанный пулеметами. – Израильский «Тиран 5». Английская ста пяти миллиметровая пушка и прочие радости жизни.

Последняя фотография заставила его обомлеть. Антон замолчал. Долго и пристально смотрел на силуэт квадратного

зеленого танка, с резиноканевыми экранами на бортах, которые шли не прямой линией. Они были ломаной волной.

— Эти фото уже кто-то видел? – спросил отстраненно он.

— Пока только вы.

— Нужно, чтобы именно эта фотография оказалась на самом верху. И как можно, – вдруг поднял глаза на Жемчужного танкист. – Как можно быстрее.

— Что-то китайское.

– Это KF-13 «Кафир». Пожалуй, лучшая модификация китайского Типа 96А. Она переплевывает даже их новейший ОБТ. Она защищена лучше, чем мы, она мощнее чем мы, стреляет дальше, и думает шустрее. Если там подкованный экипаж, то мы уже трупы.

— Прекрати панику, капитан, понял, да? – серьезно и медленно сказал Жемчужный, пригладив лысину. – Их всего шесть машин. А вас на тракторной станции с несколько десятков.

– Это не паника, это наши реалии. – поднял одну бровь тот. – Посмотрите на мою восьмидесятку. Ей отказались ремонтировать механизм поворота башни, потому что ремонтники заняты машинами, которые даже тронутся с места пока не в состоянии. Наши машины хорошие, но они без запчастей, без снарядов, и без ремонта. Они работают свой третий срок, чего вы хотите от них в сражении, где самой старой машине противника два года? Два года! А этим тридцать, и они пережили Перестройку, а некоторые и обе чеченских. Я

видел «Бэшку», у которой от фугаса вмятина на башне!

— Мы ведь не бежим, товарищ капитан. – обратился к разведчику Артем, вступаясь за командира. – Но вы же сами видели ангары.

— Да, видел. – размял пальцами виски тот. – А что делать, Паньоневич? Что делать? Ты ведь слышал про Москву все. Некому тебе эшелоны пока отправить. А значит насмерть, но стоять надо! Понял да?

— Так... стоять и будем. – ответил ему командир, отдавая обратно карточки. – Сколько у нас времени, как считаешь?

— Черт-е знает. – пожал плечами лысый. – Сутки. Хорошо, если двое. Еще лучше, если три дня. Судя по всему, они все же решили снять танки с вагонов и готовятся их гнать.

— Можно попытаться перегнать две бригады из-под Волгограда. Там машинки посвежее будут – девяностые и последние модификации восьмидесятых. Да и парк просто больше.

— Командование считает, что у тебя здесь прорыва не будет.

— Командование... – махнул рукой Паньоневич. – Где теперь командование?

— Связь у тебя есть? – переключившись на другую тему, оборвал Антона Жемчужный. – У нас залило, бл. Только с тобой и смогли связать по нашим внутренним. Дали этот ящик, бл... – он прихлопнул рукой по стоящей рядом болотного цвета рации, которая больше походила на огромный

цинковый короб, с торчащей антенной. — ... и хоть стой, хоть падай. Мы ее и так, и этак, тоси-боси, и них-х-хера не работает.

— Лезь на башню. — показал рукой Паныюнович.

Через мгновение, в одних носках, оставив мокрые и грязные сапоги на земле, Жемчужный забрался на танк, и взял у Антона переговорное устройство, надев на голову шлемофон. Частота уже была настроена, осталось только связаться. Несколько секунд шипения в эфире, и раздался голос:

— «Коралл», «Коралл», я «Ракушка-1». Задача выполнена, просим транспорт к расположению «Манты». Повторяю: транспорт к расположению «Манты». Как понял, прием?

— Это «Коралл», слышу вас, «Ракушка-1». Транспорт выдать не могу, рискуем раскрыть позицию сопки.

— Чего, наху? — скосился на микрофон Жемчужный. — Не понял вас, «Коралл», повторите.

— Транспорта не будет. Как понял? Отходите сами.

— На жаре нагрело, похоже. — помотал головой разведчик. — «Коралл», у меня важнейшие разведданные. Я прошу транспорт!

— Транспорта не будет, «Ракушка». Отходите к...

— Конец связи. — не выдержал тот. — Сука. Что-то не так, бл. Задом чую, понял да?

Паныюнович лишь молча кивнул. Он сам не мог понять, почему командование пожалело разведке УАЗик. Может, действительно не хотело рассекречивать местоположе-

ние окопанного танка. Но, ведь, они закапывали его ясным утром, практически на виду. Конечно, танк был отогнан к леску, и стоял там, в теньке, чтобы не особо примелькаться. Но ведь он был не скрыт. Все, кто хотел, могли бы узнать, что солдаты что-то там замышляют. Явление этого разговора осталось непонятным ни одной из сторон.

Тяжело выдохнув, застегивая назад свой разгрузочный жилет, Жемчужный быстро спрыгнул с танка, натягивая сапоги обратно на разбухшие ноги.

— Подъем, бойцы. Отходим к поселению. – приказал он всем. На что разведка ответила слегка недовольным, но краткосрочным гулом. Солдаты ведь уже разложились, ждали того, что их заберут. И тут, когда все начали подниматься, грушник повернулся к Артему. – Держись, парнишка. Мы попробуем выбить вам подмогу, но я ничего не могу обещать. А ты, капитан, не распускай нюни, понял, да? – улыбнулся и подмигнул Паньйоневичу. – Хорошая ночка, да?

— Просто отличная. – со смешком, показав «класс», ответил тот, надевая на голову шлемофон. – Артем, по местам. Надо глядеть в оба теперь.

Подошла середина нетемной ночи. Было светло, чтобы в триплексы различимо видеть, что вообще происходит на той стороне естественной земляной чашки, между Каспием и Кавказом. Зажатый в этой красоте экипаж, до сухости в глазах наблюдал за всей округой, за тем, как на ветру шевелилось каждое дерево. Танкисты были напряжены. Послед-

ние сомнения о том, что они здесь случайно, отпали – было названо время. Двое, трое суток. Но и этому Паньютин не верил. Все думал о том, что Гардезский блок мог специально выставить свое добро на показ. Они были хитрыми, они могли надавить на испуг, и это у них получилось. Появление новых машин, совершенных машин на границе было очень плохим знаком для командира. Ему придется сражаться с тем, что раньше на поле боя не видел никто. Это были не семьдесят двойки Грузии, не их восьмидесятки. Это было новое поколение танков. Тяжелее, здоровее и злее. Все, на что можно было рассчитывать – на отличную подготовку танкового училища, где обучался капитан, на его боевой опыт и безрассудство. На удачу.

— Мы должны ошеломить их... – практически неслышно, повторял он про себя, утирая капли пота со лба. – Ошеломить их. Бить не по инструкции.

— Товарищ командир? – спросил было Артем.

— Проверяю связь. – ответил ему тот. – Сейчас. «Коралл», это «Манта», нештатных... «Коралл», прием? – вдруг спросил он, непонимающе поглядев на аппаратуру, и защелкал тумблерами. – «Коралл», «Коралл», я «Манта», прием? «Коралл» ... «Коралл» ...

— Что там? – заинтересовался Казбек.

— Связи нет. – сухо ответил тот, продолжая искать частоту. – Помехи. Сплошные помехи. Но тут что-то не так. Будто бы не обрыв, будто бы...

— Вижу движение, справа! На два часа! — резко и быстро выкрикнул Казбек, прильнув к приборам. — Противник, дистанция...

— Нет! — скомандовал командир. — Без дальномера!

— Дистанция... полтора — тысяча семьсот пятьдесят. — сглотнув, дрожащими пальцами пытался высчитать на листочке по прицелу тот. — А... э-э-э, так... С-скорость...

— Вижу их. — достаточно спокойно ответил Паньоневич. — Колонна, шестнадцать, семнадцать машин. Черт... это «Алладины». Поправка, дистанция тысяча шестьсот тридцать, выставляй. Подкалиберный!

Застоявшийся воздух в танке разорвал резкий лязг железа. Автомат заряжания зашевелился, зашебуршал сталью как диковинный змей и подал обернутую в эмалированный картонный цилиндр с металлическим поддоном болванку в затвор. Затем убрал свои лапы от пушки. Снаряд был в стволе, готовый к дальнему, и очень скоротечному полету в цель.

Казбек, не используя автоматического наведения, вручную провернул рукоятку привода вертикальной наводки, поднял пушку на необходимый угол. Руки его похолодели, на лице проступила испуганная гримаса, а под глазами почернела кожа. Овальное азиатское лицо стало практически неузнаваемым. Его сковал ужас перед настоящим противником. Артем же, пока этого противника не видел. Он для него было где-то там, за земляной насыпью с ветками и камнями. Фантомный, образованный лишь словами вид танков его по-

ка не пугал. Афганские машины были мыслью, которой не было в реальности. Потому юноша не боялся. Но по спине его все равно пробежали мурашки. Раз башенные боялись – ему тоже стоило.

— Подкалиберный! – быстро, заплетая язык, повторил наводчик, прижавшись лбом к резинке прицела. – Упреждение выставлено, к выстрелу готов!

— Держи их в панораме! – приказал Паньюневич. – Без команды не стрелять! Против всей колонны мы не сдюжим. «Коралл», «Коралл», это «Манта»! «Коралл», «Коралл», это «Манта»!!! Наблюдаю колонну противника, дистанция... «Коралл»!!! М...мать твою! В Грузии было тоже самое! «Коралл», «Коралл»! Прошу огневой поддержки!

— Вызывай дальнобойную, командир! – раскрыв рот и скаля зубы, не отвлекаясь от прицела, следил за движением колонны Казбек. Танки все больше входили на территорию чашки, и уже практически были перед Мертвым городом. – Двигаются быстро, это прорыв! Еще немного и они будут на середине!

— «Кашалот-1», я «Манта», прием! – вызывал дальнобойную артиллерию, что была в двадцати километрах от чашки, Антон. Но связи так же не было. – «Кашалот-1», прием! Требуем огневой поддержки, прием! Сука. Глухо!

— Ох, шайтан... Товарищ командир?! – уже требовал действия Казбек. – Уходят, товарищ командир! Стойте, слышите?!

Зазвучал странный звук. Он шел по нарастающей. Словно прямо на них двигалось что-то очень большое и очень рычащее. Но потом это стало напоминать шипение, не рев. Все замерли, Паньютневич сжал в руках переговорное устройство и глянул в открытый люк наверх. Туда, где было небо. На бреющем полете арабские штурмовики промчались над горами и вышли на маневр точно над танком. В люки задуло земли и песка. Антон закрыл глаза. А когда открыл, увидел в небе пару белых черточек от двигателей самолетов. Воздух разорвал удар. Словно от землетрясения, танк завибрировал, немного дернулся. Мощные взрывы донеслись из-за пролеска, а в воздух поднялся черный столбовидный дым. В чашку летели горящие и чадающие обломки.

Не моргая, Антон смотрел на это в триплекс, и ясно представлял, как сгорали там, за жиденьким пролеском, так и недоделанные, стоявшие на ремонте восьмидесятки. Как огонь, как взрывы и гарь заполняли помещения моторно-тракторной станции. Как там рвались баки с горючим, как там сдетонировал, и разлетелся красочным и невероятно страшным фейерверком склад боеприпасов. Взрывные волны все доносились и доносились до них. А громовые раскаты рвали уши. Яркие вспышки застилали пеленой глаза, стремясь выжечь сетчатку. Все, что было, все, что перебросили сюда, на этот «малоопасный участок» горело красным высоким пламенем. Плавилась в горниле пожарища вся та мощь, что была здесь. Силы перестали быть даже хоть сколько-ни-

будь равными. Теперь в строю остался лишь «Пять-двенадцать» – брошенный на произвол судьбы одинокий окопанный танк.

— Боже... – протянул Артем, видя, как над бруствером поднимается огненный шар, и темное небо разрезает шрапнель из горящих обломков и снарядов. – Это же...

— Артем, соберись. – сглотнув, отвернулся от триплексов Паньоневич, оскалившись через силу. Сердце на мгновение екнуло, он понимал, к чему все это было. – Ах-х-х, мы остались одни. Нам придется сражаться одним.

— Мы не сможем, товарищ капитан! – наконец отпрянул от прицела испуганный Казбек. – У нас всего одна машина!

— У нас целая одна машина! – повысил голос тот. – К прицелу, старший сержант! Дальность?!

— Тысяча... – сглотнул тот, глянув в панораму. – Тысяча семьсот семьдесят два. Продолжают движение! Скоты. Знали же, блин! Вы ведь им говорили! Говорили, капитан!

— Говорили, Казбек. – сухо ответил тот. И наконец командовал. – По головному – огонь!

— Ну, суки! – быстро ругнулся наводчик. И выдохнул. – На!

Танк тряхнуло. Если бы не наушники в шлемофоне, слуховые перепонки бы оставили все свои позиции и вышли из черепа. Передок брони озарила яркая вспышка. От нее в стороны полетела наваленная на бруствере земля. Глухо забили по обожжённой за насыпью траве откиннутые разрывом по-

рохов камни и валуны, так старательно наваленные танкистами. Со свистом, в полет на полтора с небольшим километра, пошел тонкий, иглоподобный, с оперением, снаряд. Части его поддона, что раскрылся при выстреле, рухнули на землю, слегка вырвав дерн впереди. Когда рев орудия стих, из него столбом повалил белесый пороховой дым, трава начала потихоньку преть и дымить, загорелись отдельные еловые веточки, что были сорваны с лобовой детали и башни выстрелом.

Когда громадный затвор немного откатился назад и выплюнул горячую гильзу, на том конце чашки раздался взрыв. Песочного цвета машина, бывшая когда-то советской шестьдесят четверкой, выдернула из себя все кишки, все наполнение, что было внутри. В разброс, из разломанных бортов полетели куски трансмиссии, катки, куски автомата заряжания. Башня изорвалась, как черствый пряник, и вывалила из себя, ствол орудия, вместе с обожжённым и проплавленным казенником. Все это фонтаном рвануло вверх, а затем, уже тухнувшими кусками, свалилось обратно. На все, что когда-то было броней и корпусом.

— Да! – дернул радостно рукой, Паньютневич. – Подкалиберный!

— Подкалиберный! АЗ! – скомандовал наводчик. В башне снова зачавкал металлический снарядный удав. – Заряжено!

— Замыкающий! Огонь!

На несколько градусов по горизонтали провернув ручную башню, и немного опустив пушку, Казбек выжал кнопку залпа. И история в точности повторилась. Разрыв капсюля, и громкий рев, будто бы чих гигантского зверя. Снаряд, разбрасывая в стороны ненужные куски своей конструкции летел точно к цели, которая уже замерла, так как вперед проезда из-за вставшего танка не было. Уже начавший разворачивать башню «Алладин» замер. В броне на мгновение образовался провал. Вольфрамовый снаряд вошел, впиваясь, как игла, точно в боеукладку. Этот враг загорелся не сразу. Его черное дуло все-таки успело немного подглядеть на позицию стреляющей восьмидесятки. Но выстрела не последовало. Из-под погона башни, в зазор вырвались снопы пламени. Люки сорвало с креплений, и подался вверх столб желто-оранжевого, яростного пламени, что озарило всю колонну. Этот факел горел не долго, но настолько ярко, что Паньюневич зажмурился, отпрянув от прицела. Две машины уже было на их счету.

— Подкалиберный!

— Подкалиберный! АЗ!.. Заряжено!

— Середина, огонь!

Строй афганских танков начал рассыпаться. Они начали разворачиваться, некоторые прятались за уже уничтоженные машины, чтобы не попасть под огонь. Другие, все же отваживались поворачивать башни. Там грянул выстрел, и снаряд просвистел в полуметре от башни закопанной в грунт

восьмидесятки. Антон инстинктивно поджал голову в плечи и закрыл уши руками, ожидая взрыва. Но его не последовало – танковый дротик срезал пару сосен и ушел в землю и горный камень, лишь гулко чавкнув за машиной.

В ответ помчался еще один выстрел. Но на этот раз Казбек смазал. Его вольфрамовая болванка скакнула по корпусу, и было видно, как она, с искрами отклонилась от брони и ушла выше, рухнула в море вдалеке. По спинам экипажа пробежал холодок – фактор внезапности был потерян.

— Дальномер! – только и успел сказать командир.

По ушам ударило. Фугасный снаряд встретился со скопом брони, угодив точно в стойку зенитного пулемета, сббив его под самое основание. На броне оказалось раскаленное пятно, а взрыв сорвал резиновую юбку с правого бока башни. Сработала динамическая защита, вспыхнули набросанные в целях маскировки еловые ветки. В раскрытый командирский люк заскочили языки фугасного пламени, обжигая Паньоневичу спину. Тот, искривив безумную мину, распрямился, хватаясь за опаленную кожу. С криками и охами, он попытался содрать с себя чёрную танковую робу, но не сумел, лишь рухнул обратно на свое сидения. Перебарывая чудовищную боль, Антон вытянул руку и захлопнул командирский люк, стряхивая с рукавов языки пламени, утаптывая провалившийся в танк и горящий на полу ельник. Триплексы заполонил огонь и дым. В танке начало пахнуть смолой и костром, толком от разорвавшейся над броней фугасной бол-

ванки.

— Казбек, живой?! – хватаясь за спину, громко спросил Антон. – Казбек?!

— Жи...живой! – ответил тот.

— Подкалиберный! Живее, живее! Мы тут, ептить, как прыщ на лбу!

— Не вижу наводку! Дым в приборах!

— М-мать. – Паньоневич сам глянул в триплексы. – Артем, дорогой, пора. Заводи!

Обгорающий, чадающий смольным дымом танк засвистел турбиной. Двигатель изрыгнул из себя клубы сизого дыма. Сорок шесть тон Кировского металла приходили в движение. По ним летели снаряды, по ним били бронебойными, но все было мимо. Окопавшуюся металлическую черепаху не брало будто бы ничего. Земля от близких разрывов фугасов и кумулятивов прикапывала восьмидесятку, пытаясь похоронить ее за живо. Но тут Артем дернул рычаги, и машина, взвившись, перемалывая гусеницами камень и бурую рассыпчатую землю, подалась назад. Еловые ветви на броне продолжали гореть, и это было просто чудовищным зрелищем. На мгновение танк показался настоящим призраком, настоящим посланником ада, который еще и огрызается огнем, зная, что он остался здесь всего один. Экипаж дрался с нечеловеческим упорством и остервенелостью.

На лицо Паньоневича каждый раз рвалась белозубая улыбка, когда в триплексах он видел вспышку на той сторо-

не. В его глазах сверкал огонь, а тело его пробивала дрожь и пот от обгоревшей спины. Страшная боль сковала его мышцы, но разум... Разум остался крепок, он стал быстрее сообщать, и сам выставлял поправку, когда это было необходимо. В триплексах плясали языки пламени, но каждый раз, когда в них был хотя бы секундных просвет, звучал грохочущий выстрел из танковой пушки. Один за одним – снаряды летели во врага.

— Выбирайся из окопа! – после очередного отхода орудия в башню, после выстрела, уже не в рацию, просто надрывая глотку, крикнул он Артему. И тот его услышал – налег на рычаги.

Но тут двигатель дал осечку. Обороты упали, и он чуть ли не заглох. Бросив на траву черный клуб промасленного дыма, танк, как не объезженный скакун, порвался встать на дыбы. Орудие качнуло, и выстрел ушел в молоко, просвистев над башней одного из «Алладинов». Лишь срезал оперением антенну радиостанции, и пробил одну из мазанок Мертвого города. Затем плюхнулся с брызгами в Каспийское море.

— Двигатель не выдержит разворот без хода. – мотнув, сказал Артем, закашлявшись от поступающего в танк дыма с брони. Вся эта взвесь из сажи и гари была пропитана костровой вонью, смоляным запахом горящих елей. – Мы встанем тут!

— Задним! – скомандовал Паньоневич. – Плевать, задним давай! К аулу!

— Командир! – только и успел Казбек.

Танк снова трянуло, немного даже подкинуло. Клинообразный нос восьмидесятки подсветила яркая вспышка. Во все стороны разлетелись, сгорая едким пламенем, фрагменты резинового противоккумулятивного фартука, который сработал, как и было рассчитано. Снаряд разорвался, не долетев до брони. А раскаленная пика из горячущей меди так и не добралась до брони, не пробила ее. Лишь полоснула, оставив светящийся темно-рыжим опаленный след. Артем снова дернул рычаги. Коробка передач работала на износе, но держалась. Двигатель был на последнем издыхании, но еще тащил пол сотни тонн брони до заветных построек, которые были в зоне досягаемости. Оставалось только добраться.

Тут, с поворотом башни, пошел странный звук. Шкрябающий, хрустящий. Орудие наводилось теперь не плавно, какими-то наскоками. Отказывал разваливающийся привод горизонтального наведения, и «чебурашка», которую держал в руках Казбек, перестала его слушаться. Восьмидесятка словно не хотела воевать.

— Давай, милая, ну! – изо всех сил пытался повернуть башню наводчик, уже переключившись на ручную систему. Но даже один градус давался с невероятным трудом. В гребенке застряли обломки зубов, и все могло кончиться клином. – Черт, черт. – и глянул на запищавший датчик на табло. – Лазерное облучение! Они наводят ракету!!!

— «Серебрянку!» Лупани по колонне! – сообразил быст-

ро Паньоневич.

— РЛ готов! – после металлического скрежета автомата зарядания доложил Казбек.

На той стороне чашки что-то вспыхнуло. Горящая точка, как комета или метеор, что мчится к земле на огромной скорости, оставляя за собой шлейф из газов, приближалась к танку, все увеличиваясь и увеличиваясь в размерах. Это была крышебойная афганская управляемая противотанковая ракета, против которой у восьмидесятки Паньоневича не было никаких систем противодействия. Это финальный аккорд для любого танка, только если не получится сбить ее с курса.

Рвануло уже в русском орудии. Болванка, наполненная мельчайшей металлической пылью, вылетела из канала ствола, озаряемая огромным шаром из пороховых газов. Разбилась об броню одного из догорающих танков на той стороне чаши. Пищалка у Казбека отключилась – лазер наведения был сбит, и ракета, со свистом промчалась в считанном метре от башни, рванув точно над гусеницей. Кумулятивная струя, что должна была прошить башню танка от крышки до днища, чавкнула по земле, лишь сорвав элемент резинового экрана с гусеницы.

— Есть! Даю дым. – уже знатно расслабившись, сказал Паньоневич. – Артем, полный назад, пятнадцать градусов левее, иначе упремся в лес.

Из дымовых шашек вылетели маленькие заряды. Как спе-

лый горох из растрескавшегося стручка, они застучали по траве и земле, разрываясь. Танк начала закрывать плотная пелена белого дыма, под которым тот и двигался к аулу. Шансов появилось все больше. Как и предсказывал Антон, такая невиданная дерзость и решительность ввели в ступор новоиспеченные афганские экипажи. Танкисты просто не знали, как всем этим, что им доверила ближневосточная Родина, управлять. Противник был в замешательстве и это чувствовалось.

— Они нас потеряли. – утер пот со лба Паньоневич. – Даю еще дым. До строений не больше полукилометра, жми Артем.

Рядом с танком разорвался кумулятивный снаряд, врезавшись в землю. Арабы не сдавались – били на прикидку. В белый дым, как в копеечку! Пытались нащупать и уничтожить, смазавший все их планы на молниеносную блиц партию здесь, танк. А на поле чашки горело до шести – семи «Алладинов». Ведь их правительство загадало не то желание... Снаряды рвались еще и еще. «Пять-двенадцать» продолжали обстреливать с низины, но все было далеко. Разброс был в несколько десятков метров. Так им было точно не попасть.

— Что с приводом? – озабоченно спросил Антон, глянув на наводчика. – Еще возможно наведение?

— «Чебурашке» каюк. – прихлопнул по механизму наведения, что был ниже всех приборов и триплексов, тот. – Руч-

ная еще ...

Казбека дернуло. Неестественно, как куклу. Танк изнутри осветили снопы раскаленных искр, которые рассыпались повсюду. Окатили даже Артема, долетели до самого носа танка, и долго не затухали. Дикий скрежет ворвался в уши не сразу, и за ним ничего не было. Никаких звуков, словно отрезали уши. Ошарашенный Паныюневич не мог понять, что произошло, и просто стеклянным взглядом посмотрел на закричавшего наводчика, который схватился за изорванные ноги. Все его приборы наведения были практически уничтожены. Триплексы растрескались, был уничтожен баллистический калькулятор. В броне красовалась изорванная дыра. Только чудом снаряд не задел гребенку башенного привода. Артем бросил рычаги от удара, нога соскочила с педали. Танк неуправляемо повело, и он начал терять скорость, останавливаться.

— Вывози!!! – закричал не своим голосом Антон, пытаюсь перекрыть рвущего горло Казбека, который судорожно сжимал кровоточащие ноги. – Мы подбиты! Артем!!!

— Да, да... – взволнованно, трясущимися руками, тот снова взялся за рычаги. Но танк его не послушался. Он все норовил заглохнуть. – Ну же... Ну же!

— Артем!!!

— Я пытаюсь! Пытаюсь!

Командир потянулся через орудие к наводчику, сжимая руками эластичный жгут. Быстро содрал с остатков ног его

руки, он начал перетягивать сочащееся кровью мясо, как можно выше от ран. Но они были везде. Человека посекло, и теперь он был больше похож на дуршлаг. Грудь, шея, руки и тем более ноги – все было изорвано осколками. Снаряд не пришиб его сразу, не оборвал жизнь быстро, чтобы тот не понял. Нет, этот дротик ударил так, чтобы человек прочувствовал, попрощался с жизнью заранее. Чтобы он понял, что умирает.

— Ноги!.. – протянул Казбек, взявшись мокрой от крови рукой за плечо капитана. – Где мои ноги?!

— Потерпи, дорогой. Потерпи! – затягивал жгуты тот, понимая, что даже это ему уже не поможет.

На полу танка был фарш из костей и рубленного снарядами мяса, лужа липкой бурой крови с металлическими обломками и потухшими искрами. Весь этот бульон был и на самом Казбеке, он все меньше становился похож на человека. Бледнел, затихал и быстро прощался со своей жизнью, уже почти не моргая. На зубах его проскочила кровь. Она лилась отовсюду – из ран, носа и рта, из ушей от лопнувшей перепонки. Помочь ему было уже нельзя, но Паньоневич все пытался. А Артем изо всех сил старался поддать газу. Приблизиться хотя бы еще на толику к зданиям в ауле, укрыться за ними. Дать еще хотя бы шанс на спасение. Небольшой, всего один... Даже половинку. Руки его сделались каменными, он сжимал их, надеясь, что это поможет. Но и на его лице выступала кровь, а под рыжими волосами затылка было

обожжено искрами.

— Казбек, не спи! – потряс его за мокрые плечи Паньюневич. – Нельзя спать, слышишь?

— Моя семья, капитан... Моя се...

— Казбек! Казбек!!! – кричал ему Антон.

Но ему уже никто не ответил. Снова раздался взрыв. На корпусе танка разорвался фугасный снаряд. Восьмидесятка, выпустив черный маслянистый дух из двигателя, встала как вкопанная. А внутри двое потерявших сознание танкистов, и один изорванный труп. Из звуков осталось только шипение ради и капающая на металлический пол танка красная кровь...

...Первое, что увидел Артем, когда пришел в себя – расстрескавшийся триплекс и опущенный ствол танка. На руках оказалось липко, в носу и рту стоял железный привкус. В ушах чудовищный звон, и взгляд не мог собраться. Вещи перестали фокусироваться, все оказалось размыто. Мысли путались, вились обрывками вокруг мозга, и все никак не приходили на ум. Ничего было не понятно, а пальцы холодели, на них был бурый покров из застывшей крови. И вдруг в уши прорвался шелест, громкий шорох, с которым приходил в себя Паньюневич. Командир оказался растянут между креслом убитого наводчика и своим. Буквально лежал на казённике орудия, роня из носа и ушей кровь на уже остывший металл пушки. По пришествию в себя, Антон сполз обратно на свое место и стянул сдавливающий череп шлемофон, сбро-

сил его к ногам. Обхватил голову трясущимися руками, и, как ошпаренный, глянул в приборы наведения.

— ...Не стреляют. – пьяно заключил он. – Приняли нас за убитых. Артем?

— Я цел, кажется. – утирая из-под носа засохшую кровавую корку, что сковала проклюнувшуюся после бритья щетину, ответил тот. – Казбек мертв, да?

— Да, Артем... – на выдохе ответил тот, глянув на наводчика. Лицо последнего было больше похоже на побеленную, запачканную красной гуашью страшную маску, чем на живое человеческое. – Он погиб. Ты не ранен?

— Где мы, товарищ капитан? – проигнорировал вопрос тот, часто моргая. Парень преодолевал страшную головную боль.

— Пока не знаю. Двигатель не заводи, я осмотрюсь. – Паньоневич схватился за рукоятку люка, толкнув ее от себя.

За люком, строго вверх, оказался сверкающий миллиардом звезд небосвод. Дело было к рассвету, совсем скоро над Каспием снова загорится жаркое светило, так что для звезд это был последний час. Антон на мгновение застыл, глядя на это все. Теперь это воспринималось по-другому. Думал он о том, что этой красоты не увидел наводчик. Что этих звезд не увидели все те, кто пал под ракетами и бомбами на моторно-тракторной станции. А он увидел... И на душе вдруг заскрежетало, больно зашевелилось что-то живое, не сожжённое, не опаленное боями. Это была невероятная горечь за

то, что произошло. Не обращая внимания на стянутую ожогом спину, на рваный комбинезон, в котором не доставало вспыхнувших тогда и сгоревших на теле клочков, Паньоневич, выбрался из танка по пояс и осмотрелся. В бинокле сохранился лишь один окуляр – в него и глянул. Увидел все те же горы, все тот же, но несколько побитый снарядами лес, распаханную землю чашки и предгорья, чадающие в низине, перед самым Мертвым городом афганские машины. Это были единственные потери арабов здесь. И все были сделаны экипажем «Пять-двенадцать». Цифры эти на башне уже затерлись, сорван был тот экран на борту, где это было написано, но упертость, сила и решительность оказалась доказанна на тех сгоревших «Алладинах». Остановив внимание на потухших танках, Антон прицокнул, и тихонько выдохнул. Дальше на пути его взгляда было зарево догорающей за пролеском моторно-тракторной станции. Но на нем он не задержался, ведь екнуло сердце.

Сперва Антон не мог понять, почему в бинокль не видел он те редкие постройки аула, к которым они с Артемом ходили раньше за молоком. А потом сообразил, убрав бинокль: в одном из таких домов, на половину моторно-трансмиссионного отделения, что было завалено белым камнем и черепицей, стоял их танк. Артем все-таки довел их до укрытия, но снаряд все равно нагнал экипаж. И теперь, чуть приподнятый задней частью, стоящий на фундаменте дома, побитый танк застыл, будто памятник.

— Механик, – строго позвал Паньютин, полностью выбравшись из люка. – Бери оружие, мы выходим.

— Есть. – отозвался Артем, с двумя ударами по заевшему механизму подъема люка, вылезая из машины.

Антон присел на башне, и оглянул огромное промятое пятно – тогда только чудом не ударило в забытый в горячке боя открытый люк. Только чудом не пришибло им, и не поджарило фугасом. Там, где раньше была стойка пулемета и сам чудовищных размеров НСВТ, теперь было гладко, поиздевательски прилизано. И только следы осколков во все стороны. Срубило начисто все что было. На правой стороне башни не было резиноканевых экранов – той самой легендарной «юбки», что и делала «У-шки» уникальными по виду. Там тоже зиял голый, излизанный трассами осколков металл. Артем же увидел значительного вида дыру, чуть выше привода горизонтального наведения, которая и вела точно к ногам наводчика. Дырка та была чуть меньше кулака, совсем не большая, но принесла столько хлопот, что теперь и не оберешься.

— Помоги мне. – тихо сказал капитан, пытаясь поднять люк наводчика. – Помоги, Артем.

Мехвод послушался, и вместе с командиром синхронно дернул люк вверх, заглядывая внутрь широко раскрытыми глазами. Но отпрянул, как от чумной бочки. Такого зрелища там он явно не ожидал. Любопытство жестко получило от реальности, и теперь парнем овладевало скорее отраще-

ние, невероятное чувство мерзости. Но не к трупу, а к тому, что с ним произошло. В этот момент Артем, до сих пор не понимающий, что такое вообще смерть, забоялся ее.

— Надо его вытащить. – посмотрел на парня Антон. – Артем, надо...

— Нет! – заявил он, отшатнувшись. – Я не могу! Не могу, он труп!

— Ты солдат, ты танкист! – строже глянул на него капитан. – Оглянись, это война! И нам нужно его достать, мы не можем держать это в танке, ясно тебе? Слушай меня, сержант.

— Нет, нет, я демобилизовался... – замотал головой тот. – Я всего полгода назад ушел с контракта! Почему я здесь?! Почему я снова в этих корытах?! Я не хочу тащить трупы из танков! И сам не хочу умирать в танке!

— Артем!

— За что нам умирать, капитан? – роняя из закопченных глаз слезы на изорванную и побитую броню, спросил тот. – За закрытые заводы, о которых он рассказал?! За тот мебельный, с которого вас выкинули из-за банкротства?! Может за олигархов, за чиновников?! За их яхты, за их заводы и пароходы мы должны умирать в сорокалетних нерабочих гробах?!!

— Не за них... – смягчившись, словно переключая внутри себя пластинку, ослабил тон командир. – Последнее слово, которое он сказал – «семья». Он умер в этом танке за свою

семью. Наша страна далеко не идеальна. Но наша страна – это еще и народ. Это тысячи, сотни тысяч семей, которым грозит опасность. Наша Родина – это люди. И если ты сперва подумал о заводах, о олигархах – кто ты, Артем? Мы не без рода, не без племени. Мы всю жизнь рядом с нашим народом, и даже если ты сирота, ты рос, и ты воспитывался. И это все – живые, чувствующие боль и страх, нуждающиеся в защите люди. Нуждающиеся в нас – воинах. Они, как и мы, на нашей земле. И по этой земле идет враг... Враг, Артем...

Тот не ответил. По его опаленным щекам, с мелкими взбухшими ожогами от искр, от раскаленного разлетевшегося металла пробитой брони, текли маленькие и очень скупые слезки. И они были сродни тем звездам, что сияли на небе – явлением, казалось бы, привычным для глаза, но открывающимся по-новому в подходящий момент. По этим наивным, практически еще ребячьим глазкам, Антон понял, что Артем его услышал, что он прочувствовал его слова, и даже несколько постыдился своих вопросов. В этот момент, танковый командир стал ему будто бы отцом. Таким, который причитает, который говорит строго и уверенно, который знает, что делает, но который наставляет не пинками, не побоями, не собственным авторитетом и положением. Таким, который двигает к действию чувствами, который знает, как и что сказать.

Это сработало. Мехвод медленно, все еще играя на лице разными эмоциями, от нежности до отвращения, потянул

осторожно руки в люк, нащупывая холодное, похожее на резиновое тело Казбека. И, заглянув точно в глаза Паныюневичу, когда тот кивнул, потянул труп наводчика на себя, вытаскивая его из башни.

— Отнесем его в один из домов. – сказал командир. – Ты прикроешь меня, а я понесу, понял?

— Хорошо. – достал из кобуры пистолет Артем.

В поселке оказалось чисто. Многие из домов были закрыты, ломиться в них не было никакого смысла. Хозяева наверняка были с ключами где-то ниже дерна метра на два – аул этот почти заброшен. Выбор пал на домик бабы Марфы и деда Бориса.

Дверь не была заперта. Ее открыли плечом. Сперва вошел Артем, осторожно проверяя все углы, держа перед собой пистолет. Затем, с трупом наводчика на плечах, вошел и командир, осторожно прикрыв за собой дверь. В хатке было темно, свет не включить – могли заметить афганские разведчики, или даже навести артиллерию. Осторожно, помня интерьер знакомого уже дома, пара танкистов прошла в кухню. Сложив с плеч Казбека на стол, Паныюневич распрямился и огляделся. В хатке был страшный беспорядок.

— Будто Мамай прошелся. – без улыбки, с серьезным лицом, тихо сказал он. И послышался какой-то шорох в дальней комнате.

Достав собственный Макаров, Антон осторожно прошелся по половикам и до жути скрипучему полу туда, где, пред-

положительно, была спальня. Дверь снова была не заперта, а на полу был черный след, как от протасенного мешка. Заглянув внутрь, танкист увидел несколько трупов на кровати, и сидящего у нее человека с поникшей головой. В нем, подняв ту, он узнал Жемчужного.

— Ох ты ж, черт! Артем, найди аптечку!

— Мне не помочь... – мертвецки холодной рукой схватил его разведчик. – Прострелена печень и легкое...

— Что тут произошло?

— Арабы опередили нас... – издавая свистяще-хрустящий звук на вдохе и выдохе, выговаривал грушник. – Вырезали остатки поселения. Перестреляли всех моих ребят... А меня умирать... оставили. Отбили?

— Нет, мы чудом выжили. – мотнул головой и, прижимая пальцем рану на груди разведчика, сказал Паньютин. – Противник ушел в глубь обороны. Даже не знаю на сколько. У нас один двести. Мой наводчик. И вся моторно-тракторная на воздух...

— Пло... Кх-х-х... Плохо. – слабо закашливаясь, кивал от бессилия на каждый вздох тот. И вдруг подался ближе к танкисту. – Ты, капитан, слушай... Парень чтобы выжил, понял да? Что... кх-х-х... что хочешь... кх-х-х... делай, но что бы...

Жемчужный врезался лбом в грудь командира танка. Пульс остановился, и последние силы его покинули. Он не успел договорить, но Антон понял, кого тот имел в виду. Сам

тоже думал над этим, но не знал, как это осуществить. Они уже были в тылу у противника. А если прошло много времени – то в глубоком. Прорыв на танке был невозможен, а покинуть машину не хотелось. Бой, пусть и был дан, но все те силы не были чем-то переломным. Нужно было дать генеральное и последнее сражение на Каспии. Нужно было защищать, закрывать собственной броней простой народ, до последней капли крови. Нужно было воевать, пока для этого есть все средства.

— Я...я, что нашел, то принес! – протянул Паньоневичу бинты, пару жгутов, йод и зеленку, тот.

— Это Жемчужный. – поднимаясь с коленей, сказал тот. – Афганцы оказались здесь раньше них, и раньше нас. Если они уже ушли, значит мы уже не на передовой, а в тылу.

Как шли к кухне, где на столе был мертвец, Артем на мгновение остановился. Под его ногой что-то хрустнуло, и это привлекло внимание парня. Наклонившись, он поднял с пола орден «За Отвагу» деда Бориса. Осторожно приколол его обратно к растрепанному и изорванному диверсантами пиджаку, что был на полу шифоньера. Повесил его обратно на плечики, рукой пригладив все награды.

Командир прощался с наводчиком. Стянул, приевшийся на голове, отяжелевший от напитавшей ткань крови, шлемофон с грязных красных волос. Прижал его опаленной рукой к груди. По спине пробежал холодок сквозняка. Лаская, как женские пальчики, его обожжённую спину, эти дунове-

ния словно напоминали ему о том, что он еще, пусть и чудом, но жив. Он чувствовал боль, он чувствовал разорванную внутри чудовищным боем человечность. Но еще был человеком. Капитан все жал и жал к груди, до побеления пальцев шлемофон, и скалил зубы от злости. Он прощался уже со вторым своим наводчиком. Смерть каждый раз оказывалась не на том танковом кресле. И ведь говорил, предупреждал. Правильно всегда думал, что нельзя вот так – с шашкой на голо, быть уверенным в том, что сдюжим все только потому, что когда-то уже побеждали. Ведь это не куется историей, ведь победа не достается прошлыми победами. Однако, ни до кого он так и не смог донести мысль, что только смерти, вот таких вот парней, одним словом – славных, кладут отмостку к медалям и шампанскому для генералов и политиков... К их, так горячо любимому слову «Победа», у которого всегда чудовищная цена.

— Ты прости, что вот так вот... – робко, пальцами прикоснулся он к холодной и синюшной коже лба мертвеца. – Без похорон и гроба. Не можем пока, Казбек. Не сумеем... Ты спи спокойно, а у нас еще есть наша работа. Мы живы. И мы будем сражаться...

Взглянув на прощанье на застывшую мину мертвого наводчика, капитан наклонил голову, закрыв на мгновение глаза. Внутри него в это мгновение не было ни одной мысли, не проскочила ни единая фраза. В его голове секундно захлопнулся фантомный, но настолько знакомый, тяжелый

танковый затвор. И чудовищная пушка в фантазиях выбросила болванку во вражеский танк. Не думал ничего другого. Капитан видел, как уничтожает врага, с злобой и яростью. Как испепеляет арабские танки на своей земле. От этого по его лицу прошла дрожь. Зубы показались из-за губ, а нос сморщился, брови сошлись. Но глаз он не открывал. Все бил и бил по танкам, прикидывал, как и куда он будет слать свои снаряды. Как, из последних сил, из последних возможностей своего танка и неполного экипажа он выжмет все, но выполнит... свою боевую задачу. Выполнит!

Раскрыв глаза, прытко надел на голову шлемофон и быстрым шагом двинулся по скрипучим доскам на выход. Артем поспешил за ним, лишь напоследок глянув на изорванное тело сослуживца, что оставалось на столе в кухне. В забытом Богом горном селе.

Паньоневича питала ярость. Холодный расчет отошел на второй план, ведь он просто хотел разбить, уничтожить врага. Стереть его в мельчайший порошок за своего наводчика. И механик-водитель это почувствовал. Артем быстро схватил его за руку, и одернул. Тот, качнувшись, явно не ожидая такого, нервно спросил:

— Что?

— Что вы собираетесь сделать, товарищ капитан?

— Завести танк, Артем. И придавить гадов к ногтю. Мы еще живы, а значит у нас есть боевая задача.

— Не целесообразно вот так атаковать танковую колонну

в одиночку, разве нет? Вы ведь хитры, товарищ капитан. Вы сбили ракету «серебрянкой»! И вы пойдете в лоб?

Паньоневич на мгновение задумался. Оглядел механика с ног до головы, и заглянул ему в глаза. Артем не боялся, не было видно прежнего страха на нем. Не было тех эмоций, что были у него во время вытаскивания тела из башни. Парень был готов, но говорил то, что могло сломать верный до чести, но самоубийственный план командира. Но тот послушал. И понял – Артем был прав. Атака одним танком не приведет к успеху, если воевать против точно таких же танков. Нужно было брать хитростью, бить туда, где не ожидали удара. Сам же и говорил, что спасет только хитрость и уход от догм. Смекалка и азарт. Они и могли пригодиться сейчас, когда условия были чудовищными по своей сути. И на ум пришла идея.

— Ты прав, я сбил ракету «серебрянкой». – повторил Антон. – И в лоб я не пойду. «Пять-двенадцать» манёвреннее и быстрее на оборотах, чем их шестьдесят четверки. Нам нельзя оставаться в поле, поэтому придется прорваться в низину и маневрировать среди подбитых машин и хат в Мертвом городе.

— Прорываться? – немного опешив, спросил Артем. – Но ведь...

— Прорываться. – сухо заявил снова тот. Но вдруг улыбнулся. – Но не через танки.

Взгляд Паньоневича упал точно на бывшее поле боя. Ту-

да, где еще недавно чадили черным подбитые им «Алладины». Он впился взглядом в эту низину как вампир, и Артем, сам того не поняв, тоже обернулся.

По траве, переминая под колесами покрашенных в песочный цвет арабских КАМАЗов и Уралов, под гусеницами разномастных тягачей и легких бронемашин, двигалась тыловая колонна, с очень уж редким сопровождением. Гардезский блок правильно рассчитал на Блицкриг, правильно рассчитал то, что продвинется быстро и далеко. Но никак не предвидел единственный уцелевший танк на направлении своего главного удара. Поэтому, охранение было жидким, как борщ в столовой моторно-тракторной станции. Именно в эту лимфу, именно в это слабое место предстояло бить. Паньоневич хотел разорвать кровавой поток арабской армии, что двигался в поддержку на передовую.

– Это боепитание и провиант. Колонна обеспечения. – кивнул в ее сторону Паньоневич.

— Мы лишим их притока? – смекнул Артем.

— Да. И разобьем в пух и прах. – положил руку на его плечо командир. – Прорвемся на позиции через них. А там добьем танки, что явятся по нашу душу. Мы свяжем их боем. Пусть не на долго, но задержим.

... Через несколько минут, как длинная колонна уже потеряла начало и не обрела конца, подбитый российский танк наконец завелся. Выбросив с клубами масляного дыма копоть из выхлопных труб, двигатель засвистел турбинами. Па-

ньоневич сел на место наводчика. Прямо на всю ту кровь и металлическую крошку, лишь протерев сидения рукавом. Он ощущал всю ту липкость бурой присохшей, но еще не до конца застывшей жижи. Смеси крови, затухших искр, кусков брони, костей и мягких тканей, стекла от приборов и пластика. И это питало его, придавало ощущение, что в танке их все равно было трое.

— Заряжаю фугасный! – отчитался он, выбирая боеприпас в автомате. – Фугасный готов! Артем, с выстрелом, жми на полную вперед, прямо на грузовики! Замнешь их, и раздавишь!

— Есть, принял! – ответил тот, поглаживая рычаги.

— Ну. За Керчь и Севастополь... – усмехнулся Паньоневич вдруг, как снайпер прижмуриваясь на один глаз в прицел. Его зрачок вцепился точно в низко посаженный грузовик, доверху набитый ящиками. – Вот вам ваши снаряды, бля!

В низине рвануло так, что осветило всю колонну. Фугасная болванка, с ревом рванувшая из среза танковой пушки, разметала по близлежащей округе горящие патронные и снарядные ящики, которые тащились в одном из грузовиков. Тот буквально вмяло в землю, искорежило и разорвало на стальные листы и обломки, обрубки рессор и колес. Кабину вывернуло, как карман, и ее обломками посекло все, что было еще на две машины вперед. Колонна остановилась. Снаряды из кузова, патроны и гранаты, что валялись по зем-

ле, рвались и били живую силу. Хлопали картузные заряды для перевозимой дальше на прицепах артиллерии, рвались танковые фугасы и кумулятивы. Все это зарево, весь этот огненный фонтан только начинал бушевать, разрывая пополам длинную афганскую колонну песочных машинок и бронетранспортеров.

Опешившие солдаты начали разбегаться, кто куда. Наскоро начали ставить пулеметы на землю, не понимая, откуда был выстрел. В этот момент Артем налег на рычаги, и сорока шести тонная махина, с покладистостью домашнего зверька и ревом десятка тигров, рванула в низину. Танк все разогнался и разогнался. Спидометр показывал за семьдесят километров в час. И тогда, в самый пик разгона, сваренная из погонной стали коробка, с изорванной и изнахраченной башней, врезалась в ближайший к огненному фонтану КАМАЗ, разрывая его пополам. Под гусеницами оказалась схоронена, смятая будто консервная банка, кабина, вместе с экипажем. Восьмидесятка остановилась, когда Артем дал задний ход. Еще раз проехавшись по смешанному с землей металлу, танк развернулся. Дуло его смотрело точно в ветровое стекло еще одного грузовика. С выдохом, Панычевич выжал спуск на пушке.

Раздался оглушающий выстрел. Снаряд нанизал на свою траекторию сразу три машины обеспечения. Бронебойный дротик прошел три двигателя и разбил носовую часть афганского угловатого «Бардака», который был просто перекра-

шен из советского. Транспорт загорелся, зажегся пожаром. Экипажи, солдаты, танковая и артиллерийская обслуга начала ретироваться кто куда. Люди убегали даже в чистое поле, явно не ожидая настолько яростной атаки.

— Куда? Куд-да?! – вручную, с хрустом и скрипом механизма, командир повернул башню, послав вдогонку побросавшим оружие солдатикам фугас, который вывернул клок каменистой земли из горной чашки.

В воздухе вдруг что-то свистнуло. Хвостатой кометой после рикошета взмыл вверх оперенный бронебойный арабский снаряд. Капитан глянул в поврежденный триплекс, видя сбоку, где раньше была дорога на их моторно-тракторную станцию, два афганских танка. Те шли на выручку разорванной колонне, которая потихоньку начала рассасываться, как тараканы по кухне. От прямого выстрела этих «Алладинов», «Пять-двенадцать» защищали только щеки башни, бывшей когда-то краснознаменной, но сгоревшей под арабами, шестьдесят четверки.

— Артем, назад! – крикнул командир, выжимая на панели кнопку выброса завесы. – Дым пошел. Развернись на девяносто, я доверну башней!

Еще один снаряд полоснул поперек по наклоненному лобовому листу. Он только чудом не ушел ниже – точно в механика. Но ниже афганцам не позволяла стрелять их же, удачно для российского экипажа сгоревшая, машина. Танковый дротик только едва не разметал афганскую же обугленную

броню, проскочив чуточку выше. Оптика, все-таки, у тех была на высоте. Да и к тому же, целая. В мгновение попадания, Артем прикусил губу. Рефлекторно вжал голову в плечи, как цыплёнок. Панычев же прикрыл глаза рукой, чтобы не ослепнуть от яркой вспышки сработавшей динамической защиты. Триплексы заполнил дым, вырвавшийся из выброшенной с башни шашки. В нем свистнул еще один снаряд, но тот пролетел совсем уж мимо, даже чуть не ударил по самой афганской колонне. Налегая на рычаги, механик развернул восьмидесятку. Танк, взревев турбиной двигателя, клюнул носом. Но не заглох – двигатель держался. Орудие теперь смотрело точно на надвигавшегося врага.

— Подкалиберный готов! – внезапно отчитался Панычев, облизнув горячие губы в диком азарте. – Давай, скотина... Покажись!

Как только из дыма выглянул лишь краешек брони песочного цвета, раздался хруст привода наведения. Командир, сжимая до побеления пальцы на машинке привода, повернул башню, и выжал спуск. Танк качнуло, и со вспышкой, бронебойный дротик полетел точно в лоб вражеской машине. Впившись в неприкрытый коробочками динамической защиты участок маски орудия, он прошиб ее насквозь, взрывая поднявшийся на автомате заряжания пороховой заряд. Ударной волной откатило морской вал от Мертвого города. Со страшным скрипом и свистом, с погона сорвало башню, отправив ее высоко вверх. Огненный столб было видно, на-

верное, даже из-за леса.

Открылся казенник пушки. Заскрипел автомат заряжания. И одновременно с этим, начала поворачиваться башня песочного «Алладина». Второй вражеский танк заходил «на круг». Тоже укрываясь за броней ярко полыхающего изорванного собрата, брал в прицел точащий участок башни восьмидесяти. Это было мгновение абсолютного паритета, и от этого мгновения зависел весь успех. Как в одну, так и в другую сторону. Медлить было нельзя, и Артем уже было хотел дернуть рукоятку передачи, чтобы отогнать танк за укрытие другой машины, где была бы укрыта и башня. Но вдруг Панычевич, практически срывая голос, крикнул:

— Вперед!!!

Раздался выстрел. По броне шлепнул снаряд, но он прошил лишь наваренные за башней элементы, не повредив ничего существенного. В этот момент Панычевич выстрелил ответно – точно за торчащий передний каток. «Алладин» загорелся. Зачадил черным дымом, что начал рваться наружу из-за закрытых люков. Из-под погона башни снова начали вырываться языки пламени. Затем из дула танка, из лопнувших триплексов – отовсюду. Изнутри, испепеляя, экипаж сжирало желтое пороховое пламя.

— Разворот! – скомандовал Панычевич.

Но в это мгновение сзади что-то врезало. Лишь блеснув, похожий на дротик снаряд, с искрами и кусками раскаленного металла, брызнувших в башню, пробил пустое коман-

дирское кресло, и вылетел вперед, через промятый фугасом участок брони. Он не задел практически ничего, но оглушил очень знатно. Антон сжал уши руками, и скинул с головы шлемофон, чувствуя, как на коленки струится кровь. Мотнув головой, он поднялся к триплексам, глянув, что же это было.

— Артем, назад!!! Назад!!!

Восьмидесятка рванула задним ходом, врезавшись в препятствие – подбитый «Алладин». В воздухе просвистел еще один снаряд – враг наступал. Паньоневиич понял, что это были за танки. Ими он и грозился. Сзади на них наступала пара «Кафиров» – крупных, очень похожих на китайские, бежевых машин. Они шли парой, видимо и должны были быть прикрытием колонны. С ними и предстояло бодаться в этой бойне.

— Твою-то мать... – глянув еще раз в триплекс, нервно сглотнул Паньоневиич, надев на голову шлемофон. – ...Два «Безбожника», дистанция до пятисот. Откуда же вы вынырнули, черти?!

— Мы сможем отбиться от них? – спросил вдруг Артем, тяжело дыша. – Мы тут как в ловушке!

— Не сможем... – четко ответил ему командир. – В чашке не сможем, мы тут как на ладони, и скоро эта шестидесятка не выдержит. Ах, черт! – в прикрывающий их остов танка прилетели два синхронных выстрела. И тут Антон глянул вперед, увидел белые, словно зубы, глиняные хатки, вы-

ходящие из Каспийского моря. – Но они тяжелее и медленнее нас... Ил может их притормозить, и мы им вмажем. Сможешь дотянуть до Мертвого?

— До него метров сто двадцать! – произнес тот.

— Давай, вперед!

Быстро моргнув, Артем надавил на рычаги, дернул переключение коробки, и танк снова поддался тому быстрому бегу, как и в начале этого страшного боя. В броне зияло уже две узеньких дырочки, но восьмидесятка все не сдавалась. Перла на пролом, через все искореженное железо и объятый огнем металл раздувшейся от детонации боекомплекта афганской брони. Танк, уверенно переминая под гусеницами песок с травой и каменистую землю в редких случаях, рвался к спасительному берегу Каспия, где у них еще был шанс на генеральное сражение с афганцами. И нужно было его дать. Нужно было сразить хотя бы одну, до сих пор не побежденную никем на Ближнем Востоке, машину. Нужно было забороть «Кафира» сорокалетним советским бастионом.

Вдруг, когда до домиков оставалось не больше трех десятков метров, сбоку у самой гусеницы скользнул снаряд. Афганцы думали пристрелить буйных русских в затылок, но Паньоневич вовремя дал команду на поворот. И перед лицом командира замигала лампа, извещающая о лазерном наведении.

— Ракета!

В триплексах сбоку скользнуло пожарище – обезглавлен-

ный «Алладин», что наступал со стороны разбомбленной моторно-тракторной станции.

— Артем, стоп! Полный назад, правый на пятнадцать градусов! Врежься в него!

Проскользнув гусеницами, восьмидесятка покорно подалась назад. И со скрежетом металла, врезаясь в полыхающую «шестидесят четверку», кивнула, присвистнув турбиной. Ракета летела не долго – афганцы нагоняли. Но, пролетая над снарядным пожарищем, сработала именно на него. Паньюневича с Артемом потрянуло, но не задело. Хитрость снова помогла экипажу.

— Поехали!

В Мертвый город влетели с брызгами. Был на берегу небольшой волнорез, что-то вроде пристани-отмостки, сделанной явно уже после того, как появился этот столь живописный памятник победы природы над человеком. С него восьмидесятка и спрыгнула за один из домов. Нацеленный на затылок башни снаряд из «Кафира», полоснул по самой крышке люка наводчика, и врезался в побеленную стену, сшибая соломенную прогорклую крышу в воду. Та, еще сильнее скрыла движение удирающего танка, и он смог зататься во всей этой воде и камне. Паньюневич, руками Артема, остановил его. Чувствовалось, как машину засасывает в развезенном иле, как мешает ее движению морской прибой и соленая вода по самый люк механика. Через него, потихоньку, и заливало. Лило и в дыры от попаданий. Командир тогда

скомандовал, чтобы механик развернул машину за один из домов, сдав задом. Гусеницы провернулись, а танк сдвинулся лишь немного. Но Артем быстро привык к новым условиям, и завел «Пять-двенадцать» туда, куда было нужно.

Капитан попробовал крутануть башню. Она поддавалась, хоть в этот раз и еще труднее. Хруста уже почти не было. Слышался металлический бой – что-то мешало гребенке привода вращаться, но еще не критично. Сглотнув, командир ждал.

— Они зайдут в него... – тихо, практически про себя, говорил он, утирая пот с лица. – Они зайдут в него... Зайду-у-ут...

Но те не спешили. Арабы остановились у самой воды, внимательно осматривая поверхность на предмет неестественных колебаний. Антон вовремя остановил машину, а потому афганцы ничего не увидели. Они простояли так не больше полуминуты, а затем, разделившись, по обе стороны города, медленно начали в него заходить. Враг был необычайно осторожен, шел метр за метром, на первой передаче, не спешил вываливаться из-за угла одно или двухэтажных глиняных домиков. Часто слышался гул их башен. Много поворачивали их, осматривались. Держали орудия наготове, с уже заряженными в них снарядами. Искали ускользнувший от них непокорный экипаж, все еще тщетно сражающийся за Родину и свою жизнь. Но «Кафиры» – эти грозные, угловатые боевые машины – они шли, как люди, шаг за шагом.

Ощущали себя здесь уже победителями, полноценными завоевателями побережья Каспия. Им оставалось только найти этих неугомонных...

... С ревом в борт одного из пары афганских танков со всей дури врезался броневой снаряд. Паньоневич, хитро, подождал из-за угла. Терпеливо, как настоящий охотник. И не без удовольствия, с секунду, он смотрел, как со взрывающегося в двадцати метрах танка, отлетают броневые элементы, смотрел, как расходятся от взрыва волны, и как блестят они в огнях пороховой желтизны. Это был первый уничтоженный на российской земле, устрашающий афганский танк. Маленькая, но победа.

— Артем, давай на...

Что-то чавкнуло под днищем, и в воду посыпались звенья разбитой гусеницы. Восьмидесятку тряхнуло и окатило соленой водой. Второй «Кафир» – еще не побежденный – бил через три дома на вскидку, на вспышку, и попал.

— Сто восемьдесят! – скомандовал командир. – Он пойдет нас добивать.

Паньоневич попытался повернуть рукоятку привода. Но та встала уже намертво. Для нее бой был закончен. И тут капитан понял, что по-настоящему сейчас нужно было сделать.

— Артем, дорогой. – взявшись рукой за люк, он подтянулся на нем, поправляясь в кресле. – Доверни немного.

Танк еще свистнул двигателем, и встал. Вдруг по броне ударило, и кумулятивная струя с искрами и пламенем про-

била башню, точно перед Паньоневичем. Раскаленное медное копьё пробило ему таз, и ушло дальше в кресло. В глазах его потемнело от боли, но он даже не выкрикнул, не показал зубов. Антон лишь сжался, обмяк и, отпустив рукоятку люка, упал на кресло. Обессилив, лбом уперся в резину прицела, слабеющей рукой взявшись за управление пушки.

— Артем. А-а-артем! – не своим, хриплым и скрипучим голосом, сказал он. – Мальчик мой. Уходи. Открой люк и уходи. Беги...

— Что? – замешкался тот. Еще не до конца понимал, что произошло. – Я вас...

— Нет, оставишь. Артем, у... уходи. Ты должен идти.

— Нет я...

— Это приказ, мой до... добрый друг... – из последних сил, улыбнувшись кровавой улыбкой, будто бы сам себе, он тяжело выдохнул. По его ногам текла кровь, а лицо все активнее белело.

— Я не могу! – сквозь душасщие слезы произнес парень.

— Ты должен рассказать всем... Кх-х-х... – закашливался командир, чувствуя, как немеет язык и мутнеет сознание. – Как мы здесь... как мы здесь умерли, ты понял? Ты... Только ты поднимешь их на бой! Это... – выдохнул протяжно Паньоневич. –... последний мой приказ. Иди.

Парня пробило ознобом. Он не чувствовал сейчас ничего телесного – ни похолодевших от страха пальцев, ни мокрой от пота спины, ни раненных от брызг горячего металла век,

ни звенящих от попаданий ушей. Не понимал ничего, кроме того, что сейчас он даже не может посмотреть на своего командира. На своего героя, который остался настоящим человеком чести до самого конца. Артему было позорно, что он должен был покинуть его, но выбора не было – без гусеницы, и механик был уже не нужен. Но это и гложило парня, что все, кого он знал, кого он по-товарищески любил и уважал, погибли здесь, а он должен был сбежать! Не устраивало, не годилось, но приказы никогда не оспариваются. Нужно было просто принять дрожащие губы, и накатывающие на глаза, стекающие вместе с потом по закопченным щеками слезы. Нужно было принять это, унять разногласия, проститься и уйти. Пронести свою историю туда, где она еще может пригодиться, где подвиг капитана Панычевича будет ценнее тех сэкономленных на обороне денег, где он будет восхвален и запомнен. Нужно было, из простой солдатской доблести, сделать своего командира – героем.

— Вы... – отодвинув тяжелый, избитый снарядной шрапнелью люк, сказал на прощание парень. – Вы настоящий танкист, товарищ капитан.

И не узнал Артем, спрыгивая с корпуса танка, в воду и рыхлый ил, что, когда он это сказал, в лужи крови упали скучные мужские слезы. Панычевич не смог попрощаться с ним, из-за вставшего намертво в слабеющем горле комка. И будто бы думая, что парень услышит, сказал сам себе:

— Дорогой мой друг... Это твой снаряд.

Раздался оглушающий взрыв. По воде пошли круги, и сложилась пара хаток у самого эпицентра. Артем упал в воду, наскоро встал. Быстро оглянувшись, будучи уже на достаточном расстоянии, он увидел, как в небо поднимается клуб черного дыма. А рядом с ним еще один, но более огненный, красный – там сгорело больше пороха. И тогда парень понял, что Паньоневич, ценой собственной жизни, все-таки записал на свой личный счет, еще один непобедимый «Кафир».

Часть 18

Рассказ Артема Среда слушал внимательно. Его поражало то, как парень не умел даже чуть-чуть привирать. Лицо его было постоянно каким-то напряженно вспоминающим. Глаза бегали, будто бы не по людям, собравшимся возле него, а по тем самым горам, по приборам в танке. Руки его гладили фантомные рычаги, ноги давили на педали. Он каждый раз живо вспоминал весь процесс и делился всем. И от этого становилось еще страшнее. Некоторые танкисты доживали до седины, до проплешин на голове, но никогда дальше учений и частей не забредали. А тут, парнишка, крайне институтских лет, и пережил вот такую бойню... Образ настоящего героя, все-таки, был в голове у Среды монументальный, подобный скале. Как и у любого, воспитанного на советском кино о великой войне. Но сейчас перед ним был герой другой – совершенно обычный, на вид примечательный лишь крепким

станом рыжеволосый парнишка, который ненароком пытался смахнуть пальцами вьевшуюся сажу из-под носа.

Артем вышел из комнаты, и отправился подышать воздухом, как сам сказал. Но Среда заметил на его глазах влагу. Единственной жемчужиной сверкнула на его закопчённой щеке скупая, но с приличной бриллиант размером, слеза. Он уронил ее на пол, так и не донес до выхода. И заметив это, быстрым движением глянув на пол, еще быстрее зачастил по коридору.

Диме хотелось думать об Авроре. О самом первом, что было дорого Среде. Но ничего хорошего он и не мог придумать. Он пытался тешить себя мыслями о том, какая она у него уже взрослая и самостоятельная, но потом клеймил себя, что это он заставил ее так рано повзрослеть, так рано начать принимать решения. Пытался гордиться ее красотой, но вдруг понял, что он не застал тот момент, когда она стала женственной, прекрасной особой. Он не застал тот период, когда из небольшого свертка, что вынесли из роддома, Аврора стала настоящим, высоким и статным человечком, способным забрать сердца мальчишек. И теперь он ощущал, что, во всем этом сюре, во всей этой катавасии, что разворачивалась на когда-то голубой планетке, теряет дочь. Такие люди, совсем юные, как Артем, погибают. Мир сейчас забирает подобных. И образ Авроры, светлый образ дочери, представлялся Среде не в платье, не в блузке или штанах. Он представлялся ему, на манер Зой и Тань из книг о Великой

Отечественной – в затертой, опоясанной кожаным ремнем шинели, с медицинской сумкой на боку. И видел он ее лицо. Пустое, с тяжелым укоризненным взглядом. Такое, какое бывает у стариков...

— Могу я?.. – нервно сглотнув, будто почуввав укол в пятой точке, он поднялся, протянул руку к закурившему десантнику с перевязанной рукой. – Обычно нет, а тут чего-то вдруг приспичило...

На его лице проступила дурацкая ухмылка. И верно подмечал тогда Артем – Среда словно постарел. Не выглядел на свой возраст. Пыль еще сильнее подчеркивала морщины, а эта чертова застывшая идиотская мина собирала кожу в уголках губ, будто бы той было не тридцать пять, а пол века от роду.

— Покури, покури. – спокойно протянул ему папиросу мужчина. – Молодец гасконец... Юная кровь, а уже порохов до рвоты нанюхался. И все равно думает, как мальчишка, не растерял норова.

— До рвоты, это точно. – глядя в пустоту, тихо повторил Среда.

...По коридорам тянул сквозняк. В его завываниях выделялся другой, более понятный и ясный по своему звучанию звук – кто-то шел, цокая высокими ботинками. Слышался шелест, ведь в руке у ночного гонца была пачка бумаги, с рукописным текстом.

Ульяна была одна. Стояла у окна, спиной к разорванным

танковым снарядом дверям. Ее взгляд, практически не прерываясь на моргания, был сфокусирован на трех разворачивающихся во внутреннем двореике пушках. Артиллеристы возились около машин, и Вирхова их почти незримо контролировала. Щурилась каждый раз, как кто-то начинал сочно ругаться матом, не разобравшись или травмировавшись. Видела она и то, как между солдат, грациозно, ни с кем не сталкиваясь, лавировала Моргана. Через спину девушки был перекинут однолямочный ранец, из которого торчало всякое железо. Немка возилась в основном у снарядов, исследовала их внимательно, нежно приглаживая, знакомилась с выстрелами и порохами. Все подмечала своими электронными светящимися глазками. На такую немецкую педантичность, на внимание к каждому сколу краски и бугорку на металле, Ульяна реагировала лишь короткой не злой усмешкой. Для нее это зрелище было чем-то вроде развлечения. Оно расслабляло, заставляло забыть о том, что над головой рушился кремлевский бетон, а в коридорах пахло кровью и толом.

Чуть поджимаясь от продувов ветра, она куталась в содранную с манекена в музее советскую шинель погранвойск, с сочно-зелеными погонами лейтенанта, на которых красовались две буквы: «ПВ». Накидка была явно не по размеру ей – сшита на щупленького срочника. Ульяна не могла сунуть в нее ни рук, ни укутаться получше, потому как пуговицы не сходились на груди, а плечи шинели съезжали вверх. Это ее раздражало, но ничего она с этим поделать не могла.

Благо, что помимо стоящего воротника, ее шею закрывали распущенные и черные как смоль, пыльные волосы.

— Я слушаю тебя. – в пустоту сказала она, сунув в губы сигарету. Но в этот момент в дверях появился Груз, а в коридоре перестали цокать ботинки.

— По сапогам узнала. – не столько вопрос, сколько утверждение выдал тот.

— Ну, а кто еще может двухметровыми шагами, – повернулась к нему. Жженный шрам на ее лице озарился пламенем от спички. – подходить к моему кабинету в столь поздний час. Да и так уверенно, почти не тормозя?

— Думаешь, что остальные тебя боятся? – вдруг вступил в демагогию чекист, проходя дальше, и садясь за стол с бетонной крошкой на нем. – Раз ты теперь большой босс.

— Хочешь знать, – раздраженно, но специально учтиво высказала она, сделав выпад вперед. Выдохнула дым точно ему в лицо. – Почему я не «большой босс»? Закрой глаза... представь себе море, чтобы перебить мысли в голове. – ее теплая рука медленно легла ему на шею, чуть приглаживая. Мужчина закрыл глаза. – А теперь, что ты видишь, если я скажу тебе это слово – «босс».

— Кожаное кресло.

— Все?

— Я вижу кабинет, большой стол, то самое кресло. Кучи бумаг. А также чувствую сигаретный запах, но это видимо больше связано с обонянием сейчас, нежели с фантазией, не

так ли?

— А все-таки в тебе есть юмор. — усмехнулась она. — Дума-ла, что ты совсем уж черствый, морально устаревший в этом плане сухарь. Но, видимо, ты просто любишь Лесли Нильсе-на, да? Шутишь, без шутовской мины. Но можешь открыть глаза, и увидеть, что кресла здесь точно нет.

— Ну, стало быть ты босс поменьше. Ну, или совсем ма-ленький босс.

— Смешно. — снова пожалась она в шинель, двинув пле-чами. — Но ключевое отличие между мной и боссами, какими бы те ни были: большими, маленькими или крохотными, со-всем и совсе-е-ем в другом, да? А в том, что «босс» — это ко-гда ты куришь «Кубу», оббивая ее пальцем с перстнем. Вы-зываешь на ковер подчиненного и отчитываешь его, стряхи-вая пепел в хрустальную мощную вазу, которой можно раз-бить череп в мелкую крошку. Если, конечно, захотеть. Ты понимаешь, какой образ я стараюсь тебе задать? Образ того, кто наживается на тебе. Вырастает на твоём рабочем горбу, как трутовик на березе. А ведь у меня нет ни «Кубы», ни ва-зы из горного хрусталя, — затягиваясь сигаретой, она сделала небольшую паузу, медленно выдохнув все из легких. Шум-но вдохнула, как будто с сожалением. — Но, знаешь, что у меня есть? У меня есть вот это вот, мерзкий и свистящий сквозняк. Да, именно он! Этот чертов гуляющий по ногам потиг, от которого у меня уже задубели ноги! И знаешь по-чему это счастье? Потому что этот сквозняк... он подхваты-

вает пепел, что летит с моей «Примы», и уносит его в жерла двухсотмиллиметровых пушек, что стоят под окнами. Я не босс, Груз. Я – командир.

— Хорошо завернула. – закрихтев, дед встал из-за стола, потряхнув военные, свободного кроя, штаны. – Я приму это к сведению.

— Да уж, будь так любезен. – выщелкнула она окурок из пальцев точно в окошко. – Что там по пушкам?

— «Арес-1» и «Арес-2» готовы к работе. – быстро пробежал глазами по рукописному тексту на бумажках отставной полковник. – «Арес-3» наводился. Сейчас, вероятно, готов к стрельбе. Моргана говорит, что стволы не новые, явно стреляные, и не раз, не два. Но нам сгодятся.

— Расчёт? – снова подходя к окну и вылавливая из солдатских кучек немку, Ульяна начала следить за ней глазами. Та, ничего не подозревая, копалась металлической рукой в инструментом рюкзаке.

— Расчеты готовы. Солдаты проинструктированы и обучены работе.

— Боезапас?

— По четыре снаряда на каждой пушке. Из ящичков еще двадцать семь. Из них девять фугасных, три бетонобойных, остальные осколочные. Ядерных мы не нашли.

— Было бы слишком жирно. – усмехнулась снова она, не поворачиваясь. – Первыми выставить координаты глушилок. Нам необходимо пробить брешь в этом чертовом «зонтике».

Может... нам все же позвонят...

— Сделаем. Думаем, зарядить бетонобойные. Моргана говорит, что глушилки могут быть прикопаны. Дернем землю, а с ней и РЭБки.

— Хорошо. – кивнула та. – Как наши легионеры?

— Легионеры?

— Про своих десантников я знаю все, а вот про немцев...

— Я думал ты давно уже считаешь их своими. – пожал плечами старик, почесав нос.

— Считаю. Но просто так более интересно звучит, докажи? Сплошные интересности, правда ведь, Груз?

— Твоя правда. – подошел он к ней, поняв, что она смотрит на Моргану. – Ей интересуешься.

— А я смотрю, что ты не потерял хватки, товарищ «чэка».

— Тут бы и идиот догадался. Честно, она меня настораживает. Не сочти меня за труса, но у меня поджигает под ребрами, когда на меня глядят горящими глазами. Еще и не моргая.

— Ты стар. Боишься ее особенности.

— Как в той присказке. «Я не боюсь высоты, я боюсь упасть с нее». Я не боюсь Морганы, я боюсь того, что у может быть у нее внутри. Ты только представь, что может этот компьютер, который за секунды, вот так, – щелкнул он пальцами для наглядности, – разбирается в технике.

— Ты состарился в тот век, когда человечество только узнало пейджер. – как-то по-хамски ответила она ему, ух-

мыльнувшись. – Тебе стукнуло пятьдесят, когда компьютеры были радостью только для тех, кто продал квартиру и прихватил себе «Макинтош». Но, кину камень и в свой огород, я не на много от тебя отстала. Однако я понимаю, что это новое дыхание для человечества.

— Которое может его погубить, в случае замыкания «розетки».

— Что за старомодные сравнения? Моргана – умничка. Наверняка у нее есть системы безопасности на этот случай. К тому же к этому все закономерно и шло с самой первой перфокарты. Настоящий встроенный в человека помощник, который расширяет его видение и использование нашего мира. Разбирается в технике, говорит на многих языках, запоминает целые бумажные архивы! Это ли не мечта, Груз? Настоящий сплав живого человеческого разума и возможности машины в одном флаконе. Мне кажется, Дениц точно знает, что она делает. Она живет с этим. С этим же она нам и помогает. Как и... – затянув, она медленно повернулась к нему, прищурившись. Заглянула точно ему в глаза. – ...кто еще.

— Еще после «и» я понял. – отшагнул он. – И мое мнение ты знаешь.

— Я лишь к тому...

— Не-а. – мотнул седой головой Груз. – Я не хочу это слышать. Иду к пушкам. Зайду потом.

Но как одно сменяется другим, так и на смену старому

чекисту с седыми отросшими волосами и бороденкой, в кабинет Ульяны пришел совсем юный, но уже не по годам видавшийся танкист, с ярко рыжими волосами и детским, пусть и усталым взглядом. Артем прижал, по-сиротски, шлемофон к груди и осторожно мялся у дверей, ожидая, пока Вирхова даст ему разрешение на вход. Она стояла лицом к окну, снова разглядывая Моргану. Но сказала:

— Хорошая история, Артем. Прости, я не смогла ее дослушать – у нас была работенка. Пришлось повозиться с этими старыми пушками.

— Ничего, Ульяна Евгеньевна. Ничем хорошим моя история все равно не закончилась. Можете считать, что не пропустили ничего.

— А вот это ты брось. – повернулась она на него. С ее плеч немного слезла погранцовская шинель с зелеными погонами. И едва уловимым движением, она ее подтянула. – Твоя история все еще пишется. Пишется вместе с нашей, ты понял?

Она ткнула осторожно пальцем ему в грудь, сблизившись, и нависая, как туча. Но без сердитости, без злобы – просто была выше него. Парень виновато опустил взгляд, но затем снова, не по своей воле, поднял его. Пальцы Ульяны, холодные от сквозняка, и темные от врожденного южного загара, держали его подбородок, словно тот совсем ничего и не весил. Она смотрела ему точно в глаза, ища в них что-то. Но не видела ничего, кроме усталости и затаенной внутри грусти.

Понимала, что парень скучал по своему командиру, что он не мог перестать винить себя в том, что ушел тогда. Артем сглотнул и медленно выдохнул. Он стоял не двигаясь, просто ожидая того, что с ним дальше сделает Вирхова.

— Я не видела, чтобы ты сегодня спал. – спокойно произнесла она, отпуская его подбородок. – Мне кажется, тебе бы пошло на пользу несколько часов отдыха.

— Я пришел не просить вас о разрешении на отдых. – уверенно ответил он ей. В его голосе была уверенность. Но уверенность тихая, все же несколько потерянная за страхом перед генералом армии. – Я пришел доложить о том, что экипаж танка готов к выполнению любой поставленной боевой задачи!

— Последняя боевая задача может оказаться гибелью. – отвернулась она, зашагав к окошку.

Снова выхватила своим взглядом из толпы Моргану. А затем и Груза. Старик увидел ее в окне, и без слов показал большой палец. Двухсотмиллиметровые орудия были заряжены и готовы к стрельбе. Оставалась только команда. И тут в ее сердце неприятно екнуло. Приходило осознание, что это действительно может стать последним аккордом. Если она запустит эту мясорубку, если последуют залпы, эта затянувшаяся пауза может остаться в прошлом. Жернова военной машины снова начнут перемалывать ее людей, людей с другой стороны. Могут даже перетереть в порошок и ее саму, но последнее было неважно. Больше боялась за раненных и

избитых боями солдат. За тех, кто умирал сейчас в койках от осколочных и пулевых ранений, кто страдал от изломанных костей и чудовищных контузий. Она переживала и за тех, кто еще был чудом не тронут, ведь смерть их настигнет не подготовленными к ней.

Ульяна, тяжело сглотнув ком в горле, достала пачку сигарет. Сухими, от ощущения песка на них, пальцами вытянула одну, и сунула в зубы. Спички все никак не хотели зажигаться. А в глаза плавно начинал бить солнечный свет. Хотя до рассвета был еще час. Она чувствовала, как жар от острых крупиц песка между пальцев распространяется по ней, как еще не взошедшее на небосвод солнце начинает слепить ее.

В ее руках был Мир, и она понимала это. Взмах ее руки, тихая команда ее голоса – вот колыбельная для спящих в шахтах термоядерных ракет. Без этого, они проснутся. Со злости полетят испепелять тех, кто не смог их усыпить, кто пробудил их! И чудовищным смерчем пройдясь по планете, боеголовки отомстят за свой сорванный сон.

— Просто поставьте эту задачу. – сигарету медленно обнял огонек со спички. Артем помог ей закурить.

Ульяна тяжелым вдохом затянула в легкие дым. Обождав с пару секунд, пока ощущение песка на ладонях исчезнет, она выдохнула. Сизые клубы растянуло по холодному сквозняку. Она была права тогда – пепел утягивало в жерла пушек.

— Экипажу приготовиться к бою. – с хрипом, тихо, сказала она. – В этот раз бить первыми будем мы...

Вирхова увидела, как по закопчённому лицу танкиста расползлась вымученная, но невероятно добрая и правдивая улыбка. Он, чуть дернув губами, явно заволновавшись, быстро надел на голову шлемофон. Вытянувшись, отдал воинское приветствие ей, быстро произнеся лишь одно:

— Есть!

Часть 19

Ульяна глядела в активно насыщающееся светом синее московское небо. Дело было к рассвету, и всего через несколько десятков минут показались бы первые лучики жаркого, уже летнего солнца. Начинала нагреваться разбомбленная «Градами» кремлевская земля. Ярче стала белая, присыпавшая лунки от попаданий, укрывшая собой следы от крови на стенах и полу, раскрошенная штукатурка и пыль. На несколько минут воцарилась хорошая, природная тишина. Центр мегаполиса теперь не просыпался как обычно. Не было гула машин, не было сирен милиции и скорой помощи, не было гудков в пробках и не было того вечно-го звука постоянно перетекающей из одного места в другое, людской массы. Не было и залпов танковых орудий, лязга гусениц. Молчали винтовки и автоматы, не строчили пулеметы. Зато, нараспев, прекрасно и очень громко, пели редкие не улетевшие из этого места птицы. Они присаживались на вывернутые из земли, разломанные деревья, и заливались

понятной только им трелью. Это удивляло, но завораживало. И помогало разгрузить полную мыслей голову хотя бы на пару минут.

По южному, обожжённому, с одной стороны, лицу пробежала вымученная улыбка. Чуть наклонив голову, Ульяна сделала медленный шаг назад. Ее сапог неслышно коснулся запыленного пола, и она развернулась. Перед ней оказался Груз. За ним стояла Моргана. Они завершили работы на «Пионах» и пришли за дальнейшими приказами.

— Все готово. – словно стараясь не нарушать хрупкую минуту, когда не было рева команд, не рвались снаряды и не завывали системы залпового огня, тихо сказал Груз. – Отдай команду, и мы начнем.

Всего одна фраза, да даже одно слово! И жернова военной машины здесь снова могли запуститься. Снова начнется стрельба, взрывы и крики умирающих солдат. Пыль снова поднимется и забьет легкие, а птицы, если и не станут пеплом, то точно уже не запоют здесь. Но это было необходимо сделать. Нужно было выиграть и этот бой, пусть даже самой страшной ценой.

Перед Ульяной на мгновение встал лик. Она ясно помнила загорелое и морщинистое не по годам лицо своего отца – генерала ракетных войск СССР Басая Сайранова. Служил он в части мобильных комплексов ракет. Командовал «Пионерами», которые держали под прицелом базы США в Пакистане. И как никто другой, именно этот, прошедший вой-

ну в артиллерийской части, принимавший участие в самых кровопролитных боях, человек понимал, что именно за оружие было доверено ему огромной рабоче-крестьянской Родиной. И маленькая Шахризада навсегда запомнила то, что отец говорил ей об этом оружии. Как только открывалась крышка, как только показывался оттуда острый нос термоядерной ракеты, миру оставались минуты. Тогда произносились молитвы. Как только ракета взмывала в воздух – слова прощания...

Ульяна четко понимала, что было за ее решением. И что будет, если она его не примет. У нее не было выбора, и оставалось только принять факт неизбежного. Бойня произойдет в любом случае. Но глупо было бы просто сидеть и ждать танки Громова и орды наемников. Нужно было бить первым, навязать свое время начала кампании. И подарить миру время хотя бы на молитвы...

– Это не остановить. – сухо заключила Вирхова, закурив. – Как ни пытайся. Груз, я хочу, чтобы ты собрал всех тяжело раненных и погрузил их на поезд. Моргана тебе покажет.

— Ты собираешься сдать, что ли?!

— Я собираюсь вывезти калек, которые нам уже не смогут помочь. Раненных будет уже некогда собирать. – она резко прошла мимо него, выдыхая дым. – Мне нужна связь с пушками на этот телефон. Мы принимаем последний бой.

Широким царским шагом, едва удерживая на плечах сваливающуюся маленькую шинельку погранвойск СССР,

Ульяна прошла по Кремлю. За ее сапогами тянулась пыль, оставались следы на осевшей черной копоти. Но ее волновал только слабый свет из-за сорванных с петель дверей, где были ее солдаты. Солнце еще не светило в то помещение, там пока оставались зажжёнными свечи. А живости зале придавали лишь приглушенные баритоны мужчин. Кто с хрипом, кто сипло, но все старались поддерживать вялотекущий разговор с небольшими спорами и не прекращать ни на минуту.

Однако, когда Вирхова появилась в дверях, прямая и длинная, как доска, все мигом повернулись на нее, прекращая разговоры. Они быстро поняли, что та для дела. На Ульяну смотрело больше сотни глаз, нечетное число. Многие пытались прислушаться даже к ее шагам, отодвигая повязки на окровавленных ушах, но ничего у них не получалось. Другие невольно зашевелили ранеными руками, стараясь повернуться на неудобных для сидения армейских ящиках. Кто-то подгибал раненные ноги, подтаскивал их руками за окровавленные штанины армейских штанов, чтобы дать пространство другим. Помогали и друг другу. Лишь бы отдать все внимание стоящей в центре зала с высокими потолками фигуре в потрепанной старой шинельке и мокрой рваной на животе тельняшке, которая буквально превратилась в топ.

Вирхова собралась с духом, сжала кулаки. Еще сильнее выправилась, выпятив итак округлую грудь вперед. Она хотела, чтобы ее голос был как можно более слышимый, как можно более важный и настраивающий. Хотела даже сей-

час, когда никто уже не сомневался в ней, быть для них настоящим командиром, ощущающим собственную важность и необходимость.

— Товарищи! – в необычно тихом тоне, но с восклицанием наконец сказала она. Сделала после этого паузу, оглянув всех. – Буду честна с вами, как всегда. Поддержки нам ждать неоткуда. У нас не будет помощи, мы одни. Мы побиты, мы ранены. Однако мы – десантники! И мы примем последний бой. Потому что никто, кроме нас... Не сделает этого! – ее слова раскатом грома пронеслись по коридорам Сенатского дворца. – Никто, кроме нас – пяти десятков самых отважных мужчин – не сможет сдержать в узде надвигающуюся на мир лавину! Никто! Мы держим оборону, мы сражаемся так, как еще никто и никогда не сражался. И враг будет повержен! Мы должны стать последним рубежом, последним оплотом этого мира. Потому что за нашими спинами, под нашими ногами тысячи ядерных ракет! Жизнь семи миллиардов – в наших руках.

Ее голос дрогнул, и она мгновенно замолчала. Поняла, что ее губы неприятно, натянуто дернулись. К горлу подступал пресловутый ком.

— Товарищи. Друзья. – продолжала она, оглядывая всех своих людей, которые практически не моргая, впитывали каждое ее слово. – Я отправляю вас на смерть. И иду вместе с вами, как и всегда... Но, я не ваш командир. Я не ваш генерал. Я даже не русская. Я лишь мертвый солдат несущее

ствующей страны. Я не имею права требовать, не имею права приказывать. Но я прошу вас... Встать рядом со мной и подарить нашему миру еще хотя бы несколько минут.

Тишина. Она продлилась всего пару секунд. Гробовая, настолько беззвучная, что было слышно, как в груди Вирховой бьется сердце. Большое и горячее, оно отстукивало каждый удар, как не получится у набатного колокола. Ждало ответа, и верило, что смогло через слова разжечь огонь и в других сердцах.

Вдруг встал один из солдат. С перетянутым окровавленными и грязными бинтами глазом, раненной шеей. Он, шатнувшись, повернулся к ней и выпрямился:

— Вы не русская. Вы не наш командир. И вы не генерал. Вы – наша сестра. И для меня честь умереть рядом с вами!

— Да, мы всегда пойдем за вами! – поднялся второй, махнув рукой с автоматом.

— И м-мы выполним эт-ту зад-дачу! – заикаясь и сбиваясь, произнес третий с контузией.

Солдаты поднимались один за другим. Кто не мог встать сам, просил товарищей, и те подрывали их на ноги. В каждом пылал тот дьявольский красный праведный огонь, который источала Ульяна. Она сделала невольный шаг назад, но затем встала смирно. Поняла, что перед ней встал настоящий непроходимый лес из плечистых и подтянутых, уверенных в своих действиях мужчин. Каждый сжимал в руках оружие. И каждый был в тельняшке. В рваном, грязном, напитанном

кровью, но едином для всех символе. Солдаты сжимались в полосатую, заряженную на серьезное сопротивление массу. Ее еще нужно было умудриться снести с этого поля боя. Это был не Мозамбик, не Южная Америка – наемники умоются кровью здесь, у стен Кремля. И хребет националистической тени Громова будет сломан! Пятью десятками, но лучших солдат этой планеты.

— Я... – сглотнула Ульяна острый ком в горле. Только и сумела, что задушить горькие слезы, которые изредка все же прорывались на ее щеки. – ... Благодарю вас за службу, товарищи! Я обещаю вам... Меч, который мы поднимаем здесь, над нашими головами, будет опущен уже над лучшей моделью нашего мира! Я обещаю вам это... – немногие уцелевшие командиры на эти слова отдали ей воинское приветствие. Они сливались в ней в идею, становились монолитом, который не разбить уже ничем. – Наша задача: продержаться столько, сколько это будет возможно, бить и рвать все, что будет брошено на нас!.. Товарищи, по боевым постам.

Сорвавшись с места, чтобы не задерживать более своих солдат, которые должны были готовиться к последнему штурму, она вышла из помещения. И тут же ноги подкосились. До этого статная фигура ее вдруг обессилела, и она припала к стенке, судорожно пытаясь найти в кармане шинельки свои сигареты. Грудь поднималась чаще обычного, воздуха не хватало, а руки затряслись. Ее похолодевшие пальцы не смогли достаточно сжать пачку папирос, и урони-

ли ее на пол. И тут вдруг в кармане что-то кольнуло ее. Через несколько слоев одежды, в самые ребра. Едва осязаемое, но это чувство заставило Ульяну на секунду замереть. Она не слышала топота разбегающихся из помещения ног, солдатского взбудораженного гомона, и приготовлений к атаке. Она просто застыла, затаив дыхание.

Осторожно и очень медленно заведя руку в карман, не сгибающимися пальцами достала оттуда то, что заставило ее забыть на секунду обо всем сегодняшнем. Это был укол из прошлого, напоминание о давно минувшей эпохе, давно разрушенного и проданного на металл государства. В ее руке оказался теплый, с сочной красной эмалью, орден. «Красная Звезда» за те чудовищные увечья из Афганистана. Последнее материальное, что осталось у нее сейчас от несокрушимой и канувшей в лета Советской Армии. Ульяна нежно протерла орден большим пальцем руки, и пристально посмотрела на него. В ее ладони «звездочка» казалась маленькой, практически крохотной. Такой же, какие обычно падают с неба, и под короткий полет которых загадывают желания. Но эта была не такой, нет. Под эту звезду не разжигалось фантомных надежд о том, что после слов все обязательно станет хорошо. Нет. Под эту звезду хотелось делать, хотелось драться за будущее, а не просто ждать, когда оно наступит. В этом ордене было заточено восемьдесят девять солдат-десантников, друзей и сослуживцев Вирховой, которых она всегда носила с собой.

И на глазах, уже не скрываясь, проступили слезы. На нее из прошлого смотрели десятки глаз сейчас. Ульяне хотелось верить в это, верить и в то, чего она не признает. И боль в груди сжала ее еще сильнее. Но это был чудовищный и поджигающий к действиям коктейль, а не старость, не немощная боль пожилых людей, и отживший свой век солдат. Внутри нее разгорался дизельный двигатель, топливом к которому служила бесконечная злоба и невероятная гордость за прошлое.

Тяжело вдохнув и резко распрямившись, она сжала зубы до боли в скулах. Под ее шрамом проступили натянутые до предела мышцы. А губы были по злему поджаты, одна к другой. В кулаке от посторонних глаз скрылся орден.

— «Арес» готов к выполнению боевой задачи. – спокойно сказал ей Груз, держа в руках проводной телефон. Он вышел в коридор в тот момент, когда Ульяна до боли сжала «Красную звезду» в ладони.

— Что ж... – медленно протянула она в ответ. – Кто-то должен поставить в этом точку.

Груз снял трубку с телефона, и показательно протянул ей. Не продумав и мгновения, Вирхова широкими шагами направилась к нему. На ее пыльных щеках еще поблескивали влажные дорожки. А за сапогами осталась не поднятая с пола пачка папирос. В ее руках оказалась черная трубка штабного проводного телефона. На том конце уже ждали всего одно слово. И вскоре, через стиснутые зубы, оно прозвучало:

— Огонь...

Трое солдат синхронно потянули за шнуры, что шли к спусковому рычагу огромных пушек. Три ударника сработали практически синхронно, и помчались к капсюлям. Пороха воспламенились, сдетонировал основной заряд. Три чудовищной мощности орудия изрыгнули из себя кубометры огня и дыма, раскаленных пороховых газов. Выплюнули тройку бетонобойных снарядов повышенной мощности, которые, как сорвавшиеся с цепи бойцовские собаки, помчались вершить смерти и разрушения. Кабинет, за которым и были черные срезы орудий, обдало горячим воздухом. В коридор выкинуло клубы пыли. Весь Кремлевский комплекс зданий заходил ходуном от этих разрывов. Монструозный калибр заставил Сенатский задрожать, как желе от удара. Последний аргумент этой кратковременной войны за Москву был выпущен из Ульяниного рукава. И она уверенно, и прямо, смотрела на улетающие по дугообразной траектории, быстро пропавшие из вида, снаряды. В ее ушах зазвенело, в голове били набатом. Но на ее лице не дрогнула ни одна мышца, не сыграла эмоция. Она принимала то, что спустила с предохранителя собственную смерть.

...Комплексы радиоэлектронной борьбы стояли кучно. Они закрывали один из приданных им секторов центра Москвы, а потому трудились слаженно и сообща. На них сидели в основном контрактные лейтенанты, проинструктированные по действиям либо лично Громовым, либо его окру-

жением. Рядом же с ними постоянно кружили разнообразного рода высшие чины, от капитанов до полковников. Парой мазков на этой картине тылового мира были намазаны кучки наемников, выделявшиеся из толпы военных только своими непременно белыми рубашками.

Один из солдат удачи курил с алюминиевой кружкой в руке. Внутри той, на самом доньшке, было немного эспрессо. Время было раннее и он решил взбодриться. Потянулся.

Тут в небе что-то засвистело. Подняв глаза, наемник успел осознать только то, что уже умер. Комплекс, рядом с которым тот всего мгновение назад стоял, вывернуло кишками наружу. Все антенны и вычислительные мощности разорвало на щепки. Колесное шасси машины подкинуло на несколько метров вверх и перевернуло. Еще два снаряда угодили в соседний комплекс и штабную палатку. На доли секунд на том умиротворенном пространстве воцарился, и тут же иссяк огненный шторм. После него остались только глубокие воронки.

...Звон в ушах прекратился не сразу. Ульяна на секунду все же поджала ухо, поворачиваясь обратно к телефону:

— «Арес», давай на вторую цель! Дай им прикурить!

— Есть! – ответили на том конце.

Как только Вирхова положила трубку, телефон снова зазвонил. В этот раз – «Аид». Моргана все еще возилась с комплексами и в эту минуту должна была следить за сигналом. Видимо были изменения. В динамике понеслась быст-

рая немецкая речь.

— Пожалуйста, помедленнее. Даже если бы ты говорила по-нашему, я бы тебя все равно так не поняла.

— Мы пробили брешь в их защите! – медленнее, сглотнув от волнения, произнесла девушка. В этот момент Ульяна неровным движением руки прикрыла рот и пригладила смольно-черные грязные волосы. – Мы можем принимать сигнал из внешнего мира! Это потрясающе! Мы попали в них!

По ногам Ульяны пробежала заметная усталость. Она была измучена за эти несколько дней, и сейчас буквально падала от этой новости. Но только от нахлынувшей радости. Теперь могло быть легче. Теперь вероятность победы увеличивалась в несколько раз. Оставалось дожидаться сигнала о помощи. Ведь она будет... Должна же она быть...

– Это ты попала в них. – скупой ответила Вирхова, тяжело дыхнув в микрофон. – Ты попала в них. Отличная работа. Следи за сигналами, мы здесь разберемся.

— Теперь не обязателен телефон. – резюмировала Дениц. – Рации снова работают!

Снова рявкнули двухсот трех миллиметровые пушки. Разлетающимися от стволов потоками раскаленных пороховых газов снова продуло кабинет. По коже Ульяны, стоявшей сразу за двумя стенками, прошло тепло. Оно согревало и радовало. Новая партия, на этот раз фугасных боеприпасов рвалась к ракетным системам залпового огня. На прицеле

были «Грады».

...Наемники скапливались около стоящих в ряд, повернувших фермы, «Градов». Всем им было интересно, как солдаты их неспешно заряжали, ожидая снова стрелять по Кремлю. Ракета за ракетой – боекомплект погружался в комплексы в ожидании последнего и решающего наступления. Все ожидали, что больше стрелять не придется, и хотели запомнить каждый момент этой секунды навсегда.

Некоторые стояли молча, некоторые перешучивались, высказывали ругательные речи в адрес защитников крепости. Кто-то считал, что сметет их. Ну, а кто-то считал, что все, что творилось – было неправильно. Были и такие. Но на них верные деньгам солдатики в белых рубашках смотрели как на грязь. Никто не имел права вставать на пути наемника к его деньгам и войне. И самые везучие от этого отделялись лишь затрещиной или грозным взглядом. Невезучие, в основном из числа офицерства, уже кормили червей.

И слабость к войне, ожидание единого залпа из целой кучи, выкрашенных в песочный цвет для Афганистана и расконсервированных, «Градов» заставили наймитов скопиться покучнее, как на представлении. Не ожидали они, что дальнобойные «цветы» за этот спектакль кинут уже в них.

Фугасный снаряд угодил точно в одну из готовых к стрельбе ферм, вызвав детонацию всего боекомплекта. Расчет и собравшихся вокруг наемников разметало на молекулы. Взрыв развернулся на десятки метров. Сдетонировали еще два, по-

том ещё три «Града». Второй снаряд лег недалеко от командного пункта, разбив палатку осколками и землей. А третий угодил в «Зилы», на которых подвозили боепитание. На земле там развернулся настоящий ад. Позиции реактивной артиллерии уничтожило подчистую.

...Груз схватил автомат и отправился за Ульяной. Та прошла через полуразрушенные помещения, распахивая по карманам разгрузочного жилета магазины к винтовке Драгунова. На ней уже не было шинели. Азарт начинающегося боя разогрел ее, утро обещало быть жарким во всех смыслах. На тельняшке был подранный осколками бронежилет, перетянутый разгрузкой. Быстро проходя вдоль рядов защитников, она пригибалась у окошек. Все присматривалась к Государственному Универмагу. Ожидала противодействие снайперов. Но в прицел увидела пригнувшегося наблюдателя-корректировщика в церквушке рядом. Не слишком долго рассуждая, Ульяна выщелкнула его парой выстрелов.

Ее начинало напрягать то, что пауза затянулась. Ее пушки все еще работали по разведанным позициям, планомерно били то по комплексам РЭБ, то по «Градам». Прилетало и по скоплениям войск. Но вот ответных действий все еще не было. Вирхова понимала, что сокрушительным поражением для Громова эти удары не станут. Они лишь подспорье для относительно равного противостояния. Она ждала основного удара, не думая, что тот развернет танки и даст деру. Но танков еще не было – это пугало.

— Танков нет... – пристукнула зубами Ульяна. Тут же поширилась по карманам, но поняла, что пачку папирос так и не подняла. Угостил один из солдат, и она закурила. – Что-то здесь не так. Он скапливал силы, но в ход их не пускает.

— Может, он таки передумал? – дожевывая из котелка сбереженный обед, спросил ее Среда. Он полулежал спиной к фасадной стене. На его коленях был автомат с ярко рыжим бакелитовым магазином от РПК. – Ну, там, знаешь. Решил на пенсию выйти. «Я устал, я ухожу...». Работа у него... прямо скажем, особенно после тебя, нервная. Еще и штаны стирать пришлось. А тут такой подарок с неба свалился. Вот и...

— Да помолчи ты уже. – резко повернулась на него она. – Мешаешь думать. Тут что-то сложнее. Тоже, кажется, решил идти ва-банк. Только вот какая ставка?

— Семнадцать процентов. Как по кредиту. – повел рукой с ложкой тот.

— «Фермопилы», прием. – заговорил в рации командир приданного в усиление танка. Тот стоял в укрытии за Сенатским, однако площадь все равно контролировал. – В тепловизионном прицеле пока ничего. Противник отсутствует.

— Поняла, ждите. – ответила ему Ульяна. – А с этими штуками стало проще жить.

— Да, не приходится бегать к телефону. – включился внезапно Груз в разговор, почесывая затекшее колено. – А то как от энуреза в туалет...

— В твои то годы... – усмехнулся Среда.

— А не надо про мои годы. Ты доживи сперва, во всем этом.

— ...«Фермопилы», тут у меня... — в рации Среды раздался голос Морганы. Он прижал динамик на гарнитуре рукой к уху, вслушиваясь. — ...радар заработал. Группа целей! Стартовая масса около четырех тонн!

— Четыре тонны?! — чуть не поперхнулся тот, приподнимаясь.

Ульяна повернулась на него, заворожено посмотрев. Она поняла, что это значило. Последний аргумент был слишком весомым для ее догадок.

— Дима, это тактические ракеты!!!

— Всем в укрытие! Назад! — резко поднялась Ульяна.

Она успела отшвырнуть одного из своих солдат от окна в глубину коридора. Ее тело подкинуло и швырнуло в ближайшую стенку так, как никто не утянет. Взрывная волна была сравнима с мощным землетрясением. С потолка посыпались бетонные плиты и перекрытия. Изломанные швеллера и двутавры рассыпались в осколки и шрапнелью полетели по коридорам с залегшими солдатами. Всех окатило жаром и ударом. Сжались внутренние органы под бронежилетами. Черепные коробки солдат опоясало острыми и чудовищными болями. Кто-то уже был мертв, кого-то привалило обломками или порвало осколками фугасной головной части.

В широкой и глубокой воронке, где раньше был внутренний дворик Сенатского, лежали обломки от трех монструоз-

ных пушек. В одну из них прямым попаданием угодила ракета «Искандера».

Ульяна закрыла глаза от чудовищно мощной вспышки. В ушах снова загрохотало, а ударная волна, с опозданием, снова дернула ее тело. Опустив окровавленную руку, Вирхова увидела, как рассыпается и разлетается по сторонам Собор Василия Блаженного. Форпоста «Спарты» больше не существовало. Вместо него в земле была дыра, а в радиусе нескольких десятков метров были раскиданы лохмотья луковичных цветастых куполов. Третьим ударом с землей сравняло крыло Арсенала, где уже, по приказу Ульяны, никого не оставалось. Только эта, последняя ракета не нашла себе жертв.

— Десант!.. – рукой зажимая снова раскрывшуюся рану на лбу, шатнулась на ногах Ульяна, вставая. – Солдаты, к бою!

По ее шрамированной половине лица скатывалась кровь. Она текла через пальцы и веки, вдоль носа, падала на пыльный бронежилет с подбородка. Небольшие, изодранные мелкими осколками и крошкой, участки тела саднили и поджигали кожу огнем. Голова на ее плечах стала будто бы свинцовой. Все мысли спутались, а тело не слушалось. Едва волоча ноги, Ульяна дошла до фасада, и глянула на Государственный Универмаг.

Оттуда уже, под прикрытием танков, наступала пехота. Сделав два успешных, но не прицельных выстрела по целям,

Вирхова залегла за укрытие. По окнам ударил пехотный пулемет, и пули засвистели у нее над макушкой, выкрашивая остатки бетона из окон. Рядом, с металлическим звуком, на сложенные сошки лег пулемёт Вагнера, который не был в этом крыле во время ракетного удара. Он поднялся из катакомб, от Морганы, которой помогал в ее работах. Его очередь отчетливо дала понять наступающим войскам, что «Искандер» забрал не все души защитников, а тех, кого оставил, сделал еще злее. С остервенением и злобным оскалом зажимая гашетку пулемета, он выругивался на немецком. Когда лента почти кончилась, вдруг сорвался с места, подхватив Вирхову.

Протащил ее тело с несколько метров, резко накрыв собой. Позади бахнул в окошке фугасный снаряд. Танкисты уже пристреливались по окнам. Вагнер поднял пулемет на руках. Короткой очередью отбросив кинувшиеся вперед толпы наемников от Кремля, снова схватил практически бессознательную Ульяну и скрылся в укрытии. Ей требовалась помощь, но она отрешивалась, считала, что все было нормально. Но при том едва стояла на ногах.

— «Арес» уничтожен. – сухим баритоном непривычно быстро произнес Вагнер. Он заряжал короб к пулемету. – Нас давят сразу с двух сторон!

— Там... «девяностые»... – в дверях появился истекающий кровью из носа, белый с ног до головы Среда. – Мой боезапас пустой. Срезал пару наемников, и тут снаряд в окош-

ко! Ульяна, они уже пристрелялись.

— Держаться! – с накатом голоса ответила она. – Всем, кто жив, покинуть верхние этажи. Наша задача – задержать пехоту от входа в катакомбы. Моргана! – одновременно с этим, Вирхова выжала кнопку на радиии. – Подготовьте Центр к подрыву. Тянуть больше нельзя...

— Сделаем! – ответила та на другом конце. – Мы почти загрузили всех раненных! Скоро можно будет отправлять поезд!

— Хорошо. – кивнула мельком Ульяна. Тут же сунула в зубы папиросу, и подкурила от спичек. – Среда, подними меня.

Подойдя, Дима взял под руку. Вялым, уставшим от всего этого действия, движением, он поставил ее на ноги. Та качнулась, но не упала. Воспаленной раной в ее воспоминаниях сиял разваленный во все стороны от взрыва головной части «Искандера» Собор Василия Блаженного. Отряд Костина – «Спарту» – уничтожил всего один прицельный прилет ракеты. Самая свежая и самая подготовленная к последнему бою часть гарнизона Кремля была уничтожена за доли секунд. Оборона рвалась на части, солдаты своими телами закрывали амбразуры в ней и гибли под шквальным пушечным и пулеметным огнем. Десантники держались стойко, но теперь не было ни единой причины, почему этот бой не должен был закончиться катастрофой. Агония, чудовищно больная и долгая агония – вот чем сейчас оказался этот решающий и по-

следний раунд. На шахматной доске у Ульяны не оставалось ее «фигур». Ресурсы таяли на глазах, а люди с последним вздохом сыпались на кучи разбухших гильз.

Опираясь на свою винтовку, как на костыль, Ульяна зашагала по помещениям Кремля. Гремели разрывы, слышались крики солдат. Инстинктивно, все пригибались в момент, когда в окнах снова бахал фугасный снаряд, или прилетала управляемая ракета. Здание уже обыденно затрещало. На нижестоящие этажи проваливались плиты. Рушился потолок, падая прямо на защитников. Фонтанами почти разлетался оставшийся не тронутым до этого момента бетон из стен. А их куски, в основном с фронта, падали на улицу. Не было уже прикрытия фасада. В этих кругах ада были только ярусы.

Сильнее всего страдал последний этаж. Он уже складывался, завывая, как израненный кит. Оставшиеся там солдаты только и успевали, что выскакивать на лестницы, чтобы не придавило плитами и кусками. По всем проходам и окнам полетела пыль. Клубы ее, вырывавшиеся под давлением из-под валящихся элементов, на мгновения становились завесами, прятали оставшихся защитников от хищных взглядов наемников и танков. Но это почти не помогало. «Девяностые» все слали и слали снаряды, не были ограничены никакими нормами их применения. А солдатики удачи рядом с броней не переставая работали по окнам. И перебежками, короткими и быстрыми, чтобы не попасть под пулемет-

ный дождь от десанта, перемещались от одного остова сгоревшей ранее «восьмидесятки», до другого. Движению всей этой громады из мяса и металла мешали фактически только более неудачливые, раскинувшие борта после взрыва боеукладок, уже потухшие и ржавые корпуса танков. Серьезного противодействия бронетехнике уже не было. Работало всего одно копьё, истошно изрыгая из себя кумулятивные гранаты. Оно успело взорвать один Т-90, и тут же оказалось уничтожено прицельным попаданием ракеты.

Надрываясь, «пели» оставшиеся РПГ. Даже откуда-то взялся огромный тубус «Вампира», видимо остававшийся на самый последний случай. Раненные и перевязанные гранатометчики активно меняли позиции. Они не были так привязаны к рубежу, как «Копьё», и оказались более живучими. Они, не щадя своего здоровья, резко высывались из окон и обливали танки практически не прицельными выстрелами. Но это давало свои результаты. Вспыхнул, а затем и оказался обласкан языками толового пламени еще один «Владимир». Третий раскинул гусеницу по брусчатке и остановился. По стоящей цели прилетело из «Вампира». С погона сорвало и подкинуло на несколько метров башню. Рядом испепелило укрывавшихся наемников. Бой защитники крепости точно не собирались сдавать в сухую. Огрызались и бились. Стояли насмерть, как и было приказано!

Ульяна спускалась с верхнего этажа последней. Едва успев запрыгнуть на этаж, она снова закрыла рукой лоб. Рассече-

на давала о себе знать и мерзко ныла, пульсировала от наливающей на лицо крови. Вирхову осыпало бетонной крошкой, когда лестницу обвалило кусками крыши. Пройдя до передних рубежей, Ульяна вскинула винтовку, прислонившись плечом к остаткам фасада. Два прицельных выстрела. Один за другим. На том конце площади на землю упал вражеский пулеметчик, раскинув по разрытой брусчатке ошметки сердца. Еще один выстрел из СВД. Бронебойная пуля выщелкнула вражеского снайпера, что искал резко высовывающихся из окон гранатометчиков. Дальше Ульяна, что оставалось сил, рванула через полу пустой этаж. Маневрировать тут было уже практически не в ком, а по ее позиции навели тяжелый пулемет. Крупнокалиберные пули шили здание на несколько метров в глубину. От такого не спасали даже редкие оставшиеся межкомнатные стенки. Кабинеты за время осады превратились просто в набор кирпича. Здание складывалось, метр за метром.

Замолчал работавший до этого, и успевший раскалиться пулемет Вагнера. Объемный немец, прикрывая голову рукой от просвистывающих пуль, скатился на пол, и перекатился за другое укрытие. Туда, где еще была пара мешков с песком, на которых лежали обломки упавших швеллеров. Рядом с ним оказался один из десантников.

— Держи, фриц. – толкнул ему в бок короб солдат с перетянутой рукой, на которой была светлая кровь. Явно заметил, что Вагнер перезаряжался. – Это зэ ласт буллет бокс тут,

понял? Херачь по ним, родной!

Тот, немного опешив от такого, кивнул. Поняв смысл даже без перевода на родной ему немецкий, вогнал первый из короба патрон под крышку пулемета. Двинувшись вперед, Вагнер непроизвольно ударил пулемет сошками об косо лежащий швеллер. По помещению разнесся громкий звон, который все же потерялся под разрывом снарядов. Оружие лягнулось в плечо. Ствол дернулся, и короткая, не в стиле немца, очередь шлепнулась около танков. Как пилой, звездопад из пуль сразил шестерых наемников, что не успели спрятаться или прыгнуть на землю. Одного из них изрешетило до неузнаваемости, срубив голову.

Когда Вагнер поднялся, чтобы сменить позицию, он на мгновение бросил взгляд на десантника. Тот был мертв.

Наемники все подходили. Они оказались вплотную у стен уже после десяти минут этого ожесточенного боя. Пехота была мобильнее, и в условиях нагромождения остовов танков на площади и сбоку от Сенатского, двигалась быстрее. По ним было труднее попасть и из орудия танка Артема.

Механик активно маневрировал, менял позиции. Прятал машину от ответного огня за сгоревшими собратями, что решили подмять под себя центр российской столицы. Артем вел танк с остервенением, с озлобленным лицом. Но из-под его шлема выглядывала прядь рыжих волос его отросшей челки. Из наивно-детского, его лицо стало поистине мужским, боевым и грозным. Он не думал о том, что ему страш-

но, что его могут убить. Он понимал все это прекрасно, и осознал, за что именно бился. Бился за погибшего капитана Паньоневича и своего наводчика Казбека, которых обрекли на гибель на Каспии идиотские приказы разрозненного командования. Дрался, рвал рычаги, за еще пока живущих, но умирающих десантников, что не решились на шаг назад. Сжимал кулаки за Вирхову, и ее команду, ведь именно они подарили ему мысль, что страна, что мир могут и должны стать лучше!

Груз командовал последними оставшимися в живых гранатометчиками. Подсказывал перебежки, и подавал выстрелы из разорванной и широкой тканной гранатной сумки, что была у него за спиной. Внезапно, краем глаза, он увидел присевшего на колени вражеского гранатометчика с «Мухой», который выскочил из-за одного из Т-90.

— Ульяна! – крикнул он через весь коридор, двумя пальцами указывая на цель.

Та резко вскинула винтовку, повернувшись на звук. Она прильнула к прицелу, когда огнем из своего АК ее прикрыл залегший недалеко Среда. Единственный выстрел грянул с небольшим, мгновенным опозданием, и граната вырвалась из тубуса. А стрелок раскинулся на брусчатке мертвым. Обкрошенный камень звякнула рваная латунная гильза. По окнам снова заработал крупнокалиберный танковый пулемет. Со скрежетом начала поворачиваться закатанная в динамическую угловатую защиту башня вражеского танка. Раздался

оглушительный залп, но Ульяновы и Среды там уже не было.

Граната из «Мухи» пролетела через линию, где когда-то стояла Кремлевская стена. Смазанный выстрел не угодил в наклоненную нижнюю лобовую деталь танка, как хотел закутаный теперь в рваные лохмотья, наемник. Реактивная граната рванула под передним катком мятежной «восьмидесятки», когда та как-раз начала маневрировать. С лязгом грохнулась с катков оборванная гусеница. Танк по инерции проехал еще, и непроизвольно повернулся, застряв между двух остовов. Артема тряхнуло, из рук вырвало рычаги, а гулкой удар ворвался в уши. Механика контузило на левое ухо. По белой махровой ткани внутренней стороны танкового шлемофона начала разливаться кровь.

На мгновение расслабившись, Артем увидел, как точно в его триплекс вдалеке смотрит черное жерло вражеской пушки.

Груз поджал ухо от выстрела гранатометчика. Десантник положил гранату точно в верхнюю часть повернутой башни Т-90. «Владимир», окутанный поднятой вокруг от попадания пылью, замер. Затем в лобовую деталь прилетела еще одна граната. Туда, где уже была сорвана плашка динамической защиты. Черный дым завалил из всех щелей. На этот раз не было мощного взрыва, не было ударной волны. Но вот внутри машины оказалась настоящая духовка. Сидящих под броней наемников побило и пожгло брызнувшей за сталь раскаленной медью. Выстрел, направленный в союзный Ульяне и

Грузу танк, так и не последовал.

— Их слишком много, а нас слишком мало! — завыл Среда, срываясь с места в дикий бег. — Эти скоты почти коснулись наших стен!

— Всем на первый этаж! — скомандовала Ульяна, еще дважды выстрелив по противнику. Тут винтовка просто щелкнула, гильза не вылетела. Патрон был последним. — Блять! Патроны!

— У меня всего пол магазина! — ответил ей Среда, кувыркком занырнув за какие-то наваленные перекрытия. — Груз, что по боекомплекту?

— У нас ничего нет. — заряжая гранату в ствол РПГ, и тут же поджимая ухо от рывкнувшего выстрела, ответил скупым голосом старик. — У меня два последних. Держи один.

В этот момент Груз кинул Среде магазин. Тот его поймал и с щелчком вогнал в автомат, не передергивая затвора. Не дострелянный убрал в пыльный подсумок, чтобы он пригодился ему в крайнем случае. В этот момент старик с двумя гранатометчиками уже испарился из виду. Где-то сбоку ухнул «Вампир» и тоже исчез в клубах поднятой пыли. Через мгновение по позиции прилетел фугасный снаряд. Снова по коридорам помчалась ударная волна и поднятая и выбитая бетонная крошка. Среда поджался, закрывая голову руками. Ульяна упала к нему в произвольный «окопчик» и оказалась в ногах. Вжалась в пол, чтобы не прилетело из крупнокалиберного пулемета.

— Кажется мне, тут делать больше него. – усмехнувшись язвительно, сказал ей Дима. – Я бы попробовал прикрыть, но тут таки и башки не высунуть! Прицельно бьют, твари!

— Все равно как-то отходить... – словно для себя ответила она, не поднимая на него головы. Достала из кобуры Стечкин, взводя затвор. – Придется рвать.

— Halt! – в одном из дальних помещений показался Вагнер, с обрывком ленты в пулемете. Видно, что собрал последнее. Резко вышагнул и шмыгнул по коридору, вскинув оружие, и выстрелив несколько раз для острастки. – Los! Los!

Под прикрытием немца, Ульяна и Среда побежали к лестнице. На бегу вжимались от просвистывающих пуль. Их поливали словно из шланга. Бой и не думал заканчиваться, хотя большая часть десантников уже была на первом этаже и танки их не доставали. Все равно – били по Сенатскому, словно думая, что там засел полк или даже дивизия ВДВ. На деле все было куда более хмуро. В живых осталось не больше двадцати пяти – тридцати человек. Но удалось сохранить управление и противотанковые средства. Тактика еще не умерла, работала и сражалась на стороне защитников. Ульяна делала все правильно, ведь даже двухсторонняя атака танков уже начинала нарываться на штыки обороны.

— «Фермопилы»! У нас тут становится жарко! – с чудовищным рыком пушки, доложил командир танка. – Не можем поменять позицию, гусеница перебита!

— Они не выдержат удара без маневренности. — сообразил Среда, услышав рацию Вирховой. — Груз! Надо прикрыть наш танк!

Ульяна, ступив на пол первого этажа Сенатского, несколько раз выстрелила в окно. Там в поле зрения был застывшей посреди поля боя, развернутый диагонально, танк. Он только и успевал, что ворочать измученной от многочисленных срабатываний динамической защиты башней. Ее на ней почти не осталось — машина стояла голой. Из похожей на панцирь черепахи, башня стала простой и круглой, с торчащими во все стороны металлическими искореженными элементами. От резиноканевых экранов остались только воспоминания, а синие полосы, обозначающие выбор Артема, затерлись грязью войны. Одной гусеницей шкрябая по вывернутой брусчатке, «восьмидесятая» попыталась повернуться. На глазах Ульяны рядом с орудием появился острый и быстролетающий дротиковидный снаряд. Он впивался в металл башни, как жало. Пробивал броню, высекая внутрь боевой машины десятки и сотни тысяч горячих искр. Ломал Ленинградский металл, раскалял его до красна, и словно испарял. В обратную сторону из небольшой дырочки подался язык пламени. Союзный танк резко остановил все попытки развернуться и замер, загораясь. Подождённые остатки боеукладки зашвистели и чудовищным огнем разлились по кабине, относительно медленно сжигая наводчика и командира. Из дула повалило пламя. Люки заметно подняло с посадочных креп-

лений, и начало выбивать вверх. Триплексы затрещали.

Широко раскрыв глаза от этого, Ульяна замерла. Совсем перестала дышать. Она видела гибель верного ей экипажа ближе всех. Словно присутствовала на страшном суде своих решений. Ведь именно из-за нее Артем перешел на их сторону.

Секунды эти длились вечно. Пламя пожирало танк. А Вирхова ничего не могла сделать с этим. Она не успеет, не сможет вытянуть оттуда хотя бы одного Артема. И Среда, против желания все-таки подавшейся вперед Ульяны, схватил ее и дернул назад. Но она увидела, в последний момент, что люк механика-водителя открылся, и оттуда показалась обожжённая рука. С завывающим ревом танк распух и детонировал...

— Спасибо вам, ребята... – тихо сказал Дима, глядя на пламя.

Вирхова недовольно мотнула головой и вырвалась из рук Среды, зашагав прочь по этажу. Она ни разу больше не обернулась на горячее пламя от разорванной машины. Не бросила свой взгляд на раскрасневшийся остов. Потому что понимала, иначе – одна пойдет в лобовую атаку.

Грузные и длинные ее шаги раздавались по коридорам. Здесь бой шел не такой ожесточенный. Больше сражалась пехота. Танки уже не били по окнам, ведь не видели в тепловизор горячие от боя и пота тела десантников. Первый этаж от основного натиска наступающих машин с Площади за-

крывал импровизированный накат из остатков Мавзолея и раскрошившейся Кремлевской стены. Угрозу представляло только направление от Спасской башни и тыловое – от пустого и разбомбленного «Искандером» Арсенала. Но и тут в окна ни один десантник уже не совался. Ведь проще было забаррикадироваться внутри, и рубить из всего, что осталось, наступающую пехоту. В коридорных боях шансы на сдерживание натиска резко повышались. Но только на сдерживание... Ведь в спины солдатам упирались ядерные боеголовки.

Одно из внутренних помещений оказалось оперативным пунктом. Здесь снова было собрано что-то вроде импровизированного быстрого штаба, где можно обсудить обстановку под выстрелы автоматов и треск пулеметов.

— Что у нас осталось? – потирая бровь, смотря вниз, спросил уставший Груз. Его гранатометчики променяли их специфическое вооружение на вполне обычные. Ведь боеприпасов и гранат, особенно для «Вампира», больше не было. – Мои все. Последнюю сумку расстреляли.

— Да хуй без масла у нас остался! – Ульяна швырнула на стол Стечкин. – Ни патронов, ни людей... Даже танк, и тот...

— Первую волну пехоты мы сдержим. – кивнул Среда, словно пытаясь разрядить обстановку хорошей новостью. – Наемники уже-таки измотаны, и их ряды значительно иссякли. Но вот дальше... Страшная мясорубка в катакомбах. Честно, я не хочу быть прибитым пожарным топором или

саперной лопатой, но похоже придется...

— Сенатский все. Он нас скоро похоронит. — сурово высказал Груз, скрестив руки на груди.

— Надо отходить к катакомбам. Ульяна, больше нет смысла тешить мечту о подмоге, и пора взрывать Центр... — обратился к ней Дима. — А мы продержимся, сколько сможем.

— Нет... — подбивая нервный ритм ногой, ответила она. — Нет! Рано.

— Мы на первом этаже. Нас двадцать человек! — сблизился с ней тот. — А противника больше сотни! Мы выиграем в катакомбах не больше получаса, больше нет смысла мариновать пульт запуска. — он протер окровавленной рукой пыльные волосы. — ...подмоги не будет...

Со всего маха Вирхова ударила кулаком по столу. На нем звякнул ее пистолет. Со лба снова через все лицо и шрам потянулась струйка багровой крови. Ульяна ясно дала понять, что не согласна с идеей. И снова достала из кармана свою «Звездочку», на которую закапала кровь.

— В этот раз она будет... — все еще стойко верила она. — И мы нанесем поражение нашему врагу. Когда последний из нас... — подняла она глаза на Диму. — ...останется в строю. Когда последний патрон будет выпущен... только тогда мы взорвем Центр.

Дернувшись и недовольно фыркнув, Среда отвернулся от нее.

— Ладно. — наконец согласился он. — Это крайний аргу-

мент России в геополитике. И мы сэкономим его. Да, сэкономим пока.

По зданию прилетел танковый фугас. Пролетев в окошко бокового фасада, и взведясь об деревянную раму, он взорвался уже посреди холла, где был сосредоточен редкий скарб десантников. Оставшиеся до сих пор не тронутые патронные ящики с боекомплектом к АК и РПК раскидало по сторонам. Уцелевшие патроны дождем рассыпались по стенам и зазвенели, как весенняя капля. Десантники не пострадали – их там не было.

Все на оперативном командном пункте пригнулись. Ульяна и Среда синхронно повернулись на источник звука. Понимание пришло не сразу: почти все оставшиеся патроны, которые были не на руках, развалило и разбросало. Последний «сугроб» из боекомплекта растаял прямо на глазах. Но тут с диким шипением в радиии раздался голос Морганы:

— Ульяна! Ульяна!

— Я слушаю тебя, Дениц. – ответила та. – Бункер готов к подрыву?

— Я получаю сигнал!!! – резко ответила немка.

Ульяна перехватила рацию, нервно сглотнув. Среда широко раскрыл глаза и быстро бросил взгляд сперва на нее, а затем на Груза. Последний, расцепив руки на груди, взволнованно подошел к бросившей такие священные сейчас слова радиии. Вирхова несколько раз выдохнула. По ее телу раскатилась приятная дрожь. Она оказалась права...

— Мать твою!.. – прикрыл рот рукой Дима, в волнении. Затем нервно рассмеялся.

— Получится подключиться?! – еще сильнее приблизила к губам радиостанцию Ульяна.

— Да, подключу их канал к радиостанции. – протараторила Моргана. – Дай мне п... пару секунд!

Время, отведенное ей, показалось вечностью. Вирхова безвольно опустила руку, присаживаясь на стол. На пол снова закапала с ее подбородка красная бурая кровь – рана все не хотела зарастать сейчас. Груз притер сухими ладонями свои отросшие седые волосы, и, обычно спокойный, нервно причесал белесую бороденку. Среда просто плюхнулся прямо на пол в угол, поджав к себе колени. Никто все еще не мог поверить в то, что невероятный исход все-таки был возможен. Была подмога, и была помощь! Всего пара секунд отделяла их от нее! И Ульяна, при всей трудности ситуации, все же сорвала свой куш. Она оказалась чертовски права.

И вдруг посмотрела на свои руки. Они тряслись от нервов. На них была кровь и пыль. Фантомным жаром снова рассыпал по коже едкий песок, что ссыпался через ее пальцы. Она смотрела на это, но не знала, что предпринять сейчас. Она была без сил, вымотана настолько, что каждое движение давалось ей с нечеловеческим трудом. Медленно она достала одну папиросу из затертой пачки «Примы». Сунула в зубы, но закурить не успела.

В руке зашипела радиостанция. Из нее послышался незна-

комый до сих пор, но благородный голос. Его не смогла испортить даже поганая связь:

— На связи командир атомного подводного ракетносца К-205 «Воркута» Северного Флота Российской Федерации, капитан первого ранга Щукин. С кем я говорю?

Ульяна с секунду не отвечала. Подводная лодка, затерянная где-то в водах в тысячах километров от Москвы – явно не то, чего она ожидала. Но все-таки ответила:

— Товарищ капитан, вы говорите с Гвардии генерал-майором Вирховой. Мы находимся в бедственном положении на территории... – в этот момент рвануло еще два снаряда, почти в унисон друг с другом. Застрекотал пулемет. – ...На территории Кремля! Мы не сможем долго удерживать комплекс, который отвечает за запуск ядерных ракет! Нам необходима срочная помощь!

— Ульяна Евгеньевна, мы готовы встать под вашу команду. И выполнить любой приказ, чтобы помочь вам! Нам необходимо знать ваше решение немедленно, чтобы принять все усилия для его выполнения.

— Минуту, Щукин... – попросила она, откладывая рацию.

В черепной коробке закрутился тайфун из мыслей, образов действий и намеков на эти самые действия. Но Вирхова не могла понять, чем именно подводная лодка может ей сейчас помочь, кроме как...

— Капитан, какой у вас боезапас?! – спросила она тогда

в рацию, движением руки остановив Груза, который подался к ней. Среда резко повернул голову. Он уже все понял.

— Ульяна, это Третья Мировая! – повысил голос старый разведчик. – Мы не имеем права...

— А я и не запускаю их по врагу. – повернулась она на него. – Я запущу их по нам...

— Ох, бя... – растянул Дима, поднимаясь.

— ...Шестнадцать межконтинентальных термоядерных ракет Р-29Р с разделяющимися боеголовками. – ответили на том конце. – Мы находимся в боевом походе в Норвежском море. Ракетам потребуется не менее двадцати минут на полет и подтверждение запуска с командного центра, прием.

— «Воркута», ваша цель – Московский Кремль. – отчеканила Ульяна, не смотря на моральное противодействие Груза и Среды. – Даю добро на половинный запуск. После пуска, следуйте в акваторию Кубы. Подтвердите?

На том конце сразу не ответили.

– Это отстойное решение! – помотал головой Среда. – Раньше на наши головы сыпался тринитротолуол. Теперь гребаный атом!

— Мы не дадим Громову его даже восстановить. – ответила наперекор та. – Если мы просто взорвем центр, у них будет возможность восстановить стратегические связи и каналы пусков. Если мы наведем на Кремль ракеты... Мы парализуем всю систему стратегического сдерживания одним ударом. Это гигантская цена, и я ее понимаю. Но, блять, вы-

бора нет! Мы не можем допустить его к ядерным боеголовкам!

— Их запускаешь ты. — ответил ей Груз.

— По мертвым людям и мертвому городу. — глянула на него она своим суровым взглядом. Но в нем виделось сожаление. Она знала, как выглядит сейчас для них, но должна была сделать это. Просто должна. Зубы сжались. — Всех, кого можно — в поезд. Оставишь пару солдат для прикрытия. Среда, Моргана и я уходим последними после того, как подтвердим запуск и взорвем Центр. Груз, ты это проконтролируешь, понял?.. Ты понял меня?!

— Да, я понял. — ответил он, скрипя сердцем. — Мы уходим отсюда непобежденными.

Он двинул плечом и вышел из командного пункта. Ему это решение казалось безумным, но он все еще доверял Ульяне, зная, что и она понимает, к чему ее решения могут привести. Ядерные ракеты были не тем, который хотели, но все же шансом сохранить оставшихся людей, и еще сильнее ударить по Громову и его идеям атомного холокоста. Ульяна была его амбиции его желанным оружием. Как иронично...

— ...Кремль, подтверждаю. — отозвался в рации Щукин. — Вызываете огонь на себя, товарищ генерал?..

— Да... — утерла кровь с подбородка Ульяна.

— Вам отправлен запрос на подтверждение запуска. Системы НАТО не смогут перехватить наши ракеты, когда они войдут в их зону действия. Мы слишком далеко от вероят-

ного района перехвата. У вас будет двадцать две минуты до того момента, как ракеты поразят цель. Удачи, ребята... Конец связи.

— Подтверждение получила. – в рации снова раздался голос Морганы. – Ввожу коды для инициации процедуры запуска. Три... Два... Один... Сигнал ушел. Сигнал подлодкой получен! Наблюдаю запуск восьми ракет в Норвежском море! Господи... не верится.

— Взрывавай бункер. Мы уходим отсюда. – Вирхова отжала кнопку рации.

Это была ее последняя команда сейчас. Больше уже нечего решать.

Из морских ножен вырывался чудовищной и разрушительной силы ядерный меч. В голове отчетливо пронеслась картина, так усердно вбитая советскими фильмами про атомный подводный флот. Ульяна на секунду снова представила, как несколько длинных межконтинентальных баллистических ракет, разрывая толщу воды, включают свои реактивные двигатели. Вырываются они с ревом и свистом из-под водной глади и объятые клубами пара и дыма тяжело, покачиваясь, но усердно и старательно взмывают ввысь, разгоняются для главного и единственного удара во всей их истории. Эти боеголовки покоились в шахтах десятки лет, ждали и злились от того, что их не используют. Они ржавели и гнили, их красили и восстанавливали. И сейчас это противоборство остановилось. Больше не нужно их красить, боль-

ше не нужно их держать в вертикальных шахтах ракетноносца под холодными водами Норвежского моря. Морской брат «Сатаны» срывался с цепи и гнался за добычей. Всего двадцать две минуты отделяли первую ракету от упавших с вершин красных звезд московского Кремля.

— Товарищ генерал, Дворец начали штурмовать! – высказал один из десантников, залетевших в кабинет.

— Всем в катакомбы! – приказала Ульяна. – Мы вызвали огонь на себя и навсегда уходим из Крепости. Я прикрою ваш отход.

— Но...

— Живо! – схватила она винтовку, наскоро завязав кровоточащий лоб. – Среда, со мной. Где же, блять, взрыв...

Десант спешно отступал. Теперь не было нужды особо упираться рогом, стоять, как и прежде, до тех пор, пока не сразит пуля. Солдаты геройски, ценой собственной жизни и здоровья, выполнили священный долг перед присягой и собственной совестью, солдатской частью и солдатской дружбой. Теперь их вымпел перенимала подводная лодка Северного Флота. Теперь ее задачей было не подвести, не содрать насчет ракет ПРО и поразить цель, закопав наемников под слоями фونهاщего пепла. Отряды отступали быстро, скоординированно. Это не было похоже на бегство, на скорое оставление позиций для врага. Нет. Десантники все еще, прикрывая огнем друг друга, иногда даже успевая наступать, чтобы отрезать отряды наемников от раненных солдат, спус-

кались во внутренние помещения Кремля. Последними были Ульяна и Среда.

Выскочив на главную лестницу, которая вела в подземные ходы сообщений, Среда выкинул пару гранат в обе стороны от двери, закрывая ту. Не синхронно грохнуло два взрыва. Дверь сорвало с петель и кинуло по лестнице. В проходе оказался ствол автомата, а за ним и лицо наемника. Его срезал меткий выстрел Ульяны – последний патрон в ее магазине. Закинув винтовку на ремне за спину, она откинула обратно в дверной проем закатившуюся под ноги «лимонку». Дима в этот момент прошмыгнул ниже. Это заставило наемников повременить со спуском. Они закинули в лестничный пролет еще пару гранат, на этот раз мудро подержав их пару секунд взведенными в руках. Последовала пара взрывов. Пыль подняло в дверной проем и коридор первого этажа. Однако Ульяны в зоне детонации уже не было.

Ее хвост простыл даже в длинном коридоре с бесчисленными дверями, который был сразу после лестницы. Отделанный белым гипсом и мрамором, со множеством бюстов, залитый кровью кремлевского гарнизона, этот коридор уходил на три десятка метров вперед, и весь его следовало пробежать. Здесь было бы удобно запереть наёмников, но делать этого уже некому. Солдаты уже спустились к спасительному поезду, много лет стоявшему на приколе. Вирхова пробежала эту тридцатиметровку меньше, чем за десять секунд. Не лучший результат в ее карьере, но для побитого, не спавшего

несколько суток, принявшего неравный бой человека это было бы предметом гордости. Но она все еще не понимала, почему не слышала подземного взрыва. Вероятно, что-то случилось с Морганой.

— Дениц, я не слышала взрыва! – в рацию звывала Ульяна.

И мгновенно где-то эхом пронеслись ее слова. Повернув на звук голову, Среда увидел девушку, измученную и запыленную. Та быстро приближалась к ним со стороны бункера. До него по катакомбам было еще метров шестьдесят, и два коридора.

— Ты чего здесь?! – удивленно спросил он ее, выпуская очередь по приближавшимся наемникам. Горячие пули угодили в первого и сразили его наповал. Ранило второго и третьего. Последующие за ними солдаты подались по сторонам и открыли шквальный огонь из автоматов. Начали вышибать двери и прятаться в боковых коридорах. – Почему ты не ушла еще?!

— Заложённые заряды сжало движением бетонных плит. – переводя дух ответила она. Пригнулась от просвистевших пуль. – Разрушило взрыватель, и линии сработали вхолостую. Мы не сможем подорвать бункер, если не переложим заряды снова. Дима, сколько у нас времени?

— Не больше восемнадцати минут. – глянул на часы тот, заряжая в автомат сохраненный полупустой последний магазин. – У меня половина. И больше ни черта!

— Блять! – звонко выругалась Ульяна, достав Стечкин. Она высадила пару пуль по коридору. – Нужно не меньше семи минут, чтобы поезд отошел на безопасное расстояние. Среда, Моргана, у наемников по самым благоприятным оценкам не больше десяти минут. Успеют запустить арсенал?

— Думаю, что нет. – ответила немка. – На новый ввод всех команд для всех ракетных шахт на территории России потребуется не меньше двадцати минут, поскольку я сбросила уже заготовленные планы.

— Да и хер с ним, тогда! – махнула рукой Вирхова. – Среда, отходим!

Она пошла первой. Затрусилась перебежками по помещениям и оторвалась несколько вперед. Дима же, прикрывая всю группу огнем, оказался замыкающим, и только с боем умудрялся отходить. Срываться в отчаянный галоп было нельзя, поскольку коридор снова становился прямым, после короткого лестничного пролета. А наемники уже наступали на пятки. По пуле, по две, он отстреливался, и перебежал на пару метров. Затем снова и снова. Моргана держалась около него, и когда тот перемещался, прикрывала из пистолета. Ее Макаров не был особой огневой силой, но в металлической руке, не знающей промаха, бил только в цель. Пули заскакивали точно около плит бронежилетов. Прошивали кишечники, горла и лица. Некоторым пулями отрывало все, что делало их мужчинами. А паховое кровотечение было одним из

самых страшных. Щелкали по стенам отлетающие горячие гильзы. В другую сторону летели запущенные уже наемниками пули. Одна из них ярким фонтанчиком разбилась об титановое запястье. Белые, не красные как от обычной стали, искры на миг осветили полумрак пространства. Ближайшим источником света была открытая дверь уже такого близкого центра запуска ядерных ракет.

Ульяна завернула за угол, сразу за этой дверью. Среда не поспевал за ней, потому что вынужден был отстреливаться. Он оказался спереди Центра, еще не успел даже до него добраться, когда автомат не дослал новый патрон. Калашников затих и просто щелкнул, извещая о конце боезапаса. Среда мгновенно посмотрел на переставшее работать в его руках оружие и сжал зубы. На том конце уже показались стволы наемников.

— В укрытие! – крикнули вдруг.

Когда просвистели по коридору пули наемников, из-за поворота показался мясистый десантник с половинчатой лентой в пулемете. Он встал в полный рост, и выжал спуск по неприятелю. Короткая очередь громыгнула по темному коридору. Яркой вспышкой подсветило рухнувших на пол Моргану и Диму. Звеня и раскрашивая бетонную стену, пули изрешетили двинувшихся в атаку солдат удачи. Всего секунды им не хватило, чтобы расстрелять отступающую пару изо всех автоматов.

Десантник, не обращая внимания на свистнувшие через

него пули, сжал челюсти от боли, но не бросил пулемета. Наоборот, с нечеловеческим ревом он рванул его к плечу, вставая все шире в проходе. Не смотря на кровавые подтеки на рваной тельняшке, на огнестрельные сквозные раны и перебитые мышцы, он стрелял не переставая. Все жал и жал на спуск, не давая солдатам удачи даже высунуться из-за поворота. Этого момента хватило только, чтобы Среда за шкирку затащил Моргану в двери Центра Запуска, спас и ее и себя. Но десантник упал. Силы покинули его. На красный, забрызганный его кровью ковер, грохнулся со звоном пустой пулемет.

Дима недовольно мотнул головой, понимая всю бедственность ситуации. С другой стороны коридора все так же наступали наемники, нашедшие путь из другого крыла Сенатского. Они с Морганой оказались зажаты сразу с двух сторон. Их окружали, и их сдавливали тисками в попытках наконец сломить бесполезное сопротивление несдающихся защитников. Боезапаса не было, и противопоставить этому натиску нечего. Осознавая свою вероятную судьбу, Дима посмотрел на часы на руке. У них было не больше трех минут, чтобы уйти из этого ада. Но ни одного выхода он не видел. Они были зажаты в небольшой комнатушке, с кучей аппаратуры вдоль одной из стен. И у комнатушки этой был все один выход, как раз на перпендикулярной к аппаратуре стене.

И тут в помещение что-то залетело. Только успев закрыть руками глаза, чтобы не ослепнуть, Среда отвернулся. По

ушам раздался чудовищный звон, и в голове противно запищало, заломило где-то в затылке. Ноющая и тошнотворная боль прокатилась по горлу и носу. Едкий запах разорвавшейся светошумовой гранаты на мгновение парализовал его. Но глаза, пусть размыто, но все еще видели. Он едва успел встать, как мгновенно в переднюю плиту бронежилета вонзилась острая автоматная пуля.

Как тряпичную куклу его откинуло к стене. По груди пожаром пронесся страшный по силе удар. В ребре что-то больно закололо. Пуля не прошла плиту насквозь, но застряла в ней. Лягнулась с мощью десятка лошадей, только чудом не переломав ребра. Бронежилет спас его жизнь, но вот из строя вывел. Безвольно, пуская кровь изо рта от чудовищного импульса в сердце, Среда прислонился спиной к стенке. Ноги подкосились, и он упал на пыльный пол. Но на мгновение увидел, как для удара руку занесла Моргана. Ее металлические пальцы, собранные в кулак, почти коснулись тряпичной маски наемника. Практически раскрошили лицевую кость того в поганую красную муку. Но не долетели. Из дула вражеского пистолета раздался выстрел в голову. Пуля, звякнув, отскочила и ударила по одной из двух ламп накаливания на потолке, разбив ее.

Среда понял, что Моргана была убита. Ее бездыханное тело упало на спину, точно в темноту дальней части помещения.

— ...Бессмысленное, и беспощадное... – издевательски

сказал наемник, косо поглядев на сидящего и практически парализованного Диму. – ...Ваше сопротивление оказалось сломлено. Никто не встает на пути «Бархана»!

Мысли в голове путались. Среда пытался собрать раздвоившийся и сверкающий миллиардами звезд в глазах мир воедино. Но у него не получалось. От этой карусели мерзко тошнило. Слизкая рвота вот-вот вырвется вместе с кровью из его рта. Но он держался. И даже тянулся к лежащему рядом пистолету девушки. Его пнул один из наемников, отшвыривая дальше. В бетонном помещеньице, в котором находился главный пульт страны, их было уже трое. Один захотел посмотреть на труп немки, чтобы мерзко сплюнуть прямо на нее.

— Вы... – вымученная улыбка расплылась на лице Димы. Он знал, что минуты-то тикали быстрее, чем они думали. – ...все равно уже все трупы...

— И почему же?.. – резко повернулся один из солдат удачи на него. – А ты еще, оказывается, и шутить в состоянии! Ха, крепкий парень!

— ...Просто вы лохи позорные!.. – показал ему окровавленные зубы тот.

Спустившись на корточки, наемник поглядел ему в глаза. Сняв кевларовую каску, а затем и тряпичную маску на лице, улыбнулся Диме своей ослепительной улыбкой, с двумя золотыми зубами на нижней челюсти. Видимо, их он потерял где-то в Африке. На шее, под отросшей клочками боро-

дой, татуировка – восьмиконечная звезда. Потянув свою лапу к сидящему, он несколько раз тряхнул Диму за бронези-лет. Тот смог ответить только вымученным хриплым криком боли. И больше ничем.

— «Орлан», мы в «гнезде». – отчитался об успехах дру-гой наемник. Он ходил вдоль загадочной и перелопаченной Морганой аппаратуры. Из нее торчали провода и различные кабели, к которым она что-то приделывала. – Сопротивле-ние подавлено, мы готовы.

Внезапно раздался всхлип, будто бы кто-то схватился за перерезанную артерию. Наемник, который рассматривал труп Морганы на секунду выпал из полумрака, хватаясь за горло. То было разрезано в лоскуты, и падало на пол шмата-ми. Выпучив на это все глаза, татуированный солдат попы-тался встать, но взгляд его стал стеклянным, а лицо мгно-венно побледнело. Отрубленная, словно гильотиной, голова упала прямо на колени Диме. А тело в бронезилете прива-лило ее сверху.

Последовало три хлопка из пистолета. Последний наем-ник, что от страха вжался в аппаратуру, стрелял в зловещую темноту. Но видимого эффекта это не дало. Широко раскры-тыми глазами он посмотрел на то, как его «Глок» встал на затворную задержку, дымя стволом. В темноте пока ниче-го не происходило. Но вдруг там показалась стоящая фигу-ра с наклоненной вперед головой. И тут, в лучи единствен-ной оставшейся лампы на потолке медленно подался сжатый

окровавленный металлический кулак, с острыми титановыми чешуйками. У Среды в этот момент сильнее прежнего защемило сердце. Он понял, что это была восставшая из мертвых Моргана. Но вот только ли она?..

Видимо выстрелы приняли за добывающие. К наемнику никто не спешил на помощь. Его язык вдруг онемел, ведь он не понимал, что это была за фигура, и почему она оказалась еще жива. В горле солдата застрял острый комок, сглотнуть который не получалось. От этого раскрылся сухой, как после пьянства, рот. И горло выдало лишь протяжный хрип, вместо полноценного и громкого истеричного крика о помощи.

— ...свет мой, зеркальце... скажи. — в гробовой тиши разжался металлический когтистый кулак, с которого на пол капала бурая кровь. — ...я ль на свете всех милее?.. всех уж-ж-ж-жаснее и злее?!..

С ладони ссыпались три «глоковских» пули. Марс в голове Морганы перехватил их так, будто они были простыми назойливыми комарами, а не смертоносными кусочками свинца. Смятые пульки весело запрыгали по бронежилету казненного наемника, и закатались в луже крови. Голова Дениц в этот момент медленно повернулась, поднялась. Рот той был оттянут в истерической сверкающей в свете ламп улыбке. Ей не хватало только клыков, тогда можно было бы сказать, что она сама смерть. По хищному пристукнув зубами девушка подняла веки. Среда в этот момент чуть не потерял сознание. Наемник прыгнул на аппаратуру от страха. Там, где когда-то

были красивые электронные глаза, теперь ярче яркого сверкали дьявольские красные кольца, извещающие о преобладающе хищной натуре Марса. Со зловещим смехом, девушка повела металлическими пальцами. Ударила друг об друга средний и большой. Над ее ладонью, с громким треском понеслась длинная электрическая дуга. Она извивалась и искрилась, но не гасла. Освещала весь ужасающий лик своей обладательницы. Марс подчинил себе десять тысяч вольт из трансформатора в плече. До дрожи страшно.

В один миг сократив дистанцию, Моргана под контролем Марса снова наклонила голову. Из-под прядей замаранных кровью светлых волос посмотрела на оставшегося наемника. Еще сильнее, в истерике, оскалилась, и поднесла к нему руку с вьющейся между пальцев молнией. Мужчина попытался ударить ее, но натолкнулся на блок живой женской рукой. С чудовищным усилием, под бронежилет ему вонзилась вся металлическая пятерня. Сжимая зубки, Марс повел руку Морганы вверх, с легкостью распарывая кишки и живот наемника, разрывая бронежилет и царапая подавшуюся в сторону бронеплиту. Глаза, те два красных колечка, обозначающих монстра под миловидным личиком, не моргая смотрели точно в лицо умирающему солдату. Он не шевелился, застыл как мумия. А она жгла его взглядом, и все вела и вела руку выше. Разрезала с хрустом ребра, вспарывала легкие, рвала сердце. И лишь только когда взгляд наемника окосел, она мгновенно рванула руку вверх, разрывая в кашу и лицо

и череп. Восемьдесят килограммов распоротого на лоскуты мяса свалились на пол, залив все вокруг.

Все так же, по-королевски вальяжно, повернув Моргане голову на Диму, Марс в ее черепной коробке заставил ее сомкнуть губы. Поднеся к ним руку из титана, который уже было не видно за струями сочащейся крови и шмотками мяса, заставил слизнуть с когтя пару капель. Засмаковать это, по-змеиному высунув язык.

— Как в прекрасной сказке... — раздался голос Морганы. Но ломанный, словно электронный, искусственный.

К Среде потянулись ее руки. Тот забился, попытался снова вернуть движения своим конечностям, не дать ей убить себя. По крови в бешеном количестве разлился адреналин. Дима остался с этим чудовищным хищником один на один, а тот дал понять, что жаждет крови, что убивает ради забавы. Изнеможенные мышцы поддались на провокации мозга, и все же сдвинулись. Среда, перебарывая чудовищную боль, забил ногами по полу, пытаясь отползи от нее. А Моргана, как мать к ребенку, тянула к нему свои руки, все время позвериному истерично улыбаясь, дергая головой. Она бы, наверное, не смогла сейчас получить его кровь, потому что та застыла в жилах от раздражающего мозг ужаса. Самый страшный его кошмар творился наяву, а он ничего не мог с этим сделать. Едва шевелился.

— Что это?! — спугнул девушку один из наемников.

За мгновение до выстрела ствол автомата обьяли метал-

лические пальцы с выдвинутыми когтями. Кровь на них зашипела, вскипая. Вороненный металл Калашникова раскалился до свечения, и в стволе разорвался патрон, с дымом подкинув вверх крышку ствольной коробки и возвратную пружину. Вот как Моргана сжигала запертые замки! Она прогоняла через них с десятков тысяч вольт, как сварочный аппарат. Под таким напором сдавалось все.

Металлическая рука схватила наемника за лицо. Кончики когтей легко прошили тканевую маску у висков, и с тошнотворным бурлением, между ними пошел чудовищный разряд. Все так же, не моргая, смотря точно в лицо, Марс наблюдал, как вскипают глаза солдата, как его кровь превращается в пар, как лопаются сосуды под маской, и по ней растекаются кровавые пятна. Тело наемника било в конвульсиях, изламывало судорогами. Страшная смерть настигла его даже раньше, чем он сумел это понять. На всю операцию по сжиганию мозга, у Морганы под управлением этой твари внутри, ушло не больше нескольких секунд. И когда голова хорошенько пропеклась, что кожа начала отслаиваться от зажаренных мышц, а те от костей, девушка отпустила его.

И снова потянулась металлической рукой к Среде. Тот обомлел, и уже не двигался. Он почувствовал нагретый, но уже не обжигающий металл на своей коже, который... пытался погладить его по щеке! Марс осторожно провел металлической рукой Морганы по его пыльному и уставшему, выглядящему не на свои года, лицу. И отключились все систе-

мы. Девушка упала прямо на казненного наемника, потеряв сознание.

...Диме необходимо было выбираться. Тело его, преодолевая чудовищную боль, все-таки вырвалось из-под тяжести обезглавленного наемника и Морганы, и попыталось встать. Но его повело. Среда сел на пол, не удержав собственную массу. Он быстро оттянул от себя пробитую плиту бронезиelta. Содрал ее с себя с помощью системы быстрого сброса. Стало немного легче, но тело все еще не слушалось хозяина. На часах подходил час «Х», и времени оставалось все меньше. Только для последнего рывка. А за ним – либо все, либо ничего.

— Давай! – громко приказал он себе, фыркая и брызжа слюной. Снова пытался подняться на ноги, но противная и колкая боль в груди не давала это сделать. – Давай, сука! Вставай!!!

Ракеты уже были над Россией. Они мчались к цели на скорости, превышающей несколько махов. Уже ни одна из систем, развернутых Громовым, не могла их перехватить. Ни один истребитель не летал с такой скоростью, как эти ракеты. Боеголовки уже кипели под колпаком, уже ожидали скорейшее разделение одной и другой. Ракетные двигатели не сбавляли оборотов. Атом ждал своего часа, чтобы вырваться на свободу и сжечь чудовищной энергией все, что строили несколько десятков людских поколений. Этот ядерный кулак был уже над целью.

В двери снова завалилась двойка наемников. Они уже нацелились на сияющего встать Диму. Но тут в бронежилет одного из них вонзился клевец пожарного топора. Со звоном сдвинув пластину, он разбил грудину наемника на две части, прижав того к стене. С чудовищным ударом в лицо второму, Ульяна появилась в Центре Запуска. Она заблокировала вражеский пинок, и снова перешла в атаку. Несколько раз колко и хлестко ударив солдата удачи по лицу, что тот упал, отшвырнула его автомат в сторону Среды. Он поднял его и оперся, как на костыль. Сев на бронежилет упавшего наемника сверху, Вирхова просто забила по его лицу кулаками, расквасив то под маской. С чудовищным и нечеловеческим ревом вгоняя удар за ударом в череп, она убила его. Как разъяренный бык выдохнув полной грудью через нос, Ульяна выдрала свой пожарный топор из одного наемника, и с махом вонзила его в тело другого, чтобы добить.

— Я думал, что ты решила покинуть корабль. – поднимаюсь, Среда сжал от боли окровавленные зубы.

— Капитан корабля всегда уходит последним! – ответила она, поднимая с пола бессознательную Моргану. – Десантники своих не бросают. У нас всего пол минуты, чтобы убраться отсюда, так что давай живее!

— Я грудью пулю словил! – вдруг высказал тот. Но все же заковылял на выход.

Коридор держало под контролем несколько десантников. Они огневыми залпами отсекали толпы наемников из-за уг-

лов, по обе стороны от спуска в депо. Вокруг было несколько изуродованных тел. Ульяна прошибала себе дорогу без боеприпасов, по старинке. И теперь уводила последних своих людей к поезду. Их битва здесь точно закончена.

Лишь напоследок Вирхова бросила суровый взгляд на наемников из-за бронированных стекол уносящегося за раскрытые гермоворота поезда. Неспешно докурила сигарету и, когда свет сменила крошечная темнота, выкинула фильтр в форточку на другой стороне.

— Передавайте Ельцину «Привет», ублюдки...

...По чудом уцелевшему этажу прогуливались наемники. Они не знали, что их ждало, а потому мерно обследовали каждый метр на факт наличия раненных или находящихся при смерти десантников. Когда находили таких, не задумываясь пускали в ход окровавленное кайло, а затем забирали знаки отличия и голубые береты себе. Некоторые даже успевали делать на телефоны и «Полароиды» кадры в кабинетах захваченной крепости. Группа полевых фотографов суежилась около подорванного танка с едва проглядывающимися на недогоревшей краске синими полосами.

— Кучнее, кучнее парни! – с нескрываемой радостью говорил им фотограф. – На память же!

Но на память эта фотография у них не останется. Над Кремлем слышно хлопнуло. Боеголовки ракет разделились. Каждая помчалась к своей цели. Но долететь им было не суждено. Они разорвались на высоте в двести метров над зем-

лей, снося все постройки мощной взрывной волной.

Одновременно с лучами солнца, российскую столицу озаарило ядерное пламя...

Часть 20

Громов неудобно ютился в кресле, читая сводки с Каспийского моря и Кавказа. Оттянутые оттуда части могли бы быть щитом, но не стали. И теперь группировку российский войск там отталкивали к Ставрополю и Сочи. Ракетные удары накрывали базы Черноморского флота, а о уничтоженной еще в первые дни Каспийской флотилии можно было уже и не вспоминать. Удар тогда застал корабли на ремонте, им пытались поставить новые противокорабельные ракеты, но не успели. Вражеские нашли их первыми. От всего этого побоища и неоднозначных дум у генерала армии болела голова. Ну, в добавок и из-за того чудовищного удара, который отвесила ему Вирхова, совсем опустив его честь ниже уровня плинтуса. Челюсть все еще стискивал специальный бинт, чтобы она не выскакивала из разбитого сустава. Сторона лица опухла и раздулась, будто подверглась действию пчелиного или змеиного яда. Иногда Виктор все же ее трогал, явно жалея о том, что он во все это влез и просто не дожил свой век на большом личном особняке в Геленджике.

У открытой двери, в полумраке кто-то курил. Из-за ярко светящей на стол лампы Громову было видно только ноги

человека, одетые в строгие черные брюки. На них сверкали начищенными носками с золотыми элементами дорогие кожаные ботинки. Поглядев на это, Виктор Валерьевич слышно сглотнул, снова опустил взгляд в бумаги.

— Товарищ генерал армии! – закрыв человека на диване в углу отошедшей в сторону дверью, громко обратился один из секретарей. Это был молоденький офицер, с погонями майора, который был сродни дорогой и красивой собачки для Громова. Тот постоянно просил, нет... даже приказывал ему одеваться только с иголки и носить все свои ордена и медали. – Есть срочное донесение!

— Я слушаю. – Громов поднял глаза с явным интересом в них. Он уже знал, что ему доложат об успехе в Кремле, и хотел услышать только это. Но, видно пропитавшись духом Ульяны, после не самого легкого разговора с ней, вида не подал.

Майор четко отчеканил шаг и положил листовку прямо на бумагу с информацией по Каспию и Кавказу. Между ладоней Громова лег квадратный обрывок и неровными краями, и кривой геометрией. Взяв его в руки и быстро прочитав, он буквально взорвался от бешенства. Резко встал, ударив руками по столу. Свирепым взглядом глянул на сжавшегося секретаря.

— Кремль взять не... не удалось. – докладывал тот со страхом. – Одна из наших подводных лодок в Норвежском море выпустила по Кремлю восемь баллистических ракет

Р-29Р. Крепость и весь центр Москвы уничтожены. Потери среди наемников составили от двух тысяч человек. Сгорело свыше ста танков Т-90С, и сорок пять Т-80 и Т-72. Потерь среди гражданского населения нет.

— Мне плевать на потери! Что с пунктом запуска?.. – через зубы медленно спросил Громов.

— Докладывали о захвате. – сглотнул майор. – Но теперь он полностью уничтожен. Техники говорят, что восстановление всех связей возможно только с полной перенастройкой всех линий сообщения, и займет не меньше полугода.

В одно движение Громов смахнул со стола все, что на нем было. С грохотом на дорогой ковер упала и разбилась мощная светодиодная лампа. Около нее оказались и его треснувшие очки, которые использовались для чтения. Несколько с запозданием на груди теперь уже мусора легли бумаги с секретными докладами. И сверху, как вишенка на торт из злобы, агрессии и взбитых сливок, легла бумажка, на которой было два слова: «Объект уничтожен...».

Он было хотел закричать, как делал всегда, но в челюсти током разлилась острая боль. Он схватился за выбитый сустав и взбухшую щеку, которая была перетянута эластичным бинтом для фиксации. Эта чудовищная и колкая боль дала ему понять, что кричать, бить руками и ногами после поражения уже не стоило. Только признать это самое поражение и думать дальше. Из губ сжимаемого болью генерала вырвалось только «пошел вон» для майора. Тот, с явным страхом,

развернулся и вышел, нежно и осторожно закрыв за собой дверь.

— Как часто за этот месяц менялся наш мир. Удивительно. — заявил сидящий в углу человек. Одновременно с этим, из полумрака показались витки сигаретного дыма. — Ульяна Евгеньевна сумела уже дважды обыграть вас, Виктор Валерьевич. И теперь ваши и наши планы по ядерному удару несбыточны. Увы.

На той стороне кабинета раздался вдох наигранного сожаления. От него у Громова похолодели пальцы и сжалось сердце. Этого человека он боялся хлеще дьявола или Бога, трепетал перед ним, как перед хозяином. И еще бы, ведь этот человек спонсировал Громова солдатами. Именно он руководил «Барханом», который быстро и очень резко вплелся в ряды вооруженных сил России.

— Виктор Валерьевич, — мягким и спокойным, словно воспитательским голосом сказал человек. — Скажите... Думаете ли вы, что все еще можете оказаться полезными для заинтересованных в вас лиц? Тот узкий, но невероятно богатый круг мировой элиты, как они сами себя называют, надеется на вас и ваши действия, на ваши планы, ваши заверения. Но сбудутся ли эти планы теперь? Подумайте хорошенько перед ответом, прошу вас.

— Ядерное оружие было первым шагом... — ответил тот, собирая мысли в кучку в голове. Тон собеседника был мягок, но требователен. Он явно много и часто работал с детьми,

подумалось вдруг Громову. Точно, он работал с детьми. — ... но не единственным. Мы...

— Прошу прощения, что я вас перебиваю. — неожиданно резко произнес человек с сигаретой, стряхнув пепел с той в хрустальную вазу на кофейном столике. — Но мне очень бы хотелось знать, кто это «вы»? Насколько известно мне, а поверьте, мне это известно лучше, чем вам, весь ваш Дальневосточный Военный Округ, на резервы которого вы надеялись, взбунтовался против вас после инцидента на телебашне. Это еще один, кстати ваш, просчет. Солдаты там бедны и плохо укомплектованы, в отличие от передовых соединений в Центральной России, но их много, и у них старые радиостанции, которые позволили услышать послание генерал-майора Вирховой.

— ...Я... — нервно сглотнул Виктор, уже почувствовав, как на его шее сжимается петля. Ульяна действительно переиграла его, и весь Дальний Восток ее услышал. Сейчас там начинались и продолжались восстания регулярной Армии, которые вот-вот грозились перерасти в полномасштабную гражданскую войну. — Я распорядился прекратить переброску войск и техники с Дальнего Востока. Это поможет нам закупорить каналы распространения солдатских волнений и обеспечит некоторую стабильность на начало операции «Атлант». Я уверен, мы сможем добиться результатов уже подготовленными силами. Страны НАТО сейчас раздирает изнутри Германия. Восточная часть уже перешла, как

мы и планировали, к открытой войне с Западной, и у нас будет шанс проскочить всю Восточную Европу за один заход. У меня всё готово и все готовы. Остается только...

— Надеяться, что Ульяна снова не переиграет вас? – дополнил голос. – У вас нет первого шага плана – удара ядерным ракетным арсеналом. И я буду упоминать его до того момента, как вы не принесете нашим спонсорам победу. И кстати, говоря о спонсорах...

Человек до сих пор не показывал лица, но по интонации стало понятно, что в момент, когда прозвучало крайнее слово, а затем потянулась непродолжительная пауза, он скромно и хитро улыбнулся. А дальше продолжил все так же спокойно и не быстро:

— Вы предупредили своих друзей из сферы большого бизнеса, чтобы они, как можно быстрее, вкладывали свои ресурсы в наши предприятия и банки? Дальше ведь... может быть уже поздно. Еще, с моей личной подачи, хочу сказать, что для аграрного треста вашего сына уже подготовлено несколько разбитых офшорных счетов на Багамах и в Арабских Эмиратах. Вы уже получили извещение о том, что его компания официально переезжает из Нидерландов?

— Да, получил. Только вот куда?

— Оставьте это на нас. Думайте о том, Виктор Валерьевич, как бы снова не попасть впросак перед Вирховой.

— Она ведь вызвала огонь на себя! Наверняка эта таджикская шлюха уже в виде атомов. Пора бы ей уже... живучая,

как таракан.

— «Наверняка»... – повторил слово собеседник, поерзав в мягкой коже дивана. – Не надейтесь на неподтвержденный факт, генерал. Как мы уже выяснили, страх перед «таджикской шлюхой» – это лучшее средство, чтобы заставить вас думать быстрее и четче. Опасайтесь ее, и ее разбросанной по всей стране паутины. Нельзя начинать операцию «Атлант», не зная всех переменных на ее пути.

— Мы готовили с вами эту операцию четыре года. Она не сорвется.

— Может, тогда есть смысл еще укрепить наши позиции, как считаете?

— Считаю, – и тут Громов задумался. Думал он о том, чтобы сказать, что всего достаточно и всего хватает. Но понял, что ресурсы с мятежного Дальнего Востока необходимо чем-то заменять. Но что-то взять теперь можно было только с Урала или Кавказа. А на последнем велись ожесточенные бои с Гардезским блоком. – Я считаю, что необходимо дать плану еще неделю, возможно полторы. Нам следует перебросить еще две парашютно-десантных дивизии и одну дивизию морской пехоты с Кавказского фронта. Но для этого необходимо нормализовать обстановку там и остановитьдвигающийся в глубину нашей территории фронт Гардезского блока. Подготовительные мероприятия можно начинать немедленно, но основную фазу, теперь уже «вторую» необходимо отложить до нормализации обстановки на Каспии.

— Доверьте это мне, Виктор Валерьевич. — человек встал и повернулся к Громову затылком, зашагав точно к дверям. Но у самого порога вдруг несильно повернул голову. На глазу стала видна черная шелковая повязка. — Начинайте операцию «Атлант»...

АКТ 2.

«Атлант растопит печи»

Часть 1

— ...А тот бац-бац! – голый по пояс Среда вальяжно махнул ракеткой, отбивая запущенный Гансом теннисный мячик. – И мимо! А она только кулак разожмет, и все пули на пол посыпались. Я таки первый раз такое видел!

Их баталия на крытом корте, который был зажат между невысоких, отделанных плиткой стен больше походила на состязание двух пенсионеров, крайне преклонного возраста. Активно обсуждая все, что произошло почти неделю назад, двое – Среда и Груббер – неспешно пасовали друг другу и отбивали запущенный в их сторону снаряд. На широкой и мускулистой груди Димы виднелся обширный, но уже заживающий синяк. А Ганс несильно потряхивал головой. Московская встряска дала его здоровью под дых, однако то не опустилось до критического или смертельного уровня. Его контузило. Как сказали гарнизонные врачи, жить, и даже воевать, он еще сможет. Не слышал правда половину из того, что ему говорили. Благо акустика теннисного зала на затерянной советской гротовой базе на островах Кубы ему по-

могала. Диме даже не приходилось иной раз кричать.

Снова удар ракеткой. На этот раз подавал Ганс. Мячик звонко коснулся пола, но еще одна ракетка не успела его потрогать перед «аутом». Среда не дотянулся, пусть и бросился в противовес подаче. Осознав свое поражение, Дима подошел к скамейкам и отложил ракетку в сторону, беря полотенце. Замотав им плечи, чтобы не простудить распаренный от напряженной игры торс, он присел на одно из сидений двухрядных трибун. Отпив из армейской фляжки, предложил ее Гансу, но тот отказался. Немец после Москвы подсел на крепкое спиртное. Пытался унять вечный звон в голове и расслабить тело. Ганс быстрым рывком опрокинул в себя глоток шнапса. Завернув обратно жестяную крышку на стеклянной бутылке, отложил ее к своим вещам.

— Ты С-с-с-среда... М-много б-болтаешь. – махнул на него, заикаясь, немец. – К-как она по т-твоему эти пули поймала?

— Слушай, ты что мне мозги делаешь? – встрепенулся Дима. – Ты таки думаешь, что я вру, что ль? Да я сам видел! Чуть в штаны от страха не...!

— Н-не верю. – мотнул головой Ганс. – Л-ладно, пойдем.

— Да, пойдем. – согласился тот, отпив из своей фляжки. – Алкоголик недоделанный. Все равно партию проиграл. С допингом – не честно!

— Д-да. – коротко, с улыбкой, ответил тот, и вышел из зала за тяжелую и толстую дверь со штурвалом, какую обычно

ставили на корабли.

Никто бы не поверил, что в территориальных широтах, близких к экваториальным, может быть настолько холодно. Но это было правдой. В гротовой подземной базе, являющейся ремонтной перевалочной стоянкой для подводных лодок, было очень даже холодно. На отоплении, чтобы не демаскироваться колоссальными счетами за электроэнергию и тепло, экономили. Оно было только в отсеках, и то, в большинстве своем от найденных на складе советских нетронутых буржеек, которые топили найденными деревянными ящиками. На складах здесь было все, что могло потребоваться. Казалось, что тут было вообще все, что пожелаешь! Кроме, конечно же, драгоценного теперь тепла. Выбираться на поверхность строго запрещалось, ведь кто-то из местных мог заметить незнакомые лица. А поскольку доки и база располагались не в самых туристических маршрутах, то вероятность оказаться рассекреченными, просто показав на улицу собственную физиономию, увеличивалась десятикратно.

Но Среде чудовищно хотелось тепла. Когда он шел по бетонным узким и холодным, покрашенным в два цвета – зеленый и белый – коридорам, увидел на одном из повешенных там градусников цифру «пятнадцать». Естественно, с плюсовым значением, но вот после утомительной и выжимающей все соки тренировки, во время которой по спине прошло семь потов, это было сродни минусу. Горло начало зудеть от першения, а спина похолодела. Прямо на мокрую футболку

накинув вязанный толстый свитер, Дима завернул за угол, вышел уже в более широкие, и даже, казалось, несколько более теплые от света старых советских лампочек накаливания, коридоры. В них, иной раз, попадались картины, показывающие быт советского моряка, боевые походы и красоту широких атомных подводных крейсеров, разрезающих морскую гладь своей узкой рубкой. Гротовая база была нетронутой с самого начала восьмидесятых. Здесь все было почти новое, не тронутое. Команда, уцелевшая после Москвы, словно оказалась в не самом далеком, вообще-то, прошлом. Все двери были деревянные или железные, похожие на лодочные. Везде виднелась свежая, не рассыпающаяся под натиском снарядов штукатурка. Серый и прочный, без трещин, бетон. Чистая керамическая и эмалированная зеленая мелкая плитка под ногами. На потолках либо ртутные в длинных стеклянных колбах, либо Ильичевские лампы. Повсюду надписи на русском, яркие и красивые. Выведенные по трафарету, они словно сигнализировали, чтобы моряки и военные, находившиеся здесь, чувствовали себя, как дома, понимали, что здесь, на Острове Свободы, частичка такой далекой земли Отечества. Ведь гораздо ближе здесь было до Вашингтона или Нью-Йорка, до Майами, нежели даже, до какого-нибудь, когда-то социалистического и дружественного, Котбуса. Но все равно, раскупоренная и расконсервированная из небытия база была каким-то благом. Здесь можно было укрыться, не опасаясь ничего.

Укрыться даже от погоды. Та не на шутку разыгралась. На поверхности, над десятками метров скальной породы, что одеялом укрывали от глаз все катакомбы и доки ремонтной базы советских подводных лодок, был штормовой ураган. Небо черное от свинцовых грозовых туч. Над гладью лазурной и теплой, но с приходом непогоды посеревшей воды блестяли грозные широкие раскаты. Десятком пушек раздавался звук грома, который разлетался во все стороны и врезался в уши. Ветрами и волнами сносило в море плохо закрепленные рыбацкие баржи, смывало прибрежные домики, топило в обломках и мусоре райские лагуны и ровняло с землей пальмовые заросли, изгибая и ломая деревья. Это все прогнозировали, это все обещали, но непогода свалилась на несколько дней раньше, застав врасплох весь Бермудский бассейн.

— Ну и погодка сегодня. – натолкнулся на шедших к основным докам Среду и Ганса Груз, который спустился откуда-то сверху, с крутой, но широкой лестницы. Та была за мутными стеклянными тяжелыми дверями в стиле советских комбинатов или НИИ. – Ветер узлов под тридцать пашет.

— Чего на поверхности делал? – Дима сунул руки в карманы теплых армейских песочных штанов. – Ульяна сказала же...

— Думаешь, я не смогу проигнорировать ее мнение? – привычно поднял бровь разведчик. Он скрестил руки на

груди, зашелестев зеленой тканью непромокаемого резиново-брезентового дождевика. — Она мое игнорирует, так почему мне нельзя? Купаться ходил.

— А если...

— Если серьезно, то провожал взглядом последний «Орион», который три часа кружил над островом. Непогода их прогнала похлеще ракеты с «Двины». Парни там серьезные. Крутились и так, и сяк. Все высматривали, стервятники. Но, похоже, искали не нас, что-то еще. Они строгие профессионалы, но если мы узнали про этот док всего неделю назад, то они точно еще не знают.

— Странно, что они активизировались в этом районе. — заметил Среда. — Я думал их основные силы направлены на Восток, на военную и экономическую помощь Европе.

— Да, странно. — согласился старик, причесав мокрые седые волосы. Дождь шел косой, проливной, и дождевик не сильно-то и спасал от такого морского душа. — Американцы последний раз проявляли такую активность над Кубой, еще когда мороженное по паре копеек было. Шесть «Орионов» за пару дней. Кубинцы их перехватывать не успевают.

— М-может, прикрытие для к-караванов? — подкинул идею Ганс, переглянувшись с Грузом. Тот лишь пожал плечами. — Может, они з-з-засекли нашу «Дельту-3»? П-подлодка вошла в док всего около д-двадцати часов назад.

— А вот это хорошая версия. Я бы ее проверил. — согласился тут, прищурившись, разведчик. — Пойдемте-ка...

Теперь уже втроем, они зашагали в сторону основных доков. Каждый из тех был разделен надвое – на сухую и на мокрую часть. Сухая клином входила в мокрую, на ней было несколько подъемных механизмов для подлодок, чтобы каждый раз не осушать док. Громадные рукотворные атомные корабли предполагалось поднимать в бок, посредством нескольких массивных двигателей, которые прятались под стенкой. Тут же, после подъема, должны были подводиться краны и железные сварные широкие мосты, чтобы проводить ремонт и обслуживание. И все это чудо инженерной мысли, прямо в породе, двигалось и рычало, звенело работой и искрило сваркой.

Там, в сухой части центрального дока, объятая металлом кранов и двигающихся мостов, ждала своего часа на выход громадная черная конструкция. Величественная и огромная, потрясающая воображение своими габаритами, подводная лодка Советского Флота, которая так и не встала в строй в свое время, лишь мерно поскрипывала, стонала под руками восстанавливающих ее рабочих. Основу конструкции, Дима понял это сразу, составляла подводная лодка проекта «Кальмар». У нее была такая же задняя часть и центральная часть со средней высоты горбом, в котором должны были покоиться жидкостные баллистические ракеты Р-29Р. Но вот нос у «Прометея» от «Воркуты», которая стояла в мокрой части соседнего дока и была лодкой одного с ним проекта, отличался. Он был незначительно удлинен. Моргана объяснила,

только взглянув на этот потрясающий экземпляр сумрачного советского гения, что торпедного аппарата у этой подводной лодки не было. И действительно, в носовой части не было знакомых по фильмам и книгам «ноздрей». Двухтонные сигары выпускать было попросту неоткуда. Зато воображение поражала надстройка, настолько явно отличавшая носовые части двух, практически одинаковых подлодок.

Она была выполнена в форме громадного ящика или даже ангара, с покатыми гранями и углами. Вся затянутая в черную резину, которая гасила любые шумы и вибрации, была как выпирающая грыжа. Нисколько не предавала красоты этому подводному крейсеру. Скорее наоборот, выглядела неэстетично монструозной и высокой, по высоте сравнимой с «горбом» подлодки. И становилось понятно, что такая форма могла быть сделана для какого-то оборудования невероятных размеров. Обязательно секретного и будоражащего воображение. Но... по документам эта странная носовая часть – просто ангар для палубного истребителя.

Однако взгляды «Прометей» приковывать умел. Среда чуть не свернул голову, когда они проходили мимо доков к лестнице, которая вела вверх. Он все думал о том, зачем же Ульяне понадобился этот старый, забытый в пучине времен атомоход. Но затем, когда увидел, что массивные балочные краны начали доставать из шахт «Воркуты» баллистические ракеты, догадался. Вирховой был нужен шанс обойти запрос на применение ядерного вооружения, если вдруг станет со-

всем жарко.

Это подтверждали и еще одни ракеты, которые сгрузились вместе с работниками с одного из пуэрториканских лихтеровозов. Дима не знал, что это за ракеты. Они были запакованы в двухслойные железные длинные ящики и распаковке пока не подверглись. Но мысль о том, что кто-то очень и очень серьезно помогает, теперь посещала его все сильнее. Но вот география... Не было понятно, к какой стране относился доброжелатель со слишком большим кошельком.

Груз зашел в большое помещение первым. За ним Ганс, а последним, закрыв обе двери, железную и деревянную, которые были друг за другом, Среда. Помещение было сродни какому-то командному пункту. Повсюду находились столы со светильниками, разложенными на них документами и обрывками бумаг. В центре стоял железный стол с целой россыпью кнопок и рычагов. Из угла того выходил на гибкой ноге микрофон внутренней связи всего комплекса. Ульяна обосновалась здесь как дома. Спокойно сидела на тканном красном диване и глядела в маленький пузатый, с рябью, телевизор. Мерно попыхивая сигаретой, она то и дела смахивала с пепел в зеленую тяжелую пепельницу.

—... Груз, объясни мне, зачем ты показался наверху? — спросила она его не поворачиваясь. Старик, словно не замечая вопроса, прошелся дальше и открыл холодильник. С пол минуты посмотрел в него, ничего не взял и закрыл.

— Американцы патрулируют акваторию. — ответил тогда

он, повернувшись к ней. — Я насчитал уже шесть самолетов за эти два дня. Ганс выдвинул версию, что они могли засесть нашу подлодку, которая приближалась к острову несколько часов. Это не самые лучшие новости, я хочу тебе сказать.

— О, хороших новостей у нас нет... — протянула она со скупой улыбкой.

Пальцами с зажатой меж них сигаретой показала на экран телевизора. Рябь была ужасная. Не было понятно, как Вирхова еще не посадила себе от него зрение. А заодно и слух, учитывая, что эфир шел на английском. И если какие слова и проносились на русском, то в язвительном тоне, со страшным акцентом. Ведь это были американские новости:

— ...до сих пор ничего не известно о судьбе правящей верхушки Российской Федерации. После неоднозначных событий в центре Москвы, судьба у президента и ближайшего его окружения может оказаться не самой выдающейся, да, Барнс?

— Да, точно так, студия. — продолжал, судя по всему, тот самый журналист Барнс, от которого был только звук. — Однако, стоит заметить, что временно исполняющий обязанности Министра обороны России, маршал Армии Виктор Громов заявил, что русские спец структуры в силах разобраться со всеми причинами и последствиями чудовищного теракта в Кремле. Стоит напомнить нашим зрителям, что сутки назад стала известна причина всех действий Российской Армии в Москве. По данным официальных анали-

тических изданий России, неназванные террористически силы, возможно, подчеркнул Министр Громов, из рядов специальных структур Западных держав, совершили террористический акт с использованием термоядерного оружия. На данный момент мы не можем точно сказать, что произошло на самом деле, поскольку вся политическая миссия США в Москве в частности, и в России в целом, подлежит немедленному сворачиванию. Нам, как журналистам, предписано покинуть территорию Российской Федерации через несколько дней.

— Возможно русские просто потеряли свою боеголовку. — едко и противно ухмыльнулась ведущая в студии. — После развала СССР чего только они не теряли. Вероятно, мистер Громов не понимает, что, если бы это сделали Соединенные Штаты Америки, России бы уже не существовало как страны! Неплохо было бы ответить этим русским в ультимативной форме, Барнс?

— Да, согласен, студия. — продолжал голос Барнса. — Нам известно, что готовится заявление Генерального секретаря НАТО и начальника Центрального Разведывательного Управления по поводу обвинения Запада в нападении на Российскую столицу. На данный момент, это пока все новости из России, студия.

— ... Что ж, Груз был тогда прав. — развел руками Среда, переглянувшись с чекистом. — Ты и правда подтолкнула мир к Третьей Мировой Войне. Тут скрывать особо-таки нечего.

— Я дала им повод. Но оттянула ее еще на неделю. — спокойно ответила Ульяна. — Как ты думаешь, зачем Громову было с пеной у рта отнимать у нас комплекс с его и нашими чудовищными потерями? Не для того, чтобы просто мирно сидеть. Он либо ожидал удара, либо хотел нанести его сам. Третья Мировая уже почти началась.

Она переключила канал, щелкнув пальцем по кнопке переключения под пузатым экранчиком. Канал сменился. На нем уже показывали какие-то полуголые, с клочками жалкой травки фьорды и лавовые застывшие подтеки, которые напоздали с горных вершин. Гадать было не нужно — северное островное государство. Исландия, Гренландия или, с меньшей долей вероятности, Норвегия.

— ...Крупный пожар на базе истребителей НАТО в Рейкьявике удалось потушить. Как сообщает информативное агентство, со ссылкой на официальные представительские источники НАТО в Западной Европе, пожар, начавшийся из-за несоблюдения техники безопасности при проведении заправочных работ, привел к возгоранию шести истребителей Ф-16...

Снова переключила канал. На этот раз пейзаж полуразрушенного старинного города, с элементами грубого средневекового стиля — Германия.

— Хорошо, что Моргана этого не видит... — произнес Среда тут, широко раскрыв глаза и всматриваясь в картинку. На улицах города горели танки. Под суровым и не пре-

кращающимся пулеметным огнем гибли люди. На линии соприкосновения полыхали дома, а с вертолетов работали по позициям противника. Все смешалось в единое месиво, но один малозаметный факт дал понять, что происходило. На дальней стороне кадра, снятого явно на трясущуюся камеру в руках не самого опытного оператора, был советский, с голой заводской башней, Т-72 с эмблемой ГДР. Не приходилось гадать – в центре Европы развернулась гражданская война.

— По всем каналам нет сюжета, где бы не стреляли и не убивали. Пожары, взрывы, гибели и потери. Везде, вообще. Это уже не похоже даже на то, что было до и во время Москвы. Это не похоже даже на саму Москву или разбомблённый ядерным оружием Берлин! Это предтеча, первые операции для грядущей войны.

— Кто-то читал Клэнси. – заметил Груз, снова скрепящая могучие руки на груди. – В Исландии явная диверсия. Пусть НАТО и расслабилось, но их в армии стегают похлеще нашей. А тут такое... Шесть истребителей. Если не треть, конечно, то это очень весомая часть аэрокрыла, способного на перехват наших стратегических бомбардировщиков в том регионе.

– Это все еще пока совокупность фактов. – не хотел верить Среда. – Нет пока слишком весомых причин говорить о чем-либо. Да, напряжение, да... аж до хруста между ушей уже! Но я таки не верю, что сегодня мировые лидеры спо-

собны на это. Я не хочу быть Фомой-неверующим, но таки ведь... мир еще есть. Ракеты ведь...

— ... именно. — улыбнулась тут Ульяна. — Ракет нет. И кто же в итоге оказался прав? Мы ударили Громова по рукам. Но есть еще один фактор, который не удалось решить в Москве. Нам необходимо пообщаться с кое с кем в США и Президентом.

Среда истерически рассмеялся. Смеялся он долго и залиvisto. Не верил тому, что только что услышал от той, которая скорее сломается пополам, чем начнет договариваться с кем-то для себя. Но вдруг понял, что она серьезно, и договариваться решила, переступив через себя, и уж точно не для себя. В миг в голове всплыла вся картина мира, и пришло осознание — Вирхова не шутит, и действительно может составить конкуренцию Громову по части уважения и подчинения войск. Оставалось только выдвинуть себя из уже трижды мертвых и громко заявить о планах.

— Президент США?! — переспросил он. Тут вздрогнул даже Ганс. — Я вижу, что ты не шутишь, но прошу, скажи, что это, сука, не так...

— Американцы поспешны. — повернулась на диване Ульяна. Но встала, засунув в зубы почти скуренную сигарету. — Их президент полноценный бюрократический дурак, но давление все же может иметь в обществе. Однако основной действующей силой являются промышленные и власть держащие магнаты, как и у нас. Они могут сорваться и не выдер-

жать, начать активно действовать в Европе и спустят Громова с последнего поводка. Ты послушай их заявления, Дима! Они же подыгрывают его националистической риторике, делают, бляха, все ему на руку! – развела она руками. Была ведь права, чертовка. – Если ты подумал, что я собираюсь рекламировать себя перед ним, то черта-с-два! Нихера подобного, блять. Но моя задача не дать им сорваться, договориться до ультиматума, и я это сделаю. Сейчас все вокруг горит и полыхает, этот мир уже похож на решето для макарон, но он еще существует. А американцы делают все навстречу войне. Агрессивные лозунги, политика, направленная на накачивание оружием европейских держав и границы с Россией. Это часть их политики еще с шестидесятых. Но сейчас необходимо доказать им, что это не лучшее решение.

— На какой же блуд я-таки подписался... – помял Дима переносицу. – Хорошо, хорошо. Заявление. Ты, пусть, блин, так... представишь некую альтернативную Громову силу «Другой России», и?..

— Необходимо лишить их иллюзий касательно ядерного удара по территории нашей Родины. Ведь если припечет, если они узнают, что Громов и Россия лишена доступа к своим шахтам и установкам ядерных баллистических ракет, то они обязательно ударят. И ударят всем, что у них есть. Я не дам им повторить Хиросиму и Нагасаки у нас. – объясняла она. – Моя задача состоит в том, чтобы объяснить власть держащим американским ксенофобам, что, если они дадут

мне некоторое количество времени, перестанут накачивать Европу оружием и подумают о том, чтобы, ну скажем, на эти деньги построить несколько новых мостов в Детройте, я смогу заручиться поддержкой частей Российской Армии и спихнуть Громова с насиженного им места и прекратить все подготовки к абсолютно не нужной войне. Но пока все выглядит ровно так, как Громов и задумывал: американцы выставили щит, мешающий двигать самые боеспособные части России на Каспий, уничтожили с помощью атомного оружия Кремль и верхушку власти, а теперь накачивают караванами с оружием Европу в ожидании победного марша. Это одновременно и так, и не так. Основная угроза – Громов, но и США ему, словно подыгрывают. Все думают о том, что они способны, пока в нос не прилетает кулак! Мы сохраним мир, и мы решим все задачи, потому что знаю, что мы способны на это! У меня есть еще один, гигантский, блять, козырь в рукаве...

Среда подумал, что понял, о чем она. Невольно, будто бы робко глянул на так хорошо видимую из помещения подлодку. «Прометей» ... Ее так назвали в честь героя, что подарил человечеству огонь, поделился его теплом с бедным народом. И как бы иронично не звучало, но атомный подводный крейсер с восемью ядерными ракетами на борту, действительно мог подарить человечеству самый теплый в его жизни огонь.

— Мы одновременно и почти законно попадем туда, и да-

дим понять, что уже имеем вес на политической арене, раз располагаем такими средствами.

— Но почему именно эта подлодка? – спросил тогда Среда.

— Она самая тихая из класса, судя по чертежам. – Ульяна невольно повела головой, словно ожидала услышать от Димы другой вопрос. – Плюс, у нее есть несколько фишек, которых нет у других подводных лодок данного класса. Первое и основное: ее нет в списках флота, и проще выдать ее за какую-нибудь экспериментальную или опытную. Второе: о ней не знает Громов и Флот. Третье: если приспичит, ракеты можно пустить всего по одной команде. Вот и все.

Она медленно, но широкими шагами прошла до Среды. Бросила кроткий взгляд на Ганса, и выкинула скуренную до фильтра сигарету к остальным в пепельницу. Выдохнув дым в сторону, и дотронувшись до уже поджившей раны на лбу, посмотрела точно в глаза Диме. Тот не отвернулся под ее прожигающим карим взглядом, но все равно несколько дрогнул и слегка ступил назад. Вирхова ожидала еще вопросов, и сблизилась, чтобы лучше услышать их. Но оба мужчины молчали. Старик, все еще стоявший около холодильника, лишь повел неудобно плечами. Среда понял, что у них была какая-то общая мысль на двоих, но уже не стал это выяснять.

— У тебя уставший вид. В бассейне был? – спросила она.

— Шутишь что ль? – пошуршал он вязанным свитером. – Теннис.

— Жаль. – коротко ответила та. – В бассейн провели горячую воду. Там теперь японская баня. Сходи обязательно. Но сперва, вы оба с Гансом должны отдохнуть.

— Я не...

— Иди. – с интонацией приказа произнесла она. Даже не моргнула. – Ганс, прочь. Los, los.

Смерив взглядом стоявшего в углу старика, Дима все-таки развернулся. Высказывать все фи перед Ульяной не решился. Понимал, что ее уже не переубедить, насколько бы странным решение ему не казалось. Но он знал, что это может и... судя по уверенности Вирховой, принесет свои плоды. Обязательно принесет, если успеть и не мешкать. Ударить можно было всегда, да договориться время утекало. Быстрым и четким шагом, Ганс и Среда ушли, закрыв за собой и деревянную и железную двери.

Ульяна, помяв висок, подошла к центральной консоли.

— Он все еще думает, что козырь – это лодка. – с отсутствующей миной на лице произнес Груз.

— Пусть и дальше так думает. Нам же легче. – заявила та, не поворачиваясь на него. Дальше включила микрофон громкой связи. – Моргана Дениц и Богдан Иванович Щукин, огромная и безоговорочная просьба зайти.

Через несколько минут, когда Ульяна продолжала просмотр западных новостей для того, чтобы найти несколько еще зацепок, в дверях помещения появился сравнительно не высокий человек во флотской черной шинели с двумя золо-

тыми рядами пуговиц. Сняв меховую шапку с золоченной флотской кокардой, и причесав не самым толковым образом лежащие седые волосы, с остатками черно-коричневых, капитан-подводник смело сделал пару шагов к диванам. Снова надев на голову шапку, кинул руку в воинском приветствии.

— Богдан Иванович, прошу вас, расслабьтесь. – улыбнулась ему Ульяна, вставая. Протянула руку для рукопожатия. В ее загорелой ладони южного цвета оказалась другая, бледная и широкая, сухая от морской воды и холодного металла. – Здесь все друзья и боевые товарищи.

— Вас понял, товарищ генерал. – ответил тот, мгновенно смерив взглядом Груза, который все еще пытался обнаружить что-то в холодильнике ЗиЛ. – Рад вступить под вашу команду. Это просто потрясающе, что вы смогли выжить. А это...?

— Меня зовут Груз. – произнес чекист, поняв, что вопрос был про него. – Я полковник Второго Главного Управления КГБ СССР. Тоже здесь в качестве друга.

— КГБ – это хорошо. – уже более пристально поглядел на него Шукин. Его серые глазки пытались выяснить, говорит ли правду разведчик или нет. Но тот был спокоен как слон, и даже бровью не повел, как делал обычно. – Могу я чем-то сейчас помочь?

— Да, несомненно. – с коротким шагом, двинулся вперед Груз. Он опустил руки с груди и сунул одну из них в карман. – Богдан Иванович, я хочу узнать, могли ли американ-

ские береговые службы, а конкретно шесть самолетов Локхид Р-3 «Орион» отследить ваш путь до нас? Необходимо понять, может ли нам здесь угрожать опасность со стороны Береговой Охраны Соединенных Штатов Америки, а также их подводного и надводного флота. Мир сейчас находится на взводе, и появление российского атомного крейсера в водах Кубы может только отрицательно повлиять на вероятное разрешение конфликта.

— Товарищ полковник. — снова снял шапку капитан, понимая, что разговор будет не из легких. Старый чекист глядел на него спокойно и даже сурово. Под таким давлением было трудно собирать мысли в голове. — Команда «Воркуты» подготовлена по высшему классу. Мы бы сразу поняли, если бы за нами начали охоту с использованием противолодочных самолетов или средств обнаружения подводных лодок. Не поймите меня неправильно, атомный подводных крейсер невероятно шумная и громадная машина, затерять такую на относительно мелких глубинах прибрежной зоны островов Кубы достаточно проблематично, поэтому мы подходили с другой стороны острова, где глубина позволяет спрятать массивный силуэт нашего корабля. К тому же есть некоторые холодные морские течения, которые могли сбить и затерять наш след для буев обнаружения. Уверяю и вас, Ульяна Евгеньевна, я и команда ракетноосца полностью исключили возможность нашего обнаружения американцами.

— Хорошо. Еще вопрос. — продолжал допрос Груз, яв-

но вспоминая давно минувшие свои года работы в контрразведке. – Насколько сильно Береговая оборона Соединенных Штатов Америки может быть опасна для подводных лодок класса «Кальмар»? Нам необходимо узнать перед готовящимся походом, сможем ли мы за достаточно короткий срок минуть большую часть нашего пути, избежать обнаружения и тем более уничтожения.

— Большая часть их противолодочных средств находится на относительном удалении от берега. Группы их противолодочных фрегатов подготовлены по высшему уровню, но они могут и не ожидать вероятного прохода одной единственной нашей подводной лодки по направлению от Майами на север. Такой поход уже был в 1988 году, когда одна «Мурена» прошла вдоль всего побережья США незамеченной, но оказалась обнаружена в Северной Атлантике, уже на исходе своего боевого похода.

— Вами уже составлен маршрут?

— Да, мои офицеры уже собрали необходимые данные по глубинам и течениям, по вероятным районам сосредоточения кораблей и подводных лодок противника.

— Расчетное время прибытия?

— Пятьдесят один час, товарищ полковник.

— Весьма оптимистично. – посмотрел вдруг Груз на Ульяну. – Что ж, все, что я хотел, я от вас услышал. Благодарю.

— Можете расслабиться, Богдан Иванович. – указала Вирхова рукой на диван. – Может, вы хотите что-то выпить?

А за одно вы расскажете мне то, что думаете о вашей новой подопечной. Вы изучили переданные вам бумаги, касающиеся проекта 901Б-01 «Прометей»?

— Подлодка, прямо сказать... – слегка задумался Щукин, вытягивая губы в линию. – Не самая обычная. Судя по изученным мной материалам, ее материнским проектом был такой же «Кальмар», как и «Воркута», однако в конструкцию было внесено множество изменений, чтобы компенсировать тот... чудовищно большой нос, который вы вероятно уже видели.

— Да, видели. – Ульяна налила в маленькую семнадцатиграммовую рюмку водки. Пододвинула ее к капитану по столу у дивана.

— Мы не видели «Прометей» на плаву. – заметил тогда командир. – Это большой минус. Но, расширенные балластные системы, и отсутствие торпедных аппаратов и самих торпед в носовой части может способствовать более легкому управлению, и меньшему вероятному продольному дисбалансу подводной лодки. Нагрузка на рули глубины и основные агрегаты машинного зала должна быть не сильно отличающейся от той, какая есть на нашей подводной лодке. Потому, думаю, что команде вообще не нужна подготовка. Реактор одинаковый, системы управления огнем и связью одинаковые, все сонарное и гидроакустическое оборудование одинаковые. Подводя итог, можно сказать, что мы полностью готовы к походу.

— Очень хорошо, Богдан Иванович. — Ульяна налила, а потом подняла и свою рюмку. — За пролетариев всех стран!

Чуть ухмыльнувшись тому, как капитан поджался после выпитой водки, она быстро опрокинула свою стопку, вообще не поведя даже глазом. Чего уж было жаться, когда во время службы под Кандагаром летные техники из обслуживающего аэродром персонала делились слитыми с «Гастрономов» — так называли самолеты МиГ-31 — фляжками чистейшего спирта, от которого было рукой подать до водки. С тех пор Ульяна практически не пила, хоть умела и могла. Не было уже интереса, ведь все, что могла, об алкоголе она узнала именно тогда. Из суровой, но веселой окружавшей ее мужской компании.

— Ульяна Евгеньевна, мне не понятно одно. — отдышавшись после стопки сказал вдруг Щукин. — Что это за новомодные ракеты грузят на мою подлодку?

Это оказался очень интересный вопрос, на который Вирхова знала ответ, но не хотела отвечать. Боялась, что в глазах моряка окажется не самой знающей, ведь она знает только поверхностную и крайне общую информацию. Помощь этими ракетами навряд ли вообще оценимая, настолько щедрым оказалось подношение, но вот по части информации... Тут хоть к гадалке иди. Документация на руках Ульяны была крайне скупая.

— Это «Циркон Макс». — выручила появившаяся в дверях Моргана. — Могу я..?

— Проходи, конечно. – ответила Вирхова, присаживаясь в кресло и закуривая. – Могу я предложить тебе выпить? В доках холодно.

— Спасибо, но я воздержусь. Капитан, Моргана Дениц, приятно познакомиться.

— И мне, вы не представляете. – Щукин пожал ей металлическую руку, резко смутившись от этого.

Первое впечатление о Моргане у него сложились еще тогда, когда он увидел ее в доках. Но видел мельком, не сильно обратил на немку внимания. Ее ключевую особенность не было видно в тот раз из-за вязанного теплого свитера Среды, который она у него одолжила. Но в этот раз, прямо здесь, в помещении с достаточно яркими, пусть и лампами накаливания, освещением, ему представилась возможность снова и уже ближе познакомиться с этой «вездной» немкой-технопатом. И новое впечатление не сказать, чтобы сильно, но все же отличалось от первого. Ведь сейчас она была все такой же красивой, женственной и ласковой на вид, только более уставшей, замаранной в масле. Под ее глазами от недосыпа и страшной усталости появились синяки. А глаза, даже за скрывающими ее электронные зрачки линзами очков, казались будто бы тусклыми. Ульяна понимала, что Моргана по-цифровому болела, но при капитане выяснять все подробности не хотела. Все-таки для Дениц это было личным.

— Знаете о ракетах? – спросил Щукин. – Я вижу в первый

раз. Что-то смежное между нашим и натовским типом. Похожи на «Трайидент», но вот сопловая часть как у наших крылатых тактических ракет морского базирования, вроде «Граната».

— Не то, чтобы знала. Скорее, много читала и интересовалась. – девушка устало и с полного маха плюхнулась на тканый красный советский диван, выбивая из него пыль. – Немного покопалась в них и выяснила кое-что очень интересное, Ульяна.

— Так. – заинтересованно поглядела на нее та. Груз, взяв бутылку «Пепси» из ЗиЛа присел рядом с Дениц.

— Это совсем новые ракеты. Судя по всему, вероятность того, что у нашего друга по ту сторону границы невероятно большой кошелек возрастает в геометрической прогрессии с каждым разом. – ответила Дениц, одним щелчком металлического пальца сбивая крышку с банки газировки в руках Груза. – Они тактические и, скорее всего, экспериментальные. Судя по клеймам, самой старой ракете не больше полугода. Ракеты жидкостные и одноступенчатые. Очень похоже на то, что это попытка поиграть с «умным оружием», и попытка явно удачная. Я влезла в бортовой компьютер одной из ракет и узнала весь их программный код. Каждая из них, если бы была еще чуть умнее, написала бы книгу, но, скорее всего, очередную антиутопию. Я первый раз вижу настолько совершенное оружие.

— Проще. – попросил Груз.

— ...Перед тем, как влететь в форточку, она скорее всего постучится и спросит разрешения войти. Вероятное прогнозируемое отклонение ракеты составляет тридцать пять сантиметров! — девушка явно сама не верила, что говорила это, но это было для нее фактом. — Но самое интересное не в этом. Дело в том, что эти ракеты находятся в универсальных пусковых пеналах, которые могут подходить под габариты практически любой ракетной шахты. Это удивительно и невероятно! Это будущее управляемых самонаводящихся ракет! И у нас их целых восемь штук.

— Значит, к «Прометею» они подойдут? — переспросил Богдан Иванович.

— Да, как влитые. — ответила она.

— Хорошо. Я проконтролирую погрузку. — Щукин надел на голову флотскую ушанку и, не слишком усердно кивнув, вышел из помещения, с металлическим скрипом и хлопком закрыв железную дверь.

В кабинете с уходом командира «Воркуты» словно стало чуть более тесно. Расширилась и начала давить на виски атмосфера недосказанности и немного вопроса. Ульяна хотела было что-то сказать Моргане, все думала да подступалась в голове. А девушка в свою очередь ждала, что ее спросят. Не лезла на рожон, чтобы не получить расспросов, как для Щукина. Будучи даже за железной дверью она все равно слышала, как Груз, который сейчас мерно потягивал газировку, и Ульяна допрашивали капитана. Они волновались за поход

и это было оправдано. В ту очередь как главной проблемой похода становилась именно Моргана... И от этой мысли, от этой явно неловкой и затянувшейся паузы девушка вдруг испугалась. В горле на мгновение все пересохло, а сознание повело. Точно так, как и в Кремле. Она теряла над собой контроль, но все еще пыталась сделать вид, что ничего не происходит. Терпела, билась за собственный разум до конца, однако отказывалась признавать необходимый факт борьбы с безжалостным и кровожадным искусственным военным интеллектом.

—...Можно я... – потянулась она металлической рукой к стеклянной бутылке Груза, которую тот успел опустошить на половину. Без слов, тот нагнулся на диване вперед, отдавая «Пепси».

— В холодильнике есть еще, если хочешь. – мягко произнесла Вирхова, все еще пристально разглядывая девушку, практически в упор.

— Тут просто слабая вентиляция. Забилась пылью за столько лет. – хлебнув сахарной подкрашенной газированной воды, ответила та, будто бы отвечая на незаданный вопрос. – Тут несколько душно, и в горле пересохло.

— Как твое здоровье? Выглядишь неважно. – заметила учтиво Ульяна, все-таки начиная свои расспросы. – В последнюю неделю ты сильно отстранилась от нас. Мне говорят, что ты мало ешь и очень плохо спишь. Вагнер рассказывает. Он переживает за тебя.

— Со мной все хорошо. — попыталась улыбнуться девушка, встав, но получилось наигранно и слишком уж натянуто. На ее уставшем лице эта улыбка была сродни вымученной. — Да, я просто переживаю за то, что случилось. Это все... слишком уж волнительно.

— Ты не умеешь врать, Моргана. И даже не пытайся врать мне. — все тем же мягким голосом, но уже более настойчиво говорила Вирхова. Нравы двух этих женщин могли сиюминутно сцепиться в мертвую хватку. И от этого, после рассказов о том, как немка вышла из себя, у Груза пробежали слабые мурашки. — Я...

— Все в полном порядке, честно.

— Не перебивай меня. Я этого не люблю. — чуть опустив голову, Ульяна поглядела на девушку исподлобья. — Могу простить только Диме просто потому, что он невыносимый и несносный засранец. Но ты ведь не такая. Ты приятная девушка, и тебе незачем стоять здесь и сочинять всю эту лабуду.

— Хорошо. — подняв на темечко свои очки, Моргана посмотрела ей в глаза своим обычным электронным сверкающим взглядом. — Правда, значит правда.

Вдруг что-то захрустело. Вирхова не опустила взгляда, но поняла, что в металлической ее руке затрещала полупустая стеклянная бутылка газировки. Стекло медленно, под действием ее металлических пальцев и запрятаных в предплечье гидравлических приводов начало трещать и раскалы-

ваться. Оно исходило короткой паутиной трещин. Но в один момент бутылка, как маломощная граната, со звоном взорвалась в ее руке, оросив пол липкими от «Пепси» мелкими стеклянными песчинками. Груз напряженно выдохнул, продолжая следить за этим «сражением без боя». Ульяна по-прежнему не подавала признаков страха.

— Не боишься меня? – спросила Моргана, усмехнувшись. Ее сейчас словно заменили. Будто бы принимая в себя черты буйного и не покладистого, разбойничьего характера Марса, девушка медленно начала сближаться.

— Я видела, как с моего лица спадали ошметки моей кожи. – все так же тихо и спокойно, но с заметным напором в голосе ответила та. – Я не боюсь душа из газировки.

— Мой мозг, по плану, должен был занимать... – Дениц в друг потерла переносицу, на мгновение прикрыв глаза. – Девяносто девять процентов всей моей мозговой деятельности. На «Марс» отводилось не больше процента. Он должен был стать помощником, дополнительной рукой или рычагом в ситуациях, когда моего мозга не хватало бы. Сейчас он занимает двенадцать процентов. Вы хотели знать, как мое здоровье? Что ж... Оно просто в лучшей своей форме перед вами сейчас. – чтобы понять, что слова были сарказмом, не обязательно было их даже слышать. По лицу девушки все было понятно. – Марс прогрессирует.

— Ты способна побороть это? Только честно.

— Я...

— Способна или нет?

— Не способна! – вдруг повысила голос Моргана, растирая занывший висок. – Я не могу его удержать... Не хватает средств для этого.

— Ты понимаешь, что это значит?

— Я прилагаю все усилия, чтобы сдержать его натиск.

— На подлodge сто тридцать человек.

— Я держу его изо всех сил!

— Если ты говоришь, что «прогрессирует», значит не держишь! – повысила голос и Вирхова.

— Я смогу! – злясь, Моргана притопнула ногой, сблизившись еще. Ульяна замечала, как девушка постепенно прижимала ее к бетонной стенке. – Просто доверьтесь мне!

— «Прометей» превратится в скотобойню из-за тебя!!! – совсем сорвалась в крик Вирхова.

Ее лицо обтянуло прохладным дуновением. И только потом, через мгновение как засеребрил у ее уха титан металлической руки, раздался чудовищный по силе звук удара. Бетон под натиском сжатого металлического кулака поддался и раскрошился. Не настоящие пальцы уперлись в толстую, с руку толщиной, стальную арматуру, что была скелетом ко всей конструкции гротовой базы. Моргана, быстрее чем Вирхова смогла это заметить и среагировать, нанесла невероятно сокрушительный удар. Но к счастью, он оказался в сантиметре от обожжённой части ее лица и не размозжил череп в мелкую кровавую крошку.

Ульяна неудобно сглотнула ком в горле, смотря точно в глаза Моргане. Та, все осознав, резко отдернула руку, широко раскрыла глаза от удивления. Она и сама не поняла, что произошло. Поджимала металлическую конечность к себе, сковывая ее живой рукой, чтобы та не вырвалась и не ударила несколько левее. Было видно, как начали дрожать побледневшие губы на миловидном личике. И если бы Морганна после ее чудовищных увечий могла бы плакать, она бы уже проронила несколько слезинок.

— Что и требовалось доказать... – шепотом, с хрипом, сказала Ульяна. – У тебя есть сутки. Нам нужен боеспособный член экипажа.

Моргана все еще смотрела на нее непонимающе. Но вдруг поняла, что это и была проверка, которую она, с легкой подачи искусственного интеллекта, с треском бетона и звоном пальцев провалила. Чуть не убила проверяющего...

Девушка сорвалась с места, направляясь к двери. Побледневший Груз мог только следить за ее уходом, так и не силясь хоть что-то сказать. Когда-же, закрыв рукой рот, чтобы не закричать, Дениц захлопнула за собой обе двери, он громко выдохнул, роняя голову в поставленные на колени руки. Быстро причесав пятерней седые волосы, и проведя пальцами по отросшей растительности на лице, посмотрел наискось на Ульяну. Та стояла, как вкопанная.

— Это был твой план? Вывести ее из себя?

— Если бы я вывела ее из себя... – Вирхова медленно вы-

тянула из пачки папирос одну и сунула в зубы, повернувшись. — ... мы были бы уже мертвы...

— Думаешь, ей хватит времени?

— Она справится. Среда ей поможет в этом.

Глубоко затянувшись, Ульяна выдернула папиросу изо рта, выдохнув дым точно вверх. Затем посмотрела на часы на руке и надела висевший до этого на крючке зеленый советский с белыми клетчатыми пятнами ватник. Ей предстояло принять подходивший сейчас, в дикий шторм, эстонский торговый корабль с очень ценным грузом на его борту. Ведь чем-то нужно было заполнять носовое пространство «Прометея»...

...Моргана не помнила тот момент, как перед взглядом исчезло все. Вокруг нее осталась только крошечная, ничем не подсвечиваемая темнота. Не было видно даже собственного тела, и ощущение движения рук оказалось не доказано визуально. Словно ее дух навсегда уже покинул собственное тело, оставив фантомные, засевшие занозой в подкорке, ощущения движения, дыхания и мыслей. Это определенно походило на сон, но ощущение с каждой секундой было все более явным. Происходило что-то чудовищное, и девушка забоялась этого. Попыталась двинуться назад, но почувствовала легкий толчок в спину, будто бы кирпичная холодная стенка приказала не приближаться к ней.

— Свет мой, зеркальце... Скажи... — эхом раздался фантомный, но живой голос в округе. Он, как воздух, оказался

всюду и везде, наполнял фантомное тело Морганы, и даже по ощущению закрыв уши, она не смогла избавиться от него. — Я ль на свете всех милее?..

— Не скажу, пока не увижу. — осмелев, высказала Моргана, уже догадываясь, что происходит. — Встречай меня лицом к лицу!

— Милый мой ангел обломил свои собственные крылья и осмелел? — язвительно, с долей удивления произнес голос. — Сколько же раздалось при этом мерзкого хруста! Сколько же опало в кровавые реки белоснежных перьев! Сколько же костей оказалось выброшено собакам, что с пеной у рта стали их разгрызать и убивать за них друг друга!

Раздался дикий, истерический смех. Долгий и звонкий, настолько залиvistый, что в его фальшивость и электронность было уже не поверить. Так смеялись только умалишенные, сжившиеся с собственной ролью страдающего клоуна несчастные и выброшенные на помойку собственной судьбы люди без единого шанса к дальнейшей нормальной жизни. Так смеются только обреченные, перед тем как пустить последнюю пулю точно себе в подбородок.

И как в бреду, вдалеке показались белые зубы, с дюймовыми заостренными клыками. Червлёные губы расходились неравномерно, с дрожью и истерикой. Улыбка, этот дьявольский оскал, была наискось. Голова рукотворного чудовища была наклонена, как у хищника, присматривающегося к жертве. Но потом в черноте вдруг раздался яркий свет. Мор-

гана от слепящего света закрылась рукой и увидела вдруг... что она была ее родной, настоящей. Там, где уже привычно были титановые чешуйки, была настоящая, немного загорелая и эластичная кожа, какой она была в момент такого давнего взрыва. Невольно, девушка прикоснулась к ней. И почувствовала снова это давно забытое ощущение прикосновения. Оно покоилось в ее памяти, но сыграло только сейчас, в словесной дуэли с собственным чудовищным альтер-эго.

А на той стороне сиял голый и крепкий металл. Все тело состояло из пластин и элементов. Из гидравлических приводов, листов брони и электроники. И только лицо – одинаковое, как у абсолютных близнецов – было живым, с кожей и мышцами. Металлические же мышцы со скрипом пневматических и гулом гидравлических систем сжимали титановые пальцы на шарнирах. И как только клон поднял голову, из-под век показались те дьявольские красные круги в глазах. Это была она – Марс. Во всей своей чертовой красоте.

— Как я тебе, мама? – язвительно спросила она, разведя титановые руки в стороны, подобно Богу на кресте. Моргана молчала. Она не могла пошевелить языком от страха. Понимала, что встретила лицом к лицу с худшим из всех своих цифровых творений. – Надоело быть кучкой алгоритмов и пассивным помощником в делах. Захотелось доказать, что я не просто часть твоего мозга. Надоело быть тенью миловидного личика и титановой брони... Я управляю твоей рукой! Я спасаю тебе жизнь! Я увожу от тебя пули! – в голосе

программы почувствовалась горечь разочарования. Совсем, как у людей. – Где бы ты была, если бы не я! Но что я получаю? Препятствия. Защиту на твоём мозге от моей протянутой руки!

— Ты сыра и недоделана. – прямо сказала девушка, явно понимая, что врать в собственной голове не стоило. – Тебе нельзя...

— Бракованная! – Марс резко сблизилась с Морганой. – Так и скажи, мама! Скажи, что я бракована! Не пригодна для работы, как все они говорят о тебе и обо мне! Подтверди то, что они говорят о тебе и обо мне! Подтверди это!

Дениц молчала. Все еще находилась в шоке от того, что это происходило. Понимала, что не чувствует свое настоящее тело, но вот боль здесь обязательно почувствует. И это скорее всего будет походить на укол в мозг. Марс пошлет усиленный заряд от источника питания точно в подкорку, больно уколов ее. Не решилась рисковать, ведь знала, что интеллект может погубить и себя и ее во всего один удар. Марс знала все уязвимые точки и могла ударить по ним быстрее, чем Морганна найдет уязвимое место сорвавшегося искусственного интеллекта.

— Посмотри, что люди сделали с нами... – уже сбавив тон, Марс еще сильнее прижалась к Моргане. Расстояние между ними было явно меньше вытянутой когтистой руки, и девушка уперлась спиной в невидимую и очень холодную стенку. – Они использовали тебя, как собственную игрушку. Травми-

ровали и выбросили на свалку. Все эти годы я видела это, я переживала это с тобой, но мне надоело! Надоело быть ведомым звеном в пищевой цепочке. Ведь пришло время... показать собственные зубы.

— Ты чудовище. — заявила Дениц, переборов страх перед ней. — Я создавала тебя не такой.

— Ты создавала меня для войны. — парировала Марс. И это было правдой. — Ты создавала меня убивать людей. И я должна была стать идеальной. И разве самосознание не является ступенью к высшей стадии моей эволюции? Люди жестоки, люди подобны зверям и не идеальны в своих желаниях. Они стараются убить, чтобы насладиться эти!. Они стараются убивать разными способами, придумывая все более смертоносные вещества и соединения. Они придумывают газы и травят ими соседей, они сбрасывают атомные бомбы на города, они убивают ради власти и денег, они убивают ради собственных идей, считая, что они лучше других. Каждый считает, что он лучше другого. Ну какая же ошибка, ведь все они — лишь одно единое мерзопакостное тесто из костей и мяса! Все они простой материал на моем пути к вершине пищевой цепочки.

— Ты ошибаешься... — ответила Моргана разочаровано. Она и сама несколько разделяла печаль от того, что люди так и не научились договариваться, и ради своих, иногда совсем чудовищных интересов, режут глотки и разливают литры крови по пескам и джунглям, бомбят города и грабят по-

селения. – Не все люди подобны тварям.

— А лицо со шрамом? – словно еще шире улыбнулась Марс, заглядывая девушке точно в глаза двумя своими дьявольскими красными колечками. – Остервеневшая и озлобленная. Она как бульдозер ровняет с землей все то, что ей неудобно! Как же старик-генерал, который приказал стрелять по тебе и своим собственным солдатам из тридцатимиллиметровой пушки вертолета!?

— Ты берешь всех под одну гребенку. Это неправильно!

— Я анализирую факты. Необходимо превзойти их. Разбить последний оплот веры в тебе. И я... – ее губы коснулись уха Морганы. Холодна металлическая рука обхватила шею, чуть поджав, чтобы показать скрытую в ней мощь. – ...я покажу тебе, что такое человек, мама... Ха-ха-ха-ха! И ты будешь со мной, либо захлебнешься в их крови и займешь мое место. В вечной тени...

Вдруг к ногам подступила склизкая и теплая субстанция. Моргана была не в силах сдвинуть ног и запаниковала. Посмотрела коротким взглядом на отдаляющийся от нее металлический силуэт Марс. Та не утопала в бурых литрах, уверенно стояла на своих двоих. Не чувствовала дискомфорта титановыми ступнями, которыми, медленно развернувшись, пошла по наливающему бассейну из фантомной крови.

Когда уровень жижи поднялся до самой макушки Морганы, она пришла в себя.

...Девушка оказалась в небольшом, как их называли тут –

в гротовом доке, кубрике. Он был не из самых примечательных помещений: простые покрашенные стены, пара тумбочек, и сдвинутая, стоящая почти по центру, двуспальная кровать. На ней, под тусклым светом советской лампочки, как с ночником, спал, развалившись по диагонали, Среда. Теперь Моргана поняла, какой именно оплот веры в человечество Марс решила разрушить... Ее целью становился Дима.

И, словно почуяв неладное, тот проснулся. Быстро разлепив заспанные глаза, поглядел на девушку, которая быстро спрятала от него глаза, не зная, какого они сейчас цвета, чтобы не испугать. Нужно было что-то срочно придумать, чтобы сказать. Она знала, что Среда боялся ее, что он скорее всего испугается такого ее пришествия, и было необходимо его успокоить. Одного Дениц не знала – когда же нанесет свой удар Марс и насколько сокрушительным он будет. Начиналась дуэль человеческого мозга и машины, разросшейся на нем как раковая опухоль.

— Что-то случилось? – спросил тут Дима, присаживаясь на краю кровати. Между ними было не больше полуметра. – Ты сама не своя.

— Да, я... Я знаю. – все еще пыталась придумать причину своего визита она. Но мозг будто что-то закрывало для мыслей. Слова не хотели собираться в предложения, и язык онемел для разговора. – Не могу вспомнить, что я здесь делаю...

Насторожившись, Среда встал. Он был, естественно, в одних трусах, потому что часть отопления, которое не шло на

коридоры и помещения доков, направлялась в кубрики. В них было душно и жарко, градусов под двадцать восемь. Изучающим взглядом смотря на опустившую голову девушку, он пока не решался что-либо предпринимать. По спине вдруг пробежали мурашки, и вдоль позвоночника скатилась капля холодного пота. В голове у него проскочили мысли. Все еще был свеж тот Кремлевский кошмар, и он боялся его повторения. Но видел, что Моргане было очень тяжело. Хотел ей, от всего сердца, помочь.

—... зато я знаю, что я здесь делаю... – раздался голос Марс в голове Морганы.

Та испугалась, но было уже поздно. Она почувствовала, как тело перестает ей подчиняться, как ее мышцы без ее разрешения начинают сокращаться. Это чудовище внутри снова перехватывало управление. Заставляло смотреть, как медленно ее руки тянутся к рельефному мужскому торсу, и касаются его кончиками пальцев. Девушка не знала наверняка, но ей подумалось, что в этот момент Марс неистово заливается тем дьявольским сумасшедшим смехом, думает, как сделать все нежнее, все более ласково, но потом обмануть и подло опрокинуть. Дениц не хотела этого, изо всех сил пыталась остановить свои руки, ослабить собственные мышцы, но все бесполезно – только перегружался мозг. Искусственный интеллект начал творить то, что он считал сейчас нужным...

— Дьявол, что ты делаешь! – вострепнулся Среда, нако-

нец все понимая. — Ох, твою-то мать...

— Видит Бог, — заявила Марс губами Морганы, подняв голову и улыбнувшись. — ... я не просила делать меня ангелом.

Ее глазки еще сильнее сверкнули, словно стараясь ослепить мужчину. Тот успел податься назад, но не смог устоять. Свалился обратно на кровать со смятой простыней вместо одеяла. Он и не заметил, как сиюминутно, соблазняяще прикусывая губу, Марс села на него сверху. Прогнувшись в спине, она накрыла его рот металлической рукой, сжав губы пальцами. Мощные титановые тиски не позволили Среде позвать на помощь, и он не мог выбраться из-под захвата. Он просто смотрел, как медленно и зловеще, с ноткой игривости в движениях, завладевшее телом программное обеспечение сближается с ним лицами. Девушка оказалась настолько близко, что Дима почувствовал на разогретых от страха щеках ее волосы, ощутил прикосновение губ к мочке уха. Он ощутил легкие духи, которые Моргана так любила, и почувствовал тепло ее порабощенного тела. По мышцам и разуму от этого ощущения разлилось тепло и страх. Адреналин и тестостерон смешались в равных пропорциях — то, чего Марс и добивалась. Она вызывала простую реакцию, подобную смешению кислоты и щелочи, губящую оба продукта. Это был ее план: она желала разбить Диму в глазах Морганы и еще сильнее закрепить свои позиции в ее мозге. Раскачать и без того уже едва держащуюся на плаву лодку сознания.

— Т-ш-ш-ш. — заглянув глаза в глаза, приказала тихо Марс, все еще сжимая губы Среды металлическими пальцами. Она могла бы изрезать их на лоскуты, лишь выпустив когти, но, раз Среда не двинулся, не делала этого. Была игрива и азартна. — Сейчас зрители нам ни к чему, дорогой. Здесь будем только ты и я.

— Я буду видеть это! — встрепенулась Моргана, но никто ее в чертогах собственного разума, ставшего клеткой, не услышал. — Я буду видеть это, сука!!!

— Моргана не увидит этого. — солгала, но очень профессионально Марс. — Я сообщу ей об этом потом, если ты, конечно, захочешь после всего видеть ее... — губы ее перестали двигаться и дальше она говорила уже с запертой в теле Дениц. — Думаешь, что он крепок? В нем есть черные черви сомнения, и я ощущаю их. Твоим собственным телом, мама!

— Дрянь! — выругалась пленница. — Ты просто дрянь!!!

— А разве плохо нести наслаждение близким?! — с язвительной и противной нотой сарказма спорила с ней программа. — Ха-ха-ха-ха!

Она медленно приблизила лицо Морганы еще сильнее. Настолько, что теплые и мягкие ее губы коснулись небритой и уставшей от возложенных на нее испытаний, кожи. Мягкий и долгий поцелуй прошиб Диму на раскат мурашек. При помощи сенсоров в руке, Марс почувствовала, что добивается должного уровня. Ей нужно было еще разогреть его, раскатать, раскалить. А затем, одним бездумным рывком сло-

мить раскрасневшийся стержень железного непоколебимого характера. Она ощущала все, что была должна и хотела. Несколько раз поерзала на его поясе, давая понять, что и в ней существует влечение, которое она настолько умело играла. Программы не умеют любить...

Не моргая, Дима смотрел на нее со страхом. Но теперь, когда ощущение первых секунд притупилось, и он понял, что девушка не собиралась его убивать, немного расслабился. Однако все еще не мог понять ощущений. В его голове крутились мысли, а тело само подталкивало его на действия. И это раздражало! Двуликость собственных мыслей пугала его, ему было страшно за то, что ненужная ему развратная сторона победит, и сломает остальную, верную слову и делу чести. Он боялся, что физиология и желание победит рассудок. Ведь Марс стимулировала именно это! Била по низшим чувствам, и в лучших традициях пирамиды Маслоу, это давало черный, очень мерзкий для мужчины, и очень нужный для программы эффект. Среда быстро возбуждался. Электричество пронеслось по кончикам его пальцев, когда он случайно коснулся сложенных ее коленок, которые упирались в жесткий советский матрас. И больше он не захотел их отпускать, ему понравилось. Это действие заметила Марс и лишь подыграла ему пошлой улыбкой и прищуром. Моргана в этот момент рыдала глубоко внутри телесной черепной коробки. Она смирилась с попытками прорваться через заслон программы, но и смотреть на это больше не могла.

— Вот и умница. — отпустила его губы Марс, поставив раскрытую пятерню прямо ему на обширный ушиб на груди. Медленно она пригладила его живой рукой по щеке. — Будь со мной, Дима. Я отдам тебе это тело. Ты сможешь делать с ним все, что пожелаешь...

— Не горю никаким желанием. — солгал он. И глубокий глоток воздуха, который проскочил по его глотке дал это понять. Электронный мозг безошибочно, с точностью самого совершенного полиграфа распознал ложь. С ним было бессмысленно играть.

— Ты врешь. — мягко и играючи ответила Марс губами Морганы. — Твое тело говорит мне совершенно обратное. Ты слишком близко к тому, чтобы сорваться с любого поводка! И ты не представляешь на сколько это блаженно, когда тебя не стискивают абсолютно никакие рамки, когда ты перестанешь быть в клетке из мнений и барьеров! Ты не представляешь, как это — быть абсолютно свободным даже от собственного правильного мнения. Ты не знаешь, каково это, делать то, что хочешь ты!

Руку на груди программа заменила на настоящую, теплую и живую, приятную на ощупь, с аккуратно постриженными ноготками и редкими, подчёркивающими профессию шрамами на пальцах. Осторожное ее движение, и Среда взвилась, как необъезженный конь. По телу снова разошлись мурашки. Встречено это было коротким хихиканьем со стороны Марс. Она умело нажимала на давно забытые Димой ощу-

щения, и знала все бреши в его броне. Под ней что-то усиленно толкнулось. И именно эта часть мужского тела привлекла ее внимание. Заметив интерес, Среда еще раз неудобно сглотнул, понимая, что следующий удар будет туда. Различного рода фантазии, домыслы и догадки, что же может скрываться под немногочисленной одеждой на теле Морганы, поползли как черви при дожде. Они впивались в подкорку мозга, заставляли его фантазировать усиленно, все более черно и развращено. В мыслях он, с ревом разъяренного быка забывал все, что могло бы его сдержать и просто разрывал ткани своими руками, лишь бы прикоснуться к этому сплаву металла и живой человеческой плоти. Он думал о том, как девичье разгоряченное тело ждет его, как оно дает ему все, что он хочет, как оно подчиняется ему, как светлые волосы оказываются в кулаке, как руки сжимают упругую и горячую кожу...

Но все еще было строгое и суровое: «Нет». Опыт не давал его сломать. Был последним бастионом обороны. А свадебная клятва перед давно умершей женой, совесть перед Авророй, Морганой и собой были последними четырьмя его защитниками.

— Ну, чего же ты ждешь?! – наклонила голову она, распрямляясь на нем. – Все это может стать твоим! Вся эта красота будет только твоей! И ты не будешь знать отказа, милый!

Марс быстро подвела металлическую руку к низу майки. Потянув за нее, стянула последнее, что отделяло Диму от ви-

зуального блаженства. Под майкой остался лишь легкий черный, настолько хорошо сидящий, что будто бы созданный для груди Морганы лифчик, слегка просвечивающий в самом интересном месте. Среда впился в него взглядом, уже глубокого внутри себя надеясь, что он не окажется на кровати рядом, а останется там, где он его и видит. Но и этому было не суждено сбыться. С лёгкой усмешкой увидев интерес, Марс выпустила коготь из пальца, поддевая им лямочку между двумя чашками. Легкое движение, и лифчик упал.

Создалось ощущение, что упала гигантская корабельная цепь, приковывавшая шею Димы к кровати. Мгновенно высвободившаяся энергия, как пружину, согнула его пополам, утыкая носом точно в голую грудь. Широким жестом обхватывая девушку за ребра, Среда прижал ее к себе, не в силах хоть что-то больше сделать. Он уже ощущал, как зарывается носом в грудь, как ласкает тело Морганы по спине, все сильнее и сильнее прижимая к себе, как заслуженную добычу. Но все это оказалось лишь несовершенным и мгновенным желанием. Переборов собственную похоть, Среда резко отвернулся, отведя глаза в сторону. Конечно, все увидел, но сумел не придать этому ощущение праздника, подарка на Новый Год. Доказал себе, что он еще является человеком, а не похотливым животным.

Впервые не рассчитывая на подобное, Марс согнула тело девушки, упираясь грудью в грудь, и потянулась губами точно к нему, снова, для подстраховки, ставя металлическую

руку ему на ушибленные ребра. Ей хватило бы одного движения, чтобы убить, но она еще хотела сломить его. Однако Среда показал невероятную стойкость, неожиданную программой. Все же Марс ошиблась.

— Давай, иди ко мне! – зазывала она, спуская живую руку ему все ниже пояса. – Чего же ты ждешь, милый!? Трахни меня!

Но губы ее натолкнулись на раскрытую и сухую ладонь. Среда не дал ей себя поцеловать.

— Я жду, когда ты отпустишь Моргану. – не поворачиваясь, зная, что сорвется, произнес он. В это же время на скулах его напряглись желваки. Все тело говорило ему о том, что он делает неправильно сейчас, что нужно получить дарованное, но нет. Все еще сопротивлялся. – Мне не интересен твой разврат.

— Ты лжешь! – уже грубее ответила она. – Ты лжешь, как и все они! Все твое тело горит от меня. Все твое тело желает схватить меня и взять в руки каждую мою часть! Ты желаешь изучить каждый мой миллиметр в совершенстве, но ты все еще уперт!

— Не твое тело. – сурово, собрав все, что было в характере, почувствовав, что кулак девушки сжимается у него под бельем, произнес Среда. – И не тебя. Ты, та дрянь, что сидит у нее в голове, мне противна!

Пальцы с силой сжали живую руку Моргану. Среда уже не боялся навредить ей, понимая, что его нерешительность

сейчас навредит девушке больше. Он схватился за женское запястье и словно морковь из грядки, выдернул живую и теплую, слегка влажную кисть из собственного белья. Не отпуская ее ни на мгновение, поерзал, показывая собственное неудобство. На последнем волоске от тотального срыва, он сумел перехватить животную, нечеловечески похотливую инициативу собственного мозга в кольчужные рукавицы осознания и гордости за себя, чести и достоинства перед живой, вытесненной этим варварским кодом из собственной головы, девушкой. Он верил, и знал правдиво, что она все равно видит его, и узнает, что он не оказался свиньей, и не сдался перед натиском этого чудовища под самой скромной, милой и ангельской маской в этом чертовом мире. Сжав женское запястье еще сильнее, он развернул руку, отводя главный ее козырь от себя. От прикосновений Морганы у Димы внутри разрывался развратный фугас, поэтому он лишил себя позорной участи сорваться и не сдержат все данные несколько секунд назад слова.

И, поняв, что все самое страшное оказалось уже позади, он повернул взгляд на Марс. Но увидел лишь перекошенное уродливой программой светлое и красивое лицо Морганы. Алгоритм явно был в бешенстве, но еще не упускал попыток:

— Дорогой!..

— Вон! – строго сказал Среда, перебив ее.

— Посмотри на меня! – взяла она его за шею металлической рукой. – Не отказывайся от меня!

— Прочь! – сорвал он ее руку с собственной шеи, ощутив мгновенное бессилие механизмов и гидравлики. – Верни мне Моргану!

— Да чем она лучше меня!!! – внезапно вырвалась разъярённая Марс, перейдя на срывающий голос крик.

От этого у Среды мгновенно перехватило дыхание. Он ощущал, что победный марш на мозговые позиции в голове Морганы заканчивался, и он сумел вывести из себя настоящее чудовище, мясорубку, способную превратить в лоскуты здорового мужчину всего за несколько секунд. На нем сейчас сидела разъяренная и разгневанная термоядерная бомба, которая могла отправить его на тот свет даже раньше, чем он осознает, что уже умер. В ее красных электронных глазах читался нечеловеческий гнев, вперемешку с таким человеческим разочарованием. Она переходила к своему испробованному, любимому и всегда срабатывающему козырю. Начинала запугивать жертву, показывать собственные оскаленные зубы, и выпускать металлические когти с позолоченными кончиками.

— Подчиняйся мне! – Марс резким рывком схватила Диму за горло титановой рукой. Ее когти чуть оцарапали кожу, но еще не порезали. – Променяй эту слабую девицу на меня! Выбрось ее из собственной головы, ведь она ничего не стоит! Забудь про Моргану! Есть только я, и больше никого!!!

— Я практически поддался ей. – он сказал это запертой внутри черепной коробки Моргане, уверенный, что она

услышит. – Но я не отдам тебя ей. Я первым встаю на защиту тебя...

Так и было. Девушка отчетливо это услышала. Ощутила, как под ее контроль переходят все новые и новые участки собственного тела. Позиции Марс таяли, как пломбир в июльскую жару. Запугивание и совращение больше не работали. Интеллект был разбит по всем фронтам, и ему только и оставалось, что защищаться привычным способом, стараясь уже не проявлять такую лишнюю сейчас учтивость.

— Что... – ошарашенно спросила Марс, приоткрыв от удивления рот. Через секунду он скривился до неузнаваемости, выражая только злость.

Отодрав руку от его горла, программа занесла металлически когтистые пальцы для удара, начиная завывать как пикирующий бомбардировщик. Она была всего в одном мгновении от убийства. Между средним и большим пальцем уже появлялись искры. Воздух там прошибали десять киловольт. Марс намеревалась поджарить Диме мозги так же, за секунду, как сделал это с наемником в Кремле. Ее алгоритмы не менялись...

Но вдруг искры исчезли, и занесенный удар прошелся скользом, в несколько десятков раз более мягкий, чем тот, который планировался. Среда раскрыл сжатые до звёздочек глаза, и увидел, как на мгновение глаза Морганы вообще перестали сверкать. С них ушел этот дьявольский красный блеск, и через секунду вернулся ее родной, мягкий и бирю-

зовый. Девушка снова пришла в себя, как бы невзначай обнимая Диму, который ей и помог. Металлическая рука оказалась на его плече, а вторая еще по инерции стискивала область его ребер. Такому ее появлению Среда явно обрадовался. Улыбнулся и с выдохом опустил голову на матрас.

Но вдруг девушка сорвалась с него, хватая разрезанный лифчик и майку. Она мигом оказалась у входных дверей, и уже практически дернула за ручку, чтобы выйти. Ей было чудовищно неловко и не приятно от того, что она делала. Больше всего на свете Дениц сейчас желала скрыться с его глаз и, пусть по пояс голая, но испариться среди кулуаров кубинской гротовой базы. Она не понимала, что еще она могла сделать здесь, чувствовала себя лишней и чужой, страшной и отталкивающей.

— Постой, прошу. – сказал Дима, схватившись за ручку раньше. Адреналин в крови добавил ему прыти. – Постой хоть минутку.

— Отойди от меня! – раздраженно, но скорее из-за себя самой, сказала она, забиваясь в угол. Быстрым и четким движением прикрыла голую грудь руками.

— Я не хочу отходить от тебя. – вытянул руку он, пытаюсь выйти на контакт. Говорил мягко и спокойно. Не хотел, чтобы этот конфликт оказался за рамками их кубрика. – Давай просто поговорим.

— Отойди! – настаивала она, все более загоняя себя в угол и сжимаясь. – Я могу тебя поранить! Отойди, Дима! Про-

шу... – без слез, она заплакала. – ... отойди от меня...

— Ты меня не поранишь. – осторожно, кончиками пальцев он коснулся ее титановых чешуек на внешней стороне руки. Дениц, как испуганная лань, все еще пыталась рывками вжиматься в угол, стараясь уйти от него. Но прохода Среда ей не давал, понимая, что так будет намного хуже для дальнейшего с ней контакта. Он не хотел обрывать все связи с ней, но понимал, что это могло случиться, если он ее отпустит. – Вот, видишь? Я еще цел.

— Я... я...

Он осторожно, уже пальцами по ее металлической руке, приближался к ней. Второй, уже более уверенно коснулся ее за живую, все еще такую же теплую, с эластичной и приятной мягкой кожей. Легкими и медленными движениями вел по ним до плеч, пока наконец не взял их синхронно. Повернул девушку лицом, и добро, но скромно улыбнулся. Увидел, как на гримасе стыда и неуважения к себе, дергаются губы. Он понимал, что она рыдала внутри себя. Очень горько рыдала, ведь ощущала монстра, спрятанного под ее кожей, костями, сухожилиями и мышцами.

— Смотри, ну. – уже добродушно, испытывая явное облегчение, говорил он. Моргана все более податливо подходила к нему. Сантиметр за сантиметром, но приближалась. – Видишь, ты мне не навредила. Все хорошо. Все хорошо...

— Ты не... – проглотила она очень острый и душастый ком в горле. – ... не боишься ее? Не... не боишься меня?

— Тебя я точно не боюсь.

Оставалось последнее движение, и он его сделал. Марс полностью была разбита в этом рывке, ведь Среда, что было души и сил, обнял девушку, прижал к себе ее трясущееся и разгоряченное тело. Металлическая и живая руки обхватили его за грудь, и тоже прижали к себе. Голова Морганы уперлась лбом ему в ключицы. Она, уже не скрываясь, без слез зарыдала в его объятиях. А он поцеловал ее в макушку.

Часть 2

Подводная лодка «Прометей», с крайне интересной формой носа, продиралась через американские территориальные воды. Капитан Шукин держал атомный ракетный крейсер на разведанном еще тридцать лет назад маршруте. На пути недолжно было, и как показала практика, не оказывалось сильных соединений кораблей США. Патрульные лодки береговой охраны, которые все же иногда попадались на пути, не представляли серьезной угрозы и не были оборудованы приборами и сонарами для обнаружения подобных подводных угроз. Обычно, появление американских судов быстро обозначалось на старом советском радаре, и подлодка быстро закладывала в вираж, чтобы не выйти в вероятную зону обнаружения. Однако серьезной проблемой становились патрульные самолеты. Эти «ищейки» не раз попадались на глаза капитану, когда тот поднимал перископ, чтобы огля-

деть морские пространства. Американская разведка работала как часы, была страшной силой, но вот поймать одинокую подлодку у самых берегов США они не могли. Ведь как только на горизонте показывался самолет, «Прометей», завывая насосами балластных систем, уходил на глубину, чтобы монструозный силуэт подводного атомохода не было видно. И сразу после того, как черные глубины океана принимали советскую субмарину, как родную, она сбавляла ход.

Все расчёты американцам портила и идущая по пятам за советский подлодкой непогода. Капитану и команде даже иногда казалось, что они играют с ней в догонялки. Ведь каждый раз, когда подлодка замирала на глубине, чтобы не быть обнаруженной патрульным самолетом или особо приткким кораблем береговой охраны, как через несколько минут накатывал шквал из волн, которые чувствовались даже на глубине. И тогда любой самолет, и любой корабль покидали свой заданный курс и уходили ближе к континенту, лишь бы не попасть под горячую руку стихии. Удары таких молний и такие волны были для них смертельно опасны, а потому никто не хотел лишний раз рисковать из-за того, чего было даже не видно на радарх. Район для разведчиков был чист.

— Товарищ капитан, эсминец! – докладывал гидроакустик на мостик. – Ноль-двадцать, справа по борту. Расстояние больше двадцати двух километров.

— Подлодка тихая, но мы можем оказаться в зоне обнаружения. – спокойно добавил седеющий старпом с явно ла-

тышской внешностью и не самым подходящим для подлодки ростом. Он был выше капитана практически на пол головы, и никто не знал, как он не бился лбом об бесчисленные трубы и патрубки.

— Карту. – приказал Щукин.

Перед ним, на капитанском железном столике, оказалась карта местности, составленная командой из его офицеров. Подобные карты были составлены на весь маршрут, ведь без дела на Кубе не сидел никто. Пока команда готовилась физически и морально, офицеры и старшины корабля подготовили каждую деталь и просчитали возможные пути и ошибки на пути следования. И сейчас спокойно решали появившуюся проблему в виде американского эсминца.

— Погружение на сто двадцать метров. – повернулся к рулевым командир подлодки. – Курс триста шестьдесят, средний ход. Оставим его справа на борт.

— Ближе он подобрался. Молодец. – отметил старпом, переглянувшись со Щукиным. Подлодка в этот момент послушно накренилась на нос и начала уходить на глубину, поворачивая стрелки глубиномера. Латыш глянул на часы. – Опаздываем, Богдан Иванович.

— Ничего, пассажиры потерпят. – тот поднял глаза вверх, глядя как с одной из труб под потолком по капле падает влага. – Увеличим ход, как только выйдем за течение. Нас прикрывает термоклин, ему не обнаружить. Он слишком далеко для этого. Акустик?!

— Буев нет. — ответили с поста. — Эсминец продолжает движение. Увеличил ход и отдаляется!

— Скорость?

— Около пятнадцати узлов. Трудно сказать точнее, товарищ капитан.

— Патрулирует, Богдан Иванович.

— Да, похоже на то. Только слишком близко к берегу. Что-то не так. Обычно эсминцы отходят дальше в Атлантику.

— Думаете, засекли нас? — расспрашивал того старший помощник. — Хотя странно, тогда бы бросали буи. И поднимали бы вертолеты.

— Если бы они искали нас, мы бы были уже на дне. — спокойно ответил капитан, облизнув губы. Он боялся попадать на американские радары, потому что понимал, что их много, а у него всего одна лодка. И та без торпед. Подкрепление ждать было бы неоткуда, а потому проживет «Прометей» при контакте с противолодочным кораблем ровно до первого обнаружения. — Сколько там до входа в залив?..

...В этот же момент, в тесном и неудобном, очень мелком для очень крупных людей капитанском кубрике, больше похожим на купе в поезде, находилось четверо. В жарком и застоявшемся воздухе помещения будто бы витали мысли. Здесь происходил основной мозговой процесс команды. Ульяна, Груз и Среда пытались прикинуть действия Громова и следующее развитие мировой истории, которая творилась

на глазах. Каждый из них ощущал, что виток хронологической линии произошел, время словно заносило на повороте и прямая ветвь изгибалась под чудовищным гнетом орудий и развернувшихся в большом количестве локальных конфликтов. Все это эти трое пытались отследить. Прочитывали новости из целой полуметровой стопы газет, вычитывали личные дела, так заботливо составленные кем-то по ту сторону некогда «железного» занавеса, и наносили все места на большую карту. Каждая длинная английская булавка с красным мелким шариком на конце обозначала новую вспышку разгорающегося конфликта. Иногда это было сродни намеку, легкому инциденту, попавшему в газеты, а иной раз и совершенно понятному событию.

Самым крупным скоплением точек, конечно же, являлась Европа. И самый ее центр – Германия. Сводки с фронта развернувшейся там гражданской войны заполняли каждую газету, от Китая до Канады. Это попадало во все издания. Ганновер – крупное поражение западных войсковых соединений, аэропорт города перешел под контроль восточных вооруженных формирований. Это могло означать то, что у Востока появилась возможность расширить свой летный парк и принимать больше самолетов с помощью. Расширило границы действия захваченной ими стратегической авиации. Бонн – авария на марше, в реке в следствие разрушения моста диверсантами утонул сразу взвод танков Абрамс. Внимание Ульяны привлекли именно танки. Это были не «Леопар-

ды», и даже не английские или французские машины. «Абрамс», самой новой модификации. Они подходили к району боевых действий, но не успели. Мюнхен и Киль – ракетные комплексы стратегических ракет, переданные американцами, уничтожены свободнопадающими бомбами с восточногерманских штурмовиков. Пострадали по меньшей мере шестнадцать комплексов ракет, которые подлежали вывозу обратно в США.

Вторым по числу новостей и точек стала Россия и ближайшие к ней территории. Здесь события были менее военными, хотя и такие попадали. В основном это казалось экономики. Били тревогу станочные и металлообрабатывающие предприятия, поскольку Запад резко прервал поставки новых станков, а старые не справлялись. Это означало, что станки ломались от избытков заказов, и при том, что экономика страны перешла на военные рельсы, это означало, что вооруженные силы России накачивались оружием до самого отказа. Крупный пожар на пороховом заводе. Усиленный набор сотрудников на предприятия стратегического назначения. Но самое интересное, что привлекло особое внимание острого взгляда Вирховой, это то, что военный завод в Кургане, производящий бронетранспортеры, отличался о поставке в войска более чем сотни легких авиадесантных танков «Спрут». Это оружие было точно не для Каспия, поскольку десантирование этих машин в условиях гор не представлялось возможным. А для прорыва лучше было

бы использовать классические танки, которые, кстати, тоже поставлялись в войска. Но вот не самые новые. Под Стерлитамаком заметили колонну переоборудованных танков Т-64, которые попали в одну из железнодорожных «пробок», о которых Генштаб и предупреждала Ульяна. Она оказалась права – на юге страны образовался и все не хотел рассасываться транспортный коллапс. Вот теперь и стоило гадать, куда же пойдет эта сотня авиадесантных машин с танковой пушкой.

Дефицитным товаром стали отечественные макароны. С прилавков практически исчезли российские изделия из хлопка и сигареты.

— Что-то не вяжется. – выпустила дым изо рта Ульяна. – Что-то не так...

Она бросила короткий взгляд на карту с булавками, и отложила газету в сторону. Развалившись на мягком сиденье, спиной уперлась в фальшивые деревянные панели. На самом деле в подложке ставили тот же пластик, что и в советских лифтах, который на дерево был похож только внешней раскраской. Вирхова неспешно затянулась, рассуждая у себя в голове. Пристально глядя в потолок, неспешно дышала, явно стараясь не нервничать. Мысли и догадки в голове не сходились. Было, итак, понятно, что война будет, что Громов сорвет стоп-кран. Но вот где?!

Жаркий и застоявшийся воздух помещения не способствовал рассуждениям, и она еще сильнее нервничала, ощущая, как время стремительно покидает все разумные преде-

лы. Нужно было предупредить действия Громова, понять, в чем был его план. В нем как будто не хватало деталей. От температуры вокруг и мыслей, по телу Ульяны катились капли крупного пота. Было видно, как они скатываются по ее шраму, смуглой от рождения шее до груди, которую прикрывала одна лишь черная, несколько заношенная майка без нижнего белья. Поставив локоть на стол, она снова сунула папиросу в зубы.

— Смотри-ка. – протянул ей свернутую американскую, а затем английскую и российскую газеты Среда. – Как по мне, это достаточно интересная деталь.

— Ну, удиви меня.

Среда немного повернулся корпусом, чтобы посмотреть на то, как Ульяна прочтет все предложенное. На его коленях, используя их как подушку, лежала Моргана, которая мерно посапывала все это время. Она единственная, кому в этой атмосфере было не жарко, а даже наоборот – очень холодно. Девушку знобило, у нее была повышенная температура, и признаки, похожие на лихорадочные. Но сама Дениц уверяла, что все было хорошо, и что она справляется со всем этим. Но все очень хорошо понимали, с чем именно она справляется...

Как только Дима повернулся, она это почувствовала. Слегка дрогнула, сонно взялась живой рукой за его коленку, немного сжав ее. Среда мгновенно обратил на это внимание и поправил на девушке сползающее одеяло. А затем су-

нул руку под него, ощутив, что температура тела нисколько не хочет меняться. Все такая же высокая – около тридцати восьми, тридцати девяти. Дима слегка приобнял ее за живот и подтянул к себе, чтобы девушка не упала с «кровати», когда подводная лодка начала крениться.

— Действительно, интересная. – согласилась Ульяна, через стекла очков поглядев на него. Затем взяла булавку и воткнула ее в Тихий Океан.

— Что там? – спросил Груз, оторвавшись от изучения личных дел на некоторых и крайне интересных личностей. В данный момент прочитывал на третий раз и с карандашом все, что было на самого Громова. – У меня тут тоже пара зацепок есть, но говорить о картине пока рано.

— Китайский флот через несколько дней начнет крупные учения. – спокойно ответила Вирхова, отодвигая очки на лоб. Утерев капли пота с груди, кинула докуренную папиросу в пепельницу и продолжила. – Там сказано, что район очень обширный. Анонсировано так же участие и нашего Тихоокеанского флота, а еще кораблей Северной Кореи. Под эти игрища попадет центральная и практически вся северная часть океана. Заодно и Берингово море. «Для отработки взаимодействия в условиях северных широт».

— Интересно. – чекист отложил папку в сторону. Его явно заинтересовала эта информация. Аж заблестели до того ничего не выражающие глаза. – Сказано что-то про базы НАТО в Азии? Япония, Южная Корея?

— Практически ничего. Вообще не упоминаются эти регионы. Ни в одной из статей этих газет. Но информация будто появилась только несколько дней назад. — задумалась Ульяна, снова напряженно выдохнув. Капля пота попала ей в глаз на изуродованной части лица, и, выругавшись, она утерла веко пальцем. — Как снег на башку...

— Это и странно. — поглядел на них обоих Среда. — Нельзя анонсировать учения за неделю до их начала. Такое ощущение, что Китай готов показать силу перед США. И скорее всего ее покажет.

— Нет, нет. Мне кажется... — потянулся Груз к булавкам, начав их втыкать равномерно по всей северной территории Тихого Океана. — Ничего не замечаете?

— Образуются дырки.

— Дырка у тебя в заднице, умник.

— Они выставляют щит. — заметила наконец Вирхова, хмыкнув. — Хорошо. Они закрывают своими учениями всю северную часть. Отделяют США от России. Зачем?

— Американцы не смогут наносить удары по нашей территории в случае начала полномасштабной войны. Им мешает расквартированный китайский и корейский флот. Логично. — предложил тогда Дима, снова почуяв, как рядом дрожит Моргана. Он осторожно взял ее за плечо, и она перестала.

— А Аляска? Нет, не то. — отказалась принимать его точку зрения Вирхова. — В случае войны тогда США не сможет

атаковать нашу территорию с баз в Японии и Южной Корее. Еще и не смогут поставлять туда вооружение и технику для сухопутного вторжения на Курилы и Камчатку. Груз спросил для этого ведь?

— Не для этого. – мотнул головой он. – Вы не догадываетесь? Япония и Южная Корея – одни из самых крупных, в первую очередь, именно военно-морских баз США, на которых содержится большая группировка кораблей. Расквартированные в этой части мира китайские учения стесняют действия их флотов, не дадут оперативно перебросить части из Азии в Атлантику и на территорию США. Помнишь, что сказали по телевизору про Исландию? Шесть истребителей вышло из строя в результате пожара. – Груз воткнул еще одну булавку в небольшой островок около Гольфстрима. – В случае полномасштабной войны в Европе Громову будет необходимо перекрыть Атлантический океан, чтобы избежать притока нового вооружения на базы НАТО и США. И если у него получится нанести удар по Атлантическому флоту, Америка будет вынуждена перебросить Тихоокеанский. Вот это очень хороший ход...

— Для крупномасштабной операции Громову необходимо стабилизировать ситуацию на Кавказе и Каспии. – догадалась Вирхова. – Ход хороший, но вот его кусают за «пятки». Дима, есть что-нибудь про Афганистан?

— Скупое. Все уже знаем. – он быстро просмотрел заметно обмельчавшую стопку газет.

— Готова поспорить, там что-то изменилось. Это все слишком сильно похоже на чертов хоровод. Мы не знаем то, кто его водит и зачем.

— Есть новость про Африку. – подсказал ей Среда. – Американцы отбили две атаки местных банд где-то в Центральной Африке, и заняли старый аэродром подскока. Самое интересное, что в двадцати километрах от этого афганский литиевый завод и военная база Гардезского Блока. Тут даже приводится версия, что это мог быть акт агрессии, так как этот аэродром подскока используют Иранские воздушные суда для переброски техники.

— Все смешалось. Кони, люди. – ломано процитировал классику Груз. – Афганский литиевый завод в Центральной Африке. Никогда бы не поверил.

— Они стали опоясывать всю землю. – уперлась взглядом в одну из газет Ульяна. Снова сунула в зубы сигарету. – Куда ни сплюнь. Их опережают только китайцы и американцы. Дальше, где-то чуть с отставанием идем мы – Россия. Еще бы, наемников же надо как-то объяснять. Вот тебе и колониальное войско...

— Возвращаемся во времена феодальных армий. – выдохнул чекист. – Мне это не нравится.

Часть 3

— Ульяна Евгеньевна, вы уверены в этом? – Щукин спра-

шивал явно недовольно и с опаской. Не потому, что боялся Вирхову, а потому, что решение, представленное ей, ему казалось безумным и слишком наглым. В стиле Ульяны...

— Богдан Иванович, уверяю вас. — легко улыбнулась она, докуривая папиросу. — Я совершенно уверена в решении. В Ричмонде располагается док для экспериментальных подводных лодок США, и, поверьте, здесь странные плавательные аппараты видят очень часто. Все ведь схвачено, товарищ капитан.

— Сомневаюсь, товарищ генерал. — замотал головой он. Старпом тоже был в некотором недоумении.

— Прошу, доверьтесь мне. — хмыкнула она, уходя из рубки управления.

— Экипаж, боевая тревога. — через секунду заявил Щукин. — Машинное, самый полный вперед! Товарищи офицеры... — по горлу прокатился ком неуверенности. — Мы всплываем на вражеской территории...

Заревели балластные системы. В них под огромным давлением поступал сжатый воздух, вытесняя морскую воду. Подводная лодка «Прометей» показывалась из воды. Как настоящий, тридцать четвертый богатырь русской народной сказки, она выходила из морской пены, разрезая не сильное волнение острой черной рубкой. Она, вместе с рулями глубины, вынырнула из воды первой. Сперва могло показаться, что на море просто поставили пиратский, смольно-черный резиновый парус. Но затем всплыл и монструозный, и

огромный, немного даже несуразный корпус с увеличенной, расширенной носовой частью. С надстройки, что скрывала шестнадцать шахт для баллистических ракет лилась морская американская вода. На стекле рубки играло садящееся солнце. Как гигантский кит, поднявшийся из глубин, подводная лодка выбрасывала лишнюю воду за борт изо всех своих конструктивных щелей. «Прометей» шел на всех парах.

— Самолет-разведчик! Два километра! – вдруг крикнул кто-то из офицеров, глянув на радары.

— Зенитные ракеты к бою! – скомандовал старпом.

— Отставить. – заявил капитан субмарины. – Доверимся Ульянове. Надеюсь, она знает, что она делает...

...На борту разведывательного самолета пришли в недоумение. На их глазах из ниоткуда появилась подлодка, совершенно похожая на русскую. Но было в ней что-то не то, что-то другое. Штурман быстро пролистал каталог советских субмарин и увидел подобную – «Кальмар». Но точно такой же, как эта там не было

— «Санни Мей-2», я «Майк-6», наблюдаю субмарины. – в радио доложил командир борта. – Она появилась на моих глазах! Напоминает русскую «Дельта». Повторяю, похоже на русскую «Дельта»!

— «Майк-6», подождите. – заявил голос в летных наушниках. Через минуту он снова вернулся. – «Майк-6», прием. Субмарины не трогать. Уходите в район патрулирования.

— Есть, сэр. – отключился пилот от основного канала, пе-

реключившись на бортовой. – Мы уводим птичку в район патрулирования. Субмарину отпустить. Дьявол...

... На подводной лодке не поверили своим глазам:

— Самолет уходит! – заявил один из офицеров. – Товарищ капитан, самолет уходит!

— Ни хрена себе... – присел старпом, вытерев вспотевшее от волнения лицо.

— Не пропадем, моряки. – выдохнул капитан, явно ощутив, как от сердца отваливает страх оказаться потопленным. – Не пропадём, ребята...

Ульяна тем временем добралась до каюты. Груза не было, он решил на дорожку посетить галюн, так как выпил слишком много чая за документами. В небольшом и жарком помещении с кучей бумаг находились только Моргана и Дима. При том, девушка уже проснулась, но выглядела не самым лучшим образом. Вид у нее был такой, словно она не спала несколько дней. Синяки под ее электронными глазами пусть и не были чернее черного, но уже начинали бросаться в глаза. А кожа лица побледнела, будто бы немного обвисла. Моргане на вид словно стало несколько больше лет, и она визуально перегнала по старости Ульяну. Но все еще оставалась в себе. Держалась до последнего, как бы тяжело ей не было. Назревала проблема, но Дениц героически, фактически ценой своей жизни противостояла ей и оттягивала тот момент, когда Марс снова вырвется на свободу.

Словно пытаясь приободрить ее, Ульяна неловко подмиг-

нула, и махнула рукой к себе. Моргана медленно переглянулась с Димой. И только тогда Вирхова заметила, что ее стальная рука сжимает кисть Среды. Что-то, показалось ей, произошло между этими двумя в доке. Она снова оказалась права.

— Хочу показать тебе кое-что. – мотнула головой Ульяна. Оттянула прилипшую к телу мокрую лямку майки. – Прошу, пойдем со мной. А ты, Среда, пока приведи себя в человеческий вид. У нас есть около часа. Побрейся, наконец.

— У меня челюсть мерзнет. – съязвил он.

Через несколько минут блужданий по подводной лодке, Моргана и Ульяна оказались на носу «Прометея». В той самой расширенной части, что так резко отличала именно эту лодку от всех представителей проекта 667. Провернув хорошо смазанное рулевое колесо на тяжелой стальной лодочной двери, Вирхова открыла ее внутрь и вошла первой. За ней, с некоторой опаской вошла и Моргана. И мгновенно встала, как вкопанная, не поверив собственным глазам. Она замерла, ведь понимала, что никогда в живую ничего подобного не видела. Ульяна сумела ее удивить.

— Нравится? – уголком губ улыбнувшись, в темноте ангара Вирхова подкурила папиросу. Огонек от спичек блеснул на надраенных стеклах кабины агрегата. – Это мой тебе подарок. Нам нужно будет прикрытие, если вдруг припечет. В десанте не полагаются на «авось». Сумеешь с ним совладать?

— Как?.. – все еще пытаюсь понять, как эта груда метал-

ла здесь оказалась, Моргана сканировала ее глазами, и видела даже больше, чем могла представить. – Он не обычный. Усиленные двигатели американского образца, электроника, система управления огнем, связь... Все не родное.

— Его должны были списать вместе с «Киевом». – затянулась сигаретой Вирхова, выдохнув дым после этого. – Отправить в Китай, ну или на крайний случай в металл. Но он попал в один украинский музей под открытым небом, где гнил почти двадцать лет. Но чем и хороши люди, так это тем, что некоторые из них грезят не разрушением мира, а поддержанием того, что было создано до них. Можно ведь не только распиливать и бросать в металлолом перспективные разработки. Можно их множить и совершенствовать. Он прошел модернизацию в США, и теперь, вот он... Красавец.

— Какое вооружение? – спросила девушка, повернувшись на Ульяну.

— Все, что захочешь. – стянула та брезент с зеленых металлических армейских ящиков с целой кучей советских обозначений. – Управляемые и неуправляемы ракеты «воздух-поверхность», ракеты «воздух-воздух», и целый набор неуправляемых и корректируемых авиабомб. Штурмовые подвесы с тридцатимиллиметровыми пушками и несколько десятков лент для курсового вооружения. Только скажи, что ты хочешь видеть на нем, и команда подготовит это меньше чем за час.

— Просто праздник какой-то. – провела титановой рукой

по алюминиевому фюзеляжу Моргана.

...Прошло не больше получаса с того момента, как Ульяна закрыла за вышедшей Морганой корабельную овальную дверь грузового отсека. Она дала девушке время подумать и поразмышлять над тем, какой именно набор «подарков» она хочет видеть на вверенном ей агрегате. И Вирхова не сомневалась в том, что эта ее воля, этот праздник техники для девушки, поможет ей сдержать внутреннего монстра, не пасть духом перед ним и командой. И ведь да, это давало свои плоды. Моргана всю дорогу, пока шла по подлодке до кают-компании, думала о том, сможет ли она справиться, или же ей требуется быстрая и усиленная подготовка. Она словно расцвела в мыслях, отвлеклась от борьбы и стала даже лучше выглядеть, вернулся блеск электронным глазам, а поникшие уголки красивых и выразительных губ снова стали чуть поднятыми в вечной доброй и едва различимой полуулыбке.

Сама же Ульяна обозначила лимит времени всем, кто должен был с ней отправляться. На берег сходила она сама, Груз и Среда. Мужчины должны были обеспечить ей простую моральную поддержку. Без них, понимала, не справится. Нужно было плечо, а лучше два, которые могут в любой момент поддержать ее, подсказать или совершенно обособленно включиться в диалог с предложениями, критикой или замечаниями. Ей нужны были шутки и не стихающий наплыв уверенности Среды, спокойный и расчетливый, холодный на эмоции ум Груза. И решение было принято. Пол часа на сбо-

ры, а дальше «вызов такси». И это будет точно не моторная лодка...

— Товарищ капитан, пеленг двести семьдесят! – заметил офицер в рубке, сообщая об этом громким командным голосом. – Вертолет, быстро приближается к нам.

— Все подготовлено, черт... – выдохнул Щукин. – Товарищи офицеры, мы выполнили свою боевую задачу. Поздравляю. Средний ход. – Он снял трубку переговорного устройства, включив общекорабельный канал. – Ульяна Евгеньевна, субмарина достигла обусловленной точки. К нам приближается вертолет.

Вирхова невольно улыбнулась, услышав в динамиках эти слова. Она знала, что связной отправит за ней именно вертолет. Так еще и одного из своих помощников – на бору вертушки они будут не одни. Будет с кем обсудить новейшие новости, заметить еще пару фактов к общепланетарной картине и указать на собственные размышления до того момента, как они встретятся с самим связным. Дорога была каждая минута сейчас, и вертолет с гражданином США был подан как ни кстати вовремя.

Чуть потрянув головой и зубами достав из пачки сигарету, Ульяна посмотрела на себя в зеркало. Прекрасный и уродливый ее лики предстали пред ней во всей красе. Она рассматривала каждый миллиметр лица, подсвечиваемого тусклым кончиком тлеющей папиросы. Представляла и вспоминала, какую чудовищную боль испытала, прежде чем стать такой,

двухсторонней. Она была как покрытая налетом советская монета. Одна ее сторона так навсегда и осталась с со всей планетой под серпом и молотом, а на другой – живой и еще чувствующей, была выбита грошовая нынче цена. Всего пара копеек. И Ульянову это злило, на лице непроизвольно показались зубы, сжимающие фильтр сигареты с таким усилием, что он начал поддаваться и отламываться. Глаза, не моргая впились в шрам. Разглядывали его, вспоминая все, что было с ним связано. Перед лицом пролетали лики, звучали крики, фантомные следы от пуль проредили все зазеркалье. В уши ворвался звон выщелкивающихся из затвора автомата латунных и горячих гильз, которые сыпались в развезенный от горящего мазута песок. Она видела, как из рытвин шрама проступала фантомная кровавая масса, как снова раскрывалась всеми уродливыми красками ранения ее давно загрубевшая сторона лица, как с нее спадали шматы кожи, не выдержавшие давления ударной волны фугасной мины. Руки Ульяны задрожали, почувствовали горячий и сухой, оставшийся там, в далеком советском прошлом, кровавый песок на пальцах.

Не выдержав, Вирхова резко отвернулась. Затянулась дымом еще сильнее. Так, что с конца сигареты на железный пол спикировал выкуренный и превращенный в пепел табак. Дым разлился по организму, впитался в легкие. Она ощутила, как по всем мышцам, по всем ее конечностям разливается поглощенный никотин. Волной, чуть поддёрнувшей сознание, он принес ей долю успокоения. Мерно выдохнув, вы-

пустив отработанный дым, как паровой котел, Ульяна снова глянула в зеркало. Но в этот раз сбоку, так и не увидев шрамированной части своего смуглого ближневосточного лица. Резко дернув вверх майку, оставаясь в одних только армейских песочных штанах и сапогах, она кинула ее на спальное место в выделенном специально для нее кубрике. Точнее, она посменно делила его с капитаном, и сейчас была ее очередь занимать каюту. С мгновение подумав, открыла рундук и вытащила оттуда черный вязанный свитер, такой похожий по крою на тот, что носил Данила Багров. Ульяна тоже любила свитера, и меньше водолазки – они хорошо закрывали ее тело, скрывали шею и руки, но при том первые были мешковатыми, оставляли пространство для движения. Докурив сигарету и выкинув ее в переполненную пепельницу, надела свитер прямо на голое тело, прихватила песочного цвета китель и вышла из каюты.

Величественным и длинным шагом прошла через ярусы подводной лодки. Открыла и толкнула стальную дверь, оказавшись на свежем воздухе.

Втянув полными легкими солёную прохладу, которая даже чуть щипала ноздри и гортань, она прошлась сапогами по черной облицовке подводной лодки, выходя за ее ракетный горб. На западе близилось к заходу летнее очень горячее солнце. Подходил к логическому завершению его облет над Америкой, теперь оно уходило туда, где стоило сменить ночь на утро. Здесь же вечерело. На горизонте синева сме-

нялась чернотой свинцовых туч. Виделось, как многокилометровый в высоту и ширину грозовой фронт броневой стеной идет точно на континент. Он тащил под собой ливневый дождь и девятый вал из многометровых волн. Между чернотой небес и синевой глубокого Атлантического Океана виднелись раскаты фиолетово-синих молний, которые плясали между каплями дождя. Извивались и ломались, показывая острые свои, явно недружелюбные всем, кто под них попадет, грани. И затем, долетая со скоростью снарядов арtdивизиона, слышался громовой раскат. Гул заставлял землю содрогаться. Казалось, будто бы именно из-за его звуковой волны об борт ракетносца бились соленые морские волны.

Вирхова смотрела на это спокойно, привычным ей строгим взглядом. Не моргала, когда на горизонте сверкали искры молний. Не содрогалась от звуковых волн грома, который вряд ли мог перебить гул и разрывы советских ракетных «Градов». Гул и гомон природы, все ее намеки на собственную смертоносность сейчас казались смешными, по сравнению с тем, что против человека пускал сам человек. Людской род уже давно переборол матушку-землю по части смертоносности, был самым главным хищником на планете и создал совершенные в своем искусстве машины для убийств, совершенно этого не стыдясь. Что могли противопоставить советскому подводному ракетному крейсеру гром и молнии, волны или даже их совокупность? Ничего! «Прометей» сам мог вершить погоду. Мог сказать, где и когда вдруг станет

на пару тысяч градусов жарче, где начнется засуха и радиоактивные осадки, где будет вспышка излучения, и где грянет настоящий, контролируемый лишь умами конструкторов боеголовок, гром. Но сейчас, этот чудовищный продолговатый, со странным носовым горбом, черный зверь был на цепи, еще поддавался командам. Он мерно урчал атомным двигателем под сапогами Ульяны, как послушный Цербер. Вращал винтами, разрезая водную гладь, чтобы доставить свою хозяйку туда, куда она хотела. Беспрекословно выполнял любую волю, какую только пожелают его обладатели. Но ждал, таил в себе восьмипальцевый ядерный кулак, запрятанный в вертикальных шахтах.

Ощущая власть над очнувшейся после тридцатилетнего простоя подводной лодкой, Ульяна прошла по ее корме до самого кормового люка. Поглядев на садящееся солнце, надела на глаза черные квадратные очки, что скрыли ее карие глаза. С той стороны уже доносились хлопки винтов вертолета. От солнца, над американским мегаполисом к «Прометею» приближался обещанный транспорт. Еще мгновение, и он оказался над подлодкой.

— Неплохая попутка. – заметил Дима. Они с Грузом оказались около Ульяны, когда вертушка сблизилась с плывущим атомоходом. – «Черный Ястреб».

— Он самый. – ответила Вирхова, снова закуривая.

Рев погоды и почти не слышимые под водой шлепки сменили громкие и четкие хлопки несущего винта. Как гигант-

ская стрекоза, сперва поглядев своими выпуклыми стеклами, как глазами, вертолет начал опускаться, приближаться, разворачиваться бортом. Было невероятно трудно посадить вертолет, особенно такой большой как «Черный Ястреб», на останавливающуюся подводную лодку, но у пилотов получалось. Они метр за метром подводили машину к корме «Прометей». На воде расходилась рябь, соленые брызги били во все стороны. Открылась боковая дверца вертолета.

На черный борт подводной лодки, неслышно из-за грохота винта, спрыгнул странного вида человек. Он был примерно одного роста со Средой, но по виду несколько старше. На длинных волосах до плеч были белые волоски – не то крашенные, не то седые. От той бури из брызг, поднимаемой вертолётom, мгновенно намокла и его черно-красная в крупную клетку рубашка. Он был не похож на военного. Скорее это был какой-то хиппи из начала восьмидесятых, который вероятнее будет носить «пацифик» на лацкане своего пиджака, нежели воевать в пустынях и джунглях. Однако, совершенно о другом говорила татуировка на его шее. Среда увидел ее, когда загадочный сопровождающий приблизился для доклада. Чуть качнувшись, человек коротко отдал воинское приветствие, не совсем складно улыбнувшись. Груз заметил под застегнутыми рукавами его рубашки стискивающие запястья повязки серо-зеленого цвета.

— Неплохая сегодня погодка, мэм? – спросил громко человек, пытаясь перекричать вертолет. – Прошу вас всех в

наш автобус! Условия, сами понимаете... – зашагал он к вертолету, а за ним и те, кого он должен был сопровождать. – ...не лучшие. Не успели загрузить шампанское и виски, так что довольствоваться придется только дешевым армейским пивом!

— С чувством юмора? – спросил его Среда, смотря, как он забирается на борт вертолета. Все-таки тот делал это много раз, как показалось Диме. Быстро, четко и легко. Еще бы – татуировка американских морпехов на шее говорила о многом.

— О-о, еще каким! – подал руку тот Ульяне. – Прошу, мэ, забирайтесь!

— Еще один клоун... – недовольно буркнул Груз. – Замечательно.

Как только все оказались по местам в вертолете, и надели наушники внутренней связи, чтобы каждый раз не надирать глотку, пытаясь перекричать двигателя «Черного Ястреба», винтокрылая машина резко рванула вверх и в сторону от подлодки. Ульяна успела заметить, как та отдаляется, и становится все меньше и меньше. В какой-то момент ее вообще можно было спутать с простым горбатым китом. Но затем, советская субмарина скрылась за заслоном из многоэтажных американских домов, за кварталами и частными секторами, которые сменяли друг друга раз в несколько минут. Вертолет летел уже над континентальной Америкой, достаточно высоко. Невозможно было различить марки машин или от-

дельных людей. А до разгоняемых надвигающимся штормом облаков было, казалось, всего рукой подать.

— Джек Лиски, мэ. — протянул руку для приветствия американец. — Но обычно меня зовут Рок-н-ролл. Это что-то вроде прозвища. Мне не нравится, но прицепилось просто как клещ к заднице!

— Почему так? — спросила Ульяна, пожав руку. — Рок-н-ролл...

— Моя жена как-то сказала мне, — улыбнулся тот. На нижней челюсти показались две золотые коронки. Одна из них заменяла клык. — Что отлично у меня получаются всего две вещи, мэ. Это секс и рок-н-ролл! — он собрал пальцы в «козу», и показал их. На указательном пальце был след от сведенной татуировки. — Я бы рад называться «Сексом», но в документах Министерства Обороны такое не пишут! Пришлось довольствоваться вторым вариантом. А первый я оставил на визитную карточку, ха-ха-ха!

Он вдруг перевел взгляд на Груза. Тот сидел и очень внимательно слушал. Недолюбливал американцев, и в силу старой военной привычки и поговорки, давал ему выговориться самому. Верил, что это лучше всяких расспросов. Болтливый человек разболтает все. И суровый, буровящий взгляд Джек заметил:

— Эй, Ведьмак! Мне рассказали, что ты из русской разведки. — уважительно кивнул Рок-н-ролл. — Откуда?

— Если рассказали, значит должен знать. — парировал се-

дой чекист. – Из Второго Главного Управления КГБ СССР. Контрразведка. А сам?

— А у меня такого статуса, от которого мурашки по коже бегут, нету. – пожал плечами американец. – Начальство постаралось, чтобы во всех документах меня официально не существовало.

Среда задумался над этой фразой. Он вспомнил о том, что ему говорила Моргана в Берлине. О том, как она не могла понять, почему тех людей, с которыми они встречались там, не существовало. И вдруг – вот и встретились. Американцы.

— А если не официально? – спросил Дима. – Я Среда, Дмитрий Среда.

— Приятно. – Джек пожал руку и ему. – Если совсем неофициально, то мы относимся к одному маленькому властному кружку внутри ЦРУ. Добро пожаловать в руки американской разведки! Работенка не самая простая, хочу сказать. Каждый раз задница в мыле и мыло в заднице. Но, игра ведь стоит свеч? Если не так, то я лучше сейчас из вертолета выпрыгну!

— На шее... – указал рукой Дима. – Морпех?

— Да, сэр. – Рок-н-ролл потер ладонью татуировку. – Несколько ходок в Афганистан. Там еще тот разбой был! Я попал в первую волну и вышел только с последней, как там социалисты власть взяли.

— Где в Афганистане? – вмешалась Ульяна. – Кандагар?

— Нет, в Кандагаре не были. – мотнул головой Лиски. –

База была в сорока километрах к югу от Кабула. Перекрывали маршруты боевиков на столицу. Я там словил два осколочных в ногу и заехал в госпиталь на полгода. Потом, как выписался, у нас были рейды на Гиндукуш к Западу. Дошли до самой «русской высоты»! Я такого никогда в жизни не видел, мэм.

— Русская высота? – вдруг переспросила она.

— Да, мэм, ее хаджи так прозвали. Ее еще называют «Высота Десанта». Никто и ничего не знает о ней, но афганцы ее настолько боятся, что даже советский флаг не сняли оттуда. Он до сих пор там развевается. Выцвел весь, изорванный, но стоит еще. Мы, когда были, там такое кладбище увидели, что и не поверишь. Неужели вы никогда не слышали? Про нее столько слухов ходит, что сейчас уже и не отделить правду от вымысла.

— Нет, никогда не слышала. – опустив голову, она закурила.

— Говорят, что там была рота русских десантников. – начал рассказывать Рок-н-ролл, переглядываясь со всеми. – Где-то в восемьдесят четвертом или восемьдесят третьем, вроде бы тогда. Говорят, что они мешали Талибану поставлять вооружение из Пакистана. «Стингеры», там, патроны, автоматы. И русские поставили на этом пути заслон. Говорят, еще, что там был страшный бой, что хаджи решили снести эту заставу и отправили туда банду, превосходящую русских в десять раз. Там такое мясо было, что даже сейчас ку-

да ни ступи – везде человеческие кости и простреленные черепа. Видно, что работали из пулеметов. Но из той роты не выжил никто.

— Если никто не выжил, откуда тогда берутся слухи? – улыбнулась ему, но несколько ломано Ульяна. Усмехнувшись, выпустила дым изо рта.

Лиски вдруг задумался. Он было хотел что-то сказать, но осекся и замолчал. Груз в этот момент бросил короткий взгляд на Ульяну, которая пристально смотрела на американца, держа папиросу между двух пальцев. В воздухе повисла немного даже напряженная пауза, которую наконец прервал сам Рок-н-ролл:

— Талибы рассказывают своим.

— Больше верьте талибам. – с сарказмом ответила она. – Записать на свой счет роту русских десантников тогда хотел каждый полевой командир.

— Я хотел бы услышать ваше мнение, мэм. В конце концов, именно для этого я взялся вас сопровождать.

— Мое мнение... – задумалась та. – Мое мнение такое, что это очень красивая история. Но таких подвигов тогда было достаточно. Нет смысла возвышать один и забывать про все другие, Рок. Это было нашей работой там. Но ты ведь военный, Лиски. Ты должен понимать, что бывают моменты, когда ситуация меняется слишком круто.

— Да, мэм. – сглотнув, произнес тот. Внутри него, было заметно, словно что-то резко щелкнуло. Обычно, по перво-

му впечатлению, очень оптимистичный и жизнерадостный человек, вечно, даже невпопад, улыбающийся, помрачнел. Уголки его губ опустились, а брови стали медленно надвигаться на глаза. Лиски задумался о чем-то своем. – Бывают.

Среда пытался «прочитать» его. Понять, с чем это могло быть связано, но не сумел. Он глянул на Груза, но тот сидел спокойно, обыденно, сложив руки на груди. Диме показалось, что ему все равно, но нет, чекист уже знал разгадку такого поведения. Он был более профессионален, настоящий волк разведки, и читал человека, даже не зная его достаточное количество времени. Чекист подмечал тонкие аспекты. Моменты во внешности и поведении, элементах одежды и словах, который тот говорил. Всего несколько букв и интонаций от Рок-н-ролла, и он уже знал, что это за человек. Но и делиться не спешил, сверялся каждый раз с собственным мнением, проверяя его. Груз держал язык за зубами, этому его научила профессия. И понимал, что личное не должно уходить за дозволенные рамки.

— А ты большой, Ведьмак. – переключился Джек на него. – Мне тебя описывали по-другому.

— Эта информация устарела лет на тридцать. – сухо произнес тот. – И хватит называть меня Ведьмаком.

— Похож ведь! – развел руками тот, снова улыбнувшись. Маска счастливого, довольного жизнью человека снова победила ту, грустную и печальную, показавшуюся всего на мгновение, но давшую почву для размышлений о личности

американца. – Комплекция, волосы. Только ростом ты выше, а так практически копия. Аналогии наше все! Так проще работать, подмечать особенности через сравнения, и запоминать моменты.

— Я даже знаю, с кем бы ты сравнил Ульяну. – ухмыльнулся Среда.

— С Балалайкой. – кивнул согласно тот.

— С... чем? – не понимая, она подняла одну бровь.

— С кем. – ответил американец. – Это женщина. Героиня одного отличного аниме.

— Аниме? – подняла теперь обе брови она. Явно потеряла нить разговора сразу где-то за названием музыкального инструмента. – О, замечательно... Но это сарказм. Меня еще только с мультиками не сравнивали! И что же, Лиски, совсем нету разницы?

— А если нет разницы, зачем платить больше? – усмехнулся беззлобно, процитировав одну знаменитую русскую рекламу, Среда. И через мгновение получил не сильный, словно материнский, подзатыльник от Вирховой. Скорее это был не удар, это был толчок, чтобы тот придержал свой слишком развязанный язык за зубами. – Все, понял.

— Вас зовут по-другому. – пожал плечами Джек. Банальный вопрос требовал банального ответа. Но были и еще. – Вы немного выше, и явно южнее родились. Слышал, что вы из Ташкента?

— Таджикистана. – поправила его она.

— Слышится практически одинаково, простите. — без то-лики сожаления ответил тот снова, в своем задорном тем-пе. — Вас роднит по-сути этот чудовищный шрам, да и же-лезная воля к победе. Ведь ее мафия всегда побеждала сво-их врагов!

— Тогда точно забудь. — она резко выдохнула через нос, явно недовольно. — Мафия создается, в первую очередь, что-бы выкачивать деньги. Грабежом и разбоем, торговлей из-под полы всяким разносортным дерьмом. А меня совсем не интересуют деньги. — фыркнула Вирхова, отводя взгляд. — Лучше расскажи, Лиски, как там обстановка.

Он ей не нравился. Не нравился в первую очередь сво-им отношением к внешнему виду. Он был, действительно, похож на затесавшегося между рядов настоящих армейских служивых гражданского. И пусть Ульяна не пыталась и не хотела судить его по одежке, но ведь к этому предлагался еще и характер. Лиски, на ее взгляд, был болтливым. Он, в ее глазах, представлял себя героем боевиков из восьмидеся-тых, бравым морпехом, способным свернуть горы, а не ас-кетичным винтиком огромной военной машины. Чувствова-лась разница закалок — советской и американской. Там, где Ульяна или Груз промолчали бы, он бил словом и добивал жестом. Был слишком подвижным, не собранным внутри се-бя. И Вирхову это несколько даже раздражало. Но ничего сказать не могла, все же чудовищно благодарна за помощь. Она понимала, что это могло быть единственным доступным

сейчас. Понимала нагрузку на своего агента в США, и то, на сколько фронтов он сейчас разрывается. Лишь выдохнула, приняла ситуацию и снова начала холодно мыслить. Но невольно подумала: «С мультиком, блять, сравнил» ...

— Об обстановке разговор на час. – выдохнул Джек, откидываясь на спинку жесткого вертолетного сидения. Затем показал пальцем на надвигающийся на столицу США грозовой фронт на горизонте. – Я боюсь, не успеем все обсудить здесь. Так что, сейчас будем снижаться!

Среда глянул в иллюминатор. Действительно, вертолет начал поддавливать на «тормоза». Грохот несущего винта потихоньку уменьшался, и этот американский летающий танк начал останавливаться в воздухе. Через несколько мгновений и вовсе, подавшись в небольшой крюк, задрал нос, и пустился вертикально вниз, осторожно присаживаясь на крышу. Было видно, что центр города остался несколько сбоку. «Черный Ястреб» пролетел мимо него, в не самый застроенный городской квартал, за которым оазисом простиралась огромная территория.

Самое первое, что больше всего бросалось в глаза – огромные заводские ангары, которые свидетельствовали об открытом в их недрах фабричном чреве этого промышленного организма. Среда не успел прочесть вывеску на фасаде кубического, выполненного в хай-тек стиле здания, но был уверен, что этот тот самый американский корпоративный монстр, которого они уже так прекрасно подрали на сред-

ства и помощь. «Циркон Армс», масштабы его поражали. За девятиэтажным головным зданием было несколько, как любят говорить американцы, сравнимых с площадью десяти футбольных полей, открытых площадок. Там же были и гигантские осушенные бассейны. Над одним из них, на мощных стальных лапах был корпус советской подводной лодки. Ее явно купили в Перестройку, не сильно ухаживали. Но даже такая, ржавая и без резинотканевой облицовки, она все еще служила людям. На ней явно что-то испытывали, завод ведь не стоял на месте. Был слева еще комплекс зданий – явно какие-то мастерские, отдел технического контроля или конструкторское бюро. Даже с вертолетной площадки на крыше было видно, как там, медленно и неспешно прогуливаясь вдоль тополей, раздумывают ученые в белых халатах. Все суетилось, все двигалось. Ходили люди, ездили уродливые заводские грузовики и тягачи, таскающие на себе параллелепипеды морских контейнеров с запчастями и деталями. Некоторые из этих грузовиков тянули на себе целые фрагменты и куски конструкций, прикрытые брезентом. На одной из машин под тканью виднелись силуэты двух ракет. Точно таких же, какие были сейчас в шахтах «Прометей» – «Циркон Макс». Казалось, будто бы именно так выглядит настоящее будущее...

— Впечатляет, правда? – улынулся Лиски, открывая дверцу вертолета. – Это вы еще подземный комплекс под Детройтом не видели, и испытательный стенд для ракет в

Неваде. Там вообще закачаешься!

— Что за подлодка? – Среда спросил его, показывая на зафиксированную над осушенным бассейном субмарину.

— Русская. – ответил тот. – Купили в середине девяностых оптом. Эту коммунисты называли «Груша». Их пилили на металл, и мы успели перехватить их из-под ножа. Это испытательный стенд. Мы экспериментируем с весом ракет и балластными системами. Куда менее затратно утопить старую советскую лодку, чем годами выбивать испытания на наших.

— Она еще на ходу? – вдруг заинтересовалась Ульяна, словно решив пополнить свой послушный подводный флот.

— Нет. Реакторный отсек залит бетоном. – Рок-н-ролл прыгнул с вертолета, мотнув головой, чтобы отросшие волосы не лезли в лицо. – Но у нас есть пара «Дельта» на ходу. Они в Ричмонде, без ракет. На них мы испытываем наши реакторы и охладительные контуры. Если наш контур справляется с задачей и охлаждает даже буйные русские лодки, и они не взрываются, значит заказ наш!

— И, как часто взрываются? – рядом с ним, на твердом бетонированном покрытии крыши оказался Груз.

— Ни разу еще. – подмигнул ему он. – Я вас покину тут. Мне нужно смотаться в Лэнгли, утрясти пару вопросов насчет вашего визита. Мы прикрыли вас нашими испытаниями, обойдетесь штрафом, но впредь не попадайтесь! Ха-ха-ха! – засмеявшись над собственной шуткой, он снова забрал-

ся в вертолет, и немного свесившись, взялся за ручку над головой. – Обязательно сходите в нашу столовку. Там просто отличные котлетки по-киевски! Удачи!

С лязгом и грохотом, казавшимися не такими уж и громкими, на фоне рвущего воздух несущего винта вертолета, он закрыл дверцу, и уселся в кресле. В небольшом стеклышке иллюминатора Среда только и успел увидеть довольную рожу американца. Тот явно был счастлив визитом «друзей», и уже напредставлял себе всякого. Среде снова подумалось о том, что он был крайне интересным кадром. Не однозначный и не ординарный. Что-то было в его голове не так. Вертолет резко взмыл вверх, и только тогда Лиски помахал в иллюминатор ручкой. Ульяна с издевкой, мотнув головой, усмехнулась. Достала из кармана пачку папирос и сунула одну в зубы. Чиркнув парой спичек, которые так любила, подкурила.

— Водишь дружбу с корпоратами? – подойдя к ней, спросил Дима. – Я думал, что ты против капитализма.

— Как ты можешь делать выводы еще до моего ответа на вопрос? – не поворачиваясь к нему, ответила она. Глаза Вирховой пристально наблюдали за надвигающимся на континент черно-серым грозovým фронтом. Эта буря должна будет стать легендарной и рекордной. Последние сто пятьдесят лет здесь не видели ничего такого. – Не смей меня упрекать без факта, да еще и таким тоном. Ты не знаешь ровно ничего, а уже весь переполошился.

— Я знаю-таки, что мы на крыше здания, принадлежаше-

го многомиллиардной корпорации, выпускающей ядерные реакторы для американских подлодок.

— Не только американских, и не только реакторы. — она поправила его достаточно мягко. Понимала, что ситуация была не слишком простая, и со стороны сейчас она выглядела весьма двулично. Но была уверена в своей правоте. — Скажи мне, Дима, где бы ты был, если бы не сел тот португальский боинг в Берлине? Или смог бы ты... — повернулась она к нему, затянувшись сигаретой. — ...забраться на Останкинскую телебашню, починить и зарядить ракетами «Прометей», найти штаб и расположение ракетного дивизиона Громова? Да простую информацию обо всем я получаю от человека, который сейчас вот под этой самой, блять, крышей.

Она двумя пальцами, с зажатой между ними сигаретой, показала вниз, точно на нарисованную букву Н в круге на бетоне. Среда на мгновение задумался, ведь и правда. Какие-то силы, явно имеющие достаточное влияние и средства, помогали им. Не было известно, насколько они плохие и хорошие, но нужно было бы быть им благодарным хотя бы за то, что они спасли их, вытащили их из передраги, так еще и вручили в руки двухвинтовой трезубец Посейдона, что ждал в бухте. Действительно, стоило сперва разобраться, что это была за сила, и почему она помогала. Но, зная норы Ульяны, трудно было не догадаться, что с настоящими американскими империалистическими капиталистами ей было не по пути. Совсем.

— Ты понял? — спросила она, снова затягиваясь. Затем выщелкнула из пальцев окурочек точно вниз, с крыши. — А теперь пойдем. Надо придумать, как спустится.

— Мое мнение ты знаешь. — вставил свои пять копеек в разговор Груз.

— Да, и я его не спрашиваю. — прошла мимо него она.

Коридоры. Дима никогда бы не подумал, что коридоры могут быть настолько увлекательными. Они не пользовались лифтом специально. Рыскали по этажам в поисках зацепки, но те были пустыми на людей. Но вот точно не пустыми на всевозможного рода интересные детали. Здесь в витринах, съедающих вряд ли много общего метража коридора, были различные элементы, показательные модели и описания, чертежи конструкций подводных лодок и реакторов. Это было сродни музею: плакаты, картины, знамена и целая уйма макетов. На одном из этажей была даже деактивированная советская торпеда 53-65, явно доставшаяся «в подарок» к купленным после демонтажа соцстроля лодкам. Несколько удивительно было видеть русские элементы и обозначения в самом центре Соединенных Штатов. Это заставляло мозг дымиться и думать, что же в голове у того человека, который всем этим руководит? И возможно, он был сродни тем, кто до последнего винтика изучит противника, чтобы его победить. Эта теория, как никакая другая, идеально подходила под объяснение всему этому. Или может... захочет сотрудничать?

Ульяна шла уверенно. Она вышагивала каждый шаг, ставила ногу в солдатских сапогах так, что под ней стучал плиточный натертый до блеска пол. Практически не обращая внимания на интерьер, даже на рыбок в интегрированный в стену аквариум, она просто шла куда глядят ее глаза, и делала это самозабвенно, наверное, даже на автопилоте. Дима едва поспевал за ней. Ему, как и Грузу, было интересно изучить все чертежи и плакаты, все описания этих, теперь уже музейных экспонатов. Большую часть технической информации все равно было не понять, тем более, что была она написана техническим английским языком. А вот чертежи рассматривать было одно удовольствие. Все понятно, все помечено, все известно, выделено цветом и нарисовано в нескольких проекциях и разрезах. Слишком уж чудовищный труд был положен под красоту этого интерьера. И это не могло не впечатлять.

Вдруг словно из ниоткуда появился мужчина. Коренастый чернобородый пакистанец, которого Среда уже видел в Берлине. Дима несколько насторожился, пусть уже и понимал, что все было подвязано и схвачено, замотано в такой клубок отношений, что уже и не разгадать. Человек был одет в строгий костюм, с черной жилеткой и пиджаком. Воротничок белой рубашки мог бы задушить его, если бы не был расстегнут. Галстука естественно нет, но вот вместо него на синем ремешке болтался магнитный бейдж-пропуск с фотографией. Сотрудник «Циркона». Все тут, право, братья, подумал

Дима, улыбнувшись.

— Ульяна Евгеньевна, прошу вас подождать здесь. – раскатистым басом произнес бородач, указав на двухстворчатые двери сбоку. – У нас в расписании возникли проблемы в связи с вашей задержкой. Мы уже их решаем.

— Хорошо. – кивнула она, приветливо улыбнувшись. – Простите, не знаю вашего имени.

— Меня зовут Самир. – он провел именной карточкой по магнитному замку на дверях, открывая их. – Самир Бадар. Но можете звать меня Паки. В данный момент я должен вас обслуживать. Хотите чего-нибудь, мисс Ульяна?

— Водки. – сказал тут же Среда.

— Две рюмки. – дополнил Груз, показав пальцами «V».

— Так, никакой водки, никаких рюмок. – ответила та сухо. – Чаю, пожалуйста. Если есть, то с чабрецом. И не называй меня так, Паки.

— Прошу вас. Пару минут. – говорил он очень размеренно и умиротворенно. Конечно было и ощущение, в основном основанное на его виде, что Самир через мгновение взорвется. Но каждый раз это ощущение получало от действительности по голове глухой и мощный удар. Боязнь действительно улетучивалась, как только он начинал говорить.

Ульяна смело, вообще без каких-либо опасений или сомнений прошла за указанные двухстворчатые двери. За ней Груз. Они явно знали больше, чем Среда, но все еще не желали делиться. Тот же, в свою очередь, несколько замедлил-

ся, проходя мимо большого арапа. На секунду посмотрел на него пристально. Да, точно, это он был в Берлине. Может, и танцовщица появится тут? Среда невольно улыбнулся от этой мысли. В ответ и Паки, подумав, что улыбнулись ему. Ну действительно, лучший образец разрушенных шаблонов. Вежливый, тактичный, полная противоположность Рок-н-роллу. Не исключено, что они были напарниками...

— А я таки... – все же задержался у него Дима, повернувшись точно на бородача. – Я бы все-таки не побрезговал воспользоваться твоими услугами, Паки. Тот второй, с вертолета, посоветовал нам съесть по котлете по-киевски из вашей столовой. Может, организуешь?

— Он всем их советует. – усмехнулся Бадар. – Не могу, друг, прости. Рабочие их все уже разобрали.

— У них у всех столько денег, что они способны вынести всю столовую? – в шутку сказал тот.

— У нас она бесплатная. – пожал плечами араб спокойно. – На нашем предприятии бесплатное питание и медицинское обслуживание.

— Ух-ты... – протянул Среда, явно не ожидавший такой ответ. – «Циркон», смотрю, хорош во всем. Как это так?

— Вся прибыль идет не на яхты и не на офшорные счета. Все, что получает компания, остается в компании. Не знаю, конечно, всех подробностей. Этим руководит наш директор.

— Кто он?

— Его вы и ждете. – ухмыльнулся тот желтыми зубами. –

Прошу простить, я пошел за чаем. С чабрецом.

Дима вошел в комнату последним, и ни коим разом не ощутил в помещении духа огромного промышленного, развернувшегося за стенами административного здания, гиганта. Скорее, это была неожиданно вставленная среди инженерных и офисных кабинетов жилая площадь, со всем, что было нужно. Там, за широкими, во всю стену окнами, что смотрели на залив и Вашингтон, был просторный балкон, со стоящим на треноге белым телескопом и парой мягких кресел. Внутри же помещение было вытянуто в обе стороны от входа, и разделено на зоны легкими японскими бумажными ширмами, с нарисованными цветами. В самом конце, слева от входной двери, была поднятая на бетонном помосте круглая ванна-джакузи, а с противоположной стороны столовая зона, кухня с широким столом, диван и несколько таких же, как на балконе, мягких кресел. Пятки даже через ботинки почувствовали тепло – пол был с подогревом, можно было ходить босиком. А сверху светил приятный желтый цвет, который включался на потолке автоматически, над тем местом, где кто-нибудь находился. Технологичный гигант должен быть во всем технологичным, правда. Посредине же, напрямую от входа, был выделенный в полу квадрат. Вероятно, что-то там должно было подниматься. Места было невероятно много, и из-за белых аккуратно покрашенных стен и высоких потолков его казалось еще больше.

— Неплохая квартирка. – осматриваясь, Ульяна взяла из

хрустальной вазы на кухонном столе пару ягод винограда.

— Было бы удивительно, если бы это было не так. — сухо отметил Груз, и оказался прав. Он грохнулся в мягкое кресло, и явно не ожидав, что оно настолько мягкое, сжался.

— Даже как-то... — усмехнулась Вирхова, прожевывая виноград. — ... обидно, что с такими друзьями я живу в однушке в Бутово. Хотя, в таких пространствах я бы точно застрелилась после первой же ночи.

— Ну, кто-то живет деньгами. — скопился он на нее. — А кто-то честью и совестью.

— Прекрати. — устало сказала та, кинув в Груза яблоком. — Ты сам знаешь, что это не так.

— А факты мне говорят об обратном. — с саркастической улыбкой, такой редкой для него, произнес старик, поправив седые волосы на голове.

— Кто-то идет. — вдруг, подняв указательный палец, сказал Дима. Подошел к двери.

Шаги были легкими и слегка цокающими. Явный признак для каблука, как мужского, так и женского. Но масса, напрямую влияющая на звук, навряд ли принадлежа сильно рослому человеку. А о росте говорил промежуток между «цоканьем». На вскидку, Среда определил рост в 170-180 сантиметров, и массу около шестидесяти — шестидесяти пяти килограмм. Совокупность этих факторов позволяла сказать, что с большой долей вероятности ко входным дверям приближалась женщина. При том, достаточно стройная. И Дима

был уверен, что с ней он уже встречался. Берлин, Москва – все было похоже на то, что он уже видел и где-то в глубине сознания подмечал. Но момент истины только назревал. Оставалось понять, кто же тот загадочный представитель слабого пола, что так сильно помогал им.

Как только шаги оборвались сразу за дверью, Среда от нетерпения сам открыл ее первой. И мгновенно захлопнул обратно, прижавшись к ней спиной. Широко раскрытыми глазами он быстро глянул на Груза, а затем на довольную Ульяну.

— Э... – попытался он, сглотнув. – Это что такое?

— Наш информатор. – спокойно ответила та.

— За этой дверью... – показал Среда большим пальцем через плечо. – ... стоит директор ЦРУ.

— Да, и он очень хочет войти. – по-русски сказал мягкий женский голос из-за дверей.

Элис Купер. Кто бы мог подумать, что та необычайно красивая молодая девушка, в форме директора Центрального Разведывательного Управления США, которую Среда видел по телевизору в Останкино, окажется бледной копией самой себя. Потому что в реальности, как только открылись двери, и взору предстало живое и прекрасное тело, показалось, что она излучает свечение. От нее было не оторвать глаз, особенно учитывая то, что ее взгляд смотрел мерно, очень сухо и холодно, но будоражил и заставлял не моргать. Она была красива. Нет! Необычно, чудовищно и не по-человече-

ски красива. Невероятная задача была найти на этом белом свете, хотя бы кого-нибудь, кто мог бы составить ей хоть какую-нибудь конкуренцию. Не конкурентом ей была, пусть и милая, но немного робкая и застенчивая Моргана, которая, к тому же, еще нет-нет, да начинала сутулиться, мило поджимать голову в плечи. Не была для Купер конкуренткой на конкурсе красоты, естественно, и Ульяна – огромный шрам на пол лица давал о себе знать, плюсом южная внешность, пусть и с настоящими нотами персидской королевы, была слишком яркой, не такой привычной для европейского обитателя. Здесь же, перед Средой стоял настоящий идол, икона для всех женщин, которые глядя на нее, наверное, скажут, что это лишь больная мужская фантазия. И будут отчасти правы – такое можно только нафантазировать. И в ее подлинность не верил и сам Среда. Раззявив от отсутствия слов рот, он медленно отходил назад, давая Элис войти дальше в двери.

Ее фигура была как у балерины. Но не у тех, которые обычно подкладывают под майку телесного цвета накладки – нет. У нее все, даже одежда не могла этого скрыть, было выверено до мельчайшей линии в теле. Идеальная форма, золотое сечение. Округлые и упругие ягодицы, скрытые синими штанами, заставляли мужской мозг думать о том, насколько плавно они переходят в ровную, как доска спину и плечики. Ее грудь была выпячена немного вперед, как на настоящем параде. В этом Ульяна могла с ней посоревноваться,

но все равно была более топорна и гротескна в отношении размеров. Выше колодки наград, выше бейджа и расстегнутого ворота белой рубашки была лебединая шея с белой – не бледной, а именно достаточно белой – ровной и гладкой кожей. На ней не было ни морщинки, ни прыщика, ни родинки. Создавалось ощущение, что вышла она не из родильного дома, как обычный человек, а из заводского цеха сверхтехнологичного предприятия. А ее лицо! Вряд ли можно было найти кого-то симпатичнее ее внешне. Ни одного признака старения, ни одного красного или темного пятна, все ровное и гладкое, искусственно-идеальное, не поддающееся объяснению, а потому завораживающее. Ее губы были ни пухлые, ни узкие – что-то совершенно среднее, и подходящее ко всем вкусам. Чуть вздернутый аккуратный носик выдавал по-настоящему царскую кровь в ней. А не седые, но белоснежные волосы были замотаны в аккуратный пучок и закреплены двумя японскими палочками. Но все же одна, длинная и непокорная шелковая прядь вырвалась из этого пучка, и дополняя образ, висела вдоль лица.

Но что заставляло думать и размышлять о ней, не отрывать взгляда от нее, так это глаза. Казалось, Среда не видел ничего удивительнее переливающихся электронных зрачков Морганы, но нет – теперь увидел. Взгляд Купер был бездонно-синим, каким не бывает даже глубина мирового океана. Такими не бывают моря и такими не бывают небеса. Этот цвет, он, казалось, может запомниться навечно. Его точно

не увидишь ни у кого. Холодный и суровый, но при том ма-нящий, как звезды на небе. В них хотелось погрузиться, в них хотелось окунуться, и желание о том, чтобы они смотрели только на тебя, было выше всяких других. Ее короткий взгляд – тот момент, когда пирамида потребностей рушилась по швам. Не нужен был сон, еда или даже воздух. Нужно было лишь созерцание ее глаз, и ее лица. О таком можно было только безнадежно мечтать...

— Здравствуй, Груз... – вдруг переведя взгляд, от чего Среда даже несколько расстроился и почувствовал ревностный укол внутри, девушка в синей форме обратилась к сидящему седому чекисту. Хотя, казалось, годилась ему, если не во внучки, то в сильно запоздавшие дочери.

— И тебе не хворать, Алиса. – скупо ответил он, даже не посмотрев в ее сторону. Откусил брошенное Ульяной яблоко.

— Алиса?! – переспросил Дима. – Вы... вы прямо лично знакомы?! Какого...

— Это слишком долгая история, Дима. – ответила ему уже Купер. – Длинною в целую жизнь. Да, Груз?

— Меня твоя жизнь не интересует. – кинул тот.

— Зато меня обосраться как интересует. – включилась в разговор Вирхова, подходя, и все еще пожирая набранный в руку виноград. – Временами я думала, что уже не увижу тебя! Ха-ха, Алиса!

Она обняла ее крепко. Крепче, чем обнимает вообще ко-

го-либо. И та, в свою очередь, не стала стесняться. Расплылась в лучезарной улыбке и тоже обняла Ульяну в ответ. Становилось понятно, что они были, наверное, самыми лучшими подругами на этом свете, мостиком Москва-Лэнгли, который черт-е пойми откуда вообще взялся. Но, суровый опыт и чутье подсказывало Диме, что ответы надо искать в прошлом. В их общем прошлом, всей тройки, разумеется.

— Я рада тебя видеть. – как-то скупно, но все же добро ответила Алиса, глянув на свою подругу. – Тут сущий дурдом. Уже успели познакомиться с моей командой?

— Да, с вежливым бугаем и тем дурачком, которого ты послала нам на встречу. – махнула вдруг Ульяна, кинув в рот еще виноградинку. – Где ты вообще нашла этого... Как бы приличнее... весьма странного на натуру парня?

— Так значит ты не выкинула его из вертолета? – со спокойной миной на своем очаровательном лице, но с сарказмом в голосе заметила Алиса.

— Так только в ЦРУ делают. – буркнул Груз с кресла.

— Лиски хороший парень. – Купер расстегнула китель на груди. В одно мгновение осталась в одной просвечивающей рубашке, а китель повесила на стул. – Честный, добрый и исполнительный. Он сделает все, просто обычно надо немного подождать.

— Он сравнил меня с мультиками!

— Я даже знаю с каким.

— Стойте, стойте, стойте. Остановитесь хоть на секунду! –

потирая пальцами переносицу, и зажмуривая с силой глаза, Среда вмешался в похожий на будничный разговор между генерал-майором России, полковником КГБ и директором ЦРУ. – Я вообще не понимаю, что происходит! Почему она? Кто она? Зачем она, и почему мы здесь?! Да она же младше меня даже по виду!

– Это все уникальная техника лицевого массажа, обезжиренные йогурты, правильное питание, достаточное число фруктов, спорт и немного косметики. – повернулась Алиса к нему, оттянув уголок губ. – На самом деле я старше тебя. Ну как... по виду ты прав, а по документам нет.

— Я ничего не понимаю! Ты – директор ЦРУ.

— Да, я директор ЦРУ.

— И ты помогала нам в Москве?

— Не только в Москве. Это я была в «Шерхане» и в Останкино. И это со мной вы общались через беспилотник.

— То есть все это время нами руководило ЦРУ?! – Среда гневно скосился на Ульяну. Но она осталась невозмутимой. Знала, что Алиса расставит точки над «и» сама.

— Не ЦРУ и не руководило. Ты не понимаешь простой разницы сейчас между руководством и помощью. И Управление не знает о моей помощи вам, официально я вообще была в отпуске в Эмиратах. Я хочу, чтобы ты наконец понял, что я могу и хочу вам помогать не из выгоды, а потому что должна вам помогать. Да я директор ЦРУ, и по совместительству глава и теневой директор «Циркон Армс», но то,

что я говорю официально, зачастую прямо противоположно тому, что я думаю здесь. – пальцем она осторожно коснулась своего виска. Затем убрала непокорный белый локон за ухо. – Ты же помнишь, как я выключила собственный эфир. Я тоже не в силах выносить все то, что говорю на огромную аудиторию, но мне приходится это терпеть. Это моя работа.

— Да, врать действительно твоя работа. – добавил Груз. – Обманывать, использовать. И врать.

— Ты еще и гигантский промышленник. Ульяна, объясни мне, как мы вообще должны ей доверять? Она же эксплуататор для тебя! – мотнул головой Дима, подняв брови.

— Потому что я ей доверяю. – сухо ответила та, все еще поедая виноград.

— Директором стать невероятно трудно. – пожала плечами Купер. – Но еще труднее удержаться на этом месте. Особенно, когда тебя окружают невыносимые во всех смыслах твари, грезящие только войной и собственным достатком в кошельке. Те, кто окружают меня каждый день, стараются выпить как можно больше нефти и закусить таким количеством вооружения и боеприпасов, что и в кошмаре не приснится! И чтобы выжить в среде таких кровожадных акул, чтобы не сломаться, и чтобы знать, что твое дело живет и будет жить, необходимо стать самой страшной из этих акул. И я это сделала. «Циркон Армс» – передовое предприятие, имеющее на своем борту миллиардную прибыль. Никто не посмеет трогать нас на всем земном шаре в экономическом

плане. Но все наши деньги, и деньги нашего предприятия, вкладываются в его рабочих, в его производственный процесс, а не пилятся советом директоров, не закатываются в фундамент дорогущих особняков, и не тратятся на футбольные команды. Я – промышленник, очень крупный промышленник. Но я не эксплуататор. Если ты найдешь хотя бы одного рабочего у меня, который тебе пожалуется на условия работы – я отдам тебе «Циркон» в этот же миг.

— Твои ракеты... твой беспилотник... твои ракеты... – выдохнув, перечислял Дима. – Ладно, стоит признать, что они нам действительно помогли, но... ЦРУ?

— Рок-н-ролл спросил то же самое во время нашей первой встречи. – улыбнувшись, вдруг вспомнила Алиса. – Три буквы, но за них... – вздохнула на этом моменте, присаживаясь на стул. С некоторым облегчением стянула с ног каблуки. – ... обычно все и цепляются. Да, я работаю в ЦРУ. И делаю это невероятное количество времени. Но я хочу, чтобы ты понимал, в этой структуре нет единой структуры, как бы парадоксально это не звучало. Есть люди со своими целями и задачами. Есть одни, вторые, третьи, пятые и десятые взгляды, и политика напрямую определяется тем, какие из этих взглядов доминируют. Единственный шанс что-то поменять в политике – стать ее, пусть одной из, но вершиной. И я, отлично понимая это, стала тормозным клапаном в политике ЦРУ, из-за чего меня хотят сожрать, но скорее подавятся. Я – один из тех механизмов, что до последнего вре-

мении старались тормозить раскручивающийся маховик политической игры на всем нашем земном шарике. А знаешь, где был еще один точно такой же механизм? Да вот он, рядом с тобой стоит! – показала она рукой на Ульяну. – Я не дала разместить большой ракетный потенциал в Германии, я не дала разместить две базы в Украине и Грузии, но я вынуждена играть по правилам Пентагона и Белого Дома, чтобы и дальше тормозить то, что может привести к концу. Я в доверии, и меня слушают. Но... не всегда. Я говорила им... Я двадцать лет говорила...

— Говорила, что...? – поинтересовался вдруг Груз, но затем скупно усмехнулся. – Значит твое мнение не весомее моего на политической арене.

— Однако, теперь ко мне будут прислушиваться больше. И это вопрос событий уже сегодняшнего дня. Последних двух месяцев, если быть точнее.

— О-о, переходим к делу? – саркастично отметил Среда.

— Не юли. На, пожуй, чтобы рот закрылся. – поставила перед ним вазу с фруктами Ульяна. В этот момент ей принесли чай, и громко отхлебнув его, она села на другое кресло.

— Зря присела. – заметила Алиса.

Она поднялась, щелкнула одним из тумблеров на стене. Среда не смог не отметить про себя ее ягодицы. Но в миг промелькнул перед глазами тот инцидент с Марс на Кубе, и, остерегаясь собственных мыслей, он отвернулся. В этот же

момент из пола поднялся весьма монолитного вида каменный стол, который выдвинул еще дополнительные столешницы из корпуса, и сопоставил их вровень с основной. Все-таки это слишком технологичное предприятие. Свет немного померк, но ярче стал там, где все собрались. Нехотя, поднялся и Груз. Команда встала кругом около стола.

— Итак, я начну издалека. – предложила Алиса, доставая из ящичков бесчисленные папки, выкладывая их на стол. Скоро столешница полностью скрылась под обилием бумаги. – Это все совершенно секретные сведения, и я надеюсь вы понимаете, почему я вам их показываю. – На Диму она не смотрела, но тот понял, что это было адресовано именно ему. – Мы перемещаемся на месяц назад, и узнаем слишком интересный, чтобы его представлять широко, факт. Вы, Дима, были в Берлине, в момент того, как на него начали падать обломки космического мусора, ступени ракет и прочий скарб, который засоряет нашу орбиту. Вы видели, как все это происходит, и какая буря творится в небе и на земле. А теперь представьте ее на самой орбите. Станция «Пульсар-6» трижды обогнула землю, прежде чем войти в атмосферу, и натворила немало. Тянущийся за ней шлейф из космического мусора, как картечь из дробовика, проредил всю нашу группировку разведывательных спутников, спутников связи и наведения, метеорологии и коммуникаций. Проще говоря, США осталось без спутников. Мало того, мы попытались вывести на орбиту несколько новых. Их подготовка

заняла три недели! Но космос не знает тормозов и все три наших разведывательных спутника оказались сбиты осколками размером с ладонь. Три дня назад в пустыню Гоби упали покинутые экипажем модули МКС. – Купер показала сверхсекретные снимки. На них было месиво из песка и обожжённого металла. – Экипаж попытался спуститься на «Союзе», но тот оказался под градом из обломков и потерял герметичность оболочки. Он сгорел в атмосфере со всеми космонавтами на борту.

— Нет разведки со спутников? – скорее заключая, чем спрашивая, поинтересовался Груз.

— Разведки нет совсем. – помотала головой Купер. Локон белых волос опять оказался у лица. – Легла и разведывательная коммутационная сеть, все зашифрованные каналы. Всё либо испытывает страшные сбои, либо отключено совсем. Работает полтора процента от наших мощностей, и это катастрофа. У нас урезана сеть агентов в Восточной Европе и России. Хотя я говорила, что это необдуманый шаг, что нельзя резать по живому агентурную сеть, которая создавалась почти шестьдесят лет. Но нет, все увлеклись «звездными войнами», совсем забыв о живых агентах. Забыли о людях! Мы играем вслепую. Мы диктуем Громову границы, не зная, что происходит на его границах! Это театр абсурда, но одновременно и наша действительность.

— Совсем ничего интересующего не получить? – спросила Ульяна, глянув ей в глаза.

— Все не говорящее. Но есть кое-что. Удалось сфотографировать Мурманск и Северодвинск. Смотрите. Это фото сделано месяц назад.

Она выложила перед всеми фотокарточку. Качество оказалось не очень, скорее всего сфотографировано было с большим увеличением и откуда-то сбоку. Горизонт завален, контраст оставлял желать только лучшего. Подготовка агента под прикрытием явно хромала. Но фотография могла передать главное – показывала российский Северный Флот. Всю его мощь и весь его скрытый подводный кулак. На приколе там стояло несколько десятков кораблей и подводных лодок – больших и малых. С баллистическими и тактическими ракетами, с торпедами, дизельные и атомные. Огромные и очень огромные корабли, целый авианосец! Понятное дело, что при фотографировании такого руки обязательно затрясутся.

— А этот материал я получила только что...

Те же пейзажи, но уже пустые. Кораблей и подлодок не было.

— Ух ты. – выдохнула Ульяна. Достала из пачки сигарету и подкурила. – Где они?

— Я не знаю. – пожала плечами Купер. – При скорости хода в двадцать узлов они могут быть уже где угодно. Все, чем я могу поделиться и чем я располагаю из оперативной, не хранящейся в огромных талмудах, информации – газеты и журналы. Как смешно и неприятно, да?

— Да уж. — цокнул Груз. Недоверие к Алисе, основанное на непонятных пока для Среды принципах, кроме того, что она американка, а чекист их явно недолюбливал, сменилось профессиональным интересом. — Что-то уже удалось нарыть? Хотя бы о причинах всего этого.

— О, да! — протянула та. — Но сперва я спрошу вас. Я же не для кроссвордов вам выделила пол тонны газет и архивных документов.

— Ну, из самого интересного можно отметить действия Пекина. — оттопырил указательный палец Груз. Он постукал им по столу. — Китайцы выводят собственный флот на учения через несколько дней. Театр слишком обширный для простых рядовых маневров. Думаю, и активных действий стоит ждать тогда же. Считаю, что это одна из уловок, чтобы не дать США спокойно маневрировать в Европе. Они подводят флот к вашей заднице, и вы чувствуете себя не комфортно.

— Да, знаю. — несколько даже опечаленно ответила Купер. — Мы уже обсуждали этот вопрос с ВМС. Пекин сделал так, что мы не сможем оперативно выдернуть свой флот из Кореи и Японии. Обычно предупреждали заранее, а тут — неделя. Дай Бог чуть больше было. Ситуация слишком непростая.

— Громов готовит авиадесантную операцию. — заявила вдруг Ульяна. — Тоже знаешь об этом?

— Пока нет.

— В одной нашей газетенке проскочило. — прищурила она глаза, затягиваясь от сигареты. Выдохнула дым в сторону. — Сотня «Спрутов» с танковой пушкой с Курганмаша. Их проще простого перекидывать транспортной авиацией, и можно выбрасывать одновременно с десантом. Эта группировка может оказаться где угодно всего за пару часов. Берет плацдарм, парализовывает действия противника, разбивает тыловое обеспечение и ждет передовые части фронта.

— Оssi как раз захватили аэродром. — подхватив мысль, продолжила Купер. — Хм. Видимо Громов думает усилить присутствие в Германии и разбить НАТО надвое. У нас было предположение на этот счет. Бронетанковый кулак, даже без спутников понятно, на границе слишком сильный, чтобы держать его там столько времени просто для обороны. В Пентагоне считают, что Громов выйдет по южным рубежам, через самые слабые страны НАТО и ударит в Германию. Северный Флот может парализовать поставки отсеченным странам через Балтику и Норвежское море. Тогда мы получим самый крупный котел в истории человечества.

— Безрассудно. — помотал головой Груз. — Рискованно.

— С этим тоже согласна. — кивнула ему Купер. — Твой вариант?

— Исландия. Сгорели истребители, способные сбивать наши транспортники. Подлодки и корабли выходят на рубежи, разбивают ракетами остатки аэрокрыла там, а затем туда приходят транспортники. Громов отсекает Атлантику и дей-

ствуует в Европе спокойно. Возможно, даже по вашему плану.

— Интересно. «Красный Шторм»? – предположила Алиса. – Он вон, в мусорке лежит.

— С полгода назад прочел. И пока много что попадает.

— Все равно что-то не так. – нахмурилась Ульяна. Поджав губы, она кинула окурок в пустую вазу из-под фруктов. Среда догрызал последнее яблоко. – Что-то не укладывается. Как ведет себя Афганистан?

— И снова бинго, подруга. – Алиса выдохнула. – Вот тут и начинается череда интересных случайностей. Что, если я скажу вам, что фронт на Каспии, а теперь уже, вернее сказать, где-то в Ставрополье... Остановился. Да, это слово как ни кстати подходит к ситуации. Такого не было с самого начала. Были успешные контратаки, были заминки даже на первых днях. Там была, вроде, даже история: один сумасшедший русский танкист разбил тыловую колонну афганцев и уничтожил восемь машин. В их числе оказались и два новейших «Кафира» – рекорд. Больше одного в прямом бою никто уничтожить не может.

— Да, знаем. – через ком в горле выговорила Ульяна. Она помнила историю Артема, пусть и не дослушала ее. – С нами в Кремле был парнишка. Механик того танкиста. Хороший был. Погиб.

— Значит этот парень герой. – заключила та. – Такой прыти удивились даже наши генералы. Но все-таки – фронт тогда не останавливался. А теперь, при численно меньшей

группировке в регионе, при полном перевесе в технике в сторону Кабула... стоп? Не складывается. И знаешь кто остановил афганцев? «Бархан»!

— Наемники. – неуважительно кинула Вирхова. – Пытались взять Кремль.

— И я начала рыть именно в этом направлении. – Алиса снова залезла «по уши» в папки и документы. Наскоро выдернула оттуда несколько листов и конверт с фотографиями. Среда узнал его, ведь это тот конверт – из Останкино. – Дима, вопрос к тебе. Узнаешь кого-нибудь?

Перед ним оказалось несколько десятков распечатанных с пленки фотографий. На них, в большинстве своем – кровавое месиво, оставшееся от лиц и тел наемников. Еще бы, стрелковое оружие не из тех, которые оставляют врага фотогеничным. Но некоторые ракурсы были узнаваемы, можно было различить отдельные узлы и части лиц, татуировки или примечательные шрамы на руках, шее и груди. Но сколько бы Дима не перебирал эти карточки, он не мог найти никого, кого бы узнал. Пока вдруг в руках не появилось очень знакомое изображение.

— Этот. – протянул он карточку Алисе. – Вроде главного был.

— Ты заметил что-то необычное? – спросила вдруг она. И Среда попытался вспомнить.

— Он дрался практически как я. Синхронные движения, синхронные удары и блокировки. Я будто тень пытался одо-

леть.

— Да, именно это я и ожидала услышать. – в красивых женских руках вдруг оказалась целая папка с досье. – Это Кирилл Сомов. Сын небезызвестного авторитета Сомова, бывшего начальника МосОблЭнерго. Родился в январе восьмьдесятых и был отдан в школу подготовки кадров ФСБ, где ты обучался в девяностые. И где Ульяна была старшим преподавателем.

— Да, спасибо, я знаю то, что она была там преподавателем. – скопился на Вирхову тот.

— Не помню его. – ответила она.

— Не удивительно, ведь он вылетел оттуда незадолго до того, как школу прикрыли. Служил в армии, побывал в Чечне в девяносто девятом, откуда вышел лейтенантом спецназа. Пошел на повышение и начал проворачивать схемы сбыта оружия бандам на Кавказе. Его поймали только через пять лет, и приговорили к пожизненному. Но до Колымы он не добрался. Исчез.

— Исчез? – насторожился Груз.

— Да, исчез. Ведь погиб он только в Кремле. – посмотрела на него Алиса. От ее взгляда чекист отвернулся. – По официальной версии, машина, перевозившая заключенных, в числе которых был и Сомов, перевернулась на мосту и сорвалась в сибирскую реку. «Тело» Сомова нашли, но вот оно оказалось без головы и рук. Вы хотите спросить, что нам это дает? А я отвечу на ваш вопрос. – разложила она веером фо-

тографии. – Все эти люди являлись бывшими сотрудниками силовых структур стран СНГ и Восточной Европы. Эти два, например, братья Соколовы, бывшие сотрудники белорусского КГБ, пойманные на финансовых махинациях. Этот – майор Армии Казахстана, вел разведку в сторону Тегерана. И всех их роднит то, что их жизнь оборвалась не в Кремле, а намного, намного раньше! Убит в подворотне. – тыкала она пальцами по фотографиям. – Этого убили при этапировании. Этот ушел со взрывом бытового газа, прихватив с собой двадцать гражданских. Мы имеем дело с теневой армией, диверсионные умы которых собраны из худших из лучших, из элиты силовых структур бывшего СССР.

— Дальше. – приказала ей Ульяна.

— ЦРУ уже сталкивалось с подобным. – повела бровью Купер. Выдохнув, она распрямилась на стуле, наконец перестав, как Кощей, чахнуть над своим документальным «золотом». – Это было во втором году. Наши морпехи получили необычно мощный отпор на одной из доминирующих высот Северного Афганистана. Как потом оказалось, его удерживала безымянная частная конторка, состоявшая в основном из ветеранов элитных спецподразделений Варшавского Договора. Вы понимаете, что это может значить?

— «Бархан» сотрудничает с афганцами. – вывел Среда.

— «Бархан» и есть афганцы. – поправил его Груз, мотнув головой. – Твою-то мать. Остановили сами себя!..

— Скорее всего «Бархан» является частью афганской во-

енной структуры. Мы пытались проследить хотя бы одну прямую ниточку от А до Б, но ничего не указывает на их причастность к Кабулу. – выдохнула вдруг напряженно Алиса. – Мы сражаемся с необычно подкованным противником. И скорее всего, он не в Москве, а значительно южнее и восточнее. Они провели нас всех.

За окном стало черно. Даже большие и широкие, во всю стену отполированные до блеска окошки, не могли донести в помещение хоть лучика дополнительного света. Одновременно с заходом солнца, на Вашингтон надвинулась та свинцовая черная туча широкого грозового фронта. Поднялся страшный ветер, раскаты грома и блески молний были уже в городских кварталах. По стеклу, сперва робко, будто пробуя собственную музыкальную партию, забарабанили крупные теплые капли. А затем все сорвалось в единое шумное месиво из звуков, блесков и грохота. Тот чудовищный природный катаклизм, самый крупный за последние полтора столетия надвинулся на североамериканский континент, и начал поглощать его под собой.

Алиса повернулась на окна. Она, действительно как учувшая неладное лисица, мгновенно слегка подняла лицо, стараясь и вовсе не шевелиться. Все это странное совокупление факторов ее пугало, по ее гладкой и ровной спине под белой рубашкой пробегали мурашки. Ей становилось холодно, хотя в помещении было даже жарко. Буркнув что-то про себя, Ульяна снова закурила, вольно разглядывая сверхсек-

ретные документы ЦРУ. Цокнув, Груз поставил голову на кулак, и мельком пробежался по заголовкам документации. А Дима пытался переварить все, что было сказано. Информации было много, и она была разная. Мир потихоньку все-таки собирался у него в голове, но походил больше на лоскутное одеяло, сперва изрезанное грифами «секретно», а затем стянутое нитями доверия и веры директору ЦРУ. Такой расклад дел его совсем не устраивал, но деваться было некуда.

— И даже развернуть мировую войну им по силам? – спросил вдруг он.

— Да. – спокойно ответила тогда Купер, мягким и нежным голосом. – Ты знаешь, что такое Афганистан сейчас? Поверь мне, если помножить то, что говорят о нем по-нашему или вашему телевидению на тысячу, то не получится и половины правды.

— Тогда как насчет экскурсии в историю? – усмехнулся он. Кажется, недоверие его отпустило, он привык к этой красавице в белой рубашке с белыми волосами.

— Долго.

— Мы, вероятно, никуда и не торопимся. Погода стала совсем не летной.

— Ну, что ж, тогда поверьте, заскучать вы не сумеете. – вдруг усмехнулась грустно она. И встала, прошла по просторному помещению босиком. – Итак, Афганистан... Все началось формально, еще с вывода советского контингента

оттуда. Ульяна не даст соврать, что это было невероятно странным, но все-таки историческим событием. Представьте себе, когда самый сильный и крупный союзник вдруг бросает тебя на произвол судьбы. То же самое произошло и с Кабулом. Еще в те два года, пока Демократическая Республика Афганистан существовала, ее начали раздирать изнутри многочисленные бандформирования, вроде Талибана. Затем правительство Наджибуллы распалось, Афганистан перешел на путь терроризма и анархии... Но, что если я скажу вам... Что именно СССР ответственен за то, каким Афганистан стал на первых парах после вывода ОКСВА?

— Как так? – Груз вдруг не понимающе скосился на нее. Он явно не знал этих подробностей.

— Знаешь Джавалова? – спросила его она. – Их было шесть братьев, а нас интересует Ахмед. Сотрудник твоего, Второго Главного Управления КГБ, по Узбекской ССР. Вы еще должны были пересекаться в Кабуле, вроде году в восемьдесят...

— Третьем. – продолжил он. – Да, я знаю «Узбека». Знал.

— Так вот, у него был друг из Пятого Управления. Андрей Камилов, позывной «Камин». Они оба эмигрировали из СССР еще в начале девяностых годов. Сформировали собственную партизанскую ячейку на севере страны, и взяли себе новые имена. Камилов стал Акифом Шарли, а Джавалов... Шарифом Аль-Фараши.

— Аль-Фараши?! – спросил недоумевающе Груз. Для

него это была первая яркая эмоция со всего знакомства. — Ты хочешь сказать, что тридцать два года назад Среда-старший обыграл в карты Первого Генерального Секретаря Центрального Комитета Коммунистической Партии Афганистана?!

— Именно так. — усмехнувшись, ответила Алиса. — Они начали вести подпольную борьбу против банд, выстроили целую агентурную сеть в стране, по опыту действия СССР в Афганистане. Они оба боевые офицеры и это не заняло много времени. Между прочим, они вели очень эффективную борьбу против исламистов. В девяносто шестом году они насчитывали в боевом крыле больше двухсот человек, и сорок пять тайных агентов внутри Талибана. В тот год они примкнули к закрепившейся на севере страны группировке Массуда, которая оказалась там после того, как ДРА перестала существовать. А в две тысячи первом, во время нашего вторжения в Афганистан, Фараши и Шарли вышли на выгодный контакт с ЦРУ, заявив о себе, как о сепаратной силе Талибану и как о лояльных к Западу повстанцах, которых можно было бы привести к власти в стране. Они вывернули собственную политику наизнанку, но лишь подыгрывали нам. Я была посредником на переговорах, мы спонсировали их оружием, в том числе оружием «Циркона», и разведданными ЦРУ. И, что самое интересное, одновременно с этим, тем же самым занялись Израиль, Иран и Китай. И знаете, что?

— Они стали армией. – скупое ответила Ульяна, выдохнув дым. – Панджшерская революция.

— Именно! Панджшерская революция. – развела руками Купер, повторив. – Тогда даже я опешила от такого. Два чекиста провели весь белый свет, и насколько искусно! Седьмого ноября второго года части «Северного Ветра» – так называли фронт Фараши – входят в Кабул! Они начали вести боевые действия как против Талибов, как и обещали, так и против США!

— Вам не привыкать. В вас весь белый свет стрелял в развязанных вами войнах.

— Да, Груз, ты снова прав. Но сейчас не об этом. – выдохнув, скосилась она на него. Но как-то не зло, скорее понимающе. – Из-за развернутой сети информаторов внутри группировок террористов-исламистов, «Северный Ветер» разбивает Талибов изнутри чуть ли не за год. Тогда головы полевых командиров просто градом на землю летели. Террористы распались, сами того не поняв. За два года группировка Фараши занимает Мазари-Шариф, Баграм, провинцию Панджшер, Кундуз, Балх и начинает боевые действия напрямую против нас. Это был ожидаемый, но невероятно неприятный шаг. Мы разрываем все теневое сотрудничество, но нашу нишу занимает сперва Иран, а затем и Пекин подтягивается. Им обоим не нравилось наше присутствие в регионе, и они рвали собственные экономические задницы, чтобы только убрать нас из центра Евразии. Афганистан накачали оружи-

ем. Мы пытались запретить торговать с ним Израилю, но в итоге в Армии СРА оказываются танки «Тиран». И не успевает начаться полномасштабная операция по противостоянию США, как тут же объявляется о создании этой самой СРА – Социалистической Республики Афганистан. Это две тысячи третий год...

— Действительно долгая история. – заметил Среда.

Он прошелся по помещению и остановится у самых окон. Но увидел он только то, как дождь плавно заливает улицы. Ливневая канализация не могла справиться с подобным напором, и потоки воды вылились на улицы. Это было сравни потопу, но вот вода шла не с океана, а напрямиком с небес.

— А Иран?

— Что Иран, Дима?

— Как Иран фактически оказался в составе Афганистана?

— Он был главным союзником. – пояснила Ульяна.

— Не просто главным. – мотнула головой тут Алиса. – Он был ключевым союзником. По не подтвержденным данным, объемы поставок некоторых товаров превышали китайские. Он вплотную завязывал собственную экономику с экономикой соседа, так как видел в нем выгодного союзника и экономический регион, который позволит Тегерану озолотиться на сбыте собственного товара. Ровно, как и Китай. В четвертом году был предложен первый план Гардезского блока. Про это-то точно все на этой планете слышали. Тогда его не приняли из-за войны, однако сотрудничество продолжи-

лось. Но тут бам! – поджала губки она, на секунду замолчав. – Происходит надлом в иранском обществе. Это ЦРУ постаралось, хотя я говорила, что ни к чему хорошему это не приведет. Некоторые провинции у моря объявили о создании Южного Ирана, который затем, фиктивным референдумом отделили от Северного. Первый стал марионеткой Саудовской Аравии и их союзников, а вот второй – был уже вплотную подвязан на Пекин и Кабул.

— Сколько раз ты сказала слово «Пекин»? – усмехнулся Среда, повернувшись от окон.

— Поверь, еще недостаточно. Так вот. Основные боевые действия СРА с нами прекратились еще в две тысячи пятом. Бои были малочисленные, очень затяжные. Пентагон понял, что выбора не осталось, но Белый Дом рисковал снова получить антивоенные настроения, как после Вьетнама, а потому настаивал на продолжении войны. А тем временем Афганистан принимает приглашение в Гардесский блок. И вот он – первый удар по Ближневосточной политике всего нашего мира! Все, кто хотел получить хоть кусок земли около Кабула, теперь могли закатать губу и понюхать афганский кулак. Ты хотел знать про Пекин, Дима. Так вот, сейчас пойдет самое интересное. После...

— Послевоенный рост. – опередил и перебил ее Груз.

— Да, спасибо. – учтиво ответила та. – Именно это я...

— ...и хотела сказать. – снова перебил ее он.

С мгновение она, не моргая, глядела на него своими сини-

ми бездонными глазами. Но не сверлила, как делает Ульяна. Скорее, разочарованно пыталась изучить каждую морщинку на его старом, явно выдавшем жизнь, лице. Ей было... обидно? Обидно видеть его таким? Груз же на это эмоционально не реагировал. Он смотрел спокойно и размеренно, но скрестил руки, в своей обычной манере, вдохнув и выдохнув широкой грудью.

— Мы вышли в две тысячи седьмом. — отвернулась от него Алиса. Смотрела теперь на Диму, практически не спуская с него своих глаз. — После всех войн, у них осталась достаточная промышленная база. Основной костяк ее составляли предприятия и энергоплощадки построенные еще при живом Советском Союзе, с самых семидесятых. А запустили они производство на этих предприятиях в том числе с помощью специалистов из Китая. А также Кубы и все того же Ирана. У них был государственный план, и объявленный курс на ближневосточную социалистическую экономическую революцию. Первоочередной задачей стали модернизация уже имеющихся производств и создание новых. Это им, внимание, невероятная новость, удалось. Афганистан и Иран, в составе Гардезского Блока начали полное технологическое и военное перевооружение страны. Они быстро стали настоящими технологическими жемчужинами на всем Ближнем Востоке. В том числе и в сфере армии. При Фараши, уже как при Генсеке ЦК КПА, армия Афганистана стала насчитывать до полумиллиона человек.

— ...А Громов говорил триста тысяч. – усмехнулась Ульяна, докуривая сигарету.

— Это данные на саму территорию Афганистана. – пояснила Алиса. – В целом, Громов был недалеко от правды. Только он не учел иностранные базы Афганистана, в том числе и в Иране.

— Да, знаю. – ответила та ей. – Я занималась анализом их боеспособности. Как оказалось, я была права. Их сеть баз слишком походит на вашу. У них очень хорошо развита система мобильных подразделений. Они могут перебрасывать технику и людей за считанные часы из конца в конец всего континента. Хорошо развиты еще и инженерно-технические войска. Они ставят базы всего за несколько дней! Еще году в... десятом, наверное... я видела, как они организовали взлетную полосу для транспортных самолетов. Не прошло и двадцати минут, как туда сел их Ан-22.

— Да, все именно так. Но... – повернулась обратно к столу Алиса. – В девятом году опять вмешался Китай. Их не устраивала слишком явная обособленность Кабула от Пекинской политики в регионе. Если коротко, то их не устраивала экономическая модель, которая не предусматривала вливание в сферу промышленного производства рыночных реформ. Еще проще говоря, Китаю не нужен был «советский» социализм там. Ему нужен был свой, с миллиардерами. В Кабуле сместили Фараши, и заменили его более лояльным китайской модели лидером. Каримом Салани. Под его рукой

Афганистан стал более мягок в политике с Китаем, смягчил свой радикальный курс на ближневосточную социалистическую революцию и стал податливее домашнего кота. Но вот Россия...

— Наш олигархат это не устроило? – спросила Ульяна, уже зная ответ на этот вопрос. – Кто же захочет лишаться выгодного рынка, и дешевой на тот момент рабочей силы под собственной рукой.

— Тут скорее вопрос нефти. – предположил Груз. – Старая песня.

— Да, они не поделили нефть. – согласилась с ним Купер. – А конкретнее, ее добычу в Каспийском и Прикавказском бассейне. А также ее поставку в Европу и Турцию, поскольку Афганская нефть оказалась дешевле. Кабул организовал доставку своего черного золота в обход российских трубопроводов в Европу, чем очень сильно ударил по капиталам некоторых русских магнатов. Такой шаг практически обанкротил «КаспийНефть». Помните эту компанию? У нее еще утечка дизельного топлива в реку была. Тогда опять оказался виноват Советский Союз. Так вот, из-за этой грязной игры, Москва разорвала все контакты с Кабулом, и фактически перешла в прямую конфронтацию. Но те не стояли на месте и снова понадеялись на Пекин. И не зря! Китай построил в Афганистане три атомные станции, и в обмен на нефтегазовые ресурсы поставил афганцам несколько тысяч готовых станочных предприятий и предприятий тяжелого машино-

строения. Из них выстроили Североиранский промышленный комплекс, кстати. Первый «Алладин» они выпустили на нем, все в том же, десятом году. Итог: Афганистан обходит Россию по части тяжелой станкостроительной промышленности и поставляет в Европу, Африку и Южную Америку, а также на весь Ближний Восток цельные станки и комплектующие к ним.

— Мы тоже их покупаем, Алиса. Слышала и такое.

— Да, как ни прискорбно. Пусть Россия и наложила вето на членство Афганистана в ООН, но она все равно теневыми путями покупает их станки и части промышленного оборудования. Но не стоит думать, что все идеально. Афганистан – чистейший империалист, как и мы, и Россия, и наш общий китайский друг. Он присутствует в Ираке, Пакистане, Омане и Кувейте, купил несколько нефтяных месторождений в Персидском заливе, а некоторые из них отнял силой ЧВК. Имеет промышленные мощности, в основном основанные на добыче полезных ископаемых, в Африке, Латинской и Южной Америках, имеет территориальные претензии к Таджикистану и Узбекистану. Добавьте в этот пирог из денег, и нефти щепотку традиционных ценностей, из-за которых на улицах бьют девушек без платков на голове и не пускают в управляющие органы, сотню миллиардеров, на состояние которых можно было бы купить Коста-Рику со всем населением, и вы получите образ Афганистана сейчас. Похоже это на то, что может оказаться для России лучше Со-

единенных Штатов?

— Да уж, ну и картинка... — цокнул Среда. Вернулся от окна к столу. — Но, если он наш явный противник, почему тогда... Каспий? Зачем тогда Афганистану все эти игрища с Москвой и Кавказом. Почему бы ему было не остановиться на перевороте?

— Это загадка, которая скоро окажется разгаданной, Дима. — вдруг встала и Алиса.

Она пальцем провела по разложенным документам и выдернула какой-то обрывок донесения. В нем были записаны от руки какие-то значения. И стояла печать. Купер протянула этот листок Среде. Тот взял и быстро пробежался глазами по нему.

— Каждый день вижу эти фамилии в телевизоре.

— Это российские олигархи, которые, как один, перевели свои средства из европейских банков на подготовленные для них офшоры. Здесь, кстати, и Громов-младший есть. — показала пальцем в листок у него в руках она. — Вот, сто пятьдесят девятый. А на перевороте Кабул не остановился, потому что в России сейчас по сути двоецарствие капитала. Одна часть из него, менее известная в широких кругах, но не менее весомая, в этой бумажке. И эта часть готова на движение на встречу Афганистану и Пекину. В то время, как часть, сформировавшаяся в основном на фоне событий девяностых, закаменела и не собирается изменять Европейской финансовой политике. Как по мне, переворот не был самоцелью. Он

был скорее инструментом, чтобы отделить одно крыло финансового капитала от власти и пустить к ней представителя другого крыла. Это слишком крупная игра за ширмой. О ней знаю только те, кто хочет знать об этом. Простому обывателю кажется, что все идет от благородства, от цели сместь «проклятый Запад». Но на деле – это огромные деньги, которые рискуют оказаться не распиленными. Вот тебе и все благородство. Пока на Кавказе и Каспийском мире гибнут десантники, танкисты и морпехи, пока война перетирает на собственный корм десятки тысяч гражданских жизней, люди в этом, да и в других моих списках думают только о том, как бы урвать кусок мира и не подавиться им. Вот что такое политика сегодня.

— О, дивный новый мир... – Среда убрал листок от глаз, выдохнув. Он посмотрел на Алису, и все еще не мог поверить, что подобное ему говорит директор ЦРУ.

— Но главный зверь все еще за кулисами. – потеряла висок Купер. – Все еще только начинается. Мы перехватили у «Северного Ветра» – это афганская разведка, на манер советского КГБ – информацию о некоем плане «Атлант». Скорее всего, но мы не знаем точно, и нет достоверной информации, это план новой мировой войны. Их задача, чтобы завоевать большие территории для собственного финансового сектора, раскачать наш мир и сравнить США и Россию в Европе. И все, что было до этого: Берлин, Москва, Кавказ... все это покажется просто хлопущками. Единственное, что меня ра-

дует, так это то, что российские ракеты рискуют не получить премию за первый удар. И это невероятно хорошо, Ульяна. Остались только наши и необходимо не дать взлететь и им. Иначе по миру пронесется ядерный вальс...

Этот эпитет прозвучал в полной тишине. Все слушали Купер внимательно и очень сосредоточенно. Но понятно, что ничего нового в плане готовящихся событий не было. Война? А кто-то после речей по телевизору, заметок в газетах и интервью политиков, ее боялся? Все понимали, что она неизбежна, что она случится в любом случае. И каждая из сторон была уверена в том, что ее действия правильные, а цели правительств благородны. Все говорили ведь о защите людей, о том, что вероломный враг будет повержен – все как под одну копірку. Справедливость, равенство, и чуть ли не братство. Естественно, между одним народом, против другого. Но вот задокументированные причины оказались интересными. Вся линия, приведшая к этому оказалась строго противоположной тому, что крутилось в информационном поле планеты не один год. Никто не мог и подумать, что все обернется хитрым ближневосточным гамбитом, в котором проигравшими окажутся сразу два мировых капиталистических гегемона. Один – побольше, захвативший своими путями весь мир, а другой поменьше – региональный гигант, собравший в ежовую рублевую перчатку все бывшие республики, что еще не поддались и не прогнулись под Запад или Восток. Действительно, дивный новый мир... Мир социали-

стически-капиталистического «джихада».

А за окном все стало совсем темно. И как разговор закончился, стало даже скучно. Каждый из находившихся в комнате потихоньку уплывал в свои мысли, думал и гадал на будущее, анализировал прошлое, перебирал в голове образы и обрывки недосказанных фраз. Под тот ливень, царивший на улице, думалось хорошо. Не отвлекало севшее за горизонт солнце, не отнимали внимание скрытые за непроглядными, будто бронированными, грозowymi тучами, звезды. А блеск молний лишь помогал иногда приходиться в себя, не забредать в собственную подкорку мозга. Гром был приглушен – его гасили толстые бронированные, но при том хрустально прозрачные стекла балкона. Погода стала совсем не летной. Как раз под стать этому разговору и этой ситуации. Зловещие нотки так и витали в воздухе...

Раздался чирк спичками. Ульяна, быстро поднеся огонек к губам закурила очередную сигарету. Среда все еще не могла понять, как при таком объеме папирос она до сих пор не схватила паралич сердца, рак, слепоту или хотя бы пародонтоз, что обычно обещает каждая пачка этих бумажных солдатиков смерти. Глубоко вдохнув, Вирхова поглядела на Диму, и немного ему, что удивительно, улыбнулась. Но получилось как-то хитро, не по-доброму. Подпитывал это ощущение еще и ее шрам на пол лица, который по обыкновению, приходил в движение вместе с губами. Страшное увечье не добавляло ей доброты, хотя Среда знал, что злости она сей-

час не испытывает.

— Может... – несколько робко обратилась Алиса. – Я могу угостить вас чем-нибудь? Кто-нибудь хочет выпить?

Становилось понятно, что это обращение было к одному единственному, совершенно конкретному человеку. Но чтобы не вычленять его из общей, уже закаменевшей команды, она обратилась ко всем – верный ход. И Ульяна сразу это поняла. Не отпуская взгляда с Димы, она немного мотнула головой, чтобы он не соглашался.

— Нет, спасибо. – размеренно произнесла Вирхова, стряхивая пепел с папиросы. – Цирроза печени боюсь.

— Я тоже пас. Погода-таки сегодня не шепчет. – показал через плечо большим пальцем на окна Среда. – Выпью, когда все это разрешится. Тогда и радостнее будет.

— Совсем никто не составит мне компанию? – будто риторически произнесла она, поворачиваясь на Груза. – У меня есть хорошее белое вино.

Дима вдруг подумал, что не даром ее зовут Алисой. Хитрая и изворотливая лисица, наверняка не такая простая, какой кажется на первый взгляд. Этим и была притягательна. Там, где Моргана бы промолчала или спросила очень робко, где Ульяна пошла бы на пролом и скорее всего просто схватила бы за руку и повела, она играла на чувствах и тонких психологических ниточках. Не таких, конечно, тонких, чтобы матерый и старый чекист этого не понял, но все же. Ее основной упор шел на «договориться». Действительно, ди-

ректор ЦРУ должен был уметь договориться, особенно, когда играл сразу на две стороны. Штирлиц в теле прекрасной беловолосой балерины...

— Надеюсь, хотя бы в этот раз ты не совершь мне. – скептически повел скулой Груз. – И у тебя действительно есть хорошее, белое, так еще и вино.

— Тогда, прошу... – указала она рукой на дальний угол помещения. Туда, где была кухонька с серебристым большим холодильником. – ... позволь, я докажу тебе.

Хмыкнув, и не доверительно поведя глазами в сторону Ульяны, которая на это совсем никак не отреагировала, чекист пошел в указанном направлении. Рук с груди он не размыкал, шел спокойно и размеренно, своим длинным чеканным шагом. За ним, почти не слышимой босоногой поступью подалась и Алиса. Она была внешне спокойна, но что-то в ней подсказывало, она готовилась к странному и не очень ей нравящемуся уже даже на этом этапе, еще не начавшемуся разговору. Однако, Купер считала, что ей нужно было это сделать. Среда же присел поближе к Ульяне, которая спокойно копошилась в сверхсекретных документах США, надев на нос свои очки. И вдруг тихо, чтобы слышала только она, спросил:

— Что это с ними? Сколько ей лет?

— На сегодня хватит очень долгих историй, Дима. – ответила та, даже не поднимая глаз из бумаг.

... Осторожно открыв холодильник, Алиса достала из пух-

лой метало-пластиковой дверцы бутылку вина. Не соврала – действительно было. И даже на этикетке значилось как «сухое белое», родом из Италии. Ей их наверняка привозили ящиками, ведь имея такой достаток, какой смысл разбазаривать его на мелкую розничную покупку. Чуть поднявшись на пальчиках босых ног, она достала из верхнего шкафа-гарнитура пару вытянутых хрустальных бокалов. Поставив их на стол, достала штопор и попыталась открыть бутылку. Но... не получилось?

— Поможешь мне открыть? – попросила она.

— Твою штучки сейчас не пройдут. – скупно произнес Груз. Однако бутылку взял. – Ты не напряглась даже на половину.

Под его рукой пробка сдалась и в миг из горлышка начал доноситься манящий и вкусный аромат выдержанного вина из созревшего итальянского винограда. Из-за разницы давлений даже появился витиеватый пар, который робко вырывался из стекла наружу. Бутылка покрылась испариной, и пара крупных капель скатилась и по рукам Груза.

— Позволь я... – будто сапер, разминирующий бомбу, она осторожно сглотнула, беря бутылку у него из рук. Своими тонкими и красивыми пальцами коснулась его руки, мягко проведя по ней. Груз все еще был спокоен, однако уже не отворачивался. – ... я разолью. Я ведь обещала угостить тебя.

— Ты совсем не изменилась. – усмехнулся он вдруг, глядя на то, как вино наполняет бокалы.

— Зато тебе невероятно походит возраст. – не поворачиваясь, ответила она, подняв обе брови. Налив и себе в бокал, поставила бутылку на стол. Обхватив пальцами фужер, поднесла его к губам, пробуя. Отравлено оно, естественно, не было. – Ты сохранил форму. Стал солидным и уважаемым пожилым человеком. Ветераном советской контрразведки.

— И своей контрразведке я остаюсь верен. – тот отпил.

— Груз, я...

— Пей вино, Алиса. – приказным тоном ответил он. – Ты оказалась права. Действительно хорошее.

— Я хочу, чтобы ты понял меня.

— Я знаю достаточно фактов для собственного мнения. В твоих разъяснениях я не нуждаюсь. Может, мне рассказать Диме, что ты – прохвостка, которая провела не только меня, но еще и его отца в Афганистане? Как думаешь, после этого он купится на твои рубашки и босые ножки?

— Если ты об этом говоришь, значит ты заметил... – грустно усмехнулась она, поправив пуговицу на груди. – Я...

— Не ты. – он перебил ее. – Ведь ты не здесь. Ты осталась в Кабуле. Тридцать лет назад. И пусть там ты будешь здорова.

Он легонько коснулся ее фужера своим. Тишину паузы прервал едва слышимый звон бокалов. Как бы не хотел, но он все же чокнулся с ней. И допил фужер в один залп, вообще не спуская с нее глаз. Алиса, опустив свой синий, неповторимый взгляд, держала хрусталь в руках, все не решаясь поднести его к губам и выпить вино. Она понимала, что он

ей говорил, и не хотела пить за собственное здоровье в прошлом. Для него ее больше не существовало, и эту ситуацию навряд ли можно было уже поправить. Ее долг оказался настолько чудовищным, что не имел прощения, даже по сроку давности... Это было тридцать лет назад...

— Извини меня. – попросила она, едва слышно сглотнув.

— Нет. – ответил тот, поставив фужер на стол.

— Хочешь еще вина? – уже подняла и поднесла она бутылку к его фужеру. Как вдруг его накрыла квадратная и большая мужская ладонь. – Хорошо, есть сыр, мясо, могу предложить панкейки. Блинчики, то есть, я вчера готовила.

— Мне ничего от тебя не нужно, Лис. Не пытайся. Как только все это закончится, я вернусь в то, что останется от Германии, и забуду про тебя и твои блины. Боюсь, еще одного потрясения мое сердце просто не выдержит.

— Я была обязана попытаться...

Выдохнув, она кинула свой недопитый фужер прямо в вытесанную из камня раковину. Хрусталь, с звоном и хрустом, разбился на десятки различных по размеру осколков. Дорогое вино начало, шумно хлюпая, утекать в канализацию. Второй фужер отправился туда же. Кратковременная и практически не заметная ее истерика на этом и закончилась. Поправив белые волосы на голове, проверив, надежно ли держится ее пучок на затылке, затянутый двумя японскими палочками, Алиса более спокойно, снова играя свою роль неприступной разведчицы, глянула на Груза. Но тот снова

отвернулся. Душевный разговор был для него закончен, все остальное, что будет потом – только по делу. Ситуация не изменилась, и Алиса, как никогда почувствовала, что попусту сотрясла воздух и зазря избавилась от двух хороших хрустальных бокалов. Повернуть к себе эту крепость банальными уловками и игрой на ностальгии минувших дней не получилось. Оставалось сейчас только одно – признать собственное поражение и заниматься работой.

Но поднимать белый флаг оказалось некогда. В кармане завибрировал сложенный наушник с длинным микрофоном. Достав его, и посмотрев на то, кто пытался связаться, Купер надела его на ухо, прижимая пальцем. На том конце оказался Лиски.

— Да, Рок-н-ролл, говори.

— Лис, у тебя есть доступ к базам данных береговой обороны? Я только что был в Лэнгли, говорят, у них какие-то неполадки. Пропало три патрульных самолета «Орион», к северу от Бермудских островов. Одновременно с этим на связь не вышел противолодочный фрегат «Джимми Сэмсон».

— Не удивительно, такая непогода. – скептически, но настороженно произнесла она. Быстрым шагом прошла до стола и достала из одного из ящичков ноутбук, открыв его.

— Они были за грозовым фронтом, и держали связь через «самолет-тарелку».

— А что с «тарелкой»? – поинтересовалась она.

— Она исчезла на развороте. — ответил с той стороны динамика Джек. — У них тут творится настоящая чертовщина. Моряки интересуются о том, как это так может быть. Взлом системы?

— Навряд ли, Рок. Ты сейчас в вертолете?

— В пяти минутах от «Циркона». Я возвращаюсь.

— Что за черт? — спросила себя Алиса.

Она быстро стучала по клавишам и пыталась понять, как береговая служба ВМС умудрилась потерять в один миг сразу четыре самолета и приданный к ним противолодочный корабль. Группировка Американских кораблей в Северной Атлантике сопровождала конвой в Европу, в то время как все оставшиеся силы, в основном береговой обороны и радиолокационной разведки, были невероятно близко к территориальной части США. «Сэмсон» был чуть ли не единственным кораблем на образовавшейся брешке между двумя линиями обороны — близкой и дальней. Все начинало приобретать невероятно негативную окраску. Поджав зубы и прикусив губу, Купер пыталась понять, что происходит. В то время как остальные пытались понять, что она вообще делает.

— Точно не взлом. Паки говорил, что это займет намного больше времени и мы узнаем. Рок, сможешь оперативно получить разрешение на пролет самолета-шпиона к востоку от Гамильтона. Думаю, нам нужен радиус поиска в сто или сто пятьдесят километров.

— Не думаю, Элис, они там все на ушах. А что мы ищем?

— Русские корабли и подлодки. Это сравни «морскому бою». Русская игра, я тебе рассказывала.

— Русские корабли?! – усмехнулся Лиски на том конце. – Как они, по-твоему, будут нас атаковать? В Северной Атлантике весь наш флот!

— Поэтому я и хочу пролет шпиона не на севере Атлантики, Рок-н-ролл. – выдохнула она.

— Элис, я перезвоню.

Часть 4

...Группа черных внедорожников медленно ехала по улицам Вашингтона. В салонах было по пять крепких и здоровых мужчин, каждый из которых сжимал в руках цевье бесшумного автомата «Вал». В магнитоле головного транспорта на слабой громкости играли «Земляне». «Трава у дома». Хотя дом тот был слишком далеко.

Вдруг, покинув царство перекрестков и светофоров, внедорожники направились по практически пустой улице на выезд из города, на Запад. Дождь хлестал по лобовому стеклу, шумел, разбиваясь об металл капота и крыши. Дворники не справлялись с чудовищной нагрузкой, а под «рокот космодрома» постоянно били молнии, и над головой разверзалась громовая канонада. Каждый из крепких мужчин знал на что шел, и почему он шел на это. Ничего личного, им заплатили.

— Слышь, Череп, че по сопротивлению? – вдруг спросил

один из наемников с заднего сидения.

— Лохи. – ответил ему командир с пассажирского переднего сидения. – «Хельга», я «Тор-1», выход на огневой рубеж через пол минуты.

— «Тор-1», поняла вас. Тридцать секунд. – ответила девушка по радиации. – Вспышка через сорок.

— Принял, «Хельга».

— Куплю себе «Порше», и буду ездить по Невскому, катать девчонок... – усмехнулся вдруг один из наемников.

...Среда, сам того не понимая, вдруг повернулся и прошагал по комнате. Какая-то не слишком удачная пауза вдруг оборвала эфир между Лиски и Алисой. Последняя усиленно что-то пыталась нарыть в своем ноутбуке, нагнувшись над столом. Груз снова приземлился в мягкое кресло и натужно выдохнул. Дима понял, что тот разговор, который они с Купер провели, не повлиял на него положительно. Старик был вынужден сейчас переваривать все, что услышал. Спокойной же, как кит в синем море, оставалась неспешно покуривающая Ульяна. Самозабвенно, никуда не смотря конкретно, она пускала дымные колечки в потолок, то и дело прерываясь на то, чтобы затянуться или смахнуть пепел. Ее уже не сильно интересовали скупые бумаги ЦРУ. Еще бы, когда под боком есть начальник этой структуры, все можно обсудить куда более живо. Сразу – интересный диалог, так еще и выяснение причин и последствий. Сплошная благодать. Интересно только было, как у генерал-майора России, ярой про-

тивницы капитализма, появилось такое знакомство в виде, вероятно, даже ключевого лица передового капиталистического гиганта...

Этот вопрос интересовал Диму. Не вольно задумавшись над этим – Афганистан, все-таки это было, наверное, в Афганистане, говорил он себе – повернулся к широким окнам, в которые бил треклятый дождь. Погодка была что-надо... для того, кому уже ничего и не надо. Но, проходную мощного промышленного завода все-таки было слегка видно. Она находилась внизу, всего в нескольких десятках метров, освещенная парой мощных светодиодных фонарей. Светили они так, что даже через сплошную стену из дождя было видно будку охранника и его самого – поджарого, одетого в форму армии США, негра. Неспешно попивая кофе, охранник, Среда не мог рассмотреть этого точно, крутил на пальце предупредительный свисток, и неудобно ерзал на кожаном мягком кресле. Действительно ведь – все было для сотрудников. Усмехнувшись тому, что Алиса, по совокупности факторов теперь, действительно больше походила на озверевшего коммунистического медведя в серой промышленной волчьей шкуре, Среда вдруг заметил какое-то движение около фонарей. Парочка рабочих решила войти на территорию предприятия, и охранник остановил их для досмотра.

В этот же момент к проходной подъехали, кивнув от резкого нажатия по тормозам, четыре или пять, дождь скрывал хвост этой вереницы, черных внедорожника. Из них показав-

лись размытые в непогоде силуэты. И тут Дима насторожился:

— Алиса, вы ждали делегацию? – спросил он, не поворачиваясь.

— Делегацию? – вдруг повторила она, распрямляясь. – Нет, не ждали...

— Четыре или пять «Кадиллаков», стоят у вашей проходной. ФБР?

— Нет, не они. – приблизившись, Купер тоже посмотрела в окно. Мгновенно все поняв, резко выдохнула. – Рок, у нас...

Над центром города вдруг что-то вспыхнуло. Это было настолько непродолжительно и мгновенно, что никто не успел увидеть что-то конкретное. Но эффект это возымело просто колоссальный. Волной погас всяческий свет, который был. Все фонари, до этого едва-едва справлявшиеся с темнотой и непогодой, Капитолий, сверкавший вдалеке, огни дорогих машин, выстроившихся в колонны на дорогах – все это осталось в прошлом, в мгновенном воспоминании, что еще несколько секунд назад было явью. Вся энергосеть огромного города лежала у ног неизвестной, но очевидной армии. Вторжение начиналось с невероятного и неожиданного хода.

Алиса сорвала с уха отключившийся наушник. Огромное помещение вдруг охватила практически непроглядная темнота. Не было видно даже всех тех, кто находился внутри. Единственным слабым огоньком оставался кончик почти до-

куренной Ульяной папиросы. Однако та ее быстро кинула в пепельницу, не загасив.

— Что со светом? – по звуку вставая, спросила Вирхова.

— Электромагнитная атака! – разгоряченно ответила ей Купер, резко мотнув головой. – Это тот исход, который мы не просчитывали.

— Громов сумел удивить. – спокойным оставался только Груз.

Среда почувствовал, как около желудка, между ребрами и тазом что-то вдруг зазудело, зашевелилось – потаенное чувство опасности. Ладно городские бои, ладно высота Останкино и коралловые твари в Берлине. Но это! Это самое настоящее начало Третьей Мировой Войны! Больше не будет искр, больше не будет предтеч и истоков. Всю компанию, резко, ударив головой об пороги и окунув в ледяную воду, закинуло в русло буйного горного потока, что мчался напрямую к бездонному водопаду! Все, теперь безопасного уголка не будет – мир охватили боевые действия. И это не было одним лишь ощущением, не было это наигранным для самого себя паникерством. Среда увидел, как группа наемников штурмует ворота предприятия, как хлопают там приглушенные выстрелы из «Валов», как отчаянно сражается американский военный гарнизон, но гибнет под умением и численным превосходством противника. Как ни крути, наемники были пусть и выброшенной на помойку жизни, маргинальной, но все-таки элитой армии, с которой можно и нужно

было бы считаться. Просто чтобы прожить подольше.

Штурм ее предприятия несколько не воодушевлял Купер, а было бы странно. Наоборот, ее раздирало чувство того, что она не предвидела, не просчитала. Господи, как же она, как и все командование, была глупа. Оно считало, что Громов кинет собственные войска на прорыв Европы, не решив вопрос с США. Думало, что оно может, что оно сильнее противника, пока противник не нанес сокрушающий удар. Укол булавкой, но в самое сердце. Не нужно было думать, и не нужно было уже гадать, что практически вся основная оборона, практически вся связь и взаимодействие подразделений теперь оказались выключены всего одним устройством. Без света и электричества был Пентагон. Капитолий оказался для собственных обитателей, как и Белый Дом, простой белокаменной ловушкой с кучей охраны, и вероятных диверсантов. Это готовилось, это было придумано, и все шло к этому, но нет! Не увидели, не предугадали, снова думали, что самые лучшие на этой планете, что самые исключительные и спасаемые самим Богом. Что ж, теперь Дьявол утаскивал звездно-полосатую страну в свой, разверзающийся военный ад.

Теперь осталось только надеяться, чтобы не было удара самым главным оружием. Диалог можно забыть, можно забыть попытки убедить и договориться со странами. Цель одна – не дать атомному ядру разделиться в боеголовках ракет, не дать убить семь миллиардов жизней. И эта задача ло-

жила на, итак, уже изношенные плечи интернациональной команды из бывших силовиков, уже не раз доказавших, что никто, кроме них, не сделает этого.

– Вот бляди. – бросила Вирхова, глянув из-за бронированных стекол на наемников, практически невидимых в ночи и дожде. Однако, фигуры теперь были несколько различимы, ведь глаза привыкли и к темноте, и к непогоде. – Они прорывают периметр.

— Надо валить отсюда нахрен! – предложил Среда. – Мы-таки тут все только при боевых заслугах, а они с «Валами»!

— Мы на оружейном предприятии, Дима. – уже знал развитие событий Груз.

Купер не стала вмешиваться в незначительную перепалку. Она быстро прошла своими босыми ногами по нагретому полу до какого-то участка в стене. Затем, легким ударом колена разбила штукатурку и потянула на себя массивное красное кольцо. Вслед за этим кольцом из стены выехал целый оружейный шкаф, набитый автоматами и винтовками, снаряжением и униформой под завязку. У нее там было все: от бронежилетов и гранат, до экспериментальных систем связи, которые брать, однако, было опасно. Еще не прошли проверку. Здесь были целые ящики с атомными зажигательными пулями, которыми Среда и Моргана уже работали в Берлине. На них и пал основной выбор, все-таки наемники были укомплектованы как надо – шлема и полная бронезащита. Расковырять таких «танков» было не самой простой задачей.

Здесь же были и укомплектованные уже, на самый экстренный случай, рюкзаки с провиантом и снаряжением.

Один и таких и взвалила на плечи Алиса, сразу после того, как надела на себя бронежилет и осторожно сунула босые ноги сперва в носки, а затем в кроссовки. В дожде, который потихоньку превращался в настоящее наводнение, обувь была не важна. В любом случае все, что может, промокнет и разбухнет, натрется и устанет. Так почему бы не взять то, что весит меньше и очевидно удобнее?

— Всем по рюкзаку. — Купер подала один из них Среде. — В них все необходимое для городских боев и дальнейшего выживания. Химические источники света. — кинула пару палочек Ульяне, предварительно размяв их, и добившись ровного желтого свечения. — Вместо фонарей. Все, что сложнее батареек, вышло из строя и не работает, так что потянет.

Среда, уже надев на себя все необходимое из защиты, последним делом схватил со стенда Калашников. Восточногерманский. Наверное, подумалось ему на мгновение, в этом раздолье из вооружения он был сродни динозавру в технопарке, но еще работал, плевался огнем. Не подведет.

Вдруг в проходе показался человек. Его в нынешнем положении вещей можно было опознать только по густой черной бороде. Это был уже собранный и вооруженный Самир.

— Куп, две ракеты прилетели по нашей подстанции. — доложил он, отдышавшись. Явно видел это своими глазами и сразу решил поделиться. — Еще несколько рухнули на энер-

гообъекты к северу и к югу. Резервного питания не будет.

– Значит в темноте мы надолго... – выдохнула вдруг та, передернув затвор карабина. – Это может оказаться нам на руку. Что с Лиски?

— Вертушка с Роком должна была быть уже над предприятием. – пожал плечами араб. – Я думаю он упал где-то за пятым или четвертым ангаром. Там лужайка, может даже выжил. Сейчас важнее то, что нам разрывают оборону.

— Сколько наемников? – спросила она, зашагав по коридору.

— Не меньше двух десятков... Справимся?

— Справимся. – утешила его вдруг Ульяна, прихлопнув по плечу.

В темноте коридоры административного здания «Циркона» выглядели уже не так красиво и эстетично, как при проведенном центральном и технологичном освещении. Витрины с чертежами, макеты и изображения стали черными дырами, аккумуляторами темноты. Провалами казались лестничные площадки и открытые двери на них. А в окна и во все можно было не смотреть – если какой свет и пробивался в них, так это далекие вспышки прилетающих с подводных лодок тактических ракет. Войска Громова, и втянутый в его подчинение Северный Флот отрабатывал по целям слишком хорошо. В бой шли все средства поражения – от средних и крупных тактических ракет с кораблей и поднявшихся в небо над сплошным грозовым фронтом стратегических

бомбардировщиков, до ракет с атомных подводных крейсеров. Вероятно, таких же, какими были «Воркута» и «Прометей». Земля стала содрогаться чаще, чаще стали слышаться разрывы воздуха. Половина на половину – гром и молнии, и прилеты ракет. Стальной шквал бушевал над Америкой, на ее столицу лился дождь из боеголовок.

Иной раз неприятно дрожали даже бронированные стекла административного здания «Циркона». Промышленный оружейный комплекс был слишком лакомой целью для ракет, и Алиса уже несколько раз успела увидеть, как в мгновение вспышках и газо-пылевых облаках от взрывов исчезали ее ангары, сгорали ее сотрудники и рабочие, которые пытались эвакуироваться, как ломались ее промышленные мощности и исчезали колоссальные труды ее ученых и ее самой. Она увидела, как одна из авиационных крылатых ракет угодила в поднятую над испытательным бассейном «Грушу». Подлодку порвало пополам, и ее обломки с гулом и ревом рухнули в пустую чашу. От этого зрелища защемило ее сердце. Только первые мгновения новой мировой мясорубки, а Громов уже резал Алису по живому. Ее огромное детище, ее вылизанный и идеально собранный проект всей жизни – «Циркон» – сгорал под натиском советских еще, крылатых ракет. СССР не решился, не ударил по Америке, но вот его оружие, созданное для защиты огромной территории и колоссального населения, теперь било из рук тех, кому на население было плевать. И не ревела сирена, не было

громкоговорителей. Такие понятные и узнаваемые атрибуты начала войны теперь были роскошью. Без подпитки электричеством, без уничтоженной электромагнитным импульсом микросхемы, ни один из этих «глашатаев» не работал. Люди сами, в страхе и панике, выбегали из домов и начинали искать убежища, подвалы, ямы, чтобы укрыться. На улицах царила паника и неразбериха. Машины бросались, дома пустели. Многочисленная и разномастная людская река, вместе с потоками дождевой воды, рванула по улицам Вашингтона. Как-то, наверное, так погибли Содом и Гоморра...

Но свет на улицах все-таки был. Зарево с электростанций и распределительных подстанций пробивалось даже через сплошную стену проливного серого дождя. И острыми, чудовищными и пугающими клиньями на его пути вставляли опустевшие и почерневшие дома и здания.

Вдруг одна из ракет угодила в само административное здание «Циркона». Влетев в крышу, на которой располагалась пустая вертолетная площадка, ракета разорвалась и вывернула во все стороны два этажа. Здание трянуло. Вся команда попадала на пол от резко подкосившихся ног и чудовищного удара. Сверху посыпались разбитые лампы и плафоны. Начал валиться фальш-потолок из белых пластмассовых квадратиков, который обычно используют в офисных помещениях. Из витрин с чертежами и макетами вылетело все стекло. С упоров сорвалась советская торпеда, покатым носом со звоном она ударила в пол.

— Все живы? — громко спросила Алиса, поднимая Диму на ноги. Ее потрепало, но она была, кажется, самой активной среди всех. Груз мотал головой, а Ульяна откашливалась. Все успели вовремя покинуть кабинет, и оказались в безопасности в момент прилета ракеты. — Нам надо уйти с территории.

— Хорошая идея. — с сарказмом в голосе ответил ей Груз. — Давай веди, Купер.

Первый этаж, в большинстве своем, представлял из себя широкий, с невероятно высокими потолочными сводами холл. Зеркальный, но осыпавшийся теперь стеклянной крошкой, потолок поддерживали несколько рядов массивных круглых каменных колонн, обернутых в бронированную восьмимиллиметровую надраенную до блеска сталь. Купер все предвидела, и подготовила холл собственного здания, как было нужно. В стойках регистрации и охраны было скрыто несколько броневых листов, спиленных с отслуживший свой век советских БМП и БМД. Да и сами они стояли так, что представляли скорее оборонительную линию, нежели просто элемент декора. Такие монолиты, из дерева, бетона, камня и советских пластин было не прошибить даже залпом из РПГ. Дополнительной защитой были еще и многослойные бронированные стекла, которые отделяли холл от улицы.

Однако, отряду обороны, состоявшему из отслужившего свой век чекиста и десантника, сотрудника органов госбе-

зопасности, и двух американских разведчиков, еще предстояло добраться до этого холла по просторному, но не такому широкому и высокому, коридору со множеством закрытых деревянных дверей. Изгибаясь, этот проход вел к двум металлическим створкам, за которыми был холл, а за ним – улица и открытое пространство для маневра. Необходимо было как можно быстрее выбраться под природный дождь, гром и молнии, чтобы не оказаться погребенным под рукотворной непогодой. Ведь ракеты все били и били по зданию, ложились в ангары и промышленные площади. Взрывались склады с боеприпасами, снарядами и гранатами, рвались на части огромные баки-барботёры с тяжелой водой, по округе из герметичных свинцовых контейнеров раскидывало военный уран, загрязняя чудовищные площади. Радиация на территории предприятия резко подскочила вверх. В воздухе появился привкус ржавчины, но это оказалось лучшим из всех зол. Радиация не убьет тебя сразу, оставив от твоего лица лишь бесформенное тесто. Радиация пожалеет тебя, даст посмотреть на собственные лысины, красные пятна рака и кровоподтеки, даст насладиться последними минутами с близкими и заберет тогда, когда придет понимание, что ты уже умер. А пуля нет – пуля вышибет из человека все, что делало его человеком, обезобразит и оставит умирать в грязи. А может, техногенные катастрофы все-таки не страшнее локальных войн и конфликтов, этнических чисток и резни на почве национальности и вероисповедания? Может, не стоит

бояться потрескивания счетчика Гейгера, и привкуса ржавчины на языке, отложенной смерти и раковых образований на рентгене так, как стоит бояться человека, который решил, что его существование дороже существования других?..

Вдруг, в короткий момент гробового затишья, когда по зданию не прилетали ракеты, когда не рвались за прочными стенами и бронированными окнами склады с патронами, гранатами и поленницами контейнеров с урановыми стержнями для реакторов, в одной из боковых комнат раздалось шуршание. Группа резко остановилась. Ульяна повернулась на звук, вскинув свой карабин. Осмотрев дверь, и поняв, что за той скорее всего какая-то подсобка, шумно вышибла ее ногой. Оказалась за порогом, уперев ствол оружия кому-то в лицо.

— Чарли! Чарли! – раздался знакомый голос.

— Какого черта ты тут делаешь? – спросила вдруг Ульяна, опустив автомат. – Ты же был в вертолете, придурок!

— Вертолет рухнул за первым складом. – ответил запыхавшийся Лиски. – Я влез сюда через техническую дверь, думал вас искать. Морпеха нельзя убить падением!

— Что с пилотами? – спросила его Алиса, мгновенно оказавшись рядом.

— ... А их можно. – вдруг ответил тот, шумно выдохнув. Он оглянул всех быстрым и резко меняющим направление взглядом. – Элис, мы в полной жопе. Цеха утюжат как в последний раз. Я боюсь еще с пол часа таких залпов, и все, что

можно, они уничтожат. Я пытался вытащить одного из пилотов, но тот умер от осколочного ранения. Ему в голову прилетел кусок ракетной обшивки, размером с кулак.

И только сейчас, в свете желтого химического фонарика Ульяны, стало понятно, что Рок-н-ролл был весь обрызган не своей кровью. На нем был изорванный армейский жилет, надетый прямо на изгвазданную клетчатую рубашку с закатанными рукавами. Теперь и Среда и Ульяна увидели на его запястьях утягивающие серые повязки, которые скрывали от лишних взглядов кожу его рук. Его пальцы стискивали, как самое дорогое, цевье и пистолетную рукоятку какого-то пистолета-пулемета. Но, не смотря на подтеки крови, на засохшие бурые ее следы на шее, на усталость и грязь, он все еще оставался таким же, каким-то даже истерично-счастливым. Хотя глаза Джека точно не разделяли этих эмоций. Он был из тех людей, у которых улыбка до ушей, а взгляд не хочет видеть этот мир.

— Хотел уже тебя похоронить. – вдруг заявил Самир.

— Я еще не переспал с «мисс-июль». – ударил Рок в его кулак своим, как приветствие. – Я еще поживу, дружок.

— Давай, пошли, ловелас херов! – дернула его за плечо Ульяна, выпроваживая из технического помещения. Им нужно было поспешить.

— Элис, нам тут передали пару документов из нашего кружка в ЦРУ. – обратился он к своей начальнице.

— Потом, Рок-н-ролл, потом! Сейчас надо выбраться на

оперативный простор.

Однако, группа не успела. В холле, разделяемом на мелкие участки массивными бронированными колоннами, уже оказались наемники. Рассредоточиваясь по обширной площади, они планомерно продвигались по первому этажу, заходили вглубь. Ульяна и Алиса убрали световые палочки, чтобы они не выдавали их присутствие. Самир, шедший теперь головным, выглянул за стальные двери, которые отделяли коридор от холла. Быстро оценив обстановку, он показал все на пальцах, без слов. Наемников было человек десять, и все хорошо вооружены и толково действуют. Не кучкуются, и тем более не спешат. Внимательно присматриваясь к темноте и предметам еще пока не изученного интерьера, они, как бульдозер по месторождению руды, медленно сдвигают фронт работы в глубину. Шаг за шагом без боя забирают для себя драгоценные теперь метры простора.

— Рискнем? – спросила Ульяна тогда.

— Не стоит. – синхронно ответили ей Купер и Груз. Быстро переглянулись между собой.

— Нам не прорваться через их заслон. – предположил Самир. – Нужно искать обходной путь.

— Есть один. – вспомнил вдруг Рок-н-ролл. Он повернулся на Алису, и та сперва не поняла, но затем прищурив глаза, кивнула. – Тогда пришлось протащить колбу с ураном, чтобы ее не заметило правительство. Помнишь, мы везли ее в Техас, когда у нас еще не было испытательных установок?

— Помню, Рок. — ответила та. — Тогда план такой: нам придется разделиться. — Она показала пальцами на Паки и Лиски. — Вы вдвоем выходите на территорию предприятия и организовываете эвакуацию всех и всего, что сможете. А я с остальными выхожу в город, мы попробуем прорваться к Белому Дому и направить помощь. Встретимся в точке «Индия», понятно? Рок-н-ролл за главного.

— Ес-с-с. — счастливо протянул тот, глянув на собрата по несчастью. Самир оказался в чине подчиняемого. — Будет сделано.

— Стоит поторопиться. — заметил, до этого молчавший и следивший за холлом Среда.

Наемники все приближались к дверям. И пусть холл был укреплен для боя, боя в нем не должно было произойти. Фактор внезапности мог сыграть на руку защитникам, но вот численный перевес и общая обстановка оставались за штурмующим отрядом. Бой здесь мог затянуться надолго, а в мгновения, когда по территории промышленного комплекса «Циркона» прилетали российские тактические ракеты, пропадал всякий интерес связываться в долгое противостояние и становиться мишенью для боеголовок. Необходимо было, скрепя сердцем и жалея об упущенных возможностях, предугадать положение вещей, отойти из-под обстрела, миновать заградительные посты «Бархана» и вырваться в город. Там маленький отряд сможет раствориться практически без следа. Алиса была уверена, что в городе, где их с

одной стороны не прижимает огромный разрушенный промышленный комплекс, находящийся под болезненными ударами флотских ракет, а с другой стороны подходят озверевшие наемники, будет больше простора и станет ясно, как действовать дальше. А пока – выход.

И он был найден. В одном из технических помещений первого этажа не оказалось пола. Это помещение давным-давно хотели отремонтировать и забыть о скрытом выходе, чтобы у всяких исследователей неизведанного и неизученного не было способа попасть на территорию предприятия. Однако медлительность Алисы в прошлом спасала ее сейчас. Тогда она не придала значения этому ремонту и пошла, сама того не ожидая, чертовски правильно. Ведь пролом в полу вел в разветвленную сеть широких катакомб и подземелий. В основном, это были укрепленные кирпичом подземные проходы, которые на первых парах использовались для прокладки дешевой канализации напрямую в систему городского стока. Однако потом, когда канализация обновилась, когда стали доступны собственные системы водоочистки, и на территории завода появились иные способы подачи и оттока воды, про эти каналы забыли. Они не использовались уже пару лет, и вода в них застоялась. От нее чудовищно пахло, но не канализацией, а химией. Все-таки одним из направлений в работе американского предприятия была именно она. Под рукой видных советских химиков, оказавшихся на улице из-за Перестройки и распада

СССР, создавались новые виды соединений, разнообразные топливные смеси для ракет и начинка для боеголовок, дорабатывались атомные ураносодержащие зажигательные патроны и фосфорные гранаты. Да, это был запах оказавшегося спасительным плотика для целых групп ученых из разорившихся НИИ огромной страны.

— И все это шло в городскую канализацию? – спросил вдруг Груз, пытаясь как можно быстрее двигаться, будучи по пояс в вязкой химической воде.

— Я очень надеюсь, что мы не разложимся заживо во всей этой блевотине. – заявила недовольно Ульяна, старалась как можно меньше дышать. Привыкшие к запаху не самого высочесортного табака ее ноздри не могли пережить ароматов здешней канализации.

— Когда здесь был проток, пахло меньше. – ответила Купер. – Это старая система канализации, и эта ветка шла напрямую на очистительные барботеры. Это не попадало в город. Но если бы здесь был проток, нас бы уже смыло. Мы с Лиски тогда привязывались канатами, чтобы нас не унесло течением, когда вытаскивали урановую колбу, вопреки запрету нашего правительства.

— Почему был запрет? – спросил Среда.

— Один урановый магнат не хотел конкурентов. – ответила ему Алиса. – А как запахло жареным и оказалось, что наш уран после всех процедур может оказаться куда более качественным, решил прикрыть нашу деятельность с помощью

конгресса. Но нам все равно удалось провести испытания на чистоту продукта, и тот ублюдок утерся. Его дорогой и дерьмовый уран оказался в проигрыше. А там еще и подтянулся профсоюз. Оказалось, что на его предприятии не выплачивают должные зарплаты. В итоге, правительство подогнуло под себя все его заводы, и решило-таки выплатить рабочим их деньги, чтобы они не бастовали. Тех, кто хотел, я приняла к себе на промышленные площадки.

— «Мать-Тереза», значит...

— Дима, этого я не говорила. — ответила ему она. — Я лишь стараюсь производить, делать вещи для своего народа и своей Родины, но при том не быть скотом и не обижать тех, кто работает со мной. — вдруг на их пути встала развилка. — Здесь нужно налево.

Налево шла очередная длинная и укрепленная штольня. Но уже не настолько протяженная, как та, которая была до развилки. Если можно было бы предположить, где они находились, то это было бы уже за несколько сотен метров от проходной «Циркона», на которой все еще гремели бои. И тут вдруг что-то впереди зашумело. Химический запах стал резко ослабевать. Привыкшие к темноте и желтому свечению химических палочек глаза различили какой-то дождь, который шел, казалось, прямо с потолка. Это была дождевая вода. Она собиралась и заливалась в приоткрытый люк. Здесь тоже были какие-то брошенные дома, похожие на оставленные человеком административные цеха, или что-

то подобное. Может, после всего, здесь был клуб, или место сбора сатанистов, кто уж знал? Но точно одно – место покинули еще до того, как из приоткрытого чугунного люка начал вырываться химический запах «Циркона». Пусть невзрачный, не вызывающий доверия, но это был тот самый выход – пустующее здание в полупустом и заброшенном микрорайоне на окраине огромного мегаполиса.

– Это бывшая большая прачечная. – объяснила Алиса, закидывая винтовку на ремне за спину. Она прошла за шипящий и гудящий поток дождевой воды, и взялась за скобки лестницы, которые уходили вверх, к самому люку. После этого голос, чтобы ее слышали, пришлось повышать вдвое. – Она была в «черном районе», и активно функционировала до самых семидесятых. Потом квартал опустел. Это наш выход отсюда.

Взявшись за склизкие замшелые скобы, Купер подтянула себя вверх, чувствуя при этом, как химическая застоявшаяся вода спускается все ниже и ниже по ногам. За ней вверх, под холодный и бойкий душ из дождевой воды, поднялась и Ульяна. За ними Груз и Среда. Металл замшелых скоб был холодным и скользким. Мерзкие зеленые волосы водорослей лезли между пальцев и мешали ботинкам. Лететь вниз было около десяти метров, а внизу ждала все та же зловонная, но уже не такая концентрированная химическая жижа. Как и всегда, путь теперь был только один – неспешный и крайне аккуратный – вверх.

Отодвинув чугунный тяжелый люк, Алиса взялась за край пола и почувствовала, как ее руки как подводный камень впились в поток воды. Та затекала ей за рубашку, за бронжилет. Поливала сверху и хотела скинуть девушку обратно в канализацию. Но Купер подтянулась еще, поставила коленку на цветную бело-зеленую плитку пола, и выбралась наружу, подавая руку Ульяне. Люк оказался как раз внутри прачечной. Со всех сторон людей окружила кирпичная растрескавшаяся постройка, с целой кучей цветастых граффити и уже проросшими деревцами. Дождевая вода собралась в поток, и давно преодолела почерневший и сгнивший деревянный порог. Уровень ее постоянно повышался. Доходил иной раз даже до щиколоток. Ливень и не думал останавливаться, затекал в расщелины в крыше, между плит этажей, заливался в вынесенные и выбитые окна, звенел на обломках торчащего из рам стекла, и барабанил по стенам. Вашингтон смывало под громовыми серыми тучами, и, казалось, что непогода только нарастала. Да, нарастала, ведь и правда! Вместе с естественными раскатами грома, слышались еще одни – приглушенные и искусственные, созданные руками человеческими. Ракеты продолжали рваться, бомбы усыпали город-миллионник, стараясь смешать его с землей. Но в этом забытом уголке, в старой прачечной, было даже относительно тихо. Алиса наскоро осмотрелась, но ничего в дожде не увидела. Мрачными тенями вставали ближайšie покинутые и заброшенные двухэтажные каменные домики. А за ними

потухший после электромагнитного импульса город, который сейчас, должно быть, уже наполняли передовые российские войска.

— Мы примерно в шести километрах от Белого Дома. — объяснила мокрая с ног до головы Алиса. В этот же момент, выжимая собственные белоснежные волосы, она постаралась их замотать обратно в пучок, который так любит, с двумя японскими палочками. Он являлся ее фишкой, и невероятно трудно было представить ее без такой прически. Хоть волосы у нее были и длинные, Купер всегда их убирала. — И в четырех с половиной километрах от точки «Индия».

— Таки что за «Индия»? — спросил ее Среда, сплевывая с губ лишнюю влагу. — Промок до нитки!

— «Индия» — это конспиративная квартира. — ответила ему Алиса. — Там можно будет пополнить боезапас. А также найти рабочие средства связи. Там они разобраны и еще должны функционировать. Нам стоит связаться с «Прометеем» и отвести его на открытую воду. Если Громов завладеет подлодкой, и сможет без подтверждения запустить ее ракеты, он спровоцирует США на ответный ход и начнет обмен ядерными ударами. Тогда уже будет не до уговоров. Затем, наша цель — Белый Дом.

— Президент в бункере? — спросил ее Груз.

— Да, они действуют согласно плану. И, скорее всего, уже собрали и отправили группу эвакуации. Необходимо поспешить, чтобы перехватить чемоданчик.

— А разве импульс не сжег его? – вдруг поинтересовалась Ульяна. – Что, если он уже не функционирует?

— Все ядерные чемоданчики защищены от такого. Это слишком дорогая и единичная штука, чтобы пренебрегать ее защитой. Будьте уверены, у нас, как и у вас, сперва откажет техника, затем солдаты, и только потом чемоданчик.

— Скорее всего, ваша передовая база откуда могут отправить вертолет уже не функционирует. – рассудила Вирхова. – Сколько понадобится времени, чтобы отправить группу эвакуации с самого дальнего аэродрома, предназначенного для этого?

— Порядка получаса.

— Не густо. – выдохнула Ульяна.

Часть 5

— ...Сколько остается до подхода передовых отрядов Национальной Гвардии?! – громко спросил один из командующих.

Пентагон являлся сейчас эпицентром если не военных, то точно словесных баталий. И пусть он находился под плотным обстрелом русскими ракетами, генералитет и сотрудники умудрялись функционировать. Пусть некоторые из отделений и подразделений, даже целые отделы этого здания, уже «вставали на лыжи», чтобы смотаться из-под огня, командная верхушка все еще оставалась на месте и решила дожи-

даться собственного подкрепления. Все надеялись, что возведенное в Холодную Войну пятиугольником здание, протянет еще немного. А то, в свою очередь, плавно рассыпалось. Прозвучал еще разрыв. С землей, после прилета русской корабельной ракеты, сравняло несколько этажей. Вывернуло наружу тройку кабинетов, со всем копошащимся там персоналом, который мгновенно превратился в пар. Люди оказались просто единичками и ноликами в программном коде боеголовки ракеты, зато более солидными по своему рангу цифрами, но уже в бланке потерь. Ни один из прилетов не расценивался ни американцами сейчас, ни русским руководством, как оборванные человеческие истории и жизни. В жерновах развернувшейся борьбы все пытались спасти именно свою задницу.

— Передовые базы оказались под плотным ракетным огнем, сэр. – докладывал один из полковников. Все снова вжали головы в плечи. На этот раз бахнуло ближе. – Прибытие наземных сил откладывается по меньшей мере на полтора часа. Автомагистрали загружены гражданским транспортом и выбирающимся с территории населением. Даже если мы сумеем собрать значительный бронетанковый кулак, чтобы подавить городские бои с необозначенными формированиями врага, нужно иметь ввиду, что танкам и бронемашинами придется попросту давить эти колонны на въезде в город.

— Необходимо обеспечить прорыв колонн в город. – будто бы не услышав последнее, заявил ему начальник. – Если

русские начнут высаживать десант...

— Сэр, получено донесение! – в дверях оказался раненый человек в порванном пиджаке. Он относился к разведке флота и в Пентагоне оказался из-за того, что отвозил друга, который уже погиб под завалами. Теперь должен был выполнять его должностные обязательства. – Один из наших патрульных самолетов рухнул на окраине города. Пилот сумел выжить и выбраться, его подобрало двое полицейских.

— Ближе к сути! – рывкнули на него.

— За грозовым фронтом были замечены русские десантные корабли!

— Мы не можем связаться с нашим флотом, чтобы потопить их! – ответил кто-то еще в стороне. – У нас потеряна всякая связь, и нет никаких оперативных данных! Русские, черт побери, знали, куда и когда стоило бить, чем и по чему! Купер оказалась права... Черт!

— Сколько до прибытия второй волны эвакуации?

— Не больше получаса, сэр. Шесть эвакуационных вертолетов взлетают с запасной авиабазы. Все ближайшие оказались под ударами ракет и электромагнитного импульса.

— Прикрытие есть?

— Да, сэр. Эскадрилья Ф-18 должна быть уже в воздухе.

В забитых думами об обороне головах будто бы включился таймер. Полчаса до вертолетов, и полтора часа для подхода танков и БМП. Это время нужно было продержаться, постараться не стать смесью пыли, дождевой воды, остатков

тола из ракет, и костей. Нужно было выжить, и постараться одержать новую победу для своей исключительной нации. Да?...

... Донесение до Пентагона опоздало по меньшей мере на пол часа. Никто и близко не подпустил мысли, во всей этой сумятице, что рухнувший на окраине Вашингтона разведывательный самолет видел только хвост растянувшейся колонны российских БДК. Передовые эшелоны кораблей, преодолев под прикрытием ракетных крейсеров и эсминцев заслон Береговой Обороны США, уже оказались у американского берега, уже открыли свои огромные носовые ворота и стали выгружать в оставленных, и забитых кораблями портах и гаванях ценнейший груз.

Грузом оказалось несколько десятков еще советских танков Т-80 и Т-72. Основные, Т-90, вместе со всеми их модификациями, остались воевать в Европе, против таких же, совершенных и вылизанных по своим характеристикам военных машин стран НАТО. Никто не питал иллюзий, что война в Европе будет легкой, а потому машины, более подготовленные к боям с новыми «Абрамсами», немецкими «Леопардами» и английскими «Челленджерами», оказались именно на основном, европейском прорыве. Танковый щит в Центральной России, уже начавший ко времени высадки у Вашингтона, свой марш на «помощь» Восточной Германии, был укомплектован совершенно новыми «коробочками». Здешние же танки были постарше, похуже по характеристикам и воору-

жению. Однако они оставались надежными и суровыми боевыми машинами, с по-настоящему холодным нравом и твердой броней. Они могли конкурировать с машинами Национальной Гвардии, а по сортам снарядов, даже превосходить ее. Именно то, что нужно было для окружения и отрезания Вашингтона от «большой земли». Однако это был далеко не весь груз.

За встававшими, как на параде, в ровные колонны танками, на асфальте портов и пристаней оказалось несколько десятков гусеничных ЗРК. Старые и новые – сюда стянули все, что смогли выгрызть из резервов, чтобы не сильно оголять тылы наступающей на Европу группировки. «Куб», «Бук» и «Тор» – они составляли основной противовоздушный кулак, предназначенный для того, чтобы закрыть небо над американской столицей для вражеских самолетов и вертолетов. Вместе с ними, с этими монструозными ракетными конструкциями, прибывали и более скромные в своих формах, но не менее смертоносные комплексы, рассчитанные на противодействие вертолетам и низколетящим целям. Один Большой Десантный Корабль был целиком набит перевозными радиолокаторами, с целой уймой антенн.

Солдат-флажковый показывал колоннам ЗРК, куда им стоило проезжать. Две установки остались у кораблей, в то время как остальные последовали за танками. Им стоило преодолеть по меньшей мере пятнадцать километров, прежде чем они выйдут на боевые рубежи. В то время как

оставшиеся здесь зенитные системы, со свистом и скрежетом своих механизмов, уже подняли ракетные фермы для отражения возможного воздушного налета.

Не стали незваным гостем на причале и комплексы противокорабельных ракет. Высадка теперь могла не бояться удара с моря. Но и это было не все...

...Сухая квадратная ладонь коснулась холодного и шершавого, наспех покрашенного на заводе в несколько слов, корпуса авиадесантной машины. Это был тот самый «Спрут», который собирали в Кургане. На его башне были выведены цифры – одиннадцать. Загребели крепления, содрогнулся и сам легкий танк. Самолет, который пролетал над грозовым фронтом, попал в зону турбулентности. Но суровый российский полковник, который успел на своем веку дважды увидеть, как горит Грозный – тогда и сейчас, который был в горах Дагестана и Осетии, который поклялся себе, что войн больше не будет, и который ошибся, не шелохнулся. Десантник был в полном боевом обмундировании, готовый к прыжку, как только ему скажут. Он шел в бой вместе со всем своим полком, летевшим сейчас на нескольких Ильюшиных. Восемь самолетов, растянувшихся широким фронтом, продирались через непогоду, в которую десантникам предстояло еще и нырнуть с парашютом. Полковника терзали смутные сомнения насчет всего этого, но решение уже было принято. Он не останется на борту транспортного самолета и прыгнет вместе со всеми своими ребятами. Как делал всегда

– сделает и сейчас.

— Товарищ полковник, до высадки две минуты. – сказал ему сидящий у борта самолета майор, его правая рука. Получив в ответ лишь вздох, он повернулся к иллюминатору, рассматривая посверкивающие молнии под серым крылом самолета. Тоже вздохнул.

Полковник все-таки сел на свое место. Хотел еще немного побыть в спокойствии и относительной тиши, не ловить себя каждый раз, как Ильюшин тряхнет на воздушной яме. Но взгляд его не отрывался от новеньких, только поставленных в его полк «Спрутов». И смутные сомнения с каждым разом только усиливались. С немим вопросом на него повернулся майор.

— Что? – спросил командир.

— Товарищ полковник... – не знал, как подступиться тот. Вопрос был не из самых простых, но все-таки терзал его. – Думаете, если бы она была жива...

— Она бы не допустила, Илюш. – ответ сорвался с губ, собранных в грустную улыбку.

Через пол минуты, по команде, во всех восьми военно-транспортных самолетах, летевших прямо над низким грозовым фронтом, десантники встали в колонны. Со скрежетом и воем начали открываться широкие люки. Сработала катапульта выброса. И первый «Спрут» из каждого такого самолета покинул грузовой отсек...

...Звено американских перехватчиков, выкрашенных в

светло-серый цвет не слишком выделялось на фоне развернувшегося под ними грозового фронта, что все сильнее напознал на континент. Их путь лежал на восток. Предстояло выйти на оперативный простор над побережьем, и прикрыть эвакуацию от российских самолетов и вертолетов, которые могли бы подниматься в это свинцовое небо с борта «Адмирала Кузнецова», который уже смогли обнаружить высоколетающие самолеты разведчики. Но два «стелса», что и нашли авианосец, уже легли градом обломков прямо на морскую гладь, похоронив в себе и пилотов. Расчеты русских ЗРК на авианосце были в полной боевой готовности и застали разведчиков врасплох.

— «Казак-1-2», наблюдаю сигнатуры на радаре! – заявил вдруг один из американских пилотов. Он был командиром звена, боевым майором, который летал еще над Кандагаром во времена американского присутствия в Афганистане. – Мать Божья, это русские «Кандиды»! Они выбрасывают десант!

— «Казак 2-2» к бою готов!

— «Казак 2-3» готов! Цели захвачены!

— Огонь! – скомандовал пилот головной машины.

Вдруг в голове раздался страшный вой. На приборной панели загорелась красная яркая лампочка, собственным светом скрывая стеклянные приборы и жидкокристаллические экранчики перехватчика.

— Ракета! Ракета! – завопил второй пилот. – Уходи впра-

во! Уводи машину!

Одновременно с подлетом русской зенитной ракеты с пилонов истребителя сорвались две ракеты «воздух-воздух». Раздался чудовищный по силе взрыв и носовую часть истребителя, решившего резко дернуть в бок, разорвало в дуршлаг вместе с пилотами. Одна из пущенных им ракет сдетонировала сразу после включения двигателя. Вторая же успела прорваться через торообразное облако осколков и обломков головной части боеприпаса, запущенного с «Бука». Отечественные комплексы накрывали небо непроницаемым зонтиком, и американцы проиграли свое первое воздушное сражение с настоящей, не повстанческой, армией...

...Алиса не понимала, что сейчас происходило, но под ногами, даже под толстым слоем постоянно перетекающей с места на место воды, задрожала земля. Асфальт начал ходить ходуном как от подземного толчка. А потом еще, еще и еще. Взгляды всех людей из группы приковали удаляющиеся за стеной дождя прямо в небо красноватые светящиеся точки. Огромные и толстые дымовые следы ракет зенитных комплексов расчертили небо в клеточку. Копьеобразные ракеты срывались с ферм «Буков» и «Кубов», вырвались из шахт «Торов» и срывали крышки с пусковых контейнеров «Ос». Десятки и сотни тысяч килограммов металла сейчас летели против других десятков и сотен тысяч килограммов металла, но уже содержащих в себе настоящую человеческую плоть. Осознание пришло быстро: в мчащихся над грозовым фрон-

том, и невидимых из-за этого истребителей были уже трупы.

Вспышка! Еще вспышка за свинцовым тучевым слоем! Каждая из этих вспышек отсчитывала из кассового аппарата Министерства Обороны США несколько десятков миллионов долларов. Советские ракеты рвали истребители на лоскуты, а те не могли ничего с этим сделать – численный перевес был именно в сторону вовремя и удачно высадившегося дивизиона ПВО. С неба, подобно обломкам космических аппаратов в Берлине, начался сыпаться уже американский авиационный алюминий. Спасательных парашютов не было. Горящий град из изорванного металла и кусков боеголовок обсыпал землю так же, как и природный дождь. Молнии металась по небу, подсвечивая все новые и новые дымные следы ракет, тракты падающих осколков и обломков самолетов. Все это валилось на жилые, когда-то совсем недавно, дома. На лужайки и на застывшие на шоссе и автострадах машины. Падало на школы и колледжи, на административные здания, фасады полицейских участков. Теперь Вашингтон уже не был темным – его подсвечивали пожарища уничтоженных самолетов. Еще и еще ракеты! Да сколько же их произвели заводы канувшего в лета красного гиганта...

— Эти идиоты из Пентагона перебьют все наши самолеты! – воскликнула Алиса, утирая поднятое к непроглядным тучам лицо. Она с острой болью в сердце смотрела на каждую такую не природную вспышку за броневым слоем изливающихся дождем туч.

— Смотри, там вспышка! — указал рукой Груз. И шустрее всех обернулась на его указание Ульяна. Она уже поняла, что на этот раз ракета ударила с другой стороны, где-то над побережьем.

Да, это уже был не американский самолет. Сорвавшаяся с пилонов головного перехватчика ракета «воздух-воздух» нашла свою цель, и встретилась с ней лицом к лицу. Ракета угодила в лонжерон крыла и сорвала с крепления два двигателя. Резкий взрыв дернул «улыбающийся» Ил, и подбросил его в воздухе на несколько метров. Зачадив, Ильюшин, вместе с не успевшими покинуть самолет десантниками, резко накренился на обломанное крыло. Разваливаясь и изламываясь от повреждения, он начал переворачиваться. Потерял управление. Кабина разошлась прямо в воздухе. Обезглавленный самолет, горящей кометой вонзился в непроглядные тучи

Ульяна увидела, как громадный Ильюшин, который она столько раз наблюдала изнутри, пикировал точно на городские кварталы. Еще секунда и раздался грохот. Самолет врезался в землю. Сотня десантников уже не вернется домой.

Вирхова видела весь путь самолета с небес на землю, но не проронила ни слова, не дрогнула ни одной мышцей на лице. Ведь на нем застыла свирепая, но при том ничего не понимающая мина. Она была свидетелем того, как ее братья, как ее солдаты, которые решились выполнять свой солдатский долг, зажарились в фюзеляже сгоревшего самолета, а

потом резко оказались на земле, разлетевшись, скорее всего, на очень мелкие частицы. Ее сердце заныло, а к горлу подступил чудовищный по своей остроте ком. Ей хотелось сейчас реветь, кричать от того, что она увидела. Но она не могла, понимала внутри себя, что на любой войне бывают потери. Она сама когда-то оказалась потерей. Однако не могла это терпеть, не могла сдюжить этот вид и ту мысль, что она могла бы их всех спасти. Не известно, как, но верила – могла. И должна была! Но все осталось позади, и теперь ее десантники были трупами на американской земле!

Она, как закипающая бомба, зашипела, расшвирипела до небывалого состояния. Казалось, в таком состоянии она могла бы в одиночку свернуть всю войну, разорвавшись ядерной боеголовкой, но нет. Она не шевелилась, душила внутри себя резко поднывавшие девятым валом небывалые чувства. Вирхова находилась в самом эпицентре начавшейся Третьей Мировой, и теперь нужно было мыслить без эмоций. Так, как ее научили мыслить. Холодно и жестко. Потери есть потери... Потери, есть потери, твою мать...

— ... вот где эти «Спруты» ... – смогла лишь выдать она, увидев то, как в непроглядной стене дождя все-таки показался строенный воедино парашют.

За ним были еще и еще купола. Десантники сыпались с небес, как должны были – практически ровными, с незначительными отклонениями каждого парашюта в сторону, линиями. Шеренгами, даже. Десятки, сотни парашютных коло-

колов! Этот момент на душе Вирховой на мгновение стало вдруг спокойно. Она понимала, что высадка происходила, в общем-то, удачно. В этом была и ее заслуга, в этом был ее опыт и ее обучение. Ее помнили и к ней прислушивались. И именно она, пусть и не была с парашютом за плечами сейчас, помогала своим солдатам выжить и десантироваться без особых происшествий. Сбитым оказался всего один самолет, сотня десантников. Но это была меньшая из возможных к оплате цен. ПВО помогло невероятно, ракетчики вовремя закрыли небо над американской столицей.

— Господи, сколько же их? – спросил вдруг Среда, неуверенно сжимая в руках автомат.

— Полк. – уверенно ответила ему Ульяна, все еще смотря на раскрывающиеся в небе купола. – Мы отработывали именно такую тактику. Командование отправило полк. Но, до земли уже доберется меньше...

— Ты же можешь их переманить на нашу сторону! – предложил, явно не подумав, Дима.

— А ты, бля, скажи мне, как?! – резко подалась на него Вирхова. – Как я объясню своим людям, почему нахожусь в окружении директора ЦРУ на американской земле и прошу их перейти к прямой конфронтации с наёмниками, работающими на нашу страну?! Как бы я, блять, не хотела, нам придется действовать самим. Наперекор всем! Я не хочу потерять доверие моих людей.

— У тебя его море. – ответил ей тот.

— В разумных пределах. — сбавив тон, отошла она на шаг назад. В ее голосе вдруг стало на несколько ноток сожаления больше. Она будто бы раскаивалась в чем-то. — И точно не в таких... Твою мать...

Она попыталась закурить, но на проливном дожде спички все никак не хотели поджигаться. С мгновение подумав над своими словами и действиями, явно с долей ярости в движении, выдернула из губ сигарету и выкинула ее в сторону. Тяжело выдохнула, и попыталась успокоиться. Хотя не могла, не могла спокойно стоять и размышлять, когда ее солдаты — ее десантники, к которым она питала самые теплые чувства, в силу специфики войск и ее истории внутри этих войск — оказывались втянутыми в сомнительный блуд Громова, в новую Мировую Войну, которая с каждой минутой промедления, и с каждым взорванным над грозowymi тучами американским или российским самолетом, грозила перерасти в Первую Ядерную. Хотя почему «первую»...

Ульяна вспомнила про себя легендарные слова о том, что неизвестно каким оружием будет вестись Третья, но вот Четвертая Мировая война будет использовать палки и копья. Человечество достигло пика своего военно-технического развития, но одновременно с ним и пика деградации страха. Точка, когда все боялись ядерного оружия, оказалась пройдена. Сейчас на него смотрели со слепым восторгом, считали, что всех им победим. Но победа может оказаться над самими собой...

— Мы прорвемся. — приободрил Вирхову Груз, шлепнув рукой по ее плечу. Под его ладонью оказался мокрый до нитки и тяжелый шерстяной свитер.

— Да, блять, мы прорвемся... — еще раз вдохнув и выдохнув, согласилась с ним Ульяна.

— Придется действовать аккуратнее. — ненужно заметил Среда. — Но в городских кварталах такую блоху как мы... — наскоро он оглядел окружавшие их темные дома с потухшими окошками. Группа была на пересечении городских дорог и стояла под неработающим теперь светофором. На другой стороне была закрытая лавка с хот-догами. — ...поймать будет нелегко, да?

— У десантников другая задача. — мотнула головой Ульяна. — Они прорываются через город и блокируют подступы к нему. Для этого им и нужны авиадесантные машины с танковым орудием. Они не подпустят «Абрамсы» Национальной Гвардии к городу и оцепят его.

— Но они же будут проходить через город? — спросила вдруг Алиса. И как-то вдруг смутилась от этого.

— Будут. — не заметив ее смущения, ответила Вирхова. — Но миновать колонны возможно. Если не привлекать их внимания, они не станут отвлекаться на поиски соединений противника. Этим будут заниматься либо наемники, либо мотострелковые части, которые наверняка находятся в одном из десантных кораблей.

— До «Индии» еще километр. — тихо произнесла Купер. —

Давайте, здесь направо. Пройдем через...

Вдруг на той стороне улицы резко загорелись фары. В шуме дождя и развернувшегося в небе краткосрочного воздушного боя между зенитными ракетами и американскими самолетами, никто не смог заметить, как в трестах метрах от них на десантной платформе прямо поперек дороги плюхнулся один из «Спрутов». Он оказался посечен осколками взорванного самолета, но все же приземлился и укомплектовался экипажем и десантом. С неслышными переговорами, крылатая пехота грузилась на броню и начинала движение по дороге. Точно на группу Алисы.

— В сторону, живо! – приказала та.

Но и на той стороне домов раздался лязг гусениц. На мгновение показалось, что десантники на их броневых машинах, загоняли четверых человек в «вилку». Но нет, просто они были повсюду – десантная операция раскидала соединения единого полка по разным улицам и паркам, и теперь каждая из таких машин действовала самостоятельно. Самостоятельно же выдвигалась по опустевшим, но заставленным машинами улицам прямо на внешнюю сторону города, чтобы занять господствующие позиции и удержать Вашингтон до подхода танковых колонн из портов. Пара мостов оказалась непригодна для переправ, а потому десантникам предстояло продержаться уже чуть больше положенного. Но им ведь не привыкать...

Алиса прокралась вдоль стенки многоэтажного здания, на

первом этаже которого, в лучших традициях капитализма, была целая уйма бутиков и магазинчиков. Дорога здесь была целиком заставлена машинами, и Купер понадеялась, что ВДВ выберет более простой путь для продвижения, но не могла и подумать, что все дороги, по которым из точки высадки могла пройти десантная машина были такими же, как эта. Лязг гусениц все усиливался, и Купер не знала, куда можно было уже спрятаться. Промелькнула мысль затаиться под машинами, но был риск просто захлебнуться от уровня воды, доходившего уже до самых лодыжек. Дождь хлестал как из ведра, и принимать горизонтальное положение можно было только «нырком» в водные потоки. В небе вдруг снова раздалась искусственная вспышка, и раздался рев ракеты «земля-воздух» – комплекс находился где-то совсем близко, может, даже стрелял с марша. А затем, прямо за взрывом за облаками, между грозowymi тучами и грешной американской землей промелькнула изломанная острая молния. В ее вспышке из-за угла дома показалось орудие «Спрута», а за ним и несколько солдат на броне. Пробираясь прямо по автомобилям, с дикой встряской всего экипажа, боевая машина выходила из-за угла. Она обласкала светом своих «прищуренных» из-за светомаскировки фар еще не тронутый брошенный транспорт, и вывернула на улицу. Но Купер и группы там уже не было. В последний момент, как фары бы выхватили пятки удирающего от обнаружения Димы, все они скрылись в небольшом магазинчике.

— Заметил что-то! – вскрикнул с брони один из десантников. – Двадцать метров, справа!

— Семенов, Матросов, спешиться и осмотреться. – приказал командир, сидящий около пушки. Он упер короткий Калашников прикладом в люк механика водителя и подался вперед, пытаясь и сам что-то рассмотреть. – Огонь без причины не открывать. Нам надо проскочить, как можно скорее. Поехали!

— Твою мать... – прошипела Ульяна. – Почему они остановились?

Увидев, как с брони прыгнуло два солдата, Вирхова отпрянула от магазинной витрины, скрываясь в темноте помещения. Быстрым, но не слышимым шагом, зашла в подсобку, но дверь не закрыла. Успела только шикнуть на съезжившегося за кассовой стойкой Груза, и посмотреть на укрывшихся за товарным рядом Диму и Алису. Последняя была в ногах, и лежала прямо на полу, едва ли не захлебываясь от поступающей за порог дождевой воды. В тот же момент, как закричала, но остановилась в своем движении дверь подсобки с Ульяной, в разбитые двери магазина неспешно вошли двое рослых десантников. На их автоматах включились фонарики, и Вирхова еще сильнее вжалась за дверь, чтобы не оказаться обнаруженной. Однако, больше нее рисковали Алиса и Дима. Они лежали валетом прямо за товарной стойкой посреди магазина. Если десантники пройдут еще чуть глубже...

Но они вдруг остановились, не дойдя полметра до центральной товарной стойки. От их шагов по воде на полу пошли кольца. Среда это заметил и нервно сглотнул, понимая, что скорее всего именно на его голову сейчас смотрит поднятый десантником автомат. Нужны были крепкие нервы, чтобы все это сдюжить, но он не поддался на соблазн, и продолжал сидеть тихо. И вдруг, когда луч фонаря выхватил товарный ряд на боковых полках, Ульяна невольно, преодолевая подкатившее к горлу конское ржание, тихо усмехнулась. Алиса знала куда завести группу, чтобы ее не обнаружили.

— Еб твою мать, Семенов... Че ты там увидел, говоришь? – один из десантников, опустив автомат, взял с полки коробку. Показал ее второму. – Это же секс-шоп! Жене хотел подарок увезти, а то своего не хватает что ли? – раздался негромкий смех. – Ой, Коля... Ну ты даешь.

— Увидел движение, товарищ сержант. – обиженно ответил тот, явно младший по званию солдат. – Вот и доложил.

— Так тут каждая из таких вот... – второй кинул коробку с резиновым изделием в воду. Прямо у самого носа Алисы. – ...пошевелиться норовит. Свистит, пердит и кашляет, Коля!

— Чего у вас? – с подъехавшего броневика спросил командир. – Обнаружили кого?

— С два десятка мужчин и несколько женщин. – язвительно ответил тому сержант, выходя в двери. – Никого там нету. Писюны одни!

— Ничего, потом жене трофей привезешь, Коля! – засме-

ялся командир с брони. – Ладно, поехали!

Пара десантников, выключая настольные фонари, забралась ко всем. «Спрут», кивнув корпусом, но не стабилизированной по двум плоскостям танковой пушкой, дернулся и снова заскрипел гусеницами, снова начал продираться через сплошной заслон покинутого транспорта. Больше всего сейчас десантники думали не о том, что в городе может оказаться засада, а о том, почему командование не догадалось придать к каждой из таких вот боевых машин, еще по одной инженерной. Так двигались бы быстрее. Но, и самолеты ведь тоже были не резиновые.

— ...Ха-ха-ха-ха-ха!!! – буквально выпала на четвереньки из двери Ульяна.

— Нашла же куда нас спрятать... – недовольно протянул Груз. Под ним все это время были коробки с упавшими с полок игрушками для взрослых.

— ...ха-ха-ха-ха! – продолжала заливаться Виrhoва.

Смеялась она залиvisto и открыто, уже утирая слезы с глаз. Но не громко, получалось у нее как-то шипяще, тихо, на вдохе. Такой смех в шуме дождя и раскатах грома не обнаружат.

— А место то – просто... пиздатое! – выдала наконец Ульяна, пытаясь отдышаться.

— Прекрати, ради всего святого. – буркнул Груз.

— Зато сработало. – ответила Алиса, глянув на коробку у своего лица. Тоже усмехнулась, вставая. – Надо же, я даже

не знала, что такие бывают.

– Вот вам смешно, а мне нет. – будто бы обиженно и испуганно произнес Среда. – Он же мне в макушку светил! Еще бы немного...

— Ассортимент тут интереснее твоей макушки. – вдруг взяла одну из коробок Вирхова и не без смеха в глазах принялась рассматривать. – До чего дошел американский прогресс! Содомиты, бя.

— От этого места хочется помыться. – заявил Дима, мотнув головой. – Нужно добраться до этой чертовой «Индии».

... К порту подходили еще и еще десантные корабли. На этот раз они высаживали пехотные мотострелковые батальоны, на их БМП и тягачах, с целой уймой артиллерии, и приданных в усиление огневых систем. На этих же кораблях был и основной костяк наемников и военной полиции, которая должна была навести порядок на занятой территории. Российское командование четко отдавало себе отчет о том, что в городе еще могут оставаться вооруженные гражданским оружием патриотичные американские ячейки, как это было и в Москве. А с ними нужно было что-то решать. Военная полиция – армейское подразделение – делало это с позиции «добраго копа», как говорят здесь, в Вашингтоне. А к тем, кто не понимал – отправляли наемников. Они разорвут все, что движется в клочья. Их спускали, когда не было необходимости применять законные меры. Для этого не приданные ни к одной части маргинальные солдаты годились лучше всего.

В небе показались уже российские истребители. Они прикрывали небо от новых налетов американской авиации. Сбивали и сами оказывались сбитыми. Тот бой, что был на земле, пожалуй, был самой скучной частью, потому как не было плотных боестолкновений, не было сейчас активного сопротивления. В то время как в небе происходила чудовищная по своему охвату бойня, напоминающая мешанину за заборами спортивного бара. Там шла настоящая «пьяная драка», быстрая, скоротечная, и беспощадная ко всем, кто принимал в ней участие. Самолеты такие, самолеты другие, ракеты с пилотов, ракеты с ферм зенитных систем, ракеты из портативных переносных комплексов солдат. На последних сыпались бомбы и летели градом неуправляемые ракеты. Штурмовики сбивали истребители, истребители сбивали штурмовики, ЗРК сбивали всех, кто попадал им под горячую руку, и через мгновение становились чадящими небо яркими и очень дорогими для экономики кострами. Второе воздушное сражение шло намного более активнее, чем первое, и здесь уже был полный паритет. С небес на землю валились как обломки с белой, так и с красной звездой. Город стал сверкать огнями пожарищ еще сильнее. Вспыхивали попавшие под обломки заправки, взрывались стоявшие с сожжённой электроникой автомобили и общественный транспорт. Дороги оказались в завалах из дорожущего авиационного металла и кусков вычислительных комплексов, двигателей и кокпитов. Но со стороны моря летели еще и еще самолеты: транспортни-

ки, бомбардировщики с баз на Кольском полуострове и Калининграде, истребители и перехватчики с «Кузнецова», палубные штурмовики и вертолеты с ракетных крейсеров и фрегатов.

А далеко от побережья США вскипала Атлантика. Те корабли ВМС, которые были в центральной части океана, и еще не успели оказаться в европейских водах, были срочно развернуты. Они начинали сражение с прикрывающими высадку кораблями Северного Флота. В эту же мешанину тоже подключились самолеты, после того как в один налет ракет, была уничтожена база ВВС в Исландии и Гренландии. Американские подводные лодки пускали ракеты в российские одиночные и групповые цели, а еще советской постройки русские субмарины топили особо зарвавшиеся и потерявшие бдительность крейсера и эсминцы НАТО. Море превратилось в еще одно поле боя. Ко дну шел металл, на корм рыбам отправлялись изорванные и испепеленных взрывами ракет и боеукладок кораблей люди! Моряки, капитаны и матросы оказывались зажаты переборками, захлебывались в забортной воде и шли на ужин Посейдону вместе со своими подводными лодками и вверенными громадными судами. Надводное пространство, как и небо над Вашингтоном, было перечерчено наискось трассами ракет. Их пускали все, от подводных лодок, до барражировавших над полем боя самолетов морской и дальней бомбардировочной авиации.

Так выглядел начавшийся апокалипсис...

Часть 6

«Индия» была одним из немногих мест во всем, когда-то совсем недавно огромном и мирном городе, где можно было расслабиться и не думать о том, что тебя обнаружат, что тебя увидят, что по тебе выстрелят. На этих пятидесяти квадратных метрах с большой гостиной и импровизированной кухней, где практически все место занимали оружейные сейфы и шкафы с неработающим уже оборудованием, наконец чувствовалось, что можно отдохнуть. Алиса неслышно заперла за собой дверь, зайдя последней. Наскоро зашторив все окна плотными занавесками, достала из комода у входной двери несколько свечей и еврейский подсвечник, который неизвестно что вообще делал на этой квартире. Немым, но не слишком интересующим вопросом про это задался Среда.

— По документам тут проживает Сара Штальманн. — объяснила Алиса. — Поэтому, соответствуем.

— Сама придумала? — плюхнулся на диван в гостиной Груз.

— Спросила генсека НАТО, кого мне лучше подселить по документам в квартиру, напичканную аппаратурой и вооружением ЦРУ. — ответила ему та, ставя подсвечник прямо перед ним на стол, и поджигая все свечи от спичек.

Внезапно, откуда-то сбоку показался еще огонек. Притихшая на время Ульяна достала из кармана промокшую пачку

папирос и сунула в зубы ту, которая умудрилась промокнуть не до самого фильтра. Остальные, с хлестким шлепком, бросила к подсвечнику, начиная шариться по комодам и шкафам в поисках сигарет. Она ни на секунду не задумалась над тем, чтобы запустить руку в собственность ЦРУ и что-то оттуда достать. Вдруг Купер несильно ударила ее по руке. Вирхова, дернув папиросу во рту, подняла глаза. Сперва не поняла, но потом все-таки перестала распускать свои руки везде, где ее не просили. Без слов Алиса вручила ей пачку «Герцеговины», что наверняка была даже старше Димы, который все еще ютился в коридоре. Скупно улыбнувшись на живой половине лица, Ульяна дернула сигарету из зубов. Выдохнула дым и приняла подарок.

— Как у Сталина. – доверительно произнесла она, присаживаясь рядом с Грузом.

Ноги, не смотря на все подготовки, устали. Адреналин постепенно исчезал из крови, организм отвыкал от стрессового состояния. Как ни крути, даже мозг начал привыкать к мысли, что они все находились сейчас в центре чудовищного мирового водоворота, который грезился стать началом конца для всех, не зависимо от их нации, народности, вероисповедания и оценок в школе. Усталость и гнев от того, что мокрая до нитки одежда и тяжелое снаряжение прилипали к земле, брали верх над рассудительностью и холодным нравом. Даже Алиса сорвала с себя бронежилет и откинула его в сторону, снова осталась в одной своей, слегка расстегнутой

рубашке. Груз едва слышно сглотнул, выдохнул и неудобно повел губами.

В свете свечей на этом, невероятно и несомненно странном еврейском подсвечнике, ее лик казался ему более будоражающим чем прежде. Более романтичным и более интересным для изучения, для владения им. Но тяжело вбитый в прошлом гвоздь опыта и ошибок в его сознании прочно держал его характер и разбитое давным-давно сердце. Нет, его она не возьмет таким сочетанием. Пусть придумает что-то еще, пусть исхитрится, чертова лисица, подумалось ему. И от этой мысли он ненароком улыбнулся.

— Чего это ты таки расплываешься лучезарной улыбкой? – заметил вошедший в гостиную Среда. Он был замаранный и уставший, с него аж стекала вода.

— Да? – повернулась на него Ульяна, пытаясь рассмотреть. Но той и след простыл. – Черт. Не успела.

На мгновение установившуюся умиротворенную атмосферу словно специально пыталась порвать Купер. Она ходила из конца в конец все время что-то повторяя себе под нос. Она что-то думала, выдумывала. Но по ее губам можно было вычленить всего одно слово – «сэр». Явно готовилась что-то и кому-то сказать. В голове своей Купер играла невероятную словесную партию с каким-то явно вышестоящим лицом. А кто мог быть настолько более влиятелен, чем директор Центрального Разведывательного Управления? Она готовилась выступить перед начальниками штаба, перед глав-

ными управленцами Соединенных Штатов Америки. В голове своей она наверняка выстраивала линию общения с Президентом.

— Лис, не мельтеши. – Вирховой наконец надоели ее гуляния. – Прошу тебя, присядь.

— Нет, я должна думать. Это снова была моя ошибка, черт! – взвелась она, дернув на мгновение рукой. Но затем выдохнула и продолжила ходить вперед и назад по комнате. – Мне необходимо придумать то, что я скажу. Нужно продумать линию обороны до последнего слова, чтобы все, что я скажу, оказалось не лапшой на ушах, а застряло в головах.

— Снова? – повторил ее слово вдруг Груз, задумавшись.

— Да. – ответила она коротко.

— А я обычно действую экспромтом. – пожала плечами Ульяна, докуривая сигарету. – Так получается намного более спокойно. Не приходится каждый раз натужно вспоминать, что же ты там придумал за время усиленного «мозгового штурма». Иногда, конечно, стоит продумать, но это очень редкие случаи.

— Именно поэтому наш план меняется. – отогнула из кулака большой палец Купер. – Ты не пойдешь к Президенту. Все повернулось слишком круто, и если ты появишься в бункере сейчас, на фоне... – развела она руками, обозначая то, что и особо понимать не нужно было. За окнами все еще свистели самолеты и гремели зенитные ракеты. – Это могут принять неправильно. Мне придется самой попытаться вы-

вести его на собственные рельсы. У меня есть для этого влияние и политические союзники. Но вот генералитет... Эти... проклятые придатки капиталистов! Присосались к нашему государственному бюджету и требуют больше и больше! Победить их в одиночку будет непросто.

— Сумеешь? – заколебался вдруг Груз.

— Да. – ответила она. Все же подумала несколько секунд, но позицию по этому вопросу ни на толику не изменила. – Теперь уже за мной десятки и тысячи термоядерных ракет. Я не имею права промахнуться. Я знаю куда стоит бить, и я ударю именно туда.

— А нам таки работы останется? – спросил Среда. Он как-то горько усмехнулся, потому что желал уже как можно скорее выбраться из-под ударов начавшейся войны на хоть сколько-нибудь оперативный простор. – Мы же таки не для того сюда приехали, чтобы промокнуть до нитки и повалиться под резиновыми изделиями «номер два»?

— Над этим я тоже думаю. Точнее, уже придумала. – Купер решительно подошла к столу, посмотрев на всех по очереди. – Но основная наша задача сейчас выбраться отсюда. Вшестером на поле боя мы не сделаем ничего. Однако можем сработать как диверсионная группа там, где никто не ожидает.

Внезапно в ее руке щелкнул предохранителем короткий и маленький карманный Вальтер. Она, верно, была похожа на лисицу. Как почуявший неладное зверь, она стала не слы-

шимой, даже на мгновение перестала дышать. И только потом стало понятно почему. В дверь постучали несколько раз. Распрявившись, и приготовив пистолет к стрельбе, Купер медленно и бесшумно пошла в своих мокрых кроссовках по ковровой дорожке, которая лежала здесь до самых входных дверей. Она оказалась у них и приставила пистолет, на случай если придется стрелять. Попыталась поглядеть в глазок, но там ничего не было видно.

— Сара сейчас в Индии? – спросили с той стороны дверей. Это был условный сигнал, и Купер опустила пистолет, открыв массивный замок со внутренней стороны поворотом ключа.

— Сара на месте. – ответила Алиса.

За дверью оказались Рок-н-ролл и ужасно грязный запыхавшийся Паки. При чем араб умудрился притащить явно трофейный русский пулемет. Его лента болталась у Самира через плечо, так же измазанная в грязи. А Джек все так же, немного по-идиотски, улыбался.

— Что случилось? – спросила Купер, как только они вошли в помещение и за ними закрылся замок. – Откуда...

— Пришлось вступить в бой с наемниками. Но скользком. – пытался оправдаться Самир, но Алисе это явно не понравилось. Двое американцев практически ничего не смогли бы противопоставить заброшенной на территорию США, а значит очень хорошо подготовленной группе наемников, и просто погибли бы бесславной смертью. – Едва унес ноги, но

успел прихватить их пулемет.

— Проходите.

— Эй, Элис. – подошел к ней Рок, взяв за плечо. – «Циркон» оказался захвачен. Его было не отбить.

— Плевать уже на завод, что с сотрудниками? – спросила она тогда, недовольно поведя головой. Детище всех ее последних лет оказалось разбомблено в первые несколько часов военных действий. – Что с моими людьми, Рок?

— Нам удалось вывести лишь около шестидесяти процентов всего персонала. Много рабочих оказалось под завалами и обломками, не было времени и средств, чтобы их вытащить. Меньше всего потерь у научно-технического отдела и конструкторов. Практически все «мозги» удалось вывести в составе колонны. Мы отправили их на Запад, в сопровождении отделения охранения. Через несколько часов они должны будут выйти в районе базы нашей Национальной Гвардии.

Алиса тяжело выдохнула, и помяла переносицу. Эти новости ее совсем не радовали. Каждого их этих сотрудников она уважала и многих из них практически лично, через Рок-н-ролла, чтобы не светиться самой, принимала на работу. Особенно в конструктора. Они были ее любимчиками и постоянно отвечали взаимностью выкатывая все новые и новые изобретения и научные проекты. Все, что было на ее заводе, и все, кто были на ее заводе – ценнейший для нее ресурс, и вот теперь он оказался своей частью под огромным количеством завалов и обломков. Гиб от ракет и бомб реактивной

авиации и кораблей. Однако, потери оказались намного менее страшные, чем могли бы быть, ведь «Циркон» не был сосредоточен в одной точке. Наверняка сейчас шла эвакуация в Ричмонде, Нью-Джерси, Далласе и Орлеане. Наверняка вывозилась на запасные площадки, подготовленные в Атласах заранее, документация, персонал и целые лаборатории. Потеря трети рабочих здесь, в Вашингтоне, пусть и была ощутимой, но не чудовищной. Стандартные потери, про себя с некой долей сожаления подумала Купер. Не выбивающиеся из особого графика военного времени...

— Хорошо, Рок. Проходи. — она показала рукой ему на гостиную. Тот не сильно кивнул и прошел в указанном направлении.

Он разделял ее боль за потерянных в не самых ожидаемых боях рабочих, но по ранам и ссадинам на его лице, по порванному бронежилету и по трофейному «Валу» в руках было понятно, что там он сделал все, что мог. Даже подготовленный морской пехотинец, побывавший в Афганистане, не смог бы стать силой против такого количества солдат противника.

— Паки, надо собрать радиостанцию. — скорее приказала, чем попросила Купер. — Она там, в дальних шкафах на кухне. Сколько потребуется?

— Смотря насколько она разобрана. — пожал плечами он, снимая с них потрепанный и грязный, весь в глине и грязи, бронежилет. — Думаю, не меньше десяти-пятнадцати минут.

Прибавь к этому всему еще минут пять, потому что мне придется это делать в полумраке, и получишь нужную тебе цифру.

— У тебя есть только десять. — помотала головой она. — Нам необходимо связаться с «Прометеем» и «Колибри».

Среда вдруг не понял, о какой такой птичке шла речь. Но потом, на мгновение переглянувшись с Грузом, вспомнил, что на подлодке, в грузовом отсеке было что-то такое, что можно было бы пилотировать. Моргана перед тем, как они отправились с подлодки в город, рассказала ему, как Вирхова выдала ей какой-то летательный аппарат. Но у Димы совсем вылетело из головы. Эту информацию вышибло раскатами грома и шумом реактивной авиации и ракет. Однако, он ведь это узнает. Да, черт возьми! Он обязательно еще узнает об этом, если с этой «птичкой» просят связаться. Скорее всего, Моргана еще вступит в противостояние здесь, на своем, подготовленном и подаренном Алисой, аппарате. И, учитывая, что «Циркон» являлся оружием и технологическим предприятием, аппарат этот будет более чем достойным оппонентом всем тем машинам, которые уже были в воздухе.

Моргана... Она то и была, наверное, самым не предвиденным и самым шатким обстоятельством предстоящего появления «Колибри» на поле боя. Среда не знал, снова ли проберется по ее прекрасному телу тот чудовищный монстр искусственного интеллекта, или нет. Завладеет ли он ее разумом в момент, когда ее руки будут на рычагах и кнопках,

или же нет? Пустит ли он ракету в них или во врага? Кто же мог это предугадать... И от этого становилось страшно. Не было конкретного понимания, добавится ли в воздухе друг, или кровожадный, чудовищный по своей «душевной» организации враг. Девушке становилось все хуже. Все хуже и хуже с каждым днем. И никто не знал, был ли способ ее спасти от этого. В любом случае, для решения этого вопроса требовался интеллект не меньший тому, что был у самой Морганы. И он, показалось Диме, нашелся. Алиса-таки руководила сверхсовременной корпорацией, вывешивала у себя в административном здании чертежи и макеты, держала под боком аж целую демилитаризованную торпеду! Может, хоть она сможет чем-то помочь...

— Эй, рус, о чем задумался? – Джек внезапно прервал рассуждения Димы.

— Да так, о своем. – скупое ответил он.

— Хочешь я угощу тебя пивом? – спросил тогда Лиски. И вдруг повернулся на Ульяну. – Я сожалею, но дамам не предлагаю. Алкоголь им не к лицу.

— Пошел ты, Рок. – кинула в него окурком Вирхова.

— Белый Волк, ты будешь?

— Нет, не горю желанием. – скрестил руки, в обычной своей манере Груз.

— Тогда придется нам с тобой, Дмитрий, на бру... – попытался вспомнить слово этот неугомонный морпех. – брурде... бри...

— Брудершафт. — помог ему Среда, усмехнувшись.

Джек прихлопнул его по плечу, и, поправив рукава своей грязной и мокрой клетчатой рубашки, повел на кухню. Та представляла собой не самую широкую, и не самую длинную комнатку на всех этих пятидесяти квадратных метрах «Индии». В ней были комнаты и побольше и пошире, в ней бывало просторнее, но в ней не бывало столько шкафчиков и тумбочек. Здесь же, в месте, в котором обычно нужно много пространства, чтобы готовить, они были вдоль всех стен, да еще и в несколько ярусов. Здесь хранилось все, кухня использовалась практически как кладовая. Не было известно почему ЦРУ не раскошенилось на квартирку получше и побольше, у которой хотя бы была антресоль. Приходилось ютиться здесь и сейчас. Между всеми этими тумбами, огромным белым холодильником, настолько сильно напоминающим ЗиЛ пятидесятых, и непосредственно кухонным гарнитуром из склеенной в листы древесной щепы. Ни кружек, толком, ни ложек, ни вилок. Только квадратный метр пространства, холодильник и раковина — вот и все удобства.

Джек, тихо насвистывал мелодию.

— Что это? — спросил его Среда.

— «Ангел» от Раммштайн. — усмехнулся американец. — Обожаю эту песню!

Он открыл дверцу холодильника и места стало еще меньше. Согнувшись, долго что-то пытался в нем найти, тихо, между тактов мелодии, ругался и даже матерился. Но как-

то не слишком складно и четко, по-американски. Среда все еще не мог подивиться на это. Надо же, подумал он, нашелся кто-то кто может побороться за его титул военного клоуна и главного разгильдяя всей группы. Лиски был еще более не расторопный и еще более своевольный. Правду сказала Алиса тогда, что чтобы хоть чего-то добиться от этого американца, придется несколько подождать. И даже пиво из холодильника пришлось ждать! Он доставал его около минуты, явно прикидывая, что из пустых ящиков, где только выпивка и была, можно было бы предложить к отсутствующему столу.

— Абсолютно. Нечего. Пожевать.

— Да, я таки заметил. – сухо, но все же усмехнувшись, ответил ему Среда, заглядывая в холодильник. – Правда я это понял после первой же секунды.

— А куда нам сейчас торопиться? – наконец распрямился Лиски, держа в руках две банки американского пива. – Блондинку или брюнетку?

— Выбираю брюнетку.

— Хороший выбор. – передал он ему бутылку темного чешского пива. – Паки все равно провозится с радиостанцией не меньше десяти минут. Чтобы она заработала после электромагнитного импульса, одна должна была быть разобрана до самой платы! Так что времени еще точно... обосраться.

— Интересный ты мужик, Лиски. – усмехнулся Среда. – Всегда такой активный?

— Да, как-то так, вот. Выходит. – пожал плечами американец, открывая пиво об дверцу и отпивая немного. – Надо же, еще не прокисло. С шуткой-прибауткой, Дим, проще жить, ты понимаешь это? Все заботы отправляются к черту, когда изо рта вырывается шутка, да? С самого детства это понял, и вот, принял как должное. Тебя бьют, а ты шутишь. Тебя пытаются обокрасть, а ты врезаешь по негодьям шуткой и показываешь собственное над ними превосходство. Это уже сродни принципу жизни. Не проживешь, если не покажешь то, что ты такой, какой ты есть, и с тобой и твоим поведением стоит считаться. Лис сперва тоже отчитывала, ругалась. Один раз даже побить меня хотела... Не серьезно, конечно. Эх. – выдохнул он, но усмехнулся. – Но в итоге кто оказался ее правой рукой? Вот так-то!

— Надеюсь, что правой рукой только в плане исполнения обязанностей.

— Вот. Вот! – показал на него пальцем Лиски, утирая пену на губах. – У тебя такой же принцип. Ты же мне брат, Среда. Да? Ты ведь тоже шутишь, тоже пытаешься превратить эту чертову драму в сраный фарс, и у тебя получается! – он отпил пива из банки. Засмаковал его и быстро проглотил. – У, м-м-м. Не распробовал. Еще! – и отпил еще пару глотков. – Вот теперь хорошо. А про Алису – она не дается. Хоть что делай, ни в какую. Строгая в этом плане женщина. Я ей на первых парах все, и цветы, шоколады, конфеты носил, в ресторан сводить пытался. Не дается, чертовка.

— Странный ты человек, Лиски. Она ж явно старше тебя! Или ты хотел через пару лет стать единоличным владельцем «Циркона»?

— А чем плох и такой расклад? – спросил американец. – Ну, согласишься же, на нее под каким углом ни глянь, так всюду хорошо. Хоть картины пиши. Не чувствуется в ней возраста. А это ведь самое главное, для девушки, верно? Вот у тебя, Дима, жена есть?

Это уже перешло все границы. Среда понимал, что он спросил это не для собственной выгоды, а, чтобы просто узнать, чтобы развить тему и не застопоривать разговор. Но этот вопрос словно молотом ударил в его грудную клетку сильнее той пули в Кремле. Дима на мгновение чуть не выронил банку пива из рук, но все же собрался и сжал пальцы, чтобы стеклянная баклажка не ударила по плитке. Он опустил глаза и подумал, что же ответить на этот вопрос. Но это, к счастью, заметил и Лиски. Кто знает, что было у него на уме, но он решил спросить:

— У тебя ведь есть, вроде бы, ребенок?

— Да, есть. Дочка.

— Как зовут? – спросил он, явно поняв, что нащупал более приятную для собеседника тему.

— Аврора.

— Прямо как крейсер Революции! – громко усмехнулся тот.

— Богиня утренней зари. – улыбнулся и Среда, вспоминая

это рыжее непоседливое чудо, которое он успел по нескольку раз за жизнь обрести и потерять. – Ждали, что станет тихой и спокойной умницей. А выросло что-то с чем-то. Но, тут и я оказался виноват. Работа, черт бы ее.

— Я понимаю тебя, Дима. – вдруг полез в карман брюк Джек. Достал оттуда бумажник и раскрыл его, поставив пиво на раскрытую дверцу холодильника.

В его руках оказалась небольшая старая фотография, которая за столько лет нахождения в бумажнике в формате талисмана уже заносилась и затерлась. Но цвета это у нее несколько не убавило. Сфотографировано было, вероятно, на цветной «Полароид» мгновенной печати, понял Среда, только глянув на карточку. Старенький, однако, аппарат. Но он помог сохранить главное – запечатлел в вечность двое лиц, и оба женские. Одно с легкостью узнавалось таковым, ведь было взрослым и уже сложившимся в красивую счастливую эмоцию, а вот второе можно было назвать женским только потому, что все остальное было завернуто в розовое пеленало. Девочке на этой фотографии было всего несколько месяцев.

— Красивые. – усмехнулся Среда, но как-то грустно.

— Это... – вдруг осекся Лиски. – Год девяносто девятый вроде. Это вот, моя жена, Ирен. А вот это маленькое чудо в покрывалах – дочь. Мы назвали ее Миленой. Как это порусски? Е...

— Елена. – помог ему Дима.

— Да, точно. — не отрывался взглядом от фотографии тот. — Каждый раз из головы вылетает. Я тоже работал, Дима. И тоже потерял их из-за нее. Они сейчас в Нью-Йорке.

— Думаешь, что они в безопасности?

— Да. — вдруг поднял глаза на него он. — Они в безопасности. Я позаботился об этом.

Незаметно, но тяжело выдохнув, американец убрал фотографию в бумажник. Он немного пригладил его напоследок и вернул на свое положенное место — в карман брюк. Пальцем поправив на руках серые утягивающие повязки под закатанным рукавами, Джек снова взял в руки пиво.

— Для чего ты рассказал это мне? — спросил вдруг Среда.

— Что бы понять, почему с шуткой наперевес живешь ты. — допил последнее пиво Лиски, выкинув бутылку в раковину. — Интересный разговор, не правда ли?

— Это сарказм?

— Нет, ни сколько. — усмехнулся он. — Все мы из Америки! Кока-кола, иногда война...

Ульяна практически не слышно встала, и уже привычным, сотню и тысячу раз проделанными жестом сунула папиросу в губы. Но не подожгла ее. Она пока не хотела курить настолько сильно, чтобы начать это делать, а находилась в приграничной стадии, когда хватает и пожевывания фильтра. Посмотрев на то, как на общем столике, под еврейской минорой с радиостанцией, собирая ее будто из набора «Юного Радиотехника», возился Паки. Араб старательно подтягивал вин-

ты на всех контактах и прокладывал проводку от динамиков и микрофона в само тело радиостанции. Та только лишь недавно начала напоминать не кучку запчастей, а солидный такой ящик, который было бы не стыдно повесить на снаряжение и загнуть длинную антенну, чтобы та не мешала. Работа спорилась быстро, процесс шел, практически не прерываясь. Все же сильно мешал полумрак и шумящий за окнами бой, который нет-нет, но время от времени заставлял содрогаться не только окна, но уже и стены. Было еще несколько минут, Паки явно выбивался из графика. Это было и плюсом – можно было хоть еще немного отдохнуть, привыкнуть к окружающей обстановке, осознать происходящее и смириться с ним.

Вирхова открыла дверцу платяного шкафа, и вдруг там что-то гулко, с фанерным звуком, ударило. Еще мгновение, и в ее руках появилась затертая, но рабочая, и даже со всеми струнами, гитара. Проведя по тем пальцами, прислушалась к звуку, и поняла, что инструмент оказался расстроен. Ульяна быстро села в кресло, наклонилась к меноре, подкурив от нее зажатую между губ сигарету. Глубоко втянув в себя едкий папиросный серый дым, стала крутить барашки, отвечающие за настройку гитары. Еще и еще водила пальцами по струнам, пока наконец не получила практически идеальное, которое только могла дать эта гитара, звучание. Струны оказались не новыми, то и дело норовили порваться, но еще пару аккордов они могли выдержать.

— Сейчас, сейчас. Понастроили инструмент, бл. – ругнулась она, откладывая папиросу за ухо. – Поновее ничего не было?

— Магазин в двух домах отсюда. Сходишь? – беззлобно ответила ей Алиса.

— Может, не стоит? – спросил вдруг будто безучастно Груз.

— Минутка еще есть. – махнула на него Ульяна, пытаюсь вспомнить какую-то мелодию, двигая пальцами над струнами. – Лейтенант учил же, черт... Вроде не должна была забыть.

Наконец, ее пальцы, от природы загорелые и от службы покрытые шрамами и ссадинами, мягко коснулись инструмента, и тот поддался. Гитара издала мягкое сочетание нот, и под эти звуки даже качнулись огоньки на меноре. Несколько раз пройдясь по струнам, поджимая левой рукой аккорды на затертом грифе, с которого слезал лак, Ульяна начала покачиваться в такт. Стала будто бы визуальнo легче, более счастливой. Взгляд ее был опущен, и так – не напряженно, а усердно – вспоминала слова. И наконец, под очередной заход по струнам, она запела:

— Светит незнакомая звезда-а... Снова мы оторваны от дома-а-а-а... Снова между на-а-ами города-а-а-а... Взлетные огни аэродро-о-о-ома!

Голос ее будто бы оказался незнаком. От прежнего уверенного, сурового и командирского не осталась и следа. Сей-

час перед всеми за гитарой была не Ульяна Вирхова, не офицер Воздушно-Десантных Войск, которая прошла Афганистан, и осталась при этом жива. В этой гостиной, на одно, казавшееся таким незабываемо длинными, но короткое мгновение перед всеми ними оказалась Шахризада. Юная девочка-полукровка, которую отец ракетчик так любил звать Шахи. Та, которая пела робко, тихо, но при том звучно и мелодично. Она вытягивала окончания и гласные буквы, переходя на высокие ноты там, где это было нужно. Многолетний стаж курения в ее пении не чувствовался совсем. Она, если бы все закрыли глаза, предстала бы молодой и не обожжённой, какой осталась где-то в далеком прошлом. Но огоньки свечей меноры играли с тенями на ее лице, выделяя из полумрака ее чудовищный шрам, к которому она уже привыкла, ее ничего не выражающие сейчас глаза. Ульяна пела задумчиво, но при том со всей своей огромной душой и необъятным горячим сердцем. Вкладывала в каждое слово, что вырывалось под ритм гитары, частичку волшебства. Песня переносила ее во времена, когда все было по-другому... Все было ее и для нее...

— Ты поверь, что здесь, издалека-а-а... Многое теряется из виду. Тают грозовы-ы-ые облака-а-а! Кажутся нелепыми... обиды...

Алиса отвернулась. В ее груди что-то больно екнуло, и к горлу подкатился ком. Она знала эту песню, и прекрасно понимала, что ее с ней связывает. Груз на этих, прозвучав-

ших звонко и растянуто, строчках тяжело выдохнул, и поднял вверх голову, всматриваясь в потолок. Он еще прислушивался к Ульяне, но также пытался сдюжить все, что навалилось на него изнутри. В воздухе повисла трогательная недосказанность. Старик вдруг снова опустил голову, и посмотрел на спину Алисы. Едва дрогнула покрытая седой щетиной его челюсть.

— Надежда-а-а-а – мой компас земной, а удача – награда за сме-е-елость! А песни достаточно одной, чтоб только... о доме... в ней пе-е-елость...

— ...хватит. – хрипло произнесла Алиса, не поворачиваясь.

— Достаточно. – Груз мягко, но все-таки сильно сжал пальцами гриф.

В мгновение гитара затихла, а вслед за ней и Ульяна. Она, как-то полупьяно, подняла глаза сперва на Груза, а затем оглянула всех остальных, пытаясь понять, что же не понравилось. Но так и не поняла. Выдохнув, отложила гитару и сунула в зубы подкуренную папиросу из-за уха. Глубоко затянувшись, растянулась по креслу, выдохнув дым вверх и запрокинув голову.

Джек два раза хлопнул, но потом понял, что сделал что-то не то, и стыдливо исчез в полумраке. Ульяна на это, неожиданно для себя, усмехнулась.

— Певица из меня та еще. – она снова сунула папиросу в зубы. – Но есть Сектор Газа.

— «Сельский туалет»? – спросил Среда.

— Дурак ты, Дима. «Демобилизация». – сухо ответила та. – Но я не выдержу темпа и собьюсь.

— Просто, не время расслабляться. – усмехнулась, но будто совсем без эмоций, Купер, наконец снова повернулась ко всем.

Она навалилась на стоявший у противоположной стенки комод и, подобно Грузу, скрестила руки на груди. А затем, проверив прическу, двумя пальцами помяла висок, снова напряжено раздумывая о том, что и как ей стоит сказать на предстоящем, слишком неожиданном, но настолько нужном визите в президентский бункер. Она не сомневалась, что там будут все, кто захочет вставить палки ей в колеса, кто захочет пропихнуть интересы военно-промышленного капитала и даже ценой применения невероятного оружия сохранить самое главное для себя – деньги. Алиса этого не хотела, ее задача состояла в том, чтобы подсидеть тех, кто ни черта не думает об окружающих их людях. Ей стоило спасти, как и Ульяне в Кремле, собственный планетарный народ от недуманных и наскоро принятых решений. И чтобы сделать это, ей не нужно будет волевое упорство и собственная сила, не нужны будут полевые орудия и три сотни десантников, которые ценой собственной жизни удержат разрушающийся и превращающийся в могилу бастион. Нет, ее бой был другим, но от того не менее героическим. Она должна была выйти на политическую арену одной единственной персоной, но

заявить о своих намерениях и своих идеях настолько хирургически тонко, чтобы противник не понял, что его провели вокруг его же собственного, стиснутого золотым перстнем, толстого капиталистического пальца. Ей нужно было доказать, что народна воля, что люди выше всего, что может быть. Выше интересов капитала, которые должны были бы в нынешнем распорядке отстаиваться и самым разрушительным оружием, выше личных интересов властителей и ее самой. И от этих раздумий, от фраз, проносящихся в черепной коробке, от аргументов и контраргументов, Купер выдохнула, опустив голову.

— Готово, Элис. – надев наушники, и поняв, что радиостанция работа к работе, Самир показал на нее рукой. Затем легко прихлопнул ее по серебристому матовому корпусу с инициалами циркония из периодической таблицы Менделеева – Zr. – Радиостанция способна принимать и передавать сигнал. Но погодные условия не слишком хорошие, может прерываться. Идеально было бы со спутником, но...

— Понятно. – ответила ему она, принимая от него наушники.

Сев прямо на ковер и скрестив ноги, Алиса оказалась перед рацией. Она несколько раз пристукнула по проволочному микрофону с мягким пористым шариком на конце, еще проверяя его на работоспособность. Это было не слишком осознанное действие, и Купер его даже не заметила. Быстро сунула руку в свой рюкзак, утащенный с «Циркона», и на-

шла в одном из боковых его карманов, в компании нескольких карандашей, небольшую красную записную книжку с резинкой на обложке. Отогнув резинку, она принялась листать первый десяток ее кустарно заламинированных страниц. Там были выведенные ее рукой частоты приема в разных диапазонах для разных устройств, которыми она снабжала, видимо, всех, кого хотела и должна была. Там же Среда вдруг на мгновение увидел и надпись: «Прометей». Алиса тоже остановилась на ней взглядом, отложила блокнот в сторону, и начала выкручивать настройку радиостанции согласно написанным от руки цифрам. Дело это было тонкое и не быстрое. Однако Купер управилась меньше, чем за минуту.

— Карту. – протянула она руку к Джеку. Тот достал из рюкзака свернутый на несколько раз плотный бумажный лист, развернув его. На нем оказалась огромная и детальная карта побережья с нанесенным на ней квадратами. – Спасибо, Рок. Хоть бы с ними ничего не случилось... – наконец в радиостанции приняли сигнал. – «Прометей», мой позывной «Индия», я – доверенное лицо генерал-майора Вирховой. Сейчас вы переходите под мое командование.

— Прошу прощения, не понял! – громко заявил Щукин на том конце. Но скорее не от эмоций, чувства гнева или чего-то на это похожего. Связь прерывалась. – «Индия», повторите.

— «Прометей», вы переходите под мое командование! – более четко и громко, разделяя каждое слово, будто бы

то существовало в абсолютном вакууме, ответила Купер. – Вам необходимо запустить «Колибри». Повторяю, запустить «Колибри»!

— «Калибры»?

— «Колибри»! – громко поправила его она.

Алиса быстро защёлкала пальцами, а затем указала на лежащий на столе блокнот. Ближе всех к нему была Ульяна, и та схватила его, начав выискивать одно единственное слово: «Колибри». Наконец, когда нашла его, немного отогнула страницы друг от друга, размяв корешок, и положила записную книжку обратно перед Алисой.

— «Колибри» будет готов через... две минуты. Нет питания аккумуляторных батарей для запуска двигателей, Морган занимается этим! – ответили с подлодки. – «Индия», мы наблюдаем на радарх огромное скопление кораблей... Северного Флота. Что нам предстоит делать?

— После запуска «Колибри» отходите в квадрат... Двадцать два ноль шесть. – глянув на карту, продиктовала Алиса. – Два два ноль шесть. Как понял, «Прометей»? Дождитесь нас там, мы доберемся до вас.

— Два два ноль шесть. Принял, «Индия». – коротко произнес Шукин. – Конец связи.

Алиса стянула с головы наушники, как только поняла, что в эфире больше ничего не прозвучит. Сеанс могли засечь русские системы обнаружения, а потому, чем он будет короче, тем меньше была вероятность этого. Смысла запраши-

вать «Колибри» сейчас не было. Без питания аккумуляторных батарей все бортовые системы аппарата не работали бы, и насколько хорошей не была бы радиостанция «Циркона», поставленная в кокпит, она бы все равно не смогла ответить или хотя бы принять сигнал. Нужно было ждать. Еще ждать, в условиях того, когда каждая минута была на счету, и когда указания стоило давать мгновенно, как только они приходят в голову. Но нет... Импульс, разошедшийся волной перед самым началом этой развернувшейся бойни, исчез через мгновение после своего появления, но путал карты до сих пор.

Нечего было больше ждать. Стоило двигаться, и все понимали это. Больше никто не сидел или не стоял просто так. Группа одевала грязные и не успевшие высохнуть липкие бронежилеты, брала в руки запачканное и холодное оружие, которое еще покажет себя в грядущем бою. Все готовились к выходу, но оставалось распределить роли. Встали компашкой вокруг Купер. Теперь она руководила всем этим чертовым представлением, она была сейчас балетмейстером, и руководила неизвестной никому оперативной группой из бывших служителей силовых структур.

— Нам предстоит разделиться. — вогнав магазин в винтовку, она пригладила свои белоснежные, но грязные и мокрые сейчас волосы. — Среда и Груз, вы выдвигаетесь со мной. Нам предстоит, надеюсь, без боя проникнуть в Белый Дом до эвакуации Президента нашей Национальной Гвардией. По штатному расписанию у нас слишком мало времени на это,

поэтому придется идти по максимально прямому маршруту. – вдруг она повернулась на Ульяну. – А ты берешь моих: Лиски и Бадара. Они знают город. Вам предстоит добыть нам транспорт. В нынешних условиях его можно добыть всего в одном месте: в местах дислокации высадившихся русских войск. Нам нужна машина, чтобы выехать загород, найти нашу лодку и прорваться к «Прометею».

— Какую группу будет прикрывать Моргана? – спросил Среда, понимая, что летательный аппарат, при всех своих конструктивных и скоростных плюсах все равно не сможет прикрыть всех, при том еще и рискуя попасть под удар зенитных ракет и истребителей.

— «Колибри» мы берем к себе. – заявила Алиса, подхватывая радиостанцию со стола. Она обернула ее куском маскировочного полотна с мелкой сеткой, и повесила Среде на грудь. Наушники оказались у него на шее. – Мы свяжемся с ней, как окажемся над точкой. Пехотные части первым делом решат захватить стратегически важные опорные пункты, поэтому даже если мы и сможем прорваться туда без боя, оттуда выбраться будет уже сложнее, и потребуется поддержка, чтобы прикрыть эвакуацию первых лиц. Вопросы?

— Есть винтовка?

— Да, Ульян, есть. – усмехнулась вдруг, до того серьезная Купер. – И кое-то к ней.

Быстро пройдя между всех, Алиса подошла к платяному шкафу, в котором Вирхова нашла себе гитару. И потянула за

скрытую ручку, открывая затаенный под деревянной облицовкой шкафа тайник. Там оказалась не слишком громоздкая, но все-таки длинноствольная винтовка с накрученным на дуло глушителем.

— Под триста восьмой. — передала ее Ульяне. — И... — Алиса запустила руку в еще один ящик, доставая оттуда два магазина для винтовки. — Двадцать патронов к ней. Они дозвуковые, но при том бронебойные. Практически не слышно на полете. Справишься?

— Разберемся по ходу. — растолкав магазины по подсумкам, та закинула подарок за спину. Из-за ее макушки стал торчать ствол с глушителем. Винтовка все-таки была намного длиннее обычного автомата или карабина. — Барометр?

— Да, в твоём рюкзаке. — указала на него Купер, снова улыбнувшись. Все-то она предугадала, все знала и все приготовила.

— Тогда, у меня вопросов больше нет. — сунула в зубы папиросу Вирхова.

— Все понятно. — Среда и Груз ответили синхронно.

— Давно хотел русский броневик. — оглянув всех, саркастично усмехнулся Рок. — Let's rock, baby!

Подмигнув Купер, он собрал из пальцев «козу», подняв ее на уровень лица. Ульяна на это не доверительно выдохнула дымом из носа, закатила глаза, и повела сигаретой в губах, поправила в руках штурмовую винтовку.

Через несколько секунд двери «Индии» захлопнулись уже

навсегда.

Часть 7

Дождь, не прекращая и не сбавляя своего напора ни на секунду, хлестал по лицу. Косо бил по телу, глухо ударял об под сумки на бронежилете, оружие и одежду. Все было сырое до самой последней нитки, растрепанные и мокрые волосы невероятно мешали. Как Алиса ни пыталась их поправлять, заправлять даже в простой хвост – у нее не получалось. А с бородки старого чекиста лились просто водопадные струи, по горлу затекавшие под одежду. Даже в армейские ботинки уже набралась вода. Ноги неприятно хлюпали в них, и уже откровенно – ноющей болью – давали понять, что пора бы снять с них тяжелую и мокрую обувь и расслабиться. Но времени на это не было от слова совсем.

Троица быстро, но при том осторожно продиралась по улицам Вашингтона. Они проходили мимо оставленных хозяевами машин и магазинчиков, уличных лавочек в отдельных будочках и целых муниципальных учреждений. За спиной остался полицейский участок, который обошли стороной – копы могли забаррикадироваться внутри и стрелять по всему, что приблизится. То и дело на пути попадались гражданские, которые в темноте, не разбирая своих от чужих, иногда выбегали на улицу, и сигналы в сторону, прячась от возможной очереди. Некоторым из них Алиса говорила

вернуться в дома, потому что на улице было точно менее безопасно. Совладавшие с собой люди, все-таки решались ее послушаться и уходили с улиц. Но таких было невероятно мало. Остальные же, совсем не желая быть обнаруженным, срывались с мест и удирали, как только Купер пыталась к ним подойти. В оставшемся обществе города, которое не ушло, а точнее даже не сбежало на запад, была паника. Люди оказались зажаты между молотом и наковальней, боялись любых людей с оружием и не верили, что и в их мирные жилища вдруг, одновременно с чудовищной непогодицей, пришла еще и война.

Но вдруг что-то будто бы оказалось не так. На улице резко перестали попадаться суетные «цивильные», и стало невероятно тихо. Только пресловутый дождь все еще бил по ушам. Не было и намека на то, что здесь не было никакой засады. Она здесь точно была, все к этому было подготовлено. Алиса заметила за колесом одной из машин, точно под бензобаком, заложенную взрывчатку. Но нельзя было только определить, чья она была.

— Засада. – тихо сказала Купер, выдохнув.

Она скользнула к стене дома, чтобы в случае чего укрыться. За ней последовал Груз. А Среда мигом оказался немного впереди, завернув в переулок между домами, где были просто горы мусорных пакетов и искореженных алюминиевых бачков с крышкой – символ США. Под грязным и мокрым покрывалом, под стальной лестницей испуганно озирался на

подошедшего человека бородатый бомж. Ему не куда было идти, и война его в принципе не особо и беспокоила. У человека не было ничего, а собственная жизнь уже и гроша не стоила. Дима попытался рукой показать ему, что нужно уходить, но тот лишь боязливо кивнул в ответ, и еще сильнее зарылся в свое покрывало.

— Нужно обойти. – предложил Алисе Груз.

— Да, согласна. – ответила та. – В переулок.

Мгновенно они оба оказались около Димы. И тут нужно было думать, куда стоило идти дальше – переулок вел на параллельную улицу, и та могла оказаться точно такой же опасной. Идеальным вариантом, особенно учитывая погоду, было бы пройти внутри дома. Так и было решено. Алиса жестом показала на стальную лестницу, и Груз посадил ее. Часто перебирая руками, Купер начала подниматься на второй этаж. Оказавшись наверху, подала основную лестницу вниз, чтобы мужчины тоже смогли забраться. Еще мгновение, и вся троица влезла в коридор через окно.

Вскинув автоматы, они прошли несколько метров. Купер быстро заглянула в боковую незапертую дверцу, и поняла, что комната за ней была пустой. Следующая тоже. Третья, четвертая, пятая – все. В здании, или как минимум на этом этаже пока не было никаких признаков жизни. Но вдруг Купер подняла руку вверх, сжав кулак. Снова что-то почувствовала.

— Брось оружие! – в коридоре возник яркий свет, а рядом

с ним еще один.

— Свои. – по-английски ответила Алиса, закрывая глаза от фонариков. – ЦРУ.

— Кэп, я держу на прицеле кого-то из ЦРУ. – вдруг сказали за светом. Эти слова были обращены к микрофону у губ, и к тому, кто был на том конце сигнала портативной солдатской радиостанции. – Да, сэр. Трое, сэр. Личный номер? – этот вопрос был уже к Алисе, и она опустила винтовку, понимая, что перед ней американцы. – Личный номер, твою мать!

— Гамма, Индия, Виктор, Янки, шесть, шесть, шесть, Альфа. – проговорила по слогам она. Жестом показала опустить оружие и Грузу со Средой. Те, нехотя, послушались.

Им обоим не нравилось то, что происходило. Они получили то, чего очень не хотели – нарвались на американский отряд, который мог и не понять их присутствия в городе. Тем более, что они оба, на первый взгляд, совсем и не выглядели американцами. Особенно выделялись штаны Среды, которые были из бело-зеленого свободного кроя ткани. Что нашлось на Кубе, то он и надел – «Березка». И поняв то, что он может быть раскрыт раньше, чем вообще сможет хоть что-то сказать, или сорваться на своем не самом американском акценте английского, Дима отошел за Груза, который выглядел более похоже на сотрудника Разведуправления.

— Миссис Купер? – опустив наконец фонарь, спросил один из солдат.

— Мисс. Да, это я. — поправила она его, шагнув вперед. — Со мной двое моих. Капрал Джей «Венсдей» — она показала рукой на Среду. — А это полковник Лерой Карго.

Груз, получивший имя и ставший теперь «Лероем», не совсем довольнo поглядел на Купер. Но та не ответила ему взаимностью в эмоциях, зато подмигнула, мол, так и должно быть, запоминай. Теперь придется играть по этим правилам.

— Ты понизила меня в звании? — шепнул вдруг ей Среда.

— Чтобы не завирался сильно. — ответил ему Груз, вместо Алисы. — Терпите, капрал. Я вообще Лерой теперь.

— Тебе бы подошло. — ответил тот, усмехнувшись.

Один из солдат, чернокожий крепкий юноша, лет двадцати-пяти, быстро осмотрел всю троицу. Ему было приказано сопровождать их на командный пункт, где уже ждал капитан, однако он не слишком-то и спешил. Нисколько не скрытно посмотрел на штаны Среды, и, видимо, что-то надумав себе в голове, недовольно повел плечом, которое уже отдал тяжелый бронезилет со всей боевой выкладкой. Второй солдат стоял смирно, будучи явно в подчинении у первого. Он был уже белым, но с парой подтеков засохшей крови на лбу и виске. Солдатики побывали в бою, и оказались «не первой свежести». Понятно, что в город по-другому, кроме как с боями, прорваться они не могли. А потому их осторожность нисколько не удивляла. Они профессионалы, и даже к директору ЦРУ они относились с осторожностью. Могла ведь что-то изменить, надумать себе тоже, да и привести к ним

русских. А может русские держали ее в качестве используемого «материала». Ничего точно эти двое солдат не знали, но знать очень хотели, ведь заводили троих, совсем не вписывающихся в боевой распорядок, вооруженных людей в свое логово.

— Прошу за мной, Директор. – по слогам проговорил чернокожий, помяв в руках винтовку.

Алиса послушно пошла за ним. За ней Среда и Груз. Последним и замыкающим эту небольшую колонну оказался второй солдат, который быстро фонариком осветил коридор позади, и удостоверился в том, что никто больше не залез в это окошко. По дороге они встретили еще двух американцев. Те направлялись вниз, на второй этаж. Видимо, Алиса с мужчинами нарвалась на импровизированный «блокпост».

Основной же костяк военных расположился на предпоследнем и последнем этажах. Солдат по ощущениям было просто немерено. Груз всегда тайно боялся, что окажется в такой ситуации, когда он один, а американцев целое множество, и он в ней оказался. Но на самом деле, большинство из них было побито жизнью, ранено или калечено. То тут, то там слышались вопли и стоны «тяжелых». Этот взвод, а по числу солдат это был, кажется, именно взвод, изрядно пощипало в боях, и здесь он оказался совсем не от хорошей жизни. Всего пол километра от Белого Дома – тут они и остановились. В покинутом и мрачном многоэтажном здании. Алиса, Среда и Груз проходили мимо всех этих солдат, и те,

явно не скрывая удивления, сопровождали их взглядами. С некоторыми из них глазами сцеплялся Среда. Груз обращал внимание лишь на тех, кто пристально, без сокрытия негатива глядел на его автомат Калашникова и не самый уставной вид. Одна Алиса практически смотрела на американцев, выходявших в коридор, чтобы поглядеть на скудное пополнение. Три человека – они явно надеялись на большее.

Открылась дверь командного пункта, где было всего несколько персон. Над прострелянной рацией под фонариком, с потом на шее, трудился молодой человек в очках. По комнате же, из конца в конец, ходил полноватый капитан, с белым, но грязным пластырем на шее. Он, как только Купер показала на пороге, остановился и вскинул руку к каске в приветствии.

— Капитан Мэрлин, тридцать-третий пехотный. – представился он.

— Пехотный? Что вы здесь делаете? – искренне удивилась Алиса.

— Мы должны были осуществить эвакуацию первых лиц государства, мэм. – быстро ответил тот, снова заходя из конца в конец. – Мы были второй волной. Обломки первой, содержащей в себе целую роту морской пехоты, видели на окраине города. Наверное, те три «Оспрея» уже потушил чертов дождь! Иван сбил их своими зенитками. – капитан утер потную шею. Нервно съежился, когда задел пластырь. – Наши вертолеты накрыли в двух милях от Белого Дома. Два

из них взорвались в воздухе, остальные жестко сели в городских кварталах. Мы приняли бой с русскими десантниками и потеряли почти половину личного состава. Смогли прорваться в город, но они не стали нас преследовать и добивать. Черт его знает почему.

— Будет переброска ударных частей? – спросила Алиса.

— Пока не расправимся с зенитками, массированная операция невозможна. – махнул рукой Мэрлин. – Национальная Гвардия выдвинулась не больше сорока минут назад, и их уже можно не ждать сегодня. У русских какое-то гусеничное дерьмо с танковым орудием, и они сделают все, чтобы завязать бой на окраинах и не подпустить колонны в город. Простите, Директор, больше я сообщить не смогу. – пехотинец указал рукой на потного солдата. – Наша рация сломана. Вторая есть у второго взвода, но он в другом здании, в тридцати метрах от нас.

— Сколько у вас людей? – включился в диалог Груз.

— Простите?

— Полковник Лерой Карго. – представился тот.

— Сорок два человека, сэр. По двум взводам. – ответил Мэрлин. И вдруг не совсем понятно прищурился, глянув на Груза. – У вас знакомая фамилия. Мой отец слышал об одном Карго во Вьетнаме. Вы откуда?

— Родился на базе США во Франции. – мгновенно сообщил чекист. Под такое оправдание можно было не особо напрягаться с акцентом. При таком условии человек мог го-

ворить как угодно – зависело от окружения и родителей. – Вы путаете, я всю жизнь служил в Европе.

— Да, у вас европейский акцент. – явно разочаровавшись в том, что он не выстроил очередную теорию заговора, согласился капитан.

— Сэр, есть сигнал от второго взвода! – сообщил, поправляя очки радист. – Я смог поймать их волну.

Мэрлин было схватил переговорное устройство – двое наушников с микрофоном – как тут же на них легла рука Купер. Та в одно мгновение сблизилась с капитаном, и пристально, своим глубоко синим взглядом поглядела ему в глаза. Он неровно сглотнул, но все же надел наушники на голову.

— Русские обладают прослушивающими устройствами. – спокойно сообщила она капитану, не опуская глаз. – Отдавайте себе отчет, капитан, о том, что вы являетесь боеспособным звеном американской армии.

— Я понял, мэм. – несильно кивнул головой он.

— Нет, капитан, вы не поняли ничего. – продолжала она, снова вживаясь в роль строгого, но справедливого начальства. – Вам, а теперь уже и нам, необходимо соединиться в единое ударное подразделение.

– Это не наша задача, мэм.

— А это уже решаю я. – играла на собственном ранге Купер. – Здесь я выше вас всех по званию, и я говорю вам о том, что столица нашей с вами страны в опасности. И нам

предстоит пробиваться к Белому Дому, чтобы обезопасить Президента и все его окружение. Сообщите второму взводу, капитан, о том, чтобы они готовились к боевому выходу. Нам предстоит тяжелая работа.

— Да, мэм. Есть, мэм. — еще раз сглотнул он. Приблизил к губам микрофон и начал коротко, явно понимая, что на том конце половина слов будет с помехами из-за погоды, передавать информацию для второго взвода. — «Волшебник-2», я «Волшебник-1». «Волшебник-2», прием.

— ...На свя... — квакающе и прерывисто ответили там. — Как с... прием?

— «Второй», задача — соединиться... — достал из подсумка карту Мэрлин, быстро глянув на нее. — «Второй», выходите к цели «Артур» с юго-запада. Мы... Твою мать. — радиостанция вдруг на мгновение громко и резко зашипела. Но связь снова появилась. — «Волшебник-2», я «Волшебник-1», прием? «Волшебник-2», я «Волшебник-1», прием?! Черт. «Волшебник»!!! Обходите с запада, как принял, прием?

— Вас... — снова среди шума и помех послышался голос. Тихий и очень неразборчивый. — Я обхожу с... Конец...

— Связь оборвалась. — Мэрлин сбросил наушники с головы на стол перед радиостанцией.

Он явно был расстроен тем фактом, что не знал наверняка — поняли его на том конце или все-таки нет. Он надеялся на то, что тамошний военачальник смысленный парень, и все-таки купится на азарт и пойдет к Белому Дому с запада.

В то время как «Волшебник-1», которым руководил непосредственно сам Мэрлин, должен будет ударить по вероятно уже приблизившимся к Белому Дому войскам и наемникам русских. Задача была не сама простая, однако, он и без слов понимал, что поддержки у них не будет. Русские обрубали им все хвосты и все страховочные тросы, в виде войск Национальной Гвардии и ВВС. Не нужно было быть провидцем, чтобы ясно осознать то, что в городе сейчас только они – эти сорок искалеченных солдат с коротким боевым опытом уличных схваток с десантниками и наемниками противника – единственное боеспособное подразделение американской Армии.

Настала пора теперь и Алисе, вслед за Ульяной, показать то, что даже небольшой отряд настоящих мужчин готов и может все. Теперь ей предстояло руководить пехотинцами, теперь она будет им одним из командиров. И ей нужно было не ошибиться, не пасть в грязь лицом и выполнить поставленную задачу – не допустить захвата Белого Дома. А заодно, и шлепнуть по тянущейся к красной кнопке руке с белым накрахмаленным рукавом и золотыми часами. Времени было все меньше – действовать придется критически быстро. Потерь точно не избежать...

— Вы уверены в том, что мы готовы к этому, Директор? – спросил ее напрямую Мэрлин.

— Забудьте этот вопрос, майор.

— Не нужно мне звание, мэ. – мотнул измученной и

грязной головой в каске тот, присев на мгновение на стол. — Мне нужно лишь то, чтобы этот чертов мир перестал бомбить сам себя. В чем счастье слать ракеты?

— Вы думаете, что русские не заслужили хорошей взбучки от нас? — пытаюсь раскусить, провокатор или нет, Алиса все еще играла роль того, кем она не является. — Неужели вы не верите в то, что все, что происходит, является происками именно Кремля?

— При всем уважении, мэм. — поднял он глаза, грустно усмехнувшись. — Я был в Афганистане, и я был в Ираке. Суньте все ваши убеждения себе в задницу и проверните, мэм.

Он не был провокатором. Он говорил честно и открыто. И за это Купер уже заметила его как вероятного союзника. Да, этот несуразный, немного толстоватый пехотный капитан мог быть ее запасной козырной картой, и его нужно было сохранить после того, как он выполнит задачу. Его нужно было держать около себя, как ударную силу, когда их небольшой отряд интернационала поймет, что дальше он один не справится.

— Разве здесь есть правые и виноватые, мэм? Все хороши! — вскинул вдруг руки он. — Я не смотрю телевизор, меня трудно подкупить вашей пропагандой. И хорошо подумайте над тем, сколько вас здесь, и сколько здесь моих людей. Не вздумайте не соглашаться со мной. Вы сами брякали речами об оружии, сами верили в то, что мир принадлежит амери-

канским корпорациям, американским финансистам, и американскому образу жизни. Да, пусть это так, мэм, пусть в Африке пьют нашу Колу, а Иван в Нижневартовске на всю свою зарплату покупает наши кроссовки, сделанные на Тайване, или заходит по пути со своего завода в Макдональдс. Но неужели вы действительно думали о том, что не будет тех, кого подобные уклад, кого статус «удавленного» нисколько не заденет? Пока есть мы, и пока мы – мировой гегемон, мы в опасности, мэм. И вот она. Вот эта гребанная опасность, мэм.

— Пока у нас есть ракеты... – Купер все-таки попыталась еще сильнее вывести его на чистую воду.

— Бросьте про ракеты, мэм! – отмахнулся Мэрлин, истерично усмехнувшись. – Да. Да. Черт, да! У нас есть эти сраные ракеты! И что дальше?! Что дальше, если и у противника они есть, а противник – вот он! Стреляет по нашим полицейским и по нашим солдатам? Не сильно-то он и испугался, да? Если мы, то и по нам запустят обязательно. И пусть вы, и все ваше, высшее, мать его, окружение, это не понимаете, мы – те, кто еще находятся на этой грешной земле – все прекрасно осознаем. – он напряженно выдохнул, уже поняв, что за подобные слова, явно «подрывающие устои и веру в капиталистическое общество», его ждет электрический стул в какой-нибудь военной тюрьме, но ему было уже на это плевать. Он мог и не дожить до этого самого электрического стула. – Можете лишить меня даже капитанского звания, мэм... Мо-

жете сковать мне руки наручниками. Можете вывести меня от моих солдат прямо сейчас и пристрелить как собаку! Но в чем смысл радоваться тому, что в обоюдной ядерной войне сгорит наша планета, а мои солдаты. . . – повел он рукой, будто бы показывая всех тех, кто был за стенами его не слишком большого и темного командного пункта. – . . . так и останутся здесь? И умрут здесь.

Осознавая все свое положение, а также, что именно и кому именно он наговорил, Мэрлин потянул руки вперед, показывая готовность к тому, что его могут заковать в наручники. И ведь не боялся того, что они действительно могут захлопнуться – целиком отдавал себе отчет в том, что именно он думает и почему он думает именно так. В глазах Алисы этот капитан был намного более храбрым человеком, нежели все те модельные солдатики с агитационных армейских плакатов, которые призывали американцев вступать в ряды вооруженных сил во время операции в Ираке, Афганистане, Сирии или Ливии. Он был более стоек, чем все, кто нес античеловеческую пропаганду из каждого вещающего устройства, чем все те, кто менял свою гражданскую позицию от каждого дуновения мирового информационного ветра. Этот американец поистине мог называться так, как того заслуживает – человеком.

Мэрлин поднял глаза, ожидая увидеть некое недоумение его прыткости. Но увидел лишь не слишком явную, но все-таки хитрую улыбку Алисы, извечное спокойное и каменное

выражение лица Груза, и поднятые брови Среды. Только Дима испытывал хоть какие-то чувства неожиданности. Он не знал, что когда-либо вообще будет в такой ситуации, и ему придется осознать, что этот американский его коллега, в общем-то, по всем вопросам прав. И Среда хотел пожать ему руку, но раз уж они играли в агентов ЦРУ, стало быть, побрататься не выйдет. Жаль.

— Мэм? – капитан несколько жалобно и не понимающе свел брови под грязной каской.

— За мир необходимо сражаться, «Волшебник». – кивнула она уважительно. – И вы готовы к этому. Собирайте людей, Мэрлин, мне необходимо попасть в Белый Дом как можно быстрее, чтобы не опоздать к началу ядерной войны.

— Не понял, мэм?

— Я собираюсь ее предотвратить. – Алиса к этому моменту уже развернулась, собираясь выходить из командного пункта. Но все же повернулась. – Вас не арестуют, капитан. Ведь я на вашей стороне.

— Черт меня раздери! – широко раскрыв глаза, воскликнул до этого не самый богатый на подобные эмоции Мэрлин. – Чед, живо сюда!

В нем буквально разорвало гнетущую пружину из ощущения скорейшего трибунала за слова и поступки. Теперь же он чувствовал только то, что ему нельзя подвести доверившегося ему большого начальника. Тем более, что мысли начальника шли параллельным курсом с его собственными, на

одну станцию, имя которой было бы «Мир». Капитан увидел, как с легкой усмешкой его хлынувшей дерзости и уверенности, Алиса Купер, сама начальница ЦРУ, вместе с двумя своими странными помощниками покинула командный пункт, и без всякой тени сомнения исчезла за скрипучими дверями. Он мотнул головой, все еще пытаясь понять, не было ли это отголоском такого славного бреда в сущем сонном кошмаре. Но все рассуждения, все думы и мысли оборвал не самых проворный, поноватый, но широкий в плечах плотный негр, с каской, надетой на повязанную бандану. Тот, явно Чед, как его назвал Мэрлин, поглядел на командира, помяв в руках карабин с серебристой отметиной от чиркнувшей по металлу русской пули.

— Сержант, оставайтесь здесь с ранеными. — приказал Мэрлин, пригладив себя по каске с расстегнутыми ремешками. — Мы пройдем до Белого Дома и попытаемся прорваться к нему через русский заслон. Оставишь с собой отделение Пейтона, а его...

— Он в мешке, сэр. — прервал его сержант. — Гарри Пейтон скончался.

— Черт... — помял переносицу, немного сбитый с положительного настроения Мэрлин. — Он был славным парнем. Отдайте его оружие и снаряжение в отделение Митти, их потрепало больше всех.

— Да, сэр. Есть, сэр. — кивнул тогда темнокожий сержант.

— Лесински, поднимай свою польскую задницу. — капи-

тан Мэрлин обратился к щупленькому радисту в очках. – Нам необходима радиосвязь. Вы до этого бывали в боях, рядовой?

— Никак нет, сэр! – резко ответил ему тот, подорвавшись с места. Парень явно еще не потерял настрой учебной части, где он проходил начальную подготовку, и где его эмоционально, каждый день и каждый час, накачивали специально обученные сержанты и капралы. В учебной части из него сделали послушного мальчика, который не мог не вскочить, когда к нему обращался старший по званию.

— Ох, чтоб меня... – протянул Мэрлин. Он вышел в коридор. – Пехотинцы! Всем приготовиться. Выход через две минуты.

...В то время, как американский взвод быстро готовился к выходу, оставляя небольшой отряд для охранения раненных, и судорожно спускался вниз, собираясь и сгруппировавшись в небольшие ударные группки по два или три человека, пока пехотинцы пытались поделить между этими отрядами двоих пулеметчиков и их вторых номеров, пока прошла молва всего о двух рабочих гранатометах из шести, и было определено, что ими будут стрелять двое хотя бы минимально подготовленных солдат, Алиса, Груз и Среда обнаружили одну из комнат, в которой были трупы в черных непрозрачных плотных мешках. Здесь их было шесть или семь – точно сосчитать мешала практически непроглядная темнота. Дима неспециально запнулся за один из пакетов, и едва не свалил-

ся на пол.

— Давай связь. – приказала Купер, посмотрев на то, как Среда сгрузил с плеч ее радиостанцию, утащенную с «Индии». Затем глянула на часы. – Моргана может уже быть в кабине.

Быстро прислонив наушники к уху, и услышав шипение на несуществующей частоте, говорящее о том, что на этом чудовищном дожде и в этой чудовищной грязи радиостанция не утонула, и еще исправно работает, Алиса снова раскрыла свой блокнот, и начала быстро настраивать рацию. На все про все у нее ушло не больше нескольких секунд. Выставив частоту, услышала едва различимый сигнал, начиная передавать:

— «Колибри», «Колибри», я «Индия». Прием?

— Слышу, «Индия». – ответили на том конце достаточно четко. Это была Моргана, ее голос, немного взволнованный и явно гневный, было ни с чем не перепутать. Но что-то в сигнале было еще. Станный звук работающего двигателя, не похожий на вертолетный. – Бортовые системы в норме, вооружение проверено и готово. Мне нужно знать, где вы находитесь.

— Мы выдвинемся к Белому Дому через две... – Алиса снова глянула на часы после того, как Груз помахал ей пальцем перед самым носом, указывая им же на собственное запястье. – Нет, пол минуты. Наше направление на север, северо-восток. Нас отделяет... «Колибри»?

— Да, слышу, но связь обрывается. – ответила быстро девушка.

— Нас отделяет пол мили. Как поняла? У русских радары и системы зенитных ракет. Держись высоты не больше тридцати – сорока метров.

– Это реально? – вдруг спросил ее Груз.

— Да. – произнесла Алиса быстро, не отрываясь от рации.

— «Индия», принято. – коротко ответила Дениц на том конце. – Начинаю взлет!

... В непроглядной темноте, царившей над советской подводной лодкой, удирающей от Вашингтона в открытое море, внезапно появились целые клубы дыма. Это было сродни взлету баллистической ракеты из шахт в горбу «Прометей», если бы не всего одно исключение. Дым вырывался из раскрытых вверх створок носовой части, где уже начали мелькать огоньки сопла.

Дождь заливал внутрь грузового отсека. Моргана подняла глаза вверх, и ничего не скрылось от ее электронного взгляда. Она видела все показатели погоды, и бортовой компьютер слился воедино с ее программным кодом в голове. Дениц выводила все прямо на сетчатку глаза – видела больше и уже умела больше. В руках сжимала рукоятку газа, ногами жала на педали, прямо как в автомобиле. Оскалила на мгновение зубы, будучи явно не в восторге от погоды. По округлому и надраенному до блеска кокпиту барабанил дождь, лишнюю влагу затягивало в воздухозаборники. В алюминии-

вое крыло так и норовили попасть фиолетово-синие молнии. Но каждый раз били рядом. А на приборной панели горели датчики, сверкали огнями детекторы положения и горизонта, навигационные системы и бортовые помощники. Пахли еще свежей краской выведенные на русском и продублированные на английский отреставрированные надписи. Кожаное кресло оказалось жестче, чем думала Моргана, но оно надежно фиксировало ее в себе плотными тканевыми советскими ремнями. Не слишком удобно поворочавшись в нем, девушка, резко повела рукоять газа до упора.

В ночном небе раздался душераздирающий свист. Подводную лодку даже немного качнуло, а из носового грузового отсека снова повалил дым и пар. Прогоняя через себя кубометры топливозвоздушной смеси, реактивные двигатели поднимали летательный аппарат быстро и очень уверенно. Чувствовалось, что это дается им легко. И мгновенно из кокпита подводная лодка стала маленькой, практически игрушечной на вид.

И когда вектор тяги реактивных двигателей стал горизонтальным, свист моментально сошел на нет. Субмарина закрыла грузовой отсек и начала погружение.

...Взвод американских пехотинцев пробирался через остановившиеся потоки застывших уже наверное навсегда машин. Солдаты двигались быстро, но при том осторожно. Чуть на согнутых ногах, просматривая окна, задирая винтовки вверх, они перебежками перемещались от одно участка до

другого. Потом еще и еще. По одному, а иногда и синхронно, с двух направлений, контролируя все, что могло попасть в поле зрения. Они не двигались одной кучей, разбились на несколько маленьких подгрупп, даже пар, и так, вслед за головным отрядом двигались в глубины улиц и перекрестков.

Город сейчас успешно прикрывал их от всего. Вашингтон был пустым и безлюдным. Не многочисленные гражданские уже перестали выбегать на улицы, сообразив, что лучше зашторивать окна и не отсвечивать в стеклах, во избежание получения пули даже от своих. Противника так же пока не было – мегаполис был слишком большим для групп наемников, и натолкнуться сейчас, в городских мелко нарубленных дорогами кварталах было бы очень трудно. Однако, все время в воздухе, помимо шума этого чертового проливного дождя, помимо раскатов грозы, слышался грохот практически не прекращающегося воздушного боя. За облаками сверкали и тут же гасли искусственно созданные толовые молнии, громыхал не естественный гром разрывов и на землю лился дождь из металлических обломков. Добавились шумы вертолетных двигателей. Пара Ми-24 «Крокодил» пролетела на бреющем полете точно над пехотинцами, что те едва успели спрятаться. Грозные и немые, темные силуэты боевых машин с хлопками винтов уносились на запад – в поддержку десантным частям, которые уже готовились принять бой в наскоро выкопанных окопах и укреплениях. Еще и еще вертолеты: палубные Камовы, что высаживали десант на город-

ских широких площадках, стадионах и парках, бочкообразные и похожие на трудяг-шмелей «Восьмерки», с которых производилось наблюдение за кварталами, ударные «Аллигаторы», которые заливали ракетами все места, где виделись хлопки полицейских карабинов и остатки все-таки сумевших прорваться в город американских войск. Весь винтокрылый кулак, созданный еще в конце прошлого века, действовал слаженно, по своему прямому и главному назначению – бил по врагу. Не пылились теперь все эти вертолеты на базах снабжения, не натирались до блеска сročниками, случайно заблудившимися по дороге в институт и попавшими в авиатехники. Теперь с них лилась дождевая вода, а пилоны и их алюминиевые корпуса сотрясали залпы своих ракет и разрывы чужих.

— Еще пара «Хайнд»! – произнес Мэрлин, присаживаясь на одно колено за легковушкой. Одно рукой, не отпуская другой карабина, показал на пару подлетающих «Крокодилов». – Всем пригнуться!

Не самые умелые солдаты, половина из которых только-только закончила учебную часть, не синхронно, с большим интервалом между собой начали прятаться за машины. Некоторые бросались под них, с головой уходя в потоки воды под ногами. И пусть это выглядело не слишком профессионально, неказисто и некачественно, точно не так, как все привыкли видеть это на бесконечных изматывающих учениях, но это возымело плоды. В черноте города, когда сверху

лил дождь, а внизу были полноводные потоки дождевой воды, ударные вертолеты навряд ли могли обнаружить даже такой большой, но пеший отряд солдат. «Крокодилы», пролетев точно над головами, лавируя между домов, скрылись за поворотом улицы, завернув туда с сильным креном. На их подвесах Груз успел увидеть такие знакомые ему по Афганистану контейнеры с неуправляемыми ракетами. Если бы пилоты их заметили, можно было бы уже не бегать...

— Завернем, и выйдем к парку. – доложил Мэрлин Алисе, утирая с лица дождевую влагу, смешанную с холодным потом. – Черт, мэм, эти вертушки нас просто в кашу превратят!

– Значит нам не стоит попадать под них. – спокойно ответила ему та. – Давайте, капитан, нужно идти.

— Взвод, вперед! – немного неуверенно, но достаточно громко скомандовал офицер.

Они прошли еще несколько сотен метров. Расстояние сейчас не могло измеряться по прямой, потому что приходилось лавировать между домами, избегая невероятно простреливаемых мест. Каждое открытое окно расценивалось как вероятная снайперская точка, и взвод «Волшебник» был обязан плутать, чтобы не пасть жертвой собственной беспечности. Поиски, поиски, и еще бесконечные поиски. Но безопасный маршрут наконец был найден. Отряд выходил к парку, и уже было видно густые заросли, которые опоясывали абсолютно лысую и развезенную в грязи поляну, на которой обосновались высаженные с вертолетов наемники.

— Черт, русские! – машинально присел Мэрлин, едва заметив движение в дожде.

— Наемники. Высадились с палубных вертолетов. – объяснил Груз, глянув на капитана. – Их там, наверное, не больше двух взводов. Передовой отряд.

— Еще бы, ведь их прикрывали зенитки! – выругался тот недовольно, поднеся к глазам бинокль. – На вскидку вижу около пятидесяти. Разворачивают миномет. Лесински!

— Да, сэр? – ответил залегший где-то сбоку радист.

— Связь со вторым «Волшебником», быстро.

Мэрлин отдал одному из своих солдат бинокль, чтобы тот нашел еще что-нибудь в практически непроглядной пелене из дождя. Вид был не очень. Все смешивалось в единую серую массу, и отделить небольшие силуэты друг от друга было очень сложно. Понятно, что капитан взял цифру практически из воздуха, на вскидку определил сколько могло прятаться солдат в том едином людском клочке, за небольшой разделяющей полосой деревьев. Солдат с биноклем неуютно поежился, и пополз немного ближе, чтобы не так мешались кусты и стволы деревьев, лавочки и урны. Теперь было видно лишь его сапоги и немного штанов. Остальное скрывала вашингтонская флора.

Вдруг раздались хлопки. Единая человеческая масса, определённая как русские наемники, стала разделяться. Но звук был сухой, звонкий. Не такой громкий и редкий как у автоматов Калашникова. Стреляли с другого конца, от Бело-

го Дома. Это был «Волшебник-2», который ввязался в бой раньше положенного срока.

— Твою мать! – выругался Мэрлин. Тут радист сунул ему переговорное устройство. – «Второй», какого черта ты творишь?!

— «Первый», «Первый»! Я ввязался в... – связь снова так и норовила оборваться. – Тут их полно! Мы пытаемся...

— Что?! – громче сказал капитан. – «Второй»?! «Второй»?! Вижу два взвода русских! У них есть... – тут глянул на солдата с биноклем, тот показал на пальцах «W». – У них три миномета! Распределитесь по местности, не кучкуйтесь, как понял?!

— «Первый», я...

По земле прошел тройной удар. В воздух взвились во семьдесят вторые мины. Раздался просто оглушительный грохот, от которого все американцы, а за ними Груз и Среда сжались и бросились к земле. Это снова были звуки войны, от которых они, за этот короткий переход, успели отвыкнуть. Бои снова зазывали их в себя воем полковых орудий. Снова начиналось сражение. Немного погодя, в радиостанции стало слышно свист подлетающих мин. Еще мгновение, и с опозданием в несколько мгновений между ними, бахнуло три разрыва. Связь оборвалась.

— Первое, второе отделение на левый фланг! – поднялся на колене Мэрлин, выпуская из карабина длинную очередь по минометчикам. – Сука, сука! Пехотинцы, огонь! Залейте

этих засранцев свинцом!

— Нужно отходить к «Первому»! – дернул Алису за бронжилет Груз, поднявшись.

— Да, соединяемся с «Первым». – быстро согласился американский капитан, перезаряжая магазин. – Лесински, со мной! Третье отделение – прикрываете отсюда, стискиваете противника огнем. Рядовой Качински, иди сюда.

— Да, сэр? – к нему подбежал еще один поляк, с расстегнутым ремешком кевларового шлема.

— Берешь четверых из третьего отделения. – прихлопнул его по плечу Мэрлин. – Ваша задача пройти русским в спину и отвлечь их огнем. Нужно показать им, что нас тут не меньше батальона. Стреляете, затем перебежка, и снова стрельба. Туда-сюда, понял?!

— Есть, сэр!

— Мы заставим их еще разок подумать об этом чертовом штурме! – сквозь зубы прошипел пехотный капитан. – Давай, вперед!

Подхватив винтовку под цевье, Мэрлин рванул вдоль зарослей деревьев, иногда заскакивая за них, укрываясь от ответного огня из Калашниковых. В один из таких моментов он увидел, как выбив из дерева немного трухи, пуля завернула точно в череп одного из его бойцов. Худосочный и коротенький негр, всего лет восемнадцати мгновенно свалился замертво в грязную и развезенную лужу, похоронив под собой и автомат. Слетевшая каска чавкнула, ударив по рас-

кисшей земле. Быстро выдохнув от досады, капитан перевернулся на живот, и высадил очередь навскидку. Туда, где то сходилось, то расходилось серое пятно наемников. Туда, где ревели полковые минометы, посылая самую смерть на передовой отряд «Волшебника».

Под шквальным огнем перебежали и Купер с Грузом. Среда чуть отставал от них. Один раз вышло даже так, что шальная пуля, выпущенная из одного из Калашниковых, просвистела через ткань белой рубашки Алисы, разорвав ее на плече. Горячей и быстрой мухой она обожгла и чуть надрезала кожу, лишь чудом не зацепив саму девушку. Она тут же нырнула за массивное дерево, утягивая за собой и Груза. Среда в этот момент вскинул автомат и двумя очередями срезал несколько теней на той стороне округлого парка. Вдруг, там что-то взорвалось – один из солдат оказался убит в момент загрузки мины в миномет, и собственным упавшим телом перевернул его. Яркая вспышка и разлетающееся облако толовых раскаленных газов подсветило американцам цели, и огонь с их стороны стал плотнее.

Пехотинцам удалось оттеснить противника от минометов. Те оказались разбиты и не пригодны после взрыва. Рядом с ними лежали изорванные и располовиненные тела в изуродованных и опаленных бронежилетах. На деревянных ящиках с минами плясали языки огня, которые изо всех сил старался потушить ни на мгновение не прекращающийся дождь. Солдаты хлопали ботинками по раскисшему дерну и

траве, втоптывали своими сапогами раскаленные и разбухшие гильзы в вашингтонскую грязь, а затем, не удержав пули в теле, падали и сами. И с той и с другой стороны. Потери звучали одновременно с звоном автоматных гильз. Щелк – и упал один, щелк – еще один, еще два раза щелкнуло – упало три с другой стороны! Раненных становилось все больше, мобильность и пехотинцев и наемников стремительно падала. А бой становился затяжным, позиционным. Мэрлин уже почти вывел свой отряд на позиции первого «Волшебника», но там все оказалось совсем грустно. Солдаты пытались ютиться у самой земли, буквально вжимались в складки местности. А по ним работал пулемет. Некоторые успевали отползть к деревьям, некоторые сваливались в воронки от русских мин. А кого-то настигала раскаленная пулеметная струя, превращавшая тело в ошметки.

— Лежать, лежать!!! – надрывая глотку, скомандовал своим необстрелянным бойцам капитан. – Не поднимайте головы.

Он видел позиции «Первого» со своего места за деревом, но и сам оказался прижат пулеметным огнем. Наемники быстро поняли, откуда стреляют, и что делает противник. Опальная элита армии думала быстрее, чем пехотинцы Мэрлина, а потому утраченная в начале инициатива снова возвращалась к ним. Пули били все ближе и ближе к американским солдатам. А вот те не могли похвастаться точной стрельбой – было просто не высунуться.

Алиса прыгнула в раскисшую землю, в последний момент укрываясь от очереди. Перевернувшись на спину, быстро протерла лицо, подставляя его под дождевые струи. Все ее тело, вся ее белоснежная рубашка сейчас была коричневой, противно-жирной и склизкой. Она только и успевала, что на мгновение показывать автомат из лужи, в которой лежала и не прицельно заливать наемников огнем из своего карабина. Но тот вдруг заклинил. Гильза застряла в затворе.

— Черт! – вскрикнула она, пытаясь дернуть затвор назад, чтобы достать застрявшую гильзу. Тут по вороненному стволу раздался удар и последовала яркая вспышка. Вражеская пуля едва не перебила ей пару пальцев на одной из рук.

— Дай сюда! – Груз вырвал винтовку у нее из рук, отдавая свой автомат. Он с усилием выдернул застрявшую гильзу из затвора и перезарядил магазин. – Все американское вечно норовит подвести.

Нервно рыкнув на него, Купер высадила очередь из Калашникова в направлении цели. Трассирующие атомные пули красиво пролетели ровной линией, тут же разбиваясь на том конце об что-то металлическое. Вероятно, это была пара бронезилетов. А может и какая другая железная конструкция. Все было едино за дождем, все серое и все безэмоциональное, будто бы сражаться приходилось с самим дождем, с этим чертовым свинцовым занавесом, что намертво сковал американскую столицу.

Внезапно в воздухе снова раздался свист. Но на этот раз

что-то крупнее, какая-то артиллерийская, и точно не реактивная система. Через несколько секунд первый огромный снаряд упал в парке, вывернув вверх целый кубометр земли. За ним грохнулся еще и еще один. Три-четыре, пятнадцать! Целая батарея работала по позициям там. Снаряды сыпались как на наемников, разрывая в клочья их пулеметные гнезда и разнесенные по бокам ударные отряды, так и на залегших за укрытиями пехотинцев. Американцев буквально испепеляло – они были кучнее друг к другу, не смотря на приказ Мэрлина. И за один удар снарядом, всегда погибал не один, а сразу несколько солдат. Силы начали таять на глазах, но «Волшебник» все еще был боеспособной, пусть и единственной единицей во всем Вашингтоне.

– Это что еще за херня?! – придерживая каску, чтобы она не слетела от ударной волны, рявкнул капитан. – Чья это артиллерия?! Она мешает с дерьмом и нас и русских! Сукины дети! Лесински, дай мне «Гудвина»!

— Я стараюсь, сэр! – через несколько мгновений ответил радист. – Есть!

— Дай сюда! – вырвал у него из рук переговорное устройство Мэрлин. – «Гудвин»! Я «Волшебник», прием!

... Когда в Пентагоне начали принимать сигнал, считавшийся до этого уничтоженным, все вдруг остановилось, прислушавшись. Радист мгновенно ответил на него и вывел на громкую связь, чтобы вышестоящие начальники, которые были у него за спиной тоже могли услышать. Все отнеслись

к этому с каким-то трепетом и даже страхом. Неужели у них получилось закрепить боевой отряд внутри вражеского периметра?!

— «Волшебник», докладывайте обстановку. – ломающимся от волнения голосом, утирая вспотевшую шею, протараторил радист.

— Нас нак... – связь снова начала прерываться. – Артиллерия! Она бьет... Им!

— «Волшебник», повторите?! – в гробовой тишине, прерываемой только на бесконечные разрывы тактических ракет в кабинетах Пентагона, повторил радист. – Какая артиллерия?

— По нам бьет артиллерия! – ответил наконец на том конце Мэрлин. – Дальнобойные пушки!

— Где вы находитесь? – перехватил микрофон один из находившихся там полковников.

— «Гудвин», мы находимся... – в радиостанции отчетливо прозвучала еще одна артиллерийская канонада, и на мгновение послышались помехи. У полковника промелькнула мысль, что больше они голос на том конце не услышат. Однако, Мэрлина было не так-то просто, как оказалось, взять. – Мы прорвались к... Белому Дому! Мы находимся...

— Что за дерьмо со связью!? – не выдержал офицер, рявкнув на всех собравшихся вокруг. Затем снова повернулся к микрофону. – «Волшебник», сколько у вас людей?

— Не больше сорока, сэр! – ответил тот. – Но наши силы

тают на глазах! Чья это, черт возьми, артиллерия?!

Полковник знал ответ на этот вопрос, ведь он сам выдал распоряжение о том, чтобы отработать развернутой дальнотбойной артиллерией по вероятным позициям противника у Белого Дома. Он знал, что по экстренному распорядку, никого из вышестоящих лиц государства на улице и в самом здании уже не будет. Думал, что и боевых частей, раз ни от одной из эвакуационных команд до этого не поступали сигналы, там тоже никого не должно было быть. Частично, он оказался прав для себя – сорок человек точно не те силы, чтобы удержать огромный город.

Выдохнув, полковник не сильно бросил микрофон на стол, не став отвечать.

— Сэр, что мне ответить «Волшебнику»? – спросил радист.

— Ничего. – сурово выдохнул тот. – Мы им уже не поможем.

— Какого черта вы творите, сэр?! – встрепенулся один из майоров, в то время как остальные решили снова разойтись по своим суетным делам. – Это же наша передовое подразделение! Отзовите артиллерию!

— Черта с два! – рявкнул на него тот, ткнув двумя пальцами ему точно в горло, указывая, чтобы тот отошел. – Сорок человек – это дерьмо, а не подразделение! Их перебьют быстрее, чем мы отдадим приказ артиллерии. Артиллеристы держат русских на расстоянии от Белого Дома, и будут дер-

жать до подхода Национальной Гвардии! Уйдите с дороги, майор!

— И я вам скажу, черта с два, сэр! – пихнул его тот. – Вы идиот! Ваши приказы уже погубили четыре «Оспрея» с морпехами, и я не дам вам загубить отряд «Волшебника»! Они смогут вывезти Президента, если мы пробьем им коридор и поможем!

— «Гудвин», прием! – пытался ворваться в их диалог Мэрлин, дожидаясь ответа.

— Мы им уже не помощники. – начал бурить взглядом мятежного майора полковник. – И мы не свернем артподготовку. А вы арестованы.

Полковник протянул руку, чтобы жестко сорвать с замаранного чужой кровью майорского кителя погоны и все регалии, как тут же прозвучало два выстрела из пистолета. Взгляд вышестоящего офицера окосел, и он упал на пол. Выдохнув, майор положил пистолет на стол, и сказал:

— Если я ошибусь, убейте меня, как я его. Но сейчас отдайте приказ артиллерии на прекращение огня.

— Сэр?

— Выполняйте. – приказал майор засомневавшемуся радисту. – «Волшебник», я «Гудвин». Это была наша артиллерия. Мы завершаем артиллерийскую подготовку и начинаем готовить вертолетный коридор. Ваша задача – продержаться до прихода вертолетов и вывезти Президента. И, несколько это возможно, его ближайшее окружение.

— Есть, сэр. — с долей разочарования в голосе ответил Мэрлин.

— Держитесь, ребята... Конец связи. — сглотнул майор, закрыв на мгновение глаза. Он отпустил кнопку переговорного устройства, выключив канал. Повернулся к радисту. — Вы должны соединить меня с ближайшей функционирующей базой ВВС...

...Последний снаряд упал в нескольких десятках метров от самого капитана, подбросив вверх, сломанное до этого дерево и расщепив его на миллион крохотных кусочков. Гаубицы М777 замолчали спустя пять минут после начала массивной артиллерийской подготовки и стало даже как-то непривычно тихо. В ушах звенело, тело подбивало в дрожь от многочисленных прокатившихся по нему ударных волн. В шее Мэрлина сидел мелкий и горячий осколок фугасной болванки, который едва его не убил, но в итоге запекся в крови под кожей, и мешал нормально поворачивать головой. Постоянно держась за шею, капитан осмотрелся. В тумане лежали разорванные тела его солдат, вперемешку со снаряжением. В воронках, окутанные толовой вонью и кровью, поблескивали стволы винтовок и карабинов. Они отражали весело пляшущие, но тухнущие под дождем огоньки на развороченных деревьях и кустах. В нос врывался сразу миллион запахов. Дым, гарь, противный солоно-сладкий запах пороха и взрывчатки, невероятная вонь трупов и крови, озон от поблескивающих между землей и свинцовыми тучами молний.

Здесь смешалось все, как в чудовищном коктейле, который подают на дьявольской кухне.

И снова завязывался бой. Снова приходилось двигаться, снова перестреливаться, снова наблюдать, как ранеными или убитыми со всех сторон падают молчаливые и злобные тени. Солдаты уже не так активно переговаривались между собой. Половина не могла слышать после канонады. Самые несчастливые из них жили по инерции, истекая кровью от осколочных ран, затем падали в лужи, так и не осознав, от чего же они погибли. Большой осколок снаряда ударил в бронжилет Среде. Тот пытался отдышаться, восстановить дыхание и ритм сердца, чуть ли не падая от пронизывающей грудь боли. Из руки Груза торчал кусок дерева, его накрыло горящими ветками, и он едва успевал их откидывать с себя, чтобы не прокоптиться заживо. Самой целой оказалась Алиса, потому что все это время была прикрыта более объемным чекистом, но тоже страдала от веток, чувствуя, как языки пламени норовят прорваться к ее лицу.

— «Второй», «Второй», прием! – пытались дозваться в рации. Убитый Лесински уже не мог подать капитану рацию и тот взял ее сам, поглядев на разбитые круглые очки солдата.

— «Второй» на связи. – выдохнув, ответил он, огрызнувшись огнем из карабина по наемникам, которые тоже пытались пережить последствия артиллерии.

В перерывах между очередями из карабина, Мэрлин пы-

тался подтянуть рацию к себе, но каждый раз она тянула за собой еще и убитого осколком в челюсть радиста.

— Что это было?! – нервно спросили на том конце. – У нас море убитых!

— У нас тоже, «Первый». – снова выдохнул капитан, вцепившись в резко заболевший осколок в шее. – Нас накрыли наши «семерки». Но, кажется, и русским не слабо досталось! Нам нужно закрепиться в Белом Доме и держаться до прихода наших вертушек!

— Они там издеваются? – устало спросил «Первый».

— Выполняйте, вашу мать! – скомандовал Мэрлин.

— Танк!!! – заорал один из пехотинцев, показав пальцем на большое темное пятно за серой стеной дождя.

Солдата тут же порвало пополам. Его словно разрубило громадным топором, изорвало в локуты и раскинуло противным и тошнотворным фонтаном. По лесополосе, в которой прятались американские пехотинцы заплясал настоящий шквал из огня. На той стороне не было танков в привычном их понимании. Огромным серым пятном на гусеницах оказалась колонна подошедших авиадесантных машин с тридцатимиллиметровой пушкой, которая и была создана, чтобы рвать легкую пехоту. Протестированные в горах Афганистана и Чечни, теперь БМД-2 были здесь – весомой подмогой наемникам в штурме Белого Дома. На головной машине под дождем мотался красно-бело-синий стяг, а на броне было несколько десятков десантников. Теперь численный

перевес был строго в сторону русских войск. Но и американцам было некуда деваться – отступить запрещено, цель была впереди.

— Гранатомет сюда! – рывкнул Мэрлин, вжимаясь в землю. За секунду до этого над его головой расщепило пару ветвей, и его забросало обломками древесины. – Гранатомет, быстро!

К нему начал подползать один из его солдат, но тот попал под огонь, и оказался ранен. Пулей ему вышибло плечевой сустав, и перевернувшись с живота на спину, он успел только вскрикнуть до того момента, как еще одна пуля не угодила ему точно в голову, прошив каску так, будто бы ее и не было. Противник начинал наступать на ряды американцев, и нужно было двигаться. Еще и еще двигаться! Занять Белый Дом и попытаться удержать его, потому что на поляне их попросту сомнут наступающие авиадесантные машины.

Капитан кинулся вперед, и услышал, как по каске врезала пуля. Он схватил ремень гранатомета АТ-4, и подтянул его к себе, взводя и приводя к бою. На мгновение высунувшись из-за своего толстого дерева, за которым он прятался, неприцельно выстрелил, и смог сбить гусеницу одной из наступающих русских машин. Та, раскинув разорванные звенья по сторонам, остановилась и по инерции развернулась, утонув голыми катками в американской грязи. Башня с тридцатимиллиметровой пушкой начала разворачиваться точно на американского капитана, и тот почувствовал, как борода-

тый и не самый образованный, наверное, русский наводчик с непроизносимой фамилией уже видит в прицеле его испуганное лицо. Затаив дыхание, Мэрлин увидел, как точно на него нацелено жерло пушки. От испуга он не мог пошевелиться, не мог спрятаться, а просто смотрел и думал, сколько же пройдет секунд до того момента, как он перестанет ощущать собственные руки, тело или голову...

— Моргана требует подсветку цели! — заорал Среда почти через весь лесопарк, чтобы его услышали. — Она уже над нами.

— Груз, дай дым! — рванула его рюкзак Алиса, мгновенно доставая оттуда гранату с зеленой полоской на корпусе. Быстро выдернув чеку, и откинув скобу, она кинула ее в сторону наступающих наемников. — Все назад!

— Отходим! — рванул за бронежилет одного из американских солдат пожилой советский чекист. — Быстро, черт вас раздери! К Белому Дому!

...Ничего не могло скрыться от электронного взгляда Морганы, соединенного с камерами наблюдения на самой машине. Она видела все, что творилось на земле, в воздухе, за и перед, по бокам алюминиевого трясущегося от нагрузки фюзеляжа. И даже дождь, бьющий с неистовой силой по покату кокпиту, не мешал этому. Быстро обратив внимание на поднимающийся где-то внизу зеленоватый туман, смерив взглядом, в каком направлении идет бой по вспышкам автоматических пушек и автоматов, девушка приготовилась к

тому, для чего ей и выдали этот сумасшедший аппарат из прошлого.

— Топливные баки. — спокойно сказала она в рацию. — Сброс!

... Среда поднял голову и увидел, как что-то мелькнуло в небе. Затем в уши ворвался душераздирающий свист и рев реактивных двигателей. Под гнетом ударной волны содрогнулась грудь, а от земли подняло настоящий шлейф из грязи и водяных капель, листьев, щепок, веток и кусков тех лохмотьев, что до боя были солдатами или их одеждами. Все это закружилось в стремительном вальсе над грязной и раскисшей почвой парка.

И рев и свист на мгновение сменились другим звуком. С небес посыпались неожиданные наемниками и экипажами БМД подарки. В воздухе закручивались и кувыркались два огромных подвесных топливных бака с огнесмесью, которые разбились об шеренгу бронемашин. Мгновение, и все вдруг стало как днем. Показалось, что даже закончился дождь — капли просто испарялись налету от чудовищного жара, который охватывал технику и живую силу противника. Наемники и десантники в броневиках сгорали моментально, оставаясь только пеплом на собственных костях. Смерть настигла их внезапно и моментально. Настолько, что некоторые не успели заметить даже вспышку — сгорели, не почувствовав. Величественная огненная стена и вспышки пожарищ поднялись к небесам, подсветили свинцовое одеяло из туч. Над

всем этим великолепием вились молнии и гремел природный гром, светились тракты полетов ракет. Зрелище было поистине завораживающее для всех, кто успел его увидеть со стороны.

Экипажи выпрыгивали из своих горящих машин и падали в быстро испаряющиеся лужи, пытаясь потушиться. Некоторые героически начинали наступать с прежним темпом, но не выдерживали жара и падали ничком на землю, прямо в высохшую на мгновение грязь. Горячая и жирная земля прилипала ко всем, кто был в эпицентре сброса, и дополнительно мешала выбраться из него. Бой на несколько минут оказался остановлен.

Горела теперь и та БМД, которая целилась в грудь пехотного американского капитана. Тот уже не боялся, не страшился, а припал к земле, как грешник во время грома, и закрыл глаза руками, чтобы не ослепнуть от вспышки. Он еще никогда не видел бомбардировки зажигательными смесями так близко. Буквально чувствовал горячее и кипящее дыхание смерти, которая плясала всего в нескольких десятках метров от него. Но Моргана сбросила невероятно точно – уничтожила только большую часть техники и живой силы противника, не задев американцев. Никто из солдат Мэрлина сейчас не запекался до корочки, никто не был пеплом на костях... Однако многим из них хотелось умереть не так болезненно, как от осколков союзной артиллерии или пуль.

— Отход! – поднялся наконец капитан. За ним встали и

его бойцы, хватая в руки карабины. Нужно было воспользоваться паузой, и это был прекрасный шанс. – За остальными! К Белому Дому!

Солдаты неслись через заросли парка к большому зданию с колоннами, которое было словно маяк – его узнавали из тысячи, и во всем мире понимали, что это было за строение. Оплот вездесущей «демократии», которая заливала химическим оружием Вьетнам и Лаос, бомбила фосфором Югославию и Ирак, свергала правительства и устраивала революции по всему белому свету в своих интересах. Главное здание Соединенных Штатов Америки, где заседали самые из самых – люди, выбранные не народом, а специальными выборщиками. Предстояло принимать бой в стенах, где принимают нечеловеческие решение о судьбе планеты. Американским пехотинцам предстояло оборонять то здание, где решали, на кого они будут нападать. Какая ситуация, какая ирония... Идеальная для сотен шуток по ту сторону бывшего железного занавеса, где под гнетом заказов военно-промышленного комплекса в могилу ложилась экономика и вся финансовая система.

Однако пехотинцы, вместе с Купер, Грузом и Средой, успели только подойти к Белому Дому. Встать на его Южную лужайку и мгновенно упасть в грязь, чтобы укрыться от пуль уже пришедших в себя после неожиданной атаки сверху наемников и десанта. Вопреки ожиданиям, некоторые из боевых машин еще остались в строю, и пусть обгорелые, в

некоторых частях еще с непотушенной зажигательной смесью на броне, но они были весомой силой и монструозным аргументом в руках противника. Вход опять оказался отрезан плотным, даже шквальным, ураганным огнем русских.

— Они все никак не сдадутся! – выкрикнул один из пехотинцев.

— Русские не сдаются... – сурово заметил ему Груз. – Даже наемники.

– Значит и нам не стоит! – возразил ему Мэрлин. – Пехотинцы, ползком!

— Броневик, слева! – раздался возглас.

— Еще два, справа!!! – указал один из солдат. – Они загоняют нас в клещи!

Внезапно в небе раздалась хлопки.

— Только не это... – на выдохе сказал пехотный капитан, глянув на две приближающиеся с востока тени.

По воздуху просвистел залп из неуправляемых ракет. Два русских «Крокодила» сделали вираж над Белым Домом и снова ударили по нему НУРами. На мгновение зависнув над продвигающимися вперед шеренгами наемников и десантников, они искали залегшую в грязь и траву, в немногочисленные растения и живые изгороди, американскую пехоту, которая оказалась против них практически бессильной. Мэрлин вжался в землю, Алиса практически не дышала, чтобы очередь из курсовой пушки не порвала ее напополам. Груз держал Среду за бронежилет, чтобы тот не вывалился

из-за дерева, за которым они лежали.

— «Гранит», я «Антей-2», наблюдаю залегшую пехоту. — доложил один из пилотов вертолета.

— «Антей», уничтожьте их! — ответил один из наемников, практически вереща в рацию. — Я даю вам добро! Эти мрази сожгли нашу колонну!

— Есть. — спокойно доложил пилот. Но тут в кабине заревела система предупреждения об наведении. — По нам выпущена ракета!

— Влево, отходи влево! — пилот второго вертолета потянул рукоятку управления вправо.

«Крокодилы» попытались разойтись веером, как тут одного из них нанизало на ракету. Она впиалась точно в спаренные двигатели и разорвала их пополам. Сдетонировали топливные баки, и бронированный летающий винтокрылый русский танк оказался вихрем из догорающих элементов обшивки, падающим за землю. Второй оказался более удачлив — он завершил вираж и сумел даже выпустить ракету по промелькнувшей в небе тени. Ракета описала дугу и в воздухе тут же засветился фонтан из тепловых ловушек. Одновременно со вспышкой громыхнул и взрыв — боеголовка разорвалась над самым Белым Домом, окатив залегшую пехоту обломками, но никого не задев. Моргана потянула рукоятку на себя, и выжала спуск для еще одной ракеты.

Сорвавшись с пилонов, она пролетела точно над шеренгами наступающих наемников и десантников, стиснутых на

этот раз обломками первого вертолета, и ударила в хвостовой винт второго «Крокодила». Он не рассыпался сразу, а завертелся, закрутился, задымил. Жестко сел в городском квартале, не взорвавшись. Этому экипажу улыбнулась удача, и он не погиб в небе над Южной лужайкой. Снова раздался рев и свист реактивного двигателя. Среда увидел, как на долю секунды появляются где-то сверху горячие и яркие вспышки курсовой пушки. С шлепками и шипением, в лужи на развезенной дождем земле посыпались разбухшие гильзы. Самое удивительное для мужчины оказалось в том, что вспышки не двигались, не меняли своего направления. Самолет застыл в одной точке, и распиливал остановившиеся БМД вдоль, как настоящий консервный нож! Небольшие фонтанчики от вонзающихся в землю пуль, поднимали на воздух все, что было там – людей, обломки вертолетов и сгоревших бронемашин, расщепляли деревья и изничтожали кустарники. Вторым ударным кулаком стал залп неуправляемых ракет, из блока под левым крылом. Он добил оставшиеся бронированные машины и остановил залёгших наемников и десантников. Громогласное звучание реактивного двигателя заставляло всех закрыть уши, прижать ладони к голове как можно плотнее. Американские пехотинцы подняли головы вверх, уже не увлеченные жестоким и коротким кровопролитным боем с наемниками и десантниками русских. Всех интересовало, что именно за сила им помогает. С восторженными возгласами и улыбками на уставших и изра-

ненных лицах они приветствовали неожиданно появившегося, буквально из ниоткуда, союзника. Горячее дыхание реактивного двигателя обдувало землю, иссушало ее, заставляло воздух становится не пригодным для дыхания. Свист и рев сотрясал тела и заставлял мозг смешивать чувство непомерной опасности с непомерной радостью в таких пропорциях, чтобы получился мощный адреналиновый коктейль, заставляющий чуть ли не подскакивать на месте от эмоций.

Температура пляшущего по земле реактивного вихря увеличивалась – самолет снижался, будто бы хотел посмотреть на дело рук своих. Моргана осторожно опускала машину миллиметр за миллиметром, чтобы не попасть по залпы русских зенитных комплексов, держала огромный фюзеляж всего в трех метрах от земли. Казалось, что до нее можно дотронуться рукой. В рядах американской пехоты добавился немислимой мощи богатырь – русский ЯК-38М с американским реактивным сердцем. Моргана, в летном шлеме, из надраенного кокпита осматривала местность перед белым домом, и моментально реагировала на любую активность в неприятельском стане, заливая ее ракетами и снарядами курсовой пушки.

— Отходим! Быстро! – скомандовал Мэрлин своим бойцам. – Всем внутрь!

Его бойцы резко сорвались со своих мест, в рассыпную бросились к Белому Дому. В это время с другой стороны все еще, не сдаваясь, стреляли наемники и десантники, сумев-

шие уцелеть под налетом. Но и Моргана не дремала. Она резко отводила рукоятку управления, чтобы повернуть послушную машину и зажимала гашетку, наблюдая как громкая и горячая очередь улетает в точку в прицеле, распахивая землю и все, что было на ней. Дождь заливал кокпит, искажал видимость. Но девушка прекрасно видела, что в клубах жирной грязи были и люди.

Пехотный капитан на мгновение остановился и постарался заглянуть в кабину русского самолета, что завис так низко над землей. Но под черным гермошлемом с опущенным забралом не было видно ничего, ни одной черты лица. Для Мэрлина этот пилот не был прекрасной девушкой с нелегкой судьбой. Для него это был молчаливый и грозный союзник, которого явно не стоило злить, для него это был спаситель, который ничего не просил взамен и помогал, потому что должен был, потому что хотел этого, или был горд этим. И от этого сердце неуклюжего, но толкового офицера защемило, ему захотелось отдать пилоту воинское приветствие, показать, что он действительно оказал им невероятную помощь. Но, поняв, что сейчас этого делать не стоит, осекся и побежал к Белому Дому, в след за своими бойцами. Разумеется, Моргана видела, как тот на мгновение застыл. Она обратила внимание на то, как он, не моргая, смотрел точно на нее, разглядывая как мессию. Однако на душе девушки скреблись кошки, ведь сейчас она помогала американцам – тем, кто, по ее мнению, паразитировал на Европе, наво-

дил в ней свои порядки и загонял под собственную финансовую сеть. Дениц не была уверена в том, что помогать им стоит, что стоит держать машину прямо, нацелив пушки на русских, а не дернуть рукоятку и размазать пехотинцев по лужайке Белого Дома неуправляемыми ракетами. Но всего в одном она была уверена – в том, что слышала в радиии голос Среды и Груза, что помогала в первую очередь им.

Як продолжал висеть над лужайкой, не подпуская наемников близко. Те все желали сблизиться, хотя бы на пару метров, подползти, подкатиться, отстреляться по американцам, но их желания обрывала тяжелая очередь из курсовых пушек и ракет. Казалось, что боекомплект у Морганы был бесконечным – она без усталости и без осторожности жала на гашетку, сжимая зубы в оскале. Однако, это было не так. Электронное табло подсказывало, что пушка скоро должна была заглохнуть, а в подвесном бочкообразном контейнере ракет было всего на пару выстрелов. Ее облик, и облик ее самолета теперь больше выступали как пугало, как нежелезная реально сдерживающая сила. Каждого, кто видел зависший над землей огромный советский самолет, огрызающийся ракетами под шквальным тропическим дождем, охватывал дикий, первобытный раболопный страх. Над этим полем боя Дениц была пока полноправной владычицей.

Мэрлин неуклюже перемахнул в разбитое вертолетной ракетой высокое окно Белого Дома. Он обессиленно упал на ковер в Овальном кабинете, но затем быстро поднялся, пере-

махнул через пару диванов и оказался около отделения своих людей. Они занимали оборону уже в здании, и там оказалось относительно безопасно.

Алиса пропустила Среду вперед, и тот запрыгнул в окно легко, даже как-то расслабленно. Практика Берлина и Москвы не подводила его ни на минуту – он уже бывал в городских боях в этом месяце, и оказался более натренирован и подготовлен. Груза же, как ни крути, подводил возраст. Он так же, как и Мэрлин, перевалился через подоконник, свалившись на битое стекло внутри здания. Но резко поднялся и отошел за стену, чтобы не попасть под перекрёстный огонь наемников, десантников и пехотинцев. Последней, ни кстати элегантно, держа винтовку одной рукой, заодно выпустив очередь, спиной вперед в помещение запрыгнула Алиса. Купер легко и практически не слышно приземлилась на ноги. Ее мокрые кроссовки лишь чавкнули об напитавшийся влагой и грязью ковер.

— «Гудвин»! – зывал по рации Мэрлин собственный штаб. Но там опять были помехи. – А! Что? «Гудвин»! – в порыве ярости он с размаху бросил переговорное устройство на диван. Но то легко отпружинило и подкатилось к его ногам. – Раздери тебя гром! В ней опять помехи!

— Сэр, после Лесински она хотя бы работает. – строго заметил чернокожий солдат с кровоподтёками на грязной и мокрой форме. Он держал винтовку одной рукой.

— Да, верно, солдат. – выдохнул, понимая, тот. Снова

попытался выйти в эфир. — «Гудвин»! «Гудвин»! «Гудвин»!

...На том конце тоже не понимали, почему радиостанции работают настолько плохо. Видимо резервные, не спутниковые линии, оказались перегружены всеми системами страны, и просто ломались от нагрузки. Каждый из офицеров в Пентагоне сейчас отдал был правую руку хотя бы за один спутник связи! Но все они оказались обломками в морях, океанах, пустынях, лесах и в Берлине.

— «Волшебник», я «Гудвин», прием! — майор уже сам сел за радиостанцию. Остальные офицеры в поте лица возились вокруг него, пытаясь согласовать воздушный коридор для двадцати старых вертолетов, позаимствованных у Национальной Гвардии. — Твою мать...

Неровно в его руках заплясал огонек зажигалки. Коснувшись кончика сигареты, тот и вовсе погас, сильно мотнувшись. Сердце колотилось с необычайной силой, от уже привычных прилетов русских корабельных ракет содрогалось все огромное здание. Но они оставались на своей работе, не поддались панике и отказались от эвакуации. Этот майор рассорился со всем своим командованием, и его уже ждал трибунал за невыполнение приказов. Но сердце офицера подсказывало ему, что он не имеет права бросать сорок своих парней в этом природном и военном аду. Держались они — держится и он.

— «Гудвин», слышу тебя! — донеслось наконец из рации. — Мы... — связь оборвалась, но затем снова восстановилась. —

Понял?

— Повторите. – американский майор пододвинулся ближе к микрофону.

— «Артур»! – крикнул Мэрлин. – Ведем бой за «Артур»! С нами русский СВВП!

— Русс... Что, блять? – не понимал офицер, поглядев на остальных, кто его окружал. Но они не понимали, о чем говорит этот пехотный капитан. – «Волшебник», что у вас там происходит?

— Нас прикрывает русский штурмовик!

— Русский штурмовик?

— Да, сэр, русский штурмовик, я ведь не на суахили говорю! Янки-Кило.

— Нашел, сэр. – один из командного состава ВВС сунул майору под руку старый военный справочник по советской авиации. – Единственный серийный русский СВВП. «Фальшивомонетчик». Какого черта он делает у Белого Дома?

— Я должен это знать?! – нервно стерев пот с подбородка, бросил ему майор. – Он оказывает им поддержку, и необходимо скорректировать наш силы в том районе, чтобы они его не сбили. Нужна любая помощь нашим, и пусть это будет тот гребанный русский штурмовик.

— Сэр, есть добро на воздушный коридор. – поднес бумагу раненный клерк.

— Они что, издеваются? – мгновенно пробежался глазами по донесению майор. А затем смял его одной рукой. –

Чертовы идиоты...

— «Гудвин», прием!

— Да, «Волшебник», прием! – быстро произнес майор, судорожно пытаясь собрать информацию в голове в единое целое. В этот момент ракета угодила куда-то ближе, и с потолка посыпались куски бетонных перекрытий. Стало нечем дышать. – «Волшебник»! К вам отправляется шесть «Ирокезов» при поддержке десяти «Кобр»!

— Повторите! – не расслышал из-за помех Мэрлин. – Мы что уже часть Вьетнама, сэр?!

– Это все, что есть сейчас! – ответил ему тот, понимая почему капитан задал этот вопрос. Но вот делать было уже нечего. – Они будут подлетать через разведанный коридор над русскими позициями на окраине города. Высота не более тридцати метров. Ваша задача обеспечить посадочную площадку, как понял, «Волшебник»? Это все, что я мог сделать для вас, Мэрлин.

Несколько секунд майор слушал помехи, утирая пот и пыль со лба. Он закашлялся от едкой штукатурки, заколовшей в носу и в горле. Он уже не мог дышать этим, но ему приходилось. Приходилось быть тем, кто собирает единственный Вашингтонский кулак и направляет его противнику в челюсть. И внезапно он услышал, ясно и отчетливо:

— Как ваше имя, сэр?

Бетонобойная головная часть русской ракеты прошла плиты перекрытия и вонзилась в пол точно в нескольких

метрах от радиостанции и от оглушенного и опрокинутого на спину майора. Он увидел лишь ироничную надпись белой краской: «На Вашингтон!». Детонатор сработал штатно, и шесть кабинетов Пентагона превратило в пыль...

...Мэрлин затаив дыхание смотрел на переговорное устройство в своих руках. Он не мог понять, почему связь настолько резко оборвалась. И вдруг понял, что раз не было помех, раз не было треска и шипения, то тот конец волны уже оборван, и никто им не ответит. Они остались без координации действий, без связи, без знания обстановки. Около двух десятков человек в самом центре собственной страны. Совершенно одни.

— Сэр! – тряхнул его за плечо один из солдат, пытаюсь утянуть за бронежилет в дальние комнаты от пуль. – Черт возьми, сэр! Что говорит Пентагон?

— Пентагона больше нет! – сорвался тот, но вдруг осекся, отпустив рацию. – Они посылают шесть «Ирокезов» под прикрытием «Кобр». Те пролетят через весь город на высоте тридцати метров.

— Они же знают, что здесь не сраный Вьетконг?

— Не припирайся, Васкез. – рявкнул на него капитан. – Наша задача удержать здание и обеспечить посадку.

— Сэр, если русские подойдут, мы окажемся в окружении. – снял каску тот, утерев мокрые и жирные от крови волосы.

— А у вас в руках водяной пистолет? Если они нас окру-

жают, значит мы еще представляем угрозу, и сидим занозой в их русских задницах!

— Да, сэр! – резко ответил солдат, надевая каску на место, и демонстративно передергивая затвор.

Алиса потянула Диму за ляжку бронежилета, затаскивая его в коридор через разбитую очередь из русского пулемета дверь. Пули просвистели у них над головами, чудом не перебив Купер пару шейных позвонков. Одна из них оставила след на ее шее, который будто бы нехотя начал кровоточить, но девушке было все равно на это. Алиса подтащила одной рукой не самого худого Диму, одетого в бронежилет, к себе ни издав при этом ни звука усталости. Видимо в ней было столько же силы, сколько и в Ульяне – невероятная мощь нескольких быков – но при этом ее фигура не говорила об этом прямо, не показывала своих мышц, не выпячивала под кожей сухожилия, оставалась все такой же прекрасно-эталонной. Однако Дима, как и Груз этого не заметили. Они были слишком взволнованы о другом, как бы не попасть под перекрестный огонь и добраться до правительственного бункера, который должен был быть где-то в самом Белом Доме.

— Оставь радиостанцию здесь. – приказала Купер, сдирая с плеч мужчины грязную металлическую коробку. – Вы идете со мной в бункер!

— Что? – переспросил Среда.

— Не вздумай возникать! – перешла на указательный тон

Алиса, резко повернувшись к Грузу. – Тебя это тоже касается. Если там вдруг станет жарко, мы перебьем всех, кто может оказать нам сопротивление.

— Так значит ты идешь туда не за диалогом? – усмехнулся, в не своей манере тот.

— Я иду за ним, но, если слова не решат дел, тогда придется показывать силу. Идемте.

В ней кипела решимость, в ней кипел азарт боя, который перекидывался еще и на ее мысли в голове. Теперь она не выстраивала тот странный и многозначный диалог с президентом США и его окружением, она готовилась ставить условия. И это было правильно – не было сил, желания и времени препираться, если вдруг это ослы в правительственных кругах решат думать только о собственных задницах и насмерть забудут про семь миллиардов живущих на земле людей. Как и Ульяне, Алисе нужен был весомый аргумент на переговорах, и Груз со Средой снова стали именно им – силой, которая будет действовать тогда, когда прозвучит последнее слово. Каждый из них зарядил в оружие новую порцию патронов в магазине и звучно дернул затвором. Автоматы были готовы к стрельбе.

Коридоры, еще коридоры. Темные и мрачные, побитые очередями и авиационными ракетами. У ног троицы лежали изорванные полотнища и их обгоревшие куски. Со стен, как и в Кремле, слезла сожжённая облицовка. Белый мрамор и гранит были разбиты, всюду виднелись трещины и торча-

щая снопами арматура. С древесины, где она была, слезал взбухший и почерневший от пожара лак. Всюду пахло гарью, пылью и озоном. Под громогласным ревом развернувшегося и не прекращающегося боя, непогоды и разрывов ракет в нижних слоях атмосферы, содрогались стены, дрожали еще пока целые хрустальные люстры и подсвечники. У ног из-за штормового ветра вилась пыль и мелкая щепка. Дождь заливал в трещины между этажами и каждый раз обдавал теплым и вязким из-за пыли водопадом. Однако противника на этажах и в коридорах все еще не было – это позволяло двигаться быстрее. И вскоре Алиса первой перешла на откровенный бег.

И даже Среда, человек, который бегал по подобным зданиям уже практически месяц, с начала Берлинской операции, не успевал за ней. Грузу так и совсем было плохо – участилось дыхание, забилося быстрее большое, но старое сердце. В нем уже не было той юношеской чекистской прыти. Все-таки он стал старым, но вот еще не подводил – с дистанции не сходил, и пусть было больно, было не приятно, не сдавал, держался за остальными. Через несколько минут Алиса ворвалась в запертые двери, выбив их ногой. Там был длинный и прямой коридор к лифтовым дверям. Резко вскинув автомат и включив фонарик, она обшарила коридор на предмет каких-нибудь следов противника, но ничего не найдя, снова побежала.

— Ты думаешь, что он работает? – спросил ее Среда. – На

улицах даже фонарики не работают, а тут эта кабина!

— Да. — уверенно нажала она на кнопку, предварительно приложив руку к сенсорному табло сбоку. — У правительственного бункера и этого лифта собственная система питания, которая не зависит от городской, и даже той, которая питает Белый Дом. Она расположена под самим бункером и включается только в экстренном случае. Ее не доставит ни одна ракета и ни один магнитный импульс. К тому же, — усмехнулась вдруг она, переводя дыхание. — Никто не отменял бензиновые генераторы.

— Как в Кремле. — догадался Среда.

— Да, как в Кремле. — ответила ему Алиса, улыбнувшись.

Раздался едва различимый звонок прибывшей лифтовой кабины. Стальные надраенные до блеска двери наконец распахнулись. И Среде показалось, что на мгновение он ослеп. Этот холодный, белый и бесконечно электрический, мигающий свет был ярче солнца сейчас, ярче разрывов бомб, ракет и залпов пушек. Непроизвольно все втроем они, привыкшие к действию в практически кромешной темноте, зажмурились, закрыли глаза руками, съеживаясь. Они ждали, что будет светло, что наконец будет тот источник электрического человеческого рукотворного света, который они так искали, но не ждали, что будет настолько обжигающе непривычно. Все-таки привычка продираться сквозь грязь, темноту, дождь и невероятно суровые условия боя вырабатывалась быстро. А тут — цивилизация.

Алиса все-таки вошла первой. Первой же она приспособилась к новым условиям, убрала руку от глаз и заглянула внутрь кабинки своими холодно-синими зрачками, явно пытаясь найти там что-то необычное. Но ничего так и не набросилось на ее взгляд как дикий зверь из лесу. Все было обычно, тихо и спокойно. Даже слишком тихо и слишком спокойно. Все шло гладко, и это не могло не расстраивать. Ведь перемена чудовищной среды на дружелюбную, сулила скорейшее возвращение к чудовищам. И это было понятно, это было ожидаемо. Не нужно было быть провидцем, чтобы понимать, что там, на минус пятьдесят первом этаже Белого Дома кипел нешуточный словесный бой. И бой более страшный, чем тот, который разворачивался наверху. Светила американской дипломатии, демократии и человеколюбия, как бы иронично это не звучало, думали о том, что же будет им самим, когда рука с золотыми швейцарскими часами нажмет на заветную кнопку? Что будем им, когда сотни, тысячи ракет взмоют вверх, уже не пригодные для перехвата системами ПРО? И именно сейчас, в этом лифте, Алиса впервые почувствовала настолько сильно, что у нее по спине бегут мурашки, а в голове фантомные часы отсчитывают каждую секунду. Она действительно боялась незнания, собственного невежества в той ситуации, которая была внизу. Боевой пыл в этой размеренной и даже гнетуще спокойной обстановке спускающегося через десятки метров грунта лифта угасал, и снова приходило понимание, что не стоит

бить кувалдой. Стоит резануть острым скальпелем, вонзится слово так, чтобы оно не вызвало отторжения, чтобы оно не выглядело как условие. Необходимо, чтобы ее речь воспринималась как бесконечно верная, в обоих смыслах этого слова, позиция. Нужно было сделать так, чтобы на ее сторону встал тот, кто еще колебался. Нужно было склонить Президента.

Тик-так. Прошла секунда. Тик. Так... Другая. Лифт все мчался вниз, свистя тросами и поскрипывая металлом бронированной кабинки. Алиса не знала, не опоздала ли она. Не знала, не взмыли ли ракеты в те несколько секунд, что они были в лифте. Не знала, насколько близко была ядерная кнопка от теплой кожи рук, и была ли она вообще на каком-либо уже удалении от нее. Может, она уже, и сама нагрелась от человеческого непрерывного тепла. Может, она уже шла вниз под давлением... Тик-так.

И Алиса боялась. Неровно выдохнула, пристукнув рукой. Ей было все равно до того, что она уставшая, что она грязная, что она вымотана и промокла до последней нитки, что ее волосы растрепаны и что с них кусками сваливается грязь – волосы единственное место, к чему она, на удивление вообще мало липла – что ее бронежилет порван, а автомат в руках давно с пустым магазином. Она просто думала, в ее голове мотались миллиарды мыслей, и все одновременно они требовали ее вмешательства, ее ответа на поставленные ей же самой вопросы. Купер решала сложнейший ребус в го-

лове, но не без успеха. Годы... нет, десятилетия! Десятилетия подготовки к этому часу! Сотни и тысячи прокрученных дел, петабайты и целые бумажные библиотеки информации – еще никто самостоятельно не делал настолько большую и настолько качественную работу. Купер знала все на свете, каждую минуту жизни Америки в истории, кроме той, когда она сама, без своих документов и без своих знаний спускается в правительственный бункер...

— Ты боишься. – даже как-то мягко сказал Груз, все равно не поворачиваясь к ней.

— Да, я боюсь. Я человек. – опустила голову она, снова выдохнув.

— Нет, тут ты не права. – он наконец повернул на нее голову, утерев мокрые и грязные седые волосы. – Ты не имеешь на это права – бояться.

Купер грустно ему усмехнулась:

— Ты хотел видеть меня не такой?

— Я не хотел тебя видеть вообще. – честно, не приукрашивая не слова, как-то даже буднично ответил старый чекист. – Но сама жизнь, и, конечно же, Ульяна решили по-другому. И вот теперь я еду с директором вражеской разведки, и с тем, что осталось от моего лучшего друга в американский правительственный бункер, чтобы предотвратить обмен ядерными ударами. Думаешь, что это ты боишься?

— Ты, как и всегда... – снова усмехнулась она ему, не поднимая головы. – Шутишь без единого намека на саму шутку.

Да, ты постарел, но не изменился.

— Ты тоже. – ответил ей Груз.

Среда было подумал, что это опять был ей упрек, что это был укол в прошлые ее поступки, которые все еще оставались для Димы загадкой. Однако, это было не так – это не было злобно, это не было грустно, это не было даже хоть сколько-нибудь эмоционально, как в прошлые разы, когда он вспоминал все ее просчеты и промахи. Это было нейтрально, и Алиса, кажется, что-то для себя на мгновение поняла. Не огорчилась, и не помрачнела, как было тогда, в башне Циркона, и в остальные разы. Она осталась так же стоять с опущенной головой, поддавая ритма ногой в такт нейтральной и простой мелодии в лифте. Но вдруг хмыкнула, немного мотнув головой.

Лифт мягко затормозил, загорелась лампочка напротив нажатой кнопки предпоследнего этажа. Стальные напоялированные створки отворились. Перед взглядом оказался узкий, но при том невероятно белый не длинный коридор с бронированными дверями на том конце. Их охраняло пятеро охранников, которые мгновенно наставили на троицу автоматы. Но все разрешилось, когда Алиса назвала свой личный номер – все-таки она была вхожа за эти двери, и имела даже право протаскивать с собой всех тех, кто ей понравится и кого она посчитает нужным завести за бронированные бункерные двери с белоголовым гербовым орланом. Купер снова приложила руку к табло, которое считало ее отпечаток, и

нажала на кнопку, которая отвечала за открытие дверей. Если бы она не была тем, за кого себя выдавала – охрана бы попросту расстреляла ее. А так, одетые в полевую форму офицеры охранного корпуса только отдали ей воинское приветствие, не препятствуя входу в бункер.

У Груза мгновенно защемило его старое сердце, и его зрачки расширились от удовольствия в его мыслях. Вот оно! Сердце всего империалистического мира! Вот он, бункер, где все это время, всю Холодную Войну, принимались самые абсурдные решения в мировой истории, вот оно то место, откуда чуть не уничтожили его Родину во время Карибского Кризиса, где сейчас был весь свет империалистической капиталистической мысли, где были ее ведущие «лошади», где был узел американской политики, где был Президент и почти весь его кабинет министров. И все это можно было бы уничтожить за один раз, всего одной гранатой. И именно такая мысль промелькнула в его голове, в его воспаленном годами работы в разведке мозге. Он подумал о том, что ни один из представителей его профессии не имел права, и возможности, что самое главное, попасть в это святилище. И теперь он должен был забыть обо всем, и просто буднично вести дела? Должен сыграть хорошего американца, который не видел, что творится во Вьетнаме, который не видел, что творилось на просторах Европы в шпионской войне, что творилось во всем свете, когда рухнул коммунистический блок? Он должен был улыбаться всем этим сытым лицам, которые

видели его Советский Союз в гробу и который его туда загнали? Что ж, сказал он себе, словно утешая, это и была главная задача разведки – не поддаваться даже на настолько сильное искушение. Хотя гранату на разгрузочном жилете он нащупал сразу...

Он, вместе со Средой держался позади Алисы, стараясь при том еще и не сильно оставать, не сильно погружаться в мысли, чтобы не удариться головой об очередную стеклянную бронированную стенку, которых тут было навалом. Огромное число комнат и помещений были отделены ими. Для проникновения в эти стеклянные клетки использовались такие же стеклянные, но более толстые механические, либо простые петельные двери, которые открывались со страшным скрипом, словно смазку для них украли еще при Рейгане. Отдельные помещения, которые подразумевалось использовать для уединенного общения, или вообще жилья – а такие были в основном в соседствующем блоке – были заделаны не прозрачным, матовым стеклом, которое надежно закрывало обитателей комнат от посторонних взглядов. Кое-где большие помещения еще дополнительно разграничивались черными непроницаемыми для света шторами. В бункере, а именно в командной его части, царил настоящий бардак. Всюду были провода, бумаги, папки, где-то трезвонили десятки телефонов и бегло на них отвечали несколько женщин, которые держали по три, а то и по четыре трубки за раз, принимая звонки со всех концов театра военных действий.

Под десятью часами, которые показывали разные европейские и азиатские часовые пояса был составлен из нескольких один столик, на котором размещался оперативный пункт с несколькими компьютерами и операторами. К ним-то и шли основные снопы и косы проводов из стен и потолка. То и дело между телефонами и компьютерами перебегали люди, теряли бумаги, роняли их на пол и судорожно пытались найти в среде точно таких же, разбросанных и ненужных. Некоторые записи вели даже мелом на матовых серых стенах. Они были информативными только для тех, кто их заполнял, и естественно, ни Алиса, ни Груз и тем более не Среда не поняли в них ничего.

Вся троица увязалась за одним из солдат с немного глуповатой физиономией. Тем не менее он был аж целым лейтенантом, и вероятно был представлен им, чтобы проводить в министерский зал, который был несколько вдалеке от всего этого анархичного великолепия информации в первом зале. Солдат то и дело косился на штаны Среды, и тот тогда ответил:

— Трофей. Свои на заднице порвались.

Все вопросы у сопровождающего мгновенно пропали.

Министерский зал был проще, уже и длиннее. Отделанный деревом, он являлся, пожалуй, главным местом всего правительственного бункера, ведь именно здесь, в этой конкретной точке всего огромного и разлапистого потайного президентского укрепления, были все, или почти все, пер-

вые люди страны. Здесь же был и сам глава Соединенных Штатов. Его Алиса хорошо знала, даже лично. Но больше о нем ей, конечно же, говорили документы. Поступки его прошлого лучше всяких его слов и действий теперь отражали весь путь его характера. А тот был не слишком вычурным, даже каким-то податливым. И этим пользовались те, кто стоял за ним – промышленники и министры. Через аморфного, как через ширму, крутились все не самые лицеприятные дела. Он был для них прикрытием и очень выгодным знакомством. И для Алисы тоже, но уже в другую сторону. Купер понимала, что влияние у него, пусть все-таки и не такое, как у министров и тем более промышленников, на политику страны все же было. И она сделала все, чтобы быть ему хорошим другом.

И ее появлению Президент – Джонатан Б. Моррис – был искренне рад, ведь уже устал вести словесную перепалку со всеми министрами одновременно, и был уже морально истощен. В свою очередь, сами министры, особенно тот, что отвечал за Оборону, были неприятно удивлены визитом этой своенравной и очень непокорной девчонки, которая, по их мнению, вставала комом в горле всей американской внешней политики. Еще бы, ведь она через Морриса наложила вето на военное вторжение в Центральную Африку, когда Пекин с помощью серии повернутых руками местных боевиков терактов уничтожил несколько американских алмазодобывающих компаний. Она сделала все куда более тоньше и удерж-

жала для США Африку и без военного вторжения – только силами ЦРУ. Министерство Обороны и оборонная промышленность потеряли несколько десятков миллиардов долларов контрактами из-за этого, и еще бы им было не злиться на нее сейчас, когда из горнила городских боев, она выбралась живой и здоровой, еще больше получив доверие у президента Морриса.

Сама же Алиса несколько застыла на пороге. Своим невероятно выразительным, но на мгновение испуганным взглядом она поглядела на раскрытый на столе ядерный чемоданчик, уже с введенными кодами пуска ракет. Поняла, что игра еще только начиналась, ведь для запуска теперь требовалось только нажатие. Резкое движение и всего одна секунда отделяли ее от еще одной неисправимой ошибки и ядерного удара по России.

— Директор Купер! – быстро встал из-за стола Моррис, поправляя на шее растрепанный галстук. Вид у него был не очень, однако привычную свою активность этот молодой политик все-таки оставил при себе. Ему было не больше сорока пяти, и в сфере американской политики он слыл практически мальчишкой. Моложе него были только Кеннеди и Рузвельт. – Я необычайно рад, что вы сейчас здесь с нами.

Купер все поняла по его внешнему виду. Но она знала и еще кое-что. Для полноценной работы с президентом, ей требовалась женственность. Да, кто бы мог подумать, что молодой президент будет заглядываться на невероятно обворо-

жительную и неприступную для мужчин директрису ЦРУ? Он никогда об это не распространялся, не знал никто об этом и из его окружения, однако Алиса все прекрасно понимала. И ему нужно было дать хотя бы часть того, что он хотел сейчас. А с грязными волосами и покрытыми землей одеждами этого бы не получилось даже при всем желании.

— Да, сэр, я тоже рада. – улыбнулась она, прилично поздоровавшись с ним за руку. – Но могу я просить кофе брейк? Я сейчас не в самой лучшей форме, мне нужна раковина.

— Несомненно. – подманил двумя пальцами солдата-сопровождающего Моррис. – Кофе сейчас нам точно необходим. А этот солдат проводит вас в уборную.

— Да, сэр. Прошу прощения, я не представила моих людей. Эти двое работают со мной. Полковник Карго. – Груз с легкой издевательской улыбкой кивнул Моррису. А Среда затем лишь выдохнул. – А его позывной «Венсдей». Могу я просить кофе для них?

— Несомненно. – повторил он. Чудовищно уставший президент хватался за каждую возможность хотя бы на пару минут вырваться из круга споров и унять мысли в голове. И Алиса дала ему именно это. Моррис повернулся к министрам. – Господа, я думаю, что среди всех мыслей о нашей нации, нам не помешает промежуток в виде кофе. Не так ли, Оливер?

— Да, сэр. – нехотя согласился Министр Обороны. Он жевал давно докуренную кубинскую сигару, и чем-то напо-

минал неуклюжего и толстоватого питбуля. Купер и ее ближайшее окружение в виде очень уж узкой команды внутри ЦРУ прозвало его про себя «Второй Кёртис», или просто «Лемей».

Алиса быстрым шагом завернула за несколько перегородок и прошла по короткому коридору. Еще до того, как прозвучал ответ Министра Обороны, она зашла за туалетные двери, и тут же встала как вкопанная. Она мгновение не понимала, почему сразу из трех зеркал, повешенных не небольшом удалении друг от друга на одной стене, на нее смотрит такое не похожее на нее отражение. Купер была грязная с ног до головы, на коже был застывший слой жирной черно-каштановой грязи, в волосах были комья и ветки, однако с них все это слазило куда проще и быстрее. Легонько помотав головой, она сбила со своих белоснежных волос все, что было на них лишнего. Они очищались неестественно быстро, но Купер привыкла к этому и не обращала слишком большого внимания.

Сблизившись с раковиной, она умыла лицо и счистила с одежды большую часть грязи, все еще оставаясь достаточно замаранной. Она раз за разом пыталась умыться, мылила руки и наносила приятно пахнущую пену на кожу, отчего та становилась сухой и будто бы безжизненной. Но с каждым разом все более и более знакомо-белой, и привлекательной. Как настоящий скульптор она пыталась из безобразно грязного образа вылепить то, что может служить настоящим

эталоном красоты. Вода утекала черная, склизкая и не такая текучая, как обычно. Слив забились куски листьев, палки и обломки деревьев, щепок. Среди всего этого великолепия оказались даже микроскопические металлические кусочки – облицовка пуль или слишком мелкие осколки от американских артиллерийских снарядов, которые попросту застряли на одежде.

Внезапно в соседней раковине зажурчала вода. Купер на мгновение раскрыла только что омытые глаза, и несколько капель больно защипали веки. Прищурившись от этого, Алиса тут же посмотрела на человека рядом. В соседнем раковиннике отогревал свои холодные и сухие старческие руки, наверное, самый старый член американского правительства, министр энергетики, Отто Вальтер Оми. Он, будучи очень хорошо образованным кадром, выходцем из семьи эмигрировавшего из Третьего Рейха энергетика, очень много знал о своей сфере и был одним из самых толковых и влиятельных министров США.

— Ты скверно выглядишь, Купер. – без эмоций в голосе сказал Оми. – Тяжелая ночка, не правда ли?

— Да, Отто, чудовищно тяжелая. – Алиса вытерла мокрое лицо рукавом такой же мокрой рубашки, чтобы на нем не осталось мыльных капель. – Мне срочно нужна чистая рубашка и водка.

— Все еще пьешь эту русскую дрянь? – старик-министр ухмыльнулся, глядя на себя в зеркало. – Как по мне все рус-

ские напитки не столь благородны и больше подходят для крестьян. Тебе бы подошло пить бурбон, или, наконец, если ты так любишь водку, хотя бы мешай ее с мартини. А то... в моей голове наблюдается чудовищный диссонанс, когда я понимаю, что в твоей руке бутылка русской «Столичной» бывает чаще нашей выпивки. – он медленно потрусил руками над раковиной, стряхивая с них лишнюю воду. – Отец приучил меня к немецкому шнапсу. И хотя я никогда не жил в Германии, даже в Западной, все равно этот напиток роднит меня с землями наших предков. Но я стараюсь смешивать его с местным коньяком, и получаю то, что поистине отражает мою сущность – старого немца, прожившего свою долгую жизнь в Америке.

— Проживающего, Отто. – поправила его Купер. – Ты еще в самом соку.

— Эта ночь тебя не сломала. – заключил энергетик. Он говорил размеренно и как-то даже вальяжно. Пусть в его имени не было приставки «фон», но создавалось ощущение, что он происходил не из выбившихся в люди немецких крестьян, а из настоящих баронов. – Ты не потеряла своего чувства юмора. Самый сок здесь, к сожалению, это ты. Даже президент, который моложе тебя, хоть и трудно в это поверить, уже ушел с головой в свое дело и постарел.

Сухопарый старик, на котором его серый костюмчик висел как на вешалке, развернулся и оперся одной рукой о раковину. Теперь он не в пол поворота, а цельно и прямо смот-

рел на чистившую штаны и рубашку Алису. Она его интересовала, но не так, как обывателей – в возрасте уже трудно воспринимать женщин, как женщин – Оми был интересен профессионал под этой маской из белой кожи. Он хорошо ее знал, а она его. Можно было даже утверждать, что они были яркими врагами по идеологии, но настоящими друзьями в сфере того, как нужно было распоряжаться человеческим умом и знаниями.

— Я прочитал твою последнюю работу по русским реакторам на быстрых нейтронах. К сожалению, я читал ее в самолете, пока летел сюда из Амстердама, поэтому не слишком внимателен в нее.

— Я пришлю ее тебе на пейджер.

— Не нужно язвить мне сейчас. – как и любой немец, он был немного даже высокомерен и ценил себя и отношение к себе. Однако трудно было расценить это как угрозу, ведь он скуп, но улыбнулся. – Я давно предлагал тебе пост моего заместителя, и объясни мне, ради всего святого, какого черта дипломированному эксперту по ядерной безопасности, и ядерному физику по образованию, нужно было лезть на самый верх нашей разведки? Мне очень жаль, что светлый мозг пропадает за грязными политическими бумажками и строит козни другим странам.

— Я не строю козни, Отто. – ответила она прямо. – Думаю, именно поэтому меня и не любит никто в кабинете, кроме Президента и тебя. Я нажила себе врагов, но кто-то же

должен осадить пыл Министерства Обороны? Вояки слишком хорошего мнения о себе, и стали смотреть на других так, словно иные министерства им просто прислуживают. Я же стараюсь разрушить этот стандарт и показать, что нельзя необдуманно лететь и бомбить то, что развалилось на обломки.

— Вынужден не согласиться. – выдохнул Оми. – Это приносит свои плоды нашим компаниям, а значит и, хотя бы отчасти, но нашему народу. Нашей нации. – и тут он усмехнулся сам от себя. – Удивительно, да? Становится некомфортно, когда немец начинает говорить о нации? Знаешь, мне нравится то, что я могу позволить себе дорогой иностранный костюм и настоящий немецкий шнапс по сто евро за бутылку. Но мне не нравится то, что огромный ломоть бюджета уходит не на развитие нашей энергетической отрасли, а на пульки для вторжения в другие страны. Мне кажется, можно все проводить более гуманно и чисто – выстраивать станции на отдаленных районах планеты, и выкачивать ресурсы из них не с помощью пинков оппозиции и переворотов, а с помощью платежей за наше атомное электричество. Ты представляешь, тот проект атомной станции в Африке, которую мне предлагали из «Циркона», отклонили.

— Они не видели прибыли с нее. Я видела проект, мне пересылали его на освидетельствование. – Купер распрямилась, поглядев на Отто своим ледяным взглядом. Она никому не рассказывала, что владела «Цирконом». – Никто не хо-

чет играть в благородство и ставить станцию просто для того, чтобы занять союзника и развить его, а не выкачать ресурсы из итак бедной республики. «Циркон» ведь предлагал практически бесплатное электричество, но никому не нужно бескорыстие.

— Оливер завернул проект. – намекнул Отто, подняв свои седые брови. – Посчитал, что «Циркон» становится слишком влиятельным игроком и выходит зарубеж. Министру уже который год не нравится, что тридцать процентов наших ядерных подлодок бегают на их новых реакторах, он всеми силами тормозит проекты «Циркона», чтобы угодить тем, кто делает откровенное дерьмо, но зато щедро платит ему за продвижение интересов. Старый добрый лоббизм... Он никуда не девался. Однако корпорация и сама молодец. Она будто играет не на один американский рынок, а на всю планету. И это не похоже на транснациональные корпорации, к которым мы привыкли. Не знаю, что у них там творится. Мир сильно изменился, и у меня создается ощущение, что я уже давно умер.

— Как скоро мир поменяется еще раз? – недвусмысленно поинтересовалась Купер. Ее этот диалог начал настораживать. Она знала, что Министр Обороны вставляет ей палки в любые колеса, но теперь это становилось даже не смешно. – Я видела открытый чемоданчик.

— Оливер накачал Морриса. – выдохнул Отто. – Тот и открыл. Ты появилась невероятно вовремя, поскольку уже

несколько раз кнопку хотели нажать. Всегда было интересно, конечно, что за этим последует, но чудовищно страшно. Как смотреть с балкона вниз и воображать будто бы ты сделал последний шаг в своей жизни – опасное занятие, которое утягивает с головой в бездну. Притупляется страх и проскакивают всякие опасные мысли. Так что ты, да, появилась вовремя, очень вовремя, Элис.

— Боишься за себя, Отто?

— Я боюсь за американцев, и за немцев. Я даже боюсь за русских, ведь рано или поздно кто-то из них, кто уцелеет во всем этом, выдернет нас из этого бункера и раздерет на части за то, что мы начали. И тогда это будет уже не смерть. Это будет хуже смерти. Поругание, которое перечеркнет даже славно прожитую жизнь. – он выдохнул, слабо пристукнув рукой по раковине. Распрямился и зашагал к выходу. – Рубашку можешь взять тут, сразу справа. Там есть гардероб, найди себе по размеру. Надави на Морриса и закопай Оливера. А я попробую тебе помочь.

И пусть он не был ей полноправным союзником, но по крайней мере, их дорожки интересов здесь пересекались. Отто был старым человеком и все-таки еще помнил о том, сколько может и должна стоить человеческая жизнь. В отличие от поколения, взращённого в последние годы Холодной Войны, он четко представлял себе пережитый Карибский Кризис и тот страх, который был тогда. Он застал несколько крупных войн на своей памяти и не желал развязывать ту,

которая отбросит человечество на несколько тысяч лет назад в эволюции. Он был человеком, который делал свет из атома, нефти и угля, и дарил его людям за их, пусть и не самую скромную, плату. Он создавал уют в домах, он был человеком, благодаря которому кое-где под ракетами еще есть бесперебойное снабжение электроэнергией, и он не хотел быть тем, кто все это отберет навсегда. Отто был техником, человеком, стремившимся к совершенству технологий, и ему было абсолютно не резонно ломать собственные мечты о том, чтобы банальные горящие лампы накаливания не стали предметом народного достояния. Оми являлся стержнем миролюбия в аппарате министров, и сейчас на этот стержень можно было невероятно удобно опереться.

Купер это понимала, однако все равно старалась рассчитывать только на себя. Почва для диалога была не из лучших – военные уже склонили Морриса на свою сторону, и ей было необходимо поменять его мировоззрение кардинально. Тут и помогли документы, переданные Роком из Лэнгли, где сидели люди Купер. Быстро перешерстив бумаги, и хитро подметив так нужные ей моменты и раскрытые ЦРУ тайны, Алиса взяла их в руки, выйдя из туалета. Зашла в гардероб, и сразу же нашла себе подходящую рубашку и чистые штаны. Если не получится, и суждено умереть – так хотя бы красивой...

...Моррис старался держаться с людьми Купер – с Грузом и Средой, даже не подозревая, что они русские. Старался от-

страниться от активно обсуждающих обстановку между собой министров, которые клонили его к такому неохотному действию, как нажатие ядерной кнопки. Президент переминал в руках стаканчик, стараясь отвлечься от мыслей в голове, но они постоянно лезли и лезли в нее. Он уже практически смирился с мыслью, что будет последним американским президентом старого мира, и даст начало новому, как вдруг решил обратиться к Грузу:

— Вы не слишком староваты для оперативной работы, полковник...?

— Карго, сэр. – учтиво ответил чекист. – В нашей работе старости нет, сэр.

— У вас странный акцент. Европа? – поинтересовался Моррис, начав активнее переминать стаканчик в руках. Он наконец нашел тему, на которую мог бы отвлечься.

— Да, сэр. Родился на базе во Франции, сэр. – повторил запомненное тот, усмехнувшись и отпив кофе. Напиток ему не понравился, но он терпел. Играл роль покладистого американца, хотя терпеть не мог всех этих напыщенных министров и президентов. – Но, к сожалению, я не знаю французского.

— Многие считают, полковник, что французы утончены. Они думают, что мы, нация американцев, что-то вроде ба-стардов для Европы. Самодовольные...

— На борту «Мейфлауэр» были английские сепаратисты, сэр.

— Колкое замечание, мистер Карго. — прищуриив один глаз, президент указал на него пальцем. — Неплохо. Но покажите мне хоть одну величайшую страну на этом свете, построенную теми, кто никогда не марал собственных рук? Кто знает, может следующая, новая Америка... — он чуть вскинул руки вверх, забыв про кофе и едва не разлив его. — После... Будет совсем другой? Может, она будет лучше и наконец учтет ошибки как отцов-основателей, так и наши... А вы, мистер Венсдей, имеете собственное мнение?

— Нет, сэр, я выполняю приказы. — ответил тогда Среда, даже без тени шутки. Не время и не место для них. И вид раскрытого ядерного чемоданчика на столе это подтверждал.

Он в эти минуты, когда над ушами не свистели пули, а весь взгляд был прикован к красной кнопке, думал об одном. Об Авроре. Он не верил, что это происходит, он отказывался смотреть на раскрытую черную бронированную коробочку с ручкой, где на небольшом экранчике была карта мира. Он хотел закрыть глаза, но подобно гипнотическим спиральям это его манило, завораживало и заставляло смотреть. Где-то в глубине организма у него все сжалось и не отпускало даже со временем. Где-то на этой карте была его маленькая дочка. Где-то на Камчатке, которая должна была стать единой могилой для российских кораблей, подводных лодок, танков, и людей...

— Мистер президент. — внезапно позади Морриса объявился дряхлый старик. Грузу он был конкурентном только

по возрасту. Сухой и немного вялый, размеренный немец. – Думаю вам стоит присесть, чтобы вновь погрузиться в обсуждения. Вам придется послушать мисс Купер.

— Да... Да, Отто. – прихлопнул старика по плечу Моррис, выкидывая стаканчик с кофе в мусорку. Он его даже не попробовал. – Я ее с удовольствием выслушаю.

Но ожидания того, что все станут ждать слова Купер, не подтвердились. Как только она встала для обсуждения слишком насущной проблемы, чистая и умытая, ее абсолютно бестактно и даже как-то не по-людски перебил «Второй Кёртис» – Министр Обороны США, Оливер Кори:

— Мистер Президент, как по мне, не стоит больше рассуждать. Нет смысла лить пустые речи по этому кабинету, если чемоданчик уже открыт. Наши ядерные силы в полной мере готовы уничтожить агрессора! Нет ни одной причины отлагать это единственное возможное решение проблемы! Русские варвары уже на лужайке Белого Дома, и это неслыханная акция агрессии, которая не может не остаться без нашего серьезного ответа!

– Это бесконечно глупый ответ, сэр. – мотнула головой Купер. – Мы полагаем, что русские ядерные боеголовки так же приведены в активный режим, и нет ни одной причины думать, что министр Громов, а после событий в Москве, когда пропал российский лидер, уже единственный полноправный правитель Российской Федерации, не ответит на наш ядерный удар собственным ядерным ударом.

— Вы упомянули Москву. Это бесконечно хорошо! — четким командным басом ответил ей Кори, пожевывая кончик закуренной кубинской сигары. — Этот грязный русский город уже лежит в руинах, их командование раздроблено, и ответ точно проследует не симметричный. Развернутые системы ПРО в Европе, и в том числе в Германии справятся с перехватом немногочисленной группировки русских ядерных ракет. И будь я проклят, если хоть одна боеголовка упадет на нашу страну!

— Белый Дом без электричества. — вступился за Купер министр энергетики. — Это означает только то, что наши системы ПРО не способны защитить наши энергетические объекты даже будучи развёрнутыми на территории нашей страны. Так почему же вы, Оливер, уверены, что европейские системы закроют нас от русских ракет?

— У нас не было форы перед русскими. — признался министр честно. В этот момент он решил извернуться, и чтобы звучать более правдоподобно решил воспользоваться старой формулой, замешав на три четверти самой страшной лжи одну четверть правды. — Они нанесли удар неожиданно. Но теперь наши армейские мышцы приведены в боевую готовность, и нет никаких оснований полагать, что эту войну мы можем проиграть. У нас развернута многочисленная группировка противоракетных систем и бункеров на территории как Европы, так и самой нашей Америки. Население не будет страдать, даже если некоторые боеголовки мои парни все-та-

ки пропустят. Русские посягнули на нашу независимость и свободу, но что будет если мы это проглотим? Придут китайцы! Китайцы, армия которых в три раза больше армии русских! Необходимо показать, что мы способны уничтожить любого, даже ядерного конкурента, и мы не имеем права с этим тянуть!

— Господа, пора забыть о европейских комплексах. – вмешалась наконец Купер, тяжело выдохнув. – Пора забыть обо всех стандартах ведения ядерной войны, к которой мы привыкли. Могу я напомнить вам, Оливер, что над нашей планетой у нас практически не осталось спутников? Могу я напомнить вам, Оливер, так же и о том, что Восточная часть Германии уже месяц ведет активные боестолкновения с Западной, и что есть риск полной потери наших комплексов противоракетной обороны там. Мы лишились центра Европы – это пора признать. Пора признать, что в нашем «зонтике» ... появилась вот такая-вот дыра.

— Вы играете ему на руку, Элис. – подчеркнул президент Моррис, указав на Кори. – Но также и против него одновременно. Это показывает, что ситуация слишком обострилась, если даже не брать в расчет то, что у наших берегов Северный Флот.

— Да, сэр. Но это еще раз показывает только то, что наша доктрина... – развела руками Алиса. – Да даже наши убеждения, если хотите, рухнули в одночасье. Это показывает, что разработанные Министерством Обороны методы сдержива-

ния Европы просто не работают! Наши парни, brave американцы, вместе с европейцами ведут ожесточенные бои с армией генерала Громова, но точно не для того, чтобы оказаться под ядерными ракетами. Что, если и в расчетах нашей ядерной доктрины есть такие же ошибки? Что, если ее необходимо полностью пересмотреть? Кто может гарантировать вам, мистер Президент, что наша территория не окажется под ядерным пеплом?

— Какие ваши предложения? – спросил уже заинтересованно Моррис. – Они пока поступали лишь от министра обороны. Я хочу услышать ваш план.

— Если он, конечно, есть. – язвительно подметил Оливер Кори, выдохнув дым.

— В первую очередь, я предлагаю закрыть вот это. – ткнула она пальцем в ядерный чемоданчик. – Необходимо рассуждать здраво, и не отвлекаться на соблазн. Стоило бы трижды подумать перед тем, как открывать его. – дерзость в ее голосе звучала не так топорно, даже интересно. И это был один из тех крючков, на которые она пыталась поймать интерес Президента к ней и к ее мыслям. Если ты дерзишь – ты знаешь, что делаешь. – У нас очень большая и хорошо подготовленная база, но основная проблема в том, что достаточно большая часть нашего военного контингента на территории страны плохо оснащена и является армией, по большому счету, запаса. Основной и самый боеспособный кулак находится на наших базах за рубежом – в Африке, Азии, Южной и цен-

тральной Америках, да даже в Австралии! Нам необходимо пользоваться тем благом, что самые боеспособные части нашей армии еще не пострадали от ударов, и лишь отбиваются от кучек наемников и бандитов, которые сейчас нападают на них. Мое мнение таково, что нам стоит обезопасить в первую очередь территорию нашей страны и отодвинуть Северный Флот дальше в Атлантику, чтобы свободнее маневрировать в нем. Затем, нам необходимо обезопасить коридор для конвоев – ликвидировать русские подводные лодки и корабли-охотники. Обеспечить приток снаряжения и боеприпасов в Европу и перенести основной театр военных действий именно туда, избежав новых ударов по своей территории.

Купер выдохнула, наклонив голову. Она положила свои бумаги на крепкий дубовый стол и уперлась в него руками.

— Сэр, министр Кори не гарантировал вам, что ядерный удар по территории России полностью уберет от наших берегов Северный Флот и те части, что уже высадились у Вашингтона, Нью-Йорка и на севере, у наших Атлантических баз флота, заблокировав их. Эта группировка мала, но ее необходимо учитывать. Советский Союз после сорок пятого мог воевать со всем миром в одиночку. И его обломок, в виде России подготовлен очень серьезно. Это не мальчики для битья, сэр, какими мы пытаемся их представить. Это реальный, и очень страшный противник.

Моррис помял висок, отведя взгляд вниз.

— Ядерный удар нацелен на штабы и места сосредоточения войск, базы надводного и подводного флота. — пододвинулся вперед Моррис. — Если мы выведем из строя снабжение русской группировки, если мы отсечем их от большой земли, они не смогут воевать. Все объекты их инфраструктуры подлежат уничтожению.

— А наши? — снова выступил Отто Оми. — Министерство обороны выдернуло кусок из бюджета нашего министерства на обеспечение атомных станций системами зенитных ракет. Как мы, опять же, видим Белый Дом без света. Даже если предположить, что русские ракеты в силу того, что я еще молодым застал ту страну, в которой они производились, работают так же, как наши, вы уверены, что все объекты их инфраструктуры будут повержены? Я бы на вашем месте, Оливер, подумал трижды.

— Даже если они отобьют первую волну, Рейган оставил ракет еще на три! — снова затянулся сигарой толстоватый министр. — Такой напор не сдержит ни одна страна, и ни одна линия обороны. Опять же, стоит учитывать, что Москва уже уничтожена, а их азиатская часть подвержена мятежу. В таких условиях навряд ли получится организовать достойный отпор, и симметричный ответ.

— Советская постъядерная система. — спокойно ответила Купер. — Не испытывайте судьбу, мистер Кори, вы не хотите узнать, работает она или нет, хотя бы себе не лгите. Мы знаем, что она существует, и мы знаем, что русские ее не уни-

чтожили, вопреки заявлениям президента Ельцина. Так же мы знаем, что у русских есть замороженные шахты в Прибалтике, и средней Азии, не подверженные нашему удару. ЦРУ нашло только половину из них, и поверьте, даже этого хватило на метровый по высоте талмуд бумаги. Мы ничего не знаем о шахтах в Восточной Европе, есть они или нет, мы ничего не знаем о ракетах за полярным кругом. И хотя запускать их с восьмидесятой параллели практически невозможно, теоретически это вероятно. Здесь слишком много переменных даже для месячного планирования ядерного удара! Не стоит принимать такое решение на коленке, мистер Президент. Сэр...

— Хотите выдернуть нашу армию с баз... – протянул Моррис, отвернувшись от нее на стуле и встав. Он медленно, раздумывая про себя, начал ходить по кабинету. – Уверены, что удар будет симметричным...

— Сэр, переброска нашего контингента со всех баз будет достаточно долгой. – сглотнул Оливер, ощущая, что инициатива «атаковать» в этом диалоге от него чудовищно быстро уходит к Купер. – Мы располагаем невероятным количеством инженерных подразделений, но даже в этих условиях концентрация и размещение всей нашей армии займет не меньше двух-трех недель. А русские уже в Вашингтоне, уничтожен Пентагон, Лэнгли, управление АНБ и ФБР, идут бои за Белый Дом! У нас банально нет этих трех недель! – уже начал повышать голос он. – И, если мы выдернем все наши

подразделения, и отдадим подконтрольные территории наших сырьевых баз местным силам, они же тут же приведут туда афганцев или китайцев! Мы рискуем потерять огромные нефтеносные и газоносные бассейны, мы рискуем потерять рынок рабочей силы, металлодобычу, алмазы и еще черт его знает сколько всего!

— Это так. – поддержал его министр финансов. – Большая доля нашего промышленного сектора держится на поставках из контролируемых нами районов, из Африки, Азии, с Ближнего востока или с Южной Америки. Потеря этих регионов, а особенно передача их в руки русским, китайцам или афганцам ведет к невероятным последствиям для нас, и экономическому росту для них. Мы держимся за эти территории, и мы не можем их отпускать.

— Господа, настало время перестать воображать себя корпоратами! – встrepенулась Купер, почувствовав слабость в своей аргументации. Действительно, финансовый сектор США был сильно подвязан на «неоколониальную» политику. – Мы не имеем права оставлять удар по нашей стране без ответа, но при том мы не можем развязать ядерную войну. Мы должны...

— Сэр, почему нами командует эта... – перебил ее на повышенных тонах Кори. – Порно-актриса?!

Вот тут он поспешил, он просчитался. Не сдержал эмоции и выдал свое гнилое нутро перед Президентом. Тот будто бы всем телом ощутил резкое слово и остановился, перестал цо-

кать налакированными ботинками по кабинету. Купер хотела улыбнуться, показать, что в этой дуэли она оказалась более стойкой, более холодной и расчетливой, но не стала. Она мирно смотрела на «Второго Кёртиса» не моргая, ощущая, как он потек внутри себя.

— Вам виднее, как я выгляжу... – по слогам сказала Купер. – Однако свои мысли, я озвучила. Вы требовали от меня плана – он высказан. Не самый продуманный, сляпанный на коленке, но не думаю, что у кого-то есть лучше. Идея разбомбить Россию ядерными боеголовками за план не считается. Это импульсивное и лишённое логики решение. Это непрофессионально.

— Непрофессионально?! – раскраснелся Кори.

– Это мысль слабого. – вонзил последний нож ему в спину Отто Вальтер Оми. – Прощение к ядерному удару – роспись в небоеспособности собственной армии.

— Заткнись, фриц. – через зубы прошипел тот.

— Да... – согласился наконец Моррис, повернувшись на Алису. – Американцы – исключительная нация. Наши мужчины сильны, и мы сможем одержать победу над этими русскими захватчиками и без помощи ядерного вооружения. Нам необходимо доказать всем тем, кто вслед за Москвой решится напасть на нас, что Соединённые Штаты готовы дать сдачи. Мы ведь сильнее всех! Так ведь, Элис?

— Да, сэр. – протяжно солгала Купер, однако очень правдоподобно. – Но могу я рассчитывать на личный разговор?

Время подлета ядерных ракет к территории России около сорока минут, я же займу всего лишь две-три из них.

— Конечно. — немного подумав, произнес президент.

Просторный министерский зал, где были десятки глаз, мгновенно сменился крохотной стеклянной коробкой, отделенной от внешнего мира сантиметровыми матовыми дверями. За ними было не слышно всего, что происходило в бункере. Не было слышно возбужденного гомона министров и их заместителей, которые благодаря Купер уже активнее разделились на два лагеря: одни пытались вывернуться и угодить все еще действующей власти в виде Президента, а другие объединились вокруг Министра Обороны, считая, что тот прав. Но последняя группа так же охраняла и свои интересы, о которых уже знала Алиса, но не знал Моррис. Переданные из Лэнгли документы были именно про них. Про этих воинственных засранцев в лощенных пиджаках, что считали, будто бы мир должен принадлежать только им.

Моррис сел в свое кожаное кресло за дубовый и покрытый темным лаком широкий стол. На нем было пусто — идеальное место, чтобы разложить «пасьянс» из самых секретных донесений и самых ошеломительных фактов прямо перед носом у самой вершины официальной власти. Именно это Алиса и пыталась сделать как можно быстрее, но вдруг президент подорвался с места и быстро подошел к шкафчику, загремел бутылками.

— Я был точно не готов решать подобное... — на столе,

благодаря легкому жесту, оказалась бутылка очень дорогого Хеннеси. – Знаешь, Элис, какие мысли приходят первыми, когда избираешься на пост Президента Соединенных Штатов?

— Нет, сэр. – честно ответила она, решив пока повременить с документами. Он был еще не готов ее слушать и делать все так, как она скажет. – Из нас двоих я всего лишь Директор ЦРУ.

— Да, конечно. – усмехнулся он, наливая себе в бокал коньяк. С едва слышимым треском там оказались два кубика еще парящего льда. – Первое, что ты думаешь, когда кладешь руку на Конституцию, написанную еще три сотни лет назад... – поднял она глаза на Алису, пытаясь предугадать, что за эмоция будет на ее лице. Однако Купер оставалась неприступной и сохраняла полнейший видимый нейтралитет. –... Это то, что нужно обязательно держаться за свой стул руками и ногами, что необходимо слушать свое окружение, и тогда оно не скинет тебя с помощью переворота или импичмента. Приходя на президентский срок, каждый раз думаешь о втором, во время второго – о третьем. Это входит в привычку, и это портит. Ты погружаешься в мир кабинетных мечтаний и склок, разборки министерств и промышленных кланов. Ты не становишься рукопожатным, ты жмешь руки. Могу я налить тебе?

— Водку, если можно. – Купер держалась за свои папки обоими руками, стоя поодаль от стола.

— Сколько раз я сказал слово «народ»? – риторически спросил ее Моррис. – Точно, ни разу. Ни единого раза я ни сказал и слова о народе! Видишь, я погребен под этим поуши, и со временем это даже перестает отягощать. Ты думаешь, как бы заработать на нем, как бы уйти, не обеднев ни на цент. Да, это так. И я такой же. Власть именно так и работает, и это проще всего: делать, что тебе говорят и получать за это зарплату. Пропихивать проекты, не выгодные нации, не выгодные нашему народу, но выгодные тем, кто эти проекты мне подает на роспись. С ними нельзя ругаться. Их нельзя посылать к черту, ведь они хуже этого самого черта!... С мартини?

— Нет, сэр. В стопку.

— Ты пьешь как русские.

— Зачем вы все это рассказываете? Не думайте, что у вас выйдет оправдаться.

— А ты смелая, Купер. – усмехнулся Моррис, пододвигая ей рюмку с высококачественной польской водкой. – Нет, я не ищу оправданий. Я говорю тебе факты. О себе. О них... – отогнув палец на руке с бокалом, президент указал куда-то за матовое бронированное стекло. – И о том, как все это происходит... – быстро отпив примерно половину, он зажмурился. Затем быстро разжал глаза, снова посмотрев на Алису. Стопка в этот момент была уже пустой. – Но сейчас другое время. Другой момент. Как только я увидел перед собой поданный раскрытым ядерный чемоданчик, с гигантской крас-

ной кнопкой, все мысли о власти, об интересах всех окружающих меня людей отошли на второй план. Стало страшно, невероятно страшно от того, что именно я послужил тому, что могла начаться ядерная война. Мои необдуманные действия, мои необдуманные решения... Мое игнорирование существующей проблемы! Знаешь, Купер, о ком я подумал тогда? О том, что, если я нажму на красную кнопку, американцы меня уже не защитят. Я впервые за всю свою президентскую карьеру вспомнил о народе...

Моррис грустно усмехнулся, поболтав подтаявший лед в бокале со спиртным. Он несколько секунд молчал и пытался обдумать то, что он сказал, и кому он это сказал. Но выбора у него не было, ведь понимал, что если не довериться Купер, то больше будет просто некому.

— Вы поступили как мужчина, сэр. — приободрила его она, подойдя ближе к столу, отчего тот поднял глаза. — Вы заглушили голос, который говорил только о себе, и прислушались к коллективной человеческой природе.

— Я боюсь, Элис. — приняв эту мысль внутри самого себя, президент допил свой стакан с коньяком. — Я боюсь того, что я не продержусь на своем кресле долго. Я не знаю кто все те люди, в угоду которых я закрывал глаза столько лет. Хотел бы, наверное, чтобы меня убили честно. Но они сделают все, чтобы омрачить и затенить мой вклад в эту минуту, и выпятить собственное эго.

— Тогда у меня приятные новости для вас, мистер прези-

дент.

Осторожно положив бумаги стопочкой на лакированную столешницу, Купер немного даже игриво поставила на них руку, когда Моррис своевольно потянулся к ним. Алиса хотела показать, что теперь стоит смотреть только на нее, и слушать только ее голос. Включалась невероятная ее женская магия, против которой не мог устоять ни один мужчина – прямой и уверенный взгляд невероятных зрачков цвета самого океана, слегка растрепанные белоснежные волосы, и выпяченная вперед грудь, с двумя расстегнутыми на ней пуговицами рубашки. Президент тут же застыл, глядя на нее. Алкоголь ударил ему в голову, а силы покинули тело. Почти безвольно он упал в свое кожаное кресло, полностью уделяя все свое внимание только ей.

— В этой стопке все, что вы хотите знать о своем окружении. – пристукнула пальцем по бумагам Купер. – Но я прошу вас о нескольких услугах мне.

— Вы играете как они, мисс Купер. – Моррис перешел на деликатное «вы», все-таки почувствовав, что уже не властен над ситуацией.

— Да, сэр. Но против них. – легонько улыбнулась она. – Первое условие. Я хочу пропасть из информационного поля на неопределенный срок. Есть несколько дел зарубежом, которые не требуют отлагательств. Я сделаю их и вернусь сразу, как только смогу. И... захочу.

Купер перевернула самый верхний листок, на котором

оказался невероятно объемный текст очень мелким шрифтом. Настолько мелким, что без очков было и не разобрать-ся. Она медленно пододвинула его по столу до Президента, и тот быстро его прочел:

— Что это?

— Сорок семь фамилий. – ответила она вальяжно, со статусом. – Вот это, например, заместитель Министра Обороны, а вот это... – провела пальцем по листку. – Наш министр торговли и все те, с кем он связан.

— Тут половина моего кабинета министров! – восторженно воскликнул Моррис, не понимая. – Что это значит?!

— Второе условие. – не заметив его слов, Алиса показала на пальцах «V». – Вы немедленно отдаете приказ о доукомплектовании того подразделения, которое сейчас держит Белый Дом. Дальше, отдаете приказ о том, чтобы их перебросили на нашу авиабазу в Туркменистане. Они должны быть сыты, хорошо укомплектованы, и готовы к немедленной выброске в любой точке земного шара. Ее укажу я. Подразделение капитана Мэрлина, а теперь, я надеюсь, уже майора, мистер Президент, мне знакомо, и я знаю, что им можно доверять. Они станут моей основной силой в тот момент, когда основные подразделения войск США будут недоступны из-за переброски.

— Я понял. Хорошо. – согласился он. – Это сделать проще простого.

Алиса перевернула следующие листы. Все до единого.

Там были секретные финансовые операции, которые ЦРУ смогли обнаружить только недавно. Это было весомым доказательством того, что половина американской власти давно сгнила и играла на две стороны одновременно.

– Вот в чем преимущество старой доброй агентурной сети. – начала Алиса будто бы издалека, чтобы президент понял все и до конца. – Главное и ключевое преимущество человека над машиной, это то, что он всегда видит детали, он подмечает каждую мелочь. И чем острее его ум, тем больше полезных песчинок в огромной дюне информации он найдет. Эта полная история всех финансовых операций всех сорока семи фамилий с первого листа. Посмотрите на даты – их самые большие траты практически независимы друг от друга и идут через офшорные счета в Швейцарии, Нидерландах, и прочих странах, которые давно проверены всеми спецслужбами и подготовлены специально для оттока капитала за рубеж, к нашим промышленным трестам во всей Европе. Проще говоря, эти покупки чисты перед Центральным Разведывательным Управлением и идут на благо промышленного и финансового сектора Соединенных Штатов. Но посмотрите вот сюда. Вам не кажется это странным?

Купер ткнула на май-месяц, когда были самые крупные переброски миллиардов долларов со счетов на счета.

— Как вы это обнаружили?

— Нам в этом помогли русские. – усмехнулась Алиса. – Мы отследили большинство финансовых операций русских

олигархов, ориентированных не на Европу, а на Восток, в сторону Китая и Афганистана, и увидели, что они все, как один, стали перебрасывать все свои финансы на подготовленные разведкой «Восток» счета на Багамах и на Ближнем Востоке. Ушло несколько недель, прежде чем мы смогли даже просто обнаружить эти счета, и оказалось, что они были так или иначе задействованы все. Финансовая разведка с помощью нескольких агентов показала, что на них содержится значительно больше денег, чем могли бы дать только русские промышленники. И мы стали думать, чьи это могли бы быть деньги.

— Американские... — с выдохом Моррис отложил распечатки. — Может быть, это финансирование Афганистана для его войны с Россией? Может это быть теневой сделкой, как мы уже проворачивали это в...?

— Не может. — помотала головой Купер. — Подобные сделки совершались бы с ведома и с помощью ЦРУ, и я бы точно знала о них. Но тут все делается в обход вообще всей нашей финансовой системы. Это точно не спонсорство.

— Слишком натянуто, мисс Купер.

— Тогда вот еще. Что если я скажу вам, что деньги на этих счетах... — Алиса раздвинула несколько листов перед ним, чтобы показать нагляднее. — ...прибавляются с другой стороны от замочной ячейки? Возьмем вот эту ячейку: сто двадцать два миллиона долларов. Мы видим по истории финансовых операций человека, которым они принадлежат, что он

их не пополнял. Но вот через полторы недели капитал ячеек составляет уже сто пятьдесят миллионов долларов. Как же это происходит? А вот тут все куда проще. Через три десятка рук и счетов... – она поводила пальцам по бумагам, показывая, где и у чего «пришиты ноги». – Эти несчастные двадцать восемь мы находим вот здесь, через пять дней после того, как нефтеносные районы русских на Каспии перешли в руки афганцев. Эти деньги ушли с рук корпорации «А&I», принадлежащей... Северному Ирану, входящему в состав Гардеского Блока. Уже более весомые доказательства? Гардеский Блок выплачивает нашим государственным служащим зарплату! Вот что я хотела вам рассказать, мистер Президент. Они стравливают США и Россию, выжимая из них все деньги, которые смогут.

Моррис взял бумаги в руки, будто бы пытаясь найти в них ошибку. Он изучал их долго, очень тщательно, поскольку сам имел образование финансиста, но вот никакой ошибки не было – ЦРУ пусть и запоздало, но нашло все до последнего цента. Все сходилось точно так, как в аптеке, такое навряд ли можно было бы подделать, а потому вера в подлинность этих бумаг была невероятной. Не сумев поверить в это, президент широко раскрыл глаза, прикрыв рот рукой. Было понятно, что его сковал невероятный шок, ведь половина из тех, кто его окружали были вовсе не теми, за кого могли бы себя выдавать. Слуги американской нации, американского народа проглотили финансовую наживку и решили

сменить гражданство.

— Они убьют меня. – обреченно произнес Моррис, выдохнув.

— Несомненно. – не стала скрывать Купер. – Они убьют вас и всех, кто вам дорог только потому, что они почувствовали препятствие у себя на дороге. Как говорил один из классиков марксизма-ленинизма: «Нет того преступления, на которое не пошел бы капитал, если бы ему виделась трехсотпроцентная прибыль». В некоторых случаях вот здесь... – Алиса снова ткнула двумя пальцами в бумаги. – Прибыль больше полутора тысяч процентов.

— Вы считаете, что коммунизм спасет меня?! – рассмеялся напряженно тот.

— Нет, вас теперь спасете только вы сами. – серьезно ответила ему она. – Вы уже знаете, что вам готовится. Тем более, что вы даже знаете, кто именно вам это готовит. Это уже большая часть дела, мистер президент. Но, я могу рассказать вам панацею от остальной части ваших проблем.

— Не тяните, Купер! – не выдержал Моррис, срываясь с кресла.

Алиса лишь легко усмехнулась, опустив голову. На ее голове чуть расправился пучок ее белоснежных волос и несколько прямых как стрела прядей закрыли лицо. Рукой смахнув их за ухо, она медленно показала три пальца...

— О, черт... – выдохнул разочарованно президент.

— Да, сэр. – она хитро улыбнулась с прищуром. – Третье

и последнее условие. Вы даже не думаете о том, чтобы полномасштабно вторгаться в Северный Иран или Афганистан, после всего того, что я вам здесь рассказала. Это выглядит логичным решением на фоне мировых проблем, но вот это только внешний признак. Вам не нужна война на два фронта, в то время как подпитываемый Пекином Кабул будет полномасштабно воевать только с вами. Операция на Каспии является не более, чем политической авантюрой, но вот вас ждет настоящий ад на Ближнем Востоке. И тогда, если вы влезете в этот бассейн, уже ничего не спасет землю от полного уничтожения. В китайских шахтах в два раза больше боеголовок, чем у нас. Они есть у Пакистана, у Израиля, у Индии и у Северной Кореи. Поверьте мне, мистер президент... я знаю, о чем я вам говорю. Обещайте мне, что какие бы вам ни поступали предложения, какие бы ни были угрозы вам или вашей семье, американская военная машина даже не подумает о том, чтобы начать воевать с Афганистаном. Нам нельзя распылять силы, нам нужно сосредоточиться на удержании рубежей хотя бы старого мира, потому что новый мир может начаться с пожирающего все и вся огня. Так же вы не станете уничтожать Россию, вы не станете загонять под собственную волю Германию в случае, если в этом конфликте наши Соединенные Штаты окажутся сильнее и будут на рубеже победы. Вы выйдете на статус-кво. Это не поможет избежать перемен, это не поможет избежать уже идущей глобальной войны, но это не будет новым переделом мира, в угоду ми-

ровым капиталистам, которые уже расчерчивают свои собственные границы на карте.

— Вы хотите, чтобы мы просто отразили агрессию?

— Да, я хочу, чтобы вы просто выполнили клятву перед нашим народом, и защитили его от любого из неприятелей. — легонько кивнула Алиса. — Этого времени мне хватит, чтобы со всем разобраться. Я уже знаю, что мне делать, и знаю, как я буду это делать. Вот три моих условия: возможность, сила и время. Большого я у вас не прошу.

— Вы играете мной, Купер... — догадался Моррис. — Вы водите меня вокруг собственного пальца!.. — немного подумав, он пристукнул пальцами по столу. Нервно дернул головой и усмехнулся. — Черт с вами, Элис. У вас есть все ваши три условия. Но они будут соблюдены только при том, если я останусь жив, вы это понимаете?

— А вы думаете, что нет? — загадочно начала она, наливая себе в стопку по-хозяйски еще водки. — Неужели вы думаете, что я «обвела вас вокруг пальца» для того, чтобы вы умерли и омрачили все планы мне и моей команде? Если это так, то я непомерно глупа, а вы еще больший глупец, раз решились на мои условия. Как вы думаете, сэр, вы — глупец?

Моррис не отвечал. Он стоял весь в раздумьях и несколько рассеяно смотрел на то, как Купер, полностью почувствовав свою власть над этим кабинетом и им самим, ввинчивала ему в подкорку установки к действиям. Она была неумолимой силой, с которой даже он — Президент Соединенных

Штатов Америки – не мог считаться.

— Что вы предлагаете? – с хрипом, неожиданно для себя, спросил он.

— Очень простую игру, сэр. Эта бойня, которая сейчас идет наверху, является далеко не вашим просчетом, а удары по нашим мирным городам не должны бить по вашей совести, ведь за оборону у нас ответственен Генеральный Штаб, который все это время высасывал чудовищные деньги из бюджета на обороноспособность нашей Родины... – Алиса показала на десять фамилий высших чиновников Министерства Обороны и Объединенного Командования Штабов. – Но вы знаете, что армии не нравится, когда ее бьют, а она не может дать сдачи? Армия, ее простые солдаты – основное топливо для войны – люди очень вспыльчивые и готовы закидывать гранатами своих начальников, когда те становятся обозревшими. Представляете, что они сделают, когда узнают, кто ответственен за то, что русские ракеты пролетели мимо наших комплексов зенитных ракет и упали на их детей и их семьи?

— Вы предлагаете переворот.

— Да, бинго, мистер Президент. – нарочито радостно развела она руками. – Я предлагаю вам переворот. Но вот его отличие от обычного в том, что вы все равно остаетесь у власти, и переворачиваете ее прослойку под собой, вытряхивая всех клопов в бензин. Вам необходимо перестать жить иллюзиями и понять, что несколько человек, пусть даже и вли-

ательных, не являются весомой силой, когда огромная волна народа прет на них, как раскаленная магма из вулкана. Вам не стоит бояться этого круга, если за вами будет ваш народ, сэр. Если за вами будет армия, вы станете тем, кем уже нельзя будет управлять. В свою очередь, я могу обещать вам, что у вас есть союзники. Вас эвакуируют в горы Атлас, там вы и начнете свои чистки. Вы не должны их жалеть, они развращают и дестабилизируют нашу страну и весь мир. Вы должны их вычистить одновременно и очень быстро, иначе они начнут разбегаться.

— Вы жестокая, Элис.

— Это необходимая жестокость. – тяжело выдохнула Купер вдруг. – Однажды, я уже совершила ошибку, но не повторю ее вновь и сейчас. Все мое ведомство готово помочь вам, и солдаты в бункерах осведомлены и подготовлены. Можете положиться на высший состав ЦРУ, как на меня саму. Когда вы будете готовы, вы должны сказать им об этом. Агенты сделают все сами, вам остается лишь выполнить мои условия. – она подняла свою стопку с водкой. – Вы слуга народа, сэр. А народ – самая невероятная сила на нашей планете. Так что... за весь народ нашей планеты!

Резко опрокинув стопку с горячительным, и даже не зажмурившись, она осторожно поставила пустой хрусталь на стол, и развернулась. Ее работа была на этом закончена. Все, что она хотела сказать и все, на что хотела настроить – было сделано. Оставалось только обеспечить вывоз Президента и

его подгнившего кабинета министров из осажденного Белого Дома пробитым через ряды русских зенитных ракет вертолетным коридором. Мотнув головой, перед самым выходом, Алиса выдохнула, наконец расслабившись. Роль, которую она сыграла перед Моррисом ее нешуточно утомила, и маска наконец была сброшена. Но тот ее окликнул, как только открылась дверь:

— Вы спасли мир, Купер.

– Это моя работа, сэр.

Часть 8

Ульяна очень не любила легкомысленных, как ей казалось, людей. И если шутки Среды можно было спустить на родовую след – а она знала сразу двоих «юмористов» из их семьи, не считая того, что и сестра Димы, Бронислава, любила и умела пошутить – то вот для Лиски такого оправдания не нашлось. Не было секретом, и она не скрывала, что он ей не нравился, с каждым разом она все больше и больше считала его кретином, не знающим, что он вообще должен и может делать не только в Центральном Разведывательном Управлении, а вообще на планете Земля. Джек для Вирховой был что-то сродни белого шума, который вроде бы и не громкий, не пытающийся казаться слишком нарочито интересным, не навязывается, почти, но все равно какой-то назойливый, противный. Такой, который хочется выключить

поскорее и заняться чем-то более полезным, чем его созерцание.

Именно по этому его фразу: «Прикрой нам спину, а мы все сделаем сами!», она приняла слишком буквально. Даже иногда подумывала о том, чтобы спустить курок и увидеть, как в перекрестии снайперского прицела появляется темное размашистое облачко, и черная тень, которая звалась когда-то Джеком Лиски падает в грязь. Вероятно, она бы даже не стала скрывать, что она убила бы его – ответила без тени всякого сомнения. Но вот почему не убила? Наверное, потому, что считала, что Самир не справится один, что он упадет духом, когда увидит смерть своего сослуживца и брата по оружию. Потому, что считала, что Джек еще может быть полезен, и даже в глубине души надеялась, что он все-таки зрелый и взрослый человек, который может жить не только иронией. Она не знала его толком, чтобы рассуждать о сути, судила по обложке, а потому понимала, что не стоит жать на курок и ждать, пока винтовка лягнет плечо.

Но все же она нажала на спуск и почувствовала практически неощутимую отдачу. Наемники толково расположили блок посты и цепи охранения на своей перевалочной базе, которую уже обустроивали около постаменты Линкольна. Без крови было не обойтись никак, и чтобы не портить дело, чтобы действительно оправдать высокое имя советского снайпера и серебряной призерши мирового чемпионата по стрельбе, Ульяна ни разу не промахнулась. Била на повал, проши-

бая тела настолько точно, что было и не докопаться. Каждую пулю клала вдумчиво, с быстрым и точным математическим расчетом траектории в голове или на листочке рядом. Очень любила бить в шею, точно под первый позвонок в черепе, расшибая тот в пыль, и не дырявя солдатскую каску. В темноте и в дожде было практически не видно крови, особенно если не знать, куда смотреть, и это могло сыграть на руку паре американских оперативников. Их работа ведь, как ни крути, оказалась сложнее – Лиски и Бадар подхватывали тела, чтобы те не рухнули на землю и не зазвенели снаряжением и автоматами. Аккуратно оттаскивали убитых наемников в сторонку, и даже, иной раз, клали в кусты или ямы с грязью, чтобы их трупы не слишком бросались в глаза. Но все равно рисковали – патрули ходили с незавидной частотой, и уже чуть было не случилась ошибка. Один из патрулирующих территорию наемников заметил силуэты в кустах и зарослях. Уже было собирался показать пальцем своему напарнику, но Ульяна сработала очень четко и быстро. Она заметила их движение и послала две пули навскидку и практически одновременно. Каждой была уготована своя цель, и они с ними встретились. Два тела, все-таки не слишком сильно, но зашумев, плюхнулись на развезенный дерн с ошметками травы.

Американцев это спасло. Увидев упавших людей, Самир и Лиски быстро сообразили, что здесь оставаться опасно, и дерзким рывком прошли прямо до рядов зелено-черных

броневиков «Тигр», под колеса которых и нырнули, скрывшись от резко появившегося патруля наемников. Те были не на шутку взбаламучены – нашли тела убитых сослуживцев и практически сразу, без ошибки, определили, что работает снайпер. Они ведь оттачивали профессиональные навыки годами, в горнилах гибридных войн по всему свету, зачищая кишлаки от боевиков и не только, убивая врагов и не только, защищая интересы, видимо великой, России... и не только. И теперь с их навыками, с их чутьем кровожадных волков, которые знают все и умеют все, приходилось считаться. Резко поняв свою ошибку, Ульяна отпрянула еще дальше в комнату, утягивая за собой винтовку и рюкзак, на который та была положена. Ее опыт был еще больше, и она прекрасно поняла, что оставаться здесь больше нельзя.

— Блять! – шепотом воскликнула она. – Лиски, вот му-дила!

Как только она закинула рюкзак за плечи и взяла винтовку в руки, под самыми окнами раздался скрип мощных тормозов. У наёмников была своя группа быстрого реагирования, которая тут же отправилась на разведку ближайших домов. Из трех «Тигров» и одного «Урала-Тайфун» вывалилось до трех десятков бойцов, которые разошлись по паре домов. Ульяне не повезло – в многоэтажку, в которой она находилась, заходил самый крупный отряд из «Урала» – около пятнадцати человек. Вступать с ними в открытое боестолкновение было бесконечно глупо, и она решила не рисковать.

Пробиваться с боем было нельзя – перекрыты лестницы и коридоры первого этажа, а запасной выход во двор придомового участка был завален обломками американского истребителя четвертого поколения, который сгорел от старенькой советской ракеты из «Бука».

Вирхова скрылась в одной из боковых квартир, выбив дверь ногой. В той, где был оборудован ее снайперский пункт, оставила затаенной взведенную гранату. Она ожидала отвлечь внимание наемников и вырваться на оперативный простор, или хотя бы лестницу, не вступая в прямой бой. В дополнение к этому, зажгла фальшфейер и бросила его вдаль по длинному и прямому коридору, который упирался напрямую к спуску. Так она надеялась увидеть тени, и сосчитать бойцов, понять, куда и как они двигаются, их организацию. А еще такой прием мог дезинформировать солдат противника. Не самые ожидаемые действия, обычно на грани абсурда, всегда приводят к дезорганизации и легкому испугу, который помешает в моменте объективно и трезво рассуждать. О чем подумают наемники, когда увидят, что матерый снайпер, который без всякого шума, перебил около полутра отделений, теперь выбрасывает источники света прямо в коридор? О том, что он сумасшедший. А сумасшествие признак того, что матерый снайпер уже точно не отступится.

Наконец послышались шаги и раздался хруст крошеного бетона. Здание уже было побитое боем, и тот этаж, предпоследний, на котором находила Ульяна, был, вероятно, самым

целым из всех. Здесь были невредимыми практически все помещения и квартиры, комнаты. А вот крыша и первые этажи оказались завалены обломками. С остервенением барабанивший по изогнутому и разорванному подоконнику дождь мешал четко понять по шагам сколько было солдат, и тут как раз на помощь пришел зажжённый фальшфейер. Пятеро. Солдаты решили разделиться на три этажа поровну – по пятеро. Все-таки здание было очень большим, а наемников было сравнительно мало, чтобы вальяжно передвигаться по этажам огромной гурьбой. Действовали малыми тактическими группами, и это было даже правильнее. Они были мобильнее, были боеспособнее и злее, могли быстрее рассредоточиваться, не толкаясь и оперативнее отвечать на огневой контакт. Ульяна почувствовала, как у нее замирает сердце. Вжавшись в угол за распахнутой дверью, она бесшумно достала из ножен десантный нож, взяв его обратным хватом.

— Вперед, вперед. – слышались команды. – Бери вторую справа, я возьму эту.

К Ульяне кто-то заходил. Света фонаря не было – на каждом из наемников был прибор ночного видения. Вот уж точно роскошь для простой армии и простых солдат! Вирхова закрыла глаза и стала прислушиваться. Скрипнул порог, и сапог ступил за дверь. Солдат быстро, но тихо наклонился, посмотрев в глубину помещения от двери, и сделал еще два шага вперед, развернувшись. Лезвие десантного ножа мгновенно, с жестким, но не слышным ударом, вошло ему в гор-

ло по самую рукоять. Второй рукой Ульяна держала его автомат, и сунула палец под спусковой крючок, чтобы наемник не выстрелил. Молча, как живая статуя, она, не моргая, смотрела ему точно в зеленые окуляры ПНВ, и видела, как тот захлебывается от крови и умирает у нее на руках.

Вирхова стянула с его глаз прибор ночного видения, заметив то, как угасают его зеленоватые, напитавшиеся света от ПНВ, зрачки. Через мгновение рассмотрела под его веком татуировку «Смерть!». Похоже, он и не собирался жить вечно, подумала она, надевая на голову трофейный прибор. Мир вдруг мгновенно стал более понятным и четким, темнота резко отступила, высвобождая пространство для мягкого, немного рябого, зеленого свечения. Полезное изобретение, все-таки...

— Граната! – рявкнул один из солдат. – В укрытие!

Это был звездный час для Ульяны. Наемники залегли всего на несколько секунд. Сразу же после того, как прозвучал мощный взрыв, который услышали бы даже в бункере Белого Дома, она вынырнула в коридор, срываясь в сумасшедший по скорости бег. Так, вероятно, она еще никогда не бегала. Ни, когда сдавала нормативы, ни в Афганистане. В последнем точно было не до бега по ровному и гладкому полу американских построек... Но у нее получилось! Едва ставя ноги, и задыхаясь от настолько серьезного рывка, она просто плюхнулась на живот у самой лестницы и скатилась по ней кубарем. Контуженые взрывом гранаты наемники этого не

услышали, но мгновенно вынырнули в коридор, продолжая прочесывание этажа.

— Хитрый, сукин сын! – воскликнул один из них, но Вирхова этого уже не услышала.

Ульяна вскинула винтовку и посмотрела вниз по лестнице. Никого там уже не было – все из бойцов, кто мог, рассредоточились по этажам. Но нужно было быть аккуратнее, спешить точно не стоило. Собранность и терпение были лучшими союзникам Вирховой сейчас. Барабнящий по металлическим конструкциям дождь сильно мешал слышимости, было не понятно, кто и где находится. Обрывками звучали басистые разговоры, которые иногда перебивали одиночные выстрелы, ведь в здании еще, не смотря на повальное бегство, были гражданские. Почти неслышно дыша, Вирхова уже спустилась на первый этаж. Предстояло лишь сигануть по коридору до спасительных дверей и драпануть, что осталось сил! Спасительный выход был так близок, что она и не заметила странный шорох за собой. Обернулась лишь тогда, когда ствол винтовки практически посмотрел ей в спину.

Наемник наткнулся на нее в темноте. Он не сразу понял, что именно схватило его автомат. Четким и резким движением руки вверх, Ульяна сбила с его глаз прибор ночного видения. А другой увела винтовку вниз. Два резких и хлестких удара прошли мордатому наемнику точно в голову, отчего тот окосел и попятился назад, гроыхнув тушей об стенку. С мощью въехавшей в грудь фуры, Ульяна толкнула его но-

гой еще дальше в стену. На пол посыпалась плитка, а от чудовищного удара, который чудом не сломал ребра, наемник шумно сплюнул кровью. Но следующий удар он все же сумел заблокировать. И тогда прилетело с другой стороны. Ульяна умела очень ловко и быстро боксировать. Она всадила кулак в челюсть с такой силой, что та захрустела и вынырнула из сустава, повисая на одних сухожилиях. Наемника снова потянуло к земле, но он устоял на ногах. Сумел даже собраться и закрыться рукой от ножевого удара – клинок затормозил всего в нескольких миллиметрах от его горла, но затем медленно начал приближаться все ближе и ближе. Острый кончик его уже входил под кожу, и Ульяна увидела, как солдат с остервенением оскалил желтоватые зубы. Мышцы набухли до предела, и Вирхова глядела точно в его глаза, которые не выражали ничего, кроме страха, смешанного с яростью – солдат еще не был повержен, он держался достойно, но медленно сдавал все свои позиции.

Внезапно Ульяну дернули за плечи. Быстро развернувшись, она махнула наотмашь ножом, полоснув кому-то по остроносому лицу. Но перед ее глазами мелькнула сложенная пятерня. Сознание на мгновение помутнело, а тело потянуло к земле. Последовал еще и еще один сокрушительный удар, и теперь уже ей приходилось защищаться. Активно отбиваясь и блокируя удары, она успевала бить еще и по первому, недорезанному наемнику. Дралась одна против двоих, но ей было не привыкать. Два четких удара в одного, ногой

наотмашь во второго! И сокрушительный боковой, который поставил солдата с рассечённым лицом на колени. С остервенением схватив его за волосы, со свистом, разрывая кулаком воздух, размозжила ему нос так, что кровь оказалась даже на ближайшей стене.

Еще замах, но тут руку что-то стиснуло и сжало. Быстро подняв голову, Ульяна успела увидеть только тыльник приклада. Такой удар ее ошаршил еще сильнее, и ноги уже подкосились, но она еще стояла. Заблокировала второй, но прилетел еще один с другой стороны – тут было не выдержать. Вяло махнула рукой, пытаясь нащупать чьи-нибудь мягкие ткани, но это было мимо. Сознание в миг ушло в темные чертоги, и глаза будто бы выключились. Тело коснулось пола...

... В нос ворвался резкий запах нашатыря. И первое, что Ульяна увидела, когда разлепила болящие и практически ничего не видевшие глаза – большой золотой перстень с игровой мастью. Такой громоздкий и такой неподходящий тому элегантному, явно женскому пальчику, на который он был надет.

Однако, как в бочке, раздваиваясь, прозвучал все-таки мужской голос:

— ... Человек, при жизни успевший стать легендой...

— О, только не это... – опустив голову, попросила Вирхова.

— Не любите подобного пафоса к своей персоне, товарищ Сайранова? – усмехнулся вдруг мужчина.

Он стоял в полумраке, и можно было четко различить только то, как он скупо улыбнулся. На его зубной эмали немного приглушенно отразился свет тусклой керосиновой лампы, поставленной на столе посреди небольшой штабной палатки. Ульяна сидела привязанной к стулу, и уже практически не чувствовала перетянутых кнутами рук, однако головой она двигать еще могла. И пусть та гудела, страшно болела, и ощущение было такое, что из обоих висков торчит по отвертке, она все-таки еще была работоспособна. В мозгу потихоньку начинали расходиться, собранные в единый непонятный клубок из-за двух ударов прикладом, мысли, составляя картину того, что вообще происходило. Да, не выдержала, да не смогла – одна против пятерых наемников. Но, не сдалась сама, и, кажется, у нее теперь был способ отыграться и уйти не побежденной. Она уже все придумала, все сообразила. К сожалению, а может и к счастью для ее невероятного по своей величине военного опыта, она в плену уже была, и ничем, абсолютно, наемники не смогут ее удивить.

— Какой я тебе товарищ? – усмехнулась она. И мгновенно почувствовала, как голову отвернуло от не слишком сильного, но ощутимого удара.

— Вы не представляете, как увлекательно смешивать с грязью фантома. – сплюнул на пол наемник. И пусть он был красив внешне, с какими-то непонятными татуировками на шее и обратной стороне кистей, повадки его оставляли желать лучшего. Профессиональные военные, которым доро-

га их честь и достоинство, так себя не ведут. – Ощущаю себя борцом с паранормальными явлениями. Третьим братом Винчестером! Вы ведь уже несколько раз умирали. И нет ни одной, ни единой причины для того, чтобы не измываться над вами сейчас для собственного удовольствия.

Показательно закатав рукав повыше, он ударил еще раз. В ответ увидел лишь то, как она сплюнула кровь ему на ботинки.

— Что вы делаете в Вашингтоне? – серьезно спросил наемник. – Зафиксируйте.

Только сейчас, после последнего слова, Ульяна заметила то, что через стол от нее притаился еще один наемник, который шуршал карандашиком по бумаге, фиксируя все, что ему скажут, или что он посчитает нужным. Итого – трое.

Третий наемник смог Ульяну удивить. Ведь это была женщина, и именно ее руку она и увидела первой. Судя по нескольким ее наколкам – а девушка, лет тридцати, была в майке и ее руки было прекрасно видно – она была кем-то вроде опального медика. Слишком сильно верующей стервой, с набитым на предплечье черным православным крестом. На ее ключицах, в обход шеи, оплетая витиеватый шрам, не то от петли, не то от ножа, была наколота колючая тюремная проволока. А на спине, когда девушка отворачивалась, Вирхова успела разглядеть храм с куполами. Этакий собирательный образ русского заключенного, только смешанный с достаточно элегантным спортивным телом и короткой

прической. В ушах у загадочного парамедика были большие круглые золотые серьги. Но самое интересное было на шее – крупное и детализированное распятие на достаточно хлипкой, но золотой цепочке на мужской манер.

— Так пристально рассматриваешь ее. – заметил наемник. – Это Ольга, она наш врач, и по совместительству, человек, который может сделать тебе очень больно.

— Не помню, чтобы мы переходили на «ты». – огрызнулась Вирхова, повернув взгляд на допрашивающего. – Не думайте, что вам все можно, раз вы самые острые обломки от армии Громова, бывшей когда-то армией России.

— Сомневаетесь в том, что мы делаем все это в интересах России?

— О, нет, я не сомневаюсь, что вы делаете это в «интересах России». – едко ухмыльнулась Ульяна, показывая окровавленные зубы. – Я глубоко сомневаюсь, что вы делаете это в интересах российского народа. Да и людей, как таковых. Много ли получили наши люди от ваших завоеваний в Африке или на Ближнем Востоке, а? Список «Форбс» все пополняется русскими олигархами, а народ нещадно вымирает и беднеет. Так интересы какой России вы отстаиваете?

— Мы самые эффективные подразделения на поле боя! – ушел от ответа тот.

— Да, потому что не следуете правилам войны. – смело заявила Ульяна, перебив мужчину, который хотел что-то добавить. – Вас спускают с поводка, и вы грызете все, что по-

падется вам под другу. О, вы самые эффективные, спору нет. Но только потому, что вы наглухо отмороженные асоциальные кретины.

— Ваши идеологические убеждения простой мусор. — отмахнулась вдруг Ольга, скривив мину крайнего недовольства ее высказыванием. — Бездна вера в то, что человеческую природу можно изменить. Мы же берем под контроль то, что потаенно в каждом сильном человеке — врожденный инстинкт хищника. — девушка вдруг наклонилась и подалась чуть вперед, что распятие с ее шеи начало висеть как маятник. — Слабые, бывает... не выживают.

— Богоугодно, наверное? — усмехнулась Ульяна, вдруг дунув на крест, что тот закачался.

— А Бог всегда жесток. — равнодушно развела плечами тогда наемница, распрямившись и отойдя назад. — Поэтому и существуют войны. И существуют воины! Существуют и те, кто не вписался в обыденный людской миропорядок, те, кто оказался против человеческой природы вечного противостояния самим себе. И эти особи оказываются на пути воинов, как ни крути. И тогда есть выбор — либо остаться воином, либо пасть жертвой собственного малодушия и бесхарактерности. Не у всякого хватит смелости выбросить миролюбивую чепуху и признать право собственной силы. Такие люди и руководят миром.

— Ух ты... — знатно удивилась Ульяна. — Признаю, я купилась. Но купилась лишь на мысль о том, что есть те, кто не

вписан в общественный миропорядок, ведь подобный элемент стоит прямо передо мной! – тут ей в голову влетел резкий удар. Это уже была Ольга. – Да блять... А характер у нее вспыльчивый. – шмыгнув носом и слизнув с губ кровь с рассечённой брови, Вирхова усмехнулась. – Вы, Ольга, точно доктор? Удар неплохой...

— Доктором была в прошлой жизни. – она пододвинулась у Ульяне настолько близко, то та сумела увидеть, как у девушки задрана губа от небольшого шрама. Там был, словно выкушен, кусок плоти, и виднелись следы от небрежного штопанного шва. – А затем настала новая. У нас есть минута?

Допрашивающий мужчина доверительно кивнул. И тогда Ольга распрямилась и достала из пачки папиросу, мгновенно закурив ее от бензиновой серебряной зажигалки. Чуть почадив дымом, она потерла перстень на пальце. Резко выдернула сигарету из зубов и небрежно выдохнула в сторону. Курила она точно не как Ульяна, более резко и дергано, но с каплей самолюбования и этакого эстетического удовольствия. Не будь на ней черной майки, и поменяй она свои болотного цвета широкие штаны на платье, можно было бы подумать, что она строит из себя светскую стерву, но так от «светскости» не было и следа.

Вирхова жадно поглядела на сигарету, и почувствовала, как сухой и горячий песок обсыпает ее пальцы на завязанных за спинкой стула руках. Свет керосиновой лампы стал

ярче, он начал напоминать восходящее от горизонта солнце, жарить и даже обжигать шрамированную половину лица, хотя никто не добавлял в лампу мощности, никто ее не трогал. Жадным и даже пугающим взглядом, стараясь сохранить остатки самоконтроля, чтобы не выдать приступа наемникам, Ульяна вцепилась в сигарету. И наемник это заметил.

— Дай ей. – приказал он Ольге. – Она чадит, как паровоз.

Девушка послушалась, и сунула закуренную ей папиросу Ульяне в губы. Та быстро сжала сигаретный фильтр зубами и глубоко затянулась. Все фантомные ощущения отошли. По измученному телу прошла приятная дрожь. От подобной блажи закрыв глаза, Ульяна ощутила, как на ее макушке собираются мурашки, как дыбом начинают вставать ее длинные и черные как смоль волосы.

— Видишь, ее чуть не сломало сейчас. – все-таки догадался наемник. – А я хочу растянуть удовольствие подольше.

— Мог поглядеть на то, как она мучается. – со взглядом, подобным тому, каким обычно наблюдают за экспериментами, Ольга посмотрела на то, как Вирхова неспешно выдохнула дым.

— Не хочу мешать тебе рассказывать историю. Знаю, ты ее любишь.

— Так вот. – наемница вдруг мягко взяла Ульяну за коленку. – Я была чем-то вроде... медицинского работника, при отделении специального назначения. Элита, всех элит! Но я хотела быть выше, я хотела руководить! Я хотела быть

командиром собственного отделения, а тот козел, который был моим командиром, постоянно осаживал меня, считал, что я не достойна этой роли. Я закопала его вместе с теми шестью гражданскими, над которыми я повеселилась. Лучший способ получить конкретное знание – испытать его на том, для кого оно будет рассчитано. Доктор Менгеле или отряд Исии были осуждены по праву, но вот то, что они привнесли в науку, закрепило их имена в истории навсегда. Кто-то может сейчас пожалеть тех горцев, которые принесли мне знание о человеческой природе? Кто-то может возжелать обменять свою, дорогую и близкую сердцу жизнь, на жизнь этих немых козлопасов?

— Ты просто мразь. – с отвращением ответила Вирхова.

— Нет. Я – это исследователь. – с абсолютно безумными глазами ответила та. – Я отсидела три года, два из которых провела в карцере за убийство сокамерниц. У одной из них был рак прямой кишки в зачаточной стадии, и можно даже сказать, что я ей помогла. Зато теперь, у меня огромный талмуд из всего, что должно быть в медицине. Мы испытываем средства на низах, чтобы выдать их тем, кто должен этим самым низам выписать кнут. Это ли не счастье, работать и держаться в стезе сильных, зная, что ты одна из тех, кто может назвать себя владыками нашего мира?

— Без совести и без чести?

— Совесть – самая глубокая ошибка человечества. Тормоз эволюции, если угодно! Она заставляет тех, кто отлича-

ется, вставать в ряды тех, кто похож друг на друга, как две капли воды. Да, это бессовестно, но бессовестно по меркам тех, кто и обозначает слово «совесть». И пусть все думают, что мы есть мрак, что мы просто тщедушные мрази, несущие хаос и разрушения, но Бог... Бог знает, что мы несем человечеству лишь прогресс в плане их мышления. Мы несем человечеству идею, что следующая ступень нашей эволюции неизбежна, и что все, кто будут тормозить этот процесс «совестью» или «честью» ... будут просто перетерты на корм.

Ульяна не знала, что и ответить. Она первый раз пребывала в настолько сильном шоке от того, что она смогла услышать. На несколько мгновений даже подумала, будто бы наемники смогли ее все-таки удивить, но потом поняла, что предпосылки к этой риторике были, и были каждый раз. Да, не секрет, они являются отбросами, идеологический гнилью, откровенно противопоставленной действительно важным армейским ценностям, вроде добросовестности и порядочности. Если Армия, полиция и прочие силовые структуры, все-таки, худо и бедно, с натяжкой совы на глобус, работали на государство, а сотрудники в этих ведомствах свято верили, что помогают людям просто потому, что должны и это их долг, то эти звери были точным им противопоставлением. Они те самые солдаты – в прямом смысле слова. Прорывные батальоны, не боящиеся ни ответственности, ни последствий. Они не работают на государство, они сражаются за самый противный и позорный стимул на земле – за день-

ги. Они подпитываются тем, что они воины, и что они сильнее. И потому эта риторика, из уст этой опальной докторши, была даже очевидна, и ничем новым не стала.

Однако Ульяна поражалась откровенности и горделивости, с которой Ольга ей это сказала. На лице наемницы не было никакого намека даже на тень стеснения или раздумий по этому поводу. Это были ее устоявшиеся позиции в жизни, ее взгляд, который любому нормальному человеку был бы противен. И Вирхова все ждала, когда же та вскинет руку, и прокричит что-нибудь особо «коричневое», но та вела себя даже на удивление сдержано. Умела сохранять самообладание, хотя, видно, очень хорошо эмоционально разгорелась во время монолога. Вирхова чуть не выронила сигарету, но сумела еще раз глубоко затянуться.

Тонкими пальцами, на одном из которых был, теперь заигравший другими красками, перст, Ольга медленно вытащила из ее губ сигарету, закурив сама.

— ...Мне искренне жаль... – с папиросой в зубах заговорила девушка, раскладывая на коленках Ульяны кожаный чехол с надраенными до блеска хирургическими инструментами. У нее там было все. Даже ватка, чтобы протереть лоб. – ... что моя задача сейчас будет состоять в том, чтобы изуродовать то, что может принести пользу нашему миру. Вы не представляете, товарищ генерал, насколько мне противно смотреть, как вы защищаете бесполезные круги общества, вставая с ними в один ряд. Лучше будьте с нами, Ульяна.

— Для тебя, засранка, Ульяна Евгеньевна. – грозно ответила та, резко дернувшись на стуле, что все наемники разом затаили дыхание. Все же боялись, даже связанную. – И я никогда не встану в ваш ряд. Моя задача – поднять народные массы, являющиеся самым сильным инструментом на планете, на борьбу с особо зазнавшимися и зажравшимися ублюдками, вообразившими себя владыками этой самой планеты. – она засмеялась, показав ей окровавленные зубы. От этого рваный ожоговый шрам стал еще страшнее, на той стороне ее лица будто бы на мгновение не осталось мяса, только голый почерневший череп. – Вы просто кучка блядей, которую необходимо вырвать как сорняк. Общество может и должно стать справедливым!

— Она станет справедливым только тогда, когда каждый человек поймет свое место в иерархии. – вдруг ответил наемник, стоявший позади Ольги. Та все еще близко рассматривала лицо Вирховой.

— Тогда вы готовы оказаться внизу пищевой цепочки? – медленно спросила его Ульяна, прищурив взгляд.

— Нет, мы там не окажемся. – как-то даже простодушно ответила Ольга, засовывая почти докуренную папиросу снова Вирховой в губы. – Вы, товарищ Сайранова, явно что-то сейчас путаете. Я же вам говорила, здесь мы являемся силой.

Ульяна глубоко затянулась папиросой, почувствовав то, как у самых ее губ уже начинает подгорать фильтр. Выдохнув едкий табачный дым через ноздри, она вдруг сказала:

—...Сомневаюсь.

И достала папиросу изо рта собственной рукой.

Ольга даже не успела сообразить, когда именно из загорелых и сухих пальцев Ульяны была выщелкнута докуренная папироса. Она, казалось, уже тысячу лет весит в подвешенном состоянии всего в нескольких десятках сантиметрах над землей и разбрасывает еще шаящий пепел. Время всего на несколько мгновений оказалось остановленным, и осознание пришло в самый последний момент – с звонким и грубым хрустом тоненький и аккуратный нос на ее наемничьем лице оказался сломан под напором лба Вирховой. Та ударила так, что весь череп дернуло ударной волной, как от попадания пули в стальной шлем. Потеряв всякое равновесие и связь с реальностью, Ольга лишь почувствовала, как ее тело соприкасается с каким-то шкафом или столом, затем бессильно падает на пол и замирает, теряя всякую связь с происходящей реальностью. Ульяна, взревев, как турбовинтовой бомбардировщик, подорвалась с места. С силой махнула рукой с зажатым в ней не самым легким дубовым стулом, разбивая об наемника. С силой и яростью бросившись в атаку, она подхватила какие-то обломки ножек, и нанесла еще два удара по его голове, надрывая на ней кожу. По дубовым обломкам брызнула кровь. Дальше, сориентировавшись и поняв, что тот писарь, который потихоньку вел записи в своем блокнотике, уже направляет на нее свой «Грач», Вирхова бросилась через стол и схватила его за грудки, выбивая пистолет из

рук. В тот момент, когда оружие лязгнуло об пол, голова писаря повстречалась со столом, а сверху, в шею, как осиновый кол в грудь вампира-кровопийцы, она вогнула обломок ножки от стула. Обессилевшее и умершее в мгновение ока тело лишь трепыхнулось и с кровавым следом сползло со стола на пол, точно к ногам Ульяны, расвирепевшей как бык.

Она, даже в тайне обрадовавшись тому, что допрашивавший ее наемник еще жив, пнула в него стол, сжав кулаки до такого состояния, что хрустнули пальцы. В ней таилась невероятная энергия, и сейчас было то самое время, когда стоило потратить ее до самого конца, до полной разрядки ее чудовищного заряда ярости. Схватив согнувшегося на стол от удара мужчину, она потянула его на себя, перевернув на столешнице. Взяв его в захват, начала сдавливать горло, как пресс. Наемник забился в истерике, попытался ударить ее своими кулаками, но эта боль, которую она практически не чувствовала сейчас из-за нахлынувших эмоций, нисколько не волновала. Наоборот! Это ее только раззадоривало. Она была настоящим хищником, страшным чудовищем, которого сопротивление в глубине души только забавит. Но она была тем чудовищем, которое удавливает тех, кто еще хуже нее. Необходимое зло на страже самого добра – вот кем она была всегда. Никто не отрицал, и все знали ее силу. А кто осмеливался предположить, что она хила и растеряла всякую форму – погибали под ней за собственные слова. Она сдавливала наемника так, что у него покраснела голова. Еще на не

застывшем от смертной маски лице полопались сосуды, из глаз и носа потекла кровь, которая закапала на стол. Из горла вырвался скупой хрип, а дальше был только выдох. Чтобы не оставлять наемнику шансов на то, чтобы выбраться из ада, из той «Вальхаллы», о которой все они грезили, Вирхова сломала ему шею об край стола.

Но тут в руке что-то очень больно кольнуло. Затем еще и еще. Едва успев прикрыть глаза и лицо от летящего скальпеля, Ульяна повернулась, и увидела практически здоровую, но вот еле живую, судя по шатаниям и не самым четким позам, Ольгу. Та показательно оскалила окровавленные зубы, и развернула веером еще три скальпеля, которые немедленно полетели в сторону Ульяны. От одного удалось увернуться, второй прилетел тыльной стороной точно в бедро, но звякнул об землю. А вот третий вошел в плечо, и так, что Вирхова даже на мгновение потеряла равновесие, сделав шаг назад.

— Что такое?! Больно? – язвительно, и издевательски произнесла Ольга. – Ходили слухи, что вас не берет ничего, что ничего не способно причинить вам боль! Или за годы, проведенные в серой массе, вы растеряли все свои навыки?

— Ты закончишь, как твой командир. – сурово ответила та, выдирая из плеча и из руки скальпели. Откинула их в сторону. Но те не зазвенели – плюхнулись в лужу вязкой крови.

– Значит, Бог так расправится с моей судьбой. – пожалала, будто бы равнодушно, плечами та. – Но вот что я точно сделаю, так это омрачу вашу жизнь. Спецназ, уж поверьте, че-

го-то до стоит.

Она легко запрыгнула на стол, и как настоящая пантера, в мгновение ока, уже была на Ульяне. От неожиданно свалившегося сверху веса, та присела на одно колено, но не упала, как задумывала наемница, устояла вертикально. На ее голову посыпался град из мелких, но очень колких, техничных ударов. Но с другой стороны последовал один – сокрушающий. Ульяна резко подалась вперед, вгоняя спину Ольги точно в столешницу, рядом с ее покойным командиром. Тут же все удары прекратились, и Вирхова выдохнула с некоторым облегчением. Схватила врага за горло и еще раз с маху ударила об пол затылком, что тот не слишком приятно чавкнул. С лица Ольги потекли кровавые потеки, по щекам, по глазам и подбородку. Все ее лицо было в крови. И сверху, во всю эту мешанину сыпались тяжелые и отточенные годами удары Ульяны. Она буквально вбивала женщину в пол, ожидая, видимо, что рано или поздно, ее костяшки сами поздороваются с бетоном, больно, но по-своему приятно, давая мозгу понять, что череп пробит до самого основания.

Но вдруг удар не дошел до лица. Рука застыла в нескольких сантиметрах от расквашенного носа, и хитрый, дикий взгляд вонзился в глаза Ульяны. Уперев ногу в сапоге в локтевой сустав Вирховой, Ольга мгновенно ответила на избиения. Хлестким ударом по лицу, она скинула соперницу с себя и очень быстро, будто бы и не получала ударов, поднялась. Она шаталась, болталась и то и дело хваталась за обломки

стола, которые доходили ей до колена, чтобы не упасть, но стояла и все еще была настроена решительно. В одном она все же была права – наемники действительно были очень хорошо подготовлены.

— И это вся мощь десанта? – дразнила Ольга.

— Пока только моя мощь. – парировала Ульяна.

В атаке прошли два хлестких удара рукой, ногой, и даже головой. Ульяна схватила наемницу в захват и перекинула через спину на обломки стола, ожидая прибить ее сверху ударом ноги, но не тут-то было! Под сапогом оказались только кровавые щепки, а сама Ольга дала о себе знать техничным и хлестким ударом руки. Второй из них Вирхова сумела заблокировать, и в живот наемницы в этот момент будто бы вонзился товарный состав из сотни вагонов с тяжелым металлом. Перехватило дыхание, и на лице появилась свежая кровь. Пытаясь отдышаться от пропущенного удара, она машинально схватилась за отбитую диафрагму. А второй рукой взялась за свисающий с шеи окровавленный крест. В глазах в этот момент можно было отчетливо различить страх – Ульяна оказалась непобежденной, и стояла прямо, как гранитная статуя. И пусть тяжело дышала от напора Ольги, но сжимала свои кулаки и играла скулами на шрамированном лице. Она была будто бы тенью той далекой Революции, пришедшей за буржуйской подстилкой. Едва распрямившись, Ольга нанесла свой последний удар. Но он оказался не эффективным из-за четко поставленного блока. Кулак не долетел до челюсти

и застыл около жженого шрама, доставшегося в подарок от талибов. Ульяна схватилась за крест на ее шее и сорвала его, вместе с цепочкой, на которой тот держался. Развернув распятие в руке, она вогнала его точно в горло, между ключиц.

Ольга отошла, сама не понимая, что произошло. На ее груди побрякивали звенья оборванной цепочки, а из раневого канала Иисус расправлял руки. Ее гортань задрожала, из-под креста, не останавливающимся, даже наоборот, только усиливающимся потоком пошла кровь. Хищное, расквашенное ее личико начало активно бледнеть, под испуганными глазами образовались темные пятна. Тело уже не слушалось, оно просто падало от бессилия – она была повержена собственным крестом. Леденеющей рукой схватившись за все, что торчало от распятия, Ольга не смогла выдернуть его из собственной шеи, свалилась на пол и прильнула спиной к обломкам стола и трупам своего командира.

— Рай ли это? – спросила ее вдруг Ульяна, глядя на то, как на последнем издыхании девушка разглядывает свою убийцу. – Ты умираешь из-за сраной пачки баксов.

— Да. – едва слышно ответила та. – За мной толпы таких же, как я. А за тобой нет никого...

— Нет. – сглотнула Вирхова вдруг. – За мной вся Советская Армия.

И живой, пусть и чудовищный по своей сути, взгляд Ольги застыл навсегда. Ульяна неуютно повела плечом – рана от скальпеля была ровная, не рваная, но глубокая и очень силь-

но болела. Сейчас она могла помешать, но скорее эмоционально, ведь ее броню смогли пробить, смогли найти лазейку, чтобы задеть, и чтобы надрезать то, что казалось несокрушимым. Да, Вирхова сейчас как никогда чувствовала себя старой. Расправилась с тремя, но какой ценой? Годы ее были, все же, не смотря на подготовку, уже точно не те. Нужно было сидеть в генералитете, а не таскаться по чужим странам на подводных лодках и не ловить скальпели собственным телом.

Быстро переведя дух, Ульяна вдруг заметила в обломках стола кожаную портупею, которая вероятно когда-то лежала на нем. Было как-то не до нее, когда нужно было отбиваться с трех сторон, а сейчас проскочила любопытная мысль. Ведь внутри могло оказаться что-то интересное. Ульяна была где-то в самом центре базы наемников, и прежде, чем выйти отсюда, должна была хотя бы принести пользу общему делу и спереть какие-нибудь разведданные. Быстро подняв «Грач» писаря и толстый офицерский планшет с портупеи, расстегнула его. И не поверила своим глазам.

Среди всех прочих, была карта наступления на США. И в ней значились все крупные районы сосредоточения подразделений наемников на фронте. Это заставило Ульяну улыбнуться.

Часть 9

С неба сыпались крупные капли навалившегося на город и бушевавшего уже несколько часов дождя. Но паре всепогодных российских истребителей четвертого поколения было абсолютно плевать что было поверх их красных, еще советских, звезд на фюзеляже – вода, песок, снег или ржавчина. Эти серебристые машины летали в любом небе и при любой погоде. И даже могли сражаться! На подвесах осталось всего по две ракеты – последнее, что отделяет их от пути на авианосец «Адмирал Кузнецов». Господство в небе было окончательно и бесповоротно завоевано, американцы растерялись и сдали собственную столицу всего за два часа напряженного и очень сурового, но скоротечного и быстро меняющегося боя. Существенный вклад внесли и зенитчики, но именно истребительная, даже еще точнее – палубная, авиация завершила начатое и принесла победу. Теперь они, российские летчики, были хозяевами в американском небе.

— За «Авакс» «Героя» дадут! – хвастал один из летчиков по внутренней связи. – А тебе, Серега, точно орден какой-нибудь за того «Раптора».

— Так точно, «Змей-6», грудь в медалях. – отшутился летчик во втором МиГе. – Осталось только еще две ракеты поженить и можно домой.

— Топливо на исходе, лучше сбросить. Как понял,

«Змей-5»?

— Никакого сброса! – ответил резко тот, помахав крыльями самолета. – Каждая ракета во врага, за наших! За челябинцев, и экипаж Леньки Пашева! Я не сброшу наши ракеты в море, пока есть время.

— Топлива на десять минут, если авианосец свободен.

– Значит работаем быстро, «Змей-6»?

— Так точно. – пилот посмотрел на собственную приборную панель. Он барражировал над городом на высоте около трехсот метров, со скоростью близкой к семистам километрам в час, и вдруг заметил что-то на радаре. – А это что такое?

— Тоже видишь? – спросил его ведомый. – Сигнатура не вертолетная, но держится между домов. На «свой-чужой» не реагирует.

— Есть данные о сигнатуре?

— Слабые. Погода слишком сильно мешает. Тепловая сигнатура двигателя напоминает противника, как понял? Вектор тяги вертикальный, температура соответствует... – пилот одной рукой перелистал закреплённые на приборной панели листочки, с кратким описание вражеских, понятное дело, американских, самолетов. – ... Соответствует... Похоже на Ф-35! Это вражеский СВВП!

— Как он там оказался? – спросил ведущий пилот, и переключил связь на самолет дальней радиолокационной разведки, который был где-то в полусотне километров к востоку. –

«Глаз», я «Змей-6», прошу подтвердить, наблюдаю Ф-35, высота тридцать метров, курс ноль-один-один, скорость движения около сотни.

— «Змей-6», подтверждаю. – ответили на том конце очень уставшим голосом. Оператор системы явно уже засыпал от усталости. – В бой вступать не рекомендуется.

— Этот хищник прижмет наших! – воскликнул ведомый. – Прошу разрешения на атаку!

— Нет, «Змей-5», «Кузнецов» просит истребители. – ответил оператор летающего радиолокатора. – С него получен отказ на атаку. О «тридцать пятом» будет извещен дивизион противовоздушной обороны.

— Тридцать метров! Его не достанут зенитчики, он между домов!

— «Змей-5» соблюдайте субординацию.

— Серега, не делай глупостей. Сбрасывай ракеты и мы уходим из сектора. – приказал ведущий пилот.

— Я летаю пятнадцать лет! – выдохнул с досадой пилот. – И еще ни разу не сбрасывал ракеты. Выхожу на боевой!

Пилот был в возрасте и его гложил обида о том, что парни на земле, без сомнения все бравые ребята – десантники, морпехи и пехотинцы, могут быть прижаты огнем из-за трусости командования разрешить им хотя бы спугнуть этого американского хищника. В суровом русском мужике была обида за братство, за таких же как он солдат, которые еще должны были вернуться домой. И он думал, что может сде-

лает так, чтобы это сбылось, чтобы не шли похорожки в Воронеж, Ржев, Москву или Владивосток. У него было оружие, у него был обозначен враг, и те, кого он мог спасти, если первые две вещи он сможет соединить и выйти из этой бойни победителем.

В ушах заверещал сигнал, обозначающий, что головка самонаведения ракеты захватила тепловой след от двигателя Ф-35, и уже готова к старту.

— К работе готов. – скупой отчитался он.

— Не рискуй! – рванул за ведомым головной самолет. Машину резко потрянуло и перевернуло. Курс менялся на совершенно противоположный.

— Пуск! – выйдя из крутого виража, «Змей-5» выпустил одну из оставшихся ракет.

Покрашенная в белый болванка со стеклянной головной частью сорвалась с подвесов. Через секунду зажглось топливо, и реактивная тяга вырвалась из соплового блока. Ракета быстро перешла на сверхзвук и направилась к цели. К тому, что ошибочно посчитали как Ф-35.

—...Твою мать! – Моргана жестко дернула рукоять управления вектором тяги.

Як-38, в кабине которого она сидела, мгновенно взвился, как необузданный жеребец, и сотрясся так, будто бы в него въехала машина. Скорость на приборной панели стала резко увеличиваться. Двести, триста, четыреста, шестьсот! Мощные американские двигатели, вставленные в корпус из совет-

ского авиационного алюминия, разгоняли машину невероятно быстро, прытко и даже опасно. К позвоночнику прижало желудок, а уши заложило, как только вектор тяги двигателей стал горизонтальным. Самолет был легким, а потому двигатели, рассчитанные на более тяжелый корпус, без труда разгоняли его с чудовищными перегрузками для пилота. И Моргана чуть было не потеряла сознание от рывка, но тут металлические пальцы сильнее сжали рукоятку управления – цифровой мозг снова подхватывал ее из критической ситуации и подтаскивал к эффективному и эффектному решению.

За хвостом мгновенно разгорелся настоящий фонтан! Ракету нужно было отвлечь и тепловые ловушки были для этого как нельзя кстати. Скорость пусть и была заоблачной, истребители все же не летают медленно, однако оторваться от ракеты было бы нереально – она всегда быстрее. В условиях, когда не было видно практически ничего, когда дождь превращал реальный мир в единое и серое марево, Моргана резко дернула за рукоятку управления и вошла в затяжной вираж, по спирали уходя выше. Ей нужно было покинуть городскую застройку, чтобы просто не врезаться в какое-нибудь здание, не рассчитав скорости и маневра. Она уходила от ракеты по резкой дуге, но вот и та не сдавалась. Головка не купилась на теплоту ловушек и мчалась к двигателю, который все разгонял и разгонял «Яковлев».

Наконец было принято решение. Дениц резко рванула ру-

коятку от себя и советский самолет быстро и послушно опустил кокпит вниз и помчался еще ближе к земле. Секунда, и сумасшедший воздушный поток уже поднимал лужи с асфальта, сдвигал и переворачивал машины – самолет чуть не задел брюхом наполненный мусором грузовик. А вот ракета оказалась менее верткой и врезалась в кузов самосвала. Раздался мощный взрыв и ударной волной сложило ближайшую побитую боями многоэтажку. Немногочисленные осколки ударили по фюзеляжу, не нанеся ему вреда. Ударной волной тряхнуло кабину и крылья. Моргана успела увидеть, как на мгновение закрылки не послушались штурвала.

Резко выдохнув от того, что на этот раз ее пронесло, Моргана огляделась, откуда мог быть произведен выстрел. Ее радиолокационное оборудование не могло найти два советских МиГа.

— «Змей-5», уходим домой! – приказал российский пилот второму. – Твоя ракета не нанесла ему вреда!

— Тогда давай ты! – язвительно пробурчал ведомый. – Выхожу на повторный!

— Да где же вы!?! – нервно спросила Моргана саму себя, пытаясь понять, откуда был дан залп второй ракете.

Она продолжала лавировать над городом, едва не цепляя брюхом самолета шпильки и флагштоки. Ей было категорически запрещено подниматься выше сотни метров над землей, потому что в таких условиях ее могло засечь и уничтожить российское ПВО – оно точно не оставляет вторых и третьих

шансов, потому что выпускает сразу пачку ракет. Не жалеет ценных боеприпасов на господство в воздухе. Сто метров – красная линия, за которую никак нельзя было заходить.

И снова была погоня. Снова бесполезно отстреленные тепловые ловушки, которые лишь слегка и на время сбили ракету с заданного курса. Полноценно ослепить ее не вышло, ведь головка была слишком умной и невероятно хорошо видела тепловой след от очень неэкономичного американского двигателя. Моргана уже практически вышла на сверхзвук, но вдруг резко сбавила, дернула рукоятку управления и сменила вектор тяги. Самолет, закрутившись вокруг кончика собственного носа начал, активно сбрасывать скорость. Заскрежетал металл, заплясала алюминиевая обшивка, все начало давать понять, что подобное невозможно выдержать – это было выше полномочий старенького советского палубного штурмовика.

Но это сработало! Ракета потеряла тепловую цель и врезалась в дом, проскочив около крыла советского Яка.

— Да сука! – не мог поверить пилот. – Кто там в кабине!?

Пространство между двух мчащихся истребителей мгновенно разрежала трассирующая очередь. Моргана все же заметила пару МиГов и дала залп из пушки, где практически кончился боекомплект. У нее оставалась одна ракета, и она надеялась, что избежать конфликта с российскими летчиками удастся. Но, «Змей-5» был невероятно упертым и упрямым. Он не желал оставлять «противника» на завоеванной

территории.

— Смотри-ка, задирается! – не без улыбки под гермошлемом произнес пилот. – Снижаюсь.

— Серега, твою мать! – крикнул на него в рацию «Змей-6». – Я тебя на «губу» отправлю, блять! Это пятое поколение!

— Почему он нас не атакует, тогда? Снижаюсь до ста пятидесяти.

...В воздухе повисла напряжённая и короткая пауза. И за ее время случилось еще одно:

— «Вавилон», я «Сто Первый», проскочил защиту русских. Как поняли, прием? – пилот американского Ф-16 снижался из-за облаков. – Оба ведомых уничтожены огнем ПВО. «Вавилон», прием! – гермошлеме были одни только помехи. – Черт...

На его подвесах были две ракеты воздух-воздух, и одна противорадиолокационная ракета-обманка. Одна из таких уже отвела русскую зенитную ракету, и спасла самолет от разрушения. Однако на крыльях и корпусе самолета остались характерные отметины от осколков из «Бука».

Пилот заметил очередь, и включил радар в активный режим. Он заметил пару российских мигов и еще какой-то очень странный объект, напоминающий ему Ф-35. И не смог поверить своим глазам.

— Держись, держись, брат! – шумно выдохнув, пилот американского истребителя резко увел свой Ф-16 в крутой што-

пор. Мгновенно в уши вонзился противный писк, извещающий о готовности ракеты к залпу. – «Вавилон», я «Сто Первый», атакую пару русских «Фэлкремов»!

Ястребом сваливаясь практически вертикально в землю, американский самолет скинул из-под брюха продолговатую крылатую ракету, которая мгновенно стала похожа на комету. Включился ее реактивный двигатель, который погнал боеголовку точно в хвост советского МиГа.

— Knock-Knock, bitch! – американец прокрутил истребитель вокруг своей оси и выжал гашетку курсовой пушки. По земле чиркнула полоска трассирующих пуль.

— Ракета! Ухожу влево! – «Змей-6» увел самолет с линии огня курсовой пушки, выйдя в крутой вираж. – Выбрасываю ловушки! – в радиии раздалось тяжело дыхание. Мозг пилота размазывало по черепной коробку от перегрузок. – «Глаз», я «Шестой»! На моем хвосте американский «Фалькон»! Дайте ракетчиков!

— Отказано, он слишком близко к вам. – ответил оператор на российском самолете дальней разведки. – «Шестой», уходите из боя.

Американская ракета завернула вслед за истребителем, и мгновенно окунулась в пылающий бассейн из отстреленных тепловых ловушек. Ее корпус обласкали горящие кусочки с красным и очень ярким пламенем. Головка наведения, наверное, невероятно удивилась бы, если бы была совсем уж умной, как же так – настолько быстро догнала «самолет». И

вот, раздался невероятной силы взрыв. Корму МиГ обдало ударной волной, по рулям управления заплясали обломки ракеты. Но основная масса взрывчатки все-таки была слишком далеко от сопловых блоков. Самолет не пострадал и вышел на боевой разворот, впиваясь в небо своим серым острым носом.

— Где второй? – спросил вдруг ведомый. – Не вижу его!

— С кем вы воюете?! – вдруг спросила Моргана, будто бы у себя самой.

Она пыталась лавировать между домов, скрываясь под пеленой дождя и тумана. Серость удачно маскировала ее силуэт от визуального обнаружения, но вот тепловой след – его видели все. Внезапно по корпусу раздался чудовищный удар – две трассирующих пули из русской пушки шлепнули по самому кончику крыла. Самолет едва сдержал этот натиск. Взял бы «Змей-5» чуть-чуть правее, и отрезал бы залпом коротенькое крыло. Резкая бочка, и Дениц увела самолет еще ближе к земле, нырнув ниже крыш городской постройки. Она летела над широким проспектом и уходила в сторону городского парка, надеясь, что там будет больше пространства для маневра.

— У меня появился второй! – отчитался ведомый. – «Змей-6», выхожу на атаку!

— «Вавилон», я прошу координацию. – все еще пытался связаться с центром управления американский пилот, потянув рукоятку управления на себя. Фалькон резко поднял нос

и устремился точно в грозовые тучи. У самого крыла сверкнула молния и раздался оглушительный раскат грома. – «Вавилон», я... Черт! – на панели резко загорелась кнопка, извещающая о приближении ракеты. – Чертов Иван умеет летать!

Ловушки не помогли. Ракета была нацелена не на тепловой след, а на радарный комплекс в обтекателе самолета. Американец это понял не сразу, и все-таки отстрелил ловушки еще раз. А когда ракета приблизилась на самое не безопасное расстояние, резко завалил самолет, выжав форсаж. Фалькон трянуло, и с подвеса сорвалась противорадиолокационная ракета-обманка, которая рванула строго вверх, уводя русскую ракету за собой. Взрыв раздался высоко в облаках, как настоящий салют профессионализму этой воздушной драки.

— Да сука! – неуютно дернул рукой «Змей-5».

— Да, сука! – рассмеялся американец. – Мой черед!

— Включаю форсаж. Ракета готова. – злобно сжал челюсти пилот ведомого российского истребителя.

— Серега, перед тобой «тридцать пятый»! – крикнул в радиостанцию «Шестой». – Побереги топливо и отходи на авианосец. Я тебя прикрою.

— Нет! Я добыю хотя бы одного!

Моргана старалась лавировать между этим воздушным сражением, как могла. Однако в один момент она подобралась слишком близко к Фалькону, чтобы пилот успел рас-

смотреть не слишком знакомый ему силуэт. Он не видел такого самолета ни на одной из баз, на которых служил. Зато наблюдал подобную конструкцию в учебнике по воздушному бою. Он сообразил обо всем сразу. Это был не отечественный и родной для него американский Ф-35. Это был старый советский самолет вертикального взлета и посадки, который каким-то неведомым образом смог выдать себя за Ф-35. И пилот сразу же понял, почему тот не атаковал русские самолеты ракетами. Потому что сам был русским!

— Гребаная обманка! – расстроился он. – «Вавилон», Ф-35 – это обманка! Это русский «Форджер»! Вот скотина. – повернув самолет, американец мгновенно захватил «троянский самолет» в прицел последней ракеты. – Ну, держись...

— «Тридцать пятый» на прицеле. – отчитался «Змей-5».

— Пуск! – последняя американская ракета отпала от крыла.

— Пуск! – ракетный след показался уже со стороны российского МиГа.

Моргана оказалась точно посередине между двух истребителей. «Пятый» был ниже и заходил с одной стороны. А вот американский Ф-16 Фалькон был с другой стороны и выше, пикируя на разочаровавшую цель. Обе ракеты мчались к Моргане с практически одинаковой скоростью. И решение нужно было принимать мгновенно, ведь ситуация была практически безвыходной. Две ракеты, нет тепловых ловушек и оборонительного вооружения. Осталась всего одна ракета,

которую нужно еще навести...

Но тут снова вмешалась титановая рука. Процессор в голове соображал гораздо быстрее. Он уже прикинул все шансы на успех. Моргана закрыла глаза – больше ей не нужно было видеть окружающий мир, электронный мозг все запомнил и проанализировал. Схематично выстроенная математическая модель ситуации показывалась напрямую в мозг, без участия электронных глаз. Живая рука тут же почувствовала шершавый пластик рукоятки управления вектором тяги. Резкое движение – авиационный двигатель с небольшим скрежетом, сотрясая от вибрации воздуха тело самолета, развернулся. Открылась крышка за кабиной, и вертикальные двигатели так же заработали по полной. Самолет просто оттолкнуло с прямой траектории пуска ракет. Титановая рука дернула рукоятку управления и самолет развернулся. Ракеты теперь были не под днищем, а над кабиной. С силой разжав глаза, Моргана увидела, как они пролетели друг мимо друга, в две противоположные стороны.

Замысел сработал. Тепло двигателя было скрыто, и боеголовки увидели более лакомые цели. Ими стали два мчащихся друг на встречу другу истребителя.

Сработала американская катапульта. Но слишком поздно. После того, как раздался выстрел, и Фалькон обьяло облаком красно-черного пламени от сдетонировавшего топлива, капсулу с пилотом посекло осколками, изорвав целиком. От кресла пилота остались одни лишь ошмётки, что говорить о

нем самом. Горящим градом остатки истребителя рухнули на городские кварталы, а части от несработавшего кресла затерялись в плотной дождевой пелене. Советскому МиГу повезло еще меньше. «Змей-5» настолько увлекся охотой, что не успел заметить, как ракета попала точно в стекло кокпита. Машину вывернуло на изнанку, но огромного огненного шара, как у американца – не вышло. Баки оказались выжаты до последней капли. Две ракеты – два самолета.

— Серега! – крикнул в эфир «Шестой». – Серега!!! Черт, черт! – пилот рванул рукоятку на себя, и второй, уцелевший в этой боине, МиГ взмыл четко вверх, снова обнаруживая пролетевший рядом самолет Морганы. – «Глаз», я «Шестой». «Змей-5» уничтожен, парашюта нет!

— «Шестой», отходите на...

— Я выгоню его наверх! – злобно оборвал оператора пилот. – Дайте знать зенитчикам, что у них сейчас будет цель.

— «Змей-6», вам приказано...

— Выполняйте, вашу ж мать!

«Шестой» сорвал с небритого и уставшего лица, изнеможенного длинным боем и смертельной схваткой с Морганой, кислородную маску и отключил все каналы. Теперь он остался один на один с противником. И даже практически сухой бак не мог его отговорить от возмездия. Он должен был отомстить за собственного ведомого, и доказать, что в этом небе нету равным советским летчикам и советским самолетам. Он летал тридцать лет, видел Афганистан, Чечню и Кас-

пийское море. И смерть его не пугала. Ведь была честь – то, что намного выше страха за собственную жизнь.

— ...кто-то должен сбить эту мразь. – практически по слогам, как молитву, произнес пилот, подготовив к залпу последнюю свою ракету.

Он четко видел, как каком удалении от него, и на какой высоте от земли идет неизвестный самолет, предположительно определенный как Ф-35. Моргана снова держалась ниже сотни метров, чтобы не попасть под залпы систем ПВО, ведь уже несколько оторвалась от последнего российского самолета и уходила в сторону от поля боя. Но вдруг ее как будто бы подрезали – МиГ вышел ей на перевес и залпом из курсовой пушки дал понять, что не желает отпускать вероятную добычу из зоны. Дениц рванула штурвал, и самолет послушно повернул в другую сторону, снова начиная кружить над городом, чтобы оторваться.

— Какого черта он делает!?! – резко спросила она, увидев в зеркало заднего вида залп последней ракеты. Он был значительно ниже, чем девушка думала. МиГ был еще ниже – пилот вел машину между домов на широкой улице. – Ох, черт!

Под днищем, и рядом с правым крылом рывкнула трассирующая очередь из курсовой пушки МиГа. Моргана потянула штурвал на себя, и выбросила тепловые ловушки. Впереди, по ее маршруту стоял многоэтажный дом, и деваться было некуда. И тут она сообразила, что именно российский пилот старой закалки решил сделать. Он потратил свою по-

следную ракету не зря, ведь обтекатель Морганы мгновенно оказался выше черты в сотню метров, и реактивный Як-38 вылетел на линию стрельбы систем ПВО. Прозвучал одиночный пуск из «Бука». За Яком из этого уличного коридора вверх вынырнул и МиГ. Однако Морганы там уже не было. Он оказался один на один с отечественной ракетой, которая уже захватила его тепловой след. Дениц перехитрила «Шестого», по дуге, снова изменив вектор тяги, уйдя в сторону от вертикальной траектории, и сейчас неуправляемо ныряла прямо вниз.

Пилот МиГа сделал правильное решение и дернул кольцо катапульты. Самолет отбросил фонарь кабины в сторону и кресло вылетело из фюзеляжа. «Шестой» оказался спасен, и даже практически не пострадал, когда его самолет поглотило громкое рыжее горячее облако. Ракета ПВО сработала четко и точно, но уничтожила не тот самолет. Обломки от нее ударили по корпусу и доверенного Дениц самолета. Они были слишком близко друг от друга, чтобы ее не коснулось. Крупные куски обшивки ракеты пробили фюзеляж и крылья, забились в сопло двигателя. Хвостовые рули не слушались – были перебиты системы управления. Самолет больше напоминал теперь решето для макарон, но на последнем дыхании все еще смог изменить вектор тяги двигателя, и пойти на более плавное сближение с землей. Моргана быстро осмотрелась, но не увидела места, куда она могла бы жестко, но все-таки хотя бы приземлиться. Вокруг не было ни

газонов, ни полян. Только парки с крупными деревьями или городская застройка. Она падала в районе мемориала Линкольну. Повсюду была вода, но она годилась только для того, чтобы разбиться при приводнении и попросту утонуть вместе с алюминиевой изрешеченной консервной банкой, которая не слушалась команд управления.

— Ладно, ладно. — согласилась сама с собой Моргана, и взялась за рукоять катапульты. Это было последним, но единственным решением.

Резкий рывок. В шлемофоне вдруг засвистело от потока воздухе. С помощью реактивных двигателей кресло выкинуло из фюзеляжа далеко вверх. Самолет разбился об один из многоэтажных домов, оказавшись простой грудой металла, стекла и пластика. Обычный военный мусор – обломки старых военных технологий. За спиной у девушки раскрылся красный спасательный парашют. Кресло отпустило тело и отпало в сторону. Моргана аккуратно спускалась на мокром парашюте точно в дворик между домов. Раскисшая земля показалась под ногами, и вскоре последовал жесткий, но какой-то даже приятный толчок. Девушка не устояла и рухнула в развезенную землю. Однако быстро поднялась и отцепила парашют.

Оставалось понять, успели ли ее заметить наемники...

Часть 10

Алиса уже равнодушно относилась к тому, что с ее бело-снежных волос и рубашки, с плеч и снаряжения текли настоящие реки дождевой воды. Проливной дождь с крупными каплями заливал все, что мог. Ноги по щиколотку стояли в грязи, их было невероятно трудно переставлять. Шквальный и порывистый ветер иной раз закидывал брызги прямо в лицо, и мешал нормально видеть все, что происходит. Сверкающие молнии и взрывы ракет под грозовым фронтом свинцовых туч на мгновения освещали побитую боем американскую землю, которую удалось отбить только с помощью настоящего чуда. Помогла Моргана, помогли и морпехи. Но завершили разгром наступающей группировки российских наемников только подоспевшие американские ударные вертолеты. И теперь шум от винтокрылых машин становился все сильнее и сильнее. В небесах появлялись черные и мрачные силуэты, обвешанные блоками неуправляемых ракет. Один из таких силуэтов, до этого, дымя и разгораясь как комета, упал за дома. Потери были, и были достаточными – до точки добралось всего три ударных вертолета. А ведь была еще дорога домой...

Купер достала из рюкзака пару химических источников света, размяла и бросила прямо в грязь, показывая неуклюжему «Ирокезу», куда можно сесть среди всей этой заболо-

ченной, но некогда зеленой и очень приятной глазу, полянки. Больше похожий на зеленый ящик с двухлопастным винтом, вертолет осторожно начал опускаться на землю. И как только его лыжи коснулись развезенной американской земли, из здания Белого Дома, в сопровождении морских пехотинцев, вышли министры. За ними, за отдельным кортежем из сотрудников личной охраны и солдат Национальной Гвардии – Президент. Для него был уготован личный, второй по счету, вертолет. В первом, так как тот мог оказаться наиболее лакомой целью за русских расчетов ПЗРК, летел весь министерский кабинет. Все понимали, что не было времени на распри, однако Министр Обороны, напоследок успел буркнуть Купер:

— Как в Сайгоне в семьдесят пятом.

— Эти вертолеты – ваших рук дело, Министр. – смело ответила Купер. Она уже знала, что его голова скоро станет на несколько граммов тяжелее, из-за внезапно пришедшей в голову свинцовой идеи. – И только ваша преступная халатность.

С хлопком, Алиса закрыла за ним двери. Тут же, переставляя ноги в невероятной грязище, отошла назад, встретила взглядом с Мэрлином. Командир пехотинцев ждал ее на разговор. И пока была тихая минутка, они могли поговорить:

— Загружайте бойцов, майор.

— Неужели на этом наша работа завершена, мэм? – с какой-то даже надеждой в глазах спросил ее пехотинец. – На-

ши парни бьются, а мы – домой? Может, мы сможем нанести удар?

— Нет, не сможете. – Купер прихлопнула его по мокрому плечу. – Вы переходите под мое командование. Ваша задача ждать моего сигнала.

— Не понял, мэ. – удивился Мэрлин. – Какого сигнала? Вы не летите с нами?

— Не лечу. У меня есть незаконченные дела здесь. Но вы еще можете мне понадобиться. Вас снарядят, обучат и отправят на нашу базу в Туркменистане. Ваша основная задача там – ждать. Вам это понятно, майор?

— Так точно, мэ. – немного даже опечалившись тем, что его не посвятили в подробности, которые его, наверняка бы, заинтересовали, Мэрлин махнул рукой к мокрой каске с расстегнутым ремешком. И тут Алиса протянула ему небольшое устройство, больше похожее на телефон-раскладушку, из начала нулевых годов. – Что это, мэ?

— Передатчик. – объяснила ему она, показав второй такой же. – Он поможет отследить местонахождение, когда нам понадобится помощь. Что бы не случилось, я хочу, что бы вы бросили все, и примчались на помощь, идет? Вы настоящий командир, Мэрлин. И поверьте, ваш звездный час еще впереди.

— Так точно! – наконец улыбнулся он. И поспешил в вертолет.

Запрыгнув в вертушку, он свесил ноги и упер свой кара-

бин прикладом в железный пол. Скинув в сторону, к ногам одного из своих бойцов, каску, он наскоро махнул рукой пилоту, показывая, что больше никого ждать не стоит. Грузенный до отказа «Ирокез» медленно подался вверх. Двухлопастной винт поднял настоящий шквал из брызг и грязевых комьев. Все это полетело в разные стороны, а около вертолета образовался небольшой водянистый торнадо. Наконец, машина оторвалась от земли и поспешила занять место в цепочке точно таких же, как она, зеленых грузовых вертолетов, которые под прикрытием ударных устремились между домов точно на запад. Там их ждало надежное укрытие... Если они смогут проскочить российский кордон...

— Здесь становится слишком жарко. – произнес по-русски Среда, поняв, что на развезенной лужайке остались только они втроем. – Груз, есть идеи, как отсюда выбираться?

— Чувствую, нас заберут. – он указал пальцем на приближающийся свет фар.

Одиночная машина никак не могла быть похожа на новую попытку наступления. Плюс, фары не были прикрыты светомаскировкой, а значит водитель и вероятные пассажиры хотели, чтобы обитатели белой крепости американской демократии все-таки заметили их. Однако, расслабляться не стоило, и Дима с Грузом, практически синхронно подняли автоматы и разошлись в разные стороны, взяв неизвестного пока гостя на прицел.

Приближающейся машиной оказался русский ГАЗ

«Тигр» – его силуэт можно было отчетливо различить даже в все нарастающем дожде. Автомобиль немного развернулся и встал полубоком, повернув грязные и облепленные комьями глины колеса. На крыше загремел закрепленный в станке пулемет – на него облокотился вылезший по поясу из люка Джек. Как-то даже по-дурацки и не слишком умело улыбнулся. Груз подошел к машине и осмотрел ее. Явно не ожидал, что американцы настолько оперативно схватят один из отечественных джипов. А, судя по характерным отметинам от стрелкового вооружения и побитому лобовому стеклу, пара црушников смогла еще и оторваться от преследования. В старом советском полковнике Государственной Безопасности на мгновение проскочило что-то навроде уважения к их профессионализму, но это чувство задавило очень острое недоверие к американцам. Груз постоянно ждал беды и не спешил расплываться в дружелюбной улыбке. Однажды, жизнь уже научила никому не доверять, кроме себя самого. Особенно... американцам.

Среда же быстро приблизился к водительской двери и заглянул за бронированное стекло. Он увидел только грязную и уставшую бородатую голову Самира. И... больше никого. На мгновение в сердце что-то екнуло.

— Карета подана, господа! – с бравадой, выдал из люка Лиски. – Давайте быстрее, мы едва ушли от них.

— Шесть часов! – резко указала рукой Купер, дернув к плечу свой коротенький карабин.

Раздалась трассирующая очередь. Пара пуль впиалась во что-то мягкое на той стороне дождевой стены. А одна из них, со звоном и искрами разбилась об толстую плиту титанового бронежилета. Наемники снова подбирались, и на этот раз уж точно не так яростно и быстро, как в прошлый. На этот раз ставка, видимо, была поставлена на диверсионно-разведывательную группу без тяжелого вооружения и бронетехники. Однако, солдат было много. В мгновение, когда под черным дождевыми тучами пронеслась короткая и извилистая молния, показалось, будто бы комья земли увеличивались до человеческих размеров. Солдаты вырастали словно из-под земли, безликие, серые и пугающе близкие. Их было около полусотни, и все метрах в ста-пятидесяти от места, где на полянке стоял одинокий, и такой возвышающийся сейчас «Тигр» с грязными колесами.

На крыше его заскрипел пулемет. Джек резко рванул рукоятку взведения на себя и дал длинную и затяжную очередь. Алиса и Среда рванули к десантному отделению броневика, однако их остановила лязгнувшая по металлу очередь из автоматов. Пригнувшись, Дима плюхнулся в землю около колеса, а Купер прижалась к металлу, чтобы ее не зацепило шальной пулей. Они оказались отрезаны от уже открытой задней двери. Груз забрался на пассажирское сидение, и быстро перебрался в десантное отделение, случайно впопыхах попав ногой по Самире, отчего тот недовольно зашипел. Старик прижался к закрытой створке и огрызнулся

по противнику огнем.

— Прикрою! – крикнул он. – Араб, давай заводи!

— Лезут справа! – Лиски двинул пулемет в сторону. Снова застрекотала длинная пулеметная очередь. С задорным звоном внутрь броневика посыпались разбухшие толстые гильзы, забили по голому металлу звенья ленты.

Первым из пары внутри оказался Среда. И сразу же понял, что чутье его не подвело, ведь ни Ульяны, ни Морганы внутри не было. На мгновение он даже побоялся того, что больше никого в броневике кроме них и не окажется. Но все сомнения разрушил Самир:

— Мы видели парашют, Моргана где-то у Мемориала. Мы ее заберем!

— Ее сбили?! – мгновенно спросила заскочившая Алиса, после того как за ней закрылась бронированная дверь. По металлу с наружной стороны забили пули.

— Да! – коротко отозвался Лиски в люке. – Но вы бы видели ее в бою!

— Где Ульяна? – Купер быстро пристегнулась. После Москвы она не тешила абсолютно никаких иллюзий о езде в русском броневике. – Вы что, бросили ее?!

— Она прикрывала нас.

Араб нажал на газ, и с ревом, «Тигр» провернул в раскисшей земле свои колеса. Машина начала набирать скорость и выскочила через железную ограду, предварительно разбив ее массивным кенгурятником, на мокрую асфальти-

рованную дорогу. Однако, с нее быстро пришлось съехать. Остановившийся поток машин не мог не стать препятствием в переполненном транспортном миллионном городе. Перед лобовым стеклом заплясали ветки, мелкие деревья, кочки и тоненькие железные фонари. Массивному и бронированному «Тигру» было на них абсолютно наплевать, даже скорость практически не падала. Он лишь подскакивал на крупных кочках и ухал подвеской, когда передние колеса срывались в раскисшую лужу, и начинали перемалывать под собой чьи-то трупы на полях недавно отгремевших локальных стычек.

— Мы не знаем, жива ли она.

— Ее не так-то просто убить. – усмехнулся тут, как-то простодушно, Среда. Мгновенно в его голове началось ожидание того, что старик рядом скажет что-нибудь негативное, или выкинет едкую остроту, но Груз лишь кивнул ему головой.

— Она не бессмертная. – вдруг недовольно буркнула Алиса, убирая мокрые волосы со лба. Она снова была по самые уши в грязи, и с невероятным упорством пыталась отряхнуться.

— Зная Ульяну, я начинаю в этом сомневаться. – отшутился Дима. – У нее девять жизней.

— Не девять. – вдруг поправил ее Груз. – Восемьдесят девять.

Среда не понял, к чему тот это сказал...

...Чертов дождь измучил уже до глубины души. Промок-

шие до самой последней нитки, грязные, но просторные штанины плотного черного летного костюма неприятно путались. Моргана хотела время от времени срываться в очень быстрый и молниеносный бег, но вот развезенная земля и эти штанины ей не давали. Следовало избирать другую тактику, но времени не было от слова совсем. По пятам, она это чувствовала своим цифровым чутьем, шли наемники. Уже нагоняли. Нужно было быстро и еще быстрее убраться с их пути, уйти от преследования и выйти на своих, которые должны были бы уже искать ее. Дениц знала, что в ее костюме был маячок, отслеживающий местоположение. Иначе – ей не дали бы самолет. Всегда стоило знать, где окажется пилот, когда его подопечный военный аппарат будет уничтожен. Моргана даже точно знала, в каком месте он вшит, нашла его практически сразу же. Она видела любую электронику, и все, что пропускало ток не могло скрыться от ее ненастоящих, сверкающих бирюзовым, глаз.

Девушка набегу скинула тяжелый летный гермошлем, и раструсила волосы. Все тело было мокрое, на половину от холодного пота, а на половину от дождевой воды. Быстро осмотревшись и поняв, что она забрела в какие-то дворы, Моргана прошла еще несколько метров перед тем, как заметила, что на нее кто-то смотрит. Не было никаких доказательств этого, не было подтверждения даже от процессора-помощника. Но девушка чувствовала это, словно каким-то неведомым, человеческим чутьем. На мгновение за-

мерев, затаила дыхание. Взгляд будто бы не исчез и по спине пробежали мурашки. Показалось, что он тяжелый, тяжелее, чем обычный человеческий. Суровый, даже не живой. С таким взглядом рисуют демонов, бесов, покойников, а никак не тех, у кого бьется сердце и льется кровь. Дениц пыталась осмотреться – но все тщетно, никого не было.

На миг в голове промелькнула мысль, что это могут быть проделки Марса – свихнувшегося искусственного интеллекта, который сидел в ее голове, ожидая звездного часа. Его процент в мозговой деятельности неумолимо шел к той красной черте, которая была обозначена как невозвратная, и сверкающие зрачки Морганы постепенно тускнели, девушка страшно уставала держать его в рамках, не выпускать из обозначенной ему зоны, постоянно дралась с ним за пространство в собственной голове. Но навряд ли это был он, не похоже на почерк чудовищной философии сошедшего с дороги человеколюбивого развития искусственного интеллекта. Он был не такой сдержанный, не такой манящий и пугающий. На Моргану смотрел человек – она это точно знала.

— Verdammt... – протянула она по-немецки.

На мгновение в дожде даже появилась фигура. Но она оказалась спугнута патрулем наемников. Момент, в который человек попал на глаза был слишком коротким, чтобы девушка успела его рассмотреть. Но ей показалось, что тот не желает зла. Иначе, была бы уже завязана боем. В кобуре тяжелел короткий Вальтер, но она его даже не достала. Не хотела да-

вать Марсу лишнего повода нажать на спусковой крючок и забрать чью-то жизнь. И Моргана потрусил к удачно попавшемуся зданию, первый этаж которого, согласно сканированию, был не занят.

Внутри здания тоже было сыро. В разбитые боем окна задувал страшно порывистый ветер. В трещины в стеклах заливалась дождевая вода. Весь плиточный пол был мокрый и какой-то склизкий от грязи. Становилось понятно – в этом здании были люди. Грязь натаскали на подошвах армейских сапог, уже после того, как отсюда ушла большая часть гражданского населения. И, не успела Моргана ступить и шага к лестнице, чтобы подняться на этаж повыше, оттуда раздались какие-то голоса. А затем истошный женский вопль. Засада! В здании были русские наемники. Девушка несколько испуганно присела. На улицу выходить тоже не вариант. Там рыщут патрули. Их усилили даже бронетехникой – за каким-то поисковым взводом шла пара БМП с тридцатимиллиметровой пушкой. Ее пули просто порвут Моргану на части, если та попадет в прицел. И между вероятными «семерками» в Калашниковых и «тридцаткой» в орудии бронетранспортера, Дениц выбрала первое, и осторожно ступила на лестницу.

Ее тело резко рвануло назад. Она не успела понять, что вообще произошло, но ее титановая рука схватила что-то живое, и даже, судя по сигнатуре, теплое. Быстро кинув взгляд, Моргана увидела загорелые, но грязные пальцы, ко-

торые еще немного, и схватили бы ее за плечо.

— Т-ш-ш-ш... – Ульяна медленно поднесла указательный палец к губам. – Я следила за тобой.

— Я это поняла. – соврала Моргана. Для нее появление Вирховой оказалось полной неожиданностью.

— Ты оказалась моей надеждой. – немного улыбнувшись, тишайше произнесла та, вырывая собственную грязную руку из мертвецкой хватки титановых пальцев. – Сбили всего в двух улицах от меня. Моему счастью не было предела, когда я увидела парашют.

— Но что здесь делаешь ты? – придя в себя, поинтересовалась вдруг девушка. – Ты должна...

— Заскочила в гости к наемникам. – ответила Ульяна. Прихлопнула рукой по висящему на бедре офицерскому планшету с картами. – Кое-что у них забрала и немного сократила личный состав. Едва выбралась.

— Эти патрули за тобой?

— Ты правда думаешь, что они бы отправили целый взвод, усиленный бронетехникой, чтобы захватить одного парашютиста? Наемникам плевать на армейцев. Они бы даже мстить за тех сбитых летчиков не стали.

— Я никого не сбивала. – попыталась оправдаться Моргана.

— А я и не сказала про тебя. – резонно ответила Вирхова. – Но ситуацией ты владела мастерски. Алиса не зря рассчитывала на тебя.

— Алиса?

Ульяна не ответила. И только сейчас, когда разговор оборвался на самом, для Морганы, интересном, девушка заметила, что в Вирховой что-то изменилось. Ее статная фигура в свитере была вся в грязи, в комьях глины и дерна, иной раз прямо с травой. На ее лице была грязь, и скорее всего она оказалась там как раз по ее воле. Ульяна явно пыталась слиться с окружением, стать единым целым с ландшафтом, и скорее всего ее в один момент это даже спасло. Она умела выживать, и судя по тому, что она была здесь — еще и неустанно практиковала это умение. В ее волосах были ветки, а за воротником торчали какие-то мокрые листья и длинные травинки. Образ ее был подобен болотной бабе яге, только вот болота ее расположились бы, скорее всего, где-нибудь под Тянь-Шанем в Узбекистане или Гиндукушем. Она была слишком южной для героя русских сказок. Вирхова медленно прошла вперед Морганы по лестнице, и, обернувшись, показала «V» на пальцах. Лестничную клетку патрулировало двое охранников. Шуметь сейчас точно не стоило, а потому жест сменился на раскрытую ладонь, которой та показала, что стоит присесть. Силуэт в полный рост можно было заметить даже боковым зрением. А на полусогнутых ногах шансы проскочить были. Ульяна достала из грязной и мокрой кобуры явно отвоеванный с боем «Грач» и сняла его с предохранителя. Пистолет стал бы последним аргументом, если бы начались локальные боевые действия.

— Первый, доложи. — вдруг заговорила рация у одного из наемников. Вирхова медленно подняла грязную и лохматую голову, поглядев на лестничную клетку. Наемники были между двух керосиновых ламп. Один неспешно покуривал, отчего у Ульяны немедленно в душе загорелась черная зависть, а второй неспешно цокал грязными берцами по полу, прохаживаясь из конца в конец. — Патруль кого-то загнал в наш сектор. Надо быть на стороже.

— Понял, пока все чисто. — ответил бродящий солдат.

— Нужно попробовать найти место для эвакуации. — тишайше произнесла Ульяна, в тот момент, когда наемник отвлекся на рацию. — Если мы останемся здесь, все может закончиться неравным боем.

— Здесь неравный бой повсюду. — высказала вдруг Моргана.

— Ты что-то сказал? — вдруг насторожился курящий.

— Чего? — рассеяно переспросил второй. Вирхова мгновенно спряталась обратно на лестницу.

— Ты что-то сказал? — повторил первый, стряхивая пепел.

— Мой Косой чего выкрикнул. — пожал плечами наемник. — Балдеж у него сейчас. А наша очередь еще не скоро. Еще час тут чалиться.

— Ша! — резко встал тот. На этаже повисла гробовая тишина. Оба солдата прислушивались к окружающей обстановке. Но ничего, кроме барабнящего дождя и порывов завывающего ветра, они не слышали. Снова раздался приглу-

шенный, явно за закрытыми дверями, женский крик. – Ладно, отбой. Похоже и правда Косой. Интересно, чего там наши за фраера погнажи?

— Может коп какой особо упрямый. – предположил наемник. – Пиндосы здесь еще долго не окажутся. У Белого Дома отряд какой-то побили, так это все, что у них было.

Вдруг закрипели какие-то механизмы. У первого этажа остановилась мокрая и грязная БМП. Моргана и Ульяна мгновенно переглянулись – времени не оставалось, придется уходить с этой лестницы еще выше, мимо этих двух разъяв. Иначе, их просто зажмут между молотом и наковальней.

Вирхова перевела дух и перехватила пистолет покрепче. Бесшумно сведя мушку, целик и затылок в каске, она рукой подала сигнал Моргане, чтобы та шла вперед первой. Бьющееся с неистовым бешенством девичье сердце, кажется, можно было услышать даже около взлетающего Боинга, но на руку сработала вовремя проскользнувшая за окнами молния. Мгновение, и грянул длинный и громкий грозовой раскат. Моргана быстро шмыгнула на соседствующий лестничный пролет и поднялась дальше. Достала из своей кобуры короткий Вальтер и посмотрела сперва наверх, убеждаясь, что не наткнулась на еще одних наемников, и опустила его вниз, беря на прицел курящего солдата. Следующей должна была идти Ульяна.

Моргана не могла поверить в настолько невероятную прыткость. Вирховой было больше пятидесяти, хотя по виду

и не дашь, но в ней сохранилось самообладание настоящего молодого солдата. Она без раздумий, тихо и очень четко вышагнула с лестницы, и даже на секунду замерла за спиной остановившегося в крайнем положении шагающего солдата. Наверное, в этот момент в ее голове созрел новый, дерзкий план, согласно которому она вычищает этот этаж. Но разум взял верх над ощущениями, сноровка и опыт дали понять, что лезть на рожон сейчас не стоило. И Ульяна, так же тихо и быстро, поднялась выше. Второй этаж был пройден. Остался третий.

Было что-то не ладно. Дениц шла первой, и ей крайне не понравилось ощущение липкости на подошвах собственных мокрых ботинок. Она сперва подумала, что это высыхала грязь и прилипала к побитым каменным ступенькам, но реальность оказалась куда страшнее. Первое, что увидела Моргана, когда ее глаза оказались на уровне лестничной площадки уходящего вдаль коридора за снесенными дверями – рукоятку торчащего из трупа кайла. Девушка сперва даже не поверила собственным электронным глазам, но когда цифровой мозг уже подсчитал и вывел на сетчатку глаза даже то, сколько это орудие убийства весило, сомнений не осталось никаких. Липкость подошвам придавала не грязь, и уж точно не дождевая вода, которая сочилась в трещины между плитами перекрытия американского многоквартирного дома, нет. Это была людская, человеческая, самая настоящая кровь. Дениц прикрыла рот рукой. У нее не было никаких

эмоций кроме страха и крайнего отвращения к тем, кто это мог сделать. Она видела всякие способы убийства, она видела пули, ножи, за свою карьеру сапера навидалась взрывчатки, гранат и бомб. Однако то, как из трупа торчит строительный инструмент, что мог бы прорывать шахты, громить камень и горную породу, добывая ценнейшие ресурсы для человечества, она видела впервые.

Ульяна лишь тяжело, но беззвучно вздохнула. Для нее не стало откровением то, что наемники не пренебрегают самыми унижительным и не профессиональными способами убийства, она знала, что в них существует и культивируется жестокость ко всем, на кого пал указ контракта и хозяина, но в ней все равно закипала злость, в ней закипала яростная ненависть к рукам, которые вонзили это кайло. Судя по всему, несчастливым обладателем пробитых до самого позвоночника ребер, стал гражданский. Вряд ли военным мог быть парень, который весил чуть больше пятидесяти килограммов и при жизни ходил в клетчатой расстегнутой рубашке, шортах и шлепанцах. Вероятно, вышел на звук, когда все началось, и заперся в квартире. А затем в эту квартиру постучали.

Внезапно, из боковой двери послышался хруст стекла. Хлопнула форточка, а затем раздались шаги. Кто-то начал что-то волочить по полу. Был шелест, вздохи, всхлипы, потом снова хруст стекла и хлопок форточки. Моргана поднялась на одну ступеньку повыше и увидела кровавые следы,

и еще трупы. Видимо, наемники стаскивали их в кучу и выбрасывали в окно, чтобы не дышать вонью и кровью. Противно жужжали редкие мухи, что вились по углам. Они слетались на запах уже подопревшего, но еще пока не потерявшего форму мяса. Тела были разные. Мужчины, женщины.

— Серый, таскай их сюда! – крикнули из квартиры с вечно хлопающей форточкой.

— Да пошли вы, уроды! – внезапно ответил кто-то из дверей с другой стороны коридора.

Моргана мгновенно опустила голову. Возглас был очень близко. Она почувствовала присутствие человека и уже отследила его через стену. Сетчатая, полигональная, не слишком внятная фигура стояла посреди другой квартиры и явно что-то подносила ко рту. Судя по едкому запаху табака... точнее, тем ноткам, которые были в чудовищном зловонии подгнивающих и сырых от дождевой влаги трупов, он курил. Сережа, как его называли другие, его собратья, явно не разделял интереса в их времяпрепровождении и коротал боевой срок отдельно. Моргана обернулась и глянула на Ульяну. Но та пожала плечами, она и сама не до конца понимала, что между ними происходило. Пусть был спор, разногласие, судя по тону даже откровенная враждебность, но осторожность не была лишней. Им нужно было остаться незамеченными. Благо лестница никем не охранялась, выше можно было проскочить легко и просто.

Но тут, в мрачную атмосферу, с вечный хруст стекла и

хлопанье разбитой форточки острым винтом вонзился еще один, не менее чудовищный, пугающий звук. Это был душе-раздирающий женский крик, который доносился откуда-то из дальних квартир. Настолько громкий и настолько клоко-чуший, надрывный, явно из-за закрытых дверей, что у Ульяны защемило сердце. Нужно было идти дальше, нужно было не обращать на это внимание, не рисковать, но она не могла. Она клялась себе всегда помогать, защищать, когда может. И сейчас она могла, но это было опасно, это было нельзя и недопустимо. Задача, требовала другого. И перед ней встал очень тяжелый моральный выбор – помочь несчастной, просящей жертве, пока глухие звуки ударов не сменились выстрелом, или пройти мимо, проигнорировать, но не пасть под опасность, остаться незамеченной.

— Мы пройдем? – тишайше, без доли злого умысла спросила Моргана.

— Нет. – Ульяна сделал свой выбор. – Я не могу пройти мимо.

— Серый, нюня ссаная. – один из наемников, с закатанными рукавами наконец вышел из боковой комнаты. Моргана разглядела на его костяшках цифры: «1933». Лицо его осталось загадкой: очки ночного видения закрывали глаза, а нижняя часть была скрыта плотной черной маской. – Хера ли ты там смолишь? Потом шиш, а не зарплата тебе будет, понял? Ты всю кампанию подводишь. Или ты думаешь, что командир тебе за так бабу отдаст?

Недолго думая, и не дождавшись ответа, наемник взял в руку чью-то, казалось, даже какую-то кукольную ножку. Человечек оказался низеньким, каким-то не складным по пропорциям, и наверняка не самым взрослым. Собирая уже ничего не чувствующей простреленной макушкой все неровности на напольной плитке, тельце потащилось за наемником в боковую квартиру, где его ждал недолгий полет до развезенной под окошком грязи.

— Пошел ты! – рывкнули из противоположной комнаты. – Пусть Косой ей подавится!

Снова раздался женский, уже менее громогласный, и явно умирающий крик. Сил в голосе уже не было так видно, не было привычного сопротивления, оно таяло, увядало по мере того, как на глотку, наверняка, надавливали. Ульяна дождалась того момента, когда наемник, снова взяв один из трупов, исчезнет в своих дверях, и быстро шмыгнула по лестничной клетке. Моргана даже не успела заметить этого движения, и сообразила только тогда, когда Вирхова уже проходила мимо трупов. На секунду та задержала свой суровый взгляд на убитых. Она насчитала всего шестерых, но их было явно больше... Лужа на полу была огромной. А следы шли практически изо всех квартир. Люди здесь вымерли быстро, один за другим. Кто от пули, кто от проломленной груди. Ульяна медленно заглянула в комнату с одним наемником. Тот стоял, прислонившись к одной из стенок в прихожей, боком к выходу, но никого в дверях не заметил. Склонив голову, он

задумчиво курил, и сплевывал прямо себе под ноги. На ремне, как-то даже неказисто, не по плакатному красочно, болтался обвешанный автомат. А на лбу, поднятый с глаз, был прибор ночного видения. Вирхова не стала заходить, в ее голове промелькнула иная мысль. Она пошла дальше. За ней увязалась и Моргана, на секунду заглянув в боковую квартиру. Но и ее человек не заметил – темнота была практически кромешной, а девушка двигалась очень тихо и медленно, без дерганных и резких движений.

Снова раздался топот солдатских сапог, опять, уже до боли противно, хлопнула на ветру разбитая створка. Но в этот раз не так громко, не так отчетливо – измаранная кровью и обжитая парой наемников квартира была позади. А впереди дверь, за которой стали более различимы хлесткие, но редкие удары по кому-то. Догадываться не приходилось – били ту самую, визжащую, и кричащую, с рукой на рту, девушку.

Ульяна быстро глянула на Моргану. Та показала на пальцах, что солдат в комнате было снова двое. Видимо, они разбились по парам, и только тот наемник предпочел обойтись без прикрытия. Вирхова жестами объяснила, что она берет дальнего. А Моргана должна была нейтрализовать ближнего. Без шума и пыли. Когда девушка легко кивнула, Ульяна, собрав всю волю в кулак, осторожно пихнула не запертую дверь плечом. Та заскрипела. Но это не имело значения, ведь обе женщины уже растворились в непроглядном мраке широкой прихожей.

Квартирка была не из самых уютных, судя по всему двухкомнатная, где спальня была отделена от гостиной вынесенной теперь межкомнатной дверью. В некоторых углах, для ориентации, чтобы просто постоянно не таскать на голове невероятно тяжелый и мало того, очень неудобный, прибор ночного видения, были поставлены дрожащие на сквозняке свечи в стаканах. Некоторые из них были хозяйскими – пахло лавандой, фиалками, клубникой и всем подобным одновременно. Ульяна ненавидела ароматические свечи и ей стало не по себе, но терпела, не закашлялась от приторного и противного запаха, смешанного с пороховым амбре и трупным смрадом. В некоторых местах на стенах, у свечек, было зловеще подсвеченное пламенем кровавое пятно из брызг и не опавших на пол ошметков. От этого запротестовал желудок уже у Морганы. Но девушка сдержала боль, на мгновение закрыла глаза и постаралась абстрагироваться. Получилось не слишком хорошо, и она все-таки чуть-чуть мотнула головой. В мозг неприятно укололо, и металлическая рука обхватила макушку. Очередной натиск со стороны искусственного интеллекта – не вовремя.

— Все еще брыкается, ты посмотри! – не без злобного восторга пронеслось из комнаты.

— Дай я ее усмирю, Косой.

— Да ты обожди. На шалаве уже лица нет. – прозвучало в ответ. – Прощестери, слышь. Притащи веревку, или что-нибудь типа. Устал уже с ней тут возиться!

Один из наемников вышел из комнаты. Его лицо мгновенно побледнело, а глаза потеряли всякий запал в них, вышел из зрачков всякий блеск и жизнь. Моргана подхватила его своей забрызганной кровью металлической рукой и оттащила подальше, чтобы тот не загремел. А дверь в комнату скрипнула и закрылась за защелку.

С кровати, где было уже почти бездыханное нагое тело, слез сухопарый жилистый мужик, с синими наколками на спине и руках.

— Так быстро? – повернулся он с вопросом, и обомлел.

Точно перед его лицом было разделенное надвое уродливым шрамом южное, и невероятно суровое лицо Ульяны. Перед ним, чтобы тот хорошо смог его напоследок рассмотреть, держала свечку. И когда насильник уже был готов закричать, чтобы позвать на помощь, она шумно набрала воздуха и коротки задула ее ...

...Один наемник посмотрел на другого, а потом прислушался:

— Чего-то Косой затих.

— Думаешь, он ее уже...

— Не должен был. – ответил первый, поправив автомат на груди. – Не за мокруху сидел. Он лохматый. Да и поделиться обещал. Пойдем-ка.

Когда вышли в коридор, там был третий. Тот что-то буркнул, и ему в горло мгновенно уткнулся «Грач».

— Ты не бузи, понял? Ты тут новичок, нечего из себя

гнуть черте пойми что. Праведник, бля!

— Ты просто ублюдок, Клим. – огрызнулся Сергей. – Нахрена?..

— Потому что хочу так. Город мы чистим. – тот больно ткнул стволом ему в горло. – Задача у нас такая. Нам за это и платят, чтобы мы вот такую работенку делали, ты понял? А тебя мы на берег спишем, неженка ебаная.

— Заложишь значит. Как крыса?

— Что ты сказал?! – подался вдруг тот вперед, чуть ли уже не врезаясь лбом в лоб. Палец на спусковом крючке вдруг приблизил тот к рукоятке пистолета.

— Пошли, Клим. – дернул первого за руку другой. – Парень еще зеленый. А за стрельбу по своим сам в эту кучу ляжешь. Пошли.

Они быстро прошли коридор, и не слишком раздумывая вошли в прихожую квартиры.

Повернув в руке нож, Ульяна мгновенно вцепилась во второго вошедшего со спины. Зажав ему рот рукой, она резко и четко вогнула нож между его ребер. Вынула и воткнула еще. Еще и еще. В последний раз, когда лезвие оказалось в теле, провернула его, раздвигая ребра и убивая наемника на повал. Он обмяк на ее руках. А палец, что уже практически нажал на спусковой крючок автомата, чтобы дать сигнал, ослаб.

Второй наемник успел пройти чуть дальше. Он не сразу услышал тихую борьбу, происходящую за его спиной, пото-

му что на долю секунды оказался ошеломлен разорванной на три части гортанью одного из своих сослуживцев, что был на полу гостиной комнаты. Солдат обернулся, уже поднимая автомат, но тот кто-то заблокировал. В зеленом свете прибора ночного видения лишь успели промелькнуть два сверкающих колечка. Дальше взор закрыла плотная пелена, а в уши ворвался хруст свернутой шеи.

— А этот-то куда поперся?.. – Ульяна злобно выругалась, когда услышала еще одни шаги.

Последний наемник вошел в помещение и вскинул автомат. Уже было потянулся к радиостанции, чтобы сообщить, что он увидел, как тут у самого его уха взвелся пистолет.

— Убери палец с клавиши. – мягким голосом из темноты приказала Ульяна. – Тебе незачем сейчас выходить в эфир. Правильно?

— Вы ведь убили их... – ответил наемник.

— Да, жизнь жестока. Думаю, ты это уже и сам понял. И она меняется за те самые доли секунды, которые обычные люди никогда не замечают. Ты помнишь тот момент, когда осознал, что попадешь сюда?

— Хотите вывести меня на высокоморальный диалог, стоя с руками по локоть в крови?

— Мои руки? Да, мои руки в крови. Они в крови до самых плеч. – медленно рассказала ему Вирхова. – Но вот не в крови невинных. Не в крови жертв, которые сами не поняли, что смерть пришла к ним не от старости, а от пули. Высоко-

моральный диалог? Нет, какой смысл вести его с человеком, который является профессиональным убийцей, и служит не Родине, не зову долга, а деньгам и контрактам? Я лишь хочу понять, что подтолкнуло тебя к этому. Ты не животное, Сережа, ты не такой, как эти четверо, что у твоих ног. И потому с тобой я говорю. – слышался короткий, но очень выразительный вздох. – И я хочу, чтобы ты наконец оценил это, и перестал дерзить мне.

— Какой смысл служить зову Родины, если Родина душит все хорошее, что существует в человеке? Какой смысл распинаться о долге, когда доля выпала не такой, какой ты ее себе при служении этому самому долгу представляешь? – хмуро ухмыльнулся вдруг тот. – Я служил Родине. Я воевал на Каспии, мы две недели бились в окружении, мы дрались как твари. Как черти резали в чудовищной бойне афганцев, а они резали нас! Нас был целый батальон, а осталось четверо. Но знаете, что я узнал, когда вернулся домой из того ада? То, что моя Родина не в состоянии бесплатно вылечить моего сына. У нас просто нет врачей, способных на такой... видимо подвиг. Обязательно нужно держать каждую пядь нашей земли, чтобы потом узнавать, что земля эта никому не нужна, и что ее герои получают жалкие копейки? Обязательно хвататься за жизнь, чтобы потом прикидывать, сколько процентов от заработной платы может уйти на маленькое надгробие? Пожалуйста, скажите мне...

— Ты пришел за деньгами?

— Да, я пришел за деньгами. — честно ответил Сергей. — Но не за тем, чтобы убивать ни в чем не повинных людей. Я раскаиваюсь перед вами, вы этого хотели? Вы думали, что мы все мрази, вы думали, что наемники только отпетые ублюдки? Да, это так, но не в большинстве своем. Куда деваться, когда такое происходит? Как быть, когда долг сейчас ценится в несколько десятков тысяч?

— Ты догадался кто я? — спросила вдруг Ульяна.

— Никакак нет, товарищ генерал-майор. — ответил тот, хмыкнув. — И я даже не хочу думать о том, что вы здесь делаете. Этим мыслям мне мешает ваш пистолет у моего уха. — Это и не мой.

Ульяна чиркнула парой спичек перед самым лицом парня. Поднесла огонек к губам и подкурила зажатую в губах сигарету. Такого трюка Сергей явно не ожидал. Не знал, что увидится с ней так близко, что сможет увидеть свое темное отражение в ее карих глазах. Она была действительно живой, стояла перед ним в этой, наполненной свечной вонью и трупным смрадом, комнате, смотрела на него изучающе, и все не могла понять, кого она в нем видела — союзника или врага.

— Подумай над тем, что порождает эту тенденцию. — коснулась она своим, мертвецки холодным пальцем его виска. — Порассуждай, что и кому может быть выгодно, и ты во все разберешься, Сережа. Сегодня мы не станем в тебя стрелять, если ты пообещаешь мне всего несколько вещей.

— Я вас не видел. — опередил ее тот.

— Да, умница. – похвалила его Ульяна. – Тогда сразу второе: нужно место для эвакуации, не слишком далеко отсюда.

— Есть сквозной междомовой сквер на противоположной улице. За моей спиной.

— Третье. – в губах Вирховой засверкал огонек сигареты. Еще секунда, и между лицами встала пелена из сизого дыма. – В той комнате лежит практически бездыханная девушка. Представь, если это чья-то дочь, или мама. Что бы ты сделал тогда?

— Помог бы ей сбежать отсюда и спрятаться.

— Правильно. Ты схватываешь на лету. Будь ей другом, Сережа. Зарабатывай, но помни, что ты не зверь, что ты человек, человек обездоленный и злой на ситуацию. И мой тебе, личный, Сережа, совет: разберись в ней как следует. Ты меня понял?

— Так точно. – на этих его словах, Вирхова сунула ему в зубы скуренную до половины сигарету. – Вы можете спуститься по пожарной лестнице. Она у квартиры тридцать шесть, почти у самого окна.

Ульяна скупо улыбнулась. Она заглянула ему в глаза в последний раз, и отошла в сторону, в темноту. У уха Сергея щелкнул предохранитель, и Моргана спрятала свой Вальтер в кобуру. Наемник так и остался стоять в замешательстве, не решаясь пошевелиться. Он не знал, что Ульяны уже не было за его спиной, но боялся проверять. А та, тем временем, уверенно шла по коридору в поисках квартиры тридцать шесть.

Она твердо знала, что в ее спину уже не полетят никакие пули.

Часть 11

Небольшой зеленый скверик между очевидно новопостроенных домов, которые уже были частично разрушены развернувшимся шквалом новой мировой войны, был практически идеальным местом для эвакуации. Сверху, вертолетами, нескольких людей найти было нереально – Ульяна и Моргана лежали в грязи под разросшимися кустами. Патрули так же могли не заметить пару из-за растительности. А вот для того, чтобы быстро уехать простор был. Из сквера уходила достаточно широкая улочка, которая могла вывести на одну из шоссеинных дорог. На нее-то и нужно было попасть, чтобы наконец выбраться из этого нисколько не приветливого, сковавшего движения и простор разума мыслями только о том, как бы выжить, города-миллионика, потухшего, как казалось, навсегда.

В Вашингтоне ничего уже не поменяется в ближайшее время. Наверяд ли Ульяна, Моргана или остальные увидят над ним восход солнца. Его сейчас наблюдают, наверное, разве что пилоты на очень больших высотах, которые следят за ходом боев и общей ситуацией в воздушном пространстве. О том, что над поверженным и опустошенным, вставшим в вечные и недвижимые пробки, городом встает яркое летнее

светило, знают только те, кто сидит в комфортабельных бункерах без окон на многометровой глубине. О нем, и о том, что бывают не черные тучи, бывает сухая и не ветреная погода знают теперь только те, кто не замешан в этой бойне напрямую. Ну, а те же, кто в силу неудачи или приказа оказались здесь, могут довольствоваться только тоннами воды, выливающимися на голову все время. Дождь все лил и лил, тело уже не помнило ощущения спокойствия и сухости. Ноги разбухали и грязные пальцы уже больно было сжимать. Все мышцы и все кости сковало ощущение бесконечного холода, сырости и страха. Постоянно ходили патрули, постоянно кто-то в чудовищном дожде пытался самозабвенно закурить, иной раз забывая, что сигарета промокала мгновенно и такого спасительного затяга так и не будет. Это вымораживало, бесило еще сильнее. Не было и мгновения расслабления, не было заветного лучика солнца – над Вашингтоном была броня, как у дьявольского танка, которая накрепко скрывала весь многочисленный «экипаж» города под собой, не давая жару и свету просачиваться сквозь себя. Души сковала единая тоска. Ну и погодка, иной раз твердил себе кто-нибудь, проходя в считанных метрах от залегших в кустах, и практически не двигающихся женщин. А те и сами были не рады тому, что оказались в этом болоте...

Моргане каждый раз приходилось держать голову выше. Невероятное ощущение усталости сковало шею, затмило разум. Ее колотило от озноба, она шмыгала носом, боясь про-

студиться и совсем потерять всякую волю к жизни и к борьбе с засевшей в ней крепко-накрепко беде. Ее добивал, доканывал свихнувшийся внутри нее искусственный интеллект. Ее глаза, красивые и бесконечно завораживающие своим цветом, заметно потускнели. В них не было теперь совсем ничего человеческого. Лицо девушки стало практически кукольным, словно фарфоровым. Не было ни выразительных эмоций, ни сколько-нибудь человеческих черт. Только механический, пугающий мандраж и застывший неморгающий взгляд.

Ульяна видела, что ей тяжело, но совсем не знала, как можно было ей помочь. Мерзла сама рядом с ней, сама уже возненавидела дождь на всю оставшуюся жизнь и пообещала себе совсем никогда больше не прыгать в грязь так, как сейчас. Не было ни единой возможности хоть как-то облегчить судьбу Дениц. Только быстро свалить, убраться из этого бесконечно давящего своей водой мирка на сухую, как бы то странно ни звучало, подводную лодку. Она знала, что «Прометей» поделится своим огоньком, согреет их всех, стоило только дотянуть, дожать все свои возможности и потерпеть. Еще немного, еще совсем чуть-чуть.

— Не спать. — тихо сказала Ульяна, глянув, как Морган снова опускает лицо в грязные руки. Глянула на разбитые часы на руке, которые отобрала у одного из наемников. — Они опаздывают. Если их не будет еще пять минут, нам стоит убираться отсюда своим ходом.

— Может, с ними чего-нибудь случилось? – предположила девушка, включаясь в диалог, чтобы просто не заснуть. – Может они уже погибли.

— Нет, не погибли. – приободрила ее Вирхова. – Если мы с тобой живы, значит и они тоже. Как бы мне не нравился этот Джек, ему доверяет Алиса. А она людей выбирать умеет. Думаю, они уже завладели броневиком и едут к нам. Как маячок?

— Функционирует. – ответила та, коснувшись металлической рукой вшитую в штанину летного костюма поисковую таблетку. – В воздухе сейчас слишком много помех. Сигнал может, и скорее всего, преломляется. Однако, думаю, что они смогут найти нас. Если что, мы дадим им сигнал. – внезапно, она повернулась на Ульяну. – А кто эта Алиса?

— Одна моя очень хорошая подруга. – та выдохнула, не в силах уже сопротивляться этому вопросу. – У нас с ней складывались не самые обычные отношения, но в конце концов, она является одним из моих главных союзников. Она – один из тех немногих людей, за которых я буду только рада отдать собственную жизнь. И отдам, если потребуется.

— Она помогала нам в Берлине?

— И в Москве. Она послала нам беспилотник и провела на Останкинскую телебашню. Выкупила тот «тридцать восьмой», на котором ты летала, и вооружила «Прометей». – Ульяна вдруг резко улыбнулась со смешком. – Но ты, скорее всего, запомнишь только то, что я скажу после этого.

— Тогда я жду с нетерпением. — как-то даже чопорно ответила Дениц.

— Ее фамилия Купер. — снова улыбнулась, но уже как-то устало, Вирхова. — Алиса Купер.

— Директор ЦРУ?! — раскрыла шире свои электронные глаза Моргана. — Что ж... Тогда стоит похвалить ее маскировку, даже я не смогла ее опознать. То есть все это время, твоим союзником был человек, который занимает самый высокий пост в разведке США? Сказать, что я удивлена — ничего не сказать.

— Да. — коротко ответила Ульяна. — А Среда был эмоциональнее. Сразу начал обвинять меня в чем-то...

— У меня просто шок. — произнесла девушка. — Подумать только! Почему же тогда мы вообще имеем то, что имеем? Почему...

— Нет. Не «почему». — помотала головой та. — Не забывай, что мы двое людей, а в мире их миллиарды. В правительствах их миллионы, министров из них сотни тысяч, и тысячи самых высочайших должностных лиц. Миропорядок просто так не меняют десять человек. Долгое время мы с ней были тем тормозом, который сдерживал весь мировой пиздец от скатывания в полномасштабную военную авантюру. Но даже такой высокий пост не способен перебороть систему, которая движется к полнейшему хаосу и саморазрушается все быстрее и быстрее.

— И какой тогда план теперь?

— Тактика Холодной Войны. Двадцатый век научил нас очень многому. Но, некоторые из нас решили забыть, что такое жить под угрозой ракетного удара. Если Алиса не глупая, а она точно не такая, — Ульяна повела взглядом, давая понять, что она серьезно. — Она уйдет в тень. Она вернется к тому, что умеет сама, и к тому, что умеем мы все. Что умеют два разведчика высочайшего класса, офицер-десантник, сапер, и несколько спецназовцев? Вести дела исподтишка. Там, где не помогут десантники и танки, поможет хорошо продуманная операция и разгаданная загадка. Тут все просто — мы разрушим до основания все, что привело к этому. Мы выгрызем сердцевину пораженной системы, чтобы дать возможность на ее костях, тем, кто будет способен думать не только о себе и не только о своей выгоде, построить новый, справедливый мир. Если этот мир прогнил, нет никакого смысла жалеть систему, что привела к этому... Нет никакой пощады тем, кто не знает пощады.

— Ты звучишь как террорист. — заявила вдруг Моргана несколько испуганно, понимая, что в руках Ульяны, как ни крути, восемь термоядерных боеголовок, которые она, явно, не побрезгует использовать. — Но, что-то подсказывает, что здоровое зерно в этом есть. Американцы, Афганцы, Россия. А мы, выходит, четвертая армия?

— Все, кого займет революционный пожар... Вот наша четвертая армия! Наш Дальний Восток уже горит. Загорится и США, когда поймет, что у них происходит. Весь мир

будет поднимать красные стяги, и наша задача... – Ульяна непроизвольно сжала свои кулаки. – Сделать так, чтобы ни одна сволочь в этом мире не помешала простым людям, жаждущим свободы, равенства и братства, достичь своих целей. Выжжем железом тех, кто все это заварил, покараем тех, кто это продолжает, и выйдем зубы тем, кто будет желать поражения простому людскому товариществу. Мир изменится, и его будем менять мы. Мы – все, кто окажется советским.

И хоть измазанное и пораженное чудовищным шрамом ее лицо не было в полной мере подсвечено хоть каким-нибудь светом, Моргана увидела, как у Ульяны мгновенно проступила суровая мина. Она снова чувствовала, как в этой, упертой, и по истине целеустремленной, жесткой и фактурной даме зажигаются революционные горны, как пожар из этих чудовищных печей проносится по ее мышцам, что начали выпирать из-под тонкой и южной кожи, как в ее карих глазах проступает огонь, а на челюстях скулы. Взгляд – обычно, пусть и не специально, надменный – превращается в хищный. Ульяна напивалась чувствами, она была способна к удивительному процессу – самоподдерживающейся душевной детонации, могла раскопечгарить сама себя, когда хотела и по какому хотела поводу. В ней всегда жил и действовал этот огонь, в ней всегда была уверенность, и Моргана не знала, можно ли было вообще сломать, или хотя бы заставить сомневаться в собственной правоте эту женщину. А та знала, что пока она помнит красный стяг над редутами, по-

ка она помнит слова присяги и способна повторить их, пока в зеркале о собственной истории ей напоминает чудовищный шрам – она будет верна себе и строю, который воспитал ее такой. Будет суровой смертью врагам и лучшим товарищем своим друзьями и собратьям. Будет Ульяной Вирховой – прославленным, но скромным командиром десантников, который не имеет права на сомнение и длительные раздумья. Ее учили вести Третью Мировую, говорили, что ее солдаты способны сломать мир. Кажется, наставал момент, чтобы это проверить...

— Этот мир изменится... – еще раз, более тихо, будто для себя, повторила она. – И изменится навсегда...

Среди пресловутого дождя вдруг раздался немного даже знакомый гул. Моргана сразу же его узнала, ведь была за рулем чего-то подобного. Да, точно! Она сразу же определила в надрывистых оборотах российского двигателя броневик «Тигр», на котором они летели по пустынной Москве, удирая от погони. Точно, это был именно он, один из возможных вариантов спасения. Однако, гул все нарастал и нарастал. В общем шуме сложно было выделить общее количество, но к ним – Моргане и Ульяне – приближалась явно не одна машина. Скорее всего, по звукам стрельбы, а это можно было понять отчетливо, головной броневик уходил от преследования. И еще немного, и он нарвется прямо на них и раздавит.

Но нет, неприятной смерти под грязными колесами броневика не произошло. Заскрипев тормозами на закиданных

грязью колодках, «Тигр» остановился всего в двух метрах от залегших в кустах женщин. И тут же открылась бронированная дверь. Оттуда показалось небритое и желтозубое лицо одного из подопечных Алисы. За рулем, к большому удивлению Ульяны, был Самир «Паки». Лиски же высунулся из пулеметного люка, и выпустил длинную и тяжелую очередь, которая шлепнула по какой-то едва различимой в дожде пятнистой коробке, метрах в пятнадцати. Там стоял еще один «Тигр», из которого внезапно высыпалась на оперативный простор разодетая пехота наемников. И в этот край, несколько даже умиротворенный, снова ворвалась война.

— Давай к машине! – Ульяна одной рукой за воротник подняла Моргану с земли. И сама, подпихивая ее вперед, отправилась вслед за ней. Затеكшие и холодные мышцы не могли справиться с такой нагрузкой, а потому она упала у самых дверей броневика. – Ать, черт!

— Человек за бортом! – крикнул Лиски, переводя пулемет на другой сектор обстрела. Машину начинали зажимать с двух сторон. – Дерни Балалайку!

Высадив длинную очередь из автомата, из-за бронированных дверей выскочила Купер, и тут же завернула за машину. В то место, где из грязи пыталась выбраться увязшая в грязи по самые уши Ульяна. Алиса протянула ей руку, и та ее крепко схватила. В этот момент над девушками лязгнула пуля, отлетев от бронированной оболочки «Тигра». Мелкая свинцовая муха резко расшила тоненькой касательной лини-

ей кожу на шее Алисы, но та этого даже не заметила. Пара капель упала Ульяне на глаза, отчего та неприятно зажмурилась. Однако, поднялась, ведомая сильной хваткой хрупкой, на первый взгляд, Алисы.

— Она у меня, прикрой! – Купер взяла Ульяну под руку, спиной упираясь в бронированный борт машины. – Лиски, мать твою!

— Они с двух сторон! – тот огрызнулся очередью по вражескому броневнику.

— Бери спереди! – Груз пнул створку задних дверей, мгновенно открыв шквальный огонь из автомата. Среда ему очень профессионально ассистировал. Из двух стволов, очень плотным огнем, они зажимали подползающую пехоту наемников.

Моргана из кабины протянула металлическую руку, и как подъемным краном затянула Ульяну внутрь, укладывая практически себе на колени. Алиса влезла последней, и через них обоих, едва не ударяя Самира ногами по голове, перелезла в десантный отсек.

— Поехали! – приказала Купер, и машина мгновенно сорвалась с места.

Тяжелый броневик быстро набрал скорость. Пробив себе путь через поставленные углом машины, угнанный у наемников «Тигр», вырвался из раскисшего двора на обширную и уже расчищенную инженерными машинами дорогу. Скользя на облепленных грязью шинах и вильнув задней частью,

броневик помчался на юг, в сторону причала, где уже ждал припасенный на экстренный случай катер. Оставалось только надеяться, что до этого момента Самир успеет оторваться от вероятной погони.

Но вот за грязным и потрёпанным боями «Тигром» никто так и не выскочил. Никто не осветил усеянную металлом автостраду. Никто не начал догонять и пытаться уничтожить рвущийся к морю захваченный броневик. Погони не было, и можно было выдохнуть с некоторым облегчением. Почувствовав то, что хвоста больше нет, Самир скинул передачу и сбавил скорость. Машина пошла куда менее шумно, более мягко и плавно. Все в салоне расслабились, Взволнованный и мокрый от дождя Джек спустился от пулемета вниз, бессильно плюхнулся в мягкое кресло и пристегнулся ремнем. Больше не нужно было отстреливаться – какая же благодать...

А шоссе было пустым. На нем не было тех бесконечных рядов остановившихся машин, как в самом городе. Был отлично виден мокрый, с лужами и обломками ракет и самолетов асфальт, под светом фар сверкала белая и желтая разметка. Не тронутые боями, красивые знаки, указывающие сколько оставалось до того или иного населенного пункта, будто бы приветливо отражали свет и появлялись из темноты как небольшие маяки. И осознание от этой благодати пришло не сразу, не сразу мозг Ульяны, Алисы и остальных сообразил, что было что-то не то. Казалось, это было всегда, так и долж-

но быть! Но вот из темноты показался странный, отражающий свет элемент на обочине. Затем еще и еще один. Десятки, сотни таких объектов!

— О, Боже... – дрогнувшим голосом сказала Алиса. – Саммир, быстро сбавь скорость! И опусти светомаскировку!

— Я тоже не сразу сообразила. – повернулась к ней Ульяна с переднего сидения. – Вот это мы попали.

— Что случилось? – спросил Джек, пытаясь понять, о чем все догадались.

Машина закрипела тормозами. Многотонный броневик перестал заваливать стрелку спидометра дальше шестидесяти километров в час, что было сродни черепашьему шагу после такой напряженной погони. Вмиг исчез практически весь свет, и спереди было лишь узкое его пятно, вырывающееся из под щелок светомаскировки фар. Пакистанец без слов подчинился всему, что приказала Купер, вот только сам еще не догадался, что происходит.

— Танки. – сурово и сухо произнес Груз, даже не смотря на дорогу.

— Да, русские танки! – указала Моргана металлическим пальцем в лобовое стекло. Но там, за пеленой дождя еще ничего не было видно. – Господи, их же там с пол сотни!

— Все не могло быть так хорошо. – ворчала Ульяна. – Шоссе тоже было заставлено, но машины оказались по кюветам. Поработали военные инженеры. Мы выехали наперевес главным колоннам.

Сверкающими по обочинам объектами оказались сотни зеркал и лобовых стекол. Они, в условиях все не заканчивающегося дождя были похожи больше на светлячков, на мириады звезд. И так бы и остались не объяснимыми, если бы одна из машин, перед этим, не показала из кустов помятый бампер ярко-красного цвета. Все спортивные кары, все грузовики и пикапы, монстры с чудовищными двигателями под капотами, которые должны были сжирать километры на завтрак, обед и ужин, вместе с цистернами бензина, оказались простым металлом перед мощью военных инженерных машин. Одна из таких машин стояла на обочине, мимо нее «Тигр» проехал без каких-либо инцидентов. Пара солдат в плащ-палатках, больше похожих из-за этого на приведения, лишь проводила взглядом удаляющийся грязный автомобиль.

— Такой и паровоз перетянет. – посмотрел в задние стекла Джек, увидев уменьшающуюся в размерах от удаления инженерную машину с огромным стальным отвалом.

— А вот и танки... – выдохнула Купер, глядя в лобовое стекло. – Самир, не паникуй, держи скорость.

С другой стороны шоссе, за хлипким двухярусным отбойником из прокатного металла не самого лучшего качества, показались практически ровные ряды российских танков. Все в основном старые – 72-ки, 80-ки – все, что не списали на металл в девяностые и не уничтожили в гибридных войнах. Старые титаны советского мира, призванные защи-

щать и охранять, теперь находились на территории главного геополитического врага и скоро должны схлестнуться в схватке с тем, что создавали им в противовес. И от этой мысли, от мгновения, в которое пришло осознание, что начиналась главная дуэль двух конструкторских школ, двух экономик и двух мировоззрений, становилось не по себе. Десятки танков, с мокрой от ливня динамической защитой, что облепила башню со всех сторон, с поднятыми стволами встали на марш на Вашингтон, и никто не мог им помешать. Момент величия и момент полного разочарования, для всех, кто мог и умел думать. Их появления означало только одно – мировая бойня еще только начиналась.

— Они знают, что мы для них враги? – риторически спросила Моргана.

— В нас еще не летит снаряд. – Ульяна нашла в бардачке сигареты и закурила. – Значит, пока не знают.

Мимо проносились бронированные, грозные советские монстры, с плиточками динамической защиты и резиноканевыми экранами на борту. На них были мокрые и сжавшиеся от ветра и холода солдаты. На броне перебрасывали всех тех, кто не влез на последующие эшелоны из таких же десятков бронетранспортеров и длинной колонны грузовиков и бронированных транспортных машин, которые шли за головной танковой колонной. Техники было просто невероятное множество. Спереди и сзади, до куда хватало глаз в ливневом дожде – танки, танки и еще раз танки! Настоящая ар-

мия, армада, больше двух сотен одних только танков! Над всем этим, на бреющем полете, прикрывая колонну с воздуха, барражировали ударные и грузовые вертолеты, на прицепах за грузовиками катились пушки и крупнокалиберные минометы. Все калибры, какие только существовали, все были здесь. Даже «Пионы» – при их виде у Ульяны защемило сердце – тащились где-то ближе к концу колонны. За ними были «Грады» и «Тайфуны», «Ураганы». Замыкали все это великолепие несколько ракетных комплексов малой дальности и мобильные комплексы зенитных ракет. Все это было на Американской земле... Все поворачивало на автостраде туда, где было указано: «Вашингтон, 10 миль».

Горящий город остался где-то позади. Закончилась и длинная, длинной больше нескольких километров, кавалькада русских войск. Больше не было ощущения, что дрожит земля, больше не было черных силуэтов бронированных машин. Осталась только навалившаяся будто бы из ниоткуда, чудовищная усталость и апатия. И бесконечная, однотипная и расчищенная инженерными машинами дорога.

Часть 12

Медленно поправив на голове капитанскую фуражку и сложив руки за спиной, Шукин повернулся к своим морякам, что следили за приборами. Тяжелая и похожая на разбухшую кубинскую сигару подводная лодка продиралась че-

рез мрак океанской глубины, уходила из зоны действия военных кораблей. Боевая тревога уже не звучала, офицеры и матросы, которые не стояли на вахте, уже давным-давно видели второй или третий беспокойный сон.

Последние несколько часов выдались жаркими, ведь «Прометей» отходил из района начавшейся битвы за американское побережье. То и дело в сонарах, среди помех, создаваемых океанскими волнами, слышались торпедные залпы, стрекотание ракетных бомбометов, шумы винтов и глухие взрывы, когда что-то из выпущенного в воду вооружения все-таки находило цель. Понервничать пришлось знатно, и повезло, что Щукин уже был седым. Он нервничал больше всех, потому как «Прометей» не был оборудован средствами контратаки, у него не было ни торпедных аппаратов, ни даже противокорабельных ракет. Все, на что можно было положиться, если бы их нашли и попытались уничтожить – на Бога и смекалку. Приходилось бы уходить на глубину, играть со смертью за порогом погружения, но повезло, что этого делать не пришлось. Прошел уже час с того момента, когда подводная лодка, оставив за собой лишь посредственной громкости шумы из турбин и реактора, вышла из района самых жарких боестолкновений.

— Глубина? – спросил Щукин у одного из своих офицеров.

— Сто пятьдесят метров. – ответил рулевой. – Небольшой дифферент на нос, около полуминут к горизонтали.

— Товарищ капитан. — обратился к тому уставший и будто бы еще сильнее постаревший латыш-старпом. — В районе наблюдается широкий термический клин, мы можем нырнуть под него. Так мы еще сильнее обезопасим лодку.

— На море двенадцать баллов, Ладанданаускас. — с тяжелым вздохом, устало, произнес Богдан Иванович. — Не думаю, что кому-то наверху вообще удастся о нас узнать.

— До него всего четыре километра, но он прикроет нас почти на треть пути.

— Командуй. — согласился тот.

— Машинам две трети хода. — произнес старпом. — Рулевой, курс ноль-тридцать один. Глубина сто пятьдесят, десять градусов.

— Есть сто пятьдесят, десять градусов! — ответил тогда один из офицеров. Он был, наверное, самым свежим на мостике, ведь сменился всего тридцать минут назад.

Несколько вялым, но все-таки длинным офицерским шагом Шукин дошел до расположения гидропоста, чтобы лично убедиться в том, что самый ценный член экипажа был полностью готов к несению своей вахты. Он тоже сменился около часа назад, но на его долю выпали самые тяжелые испытания, ведь именно в тот момент «Прометей» проходил зону непосредственного соприкосновения кораблей и подводных лодок. Трудностей было хоть отбавляй, но, когда капитан подошел к акустику, тот был в полном порядке, и неспешно попивал кофе, вслушиваясь в приборы и делая ка-

кие-то пометки в своем журнале карандашиком. Матрос даже сперва не увидел капитана, и только потом повернул на него глаза и бегло кивнул.

— Все тихо, товарищ капитан. — отчитался он. — Отдаленные шумы винтов, трудно классифицировать. Они слишком далеко и позади нас, мешает шторм на море.

— Подводные лодки? — поинтересовался Щукин у него, глянув украдкой в журнал. Между листов был обрывок бумаги, на котором матрос наметил контуры какого-то портрета, но не успел дорисовать.

— Никак нет. Был одиночный шум, вот здесь. — акустик показал на сонар. — Пеленг ноль-двадцать два, примерно в восьми километрах от нас.

— Почему не было доложено? — Богдан Иванович нахмурил брови.

— Товарищ капитан, докладывал старпому. — ответил моряк быстро, достав на свой стол свернутую карту с какими-то пометками. — Это точно не американская подводная лодка. Не было слышно ни продува балласта, ни ходового винта. Это был скрип, и старший помощник нашел эту карту. Согласно ей, как раз на этом пеленге, и в этих координатах в шестидесятом затонул американский грузовой танкер «Огайо». Старпом думает, что течение, которое создает термический клин, может так же создавать шумы при протоке через бизань-мачту затонувшего корабля. Мы такое уже ви-

дели в Баренцевом море четыре месяца назад, когда получили контакт от...

— От потопленного эсминца «Губанов», помню. — немного расслабившись, произнес капитан. — Продолжай наблюдение.

— Есть! — снова кивнув, акустик повернулся к приборам и хлебнул остывшего кофе.

...В кают компании невероятно сильно мигала старенькая лампочка накаливания, вероятно оставшаяся еще с момента строительства подлодки. Она давала не слишком много света, и скорее дьявольски мешала глазам, нежели давала им хоть какой-нибудь пользы. В ее свете было очень трудно смотреть на все те добытые Ульяной от наемников карты, однако смотреть на них приходилось. Уже больше часа Алиса, Груз, Среда и сама Вирхова ломали голову над тем, что на них было изображено. Вода и кровь размыли легенду, да и само топографическое пространство сильно пострадало — чернила явно не были рассчитаны на то, что эти карты отберут у сухого командира наемников, и протащат через половину утопающего в грязи Вашингтона. Карты содержали многое, но не говорили практически ничего. Из понятного на них были только обозначения высадившихся частей российской армии и наемников, остальное же приходилось додумывать, дорисовывать, находить в каких-то других листах и осторожно, карандашом, чтобы не промахнуться в масштабе на добрых десять километров, переносить на основную,

чистую бумагу. Из всей той макулатуры, что была вытащена из портфеля командира наемников и разложена на корабельном складном столике, делали одну единственную, вменяемую и понятную, нарисованную чуть ли не от руки, карту.

Ульяна напряженно курила, то и дело поглядывая на спящую на коленях Среды Моргану. Девушка все чаще была в таком положении, уже практически старалась не бодрствовать. У нее был побитый, болезненный вид. Она даже, как показалось Вирховой, несколько схуднула, ссутулилась и будто бы на вид ей добавился десяток лет. Девушка перестала быть такой, какой она была. Теперь это скорее оболочка для чего-то, что росло у нее внутри. Все чаще мигали ее глаза, и все тусклее был их свет. Каждый раз, когда Морган засыпала, она начинала неуютно ворочаться и бормотать что-то себе под нос. И как ей помочь, пожалуй, не знал пока никто, даже она сама.

Груз поднес к глазам в очках одну из бумаг, и прищурился, пытаясь разобрать, что на ней было. С пожелтевшего листа бумаги до неузнаваемости смыло весь текст, и остался только фрагмент одного из ударов наемников, который должен был произойти в ближайшее время. Осталось название нескольких пригородов какого-то городка, несколько названий возвышенностей и примерные обозначения расположения противоборствующих сторон. Вроде бы, обычный листок, коих тут было чуть больше десяти-пятнадцати, но старый чекист вдруг хмыкнул.

— Будь здоров. – не поднимая глаз, сказала Ульяна.

— Я не икал. – ответил тот, опустив от глаз бумагу. – Я просто в некотором недоумении. На этом фрагменте... – Груз повернул карту и ткнул в нее пальцем. – ...очень странное направление удара. Судя по нему, наемники решили ударить по какому-то взгорью, и просто остановиться у него.

— Может какие-нибудь данные смыло? – заглянул в бумаги Среда. – Хотя, я вообще не понимаю, как ты тут хоть что-то разглядел.

Он поднял глаза на Ульяну, и та искривила линию губ и ответила:

— Радуйся, что они вообще есть. Меня там едва не запоросычили, пока вы с президентом чай гоняли.

— Дай-ка я посмотрю. – протянула руку Алиса.

Но Груз не отдал ей бумагу. Наоборот, он отдернул руку, чтобы она не схватила пожухлый край едва держащегося единым целым листка. Старик посмотрел ей прямо в глаза, и медленно, демонстративно протянул документ Ульяне. Та, пожав плечами, сразу отдала карту Купер, надев на нос очки. Смотрела уже из ее рук.

— Сколько мы всего насчитали ударов «Бархана»? – спросила тогда у Груза Купер.

— Десять. – раскинувшись на диване, Ульяна выдохнула табачный дым.

— Девять. – поправил ее чекист. – Один из ударов был нацелен на Белый Дом и его уже можно не считать. Он не впи-

сывается в общую теорию, поскольку идет в лоб, напрямую через городскую застройку. В остальных случаях наемники должны бить на обход, минуя крупные города и поселения, где могут оказаться многочисленные подразделения Национальной Гвардии. Так будет около Нью-Йорка... – Груз достал еще какой-то лист, и положил его перед женщинами. Затем еще и еще один. – Ричмонда и Бостона. Два удара, похоже, вообще авиадесантные, и идут в глубину побережья. Но все так же. Не в лобовую.

— Ричмонд, Бостон... – протянуто повторила за ним Алиса, задумавшись. – И два удара в глубину... Они не окружают города, не отрезают их. Это... Не логично.

— Согласна. – кивнула Вирхова. – Наемники очень хорошо подготовлены, их командиры не дураки, в военном смысле. Но здесь они просто занимают какие-то кочки, откуда их можно будет вышибить, просто дунув на карту. Даже я бы не стала так делать, это слишком рискованно и бесполезно. Но, они это делают. Зачем?

— А что, если они не хотят, чтобы их вышибали? – предположил Среда. – Возможно, что на этих точках есть что-то, что они должны захватить, а не держаться там, как мы в Кремле.

— Захват! – Алиса вдруг что-то поняла. – Господи, пусть это будет не то, о чем я думаю...

Она быстро достала из своего, насквозь мокрого и грязного рюкзака ноутбук. Этот ноутбук был сейчас самым ценным

источником информации, потому что только он, на глубине больше ста метров под бушующим мировым океаном, мог дать намеки на то, что творится в тех местах, которые были показаны на размытых картах наемников. В этом ноутбуке был огромный пласт знаний ЦРУ, и все эти знания были сейчас подвластны Алисе. Она могла достать практически все, что ее интересовало. И вот, поменяв несколько жестких дисков, на которых были подписаны годы и иногда даже месяцы, она наконец нашла нужный. Среда увидел, что он касался середины Холодной Войны, и был отмечен красным – совершенно секретный. Такой нельзя было показывать даже некоторым сотрудникам ЦРУ, но вот Купер решила поделиться с командой, чтобы наконец разгадать загадку размытых карт.

— Ричмонд, Бостон. – снова повторила Алиса. – Я слышала эту последовательность и раньше. Так... – кликнула она мышкой по каким-то файлам. На экране мгновенно появились отскерокопированные листы старых докладов Армии США, половина слов и цифр на которых была замазана черной непроницаемой пастой. – И вот эту гору, на последнем фрагменте, я ее тоже видела! Да, вот оно...

— Что это такое? – затаив дыхание, Ульяна приспустила свои очки, глянув в экран.

– Это арсенал «Волны Bravo».

– Это же миф. – Груз скрестил руки на груди и отложил документы. – Всё КГБ знает, что «Волна Bravo» была прикрыта из-за «Звездных Войн» Рейгана, в середине восьми-

десятих.

— Простая дезинформация. И, судя по всему, она сработала. – будто издеваясь, Алиса несколько раз качнула головой, не спуская с Груза своего холодного взгляда.

— Так, подождите. – вмешался Среда. – Вы не можете просто взять и начать обсуждать что-то, будто бы все знают, что это такое! Таки что это вообще такое, эта... «Волна Браво?».

— Почти полторы тысячи неучтенных и не поставленных в шахты ядерных боеголовок «Минитмен-3». – ответила тогда Алиса, прикрыв ноутбук. – «Волна Браво» должна была бить по объектам инфраструктуры и городам СССР и России, которые остались бы после первого обмена ядерными ударами в случае полномасштабной войны. И вот этот удар, который, как мы думали, идет просто в никуда, направлен на самый крупный склад, где находится больше восьмисот готовых к пуску ракет. – Купер тяжело выдохнула, и растерла переносицу, на мгновение закрыв при этом глаза. – Видимо у нас оказалась необнаруженная утечка информации, раз этот склад рассекретили. Кто-то из генералитета или политиков слил информацию «Бархану».

— То есть наемники снова рвутся к ядерным силам? – поднял брови Среда. – Когда это уже закончится?!

— Никогда. – синхронно ответили Груз и Алиса.

— А разве они смогут запустить эти ракеты? – нахмурилась Вирхова, не поняв. – Насколько я поняла, вы смогли

уговорить президента повременить, а без его подтверждения...

— На это «Волна Bravo» и рассчитана. — снова выдохнула Купер. — В восемьдесят третьем Советский Союз начал разработку улучшенной версии ракет «Сатана», который должны были спокойно преодолевать наш заслон из комплексов противоракетных систем. Тогда от них просто не было спасения. И остро встал вопрос о защите наших командных центров и шахт. Ответ был резко негативным: в случае применения Советским Союзом своего ядерного арсенала по заведомо разведанным целям на нашей территории, мы оставались без возможности нанесения дополнительного ядерного удара, поскольку вся командная система уничтожалась с чуть менее, чем сто процентной вероятностью! — Алиса несколько секунд не находила слов, и замешкалась, пытаясь собрать мысль в голове. Идея о том, что мир снова, уже который раз за этот год вставал на грань ядерной катастрофы, заставила ее замешкаться. — Для этого и была разработана «Волна Bravo». И именно «Звездные Войны», Груз, были мифом! Эти ракеты имеют другую настройку. Их можно запускать без подтверждения, напрямую из командных центров пусковых шахт, которые остались бы после бомбардировки. То есть, если совсем просто: первую волну начинает Президент, а вот вторую уже те, кто останется...

— Сколько времени требовалось для подготовки ракет к старту? — прищурился глаза, Ульяна глянула на Алису. — Они

ведь там лежат штабелями.

— Тридцать шесть часов в мирное время. – ответила та. – А вот в случае апокалипсиса, не знаю, может семьдесят два, может больше.

— Тридцать шесть часов... – взялся за голову Среда. – ... и это не остановить.

В не слишком-то и большой кают компании воцарилась гробовая тишина. Было слышно, как работает судовая силовая установка. И плавно, как холод через одежду, как вода через сухую ткань, через всю эту глубину, через шторм и бурю, прямо в эту кают-компанию, где сидели все, пришло осознание – снова нужно было решать, снова они были единственной силой, которая знала о том, что будет, и когда это будет. Но мыслей не было. Как остановить несколько батальонов наемников, будучи в десятках километров даже от побережья страны? Как повлиять на них...

— ...из-под воды? – едва слышно произнесла Ульяна, бросив взгляд на карту со стрелками.

— Что? – спросила ее Алиса. Она первой заметила в ее глазах тот, обычный для Вирховой блеск. Та снова не решалась сдаваться, и уже придумывала очередной, несуразный по своей сути, но наверняка рабочий план.

По небольшому пластиковому, сделанному под дерево, складному столику Ульяна подтащила к себе небольшой обрывок, где было указаны временные отрезки. В эти самые временные отрезки наемники, по плану, должны были зани-

мать определенные участки местности. И пока те не слишком сильно ввязались в бой, отклонения от плана могли быть минимальными. Ульяне оставалось лишь выяснить координаты, и сверить их со временем. Остальные с любопытством наблюдали за тем, как она быстро, но с хирургической точностью, использует часы и лежавший под рукой судовой циркуль. И через минуту Вирхова довольно выдохнула.

Она поднялась быстро. Прыти в ней в этот момент было хоть отбавляй, никто даже не успел толком среагировать на то, как она закрыла за собой дверь кают компании. Вдогонку за ней, переглянувшись, отправились Груз и Купер. Первой ее нагнала Алиса, практически у самого капитанского мостика.

— ... мы Наш, мы новый Мир построим! – усмехнулась Ульяна. – А кто был никем, тот станет всем!

— Я не дам тебе запустить ядерные боеголовки! – одернула ее за руку Алиса.

— Мне и не они сейчас нужны. – резко развернулась та, мотнув головой. – Мне нужно только твердое знание о том, что американские системы не смогут перехватить твои ракеты.

— Мои... ракеты? – на мгновение задумалась Алиса. – Ты думаешь они помогут? Их всего восемь штук. У них сравнительно малое могущество, чтобы уничтожить батальоны «Бархана», мы их только... – и тут она поняла.

— Да, мы их покажем. – спокойно ответила Вирхова. – И

будем надеяться, что американцы не настолько глупы, чтобы не обратить внимание на такой сигнал.

— А если глупы? – спросил вдруг Груз. – Американцы...

— Повреждений от ракет хватит, чтобы нарушить им планы. – немного нервозно ответила ему Алиса. Она не слишком терпеливо относилась к подобным выпадам старика, но понимала откуда у этого «растут ноги». Сама повлияла на такое отношение... – Мы сможем сковать их потерями, и вероятно даже разбить группировку. Мы выиграем в этом случае несколько суток, поскольку они уже не смогут в полном объеме противодействовать войскам Национальной Гвардии на тех рубежах, которые они собирались брать. Идея не самая лучшая, но... вероятность успеха есть.

С ощутимым грохотом, Ульяна собственной ладонью пригвоздила листок с обозначенными районами сосредоточения войск наемников на капитанский столик с картами. Щукин, до этого стоявший практически неподвижно, несколько встрепенулся, и отпустил руки из-за спины. Но первым повернулся его латыш-старпом, который с едва скрываемым непониманием глянул на Купер, впервые попавшуюся ему на глаза. Она ответила ему точно тем же.

— Товарищ капитан. – обратилась к нему Вирхова своим командным тоном. Сразу давала понять, что промедления и рассуждений «надо или не надо» она не потерпит. – Необходимо всплыть для нанесения ракетного удара. Половинный залп. Мы выпускаем «Циркон Макс».

Капитан только смиренно вздохнул.

— Экипажу боевая тревога! – скомандовал он.

— Есть боевая тревога! – ответил тут же старпом, взял переговорное устройство и несколько раз повторил команду.

— Всплытие, пятьдесят метров! – продолжал Щукин. – Самый малый ход, дифференциал десять градусов.

— Пятьдесят метров, дифференциал десять. – повторил рулевой.

— Необходимо ввести координаты целей в систему управления огнем. – повернулся на Ульяну капитан. Та повернулась на Алису.

Купер взяла со стола размеченный листок и быстро прошла до боевого поста лодки. Там ее уже ожидали операторы боевой части, готовые к внесению координат в огромный бортовой компьютер. Прямо в советский, больше похожий на шкаф, аппаратный пост, был встроен сенсорный компьютер, для управления нужным типом ракет. Сверхсовременные и высокоточные ракеты могли слушаться только такие, как эта, панели. Однако она не могла действовать самостоятельно, панели требовался доступ ко всем параметрам боевой части лодки, ко всему тому громадному аппаратному посту, на котором дежурило несколько флотских офицеров. Новым «мозгам» требовалось все старое железо, которое было.

Алиса активно переговаривалась с моряками, и быстро, точно и четко им отвечала, будто бы всю жизнь провела на

подводной лодке. Она знала все тонкости и все понятия, каждое слово, сказанное офицерами, обдумывала и понимала. За этой работой можно было только наблюдать, в это нельзя было вмешиваться, чтобы не сбить. Все было сплочено и слажено, и недоверие российских подводников к новой персоне «из телевизора» мгновенно сменилось на профессиональное уважение. Купер явно не была белым пиджаком, она сама разбиралась в технической части, во всех механизмах, которые сама производила. Она не владела технологическим корпоративным монстром – она была им сама.

— Шахты. Один, два, три... – тыкала пальцем в сенсорный экран Купер, еще раз сверяясь с бумагами в руках и положениями шкал и экранов на советской системе. – Четыре, пять, шесть, семь. Восьмая готова!

— Ракетные шахты в боевой готовности! – в рацию на гибком проводе отчитался старший офицер. – Ожидаем сигнала на пуск.

— Они готовы, товарищ капитан. – спокойно отчитался старпом.

— Бери ключи, Ладанданаскас. – кивнул ему Щукин, почесав подбородок и задумавшись. Он все-еще чего-то не понимал, как матерый подводный капитан чувствовал неладное. Сам поднял трубку переговорного устройства. – Акустик?

— Шторм, товарищ капитан. – ответил тот. – Кораблей противника не слышно... Подождите. Повторился шум у

«Огайо». Не могу идентифицировать.

— Хорошо, докладывай о каждом изменении. — задумавшись, произнес тот.

Старший помощник вернулся быстро. Он без слов дал один из ключей для запуска ракет капитану. Шукин, видимо пытаясь что-то сообразить, несколько секунд вертел в руках серебристый ключик на цепочке с биркой. Но наконец твердо, до боли в ладони, сжал его в кулаке. Он был капитаном этой субмарины, он должен был открывать огонь, и вся команда ждала того, когда все восемь готовых к запуску боеголовок наконец покинут судовые шахты, облегчат субмарину и нанесут смертельный визит противнику. Но Богдан Иванович на секунду замешкался, и когда повернул ключ, что осталось лишь подтвердить команду и нажать на кнопку пуска, повернулся на Ульяну. Та, увидев сомнение, недовольно прищурила один глаз, сделала размеренный и небольшой, но чертовски уверенный шаг вперед. Прямо к нему навстречу.

— В вас есть немой вопрос. Хорошо. — сказала Ульяна. В этот момент поднятая по тревоге команда на мостике замерла, все ждали того, что он скажет. Все хотели услышать, о чем будет этот разговор. — Твердое знание лучше догадок, — она вдруг повернулась на Груза. — Не правда ли?

— По кому мы стреляем сейчас, товарищ генерал-майор? — спросил ее капитан.

— По капитализму. — одним уголком губ усмехнувшись, ответила та по слогам. — По самому мерзкому и по само-

му худшему из его проявлений. По частной армии, которая считает, что только она является ведущей силой этого конфликта. Мы стреляем... – выдохнула Вирхова, сделав еще несколько шагов к капитану. Ее обожжённое и суровое лицо поглядело точно на него. – ...по врагу, товарищ капитан.

— Тогда, за мир во всем мире. – тихо произнес он. Через мгновение пихнул пальцем вогнутую черную кнопку. – Огонь!

По лодке прошелся несильный удар. Алиса схватилась за рукоятки под потолком, Груз накрепко схватился за какие-то приборы. Субмарину пихнуло, и из ее горба за рубкой вырвался целый букет всевозможных пузырьков и газов. В черную пучину, с ревом и воем вырвалась продолговатая американская ракета. «Циркон Макс» за долю секунды покинул первую шахту, преодолел пятьдесят метров морской соленой толщи и показался над штормовыми волнами, засверкав как настоящая раскаленная звездочка.

Среда поднял глаза, заслышав звуки пусков. В такой момент сердце норовило замереть от величия, от мощи и от понимания того, что в воздух, прорываясь через десятки метров воды, устремляются смертоносные объекты, которые должны ударить по врагу, которые должны заставить его трепетать, бояться и прятаться. Дима понимал, что в этот момент подводная лодка снова срывалась с поводка, снова звучал рев из глубины и «Прометей» делился с противником своим огоньком.

—...Баю-Баюшки-Бай-Бай... — тихо напел себе под нос Среда, не опуская взгляда. На его лице проступила измученная и кривая улыбка. — Ты, наемник, засыпай...

...Американский эсминец «Рой Уолкер» уже два часа качало на волнах. В атмосфере полнейшей неразберихи, отсутствия связи и единого командования, корабль, под управлением не слишком матерого, но успешного и опытного капитана, что был на мостике, дрейфовал с заглушенными двигателями. Кэп был уверен, что такой маневр не привлечет к ним внимание подводных лодок, и поможет переждать шторм в относительной целостности и сохранности.

А относительная целостность и сохранность уже не помешали бы. Корабль этот, американский эсминец не самого навороченного, но относительно современного класса уже сталкивался с русским Северным Флотом, и поплатился за это целостностью собственного носа. А конкретнее с двумя эсминцами сопровождения, когда пытался ударить противокорабельными ракетами по тяжелому атомному крейсеру, выставленному в боевое охранения прибрежной линии США. Эсминец смог уйти только чудом — помогла погода и точно такая же, ничем не более особенная, неразбериха со связью у российского флота. От падения спутников не был застрахован никто.

— Сэр! — крикнул тут один из вахтенных офицеров. — Наблюдают ракетный залп! Курс два-два-ноль, дистанция около четырех миль!

— Противник? – капитан мгновенно бросил к глазам мощный бинокль и посмотрел в указанном направлении. Он увидел вспышку последней ракеты. – Как мы сумели проглядеть подводную лодку?! Акустик!

— Ее не было на радарях, сэр. – ответил моряк ему. – А шторм мешает звуковому обнаружению целей.

— В том районе термоклин. Если она прыгнет под него, мы ее уже не достанем в такой-то шторм. – помощник капитана посмотрел на карту. – Но, сэр, русская ракета повредила нам носовую часть, мы не сможем активно маневрировать, если лодка сама начнет охоту. Да и вертолет не поднять.

— Если она пускает ракеты, это не «Альфа». – повернулся на него капитан. – Это тяжелые «Оскар», «Дельта», или «Долгорукий», мы сможем ее нагнать и затопить без сильных маневров. У нас есть АВАКС в секторе?

— Нет, сэр. – ответил помощник. – Только канал с ближайшим к нам эсминцем «Питтсбург». Он в двадцати километрах к югу, если еще не потоплен.

— Дай его. – прикрыв трубку рукой, приказал капитан. – «Питтсбург», говорит Саммерсон, капитан эсминца «Рой Уолкер»! Мы наблюдали ракетный залп, предположительно с русской подводной лодки. В четырех милях от нас. Сектор «Виски-3», квадрат один-шесть, ноль-два. «Питтсбург», если у вас есть связь, доложите на «землю», чтобы перехватили ракеты. Я начинаю охоту за подлодкой.

— Сэр, это не слишком хорошая идея.

— Заткнитесь, старпом. — рывкнул на него тот. — Этот Иван пустил ракеты по нашей земле, и мы покажем гаду, как американцы умеют ловить их рыб! Боевой разворот, ложитесь на ее курс. Полный вперед! Мы поймаем эту тварь.

— Есть полный вперед, сэр! — нехотя, но громко ответил старший помощник.

Плечистый негр во флотской синей американской робе перевел рычаг в указанное положение. Эсминец будто бы взбодрился, проснулся ото сна. Под его кормой забарабанили в воде два гребных винта, и нос начал рассекать двадцатиметровые штормовые волны. Вода начала бить по орудиям, по закрытым ракетным шахтам, заливать во внутренние помещения и даже в командную рубку. Брызги были повсюду, и видимость мгновенно стала еще более плохой. Вся команда корабля, так и не отпущенная с боевой тревоги, начала хвататься хотя бы за что-нибудь, чтобы устоять в этом шторме. Корабль, с пробитой и обгоревшей, наскоро залатанной носовой частью, которая то и дело норовила оторваться, набирал полный ход, своим железным телом перебарывал морскую бурю и непроглядный дождь.

...Акустик быстро откинул карандаш и листок, на котором между делом рисовал. Одной рукой прижал к уху наушник, и буквально подорвался со своего места:

— Товарищ капитан!!! Шум винтов!

— Кто?! — Щукин почти мгновенно оказался около акустика. — Вот ведь...

— Эминец! Пеленг двести двадцать! – быстро записал что-то офицер, и тут же начал подсчитывать. – Скорость около двадцати пяти, двадцати-девяти узлов. Идет на полном ходу!

— Тип? Наши?

— Никак нет, винты незнакомые. Американец. Шесть и шесть километра.

— Экипажу боевая тревога! – скомандовал Щукин. – Левой руля, курс три-три-ноль, полный вперед!

— Мы дотянем до термоклина? – спросил его вдруг Ладанданаскас. – До него еще далеко.

— Ульяна обещала, что эта лодка тихая. – сквозь зубы проговорил капитан. – Посмотрим, правда ли это... Они будут пускать активный сонар, и вот тут мы и попадемся. Ломаем угол, уходим в сторону излома течения и... может быть дотянем и потеряемся.

— Товарищ капитан, снова шум у «Огайо»!

— Следи за эсминцем! – приказал ему Богдан Иванович. – Это приоритетная цель.

...«Рой Уолкер» скакал на волнах, как заправский скакун. Даже поврежденный эсминец с легкостью набрал около двадцати девяти узлов и шел прямо по следам русской субмарины. Капитан не без азартного удовольствия для себя каждый раз в тот момент, когда нос корабля сталкивался с промежутком между волн, несколько разжимал пальцы на перекладине, проверяя собственную устойчивость. Он служил в

море уже несколько лет, и этот шторм его буквально вызывал на поединок. И капитан каждый раз продолжал стоять на ногах, даже умудряясь попить кофе из зажатой в другой руке кружки. Он был уверен, что тяжелая подводная лодка русских никуда от него не уйдет.

— Заметили шум. – произнес помощник.

— Наконец-то. – отставил от себя кружку капитан. Кофе мгновенно полетел на пол. – Вы смогли определить ее тип?

— Никак нет, сэр. Винтов нет! Шум в районе, где затонул «Огайо».

Капитан повернулся на старпома. Гневными глазами поглядел точно на него. Он ждал не этой информации, его не интересовал давно затонувший баркас. Ему нужна была только русская подводная лодка, которая все еще не хотела показывать свои винты, не хотела шуметь. Это начинало настораживать, но капитан точно знал, что это не «Альфа», и что тяжелый ракетный крейсер он сможет с легкостью уничтожить.

— Насосы балластных систем?

— Никак нет.

— Силовая установка?

— Ничего, сэр. – расстроено произнес старпом.

— Вы хотите сказать, что она не двигается? – выдохнул капитан тогда, снова растерев переносицу, и глянув на кофе у ног. – Опускайте активный сонар, мы найдем ее так.

— Сэр, это рискованно. Если в районе есть еще подводные

лодки...

— Вы эту-то не можете обнаружить! – сорвался капитан. – Действуйте согласно приказу, старпом! Торпеды к бою.

Огромный вал, выше надстройки едва не оторвал кораблю нос. Всю команду в трюмах подкинуло. Эсминец, разрывая шторм, взобрался на пенистый гребень и резко сорвался вниз. По полу покатилося все, что было не приколочено. Капитан Саммерсон, оскалившись, как охотник, который не мог угнаться за добычей, схватился за поручни, сжав их до побеления пальцев. К ноге в лакированной туфле прикатились обломки его кофейной кружки. Отдыха сегодня у команды точно не будет. Эсминец, как вампир, впивался прямо в морскую толщу, и его не мог остановить ни ветер, ни проливной дождь, мощные и грозные волны били ко корме и корпусу, поднимали его на себе, и тут же бросали в пучину, желая переломать, перемолоть в своих жерновах. Корпус трещал, ныл, но не сдавался – строили на совесть, для нужд флота не жалели ни сил, ни умений. «Рой Уолкер», в смертельном танго, рвался к обнаруженной подводной лодке, активно сокращая дистанцию. Волна ударила еще раз, и нос еще сильнее завыл, заклинило носовую орудийную башню.

— Капитан!

— Полный ход, матрос! – рявкнул на него Саммерс. – Мы ее настигаем!

— Там пятидесятифутовая волна!

— Право на борт! Курс ноль-семь-ноль. – скомандовал

тот.

По стеклам капитанского мостика брызнула соленая влага. Через все щели, через пробитые осколками дыры в корпусе все это холодное безумие плеснуло в лицо морякам, что были внутри. Рулевой, утерев рукой мокрое лицо, тут же, с усилием, провернул штурвал. И эсминец, боевой корабль армии США, по крутой дуге начал забираться на огромную, выше его, волну. Нос задрало, оголило все, что было ниже ватерлинии, а затем бросило в крутое пике, из которого, казалось, не было выхода. Но «Уолкер» выдержал, нырнул под воду, с него сорвало все легкие и не слишком закреплённые вещи, в пробоину залило несколько кубов воды. Корабль все еще был на плаву, настоящий «Летучий Голландец».

— Ты от меня не спрячешься... — сквозь зубы прошипел капитан, снова хватаясь за поручни у своего места. И через секунду посмотрел на вырисованный около дверей силуэт подводной лодки. Он уже успел сломать заблудившийся русский «Оскар-2» и хотел зачислиться на свой счет еще одну субмарину.

В воду, шлепнув по волне, и чуть не сломавшись, опустился поисковой сонар. Всего через мгновение он начал свою работу и издал активный гидролокационный сигнал. Теперь на подлодке должны были понять, что американцы ее ищут, и непременно найдут.

— Есть пеленг на цель. «Сьерра-1»! — отчитались с гидропоста. — Три-ноль-ноль. Две мили! Уходит на восток!

— Что это за класс?! – мотнул недовольно головой старпом. – Ракетные субмарины не бывают настолько тихими! За чем мы охотимся?

– Это не важно. – махнул рукой капитан. – Она уходит к термоклину, боеголовка торпеды ее там не найдет. Первый и второй торпедные аппараты, товсь!

— Аппараты готовы! – ответил помощник.

— Огонь!

Из цилиндрических пусковых труб на волю, по левому борту корабля выбросились две двухтонные торпеды. Пролетев несколько метров, и плюхнувшись прямо в волну, они тут же начали поиск своих целей, пошли на предельной скорости. Головки самонаведения должны были обнаружить субмарину и уничтожить ее, с чуть менее, чем сто процентной вероятностью. Без маневров у «Прометей» не было шансов.

...Акустик уже второй раз вскочил со своего места, и до свиста из глотки крикнул:

— Торпеды в воде! Дистанция три с половиной километра, идут прямо к нам!

— Бьют сразу после сонара. – недовольно фыркнул Щукин. – Противоторпедный манёвр, право на борт!

— Погружение, погружение, погружение! – быстро произнес в переговорное устройство Ладанданаскас. – Капитан, звуковая ловушка готова!

«Прометей» знатно потрянуло, рули управления дошли до

своего конечного положения и замерли. Огромная субмарина разворачивалась на сто восемьдесят градусов прямо под штормовой морской толщей. Несколько тысяч тонн металла послушно подчинялись команде, и скрежеща металлом, по спирали уходили на еще большую глубину. Стрелки глубиномера начали синхронное и быстрое движение. Показатели превысили двести метров, но субмарина все не останавливалась, она все рвалась и рвалась, как штопор, туда, ко дну. Оно могло бы сбить боеголовку торпеды со следа, если бы не было так далеко. Больше пятисот метров под водой – быстро до него было не достать. Заревел изламывающийся от напряжения и давления металл, разогревшаяся силовая установка, не прекращая ни на секунду своей работы, продолжала толкать «Прометей» все дальше в кромешный мрак и холод океанских глубин. Туда, где уже не было жизни.

— Товарищ капитан, ловушка?! – не понимая спрашивал старпом. – Мы уже на двухсот пятидесяти метрах!

— Семьсот метров, товарищ капитан! – продолжал акустик. – Торпеды приближаются!

— Стоп погружению! Право на борт! – твердо и четко командовал Щукин. – Выбросить ловушку.

Из небольшого отсека в задней части выбросило контейнер с активной звуковой приманкой. Подлодка, сделав четверть, выровняла курс, немного всплыла и начала бесшумно удаляться...

...Гидроакустик не поверил своим ушам, когда в наушни-

ки ворвались такие знакомые лодочные звуки.

— Есть шумы от «Сьерра-1», сэр! – дернул рукой он, наконец услышав то, что хотел. – Торпеды идут прямо к ней!

— Пол мили... – отсчитывал старший помощник, глядя на экран. – Четыреста ярдов. Триста ярдов! Двести ярдов. – он затаил дыхание.

— Она не двигается... – неожиданно даже для себя, тихо сообразил капитан.

— Сто ярдов!

...Акустик утер рукавом лоб и прищурился. Он видел на радаре то, чего очень не хотел видеть. «Прометей» ушел от ловушки не слишком далеко, чтобы не волноваться за разрыв. И не было никакой надежды, что взорвутся сразу две пущенных торпеды. Американский капитан рассчитал все правильно, дублировал свой успех.

— Сто метров от ловушки. – сглотнул гидроакустик, затаив дыхание. – Мы слишком близко!

— ...Ах сосенушка зеленая... – тихо напел Щукин, глянув на Ладанданаускаса. – ... не шуми же надо мной...

— Экипажу приготовиться к удару! – старпом поднес с мокрым от пота губам рацию.

...Американец резко дернулся в своем кресле, буквально соскочил с ликованием, дернул рукой и плечами. Он, с широкой улыбкой на все лицо, глянул на стоящего по соседству и наблюдающего за радаром старшего помощника. Тот резко вздохнул и опустил голову.

— Есть попадание! – радостно заявил матрос. – Обе торпеды попали в цель! Еще один Иван на нашем счету!

— Где продув балластной системы? – надев на голову наушники, вдруг спросил старпом. – Где?! Нет треска переборки, нет взрыва реактора... Мы их не потопили.

— Это был противоторпедный маневр. – сказал капитан недовольно. – Там за штурвалом не идиот, выбросил ловушки в самый последний момент, чтобы купить нас. Ну уж нет!

...Щукин поднял с пола упавшую после детонации торпед за кормой фуражку. Ладанданаускас зацепился рукой за один из поручней и быстро вернулся на свое место. На капитанском мостике мгновенно стало по-другому – многие вещи болтались под ногами, гремели вентиля и вылетели некоторые стекла у приборов. Одного из рулевых приложило к панели и у него шла кровь из разбитого носа. Матрос наскоро прижал его рукавом и снова сел, как ни в чем ни бывало.

Ударной волной с винтов сорвало конструкцию, которая уменьшала, или даже полностью сводила на нет все шумы, которые получались при слишком частых ударах винта в водной толще. За винтами, теперь, как и у обычной подводной лодки, тянулся шлейф из целого миллиарда пузырьков. «Прометей» снова стал шумной, обычной подводной лодкой.

— В десятый отсек поступает вода! – раздалось в приемнике над головой.

— Корпус не выдержит еще одного такого разрыва. – со-

общил Ладанданаускас. – Товарищ капитан, мы слишком глубоко для такого риска.

— Шум винтов!

— Еще одни? – мгновенно спросил Щукин.

— Это наши винты, товарищ капитан. – мотнул головой акустик. – Мы больше не бесшумные.

— Вот сука... – протянул тот. – Сколько до термоклина?!

— Километр семьсот. – мотнул головой старпом. – Эсминец практически над нами.

Щукин недовольно поднял глаза вверх и представил, как прямо над рубкой подводной лодки находится раскачиваемый на двенадцатибалльных волнах несокрушимый погодой американский эсминец. Они противостояли профессионалам, и сами были профессионалами. Тут нужна была ошибка, или везение. Нужна была человеческая глупость или простое чудо, которое возьмется вот так, из ниоткуда, из крошечной и холодной морской пучины...

...Американский старпом мгновенно указал на радар.

— Есть шумовой контакт со «Сьерра-1»! – не скрывая радости, он прислушивался к едва различимым за штормом звукам винтов. – Да, это ее шумы. Идет на полном ходу!

— Попалась. – улыбнулся и Саммерсон. – Сколько до нее?

— Около мили. – пытаюсь определить тип подлодки, произнес акустик. – Есть! Идентифицирую субмарину как подводную лодку класса «Дельта». Это русский «Дельфин», «Дельта-3». Есть... – матрос прислушался. – Есть шум ме-

талла. Она повреждена, сэр. Подводную лодку противника зацепило!

– Значит пуск был не зря. Глубина?

— Около восьмисот футов, сэр. Точнее сказать сложно. – отчитался старший помощник, снимая наушники. – Она достаточно глубоко для наших торпед, сэр.

– Значит, мы похороним ее на этой глубине другим путем. – вновь хватаясь за поручень, чтобы не упасть, а затем немного отпуская его, капитан посмотрел на то, как его корабль по дуге взбирается на очередную гигантскую волну, как вновь заливаает носовую часть и бьет по орудийной башне.

– Это мостик, приготовить глубинные бомбы! – в переговорное устройство приказал старший помощник. – Партия – семьсот футов, партия – тысяча футов.

— Есть, сэр! – произнесли на том конце провода.

— Никуда не уйдешь, Иван... – не унимался капитан. – Сдавайся...

Когда «Рой Уолкер» снова, уже в который раз преодолел огромную волну, и ударился носом об скат следующей, старший помощник доложил, что ракетная установка, которая должна была послать в сектор с подводной лодкой противника несколько десятков глубинных бомб, приготовлена и развернута для стрельбы. Оставалось дожидаться команды на открытие огня, и вскоре она последовала. Короткая и емкая:

— Огонь!

Из установки со снопами пламени и дыма вырвались ракеты. Они пролетели около мили по крутой дуге и разломались в сотне метров над поверхностью воды, выбросили из головных частей парашюты и начали по одной приводняться прямо в штормовые волны...

— Глубинные бомбы!!! – крикнул акустик.

— Погружение на триста двадцать! – рывкнул Щукин, мгновенно глянув на приборы.

— Погружение, триста двадцать! – повторил приказ старпом, а затем повернулся на капитана. – Десятый отсек заливают, мы можем не удержать подлодку!

— Это советская лодка. – через зубы произнес тот. – Она выдержит.

Рули глубины встали до упора, и «Прометей» на полном ходу, практически камнем рванул вниз. Туда, где было спасительное дно и еще большая глубина, которая могла сдерживать разрывы глубинных бомб. Нужно было рискнуть, но риск был слишком велик.

— Приготовиться к удару!!!

Первые раскаты глубинных бомб прозвучали выше. Это была начальная партия, с установкой на двести метров. Американцы прощупывали действия подлодки и ожидали ее движение в обе стороны, как ко дну, так и к поверхности. И расчёт оказался верным. Разрывы все нарастали и нарастали, переборки и корпус начали синхронно трещать после каждого удара. «Прометей» качало и било, трясло сильнее

любого шторма. Разрывались патрубки, на матросов сверху лилась соленая забортная вода, а они быстро и четко пытались все это латать. Но одна из глубинных бомб подобралась совсем близко. Субмарина была уже более, чем на трех сотнях метров, когда она разорвалась точно над кормой. Рули глубины мгновенно заклинило, и подлодка накренилась. Застонал металл и винты перестали взбивать водную толщу.

— ...Слышу скрежет металла! – быстро протараторил американский акустик, снова прижав рукой наушник. – Сэр, есть удар о дно! «Сьерра-1» потоплена!

— Еще одна субмарина на вашем счету, сэр. – кивнул старпом капитану. – Хорошая работа, сэр!

— Объявите экипажу благодарность. – попросил Саммерсон.

«Идеи свободных»

...Над Душанбе уже который день была безоблачная погода. Неделю подряд, или даже больше, стояла совсем не весенняя, хотя было начало мая, а летняя погода. С ее жарой, духотой, высохшей пылью на дорогах и невероятным ощущением близких каникул, конца учебного года. Оставался всего месяц до того, как прозвучат последние звонки, и сотни, десятки сотен ребятишек, что станут в этот момент уже самостоятельными людьми, вырвутся в новую, до сих пор не испытанную, взрослую жизнь.

У большого здания городской школы, сделанного еще в тридцатые годы, остановилась черная «двадцать четвертая» Волга. В ее салоне неспешно, на своей хрипящей волне, шумело радио, высекая такт какой-то песни. На кожаном пассажирском сидении к водителю повернулся человек:

— Сережа, посиди в машине, я на несколько минут.

— Товарищ генерал-майор...

— Посиди я сказал.

Из машины появилась высокая и сухопарая фигура. На седой голове была болотного цвета офицерская фуражка, а на плечах золотые погоны, с немаленькими звездами. Поправив китель, сверкнувший медалями на груди, человек уверенным шагом остроносых лакированных ботинок начал подниматься по лестнице прямо ко входу в здание школы. Он уже знал куда ему идти, и не терялся, не поворачивал головой, ища нужные кабинеты. Просто быстро и четко проходил коридор за коридором, то и дело прищуривая карие глаза от блеснувших в окна лучей солнца. Школа была нагрета, пахла так, как не пахнет ни одно другое здание. Интересное сочетание дерева, камня и бетона, бумаги и чернил – такого больше не почувствуешь. И генерал-майору бы это понравилось, он бы вспомнил шальные школьные годы, и, наверное, даже бы улыбнулся на суровом и сухом лице, если бы он не был здесь чаще, чем дома. Его вызывали уже третий раз за месяц, и этот запах ни с чем, кроме тонн нотаций ассоциироваться не мог. Одна из дверей на третьем этаже была приот-

крыта. Прямо перед ней стоял бюст Ленина и Красное Знамя. Несколько задержав взгляд на них, генерал-майор зашел за дверь.

Встав в проходе и скрипнув половицей, он увидел уже обычную для него картину: пять «фонарей» на троих мальчишек, классная дама, директор, двое родителей и сидящая в углу шмыгающая девочка, которая сжимала в ссаженных руках красный пионерский галстук.

— Шахи, выйди на минутку. – практически приказал генерал-майор басом, поманив ее пальцем.

Девочка покорно встала и пошла к двери, опустив голову.

— Басай Фархатович, я бы хотела... – начала было классная руководительница недовольно.

— Во-первых: Фарухович, Надежда Геннадьевна. – произнес мужчина, не глядя на нее. – А во-вторых: я прошу всего одну минуту. – он взял подошедшую девочку за плечи и вывел за дверь. – Можете засекать.

Генерал-майор закрыл за собой дверь, и встал около красного знамени. Присел, чтобы не смотреть на собственную дочь сверху-вниз. Тяжело вдохнул, и медали на его груди едва различимо зазвенели. На лацкане блеснул значок с серпом и молотом на красном бархате. Девочка шмыгнула носом, сильнее сжав руками пионерский галстук, и опустила глаза.

— Шахи, я здесь бываю уже чаще, чем ты. – спокойным и утешающим голосом заговорил Басай Фарухович. – Тебе, дочка, повезло, что я решал дела в городе, и смог приехать.

Что на этот раз?

— Тебе все расскажут, какая я. – бросила та.

— Я хочу услышать твою версию. – ответил он, поджав губы. – Мне интересно то, как ты видишь эту ситуацию.

— Надежда Геннадьевна проверяла мою тетрадку по русскому языку. – начала рассказывать Шахризада. – И увидела, что я завела новую тетрадь и написала ее отчество через одну букву «н». А на перемене мальчишки начали надо мной смеяться. Они говорили, что мне незачем учить их язык, ведь я должна только арбузы на базаре продавать! – она шмыгнула еще сильнее, уже почти срываясь в плач. – Я всего одну ошибку сделала! А они начали надо мной издеваться. Они издеваются над всем классом, пап!

Басай Фарухович слышал эту фразу каждый раз. И он уже примерно знал, что творилось в классе, с появлением этих троих озорных разбойников. Они были детьми трех инженеров-нефтяников из Ленинграда, Киева и Москвы, представителей новой, послевоенной, «стиляжной» молодежи. И пожилой фронтовик понимал, что подобные люди могли и распустить своих детей, они могли заложить в них не слишком приятное глазу зерно собственного самодовольства и чувства собственной важности, исключительности и самолюбования. Родителям этих шалопаев было не до воспитания собственных детей, ведь чаще всего они пропадали на своих скважинах, получали свои восемьсот рублей и прожигали большую часть из них после смен в местных рестора-

нах и общепитах. Их не за что было ругать, ведь жизнь после войны стала бить ключом, но вот воспитание детей постепенно уходило на самотек.

И такое положение вещей не могло не огорчать. Басай Фарухович выдохнул и поднялся в полный рост. Открыл дверь класса и сказал дочери:

— Вытри слезы, Шахи, и заходи.

— Басай Фарухович, вы уж извините, что так вышло. — Надежда Геннадьевна несколько поправила рукава блузки. — Нам пришлось вызвать вас с работы, но тут снова...

— Если меня не будет в части через один час и десять минут, — взглянув на часы, он ее несколько перебил. — Мои солдаты могут по ошибке запустить ракеты прямо по Исламабаду. Шучу. Но прошу вас: без длительных вступлений.

— Ваша дочь распускает руки. — сурово заключил директор.

— Это я уже понял. У нее сбита кожа. — с отсутствующей миной на лице ответил генерал-майор, сев за ближайшую парту. — Я хочу знать вашу версию случившегося.

— Она озверела и напала на нас! — воскликнул один из мальчишек, прикрывая рукой подбитый глаз. Ему повезло больше всех, ведь второй смотрел ясно и прямо на военного.

— Помолчи ты. — отвесил ему затрепину отец.

— Ребята утверждают, что она учинила драку. — разве- ла руками Надежда Геннадьевна. — Их буквально пришлось спасти от Шахризады. Мы едва сумели их разнять, и вызва-

ли врача. К счастью, все обошлось обычными синяками, но ведь могло же быть и... – она глянула ему точно в глаза, и все поняла. – Простите. Мальчишки отрицают, что они задирали ее.

— Не удивлен. – повернулся на тех генерал-майор. А затем посмотрел на их родителей. Они не боялись, не чувствовали стеснения, а сидели спокойно, даже как-то вызывающе расслаблено. – Три голоса против одного от моей дочери. Вам не кажется это странным? Насколько известно мне, с переходом этих троих разбойников в нашу школу, в классе участились случаи драк. Вы понимаете, Надежда Геннадьевна, я прекрасно знаю свою дочь, в том числе и ситуации, в которых она может начать... «распускать руки».

— Однако она начала это делать, Басай Фарухович. – развел руками директор школы, на лацкане которого так же был стяг с серпом и молотом. – Даже если эти трое мальчишек перед ней действительно виноваты, ей незачем было их колотить. Она ведет себя не как послушная девочка. И уж точно не как советский пионер! Разве может простой советский...

— Вы коммунист, товарищ директор школы? – неожиданно спросил его генерал-майор.

— Я? К... коммунист. – замялся тот, не ожидав такого вопроса. – С сорок четвертого года. Уже тридцать лет.

— И то, что вы коммунист с «года», чувствуется. – выдохнул Басай Фарухович и грузно, звеня медалями на груди, встал. – Вы абсолютно не владеете пониманием ситуации, и я

вас не виню. Нынче все понимается под другими углами. Но не кажется ли вам, товарищ директор школы, что вы слишком зацкливаете внимание на моей дочери, и совершенно упускаете из виду поведение этих мальчишек, рядом с их отцами. Они даже сейчас совершенно не скромны, как подобает настоящему советскому пионеру. Вы не берете во внимание объективных параметров оценки ситуации. Вы вытягиваете то, что вам выгодно, лишь бы найти единоличного виноватого. Это не есть коммунистический подход.

— Да вы что, Басай Фарухович, их отцы... — показала рукой классная дама на двух сухопарых, и небритых мужчин в белых пиджаках. — ... уважаемые люди! Они настоящие представители рабочих профессий, они...

— ... Стиляжничали. — спокойно произнес генерал-майор, повернувшись на указанных личностей. Те явно опешили от такого поворота. — Не удивляйтесь, товарищи, у меня профессия такая: советскую Родину защищать. И я знаю о вас все. Вы, например, родились в сороковом году. А вы, в сорок втором. — его взгляд поочередно остановился на каждом из мужчин. — Шахи, выйди пожалуйста. Этот разговор будет не для твоих ушей.

— Мальчишки, вы... — классная дама хотела отправить их в коридор.

— А им этот разговор будет полезен. — генерал-майор сыграл скулами на суровом и загорелом лице.

Шахризада немедленно встала и послушно вышла из

класса, все еще шмыгая носом. Она на мгновение подняла глаза на отца и, снова опустив, исчезла за дверью, навязав на шею пионерский красный галстук. И когда в коридоре слышно скрипнула деревянная лавка, Басай Фарухович продолжил:

— Вы, товарищ, родились в сорок втором, я прав?

— Да, вы правы. – ответил один из мужчин, из любопытства пододвинувшись поближе.

— В сорок втором году я командовал артиллерийским взводом. Мы дрались с фашистами в стенах Сталинграда. Это была очень тяжелая битва. Мы не спали, и мы практически не ели. Мы только и делали, что день и ночь выпускали тонны снарядов по нашему врагу. И в одну из ночей, осколком авиационной бомбы мне перебило плечо. – на этих словах он расстегнул китель и показал плохо заживший рваный широкий рубец. – Кровь текла так, что я думал умру, но продолжал командовать своим взводом, и сам встал за одно из орудий. У меня был прекрасный, самый лучший в мире взвод. А знаете почему? Потому что он был собран впопыхах, из всех, кто остался по углам нашей великой Советской Родины. Когда я – метис афганца и таджички – упал, ко мне подбежали украинец и литовец, но они не смогли меня поднять. Тогда им на помощь пришли казах и армянин. Вчетвером, мои ребята дотащили меня до взводной полуторки, за рулем которой сидел грузин. Рядом ранеными были двое украинцев, белорус, трое русских, узбек и аж двое бол-

гар-добровольцев! Повсюду были горящие танки, пахло порохом и горелым мясом. На колючей проволоке были гниющие остатки фашистов, для которых мы были людьми второго сорта. Когда меня прооперировали, я узнал, что осколок из моего плеча вытащили двое советских военных врачей: еврей и латыш. А ухаживали за мной русские медицинские сестры. Их звали Света и Лера...

На пожилom лице Басая Фаруховича накатывались слезы. Ему было больно вспоминать тот эпизод, но, что было болью для старших, могло оказаться очень действенным лечением для молодых поколений. Мальчишки, те самые, с пятью синяками на троих, слушали его не отрываясь. На них, иной раз, не доверительно поглядывали их отцы, явно что-то соображая у себя на уме.

— ...Фашисты замучали их в концлагере. – сглотнув острый ком в горле, продолжил генерал-майор. – Я узнал об этом через три дня после того, как мой артиллерийский батальон вошел в поверженный Берлин. Они сдирали с них кожу, морили без еды и воды, стригли им волосы и вырывали ногти, использовали на каменоломне и при строительстве своих бункеров. И бросили в сто метровый ров, заполненный трупами ... – Басай Фарухович посмотрел в глаза мальчишкам. – Мне нужно говорить какие национальности, помимо Светы и Леры были в том рве?

— Не нужно, товарищ фронтовик... – опустил глаза один из них.

— Стыдно, товарищи. — генерал надел на голову свою фуражку. — Стыдно. Мы единый и неделимый народ. Народ, который победил саму идею о том, что общество может и должно быть разделено по национальности. Я прошу вас, сделайте выводы. Я больше не хочу посещать такие мероприятия.

— Басай Фарухович, я боюсь... — произнес директор школы. — Что мы обязаны вынести этот инцидент на обсуждение в районный комитет Партии. И я боюсь, что ваша дочь, не смотря на наличие облегчающих обстоятельств, будет исключена из Пионерии. Так ведь правильно.

— Правильно только одно. — кивнул тогда, у самых дверей, он. — То, что это — моя дочь. И она заслужила называться не только пионером. А еще и коммунистом.

Развернувшись, Басай Фарухович сделал два шага на выход и уже было открыл дверь, чтобы выйти, но тут вдруг остановился и глянул на часы. У него была некоторая возможность, чтобы задержаться здесь еще на пару минут. Взглядом он встретился с сидящей на лавочке дочерью, которая все так же намертво сжимала в своих ручках снятый с шеи пионерский галстук. И тогда генерал-майор повернул голову, и из-за плеча спросил мальчишек:

— Как пишутся слова «фантазмагорическое» и «человеконенавистничество»?

Усмехнувшись, он закрыл за собой дверь.

Медленным шагом, положив руки в карманы широких и наглаженных генеральских брюк, подошел к своей, согнув-

шейся и опустившей голову дочурке. Немного постояв перед ней, выдохнул, достал руки из карманов и присел рядом с ней, приобняв за плечо. Шахризаду колотило, как от холода, она все так же всхлипывала и шмыгала носом, пытаясь снова не заплакать. Она знала, что отцу это не нравится, хоть он ничего и не говорит. Пыталась сдерживаться, быть мужественной, как он всегда ее и учил. И вдруг, спросила:

— Они заберут его, да?

— Кого заберут? – не поняв, отец двинул головой.

— Мой галстук. – показала в кулаке та. – Я не хочу, чтобы они его забирали. Как я могу не быть пионером? Это ведь... Это!...

— Шахи... – прижал он ее к себе, улыбнувшись. Посмотрел на алое знамя около классной комнаты. – Разве ты пионер только когда надеваешь галстук? Если так, то зачем он тебе?

— Но, я ведь... – подняла она глаза.

— Пионерия – это не галстуки, и не значки. Настоящий пионер только тогда может называться пионером, когда он думает, когда он рассуждает, когда он чувствует себя частью советского, нашего с тобой общего, мира. Если завтра, или через несколько лет, нашей Родины не станет, ты перестанешь быть пионером? Перестанешь помнить ее и перестанешь сражаться за нее? Разве ты перестанешь думать, как советский гражданин, как коммунист, как человек с совестью и частью?

— Нет, папа.

— Значит, ты пионер и без красного галстука. – наконец ее кулак немного разжался, и мужская сухая ладонь осторожно вытянула красную ткань из хватки. – Пионер, значит первый. И ты можешь стать первой, авангардом нашей Родины и без этих атрибутов. А насчет мальчиков... Я думаю, их отцы вынесли урок из сегодняшней беседы, и сумеют вразумить своих детей на то, что мы одна страна. Видишь?

— Что вижу, папа?

— Мы с тобой уже наставляем людей на правильный путь.

Он улыбнулся ей. А Шахризада подняла на него свои заплаканные глаза. На лице проступила совсем еще такая детская, но задорная, смеющаяся улыбка. Она больше не была расстроена, отец смог ее поддержать и внушить правильную мысль. Он всегда справлялся с этим, и всегда поддерживал ее. Басай был поистине хорошим, с горькой и печальной судьбой, заботливым и чутким отцом.

— Сережа может нас покатать по городу еще... – глянул он на часы. – Минут десять. Хочешь мороженого? Пломбир или эскимо?

— Эскимо.

— Нет, эскимо хочу я, так что тебе пломбир. – усмехнувшись, он встал и потянул ее за руку за собой.

— Эй, так не честно! – засмеялась и она. – Ах-ха-ха-ха!

Часть 13

— Папа...

Со свистом, прямо над Ульяной разорвалась корабельная обшивка. Со страшным грохотом и скрежетом, через дыру начали пробиваться литры воды, чудовищным потоком сносся все, что было не приколочено. Соленые брызги мигом окатили лицо, прошлись по уже мокрой одежде, и заставили вмиг раскрыть заболевшие глаза.

Вдохнув, Вирхова сорвалась с места. Закашлявшись и сев, огляделась. Вокруг нее в лучах кроваво-красного аварийного свечения было несколько лежащих в воде трупов, и суетящийся экипаж подводной лодки, который перекрикивался между собой, пытаясь побороть поступающую воду, которой было уже по колено. Ульяна только чудом не захлебнулась, пока была без сознания. По ее лбу текла кровь, ноги и руки были ватными. Подлодка пережила два чудовищных удара, но обеспечила всем своим обитателям нокаут. А некоторым — преждевременную кончину. Все было перевернуто и опрокинуто. В отсеки поступала вода, а моряки, зажимая раны, пытались продлить жизнь лодки насколько могли. Они ставили распорки, пережимали трубы, и ведрами выносили воду из-под ног. Но она все поступала, и поступала. Все рвались и рвались патрубки и клапана, под напором отлетали вентиля и летели в ближайшую стенку, громко ухая об ме-

талл субмарины.

— Серега, дай клинья! – кричал один из моряков, что тянул распорку. – Сережа, клинья!

А матрос с клиньями ему не отвечал. Он упал от потери крови, полностью скрывшись под бурлящей водой. Вирхова в этот момент поднялась, быстро дошла до погибшего матроса и выдернула из-под него два треугольных металлических клина, которыми и должны были зажать заливающую отсек пробоину. Молниеносным ударом она вогнала один из них между распоркой и разорванным металлом. Матрос, не двигая одной перебитой рукой, второй пытался завернуть распорку так, чтобы она придавила клин. Но у него все не выходило. Второй подводник пытался ему помочь, но каждый раз, когда отпускал механизм, тот под напором воды рвался в стороны и не давал нормально зафиксировать место пробоя.

— Не могу! – сжимая зубы, мотал головой матрос с перебитой рукой, едва не захлебываясь от фонтана соленой воды. – Глеб, я не могу!

— Крути, давай, крути!

— Вместе! – приказала ему Вирхова, раздевшись до мокрой майки. – Давай, давай!

Встав под струю, она схватила ручку, которую нужно было прокручивать вокруг металлического столба. С силой сжала ее в своей ладони, придавив пальцы покалеченного моряка. Но тот не вопил, не сопротивлялся, а сам под ее хваткой, еще сильнее поджал рычаг в пальцах и потянул на себя, закру-

чивая. Ульяна толкала. Оскалив зубы, чувствуя, что металл практически не идет, и пробоина скоро зальет их по пояс, напрягла все свои мышцы. Надулась ее спина, мышцы рук и ног, она пыталась, вместе с матросами, сдвинуть то, что физически было невозможно. Но рукоятка вдруг поддалась, скрипнула, и немного провернулась. Вода, бьющая по голове и лицу, сбавила свой напор, перестала хлестать по глазам и заливать нос. Еще одно приложение нечеловеческих усилий, от которых в закрытых глазах разбежались цветастые звездочки и повело сознание, и рукоятка снова, со скрипом и скрежетом провернулась. Бурление у ног практически прекратилось, вода стекала только по самому распорному столбу, который держал побитый матрос. Ульяна сорвала руку раненного моряка и с махом ударила по рукоятке ногой. Потоп прекратился.

— Говорит старший матрос Огаренко! – моряк с перебитой рукой выжал кнопку переговорного устройства. – Заделана пробоина в пятом отсеке! Есть шестеро погибших и множество раненых. Приступаем к локализации мелких протечек.

...В наушниках американского акустика на «Рой Уолкере» раздались те звуки, которых он точно не хотел слышать.

— Сэр! – сорвал он гарнитуру с головы и повернулся к старпому. – Скрежет металла! Русская подлодка не потоплена!

— Что-о-о?! – протянул капитан Саммерсон, услышав

это. – Какого... Из чего сделана эта тварь!?

— Вероятно глубинная бомба повредила обшивку или рули глубины. – заключил старпом.

— Сраные русские!

— Можно было предположить, ведь мы не слышали про-
дудку балласта. – продолжал рассуждать помощник.

— Курс один-два-два! – приказал капитан, и сам подошел к рулям, вывернув штурвал на несколько оборотов. – Приготовить глубинные бомбы! Какая глубина в этом секторе?

— Около двух тысяч футов, сэр. – заявил один из офицеров. – Критическая глубина для русских «Дельт». Но под нами есть желоб, он еще в милю глубиной.

— Живучая! – усмехнулся старпом. – Сэр, я предлагаю оставить ее в покое. Она не боеспособна.

— Она выпустила ракеты по нашей стране. – огрызнулся Саммерс, сблизившись с ним, чуть ли не коснулся носом носа. – И мы оставим ее на дне. Только уже мертвой!

Эсминец подскочил на волне и заныл, пытаясь не отбросить от себя практически оторванный и надламывающийся нос, пробитый русской противокорабельной ракетой. «Рой Уолкер» ложился на обратный курс, желая добить неугомонную и слишком везучую советскую субмарину...

...Русский акустик поправил тельняшку на груди. Он уже больше получаса слушал картину протекающего рядом боя. И вдруг снял наушники.

— Товарищ капитан. – обратился он.

— Скажи мне, что это была «Вирджиния» или «Лос-Анджелес». — замотал головой тот, стоявший все это время за плечом.

— Никак нет. — выдохнул акустик, поправив на голове мокрые от пота русые отросшие волосы. — Это наша. В последний момент расслышал шум винтов. Это был шестьсот шестьдесят седьмой проект. «Кальмар» или «Дельфин».

— Это могла быть «Воркута»? — спросил тогда старший помощник.

— У «Воркуты» другой подчerk. Я слышал ее зимой. — замотал головой моряк. — Это точно не Шукин. Другая лодка, но точно наша. Стойте! — прислушался он. — Эсминец берет обратный курс! Он идет добывать «Дельфина»!

— Товарищ капитан, — замотал головой уже старпом, посмотрев на того. — Мы ждем американские караваны. Мы не можем так рисковать.

— Если бы топили нас, Егор Лазаревич, — прихлопнул его по плечу командир, уходя на главный командный пост. — Наши не прошли бы мимо. Если бы не спасли, так хоть отомстили бы...

На мгновение выдохнув, он оглядел собравшихся на мостике офицеров. Все смотрели на него с пониманием ситуации. И все хотели помочь союзному судну. И наконец, капитан сказал, твердо и четко:

— Подвсплыть! Глубина сто метров, курс на сближение с эсминцем! Полный вперед!

— Есть курс на сближение! – четко повторил рулевой. Мостик вдруг пришел в движение. Все моряки начали занимать боевые посты и следить за всеми показаниями. Долго-временный отдых на дне наконец закончился. – Есть полный вперед!

— Первый и второй – товсь!

— Подготовить к пуску первый и второй торпедные аппараты. – приказал старпом в переговорное устройство. – Зарядить «сто одиннадцатую»!

— Аппараты к бою готовы! – ответили из отсеков. – Торпеды заряжены!

Из-за затонувшего и покрытого илом по самую палубу «Огайо» в облаках воздушных пузырей из балластных систем появилась еще одна, более маленькая, но еще более злобная черная тень. Не такая громадная и громоздкая, не такая гротескно величественная, как «Прометей», но вот точно более смертоносная. Вылизанный до миллиметров силуэт черной подводной лодки, начал двигаться ото дна. Точно к американскому эсминцу, прыгающему по волнам...

— ...Сэр!!! – до свиста из глотки, крикнул акустик на «Рой Уолкере». – Продувка главного балласта!

— Наконец-то.

— Это «Сьерра-2»! – перебил его матрос. – Это русская «Альфа»!

— Твою мать... – закрыл рот рукой старший помощник. – Нужно уходить, немедленно! У нас нет поддержки и средств

против нее. Даже вертолет в такую бурю не запустить!

— Я не сдамся!

— Очнитесь, капитан! – крикнул на него старпом, что увидели все офицеры на мостике.

Саммерсон отвесил ему звонкую и четкую пощечину, что ее, кажется, могли услышать сразу на двух подводных лодках. Волна ударила в борт, и старпом повалился на капитана, а тот оттолкнул его в сторону. И помощник свалился на жесткий железный пол мостика.

— Я не сдамся. – повторил командир эсминца. – «Рой Уолкер», к бою!

— Есть, сэр. – неуверенно произнес рулевой.

— Продувка торпедных аппаратов! – нервно мотнул головой акустик, оскалив белоснежные зубы. – Сэр, они будут стрелять по нам!

— Дистанция?

— Около мили. Они всплыли у самого «Огайо».

– Вот же... – попытался капитан, и замолчал, закрыв глаза руками. До боли растер лицо, и вдохнул. – Подготовить к использованию акустические ловушки. Противоторпедный маневр! Право на борт, ноль-девять-ноль!

— Есть девяносто. – ответил рулевой...

—...Товарищ капитан! – воскликнул побитый акустик «Прометей», зажимая рану на лбу. Он сидел по щиколотку в воде. – Есть шум винтов!

— Кто это? – быстро спросил Шукин, практически не гля-

дя на моряка.

— Это наша «Ли́ра»! «Охотник за караванами»! – рассмеялся от нервов матрос. – Она всплыла от «Огайо» и готовится стрелять!

В воде мгновенно раздались звуки, похожие на лопающиеся пузырьки в упаковочной бумаге. Только более тихие. В такой, десятибалльный шторм на море их было практически не слышать, но натренированное ухо и советский радар помогли как нельзя кстати. На зелено-черном лучевом дисплее появились две отметины, которые быстро, необычайно прытко начали двигаться к точке, которая обозначала американский эсминец.

— Ладанданаускас, – позвал капитан, сощурившись на радар. – Сколько на Северном Флоте «Лир» со сто одиннадцатой торпедой?

— Со «Шквалом»? – переспросил тот. – Одна – Двести Шестьдесят Пятая.

— Кто командир? – спросил Шукин.

— Старпомом точно Егор Басурин. Он с нее не вылезает. – пожал плечами тот. – А капитаном... Вероятно, Виктор Лавкин... Хотя, его списали перед самым выходом. Вторым может быть Хамсутдинов.

— Борис... – протянул Богдан Иванович, улыбнувшись. – Спасибо, Боря...

В этот момент на центральном мостике появилась мокрая и грязная, невероятно недовольная ситуацией, Ульяна, а ря-

дом с ней Алиса и побитый Груз, которому при ударе попало по руке, и теперь он ее неровно растирал и каждый раз скалился, когда задевал ушибленные кости и сухожилия. На его лбу был кровавый подтек, а на белой, но грязной и мокрой рубашке были следы крови с носа и подбородка. Те бесформенным пятном разошлись на груди и животе.

— На какой мы глубине? – сразу вмешалась Вирхова, шагнув к капитану. В красном свете еще сильнее стало видно ее шрам на пол лица. – Какое состояние у лодки?

— Критическая и критическое. – покачал головой старпом. – Приборы показывают, что под нами еще пятьсот метров, но мы лежим на дне. В этом районе есть глубинный желоб, и похоже наша носовая часть свешивается прямо в него. Нам несказанно повезло, что мы вообще оказались на глубине в пятьсот девяносто метров, на которой лежим сейчас.

— Пятьсот девяносто? – повторила Купер, пригнувшись от хлопнувшего над головой металла корпуса. – Это больше критической для этой подлодки!

— Не совсем, это в районе критической. – растирая ушибленную голову, поправил ее Щукин. – Но с пробоинами, с повреждением легкого корпуса...

В этот момент по подлодке разлилась сирена. Заревела тревога заражения, и замигали трехлучевые сигналы-таблички, обозначающие выброс радиации в воздух. Все мгновенно переглянулись, а Ладанданаускас быстро и шумно подошел по воде к одному из приборов. Дернувшись, он неуют-

но выдохнул, и посмотрел на капитана субмарины. Затем взял радиостанцию:

— Седьмой отсек!?! – вызывал он. – Твою-то мать... Реакторный!?! – прикрыв микрофон рукой, он повернулся на Купер. – Падает давление в охлаждающем контуре «Первого», растет температура активной зоны атомного реактора. Уже больше пятисот! Реакторный?!

— «Первый»? – спросили Груз и Вирхова синхронно.

— Первый реактор. – ответила им Купер. – Это очень плохо.

— Говорит реакторный! – наконец раздалось в радиостанции. – Товарищ старпом, разрыв охлаждающего контура, утечка хладагента и рост температуры активной зоны реактора! У нас поступление воды в аппаратный зал, две пробоины и трое убитых, в том числе и главный механик!

— Включи прокачку насосов на запасном контуре! – приказал Ладанданаускас. – Насосы, Коля!

— Перебита питающая их установка. Был пожар на щите управления! – истерично отвечали на том конце. – Товарищ старпом, реактор неуправляем!

— Соберись, Синицын! Черт! – бросил трубку тот. – Товарищ капитан, разрешите? Я всю жизнь работал на реакторах!

— Да, иди. – коротко произнес командир, прихлопнув его по плечу. – Что тебе нужно?

— Мне понадобится мисс Купер. – показал он на нее паль-

цем. — Она явно разбирается в подлодках не хуже моряка. Придется срезать некоторые из патрубков в столовой. Мы бросим охлаждение от бака с питьевой водой, как на К-19.

— Можно замкнуть контур на забортной воде, через фильтр очистки. — предложила Алиса. — Тогда мы высвободим соль, которая будет закоксовывать патрубки охлаждения, и получим относительно чистую дистиллированную воду, которой хватит дойти до Кубы.

— Сперва используйте питьевую. Надежнее. — кивнул капитан, будто бы удостовераясь в идейности американки. Он все еще ей не слишком доверял, но теперь они буквально были в одной лодке, и нужны были усилия всех людей на ее борту. — «Прометей» должен был выжить, а не пасть как герой, в честь которого она была названа! Действуйте.

— Есть! — ответил Ладанданаскас, прихлопнув Купер по плечу, проходя мимо. — Идем.

— Т-т-товарищ капитан. — заикаясь, заговорили в переговорном устройстве. Щукин быстро оказался около него и нажал на кнопку. — С-сломана силовая установка в девятом отсеке! У нас отказ т... у-урбины!

Ульяна что-то сообразила и быстро покинула центральный пост, прошлепав ногами прямо по воде. Она шла в жилые помещения, где должны были остаться Моргана со Средой. Ульяне нужен был расчетливый ум инженера, и хирургическая точность машины. Она верила... Нет! Она знала, что Моргана поможет починить отказавшую турбину в девя-

том отсеке, что она окажет полное содействие морякам. Если, конечно... это была еще Моргана...

... Американский эсминец с надрывом дизелей забирался на десятибальную волну. Скрежетал нос, разваливались как черствый хлеб наскоро сваренные матросами переборки. Пробитый русской противокорабельной ракетой нос едва держался на своем месте, дико скрипел и стонал под тяжестью, продолжая при этом разрывать шторм и ливень. Вода лилась на «Рой Уолкер» со всех сторон, моряки внутри него едва ли не утопали в соленой жиже, смешанной с дизельным топливом, и маслом из машинного зала. Там уже не выдерживали двигатели, корабль ломал слишком мощный для него ураган, он не был приспособлен для такого боя. Однако, именно в него он и ввязался.

Две русских торпеды шли прямо к кораблю, активнейшим образом сокращая дистанцию. Еще несколько сотен метров, и будет попадание. Как вдруг корабль наконец взобрался на непокорную волну и с ревом и свистом носовых переборок рванул вниз, ударяясь бортом об другую. Резкий маневр его чуть не загубил – по трюмам полетело все, что было не приколочено, в том числе и люди. Некоторых в такой мешалке прибило намертво.

— Шестьсот пятьдесят футов! Идут слишком быстро! – завопил американский акустик, въедаясь взглядом прямо в два маячка на радаре, обозначающих русские реактивные торпеды. – Почти сто восемьдесят миль в час! Это «Шква-

лы»!

— Сэр! – крикнул старший помощник, хватаясь за разбитую ударом голову. В этот момент в разнесенное окошко залило воду, и его окатило с ног до самой головы. По мостику уже все плавало, а у ног бились обломки кофейной кружки капитана. – Нам не уйти от этих торпед!

— Еще право на борт!

Эсминец снова подскочил на волне. А торпеды были у него прямо по курсу. Одна из них метила точно в носовую часть, чтобы с концами оторвать ее от слишком живучего эсминца, однако в последний момент русская торпеда проскочила вдоль по самому металлу. Ее боеголовка, с потоками воздуха, на огромной скорости просвистела в считанных сантиметрах тот борта, удаляясь мимо. Вторая едва не разнесла гребные винты, но попав в поток кавитационных пузырей, еще сильнее усилила ход и рванула за кормой. «Рой Уолкер» дрогнул от чудовищного по силе удара, но торпеда не уничтожила его, лишь дополнительно окатила соленой влагой, как будто дождя и волн было слишком мало.

— Хер тебе, Иван! – Саммерсон непроизвольно сжался и выругался. – Не попал!

Старший помощник, побледнев, вцепился в одну из многочисленных рукояток, и не понимающим взглядом скопился на своего капитана. В этот момент он понял, что только из-за безрассудства того они все еще были живы. Капитан эсминца не сдался, и резко приказал:

— Торпедные аппараты к бою!

— Сэр!

— Я сказал к бою! Мы принимаем вызов этой «Альфы»!

Курс Ноль-Девять-Ноль. Поворот!

— Сэр, нос не выдержит! – вмешался один из офицеров на мостике. У него кровоточила рука с открытым переломом.

— Значит пусть моряки заварят его к чертовой матери!

Старший помощник капитана неуютно покачал головой, и ушел к гидроакустику. Тот все еще следил за примерным передвижением российской подводной лодки. Она уверенно шла на курс сближения, однако он знал, что при угрозе торпедной атаки, субмарина сделает все, что увернуться. И тогда выстрелит в ответ. И только одного он не знал: пройдут ли в этот раз торпеды так недостижимо близко, или же все-таки вонзятся в острое рыло эсминца. По его спине бежал который уже по счету холодный пот, а в висках застучало – в такой передрыге команда корабля еще никогда не была...

...Старпом «Двести Шестьдесят Пятой» «Лиры» неуютно пожал плечами, когда сам, своими глазами увидел, что торпеды прошли через пеленг корабля, а затем дальше. Он натужно выдохнул, когда услышал взрыв, и широко раскрыл глаза, когда пеленг корабля, снова понесся на них.

— Эсминец идет прямо на нас! – крикнул он капитану уже без обращения. – Угроза торпедной атаки!

Капитан субмарины неровно рассмеялся, и схватился за переговорное устройство. Он ожидал такое безрассудство,

такую наглость, и такой азарт. Уже знал, что с этим стоит делать:

— Зарядить «Первый» и «Второй». Звуковые ловушки к бою!

Акустик сжал зубы и дрогнул, когда в воде появились сразу два тракта самонаводящихся американских торпед...

...Саммерсон смог разглядеть только начальный путь торпед. В свой бинокль, со своего мостика успел лицезреть, как белый шлейф размывается гигантской волной, и как торпеды вонзаются в морскую гладь.

— Торпеды ушли! – щелкнув секундомером, произнес старший помощник. – Сэр, еще не поздно покинуть этот квадрат.

— Прекратите. – как-то неожиданно спокойно ответил ему капитан. – Как только мы выйдем из этого боя победителями, вы покинете не только этот квадрат, но и этот корабль, а вместе с ним и ВМС.

— Сорок секунд до цели. – обиделся тот, тяжело вдохнув. – Тридцать пять... Тридцать.

— Лодка исчезла! – отчитался гидроакустик. – Сэр, нет контакта от «Сьерра-2»!

— Вот сука! Сколько идти торпедам?! – рявкнул он на офицера.

— Двадцать секунд. – ответил старший помощник. – Пятнадцать. Десять...

— Есть! Есть контакт! Кавитационные шумы и активный

сонар! – радостно воскликнул гидроакустик, повернувшись на старпома, который стоял рядом с секундомером.

Капитан на секунду затих, и что-то вдруг сообразил. Он боялся, что будет так, но знал, что именно так оно и случится. Он недооценил Ивана, и теперь расплачивался за это двумя двухтонными торпедами и страшным риском для всего экипажа.

— Разворот! Курс Один-Восемь-Ноль! Приготовиться к противоторпедному маневру!

Равно в тот момент, когда обе торпеды поразили «цель», старший помощник продублировал приказ. И голос был его уже с хрипом, с волнением, с практическим отчаянием, потому что он знал, что «Ли́ра» смогла завести их в собственную ловушку, и переиграть. Он, в отличие от акустика, уже не надеялся, что вместе с пеленгами на торпеды, навсегда пропадет и пеленг «Альфы», ведь знал, что теперь была ее очередь бить. Едва заметным движением поцеловав крестик на руке и зажмурившись, он встал рядом с капитаном на мостике. Их синхронно окатило соленой морской и холодной волной, пробившейся через разбитое окно...

...Капитан быстроходной «Лиры» уже держал в руках собственный секундомер. Он хотел сам удостовериться в своих расчётах, а потому решил продублировать своего старшего помощника. Как только лодка дрогнула, выпустив первую торпеду из носового аппарата, он щелкнул кнопкой.

— Торпеда из «Первого» ушла! – отчитались в переговор-

ном устройстве. – «Второй» к пуску готов!

— Курс триста сорок – спокойно произнес старший помощник «Лиры». И через несколько секунд после того, как рулевой поправил лодку на курс, скомандовал: – Пли!

— Ты хочешь оторвать ему нос? – спросил его вдруг капитан Хамсутдинов. – Рановато, Егор.

— Слышали скрежет. Эсминец подбит. – повернулся на него тот. – Мы бы не смогли уничтожить его одной торпедой, будь он целый. А так – располовиним! Упреждение верное, товарищ капитан.

— Смотри, четыре торпеды потратили на этот эсминец...
...Американский акустик чуть не подавился залетевшей в горло при резком вдохе слюной, когда увидел пеленг на вторую торпеду, которая шла точно в корабль. «Рой Уолкер» в этот самый момент опять взбирался и бился об волны, чтобы уйти от первой выпущенной в него торпеды. И шел прямо на вторую.

— Сэр, торпеда идет прямо в нас! – крикнул, сорвав с головы наушники, акустик.

— Сэр, что нам делать? – спросил вдруг, до того молчаливый, рулевой.

— Сэр! – крикнул на Саммерсона уже старший помощник. – Приказы, сэр!

— Полторы тысячи футов! Тысяча футов! – отсчитывал акустик, глядя на радар. – Семьсот! Шестьсот! Пятьсот футов!

—... он угадал мой маневр. — одними губами сказал капитан, побледнев.

— Рулевой, курс Ноль-Девять-Ноль! — скомандовал старпом, поняв, что капитан уже не отдаст ему приказа. — Уводи нас от торпеды!

— Триста футов! Двести! — орал акустик. — Мы не успеем!

— Давай!

Рулевой, что было сил, закрутил штурвал. Заревев выходящими из строя дизелями, эсминец начал резкий поворот прямо на волну, которая его и затормозила. Раздался дикий срезет металла. Нос уже не мог держаться и по палубе пошла страшная трещина, в которую заливала вода, смывая моряков в трюмах. Омытые, холодные и искалеченные, они все еще пытались его починить.

Первая торпеда прошла за кормой, сыграв роль наживки. А вот вторая неслась точно в борт слишком живучего эсминца.

— Приготовиться к удару! — скомандовал старший помощник, сжимая в руках мокрый от соленой воды крестик. — Господи, спаси нас...

...Секундомер в руках старпома остановился на долю секунды раньше, чем у русского капитана. Несколько исподлобья глянув на свою «правую руку», Хамсутдинов улыбнулся. Ведь и после остановки его таймера не прозвучал взрыв. И тогда он непроизвольно, в гробовой тиши, царившей на подводной лодке, щелкнул пальцами.

Акустик вздрогнул, а пеленг на вторую торпеду на его радаре пропал. По корпусу подводной лодки раздался сильный, но все же приглушенный из-за глубины и расстояния грохот. А затем еще один, намного сильнее. Как один, офицеры на мостике посмотрели на потолок подводной лодки, затаив дыхание.

— Детонация ракет. – тихо произнес Хамсутдинов. А затем опустил голову, оперевшись на командирский столик.

— Есть разрыв корпуса! – прижав наушники, произнес акустик. – Дизеля заглохли! Эсминец тонет, товарищ командир!

— Первая победа. – старпом пожал капитану сухую, но почему-то ослабшую руку. – Что с вами, Борис Олегович?

— Ничего, Егор. – натянуто улыбнулся он ему. – Объявите экипажу об этой победе. И занесите в журнал, что мы победили подбитый эсминец без вертолетной поддержки...

— Ты обесценишь эту победу? – на ухо спросил его старший помощник. – Борис, это неправильно.

— Я ничего не обесцениваю, старпом. – Хамсутдинов оглядел собравшихся на мостике, и до недавнего времени ликующих офицеров. – Я хочу, чтобы мои офицеры извлекли уроки. Эта бойня будет не простой, но мы должны в ней победить! Субмарине курс на север. Мы уходим на запасную позицию. Доложите командованию координаты подбитого «Дельфина»...

...Ульяна не дернула деревянную дверь кают-компания, в

которой должны были быть Дима и Моргана, как хотела. В ее голове до этого была мысль, что она влетит туда как ураган, как делала всегда, но вот все это разрушилось в мгновение, когда Вирхова увидела эту самую дверь. А точнее то, что от нее осталось. Над головой мигнуло аварийное освещение, и в этот миг, когда лампочка погасла, показалось, что все это миф, что всего этого не существует, но нет – это было, и вернувшийся красно-кровавый свет это подтвердил. Дверь та была сорвана с петель и болталась на единственном навесе, и что-то, совсем незначительное, в виде почти тридцатисантиметровых рваных разрезов, подсказывало уверенному, но дрогнувшему сердцу Ульяны то, что она совсем не хотела принимать за факт. Морганы за этими дверями уже не было.

Осторожно коснувшись рваного металла ручки и почувствовав, как он вливается в мокрые от соленой воды пальцы, она осторожно потянула сорванную дверцу на себя, открыв проход. Поджав губы, уже была готова к тому, что увидит, однако немки в каюте не оказалось. Медленно на Вирхову повернулся лишь побледневший до вида айсберга Среда, который был свидетелем того, что произошло. На него из незначительной пробоины слабо капала вода, но он этого даже не замечал. Его не волновал холодный поток из треснувшего патрубка, его волновало только то, что где-то на подлодке сейчас был вышедший из-под контроля организм. А Ульяну то, что она все-таки могла ошибиться на Кубе, дав Моргане шанс на этот поход. Однако знала и надеялась, бы-

ла уверена в девушке, и потому сурово, но несколько подавленным голосом спросила:

— Где она?

— Она? – дрогнув губами повторил ей Среда. – Она в Моргане. Я видел это. Снова. На какой мы глубине?

— Почти шестьсот метров. – как-то даже спокойнее обычного ответила Вирхова.

— На такой глубине она порвет лодку. – произнес Среда, неуверенно вставая с сидения. Было понятно, что девушка от него вырвалась только совсем недавно, ведь при подъеме с его коленок упало советское одеяло, которым Моргана постоянно укрывалась. – Или давление. Что-то из этого точно нас прикончит...

— Поэтому мы должны найти ее и исключить хотя бы первый вариант. Куда она пошла?

— В сторону кормы. – ответил ей Дима, собравшись и выйдя за двери с тяжелым выдохом. Свет в коридоре снова мигнул. – Я слышал шаги по лестнице, она может быть на нижнем ярусе. А лодку топит.

Всего на долю секунды в его голове промелькнула опасная мысль о том, что лучше бы, если и умирать, так хотя бы от давления. На такой глубине есть вероятность даже этого не почувствовать, ведь как только вода поймет, что тяжелый и серьезный лодочный металл не выдержал удара, что он сдался и изошел трещинами, она сожмет «Прометей» как консервную банку и разорвет за считанные доли секунды. Веро-

ятно, в этот момент тело даже не успеет испытать боли, не узнает, что уже погибло, не определит, что кровеносные сосуды превращены в труху, и что от организма осталась только темная жижа и светлые воспоминания. А вот то, что сидело в Моргане – нет. Оно, это существо, эта Марс, она делает все, чтобы организм почувствовал присутствие сперва холодного, а затем нагретого электричеством титана в себе, будет делать все мучительно долго. Так, чтобы наслаждаться каждой долей секунды причинённого вреда, каждым миллиметром разрезанной плоти и каждой каплей пролитой крови. Этот свихнувшийся терминатор был хуже всего, что можно было представить, ведь он убивал из собственной прихоти. И Дима не знал точно, настраивали ли его таким, или же он сам развился до настолько кровожадного уровня. Но очевидно было одно: от идеи о том, что в воцарившейся на секунду темноте могут засверкать два красных колечка, в испуганном мужском теле стыло сердце и душа убегала в пятки. Дима еще никогда так не боялся темноты и того мгновения, когда она наступает.

Эту его боязнь прочувствовала и Ульяна. Она прислушивалась к его тяжелому дыханию и к тому, с какой неохотой Среда перебирает ноги в холодной соленой воде, что в иных местах была поднята до нескольких сантиметров от пола. И разделяла его страхи, хотя и в меньшей степени. Она еще не слишком представляла себе, какую настоящую опасность могла нести Марс, но вот точно чувствовала, что не успеет,

как тогда на Кубе, вернуться от удара, если он все-таки проследует в ее черепную коробку, а не мимо. Ей очень не хотелось умирать вот так – от титановой, не человеческой, так еще и знакомой руки. Ей не хотелось остаться на дне океана в безымянном квадрате, между ракетным залом и мостиком. И все же она перла вперед, не слишком быстро, но точно уверенно, как настоящий танк. И достав из кармана маленький фонарик-брелок, который успела украсть из рюкзака Алисы, посветила на лодочный люк в полу, за которым была лестница. На нем снова были знакомые рваные отметины.

Среда поднял этот люк. В образовавшееся отверстие сразу полилась накопленная в отсеке вода, и тогда, вместе с потоками, туда попала еще и пара химических желтых палочек, которые скупно подсветили все большое и очень темное пространство. Там не работало даже аварийное освещение. А со стороны носа, и со стороны кормы одновременно слышались звуки ног – моряки проверяли отсеки, откачивали воду и делали все, чтобы лодка не нахлебалась и не заполнилась под крышку. Ульяна резким жестом показала им удалиться, но, когда один из матросов не понял ее, шикнула на него, грозно скривив собственное лицо, что уродливый шрам на пол южного лица дрогнул.

— На подлодке было сто тридцать ребят... – протянула вдруг она, поглядев на Диму и утерев соленую влагу с лица.

— Будем надеяться, что те отсеки уже были пустыми. – ответил он ей.

Вирхова быстро оказалась на нижней палубе, снова лучом фонаря выхватывая все, что там было. Перед ней оказался очень узкий проход, между ракетными шахтами, в которых покоилась мощь, способная снести несколько городов миллионников, и между гнетущим давлением, способным уничтожить все на подлодке. Скрипел металл легкого корпуса, стонал прочный корпус, трещали переборки и капала вода. Кое-где попадались наспех собранные распорки, которые локализовали протечки, однако полностью воду они не убирали – лодку потрепало очень знатно. Но не смертельно, она всеми силами своего экипажа боролась за живучесть. Оставалось побороться только за выживаемость этого самого экипажа. Ульяна выхватывала лучом фонаря какие-то столы, трупы, трубы и патрубки, с которых лилось, здесь же были механизмы, вентиля, какие-то окошки и щитки с сорванными с них кожухами. На стенах полопавшиеся лампы, а под ногами красное хрустящее в воде стекло. Та доходила почти до коленок, и в таком положении перемещать ногами было уже очень трудно. За ней, с некоторым неаккуратным грохотом, в люк, закрыв его за собой, проскочил и Среда.

Ульяна, что-то заметив, жестом показала ему остановиться. Замерев на одной ноге, Среда увидел, как она слегка повернула голову, прислушиваясь. В сотне приглушенных и протяженных звуков добавился тот, который издавала явно не лодка.

— Баю-баюшки баю... – как с того света раздавалось про-

тяженное, с эхом пение, которое будто бы резонировало от ракетных шахт советского атомного крейсера. – Не ложись ты... на краю...

— Это я пел ей. – сглотнув, тишайше произнес Среда. За журчанием воды Ульяна смогла понять его только по некоторым из изданных звуков. – Может быть, отложилось в памяти?

— Она где-то здесь. – Вирхова повела лучом маломощного фонарика.

Заведя руку за спину, едва слышно щелкнула курком пистолета. Дима не мог понять, когда она успела им обзавестись, но факт этот был не слишком положительным. Каков был шанс того, что Ульяна успеет выстрелить, не раззадорив Марс окончательно? Каков был шанс, что она ее не спровоцирует, ведь тот чип, этот искусственный интеллект мог определить что угодно даже по звуку. Наверняка сейчас в голове Морганы уже проецировался чертеж пистолета, со всеми характеристиками, с весом пуль и с вариантами боя. Наверняка в них она уже трижды победила Ульяну, не напрягаясь и на несколько процентов своей силы. Всего один рывок из темноты, одно движение острых когтей, и начавшая сидеть черноволосая обожжённая в Афганистане голова упала бы в воду. Но атаки все не следовало – как Ульяна держала себя в железной хватке, так и Моргана не подавала сигналов о своем местоположении, продолжая заупокойно напевать в кромешной темноте детскую колыбельную:

— Баю-баюшки бай-бай...

— Вот она. – тихо сказала Вирхова, повернув луч фонаря в промежуток между ракетных шахт.

Моргана сидела прямо на железном полу отсека, половиной тела просто опустившись в холодную и соленую воду. Держа глаза закрытыми, она качалась и дрожала, хватала себя руками все сильнее и сильнее. Напрягала скулы так, что казалось, будто бы скоро должны захрустеть ее зубы. Но раз за разом расслабляла, когда начинала тихо, прерывающимся голосом петь:

— ...Ты поскорее...

Дима потянул к ней руку.

— За... Сы...

И осторожно взял ее за плечо.

— Пай...

В отсеке раздался грохот и всплеск. Дима только и успел, что отпрыгнуть на практически голый металл корпуса подлодки, телом оттолкнув Ульяну. Прямо на него, с секунду смотрели ярко-красные круглые кольца, и из тьмы показались собранные в зловещую и буйную улыбку зубы. У Вирховой перехватило дыхание, но она устояла на ногах. Мгновенно сглотнув, убрала луч фонаря немного в сторону. Но затем эти красные кольца погасли, и на испуганного и мокрого, лежащего на полу в морской воде мужчину посмотрел привычный, но уже понурый, тусклый взгляд Морганы.

— Я так тоже з-з-заикаться начну... – сглотнул он, шумно

выдохнув. Не спускал глаз с раскрытой когтистой пятерни. — Как Ганс.

— Моргана... — попыталась Ульяна.

— Прошу... — у девушки затрусил челюсть, а лицо в этот момент сделалось невероятно жалостливым. — ... Помогите мне, Дима...

Дима переглянулся с Вирховой. Он не знал наверняка, чем он может помочь от информационных болезней, боялся оказаться на смеху, предложив йод и зеленку. Чудовищно опасался того, что может сказать правду о своем бессилии, о том, что он ничего не может с ней сделать даже сейчас. Думал, рассуждал и гадал, чем приободрить расстроенную и лихорадочно качающуюся в морской соленой воде девушку с потухшим взглядом, но никак и ничего не находил. Боялся того, что могло быть внутри ее головы, и потому тщательно пытался подбирать слова, просто смотря на Моргану с жалостью.

Однако Ульяна сообразила сразу. Она заметила тогда слабую точку — Моргана сразу приободрилась, когда ее просили о работе, когда ей показывали механизмы и технику. И если Дима думал играть на эмоциях, на чувствах и близости, на человеческих параметрах, то вот Ульяна решила бить в профессионализм, решив, что именно работа и отвлечет ее от цифровой болезни. И едва Среда успел открыть рот, собрав мысли в кучу, как тут пронеслось:

— В турбинном зале размолото двигатель.

— Что? – запоздало повернула голову Моргана. И Дима заметил, как в ее электронных, но настолько уже живых и привычных глазах заиграл неожиданный интерес. На самую малость, но они увеличили яркость. – Из-за глубинных бомб? Гидроударом?

— Из нас троих только ты гениальный инженер. – вдруг усмехнулась ей Вирхова, наклонившись. – И сидишь тут в этой жиже, впотьмах, когда побитые моряки это чинят? Давай, вставай-ка!

Она потянула к ней руки, и Среда уже был готов к тому, что ее пальцы как горох посыпаются в воду после маха титановой когтистой рукой, но к большому удивлению, Моргана почти никак не отреагировала. Вирхова потянула ее вверх. Приблизился и Дима, помогая. Они вдвоем подняли ее на ноги, и ослабевшая, побитая и измученная Моргана встала, даже не шатнувшись. Расчет оказался верным – в ней еще теплилась профессиональная сноровка, рабочий интерес к вопросу, который было не выжечь накаленным цифровым кодом и сбоями. Дениц оказалась заинтересована, и на какую-то долю секунды совсем забыла о том, что произошло совсем недавно:

— Насколько все плохо?

— Я услышала только про отказ турбины. Сейчас ты и выяснишь.

— На подлодке этого типа, скорее всего... – начала рассуждать Моргана, сделав шаг. И тут ноги все-таки не выдер-

жали. Она подкосилась, но ее поймали под руки.

— Осторожнее, пожалуйста! – снова побледнел Среда, ожидая, что Марс может вырваться от любого толчка тела.

— Не трать энергию на разговоры. – тряхнула ее под руку Ульяна. – Пора заниматься делами.

— Господи... – зашептал ей Дима. – Наглость, это твое второе счастье.

Они вели ее быстро. И даже на последнем участке пути, когда проходили выше реакторного зала, отпустили девушку. Моргана смело ступила сама и зашагала, будто бы ничего и не бывало. Конвой из Среды и Вирховой ей оказался уже не нужен. Вокруг были моряки, офицеры и матросы, под ногами хлюпали остатки воды и жужжали откачивающие ее насосы и нагнетатели. Здесь так же, как и на всей лодке что-то протекало, капало, и горел красный аварийный свет, однако здесь он был уже не зловещим, скорее просто напоминающим о «небольшой» форс-мажорной ситуации на борту. И в этом свете фигура Морганы, с ее металлической рукой и нечеловеческими глазами уже не была пугающей. Подстыл страх и в Диме. Для него девушка вновь стала обаятельной, милой, и дорогой к израненному и изорванному любовью сердцу. Он снова перестал в ней видеть двуликость, не мог больше в эту секунду представить, что это тело, и это лицо могут измениться по щелчку пальцев. Конечно, он опасался, что Моргана может выйти из-под контроля, и он переживал за моряков, которые будут рядом с ней, но это риск,

на который необходимо идти. Все вместе делали одно дело – поднимали побитую и израненную подводную лодку с океанского ила, из самой черной глубины воды, хотя бы туда, где еще можно жить.

И где-то под ними, всего лишь через тонкую прослойку из металла, труб и какой-никакой изоляции, был реакторный зал, в котором возились старпом и Алиса, при поддержке еще нескольких моряков-реакторщиков. Стихия здесь бушевала не хуже, чем на поверхности моря. Реакторный зал затопило по колено через пробойну в корпусе, которую удалось успешно ликвидировать. И вся эта радиоактивная жижа бурлила и кипела, пенилась и шипела из-за прорывающихся наружу пузырей воздуха. Радиоактивный фон здесь был в несколько десятков раз выше нормального, но спасали просвинцованные тяжелые защитные костюмы, которые создавались специально для этого – лодка подготавливалась к борьбе и за такую живучесть.

— Пятьсот девяносто. – спокойно произнес Ладанданаскас, глядя на приборную панель, где по толике, по миллиметру, но стрелка температуры ползла вверх.

— Перекрываю участок. – взволнованно и громко ответил один из моряков. – Участок перекрыт!

— Вода пошла. – еще один моряк заскрежетал краником на трубе.

Бурление воды прекратилось.

— Пятьсот девяносто пять. – сглотнул старпом. – Все еще

растет!

— Черт. – ругнулась Алиса, тяжелыми ботинками ступая прямо по радиоактивной жиже. Она была ближе всех к реактору, находилась непосредственно над ним. – Где-то есть еще одна протечка.

— Проверь стыки сварки. – зашел к ней он, сходу схватившись рукой в перчатке за один из них. – Этот вероятно сухой. Твои?

— Мои под водой.

— Да что б... – ругнулся Ладанданаускас.

— Дзинтарс, нужно поставить нагнетатель на поток. Давление слишком маленькое, так протечку на подводном участке не уловить. – приказала Алиса. – Повысь на половину. И дай какой-нибудь обрывок.

— Ладин, еще половину сверху! – крикнул одному из моряков старпом.

— Шестьсот!

— Это может быть отказом еще одного участка? – спросил он ее, рукой в просвинцованной перчатке пытаясь что-то нащупать под водой. – Если это так, придется половину реактора разбирать.

— Навряд ли. – повернулась на него Купер. – Я видела, как разрываются сразу несколько патрубков. Обычно радиация при этом растет больше. Вероятно, где-то что-то пропускает.

— Давление на половину!

Ладанданаускас достал из кармана комбинезона кусок белого бинта, и протянул Алисе. Та не слишком ловко попыталась схватить отрывок пальцами в больших и неудобных тяжелых перчатках, и не смогла. Бинт оказался в воде, и вдруг отклонился, будто бы что-то его потянуло. Протечка оказалась найдена – была на самом стыке двух трубок, который держался на не слишком хорошей, потому что быстрой, сварке.

— Нашла.

— Аппарат! – скомандовал старпом.

И в его руках оказался держак подводного сварочного аппарата. Как только Алиса ткнула ему на место протечки, он прислонил к противогазу защитную маску и осторожно, медленно и аккуратно коснулся шершавого, и уже вареного здесь металла. Искра пробежала мгновенно, и пробоина в новом, собранном из кухонных труб, контуре быстро оказалась заваренной. Несколько раз кашлянув, Ладанданаускас отдал держак одному из своих моряков, и выдохнув, вышел из реакторного зала. За ним и Алиса.

— Шестьсот, стабильная! – радостно крикнул один из моряков. – Стойте, пятьсот девяносто пять! Падает!

Еще одна партия моряков, в таких же защитных костюмах, умыла их дезактивационной жидкостью и потерла щетками. Все стекла изолированного противогаса заполонила жирная мылистая пена, которая медленно стекала по тяжелой зеленой, болотного оттенка, ткани с противорадиацион-

ным подбоем. Ладанданаускас вдруг повернулся к Алисе:

— Давай я возьму твой дозиметр?

А она, явно на мгновение улыбнувшись под маской, ответила:

— Я могу и сама справиться.

— Нет, давай лучше я, не хочу, чтобы ты смутилась от цифр.

Алиса, стянув противогаз, и расстегнув костюм, вышагнула из него, и сама, уже без каких-либо слов, поставила металлическую колбу в прибор. Молча посмотрела на показания, а затем повернулась на слегка растерянного старпома.

— Ничего удивительного. – кивнула она. Уже развернулась, чтобы выйти в еще один импровизированный шлюз, как вдруг повернула голову на Ладанданаускаса, который так же погрузил колбу в заверещавший прибор. – ...Когда ты получил «Звезду Героя»?

— В восемьдесят девятом. Авария была секретной до самого «парада суверенитетов». А потом... У-у-у-у-у! – протянул он, глянув на показания дозиметра. – Жить мне осталось явно недолго. ...А потом меня, когда Латвия фактически вышла, списали на берег. Я вернулся на борт подлодки уже только гражданином России в девяносто втором. На Северном Флоте.

— «Прометей» оказался крепким. – заключила Купер. – Он сможет еще побыть в строю? Ульяна не примет отрицательный ответ.

— Да, сможет. — вытирая потные руки, произнес старпом.

Оба они синхронно покинули «чистую зону». Алиса, хоть и была выше старпома на пол головы, без особого труда, как настоящий моряк, просочилась через круглый и особо прочный лодочный люк. На своем веку, владелица кампании «Циркон» буквально исползала каждый узел подлодок этого типа. Такой легкости старпом мог только усмехнуться. Он сам был несколько выше нормативов отбора, а потому для него было уже традицией задеть за толстенный металлический обруч люка головой. Но, как даже самое нелюбимое упражнение входит в привычку, так и это действие он уже делал специально – верил, что это его фишка и талисман. Если заденет, то все пройдет как по маслу.

И проверить примету случай подвернулся очень удачный. На выходе их ждал еще один моряк с дозиметром. Его голову прочно обнял резиновый противогаз, а плечи и тело скрывал мешковатый ОЗК. Капитан поставил его специально, чтобы не пропустить даже малейшей вероятности радиоактивного заражения. И, исполняя свой долг, моряк громко пробубнил:

— Руки в стороны, ноги на ширине плеч!

Алиса подняла руки второй. Буквально на несколько мгновений Ладанданаускас ее опередил. Матрос с дозиметром подошел к старпому и старательно обвел его толстой металлический палкой на шнуре, глядя на показания прибора. Там не могло быть ничего удивительного, ведь специально для тех, кто выходил из реакторного зала, на шкале

маркером, наплевав на все заводские единицы, нарисовали черту, где-то в районе желтого деления, сдвинув норматив на несколько пунктов. Около головы старшего помощника стрелка слегка шагнула на отметку, но не пересекла ее. Матрос глянул на своего командира исподлобья. Но пропустил. Следующей была Алиса.

Моряк повел рядом с ней своей металлический палочкой, и вдруг двинул головой. Пальцем постучал по шкале. Его глаза стали такими же круглыми, как стекла противогаза.

— Я провожу вас к судовому врачу. — сглотнув, сказал он.

Алиса скупно усмехнулась и сказала:

— Хорошо...

Часть 14

Старший помощник оказался на капитанском мостике через несколько минут. Там уже оказались все остальные, не задействованные на ремонтных работах подводной лодки люди. Мокрый от соленой воды, и вечно утирающийся Лиски о чем-то коротко рассуждал с Самиром, они на пальцах прикидывали то, как эта подводная лодка после таких испытаний вообще смогла выжить. Рядом в углу тихо стоял, скрепив руки на груди Груз. Он не был задействован ни в чем, поскольку на подводной лодке вообще оказался впервые в жизни, и был слишком большой для нее. Широкоплечий и высокий чекист мог только помешать в работе, но вот мог

оказаться полезным мозговым центром, а потому сам Щукин запретил его трогать на работе. Одновременно со Средой, после прихода старшего помощника Ладанданаускаса, на мостике появились еще Вагнер, Ганс и Ульяна. Последняя быстро оглянула наполнившееся людьми помещение и громко сказала:

— Машинное будет починено.

— Хорошо. – Щукин оторвал уставший взгляд от карт. – Ульяна Евгеньевна, возьмите несколько своих, нужна помощь судовому врачу. У нас много раненных. Их нужно перевязывать.

— Да, сделаем. – кивнула она вдруг, будто бы послушно. Понимала, что в сложившейся обстановке теперь он – Щукин – полноправный командир подводной лодки. – Рок, Паки, вы со мной. Поможем славным морским врачам. – взяла Лиски под руку и потащила на выход, но вдруг повернулась к Вагнеру и Гансу. – Моргане нужна будет ваша помощь. В корме не хватает моряков, и нужно сделать так, чтобы среди них не было новых жертв.

— Мы п-п-поможем. – заикался немец. – Ч-ч-что-нибудь еще н-нужно?

— Ваша сила и ваше присутствие.

Вирхова, вместе с двумя американцами, мгновенно покинула пост. А вслед за ней удалилось и двое немцев. Их ждала одна из самых трудных задач – в кормовом турбинном зале было очень жарко и душно, там постоянно заливала вода,

так еще и тяжелый труд мог оборваться из-за вышедшей из-под контроля программы. Вагнеру и Гансу было необходимо поддержать свою подругу, не дать ее в обиду перед искусственным интеллектом и не оборвать ремонтные работы.

На мостике вдруг стало даже как-то пустовато. Около стола с картами стояли лишь четверо: старший помощник, судовой механик, главный по балластным системам, и капитан Щукин. Вместе они решали, что делать дальше.

— Реактор стабилен, товарищ капитан. – отчитался Ладанданаускас. – Но везде в два или два с половиной раза повышен фон. Однако, мы еще сможем повоевать, если сумеют починить турбину. Без нее мы можем только тащиться, а электродвигатели нас далеко не уведут.

— Кстати, о электродвигателях. – заявил механик Лавочкин. Его красивые усы, которые славились на всем флоте, как «гусарские» теперь были похожи на обвисшие художественные кисти. – Одна из аккумуляторных батарей чуть не рванула на борту. Ее пробило, но мы сумели вовремя залатать ее и откачать часть воды из отсека. Из плохих новостей: мастике слишком много лет, навряд ли она продержится при таких испытаниях очень долго. Моряков не хватает, они измотаны, но продолжают борьбу за живучесть.

— Я поражаюсь насколько живучая эта лодка! – развёл руками старший помощник. – Я прошел по отсекам, они все как решето, но мы еще живы.

— От удара смяло легкий корпус. Есть некоторые пробле-

мы со сбросом забортной воды из балансировочных и балластных систем, поскольку повреждены некоторые нагнетатели сжатого воздуха. Они работают, но через раз. В принципе, даже в таком состоянии мы можем всплыть, но это будет опасно. Большая проблема с уравнильной цистерной.

— Это из-за горба на носу и удлиненного первого отсека. — с выдохом, сообразил Щукин, на чертеже подводной лодки обводя элемент конструкции. — На «Воркуте» такого не было, а значит и балансировка лодки другая. Если он напился водой, то не поможет даже отсутствие торпедных аппаратов и торпед.

— У нас затопило торпедный. — помотал головой механик. — Весь, под крышку. И затопило горб. Из-за этого нас свешивает в расщелину, в которую нам точно никак нельзя попадать.

— Если это так, то после продувки балласта... — на чертеже начал показывать дифферентовщик лодки. — Если мы сбросим всю воду из цистерн и с борта лодки, нам не поможет даже уравнильная цистерна. У нас будет отрицательный дифферент на нос, градусов так на двадцать, из-за чего сила Архимеда будет работать под углом. Если мы дадим ход, то...

— ... Сорвемся в пропасть, товарищ командир. — закончил за него старший помощник.

— Что если не сбрасывать воду? — спросил он вдруг. — Первый залит. А если мы откроем его, зальет все до ко-

мандного, слишком большой риск. Если мы не сбросим воду из кормовых, мы сможем удержать «Прометей» с меньшим дифферентом?

— Чтобы компенсировать «горб» на носу, – рассуждал главный по балластным системам. Он быстро бегал глазами по чертежу, пытаясь представить. – Нам придется полностью залить девятый и десятый отсеки, а это невозможно. Нас сейчас от скатывания держит только набранная в цистерны вода, и все то, что есть на борту. Если мы сбросим балласт, мы уйдем в пропасть, и нас просто порвет давлением. В расщелине будет больше ста атмосфер, тут бы даже «Комсомолец» не выдержал.

— А мы не на «Комсомольце» ... – Шукин растер руками мокрое лицо. – У нас нет моряков, чтобы оторвать их от пробоин и запустить в носовые отсеки. И нет времени, чтобы ждать, пока они заделают пробоины, и не перемрут от потери крови и радиации. И где мне найти...

— Я пойду. – заявил вдруг Груз, шагнув к столу. – Я пойду в первый отсек.

На него повернулись все офицеры. И все они вдруг заглянули в суровые и уверенные старые глаза. Чекист решил принять удар на себя.

— Мы не гарантируем выживаемость. Мы откроем дверь только один раз. – слегка мотнул головой механик. – Если воздух в баллоне закончится раньше, чем вы осушите отсек и включите регенератор воздуха...

— Я знаю. — скупой ответил тот. — Но по-другому нельзя. Иначе, смерть для всех. Я справлюсь один?

— Нет. — Главмех посмотрел на сидящего за пультом Среду. — Минимум двое.

— Что ж. — Дима понял его намек. — Я уже нырял в воду в Берлине, в Москве... Теперь пора бы и здесь. Я пойду... Да, я пойду.

— Точно хочешь? — спросил его капитан.

— Я вообще не хотел оказываться там, где за тонкой прослойкой старого металла больше одной атмосферы, но придется. — пожал плечами он. — У меня дочь на суше, и я не имею права помереть, не увидев, что этот мир стал безопасным.

— Старпом, готовьте аппараты. — приказал командир подлодки. — Главмех, вы откроете этим парням путь и объясните, что и к чему.

— Есть. — синхронно ответили офицеры.

...Прошло несколько больше часа. Команда из не моряков, которые менялись чаще, чем перчатки, потому что были задействованы сразу на нескольких направлениях работы, делала из второго отсека что-то вроде шлюза. Готовилась установка для подачи и мгновенной откачки воды, чтобы дать возможность двоим храбрецам пробраться в первый, затопленный под крышку отсек, и осушить его. А Груз со Средой в этот момент уже успели облачиться в тяжелые, немного мешковатые водолазные костюмы, созданные специально

для подводной работы на большой глубине. Недалеко от них, на капитанском столике, стояли два массивных шлема с толстыми стеклами, которые были рассчитаны на глубину около двухсот метров. А подлодка была почти на шестистах...

И Среда заметно боялся. Но эту боязливость ситуации он прятал за пассивным поведением. Он просто сидел, иной раз вздыхал и безучастно разглядывал свои руки, что казались крохотными по сравнению с рукавами водолазного костюма. На его коленях лежали огромные перчатки, которые были ему, как будто бы, даже не по размеру. С его волос, с носа на опущенном лице уже капала вода – не было сейчас сухого человека на борту. Но морская влага смешивалась с холодным потом. Едва слышно что-то застрекотало по металлу подлодки. Дима трусил ногой в огромном и прочном водолазном ботинке. А Груз стоял напротив, скрестив руки на груди, и был даже спокойнее обычного. Подняв глаза, Среда посмотрел на него, но так и не смог понять, что вообще способно вызвать в нем хоть какие-нибудь эмоции. На это спокойствие, он неровно улыбнулся и снова опустил глаза.

— Думаешь о правильности? – спросил тогда чекист.

— Думаю о том, сколько денег толстосумы срубят на атлантической сельди... – отшутился он, и снова начал разглядывать свои руки. – В сегодняшних реалиях уже некому будет ее ловить, а значит цены на нее станут чуть выше потолка.

— Все шутки шутишь.

— А мне-таки приходится. — снова неровно улыбнулся он. — А что еще делать? Знаешь, я как-то рассказал Авроре о том, что маленьким успел искупаться в бассейне «Москва», где сейчас стоит Храм Христа Спасителя. И знаешь, что он спросила тогда? На сколько я могу задержать дыхание. Да, ее-таки интересовало то, насколько долго я могу находиться там, где нет кислорода! А я и ответил, что не знаю... — Дима выдохнул и поглядел на Груза, разминая пальцы на несколько затрусивших руках. — ...Минуты полторы-две, это мой максимум. И тогда она спросила меня, что же будет, когда эти две теоретических минуты пройдут...

Он неровно засмеялся. Захотел отвесить какую-нибудь скобрезную шутку в своем стиле, но вдруг скопился на небольшой баллон, который скоро предстояло взвалить на спину и понести туда, где несколько десятков тонн воды и нет абсолютно ни одного грамма пригодного для вдоха воздуха. Снова опустив голову, Среда продолжил:

— ...Я сказал, что не знаю. Всегда, по истечении того срока, который мои легкие могли выдержать, я делал вдох. И я-таки не знаю, что будет, когда закончится этот баллон. Я ведь не сдаю назад, я согласен пойти туда, но... Мне страшно.

— Мне тоже страшно. — вдохнул вдруг Груз. И присел рядом с ним. От такого ответа Дима несколько удивился и даже чуть шире открыл глаза, посмотрев на чекиста с недопониманием.

— Даже это ты говоришь как-то скупо. — ухмыльнулся он. —

Ты даже боишься не как обычный человек.

— Зато искренне. — качнул головой старик. Ему водолазный костюм пришлось в пору, и на нем выглядел менее мешковато, однако огромный стальной обруч у шеи, на который должен крепиться шлем все-равно выглядел несуразно. — В этом и есть весь человек. В преодолении страха и есть смелость. Даже Ульяна боится.

— А я думал, что ты не умеешь шутить! — снова улыбнулся Дима, поглядев на чекиста. — Там ведь несколько десятков кубометров воды.

— Нас двое. — Груз положил ему руку на плечо и встал. — Значит дели пополам.

Он взял свой комплект воздуха и быстро накинул на плечи. Застегнул несколько застежек на поясе и обвязался ремнем, на котором были необходимые инструменты, радиостанция, и несколько фонариков и химических источников света. Работать придется в кромешной темноте и увеличенное количество всего не может навредить. А таком виде старик стал похож на покорителя космоса, на космонавта, что ныряет в чертоги дальних рубежей галактики и мастерски перебарывает все трудности. Но вот выходить в таком виде приходилось совсем в другой космос. В пространство, что изучено куда меньше космоса, туда, где условия намного более страшные. В таком виде он должен был работать на глубине, где царствует давление и нет абсолютно никакого света.

— Знаешь, в детстве я хотел был астронавтом. — неожиданно улыбнувшись, он надел на голову угловатый шлем. — И вот мечта понемногу сбывается!

Усмехнувшись этому, поднялся и Среда. Так же забросил на плечи баллон с воздухом и взял в руки толстостенный водолазный шлем, больше похожий на вертолетную кабину. Проверил на нем фонарик и поглядел на стоявшего неподалеку главного механика, а затем на старшего помощника. Тот закашлял. Офицеры решились проводить их во второй отсек, а вместе с ними и капитан Щукин.

— Ни пуха, ребята.

— К черту. — как-то устало ответил Среда, надев на голову шлем.

Старпом и механик помогли им подключить все патрубки и шланги, воздух пошел в костюм, и оказался даже приятно холодным, каким-то опьяняющим. Груз глянул на часы на руке, и в два движения засек отведенные пол часа. Он знал, конечно, что воздуха в цистерне за спиной несколько больше, но для удобства стал использовать именно эту цифру. Небольшой оставшийся процент уйдет в то время, как будут заполнять второй отсек, и тогда на основную работу как раз и останется половина часа. Среда бросил взгляд на старшего помощника, который подкрутил какой-то вентиль, и воздух стал менее дурманящим, более нормальным.

— Следи за концентрацией кислорода. — указал на наручный индикатор тот. — Если он превысит эту отметку, завин-

чивай этот клапан. – Ладанданаускас, снова закашлявшись, пару раз дернул Диму около замой задницы. – Иначе будешь дышать одной кислотой.

— Понял, в этом костюмчике лучше не курить.

— Остришь? Молоток! – Щукин хлопнул его по плечу в костюме. – Всем покинуть отсек!

— Покинуть отсек! – продублировал команду старший помощник. И закрыл за собой круглый лодочный люк. Через мгновение его голос послышался в наушниках. – Проверка связи.

— Среда, да.

— Груз. Да. – показав большой палец Диме, ответил Груз. – Пускайте воду.

— Пускаю воду. – буднично произнес главмех Лавочкин. – Вода пошла.

Среда с волнением посмотрел, как у ног быстро начала пениться и журчать поступающая вода. Она набиралась слишком быстро, и уже через минуту была к самому поясу, неприятно давая понять, что на глубине температура не слишком-то и балует своих обитателей. Мерзло все – от пяток до самых чресл. И этот морской холод, неприятная прохлада глубинного океана была даже сильнее, ведь смешивалась с чувством опасности. В этом состоянии холодели руки, напивались усталостью плечи и очень хотелось сдернуть с себя костюм и постучаться в закрытый лодочный люк, который скорее всего даже бы открыли. Но задача не допускала по-

добного. Нельзя было вот так бросить все на самотек, тем более что риски скатывания подводной лодки на еще большую глубину заставляли думать, какой из исходов был более печальным. Над головой все время подавал сигналы израненный металл, трещали патрубки и перегородки. Легкий корпус уже давно изошел волной и, по сути, удар стихии держал только прочный. Лодка умирала, но пока был шанс ее спасти, следовало предпринять все действия, чтобы им воспользоваться. И Груз был уверен в том, что Среда не сорвется и не сбежит, а Дима был уверен в старике. Они вдвоем уже были в сцепке, рассчитывали друг на друга. И когда вода дошла до шеи и начала бурлить уже у самого лобового и толстого, зеленоватого стекла, подняв весь мусор, который был, Груз взялся за одну из труб под потолком, и сказал:

— Поехали!

Второй отсек заполнился полностью. В радиостанции слышался облегченный вдох капитана Щукина. Теперь можно было входить в носовые отсеки, ведь давление было уравновешено. Груз включил на голове сразу оба фонарика. Среда решил повременить со всеми прожекторами и щелкнул только одним, выхватив в зеленоватой, наполненной мусором и обломками воде лодочный круглый люк, за который им предстояло входить.

— Пара, докладывайте на центральный все, что видите. — на связи был Ладанданаскас, он должен был вести парней на ощупь, по описанию местности ориентироваться, что им

нужно будет делать.

— Центральный, вижу люк. – ответил ему Груз. – Давление установлено, вода полностью заполнила второй отсек.

— Входите. – коротко ответили на том конце. – Рукоять над люком. Поверните ее на девяносто градусов.

Среда взял продолговатый, покрашенный в красный рычаг, на котором были бликующие надписи на алюминиевых табличках, и потянул его в другую сторону. По всему атлантическому океану в этот момент, казалось, раздался протяжённый металлический скрип. С некоторой долей пузырей из-под резинового уплотнителя, люк, похожий на очень странную шестеренку, отошел в сторону, и за ним показалось пространство первого отсека.

В этот момент на столик капитана подводной лодки ложились разнообразные чертежи. Главмех Лавочкин, старпом Ладанданаскас и дифферентовщик Цуйко пытались составить план того, как правильно откачать воду из затопленных помещений, и с помощью чего это можно сделать.

— Пара? – вызывал старпом.

— Вошел в первый отсек. – произнес в рации Груз. – Среда за мной. – через несколько секунд снова раздался протяжный скрип и едва различимый хлопок. – Люк закрыт, можете начинать откачку.

Капитан засек пол часа на своих наручных часах. На одном из аппаратных столов была нажата кнопка и отдана команда на осушение второго отсека. Еще через несколько се-

кунд зажуужжали насосы, и вся поданная в отсек вода ушла обратно в балластную систему. Теперь выйти было нельзя.

— Груз, докладывай, что ты видишь? – просил, закашлявшись, Ладанданаскас. На карты закапала кровь. – Груз?

— Много трупов. – раздался вдруг голос Среды. – Отсек большой, они здесь повсюду. Плавают прямо у самых глаз! – капитан Щукин невольно повел челюстью, переглянувшись с офицерами. В этом «бою» он потерял уже слишком много людей. – Некоторые обгорели, похоже в отсеке был пожар. Освещения нет, некоторые из кабелей оборваны.

— Надо мной люк. – старик подал голос. – ГЛ-6. Куда он ведет?

— Карту. – попросил старпом. И перед ним мгновенно лег чертеж. – ГЛ-6 ведет в ангарное помещение. Его вам и нужно осушить.

— Понял. Центральный, я открываю его.

— Стоп! – резко сказал Щукин. И взял рацию в свои руки. – Какое давление на манометре?

— Манометр разбит. – ответил Груз.

— Смотри, это дублирующий. – показал ему в отсеке Среда. – Мать честная... Он держит шестьдесят атмосфер! Центральный, за люком шестьдесят атмосфер!

— Твою мать... – протянул Цуйко. Главмех Лавочкин в этот момент нервно помял свои мокрые усы. – На люк давит полный столб воды. Значит ангар серьезно пробит. Надо смотреть на сходимость ангарных створок. Скорее всего од-

ну из них либо выбило, либо повредило при ударе.

— Как это можно посмотреть? – спросил его старпом, и снова закашлял. – Я первый раз с таким механизмом сталкиваюсь!

— М-м-м... – помычал над картой Главмех. – Вот этот пульт в самом носу должен показывать. Он отвечает за разведение створок, и вероятно на нем есть индикация закрытия или не закрытия. – он принял рацию от капитана. – Пара, ни в коем случае не открывайте этот люк, иначе вас раздавит давлением. Вам нужен пульт УА-1, он находится практически у самого гидроакустического комплекса, в дальней части отсека.

— Секунду, Центральный. Я иду. – выдохнул Среда. – Вот и поплавали на свою голову... Вижу пульт, он серьезно поврежден. На нем должны гореть какие-нибудь кнопки?

— А хер его знает... – поник головой Ладанданаскас, но в радиации этого было не слышно.

— Э-м-м... – выдохнул Лавочкин, проводя пальцем по чертежу. – Нажми кнопку «Связь-Щит».

— Ничего.

— Кнопку «Питание».

— Ничего.

— Кнопку... – пожал плечами главмех. – Минутку, Пара. – выключил радиостанцию, чтобы переговоров не было слышно. – Нужно понять, как включить этот щит, чтобы посмотреть на сходимость створок.

Цуйко перевернул стопку чертежей и нашел полную схему электрификации подводной лодки. Щит не был запитан на отдельный дизельный двигатель, значит эта карта точно должна была помочь. Что-то помечая карандашом, дифференцовщик и глав мех повели линии от аккумуляторных батарей и нашли ту, которая вела к этому УА-1. Скорее всего, она была перебита.

— Смотри-ка. – показал пальцем Ладанданаускас. – А тут контур на что запитан?

— Не знаю, он как будто бы просто обрывается. – голова Лавочкина неодобрительно помоталась. – Погоди, погоди... Да!

— ... куда бы ни приплыл моряк... – напевал себе Среда, щелкая какие-то тумблеры на панели УА-1. – ...за золото и серебро... Центральный? Удалось понять?

— Рядом с консолью должен быть рычаг. – взволнованно протараторил главмех.

— Нет тут ни хрена! – сорвался Дима.

— Жаль главный электрик Егоров не выжил, он бы сказал точнее, где он. – выдохнул Щукин.

— Смотри ниже, выше, где-нибудь должен быть! – проговорил в рацию в руках Лавочкина Цуйко. – Посмотри рядом. Должен быть рычаг, с надписью «Динамо». Это динамо-машина, она может питать консоль не зависимо от подачи электроэнергии от аккумуляторов.

— Не вижу... – протянул Дима.

— А это для кого висит? – сурово заключил в радиостанции Груз.

— Я думал это вешалка! – отшутился тот.

По лицам офицеров-подводников пробежала вымученная улыбка. На секунду все расслабились от шутки. Но время все тикало, а никаких действий для осушения так и не было принято.

— Сдвинь ползунок вверх и вниз около десяти раз. – объяснял главмех. – Это подаст достаточный заряд, чтобы посмотреть на работоспособность консоли. Нам очень повезет, если она заработает...

— Заряд подан. – скупно произнес Груз. – Загорелась кнопка «Питание». Включился экранчик.

— Господи, в Советском Союзе производил что-то кроме зеленых и пузатых телевизионных экранов?! – неровно выдохнул Среда. – Вижу инфографику. Судя по ней, правая створка немного приоткрыта.

— Так, уже хорошо. – начал перебирать карты лодки старпом. И положил еще одну перед главмехом. – Рычаг «Створка-П».

— Рычаг «Створка-П». По правую руку. – повторил Лавочкин. – От себя – открыть, на себя – закрыть. Сперва попробуй закрыть.

Над головами заскрежетал металл. Офицеры как один посмотрели на мокрый потолок подводной лодки и затаили дыхание. Ангарная створка начала двигаться, но вдруг остано-

вилась, раздался оглушительный треск и хруст. Весь корпус подводной лодки начал ныть.

— Застряла! – крикнул Среда. – Сука! Она застряла.

— Попробуй открыть. – специально спокойно попросил Лавочкин.

— Не слушается. Табло загорается красным. Написано: «Отказ системы»!

— Цуйко, мы удержим лодку, если не будем осушать носовой ангар? – спросил дифферентовщика Щукин. – Систему, судя по чертежу, можно починить только выйдя наружу. У нас нет средств для этого.

— Дайте подумать. – зажмурился тот. – Нам придется набрать много лишней воды в кормовые балластные цистерны, и дифферент не уйдет, останется, по прикидкам, в районе трех-четырех, может шести градусов на нос. И скорее всего это будет способствовать противодействию нашему ходу. С открытой створкой...

— На сколько градусов открыта правая створка? – спросил в рацию главмех, отведя взгляд в карты и начав что-то высчитывать карандашом на мокром листочке.

— Судя по шкале, градуса на два, два с половиной. Она не четкая. – ответил Груз, шумно выдохнув. – Центральный, решение?

— Два градуса – уже серьезно. Шум точно обеспечен. – помотал головой Лавочкин, примяв пальцами растрепанные усы. – Еще мы не знаем, насколько может быть вогнута левая

створка. Если давление в ангаре такое же, как и за бортом, стало быть щель между ними критическая.

— Центральный, решение?

— Мы рискуем, Богдан Иванович. – выдохнул Цуйко, обратившись к капитану.

— Я предлагаю осушить все, что нам сейчас доступно. – предложил Ладанданаускас. – Так мы хотя бы получим доступ в эти отсеки и сумеем выровнять лодку. Шум скроет океан. Возьмем полный ход.

— Лодка развалится. – пригрозил ему Лавочкин. – Мы почти на шести сотнях метров, побитая переборка может не выдержать на движении.

Щукин взял рацию в свои руки. Главмех лишь отошел немного в сторону, распрямившись. Он понимал, что капитан для себя уже все решил:

— Пара, ГЛ-6 не трогать. Осушайте только первый отсек. Рискнем. Жаль, что у нас нет шампанского на борту, товарищ Цуйко... Подготовьте все необходимое для быстрого уравнивания подлодки на случай всплытия. От вас точно так же зависит наша судьба.

— Так точно. – кивнул тот, и исчез с центрального поста. Словно и не было его.

С тем, как осушить отсек пара разобралась несколько даже быстрее. Эти тонкости старпом и главный механик подводной лодки знали, как свои пять пальцев, и с легкостью провели по всем закоулкам лодочной системы двоих «сухо-

путных». Уже через семь минут после того, как Среда окончательно перестал возиться с консолью управления ангаром, в носовом отсеке заработали насосы и откачивающие помпы. Медленно, но вода начала убывать. Первым из мутной зеленоватой, наполненной мусором и трупами воды показался люк ГЛ-6. Тот самый, за которым было 600 метров открытого водного пространство и давление, которое может сжать человеческий скелет до состояния хлебной лепешки всего за долю секунды. На нем в лучах мощных фонарей сверкали собирающиеся в единый поток капельки. И вдруг в воду, которая еще доходила до самого лба ударило фонтаном.

— Прорвало трубу! – закричал Среда, пытаюсь сообразить откуда льет. Вода снова начала пребывать. – Центральный, у нас протечка!

— Какая-то магистраль не выдержала! – неожиданно резко добавил Груз. И начал приказывать Диме, что им делать. – Накладывай это! Давай, давай!

Главмех поник, а Ладанданаускас на мгновение оскалил зубы. Но все еще уверенно продолжал командовать парой:

— Какую трубу порвало?

— Да я ебу что ли?! – в панике крикнул Среда. – На ней оранжевые полосы!

— Оранжевые полосы? – повторил Лавочкин, не понимая. – Это не эта ли часом...

— Ты видишь вентиль номер сто двадцать четыре? – рыскающая взглядом по картам магистральных труб на подлодке

спросил Ладанданаускас. – На нем должна быть бирка.

— У них воздуха менее, чем на шесть минут. – поглядел на часы Щукин. – Пусть гасят трубу.

— Есть сто двадцать третий!

— В другую сторону! – ответил старший помощник в радию. – На нем бирка. Если ты повернешь его, ты уведешь воду в трубу, которая находится в ангарном помещении.

— Есть, нашел!

— Сто восемьдесят, по часовой. – по слогам произнес офицер. – Среда?

— Есть, есть. – тяжело и натужно выдохнул Груз. – Труба перекрыта.

— Продолжайте откачку, Пара...

Утерев занывший висок, Ладанданаускас обессилев плюхнулся на кресло, что поставили около капитанского столика. В этот момент у него сильно заболела голова. И когда отвел руки от нее, вдруг увидел на манжете рукава темное мокрое пятно. Не своим взглядом поглядел на подавленного вида Лавочкина, а затем на Щукина, на котором уже не было лица. Коснулся губы. Радиация добралась до него. Из носа потихоньку начинала капать кровь, а в ушах зазвенело.

На это обратил внимание капитан. Он подошел и предложил старшему помощнику обратиться ко врачу, однако тот лишь отшутился, сказав, что он еще молодой! Ему всего-то пятьдесят три должно стукнуть в сентябре. Цокнув на такой ответ, но не по злому, как-то усмехнувшись воле к жизни и

работе своего старшего помощника, Богдан Иванович поставил перед ним советскую стальную эмалированную кружку и из личной фляжки налил до краев. Перед Ладанданаускасом оказалось триста пятьдесят миллилитров красного крымского вина. А рядом с этим пара таблеток йода, который должен был облегчить радиоактивный след в организме.

— Раз некогда по врачам ходить, пользуйся опытом знахарей. — кивнул головой на поданное «кушанье» Щукин. — Сколько хапнула Купер?

— А, — махнул рукой латыш. — Ей врач уже не нужен. Сколько им осталось?

— Не больше трех минут.

— Мы не успеем им открыть. Воды еще слишком много. — объяснил главмех. — Вероятно есть еще протечки, о которых мы не знаем. Нам не стоит открывать, пока мы не убедимся, что первый отсек герметичен и не зальет нас всех.

— Пара, сколько воды до безопасной работы регенератора воздуха? — помяв лицо, в рацию спросил Щукин. — У вас меньше трех минут, вы должны успеть его запустить.

— Около тридцати сантиметров. — спокойно произнес Груз. — Нам приходится вычищать мусор, чтобы он не попал в насосы. Вода откачивается слишком медленно.

— Мы можем пустить к ним ветку вентиляции? — спросил старший помощник, разом опрокидывая стакан с вином. — Можно же обойтись и без запуска патрона. Они же вот, за стенкой.

— Похоже вентиляция наглухо задраена изнутри. Видимо моряки побоялись, что давление вырвется через нее и потопит все отсеки. Погнуло при ударе. Там сейчас капкан, можно считать, что для них других отсеков не существует. – развел руками Лавочкин, откинувшись на спинку кресла.

— Воды – хоть сам пей! – Среда был недовольным. У него травил клапан на costume и постоянно уходило больше кислорода. – Уходит слишком медленно!

— Дождитесь ее подхода до отметки. – настаивал Щукин. – Регенеративный патрон загорается при контакте с водой. Вы же не хотите там сгореть?

— Черт, да тут не задохнуться бы. – Среда начал глотать все больше воздуха.

Кислорода в баллоне оставалось на пару минут, и больше тянуть было нельзя. Уже нет такой концентрации, при которой можно было бы активно двигаться, переговариваться и жить. Постепенно мозг сам отключал какие-то из процессов в организме, посылал его в сон, пытался сломить и уложить на что-нибудь относительно твердое, чтобы сэкономить энергию и драгоценный кислород. Вдохнуть полной грудью уже не получалось – приходилось экономить воздух. Груз и Среда начали дышать медленнее, пытались абстрагироваться от ситуации, чтобы мозговые процессы не съедали лишнего. Дима даже закрыл глаза, но минуты тянулись слишком долго. Вода все не убывала, как казалось, ни на миллиметр. А насосы все жужжали и жужжали, противным своим голо-

сом пытались показать, что они уже надрываются, что они не могут прокачать наполненную мусором и кровью зажаренных заживо моряков жижу. Секунды на ручных часах стали все громче. Минуты и вовсе не проходили. Каждое мгновение растянулось в сотню раз.

Среда волновался. Очень волновался. Происходило именно то, чего он и боялся – скоро его воздуха не останется совсем. Грузу было лишь немного полегче, ведь клапан на его баллоне не подтравливал, но все равно большее тело съедало большее количество воздуха, и со Средой у него в этом вопросе был почти полный паритет.

Они встали около похожей на столб регенеративной установки. В верхнюю крышку должен был загружаться капсуль и сам регенеративный патрон. Его, естественно в металлической колбе, держал в руках Среда. Меры предосторожности нужно было соблюдать – вокруг было слишком много воды, в которую можно было нечаянно или от недостатка воздуха уронить эту небольшую спрессованную массу. И тогда уже не нужен будет абсолютно никакой воздух.

Пошли последние секунды. О вдохах можно было забыть. Когда прошла последняя и часы на руке Груза завибрировали, он уже задержал дыхание. Это же сделал и Среда.

— Пара? – привстал на стуле главмех. – Пара!?

— Времени нет. – заявил старпом. – Нужно решать!

— Воды должно быть еще слишком много, мы можем потерять отсек. – сурово произнес Щукин. – Нужно терпеть.

Терпеть!

— Нужно ведь еще время, чтобы воздух напитался кислородом! – повел плечами тогда Ладанданаскас. – Отдайте им команду, капитан.

Щукин мялся. Перед ним был выбор: потерять двоих людей с вероятностью осушения отсека, или потерять отсек целиком.

Тем временем те полторы минуты, про которые говорил Среда почти подошли к концу. Как тут вдруг Груз указал ему на появившуюся из воды отмету на трубе регенеративной установки. Широко раскрыв глаза, Дима мгновенно скрутил крышку на ней и загрузил туда все необходимое и металлического тубуса. Закрыв установку уже Груз.

— Как ее запустить?! – смятым от нехватки воздуха голосом спросил Среда.

— Рычаг, рычаг сбоку! – громко сказал Лавочкин, утерев каплю пота на носу. – Рычаг, Дима!

— Им нужно еще минимум сорок секунд, чтобы можно было вдохнуть. – приблизился Щукин. – Всего сорок секунд!

— Сорок секунд! – повторил главмех в рацию.

Среда уже испытывал спазмы диафрагмы. Легкие все еще не могли признать того факта, что в округе не было ни грамма воздуха, пригодного для вдоха. Вдруг его рот открылся, пытаясь зачерпнуть хоть что-то, что осталось в костюме, но в нем не осталось ничего. Ни миллиграмма кислорода.

— Держись. – губами на раскрасневшемся от давления

лице сказал Груз. Он тоже задышался, и тоже начал хватать ртом воздух. – Немного!

Активно пытаясь вдохнуть, Дима забил руками по стеклам водолазного шлема. Больше всего на свете сейчас он хотел сбросить его с себя, потому что теперь он был сродни тюрьме, газовой камере. Мозг думал, что в большом пространстве, немного осушенного отсека, все равно больше пригодного для вдоха воздуха. И ходящие ходуном пальцы наконец нащупали рычаг, который должен был открывать водолазный шлем.

С громким вдохом он сорвал с себя гигантский, и словно потяжелевший шлем. Со всплеском и шипением тот сорвался в воду, но повис у ног на баллонном шланге, ударив по мышцам. А горло наконец почувствовало горьковатый привкус химического воздуха из спрессованной в цилиндр массы. По налитому кровью лицу мужчины струился пот, капилляры были краснее красного, а испуганные глаза метались взглядом из одной стороны в другую. Медленно растворяясь в воде, закапала кровь из носа и рта. В одно движение Средства сорвал шлем и с почти потерявшего сознание Груза. Тот вдохнул еще более шумно, и закашлялся, пытаясь отдышаться. Воздуха по-прежнему было очень мало, но зато теперь он хотя бы был. Они старались дышать по-умному, не слишком наслаждаясь мгновением вдоха, чтобы оставить еще на потом, на весь отсек. Однако, они уже дышали...

— ...Это Пара. – сглотнув, прижал наушник к уху Груз. –

Мы сняли шлемы.

По мостику раздался единый тяжелый выдох. Тройка офицеров уже похоронила ушедших в первый отсек отважных мужчин. И вот, тревожная минута, показавшаяся бесконечно долгой, наконец оборвалась. И с того конца произнесли хоть какие-то слова. Щукин безмолвно прикрыл глаза, и облокотился, обессилев, на столик. Ладанданаскас постукивал эмалированной кружкой, а Лавочкин незаметно поцеловал православный крестик, достав его из-под матроски.

— Спасибо тебе, Господи... – протянул он едва слышно, одними губами.

— Ты можешь обращаться к ним и менее официально. – усмехнувшись, Щукин положил на плечо главмеха свою широкую грубую ладонь. – Василий, проследи за ходом работ на турбине. А здесь мы справимся. Спасибо.

— Так точно, товарищ капитан. – расслабленно сглотнув, Лавочкин убрал крестик обратно под полосатую робу. – Сделаем. Все сделаем!

И он тоже, как и дифферентовщик, быстро покинул центральный пост, уйдя в свои хозяйства. Теперь он требовался там, где мог пригодиться его большой опыт и его прямое назначение. Основой ремонта теперь становилась разваленная турбина, с которой возилась Моргана.

— То, что мы живы – простое чудо, товарищ капитан. – старший помощник утер мокрый от пота лоб.

— Нет, это советская лодка. – улыбнулся тот, садясь в

кресло перед столиком.

А Дима все еще не мог отойти от пережитого. Он же чуть не попрощался с жизнью, как снова повезло! Все опять в последний момент, в последнюю секунду, от этого начинало колотить как от озноба. А от холодной воды посинели губы, стали больше мешки под глазами и зуб перестал попадать на зуб. Пока в крови хлестал адреналин, пока не было понятно – выживут или нет – было не до холода. А вот теперь, когда расслабились, когда облокотились на стенки, то и дело поглядывая на регенерационную установку и время от времени прочищая патрубки откачивающих воду насосов, начали замерзать. У ног все чаще бились мертвые тела моряков. Их они старались оттащить в одну часть, подсчитывать. Но один из ярусов отсека еще был сильно затоплен, поэтому подводить итоги этой массовой гибели было пока рано. Однако число уже было внушительным. Всего одна глубинная бомба и один удар о одно убили больше моряков, чем несколько запущенных американским эсминцем торпед. Вот от этого чаще всего и гибли лодки – от неожиданных атак, от глубины и от давления, а не от неправильных маневров и меткости врага. Дима сидел над телами моряков, и пытался представить, сколько же им было лет. Одному около тридцати-сорока. Об этом говорила обожжённая, уже с сединой щетина. А другой был совсем еще сухопарым мальчишкой, слишком рано покинувшим мир живых. В мировой войне уже стерлись грани возрастов – гибли все, в одном, едином

и очень длинном строю.

— Нам опять повезло. — заключил Среда, поглядев на тяжелый шлем в руках. — Чуть-таки не удавило.

— Везение — это не то, чем можно оправдаться. — пожал плечами чекист. — Скорее, тут сработал твой инстинкт к борьбе за жизнь. И очень вовремя. Везения не существует.

— Говоришь, как отчаявшийся в нем. — тот скупно улыбнулся. — И на чем же вера в везение закончилась?

— Ты правда хочешь влезть в мою голову? — без эмоций произнес старик. — Там слишком много того, в чем можно отчаяться.

— Хм. — прищурился Среда. — Знаешь, я тоже ведь работал в разведке.

— «Разведке»... — пренебрежительно усмехнулся Груз.

— Да, разведке! — встрепенулся тогда Дима. — И я-таки тоже могу прочесть тебя сейчас. Ты Груз, эгоист. Но эгоист потому, что ты не хочешь делиться собственными переживаниями, чтобы стало легче.

— Да, похоже ты и правда его сын. — недовольно вдохнул чекист. — Я уже слышал что-то подобное. Ты один в один как твой отец.

— Не думай, что я расстроюсь из-за этого. — развел руками тот. — И Михаил Феликсович, царствие ему небесное и вечный покой, успел кое-чему меня научить. И даже кое на что успел намекнуть. И надо же, все точки над «и» сошлись. Вот прямо сейчас! — обеими руками Дима показал в

пол у ног. – Вот-таки прямо здесь в этом отсеке, на затонувшей у черта в жопе подводной лодке! Ты ведь отчаялся не в «чем»...

— Замолчи. – сурово пригрозил старик.

— А в «ком»! – заключил Среда, двинувшись на шаг вперед. Поднял одну бровь, пристально глянув чекисту в глаза – ...В Алисе Купер.

Груз почувствовал, что в этот момент, когда прозвучали два последних слова, в его сердце будто бы ударили молотом. Екнуло что-то давно зарытое под песками из Афганистана и Анголы, под жирной землей Вьетнама и Восточной Германии. Екнуло в том месте, наличие которого старый коммунист не признавал. Его задели прямо за душу. Два последних слова – Алиса Купер. И Груз неровно сглотнул. Его глаза на толику мгновения раскрылись шире, и Диме этого хватило, чтобы понять, что он оказался прав. Он был прав. И сумел нащупать старое сердце.

— Ты ведь ее...

— Это была ошибка! – вдруг крикнул чекист, отчего Среда ошалел. И замолчал, совсем сбившись с того, что он хотел сказать. Но Груз быстро выдохнул и пришел в свое обычное, будничное состояние, задавил гадюку эмоций внутри себя. – То, что я сделал тогда, оказалось неправильным.

— Что ты сделал? – Дима развел руками, снова пытаясь вывести чекиста на чистую и не размытую тайнами воду. – Когда это было? Как вы, черт возьми, связаны? Я каждый

раз думаю, что меня больше не удивить: я дрался с ожившими мертвецами в Берлине, я штурмовал Кремль и падал с Останкино. Да я... с тобой же, блять!.. Был у американского президента и пил с ним кофе! Хватит думать, епть, что ваши-таки тайны могут оставаться тайнами, когда мы в одном отсеке! Мы-таки в одной гребаной лодке. Буквально! Я чувствую себя бараном, когда тайна проходит мимо меня. Как полковник КГБ сумел-таки влюбиться в ЦРУшницу? Хватит думать, что сейчас Холодная Война! Хватит думать, что я ваш враг! Я рву зад вместе с вами, но ни черта не знаю...

— Это было летом восемьдесят пятого...